

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

HARVARD UNIVERSITY

LIBRARY
OF THE
PEABODY MUSEUM

GIFT OF
JOHN B. STETSON, JR.

Recd

1921.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологін и Этнографіи, состоящаго при Москов-
скомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ
Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
СЕКРЕТАРЯ Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1901 г., № 1.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, домъ Обидиной.
1901.

L.Soc. 100.95.1
g. of John B. Cotton, Jr.
Rec. 100.95.1.4.1921.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

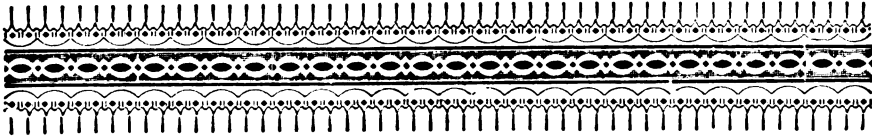
	<i>Стр.</i>
Ю. Д. Талько-Гринцевичъ. Поляки (съ 14 рис.)	1
Р. Л. Вейнбергъ. Къ вопросу объ исполинскомъ ростѣ (съ 3 рис.)	31
Н. В. Берви. Обработка антропологическихъ наблюденій при помощи теоріи вѣроятностей	41
Н. М. Маліевъ. Вогулы (съ 2 рис.)	73

Изъ иностранной литературы:

Б. Ө. Адлеръ. Происхожденіе и переселеніе народовъ съ географической точки зрѣнія (по Fr. Ratzel'ю) . . .	82
Д. А. Коропчевскій. Кинъ и его руководства по этнологіи.	95

Критика и библіографія 106

Dr Fr. Russel — Studies in Cranial Variation, 1900. *Д. Н. Анучина.* — Prof. R. Virchow — Meinungen und Thatsachen in der Anthropologie. *Р. Л. Вейнберга.* — Граф. П. С. Уварова — Могильники Сѣвернаго Кавказа. Москва, 1900. *А. А. Ивановскаю.* — M. Zaborski — Les slaves de race et leurs origines. Paris, 1900. *В. В. Воробьева.* — И. И. Пантиховъ — Ингуши. Антропологическій очеркъ. Тифл., 1901. *А. А. Ивановскаю.* — А. Ө. Брандтъ — Антропологическіе очерки. Спб., 1900. *Р. Л. Вейнберга.* — M. Soularue — Etude des proportions de la colonne vertébrale chez l'homme et chez la femme. Paris, 1900. *В. В. Воробьева.* — Prof. L. Stieda — IV. Bericht über die anatomische, histologische und embryologische Litteratur Russlands. Wiesbad., 1900. *А. А. Ивановскаю.* — И. С. Михеевъ — Нѣсколько словъ о бесермянахъ. Каз., 1901. *Ею же.* — М. Л. Зейлигеръ — Матеріалы для изслѣдованія физическаго развитія учащихся въ начальныхъ школахъ г. Петрозаводска. 1900. *Д. П. Никольскаю.* — В. Д. Ястремскій — Физическое развитіе и состояніе здоровья учениковъ курскихъ городскихъ народныхъ училищъ. 1900. *Ею же.* — Программа собиранія свѣдѣній о зубахъ и зубоврачебной помощи въ школахъ Россійской имп. Спб., 1900. *Ею же.* — В. Маевскій — Матеріалы для родословной киргизъ. Семипал., 1901. *А. А. Ивановскаю.* — Table générale des publications de la Société d'Anthropologie de Paris, 1900. *Ею же.*

ПОЛЯКИ.

Антропологическій очеркъ.

Еще въ V в. до Р. X. къ сѣверу отъ римскихъ владѣній среднюю Европу, покрытую въ то время дремучими лѣсами, съ многочисленными рѣками, озерами и болотами, заселяли славяне. Границы ихъ территоріи до послѣдняго времени служили предметомъ спора между историками; спорнымъ являлся также вопросъ, кто раньше появился въ Европѣ — нѣмцы или славяне. Болѣе опредѣленными являются границы первобытныхъ славянъ на сѣверѣ, востокѣ и югѣ. Всѣ согласны въ томъ, что поселенія ихъ простирались между морями Балтійскимъ и Адриатическимъ, доходя до Днѣпра и Дона, но не было рѣшено, гдѣ граница эта кончалась на западѣ. Одни нѣмецкіе историки (Шлецеръ, Шпитшлеръ, Антонъ Шульце, Нибуръ, Леопольдъ ф.-Ранке и др.) были того мнѣнія, что древнія славянскія или вендскія поселенія простирались далеко за Одрю (Одеръ) и что готы и другіе нѣмецкіе народы были позднѣйшими поселенцами между ними; съ другой стороны, современные прусскіе историки (Зибель, Трейчке, Моммсенъ и друг.), во что бы то ни стало, стараются расширить колыбель Германіи въ ущербъ славянамъ.

Въ послѣднее время въ защиту древнихъ славянскихъ поселеній выступилъ въ своихъ историческихъ работахъ знатокъ первобытныхъ славянскихъ древностей, польскій историкъ Войцѣхъ Кентржинскій.

Происходя изъ Вост. Пруссіи, изъ онѣмеченной семьи Винклеровъ, Кентржинскій принялъ фамилію своихъ предковъ и всю свою жизнь посвятилъ изученію историческаго прошлаго родины. На основаніи цѣлаго ряда древнихъ географическихъ названій (до 800) рѣкъ, озеръ, мѣстностей, поселеній, а также цѣнныхъ этнографическихъ и историческихъ документовъ, онъ доказываетъ, что граница славянскихъ поселеній простиралась на западъ до р. Рейна. Авторъ приводитъ, напр., древнее названіе рѣки Руры

(Рюръ) «Rura Slavica», впадающей въ Рейнъ, далѣе «Бялоградъ» (Belgrad), «Костница» (Kostenze, Kostnitz), «Lacus venetus» (такъ называлось въ 40 г. по Р. Х. Боденское озеро), «Брегница» (Брегенцъ), «Оленица» (Elsenz) и т. д. Такія названія, помѣщенные на древней картѣ между Рейномъ и Лабой (Эльба), Нѣмецкимъ моремъ и Альпами, авторъ принимаетъ за славянскія названія, оканчивающіяся на ици, ице, ипа, или названія поселеній: Винденъ, Виндъ, Венденъ, и производныя отъ нихъ, признанныя самими нѣмцами за славянскія. По автору, гдѣ славянскія названія селъ исчезли, какъ въ Альпахъ, тамъ уцѣлѣли названія рѣкъ и горъ, долѣе сохранившіяся. Какъ остатокъ этнографически умершаго славянства въ Вост. Германіи, сохранились у нѣмцевъ способы застроенія селъ: подковой, открытой съ одной стороны, и, чаще, улицей, застроенной съ двухъ сторонъ. Кентржинскій говоритъ, что тамъ, гдѣ славянское населеніе перемѣшано съ нѣмцами, славянскія села лежатъ въ долинахъ болѣе плодородныхъ, нѣмецкія же на вершинахъ съ менѣе плодородною почвою, что какъ бы доказываетъ, что лучшія земли были раньше заняты славянами. Что же касается при-рейнскихъ и при-дунайскихъ селъ съ обратнымъ размѣщеніемъ народностей, то авторъ объясняетъ это тѣмъ, что славяне, гонимые нѣмцами, уходя изъ своихъ первобытныхъ жилищъ, искали убѣжища на вершинахъ мало доступныхъ горъ. По Кентржинскому, славянскія мѣстности между Майнцемъ, Чешской границей и р. Ратаницей (Редницъ) существовали до 805 г., въ Тюрингіи—до V вѣка, а у Рейна они были во времена римскія и кельтскія, образуя деревенскія поселенія.

Рѣка Дунай въ древности была заселена не нѣмцами, а славянами. Именемъ Дуная и производными отъ него прозвано много рѣчекъ, селъ и мѣстностей на всемъ пространствѣ какъ этнографической Польши, такъ и прилежащей къ ней западной Руси.

Нѣмецкіе источники упоминаютъ не только о славянахъ у Рейна, но также у Фульды и въ Швейцаріи. Путешественникъ Анасвини нашелъ славянъ подъ Сертомъ и Падерборномъ, гдѣ встрѣчаются названія Винденъ, и Браковскій замокъ, лежавшій на лѣвомъ берегу р. Рейна, при впаденіи въ него р. Руры. Изъ этого Кентржинскій выводитъ, что славянскія поселенія переходили за Рейнъ, что они древнѣе нѣмецкихъ и что славяне были извѣстны древнимъ римлянамъ, а раньше и кельтамъ подъ именемъ «свевовъ, суевовъ», отъ которыхъ были производными «slavus, sclavus». Переходъ буквы *л* въ *с* онъ объясняетъ существованіемъ и нынѣ такого въ языкѣ сербовъ-лужичанъ. Ссылаясь на свидѣтельство средневѣковыхъ писателей (Paulus Diaconus, Einhardus, Адамъ Бременскій и др.), авторъ смотритъ на древнее названіе римской Германіи, какъ на политическое, а не этнографическое, говоритъ, что въ этой Германіи могли жить германцы рядомъ съ славянами, и цолемизируетъ съ нѣмецкими историками (Мюлленгофъ, Шмеллеръ, Гриммъ, Зевсъ и др.).

Цезарь былъ первымъ историкомъ, давшимъ болѣе подробныя свѣдѣнія о нѣмцахъ и славянахъ. Тацитъ, писавшій черезъ 150 лѣтъ послѣ Цезаря, внесъ значительную путаницу въ историческія свѣдѣнія. По Цезарю, германцы жили по лѣвому берегу р. Рейна; по Тациту, въ Германію входили, кромѣ Римской имперіи, всѣ народы Европы: нѣмцы, свевы и венды, т.-е. западные и восточные славяне, народы прусско-литовскіе, скандинавы, финны и т. д. Въ древнѣйшую эпоху переселенія арійскихъ племенъ въ Европу германцы поселились въ Скандинавіи, своей первоначальной родинѣ, и оттуда стали дѣлать нападенія на славянъ. Первымъ племенемъ, съ которымъ соприкоснулись славяне, были неметы; отъ нихъ потомъ и весь народъ прозвали нѣмецкимъ. До Цезаря эти выходцы изъ Скандинавіи жили въ Европѣ лишь въ долинѣ Рейна около Кельна, на территоріи, отнятой у славянъ, а потомъ по Везеру, гдѣ Скандинавскій элементъ сталъ врѣзываться въ славянскія усадьбы. Цезарь, вмѣшавшись въ эти распри, принудилъ мелкія германскія племена (тенктеры и усипеты) уйти обратно за Рейнъ. По Кентржинскому, германцы заняли насиженные славянами земли въ средней Европѣ лишь въ IV—VI в. по Р. Х. Насколько можно вѣрить характеристикѣ, данной Цезаремъ славянамъ и основанной на свѣдѣніяхъ, полученныхъ имъ отъ другихъ лицъ, можетъ-быть, и не отличавшихъ точно славянъ отъ германцевъ, то славяне при-рейнскіе находились въ переходной стадіи отъ пастушества къ земледѣлію. Хлѣба сѣяли немного, питались молокомъ, мясомъ домашнихъ животныхъ и дичью, получаемую охотой, которою они занимались съ молодыхъ лѣтъ. Они отличались крѣпкимъ сложеніемъ и высокимъ ростомъ (*immani corporum magnitudine homines*); одежда ихъ состояла изъ мѣха, который лѣтомъ не закрывалъ всего тѣла. Купанье въ рѣкахъ было уже и тогда необходимою и т. д. (Кентржинскій).

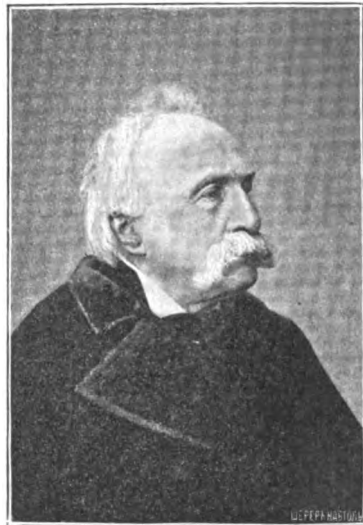

Рис. 1. Подольской губ.

Еще въ глубокой древности славяне должны были отражать нападенія сосѣдей: съ запада—кельтскихъ народовъ: галловъ, боевъ, таврисковъ, скордисковъ, амброновъ и др., а съ востока—скиѳовъ, находившихся въ то время подъ вліяніемъ цвѣтущихъ греческихъ колоній, съ упадкомъ

которыхъ они были тѣснимы съ востока савроматами, а съ юга—римскими легіонами. Болѣе защищенною отъ нападеній оказалась часть славянъ, жившихъ въ центрѣ ихъ земель по среднему теченію Вислы. Кельтскіе народы начали передвиженія изъ своей родины—береговъ Лигеры, Роны и съ Гельветскихъ горъ—далѣе на западъ, прошли Барпаты къ истокамъ Прута, Днѣстра и Буга и достигли Днѣпра. Передвиженіе кельтовъ съ запада на востокъ продолжалось 5 вѣковъ; впослѣдствіи оно охватило и германскія племена, стремившіяся въ Скандинавію и потомъ тѣснившія славянъ въ этомъ же направленіи. Это переселеніе напоминало то, которое, много вѣковъ спустя, испытала Европа въ видѣ обратной волны, стремившейся съ востока на западъ,—въ нашествіи безчисленныхъ уральскихъ и монгольскихъ ордъ.

Первое вліяніе, отразившееся на славянахъ въ древности, было кельтское. Оно выразилось, по Шафаріку, во множествѣ кельтскихъ словъ, принятыхъ повсемѣстно въ славянскихъ языкахъ, и въ усвоеніи ихъ народныхъ обычаевъ и нравовъ. Лишь впослѣдствіи славяне поддаются вліянію германцевъ, которое далеко пережило первобытныхъ славянъ и перешло на ихъ потомковъ. Въ то время, когда первобытные славяне занимали центральную Европу, германцы жили на западѣ отъ нихъ, въ верхней части Италіи, Бельгіи и Скандинавіи, въ чемъ согласны безпристрастные нѣмецкіе историки. Германцы, одаренные по натурѣ воинственнымъ духомъ, дѣлали безпрестанныя нападенія на миролюбивыхъ славянъ и, постепенно поселяясь между ними, какъ ленные владѣтели, вытѣсняли славянъ изъ ихъ земель или онѣмечивали ихъ. Изъ германскихъ народовъ, раздѣленныхъ на мелкія племена и прославившихъ себя кровавыми распрями съ славянами, извѣстны: готы, вандалы, лонгобарды и герулы. Господство ихъ выражалось вездѣ одинаково: лишеніемъ болѣе слабыхъ всего пріобрѣтеннаго и обращеніемъ ихъ въ рабовъ. Проповѣдь христіанства явилась однимъ изъ орудій для эксплуатаціи и онѣмеченія. Подобно норманнамъ, нѣмцы получали уже готовымъ то, надъ чѣмъ другимъ пришлось работать цѣлые вѣка.

Я слишкомъ распространился объ исторической гипотезѣ поселеній первобытныхъ славянъ, которая не менѣе важна и для антрополога. Изъ общей колыбели между Балтійскимъ, Адріатическимъ и Чернымъ морями, Днѣпромъ, Рейномъ и Альпами получилъ начало антропологическій прототипъ кельтско-славянской, о которомъ мы скажемъ дальше.

Изъ этого же центра, тѣснимые съ запада германцами, вышли славяне колонизировать далекія земли востока Европы и Азіи, и не только не погибли, но, напротивъ, меньшинство ихъ навязало свою народность и культуру массамъ инородческаго восточнаго населенія, создавъ сильную государственную власть. Болѣе печальна была участь западнаго славянства: разъединяемые постоянными распрями и войнами, они не умѣли

защитить себя отъ внѣшнихъ враговъ. На далекомъ западѣ остались лишь ихъ кости и названія мѣстностей, постоянно исчезающія, благодаря нѣмецкому переименованію, а славянскіе оазисы среди моря нѣмецкаго населенія подлѣ Дрездена, въ Баваріи и при устьѣ Вислы постепенно вымираютъ. Но во многихъ современныхъ германцахъ антропологъ, вѣроятно, могъ бы найти родство съ славянами, несмотря на потерю культуры и языка. Уцѣлѣвшіе на западѣ славяне подпали также подъ вліяніе нѣмцевъ или венгровъ, какъ чехи, словаки, сербо-лужичане и хорваты, а южные: долматинцы, кроаты и иллирійцы,—подъ вліяніе итальянцевъ. На сербахъ, болгарахъ и черногорцахъ отразилось вліяніе турокъ. Казалось бы, что менѣе всего должны были подвергнуться смѣшенію поляки на Вислѣ, жившіе по срединѣ славянскихъ земель около 2¹/₂ тысячъ лѣтъ, сохранившіе болѣе другихъ вмѣстѣ съ физическимъ типомъ хорошія и дурныя черты основного характера своихъ предковъ. Географическое положеніе поляковъ въ центрѣ славянства не могло не отразиться на особенностяхъ выраженія мысли, т.-е. на рѣчи. Заслуженный изслѣдователь славянскихъ нарѣчій, д-ръ Янъ Карловичъ, недавно на III-мъ съѣздѣ польскихъ историковъ высказалъ мнѣніе, основанное на прошломъ языка и отдѣльныхъ его говоровъ, что польскій языкъ занимаетъ въ семьѣ славянскихъ тоже какъ бы срединное мѣсто, служа какъ бы гнѣздомъ для всѣхъ языковъ славянскихъ, ибо заключаетъ такую разносторонность звуковъ и видовъ, которые не присущи другимъ. Польскій языкъ, по Карловичу, переживалъ разныя перемѣны звуковъ и формъ позже другихъ и такимъ образомъ сохранилъ гораздо болѣе признаковъ древности, нежели другіе живые языки (достаточно вспомнить носовые юсы, доннынѣ сохраняющіеся лишь въ польскомъ), и что польскіе говоры, вмѣстѣ взятые, сохраняютъ всѣ особенности славянскихъ нарѣчій; каждое изъ нихъ выработало для себя извѣстное постоянство формъ для каждой изъ категорій языка, извѣстную характерную односторонность, въ которой остановилось и какъ бы застыло. По своему характеру польскій языкъ принадлежитъ къ одной изъ трехъ отраслей сла-

Рис. 2. Подольской губ.

вянскихъ языковъ, а именно къ западной, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣеть такія особенности, которыя отличаютъ его отъ этой группы и приближаютъ къ двумъ другимъ группамъ языковъ, что указываетъ на его срединное значеніе, какъ бы гнѣздо славянской рѣчи. Этимъ г. Карловичъ не желаетъ сказать, что польскій языкъ есть самый древній изъ славянскихъ, прародитель другихъ, но что онъ имѣеть такія особенности, которыхъ другіе не имѣютъ. Въ каждомъ изъ славянскихъ языковъ найдутся, безъ сомнѣнія, признаки болѣе древніе, нежели въ польскомъ, но въ послѣднемъ ихъ больше. На этомъ основаніи авторъ приходитъ къ предположенію, что какъ земли, занятыя поляками, составляютъ въ географическомъ отношеніи центръ славянства, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи рассматриваемая исторія ихъ языка и отдѣльныхъ говоровъ указываетъ на то, что славяне прожили послѣднее время общности на современныхъ польскихъ земляхъ, откуда вынесли одинъ языкъ, лишь впоследствии распавшійся на отдѣльныя нарѣчія.

Лехитское племя, прозванное потомъ полянскимъ или польскимъ, было самое многочисленное между западными славянами. У древнихъ авторовъ оно извѣстно подъ названіями: лиги, лугійцы, лингвійцы, отъ которыхъ произошли производныя: русское—ляхи и литовскія—ланкась, линкась. Южнѣ лехитскаго жили племена: боевъ (чехи), маркомановъ (моравы) и квидовъ (словаки). Поляки близки по культурѣ и обычаямъ чешско-моравскому племени, съ которымъ до I вѣка нашей эры составляли одинъ народъ. Поляки занимали низменность къ сѣверу отъ Чехіи до Балтійскаго моря, населяя оба берега Одры (Одеръ) и занимая пространство между Лабой (Эльба) и Вислой. Эти рѣки не имѣли постоянного русла и часто заливали эту страну, затопляя сосѣдніе лѣса, образуя озера и непроходимыя болота, почему населеніе заняло болѣе возвышенныя мѣста на обширныхъ пространствахъ и занималось первоначально охотой, рыбной ловлей, пчеловодствомъ, скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ. У побережья Балтійскаго моря занимались и торговлею, предметомъ которой были воскъ, мѣха и янтарь. Еще въ древности товары эти скупали евреи и вывозили въ Испанію, занимаясь также торговлею рабами. Черезъ земли полянъ вели къ берегамъ Балтійскаго моря двѣ торговыя дороги: одна—съ юга, изъ Италіи, другая—съ юго-востока, изъ греческихъ черноморскихъ колоній. Болѣе сильное вліяніе имѣла на Польшу цивилизація запада, идущая черезъ Галлію и Чехію, и болѣе слабое—восточная цивилизація, идущая черезъ Русь.

Нѣсколько десятковъ или сотенъ семействъ составляли у полянъ «lud»—родъ, который имѣлъ особое управленіе и «собиралъ вѣче». У тѣхъ же людовъ, у которыхъ существовали князья, послѣдніе только приводили въ исполненіе рѣшенія вѣча. Земля принадлежала не отдѣльнымъ лицамъ, а всему люду, т.-е. родовому союзу. Центромъ политиче-

ской и экономической жизни каждого люда былъ «гродъ» или «гродзиско» (градъ, городище)—резиденція князя. При исповѣдываніи язычества поляне имѣли главные храмы въ Гнѣзнѣ, Краковѣ, Щецинѣ (Штетинѣ), Колобржегѣ (Кольбергѣ), Арконѣ, въ которыхъ поклонялись своимъ богамъ (Свирогъ, Радегастъ, Святovidъ, Перунъ и множество другихъ), добрымъ и злымъ духамъ. Изъ лехитскихъ или полянскихъ людовъ (Бобржинскій) самыми сѣверными и западными были полабскія племена, жившія по теченію Лабы (Эльба), какъ: ободриты — между нижнимъ ея теченіемъ и Нѣмецкимъ моремъ (Гольштейнъ и Меклембургъ), лютичи — по среднему ея теченію до Одера и Балтійскаго моря и рядомъ съ ними—сербы, родственные чехамъ. Полабскія племена пали въ борьбѣ съ нѣмцами, а съ паденіемъ ихъ этнографическія границы Германіи стали все больше и больше подвигаться на востокъ. На пепелищѣ сербовъ возникло маркграфство Мейссенское, а на землѣ лютичей и ободритовъ—Бранденбургское. По среднему теченію Вислы жили мазовшане или мазуры. Они боролись съ пруссами, литовцами и ятвягами и выработали въ себѣ болѣе воинственный духъ, который защитилъ ихъ отъ порабоженія, но за-то уединенность надолго сохранила въ нихъ дикость нравовъ и невѣжество. Хробаты, жившіе по теченію р. р. Вислы, Саны и Днѣстра, подчинялись первоначально моравамъ и чехамъ, находясь во времена Св.

Рис. 3. Подольской губ.

Кирилла и Меѳодія подъ вліяніемъ византійской культуры, и славянское богослуженіе сохранилось здѣсь до образованія польскаго государства. Слезяне или слѣнзаки (силезцы), поселившись по верхнему теченію Одры (Одѣръ), не проявили болѣе высокаго развитія; за-то поморяне, населявшіе берега Балтійскаго моря, хотя и вошли въ XI и XII столѣтіяхъ въ торговые сношенія съ Даніей и Скандинавіей, но держались старинныхъ религіозныхъ и политическихъ понятій и были консерваторами; они не могли сплотить всѣ лехитскія племена для защиты противъ нѣмцевъ. Это взяли на себя болѣе храбрые поляне, жившіе по Вартѣ въ центрѣ и окруженные съ сѣвера поморянами, съ запада—лютичами, съ юга—слѣнзаками и хробатами, а съ востока—мазурами. Защищаемые долгое время отъ нападеній

сосѣдей непроходимыми лѣсами и болотами, они осушили мѣстность, занялись земледѣіемъ и мирнымъ развитіемъ подготовились къ борьбѣ съ нѣмцами; они отстояли отъ нихъ прежде свои земли, а потомъ, покоривши другія лехитскія племена, объединили ихъ постепенно и, какъ господствующее племя, положили начало польской государственности. Впослѣдствіи, тѣснимые съ запада, они открыли постепенно польскому культурному вліянію сосѣднія восточныя земли Литвы и Руси.

Точно опредѣлить численность польскаго населенія, входящаго въ предѣлы трехъ государствъ, гдѣ народность часто смѣшивается съ вѣроисповѣданіемъ,—весьма трудно. Кромѣ того, много польскихъ выходцевъ живетъ и въ другихъ странахъ и составляетъ значительное число колонистовъ въ Америкѣ. Польскіе статистики опредѣляютъ численность всѣхъ поляковъ въ 1900 году не меньше 20 милліоновъ. Изъ этого числа приходится: въ Австріи—4,270,000, въ Германіи—3,627,000, въ Россіи—10,486,000, въ томъ числѣ: въ царствѣ Польскомъ—7,885,250, въ западныхъ губерніяхъ—2,100,750 и въ другихъ губерніяхъ Европейской и Азіатской Россіи—500,000, въ Америкѣ—1,600,000, и въ разныхъ странахъ Европы, не считая вышеупомянутыхъ,—50,000, а всего—20,033,000.

Болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, когда не было даже такой вѣроятной статистики, какъ нынѣ, послѣ 1-го раздѣла все населеніе Польши превосходило 11 милліоновъ (Корзонъ), хотя нѣтъ данныхъ, сколько въ этомъ числѣ было собственно поляковъ.

Въ 1794 г. (по Корзону) въ Польшѣ было населенія 8,790,000 при пространствѣ 9,822 геогр. мили; во Франціи въ то же время было 26,000,000 при такомъ же почти пространствѣ—9,438 геогр. миль. Слѣдовательно, при одинаковомъ пространствѣ, въ Польшѣ было населенія въ 3 раза меньше, чѣмъ во Франціи, въ настоящее же время во Франціи свыше 40,000,000, а современная этнографическая, а не политическая Польша имѣетъ населеніе, равняющееся половинѣ Франціи, что говоритъ за громадную плодovitость поляковъ, которую подтверждаетъ статистика прироста населенія въ царствѣ Польскомъ, въ Пруссіи и колонистовъ въ Америкѣ ¹⁾).

¹⁾ Хотя по имѣющимся до сихъ поръ изслѣдованіямъ нельзя вывести общихъ законовъ, управляющихъ жизнью польскаго населенія, такъ какъ работы эти относятся преимущественно къ малопольскому населенію разныхъ мѣстностей Галиціи (Майеръ, Янишевскій, Сциборовскій, Богданикъ, Удзеля, Магеровскій и др.),—но по этимъ изслѣдованіямъ средняя жизнь городского жителя продолжительнѣе, чѣмъ сельскаго: въ Краковѣ—26,1, Львовѣ—29,3, а въ Бялой—30,7 лѣтъ. На это вліяютъ, вѣроятно, болѣе культурныя условія и меньшая смертность дѣтей на 1-мъ году жизни. Средняя продолжительность жизни сельскаго жителя колеблется въ разныхъ мѣстностяхъ отъ 22,9 до 27,9 лѣтъ. Такая короткая средняя жизнь зависитъ отъ большой смертности дѣтей въ возрастѣ отъ 1 до 5

Прежде чѣмъ приступить къ физической характеристикѣ поляковъ, мы скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ душевныхъ качествахъ, сложившихся въ результатѣ вліяній расы, климата и, наконецъ, ихъ историческаго прошлаго. Различіе это и повліяло на образованіе двухъ главныхъ представителей славянскаго типа—поляковъ и великороссовъ. Великороссы, разсѣявшіеся на большихъ пространствахъ востока и подчинившіе своему вліянію большинство инородческаго населенія, восприняли отъ него не только много основныхъ чертъ физическаго сложенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя душевныя качества: рядомъ съ славянскимъ примодушіемъ и гостепріимствомъ—умѣнье сдерживать себя и житейскую практичность. Суровая сѣверная природа, къ которой пришлось нѣкогда приспособляться выходцамъ изъ средней полосы Европы, вести непрестанную борьбу со стихіями и создавать для себя новыя условія жизни, выработала въ великороссахъ характеръ болѣе холодный, подходящий къ климату, терпѣніе, выносливость, твердость и энергію. Поляки, напротивъ, поселившись издавна на своихъ равнинахъ, сохранили лучше и черты характера своихъ отдаленныхъ предковъ: темпераментъ горячій, мечтательный, легко воспламеняющійся, но не злопамятный, характеръ мягкій, веселый и беззаботный, малую житейскую практичность, непостоянство, глубокую привязанность къ родному очагу. Если тяжелыя обстоятельства жизни и заставятъ поляка искать хлѣба въ чужихъ далекихъ краяхъ, онъ не забываетъ родину, и если въ крайности ему не удастся вернуться въ нее со средствами для поддержанія хаты (какъ это дѣлаютъ выходящіе за заработкомъ въ Германію), онъ, хотя и остается, какъ американскіе колонисты, на чужбинѣ, но устраивается тамъ такъ, чтобы все ему напоминало родину, рѣдко подпадаетъ чужой культурѣ и съ тру-

Рис. 4. Подольской губ.

лѣтъ, при этомъ на 1-мъ году жизни умираетъ $\frac{3}{4}$ изъ общаго числа умирающихъ, а потомъ наибольшая смертность—отъ 50 до 70 лѣтъ. Жизнь женщины нѣсколько продолжительнѣе, нежели жизнь мужчины. Женщины въ 2 раза чаще достигаютъ возраста свыше 90 лѣтъ, нежели мужчины; 100-лѣтній же возрастъ составляетъ у обоихъ половъ явленіе чуть ли не феноменальное.

домъ выучивается чуждому языку, а излишекъ добытыхъ денегъ отправляетъ въ «Старый Свѣтъ». Сообразно разнымъ народнымъ характерамъ поляковъ и великороссовъ, сложилась различно и ихъ народная жизнь, понятія, привычки, обычаи и литература. Въ этомъ отношеніи ближайшіе сосѣди поляковъ—малороссы и бѣлоруссы—по своимъ нравамъ и народному характеру представляютъ какъ бы переходную ступень отъ поляковъ къ великороссамъ, въ которой крайности двухъ характеровъ смягчаются.

Въ антропологии весьма важно изучать народъ, конечно, гдѣ это возможно, какъ у поляковъ,—не по административному его дѣленію на губерніи или области, а по группамъ, такъ какъ послѣднее дѣленіе имѣетъ известное этнологическое значеніе и бываетъ основано или на родовомъ дѣленіи, лингвистическихъ особенностяхъ, костюмахъ, нравахъ каждой изъ группъ, или обычаяхъ, а иногда и антропологическихъ типахъ.

Для антропологическихъ изслѣдованій живыхъ людей вполне пригоднымъ является дѣленіе польскаго народа на группы, предложенное г. Закржевскимъ для болѣе точнаго обозначенія ихъ этнографическихъ границъ съ сосѣдними народностями: литовцами, русскими, словаками, чехами и нѣмцами. Г. Закржевскій раздѣляетъ польское населеніе на 5 племенныхъ группъ, распадающихся на слѣдующія подгруппы:

I группа поморско-прусская: кашубы (лесаци, кабатки).

II группа велькополянъ: 1) познанцы и населеніе западной Пруссіи: коцѣвяки, крайицы (подлѣ Быдгоща), бамбры (подъ Познанью), палучане по р. Нотеци; 2) калишане; 3) куявяки (боровяки); 4) ленчицане и другіе, составляющіе переходную группу отъ велькополянъ къ малополянамъ.

III группа мазуровъ: 1) серединные (старые мазуры): плочане, добржицяки, мазуры черскіе (Гроецкій уѣздъ), мазуры наднарвянскіе и надбужскіе (уѣзды Пултускій, Маковский, Радзимиинскій и др.), мазуры ловицкіе и т. д.; 2) сѣверные: курпе, прусскіе мазуры (озера Мазовецкія) и вармяки; 3) восточные: подляшане и населеніе Бѣльской земли.

IV группа малополянъ: 1) горскіе роды: яблонковцы, подгальяне, чивчаки, бабигорцы, пенинскіе горцы, сандечапе, рабчане, загорцы, клищаки, чубанцы, ятвяки и т. д.; 2) населеніе равнинъ малопольскихъ: краковяне (вел. княж. Краковское и южные уѣзды Келецкой губ.), сандомиряне (уѣзды Опатовскій и Сандомирскій), келецкіе горцы, привисляне (по лѣвому берегу р. Вислы до устья р. Пилицы), люблиняне (населеніе Луковской земли, составляющее переходъ къ подляшанамъ), боровяки (между р.р. Саномъ и Вислой), людъ Тарновскій, Ржешовскій (ошибочно называемые мазурами) и т. д.

V группа слѣнзаковъ (силезцы) распадается на 3 подгруппы: цѣшинскую, опольскую (слѣнзскіе горцы), висляцы и населеніе равнинъ: доляне, валахи и т. д.

Пока антропологическій типъ поляковъ мало изслѣдованъ. Кромѣ полной работы, относящейся къ характеристикѣ галицкихъ поляковъ, Майера и Коперницкаго, располагавшихъ значительнымъ матеріаломъ и разсматривавшихъ изслѣдованныхъ особей по топографическимъ группамъ, особенно жителей горныхъ мѣстностей, равнинъ, низменностей и т. д., мы имѣемъ изслѣдованія населенія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей царства Польскаго. Работы эти основаны на главныхъ антропометрическихъ измѣреніяхъ роста, черепа, лица и различныхъ частей туловища. Въ нимъ относятся изслѣдованія: д-ра Олехновича—населенія Люблинской губ., Опаховскаго уѣзда Радомской и Щуцинскаго Ломжинской губ.; д-ра Талько-Грынцевича—подляшанъ, т.-е. населенія Мазовецкаго уѣзда той же губерніи; д-ра Рутковскаго — Плонскаго уѣзда, Плоцкой губ., и, наконецъ, послѣдняя работа А. Д. Элькинда по антропологии поляковъ Варшавской и нѣкоторыхъ другихъ губерній; но въ виду того, что у автора наблюденія сдѣланы преимущественно въ первой губерніи, мы можемъ отнести изслѣдованныхъ имъ субъектовъ къ полякамъ Варшавской губ. Жаль, что г. Элькиндъ не выдѣлилъ наблюденія, произведенныя надъ городскими жителями г. Варшавы, въ особую группу, которая могла бы представить отступленія отъ общаго типа.

Рис. 5. Подольской губ.

Къ работамъ, изучающимъ ростъ поляковъ, относятся: проф.

Д. Н. Анучина, г. Снегирева и главнымъ образомъ г. Закржевскаго.

Краниологіею занимались: Ретціусъ, Вейсбахъ, Коперницкій, Олехновичъ и Элькиндъ; изслѣдованіями мозга—Р. Л. Вейнбергъ и Н. В. Гильченко. Кромѣ того, д-ръ Рутковскій опредѣлялъ вѣсъ тѣла населенія Плонскаго уѣзда, Плоцкой губ. Микроскопическими изслѣдованіями волосъ занимались въ Краковѣ профессора: Майеръ, Піотровскій и Бровичъ. Къ сожалѣнію, изъ всѣхъ польскихъ земель остаются почти неизслѣдованными въ антропологическомъ отношеніи: Познань, Силезія и польское населеніе Пруссіи. Будемъ надѣяться, что Познанское и Торнское имени Коперника ученыя Общества, оказавшія не мало заслугъ по изученію историческаго прошлаго своей родины, возьмутъ на себя трудъ и по антропологическому изученію ея населенія.

Физическую характеристику поляков мы начнем съ роста. Еще не такъ давно приписывался полякамъ ростъ низкій. Снегиревъ, по даннымъ воинскаго присутствія, опредѣлялъ средній ростъ для поляковъ въ Россіи въ 162,7 сант.; Майеръ—для галиційскихъ призывныхъ въ 20—25 лѣтъ только 162,2 сант., а для возраста въ 25—30 лѣтъ—164,3 сант.; Стрельбицкій—для Плонскаго уѣзда, Плоцкой губ.,—169,4 сант.; Рутковскій для шляхты того же уѣзда—169,4 сант., крестьянъ—167 сант.; Олехновичъ—для Опатовскаго уѣзда, Радомской губ.,—161,7 сант., а для Люблинской шляхты—173,4 сант., мѣщанъ—164,3 сант. и крестьянъ—164,9 сант., а для Ломжинской шляхты Щуцинскаго уѣзда—164,8 сант., для крестьянъ—162,7 сант.; Талько-Грынцевичъ—для Мазовецкаго уѣзда той же губерніи—161,7 сант.; Элькиндъ—для Варшавской губ. 163,9 сант. Проф. Анучинъ, вычисляя для 588 уѣздовъ и городовъ Россіи, въ 113 нашелъ средній ростъ, превышающій 165 сант., т.-е. средній ростъ человека вообще. При этомъ средній ростъ для Евр. Россіи былъ 164,2 сант. (1,771,948 измѣреній), для Сибири и Кавказа—165,4 сант. (84,141 измѣреніе), царства Польскаго—162,4 сант. (167,677 измѣреній), а для Россіи вообще—164,1 сант. (2,023,416 измѣреній). Г. Закржевскій на данныхъ призыва къ военной службѣ въ царствѣ Польскомъ за 1874—1883 гг. (627,238 измѣреній) нашелъ, что средній ростъ колебался отъ 161,8 сант. (Петроковская губ.) до 164,1 сант. (Сувальская). Повышеніе роста въ восточныхъ губерніяхъ Польши онъ приписывалъ вліянію литовцевъ и русиновъ, пониженіе же средняго роста населенія—низкорослости евреевъ. Данные о низкорослости поляковъ, при значительномъ процентѣ неспособности къ военной службѣ, какъ по недостаточности роста, такъ и по физической недоразвитости, проникли въ польскую прессу и дали поводъ къ весьма мрачнымъ выводамъ для варшавскихъ публицистовъ на тему о вырожденіи польскаго племени. Тогда г. Закржевскій взялся вторично за изученіе роста, но не всего населенія, а лишь одного города Варшавы по спискамъ призывныхъ 21 года, общее число которыхъ въ 1888 г. было 2,353, изъ нихъ: поляковъ—1,287, евреевъ—955, протестантскихъ сектантовъ—69 и русскихъ—42. Авторъ распредѣлилъ призывныхъ не по народностямъ, а по вѣроисповѣданіямъ; къ католикамъ причислилъ только поляковъ и ничтожный процентъ французовъ. Евреевъ, извѣстная часть которыхъ хотя и причисляетъ себя къ польской народности, онъ разсматривалъ, какъ отдѣльную этническую группу. Къ православнымъ причислилъ русскихъ, хотя между ними весьма незначительное число поляковъ. Труднѣе было съ протестантами, народность которыхъ трудно опредѣлить и между которыми есть по происхожденію поляки и нѣмцы, почему пришлось ихъ выдѣлить въ отдѣльную исповѣдную группу. За исключеніемъ изъ числа призывныхъ освобожденных по разнымъ причинамъ или за неспособностью не подвергнутыхъ дальнѣйшему осмотру, число ихъ уменьшилось до 1,466, изъ которыхъ

было: 728 поляковъ, 689 евреевъ, 36 протестантовъ и 13 русскихъ. При такомъ распредѣленіи на группы оказалось, что у поляковъ наибольшее число наблюдений пришлось на ростъ въ 165—170 сант., у другихъ же народностей—въ 160—165 сант. При этомъ получился средній ростъ для поляковъ 165,5 сант., евреевъ—162,3 сант. (такое же число получилъ Майеръ для галицкихъ евреевъ), протестантовъ — 167,6 сант. и русскихъ—163,7 сант. Авторъ, ссылаясь на наблюденія Майера, что поляки довольно поздно достигаютъ полной возмужалости и растутъ до 30 лѣтъ, говоритъ, что ростъ варшавскихъ поляковъ до этого возраста достигъ бы 168,8 сант. Измѣренія же, произведенныя самимъ авторомъ надъ 38 чело-
вѣками отъ 26 до 50 лѣтъ, дали
ростъ еще выше—170,1 сант.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что данныя, полученные изъ воинскихъ присутствій, значительно понижаютъ средній ростъ для польскихъ губерній по причинѣ значительнаго процента призывающихся низкорослыхъ евреевъ, какъ равно и потому, что ростъ къ 21 году у поляковъ еще не оконченъ, и этимъ объясняется, почему у авторовъ, измѣрявшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ хотя небольшія группы, куда входили болѣе чистые элементы разныхъ возрастовъ, получался ростъ выше, чѣмъ въ призывныхъ воинскихъ спискахъ; при этомъ вездѣ шляхта значительно превосходила ростомъ крестьянъ ¹⁾).

Что же касается работы г. Закржевскаго, изслѣдовавшаго одно лишь городское населеніе Варшавы, то она, несмотря на ея цѣнность, относится къ одному лишь городу, гдѣ населеніе всегда отличается болѣе высокимъ ростомъ въ сравненіи съ деревенскимъ, почему и не можетъ быть характернымъ для большей части населенія, тѣмъ болѣе, что г. Элькинъ для населенія Варшавской губ. нашелъ средній ростъ гораздо ниже.

Средній ростъ поляковъ, какъ мы видимъ, представляетъ значительное колебаніе въ разныхъ мѣстностяхъ. Не говоря о Сувалкской и Сѣд-

Рис. 6. Изъ Коцикова, Любартовскаго
уѣзда.

¹⁾ Ростъ шляхты, значительно превышающій ростъ крестьянъ, наблюдалъ также Талько-Грынцевичъ среди украинскаго народа.

лецкой губ., гдѣ средній ростъ выше по причинѣ вліянія литовскаго и русинскаго населенія, но и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ посторонней примѣси, онъ представляется или болѣе низкимъ, какъ въ Радомской и Ломжинской губ., или болѣе высокимъ, какъ въ Люблинской, въ Галиціи, а въ особенности въ Плоцкой губ., гдѣ о примѣси литовской или русской не можетъ быть и рѣчи. Что же касается отдѣльных размѣровъ роста, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ средній ростъ выше, такъ и тамъ, гдѣ онъ ниже,—то всѣ изслѣдователи отмѣчали, что наибольшее число приходится на средній ростъ въ 160—169 сант. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ подляшане (Мазовецкаго у., Ломжинской губ., по Талько-Грынцевичу), у которыхъ одинаково часто выступаетъ ростъ какъ въ 160—169 сант., такъ и въ 150—159 сант. Изъ этого можно заключить, по имѣющимся уже наблюденіямъ, что поляки имѣютъ въ общемъ ростъ довольно высокій и въ этомъ отношеніи мало уступаютъ украинцамъ, а въ особенности литвино-латышамъ, бѣлоруссамъ и великоруссамъ.

Окружность груди у поляковъ равна (по Снегиреву) 846 мм., а по отношенію роста—56,5; въ Варшавской губ. (Элькиндъ)—899 или 55,01; въ Галиціи (Маіеръ)—831 или 50,6. Изъ этого видимъ, что у приведенныхъ авторовъ, при разницѣ абсолютныхъ размѣровъ окружности груди, отношеніе ея къ росту, или т. наз. жизненный указатель, больше у поляковъ въ Россіи, чѣмъ въ Галиціи, гдѣ оно въ среднемъ едва превышаетъ половину роста. Размѣрами окружности груди русскіе поляки уступаютъ малороссамъ (938,8 мм.), литовцамъ (922 мм.) и латышамъ (955 мм.), мало отличаясь отъ великороссовъ (910 мм. и 868 мм.), и превышаютъ русиновъ (843 мм.), имѣющихъ окружность груди, равную съ галицкими поляками.

Переходимъ къ цвѣту покрововъ, начиная съ кожи, которая въ Радомской губ. (Опатовскій уѣздъ) преимущественно бѣлая (91%), въ Люблинской у шляхты—бѣлая (83,4%), а у крестьянъ—темная (81,8%), въ Ломжинской — бѣлая у шляхты (77%) и у крестьянъ (67 и 72%), у галицкихъ поляковъ чаще темная (57,7% и 65,1). Нельзя не замѣтить, что болѣе темный цвѣтъ кожи преобладаетъ среди поляковъ на югѣ (къ сѣверу она свѣтлѣе) и что у шляхты кожа свѣтлѣе, чѣмъ у крестьянъ. Такой разницы не замѣчается между украинской шляхтой и народомъ, напротивъ, послѣдній часто превосходитъ нѣсколько большимъ процентомъ бѣлой кожи (Талько-Грынцевичъ). Отношеніе свѣтлой кожи къ темной весьма колеблется у разныхъ представителей польскаго племени; однако, въ общемъ бѣлый цвѣтъ кожи выступаетъ здѣсь слабѣе, нежели у великороссовъ-семейскихъ (87,1%), украинцевъ (86%), подольянъ (77,7%), одинаково часто, какъ у бѣлоруссовъ (56,9%), и поляки превосходятъ значительно бѣлизной кожи своихъ южныхъ сосѣдей: галицкихъ русиновъ (31,9%) и русскихъ горцевъ (36,5%).

Всѣ изслѣдователи поляковъ находили, что по цвѣту волосъ среди нихъ преобладаютъ шатены—отъ 40% до 73,87%. Менѣ шатеновъ среди галицкихъ, люблинскихъ и радомскихъ поляковъ (40%—43,7%), болѣе—среди ломжинскихъ (40,2%—68%) и въ особенности среди варшавскихъ поляковъ (73,87%). У шляхты шатеновъ также больше. Блондины и брюнеты среди поляковъ не во всѣхъ группахъ встрѣчаются одинаково часто: блондины преобладаютъ среди галицкихъ поляковъ (38%), варшавскихъ (свѣтлорусые и бѣлокурые по Элькинду—21,62%), ломжинскихъ крестьянъ (20%—29,8%) и люблинскихъ крестьянъ (29,8%); брюнетовъ же больше, нежели блондиновъ, среди радомскихъ крестьянъ (вмѣстѣ съ чернымъ—38,8%) и у ломжинской шляхты. У люблинской шляхты количество брюнетовъ и блондиновъ одинаково.

При раздѣленіи волосъ на свѣтлые и темные, особенности эти выступаютъ еще яснѣе. Свѣтлые волосы являются преобладающими лишь у поляковъ галицкихъ (70,2%), темные же—у ломжинскихъ (66,6% и 75%) и радомскихъ (66,2%); свѣтлые и темные выступаютъ одинаково часто у люблинскихъ (по 50%) и варшавскихъ (52% и 48%). Мы замѣчаемъ здѣсь явленіе, обратное тому, что мы видѣли при разсматриваніи цвѣта кожи: свѣтлый цвѣтъ волосъ преобладаетъ больше на югѣ, къ сѣверу свѣтлый и темный встрѣчаются почти одинаково часто, съ небольшимъ преобладаніемъ послѣдняго. Болѣе темнымъ цвѣтомъ волосъ поляки превосходятъ болѣе свѣтловолосыхъ украинцевъ (63,6%), подолянъ (77,1%), бѣлоруссовъ (76,7%), а въ особенности литвино-латышей (83,6%) и великороссовъ-семейскихъ (91,5%), уступая лишь темноволосымъ галицкимъ русскимъ (45,8% свѣтл. волосъ), а въ особенности русскимъ горцамъ (11,7%).

У поляковъ самыми частыми глазами являются голубые (40%—60%), а послѣ нихъ—каріе (отъ 19,1% до 41,5%); лишь у галицкихъ поляковъ преобладаютъ сѣрые (46,9%), а послѣ нихъ самыми частыми являются тоже каріе (29,1%).

Многолѣтній опытъ убѣдилъ насъ, что чистые цвѣта глазъ—голубой

Рис. 7. Изъ Глобени, подлѣ Ржешова (Галиція).

и сѣрый—бываютъ весьма рѣдко, а чаще всего эти два оттѣнка встрѣчаются вмѣстѣ, и рѣшить, который изъ нихъ преобладаетъ, есть дѣло субъективное, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приходится дѣлать наблюденія многимъ изслѣдователямъ за-разъ, — получается разногласіе. Въ этомъ отношеніи мы можемъ привести наглядный примѣръ въ двукратныхъ вычисленіяхъ Майера галицкихъ поляковъ, гдѣ оба раза для другихъ цвѣтовъ глазъ, кромѣ сѣраго и голубого, получались тѣ же числа; въ первомъ вычисленіи на 1000 человекъ оказалось сѣрыхъ глазъ 469, а голубыхъ едва 115, во второмъ же на такое же число получилось сѣрыхъ глазъ 193, а голубыхъ 392. Соединивши оба цвѣта, мы получаемъ сѣро-голубыхъ глазъ въ обоихъ вычисленіяхъ одинаковое число (584 и 585), т. е. 58,5%. Эти цвѣта вмѣстѣ даютъ такое же преобладающее число и у другихъ изслѣдователей: у люблинскихъ поляковъ (51,6%), ломжинскихъ (68%), радомскихъ и варшавскихъ (свыше 60%), и лишь у поляковъ Мазовецкаго уѣзда, Ломжинской губ., сѣро-голубыхъ глазъ только 44%, а потомъ—зеленоватые (36%) при меньшемъ числѣ карихъ (20%). При подраздѣленіи глазъ на свѣтлые и темные, у поляковъ выступаютъ преимущественно свѣтлые, менѣе постоянно у радомскихъ (71,4%) и галицкихъ (70,2%), постояннѣе у люблинскихъ шляхты (83,7%) и крестьянъ (78,7%) и у ломжинскихъ шляхты (85,2%) и крестьянъ (81% и 84%). Мы замѣчаемъ, что къ югу темные глаза встрѣчаются чаще и что у крестьянъ процентъ свѣтлыхъ глазъ нѣсколько меньше. Южные поляки, отличающіеся меньшимъ числомъ свѣтлыхъ глазъ, въ этомъ отношеніи подходятъ ближе къ украинцамъ (74,5%), бѣлорусамъ (74,6%) и великоруссамъ-семейскимъ (74,6%); сѣверные, съ большимъ числомъ свѣтлыхъ глазъ, ближе къ литовцо-латышамъ. Въ общемъ поляки превосходятъ свѣтлыми глазами подолянъ (65,3%), галицкихъ русскихъ (60,8%) и русскихъ горцевъ (54,2%).

Разсматривая цвѣтъ кожи, волосъ и глазъ въ совокупности, ¹⁾ мы замѣчаемъ, что свѣтлый типъ выступаетъ замѣтнѣе у галицкихъ поляковъ (35,4%), чѣмъ у варшавскихъ (20,27%), при значительно меньшемъ темномъ (19,4% и 17,57%). У люблинскихъ же поляковъ оба основные типа—свѣтлый и темный—въ небольшомъ количествѣ раздѣлены поровну (11,5% и 12,2%). У ломжинскихъ (Мазовецкаго уѣзда), при малочисленности основныхъ типовъ, свѣтлый (16%) въ два раза чаще темнаго (8%).

Какъ на большую антропологическую чистоту расы, надо указать на галицкихъ поляковъ, съ наибольшимъ числомъ свѣтлаго типа и съ

¹⁾ Разсматривая типы, мы причисляемъ къ свѣтлому: кожу, волосы и глаза свѣтлые, къ темному: кожу, волосы и глаза темные, а къ смѣшанному—соединеніе свѣтлаго съ темнымъ.

нѣсколько превышающимъ его смѣшаннымъ (45,2%) въ сравненіи съ люблинскими и ломжинскими, у которыхъ преобладающимъ является смѣшанный типъ (76,3% и 76%); у варшавскихъ поляковъ смѣшанный типъ выступаетъ нѣсколько рѣже, чѣмъ у послѣднихъ (62,12%). Не только болѣе чистые, какими намъ представляются галицкіе поляки, но даже варшавскіе, люблинскіе и ломжинскіе, у которыхъ въ преобладающемъ смѣшанномъ типѣ ясно выступаетъ болѣе значительная помѣсь, — какъ первые, такъ и послѣдніе отличаются свѣтлыми волосами и глазами. У галицкихъ поляковъ по отношенію къ родственнымъ имъ народамъ свѣтлый типъ выраженъ слабѣе, нежели у великороссовъ-семейскихъ (51%), при одинаковомъ числѣ смѣшаннаго (48,5%).

Украинцы, подоляне, бѣлорусы и литвино-латыши, хотя и обладаютъ одинаковымъ или нѣсколько меньшимъ числомъ свѣтлаго типа (отъ 22,7% до 39,4%), однако имѣютъ и значительно большее число смѣшаннаго типа (57,8%—76%). Галицкіе русины, при большемъ числѣ темнаго типа, приближаются къ полякамъ меньшимъ числомъ смѣшаннаго (49,8%).

Извѣстный антропологъ проф. Е. Т. Ами (Нату) раздѣляетъ славянъ, по ихъ чисто антропологическимъ признакамъ, на два основныхъ типа: 1) свѣтловолосый, суббрахицефалическій и небольшого роста, къ которому онъ причисляетъ полабскихъ славянъ или вендовъ, поляковъ, бѣлоруссовъ и великоруссовъ; 2) темноволосый, брахицефалическій, высокаго роста, къ которому принадлежатъ сербо-кroatы, словинцы, чехи, словаки и малороссы.

На основаніи записей школьныхъ учителей проф. Руд. Вирховъ опредѣлилъ типъ германцевъ. Въ своихъ вычисленіяхъ онъ не выдѣлялъ изъ преобладающаго числа нѣмцевъ поляковъ и евреевъ. По Вирхову, характерный для нѣмецкаго населенія свѣтлый типъ встрѣчался въ 32,11%. По Майеру, у галиційскихъ поляковъ этотъ типъ выступаетъ еще сильнѣе (35,4%), но былъ бы значительно меньше, если бы исключить изъ свѣтлаго типа переходный желтоватый (płowa) цвѣтъ кожи;

Рис. 8. Изъ Бол. Броновицъ, Краковскаго у. (Галиція).

тогда процентъ получился бы 18,9%—такой же, какъ у варшавскихъ поляковъ, и поднялась бы, при включеніи желтой кожи, численность свѣтлаго типа у ломжинскихъ и люблинскихъ поляковъ.

Матеріалъ, которымъ воспользовался Вирховъ для опредѣленія типа германцевъ, состоялъ изъ 5 миллионъ наблюдений, собранныхъ прусскимъ статистическимъ бюро по записямъ учителей о дѣтяхъ и юношахъ; но въ этомъ возрастѣ типы не могли прочно установиться, и свѣтлые элементы выступаютъ здѣсь значительно рѣзче, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ. При этомъ возрастѣ и желтоватый цвѣтъ кожи былъ причисленъ Вирховымъ къ свѣтлому типу. Такія же вычисленія, произведенныя въ польскихъ земляхъ въ Германіи, дали результаты, сходные численностью свѣтлаго типа съ галицкими поляками: у силезцевъ онъ выступаетъ въ 29,35%, у познанцевъ — въ 36,23% и у прусскихъ мазуровъ — въ 39,75%.

Неоспоримымъ фактомъ, подтверждаемымъ археологическими изслѣдованіями, является то, что во многихъ мѣстахъ Европы, населенныхъ нынѣ брахицефалами, въ древности жило долихоцефалическое племя и, постепенно вымирая, уступало мѣсто брахицефалическому, что мы видимъ въ древнихъ могилахъ материковъ Европы и Азии, и чѣмъ древнѣе могилы, тѣмъ длинноголовый типъ выраженъ рѣзче. То же самое мы наблюдаемъ на пространствѣ этнографической Польши, однако же не можемъ утверждать, что всѣ, встрѣчающіеся на ея землѣ, могилы принадлежать первобытнымъ славянамъ, а не другимъ аборигенамъ страны. Придерживаясь мнѣнія, не допускающаго произвольнаго, безъ посторонней примѣси, измѣненія основныхъ типовъ и перехода, напр., длинноголоваго въ короткоголовый, нельзя допустить, чтобы первичный длинноголовый типъ славянъ могъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ переродиться. Скорѣе можно думать, что большая или меньшая примѣсь длинноголовости или среднеголовости къ основному славянскому типу зависитъ отъ пришлыхъ элементовъ, а въ древности—отъ аборигеновъ чуждаго типа, который постепенно растворялся въ преобладавшемъ славянскомъ-короткоголовомъ. Проф. Нидерле, раздѣляя мнѣніе Богданова, Вирхова, Пеша о возможности перерожденія основныхъ черепныхъ типовъ подъ вліяніемъ условій жизни и климата, объясняетъ этимъ, почему д-ръ Матишка (Matiegka) въ Прагѣ между старинными черепами XVI вѣка нашелъ только 5% долихоцефаловъ на 70% брахицефаловъ. Богдановъ между черепами московскихъ и кievскихъ кладбищъ XVI—XVIII стол., а Коперницкій между краковскими черепами XVII—XVIII стол. нашли, что, по мѣрѣ хронологическаго приближенія могилъ къ новой эпохѣ, длинноголовый типъ уменьшается. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго профессора въ объясненіи фактовъ. Въ работѣ по антропологии великороссовъ-семейскихъ мы уже высказали нашъ взглядъ, что преобладаніе

длинноголового типа въ московскихъ могилахъ VIII—X в. и постепенное его уменьшеніе отъ XVI до XVII столѣтія зависятъ отъ чуждаго славянскѣ элемента, можетъ быть финскаго, который постепенно растворялся въ приливъ короткоголового славянскаго. Что эта примѣсь длинногловости еще не вездѣ исчезла и у современныхъ великороссовъ, доказываютъ большинство наблюденій въ разныхъ губерніяхъ, гдѣ часто процентъ долихоцефалии достигаетъ отъ 20 до 38,8% (Анучинъ, Таренецкій, Маліевъ, Воробьевъ и др.). Процентъ длинногловости подтверждается Matiegk'ой на черепахъ XVI в. въ Прагѣ и краковскихъ мѣщанъ XVII—XVIII столѣтій; послѣднее Коперницкій объяснялъ вліяніемъ пришлаго городского нѣмецкаго долихоцефалическаго элемента изъ сѣверной и средней Германіи и подтверждалъ свое мнѣніе приходскими записями, въ которыхъ найдено много нѣмецкихъ фамилій въ XVII вѣкѣ; съ уменьшеніемъ же прилива нѣмцевъ въ XVII в. длинноголовый типъ сталъ уменьшаться, расплываясь въ большинство короткоголового. То же самое находилъ Олехновичъ между польскими черепами изъ Люблинской губ. конца XVI и начала XVII столѣт. и Элькинъ между черепами съ кладбищъ Люблинской, Варшавской и Сѣдлецкой губ., въ которыхъ, при преобладающей короткоголовости (60% — 70,37%) и незначительной среднеголовости (10%—14,81%), длинногловость выступала отъ 14,81% до 30%. Такимъ образомъ, чѣмъ черепа древнѣе, тѣмъ длинноголовый типъ численнѣе; у болѣе же позднихъ преобладаетъ типъ среднеголовый, въ которомъ длинноголовый успѣлъ разложиться. На группу долихоцефаловъ у славянъ нужно смотрѣть, какъ на особый антропологическій типъ, издревле существующій, а не какъ на группу долихоцефаловъ, не успѣвшую еще переродиться въ брахицефаловъ.

Какъ на доказательство для подтвержденія своей теоріи, проф. Нидерле указываетъ еще на то, что латыши и литовцы обладаютъ свѣтлымъ типомъ и длинногловостью, какъ признакомъ прежней длинногловости славянъ. По нашимъ изслѣдованіямъ, свѣтлый типъ у литвино-латышей

Рис. 9. Изъ Бол. Броновицъ, Краковского у. (Галиція).

выступает въ 28,6%, а именно: у собственно литовцевъ—24%, жмудяковъ—33,8% и у латышей—17,2%. Такимъ образомъ они не отличаются болѣе свѣтлымъ типомъ отъ своихъ сосѣдей; что же касается долихоцефалии, то они не выделяются и ею (у собственно литовцевъ—6,3%, у жмудяковъ—8,5%), кромѣ латышей (17,2) съ нѣсколько большимъ процентомъ; но на послѣднихъ можно смотрѣть, какъ на помѣсь литовцевъ съ финнами; вліяніе послѣднихъ, вѣроятно, и отразилось на нихъ въ болшемъ процентѣ длинноголовости.

Исслѣдователи польскихъ череповъ различно опредѣляютъ средніе размѣры черепныхъ указателей, хотя по всѣмъ они короткоголовы: по Вейсбаху—80,6, Велькеру—82,1, Коперницкому—82,3, Олехновичу—81,6, Элькиндю—80,52. По Вейсбаху, поляки менѣе короткоголовы, чѣмъ южные и западные славяне; средній черепной указатель послѣднихъ, по опредѣленію Вейсбаха, у русиновъ—82,9, у словаковъ—83,6, у чеховъ—83,6, у кроатовъ—82,9, у сербо-кроатовъ—84. У великороссовъ исслѣдователи опредѣляютъ 79,5—82,7. Чешскіе черепа XVI в., со среднимъ указателемъ 80,7, напоминаютъ поляковъ. І. Е. Деникеръ опредѣляетъ средній черепной указатель для вендскихъ череповъ въ 84,6 (по своимъ измѣреніямъ, Вирхова, Катрфажа и Ами), а Лиссауръ для кашубовъ (съ кладбища XVII в. около Данцига)—80,2.

Приводимъ главнѣйшіе размѣры польскихъ череповъ по исслѣдованіямъ Олехновича и Элькинда:

	Олехновичъ.	Элькиндъ
Горизонтальная окружность	508 мм.	516 мм.
Лобно-затылочная дуга	359 "	—
Наименьшая ширина лба	95 "	99,2 "
Лобный указатель (отношеніе наименьшей ширины лба къ наиб. лобной)	82,53	79,4
Наибольшая длина черепа	174 "	178,4 "
" ширина черепа	140 "	138 "
Головной указатель	80,52	81,6
Высота черепа	127 "	134,3 "
Высотный указатель	72,68	75,40
Полная длина лица	—	67 "
Ширина его	128 "	133,2 "
Лицевой указатель (отношеніе ширины лица къ полной длинѣ его)	—	52,07
Глазной указатель	84,18	82,03
Носовой "	49,31	51,24

Мозгъ по своему анатомическому строенію представляетъ, вѣроятно, нѣкоторыя различія у извѣстныхъ расъ и народовъ, еще мало исслѣдованныхъ въ этомъ отношеніи. Исслѣдователи мозга польскаго племени пока еще не нашли особенностей въ строеніи его мозговыхъ извилинъ,

которые бы указывали на существенное отличие его от других племенъ (Вейнбергъ). Средній вѣсъ мозга поляковъ—1397,8 грм., при среднемъ ростѣ 1681 мм. (Гильченко), почему они значительно превосходятъ великороссовъ съ вѣсомъ мозга въ 1367,9 грм., при среднемъ ростѣ въ 1675 мм., и малороссовъ съ вѣсомъ въ 1365,6 грм., при ростѣ 1688 мм., уступая литовцамъ съ вѣсомъ мозга 1438,7 грм., при ростѣ въ 1682 мм.

Вѣсъ тѣла поляковъ опредѣленъ въ Плонскомъ уѣздѣ, Плоцкой губ. (Рутковский): у крестьянъ—62,75 килогр., значительно уступаетъ вѣсу тѣла многихъ народовъ: баварцевъ (65,8 килогр.), англичанъ (68,8 килогр.), французовъ (64,9 килогр.), американцевъ Соед. Штатовъ (64,4 килогр.), и превосходитъ венгерцевъ (60,7 килогр.); у шляхты той же губерніи и уѣзда вѣсъ тѣла=66,9 килогр., т.-е. на 4,15 килогр. больше, нежели у крестьянъ. Стрельбицкій для жителя царства Польскаго приводитъ среднюю цифру вѣса тѣла значительно большую—73,5 килогр.

По среднему головному указателю (на живыхъ людяхъ) поляки—короткоголовы, но короткоголовость выступаетъ не у всѣхъ одинаково; сильнѣе всего она выражена у поляковъ галицкихъ (84,4), люблинскихъ: шляхты (83,8), мѣщанъ (82,5), крестьянъ (83,6), и радомскихъ (83), слабѣе у ломжинскихъ: шляхты (82,6) и крестьянъ (81,3 и 81,8), плоцкихъ: шляхты (82,62) и крестьянъ (81,74), и варшавскихъ (80,85).

Изъ этого мы видимъ, что къ сѣверу короткоголовость уменьшается (у плоцкихъ и варшавскихъ), а къ югу постепенно увеличивается (у люблинскихъ и особенно у галицкихъ поляковъ), и что шляхта представляется болѣе короткоголовою, чѣмъ крестьяне. По среднему головному указателю большинство населенія польскихъ земель мало отличается отъ сосѣдей—восточныхъ славянъ: украинцевъ (83,1), подолянъ (82,1), великороссовъ семейскихъ (83,1), галицкихъ русскихъ (83,3), русскихъ горцевъ (83,6) и бѣлороссовъ (83,2). У сѣверныхъ же поляковъ головной указатель дѣлается среднеголовымъ, какъ у литвино-латышей (78,5 и 81,8) и финновъ: эстовъ (79,4—Грубе) и ливовъ (79,9—Вальдгауеръ). Суббрахице-

Рис. 10. Изъ Мал. Броницъ, Краковскаго у. (Галиція).

фація польскихъ и русскихъ племень переходить у западныхъ и южныхъ славянъ въ настоящую брахицефалию, которою они превосходятъ наиболѣе извѣстныхъ своею короткоголовостью монголовъ (84,41—Ивановскій), не достигая лишь короткоголовости киргизовъ разныхъ ордъ (86,28—89,39—Харузинъ, Уйфальви, Поярковъ, Ивановскій) и лавовъ (87,48 и 87,2—Шантръ, Эркертъ); таковы: чехи разныхъ мѣстностей (86, 86,5 и 85 — Нидерле, Матишка, Вейсбахъ), моравы (85,3 и 86), словаки (85,9—Нидерле), словенцы (85,5—Цукеркандль), сербо-хорваты (86—Вейсбахъ); въ Далмациа головной указатель понижается (84), какъ въ Боснии и Герцеговинѣ (84,6 до 81—Вейсбахъ), а среди болгарскаго населенія въ Македоніи онъ падаетъ отъ 82,3 до 77,9 (Бассановичъ). Слѣдовательно, короткоголовость славянъ, выраженная сильнѣе на западѣ, уменьшается къ сѣверу, востоку и югу.

Распредѣляя теперь числа наблюденій въ процентномъ отношеніи по главнымъ краіологическимъ типамъ системы Брока, получимъ:

Колич. наблюд.	1078	60	45	77	131	100	226	100	200	100	38	25
Типы череповъ по указателямъ.	Галицкихъ (Коперницкій).	Люблинской губ. Радом. губ.					Варшавск. губ. (Замкиндъ).	Плоц. губ.		Ломжинск. губ.		Тыкоцинск. (Т.-Грынци).
		Шляхта.	Мѣщане.	Крестьян.	Сандомирскіе.	Опольскіе.		Шляхта.	Крестьяне.	Щучинск. шляхта.	Крестьяне.	
О л е х н о в и ч ѣ .											Рутковскій.	Олехнов.
Долихоцефаловъ вмѣстѣ	5	—	—	10,4	7,5	8,3	18,14	11	17,5	5	10,5	20
Долихоцефалы (до 74)	1,4	—	—	—	0,7	0,9	1,33	—	—	—	—	4
Субдолихоцефалы (75—77)	3,6	—	—	10,4	6,8	7,4	16,81	—	—	5	10,5	16
Мезотипцефалы (78—80)	11,4	21,6	21,6	30	15,1	22,9	24,34	11	28,5	32	29	13
Суббрахицефалы (81—84)	34,6	48,4	48,4	33,7	49,6	51,3	34,97	—	—	47	47,3	40
Брахицефалы (85 и выше)	48,6	30	30	25,9	27,5	17,5	22,57	—	—	16	13,2	28
Брахицефаловъ вмѣстѣ	83,2	78,4	78,4	59,6	77,1	68,8	57,54	78	54	63	60,5	68

Изъ приведенной таблицы видимъ, что преобладающій типъ всѣхъ череповъ—брахицефалическій, выступающій постояннѣе у галицкихъ поляковъ (83,2%), у люблинской шляхты и мѣщанъ (по 78,4%), сандомирскихъ Радомской губ. (77,1%) и у плоцкой шляхты (78%), рѣже у опольскихъ Радомской губ. (68,8%), ломжинскихъ крестьянъ (68% и 60,5%) и шляхты (63%), люблинскихъ крестьянъ (59,6%), варшавскихъ (57,54%) и плоцкихъ (54%).

Мезоцефалический типъ, самый частый послѣ брахицефалическаго, слабѣ всѣхъ выступаетъ у галицкихъ поляковъ, плочкой шляхты, ломжинскихъ крестьянъ Мазовецкаго уѣзда и радомскихъ Сандомирскаго уѣзда (отъ 11% до 15,1%) и отъ 2 до 3 разъ чаще у ломжинской шляхты и крестьянъ, люблинскаго населенія, варшавскаго и крестьянъ Плочкой губ. и Опольскаго уѣзда, Радомской губ. (отъ 21,6% до 32%).

Долихоцефалический типъ, отсутствуя совершенно у люблинской шляхты и мѣщанъ, у крестьянъ достигаетъ до 10,4%, у радомскихъ 7,5%—8,3%, у плочкой шляхты 11% и ломжинскихъ крестьянъ Щучинскаго уѣзда 10,5%; лишь половину этого достигаетъ у галицкихъ поляковъ и ломжинской шляхты (по 5%), увеличиваясь въ два раза у крестьянъ варшавскихъ (18,14%), плочкихъ (17,5%) и ломжинскихъ Мазовецкаго уѣзда (20%).

Изъ сказаннаго видимъ, что у шляхты въ сравненіи съ крестьянами вездѣ преобладаетъ короткоголовый элементъ, чѣмъ шляхта приближается къ галицкимъ полякамъ. Длинноголовый же типъ, вездѣ слабо выраженный, выступаетъ болѣе постоянно у крестьянъ, нежели у шляхты, что также наблюдается у украинскаго населенія.

Галицкіе поляки и шляхта, отличающіеся вообще большею короткоголовостью и рѣже выступающею длинноголовостью, приближаются къ русскимъ галицкимъ, украинцамъ, подолянамъ и великоруссамъ—семейскимъ, превосходя многіе сосѣдніе народы: бѣлоруссовъ, литовцевъ, польскихъ крестьянъ, а еще больше великоруссовъ разныхъ губерній.

Наибольшая ширина черепа у галицкихъ поляковъ равна 152,2 мм., варшавскихъ—150 мм., радомскихъ—154,1 мм., люблинскихъ: шляхты—159,3 мм., мѣщанъ—153,2 мм. и крестьянъ—152,6 мм., у ломжинскихъ: шляхты—159,3 мм., крестьянъ—152,6 мм. и 150,9 мм. Поляки отличаются значительнымъ развитіемъ ширины черепа по отношенію къ длинѣ, причемъ шляхта значительно превосходитъ крестьянъ, что замѣчаемъ и у населенія Украйны. Украинская шляхта не отличается шириною черепа (158,2 мм.) отъ польской; крестьяне же польскіе, кромѣ варшавскихъ и

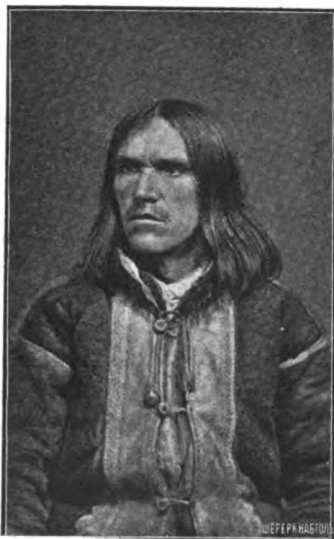

Рис. 11. Горлецъ изъ Чернаго Дунайца (Галиція).

ломжинскихъ Мазовецкаго уѣзда, не отличаются отъ украинцевъ (153,3 мм.), подолянъ (151,9 мм.), русскихъ галицкихъ (152 мм.), русскихъ горцевъ (153,2 мм.), великороссовъ-семейскихъ (153,8 мм.), бѣлоруссовъ (152,1 мм.) и литвино-латышей (151,8 мм.).

Величина головы у поляковъ въ общемъ довольно умѣренная, о чемъ мы можемъ судить по размѣрамъ горизонтальной ея окружности, которая у галиційскихъ поляковъ 543,3 мм., варшавскихъ — 560 мм., люблинскихъ: шляхты—567,3 мм., мѣщанъ—549,5 мм. и крестьянъ—547,1 мм., у радомскихъ—543,3 мм. и ломжинскихъ: шляхты—567,3 мм., крестьянъ—547,1 мм. и 546,3 мм. Мы видимъ, что среди польскихъ крестьянъ одни варшавскіе отличаются нѣсколько большею величиною головы, у другихъ она меньшихъ размѣровъ, притомъ шляхта размѣрами головы значительно превышаетъ крестьянъ. То же замѣчено и у шляхты украинской въ сравненіи съ крестьянами. Поляки, мало отличающіеся размѣрами головы отъ украинцевъ (546 мм.), галицкихъ русскихъ (546,7 мм.), русскихъ горцевъ (548 мм.), подолянъ (538,58 мм.), бѣлоруссовъ (544,4 мм.) и литвино-латышей (548,3 мм.), уступаютъ великороссамъ-семейскимъ (558 мм.) и многимъ финнамъ (551—556 мм.).

Наибольшая ширина лба у галиційскихъ поляковъ—121,3 мм. и 114,8 мм., а лобный указатель, т.-е. отношеніе наименьшей ширины лба къ наибольшей длинѣ черепа,—67,2 и 62,2, у варшавскихъ — 107,5 мм. (или 71,82), у люблинскихъ: шляхты 109,7 мм. (57,6), мѣщанъ—114,7 мм. (62,3) и крестьянъ—115,5 мм. (62,4), у радомскихъ—108,7 мм. (58,5) и ломжинскихъ: шляхты—108,1 мм. (57,92), крестьянъ—108 мм. (57,07) и 108,6 мм. (58,9). Поэтому, у всѣхъ поляковъ, кромѣ галицкихъ, лобъ узкій, а по отношенію къ длинѣ черепа—умѣренный, кромѣ радомскихъ и ломжинскихъ, у которыхъ лобъ болѣе узкій. У люблинской шляхты и отчасти у ломжинской замѣчаемъ лобъ болѣе узкій, чѣмъ у крестьянъ. То же самое подтверждаютъ наблюденія надъ украинскимъ населеніемъ. Люблинскіе, радомскіе и ломжинскіе поляки не отличаются шириною лба отъ украинцевъ (61,1), подолянъ (58,4), русскихъ горцевъ (59), бѣлоруссовъ (59,7) и литвино-латышей (57,6); варшавскіе же и галицкіе поляки болѣе широкимъ лбомъ приближаются къ галицкимъ русскимъ (65,4 и 63,9).

Ширина затылка у галицкихъ поляковъ—136,2 мм., а по отношенію къ наибольшему передне-заднему діаметру равна 75,5; у люблинскихъ: шляхты—138,1 мм. (72,6), мѣщанъ—135,2 мм. (73,7), крестьянъ — 134,2 мм. (72,5), у радомскихъ—137,5 мм. (73,2) и у ломжинскихъ: шляхты—136,4 мм. (72), крестьянъ—134,9 мм. (71,5) и 151,3 мм. (82). Изъ этого видимъ, что у всѣхъ затылокъ умѣренный, и этимъ они мало отличаются отъ украинцевъ (138,5 мм. или 75,2), подолянъ (138 мм. или 74,6), русскихъ галицкихъ (139 мм. или 75,4), русскихъ горцевъ (135,4 мм. или 73,7), бѣлоруссовъ (137,8 мм. или 75,3), литвино-латы-

шей (133,3 мм. или 71,3) и великороссовъ-семейскихъ (135 мм. или 72). Польская шляхта имѣетъ затылокъ нѣсколько шире, чѣмъ крестьяне. То же самое мы констатировали у шляхты украинской относительно крестьянъ.

Лицевой указатель у поляковъ галицкихъ—93,8 и 101,6, радомскихъ—96,1, люблинскихъ: шляхты—86, мѣщанъ—89, крестьянъ—91, ломжинскихъ: шляхты—94, крестьянъ—94,8 и 97,4. Поэтому всѣ поляки узколицы (лептопрозопы); у шляхты лицо нѣсколько уже въ сравненіи съ крестьянами. То же замѣчаемъ у шляхты украинской (97,5) въ сравненіи съ крестьянами (97,7). При значительной разницѣ въ лицевомъ указателѣ въ разныхъ мѣстностяхъ, поляки въ этомъ отношеніи мало отличаются отъ подолянъ (100,6), русскихъ галицкихъ (100,2), русскихъ горцевъ (91), великороссовъ-семейскихъ (92), бѣлоруссовъ (91,6) и литвино-латышей (89,8).

Носъ у поляковъ чаще всего прямой, причемъ у шляхты иногда встрѣчается горбатый, а у крестьянъ вздернутый. Въ среднемъ носовой указатель равенъ отъ 77,3 до 63,26 (Эльгиндъ), по которому они мезорины и рѣже лепторины. Прямой носъ выступаетъ у поляковъ (55% — 63%) одинаково часто, какъ у украинцевъ (64,3%), подолянъ (57,8%), литвино-латышей (61,3%), превосходя частотой бѣлоруссовъ (55,5%) и великороссовъ-семейскихъ (44,3%) и уступая лишь русскимъ-галициямъ (68% и 76%) и русскимъ горцамъ (69%).

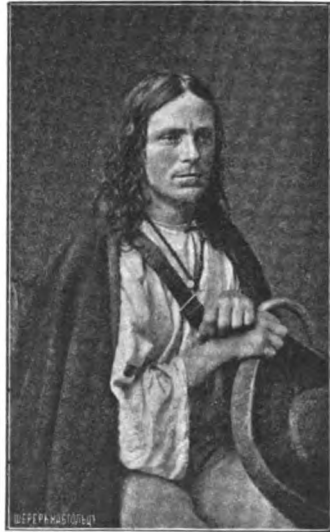

Рис. 12. Горецъ изъ Чачи подлѣ Живца (Галиція).

Приступая къ общей антропологической характеристикѣ польскаго типа, мы не можемъ не видѣть въ современномъ польскомъ населеніи такого же большого смѣшенія разныхъ типовъ, какъ и у другихъ народовъ. Въ Галиціи этотъ типъ представляется болѣе чистымъ, выражаясь довольно высокимъ ростомъ, преобладаніемъ свѣтлаго типа (35,4%) и незначительно бѣлѣе процентомъ смѣшаннаго (45,2%), сильнѣе выраженною короткоголовостью (84,4), при очень незначительномъ числѣ длинноголового (5%) и смѣшаннаго-среднеголового (11,4%) типовъ, при умѣренномъ лбѣ и затылкѣ и болѣе кругломъ лицѣ. Дальше къ сѣверу

типъ этотъ мѣняется, меньше въ Люблинской и Радомской губ., больше въ Варшавской и Плоцкой, а въ особенности въ Ломжинской губер., (именно въ Мазовецкомъ уѣздѣ), въ т. наз. Подлясьѣ, гдѣ южный польскій типъ значительно мѣняется и гдѣ помѣсь выступаетъ еще рѣзче, при среднемъ низкомъ ростѣ (161,7 сант.), смѣшанномъ типѣ взятыхъ въ совокупности кожи, волосъ и глазъ (84%), меньшей средней короткоголовости (81,8) и болѣе значительномъ процентѣ длинноголовости (20%) и большихъ размѣрахъ затылка (151,3 мм.).

На смѣшеніе типа подляшанъ, а отчасти населенія и другихъ польскихъ губерній не могли не оказать вліянія какъ сосѣднія русскія племена, такъ въ особенности и ятвяги. Извѣстно, что теперешнее Подлясье (Ломжинская губ.) было нѣкогда заселено народомъ литовско-финскаго происхожденія—ятвягами (ядзвинги, ячвинги, ятвѣзы), занимавшимъ песчаную равнину между р.р. Бебржой, Наревомъ, Нурцомъ и Бугомъ, жившимъ въ огромныхъ лѣсахъ и не поддававшимся вліянію посторонней культуры. Ятвяги были сильно тѣснимы своими сосѣдями: съ запада—князьями Мазовецкими, а съ юга и востока—русскими, которые въ XIII в. соединенными силами Василька и Данила Галицкихъ и князей Мазовецкихъ покорили ятвяговъ и подѣлили между собою ихъ земли. Во времена Болеслава Стыдливаго, около 1264 года, земли ихъ на западъ отъ рѣки Буга перешли къ князьямъ Мазовецкимъ, а на востокъ—къ князьямъ Волынскимъ. Кромѣ того, историческіе факты указываютъ, что ятвяги были насильно переселены въ страны побѣдителей. Есть много мѣстностей, носящихъ названіе этого вымершаго народа.

Часть ятвяговъ, смѣшавшаяся съ мазурами и русинами, образовала населеніе нынѣшняго Подлясья, какъ польское (до 200 тысячъ), такъ и русское (70 тысячъ). Польское населеніе Подлясья живетъ въ Августовскомъ уѣздѣ, Сувалской губ., въ Бялостоцкомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ, Гродненской губ., въ Мазовецкомъ у., Ломжинской губ., и въ Сѣдецкой губерніи.

Что же касается вопроса о томъ, какого типа были славяне, то результатъ, на который ссылается д-ръ Олехновичъ, полученный Майеромъ и Коперницкимъ при изслѣдованіи галицкихъ поляковъ, среди которыхъ они выдѣлили въ особую группу горцевъ-подгальянъ (Podhalanie)—обитателей Татръ, т.-е. вершинъ западной цѣпи Карпатскихъ горъ (на высотѣ 2663 метр.), въ отличіе отъ населенія низменностей, называемаго ляхами,—служить какъ бы подтвержденіемъ того, что древніе славяне были короткоголовыми. Подгальяне, живущіе въ мѣстахъ мало доступныхъ, вдали отъ культуры, лучше сохранили свой первоначальный типъ, рядомъ съ этнографическими особенностями, чѣмъ жители низменностей—«lachy». Измѣренія подгальянъ доставлены антропологической комиссіи Краковской академіи наукъ однимъ изъ видныхъ представителей польской науки,

Августомъ Вржесніовскимъ, почему они заслуживаютъ полнаго довѣрія. Наблюденія эти были вторично провѣрены на большемъ числѣ измѣреній и подтвердили разницу въ типѣ подгальянъ и ляховъ, а именно:

	Ростъ.	Длина че- репа.	Ширина черепа.	Горизонтал. окружность.	Ширина лба.	Череп- ной указат.
у подгальянъ. .	165 сант.	183,2 мм.	156,4 мм.	549 мм.	108,5 мм.	85,38
„ ляховъ. . .	164 „	184,1 „	152,8 „	546 „	115,3 „	82,10

Подгальяне при высокомъ ростѣ отличаются отъ ляховъ болѣе свѣтлымъ типомъ, величиною головы, болѣе узкимъ лбомъ, имѣютъ болѣе

Рис. 13. Горецъ изъ Бол. Порембы,
Лимановскаго у. (Галиція).

Рис. 14. Горецъ изъ Ласки, Гор-
лицкаго у. (Галиція).

широкій черепъ, что вліяетъ на болѣе значительную ихъ короткоголо-
вость. На чистоту расы подгальянъ указываетъ размѣщеніе черепныхъ
типовъ: короткоголоваго—91%, среднеголоваго—6%, а длинноголоваго—
едва 1,8%. Чистота типа подгальянъ нарушается по степени удаленія отъ
Татръ къ сѣверу и востоку, и справедливо можно считать подгальянъ
прототипомъ славянъ. Признаки антропологическаго родства съ отда-
ленными предками выступаютъ у потомковъ въ болѣе или менѣе вы-
сокомъ ростѣ, преобладающемъ свѣтломъ типѣ и процентѣ брахицефалии,
при узкомъ лбѣ и умѣренномъ затылкѣ. Брахицефалия и другіе общіе
признаки типа сильнѣе выступаютъ у галицкихъ поляковъ, польской

шляхты, подолянъ, лѣвобережныхъ украинцевъ, полѣшуконъ, русскихъ горцевъ и великороссовъ семейскихъ. Признаки эти слабѣе у сѣверныхъ поляковъ, бѣлоруссовъ, литовцевъ и подлясанъ, а у латышей проявляется склонность къ долихоцефалии. Слѣдовательно, ближайшее антропологическое родство между полянами у Днѣпра и Вислы подтверждается не только древнѣйшими историческими свѣдѣніями старѣйшаго славянскаго лѣтописца Нестора, но и тѣми антропологическими данными, на которыя я указалъ 10 лѣтъ тому назадъ, но это мнѣніе нѣкоторымъ лицамъ показалось тогда тенденціознымъ. Ближайшее антропологическое родство галицкихъ поляковъ, а въ особенности подгальянъ съ польскою шляхтою отличаетъ ихъ отъ крестьянъ, что замѣчается и на Украинѣ, и указываетъ на то, что общій типъ выходцевъ изъ Татръ чище сохранился у шляхты, какъ на привислянскихъ низменностяхъ, гдѣ они возсоединили «лехитскіе люди», какъ господствующее сословіе, и образовали Польское государство, такъ и у тѣхъ, которые нѣкогда колонизировали при-днѣпровскія земли западной Руси.

Г. Олехновичъ указываетъ на антропологическую связь подгальянъ Татръ съ населеніемъ Альпъ—этимъ наиболѣе чистымъ представителемъ кельтовъ въ Савойѣ (съ черепнымъ указателемъ 85,4), а также на то, что короткоголовость населенія Европы простирается между Альпами и Татрами, идя чрезъ Баварію, Чехію и Силезію, что по историческимъ и лингвистическимъ даннымъ позволяетъ предполагать связь между кельтами и славянами, являющимися представителями арійской расы въ Европѣ.

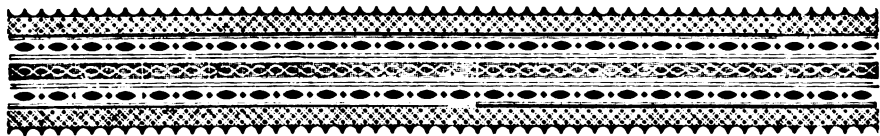
Мы считаемъ прототипомъ поляковъ татрскихъ горцевъ. Постоянное отступленіе отъ этого типа, по мѣрѣ удаленія отъ Карпатъ, указываетъ на смѣшанную расу, какъ и у другихъ народовъ, что позволяетъ повторить о полякахъ слова извѣстнаго историка Лелевеля, сказанныя 100 лѣтъ тому назадъ и подтвержденныя современною антропологіей: «нѣтъ народа чистокровнаго, безъ посторонней примѣси; преданія, существовавшія отъ колыбели человѣческаго рода, доказываютъ, что каждый народъ *est colluvies gentium*».

Литература: *Анучинъ Д. Н.*, Географич. распред. роста мужск. населенія Россіи. Спб., 1889; *онъ же*, Великороссы и Россія въ антропол. отношеніи (статья въ энцикл. словар. Брокгауза и Ефрона); *Богдановъ А. П.*, Матеріалы для антропологіи курган. періода Москов. губ. („Изв. Им. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.“ т. IV); *Bogdanik I.*, Trwanie życia w Białej na zasadzie wykazów zmarłych w latach 1875—1884 obliczone co do ludności chrześcijańskiej („Zbiór Wiad. do antr. kraj.“ т. X); *Brennsohn Isid.*, Zur Anthropol. der Litauer. Dorpat, 1883; *Bobrzyński M.*, Dzieje Polski. (Краковъ, 1879); *Buszek I.*, Porównanie trwania życia ludności chrześcijańskiej i żydowskiej zmarłej w Krakowie od r. 1859—1880 („Zbiór Wiad. do antr. kraj.“, т. VI); *Waldhauer F.*, Zur Anthropol. der Liven. Dorpat, 1879; *Waeber O.*, Beiträge zur Anthropol. der Letten. Dorpat, 1879; *Вейнбергъ Р. М.*, О строеніи большого мозга у астовъ, латышей и

поляковъ („Труды Антр. Отд.,“ т. XIX); *Weisbach*, Beiträge zur Kenntniss der Schädelformen Oesterreichischer Schädel („Mediz. Jahrbücher“, t. V, Wien, 1864); *онъ же*, Bemerkungen über Slavenschädel („Zeitschr. für Ethnologie“, 1874); *Virchow R.*, Beiträge zur phys. Anthrop. der Deutschen. Berlin, 1876; *Гильченко Н. В.*, Въсѣ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію („Труды Антроп. Отд.,“ т. XIX); *Hovelaque A.*, Polonais et slaves („Diction. des sciences anthropolog.,“ стр. 903 и 1006—1008); *Grendyszyński*, („Kalendarz Katolicki“ на г. 1896); *Grube O.*, Anthrop. Untersuch. an Esten. Dorp., 1878; *Daniłowicz Strzelbicki*, Przyczynek do badań antropol. nad ludnością Królestwa Polskiego (журн. „Zdrowie“, Варшава, 1896 г., май, июнь, июль); *Deniker I.*, Les races de l'Europe et l'indice céphalique en Europe. Paris, 1899; *онъ же*, The Races of Man. Lond., 1900; *онъ же*, Les races et les peuples de la terre. Paris, 1900; *онъ же*, Les races europeennes. („Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris“, 1897); *Dudrewicz*, Pomiarы antropol. dzieci warszawskich („Zbiór wiad. do antr. kraj.,“ t. VI); *Zakrzewski A.*, Wzrost w Królestwie Polskiem, przyczynek do charakterystyki fizycznej polaków (тамъ же, т. XV); *онъ же*, Ludność miasta Warszawy, przyczynek do charakterystyki fizycznej („Mater. antr.-arch. i etnogr.,“ t. I. Краковъ, 1896); *онъ же*, Nasz obszar etnograficzny („Wisła“, Варшава, 1888 и 1900); *онъ же*, Podlasie (тамъ же, 1889); *Ивановскій А. А.*, Монголы - торгоуты („Тр. Антр. Отд.,“ т. XIII. Москва, 1893); *онъ же*, Киргизы Средней орды (тамъ же, т. XIV); *Janiszewski Ant.*, Trwanie życia w Glinianach obliczone przez D-ra J. Majera na zasadzie wykazów śmiertelności („Zbiór Wiad. do antr. kraj.,“ t. VII); *Karłowicz Jan.*, Srodkowość polszczyzny (оттискъ изъ „III-go zjazdu polskich historyków w Krakowie, секція 2, Краковъ, 1900); *Kętrzyński Wojciech*, O słowianach, mieszkających niegdys między Renem, a Łabą, Salą i czeską granicą (Изд. Краков. акад. наукъ, 1899); *онъ же*, Die Lygier. Ein Beitrag zur Urgeschichte der Westslawen und Windilen (Познань, 1868); *Kollmann J.*, Les races humaines de l'Europe et la question arienne („Congr. internat. d'arch. préhist. et d'anthrop.,“ t. I. Москва, 1892); *Kopernicki*, Polska na zachodzie (Львовъ, 1894); *Korzon T.*, Wewnętrzne dzieje Polski za panowania Stanisława Augusta (Варшава, 1893); *Kozłowski*, O polskiej ludności w Prussach („Pamięt. fizyograf.,“ t. III. Варшава, 1883); *Kopernicki J.*, Czaszki przedmieszczan Krakowskich z XVII i XVIII wieku. („Zbiór Wiad. do antr. kraj.,“ t. XI); *онъ же*, Charakterystyka fizyczna górali ruskich (тамъ же, т. XIII); *Кржисвицкій Л.*, Физическая антропология. Пер. съ польскаго С. Д. Романько - Романовскаго. СПб., 1900; *онъ же*, Антропология. СПб., 1896; *Lissauer A.*, Altpommerellische Schädel („Verh. d. Berlin. anthr. Gesell.“, 1872); *Magierowski L.*, Trwanie życia w Jaćmierzu („Mater. antr.-archeol. i etnogr.,“ t. II); *онъ же*, Trwanie życia w okolicy Jaćmierza na podstawie metryk z lat 50 (1845—1895) (тамъ же, т. III, 1898); *Majer J. i Kopernicki J.*, Charakterystyka fizyczna ludności galicyjskiej („Zbiór Wiad. do antr. kraj.,“ t. I и IX); *Majer J.*, Roczny przyrost ciała u polaków galicyjskich, jako przyczynek do ich charakterystyki fizycznej (тамъ же, 1879); *онъ же*, Trwanie życia w Krakowie na zasadzie wykazu zmarłych w latach 1859—1868 obliczone co do ludności chrześcijańskiej (тамъ же, т. V); *Малиевъ Н. М.*, Матеріалы для сравнит. антропологии („Тр. Общ. Естеств. при Базан. универ.,“ 1874);

онз же, О строеніи русскаго черепа („Врачъ“, 1882); *Malinowski L.*, Zarysy życia ludowego na Śląsku („Ateneum“, Варшава, 1880); *Matiegka*, Lebky české z XVI století. Crania bohémica saeculi XVI. (Прага, 1893); *Нудерле Л.*, Человѣчество въ доисторич. времена. Пер. съ чешскаго О. К. Волкова. СПб., 1898; *Niedzwiedzki*, O polakach na Węgrzech („Niwa“, Варшава, 1879); *Olechnowicz W.*, Charakterystyka antropolog. ludności gub. Lubelskiej („Zbiór Wiad. do antr. kraj.“, t. XVII); *онз-же*, Charakterystyka antropol. szlachty drobnej gminy Grabowo, w powiecie Szczucińskim, gub. Łomżyńskiej (тамъ-же, t. XVIII); *онз-же*, Charakterystyka antropol. Litwinów z okolic m. Olity (тамъ-же); *онз-же*, Charakterystyka antropol. ludności pow. Opatowskiego, gub. Radomskiej („Mater. antr.-arch. i etnogr.“, t. II. Краковъ, 1897); *онз-же*, Crania polonica (тамъ-же, t. III); *Polivka*, Listy filolog. a paedag. XII. 464 (рефер. въ „Wisła“, Варшава, 1900, стр. 339); *R.*, 20,000,000 („Kraj.“, 1900, № 3); *Retzius A.*, Ueber die Schädel der Nordbewohner („J. Müller's Archiv“, 1845); *Ripley W. Z.*, The Races of Europe. Lond., 1900; *онз-же*, A selected bibliography of the anthropology and ethnology of Europe. Boston, 1899; *Rutkowski L.*, Przyczynek do antropologii krajowej („Prawda“, Варшава, 1900, № 25); *Rutowski T.*, Statystyka Galicji (Львовъ, 1893); *Sta. Sw.*, Listy z Podlasia (еженед. „Głos“, Варшава, 1887, №№ 22, 36, 45 и 46); *Sciborowski Wł.*, Trwanie życia w Krzeszowicach i okolicy na zasadzie wykazu zmarłych w ciągu lat pięćdziesięciu (1834—1883) (Zbiór Wiad. do antr. kraj.“, t. VIII); *Снегиревъ В. А.*, Матер. для медицин. статистики и географіи Россіи („Воен.-Медиц. Журн.“ за 1878 — 80, 82 и 83 гг.); *Talko-Hryniewicz*, Charakterystyka fizyczna ludu ukraińskiego („Zbiór Wiad. do antr. kraj.“, t. XIV); *онз-же*, Charakter. fizyczna ludów Litwy i Rusi (тамъ-же, t. XVII); *онз-же*, Charakter. fizyczna ludności Podola („Mater. antr.-archeol. i etnogr.“, t. I); *онз-же*, Szlachta ukraińska (тамъ-же, t. II); *онз-же*, Przyczynek do poznania świata kurhanowego Ukrainy (тамъ-же, t. IV); *онз-же*, O osadnictwie mazurskiem w kraju południowo-zachodnim. (прибавл. къ „Kraj.“, 1890, №№ 21 и 22); *онз-же*, Польская антропол. литература („Русск. Антрополог. Журн.“, 1900 г., № 4); *онз-же*, Къ антропологии великороссовъ. Семейскіе (старообрядцы) забайкальскіе. Томскъ, 1898; *Tarenetsky A.*, Beiträge zur Craniologie der Gross-russ. Bevölkerung („Mém. de l'Acad. des scienc. de St.-Petersb.“, 1884); *Tschaussow M. D.*, Beiträge zur Kenntnis des polnischen Schädels („Anatom. Anzeiger“, 1898, B. XIV, № 24); *онз-же*, Ueber die Verknöcherung der Nähte nebst Bemerkungen über Kapazität und Form des polnischen Schädels („Ergebnisse der Anatomie und Entwicklungsgeschichte“, herausgeg. von Fr. Merkel und R. Bonnet, 1899, B. IX, S. 546); *Udziela M.*, Trwanie życia w Janowie na zasadzie wykazu zmarłych w ciągu lat 110 (1785—1894) („Mater. antr.-arch.-i etnogr.“, t. IV); *Харузинъ А.*, Биргизы Букеев. орды („Тр. Антр. Отд.“, t. XIV); *Шафарикъ П. И.*, Славянскія древности, пер. съ чешскаго. Москва, 1838, т. I; *Элькинъ А. Д.*, Привислянскіе поляки („Тр. Антр. Отд.“, t. XVIII); *Эмме В. Е.*, Антрополог. средніе типы великорус. и малорус. череповъ („Прот. засѣд. Антр. Отд. И. О. Л. Е.“ за 1887 г. Москва, 1887); *Эрксрэтъ*, Малороссы Харьковской губ. („Изв. Кавказ. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VIII. Тифлисъ, 1882 и 83 гг.); *Ямчукъ Н. А.*, Къ вопросу объ антрополог. типѣ литовцевъ („Дневн. Антр. Отд.“, 1890 г., в. VI).

Ю. Талько-Грынцевичъ.

Къ вопросу объ исполинекомъ роетѣ.

Одно изъ наиболѣ замѣчательныхъ и загадочныхъ явленій въ жизни природы мы можемъ наблюдать въ наклонности организмовъ къ варіированію формы тѣла и его морфологическихъ элементовъ.

Во всемъ, что создано природою, обнаруживается какъ-бы непреодолимое стремленіе къ разнообразію. Изъ всей массы существующихъ варіантовъ издавна привыкли выдѣлять т. наз. средніе типы, представляющіе собою наиболѣ часто встрѣчаемую разновидность или вообще наиболѣ частую форму даннаго явленія. Всѣ же уклоненія отъ этого средняго типа характеризуются тѣмъ, что они группируются болѣе или менѣе правильно по ту и другую сторону отъ своего идеальнаго центра, причемъ наиболѣ отдаленныя отъ послѣдняго въ общежитіи и въ научной терминологіи принято называть „крайними“ типами, хотя они по своему существу и не представляютъ собою ничего типичнаго въ строгомъ смыслѣ этого слова. Одну изъ такихъ крайностей въ проявленіяхъ жизни природы мы имѣемъ въ виду въ настоящей статьѣ.

Размѣры человѣческаго тѣла колеблются, какъ извѣстно, въ общемъ среди довольно обширныхъ предѣловъ. Наблюдаются, съ одной стороны, необычайно рослые субъекты, имѣющіе въ рѣдкихъ случаяхъ длину выше $2\frac{1}{2}$ метровъ, это—представители типа великановъ или гигантовъ; съ другой стороны, нерѣдко встрѣчаются и описываются взрослые и даже пожилыхъ лѣтъ субъекты, ростъ которыхъ лишь немногимъ превосходитъ величину нормальнаго новорожденнаго ребенка. Такія и подобныя имъ наблюденія не лишены извѣстнаго теоретическаго значенія въ виду того, что въ основѣ всего явленія здѣсь лежитъ если не унаслѣдованная, то болѣею частью, несомнѣнно, прирожденная аномалія развитія организма, причину которой необходимо искать въ болѣе или менѣе раннихъ стадіяхъ утробной жизни. Какія именно условія во время индивидуальнаго развитія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приводятъ къ

нарушенію нормальныхъ законовъ развитія тѣла, мы въ точности не знаемъ. Мы видимъ лишь то, что въ результатъ этихъ условій—если они не приводятъ непосредственно къ явленіямъ патологическаго характера—въ концѣ концовъ обнаруживается цѣлый рядъ болѣе или менѣе рѣзко выраженныхъ уклоненій отъ средней или нормальной формы организма или его составныхъ частей, которыя въ научной морфологіи издавна рассматриваются подъ названіемъ то варіантовъ, то аномалій, причемъ эти два термина многими авторами употребляются promiscue и какъ равнозначущія. Съ телеологической точки зрѣнія необходимо допустить, что причины, дающія поводъ къ появленію аномалій или варіацій въ родѣ тѣхъ, которыя выражаются, напр., несоразмѣрнымъ развитіемъ жировой ткани, должны быть чисто случайными и, во многихъ случаяхъ, даже граничащими съ патологическими, ибо субъектамъ, одержимымъ только-что указанною наклонностью къ ожирѣнію, эта особенность не приноситъ никакой пользы, а часто, какъ то мы увидимъ ниже, служить имъ даже непосредственно во вредъ и въ ущербъ для здоровья. Относительно же сущности большинства другихъ варіантовъ формы организма мы также не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ представленій, но мы знаемъ, 1) что многіе изъ нихъ, предоставляя данному индивидууму извѣстное преимущество передъ другими въ борьбѣ за существованіе, отличаются необычайно упорною наклонностью къ наследственной передачѣ на потомковъ; 2) что цѣлый рядъ рассматриваемыхъ уклоненій отъ средняго типа обусловливается или явною остановкою даннаго органа или данной части тѣла на одной изъ тѣхъ ступеней развитія, какія обычно наблюдаются въ теченіе нормальной зародышевой жизни, или 3) служить выраженіемъ возврата къ такимъ отношеніямъ, которыя составляютъ норму на болѣе или менѣе отдаленныхъ ступеняхъ нашего филогенетическаго прошлаго, или же, наконецъ, 4) является проявленіемъ племенныхъ или расовыхъ особенностей организаціи даннаго субъекта. Варіанты первой и второй изъ только-что перечисленныхъ категорій принято называть индивидуальными, а варіанты третьей—атавистическими въ смыслѣ Дарвина и Геккеля.

Но какого бы происхожденія они ни были, для антропологическаго анализа всѣ видоизмѣненія формы и другихъ отношеній человѣческаго тѣла имѣютъ, несомнѣнно, одинаково важное значеніе, конечно при условіи исключенія явнаго вліянія такихъ факторовъ, которые слѣдуетъ отнести къ области патологической жизни. Точное установленіе границъ варіирования представляетъ собою, какъ извѣстно, одну изъ основъ всего ученія о физической организаціи человѣческихъ расъ,—этой существеннѣйшей задачи научной антропологіи. Но покажемъ сущность самихъ варіантовъ, ихъ происхожденіе и ихъ морфологическое значеніе для насъ составляютъ тайну, до тѣхъ поръ всякая попытка къ выдѣленію тѣхъ особенностей

жизни тѣла, которыя должно отнести на счетъ вліянія племенной организации, будетъ покоряться на весьма шаткихъ основаніяхъ. Въ виду только-что сказаннаго, намъ кажется нѣсколько неосновательно та скептическая и подчасъ даже нѣсколько ироническая улыбка, съ которою нѣкоторые изъ современныхъ антропологовъ смотрятъ на изученіе и наблюденіе всякаго рода «незаурядныхъ» особенностей человѣческой организации и на представленіе въ ученыхъ Обществахъ субъектовъ, которые вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ сторонъ своего физическаго развитія не только возбуждаютъ простое любопытство, но по справедливости способны приковывать къ себѣ серьезное вниманіе. То, что глазу большихъ массъ представляется въ видѣ прихотливой «игры» природы, можетъ подчасъ имѣть глубокое и серьезное значеніе для антрополога и анатома, въ глазахъ котораго средній или т. наз. «нормальный» человѣкъ и крайнія отклоненія отъ этого типа являются одинаково важными объектами изслѣдованія, ибо лишь вся сумма послѣднихъ можетъ дать вполнѣ точное представленіе объ устройствѣ и признакахъ перваго.

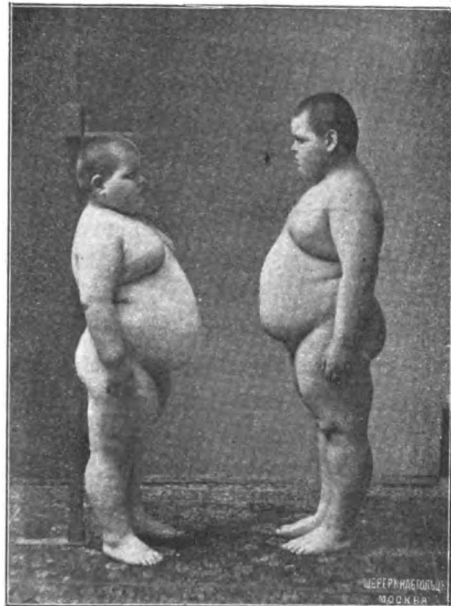

Рис. I.

Описанія истинныхъ великановъ, какъ извѣстно, встрѣчаются довольно часто въ антропологической литературѣ. Этого рода случаи издавна привыкли подводить подъ общее понятіе исполинскаго роста. Естественно, что антропологическое значеніе могутъ имѣть только случаи общаго или систематическаго исполинскаго роста, приводящаго къ болѣе или менѣе равномерному увеличенію человѣческаго тѣла въ одномъ или во всѣхъ его направленіяхъ, въ то время какъ чрезмѣрное разрастаніе отдѣльныхъ членовъ или частей неминуемо должно имѣть въ своемъ результатѣ болѣе или менѣе рѣзкое изуродованіе организма, становясь этимъ самымъ уже явленіемъ несомнѣнно патологическимъ. Но и общій систематическій исполинскій ростъ останавливаетъ на себѣ наше вниманіе лишь какъ явленіе при рожденное. Выходящее изъ ряда вонъ развитіе мышечной системы, какое наблюдается, напр., у атлетовъ

и профессиональных гимнастов, без сомнѣнія, также представляет собою частичное явленіе исполинскаго роста, но въ большинствѣ случаевъ не прирожденное свойство, а приобретенное въ періодѣ вѣтробной жизни путемъ односторонняго упражненія, приводящаго къ чрезмѣрному развитію или къ физиологической гипертрофіи той или иной системы органовъ.

Если допустить, что обычно наблюдаемые и описываемые случаи т. наз. исполинскаго роста у человѣка объясняются лишь необыкновенною интенсивностью физиологическаго процесса развитія тѣла у соответствующихъ субъектовъ, то эти случаи по своему существу опредѣляютъ крайніе предѣлы тѣхъ многочисленныхъ вариантовъ нормальной формы и развитія организма, которые, какъ мы видѣли, могутъ представляться выраженіемъ индивидуальных, племенныхъ или иныхъ особенностей даннаго субъекта. Насколько можно судить по существующимъ наблюденіямъ, люди-великаны встрѣчаются одинаково часто или одинаково рѣдко во всѣхъ странахъ земли и среди всѣхъ человѣческихъ расъ и племенъ. По этой причинѣ на явленіе исполинскаго роста приходится смотрѣть скорѣе всего какъ на чисто индивидуальную особенность, которая, однако-же, подобно всѣмъ крайнимъ явленіямъ, наблюдается въ природѣ лишь изрѣдка и въ исключительныхъ случаяхъ.

Во всѣхъ описаніяхъ типичныхъ великановъ дѣло идетъ, какъ извѣстно, исключительно о необычайныхъ размѣрахъ этихъ субъектовъ въ длину, которая во многихъ случаяхъ достигала до 230 или 250 сантиметровъ и даже того больше. При этомъ исполинскому росту здѣсь бываетъ подвергнута по преимуществу костная система, главнымъ же образомъ длинныя трубчатыя ея части и всѣ отдѣльные элементы позвоночнаго столба. Мы говоримъ «преимущественно», потому что большинство великановъ, несмотря на всю своеобразность и чудовищность ихъ внѣшняго облика, въ общемъ производятъ впечатлѣніе людей довольно пропорціональнаго сложенія, что, конечно, можетъ быть обусловлено только одновременнымъ участіемъ въ исполинскомъ ростѣ и другихъ мягкихъ органовъ и соответствующимъ длинѣ извѣстнымъ разрастаніемъ всѣхъ частей тѣла въ ширину и въ другихъ размѣрахъ. Тѣмъ не менѣе длина великановъ, непомѣрное развитіе въ длину ихъ костной системы болѣе всего остального приковываетъ къ себѣ вниманіе наблюдателя. Несравненно рѣже, повидимому, наблюдаются въ видѣ прирожденнаго явленія и въ предѣлахъ физиологической нормы случаи частичнаго исполинскаго роста цѣлыхъ другихъ системъ тканей, напр., поперечно-полосатыхъ мышцъ или подкожной жировой кѣтчатки, увеличеніе массы которыхъ въ соответствующихъ случаяхъ, *caeteris paribus*, естественно должно привести къ необычайнымъ размѣрамъ тѣла не въ длину, а въ ширину и вообще въ направленіяхъ, перпендикулярныхъ къ длинной оси тѣла. Извѣстно, что степень тучности или худощавости имѣетъ, на подобіе величины ро-

ста, большое влияние на внешнюю форму и общую конфигурацию человеческого тела. Уже при нормальных условиях, а темъ болѣе въ патологическихъ или близкихъ къ патологическимъ, степень развитія жировой ткани обнаруживаетъ весьма значительныя колебанія. Всѣмъ извѣстно также, что наклонность къ тучности даже можетъ служить объектомъ наследственной передачи отъ родителей на потомковъ и что существуютъ цѣлыя семьи, члены которыхъ если не съ самаго рожденія, то послѣ достиженія половой зрѣлости или по вступленіи въ бракъ подвергаются быстрому и ничѣмъ не остановимому ожирѣнію, несмотря на всю осторожность и умѣренность ихъ образа жизни. Въ другихъ случаяхъ процессъ ожирѣнія обнаруживается, напротивъ, какъ бы совершенно самостоятельно, безъ видимой наследственной подкладки, развиваясь уже въ очень ранніе періоды жизни и притомъ съ такою интенсивностью, что, хотя и не приводитъ къ явному нарушенію физиологическаго равновѣсія организма, темъ не менѣе обуславливаетъ рѣзкія, иногда доходящія до чудовищности, измѣненія внешней формы тѣла и этимъ самымъ рѣзко выделяетъ подобнаго рода субъектовъ изъ общаго уровня того, что обыкновенно принимаютъ за норму.

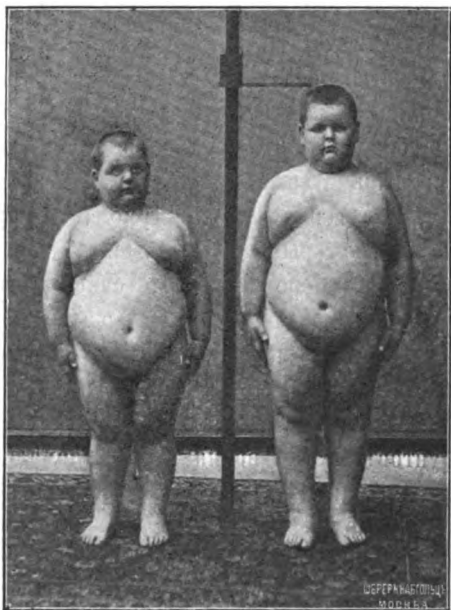

Рис. 2.

Наши рисунки (см. рис. 1, 2 и 3) изображаютъ собою двухъ представителей того типа великановъ, который отъ времени до времени показываютъ въ паноптикумахъ или на ярмарочныхъ представленіяхъ подъ названіемъ «дѣтей-чудовищъ» или «жирныхъ дѣтей». Представившіеся нашему наблюденію братья Адольфъ и Фридрихъ Шнейдеръ, первый 8 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ, второй—6 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, родомъ изъ мѣстечка Нейфарвассеръ, близъ Данцига, происходятъ отъ совершенно, повидимому, здоровыхъ родителей, многочисленныя другія дѣти которыхъ не обнаруживаютъ никакихъ замѣтныхъ уклоненій отъ нормы. Во всей ихъ семьѣ только эти два брата уже со дня рожденія поражали всѣхъ окружающихъ своими необыкновенными размѣрами, кото-

рые съ теченіемъ времени росли все болѣе и болѣе, пока не достигли своей настоящей величины. При этомъ о примѣненіи искусственнаго, преднамѣреннаго перекармливанія въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи; напротивъ, оба мальчика, по свидѣтельству окружающихъ ихъ лицъ, ѣдятъ и пьютъ болѣе чѣмъ умѣренно и, по совѣту врачей, даже воздерживаются отъ такой пищи, которая могла бы способствовать еще большому увеличенію ихъ объема, а у своихъ родителей имъ обыкновенно приходилось довольствоваться самымъ скромнымъ количествомъ грубой крестьянской пищи. Несмотря на все это, тучность обоихъ мальчиковъ, представленныхъ на нашихъ рисункахъ, выражена въ высшей степени рѣзко. Особенно сильное отложеніе жира здѣсь, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, замѣчается въ грудной области, такъ что объемъ грудной клѣтки составляетъ почти $\frac{4}{5}$ общей длины тѣла, а груди по своей формѣ напоминаютъ устройство этихъ органовъ у пожилыхъ женщинъ. Но и въ области живота процессъ ожирѣнія достигъ порядочныхъ размѣровъ; профиль отвислаго живота, въ особенности у младшаго изъ братьевъ, сильно выдается впередъ (рис. 1), и окружность талии превышаетъ даже средніе размѣры, наблюдаемые въ этой области у женщинъ въ послѣднихъ стадіяхъ беременности. Точно также обращаютъ на себя вниманіе несоразмѣрно увеличенныя бедра, объемъ которыхъ въ верхней ихъ части у младшаго мальчика равенъ 57, а у старшаго даже 63 сант. Неудивительно поэтому, что и вѣсъ тѣла оказывается увеличеннымъ въ 3—4 раза противъ нормы. У младшаго мальчика вѣсъ определенъ въ 160 фунтовъ, въ то время какъ у нормальныхъ сверстниковъ средній вѣсъ принято (по Quetelet и другимъ авторамъ) считать равнымъ 19 килограммамъ или около 48 фунтовъ; вѣсъ старшаго—198 фунтовъ противъ 50 фунтовъ у нормально развитыхъ дѣтей 8-лѣтняго возраста. Подобное увеличеніе вѣса въ дѣтскомъ возрастѣ наблюдалось, какъ извѣстно, и другими авторами; такъ, наприм., Eschenauer описываетъ 10-лѣтнюю дѣвочку, вѣсившую 219 фун., а Regneller у 11-лѣтней дѣвочки нашелъ вѣсъ даже въ 450 фун.; въ другомъ случаѣ, описанномъ Tulpius'омъ, мальчикъ 5-ти лѣтъ вѣсилъ 150 фун. и по развитію своему, вѣроятно, былъ близокъ къ первому изъ нашихъ двухъ случаевъ.

Нечего и говорить, что такое изъ ряда вонъ выходящее увеличеніе размѣровъ и вѣса тѣла въ нашихъ случаяхъ вызвано по преимуществу неумѣреннымъ разрастаніемъ жировой ткани, и притомъ не только въ подкожной клѣтчаткѣ, но и также, повидимому, въ различныхъ полостяхъ и вообще во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя и при нормальныхъ условіяхъ служатъ вмѣстилищами для накапливаемаго жира. Не слѣдуетъ, однакоже, забывать также о возможности участія и другихъ органовъ и тканей въ подобномъ процессѣ увеличенія объема тѣла. Въ нашихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, мы могли съ достовѣрностью убѣдиться въ существо-

ваніи, одновременно съ описаннымъ разрастаніемъ жировой ткани, нѣкоторой гипертрофіи мышечной ткани, въ особенности въ области верхней и нижней конечности. Но эта гипертрофія мышечной системы врядъ ли имѣетъ значеніе прирожденнаго явленія, какъ это установлено относительно общаго состоянія нашихъ гигантовъ и въ частности относительно гипертрофіи жировой клѣтчатки. Импресаріо, сопровождающій обоихъ мальчиковъ, по собственному признанію, подвергаетъ ихъ различнымъ гимнастическимъ упражненіямъ, и притомъ совершенно систематически съ такимъ расчетомъ, чтобы впослѣдствіи открыть имъ поприще великановъ-атлетовъ. Мы сомнѣваемся, впрочемъ, чтобы эти попытки когда-либо могли увѣнчаться успѣхомъ, особенно въ томъ случаѣ, если степень общаго ожирѣнія описываемыхъ мальчиковъ еще продолжительное время сохранить прежній прогрессивный характеръ. Извѣстно, что атлеты въ большинствѣ случаевъ весьма бѣдны жиромъ и что у нихъ сквозь наружные покровы рѣзко бываетъ видима игра колоссально развитыхъ мускуловъ.

Вообще относительно хода будущаго развитія тѣла въ нашихъ случаяхъ трудно сказать что-нибудь определенное, и врядъ ли кто имѣлъ возможность дѣлать болѣе продолжительныя наблюденія

по поводу дальнѣйшей судьбы субъектовъ, подобныхъ описываемымъ нами. Многое говоритъ въ пользу того, что развитіе сердца въ рассматриваемыхъ случаяхъ общаго ожирѣнія не идетъ вполне пропорціонально непомѣрному росту остальныхъ частей, такъ что возможно думать, что и въ нашихъ случаяхъ, при прогрессирующемъ увеличеніи объема тѣла, рано или поздно обнаружится рѣзкое несоотвѣтствіе между послѣднимъ и силою работы сердца. На такую возможность указываетъ замѣчаемое уже въ настоящее время извѣстное напряженіе дѣятельности сердца, выражающееся главнымъ образомъ нерѣзкою одышкою и даже нѣкоторою припухлостью общихъ покрововъ, которое, вѣроятно, вызвано эдематорнымъ ихъ состояніемъ. Обращаетъ на

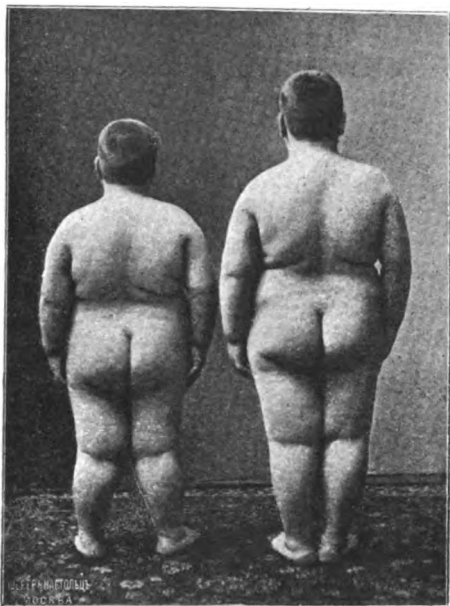

Рис. 3.

себя вниманіе также ненормальная чувствительность обоихъ мальчиковъ, вслѣдствіе которой уже самое осторожное надавливаніе концами Боделовскаго циркуля вызываетъ у нихъ обильныя слезы. Въ общемъ же психическое ихъ развитіе совершенно правильное и вполне соответствуетъ ихъ возрасту. Черепъ—брахицефалическій (86,7 и 85,2), лицо—округлыхъ очертаній, съ характернымъ для тучныхъ субъектовъ добродушнымъ и безпечнымъ выраженіемъ. Изъ составленной нами полной таблицы измѣреній приводимъ здѣсь только нѣкоторые такіа, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ разсматриваемому предмету.

	Фридрихъ, 6 л. 10 мѣс.	Адольфъ, 8 л. 3 мѣс.
Ростъ	123,2 ст.	135,6 ст.
Объемъ талии	104,7 "	102,5 "
Объемъ груди	102,1 "	106,7 "
Объемъ бедра въ верхней части . . .	57,3 "	62,9 "
Объемъ икры	39,2 "	44,2 "
Ширина черепа (головы)	15,7 "	15,6 "
Длина (наибольшая) черепа	18,1 "	18,3 "
Горизонт. окружность головы	54,0 "	55,3 "
Продольная " "	34,0 "	35,6 "
Вертикальная " "	37,1 "	36,4 "
Размахъ верхнихъ конечностей . . .	120,7 "	131,9 "
Вѣсъ тѣла	160 ф.	193 ф.

По вопросу о происхожденіи и причинахъ гигантскаго роста тѣла мы не можемъ привести никакихъ установленныхъ данныхъ. О наслѣдственности или о наслѣдственномъ предрасположеніи въ разсматриваемыхъ случаяхъ нѣтъ основанія говорить, тѣмъ болѣе, что какъ оба родителя, такъ и всѣ сестры и братья нашихъ мальчиковъ, какъ мы видѣли выше, отличаются совершенно нормальнымъ тѣлосложеніемъ. Тѣмъ не менѣе, фактъ развитія общаго исполинскаго ожирѣнія у двухъ членовъ одной и той же семьи, при всей своей загадочности, не лишенъ значенія и можетъ служить поводомъ къ размышленіямъ. Относительно т. наз. истиннаго гигантскаго или исполинскаго роста, выражающагося необыкновенно большими размѣрами тѣла преимущественно въ длину, было высказано даже предположеніе, что явленіе это представляетъ собою возвратъ къ существовавшему во время эволюціи человѣка первобытному высокорослому типу людей того времени, когда ради приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ человѣкъ долженъ былъ еще обладать необычайными для нашихъ понятій размѣрами тѣла и большими физическими силами въ борьбѣ съ угрожающими ему опасностями. Мы, однако, не имѣемъ въ виду здѣсь остано-

вливаясь на опроверженіи этой мысли, и поэтому лишь мимоходомъ упоминаемъ о томъ хорошо установленномъ фактѣ, что большинство нашихъ современныхъ «великановъ» обнаруживаетъ несомнѣнные признаки акромегалии или поражение рахитизмомъ и другія болѣзненные явленія (ломкость, искривленіе костей и пр.), не говоря уже о непродолжительности жизни всѣхъ наблюдавшихся до сихъ поръ великановъ. Отъ истиннаго гигантскаго роста наши случаи отличаются, повидимому, весьма рѣзко. Правда, весь *habitus* обоихъ мальчиковъ носитъ на себѣ явные признаки гигантскаго развитія. Даже длина роста у нихъ довольно замѣтно превышаетъ тѣ средніе размѣры, которые обычно наблюдаются у большинства дѣтей соответствующихъ возрастовъ; младшій (6 $\frac{10}{12}$ л.) имѣетъ 123,2, а старшій (8 $\frac{3}{12}$ л.)—135,6 ст. въ длину, въ то время, какъ средній нормальный ростъ 6-лѣтнихъ мальчиковъ (по Бенеке) не превышаетъ 105—110 ст., а средній ростъ 8-лѣтнихъ мальчиковъ равенъ 116 ст. Но болѣе рѣзко бросающаяся въ глаза особенность нашихъ мальчиковъ выражается въ ихъ колоссальныхъ размѣрахъ въ ширину, обусловленныхъ преимущественно усиленнымъ разрастаніемъ жировой ткани, а отчасти также мышечной системы. Обыкновенно подобныя явленія относятъ къ понятію общаго ожирѣнія — *Lipomatosis universalis*, указывая тѣмъ самымъ на патологическій характеръ всего явленія. Опредѣлить границы фізіологическихъ явленій и тѣ предѣлы, за которыми начинается область патологической жизни, какъ всѣмъ извѣстно, весьма трудно и во многихъ случаяхъ даже прямо невозможно. Но въ нашихъ случаяхъ, какъ мы видѣли выше, существуетъ полное фізіологическое равновѣсіе функцій организма, и ничто не указываетъ на существованіе пораженія органовъ или на патологическое происхожденіе описываемаго состоянія общей тучности. Въ виду этого мы пока предпочли бы, за неимѣніемъ лучшаго выраженія, могущаго охарактеризовать еще неизвѣстную намъ сущность самаго процесса, вмѣсто *Lipomatosis universalis* говорить о *Макросоміа адипоса* или *адипосомускуларіс*, въ отличіе отъ часто наблюдаемаго настоящаго мышечнаго гигантизма, который мы называемъ *Макросоміа мускуларіс*, и отъ обыкновеннаго гигантскаго роста, которому можно дать названіе *Макросоміа оссеа*. Съ этой точки зрѣнія мы приходимъ къ установленію двухъ различныхъ видовъ или типовъ исполинскаго роста: костныхъ или длинныхъ и мясистыхъ или широкихъ великановъ. Къ послѣдней категоріи слѣдуетъ отнести описанные нами и, по всей вѣроятности, по крайней мѣрѣ часть изъ прежде описанныхъ случаевъ т. наз. «жирныхъ дѣтей». То обстоятельство, что *Макросоміа адипосо-мускуларіс* наблюдается (въ большинствѣ случаевъ) только въ дѣтскомъ возрастѣ, указываетъ, повидимому, на то, что относящіеся сюда субъекты умираютъ еще ранѣе обыкновенныхъ великановъ.

По нашему мнѣнію, всѣ крайнія видоизмѣненія роста человѣческаго тѣла, иллюстраціею которыхъ служатъ, съ одной стороны, т. наз. карлики, а съ другой—великаны, могутъ имѣть научный интересъ лишь въ смыслѣ болѣе подробнаго уясненія вопроса о размѣрахъ человѣческаго тѣла и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Съ этой точки зрѣнія антропологическое значеніе должно приписывать не только обыкновеннымъ высокорослымъ гигантамъ, но и тѣмъ рѣдкимъ формамъ исполинскаго роста, которыя выражаются несоразмѣрнымъ увеличеніемъ общаго объема въ направленіяхъ, перпендикулярныхъ къ длинной оси тѣла и иллюстраціею которыхъ могутъ служить случаи, представленные въ настоящемъ краткомъ сообщеніи.

Р. Вейнбергъ.

Обработка антропологических наблюдений при помощи теории вероятностей.

Наиболее употребительный в настоящее время способ обработки антропометрических измерений, произведенных над значительным числом индивидуумов, состоит в том, что числа, данные наблюдениями, складывают между собой и делят на число наблюдений. Полученную таким образом величину считают характеризующею известную черту того типа, к которому принадлежали исследуемые индивидуумы. Если все эти индивидуумы принадлежали к одной и той же расе, то среднее арифметическое из наблюдений считается числом, характеризующим какую-либо особенность расового типа. Так, напр., среднее арифметическое из величин роста многих индивидуумов одной и той же расы считается величиной, выражающей типичный рост расы. Это предположение о том, что характерные черты вида измеряются средним арифметическим величин, измеряющих соответственные черты у отдельных индивидуумов, составляющих этот вид, не может быть всегда применимо без надлежащего исследования тех наблюдений, к которым его применяют. Теория вероятностей дает ряд критериев, которым должны удовлетворять наблюдения для того, чтобы было возможно принять, что та типичная величина, случайными отклонениями от которой являются результаты отдельных наблюдений, оказалась средним арифметическим из результатов отдельных наблюдений. Эти критерии состоят в том, что должны существовать известные соотношения между суммами различных алгебраических степеней отклонений результатов отдельных наблюдений от типичной величины. Таким образом, для того, чтобы убедиться в том, что эти критерии удовлетворяются, надо найти отклонения каждого из наблюдений от среднего арифметического из результатов всех наблюдений. Затем надо определить квадраты, кубы и т. д. этих отклонений и найти суммы всех первых степеней, затем всех квадратов, всех кубов и т. д. Между этими суммами существуют некоторые, наперед

заданныя, пропорціональности, если только изслѣдуемая типичная черта расы дѣйствительно измѣряется среднимъ арифметическимъ изъ результатовъ отдѣльныхъ наблюдений. Если же эти пропорціональности не выполнены, то типичная черта расы вовсе не измѣряется среднимъ арифметическимъ изъ результатовъ отдѣльныхъ наблюдений. Это не значитъ, что самыя наблюдения не годятся, что предполагали, къ несчастью, многіе изслѣдователи. Это значитъ только, что типичная черта изслѣдуемой расы измѣряется не среднимъ арифметическимъ изъ результатовъ отдѣльныхъ наблюдений, а нѣкоторымъ другимъ среднимъ, которое опредѣляется иначе. Причина того заблужденія, что наблюдения, не удовлетворявшія вышеупомянутымъ соотношеніямъ между суммами, считались непригодными для вывода изъ нихъ типичной черты расы, лежитъ просто въ томъ, что въ этихъ случаяхъ способъ опредѣленія типичной черты былъ неизвѣстенъ, такъ какъ способъ среднего арифметическаго приводилъ къ противорѣчію. Въ самомъ дѣлѣ, необходимымъ слѣдствіемъ признанія типичной величины за среднее арифметическое наблюдение являлось осуществленіе вышеупомянутыхъ пропорціональностей между суммами. Между тѣмъ эти пропорціональности не осуществлялись реально, тогда какъ число наблюдений требовало чрезвычайной точности въ ихъ осуществленіи, какъ то необходимо вытекало изъ теорій. Теорія требовала, чтобы эти пропорціональности между суммами осуществлялись тѣмъ точнѣе, чѣмъ больше наблюдений; между тѣмъ въ дѣйствительности не было ничего подобнаго. Даже не нужно было производить всѣхъ этихъ сложныхъ вычисленій надъ суммами для того, чтобы убѣдиться, что пропорціональности неудовлетворены. Въ самомъ дѣлѣ, осуществленіе этихъ пропорціональностей необходимо влечетъ за собой симметрію въ расположеніи наблюдений около средней величины, если только наблюдения достаточно многочисленны. Между тѣмъ, стоитъ лишь бросить взглядъ на таблицы наблюдений, чтобы убѣдиться въ томъ, что ассиметрія весьма значительна; единственнымъ логическимъ выходомъ изъ этихъ противорѣчій является тотъ выводъ, что въ этого рода случаяхъ типичная расовая черта не выражается среднимъ арифметическимъ изъ отдѣльныхъ наблюдений, а выражается какъ-то иначе. Между тѣмъ многіе изслѣдователи дѣлали совершенно иной выводъ—не логическій и не научный. Изъ того обстоятельства, что пропорціональности суммъ не удовлетворяются, они выводили, что нѣкоторыя наблюдения не годятся. И вотъ изъ ряда наблюдений, сдѣланныхъ одинаково тщательно и совершенно равноправныхъ между собой, эти изслѣдователи отбрасывали нѣкоторыя наблюдения на томъ единственномъ основаніи, что остальные наблюдения даютъ нѣкоторыя суммы степеней уклоненій, ближе удовлетворяющія вышеупомянутымъ условіямъ пропорціональности. Подобныя удаленія нѣкоторыхъ наблюдений являются приемами совершенно ненаучными, ибо эти наблюдения суть данныя опыта, и если онѣ не согласны съ нашими те-

оретическими предположениями, то не данные опыта должны быть отвергнуты, а наши теоретическія предположенія, какъ несогласныя съ дѣйствительностью. Я не говорю, конечно, о тѣхъ случаяхъ, когда наблюденія произведены съ разною степенью точности, разными приемами или при помощи разныхъ приборовъ: тогда возможно, что нѣкоторыя наблюденія мы должны будемъ отвергнуть; но мы будемъ имѣть право сдѣлать это лишь тогда, когда намъ будетъ извѣстно, что приемы, при помощи которыхъ производились наблюденія, были неудовлетворительны. Такимъ образомъ, то обстоятельство, что вышеупомянутыя пропорціональности суммъ не удовлетворяются, должно насъ побудить къ замѣнѣ способа вычисленія изслѣдуемой типичной расовой черты, какъ среднего арифметическаго наблюденій, нѣкоторымъ другимъ способомъ вычисленія, а вовсе не къ тому, чтобы отвергнуть самыя наблюденія. Математикъ Гауссъ, разработавшій способъ арифметическихъ среднихъ, вовсе не считалъ его безусловно истиннымъ. Точно также математики, освѣдомленные въ этомъ отдѣлѣ теоріи вѣроятностей, совсѣмъ не считали, что всякія наблюденія необходимо должны удовлетворять вышеупомянутымъ пропорціональностямъ суммъ. Математики признавали лишь, что эти пропорціональности осуществляются довольно часто съ удовлетворительной степенью приближенія. Точнаго осуществленія ихъ не наблюдали никогда. Даже въ наиболѣе удачныхъ съ этой точки зрѣнія случаяхъ распредѣленія уклоненій наблюденій отъ среднего арифметическаго всегда наблюдали систематическія уклоненія отъ теоретическаго закона. Очень часто эти уклоненія достигали весьма значительной величины. Поэтому единственный надежный выводъ состоялъ въ томъ, что если пропорціональности суммъ осуществляются съ достаточной степенью точности, то средняя арифметическая изъ результатовъ наблюденій выразитъ съ достаточной степенью точности искомую типичную величину. Мы не будемъ вдаваться въ математическое изслѣдованіе этого вопроса, такъ какъ оно слишкомъ специально. Но въ подтвержденіе вышеизложенныхъ мыслей мы приведемъ нѣкоторыя соображенія, которые могутъ быть поняты безъ помощи математическаго анализа. Прежде всего мы замѣтимъ, что предположеніе о томъ, что типичная величина можетъ быть выражена среднимъ арифметическимъ изъ результатовъ отдѣльныхъ наблюденій, опирается на предположеніе, что равновеликія отклоненія отъ типичной величины въ положительную и отрицательную стороны равновѣроятны. Если эти отклоненія не велики, то подобное предположеніе оправдывается довольно хорошо, но если онѣ значительны, то это предположеніе является лишь довольно грубымъ приближеніемъ къ дѣйствительности. Всѣ тѣ уклоненія отъ типа, которые мы наблюдаемъ въ антропологіи, довольно значительны. Поэтому трудно ждать симметріи въ расположеніи уклоненій, и, слѣдовательно, способъ среднего арифметическаго въ антропологіи долженъ быть замѣненъ нѣкоторымъ другимъ.

Не вдаваясь въ математическую аргументацію, мы приведемъ лишь нѣкоторые общія соображенія, изъ которыхъ получается этотъ новый способъ. Какъ мы уже упоминали, необходимо отказаться отъ гипотезы о томъ, что отклоненія отъ типа въ ту и другую сторону расположены симметрично относительно его, такъ какъ эта гипотеза очень часто не осуществляется. Въмѣстѣ съ тѣмъ становится неприложимымъ способъ ариѳметической середины. Въмѣсто этой гипотезы мы предлагаемъ такое опредѣленіе антропологическаго типа: типичнымъ индивидуумомъ какой-либо расы является такой индивидуумъ, что для индивидуумовъ этой расы отклоненія въ положительную и отрицательную сторону отъ этой типичной формы оказываются равновѣроятными.

Прилагая это опредѣленіе къ росту, мы получимъ такой выводъ: типичный расовый ростъ равняется такой величинѣ, что половина общаго числа индивидуумовъ этой расы имѣетъ ростъ болѣе типичнаго, и половина—ростъ менѣе типичнаго.

Такое опредѣленіе кажется намъ болѣе совершеннымъ по той причинѣ, что естественно ждать, что отклоненія отдѣльныхъ индивидуумовъ отъ типа, совершающіяся подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ, совершаются съ одинаковой вѣроятностью въ положительную и отрицательную сторону. Но было бы ошибочно ожидать, что всякая группа отклоненій въ положительную сторону найдетъ себѣ равную группу отклоненій въ отрицательную сторону, что, однако, необходимо должно осуществиться, если отклоненія индивидуумовъ отъ типа расположены симметрично около этого типа. Въ самомъ дѣлѣ, если отклоняющая причина дѣйствуетъ въ положительномъ направленіи, то она, вѣроятно, произведетъ иной величины эффектъ, чѣмъ причина той же силы, но дѣйствующая въ отрицательномъ направленіи. Поэтому средняя абсолютная величина отклоненій въ положительную сторону должна въ извѣстной степени отличаться отъ средней абсолютной величины отклоненій въ отрицательную сторону. Но число отклоненій въ положительную сторону не должно замѣтно отличаться отъ числа отклоненій въ отрицательную сторону, хотя самый размѣръ отклоненій будетъ различный. Приравнивая между собой эти два числа отклоненій, мы и получимъ наше опредѣленіе типа. По нашему мнѣнію, такое опредѣленіе носить въ себѣ менѣе гипотетичнаго, чѣмъ опредѣленіе типа, получаемое при помощи средняго ариѳметическаго, такъ какъ это послѣднее кромѣ того предположенія, которое дѣлаемъ мы, заставляетъ дѣлать еще одно, не оправдываемое опытомъ, предположеніе о симметріи въ расположеніи отклоненій. Мы думаемъ, что, отказываясь отъ этого послѣдняго предположенія, мы приблизимся къ истинѣ. Итакъ примемъ наше опредѣленіе типа и попробуемъ примѣнить его къ дѣйствительности.

Если бы знали ростъ, напр., всѣхъ индивидуумовъ данной расы, то на основаніи опредѣленія мы могли бы непосредственно найти типичный

рость, найдя такую величину, которая была бы больше роста половины индивидуумовъ изучаемой расы и меньше роста остальной половины. Но мы почти никогда не имѣемъ свѣдѣній столь полныхъ. Обыкновенно мы имѣемъ лишь свѣдѣнія относительно отдѣльной группы лицъ изъ данной расы. Иногда такія группы содержатъ большое число индивидуумовъ, взятыхъ изъ данной расы случайно. Теперь возникаетъ вопросъ: какъ изъ данныхъ относительно такой группы лицъ опредѣлить возможно точно черты расоваго типа?

Этотъ вопросъ, чисто математическій, можетъ быть рѣшенъ при помощи теоріи вѣроятностей. Рѣшеніе это даетъ вѣроятнѣйшую величину искомымъ размѣровъ типа, которая даетъ возможно близкую къ искомому типу величину *).

Эта вѣроятнѣйшая величина, какъ оказалось въ результатѣ нашихъ изысканій, опредѣляется по даннымъ намъ наблюденіямъ точно такъ же, какъ опредѣлялся бы типъ, если бы были извѣстны измѣренія всѣхъ индивидуумовъ расы. Надо всѣ данныя намъ наблюденія расположить въ порядкѣ возрастанія величины ихъ результатовъ и взять среднее по порядку, которое и выразить вѣроятнѣйшую величину соотвѣтственнаго измѣренія типа. Эту среднюю по порядку величину я предлагаю назвать *средней топологической* (отъ греческаго слова *τόπος*), такъ какъ величина этой средней зависитъ, такъ сказать, отъ мѣста, которое занимаютъ результаты наблюденій относительно другъ друга. Это названіе «средняя топологическая», или «среднее топологическое», мы будемъ употреблять для удобства изложенія въ настоящей статьѣ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ привести здѣсь математическихъ доказательствъ тѣхъ положеній, которыя высказываемъ, въ виду ихъ специальности. Напомнимъ лишь, что среднюю топологическую величину употребляли уже въ антропологіи, но не какъ вѣроятнѣйшую величину, измѣряющую какую-либо особенность типа, а какъ одинъ изъ критеріевъ. Впрочемъ, это употребленіе было крайне несовершенно, какъ будетъ видно далѣе. Если средняя топологическая значительно удалялась отъ средней арифметической, то эту послѣднюю отвергали и не дѣлали никакого вывода изъ наблюденій. Если же средняя топологическая была близка къ средней арифметической, то эту послѣднюю принимали за вѣроятнѣйшее измѣреніе соотвѣтственной величины типа. Послѣдній выводъ можно принять, какъ достаточно близкій къ истинѣ. Но если наблюденія произведены тщательно, то неужели мы имѣемъ право отвергнуть ихъ только потому, что средняя арифметическая

*) Точное математическое рѣшеніе этой задачи опубликовано мною въ X томѣ Трудовъ Отдѣленія Физическихъ Наукъ Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ статьѣ, подъ заглавіемъ: „Опредѣленіе вѣроятнѣйшаго значенія измѣряемаго объекта на основаніи нѣсколькихъ наблюденій помимо постулата Гаусса“.

далеко отклонилась от средней топологической? Конечно, нѣтъ. Въ этомъ случаѣ надо отвергнуть лишь одну среднюю арифметическую, а не наблюдёнія. Вѣроятнѣйшей же величиной типа будетъ снова средняя топологическая. Та же самая средняя топологическая дастъ вѣроятнѣйшую величину типа и въ томъ случаѣ, когда къ ней близка средняя арифметическая. Эта послѣдняя только потому и была близка къ истинѣ, что она была близка къ средней топологической. Не слѣдуетъ ли измѣнить роли этихъ двухъ среднихъ, и считая среднюю топологическую вѣроятнѣйшей величиной типа, считать среднюю арифметическую за критерій годности наблюдёній? Я могу на это отвѣтить самымъ положительнымъ образомъ: нѣтъ, средняя арифметическая не можетъ служить критеріемъ, и сколько бы она ни уклонялась отъ средней топологической, это ничего не говоритъ ни за, ни противъ точности наблюдёній. Это не значить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда удовлетворяются критеріи, необходимые по теоріи, средняя арифметическая не выражаетъ достаточно точно искомый типъ. Совсѣмъ напротивъ: если эти критеріи удовлетворены, то средняя арифметическая достаточно точно выражаетъ истину. Но вмѣстѣ съ тѣмъ именно въ этихъ случаяхъ она очень близка къ средней топологической. Если же критеріи средней арифметической удовлетворены недостаточно, тогда средняя арифметическая далеко уклоняется отъ истины и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко уклоняется отъ средней топологической, которая все время остается вѣроятнѣйшей величиной типа. Если средняя арифметическая только тогда хорошо выражаетъ истину, когда она лишь нечувствительно уклоняется отъ средней топологической, и во многихъ случаяхъ уже перестаетъ выражать истину, которую все еще выражаетъ средняя топологическая, то что заставляетъ насъ употреблять среднее арифметическое? Намъ кажется, что его надо оставить, тѣмъ болѣе, что правильное употребленіе его требуетъ огромныхъ вычисленій. Надо найти всѣ отклоненія отдѣльныхъ наблюдёній отъ средней арифметической, возвести эти разности въ квадратъ, кубъ, четвертую, пятую степень и т. д. Затѣмъ надо найти рядъ суммъ этихъ степеней, одну изъ этихъ суммъ возвести въ квадратъ, кубъ, четвертую, пятую степень и т. д. Затѣмъ полученныя величины дѣлить между собою и сравнивать полученныя частныя съ таблицами. Все это составляетъ подавляющій, практически невыполнимый трудъ, если мы имѣемъ дѣло со многими наблюдёніями. Число же антропологическихъ наблюдёній можетъ доходить до тысячъ, и очень часто выражается сотнями. Притомъ всѣ эти вычисленія нисколько не повышаютъ точности вывода. Они говорятъ лишь, можно ли принять среднюю арифметическую или надо ее отвергнуть. Можно упростить эти вычисленія, ограничившись одной суммой и таблицами погрѣшностей, но тогда критеріи будутъ менѣе доказательны. Примѣненіе критеріевъ въ томъ видѣ, какъ мы ихъ описали, рекомендуется въ курсѣ теоріи вѣроятностей Бертрана. Но вотъ что онъ гово-

рить о самомъ методѣ средняго ариѳметическаго: «Правило средняго ариѳметическаго,—и это обстоятельство важно отмѣтить,—не доказано и не точно». «Этотъ постулатъ, допущенный въ одномъ случаѣ, дѣлается невозможнымъ въ другомъ». «Второе предположеніе, необходимое для доказательства его, заключаетъ равнымъ образомъ противорѣчіе» *).

Тѣ критеріи, выполненіе которыхъ необходимо для того, чтобы можно было примѣнять правило средняго ариѳметическаго, сводятся въ существѣ дѣла къ тому, что отклоненія отдѣльныхъ индивидуумовъ отъ типа должны подчиняться нѣкоторому а priori данному закону, который указываетъ относительную численность случаевъ, въ которыхъ наблюдались отклоненія данной величины отъ типа. Мнѣ кажется, что существованіе такого закона, даннаго а priori для всѣхъ расъ, всѣхъ временъ, для всѣхъ антропометрическихъ величинъ, является въ высокой степени невѣроятнымъ. Нѣкоторые статистики, какъ напр. Кетле, считали, что подобная законность существуетъ, такъ что можно взять какую-либо величину, имѣющую для всякаго отдѣльнаго индивидуума свое специальное значеніе, и, сосчитавши, сколько индивидуумовъ имѣютъ эту величину, заключенную между двумя данными границами, знать напередъ нѣкоторую закономерность, которой подобныя числа подчиняются. Подобное воззрѣніе несомнѣнно является ошибочнымъ. Причину этой ошибки легко открыть. Та закономерность, которую считалъ реальной Кетле по примѣру нѣкоторыхъ математиковъ, даетъ распредѣленіе отклоненій отъ типа, которое напоминаетъ въ общихъ чертахъ тѣ распредѣленія, которыя встрѣчаются всего чаще. Кромѣ того, эта теоретическая закономерность содержитъ въ своемъ выраженіи одну произвольную величину. Выбирая эту величину такъ, чтобы теоретическій выводъ возможно близко подходилъ къ дѣйствительности, мы можемъ сдѣлать разногласіе между теоретической формулой и дѣйствительностью не слишкомъ большимъ. Но говорить ли это въ пользу того, что такая теоретическая формула является чѣмъ-то исключительно точнымъ, является нѣкоторымъ закономъ природы? Для рѣшенія этого вопроса можно употребить такой путь: попробуемъ замѣнить эту теоретическую формулу другой. Если и новая формула дастъ не меньше согласія съ дѣйствительностью, то очевидно, что прежняя никакого закона природы не выражала. Именно это мы и имѣемъ въ данномъ случаѣ. Можно найти сколько угодно новыхъ формулъ, которыя изобразятъ распредѣленіе отклоненій еще точнѣе прежнихъ. Онѣ изобразятъ дѣйствительность тѣмъ точнѣе, чѣмъ болѣе въ нихъ войдутъ произвольныхъ величинъ, которыя можно подбирать сообразно требованіямъ опыта. Поэтому, я утверждаю, что никакого а priori даннаго закона распредѣленія отклоненій отъ расоваго типа не имѣется. Извѣстно только, что индивидуумы, мало уклоняющіеся отъ типа, чаще

*) I. Bertrand. Calcul des probabilités. Paris, 1889, p. p. 180—181.

встрѣчаются, чѣмъ индивидуумы, значительно уклоняющіеся отъ типа. Кромѣ того, уклоненія, превосходящія нѣкоторый предѣлъ, совершенно невозможны. Всякая раса имѣетъ свой законъ распредѣленія уклоненій отъ расоваго типа, который сохраняется, пока не измѣнились условія, при которыхъ живетъ раса. При нормальныхъ условіяхъ жизни расы, когда нѣтъ какихъ-либо новыхъ и неожиданныхъ воздѣйствій на нее, когда она живетъ при тѣхъ условіяхъ, которыя вліяютъ на нее давно и къ которымъ она уже приспособилась, естественно ожидать, что уклоненія отъ расоваго типа въ положительную сторону такъ же вѣроятны, какъ уклоненія въ отрицательную сторону. Это положеніе, конечно, есть гипотеза, но въ пользу ея можно сказать то, что расовый типъ и является такимъ, который соответствуетъ, такъ сказать, положенію равновѣсія силъ, вліяющихъ на расу. Это положеніе равновѣсія и опредѣляется тѣмъ, что числа уклоненій отъ типа въ ту и другую сторону отъ типа равны между собой. Если бы число уклоненій въ положительную сторону было бы больше числа уклоненій въ отрицательную сторону, то расовый типъ подвергся бы измѣненію, и движеніе его въ ту сторону, въ которую уклоненія случаются чаще, т.-е. въ положительную сторону, продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока не наступило бы равенство чиселъ случаевъ уклоненія въ ту и другую стороны. При этомъ же условіи типъ не будетъ имѣть причины уклоняться въ ту или другую сторону, такъ какъ тенденція къ уклоненію въ положительную сторону компенсируется тенденціею къ уклоненію въ отрицательную сторону. Для того, чтобы точнѣе выразить нашу мысль, мы рассмотримъ какой-либо болѣе конкретный случай. Рассмотримъ вопросъ о расовомъ ростѣ. Относительно размѣровъ роста были произведены многочисленныя изысканія, причемъ подвергся изслѣдованію также вопросъ о наслѣдственности роста. Оказалось, какъ того и слѣдовало ожидать, что ростъ въ среднемъ наслѣдствененъ, такъ что люди высокаго роста имѣютъ въ среднемъ потомство высокаго роста, люди средняго роста имѣютъ точно также въ среднемъ потомство средняго роста и т. д., причемъ, конечно, ростъ отца вліяетъ столько же, сколько ростъ матери. Принявши это во вниманіе, ради примѣра допустимъ, что раса подверглась вліянію какихъ-либо новыхъ условій, которыя оказались состоящими въ нѣкоторой связи съ ростомъ. Допустимъ, что какое-либо уклоненіе въ размѣрѣ роста отъ типа въ положительную или отрицательную сторону оказалось болѣе благоприятнымъ для жизни индивидуума, чѣмъ противоположное. Подобное стеченіе условій, конечно, возможно, или по крайней мѣрѣ возможно нѣчто въ томъ же родѣ. Мы желаемъ лишь выяснитъ этимъ примѣромъ нашу мысль.

При этихъ обстоятельствахъ въ числѣ взрослыхъ индивидуумовъ будутъ преобладать тѣ индивидуумы, которые отклонены въ извѣстномъ направленіи отъ расоваго типа. Для опредѣленности мысли допустимъ,

что въ разсматриваемомъ поколѣніи будутъ преобладать индивидуумы съ ростомъ, меньшимъ расоваго роста. Такъ какъ ростъ наследствененъ, если разсматривать большое число индивидуумовъ, то и въ слѣдующемъ поколѣніи будутъ преобладать численно индивидуумы, обладающіе ростомъ, меньшимъ прежняго расоваго роста. Если внѣшнія условія останутся прежнія, то ихъ послѣдствіе, т.-е. увеличеніе числа относительно малорослыхъ индивидуумовъ, сохранится и будетъ передаваться наследственно. Если бы не встрѣчалось никакой противодействующей причины, то произошло бы постепенное пониженіе средняго роста, которое сказывалось бы прогрессивно въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Такая противодействующая причина, конечно, обнаружится, ибо этотъ процессъ пониженія роста никогда не шель безгранично, и тогда, когда эта противодействующая причина создастъ столько же шансовъ въ пользу повышенія роста, сколько первая причина создала шансовъ въ пользу пониженія роста, тогда только остановится прогрессивное пониженіе расоваго роста и наступитъ равновѣсіе, наступитъ устойчивость типа во времени.

Поэтому, если изслѣдуемая нами раса не обнаруживаетъ слишкомъ быстрой измѣнчивости во времени, если наблюденія показываютъ намъ, что каждое данное поколѣніе достаточно похоже по своему антропологическому составу на предыдущее, то естественно предположить, что равновѣсіе уже наступило, и положительныя уклоненія отъ типа такъ же вѣроятны, какъ и отрицательныя уклоненія отъ него. Это слѣдуетъ изъ того, какъ было выяснено выше, что, если бы было иначе, то раса прогрессивно измѣнялась бы изъ поколѣнія въ поколѣніе въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Если же такого измѣненія незамѣтно, такъ что мы можемъ его отнести къ категоріи малыхъ величинъ, то постольку, поскольку это измѣненіе мало, мы можемъ ожидать, что уклоненія отъ типа въ ту или другую сторону равновѣроятны.

Практическіе приемы приложенія средняго топологическаго. Предположимъ, что наблюденія какой-либо антропометрической величины дали для нѣкоторой расы рядъ величинъ: $a_1, a_2, a_3, \dots, a_n$. Предположимъ сначала, что всѣ эти числа, данныя наблюденіями, различны между собой и расположены въ порядкѣ возрастанія ихъ величины. Такимъ образомъ число a_1 есть самое маленькое; число a_2 больше a_1 , но меньше a_3 и послѣдующихъ; число a_3 больше a_2 и a_1 , но меньше a_4 и послѣдующихъ и т. д. Вообще $a_k - 1 < a_k$. Если общее число наблюденій n нечетно, такъ что мы имѣемъ $2m - 1$ наблюденныхъ величинъ, то среднимъ топологическимъ будетъ a_m , которое въ данномъ случаѣ есть среднее по порядку. Менѣе его имѣется $(m - 1)$ наблюденій и болѣе его тоже $(m - 1)$ наблюденій. Если же общее число наблюденій четно и равно $2m$, то среднее топологическое лежитъ между a_m и a_{m+1} . Такимъ образомъ среднее топологическое въ этомъ случаѣ является неопредѣлен-

ной величиной, занимающей произвольное положеніе между a_m и a_{m+1} такъ что m наблюдений дали результатъ меньшій средняго топологическаго и m наблюдений дали результатъ большій средняго топологическаго, которое по самому опредѣленію даетъ средній по величинѣ результатъ. Неопредѣленность средней топологической не мѣшаетъ примѣненію ея на практикѣ къ отысканію вѣроятнѣйшей величины, ибо обыкновенно разность между двумя средними наблюденіями крайне мала, такъ что предѣлы, между которыми находится среднее топологическое, крайне сближены. Поэтому неопредѣленность, возникающая этимъ путемъ, не мѣшаетъ дѣлу. Для того, чтобы остановиться на какой-либо опредѣленной величинѣ, можно взять наиболѣе круглое число изъ всѣхъ, которые находятся въ томъ промежуткѣ, гдѣ должна находиться средняя топологическая. Подобное округленіе числа возможно потому, что всѣ числа, лежащія между a_m и a_{m+1} , равновѣроятны въ качествѣ типичныхъ величинъ. Поэтому можно взять круглое число, которое не менѣе вѣроятно, чѣмъ остальные. Положимъ, напр., что a_m равно 153,4 мм. и a_{m+1} равно 154,2 мм. При этихъ условіяхъ удобнѣе взять 154 мм., такъ какъ это число столь же вѣроятно, какъ всякое другое число, лежащее между 153,4 и 154,2, но выражается проще ихъ. Можно также, не стремясь получить возможно простое число, взять за вѣроятнѣйшую величину среднее арифметическое $\frac{a_m + a_{m+1}}{2}$. Этотъ послѣдній пріемъ полезенъ, если раз-

ность между a_{m+1} и a_m довольно велика, что случается, если число наблюдений не велико. Допустимъ, напр., что четыре наблюденія дали намъ такіа числа: 10; 12,1; 14,2; 16. Два среднихъ наблюдений имѣютъ здѣсь величины 12,1 и 14,2. Между этими предѣлами лежатъ два круглыхъ числа 13 и 14. Кромѣ того, предѣлы значительно удалены одинъ отъ другого. По нашему мнѣнію, съ точки зрѣнія теоріи вѣроятностей, строго говоря, нельзя сдѣлать выбора между какими бы то ни было числами, лежащими между 12,1 и 14,2. Ради удобства можно взять либо 13, либо 14. Ради симметріи можно взять среднее арифметическое изъ 12,1 и 14,2. Тогда для вѣроятнѣйшей величины типа мы получимъ 13,15. Но это число не точнѣе ни 13-ти, ни 14-ти. Причина такой неопредѣленности лежитъ въ томъ, что наблюдений слишкомъ мало. Эта неопредѣленность отвѣта даже полезна, по нашему мнѣнію, ибо она напоминаетъ, что точное рѣшеніе неизвѣстно, и самое большее, что мы можемъ сдѣлать—это установить предѣлы, между которыми, вѣроятно, лежитъ искомая величина типа. Если же къ предшествующимъ наблюденіямъ, давшимъ четыре величины изучаемаго элемента: 10; 12,1; 14,2; 16, присоединяется еще одно пятое, которое даетъ, предположимъ, величину 17,1, то рядовое расположеніе будетъ: 10; 12,1; 14,2; 16; 17,1. При этихъ новыхъ условіяхъ среднее топологическое будетъ уже равно 14,2, причемъ никакой неопредѣлен-

ности не будетъ. При этихъ условіяхъ вѣроятнѣйшая величина типа равна въ точности 14,2. Если число наблюденій незначительно, то вопросъ о томъ, насколько полученный результатъ близокъ къ истинѣ, является вопросомъ очень важнымъ. Рѣшеніе этого вопроса таково (мы считаемъ это рѣшеніе точнымъ, но это положеніе еще не принято и встрѣчаетъ возраженія): допустимъ, что намъ дано n наблюденій $a_1, a_2, a_3, \dots, a_n$, расположенныхъ въ порядкѣ возрастанія величины. Вѣроятность того, что искомая величина типа лежитъ между a_k и a_{k+1} , равняется $(k+1)$ члену степени двучлена $\left(\frac{1}{2} + \frac{1}{2}\right)^n$. Если мы, не выполняя дѣйствія при-

веденія, выполнимъ дѣйствіе возведенія въ степень, то мы получимъ по правилу бинома Пьютона

$$\left(\frac{1}{2} + \frac{1}{2}\right)^n = \frac{1}{2^n} + \frac{n}{2^n} + \frac{n(n-1)}{1 \cdot 2} \cdot \frac{1}{2^n} + \frac{n(n-1)(n-2)}{1 \cdot 2 \cdot 3} \cdot \frac{1}{2^n} + \dots + \frac{1}{2^n}.$$

Такимъ образомъ, вѣроятность того, что искомая величина меньше a_1 , равна $\frac{1}{2^n}$. Вѣроятность того, что искомая величина лежитъ между a_1 и a_2 , есть $\frac{n}{2^n}$, — между a_2 и a_3 есть $\frac{n(n-1)}{1 \cdot 2} \cdot \frac{1}{2^n}$, — между a_3 и a_4 есть $\frac{n(n-1)(n-2)}{1 \cdot 2 \cdot 3} \cdot \frac{1}{2^n}$ и т. д.

Въ приведенномъ выше численномъ примѣрѣ, гдѣ наблюденія дали числа: 10; 12,1; 14,2; 16; 17,1, распределеніе вѣроятностей будетъ таково: вѣроятность того, что искомая величина типа меньше 10 есть $\frac{1}{32}$; вѣроятность того, что искомая величина лежитъ между 10 и 12,1 есть $\frac{5}{32}$; — между 12,1 и 14,2 есть $\frac{10}{32}$; — между 14,2 и 16 есть $\frac{10}{32}$; — между 16 и 17,1 есть $\frac{5}{32}$; вѣроятность того, что искомая величина болѣе 17,1 есть $\frac{1}{32}$. Съ практической точки зрѣнія нѣтъ нужды примѣнять каждую изъ этихъ вѣроятностей, такъ какъ онѣ слишкомъ малы. Интересъ представляетъ сумма ихъ. Складывая всѣ эти вѣроятности, кромѣ первой и послѣдней, мы получимъ, что вѣроятность того, что искомая величина лежитъ гдѣ-либо между первымъ и послѣднимъ наблюденіемъ, т.-е. между 10 и 17,1 есть $\frac{15}{16}$. Такимъ образомъ, если мы рассмотримъ 160 рядовъ наблюденій по пяти наблюденій въ каждомъ, то приблизительно въ 150 случаяхъ окажется, что искомая величина типа лежитъ гдѣ-либо между первымъ и послѣднимъ наблюденіемъ. Но встрѣтится также около десяти

случаевъ, въ которыхъ искомая величина будетъ въ дѣйствительности менѣе самаго малаго результата наблюдений или болѣе самаго большаго. Въ этихъ десяти случаяхъ наблюдений не дадутъ почти никакого понятія объ искомой величинѣ типа. Такъ какъ число рядовъ антропологическихъ наблюдений значительно и выражается не только въ сотняхъ, но и тысячахъ, то отсюда слѣдуетъ, что такимъ малымъ числомъ наблюдений въ каждомъ рядѣ, какъ пять наблюдений, ограничиваться нельзя, такъ какъ при этомъ возможны неудачные случаи, когда искомая величина будетъ меньше самаго маленькаго или больше самаго большаго наблюдений. Если число наблюдений равно, напр., 31-му, то вѣроятность того, что искомая величина меньше самаго малаго результата или больше самаго большаго, равна $\frac{1}{2^{30}}$. Это значитъ, что круглымъ

счетомъ въ одномъ случаѣ изъ миллиарда встрѣтится такой неудачный рядъ наблюдений, при которомъ наблюдения не дадутъ никакого понятія объ искомой величинѣ, хотя число наблюдений равно 31. Подобная вѣроятность ничтожна, и ею можно пренебречь.

Для надежнаго опредѣленія типа необходимы многочисленныя наблюденія. Такъ какъ каждое изъ нихъ записывается лишь до опредѣленнаго десятичнаго знака, то при многочисленности наблюдений всегда получаются совпаденія наблюдений, такъ что нѣсколько отсчетовъ приходится на одну и ту же величину. Это совпаденіе наблюдений, являясь результатомъ приближенныхъ отсчетовъ, не выражаетъ идеальнаго равенства соответственныхъ величинъ у измѣрившихся индивидуумовъ. Реальныя антропологическія величины у различныхъ индивидуумовъ всегда различны. Поэтому, если дѣло идетъ о реальныхъ индивидуумахъ, то мы всегда имѣемъ тотъ случай, который разсмотрѣнъ выше и въ которомъ всѣ наблюденія дали различные результаты. Реальныя величины наблюдений намъ неизвѣстны, мы имѣемъ лишь приближенную ихъ запись. Опираясь на нее, мы можемъ сдѣлать нѣкоторыя умозаключенія и объ истинной величинѣ наблюдений, о той величинѣ, которая получилась бы, если бы можно было произвести измѣреніе идеально точно. Допустимъ, что n наблюдений дали одинъ и тотъ же результатъ a . При нормальномъ способѣ записи наблюдений это означаетъ, что, вѣроятно, половина этого числа наблюдений соответствуетъ индивидуумамъ, имѣвшимъ измѣряемую величину меньшую, чѣмъ a . Остальныя наблюденія соответствовали величинамъ большимъ a . Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако реальныя величины могутъ располагаться иначе, если дѣло идетъ объ одной величинѣ a . Если же такихъ величинъ нѣсколько, то мы можемъ утверждать съ весьма высокой степенью вѣроятности, что, при соблюденіи надлежащихъ разстояній между величинами типа a , каждое изъ нихъ есть среднее топологическое наблюдений, къ нему относящихся. Это въ особенности справед-

ливо для средних по величинѣ наблюдений. Для того, чтобы лучше объяснить это, рассмотрим численный примѣръ.

Желая получить цифровой матеріалъ для обработки по излагаемому мною въ настоящей статьѣ методу, я обратился къ Д. Н. Анучину и А. А. Ивановскому, которые были такъ любезны, что доставили мнѣ статью А. Г. Рождественскаго *), за что я и приношу имъ искреннюю благодарность.

Въ трудѣ А. Г. Рождественскаго, кромѣ его собственныхъ наблюдений, цитируются наблюдения другихъ авторовъ, изъ которыхъ мы рассмотримъ прежде всего наблюдения надъ величиною головы мордвы-эрзи, собранныя Майновымъ. Изъ распредѣленія этихъ наблюдений мы выведемъ прежде всего степень точности отсчетовъ. Это опредѣленіе существенно для получения результата возможно высокой степени точности. Лѣвый

Величина головы мордвы-эрзи въ сантиметрахъ.	Число наблюдений.	столбецъ указываетъ величину головы (въ вертикальной проекціи) мужчинъ мордвы-эрзи, а правый—число случаевъ, въ которыхъ наблюдалась такая величина. Обращая вниманіе на среднія наблюдения, мы видимъ, что на величины головы въ 21, 23, 25 сант. приходится относительно большія числа случаевъ. Величина головы въ 21 сант. наблюдалась въ 22-хъ случаяхъ, тогда какъ ближайшія къ ней величины въ 20 и 22 сант. наблюдались лишь по 16-ти разъ. Точно такъ же величины головы въ 23 и 25 сант. наблюдались чаще, чѣмъ сосѣднія съ ними величины въ 22, 24, 26 сант. Всѣ эти три относительныхъ максимума отстоятъ другъ отъ друга на два сантиметра, образуя три члена арифметической прогрессіи. На продолженіи той же прогрессіи находятся еще два относительныхъ максимума для величинъ головы въ 15, 17 сант. На каждый изъ нихъ приходится больше случаевъ наблюдений, чѣмъ на сосѣднія съ ними. Для того, чтобы уяснить себѣ причину этого явленія, припомнимъ, что наблюдения никогда не записываются абсолютно точно. Всегда отбрасывается нѣкоторый малый сравнительно и неопредѣлимый въ точности остатокъ. Величина этого остатка зависитъ отъ приѣмовъ наблюдения. Въ наблюденияхъ Майнова прежде всего отброшены доли сантиметра, но кромѣ того также отброшены и цѣлые сантиметры для нѣкоторой группы наблюдений. Это видно изъ того, что явились относительные максимумы, отстоящіе другъ отъ друга на одинъ сантиметръ. Относительная многочисленность
12	6	
14	—	
15	4	
16	1	
17	6	
18	5	
19	4	
20	16	
21	22	
22	16	
23	23	
24	19	
25	26	
26	"	
27	3	
28	3	
29	3	
32	1	
36	1	

максимума для величинъ головы въ 15, 17 сант. На каждый изъ нихъ приходится больше случаевъ наблюдений, чѣмъ на сосѣднія съ ними. Для того, чтобы уяснить себѣ причину этого явленія, припомнимъ, что наблюдения никогда не записываются абсолютно точно. Всегда отбрасывается нѣкоторый малый сравнительно и неопредѣлимый въ точности остатокъ. Величина этого остатка зависитъ отъ приѣмовъ наблюдения. Въ наблюденияхъ Майнова прежде всего отброшены доли сантиметра, но кромѣ того также отброшены и цѣлые сантиметры для нѣкоторой группы наблюдений. Это видно изъ того, что явились относительные максимумы, отстоящіе другъ отъ друга на одинъ сантиметръ. Относительная многочисленность

*) А. Г. Рождественскій. Величина головы человѣка въ зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. „Труды Антропол. Отд.“, т. XVIII.

наблюдений, соответствующих этим максимумам, возникла оттого, что къ наблюдениямъ точною до $\frac{1}{2}$ сантиметра присоединились наблюдения точною до 1 сантиметра. Такъ, напр., нѣкоторые наблюдения, которыя были сдѣланы надъ индивидуумами, обладавшими величиною головы близко къ 24 сант., не были отнесены къ числу 24 сант., а къ какому-либо изъ чиселъ 23 или 25 сант. Поэтому на числахъ 23 и 25 сант. скопилось слишкомъ много записей, на числѣ же 24 сант. слишкомъ мало. Быть-можетъ, часть наблюдений Майнова была сдѣлана по шкалѣ, на которой были отмѣчены сантиметры черезъ одинъ. Быть-можетъ, черточки, которыми были обозначены сантиметры, были болѣе длинны черезъ одну, такъ что сантиметры нечетнаго порядка привлекали болѣе вниманія, чѣмъ сантиметры четнаго порядка. Быть-можетъ также, что хотя шкала была однородна, но самъ наблюдатель легче склонялся къ тому, чтобы отмѣтить нечетныя числа сантиметровъ, чѣмъ четныя. Иногда бываетъ, что извѣстныя числа привлекаютъ къ себѣ больше вниманія, чѣмъ другія, вслѣдствіе причинъ чисто психологическихъ. Въ данномъ случаѣ, повидимому, нечетныя числа больше привлекали къ себѣ вниманіе наблюдателя и потому чаще отмѣчались. Но такъ какъ вліянія сосѣднихъ нечетныхъ чиселъ, такъ сказать, противоположны, то, сосчитывая число наблюдений, приходящихся на промежутокъ между двумя сосѣдними четными числами, мы получимъ числа наблюдений, близкія къ истинѣ. При этомъ можно ожидать уже, что числа наблюдений, приходящихся на промежутокъ между двумя смежными четными числами сантиметровъ, изобразятъ достаточно точно числа тѣхъ реальныхъ индивидуумовъ, которые обладали величиною головы, заключенною между двумя упомянутыми четными числами. Намъ это положеніе понадобится только для среднихъ наблюдений, для которыхъ оно всего лучше должно оправдываться, ибо реальныя величины, соответствующія среднимъ наблюдениямъ, расположены въ особенности равномерно. Что касается остальныхъ наблюдений, то для насъ важно знать лишь то, что погрѣшности записи не превышаютъ одного сантиметра. Изучивъ такимъ образомъ особенности записи Майнова, мы перейдемъ къ опредѣленію средняго топологическаго его наблюдений. Намъ надо найти такую величину, которая была бы болѣе величины головы у половины общаго числа индивидуумовъ, измѣренныхъ Майновымъ, и, кромѣ того, была бы менѣе величины головы у остальныхъ индивидуумовъ, подвергнутыхъ наблюденьямъ. Общее число наблюдений, помѣщенныхъ въ предыдущей таблицѣ, равно 168. Поэтому, намъ надо найти такую величину, чтобы меньше ея было 84 реальныхъ величинъ головы индивидуумовъ, измѣренныхъ Майновымъ. Такъ какъ психологическія погрѣшности отсчета наблюдений вліяютъ на наблюдения, соответствующія четнымъ цифрамъ, отклоняя ихъ вверхъ и внизъ къ ближайшимъ нечетнымъ цифрамъ, и отклоненія эти для среднихъ наблюдений равновѣоятны, то мы можемъ

предположить, что, напр., изъ 16-ти наблюдений, приходящихся на величину головы въ 22 сант., 8 наблюдений соотвѣтствуютъ реальнымъ величинамъ головы, большимъ 22-хъ сантиметровъ. Нечетныя цифры, въ силу психологическихъ причинъ притягивавшія къ себѣ наблюдения, тоже одинаково вліяли на отсчеты, которые должны были бы быть большими или меньшими этихъ нечетныхъ чиселъ. Одинаковость этого вліянія позволяетъ намъ предположить, что изъ 23-хъ наблюдений, соотвѣтствующихъ отсчету въ 23 сант., тоже приблизительно половина меньше 23-хъ сант. Такимъ образомъ 11 наблюдений изъ этого числа соотвѣтствуютъ величинамъ меньшимъ 23 сант., и одно приблизительно равно 23 сант. Изъ этихъ разсужденій вытекаетъ, что на промежутокъ отъ 22-хъ до 23-хъ сант. приходится 8 наблюдений, отнесенныхъ къ отсчету 22 сант., и 12 наблюдений, отнесенныхъ къ отсчету 23 сант. Всего въ промежутокъ отъ 22-хъ до 23-хъ сант. находится 20 наблюдений, такъ какъ въ этотъ промежутокъ могутъ попасть только тѣ случаи, которые записаны отсчетами 22 и 23 сант. Случаи, записанные иными отсчетами, въ этотъ промежутокъ не попадутъ, ибо погрѣшность отсчета не превосходитъ цѣлаго сантиметра, если только наблюдения не искажены вслѣдствіе какихъ-либо постороннихъ причинъ. Эти погрѣшности въ отсчетахъ, которыя имѣютъ такую большую величину, весьма характерны, но все-таки, если только не встрѣтилось какихъ-либо особыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, нельзя ждать, чтобы онѣ превосходили цѣлый сантиметръ. Поэтому, сумма чиселъ наблюдений, записанныхъ отсчетами, не превосходящими 21 сант., т.-е. сумма чиселъ: $6 + 4 + 1 + 6 + 5 + 4 + 16 + 22$, вмѣстѣ съ половиною числа отсчетовъ, записанныхъ какъ 22 сантиметра, т.-е. вмѣстѣ съ 8, даетъ въ итогѣ число реальныхъ величинъ головъ мордвы-эрзи, не превосходившихъ 22 сант. Это число есть 72. Присоединяя сюда число реальныхъ величинъ головъ, приходящихся на промежутокъ между 22 и 23 сант., которое опредѣлено выше въ 20, мы получимъ число головъ, не превосходящихъ 23 сант. Это число будетъ 92. Поэтому головы, меньшія 22-хъ сант., наблюдались въ числѣ меньшемъ половины общаго числа наблюдений, ибо эта половина равна 84-мъ. Головы же, большія 23-хъ сант., наблюдались въ числѣ уже большемъ 84-хъ. Это значитъ, что топологическая средняя, т.-е. средняя по счету, средняя по порядку величина, приходится между 22 и 23 сант. Мы нашли, что 72 наблюдения не превосходятъ 22 сант. Средняя же топологическая лежитъ весьма близко къ 84-му наблюдению, между нимъ и 85-мъ наблюдениемъ. Слѣдовательно, между 22 сант. и средней топологической лежитъ 12 наблюдений. Такъ какъ на сантиметръ разстоянія отъ 22-хъ до 23-хъ сантиметровъ приходится 20 наблюдений, причемъ послѣднее совпадаетъ съ 23-мъ сант., а первое не совпадаетъ съ 22-мъ, то можно разсчитать, гдѣ находится среднее топологическое, если признать, что наблюдения распределены равномерно. Эта

гипотеза довольно точно изображает действительность, как это можно проверить на других рядах наблюдений, в которых ошибки отсчета не велики.

Итак, для отыскания среднего топологического надо раздѣлить промежутокъ между 22-мя и 23-мя сант. на 20 промежутковъ, изъ которыхъ первый долженъ быть вдвое меньше остальныхъ, всѣ же остальные равны между собой. Средняя топологическая лежитъ въ 13-мъ промежуткѣ. Мы примемъ ее для симметріи посрединѣ промежутка, что дастъ намъ для величины средней топологической 22,61 сант. Это число безъ вреда для точности результата можно округлить и взять 22,6, такъ какъ и эта послѣдняя цифра лежитъ въ томъ же промежуткѣ между двумя средними наблюдениями, гдѣ должна лежать средняя топологическая. Въ самомъ дѣлѣ: всѣ величины между $22\frac{23}{39}$ и $22\frac{25}{39}$ сант. равновѣроятны въ качествѣ вѣроятнѣйшей величины типа. При выборѣ какой-либо одной изъ всѣхъ величинъ, лежащихъ въ этомъ промежуткѣ, можно руководиться цѣлями симметріи, и тогда естественно взять среднее арифметическое изъ предѣловъ, что дастъ намъ для средней топологической $22\frac{24}{39} = 22,61.....$, или цѣлями возможно краткой формулировки, что дастъ намъ 22,6.

Во всякомъ случаѣ та и другая изъ этихъ цифръ дастъ одно изъ вѣроятнѣйшихъ значеній средней топологической, точное же значеніе предѣловъ, между которыми должна лежать средняя топологическая, определено быть не можетъ, ибо запись отсчетовъ не можетъ быть идеально точной. Мы можемъ поправить отсчеты по совокупности наблюдений, но, конечно, подобная поправка будетъ лишь приближенной.

Выяснивши приѣмъ вычисленія на частномъ случаѣ, мы формулируемъ его теперь въ общемъ видѣ: для опредѣленія величины антропологического типа надо прежде всего опредѣлить характеръ погрѣшностей отсчета, зависящій отъ способа, которымъ получены наблюдения. Для этой цѣли необходимо расположить всѣ наблюдения въ рядъ въ порядкѣ возрастанія ихъ величины. Послѣ этого необходимо опредѣлить степень ихъ сближенія въ разныхъ частяхъ этого ряда. Для этого надо опредѣлить, сколько наблюдений дало величину, заключенную между нѣкоторыми достаточно близкими предѣлами. Это число можетъ быть опредѣлено для разныхъ частей изучаемаго ряда. Главнымъ образомъ, надо изучить среднія по величинѣ наблюдения. Очень часто оказывается, что число, выражающее степень сближенія наблюдений, испытываетъ колебанія въ зависимости отъ того, въ какомъ мѣстѣ ряда оно взято. При этомъ оказывается, что существуютъ нѣкоторыя причины, зависящія отъ самого наблюдателя и вызывающія особенныя скопленія наблюдений вблизи нѣко-

торыхъ чиселъ, которыя почему-либо привлекаютъ къ себѣ вниманіе наблюдателя болѣе другихъ чиселъ. Очень часто наблюдатели, сами того не замѣчая, стремятся округлять числа, получаемыя при помощи отсчетовъ. Такъ, нѣкоторые наблюдатели, записывая отсчеты въ сантиметрахъ и миллиметрахъ, гораздо чаще отмѣчали числа, оканчивающіеся нулями, чѣмъ числа, оканчивающіеся иными цифрами. Поэтому получалось особое скопленіе наблюденій около всякой цифры, выражающей въ цѣлыхъ сантиметрахъ, и сравнительная немногочисленность наблюденій, относящихся къ цифрамъ, выраженнымъ въ сантиметрахъ и миллиметрахъ. Совершенно аналогичное вліяніе оказываютъ четныя и нечетныя цифры. Нѣкоторые наблюдатели охотнѣе отмѣчаютъ нечетныя числа, такъ что наблюденія, выраженные нечетнымъ числомъ, встрѣчаются чаще наблюденій, давшихъ четный отсчетъ. Можно узнать эмпирически, какія изъ этихъ особенностей оказываются въ данномъ рядѣ наблюденій, изучая степень ихъ густоты въ разныхъ мѣстахъ ряда. Допустимъ, что мы нашли рядъ такихъ центровъ, въ которыхъ особенно скопляются наблюденія. Если мы желаемъ узнать, сколько наблюденій соответствуютъ промежутку между двумя такими центрами, то мы можемъ признать, что половина наблюденій, записанныхъ въ одномъ изъ центровъ скопленія наблюденій, въ дѣйствительности имѣла большую величину, чѣмъ было записано, а другая половина имѣла меньшую величину. Кромѣ того, мы можемъ признать, что всѣ наблюденія, которыя вслѣдствіе ошибокъ въ отсчетѣ наблюдателя записаны въ данномъ центрѣ скопленія наблюденій, что всѣ эти наблюденія въ дѣйствительности имѣли величины, не уклонявшіяся отъ центра болѣе половины разстоянія до слѣдующаго ближайшаго центра скопленія наблюденій. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они были ближе къ слѣдующему центру, то они были бы приписаны къ этому ближайшему къ нимъ центру и не попали бы въ первый центръ.

Поэтому, присоединяя къ наблюденіямъ, записаннымъ въ промежуткѣ отъ даннаго центра скопленія наблюденій до середины разстоянія отъ этого перваго центра до втораго, присоединяя къ нимъ половину наблюденій, отнесенныхъ къ первому центру, мы получимъ вѣроятное число наблюденій, которыя должны были бы прійтись на этотъ промежутокъ, если бы не было ошибокъ отсчета.

Эти центры скопленія наблюденій могутъ быть двухъ типовъ: вліяніе однихъ можетъ быть болѣе обширно, вліяніе другихъ можетъ распространяться на меньшій районъ. Предположимъ, напр., что наблюдатель записываетъ отсчеты въ миллиметрахъ, причемъ чаще записываетъ нечетные отсчеты, чѣмъ четные, и кромѣ того, многіе отсчеты записываетъ съ усѣченіемъ миллиметровъ въ цѣлыхъ сантиметрахъ. При такой записи явятся центры скопленія наблюденій двухъ типовъ: во-первыхъ, такими центрами будутъ всѣ числа, кончающіяся нулемъ, ибо они выражаются въ цѣлыхъ

сантиметрахъ; во-вторыхъ, такими центрами являются нечетныя числа. Вліяніе чиселъ, кончающихся нулемъ, распространяется на 5 миллиметровъ вверхъ и на 5 миллиметровъ внизъ. Вліяніе же нечетныхъ чиселъ распространяется только на сосѣдніе два миллиметра. Поэтому центры, расположенные въ нечетныхъ числахъ, окажутся подчиненными, и главное вниманіе надо обратить на центры, лежащіе въ числахъ, оканчивающихся нулемъ. Для того, чтобы дать примѣръ приложенія рекомендуемаго нами метода къ наблюденіямъ этого типа, рассмотримъ наблюденія надъ ростомъ фабричныхъ Московской губ., произведенныя А. Г. Рождественскимъ при участіи А. А. Ивановскаго и Г. И. Куликовскаго. Рассмотримъ сначала наблюденія надъ ростомъ мужчинъ 30-ти лѣтъ отъ роду. Для опредѣленія того, какую роль играли числа, оканчивающіяся на нуль, числа четныя и нечетныя, мы сосчитаемъ число наблюденій, давшихъ числа, оканчивающіяся на нуль, а также и число наблюденій, давшихъ четный отсчетъ. Если бы наблюденія были распределены равномерно, то число отсчетовъ, давшихъ цѣлое число сантиметровъ, было бы равно приблизительно одной десятой общаго числа наблюденій. Число отсчетовъ, давшихъ четное число должно было бы равняться четыремъ девятымъ числа отсчетовъ, не оканчивающихся на нуль. Общее число наблюденій было 37 *). Изъ нихъ на нуль оканчивались 17, на четное число оканчивались 10 и на нечетное тоже 10. Это значить, что числа, оканчивающіяся на нуль, встрѣчаются болѣе чѣмъ въ четыре раза чаще остальныхъ. Четныя же числа на 25% чаще нечетныхъ. Легко видѣть, что при этихъ условіяхъ число наблюденій, результаты которыхъ оказались между двумя числами миллиметровъ, оканчивающимися на 5, совпадаетъ достаточно близко съ тѣмъ числомъ наблюденій, которыя пришлось бы на этотъ промежутокъ, если бы измѣренія реальныхъ величинъ роста были сдѣланы совершенно точно. Это происходитъ оттого, что относительно чиселъ, оканчивающихся на 5, всѣ центры скопленія наблюденій расположены симметрично, такъ что вліяніе однихъ уравнивается вліяніемъ другихъ. Такимъ образомъ, мы получаемъ вѣроятнѣйшее распределеніе дѣйствительныхъ величинъ роста, если только погрѣшности отсчета не превосходятъ одинъ сантиметръ. Но такъ какъ наблюденія разсматриваемаго ряда немногочисленны, и есть нѣкоторое основаніе думать, что числа, оканчивающіяся двумя нулями, или близкія къ четному числу сантиметровъ, тоже играютъ нѣкоторую особенную роль, то мы сгруппируемъ вмѣстѣ наблюденія, лежащіе между предѣлами, отличающимися другъ отъ друга на 5 сантиметровъ. То обстоятельство, что среди записей наблюденій числа, оканчивающіяся двумя нулями, встрѣчаются еще чаще, чѣмъ числа, оканчивающіяся на одинъ нуль, легко выяснить, сосчитавъ число наблюденій, давшихъ результатъ, оканчивающійся

*) А. Г. Рождественскій, loco cit.

двумя нулями, и сравнивъ его съ числомъ сосѣднихъ наблюдений, оканчивающихся на одинъ нуль. По даннымъ, которыя мы беремъ изъ той же статьи А. Г. Рождественскаго, число наблюдений, давшихъ цифру 1600 милл., равно для взрослыхъ мужчинъ 29-ти, тогда какъ цифру 1601 милл. дали только 15 наблюдений, что и показываетъ, что цѣлые дециметры встрѣчались еще чаще, чѣмъ цѣлые сантиметры. Распредѣляя наблюдения на группы

Величина роста. въ милл.	Число случаевъ.
отъ 1450 до 1500	2
" 1500 " 1550	2½
" 1550 " 1600	4
" 1600 " 1650	12
" 1650 " 1700	7
" 1700 " 1750	7
" 1750 " 1800	2½

указаннымъ способомъ, мы получимъ такую таблицу, которая указываетъ распредѣленіе реальныхъ величинъ роста съ достаточной степенью точности, если только погрѣшности отсчета не превосходили 5-ти сантиметровъ. Подобное обстоятельство трудно допустить, такъ какъ 5 сантиметровъ — слишкомъ

большая величина. Допустивъ, что столь большихъ погрѣшностей не было, мы можемъ утверждать, что величинъ роста, меньшихъ 1600 милл., было, условно говоря, $8\frac{1}{2}$. Дробь, введенная нами, принята условно, такъ какъ всѣ эти числа указываютъ на относительную сближенность наблюдений. Число $8\frac{1}{2}$ значитъ, что промежутки между наблюдениемъ были таковы, что послѣднее изъ нихъ попало какъ разъ въ точку 1600 мм. Мы ищемъ среднюю топологическую. Она совпадаетъ по величинѣ съ 19-мъ наблюдениемъ, которое приходится, говоря условно, на $10\frac{1}{2}$ наблюдение промежутка отъ 1600 до 1650 мм. Такъ какъ въ промежуткѣ отъ 1600 до 1650 мм. наблюдения расположились такъ, что первое приходится въ 1600 мм. и послѣднее въ 1650 мм., то мы должны считать, сообразно съ нашимъ условнымъ обозначениемъ, что отъ наблюдения, лежащаго въ 1600 мм., половина лежитъ въ промежуткѣ между 1600 мм. и 1650 мм. Если же не употреблять этой условности, и всякое наблюдение считать за цѣлое, то надо будетъ сказать такъ: въ промежуткѣ отъ 1600 мм. до 1650 мм. лежатъ 13 наблюдений. Первое изъ нихъ въ 1600 мм., послѣднее въ 1650 мм. Среднее топологическое приходится на 11-ое. Поэтому разстояніе его отъ точки 1600 мм. равно десяти двѣнадцатымъ промежутка отъ 1600 мм. до 1650 мм., т. е. равно 41,7 мм. Итакъ, искомая величина роста фабричныхъ 30-ти лѣтъ равна 1641,7 милл. А. Г. Рождественскій даетъ, какъ среднее, 1641,4 милл. Разница въ среднихъ всего въ 0,3 милл., хотя число наблюдений всего 37. Указанная выше величина средней топологической есть первое приближеніе къ ней. Она можетъ быть опредѣлена еще точнѣе. Во всякомъ случаѣ обѣ среднія чрезвычайно близки. Съ точки зрѣнія вычислительной средняя топологическая удобнѣе, такъ какъ требуетъ меньше вычислений. Конечно, надо умѣть ее употреблять. Вся задача здѣсь заключается въ томъ, чтобы уловить центры скопленія наблюдений. Этотъ вопросъ весьма важенъ для оцѣнки точности

наблюденій, такъ что тѣ предварительныя операціи, которыя надо выполнить для того, чтобы найти среднюю топологическую, дають хорошій матеріалъ для сужденія о достовѣрности наблюденій. Чѣмъ эти разстоянія больше, тѣмъ болѣе шатки результаты наблюденій. Чѣмъ эти разстоянія меньше, тѣмъ лучше наблюденія, тѣмъ большую точность вывода они дають. Этотъ критерій точности наблюденій не явился результатомъ предвзятаго представленія о распредѣленіи уклоненій отъ типа, поэтому онъ имѣетъ бѣольшую теоретическую цѣнность, чѣмъ апіористическая гипотеза. Я лично принимаю среднюю ариометическую за хорошее выраженіе истины только потому, что она близка къ средней топологической. Что касается самой средней топологической, то на опредѣленіе ея вліяетъ максимальная величина погрѣшности отсчета. Предыдущее опредѣленіе средней топологической сдѣлано въ предположеніи, что максимальная погрѣшность отсчета не превосходитъ 5-ти сант. Этотъ максимумъ очень высокъ. Если бы мы могли предположить, что погрѣшности отсчета не превосходятъ одного сантиметра, то мы получили бы въ качествѣ средняго топологическаго число въ 1644 мм. Эта послѣдняя величина, вѣроятно, лучше той, которую мы получили ранѣе при предположеніи о томъ, что максимальная погрѣшность отсчета доходитъ до 5 сант. Причина этого состоитъ въ томъ, что, если мы въ отсчетахъ наблюденій отбросимъ миллиметры, т. - е. замѣнимъ число, выраженное въ миллиметрахъ, ближайшимъ къ нему числомъ, выраженнымъ въ цѣлыхъ сантиметрахъ, то мы получимъ явное преобладаніе четныхъ цифръ надъ нечетными среди наблюденій. Поэтому, четныя числа сантиметровъ служили притягательными центрами, около которыхъ группировались наблюденія. Если взять наблюденія надъ мужчинами всѣхъ возрастовъ, то выясняется притягательное дѣйствіе чиселъ, выраженныхъ въ цѣлыхъ дециметрахъ. Объ этомъ вліяніи мы уже упоминали. Но на данныхъ относительно 30-лѣтнихъ мужчинъ это вліяніе не замѣчается. Можетъ быть, что въ этомъ случаѣ его и не было. Если же мы можемъ это предположить, то лучше считать максимальную ошибку отсчета не превосходящей одного сантиметра, такъ какъ едва ли было бы правильно переносить погрѣшности, подмѣченныя на однихъ рядахъ наблюденій, на другія, хотя бы находящіяся въ той же группѣ. Итакъ, болѣе вѣроятною величиною типа является 1644 мм. Эта величина на 2,6 мм. превосходитъ среднюю ариометическую. Разница и здѣсь не велика. Если эта величина есть болѣе вѣроятная, то величина 1641,7 мм., которую мы получили на основаніи предположенія о томъ, что максимальная ошибка отсчета простирается до 5 сант., все же ближе къ вѣроятнѣйшей, чѣмъ средняя ариометическая. Вопросъ о вліяніи гипотезы относительно величины максимальной погрѣшности отсчета весьма интересенъ. Поэтому сдѣлаемъ еще двѣ гипотезы относительно этой погрѣшности и посмотримъ, каково ихъ вліяніе. Предпо-

лагая максимальную величину погрѣшности отсчета равной 2-мъ сантиметрамъ, мы получаемъ въ качествѣ средней топологической величину въ 1643,6 мм. Предполагая максимальную величину погрѣшности отсчета въ три сантиметра, мы получимъ 1643,1 мм. Мы легко можемъ подмѣтить, что чѣмъ больше максимальная погрѣшность, тѣмъ меньше полученная величина средней топологической, а именно, величинамъ максимальной погрѣшности въ 1 сант., 2 с., 3 с., 5 с. соответствуютъ величины средней топологической, разность которыхъ пропорціональна приблизительно разностямъ соответственныхъ максимальныхъ погрѣшностей, такъ что можно принять, что отклоненіе средней топологической отъ числа 1644,425 выражается величиной $0,0425 x$, гдѣ величина x есть предположенная максимальная величина погрѣшности отсчета, выраженная въ миллиметрахъ. Эту формулу легко провѣрить эмпирически: въ самомъ дѣлѣ формула $1644,425 - 0,0425 x$ даетъ для $x=1$ сант., 2 сант., 3 сант., 5 сант., числа: 1644; 1643, 575; 1643, 15; 1642,3. Эти числа очень близки къ тѣмъ, которые получились непосредственнымъ опредѣленіемъ средней топологической. Формула эта полезна въ томъ отношеніи, что, если бы мы потомъ убѣдились, что максимальная величина погрѣшности отсчетовъ не равна одному сантиметру, а равна какой-либо другой величинѣ, то мы тотчасъ можемъ по формулѣ опредѣлить соответственную величину средней топологической. Быть-можетъ, представляетъ нѣкоторый интересъ такая задача: какой величины надо предположить максимальную погрѣшность отсчета для того, чтобы средняя топологическая совпала съ средней арифметической? Въ данномъ случаѣ мы получимъ эту величину погрѣшности x изъ уравненія $1641,4 = 1644,425 - 0,0425 x$. Рѣшая это уравненіе, находимъ $x=71$ миллиметру. Эта величина невѣроятно велика и, конечно, не встрѣчалась въ изслѣдуемыхъ наблюденіяхъ. Существованіе вышеупомянутой формулы показываетъ, какъ важно для точности вывода избѣжать психологическихъ ошибокъ наблюденія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы максимальная погрѣшность отсчета наблюденій была весьма мала, то, даже и не зная ея въ точности, мы всегда знали бы, что добавочный членъ, ею обусловливаемый, весьма малъ. Тогда первый членъ формулы и далъ бы искомую величину типа, причемъ величина второго члена служила бы въ извѣстной степени указаніемъ на точность результата. Въ разсмотрѣнныхъ наблюденіяхъ мы имѣли бы въ результатѣ величину типа 1644,425, если бы погрѣшность отсчета выражалась въ доляхъ миллиметра. Въ настоящее же время, когда психологическія погрѣшности отсчета такъ велики, что никакъ не могутъ быть приняты значительно меньшими одного сантиметра, необходимо опредѣлить вѣроятнѣйшее значеніе погрѣшности отсчета, иначе говоря, необходимо оцѣнить притягательную силу четныхъ чиселъ сантиметровъ, проявившуюся въ изслѣдуемыхъ наблюденіяхъ. Для этого можно употребить такой приемъ: рассмотримъ число наблюденій, ближайшихъ къ четнымъ

числамъ сантиметровъ, и число наблюдений, ближайшихъ къ нечетнымъ цифрамъ наблюдений. Такъ какъ въ средней части наблюдений, вблизи средней топологической, реальные величины роста расположены довольно равномерно, то мы можемъ считать, что тотъ районъ, съ котораго собраны наблюдения, записанныя четнымъ числомъ сантиметровъ, пропорционаленъ числу наблюдений, отнесенныхъ къ этому четному числу сантиметровъ. Та же пропорциональность наблюдается и для нечетныхъ чиселъ. Если мы возьмемъ 5 сантиметровъ, ближайшихъ къ средней топологической, которая, какъ мы опредѣлили уже, лежитъ гдѣ-то между 164 и 165 сант., то на этихъ 5-ти сантиметрахъ, лежащихъ отъ 162 до 167 сант., ближайшими къ четнымъ числамъ 162, 164, 166 окажутся 10 наблюдений. Это даетъ $\frac{10}{3}$ наблюдений на четное число. Ближайшими же къ нечетнымъ числамъ 163, 165, 167 окажутся 5 наблюдений. Это даетъ $\frac{5}{3}$ наблюдений на число. Но реальные величины роста распределены въ этой области довольно равномерно. Поэтому тотъ районъ, съ котораго собраны наблюдения, сосредоточенныя въ четныхъ числахъ сантиметровъ, вдвое болѣе того района, съ котораго собраны наблюдения, сосредоточенныя въ нечетныхъ числахъ, такъ какъ на четныя числа пришлось вдвое болѣе наблюдений, чѣмъ на нечетныя. Промежутокъ между четнымъ и нечетнымъ числомъ сантиметровъ равенъ одному сантиметру. Слѣдовательно, въ четныхъ числахъ сосредоточенныя наблюдения съ промежутка въ $\frac{4}{3}$ сант., въ нечетныхъ же числахъ—только съ промежутка въ $\frac{2}{3}$ сант. Отсюда можно заключить, что погрѣшности отсчета достигали до $\frac{2}{3}$ сантиметра. Повидимому, эту величину и можно принять за вѣроятнѣйшій максимумъ погрѣшности. Возможно, конечно, что были погрѣшности и болѣе $\frac{2}{3}$ сант., но онѣ должны были случаться сравнительно рѣдко, такъ какъ иначе онѣ расширили бы сферу вліянія четныхъ чиселъ. Если такъ, то на основаніи формулы, выражающей величину роста 30-лѣтнихъ фабричныхъ, которую мы получили выше ($1644,425 - 0,0425 x$), мы можемъ найти вѣроятнѣйшую величину типа, принявъ x равнымъ $\frac{20}{3}$ миллиметра. Эта величина будетъ равна 1644,14 миллиметра. Въ виду того, что психологическія ошибки отсчета наблюдений играютъ столь важную роль, возникаетъ вопросъ о томъ, какъ уменьшить ихъ до возможно малыхъ размѣровъ. Намъ кажется, что вліяніе четныхъ, нечетныхъ и круглыхъ чиселъ можно парализовать тѣмъ, что производить отсчетъ, дающій величину измѣренія, не по одной шкалѣ, а по нѣсколькимъ, причемъ эти различныя шкалы

можно подобрать такъ, чтобы четнымъ числамъ одной шкалы соответствовали нечетныя числа другой. Кроме того, во избѣжаніе вліянія круглыхъ чиселъ, можно производить отсчетъ по такимъ шкаламъ, у которыхъ круглымъ числамъ одной шкалы соответствуютъ некруглыя числа другой шкалы. Эту мысль можно осуществить различными способами; вотъ, напр., одинъ изъ нихъ: самое измѣреніе какой-либо антропометрической величины, напр. роста, производится при помощи большого циркуля, ножки котораго имѣютъ два или три метра. Циркуль этотъ обладаетъ зажимомъ, такъ что, раскрывши его, мы можемъ закрѣпить это раскрытіе. Одну изъ ножекъ этого циркуля слѣдуетъ сдѣлать прямой, другую дугообразной для того, чтобы измѣренію не помѣшали выпуклости тѣла. Раскрывши циркуль такъ, чтобы конецъ одной его ножки былъ на уровнѣ подошвы измѣряемаго субъекта, а другой конецъ другой ножки касался верхней точки головы прямостоящаго субъекта при нормальномъ положеніи головы, т.-е. когда носоушная линія горизонтальна, надо закрѣпить его въ этомъ положеніи. Послѣ этого раскрытіе ножекъ циркуля надо измѣрять по масштабу, который обладаетъ не однимъ рядомъ дѣленій, а нѣсколькими. Допустимъ, что на широкую линейку нанесено нѣсколько шкалъ: одна даетъ сантиметры и миллиметры, указывающіе прямо ширину раскрытія ножекъ; другая указываетъ тоже сантиметры и миллиметры, но нумерація въ ней сдвинута на одинъ сантиметръ. Такимъ образомъ, на мѣстѣ начальной марки стоитъ минусъ одинъ сантиметръ, а не нуль, какъ на начальной шкалѣ. На мѣстѣ всѣхъ четныхъ чиселъ нормальной шкалы эта вторая шкала будетъ имѣть нечетныя числа и обратно. Такимъ образомъ, если, въ силу психологическихъ причинъ, отсчеты будутъ на первой шкалѣ уклоняться къ четнымъ числамъ, то въ силу тѣхъ же психологическихъ причинъ, при отсчетѣ на второй шкалѣ, наблюденія будутъ уклоняться къ четнымъ числамъ этой второй шкалы, которая соответствуетъ нечетнымъ числамъ нормальной шкалы. Вслѣдствіе этого вліяніе четныхъ и нечетныхъ чиселъ взаимно уравниваются и средняя арифметическая двухъ такихъ отсчетовъ изобразитъ истинную величину роста точнѣе, чѣмъ каждый изъ этихъ отсчетовъ отдѣльно. Конечно, для того, чтобы вычислять это среднее арифметическое, необходимо показанія второй шкалы выразить въ числахъ нормальной шкалы прибавкою одного сантиметра. Быть-можетъ, воспоминаніе о первомъ отсчетѣ окажется психологическимъ моментомъ, вліяющимъ на отсчетъ по второй шкалѣ; во избѣжаніе этой ошибки, надо измѣрять всякаго субъекта не одинъ разъ, а два раза: первый разъ по нормальной шкалѣ, второй разъ — по сдвинутой шкалѣ, причемъ надо, чтобы между первымъ и вторымъ отсчетомъ протекло столько времени, сколько нужно для того, чтобы забыть первый отсчетъ. Если заразъ измѣрять многихъ субъектовъ одного послѣ другаго, то въ виду многочисленности отсчетовъ трудно помнить каждый въ отдѣльности; поэтому, измѣривши группу субъектовъ

по нормальной шкалѣ, нужно тотчасъ же измѣрять ихъ по второй шкалѣ. Для того, чтобы еще болѣе ослабить вліяніе психологическихъ моментовъ, вызывающихъ погрѣшности, можно употреблять нѣсколько шкалъ, выраженныхъ въ разныхъ мѣрахъ: первая, какъ мы говорили, метрической системы; вторая — въ футахъ, дюймахъ и линіяхъ; третья еще какая-нибудь, хотя бы тоже десятичная, но съ произвольной основной единицей, отличной отъ метра. Такъ какъ трудно сразу перевести въ умѣ величину, выраженную въ миллиметрахъ, въ величину, выраженную въ футахъ, дюймахъ и линіяхъ, то одно и то же раскрытіе циркуля можно измѣрять въ нѣсколькихъ шкалахъ этого рода и производить эти отсчеты непосредственно одинъ за другимъ. Можно также помѣщать эти шкалы на самой дугѣ циркуля. Въ дополненіе къ этой группѣ шкалъ надо имѣть вторую группу шкалъ, обладающую тѣмъ свойствомъ, что четнымъ числамъ первыхъ шкалъ соответствуютъ нечетныя числа вторыхъ. Для этой второй группы шкалъ слѣдуетъ вновь производить раскрытіе циркуля, и самое измѣреніе производить тогда, когда воспоминаніе объ отсчетахъ по первой группѣ шкалъ успѣло достаточно изгладиться. Для измѣренія роста вмѣсто циркуля, конечно, можно употреблять также и стойку; стойку можно дѣлать многогранной; на каждой грани напечатать свою шкалу въ разныхъ единицахъ длины и производить отсчетъ по всѣмъ этимъ различнымъ шкаламъ. Не вдаваясь въ детали конструкціи приборовъ, мы указываемъ здѣсь лишь принципъ, на основаніи котораго могутъ быть построены приборы, позволяющіе освободиться отъ психологическихъ ошибокъ наблюденія. Каждый изъ отсчетовъ, полученныхъ этимъ путемъ, является равноправнымъ съ остальными отсчетами, и истинную величину роста изслѣдуемаго субъекта можно получить, найдя среднее топологическое всѣхъ этихъ отсчетовъ, причемъ, конечно, всѣ эти отсчеты надо перевести на нормальную шкалу. Если производится измѣренія съ цѣлью получить расовый типъ, то мы получимъ этотъ типъ точнѣе, если найдемъ среднее топологическое всѣхъ отсчетовъ по всѣмъ шкаламъ, приведеннымъ, конечно, къ одной мѣрѣ. Если же мы желаемъ опредѣлить распредѣленіе индивидуальныхъ отклоненій отъ расоваго типа, то намъ надо брать вѣроятнѣйшія величины антропометрическихъ измѣреній, которыя мы получимъ на основаніи нѣсколькихъ отсчетовъ; отдѣльные же отсчеты въ этомъ случаѣ употреблять нельзя. Этимъ путемъ мы можемъ опредѣлить дифференцировку данной расы. Данная раса можетъ обладать не однимъ типомъ, а нѣсколькими, если она образовалась путемъ сліянія нѣсколькихъ болѣе древнихъ расъ. Возможно, что въ нѣкоторыхъ индивидуумахъ современной расы преобладаетъ кровь одной изъ древнихъ смѣшавшихся расъ, а въ другихъ индивидуумахъ той же современной расы преобладаетъ кровь другой древней расы. Это можно различить по совокупности антропометрическихъ признаковъ, если только

антропометрическія наблюденія будутъ свободны отъ психологическихъ ошибокъ. Равнымъ образомъ, если однородная раса, въ силу жизненныхъ условій, дифференцируется на нѣсколько разновидностей, то и эта дифференцировка можетъ быть подмѣчена при помощи многочисленныхъ антропометрическихъ наблюденій. Существующія антропометрическія измѣренія не пригодны для этой цѣли, такъ какъ психологическія ошибки вызываютъ особую группировку наблюденій въ области четныхъ и круглыхъ чиселъ. Распределеніе уклоненій отъ расоваго типа въ дѣйствительности не соответствуетъ распределенію уклоненій данныхъ наблюденій отъ средней типичной величины. Поэтому весьма важно получить наблюденія, свободныя отъ психологическихъ ошибокъ. Величины, около которыхъ группируются эти наблюденія, тахѣмъ сгущенія данныхъ наблюденій укажутъ приблизительно нарождающіяся разновидности расы или укажутъ на слѣды неокончательнаго сліянія расъ. Великая важность этихъ вопросовъ мнѣ кажется достаточно побудительной причиной для производства наблюденій по такому методу, который устраняетъ психологическія ошибки. Я не буду сейчасъ вдаваться въ подробности методовъ для опредѣленія этихъ разновидностей и отмѣчу лишь то, что при этомъ большую помощь оказываетъ методъ средняго топологическаго. Если мнѣ удастся получить антропометрическія наблюденія, свободныя отъ психологическихъ ошибокъ, то я разработаю методы опредѣленія разновидностей той расы, надъ которой имѣются достаточно многочисленные наблюденія.

Примѣры опредѣленія средняго топологическаго и математическая формулировка теорій. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ опредѣленія типичной величины роста при помощи средняго топологическаго. Въ статьѣ А. Г. Рождественскаго дано распределеніе роста мужчинъ, женщинъ и дѣтей по возрастамъ. Типичныя величины роста въ упомянутой статьѣ опредѣлены при помощи средняго арифметическаго. Представляется интереснымъ опредѣлить тѣ же величины типовъ при помощи средняго топологическаго. Опредѣлимъ прежде всего средній ростъ взрослыхъ мужчинъ. Изъ данныхъ упомянутой статьи слѣдуетъ, что среди мужчинъ, имѣвшихъ возрастъ не менѣе 21-го года отъ роду, оказалось 315 человекъ съ ростомъ, записаннымъ числомъ не большимъ 1640 мм., и 396—съ ростомъ, записаннымъ числомъ не превосходящимъ 1660 мм. Общее число измѣренныхъ было 647. 18 субъектовъ имѣли ростъ, отмѣченный въ наблюденіяхъ числомъ 1640 мм. и 18—числомъ 1660 мм. Изъ числа ихъ, по всей вѣроятности, 9 имѣли ростъ меньшій отмѣченнаго и 9—большій. Поэтому вышеприведенныя цифры надо поправить, принявши во вниманіе кратность наблюденій. Допуская, что погрѣшности отчета не превосходили 2-хъ сант., мы получимъ, что, по всей вѣроятности, реальный ростъ, не большій 1640 мм., имѣли (315—9) человекъ, т.е. 306 человекъ. Ростъ же, не большій 1660 мм., имѣли

(315 + 9 + 81 - 9) человекъ, т.-е. 387 человекъ. Эти поправки явились вследствие того, что вышеупомянутые 18 человекъ, имѣвшие разный ростъ, были записаны числомъ 1640 мм., и точно также еще 18 человекъ разнаго роста были записаны числомъ 1660 мм.

Для того, чтобы найти среднее топологическое, надо найти ростъ субъекта, занимающаго 324-ое мѣсто по величинѣ роста. Ростъ его приходится между 1640 мм. и 1660 мм., ибо ростъ не большій 1640 мм. имѣютъ 306 субъектовъ, а ростъ не большій 1660 мм. имѣютъ уже 387 человекъ. Изъ 81-го субъекта, ростъ коихъ находится между 1640 мм. и 1660 мм., 18 субъектовъ не превосходятъ по росту 324-го, ибо $324 - 306 = 18$. Такъ какъ на 1640 мм. и 1660 мм. пришлось четныя числа наблюдений, а именно по 18-ти наблюдений, то мы должны предположить, что реальное распределение роста было такое: разность роста между всякими двумя смежными по росту субъектами, имѣвшими ростъ отъ 1640 мм. до 1660 м., равнялась $\frac{20}{81}$ мм.; субъектъ, ближайшій по росту къ 1640 мм., имѣлъ ростъ $\left(1640 + \frac{10}{21}\right)$ мм.; субъектъ, ближайшій по росту къ 1660 мм., имѣлъ ростъ $\left(1660 - \frac{10}{81}\right)$ мм. Этого достаточно для опредѣленія роста 18-го въ промежуткѣ отъ 1640 мм. до 1660 мм. субъекта. Отъ субъекта, ближайшаго къ 1640 мм., его отдѣляетъ 17 промежутковъ величиной въ $\frac{20}{81}$ мм. Поэтому его ростъ равенъ $1640 + \frac{10}{81} + \frac{20}{81} \cdot 17 = 1644,32$ мм. Итакъ средній топологическій ростъ мужчинъ, который мы считаемъ типичнымъ, равенъ 1644,32 мм.

Для того, чтобы дать еще примѣръ вычислений этого рода, опредѣлимъ по даннымъ той же статьи ростъ женщинъ, возрастъ которыхъ былъ не меньше 20-ти лѣтъ. Общее число субъектовъ было 411. Запись до 1520 мм. включительно дала 188 субъектовъ и до 1540 мм. включительно 250 суб. Числу 1520 мм. соответствовали 14 суб. и числу 1540 мм. соответствовали 9 суб. Поэтому въ дѣйствительности, по всей вѣроятности, число субъектовъ съ ростомъ не большимъ 1520 мм. равнялось $188 - 7 = 181$; здѣсь вычитаемое 7 есть половинна 14-ти, т.-е. числа субъектовъ, записанныхъ ростомъ 1520 мм. Число субъектовъ съ ростомъ не большимъ 1540 мм. равнялось $250 - \frac{9}{2} = 245 \frac{1}{2}$. Дробь $\frac{1}{2}$ выражаетъ въ данномъ случаѣ, что 246-ой субъектъ пришелся какъ разъ на ростъ 1540 мм. Итакъ ростъ менѣе 1520 мм. имѣли 181 субъектъ. Ростъ отъ 1520 мм. до 1540 мм. имѣли 65 субъектовъ, причемъ самый высочій изъ нихъ имѣлъ ростъ 1540 мм. Средняя топологическая совпадаетъ съ ро-

стомъ 206-го по высотѣ роста субъекта, ибо всѣхъ субъектовъ было 411. Этотъ 206-ой субъектъ имѣетъ $206 - 181 = 25$ субъектовъ, ростъ которыхъ не превосходитъ его роста и не меньше 1520 мм. На основаніи гипотезы равномернаго распредѣленія величинъ роста въ средней области мы можемъ сказать, что разность двухъ смежныхъ величинъ роста этого типа такова, что укладывается $64\frac{1}{2}$ раза между 1520 и 1540 мм.

Половина получилась потому, что самая меньшая изъ величинъ роста не совпадаетъ съ 1520 мм., а самая большая изъ величинъ роста въ этомъ промежуткѣ совпадаетъ съ 1540 мм. Искомая 206 ая по порядку величина роста отстоитъ отъ 1520 мм. на 24 цѣлыхъ упомянутыхъ промежутка $+\frac{1}{2}$ такого промежутка. Такъ будетъ потому, что въ промежуткѣ отъ 1520 мм. до 1540 мм. имѣется 25 субъектовъ съ ростомъ, не превосходящимъ искомымъ 206-ой по величинѣ ростъ. Поэтому величина этого 206-го по порядку роста, т.-е. величина средней топологической, равна $1520 + \frac{20 \cdot 24}{64\frac{1}{2}} + \frac{10}{64\frac{1}{2}} = 1527,6$ мм.

Теперь перейдемъ къ математической формулировкѣ метода опредѣленія средней топологической. Пусть истинная формула, выражающая распредѣленіе уклоненій какой-либо антропометрической величины отъ типа, изображаетъ какъ $\varphi(x)$ относительное число тѣхъ случаевъ, когда изучаемая антропометрическая величина имѣетъ величину x . Это значитъ, говоря точно, что если изслѣдуемая антропометрическая величина имѣетъ какое-либо значеніе между x и $x + h$, гдѣ h весьма малая величина, то число случаевъ, въ которыхъ наблюдалось это значеніе изучаемой антропометрической величины, равно $\varphi(x) \cdot h$. Если h превосходитъ нѣкоторый, достаточно малый предѣлъ, то эта формула перестаетъ быть вѣрной, но пока h достаточно мало, она правильно изображаетъ дѣйствительность. Означимъ это малое h черезъ dx , т.-е. черезъ дифференціалъ отъ x . Взявъ сумму величинъ $\varphi(x) \cdot h = \varphi(x) \cdot dx$ отъ значеній x , стремящихся къ минусъ безконечности, до значеній x , стремящихся къ плюсъ безконечности, мы получимъ такъ называемый интегралъ отъ $\varphi(x) \cdot dx$ въ предѣлахъ отъ $-\infty$ до $+\infty$. Эта сумма, или этотъ интегралъ, выражаетъ все число выполненныхъ наблюдений, которое мы обозначимъ черезъ N .

$$\int_{-\infty}^{+\infty} \varphi(x) \cdot dx = N$$

Намъ надо найти значеніе средней топологической, которое мы обозначимъ черезъ A . Такъ какъ половина наблюденій дала результаты меньшіе A , то

$$\int_{-\infty}^A \varphi(x) \cdot dx = \frac{N}{2}.$$

Эта величина A и есть величина типа. Допустимъ, что мы имѣемъ рядъ величинъ $p_1, p_2, p_3, \dots, p_k$, для которыхъ мы знаемъ изъ наблюдений численную величину интеграловъ:

$$\begin{aligned} \int_{-\infty}^{p_1} \varphi(x) \cdot dx &= P_0; \int_{p_1}^{p_2} \varphi(x) \cdot dx = P_1; \int_{p_2}^{p_3} \varphi(x) \cdot dx = P_2; \dots \\ \int_{p_{k-1}}^{p_k} \varphi(x) \cdot dx &= P_{k-1}; \int_{p_k}^{+\infty} \varphi(x) \cdot dx = P_k \end{aligned}$$

Этими интегралами можно воспользоваться для возможно точнаго рѣшенія уравненія

$$\int_{-\infty}^A \varphi(x) \cdot dx = \frac{N}{2},$$

изъ котораго надо извлечь неизвѣстную величину A . Эту величину мы выразимъ черезъ количества $P_1, P_2, P_3, \dots, P_{k-1}, P_k$, которые выражаютъ числа случаевъ, въ которыхъ изслѣдуемая антропометрическая величина лежала между предѣлами $-\infty$ и p_1 , p_1 и p_2 , p_2 и p_3, \dots, p_{k-1} и p_k, p_k и $+\infty$.

Для опредѣленія величины A мы найдемъ сначала цѣлое число l , для котораго

$$\begin{aligned} P_0 + P_1 + P_2 + \dots + P_l &< \frac{N}{2} \\ P_0 + P_1 + P_2 + \dots + P_{l+1} &> \frac{N}{2} \end{aligned}$$

Отсюда слѣдуетъ, что $p_l < A < p_{l+1}$. Это даетъ первое приближеніе для A .

Для полученія второго мы предположимъ, что разность $p_{l+1} - p_l$ настолько мала, что функцію $\varphi(x)$ можно считать постоянной, если x лежитъ между p_{l+1} и p_l . Эта гипотеза позволяетъ легко вычислить A . Вмѣстѣ съ тѣмъ она очень хорошо оправдывается опытомъ, ибо распределеніе случайныхъ отклоненій отъ типа очень равномерно въ дѣйствительности, если только эти отклоненія очень малы. Для того, чтобы примѣнить эту гипотезу, напишемъ два уравненія:

$$\int_{p_l}^A \varphi(x) \cdot dx = \frac{N}{2} - (P_0 + P_1 + P_2 + \dots + P_{l-1})$$

$$\int_A^{p_{i+1}} \varphi(x) dx = (P_0 + P_1 + P_2 + \dots + P_i) - \frac{N}{2}$$

Но если $\varphi(x)$ можно считать постоянной для x , лежащих между p_i и p_{i+1} , то

$$\begin{aligned} \int_{p_i}^A \varphi(x) \cdot dx &= \varphi(A) (A - p_i) \\ \int_A^{p_{i+1}} \varphi(x) dx &= \varphi(A) (p_{i+1} - A) \end{aligned}$$

Для эти равенства, мы получимъ по сокращеніи

$$\frac{A - p_i}{p_{i+1} - A} = \frac{\int_{p_i}^A \varphi(x) \cdot dx}{\int_A^{p_{i+1}} \varphi(x) dx}$$

Замѣняя интегралы правой части равенства черезъ ихъ выраженіе при помощи количествъ P_0, P_1, \dots, P_{k+1} , мы получимъ

$$\frac{A - p_i}{p_{i+1} - A} = \frac{\frac{N}{2} - (P_0 + P_1 + P_2 + \dots + P_{i-1})}{(P_0 + P_1 + P_2 + \dots + P_i) - \frac{N}{2}}$$

Рѣшая это уравненіе относительно A , мы найдемъ

$$A = p_i + (p_{i+1} - p_i) \frac{\frac{N}{2} - (P_0 + P_1 + P_2 + \dots + P_{i-1})}{P_i}$$

Эта формула и есть тотъ самый приемъ вычисленія средней топологической, который мы употребляли въ примѣрахъ. Мы упоминали уже, что этотъ приемъ не даетъ наивысшей степени приближенія, которая можетъ быть достигнута. Теперь перейдемъ къ опредѣленіямъ величины A еще болѣе точнымъ.

Функцию $\int_{-\infty}^x \varphi(x) dx$ для значеній x , лежащихъ между p_i и p_k , можно при

помощи интерполяціи приближенно изобразить такъ

$$\begin{aligned} \xi(x) = \int_{-\infty}^x \varphi(x) dx &= P_0 \frac{f(x)}{(x - p_1) f'(p_1)} + P_1 \frac{f(x)}{(x - p_2) f'(p_2)} + \\ &+ \dots + P_{k-1} \frac{f(x)}{(x - p_k) f'(p_k)} \end{aligned}$$

гдѣ $f(x) = (x - p_1)(x - p_2) \dots (x - p_k)$ и $f'(x)$ есть $\frac{df(x)}{dx}$.

Зная выражение $\xi(x) = \int_{-\infty}^x \varphi(x) \cdot dx$ въ видѣ цѣлаго многочлена, мы най-

демъ искомую величину A изъ уравненія $\xi(A) = \frac{N}{2}$.

Это уравненіе есть уравненіе степени $(k-1)$ относительно неизвѣстнаго A . Такъ какъ приближенная величина A уже извѣстна, то можно опредѣлить дальнѣйшія приближенія по способу Ньютона. Этотъ пріемъ требуетъ большихъ вычисленій, и мы не рекомендуемъ его примѣнять, но приведемъ предыдущее выраженіе функции $\xi(x)$ въ видѣ многочлена степени $(k-1)$ для того, чтобы указать на возможность полученія формулы, выражающей распределеніе уклоненій отъ типа безъ помощи биноміальной кривой. Эта формула, замѣняющая биноміальную кривую, получается дифференцированіемъ вышеприведеннаго многочлена $(k-1)$ степени $\xi(x)$ по перемѣнному x . Эта производная отъ $\xi(x)$ есть многочленъ $(k-2)$ -ой степени по x и выражаетъ приближенно $\varphi(x)$.

Полученный этимъ путемъ многочленъ точнѣе выражаетъ распределеніе уклоненій отъ типа, чѣмъ биноміальная кривая.

Возвратимся теперь къ опредѣленію величины A . Тотъ же самый пріемъ, который мы изложимъ здѣсь, очень хорошъ для рѣшенія численныхъ уравненій вообще и можетъ быть съ успѣхомъ примѣняемъ въ высшей алгебрѣ.

Для полученія A мы будемъ интерполировать x , какъ функцію

$$\int_{-\infty}^x \varphi(x) \cdot dx, \text{ а не наоборотъ. Пусть } \int_{-\infty}^x \varphi(x) \cdot dx = z$$

Тогда значеніямъ x , равнымъ p_1, p_2, \dots, p_k , соотвѣтствуютъ значенія z , равныя $R_0, R_1, R_2, \dots, R_{k-1}$, гдѣ $R_n = P_0 + P_1 + \dots + P_n$ для цѣлыхъ чиселъ n равныхъ $0, 1, 2, \dots, k-1$. Интерполируя x черезъ z , мы полу-

$$чимъ \quad x = p_1 \frac{F(z)}{(z - R_0) F'(R_0)} + p_2 \frac{F(z)}{(z - R_1) F'(R_1)} + p_3 \frac{F(z)}{(z - R_2) F'(R_2)} + \\ + \dots + p_k \frac{F(z)}{(z - R_{k-1}) F'(R_{k-1})}$$

$$\text{гдѣ } F(z) = (z - R_0)(z - R_1)(z - R_2) \dots (z - R_k), \text{ и } F'(z) = \frac{dF(z)}{dz}.$$

Для опредѣленія A остается только положить z равнымъ $\frac{N}{2}$. Поэтому, полагая для удобства обозначеній, что $\frac{N}{2} = M$, мы получимъ

$$A = p_1 \frac{F(M)}{(M - R_0) F'(R_0)} + p_2 \frac{F(M)}{(M - R_1) F'(R_1)} + p_3 \frac{F(M)}{(M - R_2) F'(R_2)} + \\ + \dots + p_k \frac{F(M)}{(M - R_{k-1}) F'(R_{k-1})}$$

Если наблюдений много и много промежутковъ, для которыхъ определены величины P , то k велико и предыдущую сумму трудно вычислить. Во всякомъ случаѣ полученный отвѣтъ есть лишь приближенный, поэтому очень часто является совершенно излишнимъ брать всѣ числа R_0, R_1, \dots, R_{k-1} . Достаточно взять нѣсколько среднихъ, ближайшихъ къ средней топологической. Взявши два значенія R смежныя съ M , мы получимъ приближенно

$$A_1 = -p_i \frac{M-R_i}{P_i} + p_{i+1} \frac{M-R_{i+1}}{P_i}$$

Это и есть то значеніе A , которое мы получили ранѣе. Взявши три среднія значенія R , а именно R_{i-1}, R_i, R_{i+1} , мы получимъ

$$A_2 = p_i \frac{(M-R_i)(M-R_{i+1})}{P_i(P_{i+1}+P_i)} - p_{i+1} \frac{(M-R_{i-1})(M-R_{i+1})}{P_i \cdot P_{i+1}} + \\ + p_{i+2} \frac{(M-R_{i-1})(M-R_i)}{(P_{i+1}+P_i)P_{i+1}}$$

Взявши другія три среднія значенія R , а именно R_{i-2}, R_{i-1}, R_i , мы получимъ новое приближеніе, подобное приближенію A_2 . Это новое приближеніе обладаетъ тою же степенью точности.

Для того, чтобы повысить точность еще, надо взять четыре величины R , а именно $R_{i-2}, R_{i-1}, R_i, R_{i+1}$. Тогда мы получимъ A еще точнѣе; это значеніе таково:

$$A_3 = -p_{i-1} \frac{(M-R_{i-1})(M-R_i)(M-R_{i+1})}{P_{i-1}(P_{i-1}+P_i)(P_{i-1}+P_i+P_{i+1})} + \\ + p_i \frac{(M-R_{i-2})(M-R_i)(M-R_{i+1})}{P_{i-1}P_i(P_i+P_{i+1})} - \\ - p_{i+1} \frac{(M-R_{i-2})(M-R_{i-1})(M-R_{i+1})}{(P_{i-1}+P_i)P_i P_{i+1}} + \\ + p_{i+2} \frac{(M-R_{i-2})(M-R_{i-1})(M-R_i)}{(P_{i-1}+P_i+P_{i+1})(P_i+P_{i+1})P_{i+1}}$$

Это выраженіе, содержащее четыре величины p_i , уже очень сложно и довольно трудно вычисляется, но во всякомъ случаѣ эти вычисления вполне выполнимы на практикѣ. Такъ, напр., для роста 30-лѣтнихъ мужчинъ по даннымъ статьи А. Г. Рождественскаго мы имѣемъ такія величины: $p_1=1500$ мм.; $p_2=1550$ мм.; $p_3=1600$ мм.; $p_4=1650$ мм.; $p_5=1700$ мм.; $p_6=1750$ мм.; $p_7=1800$ мм.; соотвѣтственныя величины R таковы: $R_0=2$; $R_1=4\frac{1}{2}$; $R_2=8\frac{1}{2}$; $R_3=20\frac{1}{2}$; $R_4=27\frac{1}{2}$; $R_5=34\frac{1}{2}$; $R_6=37$. Соотвѣтственныя величины P таковы: $P_0=2$; $P_1=2\frac{1}{2}$; $P_2=4$; $P_3=12$; $P_4=7$; $P_5=7$; $P_6=2\frac{1}{2}$. Количество M равно въ данномъ случаѣ $18\frac{1}{2}$. Число l равно тремъ. Приближеніе A , къ средней топологической было вычислено нами уже ранѣе. Для полученія слѣдующаго приближенія надо взять R_2, R_3, R_4 . Мы получимъ тогда

$$A_2 = 1600 \frac{(18\frac{1}{2} - 20\frac{1}{2})(18\frac{1}{2} - 27\frac{1}{2})}{12 \cdot 19} - 1650 \frac{(18\frac{1}{2} - 8\frac{1}{2})(18\frac{1}{2} - 27\frac{1}{2})}{12 \cdot 7} + \\ + 1700 \frac{(18\frac{1}{2} - 8\frac{1}{2})(18\frac{1}{2} - 20\frac{1}{2})}{19 \cdot 7} = 1638,5.$$

$$\text{Слѣдующее приближеніе } A_3 \text{ даетъ намъ: } A_3 = -1550 \frac{10 \cdot 2 \cdot 9}{4 \cdot 16 \cdot 23} + \\ + 1600 \frac{14 \cdot 2 \cdot 9}{4 \cdot 12 \cdot 19} + 1650 \frac{14 \cdot 10 \cdot 9}{16 \cdot 12 \cdot 7} - 1700 \frac{14 \cdot 10 \cdot 2}{23 \cdot 19 \cdot 7} = 1643,83$$

Приближеніе A_2 сильно расходится съ приближеніемъ A_3 . Но въ виду того, что приближеніе A_2 получено изъ формулы несимметричной, приближеніе же A_3 получено изъ формулы симметричной относительно средней величины, въ виду этого приближеніе A_2 надо отвергнуть. Примѣръ этотъ показываетъ, что несимметричныя формулы расходятся съ симметричными. На основаніи теоретическихъ соображеній надо предпочесть симметричныя формулы и вслѣдъ за приближеніемъ A_1 брать прямо приближеніе A_3 . Приближенія A_1 и A_3 весьма близки между собою въ данномъ случаѣ, и того же самаго надо ждать и вообще говоря.

Въ данномъ случаѣ $A_1 = 1641,7$, и $A_3 = 1643,83$, между тѣмъ какъ $A_2 = 1638,5$. Эта цифра очень далека и отъ A_1 и A_3 , и отъ средняго ариѳметическаго, которое равно 1641,4. Мы вычисляли ранѣе поправку къ приближенію A_1 при помощи измѣренія психологическихъ ошибокъ. Окончательная величина, полученная нами, оказалась равной 1644,14 мм. Важно отмѣтить, что изъ остальныхъ приближеній ближайшею къ этому числу оказалось число A_3 , которое и по теоріи должно быть болѣе точнымъ. Поправка, вычисляемая на основаніи опредѣленія психологическихъ ошибокъ, опредѣляется съ меньшими вычислительными затрудненіями, чѣмъ величина A_2 , но зато легко ошибиться при оцѣнкѣ психологическихъ погрѣшностей. Величина же A_3 опредѣляется совершенно механически при помощи ариѳметическихъ вычисленій. Опредѣленіе психологическихъ ошибокъ само по себѣ очень интересно, такъ что желательно опредѣлять топологическую среднюю и какъ приближеніе A_3 , и какъ приближеніе A_1 , поправленное при помощи нѣсколькихъ гипотезъ о максимальной погрѣшности отсчета. Это поправленное топологическое среднее получится изъ формулы $a + bx$, гдѣ x есть вѣроятная максимальная погрѣшность, опредѣляемая относительной густотой наблюденій въ центрахъ ихъ скопленія. Коэффициенты же a и b опредѣляются при помощи разныхъ гипотезъ относительно x . Изъ совокупности этихъ предположеній получится рядъ уравненій, изъ которыхъ можно найти вѣроятнѣйшія значенія a и b . Такимъ образомъ, опредѣляя различными способами приближенные значенія топологической средней, мы получимъ рядъ критеріевъ для сужденія о точности достигнутыхъ результатовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность оцѣнить размѣръ психологическихъ ошибокъ отсчетовъ.

Проф. Н. В. Берви.

ВОГУЛЫ.

(Антропологическій очеркъ).

Вогулы, аборигены Урала, по Демулену, какъ и всѣ финны,—народъ урало-алтайскаго происхожденія, по Пешелю и Фр. Мюллеру,—помѣсь кавказской и монгольской расы, по Юган. Миллеру, представляютъ въ настоящее время незначительное, мирное финское племя, живущее на восточномъ склонѣ Урала, между 59 и 64° сѣв. шир., въ предѣлахъ Тобольской и Пермской губ. Общая численность ихъ, по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ 1890 г., не превышаетъ 6,400 чел. обоюго пола; изъ нихъ большая часть живетъ въ Тобольской губ., и около 2000 чел. находится въ Верхотурскомъ уѣздѣ, Пермской губ. Въ Тобольской губ. они живутъ въ Туринскомъ уѣздѣ, въ четырехъ инородческихъ волостяхъ или управахъ: въ Куртумовской, Верхней и Нижней Таборинской и Кошукской. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ, Пермской губ., жилища ихъ—юрты—разбросаны или отдѣльно, или небольшими группами главнымъ образомъ по берегамъ рѣкъ: Лозьвы, Сосьвы, Талицы, Тошемки или Вижай.

По образу жизни и вообще по бытовымъ условіямъ вогулы раздѣляются на осѣдлыхъ и бродячихъ, или кочующихъ; послѣдніе изъ нихъ, остающіеся сравнительно въ незначительномъ числѣ, сохранили свой прежній, первобытный, охотничій образъ жизни (докторъ Альквистъ называетъ ихъ «осѣдлыми охотниками»); они занимаются и существуютъ исключительно звѣроловствомъ, рыбной ловлей и охотой. Они населяютъ юрты: Бахтіяровы, Коврижины, Елесины, Укладовы, Шейны, Першины, Лачинскія, Митяевы, Усманковы; они или вовсе или почти ничего не понимаютъ и не говорятъ по-русски, особенно женщины; одѣваются исключительно въ оленьи шкуры. Другая же, бѣльшая, часть вогуловъ покинула или постепенно покидаетъ свой древній, исключительно охотничій, образъ жизни, живетъ деревнями, какъ и окружающее русское населеніе, въ обыкновенной крестьянской обстановкѣ, занимается отчасти земледѣліемъ, гдѣ климатическія и почвенныя условія тому не препятствуютъ, промышляетъ собираніемъ и продажей кедровыхъ орѣховъ, и, постепенно сближаясь съ

русскими, вступая съ ними при помощи брачныхъ союзовъ въ родственныя связи, оскѣдлые вогулы все болѣе и болѣе теряютъ свои племенные и бытовыя особенности, перечисляются изъ «ясашныхъ» въ государственные крестьяне и такимъ образомъ тонутъ и исчезаютъ, какъ отдѣльный народъ, сливаясь и ассимилируясь съ русскими и воспринимая новыя формы обществѣнія. Надо думать, что только этимъ путемъ и возможно продолженіе дальнѣйшаго существованія вогуловъ, какъ и другихъ инородцевъ,—при усиливающейся колонизаціи ихъ земель, они не могутъ оставаться при прежнихъ условіяхъ, и ихъ обособленность неминуемо влечетъ за собой ихъ вымирание.

Для антрополога, при изученіи вогуловъ, несомнѣнно наибольшій интересъ представляютъ бродячіе, или кочующіе вогулы, какъ наиболѣе сохранившіеся въ смыслѣ чистоты типа; къ сожалѣнію, изслѣдованія и измѣренія ихъ на мѣстѣ представляютъ почти непреодолимыя трудности, и мнѣ, при специально съ этой цѣлью организованной экспедиціи, удалось собрать антропометрическія данныя, и то далеко не полныя, лишь надъ 13 взрослыми вогулами, встрѣченными мной, во время ихъ лѣтней кочевки, на р. Лозьвѣ, недалеко отъ впаденія въ нее р. Ивдень, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, Пермской губ. Становище изслѣдованныхъ мною бродячихъ вогуловъ, ихъ лѣтнее пристанище, состояло изъ нѣсколькихъ небольшихъ шалашей или конусообразныхъ шатровъ, составленныхъ изъ кольевъ и прутьевъ и прикрытыхъ березовой корой, или берестой; внутри шалашей замѣчалось почти полное отсутствіе всякихъ домашнихъ вещей; дѣти, женщины помѣщались прямо на землѣ или, въ лучшемъ случаѣ, на подостланныхъ оленьихъ шкурахъ; одѣты они также были исключительно въ мѣховыя оленьи рубашки—малицы, по краямъ ворота и рукавовъ обшитыя молодымъ мѣхомъ—«пыжикомъ»; на ногахъ—мѣховыя бродни. Взрослые вогулы лѣтомъ не носятъ обыкновенно шапки, а ходятъ съ открытой головой; волосы носятъ длинныя, завязывая иногда или заплетая ихъ въ двѣ косы и обвивая шнуромъ или тесьмою. Грудныя дѣти помѣщались въ берестяныхъ колыбелькахъ, обкладывались деревянными стружками; деревянные стружки служатъ у бродячихъ вогуловъ также для вытиранія рукъ и лица вмѣсто полотенца, потому и называются у мѣстныхъ жителей «деревяннымъ рукотеромъ».

Вслѣдствіе продолжительныхъ постоянныхъ дождей вода въ Лозьвѣ находилась въ то время, когда были произведены сказанныя наблюденія, въ высококомъ стояніи,—рыба въ рѣкѣ не ловилась, и вогулы довольствовались приготовленіемъ себѣ въ пищу изъ имѣвшихся у нихъ небольшихъ запасовъ муки жидкой похлебки, болтушки, приготовляемой безъ соли, безъ всякихъ травъ, кореньевъ, безъ всякихъ приправъ. Приготовленная похлебка выливалась въ небольшое деревянное корыто; сначала обѣдалъ глава семейства—хозяинъ, а затѣмъ ѣли его семейные—жена,

дѣти, и оканчивали, усердно вылизывая остатки, неразлучные спутники вогула на охотѣ, собаки—лайки. Лишь у немногихъ находились небольшіе запасы вяленаго, сухого лосинаго или оленьяго мяса, въ видѣ узкихъ, длинныхъ, твердыхъ полосокъ. Иногда приготовлялись изъ муки прѣсныхъ лепешки. Хлѣба у вогуловъ нѣтъ, хотя они очень охотно ѣдятъ его, но они не умѣютъ и негдѣ имъ его печь. Русскихъ печей нѣтъ у вогуловъ и въ ихъ зимнихъ жилищахъ—юртахъ. Юрта отапливается и согрѣвается

Рис. 1. Вогулы Верхотурскаго у., Пермской губ., бывшіе въ Москвѣ на Антропологической выставкѣ 1879 г.

«чуваломъ», это—очагъ, смазанный изъ глины, въ родѣ камина. Самая юрта есть нечто иное, какъ небольшой деревянный срубъ изъ тонкихъ бревенъ; на потолокъ насыпана земля; крыши нѣтъ. Внутри избы по стѣнамъ устроены нары. Для освѣщенія имѣется обыкновенно одно небольшое окно, часто безъ рамъ и безъ стеколъ. Относительно питанія вогуловъ слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что періодическія лишенія и иной разъ настоящія голодовки, при удачной охотѣ и обильномъ уловѣ рыбы, смѣняются обиліемъ мясной пищи, и въ этомъ случаѣ вогулы легко впадаютъ въ дру-

гую крайность: легко предаются обжорству, сѣдаютъ громадное количество рыбы или глухарей, рябчиковъ, тетеревовъ. Несмотря на тяжелые уроки жизни, они остаются безпечными, непредусмотрительными, — не дѣлаютъ во-время запасовъ, и такимъ образомъ, какъ настоящія дѣти природы, будучи заброшены въ глушь лѣсовъ, подвергаютъ себя всѣмъ случайностямъ ничѣмъ не обезпеченнаго существованія. Бродячіе, или кочевые вогулы славятся, какъ очень ловкіе, искусные охотники. Они безъ промаху стрѣляютъ въ голову бѣлку, чтобы не повредить мѣха. Ружье, огниво и топоръ составляютъ ихъ главное достояніе и богатство. Вогулы любятъ табакъ, нюхаютъ, но не курятъ. Многіе бродячіе вогулы имѣютъ на рукахъ, обыкновенно на передней поверхности предплечія, «тамги» — особые знаки, въ видѣ темныхъ черныхъ полосокъ, круговъ, зигзаговъ, своего рода іероглифовъ. Тамги дѣлаются натираніемъ уколотыхъ мѣстъ кожи толченымъ порошкомъ. Онѣ встрѣчаются не только у мужчинъ, но и у женщинъ. Значеніе такой татуировки различно. Женщины татуируютъ себя ради кокетства и украшенія; у мужчинъ тамги имѣютъ значеніе въ практической жизни. Тамгу выставляетъ вогулъ вмѣсто подписи на документахъ; тамгу вырубаетъ онъ на деревѣ, подъ которымъ складываетъ, при невозможности захватить съ собою добычу, убитыхъ на охотѣ лосей, медвѣдей; возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ на тамгу смотрятъ какъ на талисманъ, предупреждающій заболѣваніе или излѣчивающій болѣзнь. Среди осѣдлыхъ вогуловъ мнѣ встрѣтилось въ нѣкоторыхъ деревняхъ поголовное заболѣваніе зобомъ, struma, по мѣстному названію, «нечистая шея», и струмовыя разрошенія, иногда въ видѣ значительныхъ опухолей шеи, наблюдались въ самой различной степени развитія.

Перехожу къ описанію физическихъ признаковъ бродячихъ вогуловъ.

Вогулы среднего или даже низкаго роста; изъ немногихъ, сдѣланныхъ мною антропометрическихъ измѣреній средній ростъ вогуловъ равняется 154 сантим., но встрѣчаются между ними и субъекты высокаго роста. Типъ лица сходенъ нѣсколько съ калмыцкимъ; лицо вообще плоское, широкое, съ болѣе или менѣе выдающимися скулами; преобладающій цвѣтъ кожи и волосъ — темный. Растительность на лицѣ слабая; борода и усы небольшие, или даже вмѣсто нихъ остается лишь нѣсколько короткихъ, въ безпорядкѣ торчащихъ волосъ. Существуютъ указанія, что по бытовымъ условіямъ вогулы принуждены выщипывать себѣ волосы на лицѣ, такъ какъ борода и усы, замерзая, препятствуютъ свободному движенію на зимней охотѣ, при преслѣдованіи добычи.

По типу черепа вогулы принадлежатъ къ длинноголовымъ или, вѣрнѣе, къ ортоцефаламъ, съ головнымъ указателемъ 77. Въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются отъ многихъ другихъ финскихъ племенъ и сходятся лишь съ черемисами, имѣющими также длинные и узкіе черепа. Указаніе на долихоцефалію вогуловъ сдѣлано впервые акад. Беромъ, подтвер-

ждено полученными мною при измѣреніи живыхъ людей въ 1871 г. цифровыми данными и доказывается типомъ вогульскихъ череповъ, хранящихся въ антропологической коллекціи С.-Петербургской Академіи наукъ. Я считаю потому опредѣленіе Ретціуса, отнесшаго вогуловъ къ группѣ брахицефаловъ-ортогнатовъ, ошибочнымъ. Правда, что имѣющійся для опредѣленія типа черепа вогуловъ матеріалъ очень незначителенъ, всего шесть череповъ и 13 измѣреній, сдѣланныхъ мною надъ живыми людьми, но, въ виду однообразія и согласія цифръ, можно предполагать, что дальнѣйшія болѣе обширныя измѣренія подтвердятъ сдѣланныя наблюденія *). Нанчаще встрѣчающійся цвѣтъ глазъ у бродячихъ вогуловъ—сѣрый, карій и голубой; глаза вообще небольшіе или средніе; величина глазной щели колеблется около 9 мм. У нѣкоторыхъ женщинъ замѣчено косое расположеніе глазной щели, съ приподнятымъ наружнымъ угломъ глаза, — особенность, характерная для монгольскаго типа, встрѣчающаяся нерѣдко у остячекъ, по

*) Вотъ краткое описаніе вогульскихъ череповъ, хранящихся въ С.-Петербургской Академіи Наукъ:

Черепъ № 1 (№ 117 по каталогу Академіи, доставленъ генер. Гасфортомъ) средней величины, съ нижней челюстью. Гориз. окружн.—508 мм., длина—178 мм., ширина—133 мм., черепной указ.—74,7; лобный шовъ на надпереносьѣ не вполне сросся; всѣ остальные швы черепа открыты, нормальны; носъ приплюснутый, носовыя кости у корня носа узки; ширина надпереносья—25 мм.; разстояніе наружныхъ краевъ глазницъ—98 мм. Стрѣловидный шовъ и мѣсто сліянія двухъ лобныхъ половинокъ возвышаются въ видѣ небольшого плоскаго гребня,—особенность, замѣченная покойнымъ прозекторомъ Казанскаго университета И. Г. Навалихинымъ также на доставленномъ мною вогульскомъ черепѣ, переданномъ въ музей Казанскаго Общества Естествоиспытателей. Уголъ нижней челюсти—тупой. Слабый прогнатизмъ альвеолярныхъ отростковъ верхней челюсти; о положеніи рѣзцовъ нельзя высказаться за отсутствіемъ среднихъ зубовъ, какъ верхнихъ, такъ и нижнихъ. Вообще черепъ правильно сформированъ, средняго вѣса, съ незначительной асимметрией затылка.

Чер. № 2 (№ 118 каталога) сходенъ по очертанію съ № 1, только нѣсколько шире. Горизонт. окружн.—510 мм., длина—178, ширина—137; черепной указат.—76,9. Глазницы—широки, объемисты; носовыя кости—узки и плоски; ширина надпереносья—25 мм. Наружный затылочный бугоръ, верхнія полукружныя линіи и наружный затылочный гребень—рѣзко выражены. Зубы хорошо сохранились, мало стерты. Нижняя челюсть отсутствуетъ.

Чер. № 3 (№ 123, доставленъ Аляквистомъ) одинаковаго строенія съ предыдущими. Носовыя кости еще болѣе приплюснуты и изогнуты по длинѣ; нижней челюсти нѣтъ. Гориз. окружн.—504 мм., длина—180 мм., ширина—131 мм., черепн. указ.—72,7.

Чер. № 4 (№ 120, доставленъ Аляквистомъ) безъ нижней челюсти. Кости черепа легки, тонки; черепъ имѣетъ удлинненный видъ. Гориз. окружн.—512 мм., длина—180 мм., ширина—137 мм., черепн. указ.—70,6.

Чер. № 5 (№ 119, доставленъ Гасфортомъ, съ надписью: „жен. черепъ“) — несомнѣнно дѣтскій и относительно пола не даетъ никакихъ указаній. По типу отвѣчаетъ остальной коллекціи. Гориз. окружн.—472 мм., длина—167 мм., шири-

наблюдениямъ проф. Ковальскаго, и отмѣченная въ его отчетѣ по изслѣдованію Сѣвернаго Урала. Носъ—небольшой, плоскій, приплюснутый у жорня; прямыхъ или выпуклыхъ (орлиныхъ) носовъ не встрѣчается. Губы—небольшія, тонкія; ротъ—средней величины—50 mm. Зубы—частые, бѣлые, прямые, обыкновенно отлично сохранившіеся; только у одного отмѣченъ зубной прогнатизмъ. Лобъ довольно высокій—62 mm., лишь у нѣкоторыхъ сильно покатый къзади. Лицо вообще почти круглое, широкое, плоское; скулы у нѣкоторыхъ рѣзко выдаются. Горизонтальная окружность головы—565 mm.; длина черепа—183 mm.; ширина—148 mm.; длина лица—113 mm., виѣшній глазничный діаметръ—110 mm. Среднее разстояніе между скулами—133 mm. Высота пунка надъ поломъ—931 mm.; длина рукъ—698 mm.; длина ногъ—892 mm.; окружность груди—917 mm., слѣд., значительно больше половины роста тѣла. Нѣкоторыми наблюдателями отмѣчается, какъ племенная особенность, значительная длина туловища у вогуловъ.

Походка вогуловъ — медленная, развалистая: держатся они, согнувшись, сутуловато. На видъ они вообще народъ здоровый. Пожилые относятся угрюмо къ окружающему, серьезны, молчаливы, между ними не слышно ни смѣху, ни шутокъ. Молодые же и дѣти, какъ вездѣ, доверчивы, разговорчивы; вскорѣ послѣ знакомства обнаруживаютъ любознательность, съ любопытствомъ разсматриваютъ и трогаютъ незнакомыя имъ чужія вещи, одежду.

на—127 mm., черепъ, указ.—76. Возвышенный валикъ на мѣстѣ срослагося лобнаго шва. Зубы—молочные: изъ постоянныхъ находятся только первые большіе коренные. Въ глубинѣ дуночекъ рѣзцовъ какъ верхнихъ, такъ нижнихъ сидятъ зачатки постоянныхъ зубовъ,—молочные рѣзцы выпали и потеряны. Малые коренные зубы имѣютъ, какъ обыкновенно у дѣтей, на жевательной поверхности по 4 и 5 бугорковъ. Общее число всѣхъ прорѣзавшихся зубовъ—24. Черепъ, слѣдов., принадлежитъ субъекту не болѣе 7—8 лѣтъ отъ роду.

Привожу всѣ эти данныя въ виду рѣдкости соответствующаго матеріала, когда даже въ такой богатой краниологической коллекціи, какая имѣется при С.-Петербургской Военно-Медицинской Академіи, нѣтъ ни одного вогульского черепа. *Примѣч. автора.*

Въ Антропологическомъ музеѣ Московскаго университета имѣются 72 вогульскихъ черепа. Изъ нихъ 67 доставлены Н. Л. Гондатти съ лѣвыхъ береговъ Сѣв. Сосвы и Сыгвы, 4—К. Д. Носиловымъ изъ Щѣкуръ-Пауля и 1—дромъ Рудановскимъ изъ Ниж. Тагилы. 46 череповъ (25 мужскихъ и 21 женскихъ) изъ коллекціи Н. Л. Гондатти изслѣдованы И. П. Силиничемъ (изслѣдованія пока не опубликованы); по отношенію къ черепному указателю имъ получены слѣдующія цифры: minimum — 70.00 (муж. — 70.00, жен. — 73.44), maximum — 90.91 (муж. — 90.91, жен. — 86.42), среднее: муж. — 78.30, жен. — 78.39; долихоцефаловъ — 12 (7 муж. и 5 жен.), субдолихоцефаловъ—15 (8 муж. и 7 жен.), мезоцефаловъ—8 (5 муж. и 3 жен.), суббрахицефаловъ—5 (1 муж. и 4 жен.) и брахицефаловъ—6 (4 муж. и 2 жен.). *Примѣч. редакціи.*

Семейства бродячих вогуловъ малочисленны, въ большинствѣ имѣютъ не больше двухъ-трехъ дѣтей; лишь у одного изъ кочующихъ вогуловъ (вогула Бахтіарова) оказалось девять человѣкъ дѣтей. Осѣдлые вогулы отличаются, напротивъ, большими семьями. Различіе въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, кроется въ лучшихъ экономическихъ и бытовыхъ условіяхъ осѣдлыхъ вогуловъ.

Вогулы представляютъ въ настоящее время незначительное мирное племя, отчасти сливающееся съ русскими, отчасти уменьшающееся численностью и вымирающее, вслѣдствіе стѣсненія и уменьшенія количества звѣря, угодій. Не то бы было нѣсколько столѣтій тому назадъ. По имѣ-

Рис. 2. Вогулъ съ р. Лозвы, 36-ти лѣтъ (изъ „Путешествія къ вогуламъ“ Н. Сорокина).

ющимися историческимъ свѣдѣніямъ, вогулы оказывали значительное противодѣйствіе колонизаціи края русскими и въ союзѣ съ остяками нападали даже на русскія поселенія. Какъ извѣстно, для удержанія ихъ въ повиновеніи и для устрашенія ихъ князя Аблегерима въ 1593 г. построенъ былъ гор. Пелымъ, а позднѣе гор. Березовъ. Въ смутное время междуправствія, въ 1609 г., вогулы при помощи калмыковъ замыслили овладѣть гор. Тюменью, но этотъ заговоръ былъ открытъ казаками; въ 1612 г. они пытались овладѣть Пелымомъ, но были отбиты и усмирены; они подходили и кидались даже на Чердынъ, но также безуспѣшно. Вообще въ прежнее время вогулы, какъ независимое охотничье племя, были довольно

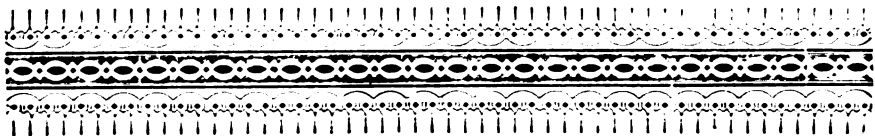
воинственны, храбры (черты независимости проявляются иногда среди бродячих вогуловъ и въ настоящее время), они нападали на русскихъ, такъ что великій князь Иванъ Васильевичъ въ 1499 г. принужденъ былъ отправитъ противъ нихъ значительный отрядъ войска въ 4000 чел. При Строгановыхъ на нихъ наложенъ былъ оброкъ или подать, и съ того времени они стали уплачивать русскому правительству дань, или «ясакъ», шкурами убитыхъ животныхъ, въ изобиліи водившихся въ лѣсахъ Урала, какъ-то: соболей, лисицъ, песцовъ, горностаевъ и др. Ермакъ въ первый свой походъ для завоеванія Сибири, въ 1576 г., встрѣтился съ вогулами на р. Сылвѣ, зазимовалъ здѣсь, и подчиненные ему казаки послѣ того нерѣдко отбирали у вогуловъ, по праву сильного, весь имѣвшійся у нихъ запасъ мерзлой рыбы, а также запасы медвѣжьего и лосинаго мяса.

Въ христіанскую вѣру обращены вогулы лишь въ 18-мъ столѣтіи, въ 1714—1722 гг., Филофеемъ Лещинскимъ, хотя несомнѣнно, что и по настоящее время они не вышли изъ періода фетишизма, боготворятъ камни, горы, рѣки, лѣса, клянутся лапой медвѣдя и приносятъ присягу на мордѣ этого животного, къ которому питаютъ, какъ и другіе инородцы, напр. айны, особенное чувство страха и благоговѣнія. До послѣдняго времени у вогуловъ находимы были капища идоловъ, или шайтановъ, гдѣ вогулы приносили жертвы; одно изъ болѣе извѣстныхъ находилось близъ мѣстечка Ляпина, на р. Сылвѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Сосьву, а городокъ Ляпинъ вообще извѣстенъ, какъ главный мѣновой пунктъ торговли мѣхами между вогулами, остяками, зырянами и русскими.

Большинство писателей относятъ вогуловъ къ финскому племени, а современные географы и этнографы, какъ Пешель и Фридрихъ Миллеръ, причисляютъ ихъ къ урало-алтайскимъ народамъ. Ревностный и глубокій изслѣдователь сибирскихъ инородцевъ Кастренъ выдѣляетъ ихъ въ особую группу угорскихъ финновъ, къ которымъ причисляетъ вогуловъ, остяковъ и мадьяръ; нѣкоторые присоединяютъ сюда еще и зырянъ. Сами вогулы не называютъ себя этимъ именемъ; названіе «вогулы» или «вогуличи» дано имъ русскими, а они называютъ себя «манзами» «мансами» или «манчами». Вогулы составляли нѣкогда немалочисленный вогульскій народъ, имѣли своихъ князей, родъ которыхъ, наконецъ, пресѣкся (Поповъ). Въ Пермской губ. они живутъ при истокахъ р. Лозьвы, между этой рѣкой и Ивделенъ, въ мѣстахъ, дарованныхъ имъ особой грамотой императрицы Екатерины II. Языкъ вогуловъ сходенъ съ остяцкимъ и зырянскимъ и вообще принадлежитъ къ финскимъ нарѣчіямъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ вогулы извѣстны подъ именемъ угричей, угровъ или югровъ. Вопросъ о сходствѣ и родствѣ вогуловъ съ венграми или мадьярами и объ общности ихъ происхожденія съ этимъ народомъ, несмотря на продолжительныя, самоотверженныя изысканія на мѣстѣ венгерскаго ученаго Регули, остается доселѣ спорнымъ и неразрѣшеннымъ.

Литература: *Blumenbach*, De generis humani varietate nativa, 1795; *Палласъ*, Путешествіе по Россіи, 1770 г.; *Лепехинъ*, Дневныя записки 1771 года; *Поповъ*, Хозяйственное описаніе Пермской губ., 1804 г.; *Heusinger*, Grundriss der Anthropologie, 1829; *Бредовъ*, Антропо-физиологія, 1844 г.; *Миллеръ*, Описаніе Сибирскаго царства; *Büsching*, Erdbeschreibung; *Георги*, Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ, 1799 г.; *Избраннедесъ*, Древняя российская бібліотека, 1789 г.; *Протасовъ*, Описаніе Сѣвернаго Урала въ „Горномъ Журналѣ“, 1833 г.; *A. Retzius*, Blick auf den gegenwärtigen Stand-punct der Ethnologie, въ „Müller's Archiv“, 1858; *Вайцъ*, Антропологія первобытныхъ народовъ, 1867 г.; *Zerrener*, Erdkunde des Gouvernement Perm, 1853 г.; *Гофманъ*, Сѣверный Уралъ, 1856 г.; *Мозель*, Описаніе Пермской губ.; Матеріалы для географіи и статистики Россіи: Пермская губ., 1864 г.; Замятка іеромонаха Макарія „О Верхотурскихъ вогулахъ, живущихъ по р. Лозьвѣ“, въ „Вѣстн. Имп. Геогр. Общ.“; *Johannes Müller*, Handbuch der Physiologie, 1840; *Н. Сорокинъ*, Путешествіе къ вогуламъ, въ „Трудахъ Общ. Естествоиспытателей при Казан. унив.“, т. III, № 4, 1873 г.; *Н. Малиевъ*, Отчетъ о вогульской экспедиціи. Казань, 1873 г.; „Антропол. выставка 1879 г.“, т. III, стр. 278; *Н. Ядринцевъ*, Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Сиб., 1891; *А. Г. Рождественскій*, Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. „Труды Антроп. Отд.“, т. XVІІІ, стр. 99—104; *А. А. Кауфманъ*, Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ и осѣдлыхъ инородцевъ Тобольской губ., Туринскаго округа. 1890 г.

Н. Малиевъ.

Изъ иностранной литературы.

Происхождение и переселение народовъ съ географической точки зрѣнія.

(Prof. Fr. Ratzel—*Der Ursprung und das Wandern der Völker geographisch betrachtet. „Berichte der philolog.-histor. Classe der Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig“*).

Въ предлагаемой работѣ авторъ не стремится дать полной провѣрки всѣхъ доказательствъ происхожденія народовъ; онъ не думаетъ также разбирать вопроса о происхожденіи человечества или расъ. Его цѣль — пополнить недостатки метода, принимаемаго при обсужденіи вопроса о происхожденіи какого-нибудь народа. Почти никто изъ занимавшихся этимъ вопросомъ не обращалъ вниманія на самый механизмъ переселеній, между тѣмъ какъ это является наиболее важной стороной изслѣдованія. Происхожденіе народа можно представить только географически. Всѣ работы стремятся найти прежнюю родину народа, и указанія этого рода держатся въ литературѣ особенно упорно. Если удастся разрѣшить вопросъ о переселеніяхъ народовъ, тогда намъ придется оперировать съ чисто географическими понятіями: 1) мѣстомъ происхожденія, 2) страной, черезъ которую двигался народъ, и 3) съ современной областью, занятой народомъ. Эти три величинны мы свободно наносимъ на карту въ видѣ площадей. Такимъ образомъ географическое положеніе наиболее важно. До сего времени географія поручала лингвистамъ и антропологамъ опредѣленіе мѣстъ происхожденія, сама же наносила на карту линіи, отдѣляющія тотъ или иной народъ, — между тѣмъ географіи легче всего объяснить явленія передвиженія изъ одной страны въ другую, потому что условія передвиженій имѣютъ географическую основу. Этотъ географическій элементъ мы встрѣчаемъ и въ языкѣ, и въ мифологіи, и въ сказаніяхъ о переселеніяхъ. Изслѣдованіе, касающееся, напр., происхожденія полинезійцевъ, беретъ какой-нибудь островъ или архипелагъ и, переходя отъ острова къ острову, принимаетъ въ расчетъ и вѣтры, и теченія и т. д. Географія не должна ограничиваться только описаніемъ страны,

по которой происходит переселение,—она должна еще дать ясную картину связи страны съ той текущей массой, которая по ней движется. Необходимо изслѣдовать вопросъ, какъ совершается переселение вслѣдствіе увеличенія народонаселенія и какъ измѣняется оно подъ вліяніемъ болѣе тѣсной связи культуры съ страной.

Въ вопросѣ о происхожденіи и переселеніи народа необходимо отдѣлять понятія: народъ и страна. Страна остается, народъ мѣняется. Для германцевъ, напр., исчезающихъ въ Остзейскомъ краѣ, можно только говорить о мѣстѣ происхожденія (Stamland), а нельзя ихъ разсматривать, какъ первобытное население края (Stamvolk). Область, занимаемая народомъ, то растетъ, то уменьшается, то дробится и т. д. Вся исторія Европы показываетъ, какъ область одного народа уменьшалась или увеличивалась подъ натискомъ народныхъ массъ. Внутренній ростъ вызываетъ наружное движеніе. Число народа создается при распространеніи его; его нельзя предполагать существующимъ съ самаго начала. Самое передвиженіе оказываетъ существенное вліяніе на народы: оно производитъ естественный отборъ болѣе сильныхъ и даетъ народу, такъ сказать, встряску. Народъ, попадающійся на пути переселенцевъ, также измѣняется. Эффекты, вызванные передвиженіемъ, должны входить въ разсмотрѣніе изслѣдователя. Не только народъ, въ страну котораго являются пришельцы, дробится и измѣняется, но и въ средѣ самихъ пришельцевъ часто наступаетъ внутреннее разложеніе, распри и междоусобія. Уже языковѣдніе указываетъ на фактъ смѣшенія языковъ, — этимъ нарушается представленіе о простотѣ народныхъ передвиженій. Такъ, языки арійскихъ и финно-уральскихъ племенъ обмѣнивались словами; у египтянъ встрѣчается масса семитическихъ словъ; языкъ Черноногихъ индѣйцевъ сталъ совершенно не похожъ на языкъ алгонкиновъ, несмотря на первоначальное родство языковъ. Когда однородныя слова употребляются для обозначенія замѣтovanýchъ предметовъ, тогда этнологическое изслѣдованіе можетъ опереться на родство языковъ, причемъ, однако, этнографическія позамѣтованія обыкновенно держатся гораздо дольше, чѣмъ замѣтованные слова.

Когда народъ распространяется по странѣ, то это — признакъ движенія и его жизни. Когда мы разбираемъ бывшія раньше движенія народныхъ массъ, мы ихъ невольно относимъ къ одному моменту и говоримъ объ отдѣльныхъ большихъ передвиженіяхъ. Мы забываемъ при этомъ о незначительныхъ, невидныхъ подчасъ, передвиженіяхъ, важныхъ иногда по своимъ результатамъ. Знакомство съ океанійцами расширило значительно взглядъ на передвиженія полинезійцевъ. Forster, Ellis и друг. упоминаютъ о передвиженіяхъ къ В. отъ Фиджи и Ellice. Намъ уже извѣстны слѣды полинезійцевъ и въ Меланезіи, и даже въ Н. Гвинее. Малайско-полинезійскіе культурные слѣды на сѣверо-западѣ Сѣверной и въ Южной Америкѣ указываютъ на то, что передвиженія полинезійцевъ—часть не только тихоокеанскихъ, но вообще всемірныхъ переселеній народовъ. Высказывая эту мысль, Ратцель не соглашается однако съ пред-

положеніемъ Ланга, дающаго гипотезу о заселеніи Америки этими малайо-полинезійцами.

Каждый вопросъ о происхожденіи народа расширяется въ объемѣ, стоитъ намъ только вникнуть въ него глубже. Бразильскій путешественникъ Von den Steinen говоритъ о громадномъ распространеніи карайбскихъ племенъ. Сами же карайбы (Вакаігі) помнятъ свое отдѣленіе лишь за 200 лѣтъ тому назадъ. Но переселенія должны были быть и раньше, такъ какъ Вакаігі, какъ рыбаки, должны были выходить вдоль рѣки на рыбную ловлю, сталкивались съ другими племенами, измѣнялись физически и духовно. Это замѣчаніе указываетъ на то, что крупный результатъ сложился изъ мелкихъ, подчасъ незамѣтныхъ передвиженій. Страна, занимаемая народомъ, не есть мѣсто постоянное,—она увеличивается, уменьшается. Эти перемѣны есть внѣшнее выраженіе внутренняго или наружнаго движенія. Подвижность у народовъ болѣе молодыхъ и менѣе культурныхъ значительнѣе. У болѣе зрѣлаго народа подвижность увеличивается внутри страны, плотность его населенія растетъ, онъ тѣснѣе связанъ съ своей страной. Результатомъ сплоченности большихъ народныхъ массъ на участкѣ земли является эмиграція. Такимъ образомъ внутренняя жизнь народа готовитъ внѣшнее движеніе, или же снаружи замершее движеніе обращается внутрь и готовитъ послѣдующія наружныя. Только понявъ внутренній ростъ и движенія въ народномъ организмѣ, можно понять наружное его проявленіе. Японія и 2½ вѣка тому назадъ не являлась трупомъ, несмотря на наружное ея бездѣйствіе. Германія въ глухіе Средніе вѣка, несмотря на наружный глубокой сонъ, готовила великія открытія, ошастливившія человечество. Періоды покоя и движенія не что иное, какъ разныя степени движенія: абсолютнаго покоя не существуетъ. Семитическіе культурные признаки разбросаны отъ Микенъ до Индіи, — несмотря на это, о большихъ передвиженіяхъ этого народа неизвѣстно.

Народовъ, находящихся въ полномъ застоѣ, не существуетъ; поэтому терминъ Fritsch'a „Standvolk“ не имѣетъ значенія. Напр. „Standvolk“ бушменовъ вовсе не былъ въ застоѣ, а долго сопротивлялся европейцамъ и кафрамъ, между тѣмъ какъ „Wandervolk“ готтентотовъ-кочевниковъ имѣетъ меньшее распространеніе и легче покорился своимъ господамъ. Мирное обшенье существуетъ и на самой низкой степеніи культуры. У финнікянъ и грековъ, правда, морскую торговлю трудно отличить отъ морского грабежа; но мы знаемъ, съ другой стороны, что эскимосы сходятся часто издалека не только для торговли, но и просто для удовольствія. Поэтому-то у эскимосовъ средства сношеній достигли значительнаго совершенства (лыжи, сани). Разстояніемъ часто не стѣсняются, иногда даже для достиженія незначительной цѣли. Жители Центральной Австраліи идутъ въ гости къ родственникамъ за 170 и болѣе км. Для сборовъ охры Dieri совершали путь въ 500 км. Путь нерѣдко пролегаетъ при этомъ черезъ области враговъ, съ которыми приходится подчасъ вступать въ кровопролитныя битвы.

Человѣкъ одаренъ, какъ выражается Brinton, dispersive elements и associative elements. Въ этомъ замѣчаніи, по словамъ проф. Ратцеля, заключается глубокая истина, которая, однако, не вполне этимъ исчерпана. Вообще человѣку свойственно движеніе; это движеніе выражается само по себѣ, безъ всякаго принужденія. Человѣческая волна изливается въ незанятое пространство, гдѣ нѣтъ препятствій движенію. Нельзя предположить, что урало-алтайцы заняли низменность сѣверной Азіи и Европы, придерживаясь опредѣленныхъ плановъ. Они блуждали безцѣльно по степямъ и тундрамъ; ихъ распространеніе подобно распространенію бѣлки, скачущей съ дерева на дерево отъ береговъ Великаго океана до береговъ Атлантическаго. Попадающаеся по пути препятствіе отклоняетъ народную массу и направляетъ въ мѣста наименьшаго сопротивленія: по долинамъ, по просѣкамъ и т. д. Если волна народная попадетъ въ котловину или опустится на какомъ-нибудь островѣ или полуостровѣ, тогда пришельцы временно осѣдаютъ, плодятся до новой эмиграціи. Дороги были впервые проложены большими государствами передней Азіи для соединенія владѣній; онѣ — созданія рукъ человѣка. Въ организаціи народовъ нѣтъ ничего, что бы ограничивало ихъ подвижность. Граница передвиженій тамъ, гдѣ земля негодна для человѣческой жизни (пустыни, берегъ моря). За-то человѣкъ ставитъ себѣ иногда искусственныя границы для защиты себя отъ подвижныхъ сосѣдей.

Община, государство, — большое или маленькое, — результатъ народныхъ движеній. Отдѣльныя фазы этого движенія — предметъ политической географіи. Мы знаемъ, какъ освѣжило германское нашествіе первыхъ столѣтій нашего лѣтосчисленія отдѣльныя части Римскаго государства. Чтобы ростъ государства увеличивался, необходимо разнообразіе. На низкихъ ступеняхъ развитія народы стремятся оградить себя отъ этого разнообразія; они даже примѣняютъ съ этой цѣлью дѣтубійство и занимаются людобѣдствомъ. Извѣстны примѣры индѣйцевъ Виргиніи, убивавшихъ всякаго пришельца, узнаваго положеніе ихъ жилищъ. Такая замкнутость не можетъ продолжаться вѣчно. Нѣтъ государства, которое бы не знало этихъ стадій. Завоеванія, основанія городовъ — все это сопровождается переселеніемъ народовъ. Движеніе разнообразно. Не всегда измѣненія благоприятно отражаются на подвижности народа. Часто безсознательное движеніе переходитъ въ сознательное. Это вызывается или увеличеніемъ народонаселенія, или расширеніемъ географическаго кругозора, или улучшеніемъ средствъ передвиженія, или, наконецъ, большей удобопроходимостью страны. Каждая степень развитія то благопріятствуетъ, то задерживаетъ движеніе. Густота населенія вызываетъ сообщенія, но, съ другой стороны, препятствуетъ имъ, сокращая число свободныхъ земель. Занявъ другую страну, человѣкъ становится другимъ. Манчжуръ — иной въ Китаѣ, чѣмъ на Уссури, тюркъ — иной на Ленѣ и на Алтаѣ. Не одно знакомство съ чужими странами, а главнымъ образомъ познаніе собственной страны расширяетъ кругозоръ человѣка. Широкий кругозоръ не менѣе полезенъ человѣку, чѣмъ хорошіе пути, смѣлость

и безопасность. Небольшія государства, заброшенные въ лѣсной глуши, пробуждались, лишь когда война давала выходъ народнымъ массамъ. Ростъ населенія измѣняетъ его отношенія къ странѣ, гдѣ онъ живетъ. Чѣмъ больше населенія живетъ въ странѣ, тѣмъ сильнѣе разрабатываются богатства ея, тѣмъ тѣснѣе связь страны съ населеніемъ. Культурное развитіе сильнѣе измѣняетъ страну, чѣмъ простое передвиженіе народа по ней. Въ зависимости отъ степени населенности края, передвиженіе по ней даетъ разные результаты. Рѣдкое населеніе дикарей разбросано на большомъ пространствѣ. Временное истощеніе почвы, недородъ, боязнь привидѣнія умершаго родственника гонять дикаря съ его мѣста. Чѣмъ меньше народецъ, тѣмъ легче онъ исчезаетъ съ лица земли. Поэтому у первобытныхъ народовъ исторія носить характеръ частыхъ раздѣленій, эмиграціи, новаго осѣданія и оттѣсненія. Такія рыхлыя, разбросанныя массы легко гибнутъ отъ войны. У насъ борются арміи, народъ только пополняетъ выбывшихъ изъ строя; у зулусовъ же въ войнѣ участвовалъ весь народъ, что въ результатѣ дадо вполне обезлюдѣвшую страну. Повтореніе подобныхъ войнъ сократило число индѣйцевъ въ 4 столѣтія до 6⁰/₁₀.

Человѣкъ заботится о проходимости страны. Еще въ древности вырубали лѣса для увеличенія культурныхъ площадей. Эти свободные участки—пути для культуры и движенія. Бѣлымъ эмигрантамъ въ Сѣв. Америкѣ 150 лѣтъ мѣшало больше лѣсъ, чѣмъ Аллеганы. При увеличеніи ихъ числа, они отвоевали у лѣса значительные участки. Улучшеніе способовъ передвиженія придаетъ интенсивный характеръ ходу исторіи. Парь, хорошіе суда, отборный выюный скоть — важныя двигатели исторіи. Номады съ скотомъ, мореходъ на каякѣ обладаютъ громадной подвижностью. Охотнику нужно больше мѣста, чѣмъ земледѣльцу, потому что вообще чѣмъ меньше интенсивная культурная работа, тѣмъ значительнѣе экстензивная подвижность. Эскимосы имѣютъ такое громадное распространеніе, благодаря хорошимъ средствамъ передвиженія, безъ которыхъ они навѣрно погибли бы при измѣненіи условій передвиженія льда. У культурныхъ народовъ подвижность иная. Дороги играютъ здѣсь рѣшающую роль.

Повтореніе передвиженій — слѣдствіе непрерывнаго движенія на одномъ мѣстѣ. Открытіе Америки Колумбомъ заставило забыть о прежнихъ плаваніяхъ исландцевъ. Однократное передвиженіе народа никогда не приводило къ продолжительному расширенію владѣній. Путешественники или бѣглецы оставляли неглубокіе слѣды, — для достиженія распространенія народа необходимы массы его, которыя отъ времени до времени пополнялись бы. Германцы, заброшенные въ Сѣв. Африку, не получая подкрѣпленія, должны были погибнуть; также исчезло и населеніе изъ Марклэнда и Vinland. Периодическія переселенія — признакъ слабой связи народа съ почвой. Ванскіе армяне лѣтомъ живутъ на плоскогорьяхъ, а зимой переходятъ въ низменности; туземцы Миссури зиму проводятъ въ лѣсу, лѣто въ преріяхъ. Мы склонны видѣть въ движеніи человѣчества нѣчто сознательное. Но для организованнаго передвиженія необходима

организация, чего предполагать въ древнія времена нѣтъ основаній. Только опредѣлившаяся государственная организация можетъ дать сознательную эмиграцію. Въ бессознательной эмиграціи нѣтъ цѣли и намѣченныхъ путей,—человѣкъ здѣсь уподобляется растенію и животному: онъ — только звено въ общей цѣпи передвиженія живыхъ организмовъ. Подобное передвиженіе не выходитъ за предѣлы материка, стремится не мѣнять жизненныхъ условій. Австралійцы, отправляясь для добыванія красной глины или жернововъ, никогда не оставляютъ материка. Германцы только одинъ разъ были въ Африкѣ, и только тысячу лѣтъ спустя, кинулись въ сторону Сѣв. Америки и Гренландіи. Естественное отграниченіе страны создаетъ «*Dauerformen*» антропологовъ. Эренрейхъ допускаетъ возникновеніе каждой расы въ своей области; измѣненія расъ наступили только со временъ открытія Америки и Австраліи. Вначалѣ слабое движеніе въ предѣлахъ материка, съ открытіемъ Америки и Австраліи становится международнымъ. Признавая оба момента, Ратцель относитъ, однако, наступленіе второго момента ко времени первыхъ начатковъ мореплаванія.

Рядъ не связанныхъ между собой передвиженій совершается во всѣ стороны. Массы пришельцевъ заполняютъ промежутки, не занятые прежнимъ населеніемъ страны. Первое появленіе ихъ часто остается незамѣтнымъ, и только размноженіе аборигеновъ страны заславляетъ послѣднихъ натолкнуться на незваныхъ гостей. Такое появленіе въ одиночку часто ведетъ къ прочному господству страной. Въ 1856 г. Фанъ появились въ одиночку въ Габунѣ; въ 1875 г. они достигли уже берега; съ конца 80-хъ годовъ они — въ южномъ Камерунѣ. Торговля, грабежъ, бѣглецы находятъ у пришельцевъ пріютъ. Сіу ходили войной чрезъ земли дружественныхъ имъ Меномини (Menomini) и Оджибва (Odschibwa) до Green Bay,—поэтому Меномини являются сильной смѣсью. Негры проникаютъ и распространяются особенно легко черезъ весь африканскій материкъ, такъ какъ по культурѣ народы тамъ не особенно далеко ушли другъ отъ друга. Аріицы, вѣроятно, не отличались большей подвижностью, чѣмъ народъ, населявшій Европу во время ихъ прихода,—успѣху ихъ разселенія способствовали незанятые пространства. Нѣмецкія колоніи въ Добруджѣ и Сиріи, болгарскія въ Турціи — результатъ колонизаціи незанятыхъ пространствъ среди населенныхъ участковъ. Въ густо населенныхъ странахъ пришельцы не играютъ роли, пока не достигнутъ перекѣса въ странѣ. Такъ стали сильны испанцы въ Мексикѣ, армяне въ Европѣ и З. Азіи и т. д. При такомъ смѣшеніи языкъ и обычаи пришельцевъ играютъ большую роль, особенно когда пришельцы играютъ и видную экономическую роль. Такъ распространился англійскій языкъ въ Сѣв. Африкѣ, а испанскій и португальскій — въ Южной. Когда пришельцы берутъ на себя роль владыкъ края, не касаясь внутренней жизни страны, не происходитъ перемѣнъ въ жизни подвластныхъ народовъ. Монголы и манчжуры въ Китаѣ, турки въ Персіи утратили свой языкъ. На этихъ же основаніяхъ слѣдуетъ предполагать, что появленіе аріицевъ, знакомыхъ съ плугомъ, совершилось еще въ то время, когда коренного

населенія въ Европѣ было еще не много, такъ что арійцы, захвативъ лучшіе незанятые участки, опутали страну, точно сѣтью, въ петляхъ которой погибли коренные европейцы. Мирное завоеваніе дѣйствительнѣ войны. Китаю особенно удается и удавалась колонизація Монголіи и Манчжуріи: въ этомъ сила Китая. Этихъ же самымъ сильны и англичане, и малайцы, и многіе др. Плавомѣрное распределеніе, охрана эмигрантовъ — основы политической колонизаціи. Эти принципы впервые наблюдались у семитовъ и хамитовъ; отъ нихъ перешли къ иранцамъ, грекамъ и римлянамъ; у послѣднихъ они достигли своего совершенства. Римскія колоніи носили римскій характеръ, потому что римскіе колонизаціонные элементы быстро являлись одинъ за другимъ, — поэтому ихъ связь съ Римомъ очень тѣсная. Среди сильныхъ народовъ слабымъ остается занять болѣе плохія мѣста, и въ экваторіальной и южной Африкѣ нѣтъ почти ни одного крупнаго народа, въ средѣ котораго не жилъ бы какой-нибудь другой слабый въ загонѣ (Watwa). Бѣгство изъ страны является часто массовымъ, но оно не продолжительно. Бѣглецы раздѣляются, разсѣиваются и стремятся избѣгнуть преслѣдованія. Римляне загнали кельтовъ въ Британію, а норманны вытѣснили саксовъ изъ Англіи чрезъ Tweed. Массовое выселеніе ослабляетъ, разрыхляетъ массу народа.

Бѣглецы занимаютъ въ одиночку пустопорожнія мѣста. Американцы шли съ В. на З., отступая шагъ за шагомъ передъ европейцами. Нибуръ полагаетъ, что колонизація сплываго народа не можетъ направиться въ бѣдныя или неприступныя страны. Онъ подтверждаетъ это мнѣніе тѣмъ, что движеніе народовъ совершается обыкновенно съ С. на Ю. или съ горъ въ низменности. Однако, извѣстны примѣры, когда народы спасались въ бѣдныя и неприступныя страны: Baduj отъ магометанъ бѣжали въ неприступныя плоскогорья Rangelagan. Случайно попавшія, заброшенныя личности несутъ свою дань при выработкѣ народныхъ отношеній, особенно если это совершается часто. На картѣ Sitting'a мы видимъ отъ острововъ линіи, обозначающія пути подобныхъ блужданій. Такъ, изъ Японіи линіи ведутъ въ Камчатку, Аляску, Ванкуверъ, Гавайи, Бонинъ и на Филиппины. Съ Филиппинъ линіи тянутся на Целебесъ и о-ва Малосскіе, съ Каролинскихъ острововъ на Маршалскіе; послѣдніе соединены линіями съ о-вами Жильберта, западнѣе о-ва Полинезіи—съ Фиджи и Гебридскими, о-ва Товарищества—съ о-вами Паумоту. Вѣтры и теченія способствовали этому передвиженію, иногда же прекращали его. Поэтому для данной мѣстности извѣстны какъ произвольныя передвиженія, такъ и случайные забросы островитянъ. Такъ, пассаты принесли съ Самоа на Фиджи свѣтлокожихъ полинезійцевъ. На эти болѣе свѣтлые элементы населенія обратили вниманіе еще Кукъ и Форстеръ. При передвиженіи народа въ ряды его увлекаются также и народцы, попадающіеся ему по пути. Въ рядахъ монголовъ были всегда представители разныхъ средне-азиатскихъ народностей. Нѣчто подобное мы видимъ на примѣрѣ негровъ-рабовъ, завезенныхъ бѣлыми господами. Для массовыхъ передвиженій необходимо большое пространство. Въ Америкѣ оно совершалось

на 3., въ Африкѣ на С.,—здѣсь даже земледѣльцы и ремесленники дали примѣръ значительной подвижности. Въ Европѣ массовыя передвиженія совершались только при внезапно измѣнившихся физическихъ условіяхъ страны (наводненія); вообще же оставленіе страны цѣлымъ культурнымъ народомъ—явленіе рѣдкое. Французы остались на своей землѣ, несмотря на всѣ ужасы войны 70-года.

Къ массовымъ передвиженіямъ особенно склонны пастушескіе народы, такъ какъ скоту ихъ необходимы новыя пастбища. Ихъ организація приспособлена къ кочевой жизни. Получивъ толчокъ, народъ отправляется въ путь, истребляя все, что ему попадаетъ на встрѣчу. Кочуя, номады видятъ передъ собой цѣль—найти для своихъ стадъ луга и пастбища. Оленные чукчи жили раньше на Чукотскомъ полуостровѣ; истощивъ здѣсь пастбища, они двинулись къ Чаусской губѣ; когда и здѣсь луговъ стало не хватать для сильно расплодившихся стадъ, имъ ничего не оставалось, какъ снова двинуться въ путь, въ этотъ разъ уже къ Колымѣ, причемъ они доходятъ до Якутска. На кочеваніе пастуха похоже и блужданіе охотника за дичью. Тунгузы зимой ловятъ дичь въ лѣсу, лѣтомъ въ тундрѣ или у рѣки. Рыба на землѣ распространена болѣе ровно, чѣмъ дичь; поэтому рыбакъ ведетъ болѣе осѣдлый образъ жизни, чѣмъ пастухъ и охотникъ. Одни и тѣ же интересы часто заставляютъ сплотиться группы пастуховъ-номадовъ. Соединивъ общее достояніе, номады начинаютъ движеніе. Подобный примѣръ мы имѣемъ на гереро. Примѣромъ такъ наз. переселеній народовъ могутъ служить переселенія германцевъ въ послѣдніе годы существованія Римской имперіи. Въ новѣйшей исторіи сходное явленіе имѣется въ переселеніяхъ буровъ съ семьями и со всѣмъ скарбомъ. По пути буры, точно древніе германцы, покоряли туземцевъ, гибли отъ ихъ стрѣлъ, ключали съ ними союзы и т. д.

Въ разселеніи народовъ море играло особенно большую роль. Народъ, которому знакомо искусство мореплаванія, можетъ уплыть дальше, чѣмъ можетъ уйти кочевникъ. Особенно благоприятствуетъ плаванію теплая зона земли. Мореходы очень подвижны. Еще когда только-что брежжила свѣтъ исторіи, мы застаемъ мореходовъ и въ Средиземномъ морѣ, и въ Антильскомъ морѣ, и въ Индійскомъ, Великомъ и Ледовитомъ океанахъ. Имѣя хорошія суда, народъ, слабый на сушѣ, часто непобѣдимъ и имѣетъ громадное распространеніе. Малайо-полинезійцы разнесли, такимъ образомъ, свое культурное достояніе по району, превосходящему много разъ область распространенія древней европейской культуры. Вся европейская культура, подвергаясь вліянію съ востока, никогда не оставалась чуждой элементамъ, занесеннымъ въ Европу съ моря.

Каждое переселеніе—захватъ пространства. На низкой степени развитія народы стремятся захватить какъ можно больше пространства, на болѣе высокой они дѣлаютъ то же, побуждаемые къ тому тѣснотой. Для короткаго пути требуется меньше времени, хотя и извѣстны обратные примѣры: такъ

Аріака распространились за короткое время по прямой линіи на 800 км. Сравнительное языковѣдѣніе впервые внесло для объясненія родства языковъ понятіе о расширеніи пространства, но вообще ставить въ вопросѣ о происхожденіи народовъ время и пространство на первый планъ, значитъ часто затѣмнять вопросъ. Языкъ родственный могъ образоваться только въ тѣсномъ кругу. Ростъ и отвѣтвление племенъ возможно при увеличеніи пространства. Взавъ отдѣльныя горы, рѣки и т. д., нельзя было понять распространенія отдѣльныхъ народовъ. Гиндукушъ, Болордагъ оставлены, за родину же арійцевъ принимаютъ теперь Туранскую низменность съ ея продолженіемъ въ Средней Европѣ. Мифіе Poeschen'a, относившаго эту родину въ болота Рокитно, — большой шагъ назадъ. Изъ такого ограниченного пространства не могло выйти цѣлое племя языковъ. Допущеніе индо-германскихъ передвиженій по всей Евразіи только способствовало выясненію вопроса о происхожденіи индо-германцевъ. Вопроса о передвиженіи нельзя также ограничить и во времени. Конечно, англо-кельты быстро распространились въ Америкѣ и въ Австраліи, но это не мѣняетъ того, что это ихъ движеніе есть продолженіе распространенія индо-германцевъ. Поиски первичной родины бѣлой расы, на основаніи данныхъ о наибольшемъ количествѣ населенія во время оно, невозможны, потому что они требуютъ ограниченія мѣста. Полагаютъ, что расселенія народовъ происходили по радіусамъ, а не по периферіи. Нѣтъ необходимости, чтобы область отдѣлившейся вѣтви народа превосходила область прежней своей родины (британскіе острова и Австралія).

Измѣненіе, сокращеніе путей незнакомо на низкой стадіи развитія. Мы не видимъ у китайцевъ попытокъ сократить путь въ Индію черезъ Памиръ; они также не пытались освободиться отъ зависимости отъ муссоновъ, улучшить суда. Вопросъ о положеніи родины какого-нибудь народа даетъ вопросу о происхожденіи народа конкретную форму. Языковѣды изъ языка стремились узнать, лежала ли эта прескитная родина въ горахъ, при рѣкѣ и т. д. Однако, за время историческаго развитія народа смыслъ словъ много разъ мѣнялся, оставался лишь остоуъ слова. Гораздо болѣе положительныя свѣдѣнія даетъ сравненіе этнографическихъ объектовъ. Сходство костяныхъ и каменныхъ орудій Средней Европы съ орудіями эскимосовъ указываетъ на а) прежнее распространеніе сѣверныхъ народовъ на югъ, б) на перемѣну климата и с) на то, что нынѣшніе гипербореи были оттиснуты на сѣверъ. Жилища, татуировка, одежда японцевъ указываютъ на ихъ болѣе южное происхожденіе; одежды же и постройки европейцевъ показываютъ мотивы болѣе холоднаго ландшафта.

Смѣшеніе народовъ происходитъ и во время мира, и во время войны. Дружественныя отношенія эскимосовъ къ сосѣдямъ-индѣйцамъ указываютъ на ихъ давнишнее пребываніе въ странѣ послѣднихъ. Восточная вѣтвь эскимосовъ во враждѣ съ сосѣдями, и это указываетъ на недавнее присутствіе ихъ въ этой мѣстности: это же самое указываетъ на приходъ эскимосовъ съ З. на В. Въ каждой колоніи сторона, обращенная къ метрополіи, населена гуще. Это

мы видимъ на распространеніи колоній малайцевъ: населивъ Яву густыми толпами, они являлись на Н. Гвинеею и землю Arnhem лишь въ видѣ небольшихъ группъ. На болѣе новыхъ передвиженіяхъ видна и форма области распространения. Такъ, въ Южномъ Суданѣ Фульбе врѣзываются въ видѣ клина въ негрскія земли. Распространеніе языковъ по Н. Гвинееѣ указываетъ на передвиженія мела-полинезійцевъ съ З. на С.-В. При обзорѣ формъ распространения народовъ нельзя упускать изъ вида области, находящіяся въ упадкѣ и разграбленіи. Такъ, только потому, что въ исторіи Галліи явилась впервые страной, населенной кельтами, производятъ кельтовъ Британіи, Иберіи, Альпы, и Верхней Италіи отъ гальскихъ кельтовъ, упомянувъ мимоходомъ, что ви́гальскіе кельты—остатки отправившихся на З. кельтовъ. Почему-то при этомъ не является естественной мысли о болѣе широкомъ распространеніи кельтовъ. По распространенному мнѣнію, островки и берега материковъ служатъ убѣжищемъ загнанныхъ туда племенъ. Это возможно при сухопутныхъ переселеніяхъ народовъ (финны оттиснуты аріицами на С.-В., этруски—на Ю и т. д.); но на примѣрѣ римлянъ мы видимъ распространеніе съ береговъ моря въ глубь страны. Распространеніе народовъ по берегамъ морей не даетъ намъ права заключать о томъ, что такой народъ былъ оттиснутъ туда или что онъ-то и есть коренное населеніе страны. На этомъ основаніи нельзя еще считать кельтовъ однимъ изъ самыхъ древнихъ народовъ Европы. По берегамъ Ирландіи есть юго-западные европейскіе виды растений; но это не значитъ, что это—древнѣйшія формы Европы; здѣсь возникаетъ только вопросъ, были ли онѣ оттиснуты съ С. на Ю. оледенѣніемъ страны или онѣ появились съ Ю. Это зависѣло отъ условій страны. Мы знаемъ, что Исландія въ первые моменты появленія на ней эмигрантовъ была перенаселена, Гренландія, наоборотъ, обезлюжена. Прежде Европу считали до прихода аріицевъ безлюдной, но доисторическія находки доказали противное. Положеніе этнографическихъ признаковъ и предметовъ даетъ важное указаніе въ исторіи передвиженій народовъ. Сношеніе народовъ несомнѣнно существуетъ, существуетъ также и передача культурнаго достоянія. Конечно, нельзя эпоху характеризовать словами: эпоха глиняной посуды, эпоха лука и стрѣлы и т. д., потому что отсутствіе глиняной посуды и т. д. само по себѣ ничего еще не доказываетъ. Отсутствіе названныхъ предметовъ не говоритъ еще за то, что народъ стоитъ ниже въ культурномъ смыслѣ. Говоря это, забываютъ, что переизмѣненіе этнографическихъ признаковъ—самый важный факторъ въ распространеніи этнографическаго достоянія. Бѣдность культуры дикаря заставляла думать, что простыя вещи въ его обиходѣ каждый разъ были изобрѣтены вновь на новомъ мѣстѣ. Нельзя отрицать, что идеи вѣчно создаются. Воас говоритъ, что море, солнце, животный міръ и т. д. поражали фантазію дикаря, — поэтому эти элементы вездѣ повторяются въ мифологіи,—нынѣшняя же форма мифовъ есть результатъ развитія. Присутствіе лука у Kassai и на Н. Гвинееѣ само по себѣ еще ничего не доказываетъ, но форма лука и методъ укрѣпленія тетивы указываютъ

на родство этих луковъ. Сравненія, взятые только со всей земной поверхности, могутъ повести къ правильнымъ заключеніямъ. Если одинъ какой-нибудь признакъ повторяется у 100 народовъ, то можно сказать съ увѣренностью, что 2—3 народа въ родствѣ другъ съ другомъ. Нельзя однако изъ 2—3 примѣровъ вывести заключеніе о родствѣ народовъ. Изученіе этнографическихъ коллекцій, собранныхъ и расположенныхъ въ музеяхъ по системѣ, особенно годно для знакомства съ отсутствіемъ или присутствіемъ того или другого этнографическаго объекта, равно какъ и съ заимствованіемъ или самостоятельнымъ возникновеніемъ. Находки нефритовыхъ издѣлій въ Европѣ указываютъ на евро-азиатскія сношенія.

Лингвисты занялись впервые вопросомъ о происхожденіи народовъ. Эти изслѣдованія, забывъ о матеріальной культурѣ, отличались односторонностью. Этнографическія и антропологическія данныя игнорировались языковѣдами. Лингвисты доказываютъ, что санскритъ—мать индо-германскихъ языковъ; между тѣмъ культура индійскихъ аріицевъ имѣетъ чуждые элементы остальнымъ индо-германцамъ, также и физическій типъ индусовъ и германцевъ совершенно иной. Только вмѣстѣ взятая антропология, этнографія и языковѣдніе могутъ объяснить происхожденіе народа. На долю антропологии должна выпадать физическая сторона человѣка, на долю лингвиста и этнолога остается духовное достояніе его.

Сношенія народовъ можно констатировать, пути же, по которымъ совершались эти сношенія, установить очень трудно. Каждая тропинка пролегла по странѣ, гдѣ уже были разъ люди, гдѣ есть ихъ слѣды. Только новѣйшія плаванія не избѣгаютъ безлюдныхъ морей. Еще недавно голландцы по пути въ Малайскій архипелагъ отдыхали на о-вѣ Св. Елены, въ Капской колоніи. Для сухопутныхъ передвиженій страну, черезъ которую идетъ движеніе народа, лучше называть не дорогой (Weg), а проходной областью (Durchgangsland). Такъ вся М. Азія, а не одинъ Босфоръ служилъ мѣстомъ перехода народовъ, населявшихъ Зап. и Сред. Европу. Хотя народъ не успѣваетъ осѣсть прочно въ проходной странѣ, тѣмъ не менѣе онъ измѣняетъ ее, равно какъ и страна его самого. Установивъ фактъ существованія однородныхъ или родственныхъ признаковъ у народа, слѣдуетъ разяснить, въ какомъ направленіи совершалось это странствіе. Подчасъ приходится ограничиться только указаніемъ общей тенденціи этого направленія, напр., экваторіальное направленіе и т. д. Когда слѣды уничтожены окончательно, тогда и установленіе тенденціи невозможно. Особенно трудно установить, какая культура явилась раньше, какая позже, какая произошла отъ какой. На основаніи языка, сохранившаго болѣе древнихъ и первобытныхъ формъ, нельзя еще заключить о большей древности народа. Такъ пришлось бы допустить, что англичане въ Массачусетсѣ древнѣе англичанъ въ Кентѣ только потому, что у первыхъ сохранилось больше словъ и выраженій 17 и 18 вѣковъ. Несмотря на такіе выводы, находились однако

иссѣдователи, которые производили малайцевъ отъ полинезійцевъ только потому, что у послѣднихъ языкъ носить болѣе первобытный характеръ.

На ряду съ прохожими областями попадаютъ области — убѣжища для раздробленныхъ народцевъ. Здѣсь пестрая смѣсь людей, управляемыхъ часто сосѣдами. Въ области Magutse 18 большихъ племенъ и 83 малыхъ. Только пустыни, ледники и т. д. заставляютъ идти человѣка по опредѣленному направленію. Европейская культура шла въ Европѣ съ В. на З. и продолжаетъ идти такъ же и въ Америкѣ. Китайцы шли также на З. отъ южныхъ склоновъ Тяньшаня до восточнаго подножія Памира. Въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ это движеніе происходило въ предѣлахъ умѣренной зоны; на сѣверѣ движеніе направлялось въ обѣихъ частяхъ на В. (эскимосское нашествіе и русское занятіе востока). Важную роль играло при этомъ положеніе частей обѣихъ континентовъ у океановъ (Вост. Азія и востокъ Сѣв. Америки). Китай и восточный край Сѣв. Америки густо населенъ; за ними лежатъ области слабо населенныя, куда изливается избытокъ населенія.

Рѣки играли и играютъ при передвиженіяхъ большую роль. Ихъ долины — дороги, ихъ поверхность — преграда и защита отъ нападеній. Ba-Ngala, Ba-Yansi и др. пришли по разнымъ направленіямъ къ Конго; достигнувъ его, они устроились на немъ. Точно такъ распространились русскіе по сибирскимъ рѣкамъ. Простота строенія страны налагаетъ на народныя передвиженія массовый характеръ, сложное строеніе почвы дробить и разнообразить это движеніе. Степи Азіи и Вост. Европы создали возможность передвиженія народныхъ массъ отъ Вост. Азіи до береговъ Атлантическаго океана. Значеніе степи не исчерпывается безпрепятственностью передвиженія по ней, а лежитъ главнымъ образомъ въ ея величій, въ томъ, что она — родина номада. Степи рѣдко встрѣчаются на склонахъ горъ, обыкновенно онѣ лежатъ на ровной и свободной поверхности земли. Низкая растительность степи не препятствуетъ передвиженію. Бѣдность рѣдкаго населенія зависитъ не отъ одной бѣдности природы. Степи вездѣ одинаковы. Орды кочевниковъ: мавры, туареги, тиббу, арабы, турки, монголы — только звенья цѣпи, тянущейся черезъ весь Старый Свѣтъ. Обломки такихъ большихъ народныхъ массъ разбросаны вездѣ, точно лапы вулкановъ (венгры, манджуры въ Китаѣ). Африка до сего момента — арена частыхъ передвиженій туземцевъ. На В. и С. Африки существуетъ такой же номадизмъ, какъ и въ Азіи. Исторія и этнографія Африки даютъ рядъ примѣровъ вліянія подвижныхъ народовъ на менѣе подвижныхъ. Въ С. Америкѣ роль монголовъ играли Сіу, имѣвшие самое большое распространеніе въ С. Америкѣ. Ихъ буйволы — то же, что стада для монголовъ. Степь борется съ лѣсомъ, отвоевывая пространства, особенно если страну обезлѣснили. Полоса лѣсовъ или культурныхъ странъ задерживаетъ нашествіе степняковъ, она ихъ дѣлаетъ осѣдлыми или сокращаетъ область кочевки. Степи въ Европѣ и Азіи окаймлены лѣсами, поэтому степняки часто забредаютъ въ лѣса и

здѣсь временно остаются. Близость моря, какъ и сосѣдство степной полосы, сыграли роль въ происхожденіи народовъ.

Центровъ, гдѣ создался народъ (Ursitz), не должно существовать для географа,—ему извѣстны только исходныя области (Ausgangsgebiete), до которыхъ можно прослѣдить передвиженіе народа. Американцы считаютъ Англію, Германію и т. д. своей прежней родиной (Stamland), смутно сознавая только при этомъ, что ихъ мѣсто происхожденія (Ursitz)—Центральная Азія. Мѣсто происхожденія называютъ также колыбелью. На самомъ дѣлѣ нѣтъ такихъ странъ, задача которыхъ состояла бы въ томъ, чтобы высылать народы. Различіе существуетъ только между ойкуменой (страной, годной для жизни человѣка) и полярными странами. Въ обитаемой части земли все стремится сгладиться вслѣдствіе отсутствія рѣзкихъ различій на поверхности земли. Рая на землѣ не существуетъ, въ которомъ могло создаться населеніе земли. Мы видимъ въ Италіи повтореніе Греціи, въ С. Америкѣ—Невую Европу. Не было культурнаго центра, какъ Браунъ допускаетъ его для Египта. Въ то время, какъ Египетъ обучалъ Грецію, Месопотамія дѣйствовала на Индію, Индія—на Индоперсію и т. д. Не Италія является прежней родиной для романскихъ народовъ и не Англія для американцевъ, а вся Европа: въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ неоевропейскій народъ. Америка—точно котелъ, въ который стекаютъ разные народы, которымъ, въ свою очередь, раньше пришлось еще не разъ побывать въ подобныхъ же котлахъ. Только необитаемый островъ могъ быть мѣстомъ происхожденія народа (Ursitz). Лингвисты, видя разные языки, размѣщаютъ народы по разнымъ частямъ свѣта; географъ же стремится расширить области; напр., для индо-германцевъ географъ не ограничивается, назвавъ родиной ихъ Литву или Гиндукушъ, но принимаетъ большее распространеніе индо-германцевъ въ Ц. Азіи.

Ограниченныя, тѣсныя пространства создаютъ быстрое перенаселеніе; избытокъ населенія выселяется (Милетъ, Мальта, Ирландія). Продолжительная эмиграція даетъ значительныя колоніи. Сѣверная, Южная и Средняя Америка колонизирована англичанами, португальцами и испанцами. Выраженіе «перенаселенная страна» безъ точныхъ цифръ не имѣетъ значенія. Одной перенаселенности или густоты населенія еще не достаточно для отнесенія страны въ число мѣстъ происхожденія. Lesson называетъ Н. Зеландію родной полинезийцевъ за ея густое населеніе и значительную величину. Но этихъ данныхъ, равно какъ и плодородія страны не достаточно для наименованія ея родиной какого-нибудь народа. Такимъ образомъ, пришлось бы назвать Сѣв. Америку или Австралію родиной англичанъ, такъ какъ здѣсь больше англичанъ, чѣмъ въ метрополіи. Плотность населенія даетъ больше доказательствъ возраста народа. Такъ, въ 12 разъ менѣе плотное населеніе Америки служитъ доказательствомъ того, что населеніе здѣсь еще поселилось недавно. Впрочемъ, восточные берега Америки такъ же сильно и густо населены, какъ и вся Европа. Плотность и здѣсь стремится сравняться во всѣхъ частяхъ Америки.

Изъ бѣдныхъ странъ, не способныхъ вмѣстить большого населенія, движеніе направляется въ болѣе богатія области. Степняки много разъ вторгались въ плодородныя земледѣльческія страны. До вторженія степняковъ приходился на нѣсколько кв. км. 1 человекъ; попавъ въ богатую страну, степняки черезъ два поколѣнія достигали 40—50 душъ на 1 кв. км. (Венгрія). Этотъ фактъ не имѣетъ общаго значенія. Въ Африкѣ родиною туземцевъ являются степи и пустыни, а не горы, какъ это утверждалъ К. Риттеръ для бушменовъ. Часто горы служатъ цѣлью передвиженія народа (Кавказъ, Альпы). Страна, посылавшая и посылающая много эмигрантовъ, не всегда играла такую роль; поэтому ее нельзя считать родиною народа. Только потому, что на берега Суматры, Малакки и сѣв. Борнео въ 12 и 13 столѣтіи по Р. Х. выселялись малайцы, нельзя ихъ принимать исходной точкой для болѣе древнихъ выселеній.

Чѣмъ быстрее шло разселеніе народа и чѣмъ тѣснѣе была исходная область, тѣмъ меньше различій одной народной группы отъ другой. Зулусы въ наше столѣтіе быстро распространились, такъ что ихъ языкъ не успѣлъ измѣниться; за отсутствіемъ у нихъ письма, сравненіе ихъ языка разныхъ временъ невозможно. Исходной областью Barthel считаетъ экваторіальную Африку, такъ какъ здѣсь сталкивается скотоводство съ земледѣліемъ, — два признака южныхъ и центральныхъ африканцевъ. Ратцель же говоритъ, что этнографическіе признаки заставляютъ брать эту область гораздо шире—черезъ всю Африку съ В. до береговъ Атлантическаго океана. На В., вѣроятно, было вліяніе съ С. Большая дифференцировка индо-германскихъ языковъ указываетъ на большую исходную область, на давнишнее отвлѣченіе и на разнообразный путь. Европа, разнообразная по строенію, способствовала раздробленію и многоязычности ея населенія.

Б. Адлеръ.

А. Г. Кинъ и его руководства по этнологіи.

[А. Н. Кеане—1) „Man past and present“ („Человѣкъ въ прошломъ и настоящемъ“), 1899 г.; 2) „Ethnology“ in two parts: I. Fundamental ethnical problems; II. The primary ethnical groups („Этнологія“ въ двухъ частяхъ: I. Основныя этническія задачи; II. Первичныя этническія группы). 2-е просм. изд. 1896 г.].

А. Г. Кинъ извѣстенъ и въ спеціальной, и въ учебной антропологической литературѣ. Онъ занималъ мѣсто вице-президента Лондонскаго Антропологическаго института, состоялъ профессоромъ языка „индостани“ въ Лондонской университетской коллегіи и составилъ для извѣстной серіи географическихъ учебниковъ Стэнфорда двѣ части — «Африку» и «Азію» (въ двухъ томахъ);

ния его часто встрѣчается въ отчетахъ засѣданій названнаго института, какъ одного изъ дѣятельныхъ участниковъ ихъ, и мнѣнія его принимаются во вниманіе и англійскими, и французскими этнологами. Эти данныя заставляютъ отнести съ большимъ интересомъ къ названнымъ выше сочиненіямъ Кина, составляющимъ одно цѣлое, такъ какъ первое изъ нихъ служить продолженіемъ или распространеніемъ второго. Уже по этой причинѣ они должны быть разсмотрѣны вмѣстѣ, а также и потому, что воззрѣнія автора на главнѣйшіе вопросы этнологіи высказываются имъ по преимуществу во второй, хотя и менѣе новой, изъ перечисленныхъ книгъ.

Справедливо замѣчая въ своемъ предисловіи къ «Этнологіи», что сочиненіе подобнаго рода, имѣющее характеръ учебника, должно высказываться твердо и догматически въ основныхъ вопросахъ науки, авторъ выступаетъ съ весьма опредѣленными взглядами въ этихъ вопросахъ, которымъ посвящены главные отдѣлы его книги. Онъ выдѣляетъ для этнологіи мѣсто, равноправное съ соматической антропологіей (которую онъ называетъ «спеціальной»), изучающей физическое строеніе человѣка, между тѣмъ какъ этнологія изучаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и умственные качества его. Онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія этнологіи съ этнографіей, именемъ которой обозначаютъ обыкновенно не столько научный, сколько литературный матеріалъ, описаніе обычаевъ и общественной жизни народовъ, независимо отъ физическаго сродства ихъ между собой. По мнѣнію автора, предметомъ этнологіи являются человѣческія группы, какъ родственные члены одного или нѣсколькихъ первичныхъ семействъ. Подобно антропологіи, она пользуется сравнительнымъ методомъ, располагая факты въ извѣстномъ порядкѣ, съ цѣлью разъясненія, съ своей стороны, такихъ общихъ вопросовъ, какъ древность человѣка, единство или множественность его происхожденія, географическій центръ или центръ его эволюціи и разсѣянія, существенные признаки основныхъ человѣческихъ типовъ, абсолютное и относительное значеніе расовыхъ критеріевъ, происхожденіе и развитіе членораздѣльной рѣчи и значеніе ея какъ расоваго признака, вліяніе окружающихъ условій на развитіе человѣческихъ разновидностей, на ихъ дѣятельность, темпераментъ, религіозныя воззрѣнія и степени культуры, эволюція семьи, рода, племени и націи („Ethnology“, 3). Какъ мы видимъ, задачи этнологіи, съ точки зрѣнія Кина, вполне совпадаютъ съ задачами общей антропологіи въ изложеніи Топпинара и другихъ французскихъ авторовъ, а также и съ взглядами Пешеля и Фр. Миллера, хотя отъ послѣдняго отличаются большей широтою.

Книжъ подробнѣе другихъ авторовъ останавливается на опредѣленіи объекта этнологіи, т. е. народа,—термина, употребляемаго въ самыхъ различныхъ смыслахъ представителями антропологіи, этнологіи, исторіи, государственнаго и международнаго права. Книжъ сопоставляетъ всѣ употребительные термины для обозначенія человѣческихъ группъ и дѣлитъ ихъ на «опредѣленные», заключающіе въ себѣ или предполагающіе идею родства, и «неопредѣленные», въ которыхъ эта идея отсутствуетъ. Къ первымъ онъ относитъ расу, кланъ, племя,

семью, тотемъ, вѣтвь, корень, типъ, а къ послѣднимъ—отдѣлъ, группу, орду, націю, народъ, населеніе. Начало человѣческаго общества, не связаннаго между собою предположеніемъ родства или общностью происхожденія, авторъ видитъ въ ордѣ, т. е. совокупности людей различнаго корня, сплотившихся ради цѣли наступленія или защиты. Орда, разрастаясь, можетъ превратиться въ «націю» и въ «народъ». Подъ именемъ «націи», по мнѣнію автора, слѣдуетъ понимать всѣхъ жителей данной области, подчинившихся достаточно долгое время известной политической системѣ и пріобрѣтшихъ нѣкоторое внѣшнее однообразіе, известную общность социальныхъ обычаевъ, интересовъ и стремленій, и обыкновенно также литературы, языка и религіи. Нѣкоторыя націи, какъ, напримѣръ, шведы, въ значительной мѣрѣ пріобрѣли такое однообразіе, и у нихъ раса и нація являются терминами, практически совпадающими между собой. «Народъ» есть еще болѣе эластическое выраженіе, которое можетъ употребляться въ единственномъ числѣ, когда рѣчь идетъ объ отдѣлахъ націи, не слившихся между собою, а во множественномъ — въ смыслѣ агрегата націй, имѣющихъ отдаленную связь между собою, въ силу смутныхъ преданій, родственности языковъ и, въ особенности, общей социальной культуры. Такъ, мы говоримъ о венгерскомъ «народѣ», заключающемъ въ себѣ угрскихъ мадьяръ, германскихъ трансильванцевъ, различныхъ славянскія группы, румыновъ и другихъ, еще не вполне слившихся въ одну національность, хотя и живущихъ подъ общей для всѣхъ политической организаціей. Въ болѣе широкомъ смыслѣ мы говоримъ объ «европейскихъ народахъ», къ которымъ принадлежатъ многія націи, по большей части, обладающія языкомъ и культурою арийскаго происхожденія («Ethnology», 14).

Относительно связи человѣка съ приматами Кинъ, отрицая возможность непосредственной связи съ нынѣ живущими антропоморфными обезьянами, находитъ необходимымъ предположить, что и *Hominidae* и *Simiidae* такъ же, какъ и *Cercopithecidae*, *Cebidae* и *Paralidae*, исходятъ отъ одного общаго корня, но всѣ эти формы давно уже отдѣлились отъ общаго ствола. Изъ физическихъ отношеній къ *Simiidae* очевидно, что начало этой эволюціи должно относиться къ отдаленнымъ, миоценовымъ временамъ, когда *Dryopithecus* и др. вполне развитыя антропоидныя формы уже появились, между тѣмъ какъ человѣкъ не могъ произойти отъ нихъ. Онъ не считаетъ возможнымъ согласиться съ Серджи, будто въ пліоценовую эпоху *genus homo* уже вполне дифференцировался, и тогда образовались различные виды его, сохранявшіе съ тѣхъ поръ свои отличительные признаки. Появленіе человѣческихъ разновидностей Кинъ относитъ къ плейстоцену, и этимъ объясняется, по его мнѣнію, отсутствіе видовыхъ различій между ними, такъ какъ время было слишкомъ коротко, чтобы эти различія могли развиваться.

Приступая далѣе къ опредѣленію древности человѣка, Кинъ основательно замѣчаетъ, что это не столько вопросъ антропологическій, сколько геологическій, и, высказавшись въ пользу Кроллевской гипотезы о происхожденіи ледниковаго

періода, останавливается на гипотезѣ о межледниковомъ человѣкѣ, специализировавшемся, быть можетъ, болѣе полумилліона лѣтъ тому назадъ. Этотъ межледниковый человѣкъ былъ современникомъ *Elephas antiquus* и *Rhinoceros Merkiti*.

По вопросу о третичномъ человѣкѣ, существованіе котораго предполагается на основаніи находокъ въ Тенѣ, Сенъ Престъ, Пюи Курни, Оттѣ и Монте Аперте, Кинъ высказываетъ, что подобный предокъ человѣка, относимый къ міоценовому періоду, долженъ былъ занимать промежуточное положеніе между обобщеннымъ пліоценовымъ предкомъ, котораго вполне можно допустить, и вѣковой антропондной формой, высшей, нежели всѣ нынѣ существующія. Такого предка нельзя назвать человѣкомъ, хотя, быть можетъ, онъ и обладалъ достаточнымъ разумомъ для изготовленія грубыхъ кремневыхъ орудій. Къ перечню палеолитическихъ находокъ въ Европѣ Кинъ присоединяетъ краткій обзоръ такихъ же находокъ въ другихъ частяхъ свѣта, отдавая всего болѣе мѣста мѣстнымъ изслѣдованіямъ американскихъ антропологовъ. На основаніи ихъ работъ, онъ находитъ возможнымъ различить двѣ расы строителей кургановъ— одну болѣе древнюю, длинноголовую и другую позднѣйшую, короткоголовую. Ни одна изъ расъ этихъ строителей не переходила ступени высшаго дикаго состоянія, не доходя даже до полукультурности, и поэтому ихъ никакъ нельзя признать обладателями какой-то «исчезнувшей цивилизаціи», какую многіе приписывали имъ. Большинство американскихъ ученыхъ признаетъ въ этихъ расахъ каменнаго вѣка прямыхъ предковъ нынѣшнихъ туземцевъ этой части свѣта.

Кинъ не допускаетъ существованія долгаго промежутка (*hiatus*) между древнимъ и новымъ каменнымъ вѣкомъ, за исключеніемъ, быть можетъ, Великобританіи. Если обледенѣніе заставляло человѣка отступать изъ многихъ мѣстностей Европы, то мы можемъ найти его въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда обледенѣніе не достигало, на примѣръ, на побережьи Средиземнаго моря, въ Аравіи, Иранѣ и Индіи, гдѣ культура могла развиваться безъ всякаго перерыва. Этимъ и объясняется сравнительно подвинувшаяся цивилизація восточныхъ и южныхъ странъ, которую мы называемъ цивилизаціей неолитическаго человѣка. Періодъ времени, прошедшій отъ конца послѣдняго ледяного періода до нашихъ дней, Кинъ считаетъ, по меньшей мѣрѣ, въ сто тысячъ лѣтъ, изъ которыхъ 10 тысячъ лѣтъ относятся уже къ строго историческому времени, къ исторіи Египта и Месопотаміи. При такомъ расчетѣ мы должны удвоить число лѣтъ для доисторическихъ металлическихъ періодовъ, между неолитической и исторической эпохой. Такимъ образомъ, одна неолитическая эпоха займетъ около 70 тыс. лѣтъ, что, по мнѣнію Кина, нельзя считать преувеличеніемъ. Дѣло въ томъ, что эта эпоха на Востокѣ началась гораздо раньше: между тѣмъ какъ первобытный человѣкъ въ Дордоніи и Британіи боролся съ мамонтомъ и выдѣлывалъ отбитые кремни, сравнительно высокая степень культуры развилась уже въ долинахъ Нила и Евфрата. Поэтому продолжительность

этой эпохи должна измѣряться не первымъ появленіемъ представителей ея на Западѣ, а первыми началами ея на Востокѣ, что, вѣроятно, совпадало съ Мадленской эпохой во Франціи. Изъ этихъ болѣе культурныхъ и, слѣдовательно, болѣе населенныхъ странъ потоки эмиграціи должны были направляться къ сѣверу и къ западу. Первымъ изъ такихъ центровъ выселенія, по мнѣнію автора, была Мавританія. Оттуда потокъ направился чрезъ Гибралтарскій проливъ, вдоль западной стороны Иберіи, въ Галлію и Британію, усьивая свой путь мегалитическими памятниками; по всѣмъ вѣроятіямъ, эти переселенцы были высокаго роста и длинноголовы и говорили на арійскомъ языкѣ. Гораздо позднѣе хлынулъ другой потокъ грубыхъ восточныхъ варваровъ, не строившихъ мегалитическихъ памятниковъ, съ короткоголовымъ типомъ, а также съ неарійскимъ языкомъ. Строителями памятниковъ были никакъ не кельты, которые также пришли съ Востока и, осѣвъ первоначально въ средней Европѣ, вовсе не создали тамъ подобныхъ памятниковъ. Уже потомъ, когда на Западѣ они слились съ прежнимъ населеніемъ, они могли заимствовать у него эти сооруженія, которыя впоследствии приписывались имъ такъ же, какъ въ Мексикѣ и Сѣверной Америкѣ все приписывалось ацтекамъ.

Замѣну длинноголоваго типа короткоголовымъ, будто бы совершившуюся разомъ во многихъ странахъ Европы при наступленіи новаго каменнаго вѣка, Кинъ, какъ можно это видѣть изъ предыдущаго, считаетъ недоказанной, такъ какъ длинноголовость долго еще держалась въ неолитическую эпоху и только постепенно была замѣнена короткоголовостью во многихъ мѣстностяхъ. Плодовитое скрещиванье доисторическихъ расъ различнаго происхожденія, которымъ только и можно объяснить повсемѣстное смѣшеніе типовъ Европы, Кинъ считаетъ весьма важнымъ доказательствомъ въ пользу моногенизма, убѣжденнымъ сторонникомъ котораго онъ является. Такую же неограниченную плодовитость онъ видитъ, противоположно французскимъ антропологамъ, и въ различныхъ метисахъ Новаго и Старога Свѣта.

Послѣ разсмотрѣнія главныхъ физическихъ признаковъ (формы головы, роста и окраски) и умственныхъ признаковъ (языка) различныхъ расъ, Кинъ останавливается на четверномъ дѣленіи, прибавляя къ тремъ основнымъ расамъ, кавказской, монгольской и эіопской, еще американскую. Последнюю онъ устанавливаетъ на основаніи физическихъ и умственныхъ признаковъ. Не отрицая возможности общности происхожденія монгольской и американской расъ, авторъ полагаетъ, что послѣдняя дифференцировалась достаточно, чтобы ее можно было считать особой разновидностью въ такой же степени, какъ и монгольскую. Кинъ вполне отрицаетъ возможность превращенія какой-либо изъ нынѣ существующихъ расъ въ другую, даже въ далекомъ прошломъ. Превращеніе негра въ монгола или монгола въ американца и кавказца не могло совершиться, такъ какъ не было достаточно времени для такихъ физическихъ и умственныхъ измѣненій. Различія между человѣческими типами были доказаны путемъ краініологическихъ изслѣдованій остатковъ неолитической эпохи, и различныя сте-

пени культурности палеолитического человека показывают, что Европа в то время была обитася людьми крайне различных способностей и, следовательно, по всемъ вѣроятіямъ, и различныхъ физическихъ типовъ. Эти несходства въ столь раннемъ періодѣ могутъ быть объяснены только предположеніемъ, что они представляютъ результаты развитія, появившіеся не въ одной области, но одновременно въ различныхъ областяхъ, и достигавшіе западной Европы путемъ послѣдовательной иммиграціи въ теплую межледниковую эпоху. Этого времени было достаточно не для превращенія негра въ монгола или монгола въ бѣлаго, что, вѣроятно, никогда не происходило, а для превращенія нѣсколькихъ плейстоценовыхъ предковъ, жившихъ въ различныхъ географическихъ условіяхъ, въ обобщенныхъ предковъ негровъ, монголо-американцевъ и кавказцевъ, вполне независимыхъ другъ отъ друга. Изъ этихъ соображеній авторъ выводитъ дальнѣйшее заключеніе, что человекъ, имѣя одного пліоценоваго предка, могъ развиваться въ различныхъ мѣстахъ и имѣть нѣсколько плейстоценовыхъ предковъ. При рѣшеніи вопроса относительно области развитія общихъ предковъ человечества и особыхъ предковъ нынѣ существующихъ расъ мы должны принимать во вниманіе различныя измѣненія въ распредѣленіи суши и воды, которыя произошли съ того времени, какъ человекъ появился въ различныхъ географическихъ областяхъ. Палеонтологи и зоогеографы все болѣе и болѣе высказываются въ пользу существованія индо-африканскаго материка, остатки котораго уцѣлѣли въ видѣ Мадагаскара и острововъ Сейшельскихъ, Маскаренскихъ и другихъ; материкъ этотъ долженъ быть отнесенъ ко вторичной эпохѣ, но нѣкоторые участки его оставались еще и въ третичную эпоху. Въ ту же эпоху Австралія не только заключала въ себѣ Новую Гвинею, Тасманію и, быть можетъ, Новую Каледонію, но и простиралась далѣе къ западу—до острововъ Св. Павла и Амстердама. Индо-африканскому матерiku южнаго полушарія соответствовалъ позднѣйшій (міоценовый) еврафриканскій материкъ въ сѣверномъ полушаріи, занимавшій значительную часть настоящаго бассейна Средиземнаго моря. Въ то время Сахара не была покрыта моремъ, но поднималась на гораздо большую высоту, чѣмъ теперь. Такимъ образомъ, въ міоценовую эпоху Европа и Африка были повсюду соединены сушею, и это соединеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжалось и въ пліоценѣ. Поэтому пліоценовый предокъ, гдѣ бы онъ ни развился, началъ распространяться, пользуясь свободой передвиженія, по всему восточному полушарію. Климатъ не могъ ставить ему препятствій, такъ какъ первое распространеніе произошло въ теченіе продолжительнаго межледниковаго періода, когда умѣренная флора достигала до Шпицбергена. И Новаго Свѣта тогда легко было достигнуть изъ Европы и изъ Азии. Не говоря уже о близости Америки и Азии, неглубокая мель, которая въ нынѣшнее время тянется отъ Шотландіи черезъ Фаррерскіе острова и Исландію къ Гренландіи, позволяетъ заключить, что это сообщеніе въ прежнія времена могло быть и надводнымъ. Нахожденіе черепа *Pitcanthropus erectus* на островѣ Явъ, по мнѣнію Кина, позволяетъ предположить, что пліоценовый

предокъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, появился въ области, нынѣ погружившейся въ море, на индо-африканскомъ и австралійскомъ материкахъ, обычной родинѣ антропидовъ и лемуровъ. Суша простиралась тогда отъ Атлантическаго до Тихаго океана, предоставляя полный просторъ лемуровымъ, антропиднымъ и темнымъ представителямъ человѣчества. Послѣдніе раздѣлились на западныхъ и восточныхъ (африканскихъ и океаническихъ), когда между ними разлились воды Индійскаго океана. Кинъ соглашается съ Катрфажемъ, что предокъ чело-вѣка имѣлъ, вѣроятно, красноватые или рыжеватые волосы и темножелтую кожу. Это предположеніе, въ его глазахъ, подтверждается свѣтлой окраской новорожденныхъ у австралійцевъ и африканскихъ негровъ и постепеннымъ, потемнѣніемъ волосъ, замѣченнымъ у восточныхъ тибетцевъ. Наиболее близкими къ первичному человѣческому типу авторъ считаетъ негритосовъ и не-грильевъ, а также угасшихъ австралійскихъ племенъ Аделаиды, черепъ кото-рыхъ воспроизводитъ громадные надбровныя дуги череповъ Неандерталя и *Pitcanthropus erectus*. Изъ вышеуказаннаго вѣроятнаго центра эволюціи плеі-стоценаго предка отдѣльныя группы его распространились по восточному полу-шарію, къ сѣверу—въ Индію и центральную Азію, къ востоку и западу—въ Австралію и центральную Африку, изъ Африки въ Европу. Эти группы въ новыхъ мѣстообитаніяхъ специализировались, сообразно естественному процессу приспособленія къ окружающимъ условіямъ. Такимъ образомъ возникли въ новыхъ центрахъ эволюціи различныя плеістоценовыя группы, изъ которыхъ произошли безъ рѣзкихъ переходовъ настоящія первичныя дѣленія человѣчества.

Послѣднія главы «Этнологія» и «Человѣка въ прошломъ и настоящемъ» посвящены этнографическому обзору четырехъ главныхъ дѣленій человѣчества, какія принимаетъ Кинъ. Отмѣтимъ только нѣкоторые, наиболее интересныя воззрѣнія автора. Онъ считаетъ негровъ аборигенами Африки, оставшимися на первоначальной родинѣ въ то время, какъ плеістоценовыя предки другихъ расъ переселились въ другія области, послужившія центрами ихъ эволюціи. Онъ полагаетъ, что разсѣяніе негровъ по ихъ нынѣшнимъ мѣстамъ обитанія совершилось во время нашего древняго каменнаго вѣка. Этимъ пребываніемъ въ первоначальной родинѣ авторъ объясняетъ и стойкость негрскаго типа, по-видимому, не измѣнившася отъ эпохи египетскихъ намятниковъ до настоя-щаго времени. Протівоположно нѣмецкимъ этнологамъ, отстаивающимъ един-ство негрскаго типа, Кинъ возвращается къ прежнему дѣленію ихъ на Су-данскихъ негровъ и негровъ Банту, хотя это раздѣленіе поддерживается бо-лѣ умственными признаками (культурными и лингвистическими), чѣмъ сома-тологическими. Негрская вѣтвь отдѣлилась въ раннемъ періодѣ отъ вѣтви негритосовъ, которые, въ видѣ малорослой расы пигмеевъ внутренней Африки—готтентотовъ и бушменовъ, продолжали жить на черномъ материкѣ, вытѣснен-ные неграми изъ болѣе благоприятныхъ мѣстностей въ болотистыя или пустын-ныя. Прибавимъ, что Кинъ не считаетъ возможнымъ признать извѣстной гипотезы Колльмана о родствѣ доисторическихъ пигмеевъ Европы съ пигмеями

Африки. Далѣе, онъ допускаетъ несомнѣнное единство африканскихъ негровъ съ океанійскими, которыхъ онъ дѣлитъ на папуасовъ и австралійцевъ. Физическія различія негровъ Африки онъ приписываетъ примѣси хамитической и семитической крови, а океанійскихъ—примѣси монгольской и кавказской крови. Африканскихъ негритосовъ или негрильцевъ онъ считаетъ аналогичными океанійскимъ негритосамъ—андаманцамъ, сакаямъ, аэтамъ и др. Онъ различаетъ папуасовъ отъ меланезійцевъ, причисляя къ первымъ настоящимъ туземцамъ Новой Гвинееи и на западѣ многихъ малайскихъ острововъ до Флореса, а къ меланезійцамъ—туземцамъ Меланезіи въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. Бисмаркова архипелага, Соломоновыхъ острововъ, Санта Крусъ, Новыхъ Гебридъ, Новой Каледоніи, Лойселя и Фиджи. Гипотеза сравнительно недавняго заселенія Океаніи, по мнѣнію Кина, должна быть оставлена. Изученіе этого островного міра говоритъ намъ, что меланезійцы—весьма древняя этническая группа, измѣнявшаяся мѣстами отъ скрещиванья съ подвижными малайцами, бутисами и пр. Австралійскій типъ нашъ авторъ считаетъ однороднымъ и соглашается съ Финшемъ, что австралійцы образуютъ своеобразную расу, болѣе отличающуюся отъ меланезійцевъ, чѣмъ эти послѣдніе отличаются отъ африканскихъ негровъ. Онъ полагаетъ вмѣстѣ съ Гаунттомъ, что австралійцы пришли на свой материкъ черезъ части суши, соединявшія его съ Азіей и въ настоящее время уже находящіяся подъ водою.

Монгольская раса, отдѣлившись отъ первоначальнаго ствола, распространилась по большей части поверхности азіатскаго материка, переходя отъ первичной родины, указанной выше, во внутреннюю Азію черезъ Гималаи, не достигавшіе еще тогда нынѣшней высоты. Какъ полагаетъ Кинъ, эта раса достигла крайнихъ восточныхъ предѣловъ, вѣроятно, въ нашу палеолитическую эпоху, затѣмъ распространилась къ югу по островамъ и въ неолитическую эпоху проникла въ Европу. По мнѣнію нашего автора, кавказскіе народы въ отдаленныя времена распространились изъ первичной родины въ сѣверной Африкѣ и Европѣ на востокъ до Японіи, на юго-востокъ—до Индіи и Индокитая и оттуда на Малайскій архипелагъ въ Австрализію и Полинезію. Такимъ образомъ, вслѣдствіе смѣшенія съ монгольской расой, не только на границахъ послѣдней, но и въ центрѣ ея владѣній появились смѣшанныя монгольско-кавказскія группы, каковы: малайскіе индонезійцы, месопотамскіе аккады, индійскіе дравиды, угрскіе финны и тюркскіе народы, неправильно называемые татарами; исторія всѣхъ ихъ застаётъ уже вполне сложившимися народами, но этническое родство ихъ до сихъ поръ остается неразрѣшенной задачей. Какъ думаетъ Кинъ, эти затрудненія въ значительной степени могутъ разъясниться признаніемъ смѣшенія монгольскихъ и кавказскихъ элементовъ, проникавшихъ другъ въ друга въ различныхъ мѣстахъ ихъ территорій съ древнѣйшихъ временъ. Въ виду довольно свѣтлыхъ типовъ и правильныхъ «европейскихъ» чертъ, встрѣчающихся въ Манджуріи и Корей, Иессо, Туркестанѣ, въ различныхъ частяхъ Сибири и Малайскаго архипелага,

мы должны отказаться отъ предположенія, что эти области составляли всегда исключительное достояніе желтой расы.

Изъ другихъ неразрѣшенныхъ вопросовъ азіатской этнологіи Кинъ касается вопроса о происхожденіи и сродствѣ чукчей, возбуждавшихъ столько споровъ въ наукѣ. По его мнѣнію, первоначально они были манджурскимъ или тунгусскимъ народомъ, который нѣсколько столѣтій тому назадъ поселился на сѣверо-восточномъ берегу моря и тамъ слился съ анкилонскими туземцами, т.-е. съ ангаліями или «рыболовными чукчами», повидимому, коряками, живущими и теперь еще около устья Анадыри. Относительно индонезійцевъ, — термина, введеннаго Логеномъ для обозначенія свѣтлыхъ обитателей Восточнаго архипелага не-малайскаго происхожденія, — Кинъ высказывается въ смыслѣ принадлежности ихъ къ кавказскому типу. Онъ причисляетъ къ нимъ баттаковъ сѣверной Суматры, многихъ изъ даяковъ Борнео, большую часть острововъ Джиллоа и Филиппинъ и крупную расу бураго цвѣта въ восточной Полинезій, а именно самоанцевъ, маорисовъ, тонганцевъ, таитянъ, жителей Маркизскихъ и Гавайскихъ острововъ. Хотя всѣ они говорятъ нарѣчіями малайс-полинезійскаго языка, но по физическому типу принадлежать скорѣе къ кавказцамъ, чѣмъ къ монголамъ, выказывая, впрочемъ, замѣтную примѣсь папуасско-негритосской крови. При такомъ воззрѣніи вопросъ о малайскомъ типѣ дѣйствительно весьма упрощается; если мы отдѣлимъ отъ него указанные смѣшанные типы, то онъ является чисто монгольскимъ и весьма однообразнымъ. Прѣжнія расселенія въ Океаніи должны были происходить въ отдаленныя времена, задолго до того времени, какъ сложилась нынѣшняя малайская раса. Колыбелью ея былъ округъ Менангкабау на Суматрѣ; оттуда она начала распространяться, не ранѣе 800 или 900 лѣтъ тому назадъ, по Малайскому полуострову, по берегу Борнео и на востокъ до Молуккскихъ острововъ. Языкъ ея распространился по Малайскому архипелагу, въ нѣкоторыхъ частяхъ такъ называемой Папуасіи и въ прибрежныхъ частяхъ Камбоджи и Аннама. Но ничто не позволяетъ намъ предположить, что она проникла въ Полинезію или на Мадагаскаръ въ количествѣ, достаточномъ для образованія особыхъ поселеній и пріобрѣтенія господствующаго вліянія. Поэтому Кинъ считаетъ болѣе правильнымъ замѣнить названіе малайо-полинезійскаго языка индо-тихоокеанскимъ или просто океаническимъ. Корни этого языка надо искать въ центральной Азіи, и малайскій языкъ, въ настоящемъ смыслѣ, является лишь сравнительно новой вѣтвью его.

Мы знаемъ уже изъ предыдущаго, что американскій типъ Кинъ считаетъ дифференцировавшимся изъ обобщеннаго монгольскаго прототипа. Допуская общность происхожденія для всѣхъ многочисленныхъ племенъ и народовъ Америки, онъ слѣдующимъ образомъ разрѣшаетъ вопросъ о томъ, какими путями предки американцевъ попали на свой нынѣшній материкъ. Если не черезъ цѣпь Алеутскихъ островъ, то черезъ Беринговъ проливъ дорога всегда была открыта для нихъ; вѣроятно, въ позднюю третичную эпоху такая же

дорога существовала изъ западной Европы въ Гренландію и Лабрадоръ. По-видимому, переселеніе происходило обоими путями, причемъ западнымъ путемъ прибывали первичныя длинноголовыя племена, а восточнымъ, въ болѣе позднюю эпоху,—круглоголовые монголоиды изъ Азіи. Время переселенія тѣхъ и другихъ относится къ каменному вѣку; это можно заключить изъ находокъ ископаемыхъ остатковъ обоихъ типовъ въ южной Бразиліи и Аргентинѣ. Изъ несомнѣнныхъ остатковъ палеолитическаго человѣка, открытыхъ въ тѣхъ же южныхъ областяхъ, можно предположить, что длинноголовая раса предшествовала короткоголовой. Такимъ образомъ объясняется присутствіе на обширныхъ оконечностяхъ Новаго Свѣта крайне длинноголовыхъ народностей—ботокудовъ, патагонскихъ тегуэльчей и огнеземельскихъ ягановъ на югѣ и эскимосовъ на сѣверѣ, отъ Гренландіи и Лабрадора до Аляски. Эти первые пришельцы, болѣе первобытные и вооруженные болѣе грубымъ оружіемъ, естественно, были оттѣснены позднѣйшими переселенцами неолитическаго періода въ менѣе благоприятныя арктическія и антарктическія области. Предположеніе о прибытіи длинноголового типа изъ Европы подтверждается тѣмъ, что длинноголовость эскимосовъ всего сильнѣе выражена въ Гренландіи и постепенно понижается по направленію къ Берингову проливу.

Эволюція извѣстной части представителей человѣчества, образовавшей кавказскую расу, по мнѣнію Кина, должна была произойти въ Средиземноморской области. Отсюда она распространилась по долинѣ Нила въ западную Азію, въ Иберію и даже въ западную и восточную Европу. Это распространеніе заняло обширное время, въ теченіе котораго могъ безпрепятственно совершаться физическій и умственный прогрессъ. Первые волны эмиграціи изъ сѣверной Африки представляютъ низшіе человѣческіе типы (Неандерталь, Спи, Кастенедоло) въ позднемъ, пліоценовомъ, и въ раннемъ, плейстоценовомъ, періодахъ. За ними послѣдовали болѣе высокіе типы, какъ, напримѣръ, кроманьонскій, распространившійся изъ области Везеры въ значительной части Европы.

Несмотря на темный цвѣтъ кожи восточныхъ хамитовъ (беджасовъ, сомалиевъ, галласовъ) и абиссинскихъ семитовъ, а также многихъ индусовъ и дравидовъ, ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ отнести къ кавказской расѣ. Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что эти хамиты составляли первоначально одну этническую группу съ семитами юго-западной Азіи. Кинъ полагаетъ, что общей родиной семитовъ и хамитовъ была не Азія, а сѣверная Африка. Семитическій типъ, представителями котораго являются ассирійцы древнихъ памятниковъ и нынѣшніе евреи и арабы, при всѣхъ различіяхъ отдѣльныхъ чертъ, остается безусловно кавказскимъ.

Термины «арійскій» и его синонимы, «индоевропейскій» и «германскій», Кинъ считаетъ чисто лингвистическими. Нельзя отрицать, что въ нѣкоторую отдаленную доисторическую эпоху въ какой-либо области въ предѣлахъ Евразіи кавказскій типъ совпадалъ съ первичнымъ арійскимъ языкомъ, но термины «арійская раса» и «арійскій языкъ» давно уже перестали совмѣщаться

между собой. Эта этническая группа, въ которой существовало такое совпаденіе, давно уже перестала существовать, разсѣявшись среди безчисленныхъ населеній, принявшихъ ту или другую форму первоначальнаго аріискаго языка. При такомъ взглядѣ и опредѣленія колыбели арійцевъ и первоначальнаго типа ихъ, такъ много занимавшія антропологовъ, теряютъ свое значеніе. Едва ли возможно отрицать, что Европа была населена задолго до аріискаго разсѣянія и въ ней жила длинноголовая раса еще въ то время, какъ аріискіе номады пасли свои стада въ степяхъ Евразіи. Арійцевъ едва-ли можно считать чистой расой: скорѣе это было сліяніе многихъ кавказскихъ и нѣкоторыхъ монгольскихъ элементовъ съ свѣтлымъ оттѣнкомъ, вслѣдствіе преобладанія кавказскихъ чертъ; это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ общностью языка, придавало ей достаточное однообразіе.

Къ спорадическимъ кавказскимъ группамъ Кинъ причисляетъ дравидовъ, сохранившихъ не-арійскій языкъ, тодовъ Нейльгерійскихъ горъ и айносовъ (аиновъ) Японіи. Такое распространеніе кавказскихъ типовъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ объясняется, по его мнѣнію, первоначальнымъ обширнымъ разселеніемъ представителей кавказской расы.

Мы подробно изложили взгляды Кина, потому что они кажутся намъ достойными вниманія. Правда, руководства Кина могутъ показаться антропологамъ нѣсколько отстающими: они не найдутъ тамъ ученія объ антропологическихъ расахъ, какъ ихъ понимаютъ Брока, Колинъзонъ, Топинаръ, Лапужъ, Риплей и др. Кинъ все еще держится дѣленія на Линнеевскія расы, но тѣмъ не менѣе руководства его представляютъ нѣкоторый шагъ впередъ, являясь попыткой пополнить бросающіеся въ глаза пробѣлы другихъ учебниковъ, только перечисляющихъ разнообразныя типы человѣчества, но не пытающихся выяснить ихъ происхожденіе. Если предположеніе, къ которому съ этой цѣлью прибѣгаетъ Кинъ, о разселеніи человѣчества изъ несуществующаго нынѣ индо-африканскаго материка является гипотетичнымъ, то все же оно даетъ приступающимъ къ изученію этнологіи извѣстную нить въ изслѣдованіи сложныхъ вопросовъ этнологіи и отводитъ этому изученію опредѣленное мѣсто въ связи съ относящимися къ нему вопросами геологіи, палеонтологіи и физической географіи, а также археологіи и исторіи. Быть можетъ, со многими положеніями Кина нельзя согласиться, а отъ другихъ можно потребовать большей обоснованности (напр., о всемірномъ разселеніи плейстоценовыхъ предковъ кавказской расы), но эти положенія, по большей части, такъ остроумны и такъ интересны, что къ нимъ нельзя не прислушиваться и нельзя не считаться съ ними. Въ виду этого качества «Этнологіи» Кина, гдѣ они собраны по преимуществу и въ виду ея небольшого объема, было бы весьма желательно увидѣть ее въ русскомъ переводѣ, который, кромѣ весьма полезнаго текста, далъ бы читателю и многочисленныя иллюстраціи, не появлявшіяся еще въ нашей этнографической литературѣ.

Д. Коротчевскій.

Критика и библиографія.

D-r Frank Russell. Studies in Cranial Variation („The American Naturalist“. Sept. 1900).

Д-ръ Ф. Рёссель просмотрѣлъ въ Peabody Museum Гарвардскаго университета (Соед. Шт.) около 2000 расовыхъ американскихъ череповъ, т.-е. индѣйцевъ, эскимосовъ и изъ древнихъ могилъ Перу, Огеё и т. д.) съ цѣлью выясненія на нихъ частоты распространенія различныхъ аномалій и особенностей строенія. Констатированныя имъ данныя представлены въ таблицахъ, а отчасти на рисункахъ.

Лобный шовъ былъ встрѣченъ на различныхъ серіяхъ череповъ въ такомъ процентномъ отношеніи:

Серія череповъ.	Число череповъ.	Проц. отнош.
Эскимосы	52	0
Новая Англія	68	2,9
Огеё и Тенесси	681	0,8
Калифорнія	160	1,9
Смѣшанные (разл. инд. плем. С. Амер.)	260	0
Сѣв. Америка	1127	1,1
Перу (могильники Анкона, Касмы, Grand Chimu и др.)	458	1,1
Всѣ	1585	1,1

Съ этими числами Рёссель сопоставляетъ данныя пишущаго эти строки для «перуанцевъ» (565 чер.)—3,5% и «американцевъ» (426 чер.)—1, 2%, а для послѣднихъ также - Harrison Allen'a (416 чер.)—0,7%. Для европейцевъ (10,780 чер.; Анучинъ) было получено 8,7%, а для череповъ изъ парижскихъ катакомбъ (10,000; Топпинаръ) 9,9%.

Экзостозы въ слуховомъ проходѣ—довольно обыкновенное явленіе на черепахъ американскихъ народностей, какъ то было отмѣчено еще Р. Вирхо-

вымъ для древнихъ перуанскихъ череповъ. По Рёсселю, экзостозы встрѣчаются чаще на деформированныхъ черепахъ; однако небольшія серіи череповъ изъ Нов. Мексики съ ясно выраженной затылочной деформацией не представили ни одного случая такихъ костныхъ образований, а на черепахъ изъ Огейо и Тенесси экзостозы встрѣтились въ большемъ числѣ, чѣмъ на деформированныхъ перуанскихъ. По величинѣ экзостозы варьируютъ отъ небольшихъ бугорковъ до крупныхъ костныхъ выростовъ, иногда даже почти совершенно выполняющихъ слуховое отверстіе.

Os fronto-parietale. Такъ называется Рёссель *os bregmaticum*. Въ различныхъ серіяхъ она была встрѣчена въ процентномъ отношеніи отъ 0 до 1,9 (последнее у эскимосовъ).

Foramina parietalia. Очень большія были найдены въ 3 случаяхъ на черепахъ изъ Огейо. Вообще же были встрѣчены на различныхъ серіяхъ отъ 44,7 до 70,3%.

Os epactale. Рёссель различаетъ *os ep. completum*,—*compositum* и—*incompletum*; затѣмъ—*os quadratum* и *os triquetrum s. apicis*. Результаты просмотра выражаются слѣдующей таблицей:

	Число череповъ.	Процентное отношеніе.				
		<i>Os ep. completum.</i>	<i>Os ep. compos.</i>	<i>Os ep. incompl.</i>	<i>Os quadr.</i>	<i>Os triquetrum s. apicis.</i>
Эскимосы.	49	4,0	0	0	0	2,0
Нов. Англія.	66	3,0	0	0	0	0
Флорида.	62	4,9	1,6	0	0	11,7
Огейо и Тенесси.	581	4,1	0,9	0,2	0,5	3,1
Нов. Мексика.	21	0	0	0	0	0
Калифорнія.	159	1,9	0	0	1,2	4,7
Разныя.	69	0	2,8	0	0	13,0
Мексика.	57	1,8	1,8	0	0	12,3
Сѣв. Америка.	1005	3,3	0,9	0,1	0,5	13
Перу.	451	1,8	1,8	0,5	1,1	21,5
Всѣ.	1456	2,9	1,2	0,3	0,7	15

Полная или настоящая *os interparietale* была встрѣчена, такимъ образомъ, чаще на черепахъ сѣверо-американскихъ племенъ, чѣмъ на перуанскихъ. D-r Matthews нашелъ ее частью на черепахъ изъ Новой Мексики. Проф. Воас сообщилъ Рёсселю, что затылочные аномаліи встрѣчаются довольно часто у нѣкоторыхъ племенъ сѣверо-западнаго берега. Въ виду того, что пишущимъ эти строки *os Incae* у перуанцевъ (664 чер.) была встрѣчена у 5,46%, *os quadratum* у 1,05%, а тѣ же образования у другихъ американцевъ (кромя перуанцевъ—390 чер.) дали 1,3% и 0,26%, Рёссель высказываетъ предположеніе, что *os epactale* вызываетъ неодинаковое распространеніе у различныхъ перуанскихъ племенъ.

Crania platybasica. На нѣкоторыхъ черепахъ затылочные суставные отростки и окружающія ихъ части представляются какъ бы вдавленными въ полость черепа, т.-е. основаніе черепа вызываетъ болѣе уплощенный видъ. Чаще такіе черепа встрѣчались среди эскимосскихъ (6,1%), у прочихъ—не болѣе 1,7, а въ нѣкоторыхъ серіяхъ—ни одного.

Processus jugularis (paromastoideus) былъ встрѣченъ приблизительно у одного процента перуанскихъ череповъ и рѣже на сѣверо-американскихъ.

Fossa Aymarü. На внутренней затылочной поверхности черепа имѣется нормально продольный затылочный гребень, пересѣкаемый крестообразно поперечнымъ. Иногда же мѣсто этого продольнаго гребня (кзади отъ затылочнаго отверстія) занимаетъ ямка, которой и придано названіе fossa Aymarü. Рёссель нашелъ ее на 5,9% перуанскихъ череповъ и на 6,4% мексиканскихъ, но еще чаще она встрѣтилась на черепахъ изъ Флориды (8,5%) и особенно эскимосскихъ (10,2%); общее среднее для 1240 череповъ—4,8%.

Torus palatinus оказался наиболѣе выраженнымъ у эскимосовъ (18,6%) и на черепахъ изъ Огеё и Тенесси (19,1%, но не такъ широкій); въ прочихъ серіяхъ онъ встрѣтился въ 14,4—4,7%, а на флоридскихъ черепахъ (47) его не нашлось вовсе. Среди этихъ череповъ встрѣтился, однако, значительный процентъ съ птеріономъ въ формѣ К.

Os malare bipartitum встрѣтилась въ одномъ случаѣ на 1000.

Д. Анучинъ.

R. Virchow. *Meinungen und Thatsachen in der Anthropologie* („Corresp.—Bl. d. deutsch. Ges. f. Anthropol., Ethnol. u. Urgesch.“, XXX, № 9).

Вопросъ относительно постоянства или измѣнчивости физическихъ типовъ, столь существенный въ дѣлѣ изученія организаціи человѣческихъ расъ, не перестаетъ серьезно волновать умы изслѣдователей. Онъ слишкомъ сложенъ по самому своему существу, чтобы получить свое окончательное разрѣшеніе на почвѣ легкомысленныхъ утвержденій или недостаточныхъ фактическихъ доводовъ. Степень его сложности довольно наглядно иллюстрируется, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ, по-истинѣ гигантскій, научный багажъ, на основаніи котораго, въ предѣлахъ антропологии, Kollmann въ свое время отстаивалъ неизмѣняемость въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій физическихъ типовъ, въ концѣ концовъ также не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ и послужилъ лишь поводомъ къ новому обостренію стараго ожесточеннаго спора. На фактическомъ содержаніи этого спора, на тѣхъ аргументахъ, которые выставляются новѣйшими изслѣдователями въ защиту того или другого способа рѣшенія указаннаго вопроса, авторъ разбираемой статьи не останавливается подробно, отгѣняя лишь въ принципиальномъ отношеніи одно то, что ходъ развитія научныхъ вопросовъ въ большинствѣ случаевъ и въ весьма значительной мѣрѣ зависитъ отъ постоянного воздѣйствія другъ на друга двухъ основныхъ направлений, орудіемъ которыхъ, съ одной стороны, служатъ традиціонныя мнѣнія, съ другой—прочно установленные факты. Оба эти направленія, обнаруживаясь одновременно, естественно должны болѣе или менѣе парализовать и уничтожать другъ друга. Пагубность «культы мнѣній» нигдѣ не проявляется въ столь рѣзкой формѣ, какъ въ антропологии, тѣмъ болѣе, что послѣдняя, по справедливому замѣчанію автора, въ рукахъ многихъ служитъ преимущественно какъ орудіе для постороннихъ цѣлей. Тамъ же, гдѣ начинаютъ торжествовать мнѣнія, сами факты отступаютъ окончательно на задній планъ. Тѣмъ не менѣе факты всегда будутъ говорить сами за себя, необходимо лишь, чтобы задача обсужденія антропологическихъ фактовъ въ будущемъ выпадала на долю болѣе основательно подготовленныхъ лицъ, чѣмъ представляетъ изъ себя, по признанію автора, большинство изъ нынѣшнихъ

антропологовъ по профессіи. Что же касается мнѣній, то авторъ, всегда открыто стоявшій на сторонѣ адептовъ ученія о постоянствѣ физическихъ типовъ, въ настоящее время видитъ себя вынужденнымъ признать, что мысль объ абсолютной неизмѣнчивости организмовъ представляется ему какъ нѣчто невѣроятное. Мало вѣроятна такая мысль является уже въ виду значительной пластичности всѣхъ частей организма; для примѣра достаточно указать на явленіе платикнеміи, хотя здѣсь, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ изъ области антропологіи, вопросъ въ значительной мѣрѣ осложняется трудностью опредѣленія ближайшихъ причинъ измѣненія формы данной части и способа происхожденія данной новой формы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Что отдѣльными *ткани* человеческого тѣла до извѣстной степени обладаютъ способностью претерпѣвать измѣненія, въ этомъ авторъ высказываетъ полную увѣренность, отбѣняя при этомъ, что антропологамъ рано или поздно придется совершенно оставить господствующее среди догматиковъ неправильное толкованіе понятія объ «организмѣ» и объ его отношеніяхъ къ отдѣльнымъ составнымъ частямъ, къ тканямъ и ихъ клѣточнымъ элементамъ. Не слѣдуетъ, однако же, думать, чтобы самый процессъ измѣненія данного типа или данной органической формы могъ быть сведенъ къ простой формулѣ; напротивъ, онъ совмѣщаетъ въ себѣ, по всей вѣроятности, цѣлую сумму различныхъ явленій. Кромѣ того, необходимо выяснитъ, обязанъ ли данный наблюдаемый случай метаплазіи своимъ происхожденіемъ первичному (унаслѣдованному) или лишь вторичному воздѣйствію на весь организмъ или на отдѣльные его части. Воздѣйствія второй категоріи, строго говоря, относятся уже къ явленію патологической жизни, но не должно забывать, что границы между послѣднею и областью физиологическихъ явленій нерѣзки и весьма трудно опредѣлимы

Р. Вейнбергъ.

Графиня П. С. Уварова. Моги́льники Сѣвернаго Кавказа. „Матеріалы по археологіи Кавказа“, вып. VIII. Москва, 1900.

Глубокій знатокъ археологіи Кавказа, предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества, графиня П. С. Уварова приступила къ систематическому описанію могильниковъ Кавказа. Начавъ съ могильниковъ Сѣвернаго Кавказа, въ слѣдующихъ томахъ авторъ предполагаетъ дать описаніе могильниковъ западнаго побережья Кавказа, побережья Каспійскаго моря, Закавказья и, наконецъ, предгорій Кавказа. Судя по настоящему тому, все изданіе обѣщаетъ быть въ высшей степени цѣннымъ и капитальнымъ приобрѣтеніемъ археологической науки. Въ «Моги́льникахъ Сѣв. Кавказа» авторомъ суммировано все, что имѣетъ къ нимъ отношеніе; собственныя многотѣтнія изслѣдованія автора занимаютъ, конечно, центральное мѣсто, но они дополнены соответствующими литературными данными, а также осмотромъ коллекцій не только въ отечественныхъ, но и въ различныхъ заграничныхъ музеяхъ. Къ этому необходимо прибавить, что описаніе иллюстрируется массою прекрасно исполненныхъ рисунковъ: къ труду приложены 134 фототипическихъ и хромолитографическихъ таблицъ и 316 цинкографическихъ рисунковъ въ текстѣ, которые, на ряду съ подробнымъ описаніемъ, даютъ полную и наглядную картину культуры могильниковъ Сѣв. Кавказа. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ необходимымъ ознакомленіе съ трудомъ граф. Уваровой для всякаго, интересующагося археологіей Кавказа; для специалистовъ же онъ долженъ быть настольной книгой. Мы не останавливаемся на тѣхъ чрезвычайно интересныхъ выводахъ,

къ которымъ пришелъ въ своемъ трудѣ авторъ на основаніи обширнаго, собраннаго имъ, матеріала, такъ какъ надѣмся, что это будетъ сдѣлано въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Русск. Антроп. Журн.», въ особой статьѣ, самою граф. П. С. Уваровой. Нельзя не пожелать, чтобы въ возможно недалекомъ будущемъ увидѣли свѣтъ и остальные, намѣченные авторомъ, томы.

Ал. Ивановскій.

M. Zaborowski. Les slaves de race et leurs origines. („Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1900, V-e sér., t. I, f. 2.).

Въ большой статьѣ, посвященной вопросу о происхожденіи славянъ и ихъ расовомъ типѣ, г. Заборовскій набрасываетъ сначала общій планъ распределенія археологическихъ находокъ и остатковъ костяковъ на территоріи, занимаемой славянами въ исторической періодъ ихъ существованія. Исходя изъ этой картины, равно какъ и изъ данныхъ относительно физическаго строенія современныхъ славянъ, г. Заборовскій высказывается въ пользу кельтическаго происхожденія славянъ, представляя, слѣдовательно, предковъ современныхъ славянъ темными брахицефалами. Распространившійся въ началѣ эпохи металловъ по области, занимаемой славянами въ историческія времена, обычай сожиганія труповъ г. Заборовскій ставитъ въ тѣсную связь съ распространеніемъ самихъ славянъ, исторію расселенія которыхъ онъ отождествляетъ такимъ образомъ съ исторіей распространенія могилъ съ слѣдами сожженія труповъ. Находки въ такого рода могилахъ заставляютъ признать тѣсную связь и вѣроятное, слѣдовательно, соотѣвство этого народа съ сѣверно-италійскою культурою. Свое противорѣчіе съ проф. Нидерле, считающимъ, какъ извѣстно, древнихъ славянъ за долихоцефаловъ, близкихъ по типу къ пра-германцамъ, г. Заборовскій объясняетъ тѣмъ, что въ областяхъ современной Богеміи, Моравіи, части бывшей Польши и т. д. славяне соотѣдили съ германцами, и послѣдніе часто проникали въ славянскія области и составляли среди славянъ отдѣльные островки чистыхъ или смѣшанныхъ съ славянами германцевъ, отъ которыхъ и остались тѣ погребенія съ долихоцефальными скелетами, которыя проф. Нидерле приписываетъ чистымъ славянамъ, о типѣ которыхъ, по мнѣнію г. Заборовскаго, непосредственно мы судить не можемъ вслѣдствіе универсальности распространенія среди нихъ обычая сожиганія труповъ. То же обстоятельство, что долихоцефалы, которыхъ проф. Нидерле считаетъ за предковъ славянъ, въ болѣе поздніе періоды обнаруживаютъ все болѣшую и болѣшую склонность къ мезо-и брахицефалии, г. Заборовскій объясняетъ именно смѣшеніями этихъ, по его мнѣнію, древнихъ германцевъ съ окружающими славянами, отъ которыхъ они получили какъ склонность къ брахицефалии, такъ и употребленіе нѣкоторыхъ предметовъ (напр., знаменитыхъ «Hakenringe»), нахожденіе которыхъ въ могильникахъ и побуждало проф. Нидерле и другихъ авторовъ считать эти могильники за славянскіе. Было бы трудно въ краткой замѣткѣ прослѣдить подробно ходъ аргументаціи г. Заборовскаго, отличающейся, при массѣ охватываемыхъ имъ фактовъ, большою жстатостью, а иногда и излишней категоричностью. Интересующіеся вопросамъ прочтутъ, конечно, статью въ подлинникѣ и найдутъ въ ней много интереснаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ они найдутъ и нѣкій рядъ недостаточно доказанныхъ положеній, натяжекъ и даже прямыхъ ошибокъ. Главнымъ образомъ мы отмѣтимъ недостаточную обоснованность положенія относительно связи извѣстнаго ритуала,

хотя бы и столь характернаго, какъ обрядъ сожженія покойниковъ, съ опредѣленною расою (конечно, въ смыслѣ антропологовъ, а не лингвистовъ и этнографовъ). Авторъ обходитъ при этомъ совершеннымъ молчаніемъ тотъ фактъ, что могилы съ сожженіемъ, относящіяся также къ началу металлической эпохи, были находимы нерѣдко и въ Даніи и на Скандинавскомъ полуостровѣ, въ древнемъ населеніи которыхъ искать предковъ славянъ было бы, по меньшей мѣрѣ, рискованно. Особенно слабою является та часть труда г. Заборовскаго, въ которой онъ черпаетъ аргументацію для защиты своихъ основныхъ положеній изъ данныхъ относительно физическаго строенія современныхъ славянъ. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза незнакомство автора съ новѣйшими изслѣдованіями русскихъ авторовъ, вслѣдствіе чего число долихоцефаловъ среди современныхъ великоруссовъ у него оказывается гораздо ниже, чѣмъ это показано издѣйствіями (да частью и болѣе старыми) изысканіями; не совсѣмъ точны и свѣдѣнія относительно цвѣта глазъ и особенно волосъ и т. д. Вслѣдствіе этого общій взглядъ автора на физическій типъ современныхъ великоруссовъ въ значительной мѣрѣ не вѣренъ; г. Заборовскій вѣритъ, напр., до сихъ поръ въ измышленія г. Зографа относительно монголоидности нѣкоторой части населенія центральныхъ великорусскихъ губерній. Главнѣйшія свои положенія г. Заборовскій формулируетъ слѣдующимъ образомъ:

1) Сѣверные славяне пришли изъ той области, которую занимаютъ еще до сихъ поръ южные славяне, т.-е. съ Дуная и береговъ Адриатическаго моря; ихъ предки имѣли тѣсныя сношенія и, вѣроятно, сосѣдствовали обитателями сѣвера итальянскихъ террамаръ; ихъ миграція на сѣверъ шла по путямъ распространенія торговли амброу.

2) Славяне проникли изъ за Карпатъ въ области бассейна Одера и Вислы до береговъ Балтійскаго моря и развили въ этой области своеобразную культуру.

3) Они внесли въ эту область неизвѣстный тамъ до нихъ обрядъ сожиганія труповъ; они же были и распространителями металлической индустріи.

4) Ихъ исторія тѣсно связана съ венедами Адриатическаго побережья, имя которыхъ у береговъ Балтійскаго моря восходитъ, по историческимъ свѣдѣтельствамъ, до IV-го вѣка до нашей эры.

5) По своему физическому типу они были очень близки къ нашему (т.-е. французскому) кельтическому типу и къ славянамъ юга, т.-е. они являлись брахицефалами съ темной пигментаціей, но на сѣверѣ отъ Карпатъ они встрѣтили блѣлое населеніе, соответствующее нашему (французскому) неолитическому населенію, которое они поглотили повсюду—въ области Днѣстра, въ Подоліи, Волыни и по среднему теченію Днѣпра, въ окрестностяхъ Кіева.

6) По Одру, по нижнему теченію Вислы, откуда они вытѣснили къ востоку финскія племена, сами они подверглись, въ свою очередь, вліянію германцевъ скандинавскаго типа, которые около начала нашей эры мѣстами уничтожили, мѣстами видоизмѣнили славянскую культуру. Германцы, принесшіе сюда изъ Скандинавіи употребленіе желѣза и серебра, господствовали здѣсь, повидимому, до V вѣка нашей эры. Подъ ихъ давленіемъ, вѣроятно, славяне и начали свою усиленную колонизацію на востокъ и на сѣверъ современной Россіи; доказательства существованія колонизаціи славянами этихъ областей въ настоящее время не восходятъ дальше VIII вѣка.

В. В. Воробьевъ.

И. И. Пантюховъ. Ингуши. Антропологическій очеркъ. „Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общ.“, т. XIII, № 6. Тифлисъ, 1901.

Д-ръ И. И. Пантюховъ, авторъ многочисленныхъ антропологическихъ очерковъ различныхъ народностей Кавказа, неутомимо продолжаетъ свои антропологическія изслѣдованія. Передъ нами новая его работа, посвященная антропологии ингушей, населяющихъ центральную и южную части Сунженскаго округа Терской обл. По цифрамъ «Терскаго Календаря» за 1900 г., общее число ингушей—47,615. Неодинаковыя топографическія условія влекутъ за собою различія и въ экономическомъ бытѣ ингушей. Горные ингуши, образующіе 101 поселеніе въ Джераховскомъ, Мецхальскомъ, Цоринскомъ и Хамхинскомъ обществахъ, живутъ небольшими аулами въ 5—15 дворовъ. Сакли сложены изъ большихъ каменныхъ плитъ безъ цемента и состоятъ изъ нѣсколькихъ, выходящихъ въ темный узкій корридоръ, помѣщеній. Нѣкоторые горные ингуши еще до сихъ поръ живутъ въ старинныхъ башняхъ, имѣющихъ видъ постепенно суживающихся пирамидъ, вышиною до 10 саженъ. Жилыя башни обыкновенно раздѣлены на нѣсколько этажей,—въ верхнихъ живутъ люди, а въ нижнихъ помѣщается скотъ. Въ плоскостныхъ поселеніяхъ (15 Назрановскаго и 5 Галашевскаго сельскихъ обществъ) ингуши живутъ несравненно лучше. Селенія имѣютъ отъ 300 до 500 дворовъ; дома выбѣлены, съ нѣсколькими, выходящими на открытую галлерею, комнатами; во многихъ домахъ можно встрѣтить зеркала, лампы и разную мебель; при домахъ есть огороды и садики. Горные ингуши мало занимаются земледѣліемъ; желая заставить клочекъ земли, ингуши нерѣдко бываютъ принуждены наносить на каменистую почву рыхлую землю издалека въ мѣшкахъ. Сѣютъ въ горахъ исключительно ячмень, который часто не дозрѣваетъ. Въ плоскостныхъ мѣстностяхъ занятіе земледѣліемъ идетъ много успешнѣе; сѣютъ больше всего кукурузу, меньше—пшеницу и еще меньше—просо. Количество всего хлѣба, собираемаго ингушами, равняется приблизительно, при среднемъ урожаѣ самъ—6, 100.000 четвертей въ годъ. Скотоводство среди ингушей развито значительно. Въ среднемъ на каждый дворъ приходится по одной лошади, около пяти штукъ крупнаго и до десяти штукъ мелкаго рогатаго скота. У горныхъ ингушей мелкаго скота почти вдвое больше, чѣмъ у плоскостныхъ. Ремесла у ингушей совершенно отсутствуютъ. Изъ промысловъ наибольшій доходъ приносятъ доставка сѣна и дѣса во Владивостокъ. По религіи большинство ингушей магометане и только незначительная часть—христиане. Послѣ Шамиля, вѣроятно, какъ отраженіе мюридизма и тариката, среди ингушей возникла особая секта, послѣдователей которой называютъ дзикиристами. Дзикиристы, по 10—20 семей, живутъ почти въ каждомъ селеніи на плоскости. Главная идея секты—протестъ противъ богатства и развращенности, а отчасти и противъ нѣкоторыхъ обрядовъ. Дзикиристы запрещаютъ куреніе табаку, употребленіе спиртныхъ напитковъ, требуютъ частой молитвы и помощи бѣднымъ; дѣтей въ школы не отдають; на всякое начальство смотрять, какъ на враговъ. Статистическія данныя позволяютъ предполагать, что ингуши не принадлежатъ къ вымирающимъ народностямъ; наоборотъ, у нихъ замѣчается небольшой приростъ населенія, а именно по 23 человека въ годъ на тысячу. Изъ мѣстныхъ болѣзней у ингушей больше всего распространены назоныя и, главнымъ образомъ, экзема; на плоскости, по рѣчкамъ, нерѣдка малярія.

Антропологическую характеристику ингушей авторъ основываетъ на измѣреніяхъ 24 учениковъ-ингушей и 56 взрослыхъ. Волосы почти у всѣхъ черные, но не блестяще черные, а часто съ русыми оттѣнками. Цвѣтъ глазъ, по большей части, темнокарій (68%). Зрѣніе вдвое выше нормальнаго; обоняніе и слухъ тонки. Ингуши принадлежатъ къ очень высокорослымъ народностямъ: средній ихъ ростъ равенъ 1713 мм., и низкорослыхъ среди измѣренныхъ авторомъ субъектовъ не было найдено ни одного. Окружность груди, измѣренная только у 6-ти взрослыхъ ингушей, оказалась немного меньше полуроста. Головной показательъ равенъ въ среднемъ 82,26, причемъ отдѣльныя его величины распределяются слѣдующимъ образомъ:

На отношенія въ	72,00—75,00	приходится	4 суб.	(7,3%)
"	"	"	1	" (1,8%)
"	"	"	12	" (21,8%)
"	"	"	27	" (49,0%)
"	"	"	5	" (9,1%)
"	"	"	3	" (5,5%)
"	"	"	3	" (5,5%)

Длина лица равняется въ среднемъ 185,6 мм. и составляетъ 10,6% роста; лобная ея часть равна 33,4% лицевой линіи, длина носа—29,5% и нижняя треть (отъ носовой перегородки до подбородка)—37,2%. Лица у ингушей встрѣчаются какъ очень широкія (153 мм.), такъ и очень узкія (137 и даже 133 мм.). Разстояніе между наружными орбитами глазъ—108 мм. Носы у ингушей, болѣею частью, прямые, болѣе или менѣе наклоненныя къ верхней губѣ, и только 10—12% горбатыхъ и выпуклыхъ и 2—3% у которыхъ кончикъ носа слегка приподнятъ. Средняя длина носа—53,8 мм.; ширина носа различна: носовъ узкихъ, шириною въ 33—35 мм., изъ 17 измѣреній найдено 7, а носовъ широкихъ (36—40 мм.)—10; средняя ширина его 36,6 мм.; въ общемъ носъ ингушей въ большинствѣ массивный, высокій, наклоненный, съ узкими ноздрями. Наиболѣе важную и характерную антропологическую особенность ингушей авторъ видитъ въ значительной волосатости ихъ тѣла. Задаваясь въ концѣ очерка вопросомъ о происхожденіи ингушей, г. Пантюховъ склоненъ считать предками ихъ халдеевъ, или айсоровъ, пришедшихъ изъ Сиріи подъ предводительствомъ Гиста, и татовъ, выходцевъ изъ Персіи. Свое предположеніе о подобномъ происхожденіи ингушей авторъ основываетъ главнымъ образомъ на волосатости тѣла послѣднихъ: «различаясь во многихъ отношеніяхъ весьма значительно, халдеи и таты имѣютъ одинъ общій важный признакъ—большую волосатость тѣла... Изъ кавказскихъ народностей наиболѣе волосъ на груди у ингушей, и уже одно это даетъ основаніе предположить, что предки ингушей происходили дѣйствительно отъ татовъ и халдеевъ». О волосатости послѣднихъ, должно замѣтить, авторъ судитъ на основаніи осмотра 6 татовъ и 17 айсоровъ. Не говоря уже о томъ, что изслѣдованныхъ особей слишкомъ мало для категорическаго утвержденія, что айсоры, таты и ингуши изъ всѣхъ кавказскихъ народностей обладаютъ наибольшимъ развитіемъ волосъ на тѣлѣ (укажу, напр., на армянь, волосатость тѣла которыхъ, по изслѣдованіямъ 91 суб. д-ромъ Тварьяновичемъ и 160 особей мною, выражена очень сильно), нельзя, конечно, и принципиально согласиться съ мнѣніемъ автора, что одной волосатости, «при весьма значительныхъ различіяхъ во многихъ другихъ отношеніяхъ», достаточно для предположенія родства между тѣми или другими народностями.

А. И. Ивановскій.

А. Ө. Брандт. Антропологическіе очерки („Мірз Божій“, 1900 г. № 6 и слѣд.).

Разсматриваемая попытка къ популяризаціи нѣкоторыхъ отдѣловъ антропологіи обязана своимъ происхожденіемъ публичному курсу, прочитанному авторомъ въ Харьковѣ предъ аудиторіей, состоявшей преимущественно изъ женщинъ. Въ общеобразовательномъ значеніи подобныхъ лекцій въ настоящее время врядъ ли кто усомнится, точно такъ же, какъ необходимость ознакомленія образованныхъ классовъ общества, и въ особенности учащейся молодежи, съ основами устройства и функцій человѣческаго тѣла давно признается всѣми представителями научной медицины и педагогики. Длинный путь познанія самого себя естественнѣе всего начать съ познанія собственнаго организма, его отправленій и положенія человѣка въ ряду другихъ созданій. Въ сообщеніи слушателямъ и читателямъ именно послѣдняго рода свѣдѣній и коренится, по нашему убѣжденію, главнѣйшая заслуга «Очерковъ» автора. Не вдаваясь въ длинные и сухіе описанія отдѣльныхъ органовъ человѣческаго и животнаго организма, что врядъ ли привело бы въ данномъ случаѣ къ намѣченной цѣли, авторъ только какъ бы мимоходомъ и безъ предварительнаго умысла открываетъ читателямъ, такъ сказать, первыя двери, ведущія во внутренніе покои человѣческой организаціи, при посредствѣ удачно подобранныхъ указаній, заимствованныхъ изъ области сравнительной анатоміи и исторіи развитія, и освѣщаетъ имъ тотъ путь, который долженъ вести къ оцѣнкѣ наиболее бросающихся въ глаза особенностей организма человѣка. Что касается содержанія «Очерковъ» въ отдѣльности, то можно замѣтить, что они написаны вполне общедоступно и отличаются ясностью и даже извѣстною бойкостью изложенія. При этомъ авторъ вездѣ остается всецѣло на почвѣ прочно установленныхъ научныхъ фактовъ. Мы съ удовольствіемъ могли констатировать, что авторъ, напр. по вопросу о происхожденіи многопалости, не обнаруживаетъ фанатизма тѣхъ зоологовъ, которые усматриваютъ во всѣхъ случаяхъ этого уродства исключительно только проявленіе возврата къ животному типу. Взгляды автора на патологическую сущность микроцефаліи, какъ иначе и нельзя было ожидать, также вполне отвѣчаютъ современному состоянію относящагося сюда вопроса. Наконецъ, по вопросу о значеніи находки такъ назыв. *Pithecanthropus erectus* для филогенеза человѣка авторъ занимаетъ осторожную точку зрѣнія и по справедливости предостерегаетъ отъ излишнихъ по отношенію къ этой находкѣ увлеченій.

Р. Вейнбергъ.

M. Soularue. Etude des proportions de la colonne vertébrale chez l'homme et chez la femme. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1900, V-e sér., t. I, fasc. 2.

Изучивъ въ одной изъ предыдущихъ своихъ работъ величины позвоночника и отдѣльныхъ его сегментовъ и отношенія ихъ къ росту, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія расовыхъ различій (см. «Рус. Антропол. Журн.», 1900 г., № 3), въ настоящей своей работѣ Soularue останавливается на половыхъ различіяхъ. Отобравъ 100 мужскихъ и 38 женскихъ скелетовъ (европейцевъ муж.—19, жен.—3; негровъ муж.—41, жен.—16; американскихъ индѣйцевъ муж.—22, жен.—11 и желтыхъ муж.—18, жен.—6), авторъ оговари-

вається, що онъ принужденъ былъ проводить не только половыя, но и расовыя различія лишь потому, что въ его распоряженіи не было ни одной сколько-нибудь значительной коллекціи скелетовъ представителей какой-нибудь одной расы. Длина всего позвоночника измѣрялась такъ же, какъ и въ предыдущей работѣ, т.-е. слагалась изъ суммы высотъ переднихъ поверхностей отдѣльныхъ позвонковъ и *ossis sacri*, безъ межпозвоночныхъ хрящей. Сопоставляя у мужчинъ и у женщинъ абсолютныя величины всего позвоночника, равно какъ и его отдѣльныхъ сегментовъ, выраженныхъ какъ въ абсолютныхъ величинахъ, такъ и въ отношеніяхъ ихъ къ общей длинѣ всего позвоночника, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: шейная часть позвоночника у мужчинъ по абсолютнымъ размѣрамъ замѣтно больше, чѣмъ у женщинъ, по относительнымъ же къ общей длинѣ позвоночника величинамъ отмѣчается лишь ничтожная разница. Абсолютные размѣры спинной части позвоночника также больше у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ; то же надо сказать и про относительныя къ длинѣ всего позвоночника размѣры спинного его отрѣзка. Но, дѣля спинной сегментъ на два отрѣзка: верхній, въ составъ котораго входятъ 6 первыхъ грудныхъ позвонковъ, и нижній—въ 6 остальныхъ позвонковъ, можно отмѣтить, что для нижней части грудного сегмента, при выраженіи ея въ относительныхъ величинахъ, разница между мужскими и женскими скелетами почти исчезаетъ. Если же мы обратимъ вниманіе только на три нижнихъ грудныхъ позвонка вмѣстѣ, или на каждый изъ нихъ порознь, то оказывается, что эти позвонки у женщины относительно больше, чѣмъ у мужчинъ; оказывается, слѣдовательно, что у женщинъ не только поясничная часть позвоночника, но и нижній отрѣзокъ грудного сегмента относительно больше, чѣмъ у мужчинъ. Большая величина поясничной части позвоночника женщины подтверждается, конечно, и на цифрахъ Soulaque. Составленная мною на основаніи данныхъ Soulaque слѣдующая сводная таблица наглядно иллюстрируетъ только что указанныя отношенія:

	Европейцы.				Желтые.			
	абсолют. вел. въ мм.		относ. вел. въ % всего по- звоночника.		абсолют. вел. въ мм.		относ. вел. въ % всего по- звоночника.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Весь позвоночникъ.	546	513	100	100	526	499	100	100
Шейный сегментъ.	92	85	16,8	16,4	90	85	18,0	17,6
Спинной сегментъ весь. . . .	218	187	40,0	38,8	208	198	40,5	40,2
Верхняя часть спинного сег- мента (6 позв. яковъ). . . .	96	87	17,8	16,8	93	90	19,1	18,3
6 нижнихъ позвонковъ спин- ного сегмента.	122	115	22,4	22,2	113	110	21,4	21,9
7-й, 8-й, 9-й спин. позвонки. .	56	51	10,6	10,3	52	51	9,9	10,2
10-й, 11-й и 12-й гр. позвонки вмѣстѣ.	65	64	11,6	11,7	61	59	11,5	11,7
10-й гр. позвонокъ.	—	—	3,7	3,6	—	—	3,7	3,8
11-й гр. позвонокъ.	—	—	3,7	4,7	—	—	3,9	3,7
12-й гр. позвонокъ.	23	22	4,2	4,3	21	21	4,0	4,2
Поясничный сегментъ. . . .	135	134	23,4	25,1	119	116	22,6	23,1

	Американцы.				Негры.			
Весь позвоночникъ.	508	842	100	100	496	468	100	100
Шейный сегментъ	78	76	15,4	15,8	82	78	16,6	16,6
Спинальный сегментъ весь	201	178	41,9	39,8	194	176	40,3	40,1
Верхняя часть спинного сегмента (6 позвонковъ)	100	83	19,1	18,3	86	85	17,7	17,7
6 нижнихъ позвонковъ спинного сегмента	113	103	22,8	21,6	107	105	22,6	22,3
7-й, 8-й, 9-й спин. позвонки.	54	47	10,8	9,6	55	51	11,1	10,8
10-й, 11-й и 12-й гр. позвонки вмѣстѣ	60	56	11,9	12,0	58	58	11,5	11,7
10-й гр. позвонковъ	—	—	3,8	3,6	—	—	3,7	3,6
11-й гр. позвонковъ	—	—	4,0	3,9	—	—	3,6	3,7
12-й гр. позвонковъ	21	22	4,1	4,5	21	21	4,2	4,5
Поясничный сегментъ.	118	121	23,2	25,1	117	119	23,3	25,3

Разсматривая величину крестцовой кости, Soularue даетъ два ея измѣренія: 1) по проекціи отъ верхней точки передней ея поверхности до нижней (циркулемъ) и 2) метрической лентой непосредственно по кривизнѣ кости. Вычисляемая разница между этими величинами позволяетъ, очевидно, судить о степени кривизны крестцовой кости (чѣмъ больше разница, тѣмъ, конечно, рѣзче выражена кривизна кости). Измѣренія автора показали, что крестцовая кость мужчинъ по абсолютнымъ размѣрамъ больше, чѣмъ у женщинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ круче изогнута; по относительнымъ же къ позвоночнику величинамъ разница между мужчинами и женщинами лишь ничтожная,—она въ пользу женщинъ у желтыхъ и американцевъ и въ пользу мужчинъ — у европейцевъ и негровъ. Слѣдующая таблица иллюстрируетъ существующія отношенія:

	Абсолют. длина крестц. кости въ проекціи.	Разница съ показаніемъ ленты.	Отношеніе длины проекціи крестцовой кости къ длине всего позвоночника.
Европейцы мужчины	107	19	19,3
женщины	104	20	18,3
Желтые мужчины	120	18	19,9
женщины	124	17	20,6
Американцы мужчины	120	17	19,8
женщины	115	15	20,6
Негры мужчины	118	19	20,3
женщины	117	18	20,4

В. В. Воробьевъ.

Prof. Ludwig Stieda. IV. Bericht über die anatomische, histologische und embryologische Litteratur Russlands (1898—1900). Sonder-Abdruck aus „Ergebnisse der Anatomie und Entwicklungsgeschichte“, herausgeg. von Fr. Merkel und R. Bonnet. IX. Band. Wiesbad., 1900.

Л. Штида, бывшій ранѣ профессоромъ анатоміи въ Дерптскомъ университетѣ, а нынѣ въ Кѣнигсбергѣ, уже въ теченіе многихъ лѣтъ знакомитъ иностранныхъ ученыхъ съ русскими работами въ области анатоміи и антропологіи, реферируя важнѣйшія изъ нихъ въ различныхъ нѣмецкихъ изданіяхъ или давая систематическіе обзоры. Обзоръ русской антропологической литературы, напечатанный имъ въ „Archiv für Anthropologie“, составленъ съ

такою обстоятельностью и полнотою, что мы не имѣемъ подобнаго ему и на русскомъ языкѣ (см. „Русск. Автр. Журн.“, 1900 г., кн. I). Чрезвычайно полезнымъ для справокъ является и настоящій отчетъ о русскихъ работахъ по анатоміи, гистологіи и эмбриологіи за послѣдніе три года. Проф. Штида не ограничивается простымъ перечнемъ ихъ, а въ большинствѣ случаевъ знакомитъ съ содержаніемъ статей или, по крайней мѣрѣ, съ главнѣйшими выводами авторовъ. Всѣхъ работъ разсмотрѣно въ настоящемъ отчетѣ 285. Многія изъ нихъ, въ особенности относящіяся къ остеологіи, представляютъ существенный интересъ и для антропологовъ.

Ал. Ивановскій.

И. С. Михеевъ. Нѣсколько словъ о бесермянахъ. „Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Казан. унив.“ т. XVII, в. I. Казань, 1901.

Бесермяне, въ количествѣ 11,000 душъ, живутъ въ Глазовскомъ у., Вятской губ., преимущественно въ юго-восточной его части. Вопросу о происхожденіи бесермянъ было посвящено нѣсколько изслѣдованій. Одни авторы (Васильевъ, Бехтеревъ) видѣли въ нихъ помѣсь вотяковъ и татаръ, другіе считали ихъ потомками выходцевъ изъ Хивы, третьи, наконецъ, склонны были признавать ихъ за остатокъ древне-болгарскихъ населеній между вотяками Глазовскаго у. (проф. И. Смирновъ). Авторъ настоящей статьи, основываясь на нѣкоторыхъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ, а отчасти и обрядахъ, дѣлаетъ новую догадку о происхожденіи бесермянъ. По его мнѣнію, бесермяне—просто крещенные татары, и самое названіе «бесермянинъ» авторъ производитъ отъ слова «басурманинъ», которымъ русскіе называли некогда татаръ.

Ал. Ивановскій.

М. Л. Зейлигеръ. Матеріалы для изслѣдованія физическаго развитія учащихся въ начальныхъ школахъ г. Петрозаводска. Дисс. на степень д-ра мед. 1900 г.

Вопросъ о вліяніи народныхъ школъ на здоровье учащихся до сихъ поръ съ положительностью не рѣшенъ; существуютъ два противоположныхъ мнѣнія: одни совершенно отрицаютъ вліяніе народной школы на физическое развитіе; другіе полагаютъ, что физическое развитіе подъ вліяніемъ школы задерживается. Для рѣшенія настоящаго вопроса мы располагаемъ главнымъ образомъ матеріаломъ объ учащихся въ сельскихъ школахъ и очень мало имѣемъ данныхъ объ учащихся въ городскихъ начальныхъ школахъ. Изслѣдованія автора нѣсколько пополняютъ послѣдній пробѣлъ. Свои наблюденія авторъ произвелъ въ г. Петрозаводскѣ, въ шести школахъ (2 — министерскихъ, одна — земская и 3 — церковно-приходскихъ), въ теченіе трехъ учебныхъ полугодій; было изслѣдовано 303 мальчика, надъ которыми сдѣлано 492 измѣренія; дѣвочекъ измѣрено 313 и измѣреній сдѣлано 442. Возрастъ изслѣдованныхъ былъ отъ 7 до 14 лѣтъ. Авторъ опредѣлялъ ростъ, окружность груди, емкость легкихъ и отчасти вѣсъ тѣла.

Изслѣдованія показали, что ростъ мальчиковъ вообще больше, чѣмъ дѣвочекъ, но начиная съ 11 л., дѣвочки перерастаютъ мальчиковъ. Подобный фактъ наблюдался, какъ извѣстно, и другими изслѣдователями, но объясненій еще до сихъ поръ не дано. Далѣе, съ продолжительностью пребыванія въ школѣ дѣтей, ростъ увеличивается, что объясняется теоріей растяженія связокъ

позвоночника, вследствие неправильного продолжительного сидѣнья на скамьяхъ, неприспособленныхъ къ росту учащихся. Изъ сравненія роста изслѣдованныхъ авторомъ дѣтей, посѣщающихъ начальныя школы въ другихъ мѣстностяхъ, оказывается, что дѣти горожанъ гораздо выше ростомъ деревенскихъ; городскіе ученики вырастаютъ ежегодно на большую величину, нежели учащіеся въ сельскихъ школахъ. Окружность груди съ возрастомъ увеличивается, причемъ авторъ нашелъ, что окружность ея больше у тѣхъ однолѣтокъ, которые учатся большее число лѣтъ. Изъ этого, повидимому, можно заключить, что школа влияетъ на увеличеніе окружности груди, чего другими изслѣдователями не замѣчено. Разность между окружностью груди и полуростомъ у мальчиковъ отъ 7 до 9 л. положительная, а послѣ 10 л. отрицательная; у дѣвочекъ же окружность груди во *всѣхъ возрастахъ*, бромъ семилѣтняго, меньше полуроста. Вообще у городскихъ дѣтей относительная окружность груди хуже, чѣмъ у деревенскихъ. При опредѣленіи *вѣса* авторъ нашелъ, что вѣсъ дѣтей съ продолжительностью пребыванія въ школѣ нисколько не уменьшается, а нѣкоторыя дѣти даже прибавляются въ вѣсѣ. Нельзя не замѣтить по этому поводу, т.-е. о вѣсѣ вообще, что взвѣшивание имѣетъ какое-либо значеніе при условіи, если оно производится не разъ, какъ дѣлается въ большинствѣ случаевъ, а систематически, чрезъ извѣстные періоды. Въ виду этого для антропологическихъ цѣлей вѣсъ не имѣетъ особеннаго значенія. Почти тоже самое нужно сказать и относительно жизненной емкости легкихъ, которую опредѣлялъ авторъ. По его даннымъ, на жизненную емкость легкихъ больше вліянія оказываетъ ростъ также приростъ окружности груди. Въ концѣ работы хотя приведенъ перечень литературы по разсматриваемому авторомъ вопросу, но онъ недостаточно полонъ (нѣтъ, напр., указаній на работы Яшинскаго, Медема, Германа и др.). Нельзя не высказать пожеланія, чтобы подобныя же изслѣдованія были сдѣланы надъ дѣтьми, которыя не обучались и не обучаются въ школахъ: тогда мы имѣли бы крайне интересный матеріалъ для сравненія.

Д. Никольскій.

В. Д. Ястремскій. Физическое развитіе и состояніе здоровья учениковъ курскихъ городскихъ народныхъ училищъ. „Сводъ статистикъ о ходѣ и распространеніи заразныхъ болѣзней въ Курской губ.“, 1900 г., № 9.

Начало изученію развивающагося организма въ школьномъ возрастѣ и выясненію вліянія школы на здоровье учащихся у насъ, въ Россіи, положено земскими врачами. Въ этомъ отношеніи ихъ заслуги несомнѣнны, и подобными трудами они оказали большую пользу не только школьной гигиенѣ, но и антропологии. Названный трудъ д-ра Ястремскаго и относится къ однимъ изъ такихъ. Трудъ этотъ интересенъ еще и потому, что матеріаломъ для него послужили *систематическія*, производившіяся въ продолженіе 5 лѣтъ, измѣренія учениковъ по опредѣленному плану на картахъ. Всѣхъ картъ авторомъ взято 1842, въ томъ числѣ изъ мужскихъ училищъ 864 и женскихъ 978, въ возрастѣ отъ 8 до 13 лѣтъ включительно. Авторъ изслѣдовалъ не только ростъ, вѣсъ, объемъ груди, емкость легкихъ, но и изучилъ ихъ взаимныя отношенія, параллельно съ выводами другихъ авторовъ. На основаніи данныхъ автора видно, что ростъ учащихся въ курскихъ городскихъ училищахъ занимаетъ среднее мѣсто между учениками средне-учебныхъ заведеній съ одной стороны и учениками сельскихъ школъ—съ другой; изъ этого авторъ дѣлаетъ

тотъ выводъ, что въ условіяхъ городской жизни и въ особенности учащихся городовъ должны существовать факторы, способствующіе болѣе энергичному росту, чѣмъ въ деревнѣ. Но мы думаемъ, что для окончательнаго подтвержденія такого вывода необходимо произвести подобныя же изслѣдованія и не надъ учащимися въ школахъ, чего до сихъ поръ не сдѣлано. Развитие грудной кѣтки у учащихся въ курскихъ школахъ хуже, чѣмъ въ сельскихъ школахъ. Подобный фактъ констатируется и другими изслѣдователями. Относительно вѣса можно сказать, что городскіе и деревенскіе мальчики мало чѣмъ разнятся между собою по относительному вѣсу. Авторъ остороженъ въ своихъ выводахъ относительно вліянія школы на здоровье учащихся; онъ говоритъ, что «положительныхъ выводовъ о вредномъ вліяніи школъ здѣсь сдѣлать нельзя въ виду ограниченаго числа наблюдений». Но тѣмъ не менѣе въ нихъ есть не мало неблагоприятныхъ условій для правильнаго, нормальнаго развитія учащихся. Такъ съ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ мальчиковъ было 17%, дѣвочекъ 26%, съ среднимъ—мальчиковъ 64%, дѣвочекъ—54%, съ слабымъ—мальчиковъ 19%, дѣвочекъ—22%. Въ общемъ работа д-ра Ястремскаго является хорошимъ матеріаломъ для сужденія о физическомъ развитіи учащихся въ городскихъ начальныхъ школахъ. Въ концѣ приводится указатель литературы (20 авторовъ) и приложена таблица цифръ роста, объема груди, емкости легкихъ и вѣса.

Д. Никольскій.

Программа собиранія свѣдѣній о зубахъ и зубоврачебной помощи въ школахъ Россійской имперіи.

Состоящая при IV-мъ отдѣленіи (школьная гигиена и воспитаніе) Русскаго Общества охраненія народнаго здравія коммиссія, подъ предсѣдательствомъ проф. А. К. Лимберга, выработала подробную программу для собиранія свѣдѣній о состояніи зубовъ въ дѣтскомъ возрастѣ. По своей полнотѣ и детальной разработкѣ эта программа можетъ служить руководствомъ для собиранія свѣдѣній о зубахъ не только въ дѣтскомъ возрастѣ, но и у взрослого населенія. Программа раздѣляется на двѣ главныя части, общую и спеціальную. Первая, въ свою очередь, раздѣляется на медико-топографическую, куда входятъ вопросы о населеніи, мѣстности, метеорологическихъ данныхъ, источникахъ питьевой воды, количествѣ пищи, напиткахъ, занятіяхъ и выдающихся болѣзняхъ; второй отдѣлъ заключаетъ систематическія данныя объ изслѣдованныхъ дѣтяхъ—по полу, возрасту, національностямъ, болѣзнямъ, числу дѣтей, каріознымъ зубамъ и т. д.; третій отдѣлъ — о предупреждающихъ мѣрахъ и положеніи зубоврачебной помощи для учащихся. Сюда входятъ разныя средства противъ зубной боли, распространеніе гигиеническихъ свѣдѣній о зубахъ, о поданіи помощи больнымъ дѣтямъ и т. д. Во вторую, спеціальную, часть входятъ этиологическія данныя, какъ то: вліяніе на жевательный аппаратъ, наследственность, образъ жизни, свойство пищи, конституціональныя болѣзни; затѣмъ, о вліяніи зубовъ на ближайшее сосѣдство и общее здоровье (на дыхательные органы, нервную систему, зрѣніе и т. д.). Вообще программа эта охватываетъ всецѣло настоящій вопросъ, и если по ней будетъ произведено изслѣдованіе, то можетъ получиться крайне интересный матеріалъ *).

*) Программу можно получать въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (С.-Пб., Дмитровскій переулокъ, д. 15).

Д. Никольскій.

В. Маевскій. Матеріалы для родословной киргизъ. „Памятная книжка Семипалатинской обл. на 1901 г.“ Семипал., 1901.

Статья содержитъ подробную родословную Муруновскаго и краткую Наймановскаго киргизскихъ родовъ. Свѣдѣнія собраны авторомъ опроснымъ путемъ во время его многолѣтней службы въ Зайсанскомъ уѣздѣ.

Ал. Ивановскій.

Table générale des publications de la Société d'Anthropologie de Paris depuis sa fondation (1860—1899). Paris, 1900. Prix: 6 francs.

Отмѣчаемъ выходъ обширнаго и подробнаго указателя къ изданіямъ Парижскаго Антропологическаго Общества, въ которыхъ немало было помѣщено статей и по антропологіи Россіи.

Ал. Ивановскій.

Труды Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва. 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолій Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ).—А. Г. Рождественскій—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ю графич. таблицами).—Н. В. Гильченко—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки. А. Д. Элькинъ—Привислинскіе поляки.—Н. А. Личукъ—Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ.—А. А. Арутиновъ—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.—Н. П. Константиновъ—Щипуниъ — Къ краніологіи древняго населенія Костромской губ.—Д. Н. Анучинъ—Е. А. Покровскій, К. Н. Иковъ и А. М. Раевская (некрологи).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Р. Л. Вейнбергъ—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.).—М. И. Лугохинъ—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—П. А. Минаковъ—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ музій (съ 1 раскраш. табл.).—П. А. Минаковъ—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).—В. В. Воробьевъ—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 діаграм.).—В. И. Васильевъ—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховскаго у., Московской губ. (съ 4 діаграм.).—Н. В. Гильченко—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—А. А. Ивановскій—Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели.—П. А. Минаковъ—О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—А. Д. Элькинъ—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 діагр.).—А. Д. Элькинъ—Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—Д. Н. Анучинъ—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортиллье.—А. А. Ивановскій—Секція антропологіи XII-го международнаго сѣзда врачей (съ 6 рис.).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Съ требованіями обращаться по адресу: Москва, Политехнической музей, въ Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ Географическаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО

Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Выходитъ въ Москвѣ съ 1894 года 4-мя книжками въ годъ, раз-
мѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ, съ приложе-
ніемъ, по мѣрѣ надобности, картъ, фототипій и рисунковъ въ
текстѣ. Подписка на 1901 годъ продолжается.

Цѣна въ годъ, съ доставкой, **6** руб.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться по адресу: Геогра-
фическое Отдѣленіе Общества Любителей Естествознанія, Политех-
ническій Музей, Москва. Препреды годы, 1894—1899, могутъ быть
получены по 5 р. за годъ, а 1894-ый годъ безъ 1-ой книжки
за 3 р. (1-ая книжка 1894 г. осталась лишь въ немногихъ экзем-
плярахъ; цѣна ей 10 р.). Всѣ препреды годы (1894—1900), безъ
1-ой книжки 1894 г., со всѣми приложениями, могутъ быть полу-
чены за 30 р., съ 1-й книжкой 1894 г. за 38 р., а съ подпиской
на 1901 г. за 43 р.

Въ „Землевѣдѣніи“ были, между прочимъ, помѣщены статьи: **Н. М. Альбовъ:** Въ заброшенныхъ углахъ Кавказа, — Очерки растительности Колхиды, — Природа Огненной Земли; **проф. Д. Н. Анучинъ:** Рельефъ поверхности Евр. Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленій, — Суша (краткія свѣдѣнія по орографіи), — Озера области истоковъ Волги и верховьевъ Зап. Двины, — О судьбѣ Колумба; **В. В. Богдановъ:** Мурманъ; **А. С. Бергъ:** Поѣздка на Аральское море; **А. М. Беркенгеймъ:** Природа и жизнь въ пампахъ Аргентины, — Современное эконо. положеніе Сиріи и Палестины; **проф. А. И. Воейковъ:** Воздѣйствіе челоука на природу; **М. М. Воскобойниковъ:** Изъ наблюденій на Памирѣ; **А. А. Ивановскій:** Истоки рѣки Москвы, — Озеро Гокча, — Араратъ; **П. Г. Игнатовъ:** По южному Алтаю; **проф. А. Н. Красновъ:** Растительность горныхъ вершинъ Явы, Японіи и Сахалина; **проф. П. И. Кротовъ:** Вятскій уваль, — О постановкѣ преподаванія географіи въ средн. учеб. заведеніяхъ; **А. А. Круберъ:** О болотахъ Моск. и Рязан. губ., — Опыты раздѣленія Евр. Россіи на естеств. районы; **Г. И. Куликовскій:** Заростающія и періодически исчезающія озера Обонежскаго края; **М. Л. Леваневскій:** Очерки Киргизскихъ степей; **Е. И. Луценко:** Поѣздки въ алтайскія тѣлѣнгетамъ; **В. Г. Михайловскій:** Горныя группы и ледники Центрального Кавказа; **М. В. Никольскій:** Слѣды ассирио-вавилонской культуры на Кавказѣ; **В. А. Обручевъ:** Природа и жители Центральной Азіи; **проф. А. П. Павловъ:** О рельефѣ равнинъ и его измѣненіяхъ подъ вліяніемъ работы подземныхъ и поверхностныхъ водъ; **С. И. Паткановъ:** По Юкатану; **М. Н. Соболевъ:** Русскій Алтай; **Г. И. Танфильевъ:** Доисторическія степи Евр. Россіи, — О торфяникахъ Моск. губ.; **Б. А. Федченко:** Задачи ботанической географіи; **А. Ө. Флеровъ:** Ботанико-географическіе очерки и друг. Приложениями къ журналу вышли: **Ф. Нансенъ.** Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи, 455 стр., съ рис. и карт. (въ отдѣльной продажѣ 4 р.); **Г. Н. Потанинъ.** Восточные мотивы въ среднеуковомъ эпосѣ, 894 стр. (въ отдѣльной продажѣ 4 р.); **А. Гейми.** О преподаваніи географіи, 170 стр.

1901 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА Годъ XII.
НА ЖУРНАЛЪ
„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“,

изданіе Московскаго Психологическаго Общества, при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества,

■ на 1901 г. ■

Вышла 1-я книга (январь—февраль) 1901 г. Сборникъ статей, посвященныхъ памяти Владиміра Сергѣевича Соловьева. Ея содержаніе: Памяти Вл. С. Соловьева.—*Кн. Д. Церетелова*. О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія В. С. Соловьева.—*Александра Введенскаго*. Памяти Владиміра Сергѣевича Соловьева.—*А. Петровскаго*. Философское міросозерцаніе В. С. Соловьева.—*Л. Лопатина*. Основное начало ученія В. Соловьева.—*Кн. С. Трубецкаго*. Идея права въ философіи Вл. С. Соловьева.—*П. Новгородцева*. Взглядъ В. С. Соловьева на красоту.—*Г. А. Рачинскаго*. Рефератъ В. С. Соловьева, читанный въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 19 октября 1891 г.—*В. С. Соловьева*. Содержаніе рѣчи, произнесенной на С.-ПБ. Высшихъ Женскихъ курсахъ профессоромъ В. С. Соловьевымъ 13 марта 1881 г. Объ отношеніи Вл. С. Соловьева къ еврейскому вопросу.—*Ф. Геца*.—Психологическое Общество.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книжками не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1901 по 1-е января 1902 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу 8 р. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 рубля.

Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьевой и въ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторы: *Кн. С. Х. Трубецкой.*
Л. М. Лопатинъ.

Открыта подписка на 1901 годъ

XII г.

НА ЖУРНАЛЪ

XII г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ имѣетъ **цѣлью** распространеніе среди русскаго общества **правильныхъ** взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Съ 1901 года **разрѣшено** помѣщать въ журналѣ научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, общественно-ѣднѣю, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библиографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Аври (Victor Henri), Н. Ф. Арепьевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, приватъ-доц. Я. А. Боткинъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, Н. М. Бычковъ, приватъ-доц. В. А. Вагнеръ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Випперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, приватъ-доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, Е. С. Дрентельнъ, В. Е. Ермиловъ, Д. Н. Жбанковъ, Н. В. Закъ, С. В. Зенченко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, А. А. Ивановскій, приватъ-доц. В. Н. Ивановскій, В. Е. Игнатьевъ, Н. А. Каблуковъ, В. В. Калашъ, Е. Ловичъ, Е. І. Лозинскій, проф. И. Н. Миклашевскій, Н. Мироничъ, Н. Ф. Михайловъ, Л. П. Никифоровъ, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, Ф. Ф. Ольденбургъ, В. П. Острогорскій, В. В. Петровъ, Н. И. Позняковъ, Г. А. Пузыревскій, Г. Роковъ, Н. А. Русскихъ, Л. М. Розенфельдъ, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, Н. В. Сперанскій, К. М. Станюковичъ, приватъ-доц. Е. Д. Сивницкій, Л. Д. Сивницкій, В. С. Сѣрова, І. Тевсъ, Н. И. Тезяковъ, Г. А. Фальборкъ, А. П. Флеровъ, А. Н. Филипповъ, проф. А. Θ. Фортунатовъ, А. С. Хахановъ, В. П. Хопрровъ, В. И. Чарнолуцскій, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Штевень, Ф. А. Эрнъ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе др.

Журналъ **допущенъ** Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Съ 1901 года журналъ будетъ выходить 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна остается прежняя, а именно: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (*Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова*) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обихихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ**.

ГОДЪ VI. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 г. **ГОДЪ VI.**
НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
научно-популярный и педагогическій журналъ
„Естествознание и Географія“.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня—іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ одобренъ за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія теоретическаго и прикладнаго (садоводство, пчеловодство и т. под.) и географіи; 2) акваріумъ и терраріумъ; 3) библіографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы. Кроме того, журналъ даетъ приложенія, состоящія изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, заведующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищныя совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Анучинъ, И. Я. Акинфьевъ, О. А. Аникьевъ, А. П. Артари, проф. И. П. Бородинъ, Л. И. Бородовскій, проф. А. Ѳ. Брандтъ, В. В. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, Н. Н. Вакуловскій, проф. С. П. Глазенапъ, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, проф. В. Я. Данилевскій, проф. А. С. Догель, М. И. Демковъ, Л. Н. Елагинъ, В. Е. Жадовскій, Б. М. Житковъ, проф. В. В. Заленскій, проф. Н. Ю. Зографъ, Н. Ф. Золотницкій, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. Н. Ѳ. Кащенко, проф. Н. И. Кузнецовъ, проф. М. П. Коноваловъ, проф. П. А. Каблуковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Г. А. Кожвинковъ, проф. А. Н. Красновъ, проф. Л. З. Мороховецъ, М. Ѳ. Менделсонъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, Г. А. Надсонъ, А. М. Никольскій, К. Д. Носиловъ, А. Н. Острогорскій, проф. В. И. Палладинъ, проф. А. П. Павловъ, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. А. Сатунинъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, В. И. Талиевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и нѣкоторые др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкою 4 р. 50 коп., безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересылкою и доставкой 2 руб. 50 коп.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899 и 1900 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющие подписку, могут удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 20коп. съ каждаго годового полнаго экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

При непосредственномъ обращеніи въ контору допускается разсрочка: для городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 2 руб. 50 коп., и къ 1-му іюня 2 руб.

Для городскихъ подписчиковъ въ Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ съ платежомъ—въ началѣ января, въ началѣ марта, въ началѣ мая и, наконецъ, въ началѣ августа.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

КОНТОРА РЕДАКЦИИ: Москва, Б. Полянка, д. Учительскаго Института, кв. № 2.

Редакторъ-издатель **М. П. Варсва.**

АЛТАЙСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

Сборникъ этнографическихъ статей и изслѣдованій алтайскаго миссіонера, протоіерея **В. И. Вербицкаго**, изданный Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии, подъ редакціей **А. А. Иванова**. Съ біографіей и портретомъ. Цѣна 2 руб.

Съ требованіями обращаться по адресу: Москва, Политехнической музей, въ Этнографическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія.

Въ книжныхъ магазинахъ Москвы поступила въ продажу
новая книга:

Арчибальдъ Гейки. О преподаваніи географіи (совѣты учителямъ относительно принциповъ и методовъ обученія). Переводъ съ англійскаго, съ дополненіями къ русскому изданію, **Л. Д. Сеницаго.** Москва, 1900 г. Цѣна 80 коп.

На 1901 г.

(дсвятый годъ изданія)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„НЕВРОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Органъ Общества Невропатологовъ и Психіатровъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ.

Подъ редакціей проф. В. М. БЕХТЕРЕВА и проф. Н. М. ПОПОВА.

Въ 1901 году «Неврологическій Вѣстникъ» будетъ издаваться Обществомъ по прежней программѣ и выходить попрежнему періодически четырьмя книжками въ годъ въ **увеличенномъ** объемѣ (болѣе 60 печатныхъ листовъ).

Подписная цѣна на годъ 6 руб. Подписка принимается въ редакціи (Казань, университетъ, психо-физиологическая лабораторія), въ книжномъ магазинѣ бр. Башмаковыхъ (Казань) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи.

Съ января 1901 г. Общество Невропатологовъ и Психіатровъ, состоящее при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ университетѣ, издаетъ

„ЖУРНАЛЪ НЕВРОПАТОЛОГІИ И ПСИХІАТРІИ“

имени С. С. КОРСАКОВА.

Журналъ выходитъ книжками отъ 10 до 12 листовъ каждые два мѣсяца и кромѣ оригинальныхъ статей по *невропатологіи, психіатріи, психологіи, антропологіи, медико-педагогическимъ вопросамъ и судебной медицинѣ* заключаетъ въ себѣ *систематическіе обзоры и рефераты*, на которые редакціей обращено особое вниманіе съ цѣлью дать читателю возможно полную картину современнаго состоянія невропатологіи, психіатріи и сопридѣльныхъ наукъ. Кромѣ того въ журналѣ помѣщается обширный *библіографическій указатель* какъ русской, такъ и иностранной литературы.

Годовая цѣна съ пересыл. и доставк.—10 руб. За границу—12 руб. Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, *Девичье поле, клиника нервныхъ болѣзней.*

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

МЕДИЦИНСКІЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ

МОРСКОМУ СБОРНИКУ

будетъ выходить и въ 1901 году книжками отъ 4 до 5 листовъ.

Журналъ посвященъ по преимуществу разработкѣ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ санитарному состоянію флота. Достаточно отведено также мѣста и вопросамъ общей и практической медицины. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главномъ Адмиралтействѣ, въ Управленіи Главнаго Медицинскаго Инспектора Флота.

Цѣна за годовое изданіе 4 руб. съ пересылкою.

О всякой книгѣ, присланной въ редакцію, дѣлается бесплатное объявленіе въ слѣдующемъ № журнала.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1901 г.

НА ЖУРНАЛЪ

годъ 6.

„Вопросы Нервно - Психической Медицины“

ИЗДАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА УНИВ. СВ. ВЛАДИМИРА И. А. Сикорскаго
ВЪ КІЕВѢ.

Журналъ, какъ показываетъ отчасти и самое названіе его, имѣетъ своей задачей—помимо специальныхъ изслѣдованій по психіатріи и нервной патологии—содѣйствовать разрѣшенію вопросовъ, общихъ для всѣхъ отдѣловъ медицины, насколько эти вопросы могутъ быть освѣщены съ точки зрѣнія психіатріи и нервной патологии. Журналъ ставитъ одной изъ своихъ цѣлей—сближеніе различныхъ медицинскихъ специальностей на почвѣ общихъ вопросовъ и научныхъ обобщеній, достигнутыхъ неврологией.

Объединеніе медицины на почвѣ неврологій представляется желательнымъ и плодотворнымъ. Объединяющую силу содержатъ въ себѣ вопросы *этіологии и патологии болѣзней*; этимъ вопросамъ и будетъ отведено надлежащее мѣсто. Вниманіе журнала будетъ посвящено также *терапии нервныхъ болѣзней и нервно-психической гігіенѣ*, такъ какъ та и другая содержатъ рядъ данныхъ всего болѣе объединяющихъ медицину.

Журналъ предполагаетъ слѣдить за выдающимися вопросами и фактами въ различныхъ областяхъ медицины и будетъ стараться своевременно дѣлать рефераты и обзоры по содержанію этихъ вопросовъ. Но независимо отъ того для усѣбнѣйшаго достиженія намѣченной цѣли, въ январской книжкѣ cadaго года будетъ помѣщаемъ отчетъ объ успѣхахъ *нервно-психической медицины и сопродедныхъ знаній за истекшій годъ*. Отчетъ этотъ—въ критико-библіографической формѣ—будетъ содержать систематическое обозрѣніе новыхъ и важнѣйшихъ научныхъ направленій съ изложеньемъ результатовъ, достигнутыхъ наукою и ея примѣненіями на дѣлѣ.

Журналъ выходитъ книжками каждыя три мѣсяца по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя статьи по вопросамъ психіатріи и нервной патологии, а также по вопросамъ анатоміи, физиологіи, гігіены нервной системы и врачебной экспертизы, относящейся къ этимъ предметамъ.

2) Критика и библіографія по тѣмъ же вопросамъ.

3) Хроника нервныхъ клиникъ, психіатрическихъ клиникъ, домовъ для умалишенныхъ, заведеній идиотовъ и исправительныхъ заведеній.

4) Краткія замѣтки по содержанію трехъ предыдущихъ отдѣловъ.

Статьи для журнала присылаются редактору въ заказныхъ письмахъ или бандероляхъ по слѣдующему адресу: Кіевъ, профессору И. А. Сикорскому (Б.-Подвальная, 15).

Авторы критическихъ обзоровъ получаютъ гонораръ 60 р. за печат. листъ.

Авторы статей получаютъ по 25 экз. отдѣльныхъ оттисковъ. О присланныхъ въ редакцію книгахъ и изданіяхъ будетъ оповѣщено въ одной изъ ближайшихъ книжекъ.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой въ годъ 6 р.

Лица, подписывающіяся на 5-й и 6-й годъ журнала, платятъ 10 р.,
на 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й—24 р.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала (Кіевъ, Б.-Подвальная, 15), въ книжныхъ магазинахъ Оглобина, Югансона и Розова въ Кіевѣ, а также въ книжномъ магазинѣ Карла Риккера въ С.-Пб. (Невскій, 14).

Открыта подписка на 1901 г. (8 г. изд.).

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Изданіе П. П. Сойкина подъ редакціею д-ра философіи М. М. Филиппова.

„Научное Обозрѣніе“ не спеціальный, но общій журналъ, имѣющій въ виду всѣхъ читателей, интересующихся успѣхами науки, а также выдающимися литературными явленіями. Журналъ остается вѣрнымъ своимъ завѣтамъ, т.-е. попрежнему будетъ органомъ прогрессивнаго направленія, исключающаго всякій школьный догматизмъ и рутину.

Вступая въ XX вѣкъ, одной изъ задачъ котораго является распространіе научнаго образованія въ возможно широкихъ кругахъ общества, журналъ нашъ посвятитъ особое вниманіе вопросамъ самообразованія. Съ этою цѣлью редакція „Научнаго Обозрѣнія“ рѣшилась присоединить къ журналу рядъ популярныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній подъ общимъ заглавіемъ:

Народный Университетъ.

Въ концѣ года это приложение сост. большой томъ въ 40 печ. л., т.-е. 640 стр. Сочиненія и статьи, напечат. въ „Народномъ Университетѣ“, будутъ доступны даже для читателей, обладающихъ самой элементарной подготовкой.

Завѣдываніе этимъ отдѣломъ принялъ на себя извѣстный популяризаторъ В. В. Битнеръ. Для напечатанія въ „Народномъ Университетѣ“ предпол., между прочимъ, слѣдующее: Происхожденіе животнаго міра.—Міръ въ каплѣ воды.—Невидимые враги.—Происхожденіе и значеніе денегъ.—Чудеса электричества.—Мозгъ, какъ органъ мышленія.—Прогулки по небу.—Доисторическій человѣкъ. Текстъ будетъ поясненъ чертежами, рисунками и хромолитогр.

По примѣру прежнихъ лѣтъ къ „Научному Обозрѣнію“ будутъ приложены капитальныя переводныя сочиненія: *Авсариусъ*, *Міропониманіе*.—*Тардъ*, *Соціальный законъ*, и одно сочиненіе *Джона Стюарта Милля*, еще не бывшее въ русскомъ переводѣ.

Въ историческомъ отдѣлѣ приметъ ближайшее участіе выдающійся историкъ и популяризаторъ проф. А. С. Трачевскій. Здѣсь, между прочимъ, будутъ печататься: Историческая хроника *Меримэ* и статьи по исторіи виквициціи. Отдѣлъ обзора журналовъ русскихъ и иностранныхъ будетъ значительно расширенъ, что дастъ читателямъ возможность въ сжатомъ видѣ слѣдить за современнымъ движеніемъ человѣческой мысли, открытіями, изобрѣтеніями, новостями литературы, искусства и науки.

Подписная цѣна на годъ безъ достав. въ С.-Пб. 6 р. 50 к., 7 руб. съ доставкою и пересылкою по всей Россіи. За границу 10 рубл. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля остальные, или по одному рублю, начиная съ декабря.

Адресъ конторы: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, 12, собств. домъ.

Программа журнала заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

- Въ „Журналъ Министерства Юстиціи“ 1894—1900 гг. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ: П. А. Апаньева, К. Н. Анненкова, Н. И. Барковского, А. П. Башилова, А. А. Башмакова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. П. Бобрікова, А. М. Бобріцкаго-Пушкина, А. Л. Боровикова, Я. Ф. Браве, А. Н. Бутовскаго, В. Е. Бѣлинскаго, Е. В. Васильскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Вито, кн. В. А. Волковскаго, А. К. Вульфберта, Н. Н. Галкина-Враскаго, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, В. Н. Герарда, А. А. Герке, В. М. Гессена, І. В. Гессена, С. К. Гогеля, А. В. Горбунова, В. М. Гордопа, Я. К. Городыскаго, Д. Д. Гримма, М. О. Громницкаго, А. М. Гуляева, А. Г. Гусакова, П. Н. Гуссакскаго, В. В. Давыдова, Е. В. Давыдова, Н. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. О. Дейтриха, Г. В. Демченко, Н. А. Дингельштедт, бар. Р. А. Дистерло, Д. А. Дриля, М. С. Дурасова, М. В. Духовскаго, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, А. А. Жижиденко, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, Н. П. Закревскаго, К. П. Змирлова, В. В. Ивановскаго, Н. И. Ивановскаго, П. Е. Ильашенко, В. Л. Исаченко, П. А. Пфлянда, А. И. Каминки, Н. И. Карабченскаго, І. И. Карницкаго, Л. А. Кассо, П. И. Ковалевскаго, А. О. Коня, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдюнскаго, А. А. Левенстима, О. Н. Леоватича, А. О. Лискаго, А. В. Лихачева, В. И. Лихачева, Н. А. Логанова, М. А. Лозина-Лозинскаго, А. И. Лыкошина, Н. Ф. Матницкаго, П. М. Майкова, Л. Б. Мандельштама, П. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Мицлова, П. М. Минца, В. Ф. Мухина, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, П. Н. Обнинскаго, Ф. П. Осецкаго, О. Я. Перагмента, А. А. Пиленко, Э. Э. Пирвица, А. А. Піотковскаго, А. Ф. Поворинскаго, Н. А. Полетаева, Н. Х. Померанцева, К. З. Постовскаго, Н. Г. Прингпа, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. фонъ-Резона, С. А. Рязникова, А. К. Рихтера, П. Я. Розенбаха, Н. Н. Розина, С. Д. Рудина, Г. К. Рѣпникаго, И. К. Савицкаго, А. К. Сарандо, В. П. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, Г. Б. Слюзберга, В. К. Случевскаго, П. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, В. И. Срезневскаго, М. С. Студентскаго, Е. Н. Тарновскаго, А. Т. Тимоновскаго, А. Г. Тимофѣева, Н. Н. Товстолѣса, С. Н. Трегубова, П. А. Тулуба, Н. А. Тура, Д. В. Туткевича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, Г. С. Фельдштейна, П. Я. Фойницкаго, Б. Н. Хавскаго, П. А. Харламповича, В. М. Цвингмана, А. Г. Чайковскаго, В. Е. Чпишхина, К. В. Шаврова, М. П. Шафира, Г. Ф. Шершеневича, К. А. Шишко, И. Г. Щегловитова, Г. Ф. Юргенса, П. Е. Янгельмана, А. Г. Яковлева и др.

Digitized by Google

Должностныя лица при подпискѣ черезъ назначеннѣ пользуются разсрочною до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочною до 2 руб. въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при Университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ при подпискѣ въ Главной Конторѣ, — по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Пбургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналъ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 коп. за строку и 8 руб. за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. О. Дерюминскій.

„Этнографическое Обзорѣніе“.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, посвящено изученію преимущественно народностей Россіи и, главнымъ образомъ, ихъ духовнаго быта: обрядовъ, вѣрованій, обычнаго права, народной словесности и пр.

„Этнографическое Обзорѣніе“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ (каждая около 12 листовъ), приблизительно въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою 5 р., за границу 6 р.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (*Москва, Политехнический Музей*, на Лубянской площади) и въ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „Этнографическое Обзорѣніе“ рекомендовано для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

При кн. XVIII приложенъ „Указатель къ Этнографическому Обзорѣнію“ за 1889—1892 гг. (кн. I—XV). Цѣна въ отдѣльной продажѣ 15 к.

Вышелъ изъ печати и разсылается желающимъ второй выпускъ „Указателя къ Этнографическому Обзорѣнію“ за 1893—1896 гг. (кн. XVI—XXXI). Отдѣльно цѣна 20 коп.

Статьи и матеріалы слѣдуетъ адресовать: въ редакцію „Этнографическаго Обзорѣнія“, *Москва, Политехнический Музей*.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ.

Принимается подписка на журналъ
ЕЖЕГОДНИКЪ
по Геологіи и Минералогіи Россіи,
издаваемый подъ редакціей Н. КРИШТАФОВИЧА
(5 годъ изданія).

—❖❖—
Программа: I) Оригинальныя статьи и замѣтки. II) Систематическіе указатели литературы. III) Систематическіе обзоры литературы. IV) Рефераты. V) Извѣстія объ экспедиціяхъ, экскурсіяхъ и пр. VI) Личныя извѣстія. VII) Разныя извѣстія. VIII) Музеи и коллекціи.

Въ программу журнала входятъ: 1) Минералогія и Кристаллографія, 2) Петрографія, 3) Палеонтологія, 4) Гео-ботаника, 5) Гео-зоологія, 6) Физическая Геологія, 7) Гидрологія, 8) Историческая Геологія, 9) Доисторическая Археологія (камен. вѣкъ), 10) Прикладная Геологія, Горное Дѣло, полезныя ископаемыя, 11) Почвовѣдѣніе, 12) Техника изслѣдованій, 13) Популяризація и учебныя пособия, 14) Біографіи и некрологи и 15) Библіографія.

«Ежегодникъ», отличаясь съ возможной полнотой на своихъ страницахъ, въ видѣ оригинальныхъ статей, указателей и обзоровъ литературы, рефератовъ и библиографическ. замѣтокъ, спеціальныхъ извѣстій и пр., ВСЕ, касающееся изученія территоріи Россіи, въ области вышепоименованныхъ наукъ, является въ этомъ отношеніи *единственнымъ* справочно-литературнымъ журналомъ и притомъ не только для спеціалистовъ, но и вообще для всѣхъ интересующихся успѣхами знанія.

Секція Геологій и Минералогій X Съѣзда Русскихъ Естествоиспытателей постановила: «выразить полное одобреніе и сочувствіе программѣ и содержанію „Ежегодника по Геологій и Минералогіи Россіи“ и признать это изданіе весьма полезнымъ и даже необходимымъ“.

Ученый Комитетъ М-ства Народнаго Просвѣщенія рекомендовалъ „Ежегодникъ“ для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ среднеучебныхъ заведеній.

«Ежегодникъ» печатается на русскомъ и параллельно на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ. «Ежегодникъ» выходитъ *ежемесячно*, исключая двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (10 выпусковъ въ годъ, каждый выпускъ объемомъ въ 5 печатныхъ листовъ). Редакціонный годъ съ 1 апрѣля по 1 апрѣля.

Подписная цѣна за годъ съ пересылкой—6 рублей въ Россіи, за границу—15 марокъ—20 франковъ. *Подписка принимается въ редакціи* (п. Ново-Александрія Люблинской губ.) и въ книжныхъ магазинахъ: Эггера, Суворина, Риккера, Карбасникова, Оглоблина, Иогансона и во всѣхъ др.

Плата за объявленія—на всѣхъ европейскихъ языкахъ—за одинъ разъ: за страницу (in 4°) 20 рублей, за 1/2 страницы 10 рублей, за 1/4 страницы 5 рублей, за 1/8 стр. 3 рубля.

Комплектъ «Ежегодника» за предыдущіе года (34 выпуска, составляющихъ 4 тома)—28 руб., для новыхъ подписчиковъ 22 руб.

Редакторъ-Издатель **Н. И. Криштафовичъ.**

Русскій Антропологическій Журналъ.

Издание Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологін и Этнографін, состоящаго при Москов-
скомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ
Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
СЕКРЕТАРЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
А. А. ИВАНОВСКАГО.

1901 г., № 2.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, домъ Обидиной.
1901.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

— И. И. Майновъ. Два типа тунгусовъ (съ 4 рис.)	Стр. 1
— С. Д. Масловскій. Гальча (первобытное населеніе Туркестана)	17
— Н. А. Аристовъ. Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ (продолж.) . .	33
— К. И. Горощенко. Сойоты (съ 1 рис.)	62
— И. П. Силиничъ. Къ краніологіи сойотъ	74

Изъ иностранной литературы:

А. А. Ивановскій. Классификація человѣческихъ расъ I. Деникера.	80
---	----

Критика и библіографія:

Р. Л. Вейнбергъ. Новѣйшіе успѣхи къ области антропологіи костной системы (съ 3 рис.)	92
--	----

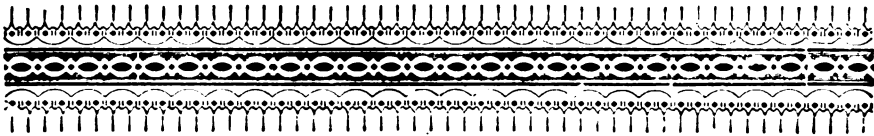
Д. Н. Зерновъ—По вопросу о морфологическомъ значеніи хвостовидныхъ придатковъ у человѣка. Москва, 1901 г. Р. Л. Вейнберга.—М. А. Тихомировъ—Варианты артерій и венъ человѣческаго тѣла въ связи съ морфологіею кровеносной сосудистой системы. Киевъ, 1900. *Его же*.—С. О. Стопницкій—Къ вопросу о полидактилии. Москва. 1900 (съ 5 рис.). Н. В. Алтухова.—D-r. Fritz Schultze—Psychologie der Naturvölker. Leipz., 1900. Д. А. Коротческаго.—D-r. Joseph Müller—Das sexuelle Leben der Naturvölker. Augsburg. 1900. *Его же*.—R. Virchow—Rothgefärbter Schädel eines Buli-Negers aus Kamerun; F. d. Krause—Menschliche und Tier-Knochen mit rothen Flecken; F. Knauer—Menschliche Knochen mit rothen Flecken aus bessarabischen Gräbern. Berl., 1901. С. А. Вайсенберга.—Richter—Zur Erklärung der altperuanischen Vasen, welche verstümmelte menschliche Figuren darstellen. Berl., 1901. *Его же*.—Otto Helm—Chemische Analyse vorgeschichtlicher Bronzen aus Vélém St. Veit in Ungarn. Berl, 1901. *Его же*. 125

Извѣстія и замѣтки	Стр. 140
------------------------------	-------------

Памятникъ Габріэлю де-Мортилье.—† Р. Э. фонъ-Эркертъ.—XI съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей.—V международный конгрессъ криминальной антропологіи.—Брюссельскій социологическій институтъ.—Назначеніе П. А. Минакова экстраординарнымъ профессоромъ судебной медицины въ Московскомъ университетѣ.—Общество Востоковѣдѣнія.—Кавказскій Отдѣлъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.—Новая находка мамонта въ Сибири.—Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія.—Рефераты русскихъ работъ по донисторической археологіи, антропологіи и этнографіи въ „Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien“.

Объявленія	144
----------------------	-----

Два типа тунгусовъ.

Основные промыслы сибирскихъ тунгусовъ—оленоводство и звѣроловство—необходимо требуютъ обособленнаго существованія небольшихъ семейныхъ группъ и передвиженія такихъ группъ по громаднымъ пространствамъ въ неустанныхъ поискахъ новыхъ моховищъ и новой добычи. Появляясь въ каждой мѣстности лишь на короткое время, эти разобщенныя и малочисленныя группы рѣдко удерживаютъ какую-нибудь территорию въ своемъ исключительномъ пользованіи; гораздо чаще имъ приходится сталкиваться при своихъ скитаніяхъ съ представителями другихъ племенъ, по большей части болѣе сплоченныхъ и болѣе многочисленныхъ. Остяки и юраки въ Енисейскомъ и Туруханскомъ краѣ, буряты въ Приангарскомъ, Верхне-ленскомъ и Забайкальскомъ, якуты по среднему и нижнему теченію Лены, чукчи, коряки, чуванцы и юкагиры на дальнемъ сѣверѣ, гилияки, корейцы и китайцы на дальнемъ востокѣ—все эти народности, въ продолженіе вѣковъ находясь въ соприкосновеніи съ тунгусами, не могли не оказать на нихъ своего вліянія, успѣвшаго отразиться какъ на языкѣ и культурѣ, такъ и на физическомъ типѣ отдѣльныхъ отраслей тунгусскаго племени. Благодаря такому разнообразію воздѣйствій, общія характеристики племеннаго типа у путешественниковъ, встрѣчавшихъ тунгусовъ въ различныхъ краяхъ Сибири, чрезвычайно противорѣчивы, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямо противоположны одна другой. Особенно рѣзки противорѣчія разныхъ авторовъ относительно роста тунгусовъ и относительно формы ихъ черепа. Въ работѣ, опубликованной мною ранѣе ¹⁾, приведены выдержки изъ многихъ авторовъ, писавшихъ о сибирскихъ инородцахъ и, между прочимъ, о тунгусахъ, но въ настоящемъ очеркѣ я считаю достаточнымъ ограничиться напоминаніемъ хотя-бы того факта, что Ретціусъ, Вагнеръ, Бэръ и нѣкот. др. относили тунгусовъ къ числу долихоцефаловъ, тогда какъ Мидден-

¹⁾ Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края. „Труды Вост.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.“ Иркутскъ 1898 г., № 2.

дорфъ, Маакъ, Велькеръ и большинство современныхъ авторовъ считаютъ ихъ полными или умѣренными брахицефалами; Пешель, Маакъ, Миддендорфъ, а вслѣдъ за ними и нѣкот. др., по общимъ расовымъ признакамъ, называютъ тунгусовъ типичнѣйшими монголами, тогда какъ Топинаръ, Петри, Ратцель и мн. др. отводятъ имъ въ ряду азіатскихъ племенъ особое мѣсто и т. п.

Въ виду несомнѣнной смѣшанности тунгусовъ по крови со многими чуждыми элементами, въ высшей степени вѣроятно, что на всемъ пространствѣ Сибири существуетъ не мало болѣе или менѣе установившихся мѣстныхъ подтиповъ, признаки которыхъ иногда ошибочно обобщаются на все племя; но при всемъ разнообразіи мѣстныхъ оттѣнковъ, повидимому, существуетъ два основныхъ типа, распределеніе которыхъ въ различныхъ тунгусскихъ племенахъ очень неравномѣрно. Почти всѣ путешественники, пытаясь дать общую характеристику, приписываютъ тунгусамъ черты либо того, либо другого изъ этихъ несходныхъ типовъ, иные же (преимущественно Шренкъ) констатируютъ присутствіе въ населеніи обоихъ элементовъ, съ примѣсью нѣкоторыхъ менѣе распространенныхъ, т.-е., какъ можно думать, чисто мѣстныхъ оттѣнковъ.

Лично я въ 1894—96 гг. имѣлъ возможность изслѣдовать тунгусовъ въ нѣсколькихъ пунктахъ Якутскаго и Олекминскаго округовъ, Якутской обл., причѣмъ на этой, сравнительно ограниченной территоріи, къ югу отъ Аянскаго тракта ¹⁾, встрѣтилъ населеніе, рѣзко отличавшееся по своему типу отъ тунгусовъ изъ мѣстностей, лежащихъ къ сѣверу отъ тракта. Въ Майскомъ вѣдомствѣ (верстъ на 200 къ ю.-в. отъ г. Якутска), по моимъ наблюденіямъ, большая часть осѣдлыхъ тунгусовъ ²⁾ до неотличимости перемѣшалась съ якутами, отъ которыхъ усвоила и языкъ, и матеріальную культуру. Но въ массѣ смѣшаннаго населенія при-майскихъ родовъ кое-когда встрѣчаются особи своеобразнаго типа, по чертамъ лица непохожаго ни на одинъ изъ основныхъ, но по общимъ пропорціямъ тѣла весьма близкаго къ южному. Большая часть измѣренныхъ мною особей (80 муж. и 7 жен.) принадлежитъ къ представителямъ южныхъ родовъ, близко родственныхъ бугайцамъ («боягры» Миддендорфа) и манегирцамъ («манегры») Амурскаго края; изъ майцевъ мною измѣрено 7 муж. 1-го и 2-го Эжанскаго родовъ, и изъ тунгусовъ сѣверной части Якутскаго и Охотскаго округовъ—11 муж. и 3 жен. Въ упомянутой выше книжкѣ о тунгусахъ приводятся получившіяся при измѣреніи индивидуальныя величины и вычисленныя по нимъ среднія по родамъ для шести основныхъ признаковъ: роста, окружности груди, длинника и поперечника головы, длины и ширины лица. Въ настоящее время разработка собраннаго въ

¹⁾ Портъ Аянъ лежитъ на южномъ побережьи Охотскаго моря.

²⁾ Официально эти тунгусы числятся „кочевыми“.

Якутской обл. цифрового матеріала настолько подвинулась, что я могу привести рядъ другихъ среднихъ, характеризующихъ оба встрѣченные мною основныхъ типа, которые, за отсутствіемъ лучшаго термина, буду пока называть сѣвернымъ и южнымъ.

Въ поясненіе дальнѣйшаго считаю необходимымъ привести здѣсь краткія свѣдѣнія о происхожденіи и расселеніи подвергавшихся моимъ наблюденіямъ тунгусскихъ родовъ.

Встрѣченные мною въ г. Олекминскѣ 15 тунгусовъ Хахагынскаго и Киндигирскаго родовъ ведутъ бродячій образъ жизни, скитаясь на громадномъ пространствѣ между рѣками: Леной, Витимомъ, Олеймой и Амуромъ; названія этихъ родовъ упоминаются при перечисленіи тунгусскихъ племенъ путешественниками XVIII вѣка; изъ 15 измѣренныхъ киндигирцевъ и хахагынцевъ только двое имѣли по женской линіи примѣсь якутской крови; остальные заявили себя чистыми тунгусами; домашній ихъ языкъ—тунгусскій. Изъ числа подвергавшихся моимъ наблюденіямъ тунгусовъ эта группа оказывается наименѣ смѣшанной.

Изъ семерыхъ охотныхъ майскихъ тунгусовъ у одного мать — якутка и у двоихъ и матери, и бабушки — якутки; ближайшія сношенія майскіе тунгусы имѣютъ съ соплеменниками Удскаго края; домашній ихъ языкъ—якутскій.

Слѣдующія три группы южанъ принадлежатъ къ Кангаласскому вѣдомству. Беллетцы и буягирцы обитаютъ къ востоку отъ Лены, бродя со своими оленями между рѣками: Талбой, Амгою, Алданомъ, и Учуромъ. Нѣкоторыя семьи беллетцевъ живутъ охотничьимъ по берегамъ р. Амги и занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ на земляхъ, арендуемыхъ ими у якутовъ. Изъ 43 измѣренныхъ беллетцевъ якутская примѣсь оказалась по опросамъ у 17, изъ 10 буягирцевъ — у двоихъ. Домашній языкъ большинства семей—якутскій, но въ семьяхъ болѣе бѣдныхъ (чисто охотничьихъ) сохранился тунгусскій. Часть беллетцевъ происходитъ отъ выходцевъ изъ Вилюйскаго края, переселившихся за Лену въ XVIII в., главная же масса считаетъ себя исконной въ За-ленскомъ краѣ.

Въ группѣ тунгусовъ западныхъ родовъ Кангаласскаго вѣдомства трое мужчинъ принадлежатъ къ 3-му Беллетскому р., а всѣ остальные къ родамъ: 1-му Шологонскому, Никагирскому и Нюрмаганскому, представители которыхъ обитаютъ на западномъ берегу Лены, почти охотничьимъ, занимаясь отчасти земледѣліемъ и скотоводствомъ. Эти роды ведутъ свое происхожденіе отъ вилюйскихъ выходцевъ конца XVIII и начала XIX вѣка.

Въ группѣ сѣверянъ трое мужчинъ принадлежатъ къ Горбиконскому роду тунгусовъ Охотскаго округа, трое — къ Мэмельскому роду, подчиненному Баягантайской управѣ Якутскаго окр.,

одинъ—къ Дёндяхинскому колюну того же рода и трое—къ Бадирскому роду Батурусской управы.

Что касается до приёмовъ измѣреній и т. п., то свѣдѣнія объ этомъ приведены въ моей прежней работѣ, и потому я не стану ихъ повторять, ограничившись замѣчаніемъ, что приемы эти не отличались отъ общепринятыхъ (по Брока).

Ростъ. Данныя о ростѣ тунгусовъ можно вкратцѣ представить въ видѣ слѣдующей таблицы:

N. *Signature*
M. *range*
Tall *above*
below
average
short

Р О Д Ъ.	Число особей.	Средняя.	Колѣбаніе.	Въ % ко всей родовой группѣ.			
				Выскаго	Выше средняго	Ниже средняго	Низкаго
Хахагынскій	8	1679	1776—1606	21.43	42.86	21.43	14.29
Киндигирскій	6	1646	1701—1597	—	—	—	—
1-й и 2-й Эжанскій	7	1629	1673—1564	0	42.86	28.57	28.57
2-й Беллетскій	43	1617	1756—1525	4.65	25.58	32.56	37.21
Бугагирскій	10	1622	1684—1566	—	—	—	—
Западные кангаласцы	12	1623	1711—1550	4.53	27.27	22.72	45.48
Total Всего	86	1627	—	—	—	—	—
При исключеніи стариковъ свыше 60 лѣтъ	—	1631	1776—1525	8.14	31.39	27.91	32.56
<i>Including those over 60 yrs. old</i>							
Сѣверяне	11	1548	1604—1486	0	0	18.18	81.82
<i>Northerners</i>							
Южанки	7	1530	1607—1468	—	—	—	—
Сѣверянки	3	1476	1490—1457	—	—	—	—

% distribution

Въ этихъ цифрахъ рѣзко выступаетъ на видѣ отлічіе южанъ отъ сѣверянъ по росту особей обѣихъ группъ: въ то время, какъ у южанъ средняя роста 1631 мм., у сѣверянъ средняя на 83 мм. ниже; ростъ самого высокаго изъ сѣверянъ—1604 мм.—на 27 мм. ниже средней южанъ и на 172 мм. ниже роста самого высокаго южанина; наконецъ, всѣ 11 сѣверянъ роста малаго или едва достигаютъ низшаго предѣла среднерослости, тогда какъ у южанъ 39.53% всѣхъ измѣренныхъ оказались выше средняго роста. Подобное же различіе наблюдается и у женщинъ обѣихъ группъ: средняя роста 3-хъ сѣверянокъ на 54 мм. ниже средней 7 южанокъ.

Переходя къ сравненію между собою южныхъ родовъ, мы увидимъ, что каждая изъ мѣстныхъ группъ имѣетъ свои особенности, но все-таки сходныя черты преобладаютъ въ нихъ надъ различіями: у олекминцевъ (хахагышцы и кяндигирцы) $60,29\%$ всѣхъ измѣренныхъ средняго роста, у эжанцевъ среднерослыхъ $71,43\%$, у беллетцевъ этотъ элементъ составля-

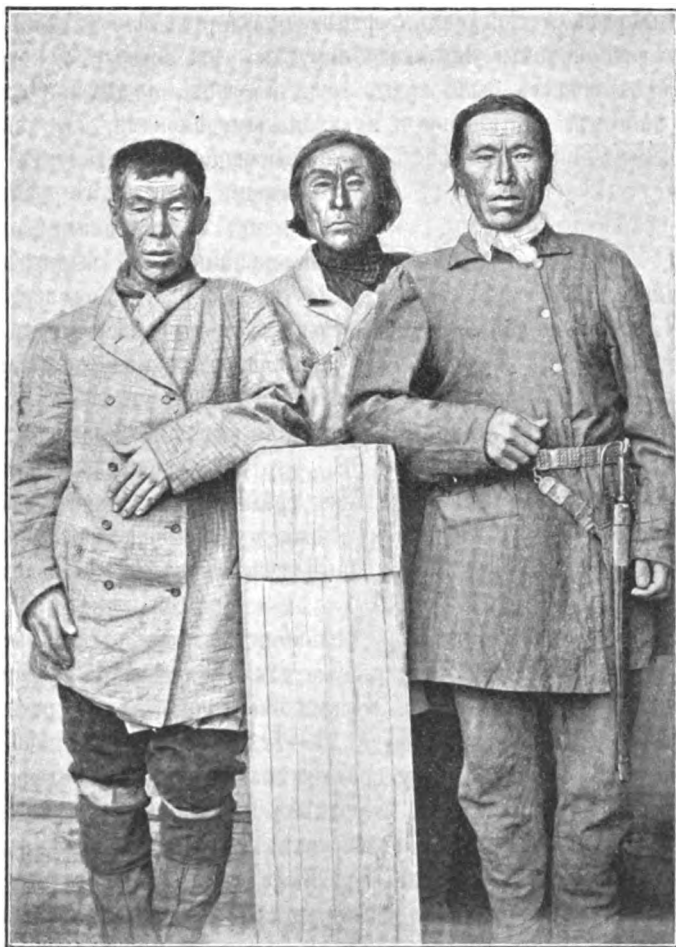

Рис. 1. Олекминскіе тунгусы (фот. В. С. Келлермана).

етъ $58,14\%$ и у западныхъ кангаласцевъ $49,99\%$, т.-е. наиболее типичной для южныхъ тунгусовъ повсюду оказывается среднерослость. Далѣе, всѣ кангаласскіе роды обнаруживаютъ большое сходство по относительной численности особей одинаковаго роста; только у западныхъ кангаласцевъ, потомковъ виллюйскихъ выходцевъ, процентъ малорослыхъ нѣсколько выше, чѣмъ у коренныхъ за-ленцевъ. Число измѣренныхъ эжанцевъ

слишкомъ недостаточно, чтобы дѣлать какіе-либо выводы о всѣхъ майскихъ тунгусахъ, но ихъ средняя почти совпадаетъ со средней кангаласцевъ. Выдѣляются отъ прочихъ присутствіемъ весьма рослаго элемента олекминскіе тунгусы, особенно хахагынцы, и можно думать, что эту особенность нельзя объяснить случайнымъ подборомъ измѣренныхъ, такъ какъ путешественникъ 20—40-хъ годовъ Щукинъ въ своемъ путевомъ дневникѣ говоритъ о тунгусахъ, встрѣченныхъ имъ близъ станціи Саньятахъ (въ южной части Якутскаго округа): «мы видѣли тунгусовъ въ Киренскомъ округѣ; тѣ были худы, тощи и слабы, но здѣшніе отличались большимъ ростомъ, плотностью и мускулистыми членами» ¹⁾,—свидѣтельство, подтверждающее тотъ фактъ, что высокорослый элементъ дѣйствительно присутствуетъ въ тунгусскомъ населеніи За-ленскаго края.

При сравненіи южныхъ тунгусовъ съ ихъ ближайшими сосѣдями—якутами ²⁾, мы находимъ между этими племенами ясно выраженное различіе: средняя роста южн. тунгусовъ почти на 2 сант. выше якутской (1631 и 1613 мм.), процентъ малорослыхъ у тунгусовъ немного меньше, чѣмъ у якутовъ (32,₅₆ и 38,₈₅), но крайній предѣлъ малорослости у южн. тунгусовъ (1525 мм.) далеко не достигаетъ того же предѣла у якутовъ (1400 мм.); съ другой стороны, процентъ высокорослыхъ у якутовъ (11,₅₁%) выше, чѣмъ у тунгусовъ (8,₁₄%). Этотъ послѣдній фактъ объясняется въ моихъ глазахъ присутствіемъ среди якутовъ значительнаго числа метисовъ русской крови. Въ общемъ южн. тунгусы по рослости особей гораздо однороднѣе якутовъ, и типичный тунгусъ нѣсколько выше типичнаго якута.

Рука. Въ противоположность большинству тюрковъ и монголовъ, и въ частности якутамъ, у которыхъ рука длиннѣе, чѣмъ у русскихъ, южн. тунгусы всѣхъ родовъ обладаютъ руками очень короткими: среднія по родамъ не выходятъ изъ предѣловъ 71,₄₇—74,₃₆ сант., а въ общемъ 72,₃₀ сант., а по отношенію къ росту среднія составляютъ въ четырехъ группахъ 44,₀₆—44,₉₉%, въ группѣ западныхъ родовъ—45,₀₉% и только въ группѣ эжанцевъ—45,₆₃%, (у игвдейскихъ якутовъ абсолютная длина—75,₂₈ сант. и относительная—46,₀₅%). Выдѣляя въ особую группу 28 малорослыхъ южанъ, я нахожу, что ихъ рука, при абсолютной величинѣ 69,₈₀ сант., по отношенію къ росту—1567 мм,—совершенно такова же, какъ и у прочихъ южанъ: 44,₄₂% у малорослыхъ и 44,₄₂%—у всѣхъ вообще. У сѣверянъ, наоборотъ, рука нѣсколько длиннѣе, хотя все-таки короче, чѣмъ у якутовъ: средняя величина—70,₉₈ сант., т.-е. 45,₈₇% роста. У женщинъ проявляется такое же различіе, причѣмъ въ обѣихъ группахъ не только абсолютная, но и относительная величина женской руки оказываетъ

¹⁾ Щукинъ. Поѣздка въ Якутскъ. Изд. 1844 г., стр. 148.

²⁾ Н. А. Геккеръ. Къ характеристикѣ физич. типа якутовъ. „Зап. Вост.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О. по этнографіи“, т. III, в. 1. Иркутск. 1896.

ся нѣсколько меньше мужской: у южанокъ длина руки $67,49$ сант. или по отношенію къ росту $44,11\%$, у сѣверянокъ— $66,37$ сант. или $44,97\%$.

Нога. Нижняя конечность тунгусовъ обѣихъ группъ, подобно верхней, по своей относительной величинѣ не обнаруживаетъ сходства съ соответственнымъ признакомъ у якутовъ: тогда какъ якуты принадлежать къ числу народовъ коротконогихъ (относительная величина ихъ ноги, считая отъ верх.-передней подвздошной ости,— $53,34$), среди южн. тунгусовъ мы только у киндигирцевъ (6 чел.) находимъ среднюю $89,35$ сант. или $54,28\%$, общая же средняя всѣхъ южанъ (28 чел.)— $91,40$ сант. или $56,18\%$ роста, откуда слѣдуетъ, что тунгусы южнаго типа принадлежать къ числу народовъ съ весьма длинными ногами. Тунгусы сѣверныхъ родовъ уступаютъ имъ въ этомъ отношеніи, но все-таки значительно превосходятъ якутовъ и приближаются къ русскимъ Якутской обл.: ихъ средняя — $85,13$ сант. и относительная — $55,00\%$ (у русскихъ Якутской обл. — $91,85$ или $55,10\%$). Малорослые кангаласцы по относительной длинѣ ноги сохраняютъ полное сходство съ другими южанами: средняя — $88,66$ сант. или $56,53\%$. Женщины-южанки обладаютъ ногою не только абсолютно, но и относительно меньшею, чѣмъ мужчины ихъ племени, но по сравненію съ якутами и даже съ русскими Якутской обл., ихъ нога оказывается относительно длинной: $85,73$ сант. или $56,03\%$. У сѣверянокъ эти величины — $82,00$ сант. или $55,55\%$, но такъ какъ а priori слѣдуетъ предположить, что относительная величина ноги у сѣверныхъ женщинъ (какъ у женщинъ вообще) должна уступать мужской, то я думаю, что двумъ послѣднимъ цифрамъ, касающимся сѣверныхъ женщинъ, нельзя придавать значенія, какъ случайнымъ (полученнымъ при измѣреніи всего двухъ особей).

Высота теменн при сидячемъ положеніи. По особымъ условіямъ моей работы среди тунгусовъ Кангаласскаго вѣдомства (измѣренія производились въ лѣтнихъ урасахъ, въ которыхъ не бываетъ гладко выравненной площади пола), определѣніе высоты теменн при сидячемъ положеніи

Рис. 2. Забайкальскій тунгусъ.

могло бы доставить лишь сомнительныя данныя; кангаласцы, киндигирцы, эжанцы и сѣверяне подверглись измѣреніямъ при болѣе удобной обстановкѣ, а потому высота темени опредѣлена мною только для этихъ родовъ. У южанъ относительная высота такова же, какъ у якутовъ, но такъ какъ (что будетъ видно изъ дальнѣйшаго) высота головы тунгусовъ значительно болѣе, чѣмъ у якутовъ, то, значить, длина туловища у тунгусовъ нѣсколько менѣе, чѣмъ у якутовъ. Средняя высота темени южанъ—87,⁸³ сант. или 53,⁰⁸‰; у сѣверянъ абсолютная величина меньше, но относительная больше: 82,³⁷ сант. или 53,²³‰. У трехъ женщинъ-сѣверянокъ относительная величина этого размѣра еще больше: 80,⁰⁰ сант. или 54,²¹‰.

Окружность груди подъ мышиками (при поднятыхъ рукахъ) у южн. тунгусовъ нѣсколько меньше, чѣмъ у болѣе рослыхъ—русскихъ уроженцевъ Якутской обл., но отношеніе этой величины къ росту у тѣхъ и у другихъ совершенно одинаково: средняя грудного периметра южныхъ родовъ—888 мм. или 54,³⁸‰ роста. У женщинъ этой группы—869 мм. или 56,⁸¹‰. У сѣверянъ—848 мм. или 54,⁸¹‰; у сѣверныхъ женщинъ—846 мм. или 57,³³‰. Величины эти не представляютъ чего-либо характернаго для опредѣленія расоваго типа. По нимъ можно заключить развѣ то, что тунгусовъ вообще слѣдуетъ отнести къ числу народовъ съ хорошо развитою грудью.

Ширина плечъ у тунгусовъ обѣихъ группъ по своему отношенію къ росту также близко совпадаетъ съ соотвѣтственнымъ отношеніемъ у русскихъ: у южн. тунгусовъ (64 чел.)—36,³⁸ сант. или 22,³⁷‰; у женщинъ-южанокъ — 34,²⁷ сант. или 22,⁴¹‰ (у русскихъ Якутской обл. — 21,³⁷—22,⁴⁰‰). У сѣверныхъ тунгусовъ — 34,⁷⁵ сант. или 22,⁴⁸‰ и у женщинъ-сѣверянокъ—32,¹³ сант. или 21,⁷⁸‰. У малорослыхъ кангаласцевъ—34,³⁴ сант. или 21,⁹¹‰.

Ширина таза. Изъ всѣхъ пропорцій туловища только относительная ширина таза (разстояніе подвздошныхъ гребней) у тунгусовъ обнаруживаетъ отлічіе отъ соотвѣтственной пропорціи у русскихъ якутянъ. Тазъ тунгусовъ широкъ: у южанъ (64 особи) мы находимъ среднюю 28,¹⁹ сант. или 17,³³‰ (у русскихъ якутянъ 16,⁴⁹—17,⁰⁵‰); у сѣверянъ—26,⁷¹ сант. или 17,²⁵‰. У женщинъ тазъ не только относительно, но и абсолютно шире мужского: у южанокъ—29,³⁶ сант. или 19,³²‰ (болѣе, чѣмъ у мужчинъ, на 1,⁸⁹ единицы) и у сѣверянокъ—26,⁸³ сант. или 18,¹⁸‰ (болѣе, чѣмъ у мужчинъ ихъ группы, на 0,⁹¹ единицы)¹⁾. У малорослыхъ кангаласцевъ—26,⁶⁴ сант. или 17,⁰⁰‰.

Въ общемъ можно сказать, что туловище тунгусовъ обѣихъ группъ не представляетъ явственныхъ отличій одного типа отъ другого. Съ

¹⁾ По М. Sappey разница этого отношенія у парижанъ и парижанокъ составляетъ 1,³ единицы и даже болѣе.

туловищемъ русскихъ оно весьма сходно по всѣмъ пропорціямъ, кромѣ ширины таза, а сравнительно съ туловищемъ якутовъ,—немного короче и шире.

Голова тунгусовъ, по сравненію съ головою якутовъ и русскихъ Якутской обл., отличается своей высотой (разстояніе между высотой темени и высотой подбородка). Нерѣдко въ при-алданскомъ населеніи встрѣчаются особи съ головою уродливой формы, которой Миддендорфъ далъ названіе «башенной». При такой формѣ голова отличается необычнымъ развитіемъ затылка и перемѣщеніемъ высшей точки далеко назадъ (рисунки, передающіе эту особенность, можно найти у Миддендорфа, а также,—заимствованные у него же,—у Ретціуса, «Народовѣдѣніе» т. I). Среди при-амгинскихъ тунгусовъ и смѣшанныхъ съ ними при-амгинскихъ якутовъ башнеголовость встрѣчается рѣже и притомъ въ смягченной формѣ. Благодаря откинутому положенію, въ которое приходится устанавливать голову при измѣреніи согласно инструкціи Брока, башнеголовость скрадывается въ получаемыхъ цифрахъ и ее можно отмѣтить лишь описательно. У сѣверянъ, среди которыхъ я лично не встрѣчалъ этой особенности, высота головы абсолютно меньше, но относительно еще больше, чѣмъ у южанъ. Голова женщинъ въ обѣихъ группахъ значительно больше мужской.

Рис. 3. Забайкальская тунгуска.

Горизонтальная окружность головы у тунгусовъ имѣетъ величину, нѣсколько уступающую величинѣ этого размѣра у нигидейскихъ якутовъ по измѣренію Н. Л. Геккера. Среднія двухъ головныхъ измѣреній таковы:

Высота головы.			Горизонт. окружн. головы.		
Южн. тунгусы.	21,43	сант. или 13,21 ⁰ / ₀	56,27	сант. или 34,52 ⁰ / ₀	
Малорослые отдѣльно.	21,12	— 13,48 ⁰ / ₀	55,88	— 35,06 ⁰ / ₀	
Сѣверяне	20,74	— 13,40 ⁰ / ₀	55,34	— 36,39 ⁰ / ₀	
Южанки	21,57	— 14,10 ⁰ / ₀	54,94	— 36,03 ⁰ / ₀	
Сѣверянки.	21,37	— 14,43 ⁰ / ₀	55,67	— 37,72 ⁰ / ₀	

У игидейских якутовъ высота головы—20_{,33} сант. или 12_{,44}‰; у русскихъ Якутской обл.—20_{,14}—21_{,83} сант. или въ ‰ ‰ — отношеніи 12_{,20}—12_{,01}‰. Горизонтальная окружность у игидейцевъ—56_{,86} сант. или 34_{,78}‰; у русскихъ Якутской обл.—55_{,01}—57_{,36} сант. или въ ‰ ‰ —отношеніи 32_{,69}—33_{,80} ‰ ‰.

Продольный и поперечный диаметры головы у тунгусовъ имѣютъ крупный размѣръ:

Передне-задній диаметръ у южанъ — 18_{,80}—19_{,69} сант. и въ среднемъ 192 мм., а въ отношеніи къ росту—11_{,80}‰; у малолетнихъ южанъ—190_{,5} мм. (12_{,16}‰); у сѣверянъ—189 мм. (12_{,14}‰). У женщинъ-южанокъ—183_{,3} мм. (11_{,98}‰) и у сѣверныхъ женщинъ—183 мм. (12_{,39}‰).

Поперечный наибольшій у южанъ—159 мм. (9_{,77}‰), у малолетнихъ южанъ—157_{,6} мм. (10_{,08}‰), у сѣверянъ—153 мм. (9_{,88}‰). У женщинъ-южанокъ—150_{,6} мм. (9_{,84}‰) и у сѣверныхъ женщинъ—150_{,7} мм. (10_{,31}‰).

По *формѣ черепа* тунгусы обѣихъ группъ принадлежать къ умѣреннымъ брахицефаламъ, уступая въ этомъ отношеніи якутамъ, у которыхъ средній головной указатель, по Н. Л. Геккеру, составляетъ 83_{,11}. У южныхъ тунгусовъ я нашелъ 82_{,69} и у сѣверянъ—81_{,39}.

Несмотря на менѣе высокій средній указатель, южн. тунгусы имѣютъ въ своемъ составѣ относительно большее число брахицефаловъ, чѣмъ якуты: у тунгусовъ особей съ указателемъ выше 80_{,00} насчитывается 81_{,60}‰ всѣхъ измѣренныхъ (86 чел.), тогда какъ у якутовъ (139 чел.)—76_{,98}‰. У сѣверныхъ тунгусовъ, наоборотъ, брахицефаловъ меньше, чѣмъ у якутовъ,—только 63_{,63}‰.

Чистые долихоцефалы отсутствуютъ во всѣхъ трехъ сравниваемыхъ типахъ, но субдолихоцефаловъ у якутовъ больше, чѣмъ у южн. тунгусовъ, и почти столько же, сколько у сѣверянъ: 8_{,63}‰ у якутовъ, 6_{,89}‰ у южн. тунгусовъ и 9_{,09}‰ у сѣв. тунгусовъ.

Мезоцефалы составляютъ значительный ‰ у сѣв. тунгусовъ—27_{,27}‰; среди якутовъ ихъ 13_{,53}‰, и среди южн. тунгусовъ только 11_{,49}‰.

На-ряду съ присутствіемъ среди якутовъ большого процента средне-и подъ-длинноголовыхъ, въ этомъ племени наблюдается присутствіе гораздо большего числа крайнихъ брахицефаловъ (указатель выше 87_{,00}), которые у южн. тунгусовъ составляютъ лишь 8_{,04}‰ всѣхъ измѣренныхъ, тогда какъ у якутовъ—15_{,11}‰. Среди сѣв. тунгусовъ самый короткоголовый субъектъ имѣлъ указатель лишь 84_{,37}.

Все это показываетъ: 1) что южн. тунгусы по формѣ головы представляютъ элементъ весьма однородный, въ которомъ 42_{,53}‰ всѣхъ особей имѣютъ указатель 83_{,00}—87_{,00} и 31_{,03}‰ остальныхъ — указатель 80_{,00}—83_{,00}, и 2) что сѣв. тунгусы,—если позволительно дѣлать выводъ на основаніи измѣреній всего 11 особей,—замѣтно отличаются въ этомъ отношеніи отъ южныхъ, обнаруживая явную наклонность къ среднеголо-

ности. Малорослые южане, какъ по величинѣ средней—82,⁶³, такъ и по распредѣленію головныхъ типовъ, весьма близки къ прочимъ южанамъ. Женщины обѣихъ группъ даютъ головной указатель одинаковой величины.

Для удобства сравненія привожу таблицу распредѣленія особей по формѣ головы (въ ‰ къ общей численности группъ):

	Средній указа- тель.	75, ³³ —78, ⁰⁰	78, ⁰¹ —80, ⁰⁰	80, ⁰¹ —83, ⁰⁰	83, ⁰¹ —87, ⁰⁰	87, ⁰¹
Южане	82, ⁶⁹	6, ⁸⁹	11, ⁴⁹	31, ⁰³	42, ⁵³	8, ⁰⁴
Малоросл. южа- не отдѣльно . .	82, ⁶³	1 суб.	10, ⁷¹	32, ²⁹	35, ⁷¹	10, ⁷¹
Сѣверяне . .	81, ³⁹	1 суб.	27, ²⁷	36, ³⁶	27, ²⁷	0
Южанки	82, ¹³	0	0	5 суб.	2 суб.	0
Сѣверянки . . .	82, ³³	0	1 суб.	0	2 суб.	0

Лицо тунгусовъ имѣетъ особый отпечатокъ, но характеризовать его особенности легче словами, чѣмъ цифрами. Преобладающій типъ южанъ характеризуется широкимъ, четырехугольнымъ или близкимъ къ этой формѣ лбомъ, у большинства мужчинъ скорѣе низкимъ, чѣмъ высокимъ, но у нѣкоторыхъ большимъ и прекрасно развитымъ въ верхней части. Брови почти у всѣхъ довольно густы и рѣзко очерчены. Надбровныя дуги болѣе или менѣе выпуклы. Глаза—узкие, но прорѣзаны прямо или почти прямо, и притомъ сидятъ довольно глубоко. Благодаря этому, корень носа не расплывается, какъ у многихъ монголовъ и якутовъ, а выдѣляется

Рис. 4. Метисъ 19-ти лѣтъ (дѣдъ—русскій, бабушка—сѣверная тунгуска).

совершенно ясно; точно также спинка носа обозначена довольно отчетливо; носъ почти у всѣхъ особей этой группы короткій, чаще всего слегка вогнутый, нерѣдко—совершенно прямой, кое-когда—прямой съ едва замѣтной горбинкой (характерный для многихъ якутовъ носъ, близкій по формѣ къ орлиному, я встрѣчалъ только у метисовъ Майскаго вѣдомства) Скулы у всѣхъ широки, но кажутся еще шире, чѣмъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ, благодаря необыкновенной впалости, такъ сказать, втянутости щекъ. Ротъ у южн. тунгусовъ очень большой, съ длинными, прямыми, въ большинствѣ случаевъ очень тонкими губами, которыя, при спокойномъ состояніи субъекта, почти всегда остаются плотно сомкнутыми. Волосы на

головѣ у всѣхъ совершенно черныя, густыя и нерѣдко длинныя. У многихъ замѣтны тонкія, длинныя, рыжеватыя усики; у пожилыхъ людей бываетъ иногда рѣденькая, рыжеватая бородка клинышкомъ или кустикомъ. Глаза у всѣхъ безъ исключенія темно-каріе, почти черныя, въ спокойномъ состояніи тускловатыя, но при возбужденіи легко разгорающіеся. Цвѣтъ лица у всѣхъ олекминцевъ очень смуглый, почти коричневый, у многихъ съ красноватымъ оттѣнкомъ; у кангаласцевъ лица тоже смуглыя, хотя и не въ такой степени, съ оттѣнкомъ чаще желтоватымъ, чѣмъ мѣдно-краснымъ (на покрытыхъ мѣстахъ кожа у всѣхъ южанъ почти такого же цвѣта, какъ у смуглыхъ русскихъ, гораздо болѣе свѣтлая, чѣмъ на лицѣ и рукахъ, и, какъ кажется, болѣе свѣтлая, чѣмъ у якутовъ).

Типъ встрѣченныхъ мною сѣверныхъ тунгусовъ (мнѣ удалось видѣть около 30 человѣкъ)—совсѣмъ иной. Цвѣтъ ихъ лица гораздо блѣдѣе, чѣмъ у южанъ, съ оттѣнкомъ желтоватымъ, у охотскихъ тунгусовъ—дымчатымъ. Лобъ, по большей части, невысокъ и нѣсколько покатъ. Нижняя челюсть очень коротка и какъ бы подтянута внутрь. Въ силу этого, наиболѣе выступаетъ средняя часть лица: короткій, широкій носъ и довольно короткая верхняя губа.

Средняя величина всей длины лица у южн. тунгусовъ—18,₅₂ сант.—почти совпадаетъ съ соотвѣтственной величиной у якутовъ Геккера—18,₆₀ сант., но по отношенію къ росту ниже якутской: 11,₃₃% у тунгусовъ и 11,₅₂% у якутовъ. Кромѣ того, у якутовъ гораздо выше процентъ особей длиннолицыхъ (20 сант. и выше), такъ что въ общемъ тунгусовъ южныхъ родовъ можно признать болѣе коротколицыми, чѣмъ якуты. Средняя длина лица у малолетнихъ южанъ—18,₂₇ сант. (11,₅₉%), у сѣверянъ—17,₇₉ сант. (11,₄₉%), у южанокъ—17,₆₉ (11,₅₆%), у сѣверянокъ—17,₃₀ (11,₇₂%).

Распределеніе особей по длинѣ лица у тунгусовъ и у якутовъ представляетъ такія отличія (въ %):

	Ниже 16 сант.	16, ₀ —16, ₉	17, ₀ —17, ₉	18, ₀ —18, ₉	19, ₀ —19, ₉	20 и вы- ше.
Южные тунгусы .	0	4, ₇₆	20, ₂₄	44, ₀₅	22, ₆₂	8, ₃₃
Сѣверные тунгусы.	0	18, ₁₈	36, ₃₆	36, ₃₆	9, ₀₉	0
Якуты	2, ₁₆	2, ₈₈	20, ₁₄	35, ₉₇	23, ₇₄	15, ₁₁
Южанки	0	0	5 суб.	2 суб.	0	0
Сѣверянки	1 суб.	0	1 суб.	1 суб.	0	0

Наибольшій поперечникъ лица у южн. тунгусовъ (разстояніе скуловыхъ дугъ)—въ среднемъ 151 мм.—приблизительно равенъ поперечнику якутовъ—150 мм., но по отношенію къ росту этотъ діаметръ составляетъ

у южн. тунгусовъ $9,28^{0/}_{0}$, у якутовъ — $9,30^{0}_{0}$, у сѣверянъ — 141 мм. ($9,11^{0/}_{0}$), у малорослыхъ южанъ — 146,4 мм. ($9,34^{0/}_{0}$), у южныхъ женщинъ — 146 мм. ($9,34^{0/}_{0}$) и у сѣверныхъ женщинъ — 138 мм. ($9,35^{0/}_{0}$), т.-е. въ предѣлахъ одной группы у женщинъ онъ шире, чѣмъ у мужчинъ, у малорослыхъ шире, чѣмъ у высокихъ, но у сѣверянъ, несмотря на ихъ малорослость, уже, чѣмъ у южанъ.

Одинаковость средней ширины лица у южныхъ тунгусовъ и у якутовъ могла бы подать поводъ къ невѣрному заключенію о полномъ сходствѣ этого признака у обѣихъ народностей; на самомъ же дѣлѣ широкоскость составляетъ для южн. тунгусовъ гораздо болѣе общій и характерный признакъ, чѣмъ для якутовъ, у которыхъ, по опредѣленію Н. Л. Геккера, $10,07^{0/}_{0}$ всѣхъ измѣренныхъ имѣли скуловой діаметръ ниже 140 мм., тогда какъ среди южн. тунгусовъ особей съ такой умѣренной шириною скулъ нѣ встрѣтилось вовсе; съ другой стороны, среди южн. тунгусовъ я нашелъ $66,66^{0/}_{0}$ особей, обладающихъ скуловымъ діаметромъ 150 мм. и болѣе, между тѣмъ какъ среди якутовъ такія особи составляютъ лишь $36,04^{0/}_{0}$ всѣхъ измѣренныхъ.

Распределеніе особей по ширинѣ скулъ среди различныхъ группъ (въ $^{0/}_{0}$):

	Ниже 140 мм.	140—144	145—149	150—154	155.....
Якуты	10,07	17,27	26,62	29,49	16,53
Южные тунгусы	0	9,52	23,81	41,66	25,00
Сѣверные тунгусы	18,18	54,35	18,18	9,09	0
Южанки	0	3 суб.	2 суб.	1 суб.	1 суб.
Сѣверянки.	1 суб.	2 суб.	0	0	0

Лицевой указатель южн. тунгусовъ, какъ этого естественно ожидать послѣ разсмотрѣнія двухъ предыдущихъ величинъ, выше, чѣмъ у якутовъ: у южн. тунгусовъ—81,52, у якутовъ—80,68, у сѣверянъ—79,25, у южанокъ — 82,49 и у сѣверянокъ — 79,77. Въ обѣихъ группахъ женщины такимъ образомъ оказываются болѣе широколицыми, чѣмъ мужчины.

Нижній діаметръ лица (разстояніе между углами нижней челюсти) вполне гармонизируетъ съ верхнимъ, т.-е. обнаруживаетъ такія же соотношенія: у южн. тунгусовъ—11,72 сант. ($7,01^{0/}_{0}$), у малорослыхъ южанъ—11,51 сант. ($7,34^{0/}_{0}$), у сѣверянъ—11,20 сант. ($7,24^{0/}_{0}$), у южныхъ тунгусокъ—11,02 сант. ($7,20^{0/}_{0}$) и у сѣверянокъ—10,70 сант. ($7,25^{0/}_{0}$).

Разстояніе между внутренними углами глазъ у тунгусовъ обѣихъ группъ мало отличается по своимъ абсолютнымъ величинамъ, но по отношенію къ длинѣ лица у сѣверянъ оказывается гораздо больше: у южанъ мы находимъ 3,14 сант. или $16,75^{0/}_{0}$ длины лица, у сѣверянъ—

3,24 сант. или 18,21%, у малорослыхъ южанъ—3,19 сант. или 17,53%, у южанокъ—3,21 сант. или 18,14% и у сѣверянокъ—3,30 сант. или 19,18%.

Для того, чтобы легче ориентироваться въ разрозненныхъ цифрахъ, я свожу въ общую таблицу всѣ данныя объ относительной величинѣ признаковъ у различныхъ родовыхъ группъ, принимая за единицу высоту роста каждой группы, а для лицевыхъ поперечниковъ — всю длину лица.

ИЗМѢРЕНІЯ.		Хахагынцы (7 суб.).	Киндигирцы (6 суб.).	Эжанцы (7 суб.).	Беллетцы (43 суб.).	Буягирцы (10 суб.).	Запад. канга- ласцы (12 суб.).	Всѣ южане (85 суб.).	Малорослые от- дѣльно (28 суб.).	Сѣверные (11 суб.).	Южанки (7 суб.).	Сѣверянки (3 суб.).
Въ доляхъ роста. Въ доляхъ лица.	Ростъ	1679	1646	1629	1617	1622	1623	1627	1567	1548	1530	1476
	Головной указатель . . .	82,29	83,66	82,96	82,94	82,34	82,02	82,69	82,63	81,39	82,15	82,33
	Высота головы	13,16	13,41	12,91	13,39	13,19	12,26	13,21	13,48	13,40	14,10	14,48
	Горизонт. окружность . .	34,78	33,84	36,14	34,83	34,48	34,79	34,52	35,06	36,39	36,03	37,72
	Передне-задній діаметръ	11,72	11,42	11,88	11,88	11,79	11,93	11,80	12,16	12,14	11,98	12,39
	Поперечный наиб. діам.	9,64	9,54	9,86	9,85	9,72	9,79	9,77	10,06	9,88	9,84	10,21
	Длина лица	10,71	11,12	11,72	11,34	11,47	11,66	11,38	11,59	11,49	11,16	11,72
	Рука	44,06	44,99	45,63	44,48	44,06	45,09	44,44	44,42	45,87	44,11	44,97
	Нога	55,44	54,28	58,19	56,06	56,62	56,36	56,18	56,58	55,06	56,03	55,53
	Высота темени (при сид. пол.)	51,81	53,85	53,69	—	—	—	53,06	—	53,23	—	54,21
	Грудь	53,43	53,56	55,34	55,22	53,37	54,23	54,58	55,44	54,81	56,81	57,33
	Плечи	—	—	22,08	22,57	22,12	22,38	22,37	21,91	22,48	22,41	21,76
	Тазъ	—	—	16,14	17,65	17,26	17,37	17,33	17,00	17,23	19,22	18,18
	Скуловой діаметръ . . .	84,44	82,07	78,88	82,57	81,19	79,38	81,33	80,44	79,26	82,53	79,77
	Челюстной діаметръ . .	68,17	66,30	61,20	63,85	61,37	60,73	63,28	63,24	62,96	62,29	61,85
	Межглазничное разст. .	20,06	16,74	18,92	17,39	16,17	16,44	16,95	17,33	18,21	18,44	19,08

Слагая пропорціи, характеризующія отдѣльныя группы измѣренныхъ, мы видимъ, что малорослые южане приближаются къ сходнымъ съ ними по

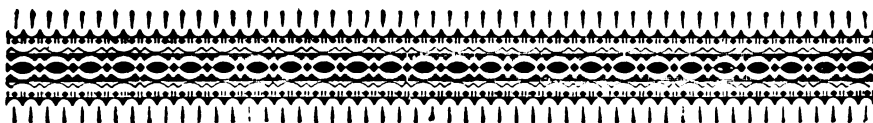
росту сѣверянамъ относительною величиною головы, причемъ различія въ относительной величинѣ, повидимому, находятся въ зависимости лишь отъ разницы роста. По пропорціямъ лица малорослые южане занимаютъ среднее мѣсто между своими южными сородичами и сѣверянами. Но относительная величина рукъ и ногъ и головной указатель малорослыхъ южанъ совершенно таковъ же, какъ и у прочихъ южанъ, а потому разницу въ относительной величинѣ этихъ признаковъ между южанами и сѣверянами нельзя свести къ одному лишь различію этихъ группъ по ихъ рослости. Неодинаковость расоваго состава обоихъ сравниваемыхъ элементовъ, какъ мнѣ кажется, является наиболѣе естественнымъ предположеніемъ для объясненія такихъ различій.

Предположеніе это находитъ себѣ сильную поддержку въ географическомъ распредѣленіи типовъ: крѣпко сложенный, среднерослый, умѣренно-короткоголовый элементъ наиболѣе замѣтенъ въ тунгусскомъ населеніи Маньчжуріи, средняго Амура и правыхъ притоковъ Лены (почти сплетающихся въ своихъ верховьяхъ съ лѣвыми притоками средняго и верхняго Амура), тогда какъ элементъ малорослый,—а по моимъ наблюденіямъ—въ то же время менѣе брахицефальный и менѣе скуластый,—по отзывамъ путешественниковъ, особенно характеренъ для тунгусовъ приморскаго края, при-ангарскаго, енисейскаго и сѣвернаго. Судя по этимъ отзывамъ, среднерослый элементъ составляетъ какъ бы ядро, окруженное по краямъ элементомъ малорослымъ. Такой фактъ наводитъ на мысль о смѣшеніи тунгусовъ въ ихъ поступательномъ движеніи съ Амура на сѣверъ, сѣв.-востокъ и сѣв.-западъ съ болѣе древними, малорослыми племенами, остатки которыхъ на крайнемъ сѣв.-востокѣ Азіи akad. Шренкъ видитъ въ изолированныхъ и малочисленныхъ нынѣ народностяхъ, оттѣсненныхъ въ тундры и на окраины материка (таковы: юкагиры, чуванцы, ителмены, айносы, гиляки). Всѣ эти народности говорятъ на совершенно различныхъ языкахъ, всѣ онѣ, по преданіямъ, а частью и по достовернымъ свидѣтельствамъ, были въ старину гораздо многочисленнѣе, чѣмъ теперь, а по мѣстамъ своего обитанія онѣ должны были соприкасаться съ тунгусами и болѣе или менѣе обмѣниваться съ ними кровью и элементами языка и культуры. Разнообразіе лексическаго состава тунгусскихъ нарѣчій (Кастренъ, Миддендорфъ, Спасскій, Герстфельдтъ) и широкія различія въ уровнѣ культуры (полудикіе олениводы и звѣроловы сѣвера съ одной стороны, и полуцивилизованное населеніе тунгусскихъ княжествъ, разгромленныхъ Хабаровымъ на Амурѣ,—съ другой) даютъ послѣднія основанія для увѣренности въ разнородности расоваго состава тунгусскихъ племенъ.

Въ противоположность ассимиляціи чуждыхъ народностей, очевидно, имѣвшей мѣсто въ прежнее время, въ теченіе послѣдняго столѣтія слишкомъ разсѣявшійся тунгусскій элементъ, денационализируясь подъ рус-

скимъ, якутскимъ и бурятскимъ вліяніемъ, оказываетъ замѣтное воздѣйствіе на образованіе современнаго типа якутовъ, бурятъ и русскихъ сибиряковъ дальнихъ окраинъ Вост. Сибири. Этотъ послѣдній процессъ,—поглощеніе тунгусовъ болѣе силовыми и сильными народностями,—идетъ настолько быстро, что, по всей вѣроятности, тунгусскій языкъ и національное самосознаніе угаснутъ въ неособенно далекомъ будущемъ, несмотря на то, что, по своимъ физическимъ свойствамъ, насколько я могъ выяснить, тунгусское племя вполне жизнеспособно, а въ духовномъ отношеніи,—какъ видно хотя бы на примѣрѣ маньчжуровъ,—несомнѣнно принадлежитъ къ числу хорошо одаренныхъ и воспріимчивыхъ къ высшей культурѣ.

И. И. Майновъ.

ГАЛЬЧА.

(Первобытное населеніе Туркестана).

Вопросъ о первобытномъ населеніи Туркестана до сихъ поръ не возбуждалъ никакихъ споровъ. Лейтенантъ Борнсъ, одинъ изъ первыхъ европейскихъ путешественниковъ въ Бухару, говорить, что «первобытные жители Туркестана суть таджики или таты, иногда, хотя ошибочно, называемые сартами, что собственно служить насмѣшливымъ именемъ, которое придаютъ имъ кочующія племена. Въ отдаленныя времена воинственные турки, пришедшіе съ сѣвера, сокрушили власть этого народа, а потомъ междоусобіа ослабили его еще болѣе». Того же мнѣнія придерживался и Вамбери, а съ его голоса стали повторять это и позднѣйшіе путешественники. Только Пашино остался при особомъ мнѣніи: «таджики,—пишетъ онъ,—кровные персы, попавшіе сюда въ новѣйшія времена и укоренившіеся здѣсь».

Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ теперешній равнинный Туркестанъ, таджики имѣютъ болѣе всего правъ на титулъ аборигеновъ страны: объ узбекахъ и киргизахъ мы имѣемъ довольно точныя историческія свѣдѣнія,—мы знаемъ время появленія ихъ въ предѣлахъ Туркестана; есть у насъ свѣдѣнія и о возникновеніи поселковъ арабовъ и еврейскихъ кварталовъ, и о появленіи тѣхъ персидскихъ выходцевъ изъ Мерва, которые утратили свой языкъ, смѣнивъ его на узбекскій, но сохранили вѣру, оставшись шитами, и, въ силу этого, подъ названіемъ «ираны», выдѣлились изъ среды таджикскаго населенія, родственнаго имъ, можетъ быть, по крови; цыгане—люди и мазанги признаются несомнѣнно пришлымъ населеніемъ; остаются, слѣдовательно, только таджики, которые и сами считаютъ себя аборигенами страны. Къ тому же отсутствіе монголоидныхъ признаковъ въ типѣ, ихъ иранскій языкъ,—все говоритъ за то, что передъ нами потомки аріевъ и парапамисидовъ IV в. до Р. X.

Что значитъ слово «таджикъ»? Много было сдѣлано по этому поводу догадокъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, догадокъ, которыхъ мы не будемъ здѣсь приводить, такъ какъ въ настоящее время можетъ считаться твердо установленнымъ объясненіе этого слова, данное г. Бартольдъ. Г. Бартольдъ указываетъ, что первоначально персы называли таджиками завоевателей арабовъ, а потомъ распространили это названіе на соплеменниковъ, принявшихъ исламъ. Тюрки стали называть таджиками все туземное населеніе мусульманской вѣры, безъ различія происхожденія. Когда арабы слились съ туземцами, «таджикъ» сталъ терминомъ этнографическимъ, а подъ влияніемъ тюрковъ, сами персы стали называть себя этимъ именемъ, переставъ примѣнять его къ арабамъ. Въ этомъ истолкованіи намъ особенно цѣнно выраженіе «безъ различія происхожденія». Значитъ, таджики—терминъ собирательный; значитъ, сначала это былъ, можетъ быть, цѣлый рядъ племенъ, различныхъ по крови, но объединенныхъ религіей, и названіе это носило чисто религіозный характеръ; затѣмъ, при дальнѣйшемъ сліяніи этихъ первоначальныхъ народностей, выработался тотъ новый, общій типъ, носителемъ котораго является ясно сложившееся племя, которое мы встрѣчаемъ теперь на равнинахъ Туркестана и которое носитъ то же названіе—«таджики», но въ другомъ уже, специально племенномъ, значеніи.

Принимая это объясненіе, мы тѣмъ самымъ признаемъ смѣшанное происхожденіе мнимыхъ аборигеновъ края, а такъ какъ смѣшеніе произошло настолько давно и настолько полно, что получился такой однообразный и яркій типъ, какъ типъ теперешнихъ таджиковъ, мы должны отказаться отъ мысли путемъ антропологическихъ измѣреній опредѣлить элементы, принимавшіе участіе въ образованіи этой народности.

Эта выдержанность типа и вводила въ заблужденіе изслѣдователей, и формула г. Бартольда не находила себѣ, поэтому, отклика, пока горный Туркестанъ оставался *terra incognita* для антропологовъ. Что въ горахъ, въ мѣстностяхъ наиболѣе изолированныхъ, типъ сохраняется въ наибольшей чистотѣ—это не новость. Поэтому всѣ писавшіе о Туркестанѣ, принимая, что въ основу таджикской народности легъ одинъ народъ, который, путемъ смѣшенія съ прибывавшими племенами (и смѣшенія довольно случайнаго характера), выработалъ свой теперешній типъ, — выдвигаютъ на первый планъ горцевъ, какъ типичныхъ таджиковъ.

Но если объясненіе г. Бартольда вѣрно, то не таджикскій чистый типъ найдемъ мы въ горахъ, а тѣ, въ разрозненномъ видѣ, элементы, которые, смѣшиваясь въ равнинѣ, дали теперешнее племя таджиковъ. Вѣдь, при вторженіи завоевателей, не всѣ аборигены страны пали и не всѣ покорились. Часть ихъ должна была отступить, уйти въ горы, разсыпаться по ущельямъ. Движеніе въ горы, вызываемое недостаткомъ культурной земли въ Туркестанѣ, не затихло и теперь. Таджики, уже сложив-

шимся племенемъ, тоже отступали подъ напоромъ тюрковъ, и наиболѣе доступныя горныя долины заняты теперь ими. Но подымитесь выше, къ снѣжнымъ вершинамъ, гдѣ скудна природа, гдѣ суровъ климатъ, гдѣ хлѣбъ приходится добывать такимъ чудовищнымъ трудомъ, что о немъ трудно себѣ составить даже приблизительное понятіе,—словомъ, въ мѣстности, куда только необходимость или любовь къ свободѣ могли загнать людей,—всюду вы найдете рядъ небольшихъ племенъ, и по нарѣчіямъ, и по типу отличныхъ другъ отъ друга и отъ равнинныхъ таджиковъ,—племенъ, которыхъ мы не имѣемъ права называть таджиками и которыхъ сами таджики называютъ «гальчей».

Слово это считается синонимомъ слова «горный таджикъ». «Горные таджики, или гальча», пишутъ этнографы, давая этому термину самыя разнообразныя толкованія, подчасъ самаго произвольнаго характера. Такъ Гребенкинъ производитъ его отъ слова «галь» (хлѣбъ) и переводитъ «возящій хлѣбъ», потому что, по его словамъ, у горцевъ не хватаетъ хлѣба, и они ввозятъ его изъ сосѣднихъ областей. Но если у туземцевъ мало хлѣба, то денегъ у нихъ еще меньше; поэтому, они ѣдятъ крутъ, горохъ, хлѣбные суррогаты всякаго рода, голодаютъ и, бываетъ, цѣлыми поселками вымираютъ отъ голоднаго тифа, но за хлѣбомъ ѣздятъ довольно-таки рѣдко, такъ какъ даромъ хлѣбъ раздавали, насколько мнѣ извѣстно, только одинъ разъ, во время Анзобской чумы, да и то только на Ягнобѣ. Другое объясненіе, болѣе поэтическое, но еще болѣе произвольное, далъ Уйфальви: по его словамъ, «гальча»—это вороны, которыхъ голодъ загналъ въ горы. Намъ кажется, что не зачѣмъ трудиться придумывать объясненіе слову, которое цѣлкомъ имѣется въ таджикскомъ языкѣ (фальгарскомъ нарѣчіи) и значить: «чужой, посторонній». Составилось оно, по словамъ туземцевъ, изъ «гались» и «ча», что значить «говорящій грубо»; при дальнѣйшемъ развитіи слово это получило свой настоящій смыслъ: оно носитъ тотъ оттѣнокъ, который грекъ вкладывалъ въ слово «варваръ»,—нѣсколько обидный, презрительный оттѣнокъ. Такимъ образомъ терминъ этотъ носитъ тотъ же собирательный характеръ, что и терминъ «таджикъ» въ былое время. Для самаркандца, считающаго себя «солью земли и свѣтомъ міру», все горное населеніе уже «гальча». Подымитесь по Заравшану,—за Пенджкентомъ начинаются уже горы, слѣдовательно, населеніе—горные таджики или гальча. Но если назвать какого-нибудь туземца гальчей, онъ смертельно обидится. Отвѣтъ будетъ у всѣхъ одинъ: «мы—не гальча, гальча—это на Ягнобѣ, это—въ Матчѣ, тамъ дурные таджики, а мы—не гальча».

Характерно, что въ горахъ слово «таджикъ» сохранило еще, видимо, свой первоначальный религіозный смыслъ. По крайней мѣрѣ, въ восточномъ Дарвазѣ, въ Рошанѣ, въ Шугланѣ намъ неоднократно приходилось слышать выраженіе: «мы недавно сдѣлались таджиками», чѣмъ указывалось на ихъ недавнее, сравнительно, обращеніе въ исламъ.

Мы видимъ, что употребленіе терминовъ: «таджики» и «гальча», настолько спутано, что, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, мы должны точно установить, что мы будемъ называть этими именами. *Таджиками* мы будемъ называть племя, населяющее равнины и широкія горныя долины Туркестана,—племя, обладающее ясно очерченнымъ типомъ и происшедшее путемъ того сліянія первоначальныхъ народностей, о которомъ мы уже говорили. Это будетъ терминъ этнографическій. Что же касается *гальчи*, то мы объединимъ этимъ именемъ всѣ тѣ остатки прежняго населенія, отъ родства съ которыми отказываются сами таджики (хотя до настоящаго времени они и носятъ названіе „горныхъ таджиковъ“) и отмѣтимъ, что на основаніяхъ, приведенныхъ выше, терминъ этотъ этнографическаго значенія не имѣетъ. Принимая для таджиковъ вышеуказанное значеніе, мы видимъ, что отождествлять горныхъ таджиковъ съ гальчей нельзя; одно изъ двухъ: или «таджики» — племя, и тогда гальчи — не таджики, или таджики — терминъ собирательный, а этого допускать не зачѣмъ, разъ мы привыкли называть этимъ именемъ народъ съ рѣзко-опредѣленнымъ типомъ.

Мы уже сказали, что группа племенъ, которую мы объединяемъ словомъ «гальча», содержитъ въ разрозненномъ видѣ тѣ элементы, изъ которыхъ, повидимому, сложилась таджикская народность. Антропометрическія работы, которыя намъ удалось произвести во время пяти поѣздокъ въ Среднюю Азію (въ 1895—1899 гг.), дали возможность опредѣлять 5 основныхъ типовъ, подъ которые можно подвести горцевъ того лабиринта, который заполняетъ юго-восточную часть Туркестана и смыкается съ Гималаями.

Въ этой статьѣ мы коснемся только общихъ выводовъ; болѣе детальную разработку и анализъ физическихъ признаковъ населенія Туркестана мы отложимъ до окончательной разработки добытыхъ нами матеріаловъ.

1) Племена арабскаго типа.

Къ нимъ относятся туземцы Фанскаго ущелья (Самаркандской обл.), называющіе себя таджиками, говорящіе по-таджикски, но сохранившіе въ достаточной чистотѣ свой арабскій типъ и даже свое родовое названіе: «мы—рода Маликэ», говорятъ они ¹⁾. Если мы не ошибаемся, этотъ родъ и посейчасъ есть среди арабовъ. Тотъ же родъ Маликэ нашли мы въ Гиссарскомъ бекствѣ (Бухарское ханство), въ мѣстности Дагана, куда они перешли лѣтъ 200 тому назадъ изъ Бальджуана; выйдя на болѣе доступную мѣстность, эти Маликэ мало-по-малу начинаютъ смѣшиваться съ сосѣдями-узбеками рода Лакай, и кое-какіе монголовидные признаки уже

¹⁾ У равнинныхъ таджиковъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ родовыхъ подраздѣленій.

начинают проскальзывать въ типѣ. Но, въ общемъ, сходство съ фанцами огромно: тѣ и другіе—высокаго роста, стройнаго, сухого сложенія, съ сильно развитыми конечностями; кожа—темно-смуглая; волосы—черные, часто волнистые; глаза—съ типичнымъ европейскимъ разрѣзомъ, темно-каріе, подъ красиво очерченными бровями; правильный носъ, очень часто съ горбинкой; прямыя, тонкія губы; зубы—небольшіе, плотные, очень часто стертые отъ неумѣреннаго употребленія сухихъ плодовъ.

Третье небольшое племя арабовъ, сходное по типу съ Маликэ, но называющее себя арабами (курайшиты), находится въ долинѣ р. Ёгъ-су. Эти арабы отступили въ горы подъ напоромъ тюрковъ уже въ новѣйшія времена и не принадлежатъ къ древнему населенію Туркестана.

2) Племена еврейскаго типа.

Этотъ типъ пользуется значительнымъ распространеніемъ. Аванцы прямо признаютъ свое еврейское происхожденіе, но о нихъ мы говорить не будемъ, такъ какъ наши измѣренія аванцевъ носятъ весьма случайный характеръ и не даютъ намъ права говорить о всѣхъ племенахъ, говорящихъ языкомъ «пушту». Въ собственномъ Туркестанѣ отдѣльныя общины съ ясно выраженнымъ еврейскимъ типомъ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ какъ Зарявшанскихъ горъ, такъ и Гиссара, Каратегина. Особенно ясенъ этотъ типъ въ верховьяхъ Зарявшана, въ Матчинской волости, Самаркандской обл., но нигдѣ онъ не выраженъ съ такой силой и полнотой, какъ въ Язгулонѣ, въ восточномъ Дарвазѣ. Мѣстность эта настолько интересна, что мы позволимъ себѣ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Долина р. Язгулона (одного изъ правыхъ притоковъ Пянджа, верхней Аму-дарьи) лежитъ между Ванжемъ и Рошаномъ. Населеніе ея въ среднемъ теченіи—таджики, въ нижнемъ — особое племя — язгулоны. На первый взглядъ кажется страннымъ, что верховья и среднее теченіе рѣки заняты таджиками, а низовья язгулонами, представляющими, несомнѣнно, остатки значительно болѣе древняго населенія. Объясняется это тѣмъ, что таджики двигались по караванному пути, идущему черезъ эту долину изъ Рошана въ Дарвазъ, черезъ кишлакъ Андергобъ на перевалъ Хушканъ съ одной стороны, и Шидъ-ок-ба — съ другой. Здѣсь-то, около дороги, и осѣли таджикскіе переселенцы, которыхъ ничто не манило въ низовья рѣки. Не могла привлечь ихъ туда почва, скудная, заваленная обломками скалъ (вслѣдствіи многочисленныхъ, частыхъ обваловъ); не могла особенно привлекать и близость авганской границы; да, наконецъ, немного переселенцевъ и выслала сюда Средняя Азія. Большая часть ихъ осѣдала раньше, въ болѣе счастливыхъ мѣстностяхъ, а большая часть тѣхъ, которые доходили сюда, предпочитала идти дальше, пробиралась въ Читраль, Индію или богатый Бадахшанъ. Въ теченіе 8—9 мѣсяцевъ въ году, когда пере-

валы закрыты, отрѣзанные отъ сообщенія съ окружающимъ міромъ, язгулонцы были въ значительной степени гарантированы отъ всякаго рода безпокойствъ. Звонъ оружія, въ теченіе вѣковъ раздававшійся въ равнинахъ Туркестана, не долеталъ сюда. Этой бѣдной страны не надо было никому, — сосѣди ихъ не трогали. Такимъ образомъ они были совершенно ограждены отъ смѣшенія, и если языкъ ихъ принялъ нѣкоторыя таджикскія слова, если они пополнили недостававшія у нихъ понятія, заимствовавъ ихъ у таджиковъ, то не заимствовали у нихъ крови, и такимъ путемъ дошелъ до насъ тотъ въ высокой степени интересный типъ, который поражаетъ глазъ путешественника въ кишлакахъ Ниж. Язгулона, отъ Яр-газана до кишлака Mothra, крайняго кишлака В. Дарваза.

Изъ путешественниковъ сюда, кажется, никто не заглядывалъ; по крайней мѣрѣ, ни лингвисты, ни антропологи ничего о нихъ не говорятъ, да и туземцы Ниж. Язгулона утверждаютъ, что не видали европейцевъ. Причина этого — отдаленность мѣстности отъ проѣзжей дороги; если бы перевалъ Шидъ-ок-ба не закрылся раньше времени, и намъ не пришлось бы, бросивъ вьюки и лошадей, пробираться въ Рошанъ пѣшкомъ, по прибрежнымъ скаламъ Пянджа, вѣроятно, и мы проѣхали бы мимо этой интересной мѣстности. Шесть кишлаковъ заняты язгулонцами. Сакли, сложенные изъ камней, изъ обломковъ скалъ, безъ цемента, низкія, закопченныя, непривѣтливныя, ютятся на берегу веселой, шумливой рѣчки, почти исчезая въ зелени садовъ, охватывающихъ поселки. При вѣздѣ въ кишлаки васъ окружаетъ толпа туземцевъ всѣхъ возрастовъ: дѣти, совершенно голые, или съ легкой опояской у бедеръ, мужчины въ самыхъ фантастическихъ костюмахъ: то въ подобіи халатовъ, изъ грубой сѣрмяги, съ головой, обернутой обрывкомъ ткани, то полуобнаженные, съ перекинутой черезъ плечо звѣриной шкурой, съ луками въ рукахъ; наконецъ, медленные, важные старики съ длинною бородою, съ изогнутыми посохами, — настоящіе ветхозавѣтные патріархи. Женщины, въ первую минуту скрывшіяся, почти тотчасъ появляются снова; то тамъ, то здѣсь вы видите бѣлыя или цвѣтныя рубахи ихъ, открытыя, не лишеныя извѣстной пріятности, лица. Онѣ спокойно принимаютъ за прерванную работу.

Еврейскій типъ выраженъ у всѣхъ съ поразительной яркостью. Это тѣмъ болѣе интересно, что заподозрѣть ихъ въ семитическомъ происхожденіи прямо невозможно. Въ данномъ случаѣ намъ приходится опереться и на лингвистическія данныя. Хотя языкъ и относится къ области наиболѣе неустойчивыхъ признаковъ, хотя именно въ Средней Азіи мы находимъ разительные примѣры этому (арабы и персы, говорящіе по-узбекски и совершенно забывшіе свой языкъ), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ языкъ является настолько, если можно такъ выразиться, первобытнымъ, что заподозрѣть говорящій на немъ народъ въ заимствованіи является немыслимымъ. Именно такимъ народомъ, такимъ племенемъ и являются

язгулонцы. Составленный нами краткій словарь ихъ языка переданъ академику К. Г. Залеману, который сообщилъ намъ пока только общіе выводы: нарѣчіе это до настоящаго времени было неизвѣстно, относится къ восточно-иранскимъ нарѣчіямъ, къ т. наз. памирской группѣ языковъ и, вѣроятно, близко съ шугнанскимъ; нарѣчіе во всякомъ случаѣ весьма древнее. Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько словъ этого нарѣчія, параллельно съ шугнанскимъ и таджикскимъ, на которыхъ говорятъ сосѣди.

Язгулонское.		Шугнанское.	Таджикское.
отецъ	дедъ	дад, дод	патаръ
мать	нанъ	нанъ	mother
дочь	thogd	рѣзинъ	духтаръ
я	азъ	уазъ	мынъ
ты	тау	то	ту
онъ	у	іе	Baj, y, i, jo
мы	аксаръ	мамъ	моho
1	ук	йивъ	јак
2	thoy	thoюнъ	ду
3	thuy	арай	се
4	чир	цаворъ	чоръ
5	пинчъ	пинth	пяндж
6	фhy	хоу	шашъ
7	хуфтъ	(в) уфтъ	хафтъ
8	ухтъ	уаштъ	hаштъ
9	ну	ноу	ну
10	thyc	thисъ	дах
20	взасть	thothucъ	бистъ.
30, 40 и т. д. по-таджикски.			
ячмень	куски	чуштъ	арпа
мужъ	уэхъ	чаръ	
домъ	кудтъ	читъ	
соль	хыръ	намакъ	намакъ.
лобъ	пханай	пешона.	

Питаются язгулонцы плохо: риса нѣтъ, даже соли нѣтъ. Главная и почти единственная пища—тутъ (шелковица) и горохъ, воздѣлываемый въ небольшомъ количествѣ. Лепешку найти довольно трудно. Чаше на столѣ язгулонца встрѣтишь мясо, которое добывается охотой; стрѣляютъ изъ своихъ луковъ (пращевыхъ) туземцы мастерски.

Женятся рано, около 18—20 л., не позже. Дѣвушки выходятъ замужъ очень поздно для Средней Азіи, лѣтъ 16—20, иногда позже. Кровные браки часты. Мулла явился къ нимъ сравнительно недавно; до тѣхъ поръ превосходно обходились безъ него, довольствуясь согласіемъ и благословіемъ родителей. Женщины нисколько не дичатся; жена хозяина даже спала въ одной комнатѣ съ нами. Женскій типъ значительно красивѣе

мужского. Значительная примѣсь этого же еврейскаго типа замѣчается въ Рошанѣ и Бадахшанѣ, отчасти и Шугнанѣ.

3) *Племена славянскаго типа.*

Къ нимъ нужно отнести часть населенія Сѣв. Каратегина и Дарваза и часть горцевъ Вахана, въ Ю. Памирахъ. Говорятъ, въ Вахія-Боло, одной изъ областей Дарваза, тоже есть цѣлые поселки горцевъ этого типа, но намъ не пришлось быть тамъ лично. Горцы эти отличаются свѣтлорусыми, довольно часто рыжеватыми, волосами, голубыми или сѣрыми глазами и тѣлосложеніемъ въ высокой степени напоминаютъ нашихъ крестьянъ-великоруссовъ.

4) *Племена армянскаго типа*

на р. Ягнобѣ, въ Самаркандской области и въ Сѣв. Гиссарѣ и Каратегинѣ, т.-е. по ту сторону Гиссарскаго хребта.

5) *Племена восточно-иранскаго типа,*

которыя, повидимому, принимали наибольшее участіе въ образованіи таджикской народности, пользуются громаднымъ распространеніемъ во всей нагорной части Туркестана и относятся къ «альпійской расѣ», которая распространена теперь въ горахъ Европы. Наши изслѣдованія убѣдили насъ въ безусловной связи, по типу, горцевъ Европы съ нашими восточно-иранскимъ типомъ. Европа и Азія, раздѣленныя обширными равнинами Россіи, имѣютъ, такъ сказать, этапный пунктъ, въ которомъ естественныя условія позволили до настоящаго времени удержаться остаткамъ племенъ, передвигавшихся изъ Азіи въ Европу или изъ Европы въ Азію черезъ южныя степи. Этотъ пунктъ — Кавказъ ¹⁾, и несомнѣнно подробное антропологическое изслѣдованіе племенъ, населяющихъ его горный лабиринтъ, позволитъ намъ со-временемъ связать въ одну семью народы Азіи и Европы не-монгольской крови. Въ данномъ случаѣ промежуточное звено между горцами восточно-иранскаго типа и горцами альпійскаго типа Европы уже найдено, это—осетины. Выводы антропологіи подтверждаетъ и лингвистика. Осетинскій языкъ, по заключенію акад. Залемана, близко подходитъ къ языку ягнобской гальчи, являющейся одной изъ наиболѣе яркихъ народностей вост.-иранскаго типа. Къ этой ягнобской гальчѣ мы теперь и перейдемъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ягнобъ—узкая долина между Гиссарскимъ и Туркестанскимъ хребтами, на границѣ Гиссара, — была совершенной почти terra incognita, и только чума, появившаяся въ 1898 г. въ одномъ изъ ея кишлаковъ (Анзобъ), доставила ей извѣстность. До этого

¹⁾ Второй этапный пунктъ, вѣроятно, — Алтай (для шедшихъ съ сѣвера ордъ).

времени онъ почти не посѣщался путешественниками; даже мѣстная администрація заглядывала настолько рѣдко въ эту, правда, трудно доступную долину, что ягнобцы до чумы считали себя независимыми. Мнѣ пришлось быть въ составѣ чумного отряда на Ягнобѣ, и туземцы, знакомые мнѣ по прежнимъ поѣздкамъ, засыпали меня вопросами, что будетъ съ ними теперь, когда ихъ «забрали» русскіе. На мое утверждение, что они уже давно русскіе подданные, они недовѣрчиво шелкали языками и не слишкомъ вѣрили этому.

Невесела долина Ягноба—узкая, сдавленная горами, сложенными преимущественно изъ слюдяныхъ сланцевъ, являющихся то въ видѣ мощныхъ кристаллическихъ слоевъ, то въ видѣ разрушенныхъ, разбитыхъ на плиты обваловъ. Изрѣдка—выходы известняка; на среднемъ теченіи р. Ягноба, у кишлака Петипъ, мы наблюдаемъ мощное развитіе глинъ; окрестности Анзоба сложены изъ конгломерата. Въ горахъ есть каменный уголь, квасцы, гипсъ. Растительность не богата. Засѣянные поля, которыхъ, впрочемъ, немного, смѣняются иногда небольшими рощами фісташковыхъ деревьевъ или березъ и дикихъ вишенъ; впрочемъ, послѣднія даже и деревомъ нельзя назвать, такъ какъ верхушки ихъ ствола доходятъ до колѣнъ всадника, не выше. Много барбарису, какъ вообще всюду въ горахъ. Шиповникъ мѣстами образуетъ густыя заросли, черезъ которыя съ трудомъ пробирается лошадь. Но все это не можетъ сгладить общаго характера долины, который остается печальнымъ и угрюмымъ. Общая мрачность поддерживается и тучами, которыя почти постоянно висятъ надъ Ягнобомъ.

Лингвисты узнали о гальчѣ Ягноба раньше антропологовъ. Акад. К. Г. Залеманъ опредѣлилъ, что языкъ ягноба—«ягноби», какъ говорятъ лингвисты,—распадается на два нарѣчія. Оба они относятся къ группѣ памирскихъ языковъ и оба являются изолированными отъ остальныхъ нарѣчій Рошана, Шугнана, Вахана и др., имѣющихъ извѣстную связь между собой. Ближе всего эти нарѣчія, по заключенію г. Залемана, подходятъ къ осетинскому языку ¹⁾.

¹⁾ Первый далъ понятіе о нарѣчіяхъ гальча англичанинъ Шау (Schaw), труды котораго о нарѣчіяхъ ваханскомъ, сарыкольскомъ, шугнанскомъ, сангличскомъ и минджанскомъ вышли въ 1876—77 гг. Главнымъ образомъ на его данныхъ основано изслѣдованіе Томашека о памирскихъ нарѣчіяхъ, составляющее вторую часть его „Centralasiatische Studien“ (1880). Наши путешественники, начиная съ 1870 г., собрали матеріалы по нарѣчіямъ ягнобскому (въ особенности), шугнанскому (Д. Л. Ивановъ), ваханскому и кунджутскому. См. статьи акад. К. Г. Залемана въ „Восточныхъ Замѣткахъ“ (сборникъ статей и изслѣдованій профессоровъ и преподавателей факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета. С.-Пб., 1895 г.) и акад. О. Е. Корша въ „Древностяхъ Восточныхъ“ („Труды Восточной Коммисіи Имп. Москов. Археол. Общ.“, т. II, вып. 2. Москва, 1901 г.). *Прим. ред.*

Выводы лигвистики совпадаютъ въ данномъ случаѣ съ выводами антропологіи: и въ антропологическомъ отношеніи наблюдаются два типа—вост.-иранскій и армянскій, изъ которыхъ одинъ преобладаетъ на правомъ, другой—на лѣвомъ берегу рѣки. *Армянскій типъ*—высокаго роста но слабаго сложенія, брахицефалы, съ громадными и въ большинствѣ случаевъ кривыми носами, съ рѣзко вырѣзанными позднями, овальнымъ лицомъ, густой, темной, слегка курчавой бородой, покрывающей все лицо до самыхъ глазъ, густыми сходящимися бровями, нависшими надъ темно-карими глазами, крупнымъ ртомъ и обильной растительностью на тѣлѣ. *Вост.-иранскій типъ*—малорослые, очень темно-смуглые, съ круглымъ, почти квадратнымъ лицомъ, густой растительностью на тѣлѣ, брахи- или ультрабрахицефалы, съ низкимъ лбомъ и сильно деформированнымъ черепомъ, темно-карими глазами. По измѣреніямъ, они ближе всего подходятъ къ таджикамъ, и наиболѣе выраженные типы вполне совпадаютъ съ измѣреніями таджикскаго черепа Топинара и очень близки къ черепамъ Макшеватской пещеры. Измѣренія туземцевъ вост.-иранскаго типа очень близко подходятъ также во многихъ случаяхъ къ измѣреніямъ осетинъ Терской области, произведеннымъ Н. В. Гильченко. Но намъ кажется, что установленіе родства двухъ народностей на основаніи антропометрическихъ измѣреній, особенно не слишкомъ многочисленныхъ, настолько дѣло рискованное, что мы ограничимся здѣсь пока только указаніемъ на видимую связь осетинъ съ восточными иранцами, а окончательный выводъ отложимъ до того времени, когда намъ удастся детальнѣе разработать добытый нами матеріалъ.

Условія жизни въ обѣихъ группахъ одинаковы. Уже самый видъ ущелья, въ которомъ лѣплятся ихъ норы, такъ какъ жилищами нельзя назвать эти кучи камней, съ отверстіями, ничѣмъ не прикрытыми, которыя служатъ и дверями и окнами, съ низкой дымовой трубой, сложенной изъ плитокъ сланца, и кусками кизяка, налѣпленными на стѣны сакель,—уже самый видъ ущелья ясенѣе словъ говорить, что ягнобцамъ живетъ не сладко. Ягнобскій хлѣбъ содержитъ до 70% примѣси гороха и сорныхъ травъ. По наружному виду это какіе-то кирпичики: землистаго цвѣта—ржаные, и пепельно-сѣрые—пшеничные. Мука похожа на персидскій порошокъ. Но и такого хлѣба не хватаетъ. Здѣсь царство хлѣбныхъ суррогатовъ. Въ большомъ ходу мука изъ ягодъ тута, гдѣ онѣ есть. Важнѣйшимъ суррогатомъ хлѣба, какъ и вообще въ горахъ, является горохъ различныхъ сортовъ: манъ (*Phaeolus mango*), мулъкъ (*Pisus Arvensis*), лодій (*Dolichos Monachalis*). Но и гороха не хватаетъ, приходится примѣшивать сорные травы,—единственно, въ чемъ кажется, нѣтъ недостатка на Ягнобѣ. Немногочисленный, чахлаый рогатый скотъ, который мы встрѣчаемъ на Ягнобѣ, пожалуй, спасаетъ ягнобцевъ отъ голодной смерти. По крайней мѣрѣ, здѣсь за падежомъ скота всегда слѣдуютъ повальные бо-

лѣзни. Молоко въ разныхъ видахъ—кислое или въ видѣ крута (подобіе сыра)—составляетъ ежедневное меню туземцевъ. Молоко входитъ во всѣ почти національныя кушанья ягнобцевъ: «сіюкь-ошъ» — болтушка изъ муки съ масломъ или молокомъ, «аш-арт» — лапша, которую подаютъ обыкновенно у болѣе зажиточныхъ, какъ и «умачъ» — супъ съ шариками изъ прѣснаго тѣста. Обыкновенное же питаніе бѣдныхъ туземцевъ — «крут-объ» — вода, въ которой размѣшанъ истолченный крутъ. Жаркого вы почти не увидите. Ягнобцы—вегетарианцы поневолѣ. Смотри на ягнобцевъ, приходится изумляться, до чего человѣкъ можетъ сократить свои потребности.

Одежда ихъ примитивна и отъ одежды другихъ горныхъ племенъ почти ничѣмъ не отличается, развѣ тѣмъ, что они носятъ круглыя тубетейки, а не остроконечныя; а то тѣ же сермяжныя, домашняго тканья, армянки-халаты, горныя мягкіе сапоги-мукки, бѣлые, тоже домашняго производства, шаровары—вотъ и весь костюмъ. Чалмъ не носятъ, за рѣдкими исключеніями.

Они считаются мусульманами; у нихъ даже есть мечеть, но намъ ни разу не удалось видѣть ягнобца на молитвѣ. Единственное, во что они твердо вѣрятъ, насколько намъ удалось убѣдиться, это въ «албасть» — горныхъ духовъ, живущихъ обыкновенно въ ущельяхъ, но съ большимъ удовольствіемъ поселяющихся и въ домахъ. А если албасть заберется подъ кровлю, выжить его оттуда очень трудно; поэтому ягнобцы принимаютъ мѣры предосторожности: у дверей вѣшаютъ пучки васильковъ, или женую тряпку, или, наконецъ, старый женскій башмакъ; это считается достаточнымъ,—ни одинъ албасть не подойдетъ. Слѣдовъ поклоненія огню у нихъ не сохранилось.

На Ягнобѣ не слышно пѣсенъ, которыя такъ любятъ всѣ среднеазіатцы. Тяжелая жизнь сдѣлала ягнобцевъ сумрачными и сосредоточенными, но выработала въ нихъ такую энергію, что невольно проникаешься къ нимъ уваженіемъ.

Бракъ, конечно, свободный и большею частью обходится безъ участія муллы. Калыма или нѣтъ, или онъ ничтоженъ. Рождаемость очень мала, что, повидимому, стоитъ въ связи съ плохимъ питаніемъ. Смертность дѣтей доходитъ до 70%. Впрочемъ, нужно утѣшаться тѣмъ, что и въ равнинномъ Туркестанѣ она доходитъ до 58%. Не мудрено поэтому, что ягнобцы вымираютъ и, вѣроятно, близко то время, когда въ долину не останется и слѣдовъ этого интереснаго племени.

По ту сторону Гиссарскаго хребта, ограничивающаго Ягнобъ съ юга, лежитъ Гиссаръ и Каратегинъ, сѣверныя ущелья которыхъ населены племенемъ, сходнымъ по типу съ ягнобцами, но говорящимъ уже по-таджикски, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя удалось намъ посѣтить. Жизнь и здѣсь носитъ тотъ же характеръ: та же бѣдность, тотъ же не-

достатокъ земли. Въ одномъ изъ кишлаковъ, недалеко отъ Пакшивскаго перевала, у населенія только маленькій клочокъ земли годенъ для обработки; право воздѣлывать его переходитъ поочередно ко всѣмъ членамъ общины: одинъ годъ имъ владѣть одна семья, другой годъ—другая. Старшина этого селенія говорилъ мнѣ, что ни одинъ годъ не обходится безъ рѣзни за этотъ клочокъ, и цѣлыя семьи гибли, отстаивая свое право на воздѣлываніе его.

Второй большой областью распространенія названнаго вост.-иранскаго тина будетъ прибрежная полоса Дарваза отъ Кала-и-Хумба до Ванжа. Мѣстность эта пользуется во всемъ Туркестанѣ громкой извѣстностью: добрая половина средне-азиатскихъ легендъ приурочена къ Дарвазу, а добрая половина дарвазскихъ легендъ — къ столицѣ Дарваза, Кала-и-Хумбу. Городъ этотъ, съ пятью прилегающими къ нему селеніями, лежитъ въ глубокой котловинѣ, на самомъ берегу р. Пянджа, у впаденія въ нее р. Хингоба, на авганской границѣ, и со всѣхъ сторонъ замкнутъ высокими горами. Название свое онъ получилъ въ XVI в., во времена правленія Дарвазомъ Кыргызы-хана, намѣстника эмира Абдулла-хана. «Кала-и-Хумбъ» значитъ «крѣпость-котель», и названъ такъ или вслѣдствіе положенія своего въ котловинѣ, или, можетъ-быть, какъ увѣряютъ туземцы, потому, что въ немъ нашли сохранившійся и до теперешняго времени, вытесанный изъ гранита, котель работы, какъ говорятъ, сподвижниковъ Александра Македонскаго, нашедшихъ себѣ убѣжище въ Зинданѣ Хазрета Сулеймана, какъ называютъ горы Дарвазъ за его недоступность и дикую природу. Городъ весь потонулъ въ садахъ. Шелковица, абрикосы, вишни, сливы, груши, яблоки перемѣшаны съ кленами, серебристыми тополями, ивами, ясенями, орѣхами. Еле-еле видны изъ-за стѣны густыхъ деревьевъ плоскія крыши домовъ.

Что касается населенія этой котловины, то этнографъ встрѣчаетъ здѣсь загадку, разрѣшить которую почти невозможно. Мужчины — низкорослые, смуглые, некрасивые, съ могуче-развитой грудью, сильной мускулатурой; глаза — каріе, волосы — темные, — словомъ, тотъ же вост.-иранскій типъ, о которомъ мы уже говорили. Къ этому же типу принадлежатъ и часть женщинъ. Но рядомъ съ этимъ некрасивымъ типомъ попадаются образцы такой дивной женской красоты, какой намъ до того времени видѣть не приходилось. Есть тамъ нѣсколько семей, въ которыхъ женщины — высокаго роста, очень стройныя, прекрасно, пропорціонально сложенныя, съ роскошными шелковистыми изсиня-черными волосами; очень темные глаза, съ нѣсколько продолговатымъ зрачкомъ, брови выгнутыя, не сходящіяся, довольно густыя; профиль — прямой, классическій; небольшой ротъ и, что всего удивительнѣе, кожа молочной бѣлизны, хотя лицъ онѣ не закрываютъ. Сходство между всѣми тѣми женщинами, которыхъ намъ удалось видѣть, поразительное, — точно сестры.

Все, что намъ удалось узнать объ этихъ странныхъ женщинахъ, сводится къ слѣдующей легендѣ. Въ давнее время на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь раскинулся Кала-и-Хумбъ, жило семь горныхъ духовъ—дивовъ и ихъ сестра пѣри. Сначала мѣстность эта была дикой и непроходимой, но дивы рѣдко возвращались безъ добычи,—они приводили съ собой рабовъ, и руками этихъ рабовъ очищена была отъ камней бесплодная до той поры почва долины; они же засадили ее деревьями, по указаніямъ пѣри, и такимъ образомъ явились тѣ сады, которые не даромъ носятъ названіе райскихъ. Великій Али, блуждая по горамъ, попалъ случайно въ эту райскую долину. Увидѣлъ онъ волшебные сады, увидѣлъ павлиновъ, которыхъ нѣтъ нигдѣ въ Туркестанѣ, кромѣ Кала-и-Хумба, увидѣлъ и пѣри, передъ красотой которой, какъ увѣряютъ дарвазскіе пѣвцы, расцвѣтали розы и таяли ледники. Полюбилось могучему пророку мѣсто, но больше всего полюбилась сама пѣри. И пѣри приглянулся статный богатырь. Сталъ Али поджидать дивовъ, которые улетѣли въ то время за добычей. Одинъ за другимъ возвращались они и вступали въ борьбу съ пророкомъ. Семь страшныхъ поединковъ выдержалъ богатырь, но въ концѣ концовъ всѣ семь дивовъ сдались на милость побѣдителя. Явился откуда-то мулла, безъ котораго не могутъ обойтись современные рассказчики Дарваза, и бракъ пѣри съ Али состоялся. Отъ этого-то брака и произошли тѣ чудныя красавицы, о которыхъ мы упоминали. Остальное же населеніе Дарваза происходитъ отъ рабовъ, которыхъ привели въ свое время дивы. Какъ потомки святого и пѣри, женщины эти, по словамъ туземцевъ, одарены сверхъестественной силой. Онѣ по временамъ исчезаютъ куда-то,—ихъ уносятъ духи, и возвращаются иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Тальборѣ (въ Дарвазѣ), гдѣ старшина женатъ на женщинѣ изъ такой семьи, наблюдался цѣлый рядъ таинственныхъ явленій. Вещи, подаренныя ею разнымъ лицамъ, незримой силой переносились изъ самыхъ отдаленныхъ кишлаковъ опять въ Тальбору, въ ея домъ и т. п. Намъ не удалось ближе опредѣлить типъ этихъ таинственныхъ женщинъ: объ измѣреніяхъ нечего было и думать. Можетъ-быть, въ нихъ есть греческая кровь. Но какимъ образомъ типъ этотъ передается только женскому поколѣнію—пока остается неразрѣшимой загадкой.

Типъ «потомковъ рабовъ» сохраняется и въ долинѣ Пянджа, въ прибрежныхъ селеніяхъ. Дарвазъ—страна контрастовъ, и за райскими садами Кала-и-Хумба идутъ безжизненные, опаленныя солнцемъ скалы, смѣняющіяся, впрочемъ, довольно часто рощами деревьевъ и кишлаками, утопающими въ зелени. Лѣтомъ населеніе этихъ кишлаковъ не живетъ въ сакляхъ,—душно; горцы строятъ надъ горными потоками, которые встрѣчаются здѣсь въ изобиліи, легкія бесѣдки изъ прутьевъ и спятъ въ нихъ.

Достигнувъ долины р. Ванжа, вы попадаете въ царство зоба, центромъ котораго является Кала-и-Ванжъ,—въ немъ до 94% населенія зобатос.

Зобъ, распространенный во многих мѣстностяхъ Туркестана, по сію пору представляетъ загадку для врачей и антропологовъ. Онъ встрѣчается и на высотахъ (Квито), и въ низменностяхъ (Ломбардія). Въ Туркестанѣ центрами зобатости являются г. Кокандъ, кишлакъ Дагбидъ (въ Самаркандской обл.). Аксу, кишлакъ Постгамъ, въ 24 в. отъ Яркенда, Каргалыкъ; наконецъ, намъ пришлось наблюдать зобъ у таджика Фальгарской вол., въ кишлакъ Урмитанъ, но это былъ случай единичный. Съ особенной же силой развитъ онъ здѣсь, на Ванжѣ, въ Дарвазѣ.

Чѣмъ объясняется заболѣваніе зобомъ? Этотъ вопросъ остается по сіе время открытымъ. Плиній объясняетъ его употребленіемъ снѣговой воды; интересно, что туземецъ изъ Урмитана объяснялъ свою болѣзнь тѣмъ-же: на охотѣ, разгоряченный, онъ напился снѣговой воды. Такого же мнѣнія туземцы Верхняго Ягноба, которые предупреждали насъ, чтобы мы не пили воды Кумбеля (праваго притока, образующаго послѣ сліянія съ Барзанги р. Ягнобъ), берущаго начало изъ большого снѣжника, такъ какъ вода эта дурная, отъ нея зобъ дѣлается. Между туземцами Ягноба, впрочемъ, зобатыхъ нѣтъ. Другіе приписываютъ развитіе зоба особымъ міазмамъ или гипсу, взвѣшенному въ питьевой водѣ, или присутствію въ водѣ извѣстныхъ водорослей. Многіе, наконецъ, видятъ въ зобѣ признакъ физическаго вырожденія. Зобъ въ Туркестанѣ, не разрѣшая загадки, даетъ все-таки возможность сказать съ увѣренностью, что считать зобъ признакомъ физическаго вырожденія нельзя. Среди зобатыхъ равниннаго Туркестана кретины составляютъ исключеніе. Въ Ванжѣ многіе зобатые имѣютъ признаки вырожденія; по разспросамъ выяснилось, что заболѣвали они въ возрастѣ отъ 3—6 лѣтъ, а появленіе опухоли, которая зачастую, какъ намъ пришлось видѣть у многихъ дѣтей, заставляетъ ихъ держать голову запрокинутой назадъ, не можетъ не отразиться на развитіи ихъ организма. Тѣ же, у которыхъ зобъ развился въ періодъ возмужалости, сплошь и рядомъ являются совершенно нормальными субъектами. Еще одно обстоятельство, въ высокой степени любопытное, встрѣчаемъ мы въ Восточ. Дарвазѣ: Кала-и-Ванжъ, столица зобатыхъ, лежитъ на обоихъ берегахъ Ванжа; на правомъ берегу почти поголовный зобъ, а на лѣвомъ ни одного зобатаго. Причину этого найти намъ не удалось. Изъ осмотрѣнныхъ нами 58 зобатыхъ въ Кала-и-Ванжѣ у 35-ти зобъ или отъ рожденія, или началъ развиваться въ самомъ раннемъ возрастѣ, около 3 лѣтъ, и всѣ они въ изобиліи имѣютъ признаки физическаго вырожденія: уплощеніе раковины, которое, впрочемъ, весьма обычное явленіе во всемъ Дарвазѣ, какъ и приращеніе сережки, *torus palatinus* и т. п. наблюдается почти у всѣхъ. Дряблость кожи на лицѣ, плечахъ и верхней части груди безусловно стоитъ въ связи съ зобомъ. Зобъ равномерно развитъ или сильнѣе развита правая половина. У зобатыхъ этого типа волосы очень рѣдки, и ихъ очень мало. У остальныхъ 23-хъ зобъ раз-

вился между 20—30 годами и, какъ мы уже указали, впечатлѣніе кретиновъ они не производятъ, хотя между ними встрѣчались субъекты съ опухолью до 90 с. въ окружности. Причина заболѣванія, по всей вѣроятности, въ водѣ источниковъ. По крайней мѣрѣ, у семейства бухарскаго чиновника, который былъ за три мѣсяца до моего пріѣзда переведенъ туда, уже черезъ 6 недѣль появились признаки зоба, и теперь его жена и дѣти обладаютъ уже весьма солидными зобами.

Что же касается типа горцевъ Ванжа, то они подходятъ къ общему типу дарвазцевъ, хотя окраска волосъ и глазъ свѣтлѣе. Ихъ можно охарактеризовать слѣдующими словами: низко-рослые (1570 мм.), крѣпко сложенные; лобъ—не высокій, съ сильно развитыми лобными буграми и еле намѣченными лобными дугами; брови—темнорусыя, довольно рѣдкія, не сходящіяся, прямыя; носъ—толстый, короткій, сильно вздернутый, съ толстыми, рѣзко вырѣзанными ноздрями; ротъ—крупный, часто неправильный; губы—толстыя; волосы—почти черные у нормальныхъ, русые или рыжеватые у вырождающихся субъектовъ; глаза—сѣровато-каріе; скулы не выступаютъ; аномаліи ушей часты; черепа деформированы у всѣхъ поголовно: уплощеніе затылка—то общее, то частное.

Мы уже упомянули, что восточно-иранскій типъ, повидимому, легъ въ основу таджикской народности. Но и остальные племена, особенно арабскаго и еврейскаго типа, влили часть своей крови въ жилы таджиковъ. Только славянскій и армянскій типы стоятъ какъ-то особнякомъ.

Наиболѣе древними изъ этихъ племенъ гальчи мы склонны считать язгулонцевъ и ягнобскую гальчу,—племена, сохранившія въ полной чистотѣ какъ свой типъ, такъ и свои нарѣчія. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти осколки горныхъ племенъ имѣютъ значительно больше правъ на титулъ аборигеновъ страны, чѣмъ таджики, и мы увѣрены, что дальнѣйшія изслѣдованія укрѣпятъ окончательно положенія, которыя мы позволили себѣ здѣсь высказать. Но что приводитъ насъ въ легкое смущеніе,—это то, что всѣ наши вышеприведенные типы — брахицефаличны. А между тѣмъ черепа, добытые изъ древнихъ могильниковъ, выброшенные изъ озера Иссыкъ-куля, наконецъ, найденные недавно въ Рангъ-кульскихъ пещерахъ, на Памирахъ, въ высокой степени древніе черепа,—или долихоцефаличны, или выказываютъ сильное стремленіе къ долихоцефаліи. Куда же дѣвались эти долихоцефалы? Они исчезли, растворились въ массѣ брахицефальныхъ типовъ, и только жалкіе остатки ихъ уцѣлѣли,—это негроидный типъ, носителями котораго является бродячее племя авганскихъ цыганъ - люли и который намъ посчастливилось наблюдать въ Гиссарскомъ бекствѣ. Кофейно-коричневая кожа, шапка курчавыхъ жесткихъ волосъ, низкій лобъ, короткій, очень широкій носъ, приплюснутый, съ мясистыми ноздрями, толстыя, вывороченныя губы, оттопыренные уши — настолько сближаютъ этотъ типъ съ неграми, что въ первую минуту не вѣришь

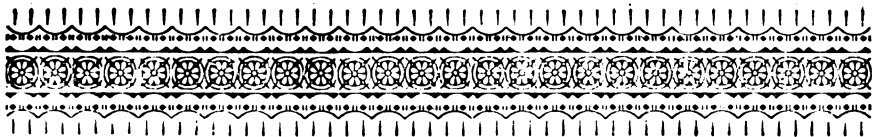
своимъ глазамъ. Они долихоцефальны и затылочная кость ихъ совершенно негрскаго типа. По всей вѣроятности, ихъ можно связать съ племенами дравидовъ Индіи, и есть основаніе предполагать, что именно они и относятся къ наиболѣе древнему населенію Туркестана, что согласуется съ нѣкоторыми средне-азиатскими легендами, утверждающими, что во время оно населеніе Туркестана было чернокожимъ.

Вотъ въ общихъ, грубыхъ чертахъ тѣ выводы, къ которымъ привела насъ довольно поверхностная пока разработка добытыхъ нами матеріаловъ. Въ недалекомъ будущемъ мы постараемся подтвердить вышеприведенныя положенія детальнымъ разборомъ физическихъ признаковъ каждой изъ указанныхъ нами группъ.

Таблица среднихъ антропологическихъ величинъ.

Антропометрическія величины.	Равнинные таджики. (381 изм.).	Горцы вост.-иран- скаго типа (Иг- нобъ и Дарвазъ). (42 изм.).	Арабскій типъ.		Еврейскій типъ.			
			Горные арабы. (29 изм.).	Равнинные арабы. (17 изм.).	Язгулонцы. (21 изм.).	Матчинцы. (34 изм.).	Авганцы. (18 изм.).	Равнинные евреи. (41 изм.).
Ростъ.	1684	1650	1664	1637	1702	1698	1638	1780
Величина головы . .	—	233	242	—	234	256	247	—
Передне-задній діам.	187	189	189	183	183	187	185	183
Наиб. широтный . .	156	168	158	151	160	160	157	156
Головной указатель .	83,4	89,1	83,4	82,1	87,48	85,56	84,86	85,21
Высота черепа . . .	157	159	155	154	159	159	153	153
Горизонтал. окружн.	552	559	545	550	560	580	564	570
Лобно-затылочн. дуга.	370	380	360	370	360	390	370	380
Ушная дуга.	350	350	352	320	320	340	340	330
Затылочно-ушн. хорда	126	124	120	119	125	127	123	116
Надносовая хорда. .	121	120	121	114	121	121	121	116
Подносовая хорда. .	120	121	117	116	121	121	121	108
Лицевая линія. . . .	193	174	170	189	188	192	198	196
Высота лба	58	57	50	63	58	65	65	61
Наим. ширина лба . .	116	100	103	109	118	—	109	119
Средняя треть лица .	61	52	60	64	54	59	61	62
Нижняя треть лица .	73	65	63	72	66	72	73	73
Ушной діаметръ. . .	—	133	125	130	143	141	138	133
Наиб. ширина лица .	144	141	141	137	—	—	—	—
Скуловой діаметръ .	125	123	118	119	125	119	117	131
Межглазн. простран.	39	38	36	36	40	39	38	40
Разстоян. между внѣш- ними угл. глазницъ.	105	96	103	100	100	97	102	101
Разстоян. между угла- ми нижней челюсти.	116	114	118	112	119	114	113	116

С. Масловскій.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Китайскія свѣдѣнія V—VIII в.в. о прилегающихъ къ Памиру съ востока странахъ.

1) Свѣдѣнія династійныхъ исторій.

а) *Время династій Юань-Вэй (386—581 н.).*

За неимѣніемъ перевода описанія Западнаго края, содержащагося въ 102 книгѣ «Вэй-шу», на одинъ изъ европейскихъ языковъ, приходится пока обращаться только къ «Бэй-шы», соответствующая 97 книга которой имѣется въ переводѣ о. Іакинфа («Собраніе свѣдѣній» и пр., часть 3, стр. 136—189). Едва ли отъ этого мы много теряемъ, такъ какъ помѣщающаяся въ собраніи династійныхъ исторій редакція «Вэй-шу» принадлежитъ ученому Лѣу-Шу (1052—1078 гг.)¹⁾, предшествовавшія же не сохранились, тогда какъ составленіе «Бэй-шы» относится къ срединѣ VII в., когда, конечно, еще существовала «Вэй-шу», написанная Вэй Шеу, самая ранняя и считающаяся лучшею, а потому редакторы «Бэй-шы», вѣроятно, ею пользовались, какъ и нѣкоторыми другими источниками, до Лѣу-Шу, можетъ-быть, и не дошедшими. Сверхъ того, извѣстныя изъ переводовъ и отзывы синологовъ отдѣльныя статьи «Вэй-шу» сохранившейся редакціи оказывались почти тождественными съ статьями о Западномъ краѣ въ «Бэй-шы». Будучи компиляціею изъ существовавшихъ до нея исторій династій Юань-Вэй, Чжеу, Ци и Суй, описаніе Западнаго края

*) См. „Русск. Антроп. Журн.“ 1900 г., кн. III и IV.

1) Ed. Specht, въ Journ. asiat., 1883, t. 2, p. 339.

въ «Бэй-шы», при помощи сличенія съ соответствующимъ описаніемъ «Суй-шу», — которое имѣется въ переводахъ Іакинфа и Пфизмаера ¹⁾, — и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, даетъ возможность опредѣлять время, къ которому данныя свѣдѣнія относятся, и иногда источникъ ихъ.

Самыя раннія изъ имѣющихся въ «Бэй-шы» и относящихся къ примамирскимъ странамъ свѣдѣнія содержатся въ описаніяхъ четырехъ владѣній, помѣщенныхъ непосредственно послѣ описаній Шаньшани, Цзюймо и Юйтани, которыми начинается «Повѣствованіе о Западномъ краѣ» въ «Бэй-шы», по переводу о. Іакинфа. Привожу ихъ цѣликомъ: «4. *Пушань*. Пушань есть древнее владѣніе Пишань (или Пишинай) ²⁾. Владѣтель живетъ въ городѣ Пи, отъ Хотана на югѣ, отъ Дай въ 12.000 ли. Въ трехъ ли отъ упомянутого города на юго-западъ есть мерзлая гора ³⁾. Впослѣдствіи сдѣлалось зависимымъ отъ Хотана.

5. *Сигюйбань*. Сигюйбань есть древнее владѣніе Сиѣ; иначе оно называется Цзыхэ. Титулъ владѣтеля *Цзичжи-хуань*. Сіе владѣніе лежитъ отъ Хотана на западѣ, отъ Дай въ 12.970 ли. Въ началѣ правленія Даянь, 436, оно отправило (къ Сѣверному Двору) посольство съ дарами; и съ того времени отправленіе посольствъ не прекращалось.

6. *Цюаньюймо*. Цюаньюймо есть древнее владѣніе Уто; владѣтель живетъ въ городѣ Уто, отъ Сигюйбани на западѣ, отъ Дай въ 12.970 ли.

7. *Кюйсо*. Кюйсоскій владѣтель живетъ въ древнемъ городѣ Яркань ⁴⁾, отъ Сигюйбани на юго-западѣ, отъ Дай въ 12.980 ли» ⁵⁾.

При разсмотрѣніи этихъ описаній обращаетъ на себя вниманіе, что только одно изъ четырехъ владѣній имѣло сношенія съ юань-вэйскимъ дворомъ, именно Сигюйбань, древнее Сиѣ-Цзыхэ, отъ котораго было посольство въ 436 г. Утвержденіе: «и съ того времени отправленіе посольствъ не прекращалось», есть стереотипная фраза, встрѣчающаяся во многихъ описаніяхъ; иногда это только преувеличеніе, но часто это есть, по всей вѣроятности, голословное предположеніе. Если бы дѣйствительно были изъ Сигюйбани посольства послѣ 436 г., о которыхъ сохранились положительные свѣдѣнія, то о нихъ были бы даны даты, отсутствіе же датъ побуждаетъ подозрѣвать, что если и были посольства послѣ 436 г., то записей о нихъ не сохранилось. При отсутствіи упоминаній о посольствахъ изъ

¹⁾ «Собрание свѣдѣній», ч. 3, стр. 190—206, и Die fremdenlând. Reiche zu den Zeiten der Sui, von Dr. A. Pfizmaier, въ Sitzungsber. der Akad. der Wissensch., Phil.—hist. Classe, Wien, 1880, 97. B., S. 411—490.

²⁾ Это «или Пишинай», вѣроятно, есть лишь собственное мнѣніе переводчика, отсутствующее въ подлинникѣ «Бэй-шы».

³⁾ Сюда относится сдѣланное о. Іакинфомъ примѣчаніе: «На кит. *Дунъ-ланъ-шань*».

⁴⁾ Конечно, въ подлинникѣ стоитъ «Согюй», ибо Яркань есть имя новое и употребляется переводчикомъ потому лишь, что онъ приурочиваетъ древній Согюй къ нынѣшнему Яркенду.

⁵⁾ «Собрание свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 147.

остальныхъ трехъ владѣній, приходится полагать, что значащіяся въ описаніяхъ ихъ свѣдѣнія почерпнуты изъ разспросовъ у посольства 436 г. изъ Сигюйбани, смежной съ ними, а о Пушани, можетъ быть, и изъ показаній одного изъ юйтянскихъ посольствъ, такъ какъ Пушань завистѣла отъ Юйтяни. Далѣе, Пишань, нынѣшнее селеніе Пишна, находилось отъ Юйтяни на западѣ, а не на югѣ, какъ юань-вэйская Пушань; сверхъ того, около Пишани, лежавшей не въ горахъ, а на равнинѣ, не могло находиться «мерзлой горы», т.-е. чего-нибудь въ родѣ постоянно мерзлой земли съ прослойками льда, оказавшейся на Памирѣ около озеръ Б. Каракуля и Шоръ-куля и на Музколѣ ¹⁾, или вѣчныхъ снѣговъ и ледниковъ; вслѣдствіе этого надо думать, что составителей «Бэй-шы» (или «Вэй-шу», откуда, вѣроятно, взяты всѣ эти описанія) ввело въ ошибку имя Пушань, нѣсколько похожее на Пишань, съ которою они и отождествили Пушань. На самомъ дѣлѣ показанія посольства юйтянского или сигюйбаньскаго, отъ котораго получены свѣдѣнія, относились, вѣроятно, къ существующимъ нынѣ, верстахъ въ 100 на югъ отъ Хотана, въ горахъ верховій Юрункаша, селеніямъ Пише или къ лежащему недалеко отъ нихъ селенію Бушіа на рѣчкѣ Пишніа (см. Карту путешествій подполк. Б. Л. Громбчевскаго, 1895 г.): около нихъ, дѣйствительно, могутъ находиться горы съ вѣчными снѣгами, ледниками, а быть-можетъ, и съ «мерзлой» землей. Странно затѣмъ превращеніе Согюя въ Кюйсо, гдѣ первый слогъ древняго имени сдѣлался вторымъ, а второй (гюй или кюй) первымъ, а также показаніе Кюйсо-Согюя на юго-западѣ отъ Сигюйбани-Цзыхэ, тогда какъ древній Согюй лежалъ на сѣв.-западѣ, наконецъ, чрезмѣрная лаконичность свѣдѣній о столь въ древности значительномъ владѣніи. Къ этому Кюйсо мы еще возвратимся ниже. Остается еще одинаковое разстояніе Сигюйбани-Цзыхэ и Цюаньюймо-Уча въ 12.970 ли отъ Дай, тогда какъ подобное равенство, а также большее отдаленіе Кюйсо отъ Дай одинаково на 10 ли противъ Сигюйбани и Цюаньюймо рѣшительно невѣроятны: тутъ, очевидно, произошли ошибки или описки въ цифрахъ, встрѣчавшіяся намъ иногда и въ ханьскихъ разстояніяхъ. Остается такимъ образомъ изъ разсмотрѣнныхъ юань-вэйскихъ свѣдѣній существованіе древняго владѣнія Уча подъ именемъ Цюаньюймо и Сиѣ-Цзыхэ подъ именемъ Сигюйбани, изъ которыхъ послѣднее, видимо, сдѣлалось значительнымъ, по крайней мѣрѣ по торговлѣ, такъ какъ отправило въ Китай въ 436 г. посольство, конечно, съ товарами, подъ видомъ дани.

Въ 56—62 статьяхъ «Повѣствованій о Западномъ краѣ» въ «Бэй-шы» снова встрѣчается серія изъ семи при-памирскихъ владѣній: Чжугюй, Гкѣпаньто, Бохо, Бочжи, Шеми, Учанъ и Кяньто, безъ всякихъ датъ (кромѣ упоминанія въ описаніи Шеми, что «въ правленіе Си-пыхинъ, 516—

¹⁾ М. М. Воскобойниковъ, Изъ наблюденій на Памирѣ, „Землевѣдніе“, 1899 г., кн. 3, стр. 35—47.

517, китайскій посланникъ Сунъ Юнь не могъ пройти туда»—во владѣніе Болулэ) и безъ какого-либо указанія источниковъ этихъ описаній. ¹⁾ Но въ предшествующей 55 статьѣ, содержащей описаніе владѣнія Ыда, ²⁾ говорится: «Во время правленія Си-пъхинъ (императоръ) Минъ-ди, 516, отправилъ посольство въ Западный край для приобрѣтенія буддайскихъ священныхъ книгъ. При семъ посольствѣ находилось два буддайскихъ монаха Фади и Хойшенъ. Посольство возвратилось въ срединѣ правленія Чжень-гуанъ, 523. Хойшенъ не принесъ никакихъ свѣдѣній ни о состояніи пройденныхъ имъ государствъ, ни о разстояніи дорогъ, а кратко сообщилъ общія понятія». Соответственное мѣсто, по переводу Ed. Specht'a, въ «Вэй-шу», гдѣ также приведены описанія тѣхъ же семи владѣній того же содержанія, таково: «Въ правленіе Ні-р'инг (516—517), Со-ті отправилъ (чиновниковъ) Wang-fei, Theu-thoung, саманейцевъ (т. е. буддійскихъ монаховъ) Soung-yun, Fa-ti и другихъ въ западныя страны, для собиранія свѣдѣній о буддійскихъ книгахъ. Съ ними отправился также саманецъ Носі-Seng, который возвратился въ правленіе Tching-kouang (520—527). Мы не можемъ занести (сюда) всѣ подробности, относящіяся до государствъ, горъ, рѣкъ и разстояній, которыя онъ прошелъ; мы представимъ лишь краткое содержаніе» ³⁾. По сохранившемуся въ «Исторіи храмовъ въ Лоянѣ» описанію означеннаго посольства, пустилось оно въ путь изъ Лояна въ 518 г., направилось же въ обратный путь въ Китай въ 521 г. Въ этомъ описаніи, по переводу Неймана, составителемъ исторіи храмовъ въ Лоянѣ Яномъ Хюэнемъ объяснено, что оно основано на критически разсмотрѣнныхъ свѣдѣніяхъ Хой Сена, недостающее же добавлено изъ описанія, составленнаго Сонъ Юнемъ ⁴⁾. По переводу Биля, описаніе is principally drawn from the private records of To Yung and Sung Yun. The details given by Hwui Seng were never wholly recorded ⁵⁾. Итакъ три нашихъ источника или четыре переводчика не совсѣмъ сходятся, но содержаніе описаній семи владѣній въ «Бэй-шы» и «Вэй-шу» показываетъ, что описанія или отчеты посольства не даютъ почти никакихъ свѣдѣній «ни о состояніи пройденныхъ государствъ, ни о разстояніи дорогъ, а кратко сообщаютъ общія понятія», слишкомъ кратко и слишкомъ общія.

Такъ, по «Бэй-шы», «владѣніе Чжунюй лежитъ отъ Хотана на западѣ. Жители обитаютъ въ горахъ. Есть пшеница; много лѣсныхъ плодовъ. Поклоняются Буддѣ. Языкъ сходенъ съ хотанскимъ. Зависитъ отъ

¹⁾ „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 179—181.

²⁾ Тамъ же, стр. 179.

³⁾ Journal asiatique, 1883, t. 2, p. 343.

⁴⁾ Pilgerfahrten Buddhistischer Priester von China nach Indien, von C. F. Neumann, въ Zeitschrift für die histor. Theologie, B. 3, 1833, S. 177.

⁵⁾ Travels of Fah-hian and Sung-yun buddhist pilgrims, etc., translated by Samuel Beal, London, 1869, p. 208.

Бды» ¹⁾. Далѣе, «владѣніе *Гкѣпаньто* лежитъ отъ Луковыхъ горъ на востокъ. Рѣка *Чжугуйбоси* протекаетъ чрезъ сіе владѣніе на сѣв.-востокъ. Есть высокія горы, на которыхъ и лѣтомъ бываютъ инеи и снѣги. Жители слѣдуютъ Буддайскому закону. Находятся подъ зависимостью Бды». Затѣмъ «владѣніе *Бохо* лежитъ отъ Гкѣпаньто на западѣ. Сія страна еще холоднѣе. Люди и скотъ живутъ вмѣстѣ. Обитаютъ въ выкопанныхъ землянкахъ. Еще есть большія снѣжныя горы, вершины которыхъ представляются серебрянными. Жители питаются печенымъ хлѣбомъ и киселемъ; пьютъ хлѣбное вино. Одѣяніе носятъ мѣховое и валяное изъ шерсти. Двѣ дороги ведутъ въ сіе владѣніе: одна идетъ на западъ на Бду, другая на юго-западъ на Учанъ, находящійся подъ властію Бды» ²⁾. Тутъ вмѣсто «двѣ дороги ведутъ въ сіе владѣніе», очевидно, переводчику надлежало сказать: «изъ этого владѣнія идетъ дорога на западъ на Бду и другая—на юго-западъ на Учанъ». Приведенныя свѣдѣнія о Гкѣпаньто и Бохо представляютъ собою сокращеніе извѣстій Сонъ Юня и Хой Сена, гдѣ первое названо Нан-пан-то, а второе Ро-хо или Рох-хо (стр. 160 и 161 у Неймана и 181—183 у Биля).

Несмотря на краткость свѣдѣній «Бэй-шы» о трехъ владѣніяхъ и опущеніе свѣдѣній о путешествіи чрезъ нихъ Сонъ Юня и Хой Сена, которыя еще болѣе выяснили бы положеніе этихъ владѣній, не трудно только изъ свѣдѣній «Бэй-шы» вывести, что *Чжугуй*, по сходству имени и нахожденію отъ Хотана на западѣ, есть тотъ же *Сигуй-бань*, который выше описанъ по свѣдѣніямъ посольства 436 г., а теперь, въ 518 г., описывается по извѣстіямъ посольства Сонъ Юня и Хой Сена. Такъ какъ Сигуйбань есть ханьское Цзыхэ, то Чжугуй или Чжугуйбо (см. ниже) должно было занимать предгорья и часть горной страны бассейновъ Тизнафа и Яркендъ-дарья. Дѣйствительно, жители Чжугуя—горцы, «обитаютъ въ горахъ». Рѣка, протекавшая чрезъ западную часть Чжугуйбо (си—по-китайски западъ), могла быть лишь Яркендъ-дарья, откуда слѣдуетъ, что Гкѣпаньто или Ханьпаньто,—чрезъ которое она протекала на сѣв.-востокъ и которое лежало на востокъ отъ Луковыхъ горъ, т.-е. отъ Сарыкольскаго хребта,—занимало долины Тагдынбашъ, Вача, Тунъ, т.-е. соотвѣтствовало нынѣшней Ташкурганской области. Что касается до Бохо, находившагося отъ Гкѣпаньто на западѣ, то и по положенію этому, и по сходству имени, а также и по прочимъ условіямъ это могъ быть лишь нынѣшній Ваханъ, гдѣ у Сархада одна дорога отдѣлялась на западъ въ Бадахшанъ, другая же шла на юго-западъ въ Учанъ и Гибинъ.

Чтобы закончить съ юань-вѣскими извѣстіями, остается сказать, что въ «Бянь-и дянъ» цитированы изъ «Вэй-шу» (изъ біографіи императора Сюань Ву-ди, а не изъ описанія Западнаго края) упоминанія о при-

¹⁾ „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 179.

²⁾ „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 179 и 180.

бытіи при этомъ императорѣ, въ 502 и 511 гг., посольствѣ «съ данью изъ страны Tchu-kiu-phan»¹⁾.

Въ «Суй-шу» есть упоминанія о нахожденіи владѣнія *Чжугуйбо* на югѣ отъ Сулэ (Кашгаръ) въ 900 ли («Собраніе свѣдѣній», 3, стр. 201) и отъ Юйтяня на западъ въ 1.000 ли (стр. 202), описаній же ни этого, ни какихъ-либо другихъ памирскихъ и смежныхъ владѣній нѣтъ. Круглоту цифръ приведенныхъ разстояній, очевидно, превышающихъ дѣйствительность, можно объяснить тѣмъ, что почерпнуты онѣ изъ разспросовъ давшихъ количества дней пути, и эти дни переведены на ли, полагая по 100 ли на день.

б). *Извѣстія исторіи династіи Танъ.*

Въ «Повѣствованіи о Западномъ краѣ», которое извлечено изъ «Исторіи династіи Тханъ», неизвѣстно старой или новой редакціи, есть, въ переводѣ Іакинфа, свѣдѣнія о Чжугуйбо, помѣщенные въ статьѣ, описывающей сначала владѣніе Сулэ (Кашгаръ). Въ этой статьѣ о Сулэ говорится, между прочимъ, что въ немъ «строевого войска 2.000 человекъ» и что «въ девятое лѣто правленія Чженъ-гуань, 635, владѣтель отправилъ посольство къ Двору съ славными лошадьми. Черезъ четыре года, т.-е. 639, еще съ *чжугуйбоскимъ Ганътанемъ* представилъ дань изъ мѣстныхъ произведеній». Въ концѣ статьи читаемъ слѣдующее: «*Чжугуйбо*, иначе *Чжугуйбань*, есть древнее владѣніе *Цзыхэ*, бывшее при старшей династіи Хань. Находятся еще четыре владѣнія: Юлзэрекъ, Сарлыкъ, Ингасаръ и Дѣжо. Земли, простирающіяся на 1.000 ли отъ Хотана прямо на западъ, на 300 ли отъ Луковыхъ горъ на сѣверъ, на западъ по сѣверную сторону владѣнія Гэпанъто на 900 ли, принадлежатъ Кашгару. Черезъ 3.000 ли отъ него на югъ лежитъ Женское царство. Строевого войска 2.000 человекъ²⁾; исповѣдуютъ Буддайскій законъ; письмо индійское»³⁾. Полагая, что этотъ переводъ Іакинфа во многомъ ошибоченъ. В. В. Григорьевъ призналъ съ своей стороны достовѣрнымъ, неизвѣстно почему, что Кашгару принадлежали «всѣ земли на западъ отъ него и на сѣверъ отъ владѣнія Гѣбанъдо, протяженіемъ на 900 ли, равно какъ и всѣ земли прямо на западъ отъ Хотана, протяженіемъ на 1.000 ли, въ томъ числѣ и владѣніе Чжугуйбо»⁴⁾. Соглашаясь, что переводъ Іакинфа (въ зависимости, быть-можетъ, отъ текста) теменъ и неясенъ, я, однако-же, не вижу никакихъ основаній допустить произвольное толкованіе Григорьева относительно принадлежности земель Чжугуйбо Кашгару. Думаю, что ошибочный

¹⁾ Foe-koue-ki, trad. par Abel Rémusat, Paris, 1836, p. 24.

²⁾ Тутъ о. Іакинфъ въ выноскѣ замѣтилъ: „Относится къ Кашгару“.

³⁾ „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 224 и 225.

⁴⁾ „Вост. или Кит. Туркестанъ“, вып. 2, 1873 г., стр. 168.

переводъ или темный текстъ Іакинфа слѣдуетъ замѣнить случайно упущеннымъ Григорьевымъ изъ вида переводомъ соотвѣтственнаго описанія Чжугюйбо, сдѣланнымъ въ примѣчаніяхъ Аб. Ремюза къ его переводу Foe-koue-ki, т.-е. «Записокъ о буддійскихъ государствахъ» паломника Фа Ся-ня. Переводъ Аб. Ремюза сдѣланъ не прямо изъ «Танъ-шу», а изъ цитатъ, сдѣланныхъ въ 60 книгѣ «Бянь-и-дянь», но цитаты этого сборника обыкновенно вѣрны. Владѣніе «Tchu-kiu-pho, именуемое также Tchu-kiu-phap, представило дань въ правленіе Ву-дэ (618—626 г.г.); это страна, которую при Ханяхъ называли Цзыхэ (Tseu-ho). Есть четыре страны (извѣстныя во время Ханей), которыя присоединены къ нему (т.-е. къ Цзыхэ-Чжугюйбо): Сіѣ, Пули, Инай, Дэжо (Si-ye, Phou-li, I-pai, Te-jö). Чжугюйбо находится въ 1.000 ли, какъ разъ на западъ, отъ Хотана и въ 300 ли на сѣверъ отъ горъ Цунлинъ. На западъ оно смежно съ страной Kho-phap-tho; на сѣверѣ, въ 900 ли, находится граница Сулэ. На югѣ, въ 3 т. ли, лежитъ Женское царство. Въ Чжугюйбо 2 т. войска. Въ немъ почитается законъ Будды. Письмена тѣ же, что у брахмановъ» ¹⁾. Согласно той же 60 книгѣ «Бянь-и-дянь», Tou-chi, въ своей Thoung-tian (Общей исторіи Китая), добавляетъ къ свѣдѣніямъ «Танъ-шу», что владѣтель Чжугюйбо былъ родомъ изъ Кашгара; что дань изъ этого владѣнія представлялась во все время дин. Танъ; что языкъ населенія походилъ на хотанскій, съ небольшими отличіями, по типу же населеніе сходно было и съ китайцами, и съ сулэ'цами ²⁾.

Изъ частей этого описанія обращаетъ вниманіе нахожденіе «на сѣверѣ» отъ Чжугюйбо «границы Сулэ» въ 900 ли, тогда какъ по «Суй-шу» разстояніе это показано до самаго Сулэ, а не до границы его, при тождественности разстоянія въ 1.000 ли до Юйтяня, такъ что слѣдовало бы признать танскій текстъ или переводъ подлежащими исправленію въ этомъ смыслѣ. Но указываемая ошибка или разница во всякомъ случаѣ не велика, потому что, при включеніи въ составъ Чжугюйбо пяти цзыхэ-скихъ владѣній ханьскихъ временъ, между прочимъ самаго сѣв.-западнаго Иная, располагавшагося на р. Кара-ташѣ,—какъ надо полагать,—отъ границы Чжугюйбо, при выходѣ Кара-таша въ Таримскую котловину, до Кашгара оставалось не болѣе 60 верстъ. Затѣмъ, если Чжугюйбо есть ханьское Цзыхэ, то столица его должна была находиться въ предѣлахъ прежняго Цзыхэ или даже соотвѣтствовать положенію его древней столицы. Я допускалъ въ главѣ второй настоящаго изслѣдованія возможность приуроченія столицы Цзыхэ къ нынѣшнему сел. Кокъяру, какъ это предполагали ученые манчжурской династіи, за неимѣніемъ данныхъ для опроверженія ихъ предположенія, ничѣмъ, впрочемъ, не подкрѣплявшагося, но

¹⁾Foe-koue-ki etc., traduit du chinois et commenté par M. Abel Rémusat etc., Paris, 1836, p. 24.

²⁾ Тамъ же.

теперь суйскія и танскія свѣдѣнія о разстояніяхъ Чжугюйбо отъ Сулэ и Юйтяня даютъ нѣкоторую возможность попытаться установить мѣсто нахожденія ея на основаніи фактическихъ данныхъ. По приведеннымъ въ главѣ I нынѣшнимъ опредѣленіямъ, разстояніе отъ Хотана черезъ Пишну (170 в.) до Кокъяра (77 в.) выяснилось въ 247 в., а отъ Кашгара чрезъ Яркендъ (172 в.) до того же Кокъяра (136½ в., по маршруту Белью въ Forsyth's Report, р. р. 424—425) въ 308½ в. Складывая эти двѣ цифры, получимъ 555½ в., что въ среднемъ даетъ на 19 дней пути (1.000 ли+900 ли) 29¹²/₁₉ или почти 30 в. на день. Чтобы получилось соответствующее китайскимъ историческимъ даннымъ соотношеніе между разстояніемъ Чжугюйбо отъ Юйтяня (1.000 ли или 10 дней) и отъ Сулэ (900 ли или 9 дней) столица эта должна отстоять, полагая 30 в. на день пути, отъ Юйтяня въ 300 в. и отъ Сулэ въ 255½ в. Этими разстояніямъ Кокъяръ не отвѣчаетъ, такъ какъ находится на 53½ в. ближе къ Хотану и дальше отъ Кашгара, чѣмъ требуютъ китайскія данныя. Вслѣдствіе этого мѣстоположеніе столицы Чжугюйбо приходится искать на два почти дня западнѣе Кокъяра, принимая притомъ въ соображеніе, что по вышеприведеннымъ юань-вэйскимъ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ реляціи посольства Сонъ Юня и Хой Сена, жители Чжугюйбо были горцы, а потому столица владѣнія должна была находиться у горъ, если не внутри самой горной страны. Такимъ условіямъ удовлетворяетъ мѣстность на правомъ берегу Яркендъ-дарьи между селеніями Актамомъ и Чимду. О переходѣ изъ Чимду до Актама, въ рукописныхъ дневникахъ Б. Л. Громбчевскаго, 25 августа 1890 г., читаемъ: «Сегодня мы вышли въ долину, окончательно распростились съ горами. На ночлегъ (т.-е. въ Актамѣ, до котораго отъ Чимду 29 в.), несмотря на 1.200 метр. высоты, воздѣлываются рисъ и хлопокъ, виноградъ, персики» и т. д. Разстояніе отъ Хотана черезъ Каргалыкъ (220 в.) ¹⁾ до Актама (около 40 в.) равняется 260 в., а отъ Кашгара черезъ Яркендъ (172 в.) до Актама (36 в. по Б. Л. Громбчевскому) 208 в. Эти разстоянія почти соответствуютъ 10 днямъ пути отъ Хотана и 9 днямъ отъ Кашгара, полагая на день 24¹²/₁₉ в., слѣдовательно сообразны съ суйскими и танскими данными. Если допустить, что дорога изъ Кашгара шла не черезъ Яркендъ, оставшійся въ сторонѣ отъ прямого пути, а потому разстояніе было менѣе верстъ на 20—30, то столицу Чжугюйбо надо помѣщать въ Чимду или между этимъ селеніемъ и Актамомъ, вслѣдствіе чего разстояніе отъ Кашгара останется въ выше намѣченной цифрѣ, но и разстояніе отъ Хотана сохранится почти то же самое, такъ какъ отъ Каргалыка или Пишны, вѣроятно, существовалъ путь чрезъ предгорья, не превышавшій своимъ протяженіемъ разстоянія отъ Каргалыка до Акъ-тама. Согласно также приуроченіе столицы Чжугюйбо къ

¹⁾ По Гренару, отъ Хотана до Каргалыка 235 килом. (Dutreuil de Rhins. Mission Scientifique etc., partie 3, 1898, p. 217), т.-е. почти 220 в.

Чимду или пункту между этимъ селеніемъ и Актамомъ танское указаніе о нахожденіи Чжугюйбо «въ 300 ли на сѣверъ отъ горъ Цунлинь»: дѣйствительно, въ 300 ли или въ трехъ дняхъ пути, т.-е. въ 60—75 в. отъ намѣченной для столицы Чжугюйбо мѣстности, дорогою по долинѣ Яркендъ-дарьи и затѣмъ по долинѣ притока ея р. Учъ-Бельдырь, достигается перевалъ Арпаталя (12.546 ф.), отъ котораго для путниковъ, слѣдовавшихъ на западъ чрезъ Чжугюйбо, начинались горы Цунлинь. Выше, изъ реляціи о посольствѣ Сонъ Яня и Хой Сена, было приведено, что владѣніе Чжугюйбо проходило въ пять дней; надо полагать, что первые два дня приводили отъ восточной границы въ сторонѣ Юль-арыка или Каргалыка въ столицу, остальные же три дня вели изъ столицы къ перевалу Арпаталя, за которымъ уже начинались земли владѣнія Копаньто, съ которымъ Чжугюйбо было смежно «на западъ».

Въ той редакціи «Танъ-шу», изъ которой о. Іакинфъ перевелъ описаніе западныхъ странъ ¹⁾, нѣтъ особаго описанія влад. Ханьпаньто или Копаньто. Владѣніе это лишь упоминается («Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 250) въ одномъ мѣстѣ, состоящемъ изъ весьма сокращеннаго и не вполне вѣрнаго изложенія свѣдѣній Сюань Цзана о странахъ на обратномъ его пути изъ Индіи отъ Хиндукуша до Лобъ-нора. Однако, особое, и весьма притомъ интересное и важное, описаніе этого владѣнія въ «Танъ-шу» существуетъ, такъ какъ оно цитировано въ «Си-юй-ту-чжи» и въ «Дай-Цинъ-и-тунъ-чжи». Описаніе это, въ переводѣ Эмбо Юара, съ вариантами перевода Клапрота, гласитъ слѣдующее: «Владѣніе К'о рапп т'о (у Клапрота Kho phan tho) носятъ также имена Нанп то, К'о коуанп т'анп и К'о ло то. Идя на юго-западъ отъ Sou lo (по К., оно находится на юго-западѣ отъ Chou le), вступаютъ въ долину Тсиенп то (К., Kian to), проходятъ черезъ гору Роу јенп (по К., «черезъ очень трудную для прохода гору», имени же горы этой нѣтъ) и, сдѣлавъ 600 *ли* (lieues есть, безъ сомнѣнія, описка Эмбо Юара вмѣсто *ли*, какъ правильно значится у

¹⁾ По завѣренію В. В. Григорьева, о. Іакинфъ называлъ «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена», своимъ «сочиненіемъ», но «ему принадлежитъ лишь только введеніе и небольшое число примѣчаній; самыя же свѣдѣнія, имъ переведенныя, извлечены изъ источниковъ не имъ самимъ: онъ перевелъ готовый уже китайскій сборникъ такихъ извлеченій, извѣстный подъ заглавіемъ *Вай-ю-чжуанъ*» («Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. 2, Спб., 1873 г., стр. 18). Я до сихъ поръ не встрѣчалъ опроверженій этихъ свѣдѣній В. В. Григорьева, такъ что надо считать ихъ вѣрными. Во всякомъ случаѣ сборникъ «Вай-ю-чжуанъ» составленъ весьма добросовѣстно, такъ какъ почти при всѣхъ сличеніяхъ перевода Іакинфа съ переводами другихъ синологовъ обнаруживалось согласіе съ подлинными династическими исторіями сдѣланныхъ изъ нихъ въ сборникъ этомъ извлеченій. Однако, какъ показываютъ, напр., два обнаруженныхъ въ настоящемъ изслѣдованіи случая, сборникъ этотъ не совсѣмъ полонъ, потому что пропущены почему-то два танскихъ описанія владѣній Чжугюйбо и Копаньто. Вѣроятно, это случилось вслѣдствіе того, что составитель «Вай-ю-чжуанъ» иногда пользовался лишь одной какой-нибудь редакціей «Танъ-шу», старой или новой.

Клапрота), прибываютъ въ это владѣніе. Оно находится въ 4 500 ли отъ Гуа-чжеу, какъ разъ на западъ отъ Tchou tsi ro. На югъ находятся горы съ висячими переходами (у Клапрота, вмѣсто отмѣченнаго курсивомъ: Dans la direction du Tchu kiu ro, on a au sud-ouest la montagne de Hian tou); на сѣверѣ это владѣніе смежно съ Sou lo (К., Chou le), на западѣ съ страной Hou mi (К., Но му), на сѣв.-западѣ съ страной Pann hann (Кл., Phouan han). Это владѣніе господствуетъ надъ центральной частью Цунлипа (у Кл.: il est situé au milieu du Thsoun-ling). Его столица прилагаетъ къ нѣсколькимъ рѣкамъ (у К., находится между двумя рѣками). Государь его происходитъ отъ одной семьи изъ Sou lo; престолъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе въ его семьѣ (у Кл., его государи родомъ изъ Chou le и царствуютъ уже много поколѣній). На юго-западѣ находится гора Т'ёу т'онг (du mal de tête). Цунлинскія горы окружаютъ эту страну со всѣхъ сторонъ. Владѣніе это начало сношенія съ Китаемъ въ правленіе Тай-янь (435—440 гг.) династіи (Юань-)Вэй. Оно присылало посла ко двору въ 9-й годъ правленія Чень-гуань (635 г.) династіи Танъ. Въ правленіе Кай-юань (713—742 гг.) это владѣніе было вполнѣ подчинено: тамъ учреждено главное управленіе Цунлинскихъ горъ, для военной охраны крайнихъ границъ Аньси, т.-е. Кит. Туркестана (по Клапроту, учреждена была должность охранителя—gardien—Цунлина)¹⁾.

Долина Цяньмо или Кяньмо (подъ именемъ Jenn mo) и гора Пужень встрѣчались уже въ цитатахъ изъ орографической части «Си-юй-ту-чжи» (см. гл. II, стр. 54, примѣч., настоящаго изслѣдованія), но не могли быть приурочены за неимѣніемъ для этого необходимыхъ данныхъ. Теперь эта возможность представляется. Такъ какъ по приведенному танскому описанію путь изъ Сулэ-Кашгара направлялся прежде всего въ юго-западномъ направленіи по долинѣ Цяньмо, а затѣмъ пересѣкалъ трудный хребетъ или гору Пужень, то долина Цяньмо должна соотвѣтствовать лежащей на юго-западѣ отъ Кашгара долинѣ низовьевъ р. Гези или долинѣ окрестностей сел. Упаль, образуемой низовьями текущихъ съ Кашгарскаго хребта рѣчекъ, горюю же или хребтомъ Пужень, и понынѣ весьма труднымъ для пересѣченія, оказывается Кашгарскій хребетъ. Какимъ бы путемъ, въ юго-западномъ направленіи, ни пересѣкала хребетъ Кашгарскій-Пужень, — черезъ ущелье ли Гези (гдѣ могла быть устроена и поддерживаема китай-

¹⁾ Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., par Camille Imbault-Huart, Paris, 1881, переводъ статьи „Си-юй-ту-чжи“ о Бадахшанѣ, р.р. 200—201. Magazin asiatique etc., par Klapproth, Paris, 1826, t. I, переводъ 421 гл. „Лай-Цинъ-итунъ-чжи“, р.р. 95—96. Въ главѣ II, отд. I (стр. 37 и 42) настоящаго изслѣдованія, при ссылкѣ на эту самую статью Клапрота, ошибочно означенъ Magazin asiatique, t. II: слѣдовало указать на t. I. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы дополнительно привести одно мѣсто изъ „Хань-шу“ о влад. Уча въ переводѣ Клапрота (р. 94): „Этотъ проходъ (Hian tou) находился въ высокой и крутой горѣ, которую трудно было пройти. Переходили трещины въ скалахъ (les crevas-ses) и пропасти при помощи веревокъ, шедшихъ отъ одного края до другого“.

цами дорога не хуже нынѣшней) ¹⁾ или черезъ одинъ изъ переваловъ къ востоку и западу отъ ущелья Гези,—танская дорога изъ Кашгара въ Копаньто, во всякомъ случаѣ она за хребтомъ должна была попадать въ долину, образуемую Зап. Гезью и встрѣчающеюся съ нею Вост. Гезью, и слѣдовать къ верховьямъ послѣдней, а потомъ, чрезъ нетрудный перевалъ Улугъ-рабатъ (13 700 ф.), проникать въ долину Тагармы и изъ нея въ долину Ташкурмана. Отсутствіе дальнѣйшаго описанія дороги въ Копаньто по пересѣченіи хребта Пужень легко объясняется тѣмъ, что дорога эта для вьючнаго движенія никакихъ препятствій не представляетъ. Разстояніе отъ Кашгара до Ташкурмана черезъ ущелье Гези равняется 245 в. и черезъ р. Кинколь 287 в. (см. гл. I, стр. 18); по пути черезъ Улугъ-артъ или другіе сосѣдніе съ нимъ перевалы къ западу отъ ущелья Гези разстояніе должно увеличиться противъ пути чрезъ ущелье верстъ на 30, такъ что разстояніе будетъ около 275 в. Разстоянія по всѣмъ тремъ дорогамъ достаточно близки къ данному танскимъ описаніемъ разстоянію отъ Сулэ до Копаньто въ 600 ли, считая ли приближающимся къ полуверстѣ, такъ какъ при частомъ проходѣ войскъ изъ Сулэ къ охранителю Цунлина въ Копаньто китайцы должны были опредѣлить это разстояніе точно, а не днями пути. Такимъ образомъ танскія указанія относительно пути отъ Сулэ въ Копаньто и разстояніе приводятъ въ Ташкурманъ. Изъ названныхъ въ «Танъ-шу» смежныхъ владѣній страна Хуми, какъ увидимъ мы ниже, есть нынѣшій Ваханъ, а въ странѣ Паньханъ можно узнать Фергану, именовавшуюся у китайцевъ въ танское время «Боханъна, иначе Боханъ» («Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 251), Ра-һап-па у Аб. Ремюза и другихъ. Этимъ окончательно подтверждается тождество танскаго Копаньто съ Ташкурманской областью, ибо она дѣйствительно имѣетъ на сѣверѣ Сулэ—Кашгаръ, на востокѣ смежна, какъ выше выяснено, съ Чжугюйбо, на западѣ съ Ваханомъ и имѣетъ на сѣв.-западѣ Фергану, находившуюся въ танское время во власти тюрковъ, которые, вѣроятно, пользовались для лѣтовокъ Алаемъ, а можетъ-быть и Памиромъ. Сверхъ того Ташкурманская область, въ предѣлахъ отъ перевала Арпаталя на востокъ до Сарыкольскаго хребта на западѣ, окружена со всѣхъ сторонъ горами, какъ Копаньто по танскимъ свѣдѣніямъ, и занимаетъ господству-

¹⁾ Проходившій по дорогѣ черезъ ущелье Геза 25—27 ноября 1892 г. лордъ Денморъ нашелъ путь очень труднымъ и опаснымъ; черезъ утлые деревянные мосты лошадей приходилось проводить по одной (The Pamirs, by the Earl of Dunsmore, London, 1893, p.p. 201—210). Черезъ годъ дорога получила другой видъ. По словамъ проходившаго въ ноябрѣ 1893 г. капитана Бедраги, дорога черезъ ущелье Геза „можетъ считаться образцовымъ вьючнымъ путемъ: на бродахъ выстроены отличные мосты, карнизы разработаны, полотно уширено, поставлены указатели съ надписями на китайскомъ языкѣ и вообще видна заботливость правительства объ улучшеніи пути, получившаго особое значеніе въ виду событій послѣднихъ годовъ на Памирахъ“ („Сборникъ... матеріаловъ по Азіи“, вып. 56, 1894 г., стр. 67, а также 35 и 36).

ющее положеніе надъ Цунлиномъ и путями чрезъ него, почему именно въ Ташкурганъ и долженъ былъ стоять китайскій гарнизонъ, съ «охранителемъ Цунлина» для отраженія вторженій тибетцевъ изъ Балтистана въ Китайскій Туркестанъ и для поддержки союзившаго съ Китаемъ противъ Тибета Гилгита (Малаго Болюя). Въ разсматриваемомъ описаніи Копаньто учрежденіе въ этомъ владѣніи «охранителя Цунлина» отнесено къ 713—742 гг. Оно, безъ сомнѣнія, было послѣдствіемъ упоминаемой въ танскомъ описаніи Мал. Болюя личной въ 713 г. явки владѣтеля Мал. Болюя Мугиньманиа къ китайскому двору съ просьбою о помощи противъ тибетцевъ, которые стремились подчинить его страну единственно для того, чтобы имѣть «свободный проходъ для нападенія» на Кит. Туркестанъ («Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 253). Вѣроятно, также именно «охранителя Цунлина» и китайскій гарнизонъ въ Копаньто-Ташкурганъ имѣть въ виду «Танъ-шу» въ описаніи Шини, т.-е. Шигнана, говоря: «на востокъ 500 ли до караула въ проходѣ черезъ Луковыя горы» ¹⁾. Копаньто — Ташкурганъ дѣйствительно находится въ 500 ли или 5 дняхъ пути на востокъ отъ Боми (Роо-ті) или Памира, составлявшаго и тогда восточную границу Шигнана. Наконецъ, указаніе танскаго описанія Копаньто на то, что столица этого владѣнія обнималась двумя рѣками, можетъ быть объяснено тѣмъ, что Ташкурганъ въ то время былъ расположенъ между рукавами Тагдынбашской рѣки, или скорѣе почти въ углу, образуемомъ рѣкою долины Тагармы и Тагдынбашъ-дарьей.

Изъ упоминаемыхъ въ танскомъ описаніи на юго-западѣ отъ Копаньто горы Головной боли и на югѣ горъ съ висячими переходами только первая, быть-можетъ, соотвѣтственна съ ханьской Болиголовной горой. Висячій же переходъ находился по «Ханъ-шу» не на югѣ, а на западѣ отъ Уча, съ которымъ составители «Танъ-шу», очевидно, отождествляютъ Копаньто.

Хотя, такимъ образомъ, танскія свѣдѣнія, несомнѣнно, вынуждаютъ помѣщать Копаньто, древнее Уча или Уто, въ нынѣшней Ташкурганской области, но составители «Си-юй-ту-чжи», неправильно приурочивъ Уча къ Бадахшану, отождествили съ послѣднимъ и Копаньто. Указавъ, что по «Танъ-шу» Копаньто отстояло отъ Сулэ въ 600 ли, они писали: «Нынѣшній Кашгаръ есть древній Сулэ; отъ Кашгара на юго-востокъ до Бадахшана дѣйствительно 600 ли: разстоянія вполнѣ сходятся. Столица расположена среди горъ и рѣка обнимаетъ ея восточную часть: это именно и желаетъ выразить (танская) фраза—они господствуютъ надъ Цунлиномъ и прилежатъ къ нѣсколькимъ рѣкамъ. Все это можно провѣрить на самой мѣстности» ²⁾. Всѣ остальные танскія данныя оставлены безъ вся-

¹⁾ «Собраніе свѣдѣній» и пр., часть 3, стр. 258.

²⁾ Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., par C. Imbault - Huart, Paris, 1881, p. 204.

каго обсужденія и объясненія. Между тѣмъ и два единственные обстоятельства, принятые въ основаніе приуроченія Копанъто къ Бадахшану, совершенно несостоятельны. На самомъ дѣлѣ столица Бадахшана Файзабадъ находится отъ Кашгара не на юго-востокѣ, а на юго-западѣ, въ разстояніи по кратчайшему пути чрезъ ущелье Гези, постъ Памирскій, Аличуръ, Гунтъ и Калаи-Баръ-Пянджъ не 600 ли, а 684 в. (см. гл. I, стр. 17, 18, 24 и 37), т.-е. болѣе чѣмъ вдвое большею, принимая наибольшую величину ли. Файзабадъ, лежащій на высотѣ 3.950 ф., расположенъ въ тѣсной долинѣ р. Кокши, въ ширину имѣетъ не болѣе полуверсты, въ длину же тянется по берегамъ рѣки болѣе 7 верстъ, причѣмъ сообщеніе одного съ другимъ производится по находящемуся въ срединѣ города мосту («Поѣздка полк. Матвѣева въ 1877 г.» въ «Сборникѣ топограф. и пр. матеріаловъ по Азіи», вып. 5, стр. 9). Такимъ образомъ, хотя Файзабадъ находится въ горной долинѣ, но рѣка Кокша не обнимаетъ только его восточную часть, а тянется по всей длинѣ города. Въ танское время, какъ знаемъ мы изъ описанія путешествія Сюань-Цзана, слѣдовавшаго чрезъ него на обратномъ пути изъ Индіи во второй четверти VII в. и называющаго его Po-to-tch'oang-na ¹⁾, это было одно изъ нѣсколькихъ десятковъ мелкихъ владѣній въ верховьяхъ Аму-дарьи, со столицею, расположенною на скатахъ горы, какъ Файзабадъ, и ни по положенію своему на юго-западной окраинѣ Цунлина, ни по политической своей ничтожности оно не могло претендовать ни на какое господство надъ Цунлиномъ. Сверхъ того Бадахшанъ не былъ отнюдь тождественъ съ Копанъто и потому, что Сюанъ Цзанъ въ послѣднее попалъ, сдѣлавъ отъ Бадахшана 1.000 ли до Хуми (Ваханъ), затѣмъ 700 ли до озера на Памирѣ и отсюда 500 ли до Копанъто, итого 2.200 ли или 22 дня пути, все въ общемъ направленіи на востокъ, каковое разстояніе отъ Файзабада чрезъ Калаи-Пянджъ и Бол. Памиръ до Ташкурстана нынѣ оказывается равнымъ почти 500 в. ²⁾.

О политическомъ положеніи прилегающихъ къ Памиру съ востока странъ рассмотрѣнныя танскія описанія Чжугюйбо и Копанъто не даютъ почти никакихъ свѣдѣній, но изъ другихъ отдѣловъ «Танъ-шу» и исторій предшествовавшихъ династій извѣстно, что покорившимъ въ половинѣ VI в. Мавераннагръ и вообще Зап. Туркестанъ ханамъ тюрковъ сдѣлались подвластными и владѣнія Вост. Туркестана. Китайская власть на всемъ пространствѣ послѣдняго установилась лишь послѣ покоренія Китаемъ западныхъ тюрковъ, въ 658 г., но тюрки вскорѣ отложились и вступили въ союзъ съ тибетцами, которые въ 676—678 гг. отняли у Китая почти

¹⁾ Mémoires sur les contrées occidentales etc., trad. par St. Julien, Paris, 1858, t. II, p. 199.

²⁾ Именно, отъ Файзабада до Калаи-Пянджа 211 в. (см. Минаева „Свѣдѣнія о странахъ по верх. Аму-дарьи“, стр. 134 и 135), да отъ Калаи-Пянджа до Ташкурстана 288 в. (см. выше, главу I, стр. 24).

всѣ его владѣнія въ Таримскомъ бассейнѣ. Въ 692 г. китайцы снова ихъ завоевали («Собрание свѣдѣній», ч. 3. стр. 222), но власть ихъ удержалась только до конца перваго десятилѣтія второй половины VIII столѣтія. Въ танскихъ свѣдѣніяхъ о западныхъ тюркахъ есть два слѣдующія извѣстія, касающіяся при-памирскихъ странъ: 1) Около 646 г., ханъ западныхъ тюрковъ Иби-Шегуй обратился къ китайскому двору съ просьбою о выдачѣ за него китайской царевны. «Императоръ потребовалъ, чтобы ханъ для сговорныхъ даровъ уступилъ ему пять княжествъ: Кучу, Хотанъ, Кашгаръ, Чжуцзюйбо и Цунъ-Линъ» ¹⁾. 2) Назначенные въ 658 г. въ ханы покоренныхъ западныхъ тюрковъ «Мише и Бучжень не имѣли способности къ управленію, и большая часть подчиненныхъ была недовольна ими, почему Сыгъ-думанъ съ Кашгаромъ, Чжугуйбо и Гэпанъто отложились и разбили Хотанъ. Указано (императоромъ китайскому) военачальнику Су Динъ-фану выступить противъ него. Думанъ съ войскомъ занялъ Матхэу-чуанъ. Въ...660 (году) Динъ-фанъ устремился на городъ и принудилъ къ сдачѣ» ²⁾. Два извѣстія эти интересны, во-первыхъ, какъ свидѣтельство о существованіи владѣнія Цунъ-линъ, и во-вторыхъ, какъ указаніе на самостоятельность названныхъ владѣній въ отношеніи другъ къ другу. Возможно было бы предположеніе, что подъ именемъ владѣнія Цунъ-линъ разумѣется въ приведенномъ извѣстіи Копанъто, но по завѣренію Гобиля есть историческія извѣстія о прибытіи въ 635 г. къ китайскому двору посольствъ отъ владѣній Ютяни, Сулэ, Цунъ-лина (Tsong-ling) и Копанъто, причемъ Гобиль поясняетъ, что Цунъ-линомъ назывались великія горы, отдѣляющія Трансоксиану отъ Кашгара, но въ данномъ

¹⁾ «Собрание свѣдѣній» и пр., ч. I, стр. 354. То же самое у Visdelou (Bibliothèque orientale, par d'Herbelot, continuée par Visdelou et Galand, La Haye, 1779, t. IV, p. 114). По Mailla, «императоръ согласился (на выдачу за хана царевны) и велѣлъ этимъ татарамъ дать обыкновенные подарки, равно какъ и посламъ владѣній Kiu-tse, Yu-tien, Chou-le, Tchu-ku-po и Tsong-ling, которые также въ то время прибыли съ даними» (Histoire générale de la Chine etc., Paris, 1778, t. VI, p. 113); по всей вѣроятности, Mailla не понялъ своего китайскаго текста или впалъ въ какое-нибудь недоразумѣніе или ошибку. По Дегиню, l'Empereur demandoit pour présent de nocés les royaumes d'Acsou, de Kaschgar, de Khoten et les autres provinces voisines de l'Inde qui appartenoient au Khan. La Princesse resta à la Chine et le Khan garda ces provinces (Histoire générale des Huns etc., t. I, partie 2, p. 480). Напротивъ, по Паркеру, Ilvi Shitkwi (такъ пишетъ онъ по своему вмѣсто Иби-Шегуй) arranged to cede to China Kuche, Khoten, Kashgar, Yularik (Shu-chu-po) и другія мелкія памирскія владѣнія или, можетъ быть, «контроль» надъ Белурекими переходами (Tsung-ling). См. A Thousand Years of the Tartars, by E. H. Parker, London, 1895, p. 239.

²⁾ «Собрание свѣдѣній», ч. I, стр. 362. По Visdelou, поданные хановъ Мише и Бучжень «намѣревались соединиться съ Tou man, который, ставъ во главѣ трехъ татарскихъ владѣній, именно So-le, Tchu-kin-po и Kho-pan-tho, возмущился. Они объявили войну владѣнію Ютянь». Китайскій военачальникъ Су-динъ-фанъ выступилъ для ихъ усмиренья. «Туманъ укрѣпился на берегахъ рѣки Ma-theou-tchoen. Въ 660 г. Су-динъ-фанъ явился предъ городомъ, который захватилъ Туманъ, напалъ и заставилъ сдаться» (Bib. orientale, t. IV, p. 119). Кто такой былъ Думанъ и что такое за рѣка или городъ Матхэу-чуанъ—ни въ одномъ изъ существующихъ переводовъ и изложеній не выяснено.

случаѣ это—имя находящагося въ тѣхъ горахъ государства, лежавшаго къ востоку отъ Балха, Газны и другихъ странъ сѣверной Индіи и смежныхъ съ нею ¹⁾). Обращаясь къ значенію и происхожденію имени Цунъ-линъ, находимъ, между прочимъ, что по одному древнему китайскому сочиненію «Си-хэ Цзю-ши», цитируемому ученымъ VII в. Янь Шугу, на вершинахъ Цунъ-лина «повсюду растеть лукъ, отчего и названіе горамъ» («Собраніе свѣдѣній», ч. 3, стр. 33). По словамъ Сюань Цзана, «такъ какъ земля производитъ большое количество луку, то отсюда имя Tsong-ling. Прибавимъ, что эти горы имѣютъ голубоватый цвѣтъ, а потому имя Цунъ-линъ могло произойти и отсюда» (*Mémoires sur les contrées occidentales etc.*, II, p. 194, гдѣ переводчикъ поясняетъ, что по-китайски Tsong значитъ и *лукъ*, и *голубой*). Однако, большая часть мѣстныхъ именъ въ китайскихъ историческихъ извѣстіяхъ заимствована у мѣстныхъ жителей, у туземцевъ, а потому и имя Цунъ-линъ могло быть взято у туземцевъ, хотя и изображено китайскими знаками, имѣющими сходство не только фонетически, но и по значенію, по крайней мѣрѣ отчасти. Населеніемъ Цунъ-лина, въ I в. до Р. Х., когда китайцы впервые съ Западнымъ краемъ знакомились, были цзыхэсцы, народъ, близкій къ тибетцамъ. Дѣйствительно, есть тибетскія слова: tsong, которое пишется по-тибетски btsong, а выговаривается tsong и значитъ дикій лукъ, и ling (пишется gling)—страна, мѣстность (region) ²⁾. Такимъ образомъ цзыхэско-тибетское названіе Цзунъ-или Цунъ-линъ значило «Страна дикаго лука» и, вѣроятно, примѣнялось къ Памиру и отдѣляющему его отъ Таримской котловины Кашгарскому хребту. Въ этихъ предѣлахъ, но въ значеніи уже «Луковыхъ горъ» употребляли это имя и китайцы при Ханяхъ. Такъ по «Исторіи Старшихъ Ханей», «на южной и сѣверной сторонахъ Западнаго края находятся большія горы», т.-е. Алтынъ-тагъ и Тяньшань, «между которыми рѣка» ³⁾, (Таримъ) «протекаетъ»; «на западѣ ограничивается Луковыми горами». «Рѣка имѣетъ два истока: одинъ изъ Луковыхъ горъ, другой изъ Хотана». Ведущая «по направленію рѣки» до Яркяна дорога, называемая южною, «по переходѣ черезъ Луковыя горы на западъ, ведетъ въ Бол. Юечжы и Аньси». Сѣверная дорога «подлѣ Сѣверныхъ горъ, по рѣкѣ, идетъ до Кашгара» и, «по переходѣ черезъ Луковыя горы на западъ, ведетъ въ Давань»

¹⁾ Mémoires concernant l'histoire etc. des Chinois, par les Missionnaires de Pekin. t. XV, Paris, 1791, Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastie Tang, par le p. Gaubil, p. 446. По Дегиню (Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, part. 1, Tables chronologiques, p. 55), l'an 635, les peuples de Khoten, de Kachgar et de Tsong-ling, vers les sources de Sihon,... envoient des Ambassadeurs.

²⁾ Dutreuil de Rhins. Mission scientifique dans le Haute Asie, partie 3-ème, 1898, p.p. 318 et 390, гдѣ помѣщены приводимыя Ф. Гренаромъ по разнымъ случаямъ тибетскія слова.

³⁾ Wylie, p. 21, даетъ рѣкѣ имя Ро, котораго въ переводѣ о. Іакинфа нѣтъ.

и т. д. ¹⁾. «Отъ Кашгара на югъ около Луковыхъ горъ мѣста необитаемы, но при подъемѣ на упомянутыя горы съ западной стороны лежитъ Хюсюнь» ²⁾. Не совсѣмъ ясно — знали ли ханьскіе историки о существованіи Яркендъ-дарьи и особо Кашгаръ-дарьи, но не подлежитъ сомнѣнію, что Луковыми горами именовали они горы между Хотанскими горами и Тяньшанемъ. Впослѣдствіи предѣлы Цунъ-линя у китайцевъ расширились. Такъ юань-вэйскій посланникъ въ 436 г. нашелъ усуньскаго владѣтеля въ Луковыхъ горахъ, куда онъ переселился, вслѣдствіе набѣговъ жуаней, изъ окрестностей Иссыкъ-куля; такъ какъ усуньскій государь рекомендовалъ посланнику посѣтить владѣнія Полону (Фергану) и Чжеше (Ташкентъ) и далъ ему «толмачей и вожаковъ для препровожденія въ помянутыя два государства» ³⁾, то надо полагать, что кочевки подвѣдомственныхъ ему усуней находились въ бассейнѣ Нарына и, можетъ-быть, верховьяхъ Таласа и Чирчика, такъ какъ, конечно, онъ могъ заботиться объ устройствѣ сношеній Китая лишь съ дружественными своими сосѣдями. Значить, въ юань-вэйское время въ предѣлы Цунлина стали включать часть Тяньшаня. Въ «Бэй-шы», въ описаніи Сулэ, значитъ, что владѣніе это «съ сѣв.-запада облегаютъ Луковыя горы» ⁴⁾. По Сюань Цзану горы Цунлинь «на югѣ простираются до великихъ сѣжныхъ горъ; на сѣверѣ доходятъ до Теплаго моря и до Тысячи ключей; на западѣ простираются до владѣнія Хуо, а на востокѣ до владѣнія Уша» ⁵⁾, т. е. границами Цунлина считались на югѣ Хиндукушъ, на сѣверѣ Иссыкъ-куль и Каратау, на западѣ Кундузъ и на востокѣ долины Ваца, Туна и пр. Однако, расширенное значеніе термина Цунлинь, конечно, принадлежало лишь китайскимъ писателямъ, на мѣстѣ же, вѣроятно, сохраняло древнее, цзыхэское. Поэтому владѣніе Цунлинь, упоминаемое въ «Танъ-шу», должно было занимать лишь Памиръ, такъ какъ прилегающія къ Памиру собственно страны составляли особыя владѣнія, соотвѣтствующія нынѣшнимъ Ташкургану, Вахану, Шигнану, Каратегину и Чжугуйбо въ его танскихъ предѣлахъ, когда въ составъ его входила значительная часть Кашгарскаго хребта. Природныя условія Памира, какъ мы знаемъ, таковы, что и въ танское время на немъ могло обитать лишь небольшое количество кочевниковъ-скотоводовъ. Но въ такомъ случаѣ вѣроятная со стороны другихъ перечисленныхъ Гобилемъ владѣній, съ осѣдлымъ населеніемъ и, стало-быть, имѣвшихъ торговый классъ, присылка въ 635 г. посольствъ къ китайскому двору весьма мало объяснима и допустима со стороны кучки кочевниковъ Памира. По этой

¹⁾ «Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 33 и 34. Почти тоже самое, что приведено въ «Цянь-Хань-шу», повторяется въ «Исторіи Младшихъ Ханей» (см. тамъ же, стр. 109).

²⁾ Тамъ же, стр. 62.

³⁾ То же, стр. 162, 138 и 139.

⁴⁾ «Собраніе свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 163.

⁵⁾ Mémoires sur les contrées occidentales etc., t. II. p. 194.

причинѣ свѣдѣнія Гобиля о посольствѣ отъ Цунъ-лина представляются сомнительными.

По поводу вышеприведеннаго упоминанія въ переводѣ о. Іакинфа о представленіи въ 639 г. владѣтелемъ Сулэ «съ чжугуйбоскимъ Ганьтанемъ» надо упомянуть, что, по Гобилю, въ 636 г. къ китайскому двору прибыли посольства изъ странъ Tchou-ku-ro и Kan-tang²); послѣдняя, по свѣдѣніямъ Гобиля, находилась на югѣ Великаго моря ¹), т.-е. Восточнаго океана.

2) Извѣстія китайскихъ буддистовъ, путешествовавшихъ въ Индію.

а) Фа-Сянь.

Отправившійся изъ Чанъ-аня, столицы южнаго Китая, при послѣднемъ императорѣ династіи Цинь или Цзинь, въ концѣ 399 или началѣ 400 г., Фа-Сянь, какъ и другіе китайскіе паломники, встрѣчавшіеся въ немаломъ числѣ на пути, питался подаваніями буддистовъ проходимыхъ странъ, вслѣдствіе чего, для сбора запасовъ на переходы странъ безлюдныхъ или малолюдныхъ, проживалъ подолгу въ предшествовавшихъ мѣстностяхъ. Этимъ, а также пѣшимъ способомъ передвиженія нѣкоторыхъ спутниковъ объясняется медленность путешествія Фа-Сяня и незначительность проходимого въ день пути разстоянія. Отъ Юйтяня (Хотанъ) до страны Цзыхэ (Tseu-ho) Фа-Сянь находился въ дорогѣ 25 дней ³). О Цзыхэ описаніе путешествія не сообщаетъ ничего, кромѣ того, что тамошній государь былъ твердо приверженъ къ буддизму и что въ странѣ этой было около 1 т. монаховъ. Отправясь въ дальнѣйшій путь послѣ 15-ти-дневнаго пребыванія въ Цзыхэ, Фа-Сянь шелъ 4 дня на югъ, вступилъ въ горы Цунлинь и прибылъ въ страну Юй-хоей (Yu-hoei у Ab. Rémusat, Yu-hwui или Yu-tai у Beal). Никакихъ свѣдѣній объ этой странѣ не дано. Отдохнувъ здѣсь, путники шли 25 дней во владѣніе Къ-ча (Kie-tcha у A. R., Kie-cha и Kie-sha у B.). Въ странѣ этой есть около 1 тыс. монаховъ. Она находится въ серединѣ горъ Цунлинь и такъ холодна, что изъ хлѣбныхъ растений производится одна пшеница, да и та иногда не дозрѣваетъ. Высту-

¹) Mémoires concernant l'histoire etc. des Chinois, t. XV, p.p. 446—447.

²) Изложеніе пути Фа-Сяня сдѣлано мною по переводамъ сохранившагося описанія его путешествія Абель Ремуза (Foe koue ki ou Relation des royaumes bouddhiques, par Chy Fa Hian, traduit du chinois et commenté par M. Abel Rémusat etc. Paris, 1836, p.p. 22—45) и Биля (Travels of Fah-hian and Sung-yun, buddhist pilgrims, from China to India, translated from the Chinese by Samuel Beal, Chaplain in Her Majesty Fleet, London 1869, p.p. 13—26). Я пользовался также цитатами Керзона (The Pamirs and the source of the Oxus, p. 64) изъ новаго изданія перевода Биля (Buddhist Records of the Western World, London, 1890, vol. I).

пивъ изъ Къ-ча и направляясь на западъ ¹⁾ къ Сѣверной Индіи, путешественники употребили мѣсяцъ пути для прохода (или пересѣченія) Цунлина. Снѣгъ здѣсь и зимою, и лѣтомъ. Есть тамъ также ядовитые драконы, которые, будучи раздражены, извергаютъ ядъ, вѣтры, дождь, снѣгъ, летучій песокъ и булыжникъ. Изъ 10 тысячъ, подвергшихся этому бѣдствію, ни одинъ не спасается. На границахъ Сѣв. Индіи путешественники вступили въ небольшую страну по имени Толи (Tho-ly, To-li), гдѣ находилась чудотворная статуя Будды изъ дерева; въ странѣ этой значительное число монаховъ. Отсюда путешественники шли вдоль Цунлина на юго-западъ 15 дней по трудной дорогѣ между пропастями и крутыми скалами. Съ одной стороны возвышающіяся на 10 т. футовъ въ видѣ каменной стѣны горы, съ другой, внизу, рѣка, именуемая Синту. Здѣсь въ старину, для устройства дороги, въ скалахъ была высѣчена тропа, расширенная устроенными съ боку мостками (échelles, ladders). Пройдя семь сотенъ такихъ мостковъ, путешественники пересѣкли рѣку по висячему канатному мосту; между берегами рѣки разстояніе не менѣе 80 шаговъ. По переходѣ чрезъ рѣку Фа-Сянь вступилъ въ страну Учанъ.

Приуроченіе пути Фа-Сяня, — описаніе котораго не даетъ точныхъ указаній о направленіи его движенія въ нѣкоторыхъ частяхъ маршрута и употребляетъ отчасти такія имена странъ, которыя не встрѣчаются ни раньше, ни позже, при отсутствіи притомъ этническихъ и политическихъ свѣдѣній, — представляетъ задачу трудно разрѣшимую. Аб. Ремюза склоненъ былъ принять Къ-ча за Кашмиръ, но Клапротъ справедливо находилъ, что климатъ Кашмира не такой холодный, чтобы страну эту возможно была принять за Къ-ча по описанію Фа-Сяня; съ своей стороны Клапротъ думалъ, что Фа-Сянь шелъ по Тизнафу и затѣмъ чрезъ Каракорумскій перевалъ въ Ладакъ, а отсюда на западъ по Балтистану, и принималъ Юй-хоей за Ладакъ, Къ-ча же признавалъ находившимся гдѣ-нибудь въ Балтистанѣ или по сосѣдству (Foe koue ki etc., p. 29). Кеннингамъ первый узналъ въ Толи долину Дарелъ, но признавалъ Къ-ча за Ладакъ (Ladak etc. London, 1854, p. 2). В. В. Григорьевъ готовъ былъ приурочить Юй-хуй къ ханьскому Уто (Уча), отъ опредѣленія же Къ-ча уклонился («Вост. Туркестанъ», вып. 2, 1873 г., стр. 114). Состоявшій членомъ посольства Форсита къ Якубъ-беку въ 1873 г. и бывшій впослѣдствіи англо-индійскимъ агентомъ въ Гилгитѣ, а потому лично знакомый съ значительною частью странъ и путей между Вост. Туркестаномъ и Индіею, Биддельфъ находилъ, что Фа-Сянь не шелъ чрезъ Ладакъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ продолжалъ бы свой путь на Кашмиръ; между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ тамъ не былъ. Полагая,

¹⁾ Слова „на западъ“ въ цитатахъ Керзона изъ новаго изданія перевода Биля отсутствуютъ, но, по замѣренію Паркера (Contemporary Review, 1897, December, p. 879), въ китайскомъ подлинникѣ они существуютъ.

что Цзыхэ соответствует Яркенду, а Къ-ча Сарыколу, онъ думалъ, что Фа-Сянь долженъ былъ пройти въ Сарыколь по кушерабской дорогѣ, «и ю-хуи должны были быть кочевники, соответствующіе нынѣшнимъ киргизамъ». Изъ Сарыкола въ долину Дарель (Толи) Фа-Сянь прошелъ, по его мнѣнію, чрезъ Гилгитъ, куда прибылъ или чрезъ Канджуть, или чрезъ Памиръ: послѣднее вѣрнѣе, такъ какъ соответствовало бы указанію о направленіи пути на западъ. («Народы, населяющіе Гиндукушъ. Сочиненіе майора Биддельфа. Перевелъ П. Лессаръ», Асхабадъ, 1886 г., стр. 145—147). Изъ новѣйшихъ авторовъ Керзонъ,—указывая, между прочимъ, что Ладакъ по своему положенію отнюдь не лежитъ въ срединѣ Цунлина, какъ Къша (Къ-ча) Фа-Сяня, и что климатъ и природныя условія Цунлина, какъ описываетъ ихъ Фа-Сянь, тождественны съ извѣстными намъ климатомъ и природою Памира,—склоняется къ тому мнѣнію, что Фа-Сянь проходилъ черезъ часть Памира, но мы не имѣемъ средствъ выяснить, какою именно дорогою онъ шелъ и какими перевалами пересѣкъ Хиндукушъ, слѣдуя въ долину Дарель (The Pamirs and the source of the Oxus, 1896, p. p. 65—66). По мнѣнію Паркера, путь Фа-Сяня съ достовѣрностью можетъ быть опредѣленъ лишь до Хотана и отсюда до Кокъяра «или до какого-нибудь мѣста между нимъ и Ташкурганомъ; какое бы это ни было мѣсто, онъ употребилъ для прохода къ нему отъ Хотана 25 дней, и населеніе этой страны описывается, какъ и шесть столѣтій ранѣе, имѣющимъ типъ болѣе сходный съ тибетскимъ, чѣмъ съ тюркскимъ». На самомъ дѣлѣ, по существующимъ переводамъ, въ описаніи путешествія Фа-Сяня о сходствѣ типа населенія Цзыхэ, въ которое прибылъ онъ чрезъ 25 дней пути отъ Хотана, съ тибетскимъ, рѣшительно ничего не говорится, такъ что тутъ Паркеръ впалъ въ ошибку. Дальнѣйшій путь Фа-Сяня, по мнѣнію Паркера, лежалъ чрезъ Каракорумскій переваль въ Кашмиръ. «Предшествовавшіе (Фа-Сяню) путешественники не посѣщали Кашмира, Индіи и Кафиристана, и проходили чрезъ Памиры въ Кабулистанъ. Фа-Сянь же ясно говоритъ намъ, что онъ былъ тамъ, гдѣ не были два самыхъ знаменитыхъ между ними, т.-е., какъ я полагаю, прошелъ чрезъ Каракорумъ и чрезъ Кашмиръ, который значится подъ именемъ Kiat-ts'a или Kasya» (China and the Pamirs, by E. H. Parker, въ Contemporary Review, 1897, December, p. p. 268 — 269). Однако, вопреки Паркеру, сдѣланное въ описаніи путешествія Фа-Сяня (послѣ упоминанія о переходѣ чрезъ Синту по висячему мосту на пути изъ Толи въ Учанъ) замѣчаніе о томъ, что китайскіе посланцы ханьскихъ временъ Чжанъ Цянь и Гань Инъ «не доходили до этого пункта» (Foe-koue-ki, p. 35), т.-е. до Инда, ни малѣйше не служитъ доказательствомъ, что Фа-Сянь шелъ чрезъ Каракорумъ и Кашмиръ. Что Фа-Сянь не былъ въ Кашмирѣ, это ясно, между прочимъ, изъ того, что онъ ничего не говоритъ о тѣхъ буддійскихъ святыняхъ, ступахъ, храмахъ и легендахъ, которыя описы-

ваются и рассказываются Сюань Цзаномъ въ описаніи Кашмира (см. *Mém. sur les contrées occid.*, t. 2, pp. 167—186). Отождествлять такую страну, какъ Къ-ча Фа-Сяня, гдѣ и пшеница иногда не дозрѣваетъ, на столько она холодна, съ Кашмиромъ, гдѣ три четверти обрабатываемой земли засѣваются рисомъ, дающимъ превосходные по количеству и качеству урожаи и составляющимъ главную пищу многочисленнаго населенія (*Travels in Kashmir, Ladak etc.*, by G. T. Vigne, London, 1842, vol. 1, p. 308), отнюдь не приходится.

Не приводя мнѣній многихъ другихъ писателей, касавшихся вопроса объ опредѣленіи пути Фа-Сяня, такъ какъ за неимѣніемъ до послѣднихъ лѣтъ обстоятельныхъ свѣдѣній о горной странѣ между Ташкурганомъ и Каргалыкомъ выясненіе пути Фа-Сяня было почти невозможно, я попытаюсь опредѣлить этотъ путь на основаніи описанія путешествія и имѣющихся въ настоящее время новѣйшихъ данныхъ. Начать надо съ того, что Цзыхэ Фа-Сяня находилось не на мѣстѣ Яркенда и Кокъяра, въ какомъ-нибудь пунктѣ между Актамомъ и Чимду, какъ выяснено мною на предшествующихъ страницахъ, сообразно династіиымъ исторіямъ V—VIII столѣтій. Прямое разстояніе между Хотаномъ и Цзыхэ составляетъ только 260 в., такъ что на 25 дней Фа-Сяня приходится около 10 в. въ день, но, во-первыхъ, и такое разстояніе для дневнаго пути питающихся подаяніями и пѣшихъ паломниковъ не невѣроятно, во вторыхъ же, весьма возможно, что Фа-Сянь и его спутники слѣдовали отъ Хотана до Цзыхэ не по прямой дорогѣ равниною, а чрезъ Дуа, Санджу, Килианъ и Кокъяръ по предгорьямъ, гдѣ осѣдлыя поселенія чаще, населеніе и богаче, хотя протяженіе пути значительно дальше, можетъ быть, въ полтора раза противъ прямого разстоянія. Четыре дня пути отъ Цзыхэ на югъ до вступленія въ горы Цунлинъ и страну Юй-хоей должны были привести Фа-Сяня по долинѣ Яркендъ-дарьи и затѣмъ или по долинѣ р. Азгансала до сел. Шауширь, или по долинѣ р. Учъ-Бильду до сел. Унгурлыкъ.

Свѣдѣнія объ обоихъ путяхъ имѣются въ рукописныхъ дневникахъ и маршрутныхъ описаніяхъ Б. Л. Громбчевскаго, который, первымъ изъ европейцевъ, прошелъ по нимъ въ 1890 г. Послѣ него въ 1895 г. шелъ по дорогѣ отъ перевала Арпаталя до Кушераба Свенъ Хединъ, но помѣщенныя имъ въ его «Въ сердцѣ Азіи» (Спб., 1899 г., т. 2, стр. 37) свѣдѣнія слишкомъ кратки и не даютъ разстояній; не включена эта часть его маршрутовъ и въ вышедшемъ во второй половинѣ 1900 г. трудѣ: *Die geographisch-wissenschaftlichen Ergebnisse meiner Reisen in Asien 1894—1897* въ *Petermanns Mittheilungen, Ergänzungsheft, Nr. 131, Gotha, 1900*, откуда узнаемъ (S. 259), что путь отъ Ташкургана до Кушераба будетъ описанъ въ особомъ сочиненіи о поѣздкахъ Хедина по Памиру, т.-е. можетъ появиться не ранѣе, какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, по возвращеніи Хедина изъ предпринятаго имъ новаго путешествія въ Ср. Азію. Послѣ Хедина по

обоимъ путямъ проходилъ капит. Deasy, цѣлью котораго, повидимому, было топографическое изслѣдованіе тѣхъ мѣстностей въ бассейнѣ Яркендъ-дарьи (въ средней и нижней частяхъ его горной части) и въ бассейнѣ Тагдын-башъ-дарьи, которыя не были посѣщены Громбчевскимъ; описанія и разстояній путей по Учъ-Бильду и Азгансалу кап. Дизи въ изданномъ имъ пока описаніи путешествій его не дано (*Journey in Central Asia*, въ *Geographical Journal*, 1900, August and November, съ картою). Вслѣдствіе всего этого почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній объ упомянутыхъ путяхъ и о разстояніяхъ по нимъ остаются рукописные дневники и маршрутные описанія Б. Л. Громбчевскаго.

По пути отъ Чимду чрезъ долину р. Учъ-Бильду дорога идетъ вверхъ по Яркендъ-дарьѣ 17 в. до сел. Кушераба¹⁾ на устьѣ р. Учъ-Бильду (400 дворовъ). Отъ Кушераба вверхъ по р. Учъ-Бильду до сел. Дамсиль (*Damsal* у Deasy), гдѣ, на высотѣ 5.870 ф., разводится виноградъ, персиковые и другія плодовые деревья, около 8 в. по картѣ²⁾. Отъ Дамсиля, чрезъ сел. Учъ-Бильду (въ 10 вер., 50 дворовъ) до кургана Игизъ-арыкъ 32 в. (днев. 20 авг.). Итого отъ Чимду до кургана Игизъ-арыкъ 57 в., что даетъ по 14 $\frac{1}{4}$ в. на каждый изъ 4-хъ дней пути Фа-Сяня; но въ виду вѣроятнаго нахожденія столицы Цзыхэ не въ самомъ Чимду, а ниже его на день пути, между Чимду и Акъ-тамомъ, надо полагать, что четвертый ночлегъ свой Фа-Сянь имѣлъ между Учъ-Бильду и Игизъ-арыкомъ, выше устья р. Каинлыкъ (9 в. отъ сел. Учъ-Бильду), гдѣ долина расширяется (дн. 20 авг.), въ сел. Онгурлыкъ Свена Хедина, находящемся, повидимому, ниже уроч. Гурумлинны-аузы карты Б. Л. Громбчевскаго, верстѣ 12 не доходя Игизъ-арыка, такъ что ночлегъ этотъ находился верстахъ въ 45 отъ Чимду³⁾.

¹⁾ Дневн. 24 авг. 1890 г. У Хедина *Kuscher-ab. Deasy* помѣщаетъ на мѣстѣ Кушераба сел. *Taklay* (*Geogr. Journal*, 1900, November, p. 501), на картѣ же стоитъ *Takla*.

²⁾ На картѣ путешествій подп. Громбчевскаго проведена и линія пути его отъ Дамсиля къ Чимду, но это мнѣ кажется ошибкой, такъ какъ изъ дневниковъ 19 и 24 авг. видно, что между Дамсилемъ и Кушерабомъ онъ не проходилъ.

³⁾ На картѣ путешествій Хедина, приложенной къ *Petermanns Mittheilungen, Ergänzungsheft*, № 131, путь Хедина отъ перевала Арпаталъ показанъ на юго-востокъ къ Игизъ-арыкъ-караулу и оттуда на сѣв.-востокъ чрезъ *Unkurluk, Uetschbeldir, Damsir* и *Kuscher-ab*; но упомянутое первоначальное направленіе на Ю.-В. находится въ противорѣчій съ описаніемъ Хедина, который, послѣ нѣсколькихъ словъ о перевалѣ Арпаталъ, говоритъ: „Дорога повела на ОНО къ селенію Онгурлукъ (овраги), гдѣ какъ разъ происходила молотба“ и т. д. („Въ сердцахъ Азии“, т. 2, стр. 37). Такъ какъ не только на картѣ путешествій Хедина, прерисованной составленной д-ромъ Хассенштейномъ, пользовавшимся маршрутными съемками Хедина, но и на картахъ Громбчевскаго и Дизи (у котораго Игизъ-арыкъ-караула нѣтъ, а означенъ *Karol*, на высотѣ въ 9,100 ф., вѣроятно на мѣстѣ Игизъ-арыка, которому карта Громбчевскаго даетъ 9.058 ф. выс.) первоначальное направленіе дороги съ Арпаталъ означено юго-восточное, то можно пока думать, что представляющееся противорѣчіе явилось слѣдствіемъ краткости описанія Хедина. По причинѣ той же краткости и неясности, въ изложеніи пути Хедина въ гл. I (стр. 19) я означилъ его прибытіе въ Онгурлыкъ (описка

По дорогѣ чрезъ долину р. Азгансалъ ¹⁾ отъ Чимду до сел. Торъ-аузы на Азгансалѣ 37 в. (дн. 23 авг.); отсюда до уроч. Тахтъ близъ мазара Шейхляръ по рр. Азгансалу и Шауширу 32 в. (дн. 22 авг.); затѣмъ до кургана Игизъ-арыкъ чрезъ переваль Тахтъ 20 в. (дн. 21 авг.). Итого отъ Чимду до Игизъ-арыкъ-кургана 89 в. Но такъ какъ первый изъ 4-хъ дней пути привелъ, вѣроятно, Фа-Сяня въ Чимду, то три остальные дня должны были довести его чрезъ 45 в. приблизительно въ урочище Бильду-лянгаръ между сел. Торъ-аузы и Шауширомъ, гдѣ дорога мѣняетъ южное до Бильду-лянгара направленіе на западное къ Шауширу, Тахту и далѣе ²⁾).

Итакъ, какъ путь чрезъ Учъ-Бильду, такъ и дорога чрезъ Азгансалъ соотвѣтствуютъ пути Фа-Сяня изъ Цзыхэ, находившагося между Чимду и Актамомъ, ибо по обоимъ четыре дня пути ведутъ на югъ, на пятомъ же переходѣ начинается дорога горная — вступленіе въ горы Цунлинъ. Этому условію не удовлетворяютъ ни сел. Шихпу, которое по нѣкоторымъ соображеніямъ (о нихъ ниже) могло бы претендовать на приуроченіе къ нему Цзыхэ, ни сел. Кокъяръ, съ которымъ отождествляли Цзыхэ китай-

вмѣсто Онгурлыкъ) 25 сент., тогда какъ изъ текста Хедина этого въ точности не видно: можетъ быть, — что вѣроятно, — онъ 25 сент. имѣлъ ночлегъ около Игизъ-арыка, а чрезъ Ункурлыкъ проходилъ 26 сент. Слово унгуръ или ункуръ, онгуръ, онкуръ значить „пещера“ (см. Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie, partie 3, p. 74), а потому названіе Ункурлыкъ или Онгурлыкъ имѣетъ связь съ находящимися на мѣстѣ пещерою или пещерами, быть можетъ прежде служившими для обитанія буддійскихъ монаховъ. Deasy, p. 501, называетъ долину Учъ-Бильду, по которой онъ поднимался къ пер. Арпаталю, долиною Chiung-Say, т.-е. Чюнъ-сай, что значить „большое ущелье“ или долина; его *Karol*. вѣроятно, Игизъ-арыкъ-*караулъ*.

¹⁾ Въ незамѣнимомъ доселѣ описаніи горной части Яркендскаго окр. и Ташкурганской обл. караванбаша Мохаммедъ-Эмина, р. Азгансалъ названа Пиншипаномъ и показана текущею изъ горъ Мида; онъ же показываетъ текущими съ перевала Арпаталю рѣчки Кушрабъ и Ушбалдыръ (В. В. Григорьева „Вост. или Кит. Туркестанъ“, вып. 2, стр. 485). Можно думать, что Кушрабъ и Ушбалдыръ суть два названія рѣки Учъ-Бильду или Учъ-Бильдыръ новѣйшихъ картъ и путешественниковъ. На р. Азгансалѣ первое отъ Чимду вверхъ селеніе называется у Громбчевскаго Пиншъ, у Дизи Innis. Горы Мида Мохаммедъ-Эмина есть, по всей вѣроятности, находящаяся въ 230 ли отъ Яркенда, по китайскимъ извѣстіямъ XVIII стол., „гора Мирчжай, которая вся состоитъ изъ разноцвѣтной яшмы, но иная въ корѣ, а другая содержитъ внутри себя частицы кварца“ и т. д. (Акинфа „Описаніе Чжунгаріи и В. Туркестана“, Спб., 1829 г., стр. 137). На многихъ прежнихъ картахъ гора Мирчжай и показывалась между Тизнафомъ и Яркендъ-дарьею, но со времени карты Б. Л. Громбчевскаго исчезла съ картъ, такъ какъ у него не значится. Вѣроятно, названіе Мида случайно не дошло до свѣдѣнія названнаго путешественника, но быть можетъ оно существуетъ и понынѣ. На картѣ 1895 г. въ самыхъ вершинахъ Азгансала Б. Л. Громбчевскимъ отмѣчены „Нефритовыя копи“; тутъ и должны быть горы Мида или Мирчжай Мохаммедъ-Эмина и китайскихъ извѣстій. По рукоп. маршруту Б. Л. Громбчевскаго 23 авг. 1890 г., ниже сел. Торъ-аузы рѣка Азгансала называется Чипанъ и течетъ 20 в. по культурной полосѣ чрезъ многочисленныя селенія; послѣ этого долина суживается въ тѣснину и дорога идетъ 14 в. по правому высокому и травянистому берегу.

²⁾ По рукоп. маршруту 22 авг. 1890 г., дорога Б. Л. Громбчевскаго отъ ур. Тахтъ вошла въ ущелье р. Шаушира на 13 в. и достигла ущелья р. Азгансала на 22 в., выше ур. Бильду-лянгаръ.

скіе историки и географы манджурской династіи. Дорога изъ Шихпу идетъ на юго-западъ только около 23 в. (именно до сел. Услюшъ около 5 в., по картѣ, далѣе 8 в. до сел. Дунгзоля и отсюда около 10 в. до ущелья Кургакъ, все по картѣ и рукоп. дневникамъ Б. Л. Громбчевскаго), а затѣмъ направляется на западъ и сѣв.-западъ къ Арпаталю, такъ что шедшій изъ Шихпу-Цзыхъ Фа-Сянь двигался бы на югъ только полтора дня, а не четыре. Что касается до Кокъяра, то южное направленіе дороги изъ него въ Ташкурганъ сохраняется лишь 9 в. до сел. Псаръ (дн. 13 іюля 1890 г.), откуда направляется на сел. Момукъ на р. Тизнафъ и по ущелью Кургакъ—все на сѣв.-западъ.

По чрезмѣрной краткости изложеннаго мною въ главѣ I описанія Хедина, считаю здѣсь необходимымъ, для ознакомленія съ страной и путемъ между Тизнафомъ и Ташкурганомъ, привести рассказъ французскаго негоціанта Доверня о пути его между Тизнафомъ и Тагдынбашъ-дарьей въ первой половинѣ сентября 1889 г.¹⁾ Изъ сел. Мому (Момукъ Б. Л. Громбчевскаго) направился онъ на западъ вверхъ по сухому руслу (ущелье Кургакъ, т.-е. сухое, у Б. Л. Г.) и дошелъ до урочища Kiol (по Гр., дн. 7 авг., ущелье Кургакъ совершенно безжизненно и лишено воды; лишь въ самыхъ вершинахъ его есть небольшой родникъ, растутъ еловый лѣсъ и склоны покрыты травой; эти вершины названы у него ур. Куль), до котораго отъ вышеупомянутаго сел. Дунгзоля на Тизнафъ, по дн. 7 авг., 42 в., гдѣ нашолъ много каргалыкцевъ, пріѣхавшихъ рубить лѣсъ, ибо только тутъ во всемъ Куэнь-лунѣ встрѣчаются ели. Такъ какъ воды оказалось на ур. Куль мало и притомъ загрязненная, то Довернь пошелъ въ сосѣднюю долину съ небольшою рѣчкой. Отсюда направился онъ на сѣв.-западъ до небольшой деревни Asgam Salgam, съ посѣвами пшеницы и овса; тутъ оказался и хорошій подножный кормъ для лошадей (это дер. Азгансаль на р. того же имени, въ 50 дворовъ, дн. Гр. 18 авг.). Пройдя потомъ по рѣчкѣ на С.-З. и поднявшись по другой рѣчкѣ на Ю.-З. до небольшой деревни Chuchu (это у Б. Л. Гр., по дн. 22 авг., селеніе изъ 20 отдѣльныхъ «фермъ» на р. Шауширъ или Шухши) и затѣмъ сталъ лагеремъ на плато Donya среди кочевыхъ *киргизъ-ваханцевъ*: такъ Довернь постоянно называетъ кочевниковъ, вышедшихъ изъ Вахана, съ арійскими чертами наружности. Въ плато Донія можно узнать ур. Тахтъ Б. Л. Громбчевскаго, на картѣ котораго показанъ перевалъ Дуни, по-видимому на сѣверѣ отъ этого урочища; близъ этого урочища кочуетъ 30 кибитокъ кара-киргизовъ рода кара-саадакъ, перешедшихъ сюда съ р. Пасъ-рабатъ, сѣвернаго притока Тагдынбашъ-дарьи (дн. 21 авг.²⁾). На

¹⁾ Exploration dans l'Asie centrale, par Henri Dauvergne, въ Bull. de la Soc de Géogr., Paris, 1892, 1-re trimestre, p.p. 15—22.

²⁾ По рукоп. маршруту Б. Л. Громбчевскаго (18 авг. 1890 г.) отъ ур. Куль до р. Азгансала 4 в.; отсюда до дер. Азгансала 8 в. и отсюда до устья р. Шау-

слѣдующій день Довернь перешелъ переваль Takta Dawan (13.400 ф. = 4100 м.), гдѣ горы обросли пихтами, можжевельникомъ и березами ¹⁾, и спустился въ глубокое ущелье; островерхія скалы были черноватаго и красноватаго цвѣта, было много желѣзистыхъ и магнезіальныхъ источниковъ. Встрѣтивъ идущую съ запада рѣчку, впадающую, кажется, у Косараба въ р. Зерафшанъ (это должна быть р. Учъ-Бильду), путешественникъ поднялся по ней до Egizarak kourgān, небольшого укрѣпленія квадратной формы, занятаго нѣсколькими служащими китайцамъ туземными чиновниками. Тамъ въ трехъ горнахъ выплавляли довольно первобытнымъ способомъ мѣдь изъ руды. Въ слѣдующемъ 1890 г. (дн. 20 авг.) Б. Л. Громбчевскій нашелъ укр. Игизъ-арыкъ-курганъ уже полуразрушеннымъ и обитаемымъ лишь однимъ джигитомъ съ семьею, сѣявшимъ немного ячменя: выплавка мѣди была уже брошена, такъ какъ не окупала расходовъ. Поднявшись по долинѣ Эгизаракъ-кургана, Довернь перевалилъ чрезъ Arpatalluk Dawan (12.500 ф. = 3.790 м. ²⁾) и спустился въ очень глубокое ущелье, образуемое черными скалами, съ пиками въ видѣ колоколенъ, стрѣлъ и другихъ фантастическихъ формъ. На ночлегъ путешественникъ прибылъ въ дер. Лянгаръ на устьѣ небольшой рѣчки, впадающей въ Зерафшанъ, текущей въ недающихъ мѣста для дороги утесистыхъ скалахъ. При деревнѣ мазаръ Babafaulmalik, окруженный многочисленными гробницами, масса зелени и сады изъ абрикосовыхъ, яблонныхъ и дикихъ масличныхъ деревьевъ, называемыхъ въ Индіи behr. Слѣдующій день занятъ былъ приготовленіями къ переправѣ чрезъ Зерафшанъ, которая произведена была на державшемся на надутыхъ воздухомъ козьихъ шкурахъ плоту и потребовала около 4 час. времени, причемъ животныя переплавлены вплавъ. Пробравшись на лѣвомъ берегу чрезъ ограду утесовъ довольно труднымъ путемъ километра въ два, Довернь прибылъ на устье р. Тоунгъ въ Зерафшанъ съ деревней того же имени, но на ночлегъ остановился послѣ нѣсколькихъ часовъ пути въ дер. Наѣкарагъ (?). Выступивъ отсюда черезъ два дня, путешественникъ поднялся по долинѣ Тунъ, прошелъ дер. Лянгаръ и Кандлакшъ, въ направленіи на З. и З.-Ю.-З., чрезъ довольно трудныя ущелья, потомъ на Ю.-Ю.-З. и остановился на ночлегъ

шира 4½ в. Ниже, на протяженіи 6 в., р. Азгансалъ пробивается чрезъ узкую тѣснину.

¹⁾ Пер. Тахтъ на картѣ путешествій подп. Громбчевскаго показанъ въ 10.669 ф., а въ дневникѣ 21 авг. замѣчено, что онъ поросъ травой. Онъ въ 3 в. отъ ур. Тахтъ.

²⁾ Пер. Арпаталъ на картѣ Громбчевскаго означенъ на высотѣ 12.546 ф. и 21 авг. покрытъ былъ глубокимъ снѣгомъ, что онъ приписывалъ исключительному по обилію влажности году, который лишилъ его возможности пробраться въ долину р. Тунъ по затруднительности переправы чрезъ Яркендъ-дарью. По тому же маршрутному описанію, вершина перевала Арпаталъ отстоитъ отъ Игизъ-арыкъ-кургана въ 7 в.; подъемъ и спускъ довольно круты, но лишь около вершины. Въ ур. Сугетлыкъ, гдѣ ущелье отъ перевала соединяется съ ущельемъ р. Сугетлыка, посѣвы ячменя.

на высотѣ 11.500 ф. Отсюда, по оврагу на Ю.-В., Довернь поднялся на крутой Kotli Kandar, 16.350 ф. = 5.000 м., по замерзшему снѣгу, съ большими трудностями; лошадей пришлось развьючивать и поднимать каждую на веревкахъ. Спустились по небольшой рѣчкѣ и остановились на ночлегъ въ долинѣ Abi-Ouchi. На слѣдующій день, спускаясь по долинѣ, прибыли въ сел. Khagakh (вѣроятно, это Крагъ карты Громбчевскаго), наняли здѣсь проводниковъ и направились на перевалъ Ogriart Dawan, 13.050 ф. = 3.980 м., чрезъ который и спустились въ долину Тагдынбашъ-дарьи, по которой на слѣдующій день дошли до ур. Dabdar, оставивъ Kash-kurgan (т.-е. Ташъ-курганъ) въ сторонѣ. На картѣ Доверня перевалъ Огри-артъ показанъ почти на паралели Ташъ-кургана, но въ дѣйствительности, какъ видно изъ карты Громбчевскаго, онъ находится верстъ на 25 южнѣе.

Разстоянія по пройденному Довернемъ пути приблизительно можно опредѣлять такъ: 1) Отъ Момука до Донія (ур. Тахтъ), по дневникамъ и картѣ Б. Л. Громбчевскаго, около 62 в. (именно, отъ Момука до ур. Куль около 30 в. и отъ ур. Куль до ур. Тахтъ около 32 в.). 2) Отъ ур. Тахтъ до сел. Курукъ-Лянгаръ у переправы чрезъ Яркендъ-дарью 57 в. (по дневн. Г., отъ ур. Тахтъ до Игизъ-арыкъ-кургана 20 в., отъ него до ур. Сугетлыкъ 19 в. и, по разпросамъ Г., отъ послѣдняго до Курукъ-Лянгара 18 в.). 3) Отъ сел. Курукъ-Лянгара до сел. Наёкаragh, котораго ни у Хедина, ни у Дизи не значится, примѣрно 15 в. 4) Отъ Наёкаragh до ночлега у подножія перевала Кандаръ около 50 в.: Хединъ, послѣ ночлега, по спускѣ съ перевала Кандахоръ, въ рабатѣ Кочкаръ-бекъ-бай, шелъ до сел. Кандалакшъ три дня (20, 21 и 22 сент., съ ночлегами въ березовой рошѣ Терсекъ, въ сел. Лянгаръ и въ сел. Кандалакшъ), да отъ сел. Кандалакшъ до мѣста переправы прошелъ еще нѣсколько километровъ («Въ сердцѣ Азіи», Спб., 1899 г., т. 2, стр. 30—34); хотя по картѣ Deasy разстояніе отъ переправы чрезъ Яркендъ-дарью до пер. Кандаръ не превышаетъ 30 миль, по масштабъ карты очень малъ и относительно долины Туна она столь неудовлетворительна, что не показываетъ въ ней ни одного селенія за исключеніемъ пункта Khugak у подножія перевала Кандаръ. 5) Отъ ночлега у подножія перевала Кандаръ до ночлега по спускѣ въ долину Тагдынбашъ-дарьи около 60 в.: Хединъ употребилъ четыре дня, но въ этомъ числѣ слѣдуетъ одинъ день пути положить на разстояніе между Ташкурганомъ и паралелью Угри-арта. Такимъ образомъ протяженіе пути Доверня отъ сел. Момука на Тизнафѣ до долины Тагдынбашъ-дарьи составляетъ около 244 в., а отъ Игизъ-арыкъ-кургана до Тагдынбашъ-дарьи около 162 в. Съ добавленіемъ къ послѣдней цифрѣ 25 в. до Ташкургана получится 187 в. или, для круглаго счета, 190 в., а это довольно подходитъ къ 10 днямъ пути Хедина отъ Ташъ-кургана по 20 в. въ день.

Такъ какъ путь по долинь Учъ-Бильду въ 57 в. до Игизъ-арыкъ-кургана у подножія пер. Арпатала значительно короче пути по долинь Азгансала, равняющагося отъ того же Чимду 89 в., и избѣгаетъ довольно высокаго перевала Тахтъ, то слѣдуетъ полагать, что Фа-Сянь шелъ изъ Цыхэ четыре дня на югъ по долинамъ Яркендъ-дарьи и Учъ-Бильду, а не Азгансала, въ пятый же день поднялся до мѣстности Игизъ-арыкъ-кургана предъ переваломъ Арпатала, которымъ начинались въ его глазахъ горы Цунлинъ. Въ такомъ случаѣ мѣстность Игизъ-арыка должна считаться страной или владѣніемъ Юй-хоей, или, точнѣе, тою частью этой страны, которой коснулся на пути своемъ Фа-Сянь, такъ какъ однѣ вершины р. Учъ-Бильду, гдѣ находится Игизъ-арыкъ-курганъ, не могли называться страной или владѣніемъ и въ составъ ея, вѣроятно, входили смежныя верховья р.р. Азгансала, Чупа, Пиля и Тизнафа, все горныя мѣстности, подобно вершинамъ Учъ-Бильду, пригодныя главнымъ образомъ лишь для скотоводства. Если имя Юй-хоей китайское или передѣланное на китайскій ладъ туземное и если въ немъ звукъ *юй*, значащій *нефритъ*, поставленъ сознательно, то нефритовыя копи и гора Мирчжай въ вершинѣ Азгансала указываютъ отчасти на его происхожденіе. Во всякомъ случаѣ скотоводческія условія страны этой и несомнѣнное въ ханскія времена цыхэское ея населеніе побуждаютъ полагать, что и въ началѣ V в. она продолжала быть обитаема вѣтвями цыхэскаго племени, будучи кочевымъ владѣніемъ или волостью, независимымъ или подвластной земледѣльческому владѣнію Цыхэ, занимавшему низовья Учъ-Бильду, Азгансала и Тизнафа. Разстояніе въ 25 дней пути отъ Юй-хоей до столицы *Къ-ча* (можетъ-быть, первый знакъ этого имени *Къ* есть описка или опечатка вмѣсто знака *У*, такъ что истинное имя было *У-ча*, какъ въ ханское время, близко къ нынѣшнему Вача или Учи), т.-е., вѣроятно, Ташкургана, слѣдуетъ признать соотвѣтствующимъ разстоянію въ 200 в. отъ Игизъ-арыкъ-кургана до Ташкургана, если принять во вниманіе трудности горныхъ дорогъ, особенно же тѣ промедленія и задержки, которыя должны были, даже при благопріятныхъ условіяхъ времени года и погоды, представлять перевалы Арпатала и Кандахоръ и переправа чрезъ Яркендъ-дарью. Такъ, дѣломъ переправа на бурдюкахъ или невозможна, или очень опасна, зимою же мѣшается ледъ, который рѣдко достаточно крѣпокъ для перехода по нему. Довернь и Хединъ въ 1889 и 1895 гг. въ сентябрѣ переправились не безъ приключеній и опасностей на бурдюкахъ, пользуясь, въ качествѣ знатныхъ иностранцевъ, всѣмъ содѣйствіемъ мѣстныхъ властей, которое трудно ожидать для нищенствующихъ чужеземныхъ монаховъ. Въ 1890 г. Б. Л. Громбчевскій не попалъ въ долину Туна вслѣдствіе высоты воды, не позволявшей брода на верблюдахъ, при затруднительности переправы другимъ способомъ. Deasy въ февралѣ 1898 г. перешелъ рѣку по льду и достигъ подножія перевала Кандаръ, но выпавшій въ теченіе ночи и сѣ-

дующаго дня большой снѣгъ совершенно завалилъ перевалъ и вынудилъ предпринять обратный путь, при которомъ ледъ на переправѣ оказался почти исчезнувшимъ. При новой попыткѣ проникнуть чрезъ Кандаръ, 9 ноября 1898 г., за отсутствіемъ льда, переправа была произведена на верблюдахъ, доставленныхъ мѣстными властями, лошади же пущены вплавь; Кандаръ на этотъ разъ былъ пройденъ, хотя на очень крутой въ концѣ перевалъ лошадей съ полувьюками, а ословъ безъ вьюковъ, пришлось поднять при помощи людей, вслѣдствіе скользкости выпавшаго недавно снѣга (*Geogr. Journal*, 1900, Nov., p.p. 501, 507). Вообще горная страна между Тагдынбашъ-дарьёю и Азгансаломъ, для съёмки нѣкоторыхъ частей которой Дизи сдѣлалъ въ 1897—1899 гг. четыре поѣздки, характеризуется имъ въ видѣ множества долинъ, очень глубокихъ и весьма узкихъ, частію съ пашнями, частію же столь наполненныхъ кустарными зарослями, что движеніе по нимъ вьючныхъ животныхъ сопряжено съ чрезвычайными трудностями; промежуточные между долинами хребты очень высоки и трудно проходимы (тамъ же, p. 521).

По своей гористости и холодному климату, въ которомъ едва дозрѣваетъ пшеница, вл. Къча Фа-Сяня вполне соотвѣтствуетъ нынѣшней области Ташкуртана со включеніемъ долинъ на востокъ до Арпатая. Что касается до дальнѣйшаго пути, при которомъ въ теченіе мѣсяца онъ прошелъ отъ Къча до Толи, пересѣвши Цунлинъ, то, за отсутствіемъ особыхъ указаній о пройденныхъ мѣстностяхъ, представляется вѣроятнѣйшимъ, что китайскій паломникъ этотъ двигался или чрезъ Б. Памиръ, или по Кара чукуру и Ваханъ-дарьѣ, во всякомъ же случаѣ чрезъ проходъ Барагылъ, перевалъ Даркотъ и чрезъ Ясинъ и часть Гильгита въ долину р. Дарель, притока Инда. По крайнимъ трудностямъ дороги чрезъ Канджуть едва ли она употреблялась буддійскими паломниками, въ случаѣ же прохода по ней нельзя думать, чтобы описаніе путешествія Фа-Сяня умолчало объ особыхъ трудностяхъ прохода чрезъ преграждающіе дорогу многочисленные ледники и невозможность прохода для животныхъ. Отъ Ташкуртана до Сархада, по Б. Памиру (какъ выяснено въ главѣ I, стр. 22) 221 в.; отсюда по намѣченному пути до Дарела приблизительно почти такое же разстояніе, такъ что отъ Ташкуртана до Дарела составитъ около 450 в. или до 15 в. въ день ¹⁾. Дальнѣйшій путь Фа-Сяня изъ Дарела на западъ внизъ по Инду, вѣроятно, привелъ его къ пункту около долины Горбандъ: «хорошая и много посѣщаемая купцами дорога ведетъ изъ Горбандъ въ долину Свата; по ней отъ Инда до Седу 4 дня пути» (Биддельфъ, «Народы, населяющіе Гиндукушъ», стр. 10). По картамъ (напр., по «Картѣ Туркестанскаго воен. окр. и сосѣднихъ владѣній», 1894—1895 гг.) пере-

¹⁾ Англійская коммиссія по разграниченію Памира употребила на путь отъ Сархада до Гильгита чрезъ Барагылъ и Ясинъ 12 дней (*Gerard's Report etc.*, 1897, p.p. 26—27).

валъ Горбандъ находится близко, почти на В.-С.-В., отъ Манглаура на Сватъ, который слѣдуетъ признавать за Moung-kie-li Сюань Цзана, столицу Ou-tchang-na, т.-е. Учана, или Удіяны (*Mémoires sur les contrées occidentales etc.*, t. I, p. 132). Сюань Цзанъ, для посѣщенія Tha-li-lo (видимо Дарелъ), направился изъ Мунгели на С.-В., перевалилъ чрезъ гору и поднялся около 1 тыс. ли вверхъ по Инду по очень трудной дорогѣ, описывая ее довольно сходно съ Фа-Сянемъ; онъ говоритъ также и о деревянной статуѣ Будды (тамъ же, p. 149), такъ что его Талило есть, несомнѣнно, Толи Фа-Сяня. Нѣкоторое затрудненіе является лишь въ упоминаніи Фа-Сяня только объ одной переправѣ его чрезъ Синту (Индъ), тогда какъ при нахожденіи Дарела на правой сторонѣ Инда ему надлежало совершить двѣ переправы, чтобы очутиться въ Учанѣ. Но весьма возможно, что о первой переправѣ своей чрезъ Синту изъ долины Дарела или смежной съ нею долины Тангира Фа-Сянь не упомянулъ потому, что она совершена была на поромѣ или вообще не представляла никакихъ опасностей, тогда какъ вторая переправа по висячему мосту вызвала особую о ней замѣтку по своей опасности и необычности. Сюань Цзанъ и совсѣмъ не говоритъ о переправахъ своихъ чрезъ Индъ, тогда какъ на нынѣшнихъ картахъ (напр., на картахъ Керзона, Биддельфа и вышеуказанной туркестанской) по правому берегу Инда нѣтъ дороги отъ Тангира почти до Горбанда, а показанъ путь лишь по лѣвому берегу.

Такимъ образомъ, сдѣланное нами приуроченіе пути Фа-Сяня къ дорогѣ чрезъ Ташкурганъ и Сархадъ кажется вполне примиримымъ съ данными описанія путешествія этого буддиста. Противъ направленія же его пути на Ладакъ и Балтистанъ говоритъ многое. Такъ, даже допуская ничѣмъ недоказанное существованіе регулярныхъ сообщеній Хотана и другихъ странъ Таримскаго бассейна съ Ладакомъ и Балтистаномъ во времена Фа-Сяня, все же является сомнительнымъ такое процвѣтаніе буддизма въ тибетскихъ Ладакѣ и Балтистанѣ, какое описывается Фа-Сянемъ въ Къча, въ виду утвержденія буддизма въ Тибетѣ лишь въ VII, какъ извѣстно, вѣкѣ. Кажется также страннымъ большой крюкъ, сдѣланный Фа-Сянемъ на пути изъ Хотана въ Ладакъ движеніемъ его чрезъ Цзыхъ, тогда какъ ему естественно было идти изъ Хотана чрезъ Санджу, не менѣе удобнымъ путемъ, но далеко болѣе краткимъ. Отъ Кокъяра до Леха 538½ в. (*Forsyth's Report etc.*, p.p. 421—426), за вычетомъ же 45 в. отъ Кокъяра до перевала Тупа-даванъ, съ котораго нельзя не признать путь горнымъ, остается на 25 дней пути до Къча-Леха 493½ в., т.-е. почти по 20 в. на день, — разстояніе едва ли возможное для Фа-Сяня и его спутниковъ по труднымъ горнымъ дорогамъ. Далѣе отъ Къча-Леха до Толи-Дарела около 555 в. ¹⁾ еще болѣе труднаго пути по долинамъ или скорѣе

¹⁾ Отъ Леха до Скардо 370 миль, въ томъ числѣ 162 м. отъ Скардо до Гильгита (по E. F. Knight, см. „Сборникъ топогр. и пр. матеріаловъ по Азій“,

ущельямъ Шейока и Инда, гдѣ дорога мало отличается отъ описаннаго Фа-Сянемъ пути изъ Дарела въ Учанъ; 18½ в. въ день (555 : 30) такого пути были бы не по силамъ паломникамъ. Странно затѣмъ, почему описаніе путешествія Фа-Сяня упоминаетъ о Синту лишь на пути отъ Дарела, тогда какъ и дорога отъ Леха, если онъ по ней шелъ, также обилуетъ утлыми балконами ¹⁾, подъ которыми на огромной глубинѣ стремятся Индъ.

Если предположить, что Фа-Сянь шелъ на Балтистанъ, а не въ Ладакъ, и помѣщать Къча въ Балтистанъ, то разстоянія, конечно, окажутся болѣе подходящими и возможными, но существовалъ ли путь въ Балтистанъ чрезъ ледники Мустага? По свѣдѣніямъ Миръ-Иззетъ-ул-Лаха, въ 1812 г. дороги чрезъ ледники Мустагъ не существовало, такъ какъ ущелья были непроходимы изъ-за ледниковъ, хотя, по увѣренію туземцевъ, прежде проходъ былъ возможенъ (В. В. Григорьева «Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. 2, стр. 418). По свѣдѣніямъ Дрю, со словъ туземцевъ, путь изъ Яркенда въ Скардо употреблялся до 1863 г., когда набѣги канджутцевъ на пользовавшихся этимъ путемъ прекратили по нему движеніе; однако, это движеніе возможно было лишь лѣтомъ, на короткое время, и притомъ только на якахъ, лошадей же, прибывавшихъ изъ Яркенда, приходилось перетаскивать чрезъ трещины ледниковъ при помощи веревокъ, которыя держали по восьми человекъ съ каждой стороны; лошадей этихъ, впрочемъ, надо было оставлять затѣмъ въ горахъ до приближенія зимы, когда уменьшеніе воды въ рѣкахъ позволяло провести ихъ въ жилия мѣста (Jummo and Kashmir, p.p. 370—371). Пытавшійся въ 1887 г. пройти съ Раскема чрезъ Мустагъ въ Балтистанъ капит. Юнгхесбандъ едва не погибъ и хотя самъ кое-какъ пробрался, но людей своихъ и животныхъ долженъ былъ направить на Баракорумъ ²⁾. Если въ XIX стол. путь чрезъ Мустагъ совершенно прекращался или возобновлялся лишь на краткое время и сопровождался крайними трудностями, то надо полагать, что во времена Фа-Сяня, когда количество влажности въ центральной Азіи было болѣе или менѣе значительнѣе, а потому развитіе ледниковъ мощнѣе нынѣшняго, дороги чрезъ Мустагъ, по всей вѣроятности, не существовало.

Н. А. Аристовъ.

вып. 54, 1893, стр. 81 и 126) и 209 м. отъ Леха до Скардо (The Jummo and Kashmir territories, by F. Drew, London, 1875, p. 539).

¹⁾ Указанная книга Drew, p.p. 262, 355, 373 и др. См. также Найта въ „Сборникъ по Азіи“, вып. 54, стр. 126 и др.

²⁾ The Heart of a Continent, etc. By Captain Frank E. Younghusband, London, 1896, p.p. 188—213.

СОЙОТЫ.

Именемъ сойотъ называютъ обыкновенно населеніе, занимающее почти весь бассейнъ вѣтвѣй Енисея, т.-е. пространство, лежащее по ту сторону Саянскаго хребта; это—длинная и довольно узкая полоса земли, площадью около 200.000 кв. вер., окаймленная со всѣхъ сторонъ большими и малыми горными хребтами; внутри страна представляетъ собою степь, какъ нельзя болѣе подходящую для кочевого населенія; степь кое-гдѣ изрѣзана небольшими горными кряжами, и на ней не рѣдкость встрѣтить искусственно орошаемыя поля. Въ зависимости отъ разнообразія въ рельефѣ страны, населенной сойотами, среди послѣднихъ различаются по образу жизни: степные (скотоводы и въ то-же время частью земледѣльцы), кочевники и таежные или лѣсные (звѣроловы, а иногда и олениводы); впрочемъ, переходъ сойота изъ одной группы въ другую въ различныхъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ экономическихъ и нѣкоторыхъ чисто этнографическихъ условій, совершается довольно часто.

Относительно численности сойотъ имѣются самыя несогласныя данныя: одни авторы даютъ цифру 35—40 тыс., другіе—около 20 тыс., третьи, наконецъ, берутъ среднее между этими двумя. Вопросъ о числѣ сойотъ пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ виду того, что по Реклю численность ихъ опредѣляется всего 8 тысячами; послѣднее обстоятельство, очевидно, и послужило для г. Личкова, автора статьи о сойотахъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, поводомъ сдѣлать упрекъ, состоящій въ томъ, что новѣйшіе авторы не различаютъ сойотовъ и урянхайцевъ, часто называя однихъ именемъ другихъ; къ числу трехъ авторовъ (Африкановъ, Райковъ и Островскихъ), по адресу которыхъ направленъ упрекъ, смѣло можно присоединить почти и всѣхъ остальныхъ авторовъ, писавшихъ о сойотахъ. Вопросъ о смѣшеніи сойотъ съ урянхайцами или, правильнѣе говоря, вопросъ объ ихъ раздѣленіи, слишкомъ важенъ, чтобы, затронувши его, не сдѣлать затѣмъ ничего для его разрѣшенія; это особенно необходимо съ точки зрѣнія антропологическаго интереса. Не имѣя однако возможности разбирать теперь вопросъ этотъ такъ

детально, какъ онъ того заслуживаетъ, я все-же позволю себѣ привести нѣкоторые соображенія по этому поводу.

Правда, «урянкайцами» обыкновенно называютъ многія племена Сѣв. Монголіи вообще; чаще же всего подъ этимъ именемъ подразумѣваютъ исключительно то 35-тысячное населеніе, которое мы встрѣчаемъ за русско-китайской границей въ бассейнѣ Енисея и которое сибиряки называютъ сойотами. Что прозваніе «урянкайцы» не есть собственное имя какого-либо народа, въ этомъ нельзя и сомнѣваться; достаточно сказать, что въ классификаціи племенъ Сѣв.-зап. Монголіи у Г. Н. Потанина ¹⁾ въ группѣ монголовъ мы встрѣчаемъ «кобинскихъ урянхайцевъ», а въ группѣ тюркского племени—«урянкайцевъ, занимающихъ главнымъ образомъ котловину между Саянами и Тангну-олой»; правда, что первые, по словамъ г. Потанина, «увѣряютъ, что монголы неправильно зовутъ ихъ уранга, что настоящіе уранга—это кокчудутуны»,—но также правда, что и урянхайцы верховьевъ Енисея также не называютъ себя этимъ именемъ; насколько распространено въ географическомъ смыслѣ это имя, можно судить по тому, что оно встрѣчается не только въ Сѣв. Монголіи, но и на Уралѣ, и въ Якутской области. Изъ всего сказаннаго очевидно, что слово «урянкайцы» не представляетъ собою точнаго этнографическаго термина, и примѣръ Г. Н. Потанина и другихъ авторовъ показываетъ, что, употребляя слово «урянкайцы», они вовсе не думали дать тѣмъ самымъ и точное названіе того или другого племени. Если даже у насъ въ Россіи или въ Сибири есть масса племенъ, которыя носятъ общее названіе «татаръ», а для болѣе частнаго опредѣленія ихъ приходится прибѣгать къ термину чисто географическому, то вовсе не удивительно, что подъ такимъ общимъ названіемъ, какъ урянхайцы, извѣстны многія племена Сѣв. Монголіи.

Если это такъ, то нѣтъ, повидимому, никакихъ основаній, по которымъ и сойоты не могли бы стать извѣстными какъ среди нѣкоторыхъ сосѣднихъ племенъ, такъ и въ литературѣ подъ именемъ урянхайцевъ; это именно съ ними и случилось.

Реклю, описывая «урианховъ» (верховьевъ Енисея), какъ народъ совершенно различный отъ сойотовъ (первыхъ онъ относитъ къ тюркской группѣ, вторыхъ—къ финской), конечно, не подозрѣвалъ, что приводимое имъ названіе перваго народа имѣетъ лишь собирательное значеніе, и если г. Личковъ для своего упрека, о которомъ говорилось выше, пользуется только авторитетомъ Реклю, изъ книги котораго онъ и приводитъ главнѣйшія свѣдѣнія о сойотахъ, то упрекъ этотъ теряетъ значительную долю своей силы.

Является вопросъ, слѣдуетъ ли называть сойотами только тотъ небольшой народецъ, который подъ этимъ именемъ былъ издавна извѣ-

¹⁾ Очерки Сѣв.-зап. Монголіи, 1881 г., вып. II, стр. 1,34 и др.

стенъ различнымъ путешественникамъ по Сибири и лингвистамъ, или же этотъ народецъ представлялъ собою только находившійся на русской землѣ арьергардъ болѣе многочисленнаго народа, который въ настоящее время занимаетъ Урянхайскую область Китая и извѣстенъ подъ общимъ именемъ сойоты или урянхайцы? На этомъ важномъ вопросѣ новѣйшіе авторы, дѣйствительно, не останавливались, или, судя по смѣшенію, какое они допускали по отношенію къ двумъ именамъ, они рѣшали вопросъ во второмъ смыслѣ. Очень хотѣлось бы вѣрить, что они правы, и въ ихъ пользу говорить многое: обитатели Урянхайской области (буду ихъ называть просто сойотами) называютъ себя «тува»,—имя, напоминающее собою рѣку Тубу, къ которой скорѣе всего могутъ быть приурочены собственно сойоты; такъ называютъ себя они всѣ безъ исключенія, урянхайцами же или какимъ-нибудь другимъ именемъ они себя вовсе не называютъ; если бы дѣйствительно существовало среди этого замкнутаго кругомъ и подвижнаго внутри населенія какое либо особенное племя, которое, будучи числомъ, согласно Реклю (и г. Личкову), около 8.000 душъ, представляло бы собою четвертую часть всего населенія, то трудно допустить, чтобы различіе этой части отъ остальной массы могло бы оставаться незамѣченнымъ такими, напр., прекрасными знатоками всего населенія, какими являются нѣкоторые мѣстные купцы изъ русскихъ; далѣе, извѣстный оріенталистъ, проф. Н. Θ. Катановъ, находить, что слово «сойоты» есть множественное число отъ слова «соіанъ»; если прибавить, что послѣднимъ словомъ наши минусинскіе инородцы называютъ всѣхъ вообще сойотъ-урянхайцевъ, что слово это, иногда въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, какъ напр.: сойонъ, соенъ, саянъ, соянъ и т. п., служить у самихъ же сойотъ названіемъ нѣкоторыхъ колѣнъ или родовъ и вообще очень распространено; если, наконецъ, замѣтить, что подъ именемъ сойон'овъ извѣстны и сосѣди сойотъ-урянхайцевъ на юго-западѣ, то понятіе «сойоты» окажется настолько широкимъ, что подъ нимъ всегда можно разумѣть все населеніе Урянхайской области, какъ это и дѣлается всѣми новѣйшими этнографами. Не скажу, чтобы вопросъ былъ исчерпанъ тѣмъ, что я успѣлъ сказать здѣсь, но надѣюсь, что онъ вообще рѣшенъ; не затронувъ этого вопроса, я не могъ бы рѣшиться дать краткую антропологическую характеристику сойотъ здѣсь и болѣе подробную въ другомъ мѣстѣ, не опасаясь встрѣтить замѣчаніе, что подъ именемъ сойотъ выступаетъ у меня совсѣмъ другая народность.

Имѣющіяся на-лицо историческія и другія данныя показываютъ, что число сойотъ по эту сторону Саянскаго хребта еще въ началѣ XIX вѣка было довольно значительно; о нихъ тогда еще трактовалось, какъ объ отдѣльномъ народѣ; по современемъ, вслѣдствіе очень невыгоднаго положенія двоедандцевъ двухъ великихъ имперій, сойоты постепенно отступали къ самой границѣ, и большинство ихъ перешло ее совсѣмъ и осѣло на

территоріи, гораздо раньше занятой главною массою того же самого народа. Эта постепенность, съ какою переходили сойоты съ русской земли на китайскую, и легкость, съ какою они тамъ находили себѣ мѣсто, могутъ служить хорошимъ доказательствомъ того, что между сойотами, заселявшими нѣкоторыя мѣста на русской сторонѣ Саянской горной системы, и ихъ сосѣдями на китайской территоріи существовала прочная связь.

Первые, кто обратилъ на сойотъ особенный научный интересъ, были лингвисты, среди которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ Кастрень; еще до него многіе авторы относили сойотъ къ самоѣдскому корню; Кастрень возвелъ эту гипотезу въ теорію, которую въ наше время раздѣляетъ и акад. В. В. Радловъ. Лингвистамъ приходится считаться теперь только съ вопросомъ, въ какой степени на языкѣ сойотскомъ отразилось возможное вліяніе языка уйгурскаго и въ какой вообще тюркскаго, но это вопросъ второстепенный и общаго интереса не представляетъ.

Въ виду извѣстной теоріи алтайскаго происхожденія финновъ, весьма понятнымъ становится интересъ лингвистовъ и этнографовъ къ сойотамъ, которыхъ Кастрень выставилъ въ качествѣ самыхъ далекихъ въ географическомъ смыслѣ представителей финской расы и считалъ ихъ за народъ, переходный отъ этой послѣдней къ расамъ тюркской и монгольской.

Обращаясь къ этнографіи сойотъ, мы наталкиваемся на нѣкоторыя оригинальныя особенности, отводящія этому племени почти исключительное положеніе среди остальныхъ инородческихъ племенъ южнаго Енисея. Е. К. Яковлевъ, описавшій инородческое населеніе долины южнаго Енисея¹⁾, справедливо называетъ сойотъ „интереснѣйшимъ“ народомъ. И въ самомъ дѣлѣ, минусинскіе татары (напр., качинцы), казалось бы, столь близкіе къ сойотамъ въ этнографическомъ отношеніи, какъ они близки къ нимъ и исторически, и территоріально, въ дѣйствительности представляютъ собою сравнительно съ сойотами элементарную, если можно такъ выразиться, этнологическую группу: одинъ качинецъ, по своему духовному облику, очень похожъ на каждого другого; даже больше—отдѣльныя группы инородческаго населенія южной части Енисейской губ. очень мало различаются между собою, по крайней мѣрѣ, по внѣшнимъ проявленіямъ своей духовной жизни. Не то представляютъ собою сойоты: личная инициатива, оригинальность, самостоятельность, пороки и добродѣтели у нихъ колеблются въ болѣе широкихъ предѣлахъ, причемъ это можно отнести какъ къ отдѣльнымъ индивидамъ, такъ и къ цѣлымъ группамъ. Фактъ этотъ обращаетъ на себя тѣмъ большее вниманіе, что слабые остатки феодальнаго строя, выливающиеся теперь въ широко-распространенную форму господства кулаковъ и богачей, суровые уголовные законы, крайняя испорченность представителей администраціи, высшей и низшей, довольно тяжелое

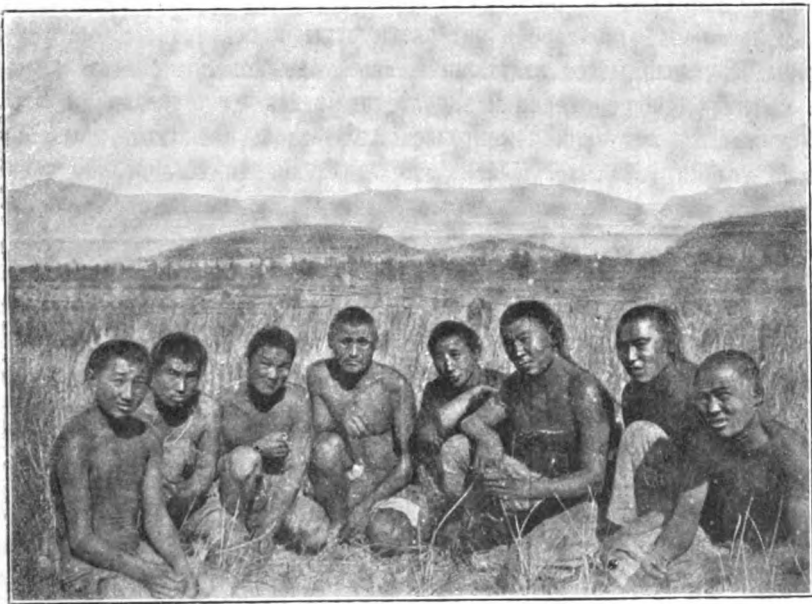
¹⁾ Описаніе Минусинскаго музея, вып. IV. Минус., 1900.

въ экономическомъ отношеніи господство ламъ, нерѣдко доводящихъ до нищеты цѣлую семью, въ которой заболѣлъ или умеръ одинъ изъ членовъ, частое обращеніе народа къ помощи шамановъ, наконецъ, переходящая всякія границы возможнаго и вѣроятнаго эксплуатація народа русскими купцами, — все это, казалось бы, должно оставлять очень мало мѣста для сохраненія сойотамъ своей индивидуальности, бодрости духа, самоувѣренности и личнаго достоинства; и все-таки, несмотря на всѣ эти гнетущія условія жизни и отсутствіе какихъ-нибудь постоянныхъ и въ то-же время достаточно удовлетворительныхъ источниковъ существованія, народъ этотъ иногда поражаетъ разнообразіемъ индивидуальныхъ характеровъ; въ психикѣ его какъ будто заложены возвышенные элементы, которые только изрѣдка прорываются наружу во всей своей полнотѣ.

Переходя къ имѣющимся въ общей литературѣ о сойотахъ даннымъ собственно антропологическаго характера, мы находимъ указанія на значительную смѣшанность типовъ и метисацію у этого народа. Вообще говоря, всѣ данныя сводятся къ тому, что сойоты представляютъ помѣсь финской расы съ тюркской и съ большею или меньшею примѣсью монгольской крови. Одни находятъ въ нихъ преобладаніе финскаго элемента, другіе—тюркскаго. Близкое сосѣдство монголовъ, особенно за послѣднее время, безъ сомнѣнія должно было отразиться на антропологическомъ составѣ сойотъ болѣе, чѣмъ минусинскихъ татаръ. Вотъ какъ описана внѣшность сойотъ у Реклю: „Сойоты... имѣютъ, по большей части, довольно правильныя черты лица, тонкій и прямой носъ, небольшіе проницательные глаза подъ едва замѣтно изогнутыми рѣсницами, широкій лобъ, острый подбородокъ; выраженіе лица у нихъ смѣлое и осмысленное“. Эти слова прекрасно характеризуютъ сойотъ въ отличіе отъ ближайшихъ къ нимъ сибирскихъ инородцевъ, но не всѣхъ сойотъ, а только приблизительно третью часть субъектовъ этого племени (про „уріанховъ, народъ болѣе многочисленный, чѣмъ сойоты“, Реклю ограничивается только словами, что они „имѣютъ тюркскій типъ лица“). Г. Яковлевъ находитъ, что большая часть сойотъ—„съ овальнымъ лицомъ, круглой головой, выдающимися скулами, плоскимъ и толстымъ носомъ, низкимъ лбомъ, рѣдкой, черной растительностью“. Опредѣленіе это, почти діаметрально противоположное тому, которое мы находимъ у Реклю, имѣетъ, конечно, и свое основаніе, но такого типа сойоты, какъ мнѣ кажется, встрѣчаются далеко не въ большинствѣ и даже рѣже, чѣмъ сойоты перваго типа¹⁾. Остальная часть сойотъ (около трети) представляетъ смѣсь различныхъ второстепенныхъ типовъ, переходныхъ отъ перваго ко второму, а изрѣдка типовъ

¹⁾ Прилагаемый снимокъ съ сойотъ (изъ мѣстности Джакулъ) довольно хорошо иллюстрируетъ разнообразіе и характеръ типовъ; группа взята случайная, на полевыхъ работахъ.

чисто остяцкихъ; послѣдній (остяцкій) типъ у сойотъ, насколько могу судить, встрѣчается рѣже, чѣмъ у нашихъ инородцевъ южн. Енисея и бассейна р. Чулыма. Подробные описательные признаки внѣшности, отмѣченные мною для каждаго изъ 92-хъ обследованныхъ субъектовъ въ отдѣльности и пока не обработанные, дадутъ, конечно, болѣе вѣрный и точный матеріалъ для общей характеристики типа сойотъ; пока могу дать только слѣдующее опредѣленіе: лицо у сойотъ, по большей части, овальное, нерѣдко широкое у скулъ, въ общемъ скорѣе продолговатое, чѣмъ круглое; скулы выдаются чаще впередъ, чѣмъ въ стороны, а такъ какъ

Сойоты изъ мѣстности Джакуль.

спинка носа часто прямая, довольно высока, а иногда даже и съ горбомъ, причемъ переносица у всѣхъ выражена рѣзко (у женщинъ меньше), то плоскія лица встрѣчаются довольно рѣдко; глаза у всѣхъ видѣнныхъ мною субъектовъ—безъ исключенія каріе; глазныя щели горизонтальны и почти всегда узки, но послѣднее зависитъ скорѣе отъ извѣстной привычки степныхъ жителей держать глаза нѣсколько прищуренными, чѣмъ отъ анатомическаго устройства; третье вѣко встрѣчается сравнительно рѣдко; лобъ, большею частью, рѣзко очерченъ, чаще прямой, чѣмъ скошенный; волосы на головѣ очень грубы, рѣзко черные, не слишкомъ густые, жесткіе, гладкіе; на бородѣ и усахъ очень рѣдки, коротки, что вызываютъ сойоты

искусственнымъ образомъ (выщипываніемъ); отчасти, должно-быть, вслѣдствіе слабо развитой растительности на лицѣ, сойоты кажутся на видѣ моложе своего дѣйствительнаго возраста лѣтъ на пять; тѣлосложеніе сойоты худощаваго, хотя мышечная система у нихъ развита вообще хорошо.

Къ приведенной характеристикѣ прибавлю, что мужчины на взглядъ европейца нѣсколько красивѣе женщинъ, которыя далеко не отличаются привлекательными чертами лица, хотя въ самомъ началѣ пути, у подножія Саянскаго хребта, мнѣ встрѣтилась цѣлая группа сойотъ, женщины которыхъ, не въ примѣръ другимъ, отличались довольно нѣжнымъ цвѣтомъ кожи и красивымъ лицомъ; это исключеніе за всю мою поѣздку больше не повторилось. За-то дѣти сойотскія очень милы; ихъ очень любятъ и ласкаютъ одинаково и матери, и отцы, и посторонніе; они хорошо упитаны, круглолицы, со вздутыми щеками, обыкновеннымъ дѣтскимъ носомъ съ низкой переносицей и характерными для нихъ узенькими глазами (японскими), съ полудунной монгольской складкой, натянутой надъ внутренними углами глазныхъ щелей; этотъ дѣтскій типъ, довольно распространенный и въ средѣ европейскаго населенія, у сойотъ является постояннымъ.

Хотя сойоты издавна обращали на себя вниманіе этнографовъ и лингвистовъ, а въ последнее время на нихъ съ особеннымъ интересомъ останавливается г. Грумъ-Гржимайло ¹⁾, тѣмъ не менѣе начало собственно антропологическому изслѣдованію ихъ было положено очень недавно И. П. Силиничемъ, сдѣлавшимъ въ 1896 г. докладъ въ Антропологическомъ Отдѣлѣ Общества Любителей Естествознанія, Антропологін и Этнографіи ²⁾. Авторъ располагалъ только 11-ю черепами сойотъ, имѣвшихся тогда въ Антропологическомъ музеѣ Московскаго университета. Въ тотъ же годъ мнѣ удалось посѣтить Урянхайскую область и произвести изслѣдованіе 92 сойотъ (въ томъ числѣ 20 женщинъ). Годомъ позже меня совершилъ поѣздку туда же, но въ восточную половину области, П. Е. Островскихъ, изслѣдовавшій, какъ это видно изъ его краткаго отчета, 34 субъекта, въ числѣ которыхъ было нѣсколько женщинъ. Считаю недлиннымъ замѣтить, что свои наблюденія я производилъ отъ мѣстности Джакуль, на западъ приблизительно до устья р. Кемчикъ ³⁾, г. Островскихъ - гораздо восточнѣе, преимущественно въ Тоджинскомъ хошунѣ, и хотя онъ проѣхалъ и посѣщенную мною мѣстность, но здѣсь антропологическихъ изслѣдованій не производилъ. По его мнѣнію, восточные сойоты болѣе низкорослы и имѣютъ вообще нѣсколько иной типъ, чѣмъ тѣ, съ которыми я имѣлъ дѣло.

¹⁾ Описаніе путешествія въ Зап. Китай, т. II. 1899.

²⁾ См. „Труды Антропол. Отд.“, т. XVIII, стр. 498

³⁾ См. карту въ „Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ.“, т. XXIX.

Собранныя мною антропометрическія данныя въ главѣйшихъ чертахъ представлены на слѣдующей таблицѣ:

Размѣры и указатели.	Мужчины отъ 18 до 74 лѣтъ. (72 суб.).			Женщины отъ 20 до 71 года. (20 суб.).			Среднее для мужчинъ и женщинъ.
	Min.	Max.	Сред.	Min.	Max.	Сред.	
Ростъ (72 муж., 17 жеп.) . . .	1494	1709	1597	1425	1569	1512	1582
Высота слухового отверстія . .	1303	1571	1463	1277	1436	1384	1446
Отношеніе ея къ росту	90, ¹⁸	92, ⁶⁰	91, ⁵⁴	89, ⁶¹	92, ⁴²	91, ⁵³	91, ⁸⁸
Длина руки (44 м., 9 ж.) . . .	622	819	746	585	717	676	—
Отношеніе ея къ росту	40, ³⁴	49, ⁷⁷	46, ⁶⁴	41, ⁰⁵	47, ⁸¹	45, ⁰⁶	—
Высота вырѣзки грудины (38 м., 9 ж.)	1226	1394	1300	1143	1295	1217	—
Отношеніе ея къ росту	79, ⁰³	82, ⁸⁰	81, ⁵⁵	79, ⁶⁶	83, ⁸¹	81, ¹⁷	—
Высота пупка (23 м., 4 ж.) . .	879	990	948	801	892	845	—
Отношеніе ея къ росту	55, ⁶⁶	62, ⁵⁰	58, ⁵⁹	52, ⁴³	58, ¹³	56, ⁴²	—
Ширина плечъ (39 м., 9 ж.) . .	232	340	283	254	297	277	—
Отношеніе ея къ росту	15, ²¹	21, ¹¹	17, ⁸³	17, ¹¹	19, ⁸³	18, ³⁰	—
Ширина таза (34 м., 8 ж.) . . .	220	280	257	240	298	267	—
Отношеніе ея къ росту	14, ⁴¹	18, ²¹	16, ⁰⁰	15, ⁵⁹	19, ⁹³	17, ⁹²	—
Величина головы (72 м., 17 ж.) .	172	245	208	163	234	201	207
Отношеніе ея къ росту	10, ⁵³	15, ²⁶	13, ⁰²	11, ²⁴	15, ⁹⁸	13, ³⁴	13, ⁰⁸
Наибольшій продольный діаметръ	178	206	190	171	190	183	188
Наибольшій поперечный діаметръ	145	168	157	142	156	151	156
Головной указатель	76, ⁰³	92, ¹³	83, ⁰³	77, ²⁵	89, ⁵⁹	82, ⁵⁷	82, ⁸¹
Ушной діаметръ	128	153	142	125	143	135	140
Отношеніе его къ поперечному	82, ⁴²	98, ⁰²	90, ³⁰	83, ⁰⁰	92, ²³	88, ⁹³	90, ⁰⁰
Наименьшій лобный діаметръ . .	91	112	105	98	112	102	105
Горизонтальная окружность . . .	556	612	573	530	590	566	573
Поперечная окружность	320	370	344	323	365	339	343
Длина лица (отъ корня носа до альвеолярной точки)	69	87	75	58	80	70	74
Полная длина лица (отъ корня носа до подбородочной точки) . .	109	146	127	110	131	120	125
Наибольшая ширина лица	123	158	147	134	145	140	146
Отношеніе ея къ полной длинѣ лица	71, ⁷¹	100, ³¹	86, ¹⁸	76, ³⁸	91, ⁷⁹	85, ⁹³	86, ¹⁴
Нижняя ширина лица	88	123	104	94	108	100	103
Отношеніе ея къ скуловому діаметру	71, ⁹⁷	102, ⁶³	86, ⁶⁷	73, ⁶³	106, ³⁵	85, ²⁰	86, ¹⁷
Скуловой діаметръ	102	136	120	107	125	117	119
Отношеніе его къ полной длинѣ лица	81, ⁶⁰	110, ⁵⁷	94, ³³	87, ⁰²	107, ²⁶	97, ¹³	95, ⁰⁷
Длина носа	49	65	57	46	57	51	55
Ширина его	34	49	40	32	40	36	39
Носовой указатель	58, ¹⁶	98, ⁰⁰	70, ²⁰	61, ³⁴	80, ⁰⁰	69, ³⁰	70, ⁰⁰
Межглазничное пространство . .	29	50	35	27	39	34	34

Я позволю себѣ не дѣлать подробнаго разбора этихъ данныхъ,—это была бы слишкомъ обширная работа для краткаго очерка или пред-

варительнаго отчета, какимъ служить настоящая статья; остановлюсь прежде всего на головномъ указателѣ.

Тѣ числа общей таблицы, которыя относятся къ этому указателю, обнаруживаютъ значительныя индивидуальныя отклоненія и въ среднемъ относить сойотовъ къ разряду суббрахицефаловъ; по главнымъ разрядамъ головного указателя сойоты занимаютъ положеніе, которое, сравнительно съ нѣсколькими другими народностями, представлено слѣдующею табличкою:

	Сойоты.	Киргизы Букаев. орды.	Калмыки- торгоуты.	Калмыки кульджин- скіе.
Общее число субъектовъ .	92	160	73	120
Изъ нихъ:				
Брахицефаловъ	44,7%	84,3%	76,7%	56,7%
Суббрахицефаловъ	39 %	11,8%	23,3%	29,2%
Мезоцефаловъ	10,8%	1,8%	—	10 %
Субдолихоцефаловъ	5,4%	1,8%	—	4,2%

Данныя эти показываютъ, что сойоты, если и имѣютъ какое-либо сходство, хотя бы незначительное, то только съ кульджинскими калмыками. Если сравнивать всѣ четыре народности по характеру рядового расположенія головного указателя, то найдемъ такое же различіе и то же незначительное сходство сойотъ лишь съ кульджинскими калмыками. Основаніемъ для такого вывода служить слѣдующая таблица (на стр. 71-ой).

Изъ этой таблицы мы не можемъ не замѣтить, что говорить объ особенной, характерной для сойотъ, смѣшанности антропологическихъ типовъ нельзя: для этого народа, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ не менѣе правильные и чистые ряды, чѣмъ для киргизовъ и калмыковъ. Исключеніе составляютъ калмыки-торгоуты; но въ то же время для послѣднихъ мы имѣемъ краниометрическія величины 68 череповъ, изъ которыхъ 14 женскихъ ¹⁾; указатель этихъ 68 череповъ колеблется въ предѣлахъ 74—90, нашихъ же сойотъ между 76 и 92; размѣры колебанія, слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаковы.

¹⁾ А. А. Ивановскій. Монголы-торгоуты. „Труды Антроп. Отд.“, т. XIII.

Указатель.	Киргизы.		Калмыки- торгоуты.		Калмыки- кульджин.		Сойоты.			
	число	въ‰	„	„	„	„	мужч.	женщ.	всѣ	въ‰
75—76.	—	—	—	—	2	1,7	—	—	—	—
76	1	0,6	—	—	3	2,5	3	—	3	3,3
77	2	1,2	—	—	—	—	1	1	2	2,2
78	2	1,2	—	—	5	4,2	4	—	4	4,4
79	1	0,6	—	—	7	5,8	3	3	6	6,5
80	4	2,4	—	—	3	2,5	3	2	5	5,4
81	6	3,7	4	5,5	12	10,0	11	—	11	12,0
82	9	5,6	6	8,2	14	11,7	13	5	18	19,6
83	16	10,0	14	19,2	10	8,3	11	2	13	14,2
84	15	9,3	15	20,3	15	12,5	5	4	9	9,8
85	17	10,6	19	26,0	10	8,3	6	—	6	6,5
86	19	11,8	9	12,3	7	5,3	4	1	5	5,4
87	18	11,2	4	5,5	12	10,0	4	—	4	4,4
88	18	11,2	1	1,4	9	7,5	1	1	2	2,2
89	15	9,3	1	1,4	6	5,0	1	1	2	2,2
90	7	4,3	—	—	2	1,7	1	—	1	1,1
91	7	4,3	—	—	1	0,8	—	—	—	—
92	2	1,2	—	—	—	—	1	—	1	1,1
93	—	—	—	—	1	0,8	—	—	—	—
94	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
95	1	0,6	—	—	—	—	—	—	—	—
96	—	—	—	—	1	0,8	—	—	—	—
Средня.	86,83	—	84,68	—	84,31	—	—	—	82,81	—
Числ. субъек.	160	—	73	—	120	—	72	20	92	—

Независимо отъ того, поскольку сравненіе черепного указателя калмыковъ-торгоутовъ съ головнымъ указателемъ сойотъ можетъ служить

для выясненія чистоты типа сойотъ, сравненіе это вносить и нѣкоторую поправку въ сдѣланный нами выводъ относительно различія сойотъ отъ киргизовъ и сходства ихъ лишь съ кульджинскими калмыками; къ послѣднимъ слѣдуетъ присоединить и калмыковъ-торгоутовъ.

Если бы положиться только на данныя головного указателя, то, конечно, сойоты оказались бы болѣе близкими къ монгольской расѣ, чѣмъ къ тюркской. Но заключать такъ на основаніи одного только, хотя и важнаго, краниометрическаго признака, и къ тому же пользуясь для сравненія лишь двумя-тремя народностями, все же было бы неосторожно. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ строго научной антропологической классификаціи, которая облегчала бы разрѣшеніе вопросовъ, возникающихъ въ связи съ разработкою и изслѣдованіемъ сырого матеріала, относящагося въ той или другой народности. Дѣлая, тѣмъ не менѣе, попытку опредѣлить мѣсто, занимаемое сойотами, по ихъ антропологическимъ признакамъ, среди другихъ народностей Азіи, мы воспользовались съ этою цѣлью данными, приводимыми г. Харузинымъ въ его трудѣ о киргизахъ Букеевской орды. Сравненіе этихъ данныхъ и добытыхъ нами при изслѣдованіи сойотовъ позволяетъ сдѣлать одно очень интересное заключеніе, а именно оказывается, что сойоты ближе всего подходятъ къ самоѣдамъ (Архангельской губ.). Среднія для головного указателя, наименьшаго лобнаго діаметра, его отношенія къ поперечному наибольшему, ушнаго діаметра и отношенія его къ наибольшему поперечному діаметру таковы: для сойотъ—82,81; 104,5; 67,0; 140,4 и 90,00, для самоѣдовъ—82,41; 105; 69,0, 140,0 и 92,0. Изъ другихъ народностей ни одна не подходитъ къ сойотамъ такъ близко, хотя бы по двумъ даннымъ, какъ подходятъ самоѣды по всѣмъ пяти. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ вопросомъ, на которомъ слѣдуетъ остановиться. Дѣло въ томъ, что въ спискахъ г. Харузина самоѣды отнесены къ монгольской группѣ. Оставляя открытымъ вопросъ, насколько самоѣды по языку своему подходятъ ближе именно къ монгольскимъ народностямъ, мы не можемъ не замѣтить, что по характеру упомянутыхъ выше антропологическихъ признаковъ они безъ всякихъ сомнѣній должны быть включены въ группу тюрковъ, а никакъ не монголовъ: среднія величины размѣровъ и указателей, по которымъ мы сейчасъ сравнивали сойотъ съ самоѣдами, для трехъ общихъ группъ распределяются такъ:

тюрки: 108,5; 70,8; 142,9 и 91,8.
монголы: 113,9; 75,0; 144,8 и 94,7.
финны: 110,8; 77,4; 133,5 и 88,3.

Данныя эти очень убѣдительно говорятъ, что самоѣды и сойоты не только не занимаютъ средняго мѣста между тюрками и монголами, но что сравнительно съ монголами тюркскія черты выражены у самоѣдовъ даже

рѣзче, чѣмъ у самихъ тюрковъ; столь же, если не менѣе неосновательную претензію на включеніе самоѣдовъ и сойотъ въ свою группу могли бы предъявить и финны. Хотя тюрки въ системѣ г. Харузина представлены и значительно большимъ числомъ народностей, а потому и предѣлы, въ которыхъ колеблются среднія величины каждой народности, должны быть шире, тѣмъ не менѣе, самый характеръ этихъ отдѣльныхъ среднихъ величинъ, не говоря уже объ общихъ среднихъ для всей группы, склоняетъ насъ къ той мысли, что сойоты могли бы быть безъ особенныхъ колебаній включены въ группу тюрковъ, къ которой они уже и безъ того принадлежать по даннымъ лингвистики.

Къ какимъ выводамъ приведетъ насъ болѣе разностороннее сравненіе, мы сказать пока не можемъ, но результатъ попытки опредѣлить антропологическое положеніе сойотъ въ ряду другихъ народностей, къ которому мы пришли въ настоящей статьѣ, намъ кажется интереснымъ не только самъ по себѣ, но и какъ частный примѣръ подтвержденія выводовъ лингвистики, этнографіи и исторіи средствами антропологии.

К. Горощенко.

Къ краниологіи сойотъ.

Въ добавленіе къ статьѣ К. И. Горошенко считаемъ нелишнимъ сообщить нѣкоторыя краниологическія данныя о сойотахъ, добытыя нами при изслѣдованіи 11-ти сойотскихъ (повидимому, мужскихъ) череповъ, находящихся въ Антропологическомъ музеѣ Московскаго университета*). Несмотря на незначительность коллекціи, мы рѣшаемся опубликовать эти данныя въ виду полного отсутствія въ антропологической литературѣ свѣдѣній по краниологіи сойотъ. Какъ сравнительнымъ матеріаломъ, мы воспользовались литературными данными: Соммье—о самоѣдахъ (15 череп.), Н. М. Маліева—о пермякахъ (25 чер.), А. А. Ивановскаго—о монголахъ (81 чер.), А. П. Богданова—объ узбекахъ и, кромѣ того, съ цѣлью полученія большаго сравнительнаго матеріала по тюркамъ, изслѣдовали коллекцію киргизскихъ череповъ того же Московскаго Антропологическаго музея. Суммированіе и анализъ всѣхъ этихъ данныхъ и послужатъ содержаніемъ настоящей замѣтки.

Горизонтальная окружность имѣетъ у сойотовъ большіе размѣры, точно такъ же, какъ и у монголовъ; затѣмъ слѣдуютъ пермяки и, наконецъ, самоѣды, имѣющіе скорѣе средніе размѣры ея. Такимъ образомъ сойоты, наравнѣ съ монголами и финнами, характеризуются большою головою.

По размѣрамъ наибольшаго поперечнаго діаметра сойотскіе черепа относятся къ разряду имѣющихъ большіе его размѣры (70%), какъ по среднимъ цифрамъ, такъ и по рядовому ихъ расположенію. Ближе всего въ этомъ отношеніи сойоты стоятъ къ торгоутамъ и самоѣдамъ.

Для наибольшаго продольнаго діаметра преобладаютъ, наоборотъ, малые размѣры (60%). Та же наклонность къ укорачиванію

*) Докладъ объ этихъ черепахъ былъ сдѣланъ мною въ 1896 г. въ Антропологическомъ Отдѣлѣ Общества Любителей Естествознанія (резюме его было помѣщено въ XIX т. „Трудовъ Антропол. Отдѣла“).

этого діаметра замѣчается и у самоѣдовъ, финновъ, монголовъ и тюрковъ, т.-е. другими словами, у всѣхъ такъ наз. брахицефальныхъ племенъ.

По среднему черепному указателю и по рядовому размѣщенію его сойоты являются ярко выраженными брахицефалами (90%), съ очень небольшою примѣсью суббрахицефаловъ (10%); ни мезоцефаловъ, ни тѣмъ менѣе долихоцефаловъ среди нашей коллекціи не встрѣчается вовсе. У самоѣдовъ видна въ этомъ отношеніи нѣкоторая наклонность къ удлинению черепа, и они являются суббрахицефалами, между тѣмъ какъ изслѣдованные нами сойоты, паравнѣ съ пермяками-финнами и монголами, — настоящіе брахицефалы. По короткоголовости къ сойотамъ еще ближе, чѣмъ монголы, стоятъ киргизы и узбеки. Но величина черепного указателя зависитъ отъ размѣровъ поперечнаго и продольнаго діаметра, другими словами, при равныхъ или почти равныхъ размѣрахъ широтнаго діаметра, черепъ будетъ казаться тѣмъ болѣе длиннымъ, чѣмъ больше величина продольнаго и, наоборотъ, при равныхъ размѣрахъ продольнаго діаметра, онъ будетъ тѣмъ болѣе удлинень, чѣмъ меньше широтный діаметръ. У всѣхъ племенъ, взятыхъ нами для сравненія, размѣры широтнаго діаметра почти одинаковы, какъ по среднимъ величинамъ, такъ и по предѣламъ колебаній и рядовому расположенію. У всѣхъ у нихъ поперечники въ огромномъ большинствѣ случаевъ — большіе, съ предѣлами колебаній отъ 137 до 158 мм.; по размѣрамъ этого діаметра первое мѣсто занимаютъ торгоуты и сойоты, имѣющіе 70% большихъ размѣровъ и 30% среднихъ, почти столько же самоѣды, затѣмъ пермяки около 60% большихъ и, наконецъ, астраханскіе калмыки, у которыхъ около 60% падаетъ на группу среднихъ размѣровъ. Среднія величины этого діаметра даютъ размѣщеніе почти въ томъ же порядкѣ: 148 мм. для торгоутовъ и сойотовъ, 147 — для самоѣдовъ, для астраханскихъ калмыковъ — 146, для пермяковъ — 145 и, наконецъ, узбеки заключаютъ собою рядъ, имѣя среднюю лишь въ 141 мм. Итакъ, у всѣхъ, приведенныхъ нами, народностей, черепъ широкій, причемъ эта широта ихъ имѣетъ для всѣхъ примѣрно одинаковыя границы колебаній и одинаковыя среднія числа. Отсюда уже непосредственно вытекаетъ, что и характерная для всѣхъ ихъ брахицефалія черепа зависитъ преимущественно отъ указанной причины, т.-е. отъ слишкомъ большаго развитія поперечнаго размѣра черепной коробки. Сравненіе продольныхъ діаметровъ подтверждаетъ тотъ же выводъ. У всѣхъ этихъ народностей размѣры продольнаго діаметра — средніе или весьма близкіе къ среднимъ. Изъ нихъ сойоты (172) и узбеки (171) проявляютъ нѣсколько большую наклонность къ укорачиванію этого діаметра; затѣмъ слѣдуютъ въ восходящемъ порядкѣ: пермяки (173), торгоуты (177) и, наконецъ, астраханскіе калмыки вмѣстѣ съ самоѣдами (179), если сравнивать только мужчинъ; если же взять и женщинъ двухъ послѣднихъ племенъ, то сейчасъ обнаружится большее сходство между ними и сойотами (172 мм.).

Головные части черепа.

	Черепной указатель.					Высотно-широтный указатель.			Высотно-продольный указатель.			Горизонт. окружность						
	Долхоцеф.	Субдолихоц.	Мезоцеф.	Суббрахиц.	Брахицеф.	Среднее.	Низкие.	Средние.	Узкие.	Среднее.	Платицеф.	Ортоцеф.	Гипсицеф.	Среднее.	Малая.	Средняя.	Большая.	Средняя.
Сойоты	0	0	0	1	9	86.33	9	1	0	85.63	0	7	3	73.88	1	3	5	524
Самоѣды	0	1	0	9	5	82.45	14	1	0	87.07	4	9	2	71.75	3	8	4	511
Пермяки	3	3	4	8	8	81.1	4	13	9	97.1	0	5	21	78.1	7	13	6	510
Торгоуты	0	0	0	8	9	83.33	14	0	0	82.49	8	9	0	69.27	2	5	7	520
Астр. калмыки	1	8	11	16	15	81.64	34	14	1	88.34	13	26	11	72.21	9	20	24	524
Узбеки	1	4	6	17	24	83.34	23	20	5	92.7	0	14	34	76.79	21	17	14	504
Киргизы	1	4	1	6	21	85.1	28	2	3	87.15	6	16	11	74.12	7	18	8	514

По высотѣ черепа среди сойотовъ какъ бы существуетъ два типа: одинъ—съ малымъ развитіемъ черепа въ вышину, другой—съ сравнительно большимъ, причѣмъ переходъ болѣе или менѣе рѣзкій, а именно половина измѣренныхъ нами череповъ имѣетъ малые размѣры высотнаго діаметра, другая половина—большіе и лишь одинъ черепъ имѣетъ средніе размѣры. Сравнивая высоту черепа у другихъ, приводимыхъ нами, народностей, мы находимъ, что самоѣды и пермяки проявляютъ ярко выраженную наклонность къ развитію черепа въ вышину, особенно послѣдніе; напротивъ, монгольскій черепъ является низкимъ.

Переходя къ отношенію высотнаго діаметра къ продольному и поперечному наибольшимъ діаметрамъ, мы замѣчаемъ, что большинство сойотскихъ череповъ (70%)—ортоцефаличны, т.-е. равномерно развиты въ высоту и длину, хотя есть между ними около 30% гипсицефаловъ, т.-е. съ явнымъ преобладаніемъ высоты надъ шириной; платицефалии, т.-е. низкихъ череповъ, не встрѣчается вовсе. Въ этомъ отношеніи они стоятъ въ серединѣ между пермяками, типичными гипсицефалами, и монголами, которыхъ слѣдуетъ скорѣе причислить къ низкоголовымъ. Самоѣды, будучи точно такъ же, какъ и сойоты, среднеголовы, обнаруживаютъ въ то же время нѣкоторую, правда, не особенно рѣзкую, наклонность къ платицефалии, т.-е. они какъ бы составляютъ переходъ отъ сойотовъ къ монголамъ; въ свою очередь киргизы съ узбеками составляютъ пере-

ходъ въ другую сторону—къ пермякамъ. Что касается отношенія высоты къ ширинѣ, т.-е. высотнаго указателя, то почти всѣ сойотскіе черепа—низко-широки, т.-е. другими словами, высота черепа, сравнительно съ его шириной, невелика. Точно такую же тенденцію къ укорачиванію высотнаго діаметра по сравненію съ широтнымъ обнаруживаютъ монголы и самоѣды. Пермяки, особенно женщины, имѣютъ черепъ высокій сравнительно съ шириною. Располагая всѣ эти народности по степени увеличенія высотнаго указателя, получимъ такое размѣщеніе: на первомъ мѣстѣ стоятъ торгоуты, имѣющіе самые низкіе черепа, затѣмъ слѣдуютъ сойоты, астраханскіе калмыки, самоѣды, киргизы, узбеки и, наконецъ, особнякомъ стоятъ пермяки съ средне-высокимъ черепомъ.

На основаніи этихъ трехъ наиболѣе важныхъ данныхъ: черепнаго и двухъ высотныхъ указателей, мы можемъ сдѣлать слѣдующую характеристику общаго вида сойотскаго черепа. Онъ значительно развитъ въ ширину, подобно всѣмъ такъ наз. монголоиднымъ черепакамъ, весьма мало въ длину, въ чемъ даже превосходитъ настоящихъ монголовъ, и сравнительно немного въ вышину. Это послѣднее обстоятельство отличаетъ его отъ финскаго типа, въ частности отъ пермяковъ и приближаетъ за-то къ монголомъ.

Вертикальная окружность—средней величины, равно какъ средней величины она у самоѣдовъ, монголовъ и пермяковъ, съ тою только разницею, что у послѣднихъ она имѣетъ тенденцію увеличиваться въ размѣрѣ, а у первыхъ, т.-е. у самоѣдовъ съ монголами, уменьшаться. Сойоты составляютъ какъ бы переходъ между этими двумя группами.

Поперечная окружность точно такъ же, какъ и вертикальная,—средней величины, съ значительной, впрочемъ, наклонностью къ большимъ ея размѣрамъ. Въ этомъ отношеніи къ сойотамъ весьма близки самоѣды и пермяки-мужчины; пермячки, подобно монголамъ, имѣютъ стремленіе къ уменьшенію этой окружности.

Сравнивая лобный указатель сойотовъ съ таковымъ же монголовъ, мы находимъ, что какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ лобъ значительно суженъ въ нижней своей части.

По затылочнымъ указателю и діаметру между сойотами и монголами полное сходство; тѣ и другіе имѣютъ большіе размѣры затылочнаго діаметра, а по затылочному указателю относятся къ группѣ средне-широкозатылочныхъ.

Вѣшній глазничный діаметръ у сойотовъ развитъ довольно значительно: 60% изслѣдованныхъ нами череповъ имѣютъ большіе его размѣры и 40%—средніе. То же самое можно сказать и про самоѣдовъ, хотя у нихъ этотъ размѣръ выраженъ нѣсколько слабѣе; на монголовъ въ этомъ отношеніи болѣе походятъ самоѣды, нежели сойоты.

Лицевыя части черепа.

	Лицевой указатель.				Глазничный указатель.				Межглазничное пространство.				Носовой указатель.			
	Малое.	Среднее.	Большее.	Среднее.	Малое.	Среднее.	Большее.	Среднее.	Малое.	Среднее.	Большее.	Среднее.	Лепторины.	Мезорины.	Платирины.	Среднее.
Сойоты	3	3	0	53.24	1	6	2	86.11	0	5	5	25	3	5	1	49.30
Самоёды	0	10	4	53.2	0	8	6	88.28	—	—	—	—	7	3	2	47.99
Пермяки	16	8	1	—	11	8	7	84.7	0	14	12	26	6	9	11	51.3
Торгоуты	4	5	1	54.39	1	6	7	90.47	0	9	5	26	8	4	1	49.04
Астр. калмыки	19	17	4	53.23	6	13	33	89.43	5	24	22	25	17	21	12	48.69
Узбеки	37	10	3	—	—	—	—	—	0	25	27	—	20	23	8	—
Киргизы	18	12	2	—	—	—	—	—	0	15	18	—	22	10	1	—

Опредѣляя отношеніе внѣшняго глазничнаго къ наибольшему лицевому поперечному діаметру, мы находимъ, что у монголовъ въ общемъ это отношеніе нѣсколько меньше, другими словами, у нихъ лицевой поперечникъ нѣсколько болѣе выдается надъ углами глазъ, чѣмъ у сойотовъ и самоёдовъ.

Щечный и скуловой діаметры имѣютъ у сойотовъ, равно какъ и у монголовъ, ярко выраженную склонность къ большимъ величинамъ.

Наибольшій лицевой поперечникъ, будучи большихъ размѣровъ у монголовъ и самоёдовъ, у сойотовъ имѣетъ средніе размѣры; такіе же размѣры имѣютъ и черепа пермяковъ.

Лицевая линія имѣетъ средніе и большіе размѣры съ нѣкоторымъ преобладаніемъ первыхъ. У монголовъ, наоборотъ, большая длина лица преобладаетъ. Разсматривая длину лица по сравненію съ его шириною, мы видимъ, что, несмотря на сравнительно большую длину лицевой линіи, отношеніе ея къ наибольшему широтному діаметру лица является малымъ и среднимъ, что указываетъ на значительное развитіе лицевого поперечника. Въ этомъ отношеніи также проявляется сходство съ монголами.

То же сходство сойотовъ съ монголами обнаруживается и при сравненіи величины межглазничнаго пространства. У тѣхъ и другихъ оно имѣетъ средніе и большіе размѣры; нѣтъ разницы въ этомъ отношеніи и съ пермяками.

По глазничному указателю у сойотовъ, равно какъ и у самоёдовъ, преобладаютъ средніе размѣры глазницъ, у монголовъ же, на-

противъ,—большіе, а у пермяковъ—малые; слѣдовательно, и здѣсь сойоты и самоѣды составляютъ какъ бы переходъ отъ финской расы къ монгольской, причемъ самоѣды стоятъ ближе къ послѣдней.

По носовому указателю среди сойотскихъ череповъ преобладаютъ преимущественно среднія, а затѣмъ малыя величины этого указателя. У монголовъ и пермяковъ замѣчается обратное: при среднихъ размѣрахъ этого указателя, у нихъ обнаруживается склонность къ увеличенію его, между тѣмъ какъ у самоѣдовъ встрѣчаются въ большинствѣ случаевъ малые его размѣры. Необходимо замѣтить, что у трехъ первыхъ группъ, т.-е. у сойотовъ, монголовъ и пермяковъ, характеръ измѣненія носового указателя одинъ и тотъ же, т.-е. у всѣхъ у нихъ длина носа стремится укоротиться, а ширина—увеличиться. Самоѣды стоятъ особнякомъ, такъ какъ, при преобладающей у нихъ ширинѣ носа, длина его замѣтно возрастаетъ по рядамъ. Располагая наши племенные группы по степени увеличенія носового указателя, получаемъ такой порядокъ: пермяки, астраханскіе калмыки, торгоуты, сойоты и, наконецъ, самоѣды.

По нѣбному указателю сойоты относятся къ разряду широко-нѣбныхъ. Нѣбная часть развита у нихъ очень сильно, какъ въ длину, такъ и въ ширину. Сюда же относятся и монголы, весьма близко подходящіе къ нимъ по характеру рядового размѣщенія и даже по среднимъ числамъ. Пермяки также широко-нѣбны, но значительно менѣе монголовъ и сойотовъ.

Хребетный указатель встрѣчается у сойотовъ всѣхъ трехъ типовъ, т.-е. большого, средняго и малаго.

Суммируя всѣ вышеприведенныя данныя, мы видимъ, что сойоты не представляютъ собою однороднаго, цѣльнаго физическаго типа, а смѣшанный, составной. Они являются вмѣстѣ съ самоѣдами какъ бы переходомъ отъ типа монголо-тюркскаго къ типу финскому, причемъ по нѣкоторымъ признакамъ они стоятъ къ финнамъ ближе, чѣмъ самоѣды, болѣе зато приближающіеся къ монголо-тюркамъ. Наличие всѣхъ этихъ элементовъ въ физическомъ типѣ сойотовъ намъ кажется довольно вѣроятной, несмотря даже на ограниченность фактическаго матерьяла, которымъ мы располагали.

И. Силиничъ.

Изъ иностранной литературы.

Классификація человѣческихъ расъ I. Деникера.

(J. Deniker—*Les races et les peuples de la terre. Éléments d'anthropologie et d'ethnographie. Paris, 1900. Та же книга на англійскомъ языкѣ: The races of man. An outline of anthropology and ethnography. Lond., 1900).*

Одною изъ главныхъ своихъ задачъ антропология всегда ставила разрѣшеніе вопроса о классификаціяхъ рода человѣческаго. Въ этомъ важномъ вопросѣ мы встрѣчаемся съ поразительными колебаніями—отъ признанія одной расы (Верть, Лундъ) до 150 и болѣе (Глиддонъ),—колебаніями, зависѣвшими отъ того, какъ данный авторъ понималъ терминъ „раса“ и какую сумму признаковъ полагалъ онъ въ основу своей классификаціи. Отсылая интересующихся исторіей вопроса къ указаннымъ въ примѣчаніи сочиненіямъ ¹⁾, мы намѣрены въ настоящей статьѣ познакомить читателя съ новымъ опытомъ

¹⁾ Д. Н. Анучинъ—Расы или породы человѣчества. „Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона“, полут. 51; Гёксли—О положеніи человѣка въ ряду органич. существъ. Пер. Бекетова. Спб., 1864; Д. А. Коропчевскій—Типъ и раса въ современ. антропологии. „Проток. засѣданій Русск. Антропол. Общ. при Петербург. универ. за 1893—94 гг.“. Спб., 1895; онъ-же—Расовая и этническая группировка человѣчества. Добавл. къ рус. переводу II т. „Народовѣдѣнія“ Фр. Ратцеля. Спб., 1901; онъ-же—А. Г. Кинъ и его руководства по этнологии. „Рус. Антроп. Журн.“, 1901 г., № 1; П. А. Минаковъ—Волосы въ антроп. отношеніи. Ibid., 1900 г., № 1; Д. Пидерле—Человѣчество въ доисторич. времена. Пер. подъ ред. Д. Н. Анучина. Спб., 1898; Э. Ю. Петри—Антропология, т. I. Спб., 1890; О. Пешель—Народовѣдѣніе. Пер. подъ ред. Э. Ю. Петри. Спб., 1890; Г. Ранке—Человѣкъ, т. II. Пер. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго; Э. Тайлоръ—Антропология. Пер. Пвина. Спб., 1898; Топинаръ—Антропология. Пер. подъ ред. И. И. Мечникова. Спб., 1879; К. Е. v. Baer—Vorlesungen über Anthropologie. Königsb., 1824; A. Bastian—Das Beständige in den Menschenrassen. Berl., 1868; Blumenbach—De generis humani varietate nativa. Götting., 1795; I. V. Carus—System der thierischen Morphologie, 1853; онъ-же—Geschichte der Zoologie. Münch., 1872; Cuvier—Le règne animal. Par., 1817; Ch. Darwin—On the origin of species by

классификаціи человѣческихъ расъ, принадлежащимъ извѣстному антропологу І. Деникеру.

Терминъ „раса“, по мнѣнію Деникера, можетъ быть примѣняемъ, въ естественно-историческомъ смыслѣ, только къ соматологическимъ единицамъ. Смыслъ его въ антропологін болѣе широкій, чѣмъ въ зоологін и зоотехникѣ. Имъ мы обозначаемъ совокупность соматологическихъ признаковъ, которые нѣкогда встрѣчались въ реальномъ соединеніи индивидуумовъ и которые теперь представляютъ лишь, такъ сказать, фрагменты, разбросанные въ разныхъ „этническихъ группахъ“ въ различныхъ пропорціяхъ; выдѣленіе этихъ фрагментовъ возможно только при помощи очень тонкаго анализа. Различія между „расами“ обнаруживаются въ тѣхъ соматологическихъ признакахъ, которые представляютъ собою равнодѣйствующую постоянной борьбы въ индивидуумѣ двухъ факторовъ: измѣнчивости, т.-е. образованія различія, и наследственности, т.-е. упроченія сходства. Это — различія въ внѣшнихъ формахъ, въ анатомическомъ строеніи и въ физиологическихъ функціяхъ, проявляющихся у индивидуумовъ. Изученіе этихъ признаковъ имѣетъ, такимъ образомъ, своимъ основаніемъ челоуѣка, рассматриваемаго, какъ *особь* зоологической группы.

Для классификаціи расъ, понимаемыхъ въ вышеуказанномъ смыслѣ, нужно имѣть въ виду только физическіе признаки. Нужно постараться опредѣлить, при помощи антропологическаго анализа каждой изъ этническихъ группъ, расы, ее составляющія; затѣмъ сравнить эти расы между собою, соединить тѣ изъ нихъ, которыя болѣе всего сходны, и выдѣлить тѣ, которыя обнаруживаютъ наибольшее различіе. При систематической группировкѣ найдется небольшое число расъ, физическіе признаки которыхъ, въ различныхъ пропорціяхъ, встрѣчаются у многихъ этническихъ группъ. Возьмемъ, напр., негритосскую расу, въ которой азы, андаманцы и черные сакаи являются почти чистыми, не подвергшимися смѣшенію представителями. Признаки этой расы встрѣчаются тамъ и

means of natural selection. Lond., 1859; *онъ-же* — Descent of man. Lond., 1864; J. Deniker — Les races de l'Europe. Paris, 1899; Is. Geoffroy St. Hillaire — Histoire naturelle générale des règnes organiques Paris, 1856; Ed. Haeckel — Natürl. Schöpfungsgeschichte. Berl., 1873; *онъ-же* — Anthropogenie oder Entwicklung des Menschen. Leipz., 1877; Hellwald — Naturgeschichte des Menschen-Rassen, 1842; A. Hovelacque et C. Gervé — Précis d'anthropologie. Paris, 1887; A. H. Keane — Ethnology. Camb., 1896; I. Kollmann — Les races humaines de l'Europe et la question arienne. „Congr. intern. d'archéol. et d'anthr.“. Moscou, 1892; Lamarck — Philosophie zoologique. Paris, 1873; C. Linnaei — Philosophia botanica; Fr. Müllér — Allgem. Ethnographie Wien, 1879; Pruner Bey — De la chevelure comme caractéristique des races humaines d'après des recherches microscopiques. „Mém. de la Soc. d'Anthr. de Paris“. T II (1863), III (1864); A. de Quatrefages — Histoire générale des races humaines. Paris, 1887; W. Z. Ripley — The races of Europe. Lond., 1900; G. Sergi — Specie e varietà umane. Saggio di una sistematica antropologica. Torino, 1900; P. Topinard — Eléments d'anthropologie générale. Paris, 1885; *онъ-же* — L'homme dans la nature. Paris, 1891; *онъ-же* — De la race en anthropologie. „Congr. intern. d'archéol. et d'anthr. à Moscou“, 1892; K. Vogt — Vorlesungen über den Menschen. Giessen, 1863; Waitz — Anthropologie der Naturvölker. Leipz., 1859; Weerth — Die Entwicklung der Menschen-Bassen, 1842 и др.

самъ между меланезійцами, малайцами, дравидами и пр. У всѣхъ этихъ племенъ замѣтенъ типъ негритосской расы, благодаря, съ одной стороны, присутствію извѣстнаго числа индивидуумовъ, сохраняющихъ его почти въ первобытной чистотѣ, и съ другой—благодаря существованію большаго числа индивидуумовъ, черты которыхъ хотя и репродуцируютъ этотъ типъ, но, такъ сказать, смягченный, прикрытый признаками, заимствованными у другихъ расъ.

Расовые признаки сохраняются съ поразительною стойкостью, несмотря на всѣ измѣненія, обязанныя своимъ происхожденіемъ цивилизаціи, перемѣнѣ языка и пр. Раса можетъ составлять доминирующую часть данной этнической группы, или также можетъ войти въ нее на-половину, на-четверть, или, наконецъ, въ самой минимальной долѣ. Рѣдко этническая группа состоитъ почти исключительно изъ одной только расы; въ этомъ случаѣ понятіе „раса“ смѣшивается съ понятіемъ „народъ“. Можно, напр., сказать, что бушмены, асты, минкопи, австралійцы состоятъ изъ индивидуумовъ почти еще чистой расы; но такіе случаи рѣдки. Уже трудно признать одну расу, напр., среди монголовъ; среди негровъ можно констатировать, по крайней мѣрѣ, три расы, которыя, будучи связаны между собою извѣстнымъ числомъ общихъ признаковъ, все-таки представляютъ и замѣтныя различія. Каждая раса можетъ смѣшиваться въ этнической группѣ не только съ однородной расой, но также и съ другими расами, и легко представить себѣ, въ какомъ громадномъ количествѣ могутъ образовываться эти смѣшенія.

Кладя въ основу своей классификаціи сочетаніе различныхъ физическихъ признаковъ (цвѣта кожи, свойства волосъ, роста, формы головы, носа и др.), I. Деянкеръ дѣлитъ человѣческій родъ на слѣдующія 29 расъ:

Расы (и подрасы).

A. Шерстистые волосы, широкій носъ.

Желтая кожа, стеатопигія, малый ростъ, долихоцефалія

Бушмены (подрасы: готтентоты и бушмены). 1

Темная кожа.	{	Красновато-бурые, очень малый ростъ, суббрахицефалія или субдолихоцефалія	<i>Негритосы</i> (подрасы: негрлы и негритосы). 2
		Черные, высокій ростъ, долихоцефалія	<i>Негры</i> (подрасы: суданцы и банту). 3
		Буровато-черные, средній ростъ, долихоцефалія.	<i>Меланезійцы</i> (подрасы: папуасы и меланезійцы). 4

В. Курчавые или волнистые волосы.

Темная кожа.	{	Красновато-бурые, узкій носъ, высокій ростъ, долихоцефалія	<i>Эѳіопы.</i>	5
		Шоколадно-бурые, широкій носъ, сред- ній ростъ, долихоцефалія	<i>Австралійцы.</i>	6
		Буровато-черные, носъ широкій или узкій, ростъ малый, долихоцефалія.	<i>Дравиды (подра- сы: платирины и лепторины).</i>	7
		Смугло-бѣлая кожа, узкій, выпуклый, толстый на концѣ носъ, брахицефалія	<i>Ассириоды.</i>	8

С. Волнистые темно-русые или чер-
ные волосы, темные глаза.

		Свѣтло-бурая кожа, черные волосы, узкій, прямой или выпуклый носъ, высокій ростъ, долихоце- фалія	<i>Индо-аванцы.</i>	9
--	--	---	---------------------	---

Смугло-бѣлая кожа, черные волосы.	{	Высокій ростъ, удлиненное лицо.	Орлиный носъ, выдающійся затылокъ, долихоцефалія, эллиптической фор- мы лицо	<i>Арабы или семи- ты.</i>	10
			Прямой, толстый носъ, долихоцефа- лія, лицо квадратной (?) формы.	<i>Берберы (4 под- расы).</i>	11
			Прямой, тонкій носъ, мезоцефалія, овальное лицо	<i>Прибрежные европейцы.</i>	12
				Малый ростъ, долихоцефалія	<i>Иберо-острови- тяне.</i>

Матово-бѣлая кожа, темно- русые волосы.	{	Малый ростъ, сильная брахицефалія, круглое лицо	<i>Западные евро- пейцы.</i>	14
		Высокій ростъ, брахицефалія, удлиненное лицо	<i>Адріатики.</i>	15

Д. Волосы волнистые или прямые,
бѣлокурые, глаза свѣтлые.

Свѣтло-розо- вая кожа.	{	Больше волнистые, свѣтло-красноватые волосы, высокій ростъ, долихоцефалія.	<i>Сѣверные евро- пейцы.</i>	16
		Больше прямые, льняные волосы, малый ростъ, суббрахицефалы	<i>Восточные евро- пейцы.</i>	17

**Е. Волосы волнистые или прямые,
черные, глаза темные.**

Желтая ко- жа, безволо- сое тѣло.	Свѣтло-бурая кожа, весьма волосатое тѣло, широкій, вогнутый носъ, долихоцефалія		<i>Айны.</i>	18
	{	Нѣсколько выпуклый носъ, высокій ростъ, лицо эллиптической формы, брахи—или мезоцефалія	<i>Полинезійцы.</i>	19
		Малый ростъ, приплюснутый, нѣсколь- ко вогнутый носъ, выдающіяся ску- лы, ромбовидное лицо, долихоцефалія.	<i>Индонезійцы.</i>	20
		Малый ростъ, выпуклый, прямой или вогнутый носъ, мезо—или долихоце- фалія	<i>Южные амери- канцы (подрасы: палеоамериканцы и южные амери- канцы).</i>	21

Ф. Прямые волосы.

Желтая ко- жа теплаго (chaud) цвѣта.	{	Носъ прямой или орли- ный.	Высокій ростъ, мезоцефа- лія	Сѣверные аме- риканцы (подра- сы: Атлант. и Тих. ок).	22
			Малый ростъ, брахице- фалія	Центральные американцы.	23
		Прямой носъ, высокій ростъ, брахицефа- лія, лицо квадрат. формы	Патагонцы.	24	
Темновато-желтая кожа, малый ростъ, круглое, плоское лицо, долихоцефалія			Эскимосы.	25	
Желтовато-бѣлая кожа.	{	Вздернутый носъ, малый ростъ, брахицефалія .	Лопари.	26	
		Прямой или вогнутый носъ, малый ростъ, мезо- или долихоцефалія, выдающіяся скулы . . .	Угры (подрасы: угрская и енисей- ская).	27	
		Прямой носъ, средній ростъ, рѣзкая брахице- фалія	Тюрки или тюр- ко-татары.	28	
Блѣдно-желтая кожа, выдающіяся скулы, монголь- скій глазъ, слабая брахицефалія			Монголы (подрасы: сѣверная и южная).	29	

Эта таблица,—говорит Деникеръ,—содержитъ перечисленіе для каждой расы главныхъ соматическихъ признаковъ. Расположенная ради удобства изслѣдованія дихотомически, она не представляетъ точной группировки расъ по ихъ настоящему родству. Стремленіе выразить это родство при линейномъ размѣщеніи таблицы было бы напрасно: въ дѣйствительности каждая раса представляетъ извѣстное сходство не только со своими сосѣдями въ верхней или нижней части таблицы, но также и съ другими, которые отдѣлены отъ нея вслѣдствіе техническихъ требованій построения этой таблицы. Чтобы лучше представить родство, о которомъ мы говоримъ, слѣдовало бы расположить группы по тремъ измѣреніямъ пространства или, по крайней мѣрѣ, на поверхности, гдѣ возможны бы были два измѣренія. Это сдѣлано на нижеслѣдующей таблицѣ.

Группировка человѣческихъ расъ по ихъ родству.

Патагонцы.	XIII. Сѣв.-американцы. Средн.-американцы. Южно-американцы.	XII Полинезійцы, Индонезійцы.	XI. Айвы.	Австраліицы.		II.	Меланезійцы.	Негритосы.	Негры.
	XIV. Эскимосы.	XVII Монголы.	V. Дравиды.	IV.	I.				
	XV. Лопари.	XVI. Угры.	VI. Бушмены.	III.	Ассирииды.				
		Тюрки.	VII. Индо-авганцы.		VIII.				
	IX. Вост. европейцы. Сѣвер. европейцы.	X. Зап. европейцы. Иберо-островитяне.	Адриатики.		VIII.			Арабы. Берберы.	Эііопы.

Въ этой таблицѣ 29 расъ раздѣлены на 17 группъ, которыя расположены по степени родства между ними. Только семь изъ этихъ группъ состоятъ болѣе, чѣмъ изъ одной расы, это: XIII — американская группа, XII — океанійцы, II — негроиды, VIII — сѣверные африканцы, XVI — эвразійцы, IX — меланохронды и X — ксантохронды. Приведенная таблица ясно показываетъ намъ, что, напр., бушменская раса имѣетъ родство съ негритосской (малый ростъ) и съ неграми (свойство волосъ, форма носа); что дравидская раса родственна и съ индонезійской, и съ австраліійской; что тюркская раса занимаетъ мѣсто между уграми и монголами; что у эскимосовъ есть монголоидныя и американскія черты; что ассирииды довольно близки къ адриатикамъ и индо-авганцамъ; что эти послѣдніе темнымъ цвѣтомъ своей кожи напоминаютъ эііоповъ, а форму лица—арабовъ и пр. Обѣ вышеприведенныя таблицы Деникеръ дополняетъ еще слѣдующими данными (расы первой таблицы обозначены арабскими цифрами, а группы второй—римскими).

I, 1. *Бушменская* раса въ сравнительно чистомъ видѣ сохраняется у бушменовъ и въ менѣе чистомъ среди готтентотовъ. Присутствіе бушменскаго типа можно подмѣтить у большаго числа негрскихъ народовъ къ югу отъ экватора (напр., у бечуновъ, кіоковъ и др.).

II. *Негроидная* группа содержитъ въ себѣ три расы: негритосовъ, негровъ и меланезійцевъ.

2. *Негритосская* раса можетъ быть раздѣлена на двѣ подрасы: а) *негрильсы* Африки, чистыми представителями которыхъ являются *акки*, *батуа* и другіе субдолихацефальные *нимби*, и в) *негритосовъ* Азіи (андаманцы, черные сакаи, аэта и др.), мезоцефальныхъ или суббрахицефальныхъ, съ ростомъ немного большимъ, чѣмъ у негрильсовъ. Присутствіе негритосскихъ признаковъ замѣтно у различныхъ негровъ банту (напр., у *адума*). Вліяніе негритосскаго типа отразилось также на типѣ малайцевъ, нѣкоторыхъ индонезійцевъ и др.

3. *Негры* могутъ быть подраздѣлены на двѣ подрасы: а) *негритяны* Судана и Гвинеи, болѣе рослыхъ, болѣе прогнатныхъ и болѣе „негроидныхъ“, если можно такъ выразиться, чѣмъ в) *банту* субэкваторіальной и южной Африки. Негрскій элементъ сильно выраженъ у смѣшанныхъ народностей Африки (нѣкоторые берберы и эіюпы, мадагаскарскіе островитяне). Большинство американскихъ негровъ принадлежитъ къ негритянскій подрасѣ.

4. *Меланезійская* раса отличается отъ негрской главнымъ образомъ менѣе курчавыми волосами и болѣе свѣтлой окраской кожи. Въ ней двѣ подрасы: одна—съ удлинненнымъ, овальнымъ лицомъ, искривленнымъ носомъ, распространена въ особенности въ Новой Гвинее (подраса: *папуасы*), и другая—съ болѣе широкимъ, квадратной формы, лицомъ, занимаетъ остальную Меланезію (подраса: *собственно меланезійская*). Первая изъ этихъ подрасъ входитъ въ составъ многихъ смѣшанныхъ племенъ Целебеса, Гилоло, Флореса, Тимора и другихъ острововъ Азіатскаго архипелага, лежащихъ далѣе къ востоку.

III, 5. Въ *эіюпской* расѣ довольно чистыми представителями являются нѣкоторые беджасы и галласы; у сомалійцевъ и абиссинцевъ этотъ типъ измѣненъ примѣсью арабской, а у сандеховъ (нѣямъ-нѣямъ) и въ особенности у фульбе (пѣль)—примѣсью негрской крови, хотя между послѣдними встрѣчаются еще прекрасные эіюпскіе типы, почти чистые.

IV, 6. *Австралійская* раса замѣчательна своимъ единствомъ и своею изолированностью на Австралійскомъ континентѣ; даже *тасманійцы*, ближайшіе сосѣди австралійцевъ, нынѣ исчезнувшіе, были другого типа, чѣмъ нынѣшніе.

V, 7. *Дравидскую* или *мелано-индійскую* расу составляютъ народы южной Индіи, говорящіе на дравидскихъ языкахъ, а равно холы и другіе народы Индіи. Въ ней, по Шмидту, двѣ подрасы: а) *лепторинная*—съ тонкимъ носомъ, очень удлиненной формой головы (напры и др.), и в) *плати-*

ринная—съ очень широкимъ носомъ и съ нѣсколько болѣе короткой головой (собственно дравиды). Ведасы сильно приближаются къ дравидскому типу, который, кромѣ того, проникаетъ въ населеніе Индіи вплоть до середины долины Ганга¹⁾.

VI, 8. *Ассирионная* раса, названная такъ потому, что она очень ясно представлена на ассирійскихъ памятникахъ, заключаетъ въ себѣ достаточное число представителей, чтобы характеризовать причисленіемъ къ ней цѣлыя народности, каковы: хаджемійскіе персы, айсоры, нѣкоторые племена курдовъ и часть армянь и евреевъ. Характеристичный еврейскій носъ, изогнутый въ формѣ курсивной цифры 6,—ассирионный носъ²⁾; онъ почти всегда соединенъ съ сросшимися бровями и толстой нижней губой. Тоды принадлежать, быть можетъ, отчасти къ этому же типу.

VII, 9. *Индо-аванская* раса имѣетъ своихъ типичныхъ представителей среди авганцевъ, раджутовъ и въ частѣ брамановъ; но она претерпѣла многочисленныя измѣненія вслѣдствіе смѣшенія съ элементами: ассирионнымъ, дравидскимъ, монгольскимъ, тюркскимъ, арабскимъ и др.

VIII. *Сѣверо-африканская* группа включаетъ въ себя: 10, *арабскую или семитическую* расу, типическіе представители которой — арабы и нѣкоторые евреи; черты ея встрѣчаются часто въ большей части народностей Сиріи, Месопотаміи, Белуджистана, Египта и Кавказа; 11, *берберскую* расу, которая, согласно Коллиньону, дѣлится на четыре подрасы: 1) *джербскую*—съ малымъ ростомъ и съ довольно круглой головой (голов. указ. на живыхъ—отъ 78 до 81,7); ее можно встрѣтить въ населеніи юго-восточной и прибрежной части Туниса, также среди нѣкоторыхъ кабилловъ, среди мцабитовъ и хауіевъ о-ва Аура, 2) *эльскую*—долихоцефальную, съ широкимъ лицомъ,—въ центрѣ Туниса и на востокъ Бабиліи; 3) *долихоцефальную берберскую*, съ удлиненнымъ лицомъ, съ ростомъ выше средняго,—въ Алжирѣ-Тунисѣ; 4) *джеридную или оазную*—съ довольно высокимъ ростомъ и съ темнымъ цвѣтомъ лица.

IX. *Меланохридонную* группу составляютъ четыре темныхъ расы Европы (12—15): *прибрежные европейцы, иберо-островитяне, западные европейцы и адриатики*.

X. *Ксантохридонную* группу образуютъ двѣ свѣтлыхъ расы Европы (16—17): *сѣверная и восточная*.

XI, 18. Къ *айнской* расѣ, сохранившейся довольно чисто, принадлежитъ народъ того же имени.

XII. *Океанійская* группа состоитъ изъ двухъ расъ, отношенія которыхъ между собою довольно неясны: 19, *полинезійской*, являющейся въ бо-

¹⁾ Д. А. Коропчевскій указываетъ (въ добавленіи къ рус. переводу II т. „Народовѣднія“ Ратцеля) на противорѣчіе между столь сѣвернымъ распространеніемъ дравидскаго типа и предлагаемымъ I. Деникеромъ обозначеніемъ дравидовъ южно-индійской расой.

²⁾ См. рисунокъ въ „Русск. Антроп. Журн.“, 1900 г., кн. II, стр. 86.

лѣе или менѣе чистомъ видѣ отъ Гавайскихъ острововъ до Новой Зеландіи и подвергшейся измѣненіямъ, вслѣдствіе смѣшенія съ меланезійцами, на западѣ Полинезіи; въ ней, быть-можетъ, есть подраса, болѣе волосатая, — въ Меланезіи; 20) *индонезійской*, представленной даяками, баттаками и другими народностями Азіатскаго архипелага (ніасы, кубу) и Индо-Китаю (никобарцы, нагасы и др.); раса эта измѣняется вслѣдствіе смѣшенія съ элементами: негритосскими (бѣлые саван Малайскаго полуострова), монголоидными (малайцы, хамиты), индусскими (яванцы) и папуасскими (туземцы Флореса).

XIII. *Американская* группа состоитъ изъ четырехъ расъ (21—24): 1) южно, — 2) сѣверо, — 3) центрально-американской и 4) патагонской. Представители *центрально-американской* расы часто встрѣчаются на Тихо-океанскомъ склонѣ обѣихъ Америкъ и также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Атлантическаго побережья Южной Америки. Въ первой изъ этихъ двухъ странъ центрально-американская раса смѣшана съ сѣверо-американской, а во второй — съ южно-американской. Въ *сѣверо-американской* расѣ можно различить двѣ подрасы: а) *атлантическую* — мезоцефальную, очень высокаго роста (сіу), и в) *тихо-океаническую*, отличающуюся отъ атлантической подрасы менѣе высокимъ ростомъ и болѣе круглой головой. Въ *южно-американской* расѣ, вѣроятно, также можно допустить существованіе двухъ подрасъ: а) *долихоцефальной*, съ волосами нерѣдко волнистыми или даже курчавыми, которая происходитъ, можетъ-быть, отъ древнѣйшихъ обитателей материка и которую можно обозначить именемъ *палео-американской*, и в) *мезоцефальной* подрасы, съ прямыми волосами. *Патагонская* раса имѣетъ своими представителями патагонцевъ и нѣкоторые народы Чако и Пампасовъ.

XIV, 25. *Эскимосская* раса довольно чистой сохраняется только на восточной сторонѣ Гренландіи, а также на сѣверѣ Канады, но она измѣнилась въ Лабрадорѣ, Аляскѣ и на западной сторонѣ Гренландіи вслѣдствіе смѣшенія съ сѣверо-американской расой, а въ окрестностяхъ Берингова моря — вслѣдствіе смѣшенія съ монгольской расой (чукчи, алеуты и пр.).

XV, 26. *Лопарская* раса относительно чистыхъ представителей имѣетъ только въ племенахъ скандинавскихъ лопарей; въ другихъ же мѣстахъ она смѣшалась съ сѣверной и восточной расами (скандинавы, финны, русскіе).

XVI. *Евразійскую* группу (названа такъ потому, что представители ея обитаютъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи) составляютъ двѣ расы: 27, *уирская* — среди восточныхъ финновъ (остяки, пермяки, черемисы) и, можетъ-быть, какъ подраса, — среди енисейцевъ; въ смѣшанномъ видѣ ее можно видѣть у самоѣдовъ и, быть-можетъ, у якутовъ; 28, *тюркская* раса, болѣе чистыми представителями которой являются киргизы и астраханскіе татары; въ другихъ этническихъ группахъ типъ этотъ смѣшанъ съ типами: монголо-тунгусской расы (якуты), угрской (чуваша) и ассиридской (туркмены, турки-османы и др.).

XVII, 29. *Монгольская* раса дѣлится на двѣ подрасы: а) *тунусскую* или *сѣверо-монгольскую*—съ овальнымъ или круглымъ лицомъ, съ выдающимися скулами,—въ Манчжуріи, Корей, Сѣв. Китаѣ и въ Монголіи, и в) *южно-монгольскую* — съ ромбовиднымъ или квадратной формы лицомъ; типъ этотъ можно наблюдать въ особенности въ Южномъ Китаѣ и Индо-Китаѣ.

Давши вышеприведенную классификацію расъ, т.-е. соматологическихъ единицъ, I. Деникеръ переходитъ къ разсмотрѣнію «этническихъ группъ», т.-е. социологическихъ единицъ. Группировка здѣсь основана на лингвистическихъ, социологическихъ и въ особенности географическихъ признакахъ; послѣднимъ придается особенное значеніе потому, что социологическія различія очень часто являются продуктомъ различій окружающей среды.

Чисто лингвистическая группировка не соответствуетъ географической группировкѣ народовъ: такъ, на Балканскомъ полуостровѣ, представляющемъ собою, съ географической точки зрѣнія, одно цѣлое, мы встрѣчаемъ не менѣе 4—6 различныхъ лингвистическихъ семействъ; на Британскихъ островахъ ихъ двѣ-три и пр. Не совпадаетъ лингвистическая группировка и съ соматологической: такъ, азербейджанскіе татары Закавказья и Персіи, говорящіе на тюркскомъ языкѣ, имѣютъ тотъ же физическій типъ, какъ и персы-хаджеми, говорящіе на иранскомъ языкѣ; негры Сѣв. Америки говорятъ по-английски; нѣкоторые индѣйцы Мексики и Южн. Америки считаютъ испанскій языкъ за свой родной; различныя угрскія племена (зыряне, вотяки, пермяки) пользуются русскимъ языкомъ и т. п. Въ европейскихъ странахъ случаи перемѣны языка общезвѣстны. Границы бретонцевъ во Франціи, ирландцевъ въ Ирландіи лежали въ XVI в., по меньшей мѣрѣ, на 100 км. къ востоку отъ ихъ нынѣшнихъ границъ. Границы фламандцевъ во Франціи, литовцевъ въ Пруссіи значительно отодвинулись къ востоку по прошествіи одного столѣтія. Аналогичные, хотя и единичные, случаи можно указать и въ другихъ частяхъ свѣта. Такъ, ирулы въ Индіи, въ физическомъ отношеніи отличающіеся отъ тамуловъ, говорятъ, однакожъ, на ихъ языкѣ; многія дравидскія племена, вмѣсто своихъ первоначальныхъ языковъ, говорятъ теперь по-индусски. По послѣдней переписи, изъ 2.897.591 гондовъ только 1.379.580 (т.-е. менѣе половины) знаютъ языкъ ихъ отцовъ. Но, тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ странахъ, въ которыхъ завоеваніе внесло мало смѣшенія, языкъ можетъ служить драгоценнымъ признакомъ при классификаціи этническихъ группъ.

Что касается культурныхъ градацій, то здѣсь трудно установить точныя подраздѣленія, такъ какъ часто одинъ и тотъ же народъ въ одно и то же время можетъ быть пастушескимъ и рыболовческимъ (чукчи), охотническимъ и земледѣльческимъ (тлинкиты), пастушескимъ и земледѣльческимъ (тунгусы) и пр. Нѣкоторыя частности культурнаго состоянія (особенно это относится къ матеріальной культурѣ), правда, имѣютъ вполне опредѣленное распространеніе и могутъ служить признаками для установленія того, что Бастіанъ называетъ «этнографическими провинціями». Но сходство въ нравахъ и идентичность

этнографических предметов сами по себѣ не даютъ еще права говорить о родствѣ расъ, ихъ языка и въ особенности объ общности ихъ происхожденія.

Переходя къ своей классификаціи «этническихъ группъ», Деникеръ беретъ обычное раздѣленіе земного шара на пять частей свѣта (соединяя Малайскій или Азіатскій архипелагъ съ Океаніей) и каждую изъ нихъ дѣлитъ на большія области, либо лингвистическія, либо географическія.

I. *Европа*. Въ ней Деникеръ различаетъ двѣ лингвистическихъ группы: арійскую и не-арійскую, и одну географическую — кавказскую.

Арійцы подраздѣляются на шесть группъ: латинскую или романскую (испанцы, французы и пр.), славянскую (русскіе, поляки и др.), греко-илирійскую (греки и албанцы), кельтскую (бретонцы и др.) и латышско-литовскую (латыши и литовцы). *Не-арійцы* представлены въ Европѣ басками и народностями, говорящими на финно-угрскихъ языкахъ (лопари, западные финны, венгерцы и восточные финны; часть послѣднихъ относится къ Азій). *Кавказскую* группу составляютъ туземные народы Кавказа; она, въ свою очередь, распадается на четыре группы: лезгины, грузины или картвелы, черкесы и осетины (языкъ послѣднихъ — иранскій).

II. *Азія*. Для этого континента Деникеръ принимаетъ шесть большихъ географическихъ областей.

Сѣверная Азія включаетъ въ себѣ три группы народностей: енисейцевъ (самоѣды, туба и пр.), палеоазіатовъ (чукчи, гиляки, айны) и тунгусовъ (манчжуры, орохоны и пр.). Въ *центральной Азій* также три группы: турки (якуты, киргизы, османы и др.), монголы (буряты, калмыки и пр.) и тибетцы (лепчи, боды и др.). *Восточная Азія* занята тремя «націями»: японцами, корейцами и китайцами. *Индокитай* представляетъ пять этническихъ подраздѣленій: аборигены (негритосы, тсямы, мой, мосо, нагасы), камбоджцы, бирманцы, аннамиты и таи (ханы, какиены, сіамцы, миаоты и пр.). На Индостанскомъ полуостровѣ, т. е. въ *Индіи*, четыре лингвистическихъ группы: дравиды (тамулы, хонды и др.), колы (санталы и др.), индо-арійцы (индусы, кафиры и пр.) и народы, языки которыхъ не классифицированы (веддасы, сингалезы, напры и пр.). Въ *Передней Азій* двѣ большихъ лингвистическихъ группы: иранская (персы, авганцы, курды и пр.) и семитическая (сирійцы и арабы; послѣдніе частью въ Африкѣ). Кромѣ того, остаются нѣсколько неопредѣленныхъ народностей (брахуи, тактаджи) или космополитическихъ (цыгане и евреи).

III. *Африка* распадается на три большихъ области: одну, на сѣверѣ, лингвистическую (семито-хамиты) и двѣ, на югѣ, этническихъ или даже соматологическихъ (негры и бушмены-готтентоты).

Народы, говорящіе на *семитическихъ* языкахъ, образуютъ три группы: арабо-берберы (туареги, феллахи и др.), эоіоны (галласы, беджасы, абиссинцы) и фулахи-санде (массан, ньямъ-ньямъ и др.). *Бушмены-готтентоты* образуютъ отдѣльную этно-соматологическую группу. *Негры* подраздѣляются на

негрильевъ или пигмеевъ (акки, батуга и др.), нигритянъ или собственно негровъ (динки, гауссы, кру и др.), банту (дуаллы, батекхи, балубы, суагелии, кафры, бечуаны и пр.). Населенія о-ва *Мадагаскара* также образуетъ отдѣльную лингвистическую и географическую группу.

IV. *Океанія*. Ясно различаются четыре этническихъ области: Малайскій архипелагъ, Австралія, Меланезія и Полинезія.

Малайскій архипелагъ (къ нему можно отнести часть народностей *Мадагаскара*, *Индокита* и *Японскихъ о-вовъ*) включаетъ въ себѣ четыре группы племенъ: негритосскую, индонезійскую (баттасы, тагалы и др.) и смѣшанныя народности, какъ: яванцы, малайцы и пр. *Австралія* занята (если не считать колоній бѣлыхъ и желтыхъ) только одною расою-народомъ—австралійцами; тасманийцы болѣе не существуютъ. *Меланезія* населена папуасами (Нов. Гвинея) и собственно меланезійцами (Нов. Каледонія, Соломоновы о-ва и пр.). Наконецъ, въ *Полинезій* обитаютъ собственно полинезійцы (самоанцы) и микронезійцы (уроженцы Каролинскихъ о-вовъ, Маршалльскихъ и др.).

V. *Америка*. Для *Сѣв. Америки* можно принять три этно-географическихъ группы: эскимосы съ алеутами; индѣйцы, называемые краснокожими (атабаски, юма, тинкиты и пр.), и индѣйцы Мексики и Центр. Америки (ацтеки, пимасы, микстеки, майасы, ульвы и др.). *Южн. Америка* имѣетъ четыре географическихъ группы: андинцы (кичуа-аймары и др.), амазонцы (караибы, ароваки, нанои и пр.), индѣйцы Вост. Бразиліи и центральной страны (туписы-гуараны, ботокудо-кайаро и пр.), наконецъ, пампасцы (патагонцы, племена Чако, Пампасовъ и пр.) съ огнеземельцами. Къ этимъ группамъ *Новаго Свѣта* должны быть присоединены введенные негры и потомки колонистовъ: англо-саксы на сѣверѣ и испано-португальцы на югѣ. Эти колонисты образуютъ ядро различныхъ цивилизованныхъ націй обѣихъ Америкъ; вокругъ него группируются другіе элементы, пришедшіе изъ Европы или родившіеся на мѣстѣ (метисы различныхъ степеней, кварталеры, креолы и др.).

А. И. Ивановскій.

Критика и библиографія.

Новѣйшіе успѣхи въ области антропологіи костной системы.

Въ связи съ внутреннимъ развитіемъ современнаго научнаго человѣковѣдѣнія, въ связи съ безпрестаннымъ ростомъ запаса антропологическихъ фактовъ и съ обусловленнымъ этимъ самымъ естественнымъ расширеніемъ задачъ антропологіи, въ связи, наконецъ, съ широкимъ распространеніемъ антропологическихъ знаній и съ привлеченіемъ, благодаря этому обстоятельству, обширнаго и съ каждымъ днемъ возрастающаго круга образованныхъ и специально подготовленныхъ лицъ если не къ непосредственной разработкѣ самихъ антропологическихъ вопросовъ, то къ собиранію и подготовкѣ необходимыхъ для такой разработки фактическихъ матеріаловъ, литература, посвященная этой отрасли науки, принимаетъ въ новѣйшее время почти угрожающіе размѣры. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ тому служатъ тѣ обширныя библиографическіе обзоры, которые каждый годъ приносятся соответствующими спеціальными періодическими изданіями. Этотъ угрожающій характеръ объема накапливающейся литературы и опасность, связанная съ ея неудержимымъ ростомъ, выражаются, главнымъ образомъ, въ увеличивающейся трудности *общей* среди ея массы оріентировки и въ связанной съ этимъ почти неминуемой *потери той общей руководящей нити*, благодаря которой отдѣльныя наблюденія и факты получаютъ внутреннюю связь между собою и этимъ путемъ становятся нашимъ умственнымъ достояніемъ.

Подобная общая оріентировка относительно современнаго состоянія тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ вопросовъ или относительно степени разработки тѣхъ или иныхъ отдѣловъ научной антропологіи заключаетъ въ себѣ особыя затрудненія въ нашемъ обширномъ отечествѣ для тѣхъ лицъ, которыя, живя подчасъ въ огромной отдаленности отъ научныхъ центровъ, не могутъ въ каждый желаемый моментъ имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ тѣ изданія и монографіи, откуда они могли бы почерпнуть данныя, относящіяся къ интересующему ихъ предмету. Въ виду этого *Русскій Антропологическій Журналъ* уже съ самаго начала своего существованія въ каждомъ своемъ выпускѣ предлагаетъ своимъ читателямъ подробные отчеты по тѣмъ или инымъ наиболѣе существеннымъ и ягучимъ вопросамъ, трактующимъ въ произведеніяхъ новѣйшей всемірной литературы и имѣющимъ въ данный моментъ особый научный интересъ, и даже представляетъ цѣлыя антропологическіе очерки, на основаніи существующихъ источниковъ, отдѣльныхъ племенъ и народностей, входящихъ въ составъ населенія Россійской

имперіи, наконецъ, открываетъ свои столбцы также обширнымъ *историческимъ* обзорамъ изъ области антропологической литературы.

Въ смыслѣ такого литературнаго отчета именно и былъ составленъ нами предлагаемый обзоръ успѣховъ по антропологии костной системы, которому мы считаемъ необходимымъ предпослать здѣсь слѣдующія краткія замѣтки.

Мы выбрали предметомъ настоящаго обзора *костную систему*, но не потому, чтобы эта система принципиально, по самому своему существу, играла какую-либо первенствующую роль среди другихъ системъ и органовъ, подлежащихъ антропологическому изслѣдованію, а главнымъ образомъ въ виду того, что костный скелетъ, благодаря извѣстнымъ, присущимъ ему, физическимъ особенностямъ—значительной устойчивости своей ткани, способности сохраненія своей формы въ теченіе сравнительно длинныхъ промежутковъ времени и благодаря, поэтому, своей легкой доступности и удобосохраняемости, уже издавна играетъ роль обычнаго и, такъ сказать, классическаго объекта лабораторной работы антропологовъ. Извѣстно, что и другія области морфологии, напр. сравнительная анатомія, во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаются почти или даже совсѣмъ исключительно на препаратахъ костной системы, опять-таки въ видахъ болѣе легкой доступности и сохраняемости подобныхъ объектовъ. Въ то же время нельзя не согласиться, что костная система въ дѣйствительности носитъ на себѣ отпечатокъ если и не самыхъ существенныхъ, то все же цѣлаго ряда заслуживающихъ вниманія особенностей организаціи различныхъ группъ царства животнаго. Однимъ выдающимся итальянскимъ антропологомъ даже было высказано утвержденіе, что костный черепъ настоячнѣе и упорнѣе всѣхъ другихъ частей и органовъ человѣческаго тѣла сохранять на себѣ признаки своей расы и что первый менѣе по сравненію со вторыми измѣняется подъ вліяніемъ расового скрещиванія и другихъ факторовъ, могущихъ оказывать вліяніе на его форму.

Нечего и говорить, что предлагаемый *библіографическій обзоръ* по антропологии костной системы, обнимающій собою работы за сравнительно короткій періодъ времени, съ 1 января 1899 до 1 января 1901 года, не претендуетъ на абсолютную полноту. Его недостатки уже для насъ самихъ болѣе чѣмъ очевидны; такъ, напр., нѣкоторыя статьи, напечатанныя на голландскомъ и чешскомъ языкахъ, по своему содержанію остались намъ почти всецѣло неизвѣстными, а по отношенію къ американскимъ періодическимъ изданіямъ мы съ сожалѣніемъ должны были констатировать фактъ недостатка многихъ изъ нихъ въ нашихъ бібліотекахъ ¹⁾. Мы можемъ лишь надѣяться, что наша бібліографія не лишена *достижимой* полноты, вмѣщая въ себѣ всѣ важнѣйшія изъ работъ, вышедшихъ за указанный періодъ времени.

Изъ числа приводимыхъ нами источниковъ, естественно, не всѣ могли быть ближе разобраны въ отношеніи ихъ содержанія. Это и не соответствовало бы цѣли настоящаго краткаго обзора. Мы могли коснуться лишь тѣхъ работъ послѣдняго времени, которыя открываютъ намъ либо принципиально новые факты, либо такъ или иначе проливаютъ свѣтъ на спорные вопросы, являясь въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣйствительнымъ «успѣхомъ» и обогащеніемъ данной отрасли науки. Нашу задачу при этомъ значительно облегчало то

¹⁾ Весьма характерно, что даже въ такомъ центрѣ, какъ въ Берлинѣ, за-пасъ американскихъ медицинскихъ и естество-историческихъ изданій далеко не отличается полнотой. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ университетскихъ бібліотекахъ нашего отечества не удастся найти такого первокласснаго изданія, какъ Журналъ Великобританскаго Антропологическаго Института.

обстоятельство, что многія цѣнныя произведенія новѣйшей литературы были подвергнуты обстоятельному разсмотрѣнію со стороны компетентныхъ авторовъ на столбцахъ первыхъ четырехъ книжекъ настоящаго журнала за 1900 годъ его изданія; эти работы, какъ извѣстныя уже читателю, мы могли либо вовсе обойти молчаніемъ, либо коснуться ихъ только вскользь.

Роль скелета въ дѣлѣ изученія человѣческихъ расъ оттъняется въ наиболѣе употребительныхъ и даже въ классическихъ руководствахъ по анатоміи костной системы, какъ извѣстно, весьма афористически и какъ бы только мимоходомъ. При всей несомнѣнной важности объясненія устройства скелета при посредствѣ данныхъ исторіи развитія и сравнительной анатоміи указанная точка зрѣнія въ настоящее время должна быть признана явнымъ анахронизмомъ. Весьма естественно, поэтому, что авторы новѣйшихъ монографій по костной системѣ (4) начинаютъ отдавать должное *антропологическимъ* особенностямъ скелета и значенію этихъ особенностей для классификаціи человѣческихъ племенъ. Еще изслѣдованія самыхъ послѣднихъ дней (12) вновь съ полною убѣдительностью устанавливаютъ фактъ неодинаковаго развитія пропорцій скелета и его отдѣльныхъ частей у представителей бѣлой и черной расы, идущаго рука объ руку съ различіями въ степени развитія психическихъ и другихъ способностей.

Что касается другихъ условій, вліяющихъ на развитіе костной системы, то въ настоящее время выясняется (15), что воздѣйствіе на ростъ скелета *кастраціи* сводится главнымъ образомъ къ извѣстному замедленію хрящевыхъ элементовъ на мѣстѣ костныхъ швовъ и эпифизовъ трубчатыхъ костей, чѣмъ и объясняется, напр., рѣзкая долихоцефалическая и хамцефалическая форма черепа у кастрированныхъ животныхъ и тѣ особенности скелета, которыя наблюдаются у евнуховъ (2). Тотъ же, повидимому, процессъ замедленія окостенѣнія эпифизныхъ хрящей служить, какъ удалось теперь установить при помощи рентгенографическихъ снимковъ (10), также причиною поразительно малыхъ размѣровъ скелета тѣхъ настоящихъ карликовъ, которые, подъ названіемъ *лилипутовъ*, нерѣдко становятся даже предметомъ публичныхъ зрѣлищъ.

Цѣлый рядъ новѣйшихъ работъ (II) посвященъ вопросу о *статикѣ* и *механикѣ костной системы*, въ каковыхъ отношеніяхъ человѣческой организмъ, въ зависимости главнымъ образомъ отъ вертикальнаго положенія его длинной оси (22, 24), естественно заключаетъ въ себѣ массу особенностей, отличающихъ его отъ остальныхъ представителей животнаго царства и въ числѣ ихъ особенно отъ т. наз. *человѣкоподобныхъ обезьянъ*. Особенно рѣзко эти особенности должны отражаться, естественно, на механизмѣ позвоночника и нижнихъ конечностей (21, 22а, 22б); но и на черепѣ, благодаря, повидимому, преобладающему въ немъ развитію у человѣка мозгового *выстилища* и благодаря значительному сокращенію на *человѣческомъ* черепѣ, по сравненію съ черепомъ животныхъ, жевательнаго аппарата, обнаруживаются такіе признаки механизма его составныхъ частей, напр. суставовъ нижней челюсти (27), которые представляютъ изъ себя болѣе или менѣе исключительную принадлежность *человѣческой* организаціи.

Новыя, свѣжія вліянія, усиленное и весьма рѣзкое движеніе за послѣднее время обращаютъ на себя всеобщее вниманіе въ ученіи объ основныхъ началахъ *краниологическаго изслѣдованія*. Съ одной стороны, сдѣлана попытка къ болѣе широкому, хотя, въ то же время, и нѣсколько одностороннему примѣненію чисто

„морфологическаго метода“ къ изученію общей формы черепа. На такихъ морфологическихъ началахъ основана классификація череповъ средиземной расы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ впервые предложенная извѣстнымъ римскимъ антропологомъ Giuseppe Sergi. Съ другой стороны, въ лицѣ директора Будапештскаго Антропологическаго музея *A. v. Török'a* встрѣчаемъ въ высшей степени энергичнаго реформатора господствующихъ краниологическихъ ученій, указывающаго на *математическій анализъ*, какъ на могущественное орудіе и притомъ какъ на единственно рациональный и вѣрный способъ изученія формы человѣческаго черепа (186). Мысль о томъ, что природа вездѣ и всюду дѣйствуетъ на основаніи непоколебимыхъ и разъ на всегда предначертанныхъ строго математическихъ началъ слишкомъ стара и естественна, чтобы здравомыслящій современный естествоиспытатель могъ найти что-либо странное въ представленіи, что и форма человѣческаго черепа, столь сложная и трудно уловимая путемъ обыкновенныхъ приемовъ естество-историческаго описанія, въ концѣ концовъ должна оказаться доступной выраженію посредствомъ болѣе или менѣе простой математической формулы. Но формула эта ни въ какомъ случаѣ не будетъ представлять изъ себя величину постоянную, неизмѣнную, ибо сама форма черепа проявляетъ почти безчисленное количество видоизмѣненій и уклоненій въ зависимости отъ условій, сущность которыхъ для насъ въ большинствѣ случаевъ остается скрытою, но относительно которыхъ существуетъ полное основаніе предполагать, что они подвергнуты извѣстной строгой законности, а не являются продуктомъ чуждой жизни природы игры случайности. При такихъ допущеніяхъ не только идеальная, «типичная» форма черепа, но и всѣ разнообразныя отъ нея уклоненія, наблюдаемыя у различныхъ индивидуумовъ и среди различныхъ расъ человѣчества, а ргіогі должны оказаться доступными изученію путемъ математическаго анализа. Какъ границы варьирования, такъ и самый способъ устройства цѣлыхъ рядовъ варьянтовъ, расположенныхъ между наблюдаемыми крайними формами, должны отвѣчать той или иной математической формулѣ, разъ законосообразность наблюдаемыхъ явленій нами принимается за несомнѣнный фактъ. При этомъ главѣйшій и основной вопросъ сводится къ тому, что мы должны подразумѣвать подъ выраженіемъ *типа, характернаго для данной серіи череповъ*? Такимъ типомъ можетъ считаться лишь такой, который въ изучаемой серіи «представленъ въ видѣ *группы* изъ многихъ и весьма близкихъ другъ къ другу формъ черепа», причемъ устройство разсматриваемой группы должно отличаться ясною правильностью или законосообразностью. Доказать существованіе истиннаго «типа» возможно, поэтому, не иначе, какъ при условіи наличности ясно выраженной законосообразности варьянтовъ самой формы черепа, ибо между первымъ и вторю существуетъ строгое соотношеніе. Ясно, что одинъ какой-либо черепъ никогда не можетъ дать намъ вѣрнаго представленія о типѣ, характерномъ для той или другой расы, ибо каждый черепъ представляетъ изъ себя продуктъ болѣе или менѣе рѣзкой индивидуальной дифференцировки. Для выдѣленія же расовыхъ или иныхъ черепныхъ «типовъ» примѣненіе стараго метода ариѳметическихъ среднихъ и даже обычнаго способа вычисленія вѣроятныхъ отклоненій оказывается, поэтому, далеко недостаточнымъ. Дѣло въ томъ, что при всей законосообразности и правильности, которая бываетъ присуща большинству серіямъ явленій (въ данномъ случаѣ—черепныхъ типовъ), происхожденіе отдѣльныхъ звеньевъ, входящихъ въ составъ изучаемаго ряда, не свободно отъ вліянія различныхъ т. наз. *случайностей*. А тамъ, гдѣ имѣемъ дѣло съ явленіями «случайными», въ основу анализа должны лечь принципы теоріи вѣроятности. Кромѣ ариѳметической средней въ дѣлѣ раз-

слѣдованія расовыхъ черепныхъ типовъ и изученіи свойствъ рядовъ колебаній, слѣдуетъ, по предложенію автора, принять во вниманіе еще цѣлый рядъ другихъ факторовъ, каковы: 1) количество элементовъ или звеньевъ данного ряда варьянтовъ (N), 2) ширина или предѣлы колебаній данного ряда (Ob = разстоянію отъ maximum'a до minimum'a), 3) общая сумма величины отдѣльныхъ варьянтовъ (S), 4) сумма разницъ справа и слѣва отъ центра ряда ($\Sigma - \delta$ и $\Sigma + \delta$), 5) общая сумма всѣхъ разницъ ($S\delta$), дающая намъ 6) величину экспонента колебанія ($Oe = \frac{S\delta}{N}$), 7) квадраты разницъ и сумма этихъ квадратовъ ($S\delta^2$),

дозволяющіе съ точностью опредѣлить величину вѣроятныхъ отклоненій

$$\left(ra = 0,6745 \times \sqrt{\frac{S\delta^2}{N-1}} \right).$$

Каждый рядъ варьянтовъ, по мнѣнію в. Тогѳок'a, слѣдуетъ разбить на три группы элементовъ. Такому дѣленію онъ придаетъ фундаментальное значеніе въ виду того, что этотъ принципъ «наиболѣе точно отвѣчаетъ сущности законосообразности т.-наз. случайныхъ явленій» въ противоположность къ другимъ явленіямъ природы. Сущность же законосообразности разсматриваемыхъ явленій состоитъ въ томъ, что «функция варьянтовъ достигаетъ своего maximum'a въ центрѣ ряда и уменьшается лишь незначительно по правую и лѣвую стороны отъ центра до точекъ $M - r$ и $M + r$, гдѣ начинаетъ падать быстрѣе, чтобы у конечныхъ точекъ ряда достигнуть нуля. Центральная группа каждого ряда во всѣхъ отношеніяхъ соответствуетъ настоящему, истинному и характерному типу даннаго явленія, ибо она вмѣщаетъ въ себѣ не только большинство отдѣльныхъ случаевъ ряда варьянтовъ, но и тѣ изъ нихъ, которые лишь незначительно отличаются другъ отъ друга. Правая же и лѣвая конечныя группы ряда представляютъ изъ себя побочныя типы въ отличіе отъ главнаго и характернаго типа даннаго ряда варьянтовъ. Все это, однакоже, имѣетъ мѣсто только при условіи принадлежности серіи череповъ, подлежащихъ изслѣдованію, къ одному и тому же расовому типу; на вопросъ же, заключаетъ ли въ себѣ данная серія представителей нѣсколькихъ или многихъ расъ,—способъ примѣненія теоріи вѣроятности намъ не дастъ отвѣта.

Мѣсто не позволяеть намъ остановиться на изложеніи дальнѣйшихъ приѣмовъ, легшихъ въ основу разбираемаго ученія. Упомянемъ вкратцѣ, что изъ каждого ряда варьянтовъ возможно выдѣлить двоякаго рода типы: абсолютныя и т.-наз. соотносительныя. Первые, вообще говоря, имѣютъ небольшой практическій интересъ. Вторые же опредѣляются на основаніи варьянтовъ не менѣе трехъ различныхъ размѣровъ путемъ примѣненія теоріи вѣроятности и способа наименьшихъ квадратовъ. «Методъ примѣненія теоріи вѣроятности къ изученію человѣческихъ расъ», замѣчаетъ авторъ, «столь же плодотворенъ, какъ микроскопъ въ дѣлѣ морфологическаго анализа организмовъ».

Съ свойственною ему рѣшительностью и увѣренностью в. Тогѳокъ высказывается противъ предположенія о постоянствѣ краніологическихъ расовыхъ типовъ. Напротивъ, по его мнѣнію, въ защиту котораго онъ приводитъ данныя измѣреній и математическихъ вычисленій, въ природѣ вовсе не существуетъ того постоянства формы черепа, которое такъ упорно отстаивается другими, весьма солидными представителями антропологической науки. Съ его точки зрѣнія, такимъ образомъ, мысль о существованіи постоянныхъ признаковъ, могущихъ служить для характеристики человѣческихъ расъ, является

простою химерою. Ясно, кромѣ того, «что такіе образцовые черепа, которые представляли бы изъ себя во всѣхъ своихъ отношеніяхъ характерный типъ любой этнологической группы, никогда не будутъ найдены въ природѣ». Дѣло въ томъ, что всѣ черепа по своей формѣ представляютъ собою сложные типы, если принять во вниманіе многіе отдѣльные ихъ размѣры или показатели. Въ природѣ, какъ выражается авторъ, мы встрѣчаемъ вездѣ и всюду только т.-наз. аллотипичные черепа, т.-е. измѣнчивые по своимъ отдѣльнымъ свойствамъ. Сущность аллотипического строенія формы черепа обуславливается, по мнѣнію автора, извѣстными спеціальными особенностями развитія самого черепа, благодаря которымъ двѣ одновременно дѣйствующія противоположныя силы (съ одной стороны, наклонность къ наслѣдственной передачѣ особенностей предковъ, а съ другой — стремленіе къ индивидуальной дифференцировкѣ) совершенно исключаютъ возможность полнаго повторенія какого-либо уже разъ существовавшего черепного типа.

При всемъ томъ авторъ, по собственному замѣчанію, далекъ отъ того, чтобы смотрѣть на свою попытку къ реформѣ научной краниологіи, какъ на нѣчто совершенно законченное. Напротивъ, львиную долю своей задачи онъ видитъ еще далеко впереди. Его трудъ, какъ онъ выражается, направленъ скорѣе къ уничтоженію и устраненію старыхъ препятствій, чѣмъ къ окончательному открытію и освѣщенію новыхъ научныхъ путей.

Какъ ученіе Tôgök'a, такъ и морфологическій методъ классификаціи черепныхъ типовъ по G. Sergi встрѣтили и продолжаютъ встрѣчать среди компетентныхъ научныхъ сферъ меньше сочувствія, чѣмъ они, по нашему мнѣнію, того заслуживаютъ. Безспорно, что первый изъ названныхъ ученыхъ отчасти вооружается противъ несуществующихъ враговъ и противъ убѣжденій, которыя большинствомъ антропологовъ оставлены уже давно и притомъ независимо отъ доводовъ будапештскаго ученаго. Безспорно также, что теорія возникновенія средиземной расы, построенная G. Sergi на основаніи геометрической формы черепныхъ контуровъ, страдаетъ очевидными и сильными методологическими погрѣшностями и недостатками и явнымъ легкомысліемъ выведенныхъ заключеній. Но какъ бы ошибочны и недостаточны ни были только-что намѣченныя стремленія къ реформѣ научной краниологіи, какъ бы сомнительно ни было ихъ непосредственное практическое и научное значеніе, они тѣмъ не менѣе несомнѣнно принесутъ и свою долю пользы, хотя бы только въ смыслѣ указанія на новыя перспективы и въ смыслѣ предотвращенія той опасности «окостенѣнія», которая уже давно угрожаетъ слишкомъ неподвижно установившимся традиціоннымъ ученіямъ научной краниологіи.

Относительно *общей формы черепа* и въ частности относительно *формы затылочнаго контура* (*Norma occipitalis*) черепа Haberer (39) приходитъ къ результатамъ, достойнымъ полнаго вниманія, на почвѣ изслѣдованій, произведенныхъ имъ въ Мюнхенскомъ антропологическомъ институтѣ подъ руководствомъ директора послѣдняго, проф. J. Ranke. Съ одной стороны, чрезвычайная принципиальная важность для всей конфигураціи черепа устройства его затылочнаго контура, съ другой — значительная измѣнчивость *Normae occipitalis* не только у различныхъ расъ, но и у различныхъ индивидуумовъ одного племени въ зависимости отъ пола, возраста и другихъ условий, послужили поводомъ настоящихъ изслѣдованій. Такъ какъ конфигурація затылочной нормы, *saeteris paribus*, находится въ весьма существенной зависимости отъ расположенія линіи наибольшей ширины черепа, то авторъ прежде всего занялся изученіемъ именно этого діаметра. При этомъ онъ имѣлъ счастливую

идею, не ограничиваясь измѣреніями однихъ только взрослыхъ человѣческихъ череповъ, привлечь для цѣлей своихъ изслѣдованій также черепа дѣтей и новорожденныхъ. Въ то же время авторъ воспользовался имѣющейся въ Мюнхенѣ богатою коллекціею череповъ различныхъ видовъ обезьянъ (30 череповъ оранга, 10 череповъ гиббона (*Hylobates*), 3 черепа гориллы и 2 — чимпанзе). Вотъ нѣкоторые изъ наиболее существенныхъ выводовъ автора: изъ всѣхъ размѣровъ затылочной нормы черепа (наибольшая ширина, окружность поперечной дуги, высота надъ ухомъ, ширина черепного основанія) послѣдняя во время роста черепа увеличивается не только болѣе интенсивно, но въ то же время и значительно позже остальныхъ; давно извѣстно, что въ періоды развитія, гдѣ черепъ уже достигъ своей наибольшей ширины, ростъ его основанія въ ширину далеко еще не законченъ. Наоборотъ, высота черепа надъ слуховымъ отверстиемъ въ сравненіи съ широтными размѣрами черепа отъ момента рожденія до достиженія взрослого возраста не увеличивается, а постепенно уменьшается. Естественно поэтому (и измѣренія автора служатъ тому подтвержденіемъ), что уровень линіи наибольшей ширины черепа со дня рожденія до окончанія роста постепенно опускается все больше и больше въ направленіи къ основанію черепа; въ связи же съ измѣненіями уровня наибольшей ширины измѣняются соответствующимъ образомъ и остальные размѣры черепа. Если женскіе черепа обнаруживаютъ, по сравненію съ мужскими, малые размѣры своей относительной ширины, то и это, подобно другимъ фактамъ, указываетъ на большую близость женскаго организма къ дѣтскому типу. Что же касается конфигураціи затылочной нормы у различныхъ расъ и народовъ человѣчества, то нѣкоторые отличія пока удается отмѣтить только между длинноголовымъ и круглоголовымъ типами. «На долихоцефалическихъ черепахъ какъ европейскихъ, такъ и виѣвропейскихъ племенъ ширина основанія черепа по отношенію къ наибольшей его ширинѣ бываетъ развита, повидному, нѣсколько больше, чѣмъ у брахицефаловъ. Зато у послѣднихъ наибольшая ширина сравнительно съ величиною поперечной дуги черепа достигаетъ, очевидно, нѣсколько большихъ размѣровъ. У нѣкоторыхъ расъ, напр. у австралійской, можно констатировать относительное и даже абсолютное преобладаніе ушного высотнаго діаметра надъ шириною основанія черепа. Наконецъ, у обезьянъ наибольшая ширина черепа совпадаетъ съ шириною его основанія; это совпаденіе обуславливаетъ развитіе т. наз. палаткообразной формы затылочнаго контура черепа (рис. 1d), наблюдаемой, по автору, исключительно только у обезьянъ. Измѣненія же степени развитія черепныхъ діаметровъ въ зависимости отъ возраста и пола происходятъ у обезьянъ по тѣмъ же законамъ, какъ и у человѣка. Въ общемъ можно установить *четыре различныхъ типа развитія затылочной нормы черепа*, а именно: 1) *клиновидный типъ*, характерный для новорожденныхъ дѣтей (рис. 1a); 2) *шарообразный типъ* (*Bombenform*, рис. 1b), наиболее ясно выраженный на младенческихъ черепахъ; 3) *домообразный типъ* (рис. 1c), составляющій характерную особенность мужского черепа въ отличіе отъ женскаго и наблюдаемый въ особенно ясно выраженной степени у австралійцевъ и меланезійцевъ; наконецъ, 4) *палаткообразный типъ* (рис. 1d), констатируемый пока только у взрослыхъ обезьянъ. Рядъ переходныхъ формъ, въ особенности между типами вторымъ и третьимъ, всюду можетъ быть наблюдаемъ на черепахъ взрослыхъ людей. «Ходъ развитія череповъ нашей расы», — заключаетъ авторъ, говоря словами своего учителя J. Ranke, — «начиная съ самаго ранняго дѣтства и кончая взрослымъ возрастомъ, обнимаетъ собою не только всю совокупность индивидуальныхъ варіацій того племени, къ кото-

рому они принадлежать сами, но и всѣ тѣ видоизмѣненія формы черепа всего человѣчества, какія вообще играютъ роль важныхъ расовыхъ признаковъ. Къ этому же ряду вариантовъ должно отнести также представляющіяся наблюденію различія устройства черепа у мужского и женскаго пола. Черепъ женщины сохраняетъ во взросломъ возрастѣ такія особенности, благодаря которымъ онъ не только въ общемъ, но и по отдѣльнымъ своимъ частностямъ приближается къ младенческому типу, въ то время какъ черепъ мужчины сравнительно чаще и совершеннѣе достигаетъ окончательнаго типа своего развитія у данной расы. Не слѣдуетъ, однакоже, забывать, что встрѣчаются мужскіе черепа съ признаками женскаго, и, наоборотъ, женскіе черепа съ признаками мужскаго типа, и этотъ фактъ имѣетъ мѣсто въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ склонны были думать до сихъ поръ».

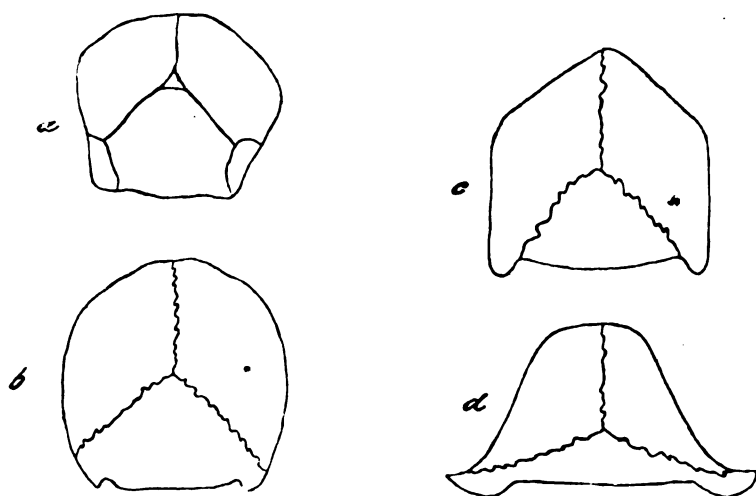

Рис. 1. Различныя типы конфигураціи черепа въ porta occipitali: а—клиновидный черепъ (новорожденнаго); б—шарообразный; с—домообразный; д—палаткообразный (по Haberer'y).

Нѣкоторыя существенныя данныя были добыты въ новѣйшее время также относительно вліянія условий, коимъ скелетированный человѣческій черепъ до известной степени обязанъ своею окончательною конфигураціею. Издавна извѣстно, что скелетированные черепа въ томъ видѣ, въ какомъ они обыкновенно подлежатъ обработкѣ въ лабораторіи краниолога, не лишены извѣстныхъ своеобразныхъ особенностей, зависящихъ отъ способа препаровки и сохраненія этой части человѣческаго тѣла. При всей устойчивости и плотности своего костнаго вещества мацерированные и высушенные черепа всегда носятъ на себѣ ясныя слѣды вліянія вѣшной окружающей среды. Прежде всего такіе черепа представляютъ изъ себя несомнѣнные продукты сморщиванія. Уже рѣзкое искривленіе костной носовой перегородки часто даетъ наглядное представленіе о степени сморщиванія черепныхъ костей. Ясно, однакоже, что и другія части черепа подвергнуты тому же процессу сморщиванія и деформацинъ въ той или другой степени; въ какой именно, на это указываютъ опубликованныя въ новѣйшее время наблюденія и опыты изслѣдованія Нег-

mann'a Welcker'a (63). Оказывается, что отдѣленные отъ свѣжаго трупa и мацерированные черепа уже послѣ просушки ихъ въ теченіе 67 дней обнаруживаютъ совершенно ясное и постоянное уменьшеніе своихъ размѣровъ, доходящее до нѣсколькихъ миллиметровъ. А нужно имѣть въ виду, что процессъ высушиванія черепа, если принять во вниманіе толщину и устройство его стѣнокъ, врядъ ли можетъ считаться законченнымъ въ продолженіе указанного короткаго промежутка времени. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить о состояніи череповъ, пробывшихъ цѣлые десяти или сотни лѣтъ въ витринахъ нашихъ анатомическихъ и антропологическихъ музеевъ. Фактъ этотъ, впервые болѣе точно установленный Welcker'омъ, самъ по себѣ, несомнѣнно, заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Но съ точки зрѣнія нашихъ краниологическихъ измѣреній значеніе его сводилось бы почти къ нулю, если бы удалось доказать, что воздѣйствіе процесса сморщиванія и высушиванія отражается равномерно и одинаковымъ образомъ на всѣ безъ исключенія размѣры и на форму и величину всѣхъ составныхъ частей черепного скелета. Дѣло въ томъ, что въ ученіи о расахъ человѣка первенствующую роль играютъ всегда относительныя величины; абсолютныя измѣренія важны въ сравнительной антропологіи не какъ таковыя, а служатъ лишь для сравненія и сопоставленія ихъ съ соотвѣтствующими, абсолютными же, измѣреніями, сдѣланными на различныхъ расовыхъ группахъ. Однако-же, вышеуказанное апріорное допущеніе относительно равномерности вліянія просушки на всѣ размѣры и части черепа фактически не подтверждается. Напротивъ, цифры, приводимыя Welcker'омъ, съ несомнѣнностью указываютъ на процессъ сморщиванія черепного скелета, какъ на явленіе въ высшей степени сложное, находящееся, повидимому, въ строгой зависимости отъ особенностей самаго черепа и отъ условій взаимныхъ отношеній частей, его составляющихъ. Къ сожалѣнію, разсматриваемый вопросъ еще не прослѣженъ во всѣхъ его деталяхъ съ достаточною опредѣленностью, но уже теперь мы въ состояніи констатировать, что при извѣстныхъ условіяхъ черепъ вслѣдствіе высушиванія его ткани *уменьшается болѣе значительно въ длину, чѣмъ въ ширину*, въ результатъ чего получается нѣсколько большая степень брахицефалии по сравненію съ первоначальною естественною формою того же черепа. Апріорное предположеніе, что смачиваніе сухого мацерированнаго черепа въ водѣ должно вполне возстановить прежнія отношенія его формы и размѣровъ, также не совсѣмъ подтверждается предъ судомъ непосредственнаго опыта. Высушенные черепа, по пробытіи въ водѣ въ продолженіе 22 дней, все еще не обнаруживаютъ своихъ первоначальныхъ размѣровъ. Разница противъ послѣднихъ въ данномъ случаѣ, правда, настолько незначительна (она выражается десятками частями миллиметра), что съ практической точки зрѣнія можетъ быть оставлена безъ вниманія. Но самый фактъ важенъ въ принципиальномъ отношеніи, ибо онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что вполне высушенная ткань черепныхъ костей необычайно долго и настойчиво сохраняетъ тѣ свойства, которыми она обязана процессу просушки и послѣдующаго сморщиванія. Что свободныя части черепа, не подвергнутыя вліянію и давленію со стороны содѣйства, должны особенно рѣзко измѣниться подъ вліяніемъ высушиванія, также можно было ожидать уже а priori. Дѣйствительно, прямыя наблюденія Welcker'a показываютъ воочію, что, напр., нижняя челюсть имѣетъ коэффициентъ высушиванія, значительно превышающій тотъ же коэффициентъ высушиванія мозговой чаши. Это обстоятельство, между прочимъ, можетъ въ сомнительныхъ случаяхъ сильно затруднять рѣшеніе вопроса о принадлежности данной нижней челюсти къ тому

или другому черепу (см. ниже). Если, наконец, иметь в виду тот хорошо установленный факт, что диаметры черепа ясно изменяются уже под влиянием колебаний сырости воздуха, то неустойчивость формы черепа может приобрести некоторое значение и в тех случаях, где человеческий череп становится объектом субтильных изменений, не пренебрегающих дробными частями миллиметра. Но, кроме того, степень сморщивания черепов находится в зависимости также и от способа их препаровки или от ближайших свойств той среды, в которой произошла мацерировка черепного скелета. С этой точки зрения, по нашему мнению, следует различать: 1) *раскопанные* черепа, на свойства которых могут оказать влияние, между прочим, и особенности почвы, и 2) *анатомические* черепа, подвергнутые умышленной мацерировке по специальным для того существующим способам. На физические свойства черепов этой второй категории большое влияние оказывают различные способы консервирования трупов, практикуемые в настоящее время почти во всех анатомических институтах. Анатомические черепа, полученные путем простой мацерировки *в воду*, мало чем отличаются от раскопанных черепов, если оставить в стороне изменения, обусловленные воздействием на последние химических элементов почвы. Но в большинстве случаев черепа наших анатомических музеев происходят от трупов, подвергавшихся предварительному консервированию путем инъекции в кровеносные сосуды тех или иных химических веществ, в числе которых особого внимания заслуживают винный спирт, карболовая кислота и глицерин. Это последнее вещество, по нашим наблюдениям, в высшей степени препятствует высушиванию кости, даже после обезжиривания черепов посредством бензина; присутствие его обуславливает гнилостное разложение в губчатом веществе черепных покрывек и, без сомнения, придает черепу такие физические свойства, которые не присущи обыкновенным или раскопанным черепам. Эти факторы потребуют должной оценки со стороны тех исследователей, которые захотят подвергнуть экспериментальной проверке вышеизложенные явления, описанные Н. Welcker'ом.

Решение вопроса относительно признаков *принадлежности или непринадлежности данной нижней челюсти тому или другому черепу*, в некоторых случаях, как известно, может представлять большие затруднения, и вопрос этот давно ждет надлежащей обработки. После удаления связок челюстного сустава от черепа мы, по справедливому замечанию одного весьма солидного исследователя, не имеем никакой гарантии в том, что об названные части действительно принадлежать одному и тому же субъекту. Welcker (63) описывает попавшийся ему череп австралийца, где нижняя челюсть, несмотря на несомненную принадлежность последней к первому, оказалась слишком узкою, так что, когда головка одного суставного отростка была помещена в соответствующую суставную выемку, головка другого стала как раз на средину пирамиды височной кости. Это несоответствие, как показало дальнейшее исследование, было вызвано процессом простого сморщивания нижней челюсти, могущим привести, по наблюдениям Welcker'a, к уменьшению мышечковой ширины на 1—1,6% ее первоначального размера. Погруженная в воду, нижняя челюсть в случае Welcker'a уже на третий день приняла такую форму, что подвергнутый было сомнению факт принадлежности ее к черепу австралийца стал для всех совершенно очевидным; упомянутый размер мышечковой ширины в продолжение 2 суток увеличился, благодаря пребыванию в воде, на целых 15 mm! Таким образом, нижняя че-

люсть обладает необычайною гигроскопичностью; она измѣняется въ своихъ размѣрахъ уже при незначительныхъ колебаніяхъ атмосферной сырости, такъ что представляетъ изъ себя гигрометръ большой чувствительности.

При распознаваніи соответствія между данной нижней челюстью и изслѣдуемымъ черепомъ могутъ имѣть значеніе слѣдующіе факторы: 1) признаки, указывающіе на одинаковый или неодинаковый возрастъ обѣихъ частей; 2) форма суставной впадины и головки суставнаго отростка, форма и величина челюстныхъ дугъ, длина и направленіе вѣтвей и разстояніе между суставными головками; 3) возможность развитія асимметріи челюстного аппарата, чаще всего зависящей отъ преждевременной облитераціи вѣнечнаго шва на той или другой сторонѣ; 4) асимметричное развитіе альвеолярной дуги; 4) одновременное существованіе экзостозъ на верхней и нижней челюстяхъ; 5) особенности сохраненія кости, одинаковая окраска челюстей, поврежденія и присутствіе въ нихъ постороннихъ тѣлъ; 6) наиболѣе важныя и вѣсныя признаки для распознаванія въ соответствующихъ случаяхъ открываетъ изслѣдованіе особенностей зубовъ (ихъ окраска, степень сохраненія, особенности ихъ взаимнаго стиранія—dens dentem terit,—спеціальныя случаи образованія выемокъ въ зубной дугѣ, напр. вслѣдствіе частаго держанія между зубами глиняныхъ трубокъ (Pfeifchenrillen), искусственныя деформациі зубовъ, болѣзни и, наконецъ, запасъ существующихъ зубовъ).

При всемъ томъ не слѣдуетъ выпускать изъ виду также возможность наличности племенныхъ особенностей формы и строенія нижней челюсти. Важнѣйшія изъ этихъ особенностей касаются опять-таки устройства зубовъ и, въ особенности, взаимнаго расположенія верхнихъ и нижнихъ рѣзцовъ, въ каковомъ отношеніи Welcker предлагаетъ различать пять основныхъ типовъ: а) щипцеобразный, b) ножницеобразный, с) крышеобразный, d) карнизообразный и е) зияющій (см. рис. 2 а—е). Типъ b), по Welcker'у, составляетъ преобладающую особенность индогерманской расы, въ то время какъ типъ а) представляетъ собою тероморфное (питекоидное) образованіе. При этомъ псапидодонтія (типъ b) можетъ служить также отличительнымъ признакомъ человѣческихъ расъ, ибо она наблюдается у послѣднихъ неодинаково часто: среди германской и романской расы въ 80% изслѣдованныхъ череповъ, у финновъ въ 70%, у славянъ и китайцевъ въ 50%, у полинезійцевъ, негровъ и папуасовъ въ 40%, у малайцевъ въ 20%, у готтентотовъ и древнихъ перуанцевъ въ 15%, у микронезійцевъ въ 10%, у американскихъ индѣйцевъ въ 5%, а у австразійцевъ ножницеобразный типъ расположенія рѣзцовъ до сихъ поръ еще не наблюдался ни разу. Типъ с (крышевидный) констатированъ чаще всего на черепахъ китайцевъ и японцевъ; типъ d (опистодонтія) часто наблюдается у нѣкоторыхъ племенъ Малайскаго архипелага; наконецъ, типъ е (хиа-тодонтія) встрѣчается наиболѣе часто у финскихъ племенъ, а также у негровъ.

Наконецъ, что касается общей формы нижней челюсти и размѣровъ ея вѣтви у различныхъ человѣческихъ расъ, то въ этомъ отношеніи Welcker даетъ слѣдующія указанія: 1) тѣло нижней челюсти отличается особенною длиною у папуасовъ и микронезійцевъ, оно является необыкновенно короткимъ у китайцевъ; 2) высота нижнечелюстной вѣтви незначительна (по сравненію съ длиною роста) у папуасовъ и микронезійцевъ, весьма значительна у китайцевъ; 3) необычайно широкою нижнечелюстной вѣтви поражаютъ черепа папуасовъ и микронезійцевъ; 4) подбородокъ отдаленъ назадъ наиболѣе рѣзко у негровъ

и папуасовъ (подбородочный уголъ=86—87°); наиболѣе острые подбородки наблюдаются у нѣмцевъ; 5) нижнечелюстной уголъ достигаетъ самыхъ значительныхъ своихъ размѣровъ у германцевъ и австралійцевъ; папуасы и микронезійцы отличаются развитіемъ круто поднимающейся нижнечелюстной вѣтви.

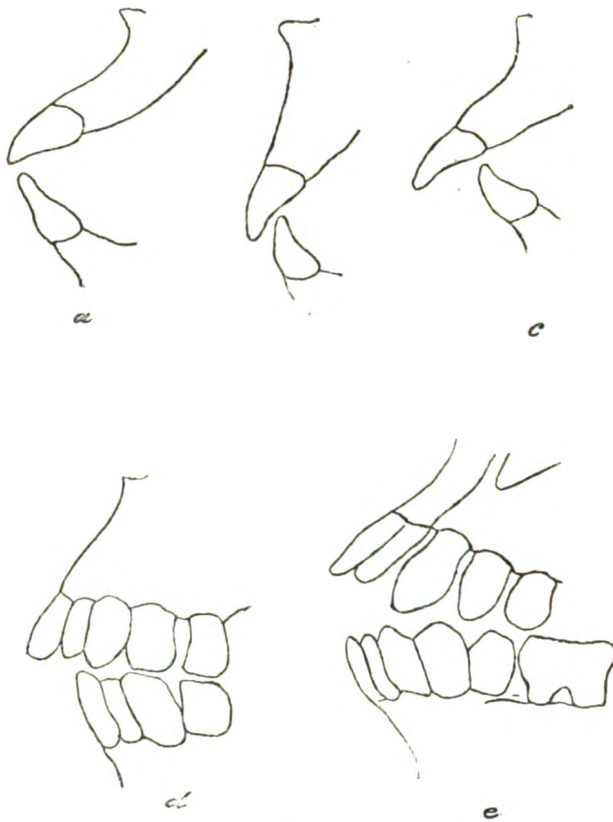

Рис. 2. Типы взаимнаго расположенія рѣзцовъ у человѣческихъ расъ: а — щипцеобразный типъ (лабидодонтія); б — ножницеобразный типъ (псалидодонтія); в — крышевидный типъ (стегодонтія); д — карнизообразный типъ съ отодвинутыми назадъ нижними рѣзцами (опистодонтія); е — зіяющій типъ (хиатодонтія).

Въ области антропологіи *отдѣльныхъ частей и областей черепа* (III в, г, д, е) почти каждая изъ послѣднихъ была подвергнута изслѣдованіямъ въ томъ или иномъ направленіи. Въ видѣ примѣра можно здѣсь указать на интересное наблюденіе *V. Ruggeri* (93), описывающаго наличность въ одномъ случаѣ необычайно, повидимому, рѣдкаго шва на протяженіи большого крыла основной кости (см. рис. 3). Начинаясь на разстояніи нѣсколькихъ миллиметровъ позади вѣчнаго шва и проходя въ направленіи сверху внизъ, рассматриваемый аномальный шовъ раздѣляетъ большое крыло основной кости

на двѣ части: нѣсколько меньшую переднюю и болѣе обширную заднюю, которую можно разсматривать также какъ особую «предвисочную» кость черепа (*Os prætemporale*).

Необыкновенно богатую жатву дало за послѣдніе годы изученіе устройства и развитія т. наз. *родничковыхъ костей* человѣческаго черепа (III d), гдѣ особаго вниманія заслуживаютъ работы Ranke, Frassetto, Maggi и Stieda. Но и по вопросу объ *аномаліяхъ* устройства черепныхъ костей были представлены цѣнныя новыя наблюденія. Рѣдкія аномаліи височной кости (123), болѣе или менѣе замѣчательные случаи прободенія теменныхъ костей (114, 122), врожденнаго сліянія затылочной кости съ атлантомъ (121), сохраненія у человѣка черепноглоточнаго канала (109), развитія *Os incisae tripartitum* (128) и многія другія незаурядныя явленія описываются на страницахъ различныхъ монографій и періодическихъ изданій. Н. Matiegka вновь возвращается къ вопросу объ *Os malare bipartitum* (120). Не ускользаютъ отъ вниманія наблюдателей даже

Рис. 3. Развитие поперечнаго шва на протяженіи большого крыла основной кости у австралійца.

такія рѣдкости, какъ случаи удвоенія наружнаго слухового прохода (115). Наконецъ, нельзя не упомянуть также объ интересной работѣ Ledouble (118), посвященной морфологій *слезной кости* и т. наз. *околослезныхъ косточекъ* у человѣка; тотъ же предметъ подвергнутъ обработкѣ и со стороны Zabel'я (130), гдѣ свидѣлствуется о возможности полнаго *отсутствія слезной кости на черепѣ человека*.

Весьма цѣнными матеріалами обогатилась въ послѣднее время также *краниологія отдѣльныхъ человѣческихъ расъ* и различныхъ этнологическихъ типовъ. Проверкою прежнихъ данныхъ о типѣ *череповъ каменнаго періода* подтверждается уже ранѣе высказанный взглядъ относительно сходства формы нѣкоторыхъ изъ нихъ съ черепнымъ типомъ туранскихъ и финскихъ народовъ. По крайней мѣрѣ, къ такому взгляду возвращается R. Virchow (191) на основаніи измѣренія черепа, добытаго графомъ Уваровымъ въ 1878 г. въ с. Волосово, Владимірской губ. Тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ еще далекъ отъ своего окончательнаго рѣшенія въ такой же степени, въ какой остается открытымъ за-

тронутый въ последнее время (174) вопросъ о причинахъ замѣщенія первоначальнаго длинноголоваго типа курганнаго періода въ среднихъ областяхъ Россіи современными брахицефалами. По этому послѣднему вопросу физическая антропология, по нашему мнѣнію, не можетъ быть вполне компетентной и должна предоставить его разработку по преимуществу усиліямъ историковъ и археологовъ. Не придерживаясь мнѣнія о совершенной неизмѣняемости и о полномъ постоянствѣ формы черепа, мы въ то же время думаемъ, что пора отказаться отъ мысли о возможности эндогеннаго возникновенія новыхъ черепныхъ типовъ въ такой короткій промежутокъ времени, какой лежитъ между курганнымъ періодомъ и нашими днями.

Вообще, по вопросу о распредѣленіи и взаимномъ отношеніи черепныхъ типовъ въ предѣлахъ европейскаго материка мнѣнія современныхъ авторовъ расходятся еще довольно значительно, какъ показываютъ, между прочимъ, работы Deniker'a (139) и статьи Schmidt'a (172) и Wilser'a (195). Повидимому, и тутъ еще осталось впереди много работы. Въ Швеціи, по свидѣтельству Retzius'a (165), уже въ періодъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ преобладающимъ является чисто долихоцефалическій типъ, но уже въ продолженіе каменнаго вѣка къ длинноголовымъ стали примѣшиваться инородческіе брахицефалическіе элементы; во всякомъ случаѣ современное народонаселеніе Швеціи (шведы) принадлежитъ по преимуществу къ длинноголовому типу, причемъ послѣдній, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, предпринятымъ по инициативѣ G. Retzius'a (166), обнаруживаетъ особенно *рѣзкое преобладаніе въ направленіи къ сѣверу*. То же самое мы наблюдаемъ, напр., въ Швейцаріи, гдѣ (173) брахицефалическому населенію періода La Tène также предшествовалъ длинноголовый типъ; зато во время бронзоваго періода въ нѣкоторыхъ областяхъ Швейцаріи оба черепные типа существовали, повидимому, одновременно.

Изъ числа представленныхъ новѣйшихъ данныхъ по *краниологіи европейскихъ народовъ*, на богатство которыхъ указываетъ уже соответствующій отдѣлъ нашего библиографическаго обзора (III ж), мы остановимся здѣсь вкратцѣ на результатахъ, добытыхъ въ области краниометріи и кефалометріи монголовъ, айновъ, алеутовъ и филиппинцевъ.

Съ формою головы у *монголовъ* мы впервые ближе познакомились, благодаря трудамъ А. Иванова. Подводя краткій итогъ своимъ изслѣдованіямъ (151), этотъ авторъ иллюстрируетъ характерное отношеніе у монголовъ верхней части лицевой линіи, отличающейся нигдѣ еще не отмѣченной малою относительною величиною; зато средняя, носовая, треть лица представляетъ у монголовъ весьма значительные размѣры по сравненію съ другими народностями. Данные, добытыя авторомъ, позволяютъ кромѣ этого заключить, что голова монголовъ обладаетъ довольно большими размѣрами, причемъ, однакоже, оказывается, что и среди монголовъ высокорослымъ субъектамъ бываютъ свойственны наибольшіе абсолютные и наименьшіе относительные, а низкорослымъ, наоборотъ—наименьшіе абсолютные и наибольшіе относительные размѣры головы. Если, такимъ образомъ, по величинѣ головы и удастся открыть отличительные признаки тѣхъ или другихъ человѣческихъ расъ, то въ данномъ случаѣ могутъ имѣть значеніе не абсолютные, а лишь относительные размѣры головы и черепа ¹⁾.

¹⁾ Хотя измѣренія автора и не касаются непосредственно скелета, а произведены на живыхъ, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ полное основаніе воспользоваться ими для нашего остеологическаго обзора, ибо всякій, ближе знакомый съ кранио-

Въ своемъ только-что законченномъ объемистомъ трудѣ (186) А. в. Тогок, на основаніи обстоятельнаго изслѣдованія всего существующаго матеріала по краниологіи айновъ, даетъ слѣдующую характеристику черепного типа этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго племени: черепные швы у айновъ устроены въ общемъ просто; сохраненіе поперечнаго скулового шва весьма характерно для племени айновъ; относительно часто наблюдается у нихъ также частичное сохраненіе срединнаго лобнаго и гензевскаго подглазничнаго швовъ. Развитие Вормиевыхъ костей въ общемъ наблюдается рѣдко. Изъ другихъ часто наблюдаемыхъ на черепахъ айновъ особенностей внѣшней формы можно затѣмъ отмѣтить: *Torus occipitalis*, *Crista supramastoidea*, *Torus palatinus*, *Processus paramastoides*, *Processus marginales Soemmerringii*, *Processus retroglenoidales* (тероморфизмъ), *Processus marginalis squamae temporalis*, *Fovea sagittalis mediana cranii*. Рѣдко слабымъ развитіемъ или даже полнымъ отсутствіемъ на черепахъ айновъ отличаются: *Lineae semicirculares temporales*, *Protuberantia occipitalis externa*, *Processus styloidei*, *Fossae caninae*, *Fossae mentales*. Глазницы представляютъ чаще всего округлыя очертанія; устройство верхнихъ краевъ глазницъ соотвѣтствуетъ питекондиному типу, а еще чаще *Foramina zygomaticoorbitalia* обнаруживаютъ развитіе, присущее имъ въ ряду животныхъ; наконецъ, и появленіе родничковъ въ костныхъ стѣнкахъ глазницъ наблюдается у айновъ поразительно часто.

Алеуты, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ А. Таренцаго (185), по формѣ черепа близко подходятъ къ нѣкоторымъ племенамъ сѣверо-американскихъ индейцевъ (ср. по этому поводу рефератъ А. А. Ивановскаго, помѣщенный въ «Русск. Антроп. Журн.», кн. II, стр. 102). Отмѣтимъ при этомъ случаѣ, что на нѣкоторыхъ нѣбующихся скелетахъ и въ частности на длинныхъ трубчатыхъ костяхъ у названнаго племени констатировано, между прочимъ, развитіе, соотвѣтственно мѣстамъ прикрѣпленія мышцъ, весьма сильныхъ бугристостей, существованіе которыхъ авторъ склоненъ отнести на счетъ вліянія расовыхъ особенностей.

Старое утвержденіе Р. Вирхова, согласно которому народонаселеніе *Филиппинскихъ острововъ* заключаетъ въ себѣ кромѣ негритосовъ еще и другіе элементы, имѣющіе, вѣроятно, близкую связь съ меланезійцами, въ настоящее время находитъ нѣкоторую поддержку въ изслѣдованіяхъ Вауера (136), подтверждающихъ въ то же время большое сходство филиппинскихъ череповъ съ черепами перуанцевъ. Авторъ указываетъ кромѣ того (135) на нѣкоторыя частности внутренней архитектуры стѣнокъ мозговой чаши у этого племени. Въ одномъ наблюдавшемся имъ случаѣ между обѣими пластинками черепной стѣнки было обнаружено присутствіе обширнаго пустого промежутка, благодаря которому разстояніе между наружною и внутреннею пластинками стѣнки черепа доходитъ въ затылочной области до 8 миллиметровъ; при этомъ лобныя пазухи непосредственно и широко открываются въ только-что указанную полость. Авторъ полагаетъ, что все явленіе находится въ прямой связи съ низкимъ уровнемъ той расы, которой принадлежалъ данный черепъ, тѣмъ болѣе, что чрезмѣрное развитіе губчатого вещества въ области костныхъ покрывшекъ черепа способно повліять задерживающимъ образомъ на свободное развитіе массы мозговыхъ полушарій. Авторъ даже думаетъ, что наличность подобныхъ меж-

метрическою техникою, можетъ удостовѣрить, что данныя, добытыя опытнымъ путемъ измѣренія головы живыхъ, мало чѣмъ отличаются отъ соотвѣтствующихъ размѣровъ скелетированнаго черепа.

стѣнныхъ полостей можетъ составлять расовую особенность филиппинскихъ череповъ, хотя и оговаривается при этомъ, что наблюдение касается всего лишь одного случая. Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ послѣдствіями патологическаго процесса?

Два слова нелишнее будетъ сказать на этомъ мѣстѣ по поводу т. наз. *расовой или, собственно, этнической діагностики череповъ* и другихъ частей человѣческаго скелета. Навѣному уму большихъ массъ, а подчасъ и воображенію многихъ образованныхъ людей чуть ли не главнѣйшею изъ особенностей ученыхъ антропологовъ долгое время представлялась и еще по сію пору продолжаетъ представляться ихъ способность къ *точному и безошибочному* опредѣленію *національной* принадлежности любого черепа. Не пора ли, наконецъ, окончательно разсѣять это странное, покоящееся на предвзятыхъ идеяхъ, старое недоразумѣніе, покончить разъ навсегда съ предразсудками цѣлаго ряда поколѣній только-что истекшаго столѣтія? Не пора ли открыто и чистосердечно заявить то, что для свѣдущихъ уже давнымъ давно не составляетъ тайны, именно что современная *научная* антропология видитъ предъ собою гораздо болѣе серьезныя задачи, чѣмъ рѣшеніе загадокъ относительно принадлежности сомнительныхъ по своему происхожденію череповъ къ той или другой соціальной, лингвистической, географической или иной группѣ народонаселенія земного шара, что въ отношеніи подобной детальной діагностики, возможной для нея во многихъ случаяхъ лишь съ извѣстною оговоркою и съ извѣстною степенью вѣроятности, *научная* антропология иногда охотно готова признать себя некомпетентною, тѣмъ болѣе, что большинство нынѣ господствующихъ способовъ подраздѣленія человечества на группы, расы, типы или націй не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ о «расѣ» съ точки зрѣнія *естество-историческаго изслѣдованія*, т.-е. той точки зрѣнія, которая уже давно стала единственно господствующею въ современной наукѣ о чело-вѣкѣ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить какъ крайне характерное явленіе, что уже на зарѣ наступившаго новаго вѣка Вирховъ передъ соединеннымъ III собраніемъ Нѣмецкаго и Вѣнскаго Антропологическихъ Обществъ въ Линдау счелъ необходимымъ высказать свое убѣжденіе въ томъ смыслѣ, что постоянно всплывающій на поверхность вопросъ относительно національности, строго говоря, не подлежитъ суду антропологін въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова, а можетъ приблизиться къ своему окончательному рѣшенію единственно при помощи лингвистическихъ, археологическихъ и другихъ данныхъ. «Когда возникаетъ вопросъ о національной принадлежности тѣхъ или иныхъ костей и череповъ неизвѣстнаго имъ происхожденія,—заключаетъ Вирховъ, я всегда вижу себя вынужденнымъ сознаться въ невозможности дать по такому поводу опредѣленный отвѣтъ; не сознаться въ этомъ, по моему мнѣнію, значило бы быть несовѣстнѣ искреннимъ какъ по отношенію къ самому себѣ, такъ и по отношенію къ другимъ». Эти слова, какъ извѣстно, не остались незамѣченными и со стороны общей печати и вызвали въ ней массу соответствующихъ комментаріевъ. Исповѣдь маститаго ученаго со стороны многихъ даже была истолкована въ смыслѣ окончательной катастрофы, постигшей антропологию, какъ доказательство неминуемаго внутренняго банкротства, полнаго разгрома самыхъ причинъ основъ этой науки. Бѣдная антропология!

Наблюденія послѣднихъ дней вновь подтверждаютъ значительную древность и необычайное, почти повсемѣстное распространеніе среди народовъ *обычая трепанации и искусственнаго изуродованія формы черепа*. Уже наиболѣе старые черепа, найденные, напр., въ предѣлахъ Аргентины, представляютъ собою

образцы обычая трепанаціи (199), а у древнихъ обитателей острова Тенерифа этотъ обычай былъ, повидному, въ еще большемъ употребленіи (200). На Новыхъ Гебридахъ и на Саломоновыхъ островахъ практикуются особые способы деформации черепа, которой, по свидѣтельству Philippe François (197), подвергаются субъекты обоого пола вскорѣ послѣ рожденія и которая достигается, послѣ предварительнаго энергичнаго и систематическаго массажа головы, втискиваніемъ послѣдней въ особую цилиндрической формы корзинку, прижимаемую затѣмъ къ костямъ посредствомъ повязки, налагаемой въ направленіи отъ лба къ затылку. Въ результатъ получаютъ черепа (нѣкоторые такъ-вые собраны авторомъ) съ сильно вдавленной переднею частью, узкими и удлинненными лобными и приподнятыми вверхъ теменными костями, почти перпендикулярно переходящими въ область затылка. Отвѣчаетъ ли подобная вытянутая въ длину форма черепа специальному эстетическому вкусу обитателей названныхъ странъ, или служатъ ли другія причины побужденіемъ къ такому суровому обезображенію организма, остается неизвѣстнымъ.

Матеріалы, собранные за только-что истекшій періодъ времени по *криминальной антропологии черепа*, не представляютъ собою ничего существенно новаго. Въ относящейся къ этому предмету коллекціи череповъ, изслѣдованной, напримѣръ, Pitard'омъ (208, 209), отмѣчалось такое разнообразіе различныхъ формъ, что на основаніи добытыхъ данныхъ нельзя получить никакихъ доводовъ за или противъ гипотезы о существованіи черепного типа т. наз. врожденныхъ преступниковъ.

Благодаря старой традиціи, въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ по антропологии все еще отъ времени до времени продолжаютъ появляться сообщенія о случаяхъ *микроцефалии* и *другихъ патологическихъ измѣненій* нормальной формы черепа. Число такихъ работъ за послѣдніе два года можетъ быть названо даже особенно обильнымъ (см. III к). Въ виду незначительнаго интереса, представляемаго подобнаго рода наблюденіями для современной научной антропологии, мы ограничиваемся простымъ на нихъ указаніемъ.

Значеніе краниологии и прочихъ отдѣловъ антропологии для практической жизни вообще и при изученіи медицины въ частности становится изо дня въ день все болѣе очевиднымъ и несомнѣннымъ. Новымъ свидѣтельствомъ тому служить, между прочимъ, появленіе въ послѣдніе годы цѣлаго ряда работъ по краниологии, задача которыхъ направлена къ изученію тѣхъ соотношеній, которыя существуютъ между тою или иною нормальною формою черепа или его частей и развитіемъ различныхъ болѣзненныхъ состояній (см. 67, 68). Мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ настоящій фактъ, ибо онъ лишній разъ показываетъ воочию, что не только каждый образованный естествоиспытатель, но и практическіе врачи въ настоящее время должны быть знакомы съ основаніями антропологии и съ современными методами антропологическаго изслѣдованія. Уже съ этой точки зрѣнія нужно только пожелать, чтобы тѣ голоса, которые поднимаются въ пользу учрежденія специальныхъ антропологическихъ кафедръ при университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ ¹⁾, наконецъ перестали быть голосомъ проповѣдника въ пустынь.

¹⁾ Ср., напр., G. Buschan, Die Nothwendigkeit von Lehrstühlen für eine „Lehre vom Menschen“ auf deutschen Hochschulen (Centralbl. f. Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, 1900. вып. 2, стр. 65) и W. Waldeyer, Universitäten und anthropologischer Unterricht,—докладъ, читанный на III соединенномъ собраніи Нѣ-

Варианты скелета туловища и позвоночного столба заслуживают несравненно большего вниманія съ точки зрѣнія современныхъ методовъ антропологическаго изслѣдованія, чѣмъ наблюденія только что указанныхъ двухъ категорій фактовъ. Съ одной стороны, наблюденію авторовъ представлялись случаи недостаточнаго развитія тѣхъ или другихъ частей скелета туловища и грудной кѣтки (230, 226), съ другой—обращаютъ на себя вниманіе болѣе или менѣе рѣдкіе случаи появленія у человѣка сверхкомплектнаго числа костныхъ сегментовъ въ области верхняго или нижняго отдѣловъ грудной кѣтки и позвоночнаго столба (232, 233 и 239). Наблюденія послѣдняго рода могутъ, по видимому, имѣть немаловажное значеніе и для сравнительной антропологіи, и на долю будущихъ изслѣдователей выпадаетъ задача установить относительную частоту появленія разсматриваемыхъ варіанцій костной системы у отдѣльныхъ расъ человѣчества. Какъ всюду, такъ и здѣсь, по мѣрѣ добыванія новыхъ данныхъ, открываются новыя и широкія перспективы для антропологическихъ изслѣдованій.

Изученіе формы *костнаго таза* у различныхъ человѣческихъ расъ, представляющее одинъ изъ наиболѣе существенныхъ десидератовъ научной антропологіи, въ общемъ подвинулось впередъ сравнительно мало за истекшій періодъ времени. Историческій обзоръ относящейся къ этому предмету литературы (244) вообще даетъ наглядное представленіе о поголовной бѣдности данныхъ по вопросу о племенныхъ и расовыхъ особенностяхъ таза. А между тѣмъ новѣйшія наблюденія Sergi (247) вновь съ рѣшительностью указываютъ на ту роль, которая можетъ выпасть на долю таза въ дѣлѣ классификаціи человѣческихъ расъ. Истинный вкладъ въ ученіе объ этнологическихъ особенностяхъ таза, несомнѣнно, представляютъ собою измѣренія, произведенныя въ новѣйшее время на племенахъ *айновъ* и *японцевъ* (243). На почвѣ этихъ изслѣдованій, произведенныхъ, кстати сказать, съ большою обстоятельностью и отчасти даже съ помощью особо придуманныхъ измѣрительныхъ аппаратовъ, необходимо допустить, что тазъ айновъ не лишенъ особенностей формы, отличающихъ его какъ отъ таза японцевъ, такъ и отъ таза многихъ другихъ расъ. Но отъ окончательной суммарной характеристики формы таза у племени айновъ сами авторы пока еще уклоняются, что, по нашему мнѣнію, вполне уместно въ виду вышеуказанной недостаточности данныхъ по антропологіи таза другихъ расъ, а также въ виду почти полнаго отсутствія единства тѣхъ методовъ, коими досихъ поръ пользовались различные авторы при своихъ измѣреніяхъ. Въ настоящее время не можетъ быть подвергнута также сомнѣнію необходимость извѣстныхъ измѣненій въ прежде практиковавшейся программѣ нашихъ пеллиметрическихъ изслѣдованій. Въ виду нѣкоторыхъ новѣйшихъ указаній (248) приходится думать, что, напр., *Spinae iliacae posteriores*, какъ опознательныя точки для измѣреній таза, заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ имъ было уделено до сихъ поръ при изученіи величины и пропорцій тазоваго скелета. По выраженію Stratz'a, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ такимъ размѣромъ, который отличается весьма большимъ постоянствомъ своей величины у нормальныхъ субъектовъ и притомъ бываетъ подвергнутъ значительно меньшимъ племеннымъ, индивидуальнымъ и прочимъ колебаніямъ по сравненію съ другими размѣрами человѣческаго тѣла; вдобавокъ разстояніе *Spinarum posteriorum* подвздошныхъ костей увеличи-

мелкаго и Вѣнскаго Антропологическихъ Обществъ въ Линдау отъ 4—7 сентября 1899 г. (Corresp.—Bl. Deutsch. Ges. f. Anthrop., Ethnol. u. Urgesch. XXX, 1899, № 9. См. также „Русск. Антроп. Журн.“ 1900 г., кн. II, стр. 109—113).

вается и уменьшается въ строгой пропорціональности съ наиболѣе важнымъ въ практическомъ отношеніи размѣромъ таза, т. е. *Conjugata vera*. По отношенію ко внѣшней формѣ задней тазовой области, находящейся также въ зависимости отъ особенностей костного скелета, тотъ же авторъ, вопреки утвержденіямъ другихъ изслѣдователей (Waldeyer), устанавливаетъ фактъ наличности рѣзко выраженныхъ половыхъ отличій въ степени развитія т. наз. *поясничнаго и крестцоваго ромба*; въ особенности послѣднее образование, могущее представляться также въ видѣ треугольника, наблюдается у женщинъ съ абсолютнымъ постоянствомъ («stets»), а у мужчинъ встрѣчается лишь въ 18 — 25% всѣхъ изслѣдуемыхъ случаевъ. Существованіе, какъ и вездѣ, тѣхъ или другихъ переходныхъ формъ между женскимъ и мужскимъ типами устройства указанныхъ образований нисколько, конечно, не умаляетъ значенія устанавливаемого авторомъ факта. Рѣзкая выраженность половыхъ особенностей таза, какъ извѣстно, становится ясно замѣтною на весьма раннихъ стадіяхъ индивидуальнаго развитія, обнаруживаясь, какъ подтверждаютъ и новѣйшія наблюденія Thompson'a (249), уже у зародышей третьяго мѣсяца утробной жизни.

Переходя, наконецъ, къ обзору новѣйшихъ работъ по *антропологии конечностей скелета*, мы должны прежде всего отмѣтить, что значительное количество ихъ посвящено, между прочимъ, часто затрогиваемому въ послѣднее время вопросу о значеніи и о способѣ происхожденія т. наз. *многопалости или полидактилии*. Тѣмъ не менѣе старый споръ о томъ, слѣдуетъ ли считать появленіе сверхкомплектнаго числа фаланговъ за выраженіе возврата къ отдаленнымъ стадіямъ нашего филогенетическаго прошлаго или же какъ простую тератологическую аномалію, не удалось рѣшить въ окончательномъ смыслѣ, хотя нѣкоторые современные авторы (263), на основаніи всѣхъ фактовъ, клонятся, повидимому, съ полною опредѣленностью въ сторону второго положенія. Въ пользу извѣстной наклонности подобныхъ аномалій къ наследственной передачѣ на потомковъ приводятся нѣкоторые новыя доказательства; интересно, между прочимъ, наблюденіе Rieder'a (295) относительно распространенія рѣдкой аномаліи большаго пальца (появленія въ немъ трехъ фалангъ) на членовъ цѣлой семьи.

Вниманія достойны также нѣкоторыя новыя попытки, которыя направлены къ выясненію степени гомологичности верхнихъ и нижнихъ конечностей на началахъ (290, 300), идущихъ наперекоръ съ прежнею теоріею вращенія плечевой кости.

Наконецъ, при взглядѣ на разбираемый послѣдній отдѣлъ нашего литературнаго обзора, нельзя не констатировать того отраднаго факта, что и въ новѣйшее время научная антропология не пренебрегаетъ никакими успѣхами другихъ отраслей науки и техники тамъ, гдѣ послѣдніе могутъ способствовать дѣйствительному улучшенію и дальнѣйшему развитію методовъ антропологическаго изслѣдованія. Достаточно въ этомъ отношеніи указанія на цѣлый рядъ работъ (251, 252, 259, 271, 299, 301, 311, 312), наглядно иллюстрирующихъ значеніе *рентгенографіи* для изученія формы скелета и его отдѣльныхъ частей, а также желательность болѣе широкаго примѣненія этого способа изслѣдованія въ антропологической technikѣ.

Библиографическій обзоръ работъ по антропологии костной системы, вышедшихъ въ 1899 и 1900 годахъ.

I. Костная система въ цѣлости и въ отношеніи къ расамъ человѣка.

- 1) B a d e, P. Die Entwicklung des menschlichen Skelettes bis zur Geburt. (Arch. f. mikrosk. Anat. LV, вып. 2, стр. 245). 1899.
- 2) B e c k e r, Ph. Der männliche Castrat mit besonderer Berücksichtigung seines Knochensystemes. (Дуцц. Freiburg. i. B.). 1898.
- 3) D o r s e y, G. The photograph and skeleton of a Native Australian. (Bull. Essex Instit. XXVIII, вып. 7—12, стр. 57—69). 1898.
- 4) F r e n k e l, F. Die Lehre vom Skelet des Menschen. (Jena). 1900.
- 5) F r i t s c h, G. Die Gestalt des Menschen. (Stuttgart). 1899.
- 6) G é r a r d, G. Anomalies osseuses. (Bibliogr. anatom. VIII, вып. 2, стр. 61—73). 1900.
- 7) H a g e n, W. Die Bildung des Knorpelskelettes beim menschlichen Embryo. (Arch. f. Anat. u. Phys., Anat. Abth.). 1900.
- 8) H e p b u r n, D. A new osteometric board (Journ. of anat. and physiol. XXXIV). 1899.
- 9) H i n s d a l e. A description of the skeleton of the American giant, with a note of the relation of acromegalia and gigantism. (Transact. coll. of phys. of Philadelphia. XX, стр. 148). 1900.
- 10) I o a c h i m s t h a l. Ueber Zwergwuchs und verwandte Wachstumsstörungen. (Deutsche med. Wochenschr. XXV, № 17—18). 1899.
- 11) K u s s, G. Ostéoses, hyperactivité ostéogénique. (Marseille méd. XXXVI). 1899.
- 12) M a c - D o n a l d, A. Experimental study of children. (Washington). 1899.
- 13) N o b i l i n g. Ueber die Entwicklung einzelner Verknöcherungskerne in unreifen und reifen Früchten. (München). 1899.
- 14) R e g n a u l t, F. De la longueur relative des os. (Bull. et Mém. Soc. anatom. Paris. Sér. VI, T. II, № 5, стр. 484—486). 1900.
- 15) S e l l h e i m, H. Castration und Knochenwachsthum. (Beitr. zur Geburtsk. u. Gynäkol. II, стр. 236). 1899.

II. Статика и механика костной системы.

- 16) A l b e r t, E. Einführung in das Studium der Architectur der Röhrenknochen. (Wien). 1900.
- 17) — Die Architectur der menschlichen Ulna (Wien. klin. Rundsch. XIX). 1900.
- 18) — Die Architectur des menschlichen Talus. (Ibid.).
- 19) — Die Architectur der Tibia. (Wien. med. Woch. L.). 1900.
- 20) — Die Architectur des menschlichen Oberarmes. (Wien). 1900.
- 21) B a h r, F., Der Oberschenkelknochen als statisches Problem. (Zeitschr. f. chirurg. Orthop. VII, стр. 522—527). 1900.
- 21a) C o r s o n, E. An X-Ray Study of the normal movements of the Carpal bones and Wrist. (Proceed. Assoc. Americ. Anat. Sess. XI, стр. 67—92). 1899.
- 21б) D u p r é, E. Origine ancestrale et signification quadrupède des mouvements des bras dans la marche humaine. (Compt. Rend. XII Congr. int. méd. II, стр. 82—84. Moscou) 1899.

22) Fischer, O. Der Gang des Menschen. (Abh. K. Ges. Wissensch. Göttingen, math.—physic. Classe, XXVI). 1900.

22a) Imbert, A. Mécanisme de l'équilibre et du soulèvement du corps sur la pointe des pieds (Journ. Physiol. et Path. gén. № 1, стр. 11—24). 1900.

22b) Michel, A. Sur le mécanisme du soulèvement de corps sur la pointe de pieds. (Compt. Rend. Soc. Biol. Paris. LII, № 11, стр. 247). 1900.

23) Moller, S. Ueber die Statik und Mechanik des menschlichen Schultergürtels unter normalen und pathologischen Verhältnissen. (Festschr. z. LXX. Geburtstage von C. v. Kupffer. Jena). 1899.

24) Musk at, G. Beitrag zur Lehre vom menschlichen Stehen. (Arch. f. Anat. u. Physiol., phys. Abth., вып. 3—4, стр. 285—291). 1900.

25) Schmidt, R. Vergleichend-anatomische Studien über den mechanischen Bau der Knochen und seine Vererbung. (Dиссерт. Leipzig). 1898.

26) Steinhausen. Beiträge zur Lehre von dem Mechanismus der Bewegungen des Schultergürtels. (Arch. f. Anat. u. Phys., phys. Abth. Suppl. III, стр. 403). 1899.

27) v. Török, A. Ueber die Stellung der Längsachsen der Gelenkköpfe beim menschlichen Unterkiefer. (Zeitschr. f. Morph. und Anthropol. I, вып. 3, стр. 379). 1899.

28) Triepel, H. Die Stossfestigkeit der Knochen. (Arch. f. Anat. u. Phys., anat. Abth., стр. 229). 1900.

28a) Virchow, H. Ueber die Gelenke der Fusswurzel. (Arch. f. Anat. u. Phys., phys. Abth. Suppl. II, стр. 556). 1899.

III. Черепъ.

a) Черепъ какъ цѣлое. *Cranium cerebrale.*

29) Anderson, R. I. Note on the comparative thickness of the skull as an index of brain recession. (Internat. Monatsschr. f. Anat. u. Physiol. XVII, стр. 357). 1900.

30) Bleyne, P. Sur les diamètres céphaliques des nouveau-nés. (Paris). 1899.

31) Blin et Simon. Sur un campylogramme crânien. (Compt. rend. de l'académ. des sciences de Paris. CXXIX, стр. 1288). 1899.

32) Boas, F. The cephalic index. (American Anthropologist, I, стр. 449). 1899.

33) Bochenek, A. Kritisches über die neuen Capacitätsbestimmungsmethoden. (Zeitschr. f. Morphol. u. Anthropol. II, вып. I, стр. 158). 1899.

34) Bolk, L. О взаимоотношеніи между емкостью и формою черепа. (Nederl. Tijdschr. voor Geneesk. I, № 12). 1900.

35) Danziger, F. Schädel und Auge. (Wiesbaden). 1900.

36) Элькинъ, А. О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ. („Тр. Антроп. Отд.“ Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн., XIX).

37) Frassetto, F. Di una nuova saldatura nella osse del cranio. (Riv. di scienze biol.). 1899.

38) Friedenthal, A. Ein Beitrag zur Kenntniss der embryonalen Schädelentwicklung. (Dиссерт. Königsberg). 1900.

39) Haberer. Ueber die Norma occipitalis bei Mensch und Affe. (Dиссерт. München). 1898.

40) Konkád, I. Abnormaler Schädelbau als Signum dispositionis. (Ungar. med. Presse. IV). 1899.

41) Krönlein. Ein einfacher Kranimeter. (Centr. f. Chir. XXVI, стр. 1). 1899.

42) Le Dentu, A. De l'hypertrophie des os de la face et du crâne. (Bull. Acad. méd. № XVI, стр. 428). 1899.

43) Lemaistre, P. Empreintes trouvées sur un crâne de 67 ans. (Bull. Acad. méd. № XV, стр. 417). 1899.

44) Levi, G. Beiträge zum Studium der Entwicklung des knorpeligen Primordialcraniums des Menschen. (Arch. f. mikrosk. Anat. LV, стр. 341). 1899.

45) Maggi, L. Note craniologiche. (Boll. scientif. Anno XXI, № 4, стр. 103—115). 1899.

46) — Autres résultats de recherches morphologiques sur des os crâniens et crânio-faciaux et sur des fontanelles de l'homme et d'autres mammifères. (Arch. ital. de Biol. XXX, вып. 2, стр. 161). 1898.

47) Manouvrier, L. Aperçu de céphalométrie anthropologique. (L'Année psychol. V, стр. 558—591). 1899.

48) Mochi, A. L'indice encefalo-rachidiano. (Arch. per l'Antropol. e l'Etnolog. XIX, стр. 107). 1899.

49) Pitard. Comparaison des différents segments crâniens chez l'homme et chez la femme. (Arch. Scienc. phys. et nat. Genève, № 3, стр. 295—298). 1900.

50) Pugliesi, E. Studi sulla simmetria del cranio nei due sessi. (Atti Soc. Ven.—Trent. di scienz. nat. IV, вып. 1). 1899.

51) Rörig, A. Ueber die Wirkung der Castration von *Cervus mexicanus* auf die Schädelbildung. (Arch. f. Entwicklungsmechanik. VIII, вып. 4, стр. 633). 1899.

52) Ruggeri, V. Giuffrida. Ulteriore contributo alla morfologia del cranio. (Riv. sperim. freniatr. XXV, вып. 3—4, стр. 607—613). 1900.

53) — Die grösste Höhe des Schädels. (Centr. f. Anthropol., вып. 4). 1900.

54) — Assimetrie endocraniche e altre particolarità morfologiche nella base del cranio. (Riv. sper. fren. XXV, вып. 2, стр. 445; ср. также: Arch. ital. per le mal. nerv. e ment. XXXVI). 1899.

55) Schultze. Ueber Sulci venosi meningei des Schädeldaches. (Zeitschr. f. Morphol. u. Anthropol. I, вып. 2, стр. 451—452. Stuttgart.). 1899.

56) Sergi, G. Le forme del cranio umano nello sviluppo fetale in relazione alle forme adulte. (Riv. di Sc. biol. II, № 6—7, стр. 401—413). 1900.

57) v. Török, A. Ueber ein neues Verfahren bei Schädelcapacitätsmessungen, sowie über eine methodische Untersuchung der Fehler bei Volums- und Gewichtsbestimmung des Füllmaterials. (Virchow's Archiv. CLIX, стр. 248 и 367). 1900.

58) Trolard. Region pharyngée de la base du crâne. (Journ. de l'anat. et de la physiol. XXXV, стр. 751). 1899.

59) Verga, A. Studi anatomici sul cranio e sull'encefalo. (Milano). 1900.

60) Virchow, R. Zur Bestimmung der Schädelcapacität. (Virchow's Archiv, CLIX, стр. 288). 1899.

61) Васильевъ, В. Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховскаго уѣзда. (Тр. Антр. Отд., XIX). 1899.

62) Waterston, D. Craniometrie observations in the post-mortem room. (Journ. of Anat. and Physiol. XXXIV, стр. 256). 1900.

63) Welcker, H. Die Zugehörigkeit eines Unterkiefers zu einem bestimmten Schädel, nebst Untersuchungen über sehr anfällige, durch Auftrocknung und Wiederanfeuchtung bedingte Grössen- und Formveränderungen des Knochens. (Arch. f. Anthropol. XXVII, стр. 37). 1900.

64) Wohlbold, H. Die Kraniologie, ihre Geschichte und ihre Bedeutung für die Classification der Menschheit. (Диссертация. Erlangen). 1898.

65) Воробьевъ, В. О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ. (Русс. Антроп. Журн. I, вып. 3). 1900.

б) Лицевая часть черепа: Cranium viscerale.

- 66) Consorti, A. La prominenza facciale. Metodo e ricerche. (Atti Soc. Rom. di Antrop. VI, вып. II, стр. 90—98). 1900.
- 67) Haag, H. Ueber Gesichtsschädelform, Aetiologie und Therapie der angeborenen Choanalatresie. (Диссерт. Basel). 1899.
- 68) Meisser, B. Chamäprosope. Ein ätiologisches Moment für manifeste Ozaena. (Диссерт. Basel). 1898.
- 69) Ruggeri, V. Giuffr. Contributo alla morfologia dello scheletro facciale. (Riv. sper. fren. XXVI, вып. 1, стр. 95—103). 1900.
- 70) Sieur et Jacob. Deux cas de malformations de la cloison des fosses nasales chez le nouveau-né et le fœtus. (Bull. et Mém. Soc. Anat. Paris, стр. 1027—1029). 1900.
- 71) Virchow, R. Ueber die Breitendurchmesser des Gesichtes. (Compt. rend. XII Congr. int. méd. II, стр. 88. Moscou. 1899.
- 72) — Ueber die Darstellung und die darauf begründete Messung der Gesichtsbreite. (Corr.—Bl. Deutsch. anthrop. Ges. XXX, № 10). 1899.
- 73) Waruschkín. A. Ueber die Profilurung des Gesichtsschädels. (Arch. f. Anthropol. XXVI, стр. 373). 1900.

в) Отощельные кости и области черепа.

- 74) Adachi, B. Anatomische Untersuchungen an Iapanern. 1. Ueber den harten Gaumen. (Zeitschr. f. Morph. u. Anthr. II, вып. 2, стр. 198—222). 1900.
- 75) Amberg, E. Some practical remarks on the anatomy of the temporal bone. (Physic. and Surg. XXI, стр. 513). 1899.
- 76) Bianchini, A. Studio sul palato del cranio umano. (Atti Soc. Rom. di Antrop. VII, вып. 1, стр. 94—102). 1900.
- 77) Frassetto, F. Su la probabile presenza di quattro nuclei di ossificazioni nel parietale dell'uomo e delle scimmie. (Anat. Anz. XVIII Suppl., стр. 64—78). 1900.
- 78) Gaudenzi, C. Di alcuni rapporti costanti nella topografia dell'orbita scheletrica. (Intern. Mon.-Schr. f. Anat. u. Physiol. XVII, вып. 3—4, стр. 134—200). 1900.
- 79) Giuria. Sull'osso intermascellare. (Boll. Acad. med. di Genova. XIV, вып. 2, стр. 74). 1899.
- 80) Grosheintz, A. Ueber die Beziehungen der Hypsistaphylie zur Leptoprosopie. (Диссерт. Basel). 1878.
- 81) Kingsley and Ruddick. The ossicula auditus and mammalian ancestry. (Americ. Naturalist, XXXIII, стр. 199). 1899.
- 82) Loos, R. Bau und Topographie des Alveolarfortsatzes im Oberkiefer. (Oesterr.-Ung. Vierteljahrsschr. f. Zahnh. XVI, стр. 414). 1900.
- 83) Lorenz, H. Casuistische Beiträge zur Kenntniss der Micrognathie. (Deutsch. Zeitschr. f. Chir. LVII, стр. 73). 1900.
- 84) Siebenmann, F. Nasenhöhle und Gaumenwölbung bei den verschiedenen Gesichtsschädelformen. (Wien. Med. Woch. № 2). 1899.
- 85) Staurenghi, C. Contribuzione alla osteogenesi dell'occipitale umano e dei mammiferi. (Pavia). 1899.
- 86) Zeiller, I. Beiträge zur Anthropologie der Augenhöhle. (Диссерт. München). 1899.

87) Zuckerkandl, E. Ueber die Entwicklung der Concha bullosa (Mon.-Schr. f. Ohrenheilk. XXXIII). 1899.

в) Черепные швы.

88) Adermann. Zur Kenntniss der Fissura mastoideo-squamosa. (Zeitschr. f. Ohrenheilk. XXXVII, вып. 4, стр. 358—360). 1900.

89) Bartholdy, K. Beiträge zur Anatomie der Nähte des Schädeldaches. (Диссертация. Strassburg i. E.) 1899.

90) Frassetto, F. Di un cranio di Simia Satyrus Linn. con rara sutura sopranumeraria nel parietale destro. (Boll. d. Mus. zool. et anat. comp. d. R. univ. di Torino. XIX, стр. 344). 1899.

91) — Su la legge che governa la genesi delle suture nel cranio. (Anatom. Anz. XVIII Suppl., стр. 61—64). 1900.

92) Regnault, F. Oblitération prémature des sutures crâniennes, mécanisme des déformations. (Bull. et Mém. Soc. Anthr. Paris. Sér. V. T. I, вып. I, стр. 35—60). 1900.

93) Ruggeri, V. Giuffr. Divisione longitudinale dell'ala magna dello sferoide (osso pretemporale). (Anatom. Anz. XVIII, стр. 486—487). 1900.

94) Staurenghi. Sutura metopica o frontale basale. (Communicaz. fatta alla Soc. med.-chir. di Pavia. Pavia). 1900.

95) — Suture ed osso criptiche o ricoperte. (Anatom. Anz. XXIII Suppl., стр. 184—186). 1900.

96) Stieda, L. Ueber die Stirnnaht und die Stirnfontanellknochen. (Compt. rend. XII congr. int. méd. II, стр. 7, Moscou). 1899.

97) Turner, W. A rare form of palatal suture. (Journ. of anat. and physiol. XXX, стр. 674). 1899.

98) Всеволожский, В. Объ измѣненіяхъ формы черепа, зависящихъ отъ естественныхъ причинъ. (Диссерт. Спб.). 1899.

д) Роднички и вставочныя кости черепа.

99) Adachi, B. Ueber die Seitenfontanellen. (Zeitschr. f. Morph. u. Anthrop. II, вып. 2, стр. 223—246). 1900.

100) Frassetto. Le nuove fontanelle (stefaniche) nel cranio dell'uomo e di alcuni mammiferi. (Riv. di scienze biol. I, вып. 5—6, стр. 466). 1899.

101) Maggi, L. Ossicini fontanellari coronali e lambdoidei nel cranio di Mammiferi e dell'uomo. Noto prev. (Boll. scientif. XXI, № 4, стр. 97—103). 1899.

102) — Ossicini suture-fontanellari nel cranio dell'uomo fossile. Fontanella metopica e frontali medii quadruplici nei vertebrati superiori. Ossicini bregmatici negli uccelli. (Rend. R. Ist. Lomb. XXXII). 1899.

103) — Nuove fontanelli craniali. (Rend. R. Istit. Lombardo di Sc. e Lett. Ser. II, Vol. XXXII, Fasc. XVII, стр. 1297—1303). 1899.

104) — Ossicini metopici negli uccelli e nei mammiferi. (Rend. R. Istit. Lombardo di Sc. e Lett. Ser. II, Vol. XXXII, Fasc. XVII, стр. 1274—1291). 1899.

105) Pariselle, H. Des fontanelles: anatomie et pathologie. (Thèse. Paris). 1900.

106) Ranke, J. Die überzähligen Hautknochen des menschlichen Schädeldaches. (München) 1899.

107) Ruggeri, V. Giuffr. Su alcune ossa fontanellari e accessorie del cranio umano. (Monit. Zool. ital. XI). 1900.

108) Stieda, L. Ueber die Stirnnaht und die Stirnfontanellknochen. (Compt. rend. XII congr. int. méd. II, стр. 7. Moscou, 1899.

е) Различные варианты и аномалии формы черепа.

109) Caselli, A. Sulla permanenza del canale cranio-faringeo nell'uomo. (Riv. sper. fren. XXVI, вып. 2—3 стр. 391—396). 1900.

110) Denis. Étude sur un cas anormal de perforation crânienne congénitale. (Thèse de Paris). 1900.

111) Dorello, P. Sopra parecchie anomalie rinvenute in un occipite umano e specialmente sul così detto terzo condilo occipitale osservazioni. (Ric. fatte nel Laborat. di Anat. norm. R. Univ. Roma. VIII, вып. 1, стр. 33—40). 1900.

112) Duckworth, W. L. L. and Fraser, D. H. A description of some dental rudiments in human crania. (Proceed. Cambridge Philos. Soc. X, стр. 292). 1900.

113) Frassetto, F. Di un osso supranumerario e di due fontanelle non ancora notati. (Genova). 1899.

114) Greig. A case of congenital and symmetrical perforation of both parietal bones. (Transact. med. chir. Edinburgh. XVIII, стр. 83). 1899.

115) Habermann. Ueber Verdoppelung des äusseren Gehörganges. (Arch. f. Ohrenheilk. L. стр. 102). 1900.

116) Jacob, O. Prolongement du sinus sphénoïdal creusé dans les grandes ailes du sphénoïde. (Bull. et Mém. Soc. anat. Paris. LXXI, Sér. VI, T. II, стр. 403—406). 1900.

117) Katz, O. Ein abnormes menschliches Gehirn, sowie ein Schädeldach mit einem Knochen der grossen Fontanelle. (Verh. Berl. Ges. Anthrop. XXI, стр. III). 1899.

118) Ledouble. Essai sur la morphogénie et les variations du lacrymal et des osselets péri-lacrymaux de l'homme. (Bibliogr. anat. VIII, вып. 3, стр. 109—182). 1900.

119) Livini, F. Variazioni ossee nell'uomo. 1) Processi basilari dell'occipitale. 2) Processo della radice ventrale della apofisi traversa della V vertebra cervicale. (Monit. Zool. Ital. XI, № 4, стр. 127—130). 1900.

120) Matiegka, H. Ueber das Os malare bipartitum. (Anatom. Anz. XVII, стр. 546). 1899.

121) Mouchotte, I. Fusion cengénitale (non pathologique) de l'occipital et de l'atlas. (Bull. et Mém. Soc. anatomique de Paris, стр. 873—884). 1900.

122) Paterson, A. M. and Lovegrove, F. T. Symmetrical perforations of the parietal bones etc. (Journ. of anat. and physiol. XXXIV, стр. 229). 1900.

123) Ruffini, A. Di una singolarissima anomalia in uno osso temporale dell'uomo. (Anatom. Anzeiger XVI, № 15 и 16, стр. 381). 1899.

124) Ruggeri, V. Giuffrè. Ueber die Anomalien des Unterkiefers. (Centr. f. Anthropol., вып. 4). 1899.

125) — Su una rarissima anomalia dello scheletro nasale. (Monit. Zool. ital. XI, № 9, стр. 290—294). 1900.

126) — Su un cranio stenometopus. (Monit. Zool. Ital. XI, № 2, стр. 59—64). 1900.

127) Staderini, R. Il canal basilare mediano e il suo significato morfologico. (Monit. Zool. Ital. XI, № 4, стр. 131—137). 1900.

128) Virchow, R. Plagiokephaler Schädel von Tisens. Schädel mit Os incae tripartitum von Beli Breg. (Verh. Berlin. Gesellsch. f. Anthrop. XXXI, стр. 615—617). 1899.

129) v. Winkel. Kinderschädel mit Wachstumsanomalien. (Verh. VIII, Versamml. Deutsch. Gesellsch. Gynäkol. Berlin, стр. 360). 1899.

130) Zabel, E. Varietäten und vollständiges Fehlen des Thränenbeines beim Menschen. (Anatom. Hefte. Abth. I. H. XLVII, стр. 153—201). 1900.

ж) Форма черепа как племенной признак.

131) Adachi, B. Anatomische Untersuchungen an Japanern. I. Ueber den harten Gaumen. (Zeitschr. Morphol. u. Anthrop. II, вып. 2, стр. 198—222). 1900.

132) Allen, H. A study of Hawaiian skulls. (Transact. Wagner. Inst. of Philadelphia. V). 1898.

133) Arbo, C. Sur l'indice céphalique en Norvège. (Compt. rend. XII Congr. int. méd. II, стр. 22, Moscou). 1899.

134) Asmus, R. Die Schädelform der altwendischen Bevölkerung Mecklenburgs. (Диссерт., напечат. также в Arch. f. Anthrop. XXVII). 1900.

135) Bauer, F. Ueber den Schwund der Diploë an einem Philippinenschädel. (Anat. Anz. XVII, № 43, стр. 58—62). 1900.

136) — Ueber Schädel von den Philippinen. (Arch. f. Anthrop. XXVII, стр. 107). 1900.

137) Buchner. Völkerkunde und Schädelmessung. (Allg. Zeitg. Beil., стр. 282—284). 1899.

138) Chantre, E. Étude craniologique sur la population prépharaonique de la Haute-Égypte. (Assoc. Franc. pour l'avanc. des sciences. Compt. Rend., XXVIII, Sess. Part II, стр. 618—625. 1900. См. также Revue de l'École d'Anthropol. IX, стр. 409). 1899.

139) Deniker, I. Les races de l'Europe I. L'indice céphalique en Europe. (Paris) 1899.

140) Duckworth, W. L. H. Note on a skull from Syria. (Journ of anthr. Inst. Great Britain and Ireland.) 1899.

141) Элькиндъ, А. Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ. (Тр. Антр. Отд., XIX, стр. 230). 1899.

142) Flores, L. Dos craneos antiguos de Aimardes. (Rev. chilena de Hist. Natural. Valparaiso). 1898.

143) Folli. Ricerche sulla morfologia della cavità glenoidea nella razze umane. (Arch. per l'Antropol. XXIX, стр. 161.) 1900.

144) Folmer, H. C. Die ersten Bewohner der Nordseeküste in anthropologischer Hinsicht, verglichen mit den gleichzeitig lebenden Germanen in Mitteldeutschland. (Arch. f. Anthr. XXVI, стр. 747). 1900.

145) Fridolin, J. Südseeschädel. (Archiv f. Anthrop. XXVI). 1900.

146) Girard, H. Indice cephalique de quelques populations du Nord-Est de l'Indo-Chine. (Assoc. Franç. pour l'avanc. des sciences. Compt. Rend. XXVIII. Sess. Part. I, стр. 287). 1900.

147) Горощенко, К. Курганные черепа Минусинского округа. (Описание Минусинского музея, вып. II, Минусинскъ). 1900.

148) Hellich, B. Prähistor. lebky v Čechách. (Památky archeol. XXVIII. Прага). 1899.

149) Hölzer, E. Zum Problem des germanischen Typus. (Jahresh. d. Ulmer math.-nat. Vereins IX). 1899.

150) Hrdlicka, A. Dimensions of the normal pituitary fossa or sella turcica in the white and the negro races. (Arch. of. neurol. and psychopath. I, вып. 4, стр. 679). 1899.

151) Ivanovski, A. I. Ueber gewisse Körperproportionen der Mongolen. (Compt. Rend. XII Congr. int. méd. II, стр. 76—82. Moscou). 1899.

152) Kollmann. Reconstruction d'une buste d'une femme de la période néolithique de la Suisse. (Compt. Rend. XII Congr. int. méd. II, стр. 108—111. Moscou). 1899.

153) Levero, R. и Cardoso, F. O ossuario da freguezia de Forreiró. (Portugalia I). 1900.

154) Maggi, L. Intorno al cranio umano di Castenedolo. (Bull. scientif. XXI, № 3, стр. 87—89). 1899.

155) Matiegka, J. Черепа из Жизне и археолого-антропологическая классификация позднего славянского периода. (Památky archeol. XVIII, стр. 499). 1899. (Недоступно, на чешскомъ языкѣ!).

156) Merkel, F. Reconstruction der Büste eines Bewohners des Leinegaues. (Arch. f. Anthropol. XXVI). 1900.

157) Никольскій, Д. П. Башкиры. (Диссерт. Спб.). 1899.

158) Perrod. Anomalie riscontrate in una serie di crani di Patagoni. (Arch. di psych. XX, стр. 412). 1899.

159) Pitard, E. Étude de 114 crânes de la vallée du Rhône. (Rev. mens. École Anthropol. Paris VIII, стр. 86). 1898.

160) — Étude d'une série de 47 crânes dolichocéphales et mésaticéphales de la vallée du Rhône. (Bull. Soc. Neuchât. de Géogr. XI, стр. 262). 1899.

161) — Indices céphaliques et facial de deux crânes valaisans. Reconstruction d'une tête de femme lacustre de l'âge de pierre. Trépanation sur un crâne de l'âge de bronze. (Arch. des sciences phys. et nat. Genève). 1899.

162) Pitard, E. Quelques comparaisons sexuelles de crânes anciens de la vallée du Rhône. (L'Anthropologie, XI, № 2—3, стр. 179—192). 1900.

163) — Sur de nouveaux crânes provenant de divers stations lacustres de l'époque néolithique et de l'âge du bronze en Suisse. (L'Anthropologie. X, вып. 3, стр. 281). 1899.

164) Pugliesie Tietze. Contributo all'antropologia fisica di Sardegna ed alla teoria dei pigmei d'Europa. (Atti Soc. Veneto-Trentina di Sc. Nat. Ser. II. Vol. III, вып. II, стр. 401—419). 1899.

165) Retzius, G., Crania suecica antiqua. Описание шведскихъ человѣческихъ череповъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго периодовъ съ обзоромъ изслѣдованій относительно расовыхъ признаковъ европейскихъ народовъ. На шведскомъ языкѣ. (Stockholm). 1899. Съ 92 таблицами свѣтописныхъ рисунковъ.

166) — Предварительное сообщеніе о результатахъ изслѣдованія шведскихъ рекрутъ, предпринятаго Шведскимъ Антрополого-Географическимъ Обществомъ. (Напечатано на шведскомъ языкѣ въ газетѣ Ymer, вып. 4). 1899.

167) Ripley, W. The races of Europe. (London). 1900.

168) Rivière, E. Le crâne de Beaulon. (Rev. École Anthr. IX, стр. 405). 1899.

169) Ruggeri, V. Giuffrè. Le sviluppo della faccia in alcune popolazioni dell'Italia superiore. (Atti Soc. Rom. Antrop. VI, вып. 3, стр. 232—237). 1900.

170) Scheŋk, A. Étude préliminaire sur la crâniologie Vaudoise. (Bull. Soc. Vaud. des Sc. nat. XXXV). 1899.

171) — Note sur deux crânes d'Esquimaux du Labrador. (Bull. Soc. Neuchât. de Géogr. XI, стр. 166). 1899.

172) Schmidt, E. Die Vertheilung der Kopfformen in Europa. (Globus. LXXVII, № 14, стр. 217—220). 1900.

173) Schürch, O. Neue Beiträge zur Anthropologie der Schweiz. (Диссерт. Bern). 1899.

174) Sergi, G. De combien le type du crâne de la population actuelle de la Russie centrale diffère-t-il du type de l'époque des kourganes? (Compt. Rend. XII. Congr. int. méd. II, стр. 31—43. Moscou). 1899.

175) — Specie e varietà umane (Torino). 1900.

176) — Crani umani delle antiche tombe di Alfedena. (Atti Soc. Rom. Antropol. VII). 1900.

177) Severo, R. и Cardoso, F. Nota sobre os restos humanos da Caverna neolithica dos Alqueves. (Portugalia I). 1900.

178) Shruballs, F. A study of Bantu skulls and crania. (Journ. Anthr. Inst. Great Britain and Ireland. N S. I, стр. 55). 1899.

179) — Notes on Ashanti skulls and crania. (Тамъ же, стр. 95).

180) da Silva Basto, A. I. Indices cefalicos dos portugueses. (Public. da Socied. antrop. Coimbra). 1898.

181) Soullardue, G. Recherches sur les dimensions des os et les proportions skelettiques de l'homme dans les differentes races. (Bull. Soc. Anthr. Paris. X, стр. 328). 1899.

182) Talko-Hryncewicz, I. Przyczynek do poznania swiata kurhanowego Ukrainy. (Mater. antrop.-arch. i etnogr. IV. Kraków). 1900.

183) Талько-Грынцевичъ, Ю. Замѣтки по антропологии сѣверныхъ китайцевъ. (Труды Троицкос.-Кяхт. Отд. Приам. Отд. И. Русск. Геогр. Общ. II, вып. 3). 1900.

184) Tappeiner, F. Die Capacität der Tiroler Schädel. (Zeitschr. f. Ethnol. XXXI, вып. 5, стр. 201—235). 1899.

185) Tarenetzki, A. Beiträge zur Skelet-und Schädelkunde der Aleuten, Konägen, Kenai und Koljuschen, mit vergleichend-anthropologischen Bemerkungen. (Зап. Имп. Акад. Наукъ по физ.—мат. отд. IX, № 4, Спб.). 1900.

186) v. Török, A. Ueber den Yezoer Ainoschädel etc. IV. Theil. (Arch. f. Anthr. XXVI). 1900.

187) Чугуновъ, С. Матеріалы къ антропологии Сибири. (Изв. Томскаго Унив. XVI). 1900.

188) Turner, W. Australian skulls with 3 supernumerary upper molar teeth. (Journ. of anat. and physiol. XXXIV, стр. 273). 1900.

189) Virchow, R. Der Schädel eines syphilitischen Eskimo von dem Ost-Cap. (Verhandl. Berlin. Ges. f. Anthr. etc. XXXI, стр. 489). 1899.

190) — Ein paar Grabschädel von Reepsholt in Ost-Friesland. (Тамъ же, стр. 490).

191) — Ueber den vielleicht ältesten russischen Schädel der Steinzeit. (Compt. Rend. XII. Congr. int. méd. II, стр. 85—88. Moscou). 1899.

192) Volz, W. Zur somatischen Anthropologie de Battaker in Nord-Sumatra. (Archiv für Anthropol. XXVI, стр. 717). 1900.

193) Vram, U. Secondo contributo allo studio della craniologia dei populi slavi. (Atti Soc. Rom. Antropol. VI, стр. 111). 1899.

194) — Untersuchung der in Aquileja gefundenen Schädel. (Arch. f. Anthropol. XXVI). 1900.

195) Wilser, H. Die Rundköpfe in Europa. (Centralbl. f. Anthropol. I). 1899

196) Zaborovski. Sur les photographies de crânes anciens de l'Égypte. (Bull. Soc. Anthropol. Paris. Sér. IV. T. X, вып. 3, стр. 241—243). 1899.

з) *Деформации черепа, естественныя и искусственныя (включительно трепанации).*

197) François, Ph. Sur la déformation artificielle du crâne chez les Néo-Hébridois. (Miscell. biol. Paris). 1900.

198) Lehmann-Nitsche. Trois crânes, un trépané, un lésionné, un perforé. (Rév. del Museo La Plata. X, стр. 1). 1899.

199) — Der älteste Arzt Argentinien. (Centralbl. f. Anthropol., вып. 1, стр. 52). 1899.

200) v. Luschan, F. Ueber Trepanation und verwandte Operationen bei den alten Bewohnern von Teneriffa. (Compt. rend. XII congr. int. méd. II, стр. 27—28. Moscou). 1899.

201) Munro, R. Notes on prehistoric trepanning in the old and new worlds. (Soc. Proc. antiq. Scotland. XXXII, стр. 220). 1898.

202) Pick, L. Ein Fall von Schädeldeformität. (Deutsche med. Wochenschr. XXV). 1899.

203) Regnault, F. Les déformations crânio-faciales. (Travaux de neurol. chirurg. IX, вып. 2, стр. 151). 1899.

204) — Oblitération prématurée des sutures crâniennes, mécanisme des déformations. (Bull. et Mém. Soc. Anthropol. Paris. Sér. V. T. I, вып. 1, стр. 55—60). 1900.

205) Tietze, F. Due crani scatoidei. (Atti Soc. Veneto-Trentina di Sc. Nat. Sér. II Vol. IV, вып. 1, стр. 121—132). 1900.

206) Trojanović, S. Die Trepanation bei den Serben. (Corr.-Bl. Deutsche Ges. f. Anthropol. XXXI, № 3, стр. 18—23). 1900.

207) Всеволожскій, В. Обь измѣненіяхъ формы черепа, зависящихъ отъ естественныхъ причинъ. (Диссерт. Спб.). 1899.

и) *Черепъ преступниковъ.*

208) Pitard, E. A propos d'une série de 51 crânes de criminels. (Arch. des sciences phys. et nat. Genève VII, стр. 70). 1899.

209) — Étude de 51 crânes de criminels français. (Bull. Soc. Anthropol. Paris. IX, стр. 237). 1898.

к) *Микроцефалия и друія болѣзненные измѣненія формы черепа.*

210) Blumenau, L. Ein Fall von Mikrokephalie. (Neurol. Centr. XVIII, стр. 502). 1899.

211) Frey, G. Beschreibung eines Mikrokephalenschädels. (Arch. f. Anthropol. XXVI). 1900.

212) Гизе, Э. Случай микроцефалии. (Тр. Антроп. Общ. при Воен.-Медиц. Акад. IV, стр. 157). 1899.

213) Hanse mann, D. Zwei Fälle von Mikrokephalie. (Stuttgart) 1899.

214) Krauss, W. The head of degenerates with types of cranial, facial and cerebrales malformations. (Cleveland med. journ. IV, стр. 157). 1899.

215) Lehmann, A. Ein Fall von Mikrokephalie und Mikrenkephalie und Missbildungen des Urogenitalapparates und der unteren Extremitäten. (Диссерт. Greifswald) 1899.

216) Mahler, E. Ein Beitrag zur Theorie der Hemicephalie. (Диссерт. Тг-bingen). 1898.

- 217) Mayet, L. L'indice céphalique des épileptiques. (Lyon méd. № 28, стр. 338). 1899.
- 218) Michaelis, G. Zwei Fälle angeborener Mikrokephalie. (Münch. Med. Wochenschr.). 1900.
- 219) Mingazzini. Ein Fall von Mikrokephalie. (Verh. LXXI. Vers. Deutsch. Naturf. u. Aerzte. II 2, стр. 280—283). 1900.
- 220) Neumann, H. Ueber den mongoloiden Typus der Idiotie. (Berlin. Klin. Wochenschr. XXXVI, № 10). 1899.
- 221) Pilez, A. Ein weiterer Beitrag zur Lehre von der Mikrokephalie. (Jahrb. f. Psych. u. Neurol. XVIII, вып. 3, стр. 526). 1899.
- 222) Regnault, F. Le crâne rachitique. (Revue des mal. de l'enfance. XVII, стр. 540). 1899.
- 223) Ruggeri, V. Giuffr. Su alcuni crani idrocefalici. (Riv. sper. fren. XXIV). 1899.
- 224) Shattock. An acromegalic skull and that of a normal giant. (Trans. Path. Soc. L, стр. 185). 1899.

IV. Позвоночный столб и туловище.

- 221a) Адольфи, Г. О взаимномъ отношеніи появленія т. наз. шейныхъ реберъ etc. (Газ. „Врачъ“, № 45). 1900.
- 225) Bardeen, Ch. Costo-Vertebral variation in Man. (Anatom. Anz. XVIII, № 15—16, стр. 377—382). 1900.
- 226) Bolk, L. Ueber die Persistenz foetaler Formerscheinungen bei einem erwachsenen Manne. Ueber eine Wirbelsäule mit nur 6 Halswirbeln. (Morphol. Jahrb. XXIX, стр. 78—93). 1900.
- 227) — Варианты на границѣ головной и шейной части позвоночника человека и ихъ значеніе. (Nederl. Tijdschr. voor Geneesk. I). 1899.
- 228) Bramkamp, H. Ein Beitrag zu den Deformitäten des Brustkorbes. (Диссертация. Würzburg). 1899.
- 229) Debierre. Quelques considérations sur l'ossification de la première vertèbre cervicale (atlas). (Compt. Rend. XII Congr. int. méd. II, стр. 68). 1899.
- 230) Jefferies, F. B. A case of incomplete development of the third and fourth ribs. (Lancet, May). 1900.
- 231) Kingsley. The foramina of the scapula. (Abstr. Science N. S. XI, № 266, стр. 167). 1899.
- 232) Low, A. Description of a specimen in which there is a rudimentary first rib along with 13 pairs of ribs and 25 presacral vertebrae. (Journ. of anat. and physiol. XXXIV, p. 451). 1900.
- 233) Morestin, H. Côtes surnuméraires cervicales et lombaires. (Bull. Soc. anat. I, стр. 401). 1899.
- 234) Mouchet, A. Scoliose congénital. (Bull. et Mém. Soc. anatomique Paris, стр. 972—976). 1899.
- 235) Papillault, G. Variations numériques des vertèbres lombaires chez l'homme, leur causes et leur relation avec une anomalie musculaire exceptionnelle. (Bull. Soc. Anthropol. de Paris IX, стр. 198). 1898.
- 236) Paterson. The sternum; its early development and ossification in Man and Mammals. (Journ. of anat. and physiol. XXXV. N. S. XV. P. I. стр. 21—32). 1900.

- 237) Pennato, P. Considerazioni sulla morfologia del torace. (Atti R. Istit. Veneto. Sc. Lett. ed. Arti. LIX, вып. 5, стр. 335—340). 1899/1900.
- 238) Péré, V. Les courbures latérales normales du rachis humain. (Thèse de Toulouse). 1900.
- 239) Philips, L. Two cases of cervical ribs. (Journ. of anat. and physiol. XXXIV.). 1900.
- 240) Regnault, F. Fusion congénitale partielle de l'occipitale et de l'atlas. (Bull. et Mém. Soc. anat. Paris. Sér. 14. T. II, стр. 691—694). 1900.
- 241) Rothschild, D. Der Sternalwinkel (Angulus Ludovici) in anatomischer, physiologischer und pathologischer Hinsicht. (Frankfurt a. M.). 1900.

V. Т а з а.

- 242) Birmingham, Dissection of the Pelvis. (Journ. of anat. and physiol. N. S. XV, вып. 1). 1900.
- 243) Koganei, Y. u Osawa, C. Das Becken der Aino und der Japaner. (Mitth. d. med. Fakult. zu Tokio). 1900.
- 244) Лутохиянъ, М. Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза. (Тр. Антр. Отд., XIX). 1899.
- 245) Muggia, R. Sopra alcuni diametri pelvici materni e fetali. (Ann. di ostetr. e ginec. XXI, вып. 2, стр. 136). 1899.
- 246) Saulieu, F. et Dubois, A. Os iliaque. (Conf. p. l'Extern. d'hôp. de Paris, вып. 4, стр. 84—88). 1900.
- 247) Sergi, G. L'indice ilio-pelvico o un indice sessuale del bacino nelle razze umane. (Clinica ostetr., стр. 102) 1899.
- 248) Stratz, C. H. Der Werth der Lendengegend für anthropologische und obstetrische Messungen. (Arch. f. Anthropol. XXVII, стр. 117). 1900.
- 249) Thomson, A. The sexual differences of the foetal pelvis. (Journ. of anat. and physiol. XXXIII, вып. 3, стр. 350 u Transact. obstetric. Soc. V, стр. 279). 1899.
- Waldeyer, W. Das Becken. (Bonn). 1899.

VI. К о н е ч н о с т и.

- 250) Audion, P. Polydactylie des mains et des pieds. (Bull. et Mém. Soc. anat. de Paris, стр. 1072). 1899.
- 251) Bader, P. Demonstration der Entwicklung des menschlichen Fusskelltes von der neunten Embryonalwoche bis zum 18 Jahre nach Röntgenbildern. (Verh. LXXI. Vers. Deutsch. Naturf. u. Aerzte. II², стр. 463—467). 1900.
- 252) — Die Ossification des menschlichen Fusskelltes. (Fortschr. a. d. Gebiete d. Röntgenstrahlen. III, стр. 134). 1900.
- 253) Baumüller, I. Das menschliche Femur nebst Beiträgen zur Kenntniss der Affenfemora. (Ducsept. Augsburg). 1899.
- 254) — Menschen-und Affenfemur. (Corr.-Bl. Deutsch. Ges. f. Anthropol. XXX, № 11—12, стр. 157—160). 1900.
- 255) Benedikt, A. A case of polydactylism. (Med. News LXXVI). 1900.
- 256) Bertaccheni, P. Zoomimetismo da impressione materna? (Anatom. Anz. XVII, вып. 21—22, стр. 401—428. Июнь). 1900.
- 257) Bieder, H. Ueber gleichzeitiges Vorkommen von Brachy-und Hyperphalangie an der Hand. (Deutsch. Arch. f. klin. Medic. LXVI, стр. 330). 1899.

- 258) Boissard. Syndactylie et polydactylie. (Bull. Soc. obstétr. de Paris). 1899.
- 259) Bolk. Die Segmentaldifferenzirung des menschlichen Rumpfes und seiner Extremitäten. (Morphol. Jahrb. XXVIII, вып. 1, стр. 105). 1899.
- 260) Casse, G. Voute plantaire; essai sur sa formation, sa constitution, sa mensuration pratique. (Thèse de Lyon). 1900.
- 261) Clark, P. Phocomelus of the humerus in epilepsy as a stigma of degeneration. (New-York med. journ. LXIX, вып. 19). 1899.
- 262) Corner, E. The Varieties and Structure of the Patella of Man. (Journ. of anat. and physiol. XXXIV. N. S. XIV, вып. 3, стр. 27—28). 1900.
- 263) Debierre, Ch. La polydactylie est-elle de nature atavistique? (Compt. rend. XII congr. int. méd. II, стр. 28). 1899.
- 264) Edington, G. Defective development of forearm bones. (Glasgow méd. journ. LIII, стр. 390). 1900.
- 265) Fargeas, I. Étude sur l'absence congénitale de la rotule. (Thèse de Paris). 1900.
- 266) Ferenczi, A. Hyperdactylia. (Ung. med. Presse V). 1900.
- 267) Frassetto. Sul significato ereditario del foro olecránico nella specie umana. (Riv. di scienze biolog. I). 1899.
- 268) Froelich, R. Un cas d'absence congénitale du péroné. (Gaz. hebdom. XLVII, № 5, стр. 49—51). 1900.
- 269) Fuerst, G. Ein Fall von verkürzten und zweigliederigen Fingern. (Zeitschr. f. Morph. u. Anthropol. II, стр. 56). 1899.
- 270) Gérard, G. L'apophyse sus-épitrochléenne; observations personnelles et statistiques. (Bull. Soc. de Méd. du Dép. du Nord, стр. 208—233). 1900.
- 271) Hahn, H. Röntgographische Untersuchungen über das Verhalten der Epiphysen der Unterschenkelknochen während der Wachstums. (Festschr. z. LXX. Geburtstag von C. v. Kupffer, стр. 731—750. Jena). 1899.
- 272) Hrdlicka, A. An anomalous ulna: supracapital foramen. (Americ. Antropologist I, стр. 248). 1899.
- 273) Hübscher, C. Ueber den Cubitus femininus. (Deutsche Zeitschr. f. Chir. LIII, вып. 5—6, стр. 445—476). 1899.
- 274) Jeanbrau. Ectrodactylie avec malformations congénitales diverses. (Nouv. Montpellier méd. № 11 стр. 343—444). 1900.
- 275) Joachimsthal. Verdoppelung des linken Zeigefingers und Dreigliederung des rechten Daumens. (Berlin. klin. Wochenschr. XXXVII, № 38). 1900.
- 276) Klaussner, F. Ueber Missbildung der menschlichen Gliedmassen und ihre Entstehungsweise. (Wiesbaden). 1899.
- 277) — Ein Beitrag zur Kasuistik der Spalthand und zur Frage der Vererbbarkeit eines durch Verletzung gesetzten Defektes. (Festschr. z. LXX. Geburtstag von C. v. Kupffer. Strp. 33—52. Jena). 1899.
- 278) Klippel, M. et Rabaud, E. Anomalie symétrique de deu mains. (Gaz. hebdom. XLVII). 1900.
- 279) Landouzy. Camptodactylie. (Cinquant de la Soc. de biol., стр. 309). 1899.
- 280) Lanz, O. Ein Fall von Syndactylie mit Brachydactylie. (Centralbl. f. Chir., № 48). 1898.
- 281) LeFort, R. Deux cas d'ectrodactylie. (Echo méd. du Nord. IV). 1900.
- 282) Lereboullet, P. et Allard, F. Un cas de malformation digitale dite en „pince de homard“. (Nouv. iconogr. Salpetr. № 3, стр. 250—252). 1900.

- 283) *Liprandi*. Angolo femorale in rapporto all'età. (Giorn. di med. leg. VI, стр. 2). 1899.
- 284) *Margliano*, D. Di alcune particolarità di struttura dell'olecrano. (Monit. zool. ital. X, вып. 5, стр. 130). 1899.
- 285) *Menke*, W. Ein Fall von Verdoppelung der Zeigefinger. (Arch. f. Anat. und Phys., phys. Abth., стр. 245). 1899.
- 286) *Münter*, O. Congenitale Luxation des Radiusköpfchens mit Vererbung. (Duccepr. Erlangen). 1899.
- 287) *Musumeci*, A. Sopra un caso singolare di terzo condilo. (Monit. zool. ital. VIII, № 5, стр. 172—175). 1900.
- 288) *Nicoll*, I. Case of congenital absence of a number of bones in hands and feet. (Glasgow med. journ. LIII, стр. 260). 1900.
- 289) *Oriot*, G. Contribution à l'étude de la syndactylie. (Thèse de Paris). 1899.
- 290) *Parra*, P. Quelques réflexions sur l'homologie des extrémités supérieures et inférieures. (Compt. rend. XII congr. int. méd. II). 1899.
- 291) *Regnault*. Cause de la perforation d'olecrâne. (Compt. Rend. Assoc. des anatom. I session, стр. 102). 1899.
- 292) — Forme du cubitus dans la pronation permanente de l'avant-bras. (Bull. et Mém. Soc. anat. Paris, sér. VI. T. II, стр. 243—245). 1900.
- 293) — Forme des surfaces articulaires des membres inférieures. (Bull. Soc. anthropol. Paris. IX, стр. 535). 1898.
- 294) *Ricoux*. Note sur une malformation rare de la main chez une aliénée. (Arch. d'Anthropol. crimin. № 85, стр. 64—66). 1900.
- 295) *Rieder*, H. Eine Familie mit dreigliederigem Daumen. (Zeitschr. f. Morphol. u. Anthropol. II, вып. 2, стр. 177—197). 1900.
- 296) — Ueber gleichzeitiges Vorkommen von Brachy- und Hyperphalangie an der Hand. (Deutsch. Arch. f. klin. Méd. LXVI, стр. 330). 1899.
- 297) *Saulieu*, I. et *Dubois*, A. Tiers supérieur du femur. (Conf. p. l'Extern. d. hôp. de Paris. вып. 4, стр. 88—93). 1900.
- 298) *Savornin*, A. Contribution à l'étude de l'absence congénitale du radius (main bote). (Thèse. Lyon). 1899.
- 299) *Schüler*, M. Syndactylie mit überschüssiger Phalangenanlage. (Fortschr. a. d. Geb. d. Röntgenstr. II, стр. 61). 1898.
- 300) *Stieda*, L. Nouvelle comparaison des membres thoraciques et pelviens chez l'homme et les quadrupèdes. (Compt. Rend. XII Congr. int. méd. II, стр. 43). 1899.
- 301) *Sträter*. Ein Fall von Polydactylie des Daumens. (Fortschr. a. d. Geb. d. Röntgenstr. III, стр. 65). 1899.
- 302) *Symington*, I. Separate acromion process. (Journ. of anat. and physiol. XXXIV, стр. 287). 1900.
- 303) *Tausch*. Ueber den angeborenen Defekt der Fibula. (Verh. LXXI. Vers. Deutsch. Naturf. u. Aerzte. II, стр. 139—140). 1900.
- 304) *Taylor*, F. A case of congenital macro-dactylism. (Pediatrics). 1899.
- 305) *Tenchini*, L. Di un singolare processo osseo della diafisi del femore umano. (Monit. zool. ital. XI, № 7, стр. 218—223). 1900.
- 306) *Tilanus*. Extrodactylie. (Nederl. Tijdschr. voor Geneesk XXXV, стр. 270). 1899.
- 307) *Ugolini*. Sull'apofisi sopraepitrochleare dell'uomo nei normali e nei delinquenti. (Arch. di psich. XX). 1899.

308) V a l e n t i, G. Pollici e alluci con tre falangi. (Rendic. d. Sess. d. R. Academ. d. Sc. d. Istit. Bologna. N. S. IV, вып. 1, стр. 37—39). 1899—1900.

309) V i r c h o w, H. Das Skelet der ulnarwärts abducirten und radialwärts abducirten Hand. (Zeitschr. f. Morphol. und Anthropol. I, вып. 3, стр. 453—482). 1899.

310) V u i l l a u m e, G. Contribution à l'étude de l'absence congénitale du tibia. (Thèse. Lyon). 1898.

311) W e r t h e i m-S a l o m o n s o n, I. Ein seltener Fall von Polydactylie. (Fortschr. a. d. Geb. d. Röntgenstr. IV, вып. 1, стр. 42—43). 1900.

312) W i l d t, A. Ein abnormes Sesambein auf der Rückseite des Kniegelenkes. (Fortschr. a. d. Geb. d. Röntgenstr. III, стр. 188). 1900.

313) W i l g r e s s, I. A note of the development of the external malleolus. (Journ. of anat. and physiol. XXXIV). 1900.

314) W o l f. Zwei Fälle angeborener Missbildungen: Mangel beider Knie-scheiber, Fingerdifformität. (Münch. med. Wochenschr. XLVII, № 22, стр. 766—767). 1900.

315) v. W y s s, R. Beitrag zur Kenntniss des Entwicklung des Skelettes von Cretinen und Cretinoiden. (Диссерт., Hamburg. 1899. См. также: Fortschr. a. d. Geb. d. Röntgenstrahlen III, стр. 18 и 48 за тот же годъ).

Р. Вейнберг.

Проф. Д. Н. Зерновъ. По вопросу о морфологическомъ значеніи хвостовидныхъ придатковъ у человека. (Сообщено въ заседаніи Московскаго Общества Испытателей Природы 15 февраля 1901 г.). 33 стр. in 8°. Съ рис. въ текстъ. Москва, 1901.

Въ русской литературѣ за послѣднее десятилѣтіе уже нѣсколько разъ сообщались случаи развитія у человѣка такихъ образований, которыя, по своему мѣстоположенію и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ, на первый взглядъ способны напоминать собою хвостъ животныхъ. Къ числу этихъ случаевъ авторъ приведенной статьи присоединяетъ еще одно аналогичное наблюденіе, не лишенное нѣкоторыхъ особенностей въ сравненіи съ прежде описанными. У молодого 24-лѣтняго субъекта въ крестцовой области, соответственно уровню перваго крестцоваго позвонка, была констатирована наличность конического отростка, длиною въ 6 сант., направленнаго въ сторону и слегка завитого на подобіе спирали, покрытаго, по обыкновенію, густыми волосами и въ общемъ напоминавшаго собою форму свиного хвоста. Сильно тяготясь своимъ уродствомъ, упомянутый субъектъ согласился на производство операции, благодаря чему ампутированный придатокъ поступилъ въ руки анатома и могъ быть подвергнутъ всестороннему изученію. Цѣлая серія микроскопическихъ препаратовъ, приготовленныхъ изъ основного отдѣла придатка на протяженіи одного сантиметра, обнаружила въ ткани его всюду только жиръ и кожу, — мышцы и въ особенности кости отсутствовали вовсе. Въ виду этого авторъ причисляетъ настоящій свой случай къ категоріи т. наз. мягкихъ или ложныхъ хвостовидныхъ образований, отгнѣняя при этомъ, что обнаруженные подъ основаніемъ придатка несомнѣнные признаки т. наз. *spinae bifidae* (въ видѣ отверстія въ недоразвитой дугѣ позвонка) должны служить указаніемъ на *патологическое происхожденіе* хвостообразнаго придатка въ данномъ и ему подобныхъ случаяхъ, о которыхъ упоминаетъ уже Wiedersheim, высказывая предположеніе, что ложные хвосты, по всей вѣроятности, обусловливаются мѣстнымъ расщепленіемъ

позвоночныхъ дугъ. По отношенію къ сущности явленія авторъ поясняетъ, что на мѣстѣ недоразвитыхъ позвоночныхъ дугъ, благодаря повышенному внутримозговому давленію, можетъ произойти не только грыжеобразное вытягиваніе наружу спинномозговыхъ оболочекъ, а могутъ подвергаться выбуханію одни только наружные покровы—кожа и подкожная жировая кѣтчатка. Съ этой точки зрѣнія т. наз. ложные хвостовидные придатки въ извѣстныхъ случаяхъ слѣдовало бы разсматривать, какъ проявленіе патологическаго процесса развитія спинномозговой грыжи или, говоря словами автора, какъ низшую степень развитія грыжи надъ мѣстомъ, гдѣ дуги позвонковъ представляются недоразвитыми. Высказывая настоящій свой взглядъ пока только какъ предположеніе, не лишнее вѣроятности, и съ извѣстною оговоркою, авторъ въ то же время путемъ подробнаго анализа литературы вопроса приходитъ къ заключенію, что ни одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ, гдѣ у человѣка наблюдалось развитіе хвостовидныхъ образований, не можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ въ пользу атаксистической природы разбираемаго явленія. Присутствіе волосъ на поверхности подобныхъ придатковъ, а также ихъ вѣншее сходство со свинными хвостами,—факты, служившіе не разъ какъ доводы въ пользу тероморфнаго значенія хвостовидныхъ образований у человѣка,—по мнѣнію автора, теряютъ всякое значеніе въ виду того, что тѣми же признаками могутъ обладать также хвосты, несомнѣнно принадлежащіе къ категоріи ложныхъ и по этой причинѣ съ хвостомъ животныхъ ничего общаго не имѣющіе. Нельзя не согласиться, что анатомамъ надлежитъ соблюдать большую осторожность въ дѣлѣ квалификаціи несомнѣнныхъ уродствъ въ смыслѣ проявленій возврата къ звѣреподобному типу, особенно тогда, когда подобная квалификація не основана на твердыхъ научныхъ основаніяхъ. Авторъ справедливо высказываетъ свое сожалѣніе по поводу того тяжелаго и незаслуженнаго нравственнаго гнета, который несутъ на себѣ субъекты, обремененные уродствомъ звѣреподобныхъ придатковъ на своемъ тѣлѣ. Но все же, по нашему мнѣнію, не должно выпускать изъ виду, что развитіе хвостовидныхъ придатковъ у человѣка представляетъ изъ себя не простое, однородное, а, по всей вѣроятности, сложное явленіе, которое въ различныхъ случаяхъ можетъ быть обусловлено различными условіями. Мы этимъ хотимъ сказать, что существуютъ хвостовидные придатки несомнѣнно *тератологическаго характера*, причемъ въ однихъ случаяхъ они развиваются на почвѣ недоразвитія позвоночныхъ дугъ, какъ частичныя явленія спинномозговой грыжи, въ другихъ—на почвѣ слѣпчивыхъ воспалительныхъ процессовъ кожи и амниотической оболочки въ ранніе періоды внутриутробной жизни индивидуума, а еще въ другихъ случаяхъ, можетъ быть, и въ зависимости отъ другихъ причинъ и условій, намъ ближе еще неизвѣстныхъ, но по ихъ существу носящихъ на себѣ явно патологическій отпечатокъ. Къ тератологическому типу относится, повидимому, даже громадное большинство наблюдавшихся до сихъ поръ случаевъ развитія хвоста у человѣка. Но тѣмъ не менѣе остается скрытой возможность существованія и такихъ случаевъ, гдѣ хвостовидный придатокъ проявляется на совершенно иной почвѣ, совершенно чуждой предѣламъ патологической жизни, и гдѣ мысль о тероморфизмѣ даннаго явленія имѣетъ въ пользу себя достаточно серьезныя доводы. Къ этой второй категоріи случаевъ хвостатости можетъ быть отнесенъ, казалось бы, прежде всего случай, наблюдавшійся Hennig'омъ и подробно обследованный съ анатомической стороны Rauber'омъ. Какъ бы то ни было, *возможность* развитія хвостовидныхъ придатковъ иного, чѣмъ тератологическаго происхожденія, не можетъ быть вполнѣ отвергнута и, къ слову сказать, не отвергается и самими

авторомъ, утверждающимъ лишь то, что строго научныя, вполне несомнѣнные доказательства въ пользу атаквистической природы разсматриваемаго явленія еще никѣмъ до сихъ поръ не были представлены.

Р. Вейнбергъ.

М. А. Тихоміровъ. Варіанты артерій и венъ человѣческаго тѣла въ связи съ морфологіею кровеносной сосудистой системы. VII+ +373 стр. in 8°, съ 68 рис. въ текстѣ. Кіевъ, 1900.

Въ ряду наиболѣе выдающихся явленій повѣйшей анатомической литературы весьма важное мѣсто занимаетъ приводимый крупный трудъ извѣстнаго кіевского анатома. Основываясь не только на долготѣлнхъ, многочисленныхъ собственныхъ изслѣдованіяхъ по вопросу объ устройствѣ и варіантахъ сосудистой системы (здѣсь достаточно указать, между прочимъ, на помѣщенную въ «Трудахъ Антропологическаго Отдѣла», т. VI, вып. 2, работу объ артеріяхъ человѣческаго мозга), но и на почвѣ цѣлаго арсенала литературныхъ источниковъ, авторъ въ настоящей своей монографіи предлагаетъ ученому міру обстоятельное, подробное и въ то же время ясное и сжатое изложеніе одного изъ наиболѣе трудныхъ и сложныхъ звеньевъ морфологіи человѣческаго тѣла, съ полнотой, достижимою вообще при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній и далеко не достигнутою никѣмъ изъ предшествующихъ авторовъ, трактовавшихъ ученіе объ аномаліяхъ и варіантахъ сосудистой системы. Въ современной морфологической литературѣ, послѣ открытія многочисленныхъ новыхъ фактовъ въ области сравнительной анатоміи и особенно въ области исторіи развитія (онтогенеза) сосудистой системы, давно уже ощущалась дѣйствительная потребность въ такомъ трудѣ, какимъ является монографія проф. Тихомірова и который позволилъ бы подвести итогъ результатамъ, достигнутымъ, благодаря совмѣстнымъ усиліямъ почти безконечнаго ряда изслѣдователей въ продолженіе многихъ десятильетій. Не слѣдуетъ, однакоже, думать, чтобы трудъ автора представлялъ изъ себя обыкновенный сухой перечень собственныхъ и чужихъ наблюденій, систематическое описаніе и сопоставленіе голыхъ фактовъ, лишенныхъ всякой между собою взаимной связи и должествующихъ быть принятыми просто «къ свѣдѣнію». Уже одно имя почтеннаго автора исключаетъ возможность подобнаго предположенія; одинъ даже самый поверхностный взглядъ на страницы разбираемой книги сразу убѣждаетъ насъ въ томъ, что изложеніе автора предназначено открыть въ читателѣ глубокое пониманіе трактуемыхъ явленій, выясняя ихъ біологическій смыслъ и ихъ общее естество-историческое значеніе.

Длинный, но зато единственный вѣрный путь, могущій привести къ уясненію наблюдаемыхъ у человѣка многочисленныхъ вариантовъ устройства сосудистой сѣти, коренится въ обширной области сравнительной морфологіи. Съ особенностями этого пути мы на каждомъ шагѣ встречаемся, слѣдя за изложеніемъ автора. Какъ при изученіи многихъ другихъ областей человѣческаго и животнаго организма, такъ и при внимательномъ анализѣ устройства сосудистой системы на каждомъ шагѣ приходится снова убѣждаться въ томъ, что человѣкъ далеко не занимаетъ исключительнаго положенія среди другихъ существъ, что онъ нигдѣ не стоитъ одиноко, а, напротивъ, связанъ неразрывными узами съ другими представителями царства животныхъ. «Варіанты развитія артерій и венъ въ тѣлѣ человѣка представляютъ ту же фило-и онтогенетическую законность», какая наблюдается въ длинномъ рядѣ другихъ существъ, стоящихъ на болѣе низкой ступени организаціи. «Сравнительная

эмбриология», — продолжает авторъ, — установила законы, которые смѣло можно переносить и на человѣка, такъ какъ все, что до сихъ поръ изучено на человѣческомъ зародышѣ, не противорѣчитъ, а согласуется съ этими законами: человѣкъ, какъ по устройству его взрослого организма, такъ и по его эмбриональному развитію, не можетъ быть выдѣленъ изъ царства животныхъ». «Мало того: среди вариантовъ артерій и всего человѣка встрѣчаются формы, которые должно причислить къ атавистическимъ, т.-е. представляющимъ собою возвратъ къ устройству, свойственному видамъ позвоночныхъ, стоящихъ по организаціи ниже человѣка; уяснить себѣ подобные варианты возможно только, опираясь на сравнительно-анатомическія и эмбриологическія данныя».

Вотъ вкратцѣ тѣ основанія, на которыхъ покоится научное зданіе, сооруженное авторомъ въ своемъ трудѣ и обнимающее собою поистинѣ огромный матеріалъ фактовъ, на объемъ которыхъ краснорѣчиво указываетъ обширный библиографическій обзоръ, помѣщенный въ концѣ книги. Что же касается ближайшаго способа изложенія, то особое преимущество его заключается, между прочимъ, въ томъ, что каждому отдѣлу предпосылается, какъ бы въ видѣ введенія, сжатое и интересное разсмотрѣніе общей морфологіи отдѣльных составныхъ частей сосудистой системы, гдѣ мы знакомимся также съ тѣми общими морфологическими началами, отъ которыхъ должно зависѣть все наблюдаемое разнообразіе въ развитіи кровеносныхъ путей. По отношенію напр. къ артеріямъ мы убѣждаемся, что сущность ихъ вариантовъ сводится, по замѣчанію автора, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ тремъ условіямъ: 1) къ усиленному развитію въ эмбриональномъ періодѣ анастомотическихъ путей подъ вліяніемъ *механическихъ причинъ*, причемъ главный артеріальный стволъ утрачиваетъ свое значеніе и перестаетъ быть главной артеріей; въ этихъ случаяхъ т. наз. нормальная артерія либо замѣняется другою (побочною), либо значительно уменьшается въ объемѣ, и функція ея выполняется новою, на-ряду съ нею развившеюся артеріей, либо, наконецъ, вовсе выпадаетъ, замѣщаясь артеріальною анастомотическою цѣпью. Рѣзкими примѣрами этихъ явленій могутъ служить разнообразныя варьянты плечевой артерій, артерій закрытой дыры и глубокой шейкой артерій. 2) Къ временному *нарушенію въ эмбриональной жизни соотношенія роста частей организма*, вслѣдствіе чего происходитъ *смыщеніе начала данной артеріи*; она при этомъ начинается выше или ниже нормы, или начало ея передвигается даже на другой главный стволъ (примѣръ: отхожденіе позвоночной артерій отъ дуги аорты); или близко другъ отъ друга отходящія вѣтви своими началами сливаются въ одинъ необычный (примѣръ: совмѣстное отхожденіе подъязычной и наружной челюстной отъ сонной артерій); или, наконецъ, вѣтви, обычно начинающіяся однимъ общимъ для нихъ стволикомъ, пріобрѣтаютъ раздѣльное самостоятельное начало (примѣръ: распаденіе возвратной локтевой артерій на переднюю и заднюю). 3) Къ развитію артеріальной системы соответственно болѣе или менѣе отдаленнымъ ступенямъ филогенеза: сюда относятся, между прочимъ, такіе т. наз. атавистическіе варианты сосудистой системы, какими являются, напр., двойная дуга аорты, правосторонняя аорта и т. п.

Обозрѣвая все огромное богатство сосудистыхъ вариантовъ, обусловленныхъ тѣми или иными изъ только-что перечисленныхъ факторовъ, мы убѣждаемся воочию, что наклонность къ развитію артеріальныхъ вариантовъ далеко не одинаково велика въ различныхъ областяхъ человѣческаго тѣла. Это послѣднее явленіе заслуживаетъ особаго вниманія и съ антропологической точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что въ области верхней конечности мы встрѣ-

чаемъ у человѣка такое изобиліе сосудистыхъ (и, какъ извѣстно, также мышечныхъ) варіацій, какого въ другихъ мѣстахъ человѣческаго организма нигдѣ не наблюдается. Филогенезъ верхней конечности, повидимому, далеко не достигъ своего конечнаго фазиса, а находится еще, такъ сказать, въ полномъ движеніи, и, имѣя въ виду такіа филогенетическія отношенія, становится легко понятнымъ тотъ фактъ, что дистальные отдѣлы верхнихъ конечностей обнаруживаютъ гораздо большее богатство осложнений въ устройствѣ своихъ составныхъ элементовъ по сравненію съ проксимальными, такъ какъ первые въ продолженіе филогенеза человѣка подвергались наиболѣе рѣзкимъ измѣненіямъ своей формы и своихъ отправленій.

На подобныя же морфологическія начала, какими обуславливаются варианты артерій, могутъ быть сведены также многочисленныя уклоненія отъ типическаго устройства венозной системы. Лимфатическая система еще не подвергнута обработкѣ въ разбираемомъ сочиненіи.

Невыясненнымъ остается также вопросъ относительно *расово-анатомическаго значенія кровеносныхъ сосудовъ и ихъ вариантовъ*. На долю будущихъ изслѣдованій въ области изученія организаціи человѣческихъ племенъ, программа которыхъ со-временемъ должна будетъ обнимать собою и т. наз. мягкія части организма, выпадаетъ задача установить, существуютъ-ли у различныхъ расъ сколько-нибудь замѣтныя отличія по частотѣ наиболѣе важныхъ сосудистыхъ вариантовъ, или наблюдаются ли послѣдніе одинаково часто у всѣхъ представителей рода *hominis sapientis*. Этимъ самымъ мы желали бы указать на одинъ изъ тѣхъ открытыхъ вопросовъ анатоміи человѣческихъ расъ, разрѣшенію котораго могли бы со-временемъ способствовать врачи и анатомы, разбѣянные по различнымъ мѣстностямъ земного шара.

Р. Вейнбергъ.

Стопницкій С. О. Къ вопросу о полидактиліи („Труды Физико-Медицинскаго Общества при Московскомъ Универ.“ 1900 г., № 14.)

Авторъ весьма подробно приводитъ литературу вопроса о полидактиліи, причемъ оказывается, что уже Груберомъ указано 127 случаевъ шестипалыхъ конечностей (52 индивидуума имѣли лишній большой палецъ и 75—лишній мизинецъ). Гораздо рѣже наблюдаются случаи, когда лишній палецъ имѣетъ свою собственную пястную (плюсневую) кость. Такого рода полидактилію можно считать самой совершенной: здѣсь лишніе пальцы не только по виду не отличаются отъ сосѣднихъ нормальныхъ, но обладаютъ обыкновенно полнымъ самостоятельнымъ движеніемъ, что указываетъ на существованіе отдѣльныхъ сухожилій мышцъ, идущихъ къ этимъ пальцамъ. Г. Стопницкій приводитъ встрѣтившійся ему случай такого рода, гдѣ у парня 28 лѣтъ имѣлись вполне развитые лишніе мизинцы на обоихъ ногахъ и на лѣвой рукѣ (рис. 1, 2 и 3). Всѣ добавочные пальцы были трехфаланговые, причемъ фаланги ихъ на ногахъ соединены подвижными суставами, а на рукѣ—путемъ анкилоза. Добавочный палецъ лѣвой руки соединялся посредствомъ истиннаго сустава съ пястной костью нормальнаго пальца. То же самое наблюдалось на правой ногѣ. На лѣвой же ногѣ у добавочнаго пальца имѣлась собственная плюсневая кость. Случай, описываемый г. Стопницкимъ, интересенъ еще тѣмъ, что у отца и старшаго брата этого парня имѣется точно такая же аномалія. Отецъ парня сообщалъ автору, что у его отца тоже было на одной рукѣ шесть пальцевъ. Итакъ здѣсь можно установить наследственность въ трехъ поколѣніяхъ.

Рис. 2.

Рис. 1.

Случаи семипалыхъ конечностей встрѣчаются рѣже и, по мнѣнію Грубера, при этомъ имѣется чаще всего пять пястныхъ костей, рѣже—шесть. Случаи восьмипалыхъ конечностей Груберомъ собрано четыре (два раза на рукѣ и два раза на ногѣ); число плюсневыхъ костей въ одномъ случаѣ соответствовало нормальному числу пальцевъ. Изъ позднѣйшей литературы авторомъ приводится еще четыре случая восьмипалой конечности. Случаевъ девятипалыхъ конечностей въ литературѣ извѣстно четыре, а съ десятью пальцами—два.

Рис. 3.

Явленій съ большимъ, чѣмъ десять, числомъ пальцевъ не наблюдалось, а потому встрѣтившійся г. Стопницкому случай полидактиліи, гдѣ на лѣвой ногѣ имѣлось одиннадцать пальцевъ, долженъ считаться весьма рѣдкимъ, если не единственнымъ въ литературѣ. Въ одномъ изъ незначительныхъ посадовъ Люблинской губ. авторъ встрѣтилъ въ бѣдномъ еврейскомъ семействѣ дѣвочку 12 лѣтъ, у которой на лѣвой ступнѣ имѣлось одиннадцать пальцевъ (рис. 4),

расположенныхъ слѣдующимъ образомъ: съ наружной стороны лежатъ въ рядъ въ одной плоскости четыре, по виду нормально развитыхъ, пальца; далѣе, вмѣсто большого нормального пальца слѣдуетъ пятый укороченный палецъ, по толщинѣ нѣсколько уступающій своимъ сосѣдямъ; затѣмъ внутри по той-же

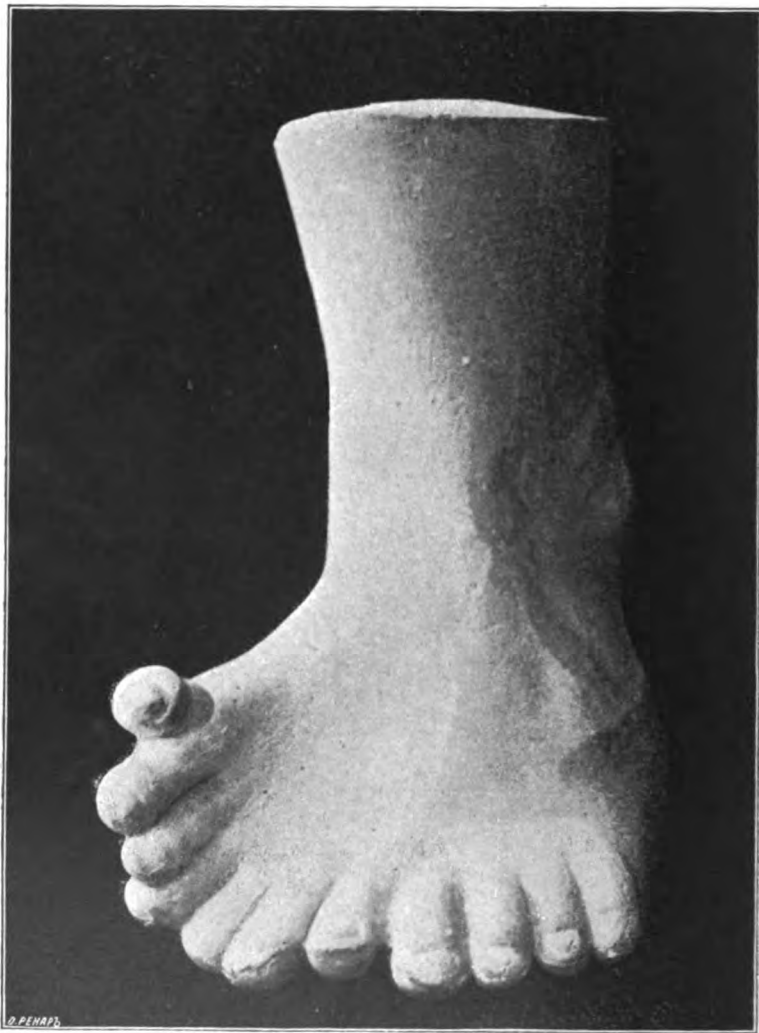

Рис. 4.

линіи слѣдуютъ еще два пальца, шестой и седьмой по счету, снаружи внутри; пальцы эти сращены другъ съ другомъ кожной синдактиліей, но развиты вполне хорошо; наконецъ, еще далѣе внутрь расположены послѣдніе четыре пальца, которые находятся по отношенію къ ранѣе описаннымъ подъ нѣкоторымъ тупымъ угломъ, открытымъ кверху. Три изъ этихъ пальцевъ развиты хорошо и лежатъ параллельно другъ-другу, четвертый же укороченъ, лежитъ не парал-

лельно, а образуетъ со своимъ сосѣдомъ острый уголъ, открытый впередъ. Всѣ пальцы, за исключеніемъ самаго внутренняго, обладаютъ полнымъ движеніемъ. Снимки рентгеновскими лучами (рис. 5) показали слѣдующее: всѣ пальцы, за исключеніемъ пятого и одиннадцатаго, считая снаружи внутрь, — трехфаланговые. Всѣ они, кромѣ одиннадцатаго, соединяются съ плюсневыми костями посредствомъ настоящихъ суставовъ. Одиннадцатый же палецъ

Рис. 5.

присоединяется къ плюсневой кости сосѣдняго пальца сбоку. Плюсневыхъ костей имѣется девять. Одиннадцатый палецъ собственной плюсневой кости не имѣетъ, затѣмъ пятый и шестой пальцы имѣютъ общую, нѣсколько утолщенную плюсневую кость. Клиновидныхъ костей насчитывается семь, ладьевидныхъ—двѣ. Во всемъ остальномъ организмъ нѣтъ никакихъ ненормальностей. Указанія на наследственность со стороны родителей и близкихъ родственниковъ не имѣется.

Описавши свой собственный случай, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнiю теорiй происхожденiя такого явленiя, какъ полидактилiя. Мнѣнiя авторовъ по этому вопросу очень расходятся. Ahlfeld утверждаетъ, что причиной полидактилiй являются амниотическiя складки и нити, которыми производятъ давленiе на зачатки конечностей, могутъ разрѣзать ихъ и такимъ образомъ умножать нормальное число пальцевъ. По мнѣнiю Zonder'a, разнообразiе въ количествѣ и степени развитiя лишнихъ пальцевъ зависитъ отъ количества и продолжительности воздѣйствiя амниотическихъ нитей, а также отъ времени появленiя этого воздѣйствiя. Одни изслѣдователи видятъ причину полидактилiи въ томъ, что зародышевыя кѣлки размножаются въ избыточномъ количествѣ, которое и служитъ для образованiя излишнихъ пальцевъ, другiе же полагаютъ, что избыточный материалъ появляется вслѣдствiе почкованiя, подобнаго тому, которое происходитъ въ железахъ; третьи объясняютъ полидактилiю расщепленiемъ или удвоенiемъ нормальнаго зачатка. По теорiи Дарвина, полидактилiя—это явленiе атавистическаго характера. Въ мнѣнiю Дарвина примкнули впоследствии Bardeleben и др., считая полидактилiю не чѣмъ инымъ, какъ атавизмомъ, т. е. возвращенiемъ современнаго пятипалаго типа къ отдаленному семипалому предку. Kollmann создалъ т. наз. теорiю рудиментовъ, по которой за прототипъ принимается пятипалая форма со слѣдами радиальнаго и ульнарнаго лучей. Въ случаяхъ полидактилiи у человѣка эти рудименты увеличиваются и выдаются изъ-подъ кожи, развиваясь различно. Наконецъ, Albrecht, считая полидактилiю вообще явленiемъ атавистическимъ, различаетъ полидактилiю истинную (у животныхъ) и ложную (у человѣка). Ложная полидактилiя выражается атавистическимъ расщепленiемъ нормально нерасщепленныхъ пальцевъ. Эта теорiя получила названiе прогрессивной. Большинство авторовъ, однако, склоняется къ тому мнѣнiю (къ нему примыкаетъ и г. Стопницкiй), что полидактилiя—это явленiе уродства. Въ однихъ случаяхъ могутъ влiять амниотическiя нити, въ другихъ—заболѣванiя оболочекъ яйца и заболѣванiя самой матки, наконецъ, въ третьихъ причина можетъ лежать въ самомъ зародышѣ ¹⁾.

Н. А. Мухомовъ.

Dr. Fritz Schultze. Psychologie der Naturvölker. Leipzig, 1900.

Полное заглавiе этой книги гораздо длиннѣе; за „Психологiей дикихъ народовъ“ слѣдуетъ такое дополненiе: „Характеристика дикаго человѣка съ точки зрѣнiя психологическаго развитiя въ интеллектуальномъ, эстетическомъ, этическомъ и религiозномъ отношенiяхъ.—Естественная исторiя происхожденiя человѣческаго пониманiя, воли и вѣры“. Это нѣсколько длинное и туманное заглавiе объясняется тѣмъ, что авторъ—профессоръ философiи, который беретъ на себя задачу заново рѣшить проблему о душевной жизни первобытнаго человѣка, такъ какъ, по его мнѣнiю, эту задачу не могли и не могутъ рѣшить ни антропологи, ни этнологи. Перечисляя наиболѣе извѣстныхъ именъ ихъ отъ Клемма до Ратцеля, онъ находитъ, что труды этихъ ученыхъ были только подготовительными (Vorarbeiten) для него (для проф. Шульце), и что именно онъ призванъ совершить то, что имъ совершить не удалось. Правда, онъ скромно заявляетъ, что онъ „далекъ отъ тщеславной мысли представить рѣшенiе этой задачи въ безспорномъ и безупречномъ видѣ“, но онъ полагаетъ,

¹⁾ Редакцiя приносить С. О. Стопницкому глубокую благодарность за представленныя въ ея распоряженiе клише вышепомѣщенныхъ рисунковъ.

что въ своихъ трехъ отдѣлахъ „психологической обработки умственнаго состоянія дикаго человѣка, а именно его интеллектуальной, моральной и религіозной душевной жизни, онъ представилъ совершенно новыя точки зрѣнія, совершенно новыя критеріи сужденія, совершенно новыя перспективы“ (стр. V). Основаніемъ для такого наивнаго самоиѣнія автору служить, вѣроятно, его предшествующіе труды: „Психологія ребенка“, „Психологія животныхъ и растений“ и „Сравнительная наука о душѣ“ (Seelenkunde); къ нимъ онъ присоединяетъ и разсматриваемую нами „Психологію дикихъ народовъ“. Заглавіе ея легко можетъ привлечь вниманіе лицъ, занимающихся антропологіей и этнологіей, и поэтому, чтобы избавить ихъ отъ безполезнаго труда чтенія этой книги, мы скажемъ о ней нѣсколько словъ.

Книга Шульце—не что иное, какъ компиляція, въ которой общеизвѣстные положенія Вайца, Леббока, Тейлора, Пешеля и др. сперва излагаются собственными словами авторовъ, а затѣмъ переводятся на какой-то философскій языкъ, какъ, напр.: „чувственный конкретизмъ преобладаетъ въ его (дикаго человѣка) мышленіи, волѣ и поступкахъ“ (стр. 36). Тотъ же „конкретизмъ“ приводится авторомъ для объясненія неспособности дикарей къ отвлеченнымъ понятіямъ (стр. 78), но нигдѣ не указывается переходныхъ формъ отъ конкретнаго къ абстрактному мышленію, чего мы скорѣ всего могли бы ожидать отъ философа, берущагося за изслѣдованія мышленія некультурнаго человѣка. Казалось бы, такой философъ долженъ, по крайней мѣрѣ, представить намъ попытку рѣшенія вопроса о развитіи языка изъ его первоначальныхъ зачатковъ, но онъ опять только переводитъ общепонятную формулировку этой задачи на философскій языкъ и опять не даетъ ничего, дѣйствительно разъясняющаго дѣло. Авторъ говоритъ: „Задача показать, какъ человѣческій языкъ въ своихъ самыхъ грубыхъ зачаткахъ развился изъ языка животныхъ, тождественна съ психологической задачей—какъ развилась активная апперцепція изъ пассивной ассоціаціи; обѣ эти задачи тѣсно связаны между собою и обѣ еще не разрѣшены“ (100). Мало того: авторъ и не общается намъ рѣшенія ея средствами философій; она будетъ рѣшена только тогда, когда найдено будетъ „психологическое звено“ между „животной ассоціаціей и человѣческой апперцепціей“, т.-е. между умомъ животнаго и умомъ человѣка. Замѣчательно, что авторъ предоставляетъ это зоологамъ-дарвинистамъ, хотя и называетъ ихъ „психологическими диллетантами“ (101). То же самое (о невозможности выводить апперцепцію изъ ассоціаціи) онъ повторяетъ относительно эстетическихъ чувствъ человѣка и животныхъ. Напрасно мы стали бы искать у него какихъ-либо новыхъ сопоставленій или соображеній въ главѣ о нравственности, состоящей изъ подбора мнѣній Бахофена, Мак-Леннана, Леббока, Колера, Вестермарка и др., къ которымъ авторъ присоединяетъ цитаты изъ собственныхъ философскихъ сочиненій. И въ отдѣлѣ о религіи онъ ничего не можетъ сообщить намъ, крожѣ положеній, установленныхъ Тейлоромъ еще 30 лѣтъ тому назадъ (вродѣ того, что религія дикаря есть въ то же время его философія и что религіозное воззрѣніе его выражается сперва въ фетишизмѣ, а затѣмъ анимизмѣ). Но зато эти положенія, извѣстныя наизусть каждому, занимающемуся и даже интересующемуся этнологіей, авторъ облекаетъ въ слѣдующую философскую форму: „въ основѣ фетишизма, т.-е. вообще религіознаго почитанія чувственно воспринимаемыхъ вещей, лежатъ четыре своеобразныя психическія предположенія: во-1-хъ, особая оцѣнка стоимости, какую дикарь придаетъ объектамъ, во-2-хъ, антропоматическое воззрѣніе на природу, въ-3 хъ, причинное отношеніе представленій, и въ-4-хъ, душевныя движенія, въ особенности страха и надежды“

(215). Мы могли бы ожидать отъ автора, занимающагося специально „сравнительной наукой о душѣ“, что онъ чему-нибудь научить насъ въ интересной, дающей просторъ различнымъ толкованіямъ области о происхожденіи понятій о душѣ, но онъ и здѣсь опирается исключительно на Бастіана, Леббома и Тэйлора. По его собственному выраженію, онъ „стоитъ на плечахъ этихъ предшественниковъ“ (auf den Schultern dieser Vorgänger stehend) и дѣлаетъ „нѣкоторые значительные шаги впередъ только въ обработкѣ и въ объясненіи этого матеріала“ (248). Въ чемъ же заключаются эти „шаги впередъ“? Смѣшивая проявленія жизни съ проявленіями духовнаго начала, онъ пробуетъ установить градацію представленія о душѣ: 1) пульсъ, 2) сердце, 3) кровь и дыханіе и 4) одно дыханіе, и прибавляетъ, что только последнее отождествлялось съ душою,—но это было извѣстно и до его „обработки и объясненій“. И безъ нихъ мы знали, что душа отождествлялась еще съ тѣнью и отраженіемъ, такъ же какъ знали объ одухотвореніи природы, о представленіяхъ души внѣ тѣлесной оболочки, о загробномъ мірѣ и пр. Авторъ не выходитъ здѣсь изъ круга первобытныхъ воззрѣній на духовныя явленія, которыя онъ заимствуетъ у этнологовъ, и поэтому не можетъ намъ сказать ничего новаго. Мы даже не находимъ у него и научнаго толкованія превращенія понятія о духѣ въ понятіе о божествѣ, такъ какъ онъ просто на-ряду съ фетишизмомъ и анимизмомъ ставитъ монизмъ (почитаніе предковъ) и политенизмъ, какъ будто эти понятія развиваются непосредственно одно изъ другого, безъ присоединенія къ нимъ воззрѣній другого порядка. Такимъ образомъ, онъ совершенно обходитъ вопросъ о надѣленіи духовъ сверхчеловѣческими свойствами, поднимающемъ ихъ въ категорію божественныхъ существъ, и даже не упоминаетъ имени Спенсера, такъ много занимавшагося этимъ вопросомъ.

Мы не остановились бы такъ долго на этой книгѣ, не обладающей никакими положительными достоинствами, если бы она не казалась намъ типичнымъ образцомъ сочиненій, высокомерно и покровительственно относящихся къ антропологии и собирающихъ поучать антропологовъ съ точки зрѣнія иныхъ высшихъ наукъ. Антропологи, касаясь и духовной жизни человѣка, рады были бы содѣйствію психологии, но не въ лицѣ такихъ представителей ея, какъ проф. Шульце.

Д. Корончевскій.

Dr. Josef Müller. Das sexuelle Leben der Naturvölker. Augsburg, 1900.

Брошюра д-ра Иозефа Мюллера имѣетъ цѣлью „положить начало специальному изслѣдованію половой жизни различныхъ народовъ въ формѣ, соответствующей нынѣшнимъ требованіямъ научной методики“. „Вмѣсто накопленія массы матеріала, не проверенныхъ отчетовъ о путешествіяхъ и т. п.“, авторъ „старался, при тщательной фильтраціи и критикѣ обильнаго матеріала, представить только выдающееся и типичное и дать возможно простое объясненіе полученной такимъ образомъ существенной части предмета“. Изъ предисловія автора, откуда мы заимствуемъ эти строки, мы узнаемъ, что онъ—основатель „Журнала исторіи культуры, религіи и беллетристики Ренессанса“, гдѣ первоначально было помѣщено его изслѣдованіе, за которымъ въ будущемъ году послѣдуетъ разработка той же темы относительно древнихъ культурныхъ, а затѣмъ и новыхъ культурныхъ народовъ.

Происхожденіе этой брошюры объясняетъ намъ ея легковѣсный, поверхностный характеръ. Зная, что она—только оттискъ статьи изъ неспеціального

журнала, мы не можемъ предъявлять ей серьезныхъ требованій и ограничимся краткимъ указаніемъ ея содержанія. Изъ обширной области половой жизни дикаго человѣка авторъ касается только вопроса объ общинномъ бракѣ, происхожденіи полиандріи, полигаміи и моногаміи и отношенія къ цѣломудрію, къ половому воздержанію и проч. Все это трактовано имъ кратко, преимущественно на основахъ личныхъ симпатій и антипатій. Общинный бракъ возмущаетъ его чувство, и онъ подбираетъ доступныя ему доказательства, стремящіяся опровергнуть гипотезу его существованія, не входя въ научный критическій разборъ ея. Такъ же слегка, какъ бы мимоходомъ, затрогиваетъ онъ и другія, отиѣченныя выше, темы. Если мы прибавимъ, что изъ всѣхъ цитируемыхъ имъ авторовъ онъ отдаетъ видимое предпочтеніе взглядамъ Вестермарка, то мы дадимъ, какъ намъ кажется, достаточное понятіе о брошюрѣ д-ра Іозефа Мюллера.

Д. Корончевскій.

R. Virchow. *Ein rothgefärbter Schädel eines Buli-Negers aus Kamerun.* „Zeitschrift für Ethnologie“, „Verhandlungen“, 1901, стр. 309.

Ed. Krause. *Menschliche und Tier-Knochen mit rothen Flecken.* Ibid., стр. 311.

F. Knauer. *Menschliche Knochen mit rothen Flecken aus bessarabischen Gräbern.* Ibid, стр. 315.

Въ виду того, что окрашенные въ красную краску черепа и кости встрѣчаются въ Россіи довольно часто, доклады, сдѣланные по этому предмету въ Берлинскомъ Антропологическомъ Обществѣ въ 1900 году, представляютъ собою для насъ особый интересъ. Руд. Вирховъ демонстрировалъ черепъ изъ Камеруна, весь окрашенный въ красную краску. Изслѣдованная подъ микроскопомъ, окраска оказалась состоящей изъ древесныхъ волоконъ. Химическій анализъ показалъ отсутствіе ртути и желѣза и выяснилъ, что въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь только о растительной краскѣ. Черепъ былъ, по-видимому, покрытъ густой смазкой изъ мелко истолченного цвѣтнаго дерева, смѣшаннаго съ какимъ-нибудь связующимъ средствомъ. Трудно предположить, чтобы эта окраска была случайностью, но слѣдуетъ выяснить, имѣли ли народы Камеруна обыкновеніе окрашивать черепа или кости. По этому поводу Standinger письменно заявилъ Вирхову („Verhandl.“, стр. 347), что онъ изъ областей рѣки Бенуэ привезъ краску, приготовленную тамъ изъ красного дерева, и что негры тѣхъ мѣстностей часто окрашиваютъ тѣло красками различнаго происхожденія.

Краусе, при изслѣдованіи 19 костяковъ, найденныхъ въ неолитическомъ могильникѣ близъ Мерзбурга, замѣтилъ въ одномъ случаѣ красную окраску какъ малоберцовыхъ, такъ и большеберцовыхъ костей. Кости были покрыты известковыми отложениями, но удаленіи которыхъ обнаружались красныя пятна какъ на костяхъ, такъ и на соотвѣствующихъ мѣстахъ отложений. Изъ своеобразнаго вида этихъ пятенъ слѣдовало заключить, что они не нанесены человѣческой рукой, а образовались естественнымъ путемъ. Происхожденіе окраски костей объяснили, какъ извѣстно, двояко. Краска, во-первыхъ, можетъ быть нанесена человѣческой рукой, что еще и теперь практикуется многими дикими народностями. Въ этомъ случаѣ окраска чаще всего частичная, одной кости или даже части кости, имѣетъ извѣстныя границы, опредѣленныя формы и нѣкоторую толщину; посредствомъ химическаго анализа можно

опредѣлить составъ окраски (а микроскопическое изслѣдованіе показываетъ, что окраска лежитъ болѣе или менѣе плотнымъ слоемъ на поверхности кости и не проникаетъ въ глубину, какъ это показалъ Вирховъ въ «Zeitschr. f. Ethn.», 1898, Verhandl., стр. 72). Во-вторыхъ, кости могутъ быть окрашены, благодаря тому, что попали въ почву, содержащую разныя красящія вещества, какъ-то: желѣзо, кобальтъ и киноварь; эти краски выщелачиваются изъ почвы водой и въ растворенномъ видѣ легко проникаютъ въ кости, гдѣ и остаются. При внимательномъ изслѣдованіи почвы при раскопкахъ этотъ способъ окрашивания легко обнаружится. Къ этимъ двумъ, чаще всего встрѣчающимся, способамъ окраски костей слѣдуетъ прибавить еще третій, на который, впрочемъ, уже указалъ Вирховъ въ вышеупомянутой мною замѣткѣ. Въ этомъ случаѣ окраска состоитъ изъ отдѣльных, ясно очерченныхъ гнѣздъ кровавистаго цвѣта; по своему виду эти гнѣзда напоминаютъ нерѣдко наблюдаемыя кровавистыя пятна на просвирахъ, происхожденіе которыхъ, какъ это доказалъ Ehrenberg, слѣдуетъ приписать размноженію особаго микрококка, подъ названіемъ *bacillus prodigiosus*. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и окраску костей въ данномъ случаѣ слѣдуетъ приписать этому микроорганизму, такъ какъ при микроскопическомъ изслѣдованіи были найдены бактеріи, хотя и не живыя; послѣднее легко объясняется тѣмъ, что кости были изслѣдованы 12 лѣтъ послѣ ихъ находженія. Вирховъ сдѣлалъ микроскопическое изслѣдованіе кости, окрашенной подобнымъ образомъ, и нашелъ, что краска глубоко проникаетъ въ кость и равномерно инфильтруетъ ее; такое проникновеніе въ толщу кости возможно только для микроорганизма.

Клауеръ сообщаетъ, что онъ выкопалъ въ южной Бессарабіи черепъ, внутри котораго оказалась земля, усѣянная красными точками. Онъ полагаетъ, что красная охра, покрывавшая густымъ слоемъ лобъ, а также, повидимому, и лицо, проникала естественнымъ путемъ внутрь черепа. Если это такъ, то почему не допустить, что и самъ черепъ окрашенъ не искусственнымъ, а естественнымъ путемъ. Охра была, повидимому, положена на трупъ; со-временемъ она разложила и окрасила черепъ. Въ пользу естественной окраски русскихъ находокъ говорить еще и то обстоятельство, что костяки обыкновенно находятъ нетронутыми и въ полномъ порядкѣ.

С. Вайсенбергъ.

Richter. Zur Erklärung der altperuanischen Vasen, welche verstümmelte menschliche Figuren darstellen. „Zeitschrift für Ethnologie“, „Verhandlungen“, 1901, сmp. 234.

Въ Перу часто находятъ вазы, представляющія собою людей съ изуродованными частями лица и конечностей. Эти вазы служатъ для многихъ доказательствомъ того, что проказа не занесена въ новое время въ Америку изъ Стараго Свѣта, а существовала и въ доколумбийской Америкѣ. Другіе отрицаютъ это и доказываютъ, что подобныя изуродованія могутъ быть причинены и сифилисомъ, которымъ Америка наградила Европу, а также и волчанкой. Richter приводитъ данныя въ пользу того, что спорныя пораженія могутъ быть также слѣдствіемъ встрѣчающейся въ долинахъ Перу болѣзни «Uta», названіе которой происходитъ отъ корня *и-развѣдать*. Причиной болѣзни являются укулы насѣкомыхъ, которыя, повидимому, переносятъ специфическій ядъ отъ труповъ на здоровыхъ, чѣмъ объясняется, что главной локализацией болѣзни служатъ непокрытыя мѣста тѣла и въ 50% всѣхъ случаевъ лица. Бо-

лѣзнь развивается очень быстро и въ теченіе 1—6 мѣсяцевъ ведетъ къ полному разрушенію носа и губъ, прободенію неба, завороту вѣкъ, ампутаціи пальцевъ и т. п. Замѣчательно, что китайцы, живущіе въ пораженныхъ «утой» мѣстностяхъ, не заболѣваютъ ею, въ противоположность къ проказѣ, разносителями которой они служатъ.

С. Байсенбергъ.

Otto Helm. Chemische Analyse vorgeschichtlicher Bronzen aus Vélém St. Veit in Ungarn. „Zeitschr. f. Ethnol.“ 1901, стр. 359.

Helm обращаетъ вниманіе на значительную примѣсь сурьмы въ изслѣдованныхъ имъ бронзовыхъ предметахъ. Авторъ уже многократно изслѣдовалъ химическій составъ бронзовыхъ находокъ изъ Венгріи и Трансильваніи, и его мнѣніе по этому предмету можетъ считаться компетентнымъ. Часто онъ находилъ въ бронзахъ сурьму при совершенномъ отсутствіи олова, такъ что первая, повидимому, вполне замѣняла послѣднюю. Интересна примѣсь мышьяка, попадавшаго въ слитокъ, повидимому, не случайно, противъ чего говорить значительный процентъ ея, но для придачи бронзовымъ орудіямъ извѣстной крѣпости. Изъ результатовъ, полученныхъ при химическихъ анализахъ разныхъ бронзъ, слѣдуетъ заключить, что доисторическіе литейщики экспериментировали, желая опредѣлить тѣ примѣси, которыя слѣдуетъ добавить къ мѣди, чтобы придать ей извѣстную крѣпость, ковкость или цвѣтъ. Часто этого достигали прибавленіемъ къ мѣди металловъ (свинца, олова, сурьмы), въ другой разъ прибавляли руды упомянутыхъ металловъ или добавляли бронзу изъ мѣдныхъ рудъ, содержащихъ эти металлы. Что сурьма, какъ металлъ, была уже извѣстна древнимъ, доказывается находками изъ нея, сдѣланными на Кавказѣ и другихъ мѣстахъ.

С. Байсенбергъ.

Извѣстія и замѣтки.

Памятникъ Габріэлю де-Мортилье. 12 сентября 1898 года скончался въ С.-Жерменѣ, на 77-мъ году жизни, Луи-Лоранъ-Габріэль де-Мортилье. Покойный пользовался широкою извѣстностью, какъ выдающійся представитель доисторической археологіи. Изъ многочисленныхъ трудовъ его наиболѣе извѣстны: „Le signe de la croix avant le christianisme“, „Le préhistorique“, „Album préhistorique“, „Les origines de la chasse, de la pêche, des animaux domestiques et d'agriculture“, „Formation de la nation française“ и др. Въ настоящее время въ Парижѣ, при „Société d' Excursions Scientifiques“, образовался комитетъ для увѣковѣченія памяти Г. де-Мортилье постановкою ему памятника. Лицъ, желающихъ принять участіе въ подпискѣ на памятникъ, комитетъ проситъ адресовать ихъ взносы: M. Louis Giraux, Trésorier du Comité d' Initiative du Monument G. de-Mortillet, 22, rue Saint-Blaise, à Paris (XX-e).

† **Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ.** 29-го октября прошлаго года скончался въ Берлинѣ, на 70-мъ году жизни, извѣстный изслѣдователь кавказскихъ племенъ, ген.-лейтенантъ Родерикъ фонъ-Эркертъ. Покойный происходилъ изъ стариннаго прусскаго рода и молодымъ прусскимъ офицеромъ поступилъ на русскую службу; въ началѣ 80-хъ годовъ онъ командовалъ одной изъ кавказскихъ дивизій. Въ 1884 г., выйдя изъ отставку, фонъ-Эркертъ поселился въ Берлинѣ и посвятилъ свое время обработкѣ собранныхъ на Кавказѣ матеріаловъ. Извѣстность себѣ въ наукѣ фонъ-Эркертъ составилъ, главнымъ образомъ, двумя трудами: «Der Kaukasus und seine Völker» (Leipzig, 1887), въ которомъ содержится много антропометрическихъ данныхъ, и «Die Sprachen des kaukasischen Stammes» (Wien, 1895). Какъ разъ передъ смертью фонъ-Эркертъ окончилъ составленіе атласа, изъ 12 картъ, подъ заглавіемъ: «Переселенія и поселенія германскихъ племенъ въ средней Европѣ», изданнаго уже послѣ его смерти въ Берлинѣ.

XI-ый съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей состоится въ Петербургѣ и продолжится съ 20-го по 30-е декабря 1901 г. Завѣдующимъ секціей географіи, антропологіи и этнографіи назначенъ распорядительнымъ комитетомъ проф. П. И. Броуновъ, постоянными секретарями этой секціи— А. П. Сутугинъ и В. В. Передольскій. Для предоставленія возможности наибольшему числу иногороднихъ лицъ принять участіе въ съѣздѣ комитетъ съѣзда 1) будетъ ходатайствовать предъ г. г. попечителями учебныхъ округовъ о возможномъ содѣйствіи лицамъ, пожелавшимъ участвовать въ съѣздѣ; 2) употребитъ стараніе, чтобы приготовить по возможности удешевленное помѣщеніе въ Петербургѣ для членовъ съѣзда, и 3) будетъ ходатайствовать передъ департаментомъ желѣзныхъ дорогъ о предоставленіи тарифныхъ льготъ по проѣзду

членовъ сѣзда. Лицъ, желающихъ принять участіе въ сѣздѣ, комитетъ проситъ извѣстить объ этомъ заблаговременно, не позже 20-го сентября, и указать избираемую для посѣщеній секцію, а въ случаѣ намѣренія сдѣлать докладъ, сообщить о послѣднемъ не позже 1-го ноября (на каждый докладъ полагается не больше 20 минутъ времени). Всѣ письма, а также и денежные посылки (членскій взносъ въ 3 руб.) должны быть адресуемы: С.-Петербургъ. Университетъ. Канцелярія университета. Распорядительный комитетъ XI-го сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей.

V-й международный конгрессъ криминальной антропологіи состоится въ сентябрѣ текущаго года въ Амстердамѣ. Между предметами обсужденія будутъ, между прочимъ, фигурировать: анатомическая и фізіологическая характеристика преступника; криминальная психологія и психопатологія; преступленіе и безуміе; криминальная антропологія въ примѣненіи къ закону и администраціи; молодые преступники; преступленіе и возрастъ. Въ конгрессѣ общали принять участіе: Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Молль, Гарнье, Лакасанъ, Габр. Тардъ, Легренъ и др.

Брюссельскій соціологическій институтъ. Въ Брюсселѣ на средства богатаго фабриканта Эрнеста Совьва основанъ соціологическій институтъ (Institut de sociologie). Институтъ дѣлится на два отдѣленія. Одно изъ нихъ предназначается для соціологическихъ изслѣдованій. Желающіе заниматься здѣсь получаютъ всѣ необходимыя вспомогательныя средства: бібліотеку, статистическія собранія, возможность сношеній съ однородными бельгійскими и заграничными учрежденіями и даже стипендіи. Институтъ не связываетъ никакими стѣснительными условіями; работающіе въ немъ могутъ распоряжаться своими трудами по желанію. Во главѣ этого отдѣленія стоитъ профессоръ политическихъ наукъ въ Брюссельскомъ вольномъ университетѣ Эмиль Ваксвейлеръ. Второе отдѣленіе—нѣчто вродѣ соціологическаго факультета. Здѣсь будутъ читаться курсы по всѣмъ отдѣламъ общественныхъ наукъ, по антропологіи, психологіи, сравнительному языкознанію, исторіи языка, исторіи искусства и пр. Выдержавшіе экзаменъ получаютъ степени лиценціатовъ и докторовъ.

Назначеніе П. А. Минакова экстраординарнымъ профессоромъ судебной медицины въ Московскомъ университетѣ. Весною текущаго года состоялось назначеніе непрѣжняго члена Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи П. А. Минакова экстраординарнымъ профессоромъ судебной медицины въ Московскомъ университетѣ. П. А. Минаковъ, сынъ фельдшера, родился 25 ноября 1865 г. По окончаніи курса въ Курской классической гимназій въ 1886 г., поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета и, сдавъ въ 1891 г. экзаменъ въ медицинской испытательной комиссіи, получилъ званіе лѣкаря съ отличіемъ. Въ бытность студентомъ за сочиненіе «Elephantiasis въ генетическомъ и терапевтическомъ отношеніи» былъ удостоенъ медицинскимъ факультетомъ награды золотою медалью. По окончаніи университетскаго курса былъ оставленъ при кафедрѣ судебной медицины въ должности сверхштатнаго лаборанта. Въ 1894 г. защитилъ диссертацию подъ заглавіемъ: «О волосахъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи», и удостоенъ степени доктора медицины. Въ 1895 г. былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу срокомъ на 1 годъ и 4½ мѣсяца. Во время заграничной командировки занимался специально судебной медициной въ Вѣнѣ, Парижѣ и Берлинѣ. Въ апрѣлѣ 1896 года былъ перевѣщенъ на должность прозектора при кафедрѣ судебной медицины Московскаго университета. Съ 1896 г. и до послѣдняго времени преподавалъ

студентамъ 5-го курса медицинскаго факультета методы судебно-медицинскаго изслѣдованія труповъ и изслѣдованія вещественныхъ доказательствъ. Съ 1899 г. читаетъ теоретическій и практическій курсъ судебной медицины студентамъ юридическаго факультета. Изъ напечатанныхъ изслѣдованій П. А. Минакова слѣдующія представляютъ антропологическій интересъ: 1) Къ казуистикѣ судебно-медицинскаго изслѣдованія волосъ. «Медиц. Обзор.», 1893 г., № 3; 2) О волосахъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Дисс. на степень д-ра медицины. Москва, 1894; 3) Ueber die Veränderung der Haare durch die Hitze. „Vierteljahrsh. f. gerichtl. Medicin“, 1896, 3. Folge, XII. Suppl. Heft; 4) Новые данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій. «Тр. Антропол. Отд.», т. XIX; 5) Ненормальная волосатость (тамъ же); 6) О цвѣтѣ волосъ у древняго населенія центральной Россіи (тамъ же); 7) О ногтяхъ человѣческой руки. «Медиц. Обзор.», 1899 г., № 12; 8) Ногти человѣческой руки. «Русск. Антроп. Журн.», 1900 г., кн. 2; 9) Ueber die Nägel der Menschenhand. „Vierteljahrsh. f. gerichtl. Medicin“, 1900; 10) Волосы въ антропологическомъ отношеніи. „Русск. Антроп. Журн.“, 1900 г., кн. 1, и др.

Общество Востоковѣдѣнія. 9-го мая состоялось первое годовое собраніе Общества, на которомъ былъ доложенъ отчетъ объ его дѣятельности за истекшій годъ. Программа дѣятельности Общества распадается на три отдѣла: 1) научно-культурный, имѣющій задачей изученіе восточныхъ странъ; 2) образовательный, имѣющій цѣлью организацію въ восточныхъ странахъ школъ, по преимуществу коммерческихъ, съ преподаваніемъ русскаго языка, курсовъ восточныхъ языковъ въ Россіи и обширнаго института востоковѣдѣнія, который поставилъ бы себѣ задачей подготовку практическихъ дѣятелей для Востока, и 3) торгово-промышленный, имѣющій цѣлью изученіе и развитіе торгово-промышленныхъ сношеній Россіи съ государствами Востока. Общество вошло въ сношеніе со многими городами Россіи для организаціи въ нихъ мѣстныхъ отдѣловъ; до сего времени открыты четыре отдѣленія: въ Тифлисѣ, Астрахани, Бухарѣ и Ташкентѣ. Недалекъ отъ положительнаго разрѣшенія также вопросъ объ учрежденіи Обществомъ обширнаго института востоковѣдѣнія. Разработкой программы и инструкцій для этого института въ настоящее время заняты акад. Ѳ. Е. Коршъ.

Кавказскій Отдѣлъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Въ происходившемъ въ Тифлисѣ 21-го марта текущаго года совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой, постановлено открыть въ этомъ городѣ Кавказскій Отдѣлъ названнаго Общества. Въ засѣданіи 8-го апрѣля составленъ проектъ устава Отдѣла, который препровожденъ для утвержденія Московскому Археологическому Обществу.

Новая находка мамонта въ Сибири. Недавно въ Сибири, на лѣвомъ берегу рѣчки Березовки, впадающей въ Колыму, приблизительно въ 300 вер. отъ Средне-Колымска, казакъ Явловскій, занимающійся звѣроловствомъ, открылъ почти цѣлый трупъ мамонта. Трупъ сохранился очень хорошо въ большой безформенной глыбѣ. Пострадала только голова,—верхнія части ея лицевыхъ костей обрублены промышленниками, добывавшими клыки. Голова отдѣлилась отъ туловища и покрыта вполне сохранившейся кожей. Виденъ также лѣвый бокъ; часть живота обнажена и открываетъ доступъ въ желудокъ, въ которомъ еще много непереваренной растительной пищи. Явловскій взялъ для представленія мѣстной администраціи куски мяса, кожи и шерсти мамонта. Якутскій

губернаторъ, по приказанію котораго показаніе казака было провѣрено, предписалъ мѣстнымъ властямъ принять мѣры къ сохраненію остатковъ животнаго. Академія наукъ уже отправила, подъ начальствомъ зоолога О. Ѳ. Герца, экспедицію для доставки мамонта въ Петербургъ. Министерство финансовъ, по представленію Академіи, на расходы по этой экспедиціи отпустило 16.000 рублей.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія. Въ бывшихъ въ текущемъ году 5-ти засѣданіяхъ Отдѣла (19 января, 17 февраля, 3 и 24 марта и 28 апрѣля) были доложены 14 сообщеній: 1) *Б. Ѳ. Адлера*— Происхожденіе и переселеніе народовъ съ географической точки зрѣнія (по *Fr. Ratzel*); 2) *Н. В. Берзи*— Обработка антропологическихъ наблюденій при помощи теоріи вѣроятностей; 3) *Р. Л. Вейнберга*— Къ вопросу объ испанскомъ ростѣ; *его-же*— Новѣйшіе успѣхи въ области антропологии костной системы; 5) *В. В. Воробьева*— О формахъ приращенія ушной мочки у различныхъ народовъ вообще и о мочкѣ монгольскаго уха въ частности; 6) *К. И. Горощенко*— Сойоты; 7) *Д. А. Корончевскаго*— Кинъ и его руководство по этнологіи; 8) *И. И. Майнова*— Два типа тунгусовъ; 9) *Н. М. Маміева*— Антропологическій очеркъ вогуловъ; 10) *С. Д. Масловскаго*— Гальча (первобытное населеніе Туркестана); 11) *Л. О. Перфильева*— Антропологическія и этнографическія наблюденія надъ сомалийцами при путешествіи въ Абиссинію; 12) *С. О. Стопницкаго*— Къ вопросу о полидактиліи; 13) *Ю. Д. Талько-Грынцевица*— Антропологическій очеркъ поляковъ, и 14) *Е. М. Чепурковскаго*— Антропо-соціологія.

Въ засѣданіи 17-го февраля вторымъ товарищемъ предсѣдателя Отдѣла избранъ непрѣланный членъ Общества, проф. П. А. Минаковъ.

Печатается XX-ый томъ „Трудовъ“ Отдѣла, содержащій въ себѣ монографію В. В. Воробьева о наружномъ ухѣ человека.

Текущимъ лѣтомъ предприняты поѣздки съ антропологическою цѣлью: А. Н. Абрамова—въ Осинскій уѣздъ, Пермской губ., для изслѣдованія башкиръ; С. А. Королева—въ Астраханскую губ. для изслѣдованія калмыковъ; Курбатова—въ Казанскую губ. для изслѣдованія чувашей; А. Рождественскаго—въ Минскую губ. для изслѣдованія бѣлоруссовъ и М. П. Сомова—въ Тамбовскую губ. для изслѣдованія великоруссовъ.

Рефераты русскихъ работъ по доисторической археологіи, антропологии и этнографіи въ *«Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien»*. Д-ръ С. А. Вайсенбергъ, получившій предложеніе отъ Вѣнскаго Антропологическаго Общества реферировать для издаваемыхъ этимъ Обществомъ *«Mittheilungen»* русскія работы по доисторической археологіи, антропологии и этнографіи, обращается къ авторамъ книгъ и статей по указаннымъ научнымъ областямъ съ просьбою высылать ему свои сочиненія по адресу: Елизаветградъ, д-ру Самуилу Абрамовичу Вайсенбергу. Высланные книги и статьи, по желанію авторовъ, будутъ возвращаться имъ обратно.

Труды Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва. 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолий Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ).—А. Г. *Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ю графич. таблицами).—Н. В. *Гильченко*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки. А. Д. *Элькиндъ*—Привислинскіе поляки.—Н. А. *Янчукъ*—Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ.—А. А. *Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.—Н. П. *Константиновъ-Щипуниинъ*—Къ краниологіи древняго населенія Костромской губ.—Д. Н. *Анучинъ*—Е. А. Покровскій, К. Н. Иковъ и А. М. Раевская (некрологи).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Р. Л. *Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.).—М. И. *Лутохинъ*—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—П. А. *Минаковъ*—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскраш. табл.).—П. А. *Минаковъ*—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).—В. В. *Воробьевъ*—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 диаграм.).—В. И. *Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховскаго у., Московской губ. (съ 4 диаграм.).—Н. В. *Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—А. А. *Ивановскій*—Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели.—П. А. *Минаковъ*—О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—А. Д. *Элькиндъ*—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 диагр.).—А. Д. *Элькиндъ*—Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—Д. Н. *Анучинъ*—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортилья.—А. А. *Ивановскій*—Секція антропологіи XII-го международнаго сѣзда врачей (съ 6 рис.).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Съ требованіями обращаться по адресу: Москва, Политехническій музей, въ Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Географическаго Отдѣленія
ИМПЕРАТОРСКАГО

Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Выходитъ въ Москвѣ съ 1894 года 4-мя книжками въ годъ, раз-
мѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ, съ приложе-
ніемъ, по мѣрѣ надобности, картъ, фототипій и рисунковъ въ
текстѣ. Подписка на 1901 годъ продолжается.

Цѣна въ годъ, съ доставкой, **6** руб.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться по адресу: Геогра-
фическое Отдѣленіе Общества Любителей Естествознанія, Политех-
нической Музей, Москва. Прежніе годы, 1894—1899, могутъ быть
получены по 5 р. за годъ, а 1894-ый годъ безъ 1-ой книжки
за 3 р. (1-ая книжка 1894 г. осталась лишь въ немногихъ экзем-
плярахъ; цѣна ей 10 р.). Всѣ прежніе года (1894—1900), безъ
1-ой книжки 1894 г., со всѣми приложеніями, могутъ быть полу-
чены за 30 р., съ 1-й книжкой 1894 г. за 38 р., а съ подпиской
на 1901 г. за 43 р.

Въ „Землевѣдѣніи“ были, между прочимъ, помѣщены статьи: Н. М. Альбовъ: Въ за-
брошенныхъ углахъ Кавказа, — Очерки растительности Колхиды, — Природа Огненной
Земли; проф. Д. Н. Анучинъ: Рельефъ поверхности Евр. Россіи въ послѣдовательномъ
развитіи о немъ представленій, — Суша (краткія свѣдѣнія по орографіи), — Озера об-
ласти истоковъ Волги и верховьевъ Зап. Двины, — О судьбѣ Колумба; В. В. Богдановъ:
Мурманъ; А. С. Бергъ: Побѣдка на Аральское море; А. М. Беркенгеймъ: Природа и
жизнь въ пампакъ Аргентины, — Современное эконо. положеніе Сиріи и Палестины;
проф. А. И. Воейковъ: Воздѣйствіе челоука на природу; М. М. Воскобойниковъ: Изъ
наблюденій на Памирѣ; А. А. Ивановскій: Истоки рѣки Москвы, — Озеро Гокча, —
Арабатъ; П. Г. Игнатовъ: По южному Алтаю; проф. А. Н. Красновъ: Растительность
горныхъ вершинъ Явы, Японіи и Сахалина; проф. П. И. Кротовъ: Вятскій уваль, — О
постановкѣ преподаванія географіи въ средн. учеб. заведеніяхъ; А. А. Круберъ: О бо-
лотахъ Моск. и Рязан. губ., — Опыты раздѣленія Евр. Россіи на естеств. районы;
Г. И. Куликовскій: Заростающія и періодически исчезающія озера Обонезскаго края;
М. Л. Леваневскій: Очерки Киргизскихъ степей; Е. И. Луценко: Побѣдка къ алтай-
скимъ теляпгетамъ; В. Г. Михайловскій: Горныя группы и ледники Центрального
Кавказа; М. В. Никольскій: Свѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ; В. А.
Обручевъ: Природа и жители Центральной Азіи; проф. А. П. Павловъ: О рельефѣ
равнинъ и его измѣненіяхъ подъ вліяніемъ работы подземныхъ и поверхностныхъ
водъ; С. Н. Паткановъ: По Юкатану; М. Н. Соболевъ: Русскій Алтай; Г. И. Тан-
фильевъ: Доисторическія степи Евр. Россіи, — О торфяникахъ Моск. губ.; Б. А. Фед-
ченко: Задачи ботанической географіи; А. Ф. Флеровъ: Ботанико-географическіе
очерки и друг. Приложеніями къ журналу вышли: Ф. Нансенъ. Среди льдовъ и во
мракѣ полярной ночи, 455 стр., съ рис. и карт. (въ отдѣльной продажѣ 4 р.); Г. Н.
Потанинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ, 894 стр. (въ отдѣльной про-
дажѣ 4 р.); А. Гейли. О преподаваніи географіи, 170 стр.

1901 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА Годъ XII.

НА ЖУРНАЛЪ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“,

изданіе Московскаго Психологическаго Общества, при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества,

■ на 1901 г. ■

Вышла II-я книга (мартъ—апрѣль) 1901 г. Содержаніе ея: *В. А. Вагнеръ*. Ренаръ и Ницше. О звѣрь въ человѣкѣ.—*И. И. Ивановъ*. Опытъ научно-философской, религіозной и социальной доктрины.—*П. И. Новгородцевъ*. Нравственная проблема въ философіи Канта.—*Кн. С. Н. Трубецкой*. Философія права профессора Л. І. Петражицкаго.—*Ф. В. Софротовъ*. Теорія познанія на основѣ критическаго эмпиризма.—*М. Н. Шааризъ*. Идея эволюціи въ современной философіи.—*А. Н. Шукаревъ*. Очерки по философіи естествознанія.—*Н. О. Лосскій*. Недомолвки въ теоріи эмоцій Джемса.—*И. Н. Холчевъ*. Объ индивидуальных колебаніяхъ вниманія.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.—Московское Психологическое Общество.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книжками не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1901 по 1-е января 1902 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу 8 р. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 рубля.

Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьевой и въ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторы: *Кн. С. Н. Трубецкой.*
Л. М. Лопатихъ.

Открыта подписка на 1901 годъ

XII г.

НА ЖУРНАЛЪ

XII г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества правильныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Съ 1901 года **разрѣшено** помѣщать въ журналѣ научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществѣдѣнію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библіографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Н. Ф. Арепьевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, приватъ-доц. Я. А. Боткинъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, Н. М. Бычковъ, приватъ-доц. В. А. Вагнеръ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Випперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, приватъ-доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, Е. С. Дрентельнъ, В. Е. Ермиловъ, Д. Н. Жбанковъ, Н. В. Закъ, С. В. Зенченко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, А. А. Ивановскій, приватъ-доц. В. Н. Ивановскій, В. Е. Игнатьевъ, Н. А. Каблукъ, В. В. Калашъ, Е. Ловичъ, Е. І. Лозинскій, проф. И. Н. Миклашевскій, Н. Миновичъ, Н. Ф. Михайловъ, Л. П. Никифоровъ, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, Ф. Ф. Ольденбургъ, В. П. Острогорскій, В. В. Петровъ, Н. И. Позняковъ, Г. А. Пузыревскій, Г. Роковъ, Н. А. Русскихъ, Л. М. Розенфельдъ, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, Н. В. Сперанскій, К. М. Станюковичъ, приватъ-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, В. С. Стѣрова, І. Тевсъ, Н. И. Тезяковъ, Г. А. Фальборкъ, А. П. Флеровъ, А. Н. Филипповъ, проф. А. О. Фортунатовъ, А. С. Хахановъ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолуцскій, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Штевень, Ф. А. Эрнъ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе др.

Журналъ **допущенъ** Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Съ 1901 года журналъ будетъ выходить 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна остается прежняя, а именно: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

ГОДЪ VI. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 г. **ГОДЪ VI.**
НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
научно-популярный и педагогическій журналъ
„Естествознаніе и Географія“.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня—іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ одобренъ за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія теоретическаго и прикладнаго (садоводство, пчеловодство и т. под.) и географіи; 2) акваріумъ и терраріумъ; 3) библіографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы. Кроме того, журналъ даетъ приложенія, состоящія изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, заведующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищные совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Анучинъ, И. Я. Акинфьевъ, О. А. Аникіевъ, А. П. Артари, проф. И. П. Бородинъ, Л. И. Боровоскій, проф. А. О. Брандтъ, В. В. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, Н. Н. Вакуловскій, проф. С. П. Глазенацъ, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, проф. В. Я. Данилевскій, проф. А. С. Догель, М. И. Демковъ, Л. Н. Елагинъ, В. Е. Жадовскій, Б. М. Житковъ, проф. В. В. Заленскій, проф. Н. Ю. Зографъ, Н. Ф. Золотницкій, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. Н. О. Кашенко, проф. Н. И. Кузнецовъ, проф. М. И. Коноваловъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, проф. А. Н. Красновъ, проф. Л. З. Мороховецъ, М. Э. Менделѣевъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, Г. А. Надсонъ, А. М. Никольскій, К. Д. Носиловъ, А. Н. Острогорскій, проф. В. И. Палладинъ, проф. А. П. Павловъ, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. А. Сатунинъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, В. И. Таліевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодовскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и нѣкоторые др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 коп., безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 руб. 50 коп.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899 и 1900 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могут удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 20 коп. съ каждаго годового полнаго экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

При непосредственномъ обращеніи въ контору допускается разсрочка: для городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 2 руб. 50 коп., и въ 1-му іюня 2 руб.

Для городскихъ подписчиковъ въ Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ съ платежомъ—въ началѣ января, въ началѣ марта, въ началѣ мая и, наконецъ, въ началѣ августа.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

КОНТОРА РЕДАКЦИИ: Москва, Б. Полянка, д. Учительскаго Института, кв. № 2.

Редакторъ-издатель **М. П. Варава.**

АЛТАЙСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

Сборникъ этнографическихъ статей и изслѣдованій алтайскаго миссіонера, протоіерея **В. И. Вербицкаго**, изданный Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей **А. А. Ивановскаго**. Съ біографіей и портретомъ. Цѣна 2 руб.

Съ требованіями обращаться по адресу: Москва, Политехническій музей, въ Этнографическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія.

Въ книжныхъ магазинахъ Москвы поступила въ продажу
новая книга:

Арчибальдъ Гейки. О преподаваніи географіи (совѣты учителямъ относительно принциповъ и методовъ обученія). Переводъ съ англійскаго, съ дополненіями къ русскому изданію, **Л. Д. Синицкаго.** Москва, 1900 г. Цѣна
80 коп.

На 1901 г.

(девятый годъ изданія)

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
„НЕВРОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.**

Органъ Общества Невропатологовъ и Психіатровъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ.

Подъ редакціей проф. **В. М. БЕХТЕРЕВА** и проф. **Н. М. ПОПОВА**.

Въ 1901 году «Неврологическій Вѣстникъ» будетъ издаваться Обществомъ по прежней программѣ и выходить попрежнему періодически четырьмя книжками въ годъ въ **увеличенномъ** объемѣ (болѣе 60 печатныхъ листовъ).

Подписная цѣна на годъ **6 руб.** Подписка принимается въ редакціи (Казань, университетъ, психо-физиологическая лабораторія), въ книжномъ магазинѣ бр. Башмаковыхъ (Казань) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи.

Съ января 1901 г. Общество Невропатологовъ и Психіатровъ, состоящее при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ университетѣ, издаетъ

„ЖУРНАЛЬ НЕВРОПАТОЛОГІИ И ПСИХІАТРІИ“
имени **С. С. КОРСАКОВА**.

Журналъ выходитъ книжками отъ 10 до 12 листовъ каждые два мѣсяца и кромѣ оригинальныхъ статей по *невропатологіи, психіатріи, психологіи, антропологіи, медико-педагогическимъ вопросамъ и судебной медицинѣ* заключаетъ въ себѣ *систематическіе обзоры и рефераты*, на которые редакціей обращено особое вниманіе съ цѣлью дать читателю возможно полную картину современнаго состоянія невропатологіи, психіатріи и сопридѣльныхъ наукъ. Кромѣ того въ журналѣ помѣщается обширный *библиографическій указатель* какъ русской, такъ и иностранной литературы.

Годовая цѣна съ пересыл. и доставк. — **10 руб.** За границу — **12 руб.** Подписка принимается въ конторѣ редакціи: **Москва, Девичье поле, клиника нервныхъ болѣзней.**

**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ
МЕДИЦИНСКІЯ ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ
МОРСКОМУ СБОРНИКУ**

будетъ выходить и въ 1901 году книжками отъ **4 до 5** листовъ

Журналъ посвященъ по преимуществу разработкѣ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ санитарному состоянію флота. Достаточно отведено также мѣста и вопросамъ общей и практической медицины. Подписка принимается въ **С.-Петербургѣ, въ Главномъ Адмиралтействѣ, въ Управленіи Главнаго Медицинскаго Инспектора Флота.**

Цѣна за годовое изданіе **4 руб.** съ пересылкою.

О всякой книгѣ, присланной въ редакцію, дѣлается бесплатное объявленіе въ слѣдующемъ № журнала.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1901 г.

НА ЖУРНАЛЪ

годъ 6.

„Вопросы Нервно-Психической Медицины“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА УНИВ. СВ. ВЛАДИМИРА И. А. СИКОРСКОГО
ВЪ КІЕВѢ.

Журналъ, какъ показываетъ отчасти и самое названіе его, имѣетъ своей задачей—помимо специальныхъ изслѣдованій по психіатріи и нервной патологіи—содействовать разрѣшенію вопросовъ, общихъ для всѣхъ отдѣловъ медицины, насколько эти вопросы могутъ быть освѣщены съ точки зрѣнія психіатріи и нервной патологіи. Журналъ ставитъ одной изъ своихъ цѣлей—сближеніе различныхъ медицинскихъ специальностей на почвѣ общихъ вопросовъ и научныхъ обобщеній, достигнутыхъ неврологіей.

Объединеніе медицины на почвѣ неврологіи представляется желательнымъ и плодотворнымъ. Объединяющую силу содержатъ въ себѣ вопросы этиологіи и патологіи болѣзней; этимъ вопросамъ и будетъ отведено надлежащее мѣсто. Вниманіе журнала будетъ посвящено также терапіи нервныхъ болѣзней и нервно-психической гігіенѣ, такъ какъ та и другая содержатъ рядъ данныхъ всего болѣе объединяющихъ медицину.

Журналъ предполагаетъ слѣдить за выдающимися вопросами и фактами въ различныхъ областяхъ медицины и будетъ стараться своевременно дѣлать рефераты и обзоры по содержанію этихъ вопросовъ. Но независимо отъ того для успѣшнѣйшаго достиженія намѣченной цѣли, въ январской книжкѣ каждаго года будетъ помѣщаемъ отчетъ объ успѣхахъ нервно-психической медицины и сопредѣльныхъ знаній за истекшій годъ. Отчетъ этотъ—въ критико-библіографической формѣ—будетъ содержать систематическое обзорнѣе новыхъ и важнѣйшихъ научныхъ направленій съ изложеніемъ результатовъ, достигнутыхъ наукою и ея примѣненіями на дѣлѣ.

Журналъ выходитъ книжками каждыя три мѣсяца по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя статьи по вопросамъ психіатріи и нервной патологіи, а также по вопросамъ анатоміи, физиологіи, гігіены нервной системы и врачебной экспертизы, относящейся къ этимъ предметамъ.

2) Критика и библіографія по тѣмъ же вопросамъ.

3) Хроника нервныхъ клиникъ, психіатрическихъ клиникъ, домовъ для умалишенныхъ, заведеній идиотовъ и исправительныхъ заведеній.

4) Краткія замѣтки по содержанію трехъ предыдущихъ отдѣловъ.

Статьи для журнала присылаются редактору въ заказныхъ письмахъ или бандероляхъ по слѣдующему адресу: Кіевъ, профессору И. А. Сикорскому (Б.-Подвальная, 15).

Авторы критическихъ обзоровъ получаютъ гонораръ 60 р. за печат. листъ.

Авторы статей получаютъ по 25 экз. отдѣльныхъ оттисковъ. О присланныхъ въ редакцію книгахъ и изданіяхъ будетъ оповѣщено въ одной изъ ближайшихъ книжекъ.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой въ годъ 6 р.

Лица, подписывающіяся на 5-й и 6-й годъ журнала, платятъ 10 р.,
на 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й—24 р.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала (Кіевъ, Б.-Подвальная, 15), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина, Югансона и Розова въ Кіевѣ, а также въ книжномъ магазинѣ Карла Риккера въ С.-Пб. (Невскій, 14).

Открыта подписка на 1901 г. (8 г. изд.).

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Изданіе П. П. Сойкина подъ редакціею д-ра философіи М. М. Филиппова.

„Научное Обозрѣніе“ не спеціальный, но общій журналъ, имѣющій въ виду всѣхъ читателей, интересующихся успѣхами науки, а также выдающимися литературными явленіями. Журналъ остается вѣрнымъ своимъ завѣтамъ, т.-е. попрежнему будетъ органомъ прогрессивнаго направленія, исключающаго всякій школьный догматизмъ и рутину.

Вступая въ XX вѣкъ, одной изъ задачъ котораго является распространіе научнаго образованія въ возможно широкихъ кругахъ общества, журналъ нашъ посвятитъ особое вниманіе вопросамъ самообразованія. Съ этою цѣлью редакція „Научнаго Обозрѣнія“ рѣшилась присоединить къ журналу рядъ популярныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній подъ общимъ заглавіемъ:

Народный Университетъ.

Къ концу года это приложеніе сост. большой томъ въ 40 печ. л., т.-е. 640 стр. Сочиненія и статьи, напечат. въ „Народномъ Университетѣ“, будутъ доступны даже для читателей, обладающихъ самой элементарной подготовкой.

Завѣдываніе этимъ отдѣломъ принялъ на себя извѣстный популяризаторъ В. В. Битнеръ. Для напечатанія въ „Народномъ Университетѣ“ предпол., между прочимъ, слѣдующее: Происхожденіе животнаго міра.—Міръ въ каплѣ воды.—Невидимые враги.—Происхожденіе и значеніе денегъ.—Чудеса электричества.—Мозгъ, какъ органъ мышленія.—Прогулки по небу.—Доисторическій человѣкъ. Текстъ будетъ поясненъ чертежами, рисунками и хромофотогр.

По примѣру прежнихъ лѣтъ къ „Научному Обозрѣнію“ будутъ приложены капитальныя переводныя сочиненія: *Авенариусъ*, *Міропониманіе*.—*Тардъ*, *Соціальный законъ*, и одно сочиненіе *Джона Стюарта Милля*, еще не бывшее въ русскомъ переводѣ.

Въ историческомъ отдѣлѣ приметъ ближайшее участіе выдающійся историкъ и популяризаторъ проф. А. С. Травевскій. Здѣсь, между прочимъ, будутъ печататься: Историческая хроника *Меримэ* и статьи по исторіи инквизиціи. Отдѣлъ обзора журналовъ русскихъ и иностранныхъ будетъ значительно расширенъ, что дастъ читателямъ возможность въ сжатомъ видѣ слѣдить за современнымъ движеніемъ человѣческой мысли, открытіями, изобрѣтеніями, новостями литературы, искусства и науки.

Подписная цѣна на годъ безъ достав. въ С-Пб. 6 р. 50 к., 7 руб. съ доставкою и пересылкою по всей Россіи. За границу 10 рубл. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля остальные, или по одному рублю, начиная съ декабря.

Адресъ конторы: С-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, 12, собств. домъ.

Годъ

въ 1901 году

седьмой.

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить еженѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1901 г.

Программа журнала включаетъ въ себя слѣдующіе отдѣлы:

- I. Указанія и распоряженія правительства.
- II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи.
- III. Циркулярныя распоряженія Министра Юстиціи.
- IV. Свѣдѣнія о работахъ по пересмотру законоположеній по судебной части.
- V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи, преимущественно въ области судопроизводства, уголовного права и судопроизводства, гражданского права и судопроизводства, торгового права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.
- VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.
- VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библиографическій указатель юридической литературы русской и иностранной.
- VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.
- IX. Историческіе матеріалы; разныя новѣстія.

Въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ 1894—1900 гг. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ: П. А. Ананьева, К. Н. Анненкова, Н. И. Барковского, А. П. Башпилова, А. А. Башмакова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. И. Бобрікова, А. М. Бобріцева-Пушкина, А. Л. Боровиковскаго, Я. Ф. Браве, А. Н. Бутовскаго, В. И. Бѣлинскаго, Е. В. Васьковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Витте, кн. В. А. Волконскаго, А. К. Вульфберта, Н. Н. Галкина-Враскаго, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, В. Н. Герарда, А. А. Герке, В. М. Гессена, І. В. Гессена, С. К. Гогеля, А. В. Горбунова, В. М. Гордона, Я. К. Городыскаго, Д. Д. Гримма, М. О. Громницкаго, А. М. Гуляева, А. Г. Гусакова, П. Н. Гуссакскаго, В. В. Давыдова, Е. В. Давыдова, Н. В. Давыдова, В. П. Давыдова, В. П. Давыдова, В. П. Давыдова, Г. В. Демченко, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, Д. А. Дриля, М. С. Дурасова, М. В. Духовскаго, М. А. Дьяконова, Я. В. Есиповича, А. А. Жижилеко, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирова, В. В. Ивановскаго, Н. И. Ивановскаго, И. Е. Ильяшенко, В. Л. Исаченко, П. А. Ифлянда, А. И. Каминки, Н. И. Карабченскаго, І. И. Карницкаго, Л. А. Кассо, П. И. Ковалевскаго, А. О. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиловскаго, А. А. Левенстима, О. И. Леонтовича, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И. Лихачева, Н. А. Логанова, М. А. Лозина-Лозинскаго, А. И. Лыкошина, Н. Ф. Магницкаго, П. М. Майкова, Л. Б. Мандельштама, И. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Мунцова, П. М. Мишца, В. Ф. Мухина, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечяева, С. П. Никонова, П. Н. Обнинскаго, Ф. И. Оседкаго, О. Я. Пергамента, А. А. Шилленко, Э. Э. Пирвица, А. А. Піонтковскаго, А. Ф. Поворинскаго, Н. А. Полетаева, Н. Х. Померанцева, К. Э. Постовскаго, Н. Г. Принца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. фонъ-Резона, С. А. Рязникова, А. К. Рихтера, П. Я. Розенбаха, Н. Н. Розина, С. Д. Рудина, Г. К. Рѣпинскаго, И. К. Савицкаго, А. К. Сарандо, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, Г. Б. Слюзберга, В. К. Случевскаго, И. И. Солдартисскаго, В. Д. Спасовича, В. И. Срезневскаго, М. С. Студентскаго, Е. Н. Тарновскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимошова, Н. Н. Товстолѣса, С. Н. Трегубова, П. А. Тулуба, Н. А. Тура, Д. В. Тукевича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, Г. С. Фельдштейна, П. Я. Фойницкаго, Б. Н. Хавскаго, И. А. Харламповича, В. М. Цингмана, А. Г. Чайковскаго, В. Е. Чипихина, К. В. Шаврова, М. П. Шафиро, Г. Ф. Шершеневича, К. А. Шиншко, И. Г. Щеголовитова, Г. Ф. Юргенса, И. Е. Энгельмана, А. Г. Яковлева и др.

Подписная плата 8 руб. въ годъ съ достав. и пересыл. За границу 10 руб. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній—по 1 руб., съ приложеніями—по 2 руб.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ назначеѣвъ пользуются разсрочною до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочною до 2 руб. въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленные при Университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣднія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ при подпискѣ въ Главной Конторѣ, — по 5 рублей въ годъ.

Нижныя магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Пбурѣ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналъ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 коп. за строку и 8 руб. за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ө. Дерюжинскій.

„Этнографическое Обзорѣніе“.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, посвящено изученію преимущественно народностей Россіи и, главнымъ образомъ ихъ, духовнаго быта: обрядовъ, вѣрованій, обычнаго права, народной словесности и пр.

„Этнографическое Обзорѣніе“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ (каждая около 12 листовъ), приблизительно въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою 5 р., за границу 6 р.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (*Москва, Политехнический Музей*, на Лубянской площади) и въ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „Этнографическое Обзорѣніе“ рекомендовано для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

При кн. XVIII приложенъ „Указатель къ Этнографическому Обзорѣнію“ за 1889—1892 гг. (кн. I—XV). Цѣна въ отдѣльной продажѣ 15 к.

Вышелъ изъ печати и разсылается желающимъ второй выпускъ „Указателя къ Этнографическому Обзорѣнію“ за 1893—1896 гг. (кн. XVI—XXXI). Отдѣльно цѣна 20 коп.

Статьи и матеріалы слѣдуетъ адресовать: въ редакцію „Этнографическаго Обзорѣнія“, *Москва, Политехнический Музей*.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Москов-
скомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ
Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
СЕКРЕТАРЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
А. А. Иванова.

1901 г., № № 3 и 4.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, домъ Обиной.
1901.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

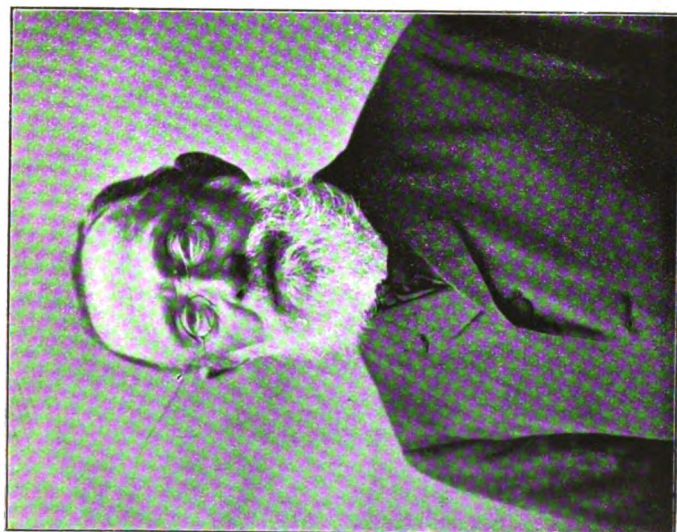
СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Д. Н. Анучинъ. Рудольфъ Вирховъ (съ 2 порт. и 2 рис.). I—XXXII	
Р. Л. Вейнбергъ. Эсты (съ 12 рис.)	1
В. В. Воробьевъ. Наружное ухо человѣка (съ 6 рис.) . . .	47
Н. А. Аристовъ. Этническія отношенія на Памиръ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ (продолж.) . .	108
К. М. Курдовъ. Къ антропологии лезгинъ: кюринцы (съ 4 рис.)	165
Л. О. Перфильевъ. Сомалийцы	177

Изъ иностранной литературы:

Р. Л. Вейнбергъ. О физическихъ особенностяхъ первобытнаго человѣка (съ 6 рис.)	184
А. А. Ивановскій. Зубы у различныхъ человѣческихъ расъ (съ 2 рис.)	203
Б. Ө. Адлеръ. Происхожденіе европейскихъ народовъ (по Fr. Ratzel'ю).	212
А. А. Ивановскій. Карлики и пигмеи (по Норф'ю).	215
Критика и библіографія.	218

D-r Ant. Nyström—Ueber die Formenveränderungen des menschlichen Schädels und deren Ursachen. Braunschweig, 1901. Д. А. Корончевская.—Prof. E. Baelz—Menschen-Rassen Ost-Asiens mit specieller Rücksicht auf Japan. Berl., 1901. А. А. Ивановская.—W. Bogoras—The Chukchi of Northeastern Asia. Washington, 1901. С. А. Королева.—Mir. Ellis—The human ear, its identification and physiomy. Lond., 1900. В. В. Воробьева.—Д-ръ Д. П. Никольскій—О спиртныхъ напиткахъ среди нашихъ инородцевъ. Спб., 1901. В. Н. Розанова.—Д-ръ Д. П. Никольскій—Программа для собранія свѣдѣній о половой зрѣлости женщинъ. Спб., 1901. Его же.—Д-ръ И. В. Лифшицъ—Физическое развитіе учащихся въ земскихъ школахъ Лужскаго у., Петербургск. губ. Д. П. Никольскаго.—Д. І. Перетцъ—Очеркъ санитарнаго состоянія школъ Калмыковъ.

1892 г.

Рудолфъ Вирховъ.

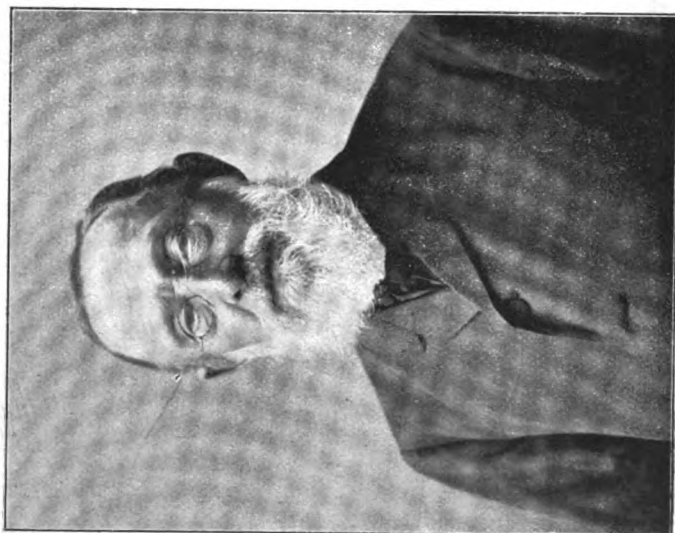
1900 г.

скаго у. и физическое развитіе ихъ учениковъ въ 1896—97 гг. *Ею же.*—E. Pittard—Contribution à l'étude anthropologique des esquimaux du Labrador et de la baie d'Hudson. 1901. *В. В. Воробьева.*—Ed. Krause—Die Schraube, eine Eskimo-Erfindung? K. v. den Steinen—Die Schraube, keine Eskimo-Erfindung; G. v. Buchwald—Zur Frage nach dem Alter der Schraube. 1901. *С. А. Вайсенберга.*—B. Laufer—Felszeichnungen vom Ussuri, 1901. *Ею же.*—Dr. W. Demetrykiewicz—Warunki pracy naukowej na polu archeologii przedhistorycznej w Polsce i kwestye ich zasadniczej poprawy. *Ю. Д. Талько-Гринцевича.*—Prof. W. G. Sumner—The Yakuts. Lond., 1901. *А. А. Ивановскаго.*—Dr. O. Schoetensack—Die Bedeutung Australiens für die Heranbildung des Menschen aus einer niederen Form. Berl., 1901. *Ею же.*

Извѣстія и замѣтки. 230

Присужденіе преміи по антропологии имени А. П. Раздѣтова В. В. Воробьеву.—Чествованіе Руд. Вирхова московскими учеными обществами.—Новѣйшія антропологическія изслѣдованія въ Россіи.—Результаты Дезуповской экспедиціи на сѣверо-востокъ Сибири.—† А. А. Токарскій.—Экспедиція Ф. Я. Кона въ Засаянскій край.—Журналъ „Финско-угорскія изслѣдованія“.—Русско-китайскій музей въ Портъ-Артурѣ.—Юбилей проф. Фр. Ратцеля.—Антропологическія Общества въ Японіи.—Пожертвованіе на открытіе каедры антропологии въ университетѣ Беркелѣ.—Лекціи въ „École d'Anthropologie“.—Присужденіе Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи серебряныхъ медалей за антропологическія изслѣдованія.—Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія.

Объявленія. 236

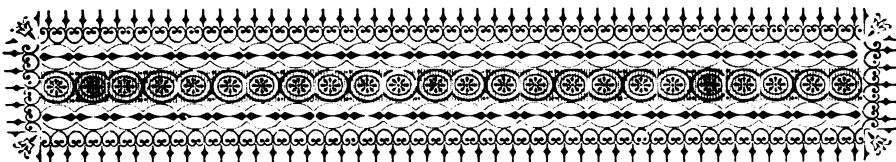

1892 г.

1900 г.

Рудолфъ Вирховъ.

Рудольфъ Вирховъ.

(По поводу его 80-тилѣтія).

I.

Краткій біографическій очеркъ.

Десять лѣтъ тому назадъ, 1—13-го октября 1891 года, въ Берлинѣ торжественно чествовали Рудольфа Вирхова по поводу исполнившейся тогда семидесятилѣтней годовщины со дня его рожденія. Судьба съ тѣхъ поръ продолжала благопріятствовать маститому ученому: онъ былъ предметомъ чествованія по случаю наступившаго въ 1897 г. пятидесятилѣтія его академической дѣятельности (со времени вступленія на кафедру въ званіи доцента), по случаю празднованія имъ золотой свадьбы и, наконецъ, сегодня ему предстоитъ быть объектомъ овацій по поводу достиженія имъ 80-тилѣтняго возраста. Нельзя сказать, чтобы новое десятилѣтіе ознаменовалось со стороны Вирхова какими-нибудь новыми выдающимися научными открытіями; онъ продолжалъ неутомимо работать, напечаталъ нѣсколько изслѣдованій, сдѣлалъ не мало сообщеній, произнесъ рядъ рѣчей, но все это не могло существенно увеличить его извѣстность и славу, обязанныя его научной дѣятельности въ прежнія десятилѣтія, съ конца 40-хъ по 60-ые годы. Но болѣе широкая сфера дѣятельности благопріятствовала болѣе извѣстности дѣятеля, и имя Вирхова, бывшее въ 40-хъ и 50-хъ годахъ хорошо знакомымъ только специалистамъ-ученымъ и врачамъ, стало мало-по-малу извѣстнымъ и въ другихъ общественныхъ кругахъ, сдѣлалось популярнымъ не только въ Германіи, но и во всемъ культурномъ мірѣ. Болѣе 50-ти лѣтъ занимаетъ Вирховъ кафедру патологической анатоміи въ берлинскомъ университетѣ, и его ученики разсѣяны всюду—до Японіи, Америки, Африки и Австраліи включительно; болѣе 50-ти лѣтъ онъ стоитъ

во главѣ редакціи *Архива Патологической Анатоміи* (или „Вирховскаго“ архива), въ которомъ была помѣщена масса работъ его самого и его учениковъ и коллегъ; болѣе 30-ти лѣтъ руководить онъ дѣятельностью берлинскаго антропологическаго Общества и является главою нѣмецкой антропологіи на съѣздахъ антропологовъ и на международныхъ конгрессахъ; многіе десятки лѣтъ работалъ онъ по вопросамъ гігіены и медицины въ берлинскомъ самоуправленіи, принималъ живое участіе въ дѣлѣ популяризаціи науки среди рабочихъ массъ, дѣйствовалъ въ прусской палатѣ депутатовъ и въ германскомъ рейхстагѣ въ рядахъ прогрессивной партіи, призывался въ качествѣ члена высшаго прусскаго медицинскаго учрежденія къ совѣщаніямъ по выработкѣ санитарнаго законодательства, мѣрь противъ эпидеміи и т. д. Въ годы войнъ (1866, 1870) онъ занимался организаціей добровольной помощи больнымъ и раненымъ, а въ 1870 г. сопровождалъ даже лично санитарный поѣздъ во Францію и обратно; въ годы мира онъ посѣщалъ нѣмецкіе и международные научные конгрессы въ различныхъ центрахъ Европы или отправлялся для антропологическихъ и археологическихъ изслѣдованій на Кавказъ, въ Малую Азію, въ Египетъ и т. д. Свою подвижность, бодрость и отзывчивость сохранилъ онъ до глубокой старости; осенью прошлаго года на съѣздѣ антропологовъ въ Галле онъ произнесъ довольно длинную рѣчь объ отношеніяхъ между патологіей и антропологіей, выступилъ съ докладомъ о времени появленія славянъ въ Германіи и, кромѣ того, въ теченіе года сдѣлалъ рядъ сообщеній въ берлинскомъ антропологическомъ Обществѣ; лѣтомъ нынѣшняго года онъ отправился во Флоренцію привѣтствовать италіанское антропологическое Общество съ 30-тилѣтіемъ его существованія и, кстати, ознакомиться ближе съ результатами новѣйшей дѣятельности италіанцевъ по антропологіи и археологіи. Лѣтъ ужъ десять назадъ сталъ онъ жаловаться на надоедающіе ему катарры и на слабѣющія силы, но въ общемъ онъ сохранилъ и обширную память, и способность къ работѣ, и интересъ къ различнымъ вопросамъ знанія, и готовность къ посильному участію какъ въ общественной дѣятельности, такъ и въ дружеской бесѣдѣ, въ кругу ли свѣтскихъ дамъ, или среди своихъ коллегъ, учениковъ, почитателей и знакомыхъ, разсѣянныхъ по всему свѣту.

Неоднократно обращались къ Вирхову съ вопросами, какъ успѣваетъ онъ работать въ различныхъ областяхъ знанія и общественной дѣятельности, какъ хватаетъ ему времени и силъ на одновременное служеніе различнымъ задачамъ науки и жизни. Маститый ученый отвѣчалъ, что онъ обладаетъ привычкой къ труду и достаточно крѣпкимъ здоровьемъ, притомъ же переходъ отъ одного рода занятій къ другимъ дѣйствуетъ на него освежающимъ образомъ и замѣняетъ ему отдыхъ. Впрочемъ, продуктивность труда и умѣнье пользоваться временемъ есть черта, свойственная многимъ ученымъ и общественнымъ дѣятелямъ Запада. Тамъ довольно обык-

новенное явленіе, что профессоръ уже въ 7 час. утра читаетъ лекціи или работаетъ въ своей лабораторіи, клиникѣ и т. д., что онъ успѣваетъ прочитывать рядъ курсовъ, вести приктическія занятія и въ то же время неуставно работать въ области своей науки, выступать почти ежегодно съ новыми изслѣдованіями, общими сочиненіями, руководствами, принимать участіе въ дѣятельности ученыхъ обществъ, съѣздовъ, въ редакціяхъ періодическихъ изданій, нерѣдко и въ популяризаціи науки или въ политической жизни своей страны. Зависитъ эта продуктивность труда, конечно, отъ многихъ причинъ, въ ряду которыхъ видное мѣсто занимаютъ: лучшая образовательная подготовка въ дѣтствѣ и юности, болѣе правильная школа, проходима въ молодые годы научныхъ занятій, вліяніе окружающей среды специалистовъ, вызывающее усиленную конкуренцію въ каждой профессіи, удобныя условія работы въ тихихъ университетскихъ городахъ и обиліе научныхъ средствъ въ болѣе крупныхъ центрахъ, характеръ общественной жизни, уложенной въ культурныя формы и допускающей болѣе широкое развитіе общественной дѣятельности.

Каждый дѣятель въ области знаній является, съ одной стороны, продуктомъ развитія тѣхъ задатковъ, способностей, физическихъ и духовныхъ силъ, которыя переданы ему наслѣдственностью и сложились въ результатъ эмбриональной и послѣдующей эволюціи его организма, а съ другой—продуктомъ разнообразныхъ вліяній и воздѣйствій, испытанныхъ личностью въ разныя эпохи жизни, въ школѣ, въ университетѣ, на первыхъ порахъ самостоятельной дѣятельности и въ дальнѣйшіе годы производительной работы. Вирховъ по условіямъ своего первоначальнаго воспитанія не выдѣлялся ничѣмъ особеннымъ изъ своихъ сверстниковъ. Происходи изъ скромной купеческой семьи, онъ родился 13-го октября 1821 г. въ маленькомъ городкѣ Помераніи Шивельбейнѣ, гдѣ посѣщалъ народную школу, а затѣмъ былъ подготовленъ къ поступленію въ гимназію въ Кесслинѣ. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе своими способностями, особенно необычнымъ для своего возраста знаніемъ латыни. Не менѣе удачно справлялся онъ и съ греческими *extemporalia*, но не по сознательному примѣненію грамматическихъ правилъ, а по усвоенному имъ рано, еще до гимназіи, навыку, чѣмъ и возбудилъ подозрѣніе къ себѣ со стороны преподавателя греческаго языка Грибена, который не могъ понять, какъ можно схватывать обороты языка, не давая себѣ яснаго въ нихъ отчета, и заподозрилъ Вирхова въ искусномъ пользованіи недозволенными вспомогательными средствами. Свое предубѣжденіе противъ Вирхова онъ не оставилъ и впослѣдствіи и, несмотря на то, что на окончательномъ испытаніи Вирховъ вполне удачно справился съ труднымъ переводомъ, подалъ голосъ противъ него, какъ не обладающаго, по его мнѣнію, моральною зрѣлостью для университета. Прочіе члены гимназическаго совѣта однако съ этимъ не согласились, и Вирховъ занялъ первое мѣсто

въ ряду 8-ми абитуриентовъ, получившихъ аттестаты зрѣлости отъ Кёслиновской гимназіи въ 1839 г. Наклонность и способность Вирхова къ изученію языковъ выразились въ это время еще и въ томъ, что въ старшихъ классахъ онъ воспользовался случаемъ изучать еврейскій языкъ, а лѣтомъ 1839 года онъ самоучкою выучился италіанскому языку.

Уже въ гимназіи Вирховъ намѣтилъ себѣ дальнѣйшимъ предметомъ занятій медицину и по окончаніи курса поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ медико-хирургическій институтъ Фридриха-Вильгельма. Здѣсь, въ отлчіе отъ университета, онъ былъ обязанъ слѣдовать опредѣленному учебному плану въ своихъ занятіяхъ и посѣщать всѣ указанныя лекціи до—страннымъ образомъ—курсовъ „исторіи“ и „арабскихъ поэтовъ“. Въ институтѣ Вирховъ встрѣтилъ покровителя себѣ въ лицѣ помощника директора, генералъ-штабъ-доктора Гримма и вліятельнаго учителя и руководителя въ лицѣ профессора „спеціальной, патологической и сравнительной анатоміи и фізіологіи“, Іоганнеса Мюллера, которому нѣмецкая біологическая наука обязана существенно своими успѣхами путемъ примѣненія новыхъ, болѣе точныхъ и плодотворныхъ методовъ изслѣдованія. Въ это время только-что стала входить въ общее сознаніе „клеточная теорія“, предложенная Шлейденомъ (1838) и Шваномъ (1839) и основанное на ней болѣе широкое пользованіе микроскопомъ. І. Мюллеръ выступилъ однимъ изъ авторитетнѣйшихъ представителей этого новаго движенія въ біологіи, которое не могло не быть усвоено и его ближайшимъ ученикомъ Вирховымъ. Но рядомъ съ этимъ вліяніемъ школы съ ея новыми научными стремленіями начали сказываться у Вирхова и новыя вѣянія въ тогдашнемъ обществѣ, въ культурныхъ демократическихъ кругахъ Берлина. Выступивъ на диспутѣ 1-го октября 1843 г. съ диссертацией на спеціальную тему „*De rheumate praesertim corneae*“, Вирховъ выставилъ въ числѣ своихъ тезисовъ (по тогдашнему обычаю не стоявшихъ въ связи съ диссертацией) первымъ такой: *Nisi qui liberalibus rebus favent, veram medicinae indolem non cognoscunt*“ (т. е. только сочувствующіе либеральнымъ идеямъ понимаютъ настоящую задачу медицины).

По окончаніи университетскаго курса Вирхову предстояла или практическая дѣятельность врача, или научная дѣятельность анатома. Онъ выбралъ послѣднюю и, благодаря покровительству Гримма, получилъ мѣсто помощника прозектора при клиникѣ Charité. Здѣсь ему открылась широкая дорога къ спеціальному изученію патологической анатоміи. Ближайшимъ руководителемъ его сталъ прозекторъ Ф. Фроринъ, которому, по собственному сознанію Вирхова, онъ послѣ І. Мюллера былъ обязанъ наиболѣе своей спеціальной подготовкой. Въ 1846 г. Фроринъ по семейнымъ обстоятельствамъ покинулъ клинику и перешелъ къ завѣдыванію однимъ промышленнымъ предпріятіемъ; освободившееся мѣсто прозектора занялъ Вирховъ. Въ этомъ званіи ему скоро пришлось читать лекціи для избраннаго круж-

ка молодыхъ врачей и ближе сойтись съ нѣсколькими молодыми коллегами, стремившимися положить новыя основы медицинскому изслѣдованію. Въ ряду ихъ наиболѣе выдающееся положеніе занималъ Л. Траубе, приложившій одинъ изъ первыхъ въ Германіи опыты надъ животными къ выясненію патологическихъ явленій. Въ своихъ научныхъ стремленіяхъ этотъ кружокъ молодыхъ изслѣдователей стоялъ довольно одиноко; ему трудно было даже найти журналъ для помѣщенія своихъ работъ въ новомъ направленіи. Траубе рѣшился поэтому основать собственный органъ: *Beiträge zur experimentellen Pathologie und Physiologie*; Вирховъ помѣстилъ въ первой книжкѣ этого сборника свою знаменитую работу о закупориваніи легочной артеріи, основанную также на результатахъ опытовъ надъ животными, разъяснившихъ ему процессъ указаннаго патологическаго явленія, наблюдаемаго нерѣдко у человѣка. „Beiträge“ просуществовали недолго; ихъ вышло всего двѣ книжки, а затѣмъ дѣло остановилось вслѣдствіе затрудненій по изданію. Продолжать его взялись Вирховъ и Рейнгардтъ; случай помогъ имъ найти сговорчиваго издателя, и они положили основаніе знаменитому *Архиву Патологической Анатоміи*, продолжавшему издаваться и послѣ смерти Рейнгардта подъ редакціей Вирхова. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Вирхова привѣтствовали по случаю выхода 150-го тома этого журнала.

За работами надъ выясненіемъ закупориванія артерій, надъ явленіями такъ-называемаго тромбоза, эмболіи, воспаления кровеносныхъ сосудовъ слѣдовала классическая работа надъ лейкэміей (бѣлокровіемъ), патологическимъ явленіемъ, обусловленнымъ, какъ показалъ Вирховъ, умноженіемъ числа безцвѣтныхъ или бѣлыхъ тѣлецъ крови и уменьшеніемъ красныхъ ея шариковъ. Одновременно заявилъ себя Вирховъ и рѣзкимъ критикомъ многихъ господствовавшихъ тогда въ патологіи воззрѣній, проводимыхъ тогдашнимъ главою патолого-анатомовъ, вѣнскимъ профессоромъ Рокитанскимъ. Но не въ сферѣ одной науки выразилась уже тогда дѣятельность Вирхова. Командированіе его въ февралѣ 1848 года въ Верхнюю Силезію для изученія свирѣпствовавшей тамъ эпидеміи голоднаго тифа дало ему поводъ, въ обширномъ отчетѣ объ этой эпидеміи (напечатанномъ имъ въ своемъ *Архивѣ*), подробно описать положеніе полуторамилліоннаго населенія этой провинціи, находившагося въ безотрадномъ состояніи невѣжества, нищеты и голода. Польское по происхожденію, подвергнутое германизации, которая однако не дала ему никакой культуры, поработанное патерами, чиновниками и помѣщиками и лишь два года тому назадъ освобожденное отъ барщины, это населеніе оставалось на крайне низкой ступени культуры и видѣло одинъ источникъ для облегченія своихъ страданій—въ водкѣ. Разобравъ характеръ и распространеніе эпидеміи, Вирховъ призналъ, что зло здѣсь слишкомъ глубоко, чтобы могли помочь какія-нибудь микстуры, и что требуются радикальныя соціальныя реформы для поднятія благосостоя-

нія народа. Реформы эти, по мнѣнію Вирхова, должны состоять въ распространѣніи школъ, въ введеніи широкаго самоуправленія, въ реформѣ налоговъ, въ отмѣнѣ многихъ привилегій отдѣльныхъ лицъ, въ мѣрахъ къ улучшенію земледѣлія, въ устройствѣ путей сообщенія, въ содѣйствіи государства къ развитію ассоціацій, въ предоставленіи имъ кредита и т. д. Все это сопровождалось рѣзкой критикой тогдашнихъ прусскихъ бюрократическихъ порядковъ.

Вирховъ вернулся въ Берлинъ 10-го марта, въ самый разгаръ революціоннаго движенія, начавшагося 6-го марта и извѣстнаго въ исторіи подъ названіемъ „мартовскихъ дней“. Одинъ изъ друзей Вирхова принялъ участіе въ борьбѣ на баррикадахъ, самъ Вирховъ рѣшилъ дѣйствовать путемъ печатнаго слова на почвѣ медицины. Основавъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Лейбушеромъ новый органъ *Медицинскую Реформу*, онъ сталъ проводить въ ней свои взгляды на обязанность общества обратить серьезное вниманіе на здоровье народа. „Врачи,—утверждалъ онъ,—естественные защитники бѣдныхъ, и социальный вопросъ относится въ значительной долѣ къ ихъ юрисдикціи“. Государство должно озаботиться тѣмъ, чтобы народъ имѣлъ удовлетворительныя условія гигиеническаго существованія. Филантропія отдѣльныхъ лицъ недостаточно; требуется организованная государственная помощь. Вирховъ настаивалъ также на реорганизации медицинскаго управленія, на реформѣ университетовъ, на введеніи въ школу естествознанія и т. д. Эта горячая публицистическая дѣятельность обратила на молодого ученаго вниманіе общества, и въ октябрѣ 1848 г. одинъ изъ тюрингенскихъ округовъ выбралъ его въ прусское учредительное собраніе, но Вирховъ не могъ принять этихъ полномочій за недостиженіемъ еще требуемаго закономъ возраста (30-ти лѣтъ). Съ другой стороны, эта дѣятельность настроила неблагопріятно для Вирхова прусскія административныя сферы. Обстоятельство, что больница Charité была выбрана мѣстомъ народнаго собранія въ соответственномъ избирательномъ округѣ Берлина, хотя это произошло не только безъ участія Вирхова, но даже противъ категорически выраженнаго имъ желанія, было тѣмъ не менѣе поставлено ему въ счетъ. Его хотѣли отрѣшить отъ должности, но на первый разъ ограничились тѣмъ, что отняли казенную квартиру въ Charité и часть содержанія, предупредивъ его, что дальнѣйшее отношеніе къ нему администраціи будетъ зависѣть отъ его поведенія. Положеніе Вирхова стало критическимъ; по счастью, у него оказались въ университетскихъ сферахъ вліятельные друзья, которые обратили на него вниманіе вюрцбургскаго университета. Тамъ тоже сначала нашлись противники, опасавшіеся профессора-демократа, но его научная репутация взяла верхъ, и Вирховъ былъ приглашенъ на кафедру патологіи въ этомъ университетѣ.

Семь лѣтъ пребыванія въ Вюрцбургѣ Вирховъ называлъ потомъ одною изъ самыхъ счастливейшихъ эпохъ своей жизни. Въ тихомъ бавар-

скомъ городкѣ, вдали отъ шума прусской столицы, вступивъ только-что въ бракъ съ дочерью берлинскаго акушера Майера, онъ могъ предаться здѣсь исключительно мирному занятію наукой. Встрѣтивъ въ числѣ своихъ новыхъ коллегъ нѣсколькихъ ревностныхъ научныхъ дѣятелей въ усвоенномъ имъ новомъ біологическомъ направленіи, онъ основалъ вмѣстѣ съ ними (съ Келликеромъ, Лейдигомъ, Г. Мюллеромъ и другими) «Физико-медицинское Общество», скоро обратившее на себя общее вниманіе специалистовъ своей плодотворной научной дѣятельностью. Въ Юрцбургѣ Вирховъ заявилъ себя цѣлымъ рядомъ работъ, положившихъ основы развитой имъ позже «клеточной патологіи»; онъ организовалъ также на новыхъ началахъ преподаваніе патологіи и существенно содѣйствовалъ извѣстности и славѣ юрцбургскаго университета.

Въ 1856 г., когда въ берлинскомъ университетѣ была учреждена новая кафедра патологической анатоміи (ранѣе соединявшаяся съ кафедрой нормальной анатоміи), прусское министерство народнаго просвѣщенія (во главѣ его стоялъ съ 1850 года Раумеръ) измѣнило свое отношеніе къ Вирхову и, слѣдуя указанію І. Мюллера, предложило ему занять только-что основанную кафедру въ Берлинѣ. Вирховъ принялъ предложеніе, поставивъ только условіемъ учрежденіе спеціальнаго патологическаго института. Условіе это было выполнено, для института возведено новое зданіе, и Вирховъ могъ начать въ Берлинѣ болѣе широкую научную и общественную дѣятельность. Въ первые два-три года онъ сосредоточился почти исключительно на своей спеціальности: имъ и его ближайшими помощниками было опубликовано нѣсколько важныхъ изслѣдованій, издано обстоятельное руководство по технике вскрытій, значительно обогащенъ патологическій музей. Въ 1858 г. Вирховъ прочиталъ берлинскимъ врачамъ курсъ «клеточной патологіи», заключавшій въ себѣ сводку его воззрѣній и работъ по различнымъ вопросамъ патологической науки и явившійся (въ стенографическомъ его изданіи) классическимъ сочиненіемъ въ этой области. Въ противность господствовавшимъ ранѣе взглядамъ онъ развилъ въ немъ идею, что клетки организма всегда происходятъ отъ клетокъ (*omnis cellula a cellula*), изъ совокупной жизни и дѣятельности которыхъ и складывается жизнь организма, которые служатъ основой и для разнообразныхъ болѣзненныхъ образованій, возникающихъ при нарушенныхъ условіяхъ жизни тѣхъ или иныхъ группъ клетокъ. Примѣненіемъ этой теоріи явился широко задуманный трудъ о „болѣзненныхъ опухоляхъ“, въ которомъ былъ систематически проведенъ генетическій принципъ въ объясненіи образованія и сущности этихъ патологическихъ образованій. Первый томъ этого труда появился въ 1863 году, второй — въ 1865, первая половина 3-го — въ 1867, а до конца онъ такъ и не былъ доведенъ. Вирховъ былъ отвлеченъ отъ его окончанія другими вопросами и занятіями.

Въ столицѣ прусскаго государства Вирховъ оказался въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ во второстепенномъ баварскомъ городкѣ. Здѣсь ему пришлось стать лицомъ къ лицу съ болѣе развитою общественною и политическою жизнью, начавшею скоро предъявлять свои запросы выдающемуся научному дѣятелю и реформатору въ медицинѣ. Въ 1859 г. къ нему впервые обратилось за содѣйствіемъ въ разъясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ берлинское самоуправленіе, а въ 1861 году онъ вошелъ въ составъ берлинскаго муниципалитета. Здѣсь ему пришлось принять дѣятельное участіе въ вопросахъ о канализаціи и устройствѣ полей орошенія, снабженіи города хорошей водою, организаціи санитарнаго надзора и медицинской статистики, устройствѣ гигиеническихъ школьныхъ помѣщеній, улучшеніи больничнаго дѣла. Въ 1862 г. послѣдовало избраніе Вирхова въ прусскую палату депутатовъ, въ которой онъ скоро сталъ однимъ изъ руководителей прогрессивной партіи. Отзываясь на текущіе общественные вопросы и запросы, Вирхову пришлось принять участіе и въ обсужденіи вопроса о женскомъ образованіи, и въ дѣлѣ распространенія знаній среди рабочихъ массъ. Онъ самъ выступалъ неоднократно съ популярными лекціями для рабочихъ, а въ 1866 году, совмѣстно съ проф. Гольцендорфомъ, принялъ на себя редакцію „Сборника общепонятныхъ научныхъ чтеній“, выходящаго отдѣльными брошюрами (ихъ вышло съ тѣхъ поръ нѣсколько сотъ). Въ 1880 году Вирховъ вступилъ въ германскій рейхстагъ депутатомъ отъ второго берлинскаго избирательнаго округа и сталъ скоро виднымъ дѣтелемъ въ рядахъ „прогрессивной“, позже „свободомыслящей“ партіи. Ему пришлось въ это время участвовать и въ парламентской борьбѣ съ Бисмаркомъ и въ отстаиваніи культурныхъ задачъ передъ центромъ и клерикалами.

Съ другой стороны, и въ области науки Вирховъ не остался въ тѣсныхъ предѣлахъ патологій. Изученіе нѣкоторыхъ патологическихъ явленій, въ частности кретинизма, привело его къ изслѣдованію варіацій человѣческаго типа вообще, открыло передъ нимъ обширную область антропологій. Послѣдовавшія въ 50-хъ и 60-хъ годахъ открытія въ области доисторической археологій и палеонтологій человѣка возбудили въ немъ живой интересъ и, видя, что Германія въ этой области изслѣдованій значительно отстала отъ другихъ странъ Западной Европы, онъ рѣшилъ продвинуть эту отрасль изученія и въ своемъ отечествѣ. Въ 1869 г. по его инициативѣ была основана секція «антропологій и этнологій» на нѣмецкихъ сѣздахъ натуралистовъ и врачей, положено основаніе нѣмецкому антропологическому Обществу, устраивающему съ тѣхъ поръ ежегодно, осенью, свои сѣзды, учреждено въ Берлинѣ „Общество антропологій, этнологій и первобытной исторіи“, президентомъ котораго онъ состоитъ уже болѣе 30-ти лѣтъ. Съ 1870 года Вирховымъ сдѣлана масса сообщеній и опубликованъ рядъ важныхъ изслѣдованій по различнымъ вопросамъ антропологій и археологій.

Начавъ такимъ образомъ съ дѣятельности прозектора, перейдя затѣмъ отъ констатированія патологическихъ фактовъ къ ихъ истолкованію путемъ примѣненія новыхъ плодотворныхъ методовъ естествознанія, давъ мощный импульсъ реформѣ патологіи и медицины, Вирховъ мало-по-малу перешелъ къ болѣе широкой научной, общественной и политической дѣятельности, направленной, съ одной стороны, къ многостороннему изученію челоуѣка, съ другой—къ посильному содѣйствію обществу и государству въ осуществленіи ими запросовъ культуры. Если эта широта дѣятельности ограничила нѣсколько его специальную производительность, какъ патолога, за-то она, значительно расширивъ его кругозоръ, обогатила новыми данными другія отрасли науки о челоуѣкѣ и принесла пользу культурѣ во многихъ другихъ отношеніяхъ. Есть два типа ученыхъ дѣятелей: одни—какъ, напримѣръ, Ньютонъ, Дарвинъ, Гельмгольцъ—отдають себя всецѣло научному изслѣдованію и, проникая своими духовными очами въ сокровенную глубину явленій, открываютъ новые ихъ законы и новые горизонты знанію; другіе,—и типичнымъ представителемъ ихъ является Вирховъ,—соединяють въ своемъ лицѣ мощную способность къ научнымъ изслѣдованіямъ и открытіямъ въ извѣстной специальности съ широкою отзывчивостью къ вопросамъ знанія вообще, съ критическимъ отношеніемъ къ явленіямъ жизни и мысли, съ готовностью служенія своему народу и обществу во всѣхъ областяхъ, гдѣ могутъ принести пользу специальнаго познанія и внесеніе идеаловъ высшей культуры. И тѣ, и другіе воплощаютъ въ себѣ лучшія стороны челоуѣчества; и тѣхъ, и другихъ челоуѣчество высоко чтить; но вторыя стоятъ ближе къ массамъ, принимаютъ болѣе къ сердцу интересы этихъ массъ, дѣятельнѣе отзываются на текущіе вопросы общества и знанія. Историкъ науки приложить къ тѣмъ и другимъ одинаковое мѣрило и поставить, можетъ-быть, нѣкоторыхъ дѣятелей первой категоріи выше многихъ дѣятелей второй, но историкъ культурнаго движенія извѣстной эпохи, обязанный считаться со всѣми ея теченіями, придетъ, можетъ-быть, къ иной оцѣнкѣ и приметъ во вниманіе не только служеніе чистой наукѣ, но и степень ближайшаго содѣйствія культурному движенію данной страны и эпохи. Покуда, впрочемъ, Вирховъ живъ и здравствуетъ, а потому едва ли умѣстно подводить окончательные итоги его дѣятельности. Ограничимся краткимъ указаніемъ его заслугъ и, отнесясь къ нимъ съ признательностью, пожелаемъ маститому дѣятелю сохранить возможно долѣе свои силы и здоровье для продолженія его трудовой дѣятельности, для служенія до конца наукѣ и цивилизації.

(Изъ «Русскихъ Вѣдомостей» 1901 г., № 270).

II.

Р. Вирховъ какъ антропологъ ¹⁾.

Всемирная научная извѣстность Рудольфа Вирхова обусловливается прежде всего его трудами и открытіями въ области патологической анатоміи и патологической фізіологіи. Съ его именемъ связана важная реформа въ области пониманія патологическихъ явленій, а, слѣдовательно, и въ области медицины вообще. Но эти, — какъ выражаются нѣмцы, — *bahnbrechende* (пролагающія новую дорогу) изслѣдованія Вирхова относятся къ концу 40-хъ, къ 50-мъ и 60-мъ годамъ истекшаго столѣтія; они принадлежатъ, слѣдовательно, уже прошлому медицине. Въ болѣе близкое къ намъ время, начиная съ 70-хъ годовъ, дѣятельность Вирхова едва ли не болѣе всего была сосредоточена на другой области явленій, на обширной области антропологіи. Вирховъ, правда, продолжаетъ занимать кафедру патологической анатоміи въ Берлинскомъ университетѣ и заведывать соответственнымъ музеемъ, существенно обогащеннымъ имъ и получившимъ нынѣ, въ новомъ его помѣщеніи, названіе «Вирховскаго»; онъ продолжаетъ быть главнымъ редакторомъ основаннаго имъ въ 1847 г. (вмѣстѣ съ проф. Рейхертомъ) «*Archiv für pathologische Anatomie*», гдѣ помѣщена масса работъ его самого, а еще болѣе его учениковъ; продолжаетъ, наконецъ, принимать иногда участіе въ обсужденіи патологическихъ вопросовъ (напр. о туберкулезѣ, проказѣ и т. д.), но любимыми предметами его занятій, тѣми, которые наиболѣе занимали его умъ въ послѣднія тридцать лѣтъ, по которымъ онъ наиболѣе писалъ и наиболѣе говорилъ въ ученыхъ Обществахъ и на сѣздахъ, были вопросы антропологіи и доисторической археологіи. Доказательствомъ тому можетъ служить не только масса книгъ, статей и рефератовъ, опубликованныхъ имъ по этимъ вопросамъ за послѣднее тридцатилѣтіе, и совокупность которыхъ значительно превышаетъ его производительность за то же время по патологіи, но и собственное его признаніе, сдѣланное имъ 20 ноября 1897 г., при чествованіи его въ Берлинскомъ Антропологическомъ Обществѣ по поводу исполнявшагося тогда 50-лѣтія его академической дѣятельности со времени выступленія его на кафедрѣ Берлинскаго университета въ званіи доцента, а также и по поводу выхода 150-го тома его «Архива». Отвѣчая на привѣтствіе проф. Вальдейера,

¹⁾ Рѣчь, произнесенная 30 сентября (13 октября н. ст.) въ актовомъ залѣ Московскаго университета въ торжественномъ соединенномъ засѣданіи московскихъ медицинскихъ Обществъ, Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, посвященномъ чествованію Рудольфа Вирхова по случаю 80-тилѣтней его годовщины.

Вирховъ, между прочимъ, сказалъ: «Вы знаете, что занятіе антропологіей была одною изъ самыхъ трудовыхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одною изъ любимыхъ задачъ моей жизни» ¹⁾. До послѣдняго времени Вирховъ занимаетъ наиболѣе видное положеніе въ средѣ нѣмецкихъ антропологовъ, состоитъ почетнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительнымъ безсмѣннымъ президентомъ и руководителемъ Берлинскаго Общества Антропологіи, Этнологіи и Первобытной исторіи, а равно и общенѣмецкаго Антропологическаго Общества, устраивающаго ежегодно свои съѣзды въ разныхъ городахъ Германіи и Австріи, является также общепризнаннымъ главою нѣмецкой антропологіи на международныхъ конгрессахъ. Характеристика Вирхова была бы далеко не полною, если бы въ ней не была принята во вниманіе его многолѣтняя, обширная и разнообразная дѣятельность въ области антропологіи. Между тѣмъ, довольно странно, что въ опубликованныхъ біографіяхъ Вирхова эта сторона его дѣятельности разсматривается очень кратко. Въ извѣстномъ біографическомъ очеркѣ его, составленномъ Бехеромъ, во 2-мъ его изданіи 1894 г., изъ 188 стр. на долю антропологической дѣятельности удѣлено только 2½; въ русской біографіи Малиса (въ «Біограф. Библіотекѣ» Павленкова) изъ 80 стр. объ этой дѣятельности упоминается только на полстраницѣ. Объясняется это тѣмъ, что біографіи Вирхова составлялись почти исключительно врачами, которые интересовались главнымъ образомъ его трудами по патологической анатоміи, вообще въ медицинскомъ отношеніи, о дѣятельности же антропологической имѣли мало свѣдѣній, да и затруднялись, повидимому, отысканіемъ необходимыхъ для ея оцѣнки матеріаловъ.

Переходъ Вирхова отъ патологической анатоміи къ антропологіи, именно къ антропологіи физической, не представлялъ собою чего-либо исключительнаго. За послѣднія 20—30 лѣтъ мы знаемъ цѣлый рядъ выдающихся анатомовъ, интересующихся антропологическими вопросами и работающихъ для ихъ разъясненія; укажу изъ сошедшихъ со сцены Брока, Велькера, Эккера, Шафгаузена, Руд. Вагнера, Бишофа, Джакомини и др., а изъ здравствующихъ еще: Швальбе, Штида, Кольмана, Ретціуса, Мануврье, Thurnam, Cunningham, Серджи и т. д. Несомнѣнно, что патологическая анатомія имѣетъ также многія точки соприкосновенія съ антропологіей; достаточно указать хотя бы на разныя аномаліи и уклоненія въ строеніи и развитіи, для выясненія которыхъ важны не только данныя эмбриологіи и сравнительной анатоміи, но и наблюденія надъ варіаціями формы и строенія у различныхъ породъ и группъ человѣка. По мнѣнію Вирхова, какъ, впрочемъ, еще и ранѣе по мнѣнію Меркеля, «между па-

¹⁾ „Sie wissen es, dass die Beschäftigung mit der Anthropologie eine der arbeitsvollsten, aber auch eine der liebsten unter den freiwillig gewählten Aufgaben meines Lebens war“ .

тологіей и фізіологіей, между нормальнымъ и нарушеннымъ развитіемъ нѣтъ принципиальной, рѣзкой границы»; «патологія есть не что иное, какъ фізіологія при затрудненныхъ условіяхъ (*Physiologie unter erschwertten Zuständen*)». Вирховъ идетъ даже далѣе и принимаетъ, что всякое уклоненіе отъ нормы можетъ быть относимо къ области «*pathos*», которую онъ различаетъ отъ области «*posos*», и въ этомъ смыслѣ различныя уклоненія въ развитіи могутъ быть разсматриваемы, какъ патическія явленія, какъ отклоненія отъ первоначальнаго нормальнаго типа. Путемъ внѣшнихъ воздѣйствій и внутренней реакціи на нихъ организма, въ послѣднемъ возникаютъ извѣстныя предрасположенія, извѣстныя измѣненія въ тканяхъ, которыя могутъ находить себѣ выраженіе и во внѣшнихъ признакахъ, и которыя, передаваясь по наслѣдству, вызываютъ безчисленныя варіаціи формъ, слагающіяся въ болѣе или менѣе обособленные групповые и расовые признаки. Такимъ образомъ, по взгляду Вирхова, патологія стоитъ въ тѣсной связи съ антропологіей, съ вопросами о предѣлахъ, значеніи и происхожденіи различныхъ варіацій человѣческаго типа.

Однако, если переходъ отъ патологической анатоміи къ физической антропологіи былъ, съ точки зрѣнія Вирхова, вполне естественнымъ, то нельзя того же сказать о переходѣ къ занятію другими отдѣлами антропологической науки, въ частности доисторической археологіей. Объясненія тутъ надо искать въ широкой умственной отзывчивости Вирхова и въ характерныхъ особенностяхъ той эпохи въ развитіи знаній, которой ему пришлось быть свидѣтелемъ и дѣятелемъ. Конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ совпадаютъ съ важными открытіями въ области первобытной археологіи и палеонтологіи человѣка. Въ это время были сдѣланы несомнѣнныя находки ископаемаго человѣка, указавшія на его глубокую древность въ Европѣ; открыты были остатки его культуры въ видѣ каменныхъ и костяныхъ издѣлій, костей жившихъ одновременно съ нимъ и служившихъ ему въ пользу животныхъ и другихъ предметовъ, поясняющихъ условія его жизни, обстановку его быта, наконецъ, остатки его самого, его скелета и черепа. Изслѣдованія пещеръ и древнихъ рѣчныхъ отложений во Франціи, остатковъ свайныхъ построекъ въ озерахъ Швейцаріи, такъ называемыхъ «кухонныхъ остатковъ» на морскомъ побережьи Даніи, древнихъ стоянокъ, жилищъ, могилъ и т. д. пролили новый свѣтъ на далекое, доисторическое прошлое человѣка и вызвали попытки уяснить это прошлое путемъ сравненія съ современными представителями аналогичныхъ ступеней культуры, съ такъ назыв. дикарями. Одновременно же (въ 1859 г.) появившееся сочиненіе Ч. Дарвина, внося новое пониманіе въ развитіе органическаго міра, открывало новые вопросы и относительно человѣка, по отношенію къ генезису его типа, эволюціи его формы, развитію его духовныхъ способностей, его культуры. Новая теорія рѣзко порывала съ установившимися традиціями и взглядами; она не могла не вызвать воз-

ражений, сомнѣній, споровъ, но нашла, вмѣстѣ съ тѣмъ, и горячихъ сторонниковъ, ставшихъ развивать ее далѣе, доводить до конечныхъ выводовъ. Возбужденіе интереса къ антропологическимъ вопросамъ стало расти; возникли съѣзды для ихъ обсужденія, стали основываться антропологическія Общества, антропологическіе журналы, явилась потребность въ собираніи новыхъ данныхъ, въ провѣркѣ старыхъ, въ обсужденіи вопросовъ различными специалистами. Вирховъ не могъ остаться чуждымъ этому новому движенію, онъ принялъ выдающееся участіе въ его развитіи.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Вирховъ, однако, оставался еще въ сторонѣ отъ этого движенія. На собравшійся въ 1861 г., въ Геттингенѣ, съѣздъ пѣмекскихъ антропологовъ, созданныхъ петербургскимъ академикомъ К. Э. фонъ-Бэромъ и геттингенскимъ профессоромъ Рудольфомъ Вагнеромъ, Вирховъ не былъ приглашенъ, очевидно потому, что его не считали еще интересовавшимся антропологическими вопросами. На этомъ съѣздѣ обсуждали, между прочимъ, вопросы о выработкѣ программы для антропологическихъ наблюдений, объ установленіи общихъ пріемовъ для краниометріи, о необходимости основать спеціальныи органъ по антропологіи, первый томъ котораго, подъ названіемъ: «Archiv für Anthropologie» и вышелъ въ 1865—66 годахъ. Вирховъ не значился въ ряду многихъ редакторовъ этого архива; онъ не заявилъ еще тогда себя чѣмъ-либо выдающимся въ области вновь возникавшей науки. Но скоро онъ отозвался на эти новые запросы и сдѣлался однимъ изъ руководителей начавшагося движенія.

Въ 50-хъ годахъ, еще находясь въ Вюрцбургѣ, Вирховъ заинтересовался, между прочимъ, явленіемъ кретинизма и, анализируя его, обратился къ изученію черепа кретиновъ. Это изученіе повело его къ изслѣдованію развитія человѣческаго черепа вообще, плодомъ чего явились изданныя имъ въ 1857 г. «Изслѣдованія о развитіи основанія черепа» (*Entwicklung des Schädelgrundes*). Эти занятія привели его далѣе къ сравненію нормальныхъ формъ череповъ, именно череповъ современныхъ и древнихъ, добытыхъ изъ древнихъ могилъ Сѣв. Германіи. Въ то же время его заинтересовали и сдѣланныя около того времени открытія древнихъ свайныхъ построекъ въ Швейцаріи и остатковъ человѣка и его культуры въ пещерахъ Франціи и древнихъ могилахъ Германіи. Въ 1867 г. онъ является въ Парижъ для осмотра всемірной выставки съ ея «галлереей труда», начинавшейся орудіями каменнаго вѣка, и принимаетъ участіе въ состоявшемся тогда въ Парижѣ II-мъ международномъ конгрессѣ антропологіи и доисторической археологіи. Онъ выступилъ на немъ съ сообщеніемъ «О древнихъ черепахъ сѣв.-восточной Германіи и о методѣ выясненія ихъ особенностей», а также съ небольшимъ сообщеніемъ по археологіи, именно о древнихъ миниатюрныхъ бронзовыхъ колесницахъ, найденныхъ въ Германіи и Швеціи и указывающихъ, повидимому, на связь бронзоваго вѣка сѣв. Европы съ культурой финикійскаго Востока. Послѣ этого мы видимъ Вирхова уже по-

стояннымъ участникомъ означенныхъ международныхъ конгрессовъ, причемъ особенно сильное впечатлѣніе произвелъ, повидимому, на него IV конгрессъ, состоявшійся въ 1869 г. въ Копенгагенѣ. Вирховъ былъ пораженъ собранными здѣсь, въ Королевскомъ музеѣ, богатыми археологическими и этнографическими коллекціями и тѣмъ интересомъ, который проявлялся здѣсь къ изученію доисторическаго прошлаго страны датскимъ правительствомъ и обществомъ. По возвращеніи въ Германію онъ рѣшилъ немедленно поднять вопросъ о необходимости подобныхъ же изученій на родинѣ и воспользовался для этого бывшимъ въ томъ же году осенью очереднымъ съѣздомъ нѣмецкихъ натуралистовъ и врачей въ Инсбрукѣ. По его инициативѣ была основана на этомъ съѣздѣ новая секція антропологін и этнографін, къ которой онъ и обратился съ призывомъ образовать въ различныхъ германскихъ городахъ мѣстные Общества антропологін, члены коихъ составляли бы одно общенѣмецкое антропологическое Общество и собирались бы ежегодно, попеременно въ разныхъ городахъ, на съѣзды въ теченіе нѣсколькихъ дней. Предложеніе это было принято, и первый нѣмецкій антропологическій съѣздъ состоялся весною слѣдующаго 1870 года, въ Майнцѣ. Но прежде, чѣмъ собрался этотъ съѣздъ, Вирховъ уже основалъ мѣстное антропологическое Общество въ Берлинѣ.

28 октября 1869 г. появилось воззваніе о желательности образованія въ Берлинѣ «Общества Антропологін, Этнологін и Первобытной исторіи», — воззваніе, подписанное, кромѣ Вирхова, еще 13 учеными, въ томъ числѣ Дюбуа-Реймономъ, Рейхертомъ, Бастіаномъ, Кипертомъ, Гартманомъ, Браунъ и др. 17 ноября Общество уже конституировалось, избрало свой совѣтъ и своего президента—Вирхова, а 11 декабря состоялось 1-е засѣданіе новаго Общества. Одновременно былъ основанъ журналъ «Zeitschrift für Ethnologie», въ приложеніи къ которому стали печататься протоколы засѣданій Антропологическаго Общества; теперь этотъ журналъ выходитъ уже 32-мъ томомъ. На первыхъ же порахъ Вирховъ сумѣлъ привлечь къ себѣ сотрудниковъ, заинтересовать ихъ новыми вопросами, причемъ самъ выступалъ съ докладами и сообщеніями почти въ каждомъ засѣданіи Общества (бывающихъ, не считая экстраординарныхъ собраній, ежемѣсячно, кромѣ августа и сентября, въ 1-ю субботу каждаго мѣсяца). Связи, которыми располагалъ Вирховъ въ разныхъ сферахъ, масса его учениковъ—врачей, разсѣянныхъ по различнымъ странамъ, наконецъ широкая извѣстность Вирхова и интересъ къ новому Обществу способствовали тому, что число членовъ послѣдняго росло и отовсюду стали получаться новые матеріалы въ видѣ рефератовъ, сообщеній, коллекцій древностей, серій череповъ и т. д. Самъ Вирховъ принималъ дѣятельное участіе въ этомъ собираніи и въ возбужденіи интереса къ антропологическимъ вопросамъ. Участвуя постоянно на ежегодныхъ съѣздахъ нѣмецкаго антропологическаго Общества, онъ выступалъ на нихъ съ рѣчами на общія и спеціальныя антропологическія

темы и вызывалъ самодѣтельность въ средѣ мѣстныхъ ученыхъ и любителей, находившую себѣ выраженіе въ обогащеніи мѣстныхъ музеевъ, въ организаціи археологическихъ раскопокъ, въ представленіи рефератовъ по мѣстной археологіи, антропологіи и этнологіи. Съ другой стороны, этимъ посѣщеніемъ различныхъ городовъ Германіи и Австріи Вирховъ пользовался для ближайшаго ознакомленія съ ихъ музеями и съ мѣстными доисторическими древностями (пещерами, свайными постройками, мегалитическими памятниками, курганами и т. д.).

Заинтересовавшись замѣчательными открытіями Шлимана на мѣстѣ древней Трои, въ Гиссарликѣ, въ Мал. Азіи, Вирховъ предпринялъ въ 1879 г. поѣздку туда вмѣстѣ съ Шлиманомъ, а позже, когда тамъ сдѣланы были новыя важныя находки, посѣтилъ вторично эту мѣстность въ 1890 г. Это его сближало съ Шлиманомъ, который при его посредствѣ пожертвовалъ свои замѣчательныя коллекціи Берлинскому этнографическому музею. Самый этотъ музей (*Museum für Völkerkunde*) также былъ обязанъ въ значительной степени своимъ развитіемъ и устройствомъ въ новомъ роскошномъ зданіи Вирхову, который, вмѣстѣ съ своимъ другомъ А. Бастіаномъ (назначеннымъ директоромъ музея), особенно хлопоталъ объ отпускѣ на этотъ предметъ необходимыхъ суммъ прусскимъ правительствомъ, изъ милліоновъ громадной контрибуціи, полученной Германіей отъ Франціи послѣ войны 1870 — 71 гг. Въ новомъ помѣщеніи этого музея нашли себѣ пріютъ и многочисленныя коллекціи, поступавшія въ Берлинское Антроп. Общество, а также библіотека послѣдняго, и вообще между музеемъ и Обществомъ, благодаря стоящимъ во главѣ обоихъ учрежденій друзьямъ, Вирхову и Бастіану, установилось тѣсное общеніе. Въ помѣщеніи музея Общество имѣетъ свои собранія, музей передаетъ Обществу поступающія къ нему, вмѣстѣ съ этнографическими предметами, расовые черепа; съ другой стороны, Вирховъ, имѣя право распоряжаться пожизненно собраннымъ въ честь его «Вирховскимъ фондомъ» (достигшимъ теперь суммы около 140,000 марокъ), предоставляетъ изъ него субсидіи на путешествія и раскопки, получаемыя изъ коихъ этнографическія и археологическія коллекціи содѣйствуютъ обогащенію музея. Въ 15 лѣтъ своего существованія въ новомъ помѣщеніи (съ 1886 г.) музей, однако, настолько наполнился, что теперь въ немъ уже не оказывается мѣста, и возникъ вопросъ о расширеніи зданія путемъ пристройки къ нему новаго корпуса. Вирховъ хлопоталъ также объ основаніи другого музея, проектируя сосредоточить въ немъ коллекціи, способныя иллюстрировать развитіе типа и быта германскаго народа, вмѣстѣ съ собраніями, необходимыми для ихъ сравнительнаго изученія, именно предлагая выдѣлить въ новый музей всю коллекцію Общества по физической антропологіи (черепа и пр.), коллекцію музея по доисторической археологіи и присоединить къ нимъ коллекціи т. наз. «Музея народныхъ костюмовъ»

(Mus. der Volkstrachten), возникшаго въ Берлинѣ также отчасти по инициативѣ Вирхова и заключающаго въ себѣ собраніе германскихъ народныхъ костюмовъ и старинныхъ предметовъ быта (нынѣ уже исчезнувшихъ или исчезающихъ); (музей этотъ, основанный и содержащійся на частныя средства, помѣщается въ наемномъ помѣщеніи). По плану Вирхова всѣ эти коллекціи могли бы составить основу для новаго «Нѣмецкаго національнаго музея», но на этотъ разъ авторитетъ Вирхова не оказалъ своего вліянія, и предложеніе его было отклонено правительствомъ, отчасти подъ предлогомъ неимѣнія свободныхъ на то средствъ, а отчасти и потому, что, по отзыву министра, указанныхъ коллекцій еще недостаточно для осуществленія идеи о Национальномъ нѣмецкомъ музеѣ, который къ тому же явился бы отчасти нежелательнымъ конкурентомъ извѣстному Нюрнбергскому германскому историческому музею, не имѣя возможности достигнуть той же полноты и наглядности собственно въ историческомъ отдѣлѣ, наиболѣе, однако, важномъ для иллюстраціи развитія культуры германскаго народа. Германское правительство выдвинуло поэтому теперь на очередь вопросъ о созданіи Центрального германскаго археологическаго института, предполагая, повидимому, сосредоточить въ немъ разсыянные въ странѣ коллекціи по доисторическимъ и историческимъ древностямъ и сдѣлать изъ него руководящій органъ для археологическихъ разысканій въ Германіи,—идея, которая, въ свою очередь, встрѣтила противника въ Вирховѣ, выступившемъ уже на антропологическомъ съѣздѣ, въ сентябрѣ 1899 г. въ Линдау, съ протестомъ противъ «стремленія къ централизациі въ области отечественной антропологии и археологии», предвидя въ ней опасность для мѣстной и частной инициативы въ этой отрасли изысканій.

Не менѣе, чѣмъ открытія Шлимана въ Гиссарликѣ (на мѣстѣ древней Трои), привлекли вниманіе Вирхова и находки бронзовыхъ древностей въ предѣлахъ нашего Кавказа, слухъ о которыхъ дошелъ до него отъ Байерна, извѣстнаго труженика—нѣмца, случайно попавшаго въ Тифлисъ и оставшагося тамъ до конца своей жизни. Первоначально натуралистъ, затѣмъ археологъ, Байернъ былъ однимъ изъ первыхъ собирателей и изслѣдователей кавказскихъ доисторическихъ древностей, и его сообщенія возбудили въ Вирховѣ сильный интересъ къ Кавказу. Въ открытіи бронзовыхъ орудій въ древнихъ могильникахъ Кавказа Вирховъ думалъ найти ключъ къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи культуры т. наз. бронзоваго вѣка на западѣ и сѣверѣ Европы,—культуры, которую различные ученые связывали съ Финикіей, Греціей, Этруріей, и разгадки которой можно было ожидать отъ археологическаго изслѣдованія Кавказа. Не долго думая, Вирховъ отправляется на Кавказъ, забирается въ глушь Осетіи, производитъ раскопки въ извѣстномъ могильникѣ у сел. Кобань и вывозитъ цѣнныя коллекціи древностей, послужившія потомъ матеріаломъ для его обширнаго труда о Кобаньскомъ могильникѣ. Попутно онъ присматри-

вается къ типамъ кавказскихъ народностей и собираетъ наблюденія надъ осетинами, въ типѣ которыхъ нѣкоторые изъ прежнихъ нѣмецкихъ путешественниковъ находили черты, сходныя съ признаками германскаго племени. Интересъ къ Кавказу Вирховъ не оставилъ до настоящаго времени; онъ поддерживалъ сношенія со многими мѣстными дѣятелями, снабжая ихъ субсидіями для раскопокъ и собиранія археологическихъ коллекцій, и получая отъ нихъ отчеты объ ихъ изысканіяхъ и собранные предметы. Онъ же принялъ дѣятельное участіе въ поддержкѣ экспедицій Белька и Лемана для изслѣдованія Закавказья, особенно въ отношеніи къ находимымъ тамъ клинообразнымъ надписямъ на каменныхъ плитахъ и скалахъ. Надписи эти, нынѣ дешифрованные, относятся къ загадочному народу и государству Урарту (Араратъ) или халдовъ, который жилъ около оз. Вана и въ Закавказьи ранѣе появленія тамъ армянъ, въ VIII и болѣе раннихъ вѣкахъ до нашей эры, и который, усвоивъ себѣ нѣкоторыя черты ассирійской культуры (въ томъ числѣ и способъ письма), находился долгое время въ борьбѣ съ Ассиріей (о чемъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя ассирійскія клинообразныя надписи, открытыя въ предѣлахъ Ассиріи, на берегахъ Тигра). На международномъ съѣздѣ географовъ въ Берлинѣ въ 1899 г., такъ же, какъ и неоднократно на антропологическихъ съѣздахъ и въ засѣданіяхъ Берлинскаго Антроп. Общества, Вирховъ лично выступалъ съ докладами о значеніи и результатахъ экспедицій Белька и Лемана, направленныхъ къ выясненію исторіи и культуры загадочнаго народа, который игралъ, повидимому, важную роль въ распространеніи по Кавказу древнѣйшей бронзовой промышленности и связаннаго съ нею искусства (выражавшагося по преимуществу въ изящныхъ формахъ нѣкоторыхъ издѣлій, ихъ орнаментъ и рельефныхъ или гравированныхъ изображенійхъ охотничьихъ животныхъ и сценъ). Заинтересовало также Вирхова извѣстіе о находкѣ лѣтъ 10 тому назадъ въ Египтѣ извѣстныхъ мумій древнѣйшихъ фараоновъ, и, какъ только онъ поступили въ Булакскій музей, онъ отправился туда, въ компаніи съ Шлиманомъ, и занялся тамъ изученіемъ типа этихъ мумій и вообще наблюденіями надъ типомъ населенія древняго и современнаго Египта. Вопросъ о происхожденіи египтянъ продолжалъ занимать Вирхова и позже, особенно когда раскопки Петри, Моргана и Амелино открыли на берегахъ Нила слѣды до-египетской, болѣе первобытной, культуры, представляющей нѣкоторыя общія черты съ культурою племенъ Нубіи и указывающей, вмѣстѣ съ тѣмъ, на родство съ древнѣйшими культурами Передней Азіи. Протоколы Берлинскаго Общества заключаютъ въ себѣ рядъ сообщеній по относящимся сюда вопросамъ, въ обсужденіи коихъ принималъ дѣятельное участіе и Вирховъ.

На основаніи такого же личнаго наблюденія знакомился Вирховъ и съ доисторическими древностями Чехіи, Моравіи, Босніи, Венгріи, Прибалтійскаго края, а въ предѣлахъ Германіи ему обязанъ особенно разьясненіемъ

нѣмъ вопросъ о свайныхъ постройкахъ (въ Помераніи и т. д., а равно въ Лифляндіи, гдѣ онъ присутствовалъ при раскопкахъ гр. Сиверса), а также о древнихъ славянскихъ могилахъ. Анализируя типы нѣкоторыхъ бронзовыхъ украшеній и орнамента на глиняныхъ сосудахъ древнихъ сѣверо-германскихъ могилъ и городищъ, Вирховъ могъ констатировать принадлежность многихъ изъ нихъ славянамъ, игравшимъ вообще, какъ извѣстно, важную роль въ образованіи населенія сѣв. Германіи (въ послѣдствіи оцѣмеченнаго), а изученіе добытыхъ изъ этихъ могилъ череповъ позволило ему составить представленіе о краніологическомъ типѣ этого древне-славянскаго населенія и по сравненію съ типами древнихъ германцевъ и современныхъ славянскихъ, германскихъ народностей.

Считая одною изъ ближайшихъ задачъ нѣмецкой антропологіи болѣе точное выясненіе типа германскаго народа или, точнѣе, тѣхъ различныхъ типовъ, которые принимали участіе въ его образованіи и, смѣшавшись въ теченіе вѣковъ, обусловили современное разнообразіе его физическихъ признаковъ, Вирховъ предпринялъ анализъ этихъ послѣднихъ, пользуясь отчасти краніологическимъ матеріаломъ (см. его «*Beiträge zur physischen Anthropologie der Deutschen*»), отчасти статистическими данными о цвѣтѣ волосъ, глазъ и кожи. Первоначально онъ хотѣлъ воспользоваться для этой послѣдней цѣли наблюденіями надъ призываемыми къ исполненію воинской повинности, но, вслѣдствіе отказа въ содѣйствіи тому со стороны германскаго военнаго вѣдомства, вынужденъ былъ обратиться къ другому источнику, именно къ наблюденіямъ надъ учащимися школьнаго возраста въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи. При посредствѣ учебнаго вѣдомства учителямъ школъ было поручено отмѣтить на разосланныхъ бланкахъ, согласно данной инструкціи, цвѣтъ волосъ, глазъ и кожи учениковъ каждой школы, и такимъ путемъ были собраны данныя о массѣ особей. Позже этого рода наблюденія были распространены, по инициативѣ Вирхова, на Австрію (кроме Венгріи), Швейцарію и Бельгію, и въ результатъ получились данныя о болѣе чѣмъ 10 милліонахъ особей, позволившія опредѣлить для каждаго округа относительный процентъ блондиновъ и брюнетовъ и составить любопытныя карты распредѣленія этихъ двухъ типовъ въ средней Европѣ. Отчетъ о результатахъ этой оригинальной статистики (съ картами) былъ обработанъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ помощниковъ, самимъ Вирховымъ въ одномъ изъ выпусковъ «*Archiv für Anthropologie*».

Если различныя мѣстности Европы, также Кавказа и берега Средиземнаго моря, могли быть непосредственно посѣщаемы Вирховымъ для антропологическихъ и археологическихъ изысканій, то его многосложныя обязанности и занятія не дали ему возможности распространить свои изысканія на болѣе отдаленныя внѣевропейскія страны съ ихъ часто своеобразными антропологическими типами. Но если эти типы не могли соста-

вить предметъ изученія Вирхова на ихъ родинѣ, то ему удалось все-таки ознакомиться со многими изъ нихъ въ Берлинѣ. По инициативѣ Вирхова извѣстный торговецъ животными въ Гамбургѣ Гагенбекъ, а впоследствии и другіе предприниматели, стали доставлять въ Берлинъ (и въ другіе европейскіе центры) группы различныхъ малонзвѣстныхъ племенъ, и это дало Вирхову возможность собрать наблюденія и измѣренія надъ представителями самыхъ разнообразныхъ расъ. Имъ были изучены такимъ путемъ эскимосы, самоѣды, калмыки, готтентоты, негры различныхъ частей Африки, нубійцы, патагонцы, пещересы (жители Огненной Земли), папуасы, сѣв.-американскіе индѣйцы и др., а обширныя, поступавшія въ Берлинское Антропологическое Общество антропологическія коллекціи (фотографическихъ портретовъ, череповъ, мозговъ и т. д.) позволили пополнить эти наблюденія другими морфологическими и анатомическими данными.

Количество работъ, рефератовъ и сообщеній Вирхова по антропологии составляетъ много сотенъ (все число печатныхъ статей Вирхова доходить, по слухамъ, до 2000); въ этомъ числѣ есть, конечно, много мелкихъ замѣтокъ, описаній отдѣльныхъ случаевъ, единичныхъ череповъ, археологическихъ предметовъ и проч., также рѣчей, повторявшихъ уже извѣстные факты и взгляды, и т. п., но даже и многія изъ этихъ сообщеній представляютъ не малый интересъ для специалиста, наприм., описанія любопытныхъ аномалій и особенностей развитія, наблюденія надъ живыми представителями разныхъ расъ, описанія расовыхъ череповъ, замѣчанія относительно нѣкоторыхъ предметовъ древностей и т. д. Рядомъ съ ними стоятъ, однако, и крупныя работы; мы упоминали уже объ его отчетѣ по распредѣленію въ Германіи цвѣта волосъ и глазъ и объ его «*Beiträge zur physischen Anthropologie der Deutschen*», укажемъ еще на его трудъ «*Ueber einige Merkmale niederer Menschenrassen am Schädel*» (О нѣкоторыхъ признакахъ низшихъ расъ на черепѣ, 1875, въ изд. Берл. Акад. наукъ), въ которомъ приведены интересныя новыя данныя о нѣкоторыхъ черепныхъ аномаліяхъ (*processus frontalis squamae ossis temporalis, os Incae s. epistomale*, катаринія); Вирховъ, вообще, неоднократно обращался къ вопросу объ аномаліяхъ и особенностяхъ строенія у человѣка и оупубликовалъ рядъ цѣнныхъ наблюденій надъ волосатостью (*Hypertrichosis*), случаями хвостатости, микроцефаліей, панизмомъ (надъ такъ назыв. карликовыми племенами), *os japonicum* (подраздѣленіе швомъ скуловой кости), относительно экзостозовъ въ наружномъ слуховомъ проходѣ (особенно на древнихъ перуанскихъ черепахъ), платикнеміей (сплющенной формы *tibia*) и т. д. Затѣмъ необходимо упомянуть объ его большихъ трудахъ: «*Ueber die Weddas von Ceylon*» (1881, въ «*Abhandlungen*» Берл. Акад. наукъ): Ведды—это первобытное племя на о-вѣ Цейлонѣ, нынѣ вымирающее, и которое по его культурѣ относили къ самымъ низшимъ племенамъ чело-вѣчества, а по типу—сравнивали то съ австралійцами, то съ нѣкоторыми

дравидійскими племенами Индостана; трудъ Вирхова имѣлъ цѣлью анализировать данныя, имѣющіеся объ этомъ племени, и дополнить ихъ результатами собственныхъ краниологическихъ изслѣдованій; въ настоящее время, послѣ появленія обширной монографіи о Цейлонѣ бр. Sarrazin, въ которой ведамъ посвящено 3 тома in folio съ массою таблицъ, трудъ Вирхова, впрочемъ, утратилъ свое значеніе; «Alttröjanische Gräber und Schädel» (1882, также въ «Abh. d. Berl. Akad.») заключаетъ въ себѣ результаты изслѣдованій Вирхова о гробницахъ и черепахъ, найденныхъ Шлиманомъ въ развалинахъ древней Трои; «Crania ethnica americana» (1892, in folio)—сочиненіе, изданное ко времени празднованія 400-лѣтія открытія Америки и заключающее въ себѣ описаніе череповъ индѣйцевъ изъ различныхъ мѣстностей Америки на основаніи собранныхъ въ Берлинѣ коллекцій; «Ueber die ethnologische Stellung der prähistorischen Aegypter» (1898, въ «Abh. d. Berl. Akad.»)—работа, имѣющая цѣлью разъяснить вопросъ о происхожденіи древнихъ египтянъ съ антропологической точки зрѣнія. Укажемъ еще на изслѣдованіе Вирховымъ остатковъ человѣка изъ Неандертальской пещеры и на его сообщенія о *Pithecantropus erectus*, извѣстной ископаемой человѣкоподобной формѣ, найденной недавно Евг. Дюбуа на островѣ Явъ. Необходимо упомянуть еще о выработанной Вирховымъ программѣ для антропологическихъ наблюденій и о состоявшемся по его инициативѣ такъ назыв. франкфуртскомъ соглашеніи анатомовъ по вопросу объ единообразномъ методѣ въ краниометріи.

Въ области доисторической археологіи наиболѣе извѣстны изслѣдованія Вирхова о свайныхъ постройкахъ Сѣв. Германіи и его большой трудъ о Кобаньскомъ могильникѣ на Кавказѣ (1883, in folio, съ отл. gr.-folio). Ему принадлежитъ также рядъ сообщеній по вопросу объ останкахъ славянъ и ихъ доисторической культуры въ Сѣв. Германіи, о такъ называемыхъ «лицевыхъ урнахъ» (Gesichtsurnen), бронзовомъ вѣкѣ и т. д. Вопросъ о славянахъ завелъ Вирхова въ изысканія о характерныхъ формахъ древне-славянскаго орнамента и о сохранившихся на германской почвѣ славянскихъ типахъ селеній и жилищъ, причѣмъ имъ были собраны личныя наблюденія надъ этими типами и составленъ цѣлый альбомъ рисунковъ крестьянскихъ построекъ въ Сѣв. Германіи.

Неоднократно касался также Вирховъ основныхъ антропологическихъ и біологическихъ вопросовъ о трансформизмѣ и происхожденіи видовъ, о приложеніи теоріи Дарвина къ человѣку, о значеніи для онтологіи послѣдняго т. наз. питекондныхъ признаковъ, о варіаціяхъ и переходныхъ формахъ, о наслѣдственности и атавизмѣ и т. д., причѣмъ онъ заявилъ себя по отношенію къ этимъ вопросамъ крайней сдержанностью, предубѣжденіемъ противъ всякихъ выводовъ, не опирающихся непосредственно на факты, критическимъ отношеніемъ ко всякимъ теоретическимъ попыткамъ поставить одно-

Золотая медаль, поднесенная Р. Вирхову в 1891 г., по случаю его 70-летия, юбилейным комитетом на средства, собранные по подписке во всем культурном мире (большая часть собранных тогда средств послужила на увеличение «Вирховского фонда», основанного в 1881 г.). Медаль изображена в $\frac{1}{4}$ настоящей величины. На одной стороне ее — портрет Р. Вирхова в профиль, на другой — тени исследования освещают перед наукой тайны природы. Вокруг — эмблемы и знаки, появившиеся в области знания, в которых работал Вирхов: микроскоп, череп, краниометрические инструменты, саркофаг египетской мумии, лицевая урна, миниатюрная бронзовая колесница (бронзового века) и др. Внизу — знаменитое Вирховское изречение: *Omnis cellula a cellula*.

родные факты въ связь и прійти на основаніи ихъ къ вѣроятнымъ для данной суммы фактовъ общимъ заключеніямъ (или гипотезамъ).

Въ началѣ своей антропологической дѣятельности Вирховъ выступилъ противъ К. Фохта, въ объясненіи послѣднимъ микроцефаліи какъ явленія частичнаго атавизма, и въ этомъ отношеніи его взглядъ на микроцефалію, какъ на своеобразное патологическое явленіе, обусловленное задержкой въ развитіи головного мозга, или патологическимъ измѣненіемъ послѣдняго, несомнѣнно, былъ гораздо болѣе вѣрнымъ. Правъ былъ Вирховъ и тогда, когда онъ доказывалъ, что многія т. наз. низшія расы вовсе не выказываютъ въ своей организаціи какихъ-либо такихъ признаковъ, которые бы указывали на ихъ ближайшее родство съ обезьянами, что бѣлая раса или европейцы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоятъ ближе къ приматамъ, чѣмъ многіе т. наз. дикари, что многія аномаліи скорѣе могутъ быть объясняемы, какъ задержки въ развитіи, чѣмъ какъ явленія атавизма и т. д. Рекомендуемое Вирховымъ «объективное изученіе человѣка», конечно, можетъ быть признано обязательнымъ для всякаго антрополога; нельзя не согласиться также и со взглядомъ Вирхова на преимущество «позитивнаго изслѣдованія передъ исключительно дедуктивными и спекулятивными построеніями», но, съ другой стороны, нельзя не признать, что одни голые факты не въ состояніи еще осмыслить явленій, и что такое осмысленіе получается только въ результатѣ извѣстной сводки фактовъ, извѣстнаго построенія, которое, если оно достаточно опирается на факты, тѣмъ самымъ уже не является «исключительно спекулятивнымъ».

Свое сдержанное отношеніе къ теоріи трансформизма Вирховъ проявилъ рѣзко еще въ 1877 г. на 50-мъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Мюнхенѣ. Въ первомъ изъ общихъ собраній этого съѣзда проф. Э. Геккель произнесъ блестящую рѣчь на тему «Современное ученіе о развитіи видовъ въ отношеніи къ общему знанію», причемъ указывалъ на необходимость ввести новое ученіе объ эволюціи въ школу какъ одинъ изъ основныхъ біологическихъ (и психологическихъ) принциповъ. Въ третьемъ общемъ собраніи того же съѣзда выступилъ съ рѣчью и Вирховъ на тему «Свобода науки въ современной жизни государствъ», и подвергъ въ этой рѣчи подробной критикѣ многія Геккелевскія воззрѣнія и выводы. Указавъ на то значеніе, которое приобрѣла въ настоящее время наука, на распространяющееся уваженіе и довѣріе къ ея результатамъ публики, Вирховъ развилъ мысль, что такое отношеніе къ ней общества налагаетъ на ученыхъ обязанность относиться съ удвоенною строгостью къ своей научной дѣятельности, — тщательно обсуждать и изучать явленія, прежде нежели выступать съ окончательными выводами, и не выдавать за непреложныя истины болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Между тѣмъ, продолжалъ Вирховъ, въ новѣйшее время замѣчается въ средѣ нѣкоторыхъ ученыхъ преобладаніе иного направленія, замѣчается стремленіе — на основаніи на-

лаго числа фактовъ дѣлать обширные выводы и строить на нихъ цѣлыя теоріи и системы; такое направленіе едва ли можетъ содѣйствовать дѣйствительному прогрессу нашихъ знаній. Оставляя твердую почву опыта и наблюденій, можно, конечно, путемъ послѣдовательныхъ умозаключеній, построить цѣлый рядъ выводовъ, но эти выводы будутъ слишкомъ шатки и гипотетичны и часто могутъ представлять лишь кажущееся объясненіе явленій, въ сущности мало содѣйствуя ихъ дѣйствительному пониманію. Такъ, наприм., насколько увеличивается наше пониманіе психическихъ явленій допущеніемъ «душъ клѣтокъ», въ свою очередь сложныхъ изъ «душъ пластидулъ» (какъ это принимаетъ Геккель). Между тѣмъ такія и подобныя имъ воззрѣнія выставляются иными не только какъ временныя гипотезы, но какъ строгіе выводы науки, которые должны сдѣлаться достояніемъ всѣхъ, лечь въ основу воспитанія юношества, послужить краеугольнымъ камнемъ новой моральной философіи и т. д. Конечно, свобода науки не должна быть стѣсняема, и ученые могутъ заниматься изслѣдованіемъ всего, что можетъ быть предметомъ наблюденія или обсужденія, но учить, распространять въ публикѣ они должны только то и въ той мѣрѣ, справедливость чего можетъ быть ясно доказана и въ пользу чего можно привести убѣдительные факты. Переходя къ вопросу о происхожденіи человѣка,—который Геккель считаетъ рѣшеннымъ и какъ таковой предлагаетъ ввести чуть ли не въ начальные учебники,—Вирховъ замѣтилъ, что, несмотря на многія черты сходства въ организаціи и исторіи развитія человека и высшихъ животныхъ, до сихъ поръ еще не найдено переходныхъ формъ отъ обезьяны къ человѣку. Можно полагать, правда, что эти отрицательные результаты еще ничего не доказываютъ, тѣмъ не менѣе, не лучше ли подождать дальнѣйшихъ открытій и изслѣдованій, прежде чѣмъ выступать съ окончательнымъ рѣшеніемъ этого вопроса, а тѣмъ болѣе вводить его, какъ доказанную истину, въ преподаваніе. Мнѣ пришлось присутствовать въ 1877 г. на этомъ Мюнхенскомъ съѣздѣ и я былъ свидѣтелемъ, что члены его, въ большинствѣ скорѣе сочувствовавшіе Геккелю, признавали вѣрность и замѣчаній Вирхова, который былъ встрѣченъ не менѣе сочувственными знаками одобренія. Съ тѣхъ поръ Вирховъ не переставалъ при каждомъ удобномъ случаѣ указывать на увлеченія трансформистовъ и на необходимость строго критическаго отношенія къ доводамъ и выводамъ новаго ученія. Въ особенности онъ считалъ себя обязаннымъ протестовать противъ распространенія теоріи трансформизма на человѣка, противъ вывода, что человѣкъ произошелъ путемъ постепенной эволюціи изъ обезьяны. Когда въ 60-хъ и 70-хъ годахъ привлекъ къ себѣ вниманіе ученыхъ Неандертальскій черепъ, Вирховъ отправился въ Боннъ, занялся изученіемъ сохраняющихся тамъ останковъ человѣка изъ Неандертальской пещеры и пришелъ къ заключенію, что они представляютъ явные слѣды патологическихъ измѣненій, а потому и не могутъ признаваться

принадлежавшими типичной формѣ. Съ другой стороны, дальнѣйшія его изысканія привели къ заключенію, что подобная форма черепа не говоритъ еще въ пользу низкой организаціи, такъ какъ ее представляютъ и нѣкоторые черепа изъ позднѣйшихъ могилъ, даже черепа извѣстныхъ личностей исторической эпохи; въ особенности, такая форма встрѣчается, повидимому, часто въ населеніи Фрисландіи,—области, сосѣдней съ той, въ предѣлахъ которой былъ найденъ и Неандертальскій черепъ,—фактъ, который, однако, въ случаѣ его подтвержденія, являлся бы негармонирующимъ съ утвержденіемъ Вирхова о патологическомъ характерѣ Неандертальскаго черепа. Новая находка Дюбуа человѣкообразныхъ останковъ *Pithecantropus erectus* на о-вѣ Явъ не поколебала убѣжденій Вирхова. Онъ призналъ въ этой формѣ, въ противность мнѣніямъ Дюбуа, Мануврье, Узэ, Тёрнама и др., не переходную форму отъ антропоморфныхъ обезьянъ къ человѣку, а особый типъ гиббона. Во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, этотъ «*singulâres Phaenomen*» не можетъ составить базиса для установленія правила, и въ немъ нельзя видѣть «типичныхъ признаковъ предшественника человѣка» (*des Vormenschen*). Промежуточнаго звена (*missing link*), «первобытнаго отца» (*Urvater*), еще не найдено; «ни одна обезьяна не представляетъ собою переходнаго звена къ человѣку». «Обезьянья теорія» имѣетъ, какъ выразился Вирховъ, такое же основаніе, какъ «баранья» или «слоновая», ибо и въ баранѣ и въ слонѣ можно отыскать извѣстныя черты сходства съ человѣкомъ. «Человѣкъ точно такъ же можетъ происходить отъ свиньи или слона, какъ и отъ обезьяны». «Обезьянообразный человѣкъ можетъ представляться намъ только во снѣ»; «обезьяній вопросъ не есть вопросъ наблюденія и научнаго изслѣдованія, а только спекулятивнаго мышленія», а противъ такой постановки вопроса «хладнокровные антропологи» (*kaltblütige Anthropologen*) должны протестовать. Явленія атавизма у человѣка вообще сомнительны и должны во всякомъ случаѣ еще быть оставлены *sub judice* и т. д. Авторитетъ Вирхова по отношенію къ вопросу о происхожденіи человѣка не остался, конечно, безъ вліянія на отношеніе къ тому же вопросу и другихъ представителей антропологической науки въ Германіи. На сторону Вирхова стали Ранке, Гистъ, Кольманъ и др.; иные же изъ его друзей, какъ Вальдейеръ, не высказываютъ рѣшительнаго своего мнѣнія, и въ общемъ, какъ Берлинское Антропологическое Общество, такъ и съѣзды нѣмецкихъ антропологовъ относятся отрицательно или, по крайней мѣрѣ, сдержанно къ вопросу о генезисѣ человѣческаго типа.

Такое отношеніе не могло, конечно, не возмущать ревностныхъ приверженцевъ трансформизма. Наиболѣе сильное выраженіе этому протесту далъ Геккель, который еще въ 1878 г. отвѣтилъ на рѣчь Вирхова брошюрой: «Свободная наука и свободное ученіе». Къ его протесту присоединился и Ч. Дарвинъ, замѣтившій въ письмѣ по этому поводу къ Геккелю, что «поведеніе Вирхова въ этомъ случаѣ постыдно (*shameful*); я надѣюсь,

писалъ Дарвинъ, что Вирховъ когда-нибудь самъ почувствуетъ этотъ стыдъ». Позже Геккель неоднократно ополчался на Вирхова, и въ особенно рѣзкой формѣ выступилъ противъ него на IV международномъ конгрессѣ зоологовъ въ Кембриджѣ, 26 августа 1898 г., въ своей рѣчи «Современныя знанія о филогенетическомъ развитіи человѣка». «Въ упорное противорѣчіе съ истолкованіемъ ископаемыхъ остатковъ человѣка, принимаемымъ почти всѣми компетентными натуралистами, сталъ,—говоритъ Геккель,—знаменитый берлинскій патологъ Руд. Вирховъ... Въ его собственномъ «патологическомъ» толкованіи череповъ низшихъ человѣческихъ расъ онъ, однако, не имѣлъ счастья... Остроумный патологъ дошелъ до утвержденія, что «всѣ варіаціи органическихъ формъ патологическія» и вызваны только болѣзнью»... (Такая передача Геккелемъ Вирховскаго воззрѣнія, однако, не точна. Вирховъ, вѣрно ли, невѣрно, но отличаетъ область патологическихъ (патическихъ) явленій отъ нотологическихъ (болѣзненныхъ)). Чтобы найти ключъ къ пониманію столь страшныхъ утвержденій Вирхова,—продолжаетъ Геккель,—надо вспомнить, что уже болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ онъ поставилъ главной своей научной задачей опроверженіе дарвинизма и связаннаго съ нимъ ученія о развитіи. Съ величайшимъ упорствомъ отстаиваетъ онъ постоянство видовъ, которое въ настоящее время оставлено всѣми мыслящими натуралистами... Важнѣйшій же выводъ трансформизма—«происхожденіе человѣка отъ обезьяны», какъ извѣстно, Вирховъ оспариваетъ съ особеннымъ усердіемъ и энергіей: «Вполнѣ достовѣрно, по его словамъ, что человѣкъ происходитъ не отъ обезьяны». Это утвержденіе берлинскаго патолога, въ качествѣ якобы рѣшающаго мнѣнія высшаго авторитета, безчисленное множество разъ повторяютъ въ теологическихъ и другихъ журналахъ, нисколько при этомъ не смущаясь тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь почти всѣ мыслящіе знатоки этого дѣла защищаютъ противоположное убѣжденіе... Въ 1894 г. на конгрессѣ антропологовъ въ Вѣнѣ Вирховъ утверждалъ, что человѣкъ точно такъ же можетъ происходить отъ свиньи или слона, какъ и отъ обезьяны. Если это абсурдное положеніе,—продолжаетъ Геккель,—понять серьезно, то оно только вновь доказываетъ давно извѣстный фактъ, что Вирховъ, хотя и ученикъ Іоганна Мюллера, не обладаетъ ни малѣйшимъ пониманіемъ сравнительной анатоміи и зоологической систематики, точно такъ же, какъ и важнѣйшихъ фактовъ палеонтологіи и сравнительной онтогеніи. Но если эта послѣдняя фраза направлена только къ тому, чтобы осмѣять ненавистную «теорію обезьяны» и побѣдить ее жалкими островами, то можно только пожалѣть, что заслуженный естествоиспытатель, пользующійся столь высокой славой, не знаетъ лучшаго средства для того, чтобы проявить свой мощный авторитетъ въ самомъ важномъ и интересномъ для всѣхъ «вопросѣ изъ всѣхъ вопросовъ»... Заслуженный авторитетъ, приобрѣтенный знаменитымъ патологомъ, благодаря основанной имъ сорокъ лѣтъ тому назадъ клінической патологіи,

а отчасти и благодаря его неутомимой дѣятельности въ политической и социальной борьбѣ, окружаетъ его еще и теперь въ глазахъ обширныхъ круговъ ореоломъ славы научнаго папы, который призванъ къ непогрѣшному рѣшенію всякихъ біологическихъ вопросовъ, въ томъ числѣ и къ уничтоженію «теоріи обезьяны». Здѣсь выступаютъ прежде всего ортодоксальные представители всѣхъ религій и клерикальных органовъ разнообразнѣйшихъ направлений—заклятые защитники суевѣрій и смертные враги свободы мысли, которые постоянно ссылаются въ свою пользу на авторитетъ Вирхова... Истинное сужденіе объ этомъ чрезвычайно грустномъ фактѣ омрачается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что убѣжденія молодого Вирхова, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, были совершенно иныя и даже прямо противоположны позднѣйшимъ его воззрѣніямъ. Основная работа знаменитаго патолога, которая вызвала целлюлярную реформу научной медицины, относится ко времени его пребыванія въ Вюрцбургѣ (1849—1856). Здѣсь создалъ онъ, подъ руководящимъ вліяніемъ Келликера и Лейдига, основы своей целлюлярной патологіи. Но здѣсь онъ также выставлялъ въ рядъ работъ, проникнутыхъ глубокой мыслью, то «единство человеческого организма», которое принадлежитъ къ важнѣйшимъ тезисамъ нашего современнаго монизма. Послѣ того какъ Вирховъ переселился въ 1856 г. въ Берлинъ, постепенно наступало отчужденіе его отъ этихъ монистическихъ убѣжденій, и наконецъ полный переходъ въ лагерь мистическаго дуализма» ¹⁾).

Такъ нападаетъ на Вирхова Геккель. Его поддерживаютъ и нѣкоторые изъ молодыхъ біологовъ. Такъ, проф. Клаачъ (Klaatsch), испытавшій на себѣ критическій анализъ со стороны Вирхова и Ранке, далъ недавно выраженіе своимъ жалобамъ на отношеніе этихъ столповъ нѣмецкой антропологіи къ вопросамъ о генеалогіи человѣка. «Всегда у нихъ одно стремленіе—выставлять на первый планъ отрицательныя величины, а о положительныхъ умалчивать, или такъ или иначе заподозривать. По счастью, владычество этихъ авторитетовъ склоняется уже къ своему концу». Я не полагаю, чтобъ Клаачъ хотѣлъ намекнуть этимъ замѣчаніемъ на то, что Вирхову предстоитъ скоро сойти съ житейской сцены; я думаю, что онъ намекалъ скорѣе на тотъ фактъ, что съ теченіемъ времени число сторонниковъ трансформизма все увеличивается, и въ области анатоміи въ особенности появляются въ большемъ числѣ работы, посвященныя прямо или косвенно выясненію филогеніи человѣка. Можно сказать даже, что работы этого рода даютъ тонъ современной анатоміи, какъ наукѣ не только описательной, но и изыскующей. По мѣрѣ упроченія этого направленія слабѣетъ и авторитетъ въ области соответственныхъ вопросовъ Вирхова;

¹⁾ Геккель говоритъ, что необходимымъ основаніемъ науки о человѣкѣ должна быть «исторія развитія», которая, однако, упорно игнорируется «господствующей схоластической антропологіей», являющейся, напр., въ трудахъ Берл. Антроп. Общества «поразительнымъ анахронизмомъ».

его слушаютъ, ему рѣдко противорѣчатъ, но продолжаютъ работать въ направленіи, соотвѣтствующемъ современнымъ научнымъ запросамъ. Въ числѣ этихъ работъ есть и такія, которыя непосредственно доказываютъ ошибочность взглядовъ Вирхова. Такъ, въ вопросѣ о *Pithecantropus*, послѣ работъ Дюбуа, Мануврье и др., особенно новѣйшей работы Швальбе, едва ли найдется анатомъ, который сталъ бы на точку зрѣнія Вирхова. *Pithecantropus*—такой же *singuläres Phaenomen*, какъ *Palaeotherium*, *Hipparion*, *Archaeopteryx*, всѣ эти чудовищные гады палеозойскаго періода и т. д.; палеонтологи имѣютъ нерѣдко дѣло съ частью черепа, съ зубами, съ немногими костями ископаемыхъ животныхъ, но это не мѣшало еще Кювье дѣлать заключенія о положеніи этихъ формъ въ системѣ и констатировать тотъ фактъ, что нѣкоторыя изъ рѣдко обособленныхъ нынѣ группъ животныхъ связывались въ большей степени промежуточными формами въ прежнія геологическія эпохи. Относительно Неандертальскаго черепа Швальбе удалось недавно доказать, на основаніи детальнаго изслѣдованія, что это вовсе не патологическая форма, какъ это утверждалъ Вирховъ, а типичная и притомъ выдающаяся ясные слѣды низшаго развитія, признаки переходные отъ типа *Pithecantropus* къ типу человѣка, чего нельзя въ той же степени сказать относительно многихъ формъ, выставлявшихся Вирховымъ и другими, какъ ей аналогичныя. Съ другой стороны, было найдено, что и мнѣніе Вирхова о распространенности аналогичной формы черепа въ населеніи Фрисландіи не подтверждается фактами. Вообще въ области сравнительной анатоміи и филогеніи человѣка авторитетъ Вирхова едва ли признается теперь рѣшающимъ въ ученомъ мірѣ, хотя изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы его взгляды и замѣчанія въ этомъ отношеніи перестали заслуживать вниманіе.

Во всякомъ направленіи, особенно въ періодѣ перваго имъ увлеченія, возможны и дѣйствительно бывають ошибки и крайности, и въ этомъ случаѣ голосъ трезвой критики и объективнаго изслѣдованія можетъ быть только полезенъ для науки. Извѣстно, что въ увлеченіи дарвинизмомъ доходили до такихъ крайностей и ошибокъ; укажемъ, наприм., на толкованіе К. Фохтомъ микроцефаліи, какъ явленія атаксизма, на объясненіе *hypertrichosis*'а, какъ питекоиднаго признака, на случаи хвостатости, какъ явленія тероморфизма и т. д. Геккель вздумалъ въ первые же годы послѣ появленія теоріи Дарвина реконструировать генеалогію всего животнаго царства и, конечно, за недостаточностью данныхъ, долженъ былъ прибѣгать къ ряду гипотетическихъ построеній, изъ коихъ невѣрность нѣкоторыхъ и была доказана. Вирхову принадлежитъ не малая заслуга въ выясненіи шаткости нѣкоторыхъ подобныхъ взглядовъ и построеній; онъ указалъ на патологическое значеніе многихъ аномалій, въ которыхъ думали видѣть явленія атаксизма; онъ пояснилъ, что другія изъ такихъ уклоненій сводятся къ остановкамъ на извѣстныхъ стадіяхъ эмбриональнаго развитія; онъ

старался установить различіе между патологическимъ питеклизмомъ и питекониднымъ атавизмомъ. Если въ своемъ сопоставленіи «Affen-theorie» съ «Schaf-theorie» и съ «Schwein-theorie» Вирховъ и далъ поводъ заподозрить въ немъ незнакомство съ элементарными данными сравнительной анатоміи и зоологической систематики, то, съ другой стороны, едва ли найдется теперь серьезный анатомъ или зоологъ, который сталъ бы производить человѣка отъ нынѣ существующихъ антропоморфныхъ обезьянъ. Онтогенія этихъ животныхъ, поставленная въ параллель съ онтогеніей человѣка, наглядно показываетъ, что мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ съ типами, расходящимися въ своемъ развитіи; черепъ, мозгъ, конечности, вообще весь организмъ развиваются у антропоморфныхъ обезьянъ и человѣка въ различныхъ направленіяхъ, приводящихъ къ существенно различнымъ результатамъ. Въ этихъ формахъ антропоморфныхъ приматовъ всѣ біологи видятъ теперь только формы болѣе близкія къ человѣку по своему строенію, чѣмъ какія-либо иныя, но развившіяся параллельно съ нимъ, а не бывшія его прародичами. Такимъ образомъ, прародичей человѣка приходится искать ниже, въ группѣ циноморфныхъ обезьянъ, въ гипотетичномъ *Archipithecus*, но тутъ уже ни одинъ анатомъ не можетъ сказать, какая изъ формъ этой группы можетъ считаться состоящею въ большемъ родствѣ съ человѣкомъ. Анатомы и палеонтологи поэтому спускаются теперь еще ниже и ищутъ прародичей человѣка въ еще болѣе древней и еще болѣе низкой по своей организаціи группѣ лемуровъ, среди ископаемыхъ ихъ формъ, извѣстныхъ нынѣ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ изъ древнихъ третичныхъ отложеній изъ Старого Свѣта и Америки, но при этомъ также остается невыясненнымъ, какія именно изъ этихъ формъ могли бы занять мѣсто въ генеалогіи человѣка, а равно какими стадіями должна была идти ихъ дальнѣйшая филогенетическая эволюція. Положительно можно сказать только одно, что человѣкъ стоитъ въ большемъ родствѣ съ приматами, чѣмъ съ какою-либо другою группою млекопитающихъ, что онъ, по физическимъ своимъ признакамъ, даже можетъ быть отнесенъ къ этой группѣ, и что изъ всѣхъ антропоморфныхъ формъ наиболѣе близкою къ нему должна быть признана ископаемая форма *Pithecanthropus*, хотя и относительно ея, за недостаточностью найденныхъ ея остатковъ, нельзя еще опредѣлить точнѣе степень ея родства съ человѣкомъ.

Обвиненіе Вирхова въ томъ, что онъ отрицаетъ возможность эволюціи и держится старой догмы постоянства видовъ, созданныхъ, каждый, непосредственно и отдѣльно, едва ли можетъ быть доказано. Мнѣ не приходилось, по крайней мѣрѣ, встрѣтиться съ такимъ утвержденіемъ ни въ одной статьѣ или рѣчи Вирхова. Признавая аксіомой *omnis cellula a cellula*, онъ тѣмъ самымъ долженъ признавать, что и всѣ клѣтки и ткани человеческого организма должны вести свое происхожденіе отъ клѣтокъ и тканей тѣхъ зоологическихъ предковъ человѣка, которые предшествовали

ему въ длинной цѣпи органическихъ формъ, постепенно развивавшихся на поверхности земли. Онъ отрицаетъ только происхожденіе человѣка отъ *извѣстныхъ* нынѣ животныхъ формъ, въ частности—отъ *извѣстныхъ* формъ обезьянъ, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на твердой почвѣ фактовъ. Можно возразить, что если мы и не знаемъ еще непосредственныхъ животныхъ предковъ человѣка, то мы знаемъ все-таки формы, родственныя имъ, и на основаніи ихъ, а равно на основаніи вообще данныхъ сравнительной анатоміи, эмбриологіи и палеонтологіи, можемъ строить теоріи и гипотезы, представляющіяся наиболѣе вѣроятными при данномъ уровнѣ свѣдѣній. Это возраженіе, конечно, имѣетъ основанія; умъ человѣка не можетъ отстранить отъ себя попытокъ объясненія наблюдаемыхъ имъ явленій, несмотря на недостаточность имѣющихся о нихъ данныхъ, но Вирховъ и не оспариваетъ такого стремленія, а только указываетъ на необходимость разграничивать область фактически-извѣстнаго отъ лежащей за ея предѣлами области гипотезы,—гипотезы, которая по отношенію къ человѣку опирается пока только на неоспоримый фактъ животныхъ основъ его природы, но не можетъ еще указать съ достаточною точностью тѣ животныя формы, чрезъ посредство которыхъ шло его филогенетическое развитіе.

Для оцѣнки въ данномъ случаѣ различія во взглядахъ Геккеля и Вирхова, я позволю себѣ сослаться на отзывъ совершенно посторонняго лица, не имѣющій никакого отношенія къ спору между двумя нѣмецкими біологами, именно на замѣчаніе, высказанное еще въ 60-хъ годахъ однимъ изъ тогдашнихъ нашихъ философовъ, П. Л. Лавровымъ, въ его лекціи «О тенденціозности» ¹⁾. Говоря о дѣятельности представителей разума въ разные эпохи, проводившихъ въ общество новыя идеи, Лавровъ указалъ на то, что ихъ воззрѣнія часто не имѣли успѣха, и именно потому, что они проводили ихъ, сами недостаточно уважая науку и знаніе. «По ихъ мнѣнію, изученіе, основательность, подробности не имѣютъ важнаго значенія: всего важнѣе—тенденція. Достаточно было,—думали они,—что всегда и неизмѣнно стремились они къ свѣту, къ торжеству знанія, но если въ данную минуту они и давали не совсѣмъ вѣрное, или даже ложное, и всегда не точное, не повѣренное знаніе, то большой бѣды еще въ томъ не было. Они были склонны къ обобщеніямъ, къ выводамъ, для которыхъ не было еще собрано достаточнаго числа фактовъ; все-таки жъ они думали, что принесли большую пользу уже тѣмъ только, что сдѣлали такіе выводы,—для нихъ довольно было, что выводы ихъ становились въ разрѣзъ съ мистицизмомъ, съ невѣжествомъ. Такой взглядъ на дѣло погубилъ это самое дѣло; тенденціозность должна явиться сама собой, какъ результатъ доказанной истины. Она не должна быть предвзятою. Если это условіе не

¹⁾ См. Вл. Лесевичъ, „Страпичка изъ воспоминаній“, въ сборникѣ „На славномъ посту“, посвященномъ Н. К. Михайловскому. Спб., 1900, стр. 155—156.

соблюдено, то является цѣлый рядъ вредящихъ дѣлу просвѣщенія послѣдствій; дается въ руки враговъ вѣрное оружіе для опроверженій; подрывается уваженіе къ собственному авторитету, отъ чего проводимыя идеи неизбѣжно должны терпѣть; теряется, пропадаетъ вся сила идеи,—сила, которая—въ противоположность идеѣ враговъ—въ томъ и заключается, что идея эта можетъ опираться на доказательства неопровержимыя, ясныя и полныя. Вотъ эта-то вредная тенденціозность и сгубила представителей разума въ древности. Она же и повредила дѣтелямъ XVIII вѣка; она приносить много зла и теперь. Представитель передовой идеи не долженъ скользить по наукѣ, не долженъ дѣлать выводы на авось, не долженъ ставить выше истины тенденцію, какъ бы эта послѣдняя сама по себѣ хороша ни была. Ему нужно овладѣть значительной долей самообладанія, саморазбора, самокритики, которыя никогда не допускаютъ поверхностности и празднословія. Серьезное изученіе предмета, о которомъ приходится писать, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и надежное средство для успѣшнаго примѣненія своихъ идей на дѣлѣ. Тенденціозность же, чуждая положительнымъ знаніямъ и точнымъ доказательствамъ, приводитъ только къ пагубѣ самой идеи». Это мнѣніе Лаврова интересно какъ доказательство того, что даже съ радикальной точки зрѣнія, изъ желанія торжества новымъ идеямъ, предназначеннымъ смѣнить отжившія свой вѣкъ, естественно требованіе, чтобы эти новыя идеи опирались на ясныя доказательства, на точныя факты, не оставляющіе мѣста колебаніямъ и сомнѣніямъ.

Во всякомъ случаѣ Вирховъ далеко не папа въ наукѣ, которая во общемъ слѣдуетъ теперь въ своемъ поступательномъ движеніи соборному началу свободы мысли, а не авторитарическому принципу чьей-либо непогрѣшимости. Впрочемъ, и самъ Вирховъ выставялъ постоянно лозунгомъ своей общественной дѣятельности «*Toleranz und Collegialität*» (терпимость и коллегіальность); онъ всегда стоялъ за свободу мысли, за осуществленіе идеаловъ свободной демократіи; еще въ 1842 г. первымъ тезисомъ своей докторской диссертации онъ поставилъ убѣжденіе: «*Nisi qui liberalibus rebus favent, veram medicinae indolem non cognoscunt*». Но, замѣтилъ онъ однажды, «хотя я въ теченіе моей жизни пытался доказать личнымъ примѣромъ, что возможно заниматься одновременно медициной и политикой, я, однако, всегда твердо держался убѣжденія, что наука должна быть въ совершенной независимости отъ политики». Наука обязана идти своей дорогой, опираясь исключительно на факты, и не увлекаться никакими гипотезами и тенденціями, какъ бы онѣ не соответствовали общественнымъ вкусамъ и теченіямъ эпохи.

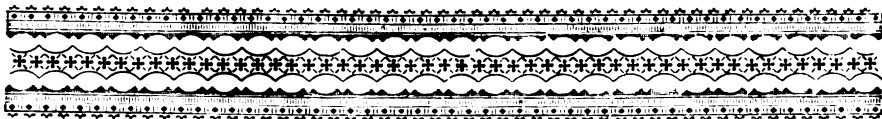
Но если въ своемъ критическомъ отношеніи къ важнѣйшимъ біологическимъ вопросамъ нашего времени Вирховъ и заходитъ иногда за предѣлы строго объективной оцѣнки постепенно накапливающихся фактовъ, если у него проглядываетъ иногда незаслуженная проницательность надъ стремленіемъ под-

вести итоги разнообразнымъ изслѣдованіямъ въ цѣляхъ разъясненія указанныхъ вопросовъ, то, во всякомъ случаѣ, его сдержанность въ этомъ отношеніи не можетъ вредить наукѣ, а способна только напоминать изслѣдователямъ о необходимости въ большей степени опираться на факты и глубже анализировать послѣдніе. Извѣстный консерватизмъ вполне понятенъ въ старомъ ученомъ, составившемъ себѣ въ результатъ долгаго изученія и мышленія извѣстныя научныя убѣжденія. Едва ли правъ Геккель, утверждая, что эти убѣжденія Вирхова радикально измѣнились съ теченіемъ времени и стали противоположны тѣмъ, какія имъ раздѣлялись 50 лѣтъ тому назадъ. Въ своемъ критическомъ отношеніи къ увлеченіямъ трансформистовъ Вирховъ слѣдуетъ тѣмъ же взглядамъ и убѣжденіямъ, какъ и въ 40-хъ годахъ, когда онъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Траубе, требовалъ отъ тогдашней патологіи «доказательствъ дѣйствительной связи явленій, ибо только такая связь достойна знанія, а вмѣсто того, жаловался онъ, насъ многословно поучаютъ, какъ, можетъ быть, стоять между собою въ связи наблюдаемые факты». Въ своей критикѣ руководства Рокитанскаго, въ 1848 г., Вирховъ напалъ на знаменитаго вѣнскаго патолого-анатома за то, что онъ «выводитъ патологическую анатомію за предѣлы области фактовъ, въ неопредѣленный міръ гипотезъ», утверждалъ, что, по строгому методу естествознанія, все, что только отчасти можетъ быть доказано фактами, что только частью вѣрно, а въ остальномъ основано на аналогіи, что опирается отчасти на недостаточность приводимыхъ до сихъ поръ объясненій, а отчасти на фактахъ и разсужденіяхъ,—все это должно считаться фактически недоказаннымъ. «Естественно-историческое изслѣдованіе,—продолжалъ Вирховъ,—тѣмъ и отличается, что при доказанной недостаточности имѣющихся фактовъ оно довольствуется этимъ отрицательнымъ выводомъ до тѣхъ поръ, пока будетъ въ состояніи заполнить пробѣлы новыми фактами; заполненіе же его спекулятивными догадками характеризуетъ старую эпоху натуръ-философіи, когда не обращалось вниманія даже на нѣкоторыя явныя ошибки въ предпосылкахъ». Нельзя не согласиться, что доводы, приводимые въ новѣйшее время Вирховымъ противъ трансформистовъ, основаны на тѣхъ же критическихъ принципахъ, на тѣхъ же требованіяхъ строгаго позитивизма, которые примѣнялись имъ и 50 лѣтъ тому назадъ противъ гуморальной патологіи и теоріи кразовъ. Какъ бы то ни было, консерватизмъ Вирхова не можетъ быть признанъ опаснымъ для научнаго процесса, такъ какъ онъ выражается не въ защищеніи *quand même* какой-либо отжившей доктрины, а въ скептическомъ отношеніи къ новымъ гипотезамъ и въ требованіи отъ нихъ большей убѣдительности и большей опредѣленности. Такой консерватизмъ не можетъ препятствовать дѣйствительному движенію впередъ, которое, конечно, и будетъ совершаться наукой, и результаты котораго, поскольку они будутъ опираться на факты, станутъ непремѣнно достояніемъ общаго знанія.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать о значеніи Вирхова специально для нашего отечества. Я имѣю здѣсь въ виду не его дѣятельность, какъ патолога-анатома, отразившуюся и на нашей русской медицинѣ, не его болѣе, чѣмъ полувѣковое служеніе наукѣ, какъ профессора, у котораго учились и сотни нашихъ врачей, встрѣчавшихъ у него всегда радушный пріемъ. Я разумѣю интересъ, который онъ проявлялъ къ нашей русской наукѣ, къ нашей антропологіи, къ нашимъ доисторическимъ древностямъ. Неоднократно посѣщалъ онъ Россію и занимался антропологическими и археологическими разысканіями въ Прибалтійскомъ краѣ и на Кавказѣ. Въ 1881 г. онъ принялъ участіе въ V русскомъ археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Тифлисѣ, въ 1896 г. — въ трудахъ X археологическаго съѣзда, собравшагося въ Ригѣ. Въ 1892 г. онъ явился въ Москву для участія въ бывшемъ здѣсь тогда XI международномъ конгрессѣ по антропологіи и доисторической археологіи, въ 1897 году онъ посѣтилъ нашу столицу вторично для участія въ XII-мъ международномъ медицинскомъ конгрессѣ, причѣмъ присутствовалъ какъ на засѣданіяхъ секцій патологіи, такъ и анатоміи и антропологіи, сдѣлалъ на нихъ нѣсколько сообщеній, а также осматривалъ клиническіе институты и музеи, посѣтивъ, между прочимъ, вмѣстѣ съ профессорами Вальдейеромъ, Штидой, Бенедиктомъ, Sergi и другими иностранными учеными университетскій антропологическій музей. Съ давнихъ поръ онъ поддерживалъ научное общеніе какъ съ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, такъ и съ Моск. Археологическимъ Обществомъ, интересуясь особенно нѣкоторыми вопросами касательно смѣны антропологическихъ типовъ и доисторическихъ культуръ на почвѣ Россіи. Припомнимъ также то вниманіе, какое онъ удѣлилъ въ послѣдніе годы вопросу о славянскомъ элементѣ въ сложеніи типа и культуры доисторическаго населенія Германіи. Все это заставляетъ видѣть въ Вирховѣ особенно близкаго къ намъ изъ числа наиболѣе выдающихся современныхъ иностранныхъ ученыхъ, и мы, не только изъ уваженія къ его великимъ научнымъ заслугамъ, но и изъ признательности вообще къ его дѣятельности, бывшей въ различныхъ отношеніяхъ полезной и специально для Россіи, для русской науки, для разъясненія темныхъ вопросовъ нашего антропологическаго и археологическаго прошлаго, — имѣемъ основанія привѣтствовать его сегодня, въ чествуемый всѣмъ культурнымъ міромъ день его 80-тилѣтія, и изъ нашего культурнаго центра, Москвы, присоединиться къ сонму его многочисленныхъ почитателей въ общемъ пожеланіи здоровья и силъ знаменитому ученому. Да продолжаетъ онъ жить и работать еще многіе годы на пользу науки и для блага человечества! Слава Рудольфу Вирхову!

Д. Анучинъ.

Э С Т Ы.

(Антропологическій очеркъ).

I.

Бѣглый обзоръ этнографическихъ и археологическихъ данныхъ объ эстахъ.— Происхожденіе угро-финской расы.— Культура до-балтійскихъ эстовъ.— Балтійскій періодъ.— Начало національной дифференцировки могильниковъ.— Древняя до-христіанская культура эстовъ и ея отношеніе къ культурѣ ливовъ и латышей.— Языческій культъ эстовъ.— Языкъ и народная поэзія.— Географическое распространеніе эстовъ.

На полосу восточно-балтійскаго побережья, расположенной между 40° и 45° в. д. и 57°5' и 60°5' с. ш., преобладающій и господствующій антропогеографическій элементъ составляетъ, какъ извѣстно, племя эстовъ. Тѣсно соприкасаясь къ югу и къ юго-западу съ индо-европейскимъ племенемъ латышей, окруженное почти со всѣхъ сторонъ народами славянской расы, отдѣленное морскими границами отъ своихъ собратьевъ— собственныхъ финновъ, воспринявшее въ себя представителей германской и иныхъ расъ, племя это съ давнихъ поръ и особенно въ историческое время находится въ условіяхъ, мало способствующихъ его расовому обособленію. Въ то же время эсты, на подобіе собственныхъ финновъ и мадьяръ, являются какъ бы крайнимъ, отодвинутымъ наиболѣе далеко къ западу и къ морскимъ побережьямъ, звеномъ длиннаго ряда племенныхъ типовъ, относимыхъ обыкновенно къ т. наз. угро-финской группѣ народовъ. Въ этихъ племенахъ мы встрѣчаемъ историческіе аванпосты обширнаго движенія угро-финской семьи народовъ, которые, будучи вытѣснены изъ ихъ первоначальной родины и передвигаясь въ направленіи къ сѣверу и къ сѣв.-западу, достигли наиболѣе высокой степени культурнаго развитія тамъ, гдѣ границы моря навсегда поставили предѣлъ дальнѣйшему ихъ передвиженію. На-ряду съ мадьярами и собственными финнами великаго княжества эсты и родственное имъ, когда-то могущественное, но теперь близкое къ вымиранію, племя ливовъ были первыми пионерами, долженствовавшими проложить финской расѣ первые пути къ западной культурѣ. Если чудскія сказанія указываютъ на центральную Азію, какъ на вѣроятную колыбель угро-финскихъ народовъ, то это указаніе лишь подтверждаетъ не подлежащій сомнѣнію фактъ ко-

гда то болѣе обширнаго ихъ распространенія по сравненію съ узко очерченными границами области современныхъ угро-финновъ. Къ тому же въ пользу предположенія, что всѣ угро-финскія племена до момента вторженія въ Европу арійцевъ еще объединялись одною общою родиною, говорятъ многія и весьма вѣскія данныя. Поддерживая мысль относительно центрально-азиатскаго происхожденія угро-финской расы, чудская сага ничего не говоритъ намъ о состояніи культуры этой расы въ тотъ отдаленный періодъ времени, когда она, согласно гипотезъ, допускаемой тою же сагою, должна была въ своей первоначальной родинѣ находиться въ тѣсномъ соприкосновеніи съ древнею культурою Китая и съ первобытными элементами индо-европейской семьи народовъ. Если довѣряться этой гипотезѣ, то нетрудно остановиться на предположеніи о болѣе высокой степени культурнаго развитія первоначальныхъ угро-финновъ и о послѣдующей гибели этой культуры подъ вліяніемъ долгихъ массовыхъ передвиженій и бѣдствій, перенесенныхъ вытѣсненными финнами на пути къ ихъ позднѣйшимъ жилищамъ.

О тѣхъ путяхъ, по которымъ финскія племена достигли современнаго своего географическаго распространенія, о времени, въ какое именно произошло заселеніе занимаемыхъ ими теперь областей, высказывались различныя предположенія. Въ древнѣйшихъ русскихъ лѣтописяхъ эсты упоминаются подъ общимъ названіемъ «чуди», но извѣстно, что это понятіе обнимаетъ собою вмѣстѣ съ эстами и всѣ остальные финскія племена, живущія въ предѣлахъ Россійской имперіи. Памятниками движенія финскихъ эстовъ съ востока на сѣв.-западъ служатъ многія названія мѣстъ, встрѣчающіяся въ Приволжьѣ, не говоря о томъ, что и само названіе рѣки Волги, соответствующее эстонскому корню слова «walg» (бѣлый) и обозначающее «бѣлую рѣку», несомнѣнно эстонскаго происхожденія и свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Поволжьѣ когда-то обитали и господствовали эсты и другія финскія племена. Здѣсь эсты, по всей вѣроятности, еще не были вовсе знакомы съ желѣзомъ. По крайней мѣрѣ, по даннымъ сравнительной лингвистики, становится вѣроятнымъ, что эсты до заселенія ими Балтійскаго поморья изготовляли топоры еще изъ камня, а изъ металловъ знали только мѣдь и серебро. Сравнительное языковѣдніе рисуетъ намъ эстовъ до-балтійскаго періода въ видѣ хлѣбопашцевъ, рыболововъ и охотниковъ, хорошо знакомыхъ съ кузнечнымъ ремесломъ и съ приготовленіемъ войлока изъ коровьяго и конскаго волоса (овець, по видимому, не было еще). Мѣха у нихъ играли роль денегъ, которыхъ они еще не знали. Мѣхами же древніе эсты обивали свои конусообразныя жилища, строившіяся ими изъ неотесанныхъ бревенъ. Любовь къ безпредѣльной личной свободѣ препятствовала появленію у нихъ рабства, а начала семьи и правосудія уже рано обнаруживаютъ сравнительно высокую степень развитія.

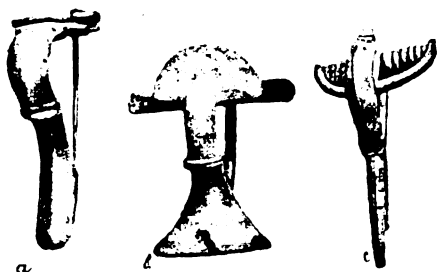
Съ момента появленія эстовъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ мы ихъ встрѣчаемъ въ настоящее время, исторія ихъ вступаетъ въ неразрывную связь съ исторією Вост.-Балтійскаго края. Бѣглый взглядъ на первобытную исторію этого края долженъ поэтому пролить свѣтъ на то отдаленное прошлое племени эстовъ, къ которому относятся первые памятники чело-вѣческой культуры на Вост.-Балтійскомъ побережьѣ.

Наиболѣе древніе изъ этихъ памятниковъ соотвѣтствуютъ, какъ извѣстно, періоду полированного камня или т. наз. неолитической эпохѣ. Относительно существованія чело-вѣка въ этомъ краѣ въ предшествовавшую геологическую эпоху мы не имѣемъ опредѣленныхъ указаній. Находки, относящіяся къ періоду полированного камня, рисуютъ намъ обитателей Балтійскаго поморья какъ рыбаковъ и охотниковъ, изготовлявшихъ изъ камня просверленные молотки и топоры, а изъ костей животныхъ различные другіе предметы, какъ, напр., кинжалы, остроги, наконечники стрѣлъ и копій. Могильники изъ этого древнѣйшаго (каменнаго) періода не доказаны съ несомнѣнностью, причиною чего служить, между прочимъ, то обстоятельство, что въ Вост.-Балтійскомъ краѣ каменные издѣлія продолжали сохраняться и въ т. наз. желѣзную эпоху и могли, слѣдовательно, попадать и въ могилы позднѣйшаго времени. Какъ бы то ни было, каменный вѣкъ въ Прибалтійскомъ краѣ совершенно незамѣтно переходитъ въ желѣзную эпоху, такъ какъ существованіе здѣсь бронзоваго періода въ собственномъ смыслѣ этого слова, съ изготовленіемъ изъ бронзы не только предметовъ украшеній, но и оружія, въ настоящее время признается болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Совершенно отсутствуетъ во всемъ Прибалтійскомъ краѣ, кромѣ бронзоваго, и т. наз. дохристіанскій желѣзный періодъ, соотвѣтствующій періоду La Tène и играющій столь существенную роль въ археологій средней и западной Европы. Что же касается балтійской желѣзной эры, то ее въ настоящее время подраздѣляютъ на два періода, изъ которыхъ первый обнимаетъ время отъ I до VIII в. христіанскаго лѣтосчисленія, второй простирается отъ VIII стол. до времени нѣмецкой колонизаціи и введенія христіанства въ Остзейскомъ краѣ. Эти два періода извѣстны также подъ названіемъ перваго и второго восточно-балтійскаго желѣзнаго вѣка и различаются между собою не только способами погребенія покойниковъ, но и формою предметовъ, находимыхъ въ могильникахъ при трупахъ. Переходный между первымъ и вторымъ изъ этихъ періодовъ, соотвѣтствующій VII—VIII в. христіанскаго лѣтосчисленія, характеризуется какъ болѣе бѣдный по количеству археологическихъ находокъ.

Періодъ т. наз. перваго вост.-балтійскаго желѣзнаго вѣка, обнимающій собою время отъ I—VIII в. христіанскаго лѣтосчисленія, еще весьма недостаточно выясненъ какъ въ этнологическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи. Какія племена обитали за этотъ періодъ вре-

мени въ остзейскихъ провинціяхъ и какія между ними существовали взаимоотношенія,—вопросъ этотъ, какъ извѣстно, былъ затрогиваемъ неоднократно, однако мы еще и понинѣ весьма далеки отъ его окончательнаго разрѣшенія. Даже относительно племенныхъ признаковъ главной массы тогдашняго народонаселенія нашего края археологическія находки перваго желѣзнаго періода не даютъ сколько-нибудь опредѣленныхъ указаній, и весьма возможно, что именно въ продолженіе этого періода времени первоначальныя расы нашихъ провинцій подвергались сильному вліянію со стороны иноземныхъ пришельцевъ и въ частности, вѣроятно, вліянію со стороны германскихъ племенъ, занесенныхъ сюда общимъ разливомъ переселенія народовъ. Нѣкоторый свѣтъ на расовыя или національныя особенности народонаселенія тогдашняго времени способно пролить лишь сравнительное богатство находокъ, относимыхъ къ первой половинѣ истекшаго тысячелѣтія. Изъ числа глиняныхъ предметовъ найдены горшки довольно искусной работы, хотя въ области сѣверной отъ Двины они встрѣчены только въ видѣ обломковъ. Желѣзо употреблялось большею частью для приготовленія необходимыхъ предметовъ обыденной жизни, какъ ножей для рѣзбы, ножницъ, булавокъ, шильевъ для прободенія кожи и даже, повидимому, небольшихъ бритвъ. Сравнительно рѣже изъ желѣза изготовлялось оружіе, напр. наконечники копій, а желѣзные топоры и мечи совершенно отсутствуютъ за рассматриваемый періодъ въ области современнаго распространенія эстовъ. Еще рѣже наблюдаются предметы украшенія изъ желѣза. Что же касается древнѣйшихъ бронзовыхъ предметовъ, то среди нихъ первенствующая роль выпадаетъ на долю фибулы. Но древнія фибулы, находимыя въ Вост.-Балтійскомъ краѣ, врядъ ли, однако-же, могутъ считаться, какъ продукты самостоятельнаго мѣстнаго производства. Большинство изъ нихъ, какъ по своей общей конфигураціи, такъ и по техническимъ своимъ особенностямъ, весьма близко подходитъ къ римскимъ фибуламъ, соответствующимъ періоду первыхъ императоровъ. Наиболее характерными для втораго столѣтія являются въ областяхъ южнѣе Зап. Двины, а также во многихъ мѣстностяхъ Эстляндіи и Финляндіи фибулы двоякой формы: 1) т. наз. крючковидныя (рис. 1а) и 2) щитовидныя (рис. 1б). Но съ наступленіемъ III вѣка эти два вида фибулы смѣняются типомъ т. наз. арбалетной фибулы (рис. 1с). Последний типъ фибулы, повидимому, наиболѣе соответствовалъ эстетическому вкусу тогдашняго народонаселенія нашихъ провинцій, такъ какъ форма ея съ теченіемъ времени прогрессивно совершенствуется, становясь плоскою, впоследствии она изготовляется изъ серебра и изъ позолоченной бронзы и украшается различнымъ орнаментомъ, въ особенности изображеніями животныхъ—этого столь частаго объекта сѣверной орнаментики. Къ перечисленнымъ главнымъ типамъ фибулы присоединяется еще рядъ другихъ, изъ числа которыхъ въ средней Лифляндіи большую

роль играет т. наз. лѣстницевидная фибула, могущая появляться также въ своеобразныхъ комбинаціяхъ съ самострѣлообразною. Весьма распространѣнъ кромѣ того дискообразный типъ фибулы, хотя и другія формы ея, — трехугольная, совообразная, петлевидная и проч., — не составляютъ рѣдкости среди бронзоваго инвентаря могильниковъ того времени. Рѣже другихъ наблюдаются, повидимому, подковообразнаго типа и довольно изящной работы фибулы, облицованныя иногда даже эмалью, наличность которыхъ доказана, между прочимъ, и въ соответствующихъ разсматриваемому періоду времени могильникахъ сѣв.-восточной Эстляндіи. Но и помимо фибулы ранній желѣзный періодъ необычайно богатъ также другими предметами украшенія. Такъ, изъ бронзы изготовлялись различнаго рода булавки, снабженныя петлями или кольцами и, вѣроятно, представлявшія собою украшенія женской шевелюры. Далѣе, въ большемъ употребленіи были бронзовыя бусы, бронзовыя гривны, надѣвавшіяся на шею или на голову, бронзовые браслеты, которые, будучи надѣты въ большемъ количествѣ и приготовленные часто изъ

бронзовой жести, служили не только для украшенія, но могли, вѣроятно, имѣть одновременно значеніе предмета для защиты, наконецъ, бронзовые перстни, являющіеся по своей частотѣ излюбленнымъ средствомъ украшенія у древнихъ обитателей нашихъ провинцій. Найдены также бронзовыя пинцеты, относительно которыхъ существуетъ предположеніе, что они служили для вырыванія волосъ бороды и такимъ образомъ являются какъ бы прототипомъ нашихъ современныхъ эпиляторовъ. Посуда изъ бронзы почти отсутствуетъ. Но при богатствѣ другихъ бронзовыхъ издѣлій естественно, что послѣднія фактически составляютъ собою преобладающій элементъ въ инвентарѣ могильниковъ перваго желѣзнаго періода. Появленіе такой массы бронзовыхъ предметовъ несомнѣнно римскаго происхожденія въ нашемъ отдаленномъ отъ римскихъ провинцій краѣ естественно должно навести на мысль, что въ продолженіе первыхъ вѣковъ христіанской эры народы, обитавшіе тогда на Вост.-Балтійскомъ поморьѣ, подвергались болѣе или менѣе сильному вліянію со стороны западно-римской культуры. Фактъ относительной бѣдности, а по отношенію къ областямъ сѣвернѣе Двины — даже полнѣйшаго отсутствія монетъ римскихъ императоровъ, въ дан-

Рис. 1. Главнѣйшія формы бронзовыхъ фибулъ перваго вост.-балтійскаго желѣзнаго періода: а) крючкообразная фибула, съ гребнемъ (каталогъ X-го Археолог. Съѣзда въ Ригѣ, табл. IV, № 382); б) щитовидная фибула, съ верхнею дугою, гребнемъ и широкою ножкою (музей Учен. Эстон. Общества); в) арбалетная фибула (Курлянд. провинц. музей въ Митавѣ).

номъ случаѣ, по нашему мнѣнію, врядъ ли имѣетъ серьезное или рѣшающее значеніе, тѣмъ болѣе, что и другія находки въ могильникахъ тогдашняго времени, какъ, напр., найденныя въ большомъ количествѣ стеклянныя издѣлія, въ особенности бусы несомнѣнно посторонняго происхожденія, такъ же какъ и бронзовыя находки весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о болѣе или менѣе рѣзкомъ и раннемъ воздѣйствіи пришлыхъ элементовъ на народонаселеніе нашего края. Какъ бы характерною особенностью балтійскихъ могильниковъ начала христіанскаго лѣтосчисленія является отсутствіе предметовъ изъ золота, всецѣло уступающаго здѣсь мѣсто бронзѣ (главнымъ образомъ т. наз. цинкованной бронзѣ) и желѣзу, въ то время какъ посеребренныя вещи встрѣчаются въ находкахъ уже нѣсколько чаще.

Но упомянутыя археологическія находки нигдѣ, однако же, не даютъ опредѣленныхъ указаній относительно національной принадлежности изслѣдованныхъ могильниковъ. Перечисленные предметы инвентаря могильниковъ не поддаются въ предѣлахъ балтійскихъ провинцій точной топическо-этнической группировкѣ. Они встрѣчаются вездѣ и всюду, безъ рѣзкаго преобладанія тѣхъ или иныхъ изъ нихъ соотвѣтственно области современнаго топическаго распространенія въ краѣ отдѣльныхъ расовыхъ типовъ. Единственное заключеніе, къ которому можетъ привести родственность этихъ находокъ, выражается въ доказательствѣ принадлежности могильниковъ къ одному и тому же археологическому періоду. Что же касается самихъ могильниковъ, ихъ ближайшихъ особенностей и способовъ погребенія покойниковъ, практиковавшихся въ разсматриваемый первый періодъ балтійской археологій, то здѣсь въ нашихъ свѣдѣніяхъ остаются, къ сожалѣнію, еще значительныя пробѣлы. Наиболее хорошо выясненнымъ можетъ считаться характеръ могильниковъ тогдашняго времени въ областяхъ, занятыхъ въ настоящее время эстами. Здѣсь, въ сѣверной и отчасти также въ средней Лифляндіи, были открыты многочисленныя могильники, возведенныя весьма искусною рукою изъ камня, безъ употребленія известковаго цемента, и обычно представляющіе собою правильные ряды длиною до 100 метровъ и съ длинною осью, направленною съ запада на востокъ. Этотъ типъ каменныхъ рядовыхъ могильниковъ ¹⁾, однако, обнаруживаетъ и въ странѣ эстовъ рядъ существенныхъ различій, объясненіе которыхъ до сихъ поръ встрѣчаетъ, повидимому, непреодолимыя препятствія. Дѣло въ томъ, что въ средней и сѣверной части Лифляндіи рядовые могильники вмѣщаютъ въ себѣ ясныя слѣды примѣнявшагося трупо сожженія въ видѣ цѣлыхъ гнѣздъ неопредѣлимаго числа сожженныхъ

¹⁾ Если бы первоначальная попытка сравненія нѣкоторыхъ изъ этихъ могильниковъ съ кораблями оправдалась въ дѣйствительности, то такая форма ихъ послужила бы лишь выразительницею безграничной преданности приморскихъ эстовъ мореплаванію и ремеслу морского разбоя.

покойниковъ, расположенныхъ въ промежуткахъ между рядами камней. Не то мы видимъ въ сѣверныхъ окраинахъ земли эстовъ. Здѣсь также имѣются обширные могильники, сооруженные изъ камня, и здѣсь могильники устроены искусною, повидимому, рукою, въ видѣ длинныхъ рядовъ камней, хотя и не столь правильныхъ, какъ на югѣ; но среди находимыхъ въ этихъ могильникахъ скелетовъ встрѣчается масса такихъ, которые явно никогда не подвергались влиянію огня. Обычай трупосожженія отсутствуетъ за рассматриваемый ранній періодъ времени въ предѣлахъ Эстляндіи и во всякомъ случаѣ, если и былъ въ употребленіи, то лишь изрѣдка и въ видѣ исключенія. Возможно думать, что эта особенность болѣе сѣверныхъ могильниковъ до извѣстной степени служить выразительницею распредѣленія расъ въ то время, но это не болѣе, какъ предположеніе, не имѣющее подъ собою твердой фактической почвы. Съ нѣскольکو болѣею опредѣленностью можно высказаться относительно общаго характера тѣхъ раннихъ обитателей нашихъ просинцій, которые столь тщательно укладывали своихъ усопшихъ родственниковъ на вѣчное упокоеніе въ каменные гробницы. Уже поразительная многочисленность рядовыхъ могильниковъ даетъ представленіе о значительной густотѣ тогдашняго населенія нашего края, распредѣлявшагося въ видѣ небольшихъ отдѣльныхъ общинъ. Сравнительная рѣдкость находенія оружія въ видѣ копій и проч. указываетъ на то, что народонаселеніе этой мѣстности уже въ рассматриваемый ранній періодъ не отличалось особенно воинственнымъ характеромъ. Это были, по всей вѣроятности, мирные поселяне, занимавшіеся обработкою своихъ полей, приготовлявшіе свою одежду изъ шерсти и кожи, продуктовъ тщательнаго скотоводства, которые служили въ то же время объектами для обмѣна на нѣкоторые предметы ввоза,—поселяне, питавшіе въ то же время большую склонность къ блеску и къ роскоши бронзовыхъ и бисерныхъ украшеній, но одновременно развивавшіе въ себѣ искусство самостоятельнаго изготовленія необходимой домашней утвари изъ желѣза, глины и проч.

Болѣе опредѣленную племенную или національную окраску археологическія находки въ прибалтійскихъ провинціяхъ начинаютъ обнаруживать лишь со времени второго періода желѣзной эпохи, считая съ VIII стол., до времени нѣмецкой колонизаціи и момента введенія христіанства въ XIII в. Какъ латыши, такъ и племя эстовъ и родственное съ ними племя ливовъ съ этихъ поръ начинаютъ принимать ясныя этнографическія границы, которыя, какъ показали обстоятельныя изслѣдованія Биленштейна, обозначаютъ собою тѣ же области, въ которыхъ мы еще и въ настоящее время встрѣчаемъ латышей и эстовъ, если при этомъ принимать во вниманіе, что племенной элементъ ливовъ со-временемъ все болѣе поглощается и всасывается латышами, съ сохраненіемъ лишь тѣхъ немногочисленныхъ селеній ливовъ-рыбаковъ на сѣверной окраинѣ курляндскаго полуострова, которыя явля-

ются послѣдними остатками этого когда-то могущественнаго и воинственнаго народа. Что говорятъ намъ археологическія находки о картинѣ культуры этихъ народностей на склонѣ перваго тысячелѣтія? Находимъ ли мы, по мѣрѣ установленія между ними опредѣленныхъ этнографическихъ границъ и въ данныхъ археологическихъ изысканій, соответствующія указанія на развитіе національной обособленности?

Начинаемъ съ ливовъ. Здѣсь попытка археологической характеристики связана съ особенными трудностями, благодаря, главнымъ образомъ, тому обстоятельству, что ливы всюду тѣсно соприкасались не только съ эстами, но и съ латышами, въ особенности же съ послѣдними, такъ какъ земля ливовъ въ описываемый періодъ времени къ югу отъ современной границы эстовъ была расположена, такъ сказать, въ самомъ сердцѣ области распространенія латышскаго народа, — фактъ, уже самъ по себѣ позволяющій до извѣстной степени предугадывать будущую судьбу племени ливовъ. Национальною особенностью этого могущественнаго племени, сидѣвшаго у низовьевъ р. Двины и въ области р. Аа, являются въ періодъ его процвѣтанія нѣкоторые характерные предметы украшенія, изготовлявшіеся по преимуществу изъ бронзы, рѣже, но все еще довольно часто, также изъ серебра. Въ числѣ этихъ украшеній первое мѣсто, несомнѣнно, занимаютъ, въ особенности среди двинскихъ ливовъ, роскошныя и драгоценныя длинныя многорядовыя цѣпи, далеко ниспадавшія съ плечъ, къ которымъ оба конца прицѣплялись при помощи характерной для ливовъ яйцевидно-щитообразной фибулы, и соединявшіяся съ нагрудными бронзовыми или серебряными амулетами въ видѣ фантастическихъ изображеній птицъ, собакъ, лошадей и проч. Нашеѣ жены и дочери ливовъ любили носить богатые украшения, ожерелья, изящныя серебряныя предметы, монеты и т. д. Но этой почти безпредѣльной страсти къ внѣшней роскоши далеко не уступаетъ гордая воинственность ливовъ, находящая свое естественное выраженіе въ тѣхъ приготовленныхъ изъ желѣза, но подчасъ богато облицованныхъ также серебромъ и даже золотомъ мечехъ, топорахъ, ножахъ и копьяхъ, съ которыми не разставались и слегшіе на полѣ битвы воины и которые по своему изобилію такъ поражаютъ насъ уже при первомъ взглядѣ на инвентарь ливскихъ могильниковъ. Напротивъ, оружія мирнаго труда, какъ ножи, серпы и другія эмблемы замлѣдѣльца, встрѣчаются въ могильникахъ ливовъ лишь изрѣдка и въ видѣ исключенія. Рѣдкость находенія въ землѣ ливовъ братинъ естественно не можетъ еще служить несомнѣннымъ доказательствомъ особой воздержанности отъ спиртныхъ напитковъ. Точно такъ же фактъ полнаго отсутствія у ливовъ кожаныхъ поясовъ и поясныхъ колецъ можетъ въ сомнительныхъ случаяхъ имѣть значеніе при опредѣленіи національной принадлежности инвентаря ливскихъ могильниковъ.

Въ противоположность родственному племени ливовъ эсты и во второй періодъ желѣзной эры сохраняютъ у себя старый обычай

трупосожженія. Мы не знаемъ, насколько распространенный у ливовъ обычай жертвоприношенія различныхъ животныхъ, въ особенности собакъ, и устройство погребальныхъ похоронныхъ пиршествъ, остатки которыхъ въ урнахъ и горшкахъ предавались землѣ вмѣстѣ съ покойниками, имѣлъ распространение среди древнихъ эстовъ. Но самый способъ устройства могилъ въ видѣ высокихъ холмовъ напоминаетъ собою тѣ холмистыя могилы, которыя были найдены у ливовъ побережья р. Аа, хотя въ послѣднемъ случаѣ трупы лежали не цѣлыми массами вмѣстѣ, а большею частью въ одиночку. Одновременно съ типомъ холмистыхъ могильниковъ у эстовъ конца перваго тысячелѣтія продолжаютъ встрѣчаться тѣ же обширные каменные, съ правильными рядами, могильники, которые столь искусными руками возводились, какъ мы видѣли, въ теченіе долгихъ періодовъ времени, начиная со II вѣка христіанскаго лѣтосчисленія. У эстовъ-островитянъ Эзеля, Моона и Дагдена обнаруживаются, правда, могильники существенно иного типа, именно обширныя плоскія кладбища, вымощенныя гранитомъ или плитнякомъ, подъ которыми почти непосредственно покоятся остатки труповъ. Этотъ типъ могильниковъ обязанъ, повидимому, своимъ происхожденіемъ специальнымъ особенностямъ почвы, напр., въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ подъ слоемъ земли, толщиною не болѣе нѣсколькихъ дюймовъ, непосредственно простирается твердая каменистая почва, представляющая значительныя препятствія для проникновенія въ болѣе значительную глубину. Но сходство съ эстами материка и здѣсь, на островахъ, проявляется въ повсемѣстномъ распространеніи трупосожженія, доводившееся островитянами даже до полного или почти полного разрушенія частей тѣла и нерѣдко до такой степени основательно, что подъ каменною крышкой той огромной массовой гробницы, которая была найдена напр., поблизости отъ Оррикюля, оказались на-лицо лишь весьма скудные останки костей человѣческихъ скелетовъ на-ряду съ многочисленными оружіями и предметами украшенія, подвергнутыми тому же процессу умышленнаго предварительнаго уничтоженія, который, какъ мы видѣли, составляетъ общую особенность предметовъ, находимыхъ въ эстонскихъ могильникахъ.

Но наиболѣе рѣзкая отличительная черта эстонскихъ могильниковъ выражается, повидимому, не столько въ самомъ типѣ ихъ общаго устройства, сколько въ характерѣ ихъ инвентаря. Специфическою особенностью племени эстовъ второй желѣзной эпохи является роскошное нагрудное украшеніе (рис. 2), изготовлявшееся изъ бронзы и состоявшее 1) изъ булавки въ видѣ двойного креста, къ которой при посредствѣ 2) вдѣвавшейся въ ея отверстіе весьма изящной рѣшетообразной, нерѣдко облицованной серебромъ, сквозной митрообразной пластинки, съ узорами на подобіе ленточнаго сплетенія, прикрѣплялись 3) короткія, тяжелыя нагрудныя цѣпи, соединенныя другъ съ другомъ большими кольцами. Характерны въ особенности двукрестообразныя бу-

лавки, служившія для прикрѣпленія всего нагруднаго украшенія къ одеждѣ. Наличности ея внѣ черты осядлости эстовъ еще нигдѣ не удалось обнаружить. Но и митрообразная средняя часть украшенія, нижняя прямая сторона которой снабжена отверстіями для прицѣпленія цѣпей, съ ея рѣшетообразною, на подобіе ленточнаго сплетенія, поверхностью **можетъ** считаться особенностью эстовъ. Черепахообразная фибула, съ прикрѣпленными къ ней многорядовыми тонкими и длинными цѣпями, **это**

Рис. 2. Національное нагрудное украшеніе эстовъ второго вост.-балтійскаго желѣзнаго періода (изъ бронзы, мѣстами посеребренной).

національное украшеніе родственнаго эстамъ племени ливовъ, нигдѣ не встрѣчается въ эстонскихъ могильникахъ, за-то въ противоположность послѣднимъ эсты охотно опоясывались кожаными ремнями и поясами. Особенную тщательность эсты уже въ самые древніе періоды обнаруживаютъ въ обработкѣ предметовъ изъ желѣза ¹⁾. Свидѣтельствомъ высокой степени развитія у эстовъ техники обработки желѣза могутъ служить тѣ изящно отдѣланные, вдѣтые въ **коль-**

¹⁾ Этимъ объясняется, между прочимъ, то обстоятельство, что слово **сепъ** = кузнецъ употребляется эстами и въ смыслѣ „работника“ вообще. Рабочій *хат'ѣξоху* у эстовъ — кузнецъ, Rätt—sepp = портной, king—sepp = сапожникъ и проч.

на, булавки, которыя изображены на нашемъ рис. 3 и способъ употребленія которыхъ до сихъ поръ остается невыясненнымъ. Среди многочисленныхъ предметовъ, изговлявшихся эстами изъ желѣза, встрѣчаемъ, между прочимъ, и косы, столь рѣдкія у родственныхъ ливовъ, ножи, топоры, принадлежности конской сбруи; въ числѣ оружія мечи и кинжалы были находимы въ могильникахъ эстовъ сравнительно не часто, что и понятно въ виду мирнаго характера этого народа, состоявшаго по преимуществу изъ хлѣбопашцевъ, скотоводовъ и кузнецовъ. Наиболѣе распространеннымъ оружіемъ эстовъ является копье, но что и копья не были предметомъ особенной любви и заботы у эстовъ, на это даетъ нѣкоторое указаніе тотъ фактъ, что копья, облицованныя серебромъ, въ противоположность ливамъ нигдѣ не встрѣчаются въ странѣ эстовъ, несмотря на необычайное изобиліе у эстовъ серебряныхъ предметовъ, къ которымъ они испытывали особенную страсть и которые они доставали себѣ на своихъ пиратскихъ походахъ. Изъ серебра эсты изготовляли различные предметы украшеній: нашейныя кольца, весьма употребительныя у эстовъ (но часто дѣлались также изъ бронзы), плоскія браслеты съ характернымъ плетенчатымъ и волнообразнымъ орнаментомъ на нихъ, рѣже перстни, надѣвавшіеся по нѣскольку, до 13 и болѣе штукъ на каждую руку; изъ серебра же дѣлались широкія налобныя ленты, цѣпочки, носимыя въ шевелюрѣ, и проч., но, вообще говоря, головныя украшенія не играли у эстовъ той роли, которая, какъ мы увидимъ ниже, выпадаетъ на ихъ долю у латышей. Точно такъ же у эстовъ не замѣчается національной склонности къ ношенію подвѣсокъ, брелоковъ, столь частыхъ у латышей, и лишь бисеръ, вѣроятнѣ всего какъ предметъ женскаго туалета, найденъ у нихъ въ изобиліи, а тѣ бронзовыя изображенія собакъ и проч., которыя носились ливами въ видѣ амулетовъ, даже всецѣло отсутствуютъ въ странѣ эстовъ.

Повсемѣстное среди эстовъ распространеніе обычая трупосоженія объясняетъ почти полное отсутствіе частей или остатковъ одежды и тканей въ ихъ могильникахъ. Въ этомъ отношеніи эстонскіе могильники рѣзко отличаются въ особенности отъ латышскихъ. Латыши хоронили своихъ покойниковъ въ сравнительно неглубокихъ могилахъ, преимущественно поблизости плоскихъ возвышенностей; встрѣчаемыя у эстовъ насыпи, въ видѣ высокихъ холмовъ, надъ могилами у латышей составляютъ большую рѣдкость; также лишь въ видѣ исключенія въ землѣ латышей

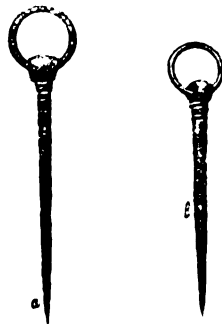

Рис. 3. Произведенія желѣзной техники второго вост. - балтійскаго желѣзнаго періода: а) булавка съ изящнымъ орнаментомъ (Эстлянд. провинц. музей въ Ревелѣ); б) крѣпкая желѣзная булавка съ кольцомъ и съ позолоченными полосками на ней (музей Учен. Эстон. Общ.).

наблюдаются могилы, возведенныя изъ камней, на подобіе тѣхъ, которыя столь характерны для племени эстовъ; наконецъ, могильники латышей почти нигдѣ не обнаруживаютъ признаковъ бывшаго трупосоженія. Характернымъ признакомъ латышскихъ могильниковъ представляется ихъ поразительное богатство остатками предметовъ роскошной одежды. Техника ткацкаго искусства уже въ тѣ ранніе періоды достигала у латышей поразительной степени совершенства, и извѣстно, что ткацкій промыселъ еще въ настоящее время процвѣтаетъ у этого племени въ отличіе отъ эстовъ - кузнецовъ по преимуществу. Особеннымъ распространеніемъ у латышей, вѣроятно обоого пола, пользовались головныя повязки, состоявшія обыкновенно изъ 5 рядовъ бронзовыхъ спиралей, надѣвавшихся на лыко и отдѣлявшіяся другъ отъ друга бронзовыми пластинками, а у женщинъ съ головы ниспадали длинныя, на подобіе буклей, приборы, приготовлявшіеся изъ шерсти и обхваченные кругомъ бронзовыми спиралями. Такіе приборы составляютъ отличительную черту латышскихъ могильниковъ. Весьма изобилуютъ латышскіе могильники различными подвѣсками или брелоками, между которыми особенно характерны крестообразныя амулеты, нерѣдко весьма изящной работы, не встрѣчающіеся ни у эстовъ, ни у ливовъ. Очень распространены въ нихъ также цѣпи, носившіяся, вѣроятно, на плечѣ; но черепахообразная фибула, служившая у ливовъ для прикрѣпленія любимыхъ ими длинныхъ цѣпей, совершенно чужда латышамъ, и она у послѣднихъ всецѣло уступаетъ національному украшенію латышки — затылочной бляхѣ, полукружной пластинкѣ, къ обоимъ загнутымъ концамъ которой привѣшивались цѣпи посредствомъ двойныхъ крючковъ. Весьма бѣдны латышскіе могильники серебромъ, въ отличіе отъ ливовъ и эстовъ; отсутствуютъ въ нихъ тѣ урны, которыя такъ распространены въ могильникахъ ливовъ; сравнительно бѣдны они также желѣзомъ и бисеромъ; въ противоположность сосѣднимъ эстамъ - кузнецамъ орудія для хлѣбопашества почти совершенно отсутствуютъ; за то часто встрѣчаются топоры и копья. Двукрестообразная фибула эстовъ также совершенно не извѣстна латышамъ, какъ она не извѣстна и ливамъ. Также не извѣстны послѣднимъ спиральныя браслеты и нашейныя кольца, часто находимыя въ инвентаряхъ латышскихъ могильниковъ.

Итакъ, несмотря на близкое сосѣдство трехъ первоначальныхъ расовыхъ элементовъ вост.-балтійскаго побережья, несмотря на тѣсное соприкосновеніе между ними въ продолженіе многихъ вѣковъ, тѣмъ не менѣе могильники каждаго изъ нихъ еще въ сравнительно позднее время носятъ, повидимому, вполне опредѣленный и какъ бы чисто національный характеръ, отпечатокъ особенностей культуры соответствующей племенной группы. Эти особенности выражаются какъ въ самомъ типѣ сооруженія могильниковъ, въ приемахъ погребенія труповъ, такъ и въ характерѣ мо-

гильного инвентаря. Для эстовъ характерны, большею частью, холмообразныя могилы, а рядомъ съ ними и обширныя могильники изъ длинныхъ правильныхъ рядовъ каменьева, почти всюду съ признаками бывшаго трупосожженія. Ливы хоронили своихъ покойниковъ также подъ холмиками вышиною въ 1 метръ, но послѣдніе, по крайней мѣрѣ у ливовъ побережья р. Аа, первоначально не покрывались камнями. Наконецъ, латыши предпочитали поверхностный типъ могильниковъ, такъ же, какъ ливы, не закрывали ихъ камнями и, подобно ливамъ же, прибѣгали къ трупосожженію лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Національныя украшенія эстовъ—двукрестообразная игла съ митрообразною зацѣпкою, ливовъ—черепашья фибула, длинныя нагрудныя цѣпи и множество серебряныхъ амулетовъ и подвѣсокъ, наконецъ, латышей—роскошныя ткани, головныя повязки и затылочные бляхи. Какъ извѣстно, всѣ прежнія попытки, направленные къ классификаціи прибалтійскихъ могильниковъ по національностямъ, оказались малоуспѣшными, и лишь благодаря неустаннымъ трудамъ проф. Р. Гаусмана, были выяснены, путемъ всесторонняго изученія всего существующаго археологическаго матеріала, тѣ признаки, на основаніи которыхъ въ настоящее время представляется возможнымъ судить о принадлежности прибалтійскихъ могильниковъ—конечно, при условіи наличности въ нихъ соотвѣтствующаго инвентаря—къ той или другой племенной группѣ, хотя не слѣдуетъ при этомъ выпускать изъ виду, что археологическій матеріалъ, собранный до сихъ поръ въ предѣлахъ вост.-балтійскаго поморья, еще включаетъ въ себѣ значительныя пробѣлы и въ отношеніи научной полноты оставляетъ еще желать весьма многого.

Мы не сочли бы себя обязанными остановиться здѣсь на этомъ предметѣ, если бы возможность точной этнологической діагностики нашихъ балтійскихъ могильниковъ не имѣла непосредственнаго и притомъ весьма существеннаго значенія также и съ точки зрѣнія физической антропологии. Безспорно, что племена, населяющія Прибалтійское поморье уже въ теченіе не менѣе одного тысячелѣтія, весьма мало извѣстны намъ по своимъ физическимъ особенностямъ. Существующія въ этомъ направленіи изслѣдованія являются передъ судомъ современной научной антропологии не болѣе, какъ робкими попытками уже въ виду одной малочисленности наблюденій и фактовъ, легшихъ въ ихъ основаніе. Достаточно вспомнить, что краніологія латышей и ливовъ до сихъ поръ остается даже всецѣло незатронутою. Необходимый въ данномъ случаѣ антропологическій матеріалъ могутъ намъ представить въ желательной полнотѣ со временемъ только могильники. Это особенно имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ ливамъ—тому когда-то могущественному, балтійскому племени, которое въ настоящее время близко къ окончательному вымиранію. Благодаря новѣйшимъ успѣхамъ археологій въ дѣлѣ племенной діагностики могильниковъ, антропологи въ скоромъ времени будутъ имѣть въ своемъ

распоряженіи многочисленные костяки и черепа несомѣнно ливскаго происхожденія, на основаніи изученія которыхъ, наконецъ, удастся съ болышей опредѣленностью выяснить физическій типъ этого во многихъ отношеніяхъ интереснаго племени и отношеніе его какъ къ латышамъ, такъ и къ эстамъ и другимъ типамъ финской группы народовъ. Надежда, что физическій обликъ древнихъ латышей и храбрыхъ ливскихъ воиновъ въ скоромъ времени воскреснетъ передъ взорами антропологовъ, основывается и на томъ благопріятномъ обстоятельствѣ, что въ громадномъ большинствѣ могильниковъ этихъ двухъ племенъ костяки сжигались въ рѣдкихъ лишь случаяхъ, и обычай трупосожженія, который въ теченіе многихъ вѣковъ является какъ бы отличительною чертою племени древнихъ эстовъ, не былъ распространенъ среди нихъ.

Въ моментъ появленія западныхъ завоевателей въ Прибалтійскомъ краѣ доисторическая эра племени эстовъ переходитъ въ историческую. Когда рыцари прусскаго ордена Меча впервые высадились въ 1186 г. на восточномъ побережьи Балтійскаго моря, они здѣсь встрѣтили три племени, находившіяся въ то время почти на одинаковой степени религіознаго развитія. Сравнительно легко доступными ученіямъ новой вѣры оказались ливы, съ которыми нѣмецкимъ завоевателямъ пришлось столкнуться впервые. Еще удачнѣе была дѣятельность ордена между латышами. Какъ ливы, такъ и латыши вскорѣ стали дѣйствовать сообща съ орденомъ въ борьбѣ его съ языческимъ племенемъ эстовъ. Послѣдніе, по свидѣтельству Генриха Латыша, исторіографа того времени, представляли изъ себя храброе, но болышею частью жестокое и коварное племя, которое только мѣстами отличалось честностью и прямою нравовъ. Они обитали отчасти въ болѣе или менѣе многочисленныхъ деревняхъ или селеніяхъ, отчасти въ подземныхъ пещерахъ. Ихъ земля, раздѣленная на области, была хорошо защищена отъ вторженія враговъ. Особой политической организаціи между ними, повидимому, не существовало, хотя и выбирались старшины (*seniores*) и даже князья (*principes et meliores*). Сильно было развито хлѣбопашество, но еще болѣе процвѣтали скотоводство и рядомъ съ послѣднимъ также пчеловодство. Не отличаясь воинственнымъ характеромъ, древніе эсты, тѣмъ не менѣе, хорошо умѣли обращаться съ мечомъ и копьемъ, со стрѣлою и пращею, вооружались щитами и палицами и часто пользовались также дубинами, какъ орудіемъ для борьбы. Для защиты противъ враговъ они возводили земляные или деревянные окопы и каменные укрѣпленія. Объ изящныхъ искусствахъ эсты времени Генриха Латыша еще не имѣли представленія. Покойники хоронились ими торжественно при печальныхъ церемоніяхъ и торжествахъ. Рядомъ съ Укко, властителемъ грома и молніи, высшимъ божествомъ языческихъ эстовъ является Таара или Таарапита, которому они въ опредѣленные дни при-

носили въ жертву человѣческую кровь, добывавшуюся изъ указательнаго пальца. Таара воплощалъ въ себѣ принципъ доброты и миролюбія. Покровителемъ кузнечнаго искусства служилъ богъ Ильмарине, властитель воздуха и огня. Наконецъ, въ лицѣ Ванамуйне, эстонскаго Аполлона, обожался представитель премудрости и колдовства, отецъ пѣнія и рѣчи. Характернымъ для языческаго культа эстовъ, какъ и финскихъ племенъ вообще, является представленіе о свѣтлыхъ существахъ, людяхъ, происшедшихъ изъ смѣшенія боговъ со смертными. Народная фантазія финновъ и эстовъ создала множество такихъ полубоговъ, всюду повторяющихся въ ихъ эпическихъ произведеніяхъ.

При такомъ развитіи началъ язычества становится понятнымъ то ожесточенное сопротивленіе, которое эсты оказывали германскимъ инновѣрческимъ завоевателямъ и которое еще усугублялось ихъ ненавистью къ ливамъ и латышамъ, покорившимся власти ордена. Лишь благодаря энергичному вмѣшательству датскаго короля Вальдемара Побѣдоноснаго, прибывшаго въ 1219 г. на помощь ордену по призыву епископа Альберта, покореніе и крещеніе языческихъ эстовъ стало приближаться къ своему осуществленію, хотя окончательное порабоженіе эстовъ наступило только въ 1227 г. вмѣстѣ съ завоеваніемъ острова Эзеля. Потерявши вмѣстѣ со свободою и свою политическую обособленность, эсты въ послѣдующіе періоды времени поступаютъ изъ нѣмецкаго въ польское, а затѣмъ и въ шведское господство, пока, наконецъ, въ 1710 г. происходитъ ихъ присоединеніе къ Россійской имперіи.

Естественно, что постоянные политическіе перевороты и зависимое социальное положеніе, которымъ подвергались эсты съ момента ихъ порабоженія вплоть до конца XVIII стол., должны были рѣзко отразиться на культурномъ развитіи этого племени. Освобожденіе отъ крѣпостного права возвратило эстамъ наиболѣе элементарныя человѣческія права, но матеріальное и хозяйственное положеніе ихъ осталось почти такимъ же тяжкимъ, какимъ оно было до момента возвращенія имъ личной свободы. Лишь отмена барщинной повинности, послѣдовавшая въ 1868 г., существенно измѣнила къ лучшему матеріальное положеніе эстонскаго крестьянина. Съ этого времени замѣчается медленное, но постоянное повышеніе общаго культурнаго уровня эстовъ. Благосостояніе крестьянскаго сословія становится удовлетворительнымъ; прежнія бревенчатыя строенія, напоминавшія собою, по выраженію одного изъ авторовъ, скорѣе хлѣвъ, чѣмъ человѣческое жилище, уступили мѣсто опрятнымъ и просторнымъ крестьянскимъ усадьбамъ; наконецъ, съ того же времени и образованіе начинается все больше распространяться среди эстовъ.

Литературный эстонскій языкъ существуетъ лишь съ половины XVIII в., когда появилась на свѣтъ первая эстонская біблія, переведенная пасторомъ Гелле. Въ началѣ XIX стол., благодаря изданію первыхъ народ-

ныхъ книгъ, было положено основаніе развитію эстонскаго народнаго языка, а въ новѣйшее время неустанными трудами эстонскаго ученаго Крейцвальда было возсоздано національное эпическое стихотвореніе эстовъ, извѣстное во всемірной литературѣ подъ названіемъ Kalevipoeg. Журналистика и народная литература эстовъ достигла весьма видной степени развитія, о чемъ свидѣтельствуетъ большое число періодическихъ изданій, появляющихся на эстонскомъ языкѣ. Рядъ выдающихся ученыхъ союзовъ, въ числѣ ихъ особенно «Ученое Эстонское Общество» и «Литературное Эстляндское Общество», посвящаетъ свои труды изученію языка и исторіи эстовъ.

Эстонскій языкъ на-ряду съ финскимъ, т. наз. суоми, отъ котораго онъ отличается лишь особенностями діалекта, является наиболѣе выдающимся звеномъ въ ряду западно-финскихъ нарѣчій. Переходъ между суоми и эстонскимъ языкомъ образуетъ языкъ вепсовъ и вотяковъ, въ то время какъ языкъ ливовъ наиболѣе приближается къ эстонскому. Можно сказать, что эстонскій языкъ родствененъ съ финскимъ, въ отношеніи производнаго къ первоначальному. Онъ распадается на два главныхъ діалекта: дерптскій и ревельскій, изъ которыхъ первый по своему распространенію значительно уступаетъ послѣднему, отличаясь отъ него цѣлымъ рядомъ искаженій и сокращеніемъ многихъ финскихъ словъ и образованій. Съ своей стороны, ревельскій діалектъ расщепляется на многочисленныя нарѣчія, различествующія между собою не по существу, а только способомъ произношенія и употребленія отдѣльныхъ словъ. Въ отношеніи богатства формъ и своей пластичности эстонскій языкъ, по единоголассному свидѣтельству ученыхъ, стоитъ на одномъ уровнѣ съ другими европейскими языками. Для склоненія имѣется не менѣе 15 падежей; существуетъ, кромѣ того, склоненіе особаго типа—склоненіе корня словъ. Характерною особенностью эстонскаго языка является полное отсутствіе шипящихъ звуковъ, а также то, общее всѣмъ финскимъ языкамъ, правило, что всѣ слова безъ исключенія начинаются твердымъ звукомъ. Подъ не различается на эстонскомъ языкѣ. Современное языковѣдѣніе причисляетъ и эстонскій языкъ къ т. наз. флектирующимъ языкамъ, такъ какъ потеря самостоятельности суффиксовъ не составляетъ исключительной особенности семитскихъ или арійскихъ языковъ.

Современная область географическаго распространенія эстовъ ограничивается преимущественно Эстляндіею съ принадлежащими къ ней островами и сѣверною частью Лифляндской губ. Нѣкоторое число эстовъ разсѣяно по Витебской и С.-Петербургской губ., гдѣ они извѣстны подъ общимъ названіемъ «чухна», а въ Псковской губ. встрѣчается особый этнографическій типъ эстовъ, т. наз. Setud или Setukesed. Послѣдніе, получившіе отъ своихъ русскихъ сосѣдей имя «полувѣрцевъ», съ давнихъ поръ находятся подъ исключительнымъ вліяніемъ русской

культуры и въ отличіе отъ своихъ остзейскихъ соплеменниковъ принадлежать къ православной церкви, но, несмотря на все это, въ общемъ прекрасно сохранили не только свою національную этнографическую обособленность, но, благодаря рѣдкости браковъ съ чужими элементами, въ значительной степени и чистоту своей расы. Во всѣхъ только-что перечисленныхъ областяхъ насчитывается въ общей сложности около одного милліона эстовъ обоого пола, хотя точное опредѣленіе ихъ числа въ настоящее время невозможно въ виду отсутствія соотвѣствующихъ официальныхъ данныхъ. Въ однихъ прибалтійскихъ губерніяхъ число эстовъ достигаетъ 840.000. Здѣсь сохраненію этнологической обособленности въ высокой степени должны были благопріятствовать морскія границы, долгое время ограждавшія эстовъ на сѣверѣ и на западѣ отъ вліянія чужихъ расъ. Смѣшенію съ латышскимъ племенемъ значительно препятствовали подобныя же особенности народной этики, какія отдѣляли и еще до сихъ поръ отдѣляютъ эстовъ отъ пришлыхъ элементовъ германской, славянской и другихъ живущихъ среди нихъ народностей. Въ какой степени эсты, благодаря такимъ условіямъ, дѣйствительно сохранили до настоящаго времени свою обособленность и чистоту своей расы, должно показать намъ разсмотрѣніе ихъ физическаго типа, составляющее предметъ нижеслѣдующихъ страницъ нашего эскиза.

II.

Физическій типъ племени эстовъ.

Величина и общая форма черепа.—Типъ лицевой части черепа у финновъ и эстовъ.—Признаки окраски внѣшнихъ покрововъ, волосъ и радужной оболочки глазъ.—Ростъ и пропорціи отдѣльныхъ частей тѣла у эстовъ.—Форма женскаго таза и особенности его размѣровъ.—Половая жизнь эстонки-производительницы.

Изученіе физической организаціи эстовъ открываетъ намъ рядъ такихъ особенностей строенія тѣла, которыя на первый взглядъ представляются какъ бы рѣзкою отличительною чертою этого племени по сравненію съ славянскою, германскою и другими т. наз. индо-европейскими расами. Уже по своимъ общимъ фізіогномическимъ признакамъ эсты являются въ типичныхъ случаяхъ настолько ясно обособленными, что опредѣленіе ихъ племенной принадлежности рѣдко бываетъ связано съ значительными затрудненіями. Другіе, легко бросающіеся въ глаза, физическіе признаки эстовъ, таковы: голубые свѣтлые глаза, свѣтлорусые волосы, отмѣчаются во всѣхъ старыхъ и новѣйшихъ описаніяхъ, посвященныхъ разсматриваемому племени, и постоянство этого типа настолько велико, что темноволосые субъекты, по мнѣнію одного автора XVIII стол., если и встрѣчаются среди эстовъ, то лишь въ видѣ бастардовъ «отъ смѣшенія съ нѣмцами».

Свѣтлый типъ финской расы, какъ извѣстно, вошелъ въ поговорку, такъ что заявленія, сдѣланныя въ свое время Quatrefages'омъ относительно смуглости типа эстовъ и финновъ, представляются явно парадоксальными. Существуютъ описанія, по которымъ племенные особенности эстовъ выражаются небольшимъ ростомъ, но крѣпкимъ сложеніемъ, жесткими, красновато-лѣняного цвѣта волосами, узкимъ лбомъ, заостреннымъ носомъ, небольшими глубоко лежащими глазами и четырехугольною формою лица. Другіе наблюдатели отмѣчаютъ рѣзко выраженную четырехугольную форму глазницъ, узость глазныхъ щелей, выстояние верхней челюсти и скуловыхъ костей, какъ особенно характерныя черты эстовъ, принадлежащихъ, согласно выраженію одного выдающагося наблюдателя, по преимуществу къ свѣтлому брахицефалическому типу. Такія и подобныя имъ афористическія заявленія, повторяющіяся въ литературѣ разбираемаго нами предмета и основанныя лишь отчасти на объективныхъ наблюденіяхъ, мы въ данномъ случаѣ охотно склонны окончательно сдать въ архивъ застарѣлыхъ антропологическихъ матеріаловъ.

Примѣняя къ изученію племени эстовъ научные методы современнаго антропологическаго изслѣдованія, мы попытаемся точнѣе установить причину расовой обособленности типа этого племени и дать ей объективную характеристику на основаніи анатомическихъ, фізіологическихъ и сравнительно-антропологическихъ фактовъ. Наблюденія на живыхъ, описательные и измѣрительные признаки формы живого организма, наряду съ результатами анатомическаго изслѣдованія организма и его составныхъ частей на трупѣ, должны служить основаніемъ къ выясненію племенного типа эстовъ и ихъ антропологическаго отношенія къ другимъ расамъ человѣчества. Въ настоящую минуту эта задача осуществима только отчасти, насколько это позволяетъ объемъ фактическаго матеріала, который намъ удалось собрать по физической антропологіи эстовъ и который, къ сожалѣнію, далеко не отличается полнотою съ точки зрѣнія современныхъ требованій антропологической и сравнительно-расовой методологіи. Въ виду этого представляемый нами настоящій очеркъ фізическаго типа эстовъ не стремится къ окончательному и вполне определенному выясненію всѣхъ затрогиваемыхъ въ немъ вопросовъ. Напротивъ, во многихъ отношеніяхъ, желая относиться критически и вполне объективно къ изслѣдуемому предмету, мы должны будемъ ограничиться болѣе краткими и общими указаніями и заключеніями, высказываясь болѣе определенно лишь по такимъ вопросамъ, которые мы имѣемъ возможность подвергнуть разсмотрѣнію и провѣркѣ на основаніи достаточнаго числа собственныхъ наблюденій и изслѣдованій.

Наиболѣе характернымъ для современнаго уровня научной антропологіи эстовъ является состояніе нашихъ свѣдѣній по краниологіи

этого племени. Поэтому мы считаемъ умѣстнымъ ранѣе всего коснуться въ нѣсколькихъ словахъ вопроса о формѣ и размѣрахъ головы и черепа у эстовъ. Начинаемъ съ разсмотрѣнія черепной полости.

Если величину кубической ёмкости черепа принимать какъ мѣрило степени развитія мозга и если на основаніи этой величины судить о степени умственного и психического развитія расы, то существующія данныя относительно внутричерепной ёмкости у эстовъ, по нашему мнѣнію, допускаютъ лишь одно заключеніе, что это племя занимаетъ приблизительно такое же среднее положеніе въ числѣ представителей бѣлой расы, какое занимаютъ въ этомъ отношеніи не только многія другія племена угро-финской группы, но и огромное большинство европейскихъ народовъ вообще.

Прежнія предположенія относительно малой величины внутричерепной ёмкости у эстовъ, по сравненію, напр., съ германцами, далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Мы считаемъ излишнимъ вдаваться здѣсь въ подробный разборъ всѣхъ относящихся сюда цифровыхъ данныхъ, слишкомъ еще недостаточныхъ въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ. Упомянемъ лишь, что среди скромнаго числа 54 мужскихъ эстонскихъ череповъ, о которыхъ мы могли собрать данныя, 18 имѣютъ ёмкость отъ 1400—1500 к. с., а у 9 изъ нихъ ёмкость значительно превышаетъ предполагаемую среднюю величину (равную для бѣлой

Рис. 4. Молодая эстонка въ національномъ костюмѣ.

расы, по Morton'у, 1422 к. с.), достигая крайней цифры въ 1700 к. с. Повидимому, и здѣсь границы варіированія довольно широки, но, несмотря на это, мы не считаемъ себя въ правѣ умолчать о томъ, что ни одинъ изъ измѣренныхъ эстонскихъ мужскихъ череповъ не заключалъ въ себѣ менѣе 1150 к. с.,—цифра, приблизительно соотвѣтствующая средней вмѣстимости человеческого черепа вообще. Къ подобному же выводу можно прійти также по отношенію къ женскому эстонскому черепу, ёмкость котораго почти точно соотвѣтствуетъ средней величинѣ ея у другихъ представителей бѣлой расы. Меньшая ёмкость женскихъ череповъ, по сравненію съ мужскими, и здѣсь выражается въ томъ, что большинство первыхъ распредѣляется въ

границахъ отъ 1200—1400 к. с., въ то время какъ максимальное число вторыхъ соотвѣтствуетъ емкости въ 1450—1500 к. с. Число существующихъ измѣреній емкости женскихъ череповъ, правда, еще гораздо менѣе, чѣмъ количество соотвѣтствующихъ наблюденій надъ мужскими черепами, и само по себѣ еще не можетъ служить основаніемъ для опредѣленныхъ выводовъ; но позволительно думать, что и дальнѣйшія измѣренія въ данномъ случаѣ врядъ ли принесутъ результаты существенно иного характера, въ пользу чего говорятъ также тѣ данныя, которыя мы могли представить относительно размѣровъ самого мозга у эстовъ и о которыхъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ настоящаго эскиза.

Что касается прочихъ размѣровъ черепа, то по отношенію громаднаго большинства изъ нихъ обнаруживается поразительное сходство между эстами и большинствомъ другихъ финскихъ племенъ, по крайней мѣрѣ, если руководствоваться при такомъ сравненіи средними цифрами и не принимать во вниманіе особенностей индивидуальныхъ колебаній. Такъ, напр., мы встрѣчаемъ у племени финновъ (въ собственномъ смыслѣ) почти ту же величину горизонтальной окружности черепа, равную въ среднемъ около 52 сант., какъ и у эстовъ; точно также и размѣръ высоты ортоцефалическаго, съ наклонностью къ гипсицефалии, черепа равенъ у обоихъ этихъ племенъ; почти совпадаютъ у нихъ, далѣе, размѣры отдѣльныхъ частей лица, форма большихъ угловатыхъ глазницъ, эллиптическаго затылочнаго отверстія и т. д. Вообще, при взглядѣ на среднія цифры, нетрудно прійти къ заключенію, что оба названныя племена настолько же близки между собою въ физическомъ отношеніи, насколько они родственны между собою по своимъ лингвистическимъ, историческимъ и другимъ признакамъ. Но, къ сожалѣнію, этотъ выводъ долженъ быть признанъ слишкомъ преждевременнымъ уже въ виду неодинаковости числа наблюденій, которымъ вышеуказанныя среднія цифры обязаны своимъ происхожденіемъ. Съ другой стороны, весьма возможно и даже вѣроятно, что та значительная разница, которая существуетъ, напр., между емкостью финскихъ и эстонскихъ череповъ, сгладилась бы при сравненіи одинаковыхъ количествъ череповъ того и другого племени. Емкость черепа, по видимому, принадлежитъ къ числу тѣхъ признаковъ, которымъ присуща особенно сильная наклонность къ варіированію, что и понятно въ виду отношенія этого размѣра черепа къ величинѣ мозга и въ виду необычнаго разнообразія наблюдаемыхъ въ отношеніи степени развитія психическихъ способностей. Для изслѣдованія черепной емкости необходимо поэтому имѣть въ распоряженіи несравненно большее количество измѣреній, чѣмъ то необходимо, напр., для изученія пропорцій лица, длины и ширины нижней челюсти и проч. Если же, несмотря на замѣтную разницу своей емкости, черепа финновъ и эстовъ по большинству другихъ своихъ размѣровъ оказались, какъ мы видѣли, между собою весьма схожими, то не

слѣдуетъ забывать, что незамѣтнымъ измѣненіямъ линейныхъ размѣровъ черепа могутъ и должны соответствовать очень существенныя измѣненія кубической вмѣстимости, не говоря уже о томъ, что послѣдняя находится въ существенной зависимости, между прочимъ, и отъ толщины тѣхъ стѣнокъ, которыя составляютъ собою черепную чашу.

Почти такія же среднія отношенія, какъ величина внутричерепной емкости, обнаруживаетъ и общая форма мозговой части черепа у эстовъ. Обладая головнымъ указателемъ, равнымъ на скелетированныхъ черепахъ 78, а на головѣ живыхъ даже 79, и замѣтно приближаясь такимъ образомъ къ категоріи короткоголовости, эсты, тѣмъ не менѣе, и въ этомъ отношеніи отстоятъ на весьма значительномъ разстояніи какъ отъ болѣе высокихъ степеней брахицефалии, наблюдаемыхъ, напр., среди мордвы и лопарей, такъ и отъ настоящей длинноголовости родственныхъ имъ вогуловъ и чувашей. Замѣчательно, что по величинѣ головного указателя эсты находятся почти на одинаковой ступени съ племенемъ ливовъ, отъ которыхъ они, какъ мы увидимъ ниже, по другимъ признакамъ своего внѣшняго физическаго типа отличаются весьма существеннымъ образомъ. Это обстоятельство въ связи съ тою ролью, какую играетъ общая конфигурація черепа и въ частности черепной указатель въ научной классификаціи человѣческихъ расъ, способно поддерживать естественное предположеніе о томъ, что ливы и эсты, столь близкіе другъ другу по своимъ лингвистическимъ признакамъ и по своему географическому положенію, должны быть родственны между собою также по своему физическому типу. Нельзя не упомянуть при этомъ, что оба названные племена въ одинаковой мѣрѣ отличаются даже отъ сосѣднихъ финновъ великаго княжества значительно менѣе округлыми очертаніями черепа, хотя у тѣхъ и другихъ естественно наблюдаются всѣ переходныя формы между долихоцефаліею и значительными степенями брахицефалии. Слѣдуетъ ли причислять эстовъ по типу устройства ихъ черепа къ мезоцефалической или къ брахицефалической группѣ, трудно опредѣлить на основаніи тѣхъ сравнительно немно-

Рис. 5. Типъ эста средняго возраста
(Средняя Лифляндія).

гочисленных данных, которыми мы располагаемъ по настоящему вопросу; терминъ «мезоцефалія», часто уже употреблявшійся по отношенію къ эстамъ, врядъ ли дастъ правильное представленіе о черепномъ типѣ этого племени, какъ въ томъ мы могли убѣдиться при нашихъ измѣреніяхъ, произведенныхъ нами на большомъ числѣ (болѣе тысячи) новобранцевъ эстонскаго происхожденія. Вѣрнѣе всего, въ данномъ случаѣ намъ казалось бы заключеніе, что племя эстовъ по формѣ черепа находится на границѣ брахицефаліи или что оно принадлежитъ къ племенамъ мезоцефалическимъ, обнаруживающимъ ясную наклонность къ брахицефаліи. Въ то же время черепа эстовъ, если имѣть въ виду отношеніе ихъ ширины къ высотному діаметру, скорѣе всего слѣдуетъ считать ортоцефалическими, что становится вполне очевиднымъ при изученіи ихъ въ затылочной нормѣ, чаще всего представляющей изъ себя довольно высокую пятиугольную фигуру съ значительно выдающимися въ обѣ стороны теменными буграми. Существуетъ даже замѣтная наклонность къ гипсицефаліи, и лишь женскіе эстонскіе черепа болѣе часто проявляютъ ясные признаки хамцефаліи, что наблюдается, повидимому, какъ результатъ половыхъ особенностей развитія мозговой чаши, и среди многихъ другихъ человѣческихъ расъ. Фактъ сильнаго развитія наружнаго затылочнаго бугра, которое наблюдалось на многихъ эстонскихъ черепахъ, обратилъ на себя наше вниманіе при измѣреніи головы большого количества эстонскихъ новобранцевъ вслѣдствіе того, что этотъ бугоръ, будучи во многихъ случаяхъ расположенъ на мѣстѣ наибольшей выпуклости затылочной области, благодаря большимъ колебаніямъ въ степени своего развитія, можетъ служить источникомъ замѣтныхъ ошибокъ при опредѣленіи наибольшей длины черепа. Подобно затылочнымъ буграмъ и прочимъ мѣстамъ мышечныхъ прикрѣпленій въ рассматриваемой области, порядочныхъ размѣровъ достигаютъ и сосцевидные отростки, въ особенности у мужчинъ.

Отъ мозговой части черепа переходимъ къ лицевой. Часто говорятъ о финскомъ типѣ лица. Что этой расѣ дѣйствительно присуще особое сложеніе частей лица, почти безспорно (рис. 4, 5, 10 и 11). Но въ чемъ именно выражается эта особенность? Ключъ къ выясненію сущности послѣдней необходимо искать въ устройствѣ лицевого скелета. Прежде всего несомнѣнно, что на финскихъ и монгольскихъ черепахъ во многихъ случаяхъ наблюдается сильное развитіе и рѣзкое выстояніе въ сторону скуловыхъ костей, что придаетъ субъектамъ этихъ расъ обще извѣстный фізіогномическій признакъ «скуластости». Этотъ признакъ часто обращаетъ на себя вниманіе и среди нашихъ эстовъ (см. рис. 6). Скуловые кости черепа у эстовъ сильно выдаются въ сторону, что замѣтно не только при взглядѣ на черепъ спереди, но и сверху; въ особенности у мужчинъ эта черта часто обнаруживается весьма рѣзко. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что и общія пропорціи лицевого скелета играютъ суще-

ственную роль въ происхожденіи характернаго монголоиднаго и финскаго типа лица. Такъ, поперечный скуловой діаметръ, по сравненію съ длиною

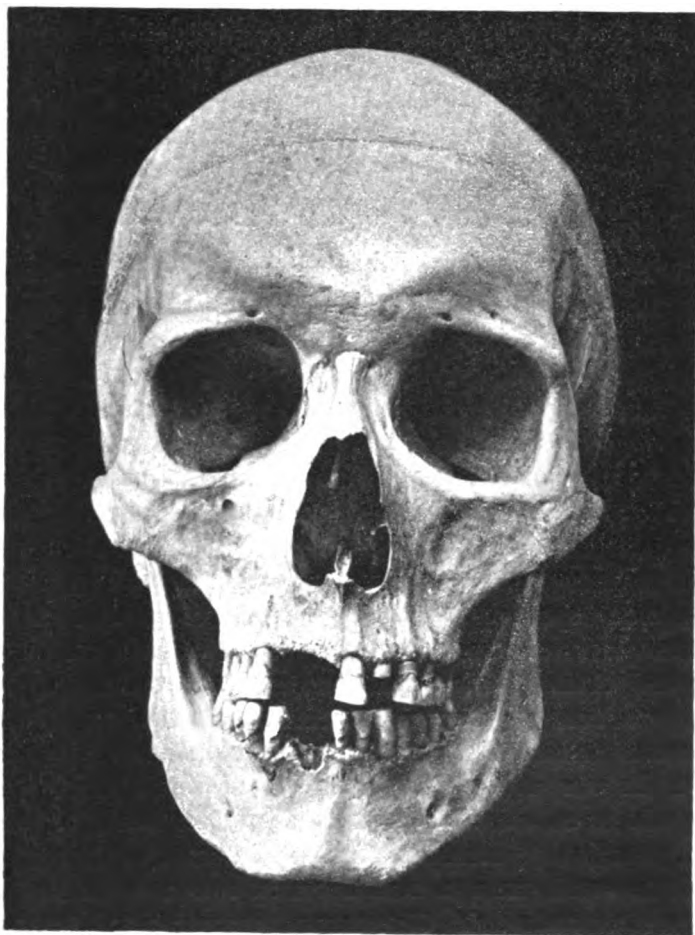

Рис. 6. Черепъ эста средняго возраста (разст. между нижн. углами suturae maxillo-zugomaticae—98 мм., между наиб. выдающимися впередъ и кнаружи точками скулов. костей—111 мм., между скулов. дугами—133, между внутрен. краями орбитъ—24, между углами нижн. челюстей—103, между nasion и нижн. краемъ нижн. челюсти—129, между nasion и альвеолар. краемъ верх. челюсти—79; наимен. ширина лба—100 мм.; лобная лысина и надбровныя дуги выражены рѣзко; углубленные верхніе края орбитъ заострены, нижніе и боковые—закруглены; длинная Ворміева косточка въ правомъ pterion; альвеоларный прогнатизмъ; рѣзцы расположены по типу псалидодонтіи, характерному для финскаго племени; подбородокъ сильно выдается впередъ; вообще половыя особенности черепа выражены весьма ясно).

лица, достигаетъ у эстовъ весьма значительныхъ размѣровъ, въ особенности у женщинъ. При одинаковой ширинѣ т. наз. лицевая линія (т.-е. разстояніе отъ лбно-носового шва до нижняго края подбородка) на че-

репахъ эстовъ замѣтно короче, чѣмъ у истинныхъ монголовъ (Ивановскій). Скелетъ лица, такимъ образомъ, можетъ быть названъ низкимъ и широкимъ, что и выражается въ величинѣ лицевого показателя, лежащаго около 90. Если, несмотря на это, контуръ лица эстовъ, по заявленію нѣкоторыхъ наблюдателей, чаще всего представляетъ форму болѣе или менѣе правильнаго овала и рѣже бываетъ округленъ, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что лицо въ анатомическомъ смыслѣ не совпадаетъ съ лицомъ въ фізіогномическомъ значеніи этого слова, такъ какъ во второмъ случаѣ существенную роль играетъ форма лба, линія начала волосъ и тому подобные признаки, лежащіе уже въ предѣлахъ мозговой части черепа. Развитію овальной формы лицевого контура препятствуетъ уже значительная величина того размѣра, который существуетъ между изогнутыми въ обѣ стороны углами нижней челюсти и который въ среднемъ достигаетъ около 11 сант. Этотъ размѣръ особенно великъ въ сравненіи съ длиною лица, или т. наз. лицевою линіею. Попытка провести параллель между только-что названными размѣрами черепа у эстовъ и соответствующими данными, собранными по отношенію къ другимъ племенамъ финскаго, монголоиднаго и другихъ типовъ, къ сожалѣнію, остается почти безрезультатною въ виду того, что приводимыя въ различныхъ источникахъ цифровыя указанія частью неудобосравнимы, частью же прямо противорѣчатъ другъ другу. Иллюстраціею малопрігодности многихъ соответствующихъ литературныхъ указаній можетъ служить уже тотъ любопытный фактъ, что, согласно существующимъ изслѣдованіямъ, ширина лица у эстовъ на костякахъ оказывается меньше, а на головѣ живыхъ больше по сравненію съ длиннымъ діаметромъ или лицевой линіею. Къ тому же, если въ отношеніи пропорцій лица существующія измѣренія не въ состояніи установить сходства между эстами и близкимъ имъ, повидимому, племенемъ ливовъ, то отъ сравненія первыхъ съ другими болѣе отдаленными типами врядъ ли возможно ожидать заслуживающихъ довѣрія заключеній. Объективный анализъ всѣхъ данныхъ, имѣющихся по вопросу о размѣрахъ и пропорціяхъ лицевого скелета у племенъ т. наз. финскаго типа, и сличеніе этихъ данныхъ съ соответствующими измѣреніями, произведенными на племенахъ монгольской расы, убѣждаетъ насъ въ томъ, что о сходствѣ устройства лица у племенъ первой и второй категоріи пока не можетъ быть и рѣчи. Мы можемъ лишь сказать, что та особая конфигурація частей скелета лица, которому эсты (вѣроятно, также и многіе другіе представители т. наз. финской группы народовъ) обязаны своимъ характернымъ фізіогномическимъ типомъ, обуславливается 1) значительнымъ развитіемъ въ ширину средней или скуловой области лица, 2) сильнымъ развитіемъ самихъ скуловыхъ костей съ одновременнымъ значительнымъ выстояніемъ ихъ плоскихъ поверхностей впередъ и кнаружи, 3) абсолютно и относительно малыми размѣрами длинника лица,

если считать за таковое разстояніе отъ лобно-носового шва до нижняго края подбородка или подбородочной ости, и 4) сильнымъ развитіемъ и нѣкоторымъ выстояніемъ въ сторону значительно отдаленныхъ другъ отъ друга угловъ нижней челюсти, чѣмъ обусловливается рѣзкое развитіе широтнаго діаметра и въ нижней части лица. Нѣкоторое значеніе въ данномъ случаѣ имѣютъ, безспорно, и особенности глазницъ, отличающихся у эстовъ низкою формою съ весьма рѣзкою наклонностью къ микроземіи, большими общими размѣрами, рѣзко выраженными углами и замѣтно косымъ направленіемъ кнаружи и книзу ихъ длинныхъ осей. Къ тому же намъ во многихъ случаяхъ бросалось въ глаза чрезмѣрное, особенно въ сравненіи съ черепами германской расы, развитіе межглазничной ширины на эстонскихъ черепахъ, которое, однако-же, не находится въ зависимости отъ особой ширины самихъ носовыхъ костей. Вообще въ отношеніи устройства носовой области (носовыхъ костей и грушевиднаго отверстія) мы не могли отмѣтить на черепахъ эстовъ несомнѣнныхъ расовыхъ признаковъ, если не принимать во вниманіе нѣкотораго углубленія области nasion'a и замѣтнаго направленія впередъ нижняго участка носовыхъ костей,—особенности, свойственныя, можетъ-быть, въ одинаковой степени и другимъ расамъ, на подобіе того альвеолярнаго прогнатизма, который уже отмѣчался и ранѣе при описаніи формы эстонскихъ череповъ. Ножницеобразный типъ расположенія верхнихъ и нижнихъ рѣзцовъ (псалидодонтія) является преобладающимъ и типичнымъ не только для эстовъ, но, повидимому, и для финскаго племени вообще (ср. рис. 7), и можно допустить, что этотъ признакъ, въ связи съ пропорціями остальныхъ частей скелета черепа, также играетъ извѣстную роль въ происхожденіи финскаго типа очертаній лица, хотя по частотѣ его финскіе народы стоятъ весьма близко къ германской и романской расѣ. Возможно, конечно, допустить, что и мягкія части, въ особенности неравномѣрность отложенія подкожной жировой клѣтчатки въ тѣхъ или другихъ областяхъ лица, до извѣстной степени могутъ оказать свою долю вліянія на развитіе расовыхъ фізіогномическихъ типовъ,—вопросъ, по которому мы еще не имѣемъ никакихъ прочно установленныхъ данныхъ. Но во всякомъ случаѣ въ только-что перечисленномъ нами ряду

Рис. 7. Ножницеобразное расположеніе рѣзцовъ верхней и нижней челюсти у эстовъ по типу псалидодонтіи, обычное для германской и романской расъ и наблюдаемое (по Велькеру) на черепахъ финскаго племени въ 74% всѣхъ случаевъ, на ряду съ значительно болѣе рѣдкимъ щипцеобразнымъ устройствомъ зубовъ, которое обнаруживается на черепахъ финновъ, мадьяръ и эстовъ въ 17,5% случаевъ, составляя норму у австралійцевъ и у древнихъ перуанцевъ.

признаковъ, относящихся къ костному скелету, мы вынуждены искать главнѣйшіе морфологическіе элементы, лежащіе въ основѣ того характернаго типа лица, который обычно приписывается эстамъ и другимъ отраслямъ племенного древа т. наз. финскихъ народовъ.

При всемъ томъ мы не должны, однако, выпускать изъ виду и вліянія извѣстныхъ физическихъ особенностей внѣшнихъ покрововъ лица на общій физиогномическій типъ эстовъ. Что племя эстовъ, подобно многимъ другимъ финнамъ, принадлежитъ къ разряду мало пигментированныхъ расовыхъ типовъ, извѣстно уже давно. Особенно характерною для эстовъ считается, по справедливости, большая распространенность среди нихъ свѣтлыхъ оттѣнковъ окраски радужной оболочки глаза. Свѣтлый же типъ преобладаетъ и въ отношеніи волосъ, но здѣсь болѣе темные оттѣнки окрашивания наблюдаются значительно чаще, чѣмъ на радужной оболочкѣ. Последняя обычно представляется окрашеною въ свѣтло-сѣрый или голубовато-сѣрый цвѣтъ. Чисто голубые глаза у эстовъ наблюдаются столь же рѣдко, какъ и среди родственныхъ, болѣе темноглазыхъ по сравненію съ ними, ливовъ. Что же касается волосъ, то въ большинствѣ случаевъ приходится отмѣтить различные оттѣнки свѣтлорусаго типа, начиная съ цвѣта льна и пепла и кончая желтовато-или красновато-русою ихъ окраскою. Но, какъ уже было упомянуто, въ очень многихъ случаяхъ наблюдаются также и темные цвѣта волосъ: свѣтло-коричневый и темно-коричневый, и притомъ одновременно то съ болѣе свѣтлымъ, то съ болѣе темнымъ окрашиваніемъ радужныхъ оболочекъ. Совершенно черные волосы мы встрѣчали при изслѣдованіи эстовъ-новобранцевъ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, иногда вмѣстѣ съ свѣтлыми глазами. Точно также, какъ на *avis rarissima*, можно указать на случай существованія рѣзко красныхъ волосъ у рекрутъ эстонскаго происхожденія. Менѣе рѣдко у нихъ наблюдается окраска въ зеленый цвѣтъ радужныхъ оболочекъ глаза. Къ сожалѣнію, обширный матеріалъ, собранный нами по разбираемому вопросу, еще не обработанъ настолько, чтобы уже здѣсь могъ быть представленъ точный о немъ отчетъ съ выясненіемъ типическихъ комбинацій, которыя господствуютъ у эстовъ въ отношеніи окраски волосъ и глазъ. Замѣтимъ лишь, что у дѣтей эстовъ въ школьномъ возрастѣ самый значительный контингентъ выпадаетъ на долю типа съ волосами цвѣта льна или соломы и съ свѣтло-сѣрыми глазами. Болѣе темные же оттѣнки какъ глазъ, такъ и волосъ начинаютъ появляться, какъ и можно было ожидать а priori, лишь въ позднѣйшемъ возрастѣ, гдѣ (какъ, напр., на изслѣдованныхъ нами новобранцахъ) темно-волосые (и темноглазые) субъекты встрѣчаются сплошь и рядомъ. Относительно цвѣта кожи у эстовъ мы здѣсь не будемъ особенно распространяться: Детальное изученіе этого признака среди отдѣльныхъ племенъ и представителей бѣлой расы врядъ ли можетъ давать сколько-нибудь цѣнные результаты, въ особенности если --какъ то пришлось бы сдѣлать и въ отно-

шеніи къ эстамъ—ограничиться общимъ указаніемъ, что цвѣтъ кожи, за немногими исключеніями, представляется у нихъ «бѣлымъ». По отношенію къ изслѣдованнымъ нами новобранцамъ, которые у насъ подвергаются осмотру лишь послѣ обязательнаго для нихъ предварительнаго пребыванія въ банѣ, мы можемъ подтвердить только-что высказанное положеніе, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что цвѣтъ кожи у здоровыхъ субъектовъ бываетъ почти всегда не бѣлымъ, а розовато-бѣлымъ.

Мало примѣнимымъ къ эстамъ намъ кажется утвержденіе, что они принадлежать къ племенамъ среднерослымъ; къ такому заключенію возможно, вѣроятно, прійти лишь при изслѣдованіи немногихъ субъектовъ. Болѣе многочисленныя измѣренія въ томъ объемѣ, какой необходимъ для достовѣрнаго установленія антропологическихъ типовъ, указываютъ, напротивъ, съ полною несомнѣнностью на фактъ рѣзкаго преобладанія высокорослаго элемента среди племени эстовъ. Высокорослому типу (свыше 170 сант.) въ нѣкоторыхъ, особенно въ сѣверныхъ, областяхъ распространенія эстовъ соответствуетъ даже почти половина всѣхъ субъектовъ, подвергнувшихся изслѣдованію. Существуютъ ли замѣтныя различія въ географическомъ распредѣленіи роста среди эстовъ, пока еще трудно сказать утвердительно, хотя наши собственныя данныя, обнимающія собою цѣлыя десятки тысячъ измѣреній надъ новобранцами,

467 364 370 347 261 272

Рис. 8. Пропорціи стволѣвъ верхней и нижней конечностей у эста среднихъ лѣтъ (черепъ котораго изображенъ на рис. 6). Нижніе концы всѣхъ трубчатыхъ костей ориентированы по одной горизонтальной плоскости для показанія относительныхъ размѣровъ какъ отдѣльныхъ трубчатыхъ костей каждой конечности, такъ и обѣихъ (верхней и нижней) конечностей между собою. При такой ориентировкѣ линія, соединяющая верхній край бедра съ olecranon ulnae, соприкасается одновременно и съ верхними точками голени и плечевой кости, образуя у даннаго субъекта съ горизонтальною плоскостью уголъ, равный около 40° . Цифры, помѣщенныя внизу рисунка, обозначаютъ абсолютную длину отдѣльныхъ костей конечностей въ миллиметрахъ.

скорѣе всего заставляютъ рѣшить этотъ вопросъ пока въ отрицательномъ смыслѣ, ибо мы убѣждаемся, что и среди южныхъ эстовъ добрая половина всѣхъ измѣренныхъ субъектовъ имѣетъ ростъ выше 1700 милл. Къ сожалѣнію, мы вынуждены здѣсь воздержаться отъ выясненія половыхъ особенностей роста у племени эстовъ, вслѣдствіе полного отсутствія въ литературѣ соответствующихъ антропометрическихъ наблюденій надъ женщинами и недостаточной еще обработки нашихъ собственныхъ изысканій по настоящему предмету. Изъ висла 64 взрослыхъ эстонокъ, о длинѣ роста которыхъ мы имѣемъ данныя, подавляющее большинство (51) обнаруживаетъ ростъ ниже 1600 милл. Въ общемъ же женскій элементъ среди эстовъ скорѣе всего слѣдуетъ причислить къ среднерослому типу.

Если, такимъ образомъ, эсты несомнѣнно представляютъ изъ себя скорѣе высокорослый, чѣмъ среднерослый расовый типъ, то ближайшее знакомство съ пропорціями различныхъ частей тѣла у нихъ показываетъ воочію, что причина высокорослости въ данномъ случаѣ не лежитъ, какъ слѣдовало бы ожидать а priori, въ соответствующемъ удлиненіи нижнихъ конечностей, а по преимуществу въ степени развитія въ длину верхней половины тѣла, туловища и головы. Это видно уже изъ того, что наиболѣе высокорослые элементы среди эстовъ обладаютъ относительно короткими нижними конечностями, въ то время какъ развитіе въ длину нижнихъ конечностей, на основаніи среднихъ цифръ и величины общаго ножного указателя, слѣдуетъ признать у эстовъ довольно умѣреннымъ, какъ это имѣетъ мѣсто, вѣроятно, также въ отношеніи къ длинѣ верхнихъ конечностей у этого племени (рис. 8). Если ширина размаха у эстовъ, достигающая по нашимъ опредѣленіямъ около 108% роста, значительно больше, чѣмъ у многихъ другихъ европейскихъ народностей (напр. у бельгійцевъ и южно-русскихъ евреевъ), то причиною этому, вѣроятно, служитъ не столько большая длина верхнихъ конечностей, сколько значительное развитіе въ ширину плечевой области у племени эстовъ, хотя сопоставленные нами данныя въ этомъ отношеніи не приводятъ къ совершенно яснымъ выводамъ ¹⁾. Дальнѣйшія изслѣдованія должны

¹⁾ Длина размаха должна соответствовать суммѣ ширины плечъ и длины обѣихъ верхнихъ конечностей, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда исходною точкою при измѣреніи этихъ обѣихъ составныхъ частей размаха служитъ асгоміон. Просматривая въ этомъ отношеніи таблицы измѣреній, приводимыя авторами, мы могли убѣдиться въ отсутствіи даже приблизительнаго соответствія между названными величинами, что, несомнѣнно, указываетъ на малую точность производства самихъ измѣреній. Мы говоримъ „приблизительнаго соответствія“ въ виду того, всѣмъ извѣстнаго, факта, что, при переходѣ верхнихъ конечностей въ горизонтальное положеніе, головки плечевыхъ костей уходятъ вглубь суставныхъ впадинъ, благодаря чему естественно должно произойти нѣкоторое укороченіе дѣйствительнаго размѣра большаго размаха по сравненію съ суммою его отдѣльныхъ частей. Укороченіе это, по Топинару („Антропология“, пер. Мечни-

будутъ выяснитъ, въ какой степени вышеуказанное отношеніе длины нижнихъ конечностей къ общей длинѣ роста находится въ зависимости отъ

Рис. 9. Тазъ эстонки. Слабая кривизна подвздошныхъ костей (большого таза) рѣзко бросается въ глаза. Малый тазъ—по линіи входа въ него—представляетъ округлыя очертанія, благодаря неравно-мѣрному развитію передне-задняго (conjugata vera) и поперечнаго диаметровъ. Promontorium—Средней высоты. Расстояние передне-верхнихъ подвздошныхъ бугровъ—244 мм., подвздошныхъ гребней—278, заднихъ подвздошныхъ бугровъ—95; поперечный диаметръ малаго таза—135; передне-задній диаметръ входа въ малый тазъ (conjugata vera въ анатомическомъ смыслѣ)—100 мм.

племенныхъ или иныхъ особенностей народовъ финскаго типа. Точно также на долю будущихъ изслѣдователей выпадаетъ задача установить, на осно-

кова, стр. 76), достигаетъ „приблизительно 6 сант.“. Но что же сказать намъ по отношенію къ такого рода таблицамъ измѣреній, гдѣ разница между обоими названными размѣрами выражается 12, 18, 21 сант. и выше? (ср., напр., Waldhauer, Zur Anthropologie der Liven, 1879; Waeber, Beiträge zur Anthropologie der Letten, 1879; Grube, Anthropologische Untersuchungen an Esten. 1878).

ваніи точныхъ измѣреній, относительную длину плеча и предплечія, бедра и голени у племенъ эстовъ и другихъ финскихъ типовъ. Здѣсь можно лишь замѣтить, что какъ кисть руки, такъ и стопа у эстовъ отличаются, въ большинствѣ случаевъ, малою величиною, первая притомъ обычно и красивою формою, не уступающей даже вліянію самаго грубаго труда. Относительно малая величина ручной кисти и стопы свойственна, повидимому, эстонскому племени вообще. Что же касается другихъ пропорцій частей тѣла у эстовъ, то достойно вниманія, между прочимъ, довольно высокое у нихъ положеніе пупка, высота котораго надъ почвою достигаетъ 61% всей длины роста, въ то время какъ у многихъ другихъ европейскихъ расъ этотъ относительный размѣръ равняется не болѣе 60% всего роста тѣла, а у многихъ финскихъ племенъ и того меньше. Наконецъ, отношеніе объема груди къ росту выражается у эстовъ среднею цифрою 52%, изъ чего видно, что туловище у эстовъ развито значительно не только въ длину, но въ грудной его области, вмѣщающей въ себѣ столь важные для жизни органы, достигаетъ замѣтнаго развитія и въ другихъ своихъ размѣрахъ. Число узкогрудыхъ, съ жизненнымъ индексомъ ниже 50, составляетъ у эстовъ значительно меньшій процентъ, чѣмъ у всѣхъ другихъ обитателей Прибалтійскаго края.

Въ связи съ такими благоприятными отношеніями общаго физическаго развитія эстовъ, мы съ особеннымъ интересомъ приступаемъ къ характеристикѣ формы таза у эстовъ и особенно у эстонки-производительницы, имѣя при этомъ въ виду, что племенные признаки таза, помимо представляемаго ими обще-антропологическаго и морфологическаго интереса, должны заключать въ себѣ указанія на жизнеспособность самой расы и на тѣ шансы, которыми располагаетъ данная раса въ смыслѣ своего самосохраненія и своего количественнаго роста.

Характернымъ признакомъ таза эстонки-производительницы (рис. 9) является прежде всего его поразительно малый наклонъ къ горизонтальной плоскости. Въ то время, какъ, напр., у германской расы уголъ наклона таза достигаетъ 55°, у эстонки онъ равняется всего на всего 33°. Надо при этомъ имѣть въ виду, что только-что приведенныя цифры являются результатомъ измѣреній, количество и качество которыхъ одинаково гарантируютъ точность сдѣланныхъ на основаніи ихъ заключеній. Крутое положеніе таза само по себѣ представляетъ признакъ, несомнѣнно заслуживающій вниманія въ антропологическомъ отношеніи, не говоря уже о томъ значеніи этого признака для механизма родовъ, о которомъ здѣсь не мѣсто подробнѣе распространяться. Съ этимъ признакомъ находятся въ тѣсной связи двѣ характерныя черты внѣшней формы тѣла эстонки: это, во-первыхъ, малое выстояніе назадъ сѣдалищной области и, во-вторыхъ, не закрытое или мало закрытое бедрами положеніе наружныхъ половыхъ органовъ. Дальнѣйшею особенностью таза эстонки

представляются его большіе размѣры въ сравненіи, напр., съ размѣрами женскаго таза той же германской расы, о которой была рѣчь выше. Благодаря этой особенностям, которая подтверждается не только многочисленными непосредственными измѣреніями, но и единогласнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ акушеровъ, ближе знакомыхъ по своей профессіи съ организмомъ эстонки, роды у послѣдней, естественно, протекаютъ почти всегда легко и безъ осложнений; благодаря тому же обстоятельству, врачи, живущіе въ землѣ эстовъ, почти не знакомы съ картиною теченія родовъ при суженіи таза, ибо случаи т. наз. узкаго таза, согласно заявленію компетентныхъ лицъ, опрошенныхъ нами въ этомъ направленіи, встрѣчаются среди эстовъ необычайно рѣдко. Наконецъ, тазъ эстонки обнаруживаетъ весьма своеобразное устройство въ томъ отношеніи, что, въ противоположность всѣмъ остальнымъ размѣрамъ таза, которые у эстонки замѣтно больше, чѣмъ, напр., у нѣмки, поперечный тазовый діаметръ у первой уступаетъ по своей величинѣ тому же тазовому размѣру у второй. Вслѣдствіе такой особенности названныхъ діаметровъ, контуръ входа въ малый тазъ, обычно представляющійся у нѣмокъ въ видѣ поперечнаго эллипсоида, у эстонки замѣтно приближается къ формѣ круга. Такимъ образомъ малый наклонъ къ горизонтальной плоскости и сильное развитіе во всѣхъ размѣрахъ входа въ малый тазъ, за исключеніемъ одного поперечнаго діаметра, обнаруживающаго своеобразное отношеніе къ прямому діаметру той же области, несомнѣнно характерны для таза эстонки, и все заставляетъ думать, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ проявленіями особаго типа племенной организаціи, заслуживающими серьезнаго нашего вниманія въ виду важной роли признаковъ строенія таза для характеристики различныхъ расовыхъ типовъ человѣчества.

Здѣсь не лишне упомянуть объ особенностяхъ половой жизни эстонки. Первые менструаціи появляются у нея сравнительно поздно, въ среднемъ на 15 году жизни, что отчасти объясняется особенностями климата и внѣшними условіями жизни. Продолжаясь среднимъ числомъ 4 дня, рѣдко 3 или 6 дней, регулы повторяются у эстонки въ среднемъ черезъ каждые $26\frac{1}{4}$ дней или $3\frac{3}{4}$ недѣли и проходятъ почти всегда незамѣтно какъ для нея самой, такъ и для окружающихъ. Также безъ всякихъ измѣненій въ образѣ жизни, не уклоняясь отъ обычнаго, подчасъ нелегкаго, труда, эстонка переживаетъ періодъ беременности. Рожать деревенскія эстонки больше всего предпочитаютъ по древнему обычаю, о которомъ упоминается еще въ эстонскомъ эпосѣ *Kalewipoeg*, въ сильно натопленной банѣ на постели, приготовляемой на полу изъ сѣна или изъ соломы. Въ моментъ наступленія сильныхъ потугъ роженица садится на корточки и, упираясь руками и грудью о какой-нибудь предметъ, подъ наблюденіемъ старой бабы, играющей роль повитухи, остается въ этомъ положеніи до окончанія родовъ. Лишь въ случаѣ болѣе продолжительныхъ родовъ прибѣгаютъ къ поти-

ранію живота роженниці, катанію ея по полу или подвѣшиванію къ потолку посредствомъ веревокъ, привязанныхъ подъ обѣ мышки, наконецъ, даже къ преждевременному разрыву плодового пузыря. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ роды, благодаря нормально наступающимъ потугамъ, которыя въ случаѣ ихъ слабости стараются возбуждать подслащенными отварами различныхъ травъ, а въ случаѣ сильной ихъ болѣзненности притупляютъ нѣсколькими глотками нагрѣтой воды, и благодаря также благопріятнымъ размѣрамъ таза, протекають благополучно и безъ посторонняго вмѣшательства, послѣ средней продолжительности, равной 7 часамъ у многорожавшихъ и 20 часамъ у перворожавшихъ. Единственное осложненіе родовъ, наблюдаемое у эстонокъ необыкновенно часто по сравненію съ другими расами, это эклампсія,—заболѣваніе, къ которому эстонки обнаруживаютъ какъ бы особое предрасположеніе. Послѣдъ удаляется, въ случаѣ необходимости, насильственнымъ натяженіемъ пупочнаго канатика, а часто съ опасностью для жизни роженниці даже непосредственно рукою руководительницы родами. Прежде, однако, заставляютъ роженницу дуть въ пустую бутылку, что, по мнѣнію, распространенному среди эстонскихъ бабъ, должно способствовать отдѣленію послѣда отъ маточной стѣнки. Процессъ инволюціи дѣтородныхъ органовъ совершается у эстонки, благодаря ея сильной натурѣ, энергично и быстро. На послѣродовой періодъ, теченіе котораго, по мнѣнію компетентныхъ врачей, зависитъ не только отъ климата, образа жизни и проч., но существеннымъ образомъ также отъ расы, наши эстонки обращаютъ мало вниманія и уже на второй день послѣ родовъ возвращаются къ своей обычной рабочей жизни. Кормленіе ребенка грудью продолжается во многихъ случаяхъ весьма долго, до 2 и даже до 3 лѣтъ; многія эстонки это дѣлають, какъ онѣ намъ объяснили, въ видахъ экономіи, другія въ увѣренности предохраненія самой себя этимъ путемъ отъ новой беременности.

Относительно распространенія среди племени эстовъ различныхъ уклоненій отъ нормальнаго развитія формы тѣла, въ родѣ полимастіи, альбинизма, гипертрихоза, гигантизма, карликоваго роста, многопалости, образованія хвоста, или т. наз. аномалій, въ родѣ *foramen supracondyloideum*, *trochanter tertius*, *torus palatinus*, *os malare bipartitum*, *os inciae bi- et tripartitum*, аномалій мышечной, сосудистой и нервной системы, мы въ настоящее время частью не имѣемъ еще никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, частью лишь скудныя и мало обоснованныя указанія. То же самое можно сказать и о частотѣ естественныхъ деформаций черепа, каковы: микроцефалія, рѣзкія ассиметріи и проч. Обычай искусственнаго уродованія организма и его отдѣльныхъ частей, въ особенности нормальной формы черепа, не встрѣчается у эстовъ какъ этнологическая особенность. Случаевъ татуировки намъ не приходилось видѣть у осматрѣнныхъ нами новобранцевъ-эстовъ, но говорятъ, что этотъ своеобразный обычай изрѣдка наблюдается у проститутокъ эстонскаго происхожденія. Изъ част-

ныхъ особенностей формы черепа т. наз. лобный отростокъ височной чешуи встрѣчается на имѣющихся у насъ эстонскихъ черепахъ приблизительно въ 3% случаевъ. Наличие вставочныхъ (Ворміевыхъ) костей можно констатировать у эстовъ, какъ и другихъ расъ, на протяженіи большинства черепныхъ швовъ, преимущественно же въ ламбовидномъ швѣ и въ области pterion, гдѣ такіа образованія встрѣчаются примѣрно въ 10% эстонскихъ череповъ.

III.

Сравнительно-антропологическая характеристика племени эстовъ.

Общій типъ эста.—Типъ эстонки и развитіе вторичныхъ половыхъ признаковъ.—Эсты какъ членъ угро-финской расы.—Физико-антропологическія основы понятія угро-финской семьи народовъ.

Только-что приведенныя данныя достаточно убѣдительно показываютъ, насколько мы еще далеки отъ полнаго знакомства съ физическою организациею племени эстовъ и отъ возможности научной естество-исторической характеристики эстонскаго типа. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется не неумыслимымъ сопоставить въ настоящемъ краткомъ очеркѣ хотя бы наиболѣе существенныя черты внѣшняго типа эста въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представляются въ описаніяхъ различныхъ авторовъ и въ нашихъ собственныхъ антропометрическихъ изслѣдованіяхъ по настоящему предмету (рис. 10).

Высокорослые, съ широкою грудью и плечами, пропорціонально сложеннымъ туловищемъ, среднихъ размѣровъ верхними и нижними конечностями, но значительной, благодаря ширинѣ плечъ, длиною размаха, сравнительно малыхъ размѣровъ кистью руки и стопою и хорошо развитымъ тазомъ, мускулистые и мало склонные къ тучности, при крѣпкомъ сложеніи костной системы, эсты представляются наблюдателю въ чистомъ видѣ свѣтлаго типа: съ свѣтлыми глазами сѣраго или сѣро-голубого цвѣта и съ волосами, цвѣтъ которыхъ чаще, по сравненію съ радужною оболочкою, обнаруживаетъ примѣсъ болѣе темныхъ оттѣнковъ, хотя послѣднее наблюдается относительно такъ рѣдко, что эта примѣсъ вполнѣ поддается объясненію случайныхъ расовыхъ вліяній извнѣ. Близкій къ брахицефалической формѣ черепъ отличается емкостью, не уступающей, вѣроятно, средней емкости человѣческаго черепа вообще, а скорѣе всего нѣсколько превышающей этотъ размѣръ, ясно выраженными лобными буграми, сильно зазубренными швами, изъ которыхъ лобный сохраняется сравнительно нерѣдко, частымъ присутствіемъ гребня на всемъ или на части протяже-

нія сагиттального шва, эллиптической формы затылочнымъ отверстіемъ, пятиугольною формою верхней и овальною или округлой — затылочной своей поверхности. Типичная форма лица эстовъ обязана своими особенностями преимущественно значительной величиной скулового діаметра, выстоянію впередъ и кнаружи плоской поверхности сильно развитыхъ скуловыхъ костей и большому разстоянію между углами нижней челюсти, при сильномъ развитіи и выстояніи впередъ подбородка, отчасти и нѣкоторому выстоянію въ сторону скуловыхъ дугъ. Умѣренной величины притуплен-

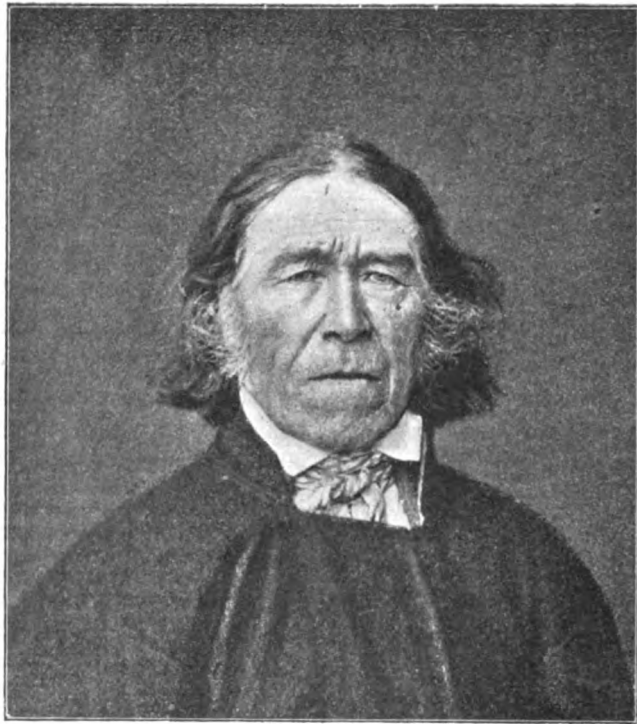

Рис. 10. Типъ эста преклоннаго возраста изъ юго-западной Лифляндіи.

ному лепторинному носу живыхъ эстовъ соотвѣтствуютъ на черепѣ длинныя и узкія носовыя кости съ трехугольными очертаніями грушевиднаго отверстія. Большая рѣдкость среди эстовъ случаевъ съ косымъ направле-ніемъ узкой глазной щели до извѣстной степени объясняется направле-ніемъ на ихъ черепахъ длинной оси угловатыхъ обширныхъ глазницъ, об-наруживающихъ сильную наклонность къ микроземіи.

Брѣпкимъ и коренастымъ сложеніемъ обладаетъ и организмъ эстонской женщины. Склонная къ высокорослости, эстонка по своему вѣшнему виду

обычно производит впечатлѣніе силы и здоровья. Нѣсколько болѣе высокія глазницы, болѣе прямой и высокій лобъ, слабѣе развитыя надбровныя дуги и т. п. являются половыми особенностями черепа и у эстонки. Но пропорціи округлаго лица (рис. 11) остаются одинаковыми у лицъ обоего пола. Нѣсколько большой ротъ, часто нарушающій эстетическую правильность очертаній лица, содержитъ въ себѣ въ видѣ здоровыхъ бѣлыхъ зубовъ лучшую красоту лица эстонки. Если волосы на головѣ у эстонокъ чаще всего бываютъ слабо развиты, то это только отчасти объясняется недостаточнымъ за ними уходомъ. Вздутая форма нижней части туловища наблюдается у эстонки лишь какъ послѣдствіе грубой пищи. Окрѣпшія отъ работы верхнія конечности окан-

чиваются маленькими, но прекрасно сложенными руками. За-то женскія груди и въ особенности бедра достигаютъ обычно чрезмѣрной, а часто даже колоссальной величины. Рѣзкій контрастъ съ шириною тазовой области составляетъ у эстонки поразительно малое выстояніе назадъ сѣдалищной области въ зависимости отъ незначительнаго у этого племени наклоннаго положенія женскаго таза и отъ слабого развитія подкожной жировой клѣтчатки, а можетъ-быть, и мышцъ въ сѣдалищной области. Съ тою же особенностью таза, повидимому, находятся въ ближайшей связи крутое направленіе лоннаго сращенія и верхней части крестца, слабое выстояніе задне-верхнихъ подвздошныхъ бугровъ, наконецъ почти полное отсутствіе изгиба на мѣстѣ перехода поясничной въ крестцовую часть позвоночника. Область голеностопнаго сустава у эстонокъ обычно не отличается граціозностью своихъ наружныхъ контуровъ; точно также высоко расположенныя икры обыкновенно бываютъ крѣпко развиты. Тотъ же типъ свѣтло-окрашенныхъ волосъ и радужныхъ оболочекъ глазъ, съ которыми мы встрѣчаемся у эстовъ, обычно повторяется и среди эстонокъ, причемъ у послѣднихъ темные оттѣнки примѣшиваются чаще къ цвѣту волосъ, чѣмъ къ окраскѣ глазъ.

Въ общемъ, такимъ образомъ, такъ называемые вторичные половые признаки мы находимъ выраженными у племени эстовъ вполне отчетливо и притомъ не только въ области черепа, но и въ большинствѣ другихъ

Рис. 11. 19-лѣтняя эстонка — типъ, наиболѣе часто встрѣчающійся среди эстонокъ средней и сѣверной Лифляндіи (свѣтло-сѣрые глаза съ узкими глазными щелями; желтовато-свѣтлорусые гладкіе волосы; широкій подбородокъ; выстояніе кнаружи области processus zygomatici ossis frontalis).

частей организма. При этомъ нѣкоторые изъ признаковъ, присущихъ тому и другому полу, при современномъ состояніи нашихъ знаній, мы были бы вынуждены принимать за выраженіе расовыхъ особенностей племени эстовъ, если бы фактъ сравнительной немногочисленности наблюдений, способствовавшихъ выясненію этихъ признаковъ, не заставилъ насъ воздержаться отъ окончательныхъ и вполне опредѣленныхъ утвержденій по настоящему вопросу. Свою окончательную оцѣнку вышеизложенная характеристика физическаго типа эстовъ можетъ, какъ извѣстно, найти только передъ судомъ сравнительно-антропологическихъ данныхъ, и по этой причинѣ здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: какія отношенія существуютъ между эстами и соседними съ ними племенами и какое положеніе занимаетъ племя эстовъ въ человѣчествѣ вообще и особенно среди тѣхъ расъ, съ которыми его считаютъ родственнымъ на основаніи историческихъ, этнографическихъ, лингвистическихъ и иныхъ общихъ признаковъ?

Какъ извѣстно, эстовъ принято описывать какъ звено т. наз. угро-финской группы народовъ. Ближайшая связь эстовъ съ племенемъ пастоящихъ финновъ несомнѣнна, ибо языкъ эстовъ, какъ мы видѣли, по существу есть не что иное, какъ діалектъ финскаго; эстляндскіе и финскіе рыбаки, объясняясь между собою каждый на своемъ нарѣчьи, вполне понимаютъ другъ друга. То же самое можно сказать и относительно ливовъ, которые, сами не признавая себя родственными съ эстами, тѣмъ не менѣе весьма близки имъ въ лингвистическомъ отношеніи. Но съ понятіемъ т. наз. угро-финской расы издавна принято связывать еще цѣлый рядъ другихъ племенъ, болѣе отдаленныхъ отъ эстовъ и финновъ какъ по своему географическому положенію, такъ и по многимъ другимъ особенностямъ. Сюда относятся, напр., такіе народы, какъ лопари, вотяки, вотя, вепсы, черемисы, чуваша, мордва, вогулы и проч. Если всѣ эти народныя типы, по своему историческому и этнографическому развитію, дѣйствительно являются звеньями одной общей расовой цѣпи или отпрысками одного общаго съ финнами и эстами племенного древа, то сравнительная антропология должна выяснить намъ, насколько они близки по своей физической организаціи и насколько особенности послѣдней въ данномъ случаѣ совпадаютъ съ особенностями лингвистическаго и обще-этнографическаго положенія, которое занимаютъ всѣ перечисленные представители угро-финской семьи народовъ. Но, къ сожалѣнію, мы вынуждены признать, что отъ окончательнаго выясненія этого вопроса мы еще весьма далеки, благодаря недостаточности того фактическаго матеріала, который необходимъ для проведенія соматологической параллели между названными племенными типами. Мы поэтому считали совершенно бесполезнымъ и во всякомъ случаѣ преждевременнымъ вдаваться здѣсь въ подробный анализъ результатовъ наблюдений и антропометрическихъ из-

мѣреній, производившихся различными авторами надъ тѣми или другими финскими племенами. Отъ такого разбора мы имѣли тѣмъ больше основанія отказаться въ настоящемъ нашемъ краткомъ очеркѣ, что сами измѣренія, существующія въ лѣтописяхъ сравнительной антропологии угро-финской группы народовъ, далеко не всѣ производились по одному общему плану, а дѣлались различными авторами по неодинаковымъ методамъ и потому уже по самому своему существу представляютъ непреодолимые затрудненія каждой попыткѣ сравненія ихъ между собою. Эта трудность сравненія между собою цифръ, имѣющихся у авторовъ, становится особенно ощутительною въ отношеніи рядовъ типическихъ вариантовъ, которыми мы должны приписывать столь рѣшающее значеніе въ вопросѣ о сходствѣ или несходствѣ племенныхъ типовъ. Ограничиться же сравненіемъ однѣхъ среднихъ цифръ, при всѣхъ удобствахъ такого способа, по нашему убѣжденію, значитъ предаваться легкомысленной и бесплодной игрѣ съ эфемерными явленіями, мало способствующими выясненію дѣйствительныхъ отношеній физическаго типа человѣческихъ расъ. Рѣшаясь прибѣгнуть къ анализу подобнаго рода среднихъ цифръ, мы могли бы безъ особеннаго труда доказать, что, напр., по величинѣ головного указателя многія угро-финскія племена, какъ черемисы, вотя, вотяки, вепсы вмѣстѣ съ эстами, ливами и собственными финнами великаго княжества стоятъ почти на одной ступени, относясь къ общей для всѣхъ ихъ мезоцефалической или суббрахицефалической категоріи черепныхъ типовъ. Мы могли бы въ то же время отгнѣнить и большое сходство, существующее, повидимому, между эстами и вотяками въ отношеніи окраски волосъ и радужной оболочки глазъ, благодаря которой то и другое племя одинаково являются представителями свѣтлаго типа на подобіе того, какъ они сходны между собою по величинѣ роста и по нѣкоторымъ другимъ измѣрительнымъ признакамъ. Просматривая таблицы цифръ, мы далѣе убѣждаемся, что многія особенности своего физическаго типа, относящіяся, напр., къ ширинѣ нижней челюсти, абсолютнымъ размѣрамъ черепа, длинѣ роста, окраскѣ волосъ и радужной оболочкѣ глазъ, эсты раздѣляютъ не только съ сосѣднимъ племенемъ ливовъ, но отчасти и съ финнами великаго княжества. Наконецъ, послѣднія два племени, вслѣдствіе почти полнаго совпаденія среднихъ цифръ измѣреній, приводимыхъ авторами, слѣдовало бы признать особенно близкими между собою. Но всѣ эти и подобныя имъ выводы, очевидно, не въ состояніи сколько-нибудь опредѣленно установить фактъ физической однородности всѣхъ племенъ угро-финской группы даже въ томъ случаѣ, если мы совершенно оставимъ въ сторонѣ вопросъ о сравнительно-антропологическомъ значеніи т. наз. среднихъ цифръ, ибо всѣ названные выводы обязаны своимъ происхожденіемъ количественно неодинаковымъ рядамъ наблюденій, которые, уже вслѣдствіе своей малочисленности (дѣло въ большинствѣ случаевъ идетъ объ одной сотнѣ

отдѣльных измѣреній и даже того менѣе), предостерегаютъ насъ отъ окончательныхъ на ихъ основаніи заключеній. Мы не хотимъ этииъ такъ или иначе умалять научное значеніе тѣхъ матеріаловъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ. Напротивъ, мы на ихъ основаніи охотно склонны согласиться, что въ существенныхъ чертахъ они способны указывать на нѣкоторыя общія черты, болѣе или менѣе характерныя для всѣхъ представителей т. наз. угро-финновъ и въ числѣ ихъ также для нашихъ эстовъ. Но не слѣдуетъ забывать, что та же степень сходства физическихъ типовъ, которая, согласно разсматриваемымъ матеріаламъ, имѣется между отдѣльными племенами финской группы народовъ, легко можетъ быть констатирована также между послѣдними и многими другими не-финскаго происхожденія племенами европейскаго материка, особенно если и тутъ рѣшающій голосъ предоставить среднимъ выводамъ, полученнымъ на почвѣ недостаточнаго количества наблюденій. Къ тому же цифровыя данныя тѣхъ же авторовъ не обходятъ молчаніемъ и фактъ наличности весьма широкихъ предѣловъ колебаній, коимъ подвергнуть физическій типъ представителей угро-финской расы. Уже среди финновъ великаго княжества есть полное основаніе различать два особыхъ типа, рѣзко отличающихся другъ отъ друга по цвѣту глазъ и волосъ: это—свѣтло-волосый и свѣтло-глазый типъ тавастцевъ и темно-пигментированный типъ карельскихъ финновъ. Оба эти типа явно расходятся не только по большинству своихъ физическихъ признаковъ, но и въ отношеніи своихъ психическихъ особенностей. Къ первому типу болѣе всего приближаются эсты, ко второму—ливы. Но брахицефалическая форма головы у обоихъ типовъ финскаго полуострова не допускаетъ сближенія ихъ съ ливами или эстами. Мордва и лопари, наиболѣе круглоголовые изъ угро-финскихъ племенъ, въ этомъ отношеніи стоятъ значительно ближе къ собственнымъ финнамъ, хотя не настолько, чтобы можно было считать эти племена тѣсно родственными между собою. Съ другой стороны, вогулы и чуваша по общей формѣ черепа склоняются уже весьма замѣтно въ сторону длинноголовости, представляя въ этомъ отношеніи полную противоположность лопарямъ и мордвѣ. Далѣе, внутричерепная емкость у финновъ, если довѣрять среднимъ цифрамъ, должна значительно превзойти тотъ же размѣръ на эстонскихъ черепахъ. Въ пропорціяхъ лица наши эсты также весьма рѣзко отличаются отъ многихъ финскихъ племенъ; у однихъ (воляки и другіе) средняя часть лица значительно шире, у другихъ (ливы), наоборотъ, значительно уже, чѣмъ у эстовъ; то же самое можно сказать относительно роста, обнаруживающаго весьма большія колебанія среди угро-финскихъ племенъ. Высокое положеніе пупка надъ почвою служитъ какъ бы отличительною чертою нашихъ эстовъ въ сравненіи съ большинствомъ другихъ представителей финновъ. Перечисленіе всѣхъ остальныхъ отличительныхъ признаковъ физической организаціи фин-

новъ и сравненіе ихъ съ сходственными чертами, о которыхъ была рѣчь выше, должно убѣдить насъ, что перевѣсъ, несомнѣнно, находится на сторонѣ первыхъ, затрагивающихъ къ тому рядъ наиболѣе существенныхъ отношеній физическаго типа разсматриваемыхъ нами народностей.

Взвѣсивая, такимъ образомъ, всѣ данныя, говорящія за и противъ мнѣнія объ единствѣ физическаго типа т. наз. угро-финской группы народовъ, возможно думать, что эта раса въ современномъ своемъ составѣ вмѣщаетъ представителей, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ различныхъ антропологическихъ типовъ и что этнографическое коллективное понятіе объ угро-финнахъ, при современномъ состояніи этого вопроса, не находитъ поддержки со стороны строго научнаго естество-историческаго изслѣдованія. Мы говоримъ «въ современномъ составѣ» въ виду того, что, несмотря на все разнообразіе типовъ, наблюдаемыхъ среди современныхъ финскихъ племенъ, представляется не только возможнымъ, но даже вполнѣ правдоподобнымъ предположеніе о происхожденіи ихъ отъ одного общаго антропологическаго корня или общаго расоваго древа, отдѣльныя развѣтвленія котораго лишь съ теченіемъ тысячелѣтій, благодаря продолжительному тѣсному соприкосновенію съ разнородными иноплеменными элементами, приняли такіе физическіе признаки, которые имъ первоначально не были свойственны. Допуская такое предположеніе, мы становимся передъ вопросами: каковъ былъ первоначально основной физическій типъ финновъ, какими внѣшними признаками отличались тѣ давно исчезнувшія поколѣнія, памятниками которыхъ являются современные финны, эсты, ливы и многія другія племена, разбросанныя въ видѣ длинной цѣпи по обширному пространству и почти забывшія о когда-то связывавшихъ ихъ родственныхъ узахъ, какому типу принадлежали тѣ расы, воздѣйствію которыхъ угро-финны подвергались послѣ того, какъ они были вытѣснены изъ своей первоначальной родины? Очевидно, что на всѣ эти вопросы нѣкоторый свѣтъ способны пролить лишь историческія и сравнительно-лингвистическія изслѣдованія. На долю же сравнительной антропологии расъ выпадаетъ задача опредѣлить, какіе основные элементы физическаго типа могутъ быть съ точностью выдѣлены среди современныхъ народовъ предполагаемой общей угро-финской семьи и достаточно ли существенны и постоянны эти признаки для установленія на ихъ основаніи одного общаго расоваго типа. Лишь при посредствѣ добытыхъ такимъ образомъ данныхъ понятіе объ угро-финской расѣ удастся охарактеризовать съ точки зрѣнія научнаго естество-историческаго изслѣдованія.

IV.

Психо-физическій типъ эстовъ.

Нѣкоторыя данныя о психологическихъ чертахъ племени эстовъ.—Уровень его нравственнаго развитія.—Племенные особенности мозга эстовъ.—Заключеніе.

Въ заключеніе настоящаго очерка мы не можемъ, хотя бы вскользь, не коснуться сложнаго и труднаго вопроса о психологическомъ типѣ племени эстовъ, желая этимъ прежде всего оттъннить значеніе психическихъ признаковъ для научной характеристики человѣческихъ расъ и указать на роль, которую эти признаки должны играть въ антропологическихъ монографіяхъ. Тѣ немногія указанія, которыя можно встрѣтить о психологическихъ особенностяхъ эстовъ, чаще всего основаны, къ сожалѣнію, на субъективныхъ заключеніяхъ и потому могутъ имѣть не болѣе, чѣмъ относительное значеніе, и воспользоваться ими съ научною цѣлью возможно лишь съ значительною оговоркою. Уже старые авторы говорятъ о меланхолическомъ или флегматическомъ темпераментѣ эстовъ. Знаменитый К. Э. фонъ-Бэръ, посвятившій первый свой научный трудъ изученію эстовъ, утверждаетъ, напротивъ, что эсты лишь изрѣдка бываютъ склонны къ т. наз. меланхолическому темпераменту, а чаще всего являются людьми спокойнаго, флегматическаго нрава, вслѣдствіе чего они, между прочимъ, сравнительно нечасто подвергаются физическимъ заболѣваніямъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, въ особенности болѣе сѣверныхъ, эсты отличаются болѣею подвижностью и общительностью, нежели, напр., склонные къ вялости эсты средней Лифляндіи, которые охотно и, по замѣчанію Бэра, даже съ пользою для себя прибѣгаютъ къ оживляющему дѣйствію спиртныхъ напитковъ. Вообще же, по мнѣнію этого маститаго ученаго, эсты обладаютъ многими недостатками: они не только лѣнны, но и нечистоплотны, отличаются занесиваніемъ, низкопоклонствомъ предъ сильнѣйшими и безсердечіемъ въ отношеніи къ слабымъ и къ беззащитнымъ. Сравнивая эстовъ съ латышами, одинъ изъ нашихъ историковъ также оттъняетъ склонный къ лѣни нравъ первыхъ въ противоположность веселому и дѣятельному темпераменту вторыхъ, но, несмотря на это, тотъ же авторъ не можетъ обойти молчаніемъ того краснорѣчиваго факта, что эсты, уже благодаря физическимъ условіямъ почвы обитаемыхъ ими областей, съ самаго начала были поставлены въ условія упорной борьбы за существованіе и постояннаго тяжелаго труда. Эти и подобныя имъ воззрѣнія на національный характеръ эстовъ, основанныя частью на предвзятыхъ идеяхъ, частью на недостаточномъ знакомствѣ съ фактами, еще въ сравнительно недавнее время играли извѣстную роль въ ученіи о первобытныхъ расахъ Европы, когда Quatrefages послѣ компаніи 1870—1871 года заявилъ, якобы на основаніи

долгѣтнихъ изслѣдованій, свою твердую увѣренность въ томъ, что первоначальное населеніе Европы было финскаго происхожденія; остатки этой древней финской расы, по его мнѣнію, можно найти еще въ современной Франціи, гдѣ скелеты, найденные въ пещерахъ des Eyzies, были относимы непосредственно къ племени эстовъ; но въ наиболѣе чистомъ видѣ, заключаетъ тотъ же авторъ, финскіе элементы сохранились среди современнаго населенія Пруссіи, «что становится несомнѣннымъ, если имѣть въ виду мстительность, злостный характеръ и ярость пруссаковъ».

Обращаясь отъ этихъ субъективныхъ мнѣній и воззрѣній къ научно-установленнымъ фактамъ. Существуютъ, напр., данныя, позволяющія заключать о степени нравственнаго развитія эстовъ. Цифра незаконнорожденныхъ дѣтей у нихъ, правда, весьма значительна и достигаетъ въ нѣкоторыхъ областяхъ около 5% всего числа рожденныхъ; но среди другихъ національностей, живущихъ въ землѣ эстовъ, встрѣчаются еще значительно большія цифры незаконнорожденныхъ. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ фактъ малаго процента незаконнорожденныхъ у деревенскихъ эстовъ по сравненію съ городскими эстами. Въ связи съ эстами по-истинѣ чудовищнымъ слѣдуетъ признать положеніе одного изъ новѣйшихъ авторовъ, согласно которому гетеризмъ, полная свобода полового общенія у неженатыхъ, является якобы «общей чертою народностей финскаго племени», встрѣчающейся еще до сихъ поръ у эстовъ въ формѣ переживанія. Обычай гетеризма, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, не только не существуетъ у эстовъ или финновъ, но не доказанъ съ достовѣрностью вообще у какой-либо другой этнологической группы человѣчества. Также хорошо установлено, что случаи нарушенія супружеской вѣрности встрѣчаются у эстовъ лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Относительно частоты дѣтоубійства среди племени эстовъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукою заслуживающихъ довѣрія данныхъ. Подкидываніе дѣтей въ деревняхъ почти не наблюдается, плодонизгнаніе—только въ случаяхъ незаконной связи.

Памятники древней эстонской культуры, которыхъ мы коснулись выше, развитіе и грамматическое строеніе языка эстовъ, ихъ національное міросозерцаніе, наконецъ, произведеніе эстонской народной литературы, о которыхъ мы вкратцѣ упомянули въ началѣ настоящаго очерка, заключаютъ въ себѣ рядъ существенныхъ указаній по вопросу о психологическихъ чертахъ разсматриваемаго племени. Перечисленіе ряда выдающихся ученыхъ, журналистовъ, поэтовъ, художниковъ, преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, дѣятелей по различнымъ отраслямъ общественной жизни, вышедшихъ въ прежнее и въ новѣйшее время изъ среды эстонскаго народа, до извѣстной степени также могло бы служить опорною точкою для сужденія о развитіи у эстовъ высшихъ психическихъ функций, о степени психологическаго и интеллектуальнаго уровня этого расоваго типа, о его приро-
ж-

денныхъ умственныхъ дорованіяхъ и о степени свойственной ему способности къ развитію послѣднихъ путемъ воспитанія. Но мѣсто не позволяетъ намъ подробнѣе остановиться въ настоящемъ очеркѣ на сравнительномъ анализѣ всѣхъ относящихся сюда вопросовъ и фактовъ, которые по своей сложности, безъ сомнѣнія, требуютъ совершенно специальной и всесторонней обработки. Но мы считаемъ умѣстнымъ коснуться здѣсь, хотя бы вкратцѣ, одного изъ нихъ, это именно вопроса о степени развитія и объ особенностяхъ физическаго органа психической дѣятельности, т. е. центральной нервной системы, у племені эстовъ.

Изслѣдованія, существующія по вопросу о племенныхъ особенностяхъ мозга эстовъ, еще далеко не позволяютъ дѣлать въ этомъ отношеніи окончательныя заключенія, но уже тѣ немногія данныя, которыя были добыты въ новѣйшее время, указываютъ на весьма видную степень развитія центральной нервной системы и ея отдѣльныхъ частей у этого племени. Устройство мозговыхъ извилинъ, столь тѣсно связанное съ психическимъ развитіемъ расы и личности у эстовъ, въ большинствѣ случаевъ соответствуетъ обыкновенному плану ихъ устройства, наблюдаемому на мозгѣ другихъ высоко - цивилизованныхъ народовъ, и въ существенныхъ чертахъ, повидному, не уклоняется отъ типичной формы человѣческаго мозга вообще. Явленій, такъ или иначе могущихъ свидѣтельствовать о низкой степени развитія мозга эстовъ, какъ и слѣдовало ожидать а priori, нигдѣ не было обнаружено при анатомическомъ изученіи его внѣшней формы. Напротивъ, мозговые извилины у этого племени, будучи развиты обычно въ большомъ изобиліи, представляютъ значительное число вариантовъ, обуславливающихъ иногда весьма сложную картину поверхности мозговыхъ полушарій. Ходъ и направленіе извилинъ притомъ вполне соответствуетъ суббраницефалическому типу черепа эстовъ, при которомъ извилины, какъ извѣстно, часто образуютъ между собою поперечныя анастомозы и вообще выказываютъ склонность уклоняться отъ продольной оси мозга. Въ отношеніи же частнаго ихъ устройства существуетъ даже указаніе, что форма и взаимныя отношенія мозговыхъ извилинъ у эстовъ не лишены и нѣкоторыхъ особенностей (рис. 12). Но, въ виду большой сложности вопроса объ особенностяхъ мозговыхъ извилинъ и формы мозговыхъ полушарій вообще у человѣческихъ расъ, такое указаніе можетъ быть высказано лишь съ извѣстною оговоркою, ибо легко можетъ случиться, что тѣ варианты бороздъ и извилинъ, которые обращали на себя вниманіе на мозгахъ эстовъ, въ послѣдствіи окажутся присущими и мозгу другихъ народностей. Какъ бы то ни было, фактъ вполне типичнаго во всѣхъ отношеніяхъ развитія мозга у эстовъ врядъ ли можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію. Въ пользу этого факта говорятъ, между прочимъ, тѣ наблюденія, которыя имѣются относительно размѣровъ, величины и вѣса массы эстон-

скихъ мозговъ. Мы имѣемъ предъ собою 21 мозгъ взрослыхъ эстовъ, средній вѣсъ которыхъ равенъ 1401 грамму, при максимальномъ вѣсѣ въ 1640 и минимальномъ въ 1210 гр. Вѣсъ мозга взрослой эстонки, судя по тѣмъ 8 экземплярамъ, которые мы могли подвергнуть взвѣшиванію въ свѣжемъ состояніи, опредѣляется среднею цифрою 1293 гр. (max.—1515, min.—1170). Въ связи съ тѣми данными, которыя были представлены выше относительно внутричерепной емкости, только что приведенные результаты взвѣшиванія мозга служатъ дальнѣйшимъ подтвержденіемъ уже ранѣе высказаннаго нами мнѣнія, что и по степени количественнаго развитія

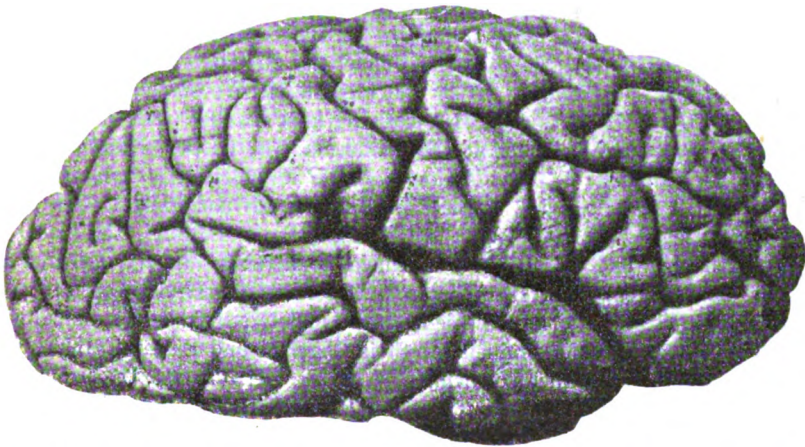

Рис. 12. Мозгъ эста 40 лѣтъ отъ роду. Главныя извилины и борозды (Роландова, лобная, постцентральная, Сильвіева, височныя, интерпаріетальная, затылочныя и пр.) развиты въ высшей степени типично. Замѣчается при этомъ большое богатство такъ называемыхъ вторичныхъ и третичныхъ извилинъ и бороздъ. Нижний конецъ Sulci postcentralis (re. tr) глубоко прорѣзываетъ верхній берегъ Сильвіевой ямы—явленіе, довольно обычное у эстовъ. Третья (нижняя) лобная извилина, соответствующая области центра членораздѣльной рѣчи, обнаруживаетъ въ данномъ случаѣ довольно сложное устройство; то же самое можно сказать также относительно лобнаго и височно-затылочнаго ассоціаціонныхъ центровъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ высшимъ психическимъ управленіямъ организма

массы мозговыхъ полушарій племя эстовъ, повидимому, врядъ ли замѣтно уступаетъ другимъ европейскимъ расамъ.

Въ итогъ всего сказаннаго мы, желая остаться на почвѣ объективнаго изслѣдованія, должны признать, что эсты не только въ физическомъ, но и въ психофизиологическомъ отношеніи являются племенемъ, хорошо одареннымъ отъ природы и, благодаря этому, вполне способнымъ, при благопріятныхъ къ тому условіяхъ, къ культурному развитію наравнѣ со всѣми другими представителями бѣлой расы, что доказывается и общимъ ходомъ историческаго и культурнаго прошлаго этой во многихъ отношеніяхъ замѣчательной народности.

Литература ¹⁾: *Ahrens E.*, Grammatik der estn. Sprache. Reval, 1853; *Amelung*, Ueber den volksthümlichen estn. Aberglauben und den estn. Antoniuskultus. Dorp., 1877; *Асироъ Н.*, Отношеніе родителей и дѣтей у эстонцевъ. „Труды Эстлянд. Губ. Стат. Комит.“, IX. Рев., 1894; *v. Baer C. E.*, De morbis inter Esthonos endemicis. Diss. inaug. Dorp., 1814; *Baer E. K.*, Die Gräber der Liven. Dresd., 1850; *Barchewitz*, Ueber russische Rassentypen. Z. E. V., 1872; *Bielenstein A.*, Die Grenzen der lettischen Sprache. S.-Petersb.; *Bielenstein W.*, Hügelgräber in Neu-Koikull. SB. GEG., 1895; *Blumberg*, Ueber den Culturzustand der E. SB. GEG., 1876; Die Gewittergötter Kõu und Pikker. Ibid., 1885; *Böhm* und *Görtz*, Die Skeletgräber von Allatzkiwi. SB. GEG., 1896; *Broca P.*, Classification et nomenclature craniolog. „Rev. d'Anthr.“, 1872; *онъ же*, Recherches sur l'indice nasal. Ibid.; *Харузинъ А.*, Забѣтка о черепахъ Пюхтицкаго могильника. „Тр. Эстл. Губ. Стат. Ком.“, IX. Рев., 1894; *онъ же*, Къ антроп. насел. Эстлянд. губ. Ibid.; *Davis F. B.*, Thesaurus craniorum. Lond., 1867; *Duhmberg C.*, Die Grabstätte des Kaltrigesindes. SB. GEG., 1886; *Ecker A.*, Die Höhlenbewohner der Rennthierzeit von les Eyzies. A. f. A., IV, 1871; *Faehlmann*, Ueber die Flexion des Wortstammes in der estn. Sprache. V. GEG., I, 1843; *Georgi*, Beschreibung aller Nationen des russ. Reiches. St.-Pet., 1776; *Grewingk C.*, Archäol. Mittheilungen. SB. GEG., 1879; *онъ же*, Zur Archäologie des Balticum. A. f. A., X; *онъ же*, Der schifförmige Aschenfriedhof bei Türsel. V. GEG., XIII; *онъ же*, Archäol. Ausflüge in Liv-und Estland. SB. GEG., 1886; *онъ же*, Ueber Bronzenähnadeln alter Gräber Livlands. Ibid., 1882; *онъ же*, Ein neuer archäol. Fund im Mergel von Kunda. Ibid., 1885; *онъ же*, Ueber Steinhäufen als Grabstätten. Ibid., 1883; *онъ же*, Ueber die Steinhäufengrabstätten von Unnipicht. Ibid., 1883; *онъ же*, Knochengeräthe und Urbewohner des Ostbalticum. Ibid., 1881; *онъ же*, Neue Materialien zur Stein—,Bronce-und Eisenzeit. Ibid., 1887; *онъ же*, Die neolith. Bewohner von Kunda. V. GEG., XII; *онъ же*, Ueber die Steinschiffe von Musching. Ibid., IX; *онъ же*, Zur Pfahlbautenfrage Liv-,Est-und Kurland. Ibid., 1880; *онъ же*, Ueber die frühere Existenz des Rennthieres in den Ostseeprovinzen. Ibid., 1867; *онъ же*, Das Steinalter der Ostseeprovinzen. Dorp., 1865; *онъ же*, Beschreibung der in Est-,Liv-und Kurland bekannt gewordenen Stein-und Knochengeräthe. SB. GEG., 1885; *онъ же*, Ueber die Steinsetzung von Türsel. Ibid., 1886; *онъ же*, Zur Kenntniss der in Liv-,Est-und Kurland aufgefundenen Steinwerkzeuge. V. GEG., VII; *Grosset O.*, Biostatik der Stadt Dorpat. Dorp., 1883; *Grube O.*, Anthropolog. Untersuchungen an E. Dorp., 1878; *Haller P.*, Biostatik der Stadt Narva. Dorp., 1886; *Hartmann*, Das vaterländ. Museum zu Dorpat. V. GEG., VI; *Hasselblatt A.*, Ueber das angebliche Steinreihengrab bei Pirk. SB. GEG., 1893; *Hausleutner*, Galerie der Nationen, 1794; *Hausmann R.*, Alterthümer aus dem Fellinschen. SB. GEG., 1894; *онъ же*, Der Aschenfriedhof auf dem Kalmomäggi. Ibid., 1889; *онъ же*, Eine Ausgrabung in Weslershof. Ibid., 1900; *онъ же*, Eine Ausgrabung auf dem Kabellimäggi. Ibid., 1899; *онъ же*, Die Bauerburg Tubri-Liuw. Ibid., 1897; *онъ же*, Einleitung zur Abtheilung Archäologie. Katalog der Ausstellung zum X. archäol. Congresse in Riga 1896; *онъ же*, Estnische Alterthümer aus Oberpahlen. SB. GEG. 1894; *онъ же*, Funde aus dem Mergellager von Kunda. Ibid., 1895; *онъ же*, Grabfunde in Pajus. Ibid., 1896; *онъ же*, Die Gräber von Hummelshof, Allatzkiwi und Pajus. Ibid., 1896; *онъ же*, Ueber ein Skeletgrab bei Allatzkiwi. Ibid., 1894; *онъ*

¹⁾ Сокращения: *A. f. A.* = Archiv für Anthropologie; *SB. GEG.* = Sitzungsberichte, *V. GEG.* = Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft; *Z. E. V.* = Zeitschrift für Ethnologie, Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte; *E.* = Esten.

же, Allatzkiwi, Skeletgrab VIII. Ibid., 1897; онъ же, Steinhügelgräber von Waiwara. Ibid., 1895; онъ же, Ueber die Verbreitung der Schalen-oder Schildkrötenfibel. Ibid., 1893; онъ же, Steinreihengräber und Hügelgräber. Ibid., 1891; *Henricus de Lettis*, Origines Livoniae sacrae et civilis. Reval, 1867; *Hellat P.*, Volksmedizin der E. SB. GEG., 1883; *Hermann K.*, Eesti keele grammatik. Tartus, 1884; *v. Holst J.*, Die E. in gynäkolog. Beziehung. Beiträge zur Gynäkologie und Geburtskunde, II. Tübingen, 1807; *Holzmayer I. B.*, Osiliana. V. GEG., VII и X; *Hübner F.*, Biostatik der Stadt Dorpat. Dorp., 1861; *Hueck A.*, De craniis Estonum commentatio anthropologica. Dorpati Livonorum, 1814; *Hunfalvy P.*, Reise in den Ostseeprovinzen Russlands. Leipz., 1874; *Hupel*, Topograph. Nachrichten von Liv- und Estland. Riga, 1774; *Hurt J.*, Beiträge zur Kenntniss estn. Sagen und Ueberlieferungen. Dorp., 1883; онъ же, Ueber die Setukesed. SB. GEG., 1886; *Jsenflamm H I.*, Anatom. Untersuchungen. Erlangen, 1822; *Jung I.*, Alterthümer im Hallistschen. SB. GEG., 1885; онъ же, Alterthümer aus Hallist und Umgegend. Ibid., 1882; онъ же, Ueber einige Alterthümer im Hallistschen. Ibid., 1889; онъ же, Die Sinnihalliku-Bauernburg bei Fellin. Ibid., 1882; онъ же, Ueber die alte Estenburg in Lehowa. Ibid., 1880; онъ же, Ueber estn. Bräuche. Ibid., 1886; онъ же, Einiges über die Setukesed. Ibid., 1885; онъ же, Ueber die estnisch-lettische Sprachgrenze. Ibid., 1879; онъ же, Ueber die Steinlager im Würz-See. Ibid., 1880; онъ же, Steinsetzungen im Fellinschen. Ibid., 1879; онъ же, Schifförmige Steinsetzungen. Ibid., 1876; *Kallas O.*, Einiges über die Setud. SB. GEG., 1895; *v. Kieseritzki*, Biostatik der Kirchspiele Oberpahlen etc. Dorp., 1880; *Körber B.*, Biostatik der Kirchspiele Ringen etc. Dorp., 1864; онъ же, Steinhügelgräber in Waiwara. SB. GEG., 1897; онъ же, Zu den Steinhügelgräbern in Waiwara. Ibid., 1895; *Kreutzwald*, Kalewipoeg, eine estn. Sage. Dorp., 1861—62; онъ же, Ueber die erste physische Erziehung der Kinder unter den E. SB. GEG., 1879; онъ же, Der E. abergläubische Gebräuche, Weisen und Gewohnheiten. St.-Pet., 1854; *Kruse*, Necrolivonica. Dorp., 1842; онъ же, Urgeschichte des estn. Volksstammes. Leipz., 1846; *Kupffer* und *Bessel-Hagen*, Anthropolog. Sammlungen Deutschlands. Königsberg i Pr. A. f. A., 1880; *Loeschke G.*, Der Aschenfriedhof von Meyershof. SB. GEG., 1887; онъ же, Die estn. Grabstätte beim Kaltrigesinde. Ibid., 1887; онъ же, Ueber Oeselsche Alterthümer. Ibid., 1888; онъ же, Schifförmige Steinsetzungen. Ibid., 1889; *Mehnert E.*, Die anthropol. Sammlungen Deutschlands. Strassburg i E. A. f. A.; *Meyer H.*, Beitrag zur Kenntniss der Estenschädel. A. f. A., VIII; *Meyer J.*, Ueber E. und Estenthum bei Heinrich dem Letten. SB. GEG., 1876; онъ же, Ueber die beim Estenvolke gebräuchlichen Heilmittel. Ibid., 1883; онъ же, Ueber die Quellen der estn. Sprache. Ibid., 1895; *Милендеръ Я.*, О послѣродовыхъ очищеніяхъ (содержить цѣнныя данныя относительно половой жизни эстовки). Юрьевъ, 1896; *Oehrн E.*, Biostatik dreier Landkirchspiele Livlands. Dorp., 1883; *v. Parrot I. G.*, Versuch einer Entwicklung der Sprache, Abstammung etc. der Liven, Letten und E. Stuttg., 1838; *Pauly*, Description ethnograph. des peuples de la Russie. St.-Pet., 1862; *v. Richter A.*, Geschichte der Ostseeprovinzen, 1857; *Pummuxъ*, Матеріалы для этнографіи Россіи. Прибалт. край. Спб., 1873; *Rüdinger N.*, Die anthropol. Sammlungen Deutschlands. München. A. f. A., XX; *Schaaffhausen H.*, o. c. Bonn. Frankfurt a. M. Ibid., 1883; *Schmidt E.*, o. c. Leipzig. Ibid., 1888; *v. Schrenck A.*, Studien über Schwangerschaft, Geburt und Wochenbett bei der E. Dorp., 1880; *v. Schröder L.*, Ueber den Gott Tära. SB. GEG., 1893; онъ же, Die Hochzeitsgebräuche der E. und einiger anderer finn.-ugrischer Völkerschaften in Vergleichung mit denen der indogerman. Völker. Berl., 1888; *Schultz G.*, Bericht über Messungen an Individuen verschiedener Nationen. „Bull. de l'Acad. d. Sc. de St.-Pét.“

Classe phys.-math. IV, 1845; *de Seydlitz C. I.*, De praecipuis oculorum morbis inter Esthonos obviis. Dorp., 1821; *Sitzka I.*, Ueber die Steinsetzung in Ayakar. SB. GEG., 1896; *Graf Sirers G.*, Bericht über die archäolog. Untersuchungen etc. V. GEG., VIII, Z. E. V., 1874—75, Sitzb. d. Dorp. Naturf. Gesell., 1875; *Солодовниковъ А.*, Личныя и имуществ. отношенія у эстонцевъ. „Тр. Эстл. Губ. Стат. Ком.“, IX. Рев., 1894; *Spengel I. W.*, Die anthropol. Sammlungen Deutschlands. Göttingen. A. f. A., XI; *Stein G.*, Ueber estn. Sagen und Bräuche. SB. GEG., 1886; *Stieda L.*, Ueber die Bedeutung des Stirnfortsatzes der Schläfenschuppe. A. f. A., XI; *Tobien*, Einiges über die alte Estenburg Lehowa. SB. GEG., 1880; *Toll H.*, Steinreihengräber in Estland. Ibid., 1891; *Topinard P.*, Du prognathisme alvéolo-sous-nasal. „Rev. d'Anthr.“, 1872; *онъ же*, Du prognathisme facial supérieure. Ibid., 1873; *онъ же*, Du prognathisme maxillaire. Ibid., 1873; *Virchow R.*, Archäol. Reise nach Livland. Z. E. V., 1877; *онъ же*, Die physischen Eigenschaften der Lappen. Ibid., VII, 1875; *онъ же*, Livländ. Schädel. Ibid., 1878; *онъ же*, Messungen estn. Schädel. Ibid., 1873; *онъ же*, Vergleichung finnischer und estnischer Schädel mit alten Gräberschädeln des nordöstl. Deutschlands. Ibid., Bd. IV; *онъ же*, Ueber einige Merkmale niederer Menschenrassen am Schädel. „Abhandl. Berl. Akad. Wiss.“, 1875; *Weinberg R.*, Die Gehirnwindungen bei den E. Anat.-anthrop. Studie. „Biblioth. Med.“ Anat. Abtheil. I. Cassel, 1896; *онъ же*, Ueber einige Schädel aus älteren Liven-, Letten- und Estengräbern. SB. GEG., 1896; *онъ же*, О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ. „Труды Антроп. Отд.“, т. XIX; *Welcker H.*, Craniol. Mittheilungen. A. f. A., I; *онъ же*, Die Zugehörigkeit eines Unterkiefers etc. Ibid., XXVII; *Weske M.*, Ergebnisse einer Reise durch das Estenland. V. GEG., VIII; *онъ же*, Ueber den Culturfortschritt im Leben der E. SB. GEG., 1876; *онъ же*, Ueber den Waldgott der Finnen und E. Ibid., 1883; *Wiedemann*, Estn. Dialekte und estn. Schriftsprache. V. GEG., VII; *онъ же*, Aus dem inneren und acusseren Leben der E. St.-Pet., 1876; *Wieger G.*, Die anthrop. Sammlungen Deutschlands. Breslau. A. f. A., 1885; *Wiskowatow P.*, Ueber die Steinsetzung in Türsel. SB. GEG., 1886; *онъ же*, Zur Schiffsgräberfrage. Ibid., 1889; *онъ же*, Archäol. Funde in Püchtitz. Ibid., 1893, ср. также „Временникъ Эстлянд. губ.“, 1894; *Witt H.*, Die Schädelform der E. Dorp., 1879.

Р. Вейнбергъ.

Наружное ухо человека.

I.

Исторія возникновенія интереса къ изученію наружнаго уха человека. — Общія замѣчанія по анатоміи и эмбриологіи наружнаго уха.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество стало относиться болѣе сознательно ко всему окружающему, являются попытки изученія индивидуальных особенностей человѣческаго духа, и съ первыхъ же шаговъ, сдѣланныхъ въ направленіи самопознанія, возникаетъ мысль о томъ, что различныя склонности, способности человека, его преобладающія страсти имѣютъ тѣсную связь съ особенностями физическаго его строенія. Среди органовъ, которые могутъ быть такъ или иначе связаны съ особенностями духа человека, уже съ древѣйшихъ временъ числилось, между прочимъ, и наружное ухо. Такъ, существуетъ свидѣтельство, что среди древняго населенія Индо-Китая длинная ушная мочка считалась за признакъ мудрости. У древнихъ грековъ мы находимъ сказаніе о томъ, какъ разгнѣванный неумѣстной критикой Мидаса Апеллесъ награждаетъ его портретъ «ослиными» ушами. Впрочемъ, Аристотель смотрѣлъ на длинное ухо гораздо благосклоннѣе и считалъ его за признакъ острой памяти. Въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ отрывочныя народныя наблюденія надъ связью психическихъ особенностей съ особенностями физическаго строенія человека объединились въ попытку созданія особой науки — физиономики, въ которой наружное ухо также играло далеко не послѣднюю роль. Такъ, отдѣльныя указанія на связь между строеніемъ уха и извѣстными особенностями человѣческаго духа встрѣчаются у слѣдующихъ физиономистовъ: Albertus Magnus (*De animalibus*, 1479 г.), Gauricus Pomponius (*De physionomia*, 1505 г.), Grattorola (*De predicatione morum naturarumque hominum facile ex inspectione partium corporis*, 1554 г.), Porta (*De humana physionomia*, 1586 г.), Polemone (*Physionomia*, 1623 г.), Chirardelli (*Cefalogia fisionomica*, 1630 г.),

Lavater (*L'art de connaître les hommes*, 1820 г.) и др. Этот список далеко, конечно, не полон; надо, впрочем, сказать, что даже и теперь, когда физиономика, в качестве научной дисциплины, потеряла всякий кредит, все еще приходится от времени до времени слышать отголоски ее учения. Уже в 1854 г. увлекающийся Amedée Joux, приписывая уху особенно важное физиономическое значение, восклицает: „Montre moi ton oreille et je te dirai, qui tu es, d'où tu viens et où tu vas!“ Наконец, вышедшая в 1900 г. книжка M. Ellis „The human Ear“ пропитана духом старых физиономистов. Народная мудрость верить до сих пор в физиономическое значение наружного уха, и «ослиные» уши не потеряли своего кредита и поныне. Здесь интересно отметить то явление, что только недавно научно установленный факт наследственной передачи форм наружного уха (Frigerio, Gradenigo, Schaffer и др.) был давно уже отмечен народною мудростью германских племен, создавших поговорку: „Das Kind gehört wohl dem betreffenden Vater, aber ein Anderer hat ihm die Ohren eingesäumt“. Сильным толчком, подвинувшим вперед научное изучение наружного уха, послужило заявление Дарвина, что в небольшом выступе, встречающемся иногда на верхне-задней части завитка наружного уха, надо видеть аналог измененного заостренного кончика уха животных и что все наружное ухо человека является органом атрофирующимся, рудиментарным. После долгих и страстных споров только Schwalbe удалось, наконец, твердо обосновать мнение Дарвина и доказать вместе с тем, что все наружное ухо человека является действительно рудиментарным органом. Последнее утверждение встречало обыкновенно возражение, что ухо человека и обезьяны получает новые, несвойственные низшим животным, образования, как то: завиток, противозавиток, мочку, а потому оно никак не может считаться рудиментарным органом. Но Schwalbe победоносно вышел из этих затруднений, доказав, что наружное ухо человеческого эмбриона прогрессивно развивается только до конца 3-го месяца зародышевой жизни, после же этого времени оно претерпевает обратное развитие. Новые же образования, не свойственные уху низших животных, являются, с точки зрения Schwalbe, результатом редукции, результатом понижения основной формы наиболее полно развитого уха четвероногих; не имея вместе с тем особого функционального значения, не давая, следовательно, человеческому уху никаких особых преимуществ и не дляя функцию органа более полною или совершенною, эти новообразованные части человеческого уха не могут быть сочтены за явления прогрессивного характера. Schwalbe интересовался также и изучением расовых особенностей в формах уха, до него почти совершенно игнорируемых, а иногда и отрицаемых (Langer). Вводя новые изменения и описывая

нѣкоторыя изъ особенностей формъ наружнаго уха, мало до того обращавшихъ на себя вниманіе изслѣдователей, Schwalbe больше, чѣмъ кто-либо другой, подвинулъ впередъ сравнительно-анатомическое и антропологическое изученіе наружнаго уха.

Еще раньше первыхъ работъ Schwalbe изученіе формъ наружнаго уха человѣка получило совершенно особый и своеобразный интересъ, возникшій вслѣдствіе появленія ученія Morel'я о физическомъ и психическомъ вырожденіи человѣчества, а потомъ и ученія Lombroso и его школы о преступномъ типѣ. Въ концѣ 50-хъ годовъ только-что истекшаго столѣтія Morel показалъ, что цѣлый рядъ всевозможныхъ моментовъ, дѣйствующихъ неблагопріятно въ томъ или другомъ направленіи на человѣческій организмъ, особенно при условіи длительности или непрерывности ихъ дѣйствія въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, ведетъ къ тому, что такія неблагопріятно обставленныя человѣческія группы подвергаются процессу вырожденія, который сказывается въ передаваемой наслѣдственно и при неблагопріятныхъ условіяхъ прогрессирующей общей дряблости и хилости организма, въ развитіи наклонности къ повышенной заболѣваемости всевозможными болѣзнями, а особенно болѣзнями нервной системы и психическими, въ развитіи особыхъ специальныхъ психическихъ болѣзней (т. наз. психозовъ вырожденія), въ появленіи въ пораженныхъ этимъ процессомъ семьяхъ слабоумія и идиотизма и, наконецъ, въ вымираніи всей семьи вслѣдствіе повышенной смертности и малой плодovitости, а въ заключительныхъ стадіяхъ и полного безплодія ея членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ жертвы процесса вырожденія являются, по Morel'ю, и носителями физическихъ признаковъ вырожденія, т.-е. цѣлаго ряда то крупныхъ, то болѣе мелкихъ аномалій строенія какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ органовъ; въ числѣ такихъ уклоненій отъ нормы Morel указалъ, между прочимъ, и на цѣлый рядъ искаженій строенія наружнаго уха. Самъ Morel говоритъ объ аномаліяхъ наружнаго уха дегенерантовъ (вырождающихся) лишь вскользь, не придавая имъ особенно выдающагося значенія, какъ это сдѣлали потомъ нѣкоторые изъ его послѣдователей (особенно Féré et Seglas, Frigerio, Gradenigo, Eule, Vali, Wildermuth, Binder и др.). Не меньшее значеніе было придано аномаліямъ наружнаго уха у преступниковъ Lombroso и его школою, создавшей ученіе объ особомъ преступномъ типѣ человѣка, носящемъ цѣлый рядъ отличій какъ въ области духа, такъ и въ физическомъ своемъ строеніи. Ученіе о психическихъ признакахъ вырожденія было принято безъ особыхъ споровъ, относительно же физическихъ признаковъ вырожденія мнѣнія авторовъ не сходятся и до сихъ поръ. Въ частности по отношенію къ наружному уху, выдвинутому нѣкоторыми психіатрами и антропологами-криминалистами на первый планъ, несогласія во взглядахъ авторовъ сказываются съ особою силою. Вслѣдствіе многочисленныхъ

ошибокъ въ методахъ изслѣдованія, горячіе споры адептовъ и противниковъ «дегенеративнаго уха» не привели до сихъ поръ ни къ какому опредѣленному рѣшенію вопроса, но за-то подъ вліяніемъ этихъ споровъ значительно подвинулось впередъ изученіе формъ нормальнаго уха. Знатокъ строенія наружнаго уха Schwalbe, указывая въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ (1895 г.) ошибки и неточности въ способахъ регистраціи формъ наружнаго уха, говоритъ, что изученіе нормальныхъ его формъ у различныхъ расъ, равно какъ изученіе формъ уха вырождающихся душевно-больныхъ и преступниковъ, не будетъ плодотворно до тѣхъ поръ, пока всѣ данныя не будутъ собираться по болѣе точно установленному и единообразному методу. Для достиженія этой цѣли Schwalbe предлагаетъ свою очень обширную и хорошо продуманную схему для изслѣдованія и регистраціи особенностей формы наружнаго уха. Позднѣйшіе авторы приняли нѣкоторыя изъ указаній Schwalbe, но полнаго систематическаго изслѣдованія, съ заполненіемъ всѣхъ или хотя главнѣйшихъ рубрикъ схемы Schwalbe, до послѣдняго времени не было выполнено ни для одной человѣческой группы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пишущій эти строки произвелъ такое изслѣдованіе надъ ушами 325 рязанцевъ—мужчинъ, работавшихъ на одной изъ московскихъ фабрикъ, примѣняя схему Schwalbe въ полномъ ея объемѣ; позднѣе мною же были произведены (но уже по нѣсколько сокращенной схемѣ Schwalbe) изслѣдованія ушей ста женщинъ-великоруссокъ и 160 дѣтей обоихъ половъ, затѣмъ ста вырождающихся душевно-больныхъ и, наконецъ, 75 астраханскихъ калмыковъ (мужчинъ). Всѣ эти изслѣдованія объединены въ особой монографіи, имѣющей выйти въ свѣтъ въ ближайшемъ будущемъ («Труды Антропологическаго Отдѣла», т. XX). Въ этой моей замѣткѣ я ограничусь лишь попыткой указанія, хотя бы въ краткихъ чертахъ, на главнѣйшія изъ собранныхъ въ настоящее время данныхъ относительно особенностей строенія наружнаго уха у представителей различныхъ человѣческихъ группъ.

Для читателей, недостаточно хорошо знакомыхъ съ анатоміей, необходимо предпослать объясненіе анатомической номенклатуры отдѣльных образований наружнаго уха человѣка.

На приложенномъ рисункѣ изображено наружное ухо человѣка въ томъ видѣ, какъ оно представляется намъ при взглядѣ на человѣка въ профиль. Самая крайняя кромка, окаймляющая почти все ухо, за исключеніемъ нижняго его полюса и передняго края, представляетъ изъ себя загибъ свободнаго края уха (не только кожи, но и подлежащаго хряща), носящій названіе *завитка* (*helix*, см. на рис. 1, 2 и 3), начинающагося на днѣ самаго большаго центральнаго углубленія — конхи (на рис. 19 и 20) постепенно возвышающимся гребешкомъ—*ножкой завитка* (1). Нижній полюсъ уха оканчивается мясистымъ безхрящевымъ придаткомъ—*мочкою*

(4); по всему своему переднему краю ухо приращено къ подлежащей коже щеки; линия перехода кожи уха въ кожу щеки носитъ названіе линіи основанія уха (*ab*), въ составъ которой входитъ и верхне-передній край мочки. Въ средней части уха, параллельно съ завиткомъ, возвышается особый валикъ — *противозавитокъ* (*anthelix*—5), раздѣляющійся вверху на двѣ ножки: *верхне-заднюю* (7) и *нижне-переднюю* (6). Между завиткомъ и противозавиткомъ лежитъ углубленная борозда — *ладьеобразная ямка*—*fossa navicularis s. scaphoidea* (17), а между обѣими ножками противозавитка — *треугольная или овальная ямка* (18). Въ самомъ центрѣ ушной раковины располагается самая большая углубленная ямка — *полость конхи*, на днѣ которой лежитъ отверстие, ведущее въ наружный слуховой проходъ; выше этого отверстия проходитъ упомянутая уже ножка завитка, дѣлящая всю конху на двѣ части: верхнюю—*fossa cymbae* (19) и нижнюю полость собственно конхи—*cavitas conchae* (20). Вверху края конхи отграничиваются отъ остальной части уха *нижне-передней* ножкой противозавитка, въ задней части—стволомъ противозавитка, въ нижней части — особымъ колѣнообразно изогнутымъ хрящеватымъ выступомъ — *противокозелкомъ* (*antitragus*—8), спереди—обращеннымъ нѣсколько назадъ, слегка прикрывающимъ входъ въ слуховой каналъ *угловатымъ выступомъ*—*козелкомъ* (*tragus*—9). Внизу, между козелкомъ и *противокозелкомъ*, лежитъ суженная часть конхи, носящая названіе *междукозелковой вырѣзки* (*incisura intertragica*—12). На завиткѣ, приблизительно на одной высотѣ съ уровнемъ раздѣленія ствола противозавитка на двѣ ножки, иногда немного повыше, отмѣчается нерѣдко то болѣе заостренный, то болѣе притупленный выступъ, а иногда даже и *угловой изгибъ* въ этомъ мѣстѣ всего завитка — это знаменитый *Дарвиновъ бугорокъ* (*c*),

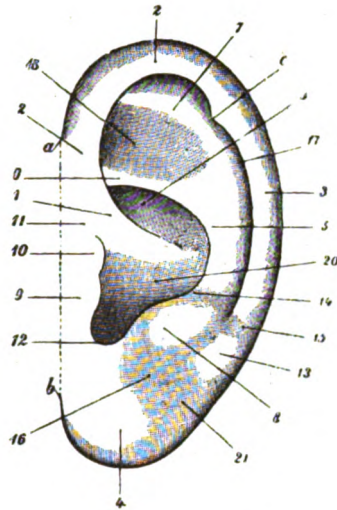

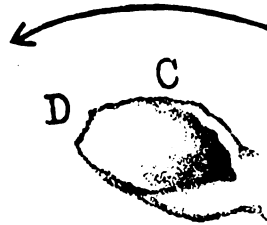
Рис. 1. *ab*—основаніе уха, *c*—Дарвиновъ бугорокъ (форма III по схемѣ Schwalbe), 1 — ножка завитка, 2, 2—восходящая часть завитка, 3—нисходящая его часть, 4 — мочка, 5—стволъ противозавитка, 6 — нижняя и 7—верхняя ножки противозавитка, 8—противокозелокъ, 9—козелокъ, 10—*tub. supratragicum*, 11—*sulcus auris anterior* (*incisura trago-helicina*), 12 — *междукозелковая вырѣзка* (*inc. intertragica*), 13—*tub. retrolobulare*, 14 — *sulcus auris posterior* (*incis. anthelics*), 15 — *sulcus helicobulbaris*, 14+15 — косвенная борозда *His'a*, 16—*sulcus supralobularis*, 17—*ладьевидная ямка* (*fossa navicularis s. scaphoidea*), 18—*овальная или треугольная ямка*, 19 — *cymba conchae*, 20—*полость собственно конхи*, 21—*sulcus retrolobularis*.

возбуждавший такъ много споровъ. Въ области макушки уха отмѣчается иногда (рѣже, чѣмъ Дарвиновъ бугорокъ) другой выступъ или же изгибъ всего завитка — *сатиоровъ бугорокъ*, который нѣкоторые авторы смѣшивали прежде съ Дарвиновымъ бугоркомъ. Почти всѣ отдѣльныя части наружного уха подвержены различнымъ колебаніямъ въ ихъ величинѣ, формѣ и степени развитія, на которыя не обращалось должнаго вниманія. Выработанная Schwalbe схема даетъ возможность регистрировать эти измѣненія формъ болѣе точно.

Исторія развитія наружного уха человѣка прослѣжена главнымъ образомъ трудами Moldenhauer'a, His'a, Gradenigo, Schwalbe, Schäffer'a, Chiarugi и другихъ авторовъ. По мнѣнію His'a, всѣ образованія наружного уха развиваются изъ появляющихся уже на 5—6-й недѣлѣ зародышевой жизни по обѣ стороны первой жаберной щели шести особыхъ бугорковъ, т. наз. *colliculi brachiales externi Moldenhauer'a*. Gradenigo же утверждалъ, что Мольденгауеровы бугорки служатъ только для развитія части дна конхи, всѣ же остальные части наружного уха развиваются изъ особыхъ, появляющихся снаружи обѣихъ рядовъ Мольденгауеровыхъ бугорковъ, валиковъ и соединяющихъ ихъ другъ съ другомъ отростковъ; особенно большую роль въ образованіи ушной раковины Gradenigo приписываетъ разращенію одного изъ этихъ валиковъ, получившему у него названіе *helix hyoidalis*. Позднѣ Schwalbe удалось показать, что часть правды заключается въ утвержденіяхъ какъ одного, такъ и другого автора, т.-е. что различныя образованія уха развиваются какъ изъ Мольденгауеровыхъ бугорковъ, такъ и изъ особаго образованія, аналогичнаго тому, что Gradenigo называетъ *helix hyoidalis*. При этомъ Schwalbe удалось установить ту чрезвычайно характерную особенность, что изъ *helix hyoidalis* Gradenigo развивается наиболѣе варіирующая «свободная складка уха», а изъ Мольденгауеровыхъ бугорковъ — части, общія и человѣческому уху, и уху большинства животныхъ и мало, сравнительно, варіирующія. Къ такимъ образованіямъ принадлежатъ козелокъ, противокозелокъ, ножка и ближайшая къ ней часть завитка, ниже-передняя ножка противозавитка. Въ концѣ второго мѣсяца зародышевой жизни у человѣка появляется особый валикъ — *helix hyoidalis* Gradenigo или, по терминологіи Schwalbe, *freie Ohrfalte*. Изъ этой свободной ушной пластинки (или складки) формируется свободная часть уха; у большинства животныхъ она имѣетъ видъ желобовато-изогнутой пластинки съ заостреннымъ концомъ; нѣмецкіе авторы (Schäffer) называютъ эту форму уха „*duttiformig*“, т.-е. форму конца бумажнаго свертка «фунтика», въ которомъ отпускаютъ изъ мелочныхъ лавокъ сыпучіе товары. Съ развитіемъ этой части уха животныхъ въ главныхъ своихъ чертахъ уже закончено. У человѣческаго эмбриона на 3-мъ мѣсяцѣ ухо состоитъ изъ ясно уже выраженныхъ образованій, происшедшихъ изъ

Мольденгауеровыхъ бугорковъ (Ohrhugelregion по Schwalbe) и «свертко-образной» свободной ушной пластинки, напоминая такимъ образомъ формы уха большинства млекопитающихъ. Съ конца 3-го мѣсяца подвергается существеннымъ измѣненіямъ одна свободная ушная пластинка, причемъ эти измѣненія, какъ показалъ Schwalbe, носятъ исключительно регрессивный характеръ. Суть дѣла сводится къ тому, что хрящъ свободной ушной пластинки начинаетъ сморщиваться, съеживаться, въ результатѣ ретракціи хряща появляется на немъ какъ краевое загибаніе (завитокъ), такъ и рядъ складокъ, главнымъ образомъ продольныхъ; часть этихъ складокъ въ послѣдствіи сглаживается, за счетъ развитія одной, постоянно существующей и у взрослого человѣка (противозавитокъ); уши нѣкоторыхъ изъ обезьянъ имѣютъ двойной и даже множественный противозавитокъ (остатки двухъ и болѣе складокъ зародышевой ушной пластинки). Тотъ же процессъ ретракціи хряща свободной ушной пластинки ведетъ къ тому, что покрывающая его кожа становится какъ бы избыточной и образуетъ свободную, свѣшивающуюся внизъ, кожную (но не хрящевую) складку—будущую мочку. Рис. 2 представляетъ зародышевое ухо овцы въ концѣ зародышевой жизни, аналогичную же форму имѣетъ и ухо человѣческаго эмбриона въ концѣ 2-го мѣсяца утробной жизни.

Особый интересъ представляетъ развитіе завитка, придающаго человѣческому уху его окончательную форму. Загибаніе завитка начинается сверху и скоро доходитъ до точки D (рис. 2). Въ это время Дарвиновъ бугорокъ представляетъ, слѣдовательно, еще угловой изгибъ края свободной ушной пластинки, выше котораго существуетъ уже загнутый край (завитокъ), ниже же его свободная ушная пластинка еще не загнута. Иногда случается, что въ то время, какъ ухо человѣческаго эмбриона продол-

жаетъ развиваться далѣе и получаетъ во всѣхъ своихъ остальныхъ частяхъ болѣе или менѣе зрѣлыя формы, завитокъ останавливается въ своемъ развитіи на указанной стадіи. Тогда у зрѣлаго плода, равно какъ и у взрослыхъ, получается ухо съ Дарвиновымъ бугоркомъ формы I, какъ ее отмѣчаетъ Schwalbe, или въ макаковой формѣ, такъ какъ подобная форма завитка свойственна уху нѣкоторыхъ макаковыхъ обезьянъ. Рис. 3 изображаетъ ухо Iemur'a масасо, а рядомъ съ нимъ и человѣческое ухо съ Дарвиновымъ бугоркомъ въ макаковой формѣ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи загибаніе завитка распространяется далѣе (ниже), захватывая и ту область, гдѣ помѣщается Дарвиновъ бугорокъ,

Рис. 2. Зародышевое ухо овцы (по Schaffer'у). C — Сатировъ бугорокъ, D — Дарвиновъ бугорокъ.

верхушка котораго, слѣдуя за загибаніемъ всего завитка, поворачивается такъ, что смотритъ уже не назадъ, какъ прежде, а кнаружи; угловой же

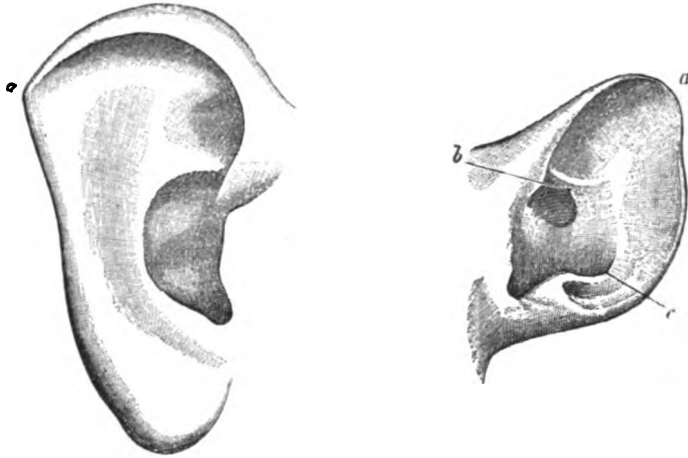

Рис. 3. Справа—ухо *lemur'a macaco*, слѣва—ухо одного шведа съ Дарвиновымъ бугоркомъ въ макаковой формѣ (по Schwalbe).

перегибъ всего завитка въ этомъ мѣстѣ все еще замѣтенъ. Если развитіе завитка останавливается на этой стадіи, тогда и у взрослыхъ получается Дарвиновъ бугорокъ формы II по схемѣ Schwalbe, или церкопитековой формы, такъ какъ въ такомъ видѣ онъ встрѣчается обыкновенно у большинства видовъ взрослыхъ церкопитековыхъ обезьянъ (см. рис. 4).

Рис. 4. Ухо взрослого человѣка съ Дарвиновымъ бугоркомъ (a); въ церкопитековой формѣ; при b—Сатировъ бугорокъ.

Впослѣдствіи угловой изгибъ всего завитка въ области Дарвинова бугорка исчезаетъ, завитокъ въ этой области закругляется, остатки же зародышеваго Дарвинова бугорка остаются лишь въ видѣ небольшого остроко-нечнаго уголка, обращеннаго своею вер-хушкою уже не кнаружи, какъ при церкопитековой формѣ, а кнаружи и впередъ и далѣе прямо впередъ, что происходитъ вслѣдствіе того, что загибаніе края свободной ушной пластинки идетъ къ этому времени еще далѣе не только въ смыслъ распространенія области загибанія внизъ, но и въ смыслъ увеличе-нія степени самаго загибанія. Въ такой фор-мѣ (въ формѣ III по схемѣ Schwalbe)

Дарвиновъ бугорокъ изображенъ на рис. 1. Въ этотъ періодъ развитіе

завитка заканчивается, т.-е. онъ достигаетъ и крайняго предѣла своего распространенія внизъ, и maximum'a своего загибанія (приблизительно около 7-го мѣсяца зародышевой жизни). Въ позднѣйшихъ стадіяхъ зародышевой жизни подвергается дальнѣйшимъ измѣненіямъ лишь Дарвиновъ бугорокъ, диссолюція котораго идетъ дальше, проходя послѣдовательно чрезъ стадіи, означаемыя по Schwalbe: форма IV, когда бугорокъ представляетъ не остроконечную, но закругленную верхушку, форма V—когда бугорокъ притупленъ уже настолько, что, при разглядываніи уха спереди, онъ совсѣмъ уже не виденъ и только при взглядѣ на ухо сзади замѣчается въ видѣ диффузнаго веретенообразнаго вздутія или какъ бы припуханія соответствующей области завитка; наконецъ, форма VI означаетъ, по Schwalbe, уши, совершенно лишенныя всякихъ слѣдовъ Дарвинова бугорка. Другой бугорокъ на завиткѣ—верхушечный или Сатировъ бугорокъ, ясно видный на зародышевомъ ухѣ овцы (рис. 2), замѣтный еще въ церковитековой стадіи человѣческаго уха, а нерѣдко и на ухѣ взрослыхъ, сохранившемъ церковитековую форму Дарвинова бугорка (рис. 4), въ большинствѣ случаевъ къ концу 5-го мѣсяца зародышевой жизни исчезаетъ. Случаи сохраненія эмбриональныхъ формъ отдѣльныхъ частей уха у взрослыхъ далеко не рѣдки.

Просматривая работы авторовъ, изучавшихъ ухо патологическаго населенія, не трудно убѣдиться, что подавляющее большинство т. наз. дегенеративныхъ формъ уха, характеризующихъ, будто бы, ухо душевно-больныхъ и преступниковъ, также является въ сущности формами эмбриональными. Но большинство авторовъ, психіатровъ и антропологовъ-криминалистовъ или совсѣмъ не знало этого обстоятельства, или же знало его слишкомъ односторонне, а именно приписывая дегенеративнымъ формамъ уха значеніе формъ атавистическихъ, приближающихся къ формамъ ушей низшихъ животныхъ, и умалчивая о томъ, что въ той же, если не въ большей, мѣрѣ эти формы напоминаютъ и зародышевыя формы человѣческаго уха.

Трудно, вообще говоря, провести границу между явленіями атавизма и явленіями задержки роста, и самъ создатель ученія объ атавизмѣ Дарвинъ даетъ въ этомъ отношеніи недостаточно ясныя указанія; главнѣйшимъ отличительнымъ признакомъ служило для Дарвина состояніе функции органа: отсутствуетъ она или ослаблена до степени, не соответствующей даже и болѣе низко организованнымъ существамъ, — мы имѣемъ явленіе задержки; если же функція болѣе или менѣе сохранилась, въ той, по крайней мѣрѣ, степени, которая соответствуетъ функціональному состоянію органа у видовъ, возвратъ къ которымъ напоминаетъ и сама форма органа,—мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ атавизма. По отношенію къ наружному уху человѣка, относительно функціи котораго въ ея цѣломъ, не говоря уже о функціи отдѣльныхъ частей, даже такіе крупные фізіологи,

какъ, напр., Landois, признаются, что она для нихъ совершенно темна и непонятна, предложенный Дарвиномъ критерій совершенно не применимъ.

Не вдаваясь въ подробности по вопросу о соотношеніи между атавистическими и эмбриональными формами уха, ограничимся указаніемъ, что, если мы сравнимъ, напр., «макаковое» ухо человѣка, ухо настоящаго макака и ухо человѣческаго эмбриона на «макаковой» стадіи его развитія, то можно легко убѣдиться въ томъ, что между макаковымъ ухомъ взрослого человѣка и макаковой стадіей уха человѣческаго эмбриона съ одной стороны, и ухомъ настоящихъ макаковъ съ другой—сходство лишь довольно поверхностное, основанное главнымъ образомъ на одинаковомъ (и то только приблизительно) развитіи завитка и Дарвинова бугорка, но въ основныхъ своихъ чертахъ макакоформное ухо какъ взрослого человѣка, такъ и человѣческаго эмбриона есть прежде всего человѣческое ухо, распознаваемое какъ таковое съ перваго же взгляда; отъ уха макака оно отличается и нѣсколько иною своею формою, и существованіемъ, хотя бы и зачаточныхъ, ствола противозавитка, мочки и т. д. Но различія между ухомъ человѣческаго эмбриона въ макаковой стадіи и «макакоформнымъ» ухомъ взрослого человѣка выражены гораздо слабѣе: и то, и другое имѣютъ на-лицо уже всѣ присущія человѣческому уху образованія, и вся разница между ними сводится лишь къ степени развитія: въ то время какъ у эмбриона всѣ образованія свободной ушной пластинки находятся въ зачаточномъ состояніи, у взрослого человѣка зачаточны лишь нѣкоторыя изъ нихъ. Рис. 3 хорошо иллюстрируетъ разницу между макаковымъ ухомъ взрослого человѣка и ухомъ макака; помѣщая здѣсь еще и рисунокъ эмбриональнаго человѣческаго уха, мы легко могли бы убѣдиться въ томъ, что послѣднее лежитъ гораздо ближе къ макаковому уху взрослого, чѣмъ къ уху настоящаго макака. Словомъ, изученіе формъ наружнаго уха показываетъ, что у взрослого человѣка нѣтъ, въ сущности говоря, атавистическихъ формъ, но всѣ формы, признаваемые многими авторами (особенно психіатрами и антропологами-криминалистами) за таковыя, представляются лишь ушами съ явленіями задержки въ развитіи, т.-е. хотя и эмбриональными, но по существу человѣческими формами, и пресловутое «Thierähnlichkeit» авторовъ можетъ быть принято лишь въ смыслѣ поверхностной аналогіи, но не термина, выражающаго истинныя отношенія. Можно ли распространять сказанное по отношенію къ наружному уху и на всѣ остальные органы,—это еще вопросъ; но изученіе формъ наружнаго уха наталкиваетъ на многія соображенія, говорящія далеко не въ пользу признанія существованія у человѣка такихъ формъ, которыя могли бы быть названы по существу атавистическими, а не эмбриональными недоразвитыми формами.

Исслѣдованія Schwalbe показали, что человѣческое ухо является органомъ редуцированнымъ, причемъ сравнительно-анатомическіе факты

показываютъ, что въ общихъ чертахъ редукція идетъ отъ низшихъ жи-
вотныхъ къ высшимъ сначала довольно правильно: свободная ушная пла-
стинка большинства четвероногихъ не редуцирована совсѣмъ; у низшихъ
обезьянъ замѣчаются уже слѣды редукціи, у приматовъ редукція свобод-
ной пластинки выражена уже значительно; изъ всѣхъ приматовъ она наи-
болѣе выражена у антропоидныхъ. Но здѣсь правильность нарушается:
принять положеніе, что ухо человѣка редуцировано больше, чѣмъ ухо
антропоидныхъ, можно лишь въ томъ случаѣ, если мы обратимъ внима-
ніе лишь на нѣкоторые признаки и игнорируемъ другіе: ухо человѣка
обладаетъ болѣе полно загнутымъ завиткомъ, болѣе рельефно выражен-
нымъ противозавиткомъ, болѣе совершенно развитою мочкою и нѣкото-
рыми другими признаками, но вмѣстѣ съ тѣмъ диссолюція Дарвинова бу-
горка—одинъ изъ характернѣйшихъ симптомовъ редукціи уха, наиболѣе
полна совсѣмъ не у человѣка, но у оранга, на ушахъ котораго трудно
замѣтить хоть какіе-либо слѣды этого образованія. Придавая диссолюціи Дарви-
нова бугорка особенно важное значеніе, Schwalbe утверждаетъ, что
наиболѣе редуцированнымъ является не человѣческое ухо, но ухо оранга.
При такихъ условіяхъ невозможно, понятно, ожидать, чтобы существу-
ющія среди человѣческихъ расъ различія въ строеніи уха сводились бы
къ тому, что низшимъ расамъ соответствовали бы менѣе редуцирован-
ныя, а высшимъ расамъ—болѣе редуцированныя формы уха. Schwalbe
сдѣлалъ указаніе, что по имѣвшимся въ то время даннымъ уже можно
было заключать, что уши негровъ во многихъ отношеніяхъ «совершеннѣе»,
т.-е. болѣе полно редуцированы, чѣмъ уши европейцевъ.

Прослѣдивъ процессъ развитія человѣческаго уха и сравнивая эмбри-
ональныя и зрѣлыя формы человѣческаго уха съ зрѣлыми формами уха
цѣлага ряда животныхъ, Schwalbe пришелъ къ выводу, что человѣче-
ское ухо никомъ образомъ не можетъ быть произведено отъ уха антро-
поидныхъ обезьянъ, но что въ ухѣ питековыхъ обезьянъ мы имѣемъ ту
общую форму, изъ которой развились, какъ двѣ вѣтви отъ одного ствола,
и уши антропоидныхъ, и уши человѣка. Въ изученіи строенія наружнаго
уха мы имѣемъ, слѣдовательно, еще одно лишнее подтвержденіе того фак-
та, что общей родоначальной формой и антропоидныхъ, и человѣка явля-
ются питековыя формы. Съ этой точки зрѣнія уши гипотетическаго исчез-
нушаго пра-человѣка (антропопитека) должны были отличаться и отъ
ушей антропоидныхъ, и отъ ушей питековыхъ, имѣя форму среднюю ме-
жду формой питековыхъ и человѣка.

Мы уже видѣли, что Schwalbe выяснилъ путь, которымъ шла ре-
дукція наружнаго уха. Ближайшей причиной редукціи онъ, какъ и боль-
шинство другихъ изслѣдователей, считаетъ ослабленіе тониизирующаго дѣй-
ствія на ушной хрящъ мышечныхъ пучковъ уха, ставшихъ, за утратою
способности уха совершать большія движенія, ненужными и подвергаю-

щихся потому процессу атрофiи. Но вопросъ, почему у человѣка и высшихъ обезьянъ стала излишней подвижность уха, далеко не разрѣшенъ и по настоящее время. Еще Дарвинъ выражалъ предположенiе, что обезьяны, перейдя къ жизни на деревьяхъ, получили большую безопасность, а потому у нихъ исчезла необходимость вѣчно прислушиваться и настораживать уши; отчасти же, по словамъ Дарвина, выпрямленное положенiе туловища сдѣлало голову болѣе подвижною, и подвижность самой головы съ удобствомъ стала замѣнять при уловленiи направленiя звука движенiя ушной раковины. Это и другiя аналогичныя ему объясненiя держались до послѣдняго времени, хотя рациональность ихъ подвергается большому сомнѣнiю: прежде всего подобныя объясненiя исходятъ изъ предположенiя, что наружное ухо является аппаратомъ по преимуществу акустическимъ. Но такое предположенiе не можетъ считаться доказаннымъ, такъ какъ птицы и многiя изъ животныхъ, у которыхъ нѣтъ ушной раковины, отличаются тонкимъ слухомъ, съ другой же стороны потеря одной или обѣихъ ушныхъ раковинъ у человѣка не отражается ни на остротѣ слуха, ни на способности локализации звука; равнымъ образомъ и эксперименты съ заполненiемъ ушной раковины различными веществами (при сохраненiи открытымъ ушного отверстiя) не могли съ убѣдительною доказать существованiе какихъ-либо измѣненiй слуха, такъ что такой солидный физиологъ, какъ L a n d o i s, отказывается, какъ мы это уже упоминали выше, признать за наружнымъ ухомъ значенiе акустическаго аппарата. Въ самое послѣднее время K a r u t z предложилъ свою остроумную гипотезу: K a r u t z исходитъ изъ того положенiя, что наружное ухо крокодила и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ представляетъ изъ себя не болѣе, какъ простую кожную заслонку, снабженную поднимающею ее мышцею; наиболѣе вѣроятною функцiей ея является защита внутренняго уха отъ всякихъ вредныхъ воздѣйствiй. Въ ряду различныхъ животныхъ формъ уха можно прослѣдить лишь дальнѣйшее развитiе и осложненiе этой простой защитительной заслонки, которая если и носила при этомъ какую-нибудь акустическую функцiю, то лишь второстепенную, побочную. Восходя къ обезьянамъ, мы видимъ, что у нихъ, съ усиленнымъ развитiемъ мозга, внутреннее ухо оказывается помѣщеннымъ значительно глубже, къ тому же самъ слуховой каналъ слегка изгибается подъ угломъ, такъ что внутреннее ухо перестаетъ нуждаться въ постоянномъ прикрытiи и защитѣ отъ вредныхъ влiянiй; отсюда происходитъ, по мнѣнiю K a r u t z'a, и ненужность движенiй ушной раковины, которая у низшихъ животныхъ направлялась въ сторону звука такъ, что улавливаемый ею звукъ падалъ къ ушному отверстiю не прямо, а лишь отражаясь отъ ушной складки, т.-е. ушное отверстiе было все-таки прикрыто отъ опасности, могущей идти со стороны звука.

II.

Измѣрительные признаки наружнаго уха взрослыхъ людей.

При изслѣдованіи человѣческаго уха въ послѣ-эмбриональномъ періодѣ обращается вниманіе какъ на измѣрительные, такъ и на описательные признаки. Schwalbe предложилъ цѣлый рядъ измѣреній, но, составляя свою схему, онъ ограничился лишь немногими, по его мнѣнію, главнѣйшими измѣреніями, а именно: 1) длина уха (ef на рис. 5), 2) ширина его (gh), 3) длина основанія уха (ab), 4) истинная его высота (kc), 5) длина уха безъ мочки (ie), 6) длина конхи (отъ точки i до точки l), 7) ширина конхи (отъ точки k перпендикулярно къ линіи длины конхи) и 8) длина мочки (if).

Степень значенія всѣхъ этихъ измѣреній не могла быть до сихъ поръ опредѣлена съ достаточной точностью, за отсутствіемъ соответствующихъ измѣреній у различныхъ человѣческихъ группъ; даже самъ Schwalbe далъ цифры не для всѣхъ, а только для нѣкоторыхъ изъ этихъ величинъ. На основаніи существующихъ въ настоящее время данныхъ можно, однако, уже судить до нѣкоторой степени о значеніи измѣреній длины и ширины уха и т. наз. фیزیономическаго указателя уха (отношеніе ширины уха къ его длинѣ), а также длины основанія и истинной высоты, главнымъ же образомъ морфологическаго указателя уха, т. е. отношенія ширины уха къ истинной его высотѣ. Самое названіе истинной высоты, данное Schwalbe размѣру kc (рис. 5), требуетъ нѣкотораго поясненія. Дарвиновъ бугорокъ является аналогомъ кончика уха животныхъ; очевидно, слѣдовательно, что и размѣръ kc , выражающій отстояніе Дарвинова бугорка отъ основанія уха, является размѣромъ вполнѣ сравнимымъ съ высо-

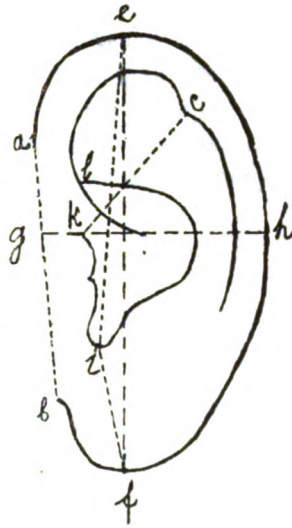

Рис. 5. ab — длина основанія уха, ef — длина (высота) уха, gh — его ширина; kc — истинная высота уха, li (на рисункѣ не означена пунктиромъ) — длина конхи; ширина конхи (не означена) измѣряется отъ точки k перпендикулярно къ линіи длины конхи, ie — длина уха безъ мочки, if — длина мочки.

тою уха животныхъ, и съ этой точки зрѣнія и заслуживаетъ названія истинной высоты человѣческаго уха; размѣръ же ef , также обыкновенно называемый длиною или высотой уха, заслуживаетъ этого названія лишь только потому, что его простираніе направляется сверху внизъ; съ длиною же (высотой) уха животныхъ этотъ размѣръ не можетъ быть сравни-

1. Длина (высота) уха. Имѣющіяся въ настоящее время изслѣдованія этого размѣра у различныхъ человѣческихъ группъ свидѣлствуютъ о большомъ значеніи этого размѣра, какъ одного изъ дифференціальныхъ признаковъ расъ. Хотя относящіеся сюда современные данныя далеко не такъ еще полны, какъ это было бы желательно, и основываются для нѣкоторыхъ группъ на слишкомъ незначительномъ количествѣ наблюдений, тѣмъ не менѣе этихъ данныхъ достаточно уже для того, чтобы утверждать, что различныя этническія группы замѣтно разнятся по длинѣ уха, располагаются къ тому же, при подборѣ ихъ по нисходящимъ или восходящимъ величинамъ, въ извѣстномъ порядкѣ, который, какъ это можно видѣть изъ прилагаемой таблицы, сводится въ общемъ къ тому, что наименьшія величины длины уха принадлежатъ негритянскимъ и родственнымъ племенамъ, среднія величины (отъ 60 и до 64 m.m.) ушамъ европейцевъ, нѣсколько больше, повидимому, уши тюрскихъ и финскихъ племенъ и, наконецъ, наибольшей длиною уха отличаются чистые монголы; племена смѣшанныя занимаютъ обыкновенно мѣсто среднее между ихъ производителями.

Т а б л и ц а 1.

Расположеніе отдѣльныхъ племенъ въ порядкѣ по восходящимъ величинамъ длины уха.

48,5	mm.	готтентоты и бушмены (I-я серія).
50—51	"	хамиты (I-я серія).
51—52	"	бушмены (II-я серія).
52—53	"	сингалезы.
53—55	"	—
55—56	"	лопары.
		нильскіе негры.
56—58	"	—
58—59	"	негры разн. племенъ (287 соедин. наб.).
		негры Ковго.
		казикумухцы.
		зыряне.
59—60	"	австралійцы.
		американскіе индѣйцы (I-я серія).
		огнеземельцы.
		айсоры.
60—61	"	микронезійцы.
		папуасы (I-я серія).
		кубанскіе казаки.
		кумыки (I-я серія).
		персіяне.
		армяне.
		жители Лотарингіи.

61—62	mm.	папусы (II-я серия). рязанцы. таты. швабы.
62—63	"	полинезийцы. хамиты (II-я серия). малороссы. американскіе индѣйцы (II-я серия).
63—64	"	буряты-селенгинцы. семиты (I-я серия). кабардинцы.
64—65	"	кумыки (II-я серия). малайцы. осетины. таранчи. мещеряки. гамбургскіе нѣмцы.
65—66	"	ингуши. карачаи. чеченцы. башкиры. семиты (II-я серия). эльзасскіе нѣмцы.
66—67	"	абадзехи. буряты-аларцы.
67—68	"	теленгеты. буряты Верхоленскаго округа. астраханскіе калмыки.
68—69	"	—
69—70	"	кавказскіе калмыки.
70 71	"	допскіе калмыки.

Только - что приведенная таблица представляет нѣкоторые нарушенія указаннаго порядка, и въ ней встрѣчаются иногда довольно неожиданныя сосѣдства племенъ, ничего между собой общаго не имѣющихъ, но такое явленіе зависить, вѣроятно, какъ отъ невѣрности нѣкоторыхъ среднихъ величинъ, выведенныхъ изъ ничтожныхъ количествъ индивидуальныхъ наблюденій, и отъ нѣкоторой, быть можетъ, неоднородности самыхъ способовъ измѣренія, примѣненныхъ различными изслѣдователями, такъ въ особенности и отъ того, что въ таблицѣ приняты во вниманіе лишь абсолютные размѣры уха безъ отношенія ихъ къ росту.

Kaunitz, выразившій, гдѣ это было для него возможно, данные авторами размѣры длины уха не въ абсолютныхъ размѣрахъ, а въ частяхъ длины роста, могъ получить значительно, правда, болѣе сокращенную таблицу, но располагающую, однако, различныя племена въ болѣе правильномъ порядкѣ. Какъ ни несовершенна вышеприведенная таблица, тѣмъ не менѣе она вполне ясно свидѣтельствуетъ въ пользу значенія длины уха, какъ одного изъ различительныхъ расовыхъ признаковъ.

2. **Ширина уха.** Данныхъ относительно ширины уха у различныхъ этническихъ группъ мы имѣемъ еще меньше, чѣмъ относительно его длины; къ тому же самый методъ измѣренія этого размѣра у авторовъ далеко не одинаковъ, что заставляетъ сравнивать эти данные между собою съ большою осторожностью. Приводимая ниже таблица свидѣлствуетъ, что и по отношенію къ ширинѣ уха существуютъ извѣстные расовыя различія.

Т а б л и ц а 2.

Итальянцы (Frigerio)	ухо малое ¹⁾ .
Великоруссы-рязанцы (Воробьевъ)	32,8 mm. (1,98% роста).
Жители Лотарингіи (Nancy) (Wilhelm)	34,5 "
Гамбургцы (Karutz)	35,5 " (2,06% роста).
Башкиры (Weissenberg)	35,0 "
Мещеряки (Weissenberg)	36,0 "
Буряты-аларцы (Поротовъ)	37,6 " (2,30% роста).
Астраханскіе калмыки (Воробьевъ)	38,6 " (2,35% роста).
Эльзасцы (Schwalbe)	39,7 "

Кромѣ того, нѣкоторые данные о ширинѣ уха, основанныя, однако, на небольшомъ числѣ наблюденій, приводятся у Топинара, а именно:

Для 8 негритянокъ	33,2 mm.
" 13 негровъ	34,0 "
" 8 европейцевъ (французовъ?)	34,1 "
" 3 полинезійцевъ	39,0 "
" 8 меланезійцевъ	44,6 "

Если исключить цифру Schwalbe для эльзасцевъ ²⁾, то можно видѣть, что наибольшую ширину уха дали монголы (астрахан. калмыки и буряты), затѣмъ башкиры и мещеряки, потомъ уже европейскія племена. Уши негровъ, судя по скуднымъ даннымъ Топинара, въ абсолютныхъ размѣрахъ приближаются къ ушамъ европейцевъ.

¹⁾ Frigerio не указываетъ средней величины уха изслѣдованныхъ имъ итальянцевъ, но приводитъ ихъ распредѣленія по группамъ малыхъ, среднихъ и большихъ величинъ; изъ этого распредѣленія явствуетъ, что малыя величины уха у итальянцевъ встрѣчаются значительно чаще, чѣмъ у великоруссовъ, а большія, обратно,—значительно рѣже.

²⁾ Цифры Schwalbe какъ длины, такъ и ширины уха, значительно превосходятъ цифры другихъ авторовъ, изслѣдовавшихъ также нѣмецкое населеніе, что происходитъ, вѣроятно, главнымъ образомъ отъ того, что большинство авторовъ вело изслѣдованіе на живыхъ людяхъ, ухо которыхъ сохраняло свой *turgor vitalis*, тогда какъ Schwalbe изслѣдовалъ уши на трупахъ, въ то время, какъ этотъ нѣжный органъ успѣлъ потерять весь свой *turgor* и вслѣдствіе этого сдѣлаться значительно болѣе плоскимъ и дать, слѣдовательно, большія, чѣмъ у живыхъ, величины какъ длины, такъ и ширины.

3. Физиономическій указатель уха ($\frac{\text{ширина уха}}{\text{длина}} \times 100$).

Таблица № 3-й даетъ свѣдѣнія о величинахъ физиономическаго указателя уха для тѣхъ изъ племенъ, данныя для которыхъ мнѣ удалось отыскать въ литературѣ; при этомъ звѣздочкой впереди названія племени означены тѣ группы, для которыхъ средняя цифра выведена на основаніи болѣе, чѣмъ 30 наблюденій.

Т а б л и ц а 3.

*Итальянцы (Frigerio).	42,0
Нубійцы (цит. у Schwalbe)	49,0
*Кабилы (тамъ же)	50,0
Одинъ представитель желтой расы (Топинарь).	51,4
Башкиры (Weissenberg)	53,0
*Великоруссы (Воробьевъ)	53,48
Французы (Топинарь).	54,0
*Нѣмцы изъ Гамбург. округа (Karutz).	54,61
Американскіе индѣйцы (цит. у Schwalbe и Karutz'a).	55,0
Меланезійцы (цит. у Schwalbe)	55,0
Мещеряки (Weissenberg)	55,4
Монголы (цит. у Karutz'a).	55,5
*Семиты (тамъ же)	55,5
Хамиты (тамъ же)	55,5
*Буряты-аларцы (Поротовъ).	56,45
*Кумыки (Свидерскій).	56,85
*Астрахан. калмыки (Воробьевъ)	56,93
*Папуасы (цит. у Karutz'a)	57,4
*Жители Nancy—Лотарингія (Wilhelm)	57,5
*Армяне (Chantre)	58,33
Готтентоты (цит. у Karutz'a)	58,8
*Азербейжанцы (Chantre)	59,33
Меланезійцы (Topinard)	59,5
Полинезійцы (Topinard)	60,0
*Айсоры (Chantre)	60,01
*Нѣмцы-эльзасцы (Schwalbe).	60,5
*Таты (Chantre)	60,80
*Негры (Топинарь).	61,2
*Негры (собрано изъ нѣсколькихъ серій наблюденій у Karutz'a)	62,5
*Курды (Chantre).	64,78

Несмотря на нѣкоторые курьезы, въ родѣ положенія эльзасцевъ Schwalbe между неграми и полинезійцами, жителей Лотарингіи—между папуасами и готтентотами ¹⁾, въ общемъ замѣчается извѣстный порядокъ,

1) Курьезы, обусловленные тѣми же причинами, что и различныя уклоненія въ таблицѣ для длины и ширины уха; но здѣсь съ особой силой выступаетъ еще значеніе варіацій въ самихъ способахъ измѣреній, болѣе однообразныхъ при измѣреніяхъ длины, но допускающихъ много различныхъ модификацій при измѣреніи ширины уха.

а именно крупнѣйшія вѣтви человѣческаго рода располагаются по восходящимъ величинамъ фізіономическаго указателя уха въ слѣдующемъ порядкѣ: европейцы, алтайскія расы, чистые монголы, негры.

4. Истинная высота (длина) уха. Данныя для этого размѣра, введеннаго впервые Schwalbe, очень немногочисленны. Schwalbe опредѣляетъ среднюю его величину для эльзасцевъ въ 35,9 mm., немного большую величину даетъ Schäffer для баварцевъ (37,5 mm.), немногимъ отличается она и у изслѣдованныхъ мною великоруссовъ-рязанцевъ (35,3 m.m. или 2,14% роста); только у астраханскихъ калмыковъ она доходитъ до 39,1 mm., что стоитъ въ связи прежде всего съ большей величиною всего калмыцкаго уха.

5. Длина основанія. Этотъ размѣръ—также мало изученъ, къ тому же въ нижнюю половину этого размѣра входитъ та часть передняго края мочки, которая также приращена къ кожѣ щеки; ниже мы увидимъ, что въ разныхъ формахъ мочки замѣчаются въ этомъ отношеніи очень большія различія: при однихъ формахъ свободенъ почти весь передній край мочки, сращена же съ кожей лишь незначительная его часть, при другихъ же формахъ сращеніе съ кожей щеки происходитъ по всему переднему краю мочки; вслѣдствіе этого слѣдуетъ величины основанія уха разсматривать отдѣльно для ушей съ различными формами приращенія мочки, что самъ Schwalbe, однако, упустилъ изъ виду. Schwalbe нашелъ длину основанія уха (при всѣхъ формахъ мочки безъ различія) въ среднемъ въ 44,4 mm., Schäffer для швабовъ (на ушахъ съ свободной мочкой)—43 mm., для всѣхъ формъ ушей—46 mm.; моя цифра для рязанцевъ, имѣющихъ уши съ приращенной мочкой, составляетъ 51,9 mm., для ушей съ свободной мочкой—47,0 mm., для всѣхъ вмѣстѣ—48,7 mm., или 2,94% роста.

6. Морфологическій указатель уха $\left(\frac{\text{истинная высота}}{\text{длина основанія}} \times 100 \right)$.

Введенный Schwalbe морфологическій указатель уха представляетъ особый интересъ прежде всего потому, что составляющіе его размѣры могутъ быть сравниваемы съ аналогичными измѣреніями у животныхъ. Изучая морфологическій указатель, Schwalbe составилъ цѣлую таблицу, свидѣтельствующую о томъ, что этотъ указатель постепенно увеличивается при переходѣ отъ низшихъ къ высшимъ животнымъ (см. 3-ю таблицу), будучи у низшихъ животныхъ менѣе 100 (т.-е. высота уха у нихъ больше его основанія), приближаясь къ 100 у низшихъ приматовъ и переходя за 100 только у антропоидныхъ и человѣка (у этихъ послѣднихъ, слѣдовательно, общая форма уха измѣняется въ томъ смыслѣ, что длина основанія начинаетъ превосходить истинную высоту уха, т.-е. ухо становится низкимъ и широкимъ).

Таблица 3 (по Schwalbe).

Lepus cuniculus	21,3
Antilope leucoryx	27,6
Auchenia guanaco	30,3
Macropus rufus	33,0
Sus scropha	35,4
Felis catus domest	50,8
Lemur macaco	76,0
Cynocephalus babuin	84,0
Macacus rhesus	93,0
Troglodytes niger	105—107
Pithecius satyrus	122
Gorilla	125
Homo	130

Среднюю цифру для человека Schwalbe даетъ въ 130,0, а Wilhelm (для жителей Nancy)—въ 175,10,—цифру очень высокую и стоящую до сихъ поръ одиноко; вѣроятно, Wilhelm измѣрялъ соответствующіе размеры нѣсколько иначе, чѣмъ Schwalbe. Schäffer для баварцевъ даетъ для ушей всѣхъ формъ 122,5, для ушей же съ приращенной мочкой—130,0. Мои изслѣдованія рязанцевъ дали слѣдующія цифры: для субъектовъ съ приращенной мочкой — 146,5, съ свободной мочкой — 133,1, для всѣхъ вообще—137,8, т.-е. цифру нѣсколько большую, чѣмъ у нѣмцевъ. На основаніи этихъ данныхъ трудно, однако, сказать, можетъ ли имѣть морфологическій указатель какое-нибудь значеніе для дифференцировки расъ, тѣмъ болѣе, что этотъ указатель имѣетъ широкіе предѣлы индивидуальных колебаній (у рязанцевъ отъ 104 и до 180, а Schwalbe даетъ даже нѣсколько случаевъ, гдѣ у людей имѣлись „звѣринные“ указатели—ниже 100). Изслѣдованные мною калмыки дали средній указатель въ 140,6, т.-е. нѣсколько болѣе, чѣмъ великоруссы, но это зависитъ отъ сильнаго распространенія у калмыковъ ушей съ приращенной мочкой; для ушей съ свободной мочкой у калмыковъ получается цифра приблизительно одинаковая съ таковою же для великоруссовъ (133,1 для послѣднихъ и 132,8 для калмыковъ). Одинаковая величина указателя у великоруссовъ и у калмыковъ свидѣтельствуетъ прежде всего о томъ, что отмѣченное Schwalbe правило о повышеніи величины морфологическаго указателя при переходѣ отъ низшихъ къ высшимъ, вѣрное для животныхъ, едва ли можетъ быть распространено на отдѣльныя человѣческія группы. Къ сожалѣнію, для племенъ чернокожихъ у насъ нѣтъ никакихъ относящихся сюда данныхъ.

Въ последнее время было сдѣлано нѣсколько попытокъ воспользо-
ваться измѣрительными признаками для дифференцировки уха нормальнаго
населенія отъ уха преступниковъ и душевно-больныхъ. Но указанія въ

этомъ духъ были или совершенно голословны, какъ, напр., указанія Bindeg'a на большую длину уха душевно-больныхъ, или же, если и подтверждались на цифровомъ матеріалѣ, то самое примѣненіе метода сравнительно-статистическаго изслѣдованія сопровождалось крупными ошибками, подрывающими довѣріе къ выводамъ авторовъ. Главнѣйшія различія между нормальнымъ и патологическимъ ухомъ искались авторами преимущественно въ величинахъ ушныхъ указателей.

Очень характерную таблицу даетъ для фізіономическаго указателя уха у различныхъ группъ населенія Nancy (Лотарингія) Wilhelm (табл. 4).

Т а б л и ц а 4.

У душевно-больныхъ преступниковъ	54,6
„ здоровыхъ и не преступныхъ людей	57,5
„ эпилептиковъ (не преступныхъ)	57,9
„ психически здоровыхъ (?) преступниковъ	58,6
„ душевно-больныхъ дегенерантовъ	60,5

Разница между предѣльными группами довольно значительна. но странно то, что душевно-больные, не совершившіе преступленія, наиболѣе удалены отъ нормальныхъ, тогда какъ душевно-больные, совершившіе въ болѣзнь преступленіе, наиболѣе близки къ нормальнымъ, какъ будто возможность совершить въ болѣзнь преступленіе свидѣтельствуешь о меньшей дегенерации больного?! Полученіе такого рода курьезовъ свидѣтельствуешь, конечно, прежде всего о недостаткѣ числа наблюденій или самыхъ методовъ изслѣдованія; при довольно значительной числовой разницѣ величинъ, оно указываетъ лишь на то, что при оцѣнкѣ такихъ «отличій» патологическихъ группъ отъ нормальныхъ надо быть очень и очень осторожнымъ. Таблицу съ аналогичными предыдущей особенностями даетъ Wilhelm и для морфологическаго указателя (также населеніе Nancy).

Т а б л и ц а 5.

У нормальнаго населенія	175,3
„ душевно-больныхъ преступниковъ	171,6
„ душевно-здоровыхъ (?) преступниковъ	163,0
„ эпилептиковъ	159,7
„ вырождающихся душевно-больныхъ	158,7

Вслѣдствіе противорѣчій и недостаточной доказательности мнѣній авторовъ относительно особенностей дегенеративнаго уха я, съ своей стороны, изслѣдовалъ какъ измѣрительные, такъ и описательные признаки ушей у 100 вырождающихся душевно-больныхъ великоруссовъ, стараясь

по возможности избѣгать обычныхъ ошибокъ авторовъ (о которыхъ будетъ еще рѣчь впереди). Для своихъ изслѣдованій душевно-больныхъ я подбиралъ ихъ по клиническимъ формамъ болѣзни, т.-е. выбиралъ исключительно тѣхъ больныхъ, которые страдали типическими формами психозовъ вырожденія, причемъ выборъ ограничивался исключительно чистыми великоруссами изъ крестьянъ (такъ какъ и изслѣдованное мною «нормальное населеніе» составляли исключительно крестьяне). Въ слѣдующей таблицѣ приводятся рядомъ среднія величины, полученные мною для нормальныхъ и для душевно-больныхъ великоруссовъ.

Т а б л и ц а 6.

	100 вырожд. душ. больныхъ	325 нормальныхъ.
Длина уха	63,15 mm.	61,4 mm.
Ширина	33,5 "	32,8 "
Физиономическій указатель	53,04 "	53,48 "
Длина основанія уха		
а) у субъектовъ съ свободной мочкой.	49,9 "	47,0 "
б) " " приращенной моч.	53,7 "	51,9 "
Истинная высота уха	37,4 "	35,4 "
Морфологическій указатель		
а) у субъектовъ съ свободной мочкой.	134,5 "	132,7 "
б) " " приращенной моч.	141,3 "	146,5 "
с) у всѣхъ вмѣстѣ	137,7 "	137,5 "

Главнѣйшія измѣренія (длина и ширина уха, длина основанія и истинная высота) оказываются у вырождающихся нѣсколько большими, чѣмъ у нормальныхъ, но эта разница не очень велика и зависитъ, вѣроятно, какъ объ этомъ будетъ еще сказано ниже, отъ возрастныхъ различій изслѣдованныхъ группъ, такъ какъ душевно-больные въ общемъ оказались у меня старше нормальныхъ. Увеличеніе уха у душевно-больныхъ идетъ довольно пропорціонально во всѣхъ своихъ частяхъ, такъ какъ морфологическій указатель уха ничѣмъ не отличается у нихъ по величинѣ отъ того же указателя у здоровыхъ; то же самое относится и къ физиономическому указателю, если мы будемъ разсматривать его для всѣхъ формъ ушей вмѣстѣ; по отношенію же къ ушамъ съ различными формами приращенія мочки у больныхъ и у здоровыхъ отмѣчается нѣкоторая разница, причемъ душевно-больные съ приращенной мочкой даютъ меньшій, чѣмъ такіе же здоровые субъекты, а больные съ свободной мочкой—большій морфологическій указатель, что зависитъ скорѣе всего отъ различныхъ особенностей приращенія мочки у душевно-больныхъ и у здоровыхъ; въ общей же суммѣ эти особенности сглаживаются. Такимъ образомъ мои личныя изслѣдованія говорятъ за то, что между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ едва ли существуетъ по отношенію къ измѣрительнымъ признакамъ уха сколько-нибудь замѣтная разница.

III.

Описательные признаки уха взрослого человека.

Данные для описательных признаков наружного уха еще больше не полны, чем для измерительных признаков. Мы встречаем, правда, у большинства новейших путешественников и антропологов отдельные замечания относительно тех или других особенностей уха исследованного ими населения, но большинство этих замечаний носит случайный, эпизодический характер и является, за малыми исключениями, результатом общего впечатления, произведенного прошедшими предъ взглагом исследователя субъектами, а не систематического исследования съ цифровыми данными. Значительной частью наших сведений объ особенностях въ формах уха нормального населения мы обязаны авторамъ, изучавшим ухо душевно-больныхъ и преступниковъ и попутно для сравнения собравшимъ некоторые данные и для нормального населения. Такимъ образомъ мои личные исследования ушей великоруссовъ и казачковъ являются одной изъ первыхъ попытокъ больше систематического исследования всѣхъ подрядъ признаковъ наружного уха, а не техъ только, которые считаются за особенности дегенеративнаго характера. Избѣгая нагромождения излишняго цифрового матеріала, я буду говорить далеко не о всѣхъ, охватываемыхъ схемою Schwalbe, описательныхъ признакахъ уха, но только о техъ изъ нихъ, которые, при относительномъ обилии сравнительнаго матеріала, представляютъ въ данное время наибольшій интересъ.

1. Дарвиновъ бугорокъ. Этотъ бугорокъ долгое время считался за признакъ атактистическій, потомъ за дегенеративный, но во всякомъ случаѣ среди нормальнаго населения—рѣдкій. Поздѣйшія исследования Schwalbe показали, что большинство авторовъ имѣло при этомъ въ виду только наиболее рѣзко выраженныхъ формы Дарвинова бугорка, и что на ряду съ такими формами существуетъ еще цѣлый рядъ переходныхъ, больше слабо выраженныхъ формъ, игнорировать которыя мы не имѣемъ никакого основанія, потому что въ своемъ мало развитомъ состояніи зачаточныя формы Дарвинова бугорка не перестаютъ быть аналогами уха животныхъ или, точнѣе, свидѣтелями некоторой задержки въ развитіи уха. Вместе съ тѣмъ исследования Schwalbe показали, что Дарвиновъ бугорокъ даже и въ его рѣзко выраженныхъ формахъ (I—III по схемѣ Schwalbe) у нормальнаго населения далеко не составляетъ рѣдкаго явленія. Такъ, самъ Schwalbe насчиталъ формы I—III Дарвинова бугорка у населения Эльзаса и прирейнскихъ провинцій въ 30,7% всѣхъ случаевъ, случаи же полнаго отсутствія всякихъ слѣдовъ Дарвинова бугорка отмѣчены имъ только у 26,6% того же населенія.

Рѣзко выраженные формы бугорка встрѣчаются у различныхъ нормальныхъ человѣческихъ группъ въ различныхъ процентахъ всѣхъ слушаевъ, причемъ колебанія цифръ могутъ имѣть, повидимому, какъ мѣстное, областное значеніе, за которое особенно стоитъ Schaffer, такъ и значеніе расоваго признака. По даннымъ Schaffer'a, если исключить даже тѣ области, для которыхъ число изслѣдованныхъ особей было менѣе 150, процентъ рѣзко выраженныхъ формъ Дарвинова бугорка колеблется по отдѣльнымъ областямъ Германіи между 15 и 25%. Schaffer объясняетъ эти колебанія такъ: признаки недоразвитія уха (а въ числѣ ихъ и Дарвиновъ бугорокъ) имѣютъ значеніе аномалій, аналогичныхъ другимъ уродствамъ организма¹⁾; въ настоящее время наклонность различнаго рода уродствъ передаваться по наслѣдству можетъ считаться доказанной; поэтому случайное появленіе уродства уха въ отдѣльныхъ мѣстахъ даетъ, при благоприятныхъ къ тому условіяхъ, поводъ къ происхожденію цѣлыхъ областей съ усиленнымъ развитіемъ аномальныхъ ушей. Трудно возражать противъ наслѣдственной передачи всякихъ, а въ томъ числѣ и недоразвитыхъ формъ уха, но многое можно сказать противъ помѣщенія особенностей уха съ характеромъ задержки развитія въ одну категорію съ настоящими уродствами. Большинство настоящихъ уродствъ представляетъ, во-первыхъ, явленія задержки на гораздо болѣе раннихъ стадіяхъ развитія, а, во-вторыхъ, ограничиваетъ функціональную способность органа, чего никакъ нельзя сказать относительно явленій задержки развитія наружнаго уха. Гораздо правильнѣе смотритъ, по моему мнѣнію, на этотъ вопросъ Schwalbe, по словамъ котораго тѣ или другія явленія задержки развитія уха, а въ томъ числѣ и Дарвиновъ бугорокъ никоимъ образомъ не могутъ быть названы аномаліями, а тѣмъ болѣе уродствами, какъ потому, что они очень часты, такъ въ особенности и потому, что само наружное ухо представляетъ изъ себя маловажный, ненужный человѣку органъ, тѣ или другія уклоненія въ строеніи котораго вполне характерны для человѣческаго уха и составляютъ не уродство, а одинъ изъ нормальныхъ специфическихъ признаковъ челоѣка.

Многіе авторы, приписывая Дарвинову бугорку значеніе признака, свидѣтельствующаго о низшей организаціи, считали, что онъ особенно распространенъ у негровъ. Но здѣсь теоретическія разсужденія брали, очевидно, верхъ надъ точнымъ наблюденіемъ фактовъ, такъ какъ болѣе безпристрастные наблюдатели скоро стали заявлять, что ухо негровъ обладаетъ, какъ разъ наоборотъ, болѣе совершеннымъ загибаніемъ завитка и болѣе полнымъ отсутствіемъ Дарвинова бугорка. Здѣсь нѣкоторые изслѣ-

¹⁾ Большинство тератологическихъ формъ (уродствъ) челоѣческаго организма объясняется въ настоящее время задержками развитія отдѣльныхъ органовъ въ раннихъ стадіяхъ эмбриональной жизни.

дователи ударились въ другую крайность, утверждая, что Дарвиновъ бугорокъ (равно какъ и недоразвитой завитокъ) никогда не встрѣчается у негровъ. Но новѣйшія наблюденія и, пока еще скудныя, цифровыя данныя свидѣтельствуютъ, что у такъ наз. низшихъ расъ Дарвиновъ бугорокъ если и меньше распространенъ, то все-таки въ извѣстномъ числѣ случаевъ встрѣчается. Такъ, Mense отмѣтилъ его у 12 изъ 101 изслѣдованныхъ имъ негровъ Конго; Seitz упоминаетъ о существованіи Дарвинова бугорка у огнеземельцевъ; R. Virchow видѣлъ его у 3-хъ изъ 8 изслѣдованныхъ имъ пещересовъ и т. д.

Въ таблицѣ 7-й приведены собранныя мною данныя относительно распространенія наиболѣе рѣзко (ф. I—III) и наиболѣе слабо выраженныхъ формъ и полного отсутствія Дарвинова бугорка (ф. V и VI) у различныхъ народовъ.

Т а б л и ц а 7.

Мѣсто наблюденія или племя:	Авторъ.	°/о ушей безъ	°/о ушей съ	°/о ушей съ
		Дарв. буг. или слабо выраж. Дарв. буг. (ф. V и VI).	Дарв. буг. ф. I и II.	Дарв. буг. ф. I, II и III.
Budapest.	Vali	—	0,6	3,0
Италія.	Gragenigo. .	—	1,5	3,5
Астрах. калмыки	Воробьевъ .	74,0	0	3,7
Франція	Féré et Seglas	—	—	2,4
—	Lannois. . .	—	6,8	14,0
Рязанская губ.	Воробьевъ .	80,9	10,1	13,5
Германія—Гамбургъ . .	Karutz. . .	58,4	4,5	?
„ Эльзасъ и прирейнскія провинціи вмѣстѣ.	Schwalbe. .	47,7	20,6	30,7
„ Только верхній Эльзасъ.	Schwalbe. .	43,6	24,0	36,0

Изъ таблицы можно видѣть, что отдѣльныя племена замѣтно разнятся между собою по степени распространенія Дарвинова бугорка. Данныя относительно распространенія ушей безъ Дарвинова бугорка или только съ слабыми его слѣдами недостаточно полны, но тѣ, какія существуютъ, стоятъ въ полномъ параллелизмѣ съ данными относительно распространенія болѣе рѣзко выраженныхъ формъ бугорка (I—III), т. е. у тѣхъ группъ, у которыхъ рѣзкія формы сильно распространены, замѣтно уменьшается число ушей безъ Дарвинова бугорка. По степени распространенія рѣзкихъ формъ Дарвинова бугорка можетъ быть установленъ, на основаніи приведенной таблицы, слѣдующій порядокъ: наименьшее число этихъ формъ даютъ венгерцы (3,0°/о), очень близки къ

нимъ и калмыки (3,7⁰/₀); романскія расы (итальянцы и французы) отличаются также, повидимому, слабымъ распространеніемъ рѣзко выраженныхъ формъ Дарвинова бугорка; больше онѣ распространены у великоруссовъ и еще больше—у нѣмцевъ. По отношенію къ нѣмцамъ цифры авторовъ нѣсколько разнятся: Karutz, подсчитывавшій, правда, только формы I и II Дарвинова бугорка, даетъ небольшую ихъ цифру (4,5⁰/₀), цифры же Schwalbe для ф. I—III велики (30,7⁰/₀ и 36,0⁰/₀); выше мы уже видѣли, что и Schäffer насчитываетъ по разнымъ областямъ Германіи цифры, колеблющіяся въ предѣлахъ 15⁰/₀—25⁰/₀. Мы видимъ, слѣдовательно, что некультурные монголы (калмыки), а повидимому, и негры, затѣмъ сравнительно недавно вышедшіе на стезю культуры алтайцы-мадьяры отличаются малымъ числомъ рѣзко выраженныхъ формъ Дарвинова бугорка, высоко культурные нѣмцы—значительнымъ ихъ числомъ; но съ другой стороны, итальянцы съ ихъ многовѣковой культурой даютъ цифры, очень близкія къ венграмъ и калмыкамъ. Очевидно, слѣдовательно, что различія въ распространеніи Дарвинова бугорка по расамъ не связаны ни съ „высотой“ или „низостью“ расы, ни со степенью (и временемъ) ея культурности.

По схемѣ Schwalbe различается, какъ мы уже видѣли выше, всего 6 формъ Дарвинова бугорка, но изслѣдованія по схемѣ Schwalbe сдѣланы пока всего только для четырехъ человѣческихъ группъ, данныя для которыхъ и приводятся въ таблицѣ 8-й (въ процентныхъ отношеніяхъ).

Т а б л и ц а 8.

Дарвиновъ бугорокъ.	Верхній Эль- зась.	Верхній Эль- зась и при- рейнскія провинціи.	Рязанская губ.	Приволжскіе калмыки.
Форма I	4,2	2,7	0,3	0
„ II	19,8	17,9	9,3	0
„ III	12,0	10,1	3,4	3,7
„ IV	20,4	21,6	5,5	22,2
„ V	22,5	21,1	47,4	44,4
„ VI	21,1	26,6	33,3	29,6

Таблица показываетъ, что уши великоруссовъ болѣе редуцированы по отношенію къ Дарвинову бугорку, чѣмъ уши нѣмцевъ, но уступаютъ въ этомъ отношеніи калмыкамъ, у которыхъ ф. I и II бугорка не встрѣтились при 75 наблюденіяхъ ни разу.

Намъ приходилось уже упоминать о томъ, что наличность Дарвинова бугорка считается многими авторами за признакъ, характеризующій ухо вырождающихся душевно-больныхъ и преступниковъ. Существуетъ не мало цифровыхъ данныхъ, клонящихся къ подтвержденію этого положенія, данныхъ не достаточно, однако, убѣдительныхъ, какъ вслѣдствіе общихъ

методологических ошибокъ, такъ и вслѣдствіе того, что авторы дѣлали чаще всего только двѣ отмѣтки: 1) Дарвиновъ бугорокъ существуетъ и 2) отсутствуетъ, причемъ множество формъ слабо развитого бугорка легко могло попадать то въ ту, то въ другую группу, смотря по тенденціи автора, невольно не одинаковой при изслѣдованіи уха нормальнаго и патологическаго населенія. Въ таблицѣ 9-ой представлены нѣкоторыя цифровыя данныя, собранныя мною у тѣхъ изъ авторовъ, указанія которыхъ на этотъ счетъ были хоть сколько-нибудь опредѣленны. При этомъ надо, однако, оговориться, что у большинства авторовъ отмѣтка наличности Дарвинова бугорка лишь приблизительно, а не точно совпадаетъ съ отмѣткою по схемѣ Schwalbe ф. I—III. Звѣздочка передъ фамиліей автора отмѣчаетъ тѣ случаи, когда опредѣленія бугорка сдѣланы въ болѣе или менѣе точномъ соотвѣтствіи съ формами Schwalbe I—III. Для сравненія въ таблицѣ приведены и данныя для нормальныхъ людей.

Т а б л и ц а 9.

Племя, авторы.	Нормальные.			Преступники.			Душевно-больные.		
	Число на- блюденій.	Дарвин. буг. ф. I—III въ 0/0.	Д. б. ф. V—VI (отс. или сла- бо выпр.) въ 0/0.	Число на- блюденій.	Дарвин. буг. ф. I—III въ 0/0.	Д. б. ф. V—VI (отс. или сла- бо выпр.) въ 0/0.	Число на- блюденій.	Дарвин. буг. ф. I—III въ 0/0.	Д. б. ф. V—VI (отс. или сла- бо выпр.) въ 0/0.
I. Для германской расы.									
а) Нѣмцы.									
*Schwalbe	109	20,6	47,7	—	—	—	—	—	—
Karutz	270	4,5	58,4	—	—	—	душ.-бол. 78 слабоум. 89	1,2 2,2	—
Eule	3000	2,3	—	76	34,2	—	—	—	—
*Ganter	—	—	—	—	—	—	345	2,0	—
Laubi	200	3,0	—	—	—	—	идіот. 200 эпилеп. 90	6,0 4,0	—
Näcke	80	1,25	—	—	—	—	100	11,0	—
*Warda	—	—	—	—	—	—	96	16,7	49,0
Binder	—	—	—	—	—	—	186	9,2	—
б) Норвежцы.									
Daas	—	—	—	126	—	51,0	—	—	—
II. Для романскихъ расъ.									
а) Итальянцы.									
*Gradenigo	230	3,5	—	239	3,3	—	402	4,4	—
Giufreda Ruggieri	—	—	—	—	—	—	233	17,6	—
Marro	—	—	—	529	0,9	—	—	—	—
Penta	—	—	—	400	45,0	—	—	—	—
*De Sarlo	—	—	—	89	2,2	—	—	—	—
*Arno	—	—	—	150	1,3	—	—	—	—
Stura e Arese	—	—	—	19	5,3	—	—	—	—

b) Французы.									
*Féré et Seglas . .	473	2,4	—	—	—	—	372	4,1	—
*Lannois	125	14,0	—	—	—	—	—	—	—
III. Для славянъ.									
Великоруссы.									
*В. Воробьевъ. . .	325	13,5	80,9	—	—	—	100	18,0	73,0
IV. Для урало-ал- тайцевъ.									
Венгры.									
Vali.	—	—	3,0	—	4,5	—	—	6,4	—
V. Для монголовъ.									
Калмыки.									
*В. Воробьевъ . .	75	3,7	74,0	—	—	—	—	—	—

Таблица въ общемъ очень пестрая; одна разниа для итальянскихъ преступниковъ (отъ 0,9% и до 45,0%) указываетъ съ полной очевидностью на недостаточную у авторовъ опредѣленность отмѣчаемой ими формы. Большинство нѣмецкихъ авторовъ отмѣчало, вѣроятно, только формы I и II, отчего у преступниковъ и у душевно-больныхъ получаютъ числа меньшія, чѣмъ у здоровыхъ, но Schwalbe и для ф. I и II у здоровыхъ нашелъ 20,6%, т.-е. много больше, чѣмъ другіе авторы для преступниковъ. Тѣ изъ итальянскихъ авторовъ, которые отмѣчали болѣе или менѣе точно ф. I—III Schwalbe, находили у итальянскихъ преступниковъ цифры или такія же, или лишь немногимъ большія, чѣмъ у нормальныхъ. Мои личныя изслѣдованія дали для душевно-больныхъ лишь небольшой (въ 4,5%) перевѣсъ рѣзко выраженныхъ формъ Дарвинова бугорка. Наибольшая разниа между нормальнымъ населеніемъ и преступниками отмѣчена у Eule (2,3% и 34,2%), но работа Eule изобилуетъ крупнѣйшими ошибками, и его цифры не отличаются большою достовѣрностью. Если исключить цифру Eule, то всѣ различія авторовъ между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ окажутся въ общемъ очень небольшими; во всякомъ случаѣ они значительно меньше, чѣмъ различія, отмѣчаемыя между отдѣльными расовыми и даже областными группами у нормальныхъ субъектовъ, что особенно наглядно видно изъ слѣдующихъ сопоставленій.

Т а б л и ц а 10.

Разница (Д) въ процентахъ, выражающихъ распространение формъ I—III Дарвина бугорка для различныхъ человѣческихъ группъ.

1. Для душевно-больныхъ и нормальныхъ великоруссовъ . Д=18,0—13,5= 4,5%₀
2. „ нормальныхъ эльзасцевъ и прирейнск. нѣмцевъ и
для однихъ только эльзасцевъ Д=36,0—30,7= 5,3%₀
3. „ нормальныхъ великоруссовъ и итальянцевъ Д=13,5— 3,5=10,0%₀
4. „ нормальныхъ великоруссовъ и эльзасцевъ (однихъ
только). Д=30,7—13,5=17,2%₀
5. „ великоруссовъ и эльзасцевъ вмѣстѣ съ прирейнскими
нѣмцами Д=36,0—13,5=22,5%₀
6. „ однихъ эльзасцевъ и для итальянцевъ Д=30,7— 3,5=27,2%₀
7. „ эльзасцевъ вмѣстѣ съ прирейнскими нѣмцами и для
итальянцевъ Д=36,0— 3,5=32,5%₀

Слѣдовательно, крайнія расово областныя различія почти въ 8 разъ больше различій между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ (32,5 : 4,5).

2. Завитокъ. Схема Schwalbe разсматриваетъ четыре степени развитія завитка или 4 его формы: форма I—загибанія нѣтъ, свободный край уха совершенно плоскій; форма II—боковое загибаніе, т.е. свободный край уха загнуть, приблизительно подъ прямымъ угломъ; форма III—полное загибаніе, когда свободный край уха перегибается такъ, что онъ лежитъ уже надъ (кнаружи) незагнутой частью уха, и, наконецъ, форма IV—когда загнутый край еще и сращенъ съ подлежащею частью уха. Schwalbe рекомендуетъ, въ виду частыхъ случаевъ неодинаковаго развитія въ верхней (до Дарвинова бугорка) и нижней (ниже Дарвинова бугорка) части завитка, отмѣчать его состояніе для верхней и нижней его частей отдѣльно. Имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія касаются главнымъ образомъ неразвитаго (ф. I) или недоразвитаго завитка (ф. II), причемъ нерѣдко и та, и другая формы соединяются подъ общей рубрикой: «недостаточно хорошо сформированный завитокъ»; точное разграниченіе формы не всегда возможно. Исторія развитія завитка очень тѣсно связана, какъ это упоминалось уже выше, съ исторіей развитія Дарвинова бугорка: форма Дарвинова бугорка I предполагаетъ уже обязательно отсутствіе нижней части завитка, Дарвиновъ бугорокъ въ формѣ II—недоразвитіе его (т.е. и завитокъ формы II), Дарвиновъ бугорокъ формы III и остальныхъ возможенъ и при хорошо развитомъ завиткѣ, и при недоразвитіи нижней его части (но верхняя часть его должна быть уже развитой порядочно, такъ какъ при недоразвитіи ея Дарвиновъ бугорокъ принимаетъ уже обыкновенно видъ формы II). Объ особенностяхъ завитка у представителей не европейскихъ расъ мы знаемъ очень не многое: прежнія представленія о недо-

развитіи завитка у негровъ должны были, подъ воздѣйствіемъ болѣе точныхъ наблюденій, смѣниться совершенно обратнымъ: на основаніи показаній большинства новѣйшихъ изслѣдователей (не дающихъ, впрочемъ, точныхъ цифръ), уши негровъ представляются снабженными хорошо развитымъ завиткомъ настолько часто, что это явленіе можетъ считаться за характерную особенность негровъ. Нѣкоторые изслѣдователи (Balz, Пржевальскій) считаютъ, опять-таки безъ цифровыхъ данныхъ въ рукахъ, что уши народовъ монгольскаго происхожденія отличаются дурнымъ развитіемъ завитка; даже такой солидный анатомъ, какъ І. Гиртль, считаетъ характерной формой для монголовъ ухо, у котораго весь завитокъ (особенно въ верхней своей части) какъ бы обрубленъ; Гиртль называетъ такую форму «обрубленнымъ ухомъ» (Stutzohr) или иначе «свинымъ ухомъ». Единственными цифровыми данными относительно степени развитія завитка у монгольскихъ народовъ являются пока мои данныя для астраханскихъ калмыковъ; но эти данныя приводятъ къ совершенно неожиданному результату: уши калмыковъ оказываются снабженными завиткомъ, развитымъ очень порядочно; формы неполнаго развитія завитка среди нихъ отмѣчаются замѣтно рѣже, чѣмъ среди великоруссовъ, а также и большинства другихъ европейскихъ народовъ. Эти отношенія наглядно выясняются изъ таблицы 11-й, на которой представлено (въ процентныхъ отношеніяхъ) распредѣленіе различныхъ формъ завитка среди великоруссовъ и среди калмыковъ.

Т а б л и ц а 11.

				У великоруссовъ.	У калмыковъ.
Завитокъ — нижняя часть ф.	I			7,4%	14,3%
„ „ „ „	II			40,1%	12,5%
„ „ „ „	III			51,5%	73,2%
„ „ „ „	IV			0,9%	0
„ верхняя часть „	I			0	0
„ „ „ „	II			21,8%	16,1%
„ „ „ „	III			78,1%	83,9%

Вполнѣ развитыя формы завитка (ф. III) какъ въ верхней, такъ и въ нижней его половинѣ оказываются у калмыковъ болѣе распространенными, чѣмъ у великоруссовъ (73,2% противъ 51,5% для нижней и 83,9% противъ 78,1% для верхней части завитка).

Наибольшее число статистическихъ данныхъ имѣется для европейскихъ народовъ, хотя цифры различныхъ авторовъ, по вышеуказаннымъ причинамъ, трудно сравниваемы между собою Schaffer, изслѣдовавшій уши германскаго населенія различныхъ областей, отмѣтилъ значительныя областныя колебанія недоразвитыхъ формъ завитка между 5,9% и 36,0%;

если же принимать во внимание только тѣ изъ группъ его наблюдений, въ составъ которыхъ входитъ не менѣе 150 субъектовъ, тогда предѣлы колебаній значительно суживаются (отъ 9,6%—для Reingau-Nassau и до 15%—для среднего теченія Рейна). Изъ цифръ другихъ авторовъ отмѣтимъ:

- а) Для Германіи. 1. Näcke: недоразвитой завитокъ 8%.
 2. P. Eule: отсутствіе завитка 7 случаевъ.
 плоскій завитокъ 67 „
 рудиментарно загнутый 35 „
 слабо изогнутый 9 „
 Всего 118 случ. на 6,000 ушей,
 т.-е. около 2%¹⁾.
 3. Laubi: Schwein-oder Stutzohr 1,0%
 4. Karutz: рано кончающійся или рудиментарно разви-
 той завитокъ 12,7%
 плохо развитой во всѣхъ своихъ частяхъ
 (т.-е. вверху и внизу) завитокъ. 1,2%
 б) Для Франціи. . 1. Féré et Seglas: изглаженный завитокъ (чаще внизу) 5,5%
 отсутствующій (?) 0,4%
 2. Lannois: развернутый завитокъ 8,0%
 в) Для Италіи. . . Gradenigo: полное или почти полное отсутствіе за-
 витка 0,8%
 (у женщинъ) 7,3%

Цифры авторовъ отличаются чрезвычайной пестротою; сдѣлать изъ нихъ какой-либо выводъ чрезвычайно затруднительно уже по тому одному, что сами термины авторовъ не всегда достаточно ясны.

Существуетъ не мало попытокъ представить доказательства въ пользу значенія недоразвитаго завитка, какъ отличительнаго признака уха вырождающихся душевно-больныхъ и преступниковъ. Соответствующія цифровыя данныя мнѣ удалось найти у слѣдующихъ авторовъ:

1. Gradenigo (Италія): развитые дефекты завитка отмѣчаются у душевно-больныхъ въ 3,8% всѣхъ случаевъ, у преступниковъ—въ 4,0%, у нормальнаго же населенія—всего въ 0,8%.
2. Laubi (кантонъ Цюрихъ): Stutzohr—у эпилептиковъ въ 3%, у идіотовъ—въ 2% и у нормальныхъ—въ 1%.
3. Näcke: „аномальный завитокъ“ у прогрессивныхъ паралитиковъ—въ 12%, у нормальныхъ—въ 10%.
4. Vali даетъ (для Будапешта) наиболѣе рѣзкую разницу: „частичный недостатокъ завитка“ у душевно-больныхъ этотъ авторъ нашелъ въ 9,7%, у идіотовъ—въ 8,6%, у нормальныхъ—въ 3,2%.

Въ общемъ, однако, цифровыя различія между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ у всѣхъ авторовъ не велики. Вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Изъ данныхъ Eule трудно понять, какъ онъ различаетъ „отсутствіе завитка“ и „плоскій завитокъ“ и что разумѣетъ подъ терминомъ „слабо изогнутый“ завитокъ.

существуют и статистики обратного значенія: такъ, Féré et Seglas—авторы, убѣжденные въ значеніи дегенеративнаго уха, которое они отождествляютъ къ тому же съ признаками атавистическими,—нашли «отсутствіе завитка» у душевно-больныхъ—въ 0,4%, у эпилептиковъ и идіотовъ—въ 0,08% и у нормальнаго населенія—0,4%; «недоразвитой завитокъ»—у душевно-больныхъ—въ 3,6%, у эпилептиковъ и идіотовъ—въ 1,5%, тогда какъ у нормальныхъ—въ 5,5% всѣхъ случаевъ. Къ аналогичнымъ выводамъ приводятъ и данныя Karutz'a, собранныя среди нормальнаго и патологическаго населенія.

Мои личныя изслѣдованія, произведенныя надъ 325 нормальными и 100 вырождающимися душевно-больными великоруссами и представленныя на таблицѣ 12-й, также не говорятъ въ пользу большей частоты недоразвитыхъ формъ завитка у душевно-больныхъ.

Т а б л и ц а 12.

	100 вырожд. душевно-больн. великоруссовъ въ %	325 здоров. рязанцевъ въ %
Верхняя часть завитка ф. I	2,0	0
„ „ „ „ II	12,0	21,8
„ „ „ „ III	86,0	78,1
Нижняя часть завитка „ I	13,0	7,4
„ „ „ „ II	35,5	40,1
„ „ „ „ III и IV	51,5	51,5

Вполнѣ неразвитыя формы (ф. I) оказываются, правда, у больныхъ какъ будто бы нѣсколько болѣе частыми, чѣмъ у здоровыхъ: въ верхней части ф. I у здоровыхъ не отмѣчена ни разу, но у больныхъ отмѣчена два раза, въ нижней части у здоровыхъ—въ 7,4%, у больныхъ же—въ 13,0%; но цифры для недоразвитыхъ формъ (ф. II) носятъ обратный характеръ, такъ что число вполнѣ развитыхъ формъ оказывается для нижней части завитка совершенно одинаковымъ у больныхъ и у здоровыхъ (51,5%), для верхней же его части эти формы у больныхъ встрѣчаются чаще даже, чѣмъ у здоровыхъ (на 8%).

3. Противозавитокъ. Наибольшее вниманіе изслѣдователей обращалъ на себя стволъ противозавитка съ его верхне-заднею пошкою. Представляя изъ себя, какъ это выяснено Schwalbe, складку, происшедшую вслѣдствіе ретракціи ушной пластинки, стволъ противозавитка варьируетъ главнымъ образомъ въ степени рельефности, выпуклости вершины складки, то выдающейся значительно и составляющей самую выпуклую (выдающуюся кнаружи) часть уха, то, наоборотъ, сглаженную и уплощенную. Большинство изслѣдователей отмѣчало выступаніе кнаружи верхушки валика, образующаго противозавитокъ; такъ какъ на эту осо-

бенность уха у душевно-больных и пидіотвъ обратилъ вниманіе Wildermuth, то обладающія ею уши стали, по почину Binder'a, называть нерѣдко Вильдермutowыми ушами. Нѣкоторые авторы описываютъ еще «отсутствіе» противозавитка; подъ этимъ терминомъ надо, судя по описаніямъ авторовъ, понимать такіе случаи, когда завитокъ не выдается совсѣмъ кнаружи, такъ что все пространство между краемъ конхи и началомъ загибанія завитка представляется плоскимъ. Названіе такихъ случаевъ отсутствіемъ противозавитка по существу неправильно, такъ какъ и въ такихъ случаяхъ у человѣка конха бываетъ все-таки замѣтно ограничена отъ остальной части наружнаго уха вслѣдствіе того, что ушная пластинка, идя при образованіи верхней и задней стѣнокъ конхи въ одномъ направленіи, потомъ перемѣняетъ направленіе, перегибается; въ большинствѣ случаевъ этотъ перегибъ выраженъ рѣзко и сопровождается валикообразнымъ вздутіемъ ближайшей къ конхѣ части ушной пластинки; это-то вздутіе и носитъ обыкновенно названіе противозавитка; но и въ тѣхъ случаяхъ, когда такого вздутія нѣтъ, самый перегибъ ушной пластинки, ограничивающей область конхи, долженъ все-таки носить названіе противозавитка; можно только говорить о томъ, что противозавитокъ здѣсь сильно уплощенъ и не представляетъ валикообразнаго вздутія, но нельзя говорить объ его отсутствіи.

Schwalbe въ своей схемѣ предлагаетъ опредѣлять три формы: I — положеніе верхушки валика, образующаго противозавитокъ, кнутри отъ т. наз. плоскости уха Bertillon'a, II — въ плоскости и III — верхушка противозавитка выступаетъ изъ плоскости Bertillon'a. Подъ плоскостью же Bertillon'a надо понимать мысленную плоскость, въ которой располагается линія зора, смотрящаго чрезъ наиболѣе выдающуюся кнаружи точку козелка на свободный край завитка въ средней части уха.

За исключеніемъ «Вильдермutowа уха», термины другихъ авторовъ очень сбивчивы, такъ что для сравненія мы можемъ воспользоваться только данными авторовъ относительно Вильдермutowа уха, да и то лишь съ нѣкоторыми оговорками.

Т а б л и ц а 13.

Выступающій кнаружи стволъ противозавитка (Вильдермutowо ухо) у различныхъ племенъ.

а) Романская раса:	1) Французы — Lannois 20,00%
	— Féré et Seglas 7,00%
	2) Итальянцы — Gradenigo 7,20%
б) Германская раса:	1) Швабы — Schäffer 1,40%
	2) Солдаты Гамбургскаго окр. — Karutz . 16,60%
в) Урало-алтайцы:	Венгры — Vali 5,60%
д) Монголы:	Калмыки — Воробьевъ 25,00%
е) Славяне:	Великоруссы — Воробьевъ 30,1%

Цифры очень пестрые и противорѣчивыя: Féré et Seglas для французъ и Gradenigo для итальянцевъ даютъ одинаковую цифру, тогда какъ цифра Lannois для французъ значительно больше; очень рѣзка и разница между швабами и солдатами Гамбургскаго округа (хотя они не вполне идентичны, конечно, по расѣ). Очевидно, что въ колебаніяхъ цифръ авторовъ, кромѣ другихъ причинъ, играло не малую роль и то обстоятельство, что, за неимѣніемъ точнаго критерія, одни авторы принимали за Вильдермутово ухо только случаи особенно рѣзкаго выступанія ствола противозавитка кнаружи, другіе же причисляли сюда и менѣе рѣзко выраженные случаи. Высокія цифры для калмыковъ и для великоруссовъ объясняются прежде всего тѣмъ, что данныя для тѣхъ и другихъ собраны мною по указанію Schwalbe; сюда зачислялись, слѣдовательно, всѣ случаи, въ которыхъ верхушка ствола противозавитка хоть сколько-нибудь выступала за Bertillon'ову плоскость; очень многіе изъ случаевъ небольшого выступанія за эту плоскость другіе авторы, опредѣлявшіе эту форму на глазъ, безъ точнаго критерія, отнесли бы, очевидно, къ случаямъ «нормальнымъ». Слѣдовательно, и по отношенію къ Вильдермутову уху авторовъ сравненіе цифръ различныхъ изслѣдователей можетъ дѣлаться лишь *cum grano salis*, и отъ какихъ-либо выводовъ относительно расовыхъ различій уха по этому признаку лучше всего пока воздержаться. Произведенныя по одинаковому методу изслѣдованія ушей великоруссовъ и калмыковъ дали слѣдующіе результаты:

	У великорус- совъ.	У калмы- ковъ.
Стволъ противозавитка формы I	11,30%	5,30%
II	58,50%	69,60%
III	30,10%	25,00%

Очевидно, слѣдовательно, что какъ случаи расположенія вершины ствола противозавитка кнутри отъ плоскости Bertillon'a, такъ и выступанія его кнаружи отъ этой плоскости у калмыковъ встрѣчаются рѣже, чѣмъ у великоруссовъ; «нормальныя» же формы авторовъ (ф. II) наиболѣе распространены у калмыковъ. «Нормальныя» формы не составляютъ такимъ образомъ привилегіи «высшихъ» расъ. Едва ли можно также считать доказаннымъ, что онѣ составляютъ привилегію здороваго населенія по сравненію его съ душевно больными и преступниками. По крайней мѣрѣ изъ немногочисленныхъ, существующихъ на этотъ счетъ, статистикъ не всѣ приводятъ къ единогласному подтвержденію значенія Вильдермутова уха въ смыслѣ показателя деградации организма. Въ пользу Вильдермутова уха, какъ признака деградации, говорятъ самъ Wildermuth и Binder, насчитывающіе этотъ признакъ первый въ 20, второй въ 18 процентахъ у эпилептиковъ и идиотовъ (Wildermuth) и ду-

шевно-больныхъ (Binder), но у обоихъ авторовъ недостаетъ сравнительныхъ цифръ для здороваго населенія. Изъ авторовъ, пользовавшихся сравнительно-статистическимъ методомъ, въ пользу Вильдермута уха, какъ признака деградации, говорятъ цифры Gradenigo, нашедшаго эту форму у нормальныхъ въ 7,2%, у душевно-больныхъ—въ 18,0%, у преступниковъ—также въ 18,0%. Нѣсколько иные результаты получилъ Vali (Будапештъ), отмѣтившій, правда, для мужчинъ разницу большую даже, чѣмъ у Gradenigo (норм.—5,6%, душ.-болыи.—8,12%, преступниковъ—18,0%), но между нормальными и душевно-больными женщинами Vali не могъ уже отмѣтить никакой разницы. Чудовищную разницу отмѣчаетъ сенсационный изслѣдователь Eule, цифры котораго не заслуживаютъ, впрочемъ, никакого довѣрія (у норм.—0,4%, у преступн.—66,6%!). Fére et Seglas, убѣжденные защитники дегенеративнаго уха, отмѣтили, однако, для нормальныхъ 7,0% Вильдермута уха, для душевно-больныхъ—7,5%, а для преступниковъ—всего 6,2%. Равнымъ образомъ и мои личные данныя привели также къ отрицательнымъ результатамъ, какъ это можно видѣть изъ таблицы 14-ой.

Т а б л и ц а 14.

		Нормальные рязанцы (325).	Душевно-больные великоруссы (100).
Стволъ противозавитка формы	I	11,3%	10,0%
	„ II	58,5%	67,0%
	„ III	30,1%	23,0%

И форма I, и ф. III (Вильдермута ухо) оказываются болѣе распространенными не среди душевно-больныхъ, а какъ разъ среди здоровыхъ; различія въ общемъ не велики, и правильнѣе, конечно, говорить о томъ, что нормальные и душевно-больные великоруссы въ этомъ отношеніи не представляютъ различій.

4. Мочка. Мочка издавна пользовалась особымъ предпочтительнымъ предъ другими частями уха вниманіемъ какъ со стороны массъ, такъ и со стороны людей мысли. На мочку навѣшивались серьги и различныя подвѣски, растягивавшія ее иногда до чудовищныхъ размѣровъ, что и лежало, вѣроятно, въ основу преданій и сказокъ многихъ народовъ, утверждающихъ о существованіи людей съ такими ушами, что одно изъ нихъ служило простынею, а другое—одѣяломъ. То или другое строеніе мочки имѣло особое значеніе въ глазахъ фізіономистовъ; существуетъ много указаній на расовыя особенности мочки, и, наконецъ, мочка занимала далеко не послѣднее мѣсто при описаніяхъ особенностей уха преступниковъ и дегенерантовъ. Довольно сложная исторія развитія мочки объясняетъ существованіе на ней нѣсколькихъ, не всегда выраженныхъ, вдавленій, ямокъ, бороздокъ, возвы-

шеній, часть которыхъ регистрируется, между прочимъ, и схемою Schwalbe. Наиболее же важное значеніе имѣетъ общая форма всей мочки, тѣсно связанная съ способомъ ея приращенія къ кожѣ щеки. На рис. 1-мъ изображено ухо съ «свободной» мочкой (по схемѣ Schwalbe отмѣчается: приращеніе мочки—форма IV). Если же вырѣзка между щекой и не приращенной частью передняго края мочки (*sinus lobulobuccalis*) не велика, т.-е. передній край мочки срашенъ съ щекой на большей части своего протяженія, тогда мы будемъ имѣть «полусвободную» или «частично-приращенную мочку» (приращ. ф. III по схемѣ Schwalbe). Въ томъ случаѣ, когда передній край мочки приращенъ къ кожѣ щеки на всемъ своемъ протяженіи, такъ что *sinus lobulobuccalis* не существуетъ совсѣмъ, мы будемъ имѣть «приращенную» мочку (приращ. ф. II по схемѣ Schwalbe) или же «простое приращеніе» мочки, какъ называютъ иногда такіе случаи въ отличіе отъ тѣхъ формъ, когда, при срашеніи всего передняго края мочки съ кожей щеки, у мочки отсутствуетъ еще и нижній ея край, т.-е. задній край мочки не дѣлаетъ болѣе или менѣе крутого поворота для образованія нижняго края, но косвенно направляется внизъ до пересѣченія съ линіей основанія уха. Тогда вся мочка получаетъ форму остроугольнаго треугольника, съ острымъ угломъ вершиной внизъ, лежащимъ въ точкѣ пересѣченія задняго края мочки съ кожей щеки и съ двумя длинными сторонами, изъ которыхъ одна образована заднимъ краемъ мочки, другая приращеннымъ переднимъ ея краемъ (см. рис. 6).

Рис. 6. Ухо съ приращеніемъ мочки—форма I по схемѣ Schwalbe.

Такая форма приращенія отмѣчается, по Schwalbe, какъ форма I; у другихъ авторовъ она носитъ названіе «мочки, постепенно переходящей въ кожу щеки», «остро оканчивающейся» или «остро приращенной» мочки и т. д.

Изученіе исторіи развитія мочки показываетъ, что четыре отмѣчаемые у взрослыхъ формы ушной мочки слѣдуютъ у эмбриона другъ за другомъ въ правильномъ порядкѣ: первые слѣды мочки обозначаются уже въ серединѣ или въ концѣ 3-го мѣсяца зародышевой жизни въ видѣ небольшого выступа тотчасъ позади противокозелка; очень скоро этотъ выступъ принимаетъ форму узкаго остроугольнаго треугольника, т.-е. видъ мочки съ приращеніемъ ф. I. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ мочка растетъ такъ, что начинаетъ формироваться и ея нижній край, получается такимъ образомъ форма II; съ дальнѣйшимъ разрастаніемъ тѣла мочки внизъ образуется, наконецъ, и *sinus lobulobuccalis*, сначала неглубокій (прир. ф. III),

а потомъ болѣе глубокой—формируется, слѣдовательно, мочка съ приращеніемъ формы IV.

У большинства авторовъ формы III и IV обыкновенно игнорируются; едва ли не единственнымъ въ этомъ родѣ является заявленіе Koganéi, что айны обладаютъ большою, но хорошо отграниченною отъ кожи щеки мочкою. Формы I и II то различаются авторами, то отмѣчаются суммарно. Нѣкоторые авторы отмѣчаютъ еще «отсутствіе мочки», т.-е. явленіе, котораго у человѣка въ сущности не наблюдается никогда, но подъ именемъ отсутствующей мочки фигурируетъ у авторовъ или приращенная (формы I и II) мочка, или же просто небольшая, т.-е. не особенно сильно свѣшивающаяся внизъ, хотя бы и хорошо отграниченная отъ кожи щеки мочка. Можно отмѣтить неоднократныя попытки авторовъ указать расовыя особенности строенія мочки. Такъ низшимъ расамъ (неграмъ и родственнымъ имъ племенамъ) приписывалось сильное распространеніе ушей безъ мочки. Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, однако, что это едва ли вѣрно, и у негровъ встрѣчается хорошо отграниченная мочка, приращенная же мочка, если и встрѣчается, то далеко не часто, такъ какъ изъ собранныхъ Kagitzi'омъ данныхъ, для которыхъ, вслѣдствіе неточности авторскихъ указаній, этотъ изслѣдователь принужденъ былъ соединить вмѣстѣ «отсутствіе и приращеніе мочки», оказывается, какъ это можно видѣть изъ таблицы 15-ой, что эта форма распространена у нихъ не болѣе, чѣмъ распространены у европейцевъ приращенныя формы (I и II), а если изъ группы «отсутствіе и приращеніе мочки» для низшихъ расъ отнять хотя нѣкоторую часть наблюденій, приходящихся на долю тѣхъ случаевъ, гдѣ подъ именемъ «отсутствующей» регистрировалась хотя небольшая, но хорошо отграниченная мочка, то процентъ собственно приращенной мочки окажется у низшихъ расъ меньшимъ, чѣмъ у европейцевъ. Болѣе точныя указанія относительно расовой формы мочки были сдѣланы для народовъ азіатскаго происхожденія. Имъ часто приписывалась большая, дурно сформированная или приращенная мочка, но наибольшей опредѣленностью отличается заявленіе А. А. Ивановскаго, отмѣтившаго, какъ характерный признакъ монгольскаго уха, приращенную мочку и именно въ той ея формѣ, которая отмѣчается по Senwalbe, какъ приращеніе ф I. Заявленіе г. Ивановскаго не было, къ сожалѣнію, подтверждено цифровыми данными, но мои личныя изслѣдованія, произведенныя среди калмыковъ, дали цифры, какъ нельзя лучше подтверждающія слова г. Ивановскаго. Къ тому же выводу приводятъ и данныя (еще не опубликованныя) Е. И. Луценко для теленгетовъ и М. С. Сапожниковъ для бурятъ Верхотурскаго округа, хотя эти авторы недостаточно отграничивали формы приращенія I и II, между тѣмъ какъ г. Ивановскій настаиваетъ на томъ, что для монголовъ характерна именно форма I, что подтверждается и моими изысканіями, показавшими, что у калмыковъ, при наибольшемъ распространеніи приращенія

мочки формы I, приращение въ формѣ II встрѣчается сравнительно рѣдко. Въ представленной ниже таблицѣ 15-ой сопоставлены данныя относительно распространения приращенныхъ формъ мочки: 1) для «низшихъ» расъ собранныя въ литературѣ Karutz'омъ), 2) для расъ азіатскаго происхожденія и 3) для европейцевъ; вторая и третья группы наблюденій собраны мною. При сравненіи первой группы съ остальными слѣдуетъ помнить сдѣланную уже выше оговорку о включеніи въ число приращенныхъ формъ пѣкотораго процента случаевъ малой по размѣрамъ, но хорошо отграниченной мочки.

Таблица 15.

Приращенная мочка.			
	Форма I.	Форма II.	Форма I и II вмѣстѣ.
I. „Низшія“ расы (по даннымъ, собраннымъ Karutz'омъ):			
У 82 негровъ	— въ 0/0	— въ 0/0	36,7%
„ 101 негра Конго (по Mense)	—	—	30,0
„ 55 папуасовъ	—	—	29,0
„ 22 микронезійцевъ	—	—	27,2
„ 20 полинезійцевъ	—	—	15,0
II. Народы азіатскаго происхожденія:			
Башкиры (Вайсенбергъ)	—	—	41,9
Лопари (10 набл.) (цит. у Karutz'a).	—	—	50,0
Мещеряки (15 набл.) (Вайсенбергъ).	—	—	53,3
Калмыки (Воробьевъ)	50,9	5,3	56,2
Теленгеты (Луценко)	—	—	57,98
Мадьяры (Vali)	5,6	—	75,0
			(приблизительно)
Буряты (Сапожниковъ)	—	—	88,51
III. Европейцы:			
Французы (Lannois)	5,6	10,8	16,4
„ (Féré et Seglas)	5,5	18,7	24,2
Итальянцы (Gradenigo)	5,2	21,3	26,5
Пѣмцы (Karutz)	2,0	23,3	25,3
„ (Schäffler)	ф. I и II отъ 20% и до 36%		
Великоруссы (Воробьевъ)	13,7	21,7	35,4

Изъ таблицы видно, что приращение ф. I и II вмѣстѣ встрѣчается у «низшихъ расъ» приблизительно одинаково часто съ европейцами (отъ 15,0% до 36,7% у первыхъ и отъ 16,4% до 36,0% у вторыхъ); принимая же выше сдѣланную оговорку, надо считать, что негры даютъ наименьшее число случаевъ приращенной мочки; за ними слѣдуютъ европейцы; наибольшее же число (болѣе половины всѣхъ случаевъ) приращенныхъ формъ даютъ народы азіатскаго происхожденія; особенно распространена приращенная мочка, повидимому, у монголовъ. При этомъ для монголовъ характерно именно приращение формы I, что

особенно видно изъ данныхъ для калмыковъ, у которыхъ приращеніе ф. II составляетъ всего только 5,3%, тогда какъ приращеніе ф. I распространено въ 50,9%. Для финновъ и другихъ урало-алтайскихъ народовъ повышение процента приращенной мочки зависитъ главнымъ образомъ, повидимому, отъ значительнаго распространенія у нихъ формы II; прямое свидѣтельство въ пользу этого предположенія мы имѣемъ только въ данныхъ Vali, который утверждаетъ, что у мадьяръ «простое приращеніе мочки» (т. е. ф. II) встрѣчается приблизительно въ $\frac{3}{4}$ всѣхъ случаевъ. тогда какъ для формы I Vali даетъ точную цифру всего въ 5,6%. У европейцевъ приращеніе въ формѣ II далеко не рѣдко (вопреки утвержденіямъ тѣхъ авторовъ, которые считаютъ эту форму за признакъ дегенеративнаго уха), и ея насчитываютъ отъ 10,8% до 23,3%. Приращеніе ф. I у европейцевъ встрѣчается значительно рѣже: для нѣмцевъ Karutz отмѣтилъ его всего въ 2-хъ процентахъ; большинство другихъ группъ европейцевъ даетъ около 5% этой формы, и только у великоруссовъ она отмѣчена мною въ 13,7%.

Но приращеніе ф. I составляетъ характерный признакъ монгольскаго уха; отсюда невольно возникаетъ вопросъ, не составляетъ ли повышенный процентъ этой формы у великоруссовъ указанія на примѣсь монгольской крови? Для освѣщенія этого вопроса я выдѣлилъ изъ изслѣдованныхъ мною 325 рязанцевъ всѣхъ субъектовъ съ приращеніемъ мочки въ формѣ I и вычислилъ для нихъ процентъ распространенія блѣлаго и темнаго типовъ, ростъ, главнѣйшія измѣренія головы и лица. Сравнивая полученныя цифры съ общей массой рязанцевъ, я убѣдился въ томъ, что выдѣленная группа ни въ чемъ не отличается отъ общей массы рязанцевъ и не представляетъ ни одного признака, который сближалъ бы ее хоть въ какомъ-нибудь отношеніи съ монголами; не нашлось сближающихъ съ монголами признаковъ даже въ томъ случаѣ, когда изъ группы субъектовъ съ приращеніемъ мочки ф. I я отобралъ отдѣльно низкорослыхъ субъектовъ, предполагая хотя бы въ этой подгруппѣ открыть другіе признаки, сближающіе ихъ съ монголами.

Приращенная мочка не избѣгла, конечно, и вниманія психіатровъ и антропологовъ - криминалистовъ; при этомъ слѣдуетъ отмѣтить чрезвычайно любопытный фактъ: простое приращеніе мочки (ф. II) считается за признакъ дегенерации; во всѣхъ почти руководствахъ по психіатріи, разъ только дается хотя бы самый краткій перечень дегенеративныхъ признаковъ, приращенная мочка обязательно фигурируетъ въ этомъ спискѣ. Между тѣмъ ни одинъ изъ авторовъ, пытавшихся изучить вопросъ путемъ статистическихъ данныхъ, не могъ придти къ выводу о какомъ-либо значеніи простаго приращенія мочки, какъ признака дегенерации. Даже наиболѣе убѣжденный и увлекающійся апологетъ дегенеративнаго уха Binder считаетъ приращенную мочку за «нормальное» явленіе и указываетъ,

что эта форма у здороваго населенія встрѣчается такъ же часто, если еще не чаще, чѣмъ у душевно-больныхъ; къ отрицательному же выводу приводитъ и статистика Féré et Seglas; изысканія Gradenigo показали, что у нормальнаго населенія простое приращеніе мочки отмѣчается (у мужчинъ) въ 21,3% всѣхъ случаевъ, тогда какъ у душевно-больныхъ только въ 17,5%. Статистикъ же, показывающихъ распространеніе простаго приращенія мочки среди душевно-больныхъ или среди преступниковъ въ большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ среди нормальнаго населенія, не существуетъ совершенно. Но это не мѣшаетъ практическимъ психіатрамъ по-прежнему считать простое приращеніе мочки за признакъ дегенераціи потому только, что объ этомъ упоминаетъ (безъ цифровыхъ, однако, данныхъ) самъ творецъ ученія о вырожденіи Morel, а за нимъ и одинъ изъ ближайшихъ его послѣдователей Legrand du Saule. Очевидно, что и среди людей науки, какъ среди общей массы человѣчества, играютъ не малую роль историческія переживанія.

Нѣсколько иное значеніе приписывается авторами приращенію мочки въ формѣ I. Такъ, Gradenigo даетъ для Италіи слѣдующія цифры этой формы: у нормальныхъ — 5,2%, у преступниковъ — 7,6% и у душевно-больныхъ — 9,7%; Vali (для мадьяръ): у нормальныхъ — 5,6%, для душевно-больныхъ — 13,6%; къ аналогичному выводу приходитъ и Binder (безъ сравнительной съ нормальными статистики), а также и Warda, основывающіеся на большемъ распространеніи мочки у больныхъ съ наслѣдственнымъ отягченіемъ по сравненію ихъ съ больными, свободными отъ наслѣдственнаго отягченія. Цифровыя различія авторовъ, однако, не очень велики. Въ таблицѣ 16-ой приводятся данныя, полученные мною для великоруссовъ.

Т а б л и ц а 16.

		У 100 душевно-больныхъ великоруссовъ.	У 325 нормальныхъ рязанцевъ.
Приращеніе мочки ф. I		20,5 %	13,7 %
" " " II		20,0	21,7
" " " III		29,5	26,1
" " " IV		30,0	38,7

Формы II и III не представляютъ особыхъ различій, но форма I замѣтно болѣе распространена среди больныхъ, форма же IV, наоборотъ, — среди здоровыхъ. Изъ другихъ особенностей мочки упомянемъ еще о существованіи на ней (иногда) особаго вдавленія, sulcus supralobularis, которое иногда занимаетъ почти всю средину мочки и сливается даже съ лежащей внѣ мочки fossa scaphoidea; послѣдній случай, отмѣчаемый въ схемѣ Schwalbe какъ s. supralobularis ф. IV, принимался нѣкоторыми изслѣдователями (Binder, Gradenigo и др.) за признакъ дегенеративнаго уха.

5. Отстояніе уха отъ черепа. Та или другая степень отстоянія уха отъ черепа, опредѣляемая обыкновенно терминами: 1) далекое отстояніе уха или оттопыренное ухо (ф. III по схемѣ Schwalbe), 2) среднее отстояніе (ф. II по Schwalbe), 3) тѣсное прилежаніе уха къ черепу (ф. I), обращала на себя вниманіе нѣкоторыхъ излѣдователей, эксплуатировавшихъ ее въ цѣляхъ установки расовыхъ различій или дифференцировки физическаго типа патологическаго населенія отъ нормальнаго. Одно время господствовало мнѣніе, что оттопыренные уши составляютъ признакъ низшихъ расъ, вслѣдствіе чего эта особенность приписывалась ушамъ негровъ. Новѣйшія цифровыя данныя, собранныя Карутцъ, говорятъ, однако, иное, такъ какъ у 97 негровъ и австралійцевъ (сборныя группы) оттопыренное ухо отмѣчено всего въ 10 случаяхъ, т.-е. въ 10,3%. Говорили также, что оттопыренное ухо свойственно большинству народовъ азіатскаго происхожденія (Torinard, Gervé et Novelaque утверждали это относительно уха монголовъ вообще, Bälz — объ ухѣ японцевъ и китайцевъ; подобнаго же рода замѣчанія относительно другихъ азіатскихъ народовъ дѣлались мимоходомъ Пржевальскимъ, Зеландомъ и нѣкоторыми другими излѣдователями). Но у большинства авторовъ нѣтъ соответствующихъ цифровыхъ данныхъ. Weissenberg даетъ цифры для 68 изслѣдованныхъ имъ башкиръ, у которыхъ сильное отстояніе уха отъ черепа отмѣчено всего въ 4-хъ случаяхъ (около 6%); кромѣ того, Weissenberg отличаетъ у нихъ 12 случаевъ (около 17%) «слегка оттопыреннаго уха». У изслѣдованныхъ мною калмыковъ я лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ видѣлъ оттопыренное ухо; А. А. Ивановскій, изслѣдовавшій ближайшихъ родственниковъ нашихъ калмыковъ — торговъ Тарбагатайской области, упоминаетъ (безъ цифръ) о томъ, что ихъ уши обыкновенно «слегка отклонены впередъ». Я самъ, соприкасаясь часто и подолгу съ астраханскими и казанскими татарами, долженъ, однако, принять, что у тѣхъ и у другихъ оттопыренное ухо встрѣчается очень часто; то же припоминается мнѣ и относительно видѣнныхъ мною въ большомъ числѣ киргизъ, а также и тѣхъ сартовъ, туркменовъ и другихъ тюркскихъ племенъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться (главнымъ образомъ въ Астрахани), такъ что, при условіи довѣрія общему впечатлѣнію, не повѣренному на цифрахъ, я склоненъ былъ бы принять, что оттопыренное ухо составляетъ расовую особенность тюркскихъ племенъ. Но тутъ же мнѣ невольно припоминаются головные уборы этихъ народовъ: тюбетейки, турбаны, малахан, могущіе вліять на положеніе уха. За вліяніе головныхъ уборовъ на отстояніе уха отъ черепа высказываются также Curtis, Binder, Nachtigal, Karutz, Гильченко и мн. другіе. Къ этому надо прибавить, что многія изъ тюркскихъ племенъ имѣютъ еще обычай брить волосы на головѣ, отъ чего отстояніе уха отъ черепа кажется у нихъ нѣсколько большимъ. Для европейскихъ на-

родовъ оттопыренное ухо отмѣчается: Gradenigo для итальянцевъ — въ 11,1%, Frigerio для итальянцевъ же — въ 17%,¹⁾ моя цифра для рязанцевъ близка къ этимъ цифрамъ (10,4%), Karutz для нѣмцевъ даетъ нѣсколько меньшую цифру (8,2%), Lannois же для французовъ значительно большую (25,2%). Тѣ скудныя данныя относительно распространенія оттопыренного уха по расамъ, какія имѣются сейчасъ въ наличности, не позволяютъ придти къ какимъ-либо опредѣленнымъ выводамъ. Въ литературѣ существуютъ также нѣкоторые случайныя замѣчанія и относительно тѣсно прилежащаго къ черепу уха, но они такъ скудны, что о нихъ не стоитъ въ сущности и говорить. Мои изслѣдованія среди великоруссовъ дали слѣдующія цифры: ф. I (тѣсно прилежащее ухо) — 7,3%, ф. II (среднее положеніе) — 82,1% и ф. III (оттопыренное ухо) — 10,4%.

На оттопыренное ухо, какъ на характерный признакъ преступниковъ, обратилъ впервые вниманіе Lombroso; онъ и его послѣдователи дали или итальянскихъ преступниковъ слѣдующія цифры:

Arno	(150 наблюден.)	5,0%
Marro	(5295)	„ 7,7%
Stura e Arese (19)	„ 16,0%
Gradenigo . .	(200)	„ 25,2%
Lombroso . . .	(394)	„ 28,0%
De Sarlo . . .	(89)	„ 31,0%
Penta	(400)	„ 35,0%

Большая часть этихъ цифръ превосходитъ цифры, данныя для нормальныхъ итальянцевъ Gradenigo (11,1%) и Frigerio (17%).

Въ таблицѣ 17-й приводятся цифры тѣхъ изъ немногихъ авторовъ, которые, изслѣдуя уши преступниковъ и душевно-больныхъ, давали въ то же время сравнительныя цифры и для нормальнаго населенія.

Т а б л и ц а 17.

Народъ.	Авторы.	Процентъ оттопыренныхъ ушей.		
		У норм.	У душ. болн.	У преступн.
Нѣмцы . . .	Karutz . .	8,2	7,7 (15,7) ²⁾	—
„ . . .	Eule . . .	0,7	—	97,0
Великоруссы	Воробьевъ.	10,4	35,0	—
Итальянцы .	Gradenigo .	11,1	26,0	25,2
Мадьяры . .	Vali	16,8	36,5	—

¹⁾ Frigerio измѣрялъ уголъ отстоянія уха отъ черепа въ градусахъ; за оттопыренное ухо я принимаю (по Schwalbe) случаи, гдѣ этотъ уголъ болѣе 90°.

²⁾ Въ скобкахъ поставлены цифры для воспитанниковъ заведенія для слабоумныхъ; внѣ скобокъ—для душевно-больныхъ.

Сюда же надо прибавить и результаты изслѣдованных Frigerio измѣреній ушновисочнаго угла.

Норм. Душ.-бол. Прест. Обезьяны.

50°—70°	31%	18%	18%	0
71°—89°	52%	44%	45%	30%
90° и болѣе	17%	38%	35%	70%

Всѣ авторы отмѣчаютъ, такимъ образомъ, избытокъ (и даже довольно значительный) оттопыренныхъ ушей у патологическаго населенія. Съ этимъ фактомъ приходится, очевидно, считаться. Найденныя различія не зависятъ, повидимому, отъ методологическихъ ошибокъ (главнымъ образомъ отъ сравненія группъ различнаго расоваго состава и различнаго социальнаго положенія, возраста и т. д.), такъ какъ и мои личныя изслѣдованія, произведенныя при возможно полномъ соблюденіи единства сравниваемыхъ группъ, привели къ тѣмъ же результатамъ. Нельзя здѣсь, слѣдовательно, ссылаться и на вліяніе головного убора, и на вліяніе бѣдности (Maпouvrier возражалъ Lombroso, что тотъ демонстрируетъ не черепа преступниковъ, а черепа людей изъ неимущихъ классовъ). Магго объявилъ оттопыренное ухо атавистическимъ признакомъ, а атавизмъ порождаетъ, по его мнѣнію, и преступность, и душевныя болѣзни. Того же взгляда держится и Frigerio. Но это положеніе не можетъ быть принято по той простой причинѣ, что изъ обезьянъ, на которыхъ ссылаются и Магго, и Frigerio, только немногіе виды (особенно шимпанзе) обладаютъ оттопыренными ушами, у большинства же обезьянъ, въ томъ числѣ и у остальныхъ антропоидныхъ, уши скорѣе даже тѣсно прилежать къ черепу или занимаютъ во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ среднее положеніе. Не можетъ оттопыренное ухо считаться, какъ это полагаютъ нѣкоторые авторы, и признакомъ задержки развитія, такъ какъ эмбриональное ухо не представляется сильно оттопыреннымъ, и число оттопыренныхъ ушей, наблюдающееся у извѣстнаго процента человѣческихъ эмбрионовъ на раннихъ стадіяхъ ихъ развитія, не падаетъ, по изслѣдованіямъ Schaffer'a, въ болѣе поздніе періоды эмбриональной жизни, но остается стаціонарнымъ до самаго рожденія ребенка. Gradenigo нашелъ, что у человѣческаго эмбриона на раннихъ стадіяхъ его развитія замѣчается, правда, уменьшающееся въ позднѣйшихъ стадіяхъ оттопыриваніе, но не всего уха, а только верхней его части; этого рода оттопыриваніе напоминаетъ нѣсколько положеніе уха четвероногихъ, но антропологи-криминалисты и психіатры считаютъ характернымъ оттопыриваніе не верхняго полюса, но всей ушной раковины in toto, т.-е. явленіе, не имѣющее аналоговъ ни въ эмбриональной жизни человѣка, ни въ зрѣломъ состояніи низшихъ животныхъ.

Мы уже видѣли, что по отношенію къ большинству какъ измѣрительныхъ, такъ и описательныхъ признаковъ нельзя доказать существованіе рѣзко замѣтныхъ различій между ухомъ патологическаго и нормальнаго населенія; нѣкоторая разница замѣтна, правда, по отношенію къ Дарвинову бугорку, но она не такъ еще велика, чтобы ее можно было бы принять безъ всякихъ оговорокъ. Но оттопыренное ухо представляетъ, повидимому, нѣсколько иные отношенія, и въ этомъ случаѣ разница между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ настолько рѣзко выражена, что отрицать ея существованіе нѣтъ никакой возможности. Не вдаваясь въ пространныя разсужденія о значеніи этого признака, такъ рѣзко выдѣляющагося отъ всѣхъ остальныхъ, я ограничусь здѣсь только общимъ замѣчаніемъ, что, на мой взглядъ, эта особенность патологическаго населенія должна быть скорѣе отнесена къ особенностямъ конфигураціи черепа, а не уха, т.-е., другими словами, у душевно-больныхъ и преступниковъ не ухо далеко отходитъ отъ черепа, но подлежащая часть черепа (основаніе чешуи височной кости и сосцевидный отростокъ) менѣе выпукла и какъ бы отходитъ отъ ушной раковины, занимающей въ сущности нормальное положеніе. Спѣшу, впрочемъ, оговориться, что это положеніе я выставляю лишь въ видѣ гипотезы, въ подтвержденіе которой я не могу привести вѣскихъ и неоспоримыхъ данныхъ, основанныхъ на числѣ и мѣрѣ.

Въ таблицѣ 18-й приводятся данныя относительно распространенія у нормальныхъ и душевно-больныхъ великоруссовъ всѣхъ трехъ формъ отстоянія уха (по схемѣ Schwalbe).

Т а б л и ц а 18.

	Нормальные великоруссы (рязанцы).	Душевно-больные великоруссы.
Отстояніе уха ф. I (тѣсное прилежаніе)	7,3%	4,5%
„ „ „ II (среднее положеніе)	82,1%	60,5%
„ „ „ III (оттопыренное ухо)	10,4%	35,0%

IV.

Группировка индивидуальных формъ человѣческаго уха.

При крайней измѣнчивости сложныхъ контуровъ уха число индивидуальныхъ комбинацій безконечно, такъ что ухо могло бы считаться однимъ изъ органовъ, очень удобныхъ для установки идентичности личности (чѣмъ и пользуется Bertillon). если бы, впрочемъ, формы уха и его размѣры не подвергались довольно значительнымъ возрастнымъ измѣ-

неніямъ. При такомъ множествѣ всевозможныхъ комбинацій необходимо, очевидно, для удобства общаго обзора и сравненія различныхъ человѣческихъ группъ между собою и среди разнообразія установить извѣстные единства, воспользовавшись тѣми или другими общими чертами различныхъ формъ. Попытка установки извѣстныхъ группъ сдѣлана была Binder'омъ при изученіи уха душевно-больныхъ, но его группировка проведена на слишкомъ случайныхъ и виѣшнихъ признакахъ. Я лично остановился на мысли о группировкѣ формъ уха по степени полноты развитія (зрѣлости) отдѣльныхъ его частей. Изъ всей массы разнообразныхъ формъ выдѣляется прежде всего группа зрѣлыхъ или вполне развитыхъ ушей; уши же, носящія тѣ или другіе признаки недоразвитія, могутъ быть подраздѣлены на различныя группы по степени ихъ недоразвитія, опредѣляемой числомъ образованій, проявляющихъ признаки недоразвитія.

Зрѣлость формы уха, съ морфологической точки зрѣнія, характеризуется слѣдующими признаками: общій контуръ уха очерченъ хорошо развитымъ завиткомъ, безъ Дарвинова бугорка или лишь съ слабо выраженнымъ бугоркомъ (ф. IV—VI) и безъ Сатирова бугорка, хорошо отграниченною отъ кожи щеки мочкою и козелкомъ четырехугольной, а не конической формы (козелкомъ съ наличностью *tub. supratragici*); внутренній рельефъ уха не долженъ рѣзко выступать кнаружи (т.-е. стволъ *antheliceis* долженъ быть въ плоскости уха Bertillon'a или даже внутри отъ нея); *fossa scaphoidea* не должна быть развита слишкомъ рѣзко и не должна переходить на мочку.

Установка группы недоразвитыхъ ушей дѣлалась мною на основаніи наличности одного или нѣсколькихъ изъ слѣдующихъ 7 признаковъ: 1) Дарвиновъ бугорокъ ф. I—III, 2) Сатировъ бугорокъ ф. I, 3) нижняя часть завитка ф. I, 4) стволъ противозавитка ф. III, 5) *tub. supratrag.* 0, 6) приращеніе мочки ф. I—II, 7) *sule. supralob.* ф. IV. Эти признаки многообразно комбинируются между собою. Принимая уши съ однимъ изъ упомянутыхъ признаковъ за формы переходныя отъ зрѣлыхъ къ недоразвитымъ, уши съ двумя такими признаками за недоразвитыя, а съ тремя и болѣе—за сильно недоразвитыя формы, у изслѣдованныхъ мною рязанцевъ получимъ слѣдующее распредѣленіе группъ:

Зрѣлыя формы наблюдались	на 152 ушахъ или въ 23,4%	всѣхъ случ.
Переходныя группы	225 " " "	34,6% " "
Группа недоразвитыхъ формъ	151 " " "	23,2% " "
Группы сильно недоразвитыхъ ушей " 122	" " "	18,7% " "

Признаки недоразвитія располагаются не всегда симметрично на обоихъ ушахъ, и не рѣдки случаи, когда одно ухо у человѣка представляетъ зрѣлую форму, а другое имѣетъ и даже не одинъ, а два или три

признака недоразвитія. Въ таблицѣ 19-й указано число субъектовъ, носящихъ по одному, по два, по три и т. д. признака недоразвитія ушей.

Т а б л и ц а 19.

	На обоихъ ушахъ.	На одномъ только ухъ.	Сумма всѣхъ ушей съ призн. недоразвитія.
По 1 признаку незрѣлости уха	105	15	225
" 2 " " " "	68	15	151
" 3 " " " "	38	15	91
" 4 " " " "	4	11	19
" 5 " " " "	3	3	9
" 6 " " " "	1	1	3

Въ таблицѣ 20-й указано (въ первомъ столбцѣ), сколько разъ каждый изъ разсматриваемыхъ признаковъ составляетъ единственный признакъ недоразвитія уха; во второмъ столбцѣ приведены числа, указывающія, сколько разъ соответствующій признакъ былъ отмѣченъ на всѣхъ ухахъ рязанцевъ не только единично, но и въ комбинаціи съ другими признаками, и, наконецъ, цифры третьяго столбца показываютъ, въ какомъ процентѣ случаевъ каждый изъ признаковъ недоразвитія является одиночнымъ.

Т а б л и ц а 20.

	Какъ оди- ночн. призн. незрѣлости.	Во всевоз- можныхъ комбинаціяхъ.	Въ какомъ % всѣхъ случаевъ встр. одиночно.
Нижняя часть завитка.	0	48	0
Дарвиновъ бугорокъ ф. I—III . . .	3	88	3,4%
Стволъ противозавитка ф. III . . .	50	196	25,5%
Приращеніе мочки ф. I и II	59	230	25,6%
Tuberc. supratragic.—0.	45	162	27,7%
Sulcus supralobularis ф. IV	44	156	28,2%
Сатировъ бугорокъ	24	59	40,6%

Изъ приведенной таблицы видно, что неразвитая нижняя часть завитка—форма сама по себѣ не рѣдкая (48 случаевъ)—никогда не встрѣчается одиночно, но сочетается всегда еще и съ другими признаками недоразвитія; очень рѣдко, равнымъ образомъ, не сочетаются съ другими признаками и рѣзкія формы Дарвинова бугорка; всего чаще (не многимъ меньше, чѣмъ въ половинѣ всѣхъ случаевъ) бываетъ одиночнымъ признакомъ недоразвитія Сатировъ бугорокъ; остальные признаки недоразвитія встрѣчаются одиночно въ 25%—27%.

Въ общемъ же тенденція различныхъ признаковъ недоразвитія къ сочетаніямъ очень велика, такъ какъ и наиболѣе часто встрѣчающійся изолированно Сатировъ бугорокъ все-таки больше, чѣмъ въ половинѣ всѣхъ

случаевъ, входитъ въ различныя комбинаціи съ другими признаками недоразвитія. Изъ болѣе частыхъ двойныхъ комбинацій можно было отмѣтить у рязанцевъ:

1. Стволь anthel. ф. III и приращеніе мочки ф. I и II на 31 ухѣ	
2. Tub. supratragic. 0+приращеніе мочки ф. I и II	25 "
3. Приращеніе мочки ф. I и II+sul. supralob. ф. IV	24 "
4. Tub. supratrag. 0+s. supralobul. ф. IV	20 "
5. Стволь anthel. III+s. supralob. IV	14 "
6. Tub. supratrag. 0+стволь anthel. III	13 "

Остальныя двойныя комбинаціи различнаго рода отмѣчены не чаще, какъ на 5 ушахъ.

Изъ комбинацій по 3 признака чаще другихъ встрѣчаются:

1. Дарвиновъ бугорокъ I—III+helix ф. I+ств. anthelicis III	на 13 ушахъ.
2. Дарвиновъ бугорокъ I—III+ств. anthel. III+прир. мочка I—II	" 11 "
3. Tub. supratrag. 0+ств. anthel. III+прир. мочка I—III	" 9 "
4. Ств. anthel. III+прир. мочка I—II+s. supralob. IV	" 9 "
5. Helix I+ств. anthel. III+прир. мочка I—II	" 6 "

Остальныя комбинаціи повторяются не чаще, какъ 5 разъ (и менѣе).

Самыя частыя комбинаціи по 4 признака повторяются всего по 4 раза.

1. Дарвин. бугор. ф. I—III+tub. supratr. 0+прир. мочка I—II+s. supralob. IV и
2. Дарвин. бугор. ф. I—III+helix I ; tub. supratr. 0 ; ств. anthel. III).

Комбинаціи по 5 признаковъ (всего 9) сопровождаются обязательнымъ участіемъ завитка ф. I, Дарвин. буг. ф. I—III не участвуетъ въ нихъ всего одинъ только разъ. Наиболѣе частая комбинація: всѣ признаки незрѣлости, кромѣ Сатирова буг. и s. supralob. IV, встрѣтились 4 раза, затѣмъ всѣ признаки безъ tub. supratrag. 0 и безъ Сатирова буг.— 3 раза, остальные—по одному разу. Наконецъ, комбинаціи по 6 признаковъ, наблюдавшіяся на двухъ ушахъ, заключали въ себѣ одинъ разъ всѣ признаки кромѣ недоразвитія завитка, другой разъ—кромѣ tub. supratrag. 0.

V.

Вариаціи въ формахъ уха въ зависимости отъ измѣненій другихъ антропологическихъ факторовъ.

Ростъ, одинъ изъ важнѣйшихъ антропологическихъ факторовъ, значительно вліяетъ на пропорціи остальныхъ органовъ, увеличивающихся съ увеличеніемъ роста. При этомъ знаменитымъ французскимъ антропо-

логомъ А. Bertillon'омъ открытъ законъ, въ силу котораго величины отдѣльныхъ частей организма (ступни и нѣкот. другихъ) увеличиваются не вполне пропорціонально росту, но нѣсколько въ болѣе медленномъ темпѣ, такъ что, будучи выраженными въ абсолютной мѣрѣ, онѣ даютъ съ увеличеніемъ роста большія цифры, выраженные же въ процентахъ роста, для большаго роста онѣ даютъ меньшія величины, чѣмъ для малаго роста. Этотъ законъ былъ распространенъ А. Г. Рождественскимъ и на величину головы въ ея вертикальной проекціи; мнѣ же въ одной изъ моихъ предыдущихъ работъ удалось показать, что тому же закону подчиняется и увеличеніе съ ростомъ всѣхъ главнѣйшихъ измѣреній головы и лица (продольный и поперечный діаметръ черепа, окружность головы, длина и ширина лица). Наружное ухо во всѣхъ его измѣреніяхъ также не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; особенно ясно видно проявленіе этого закона по отношенію къ длинѣ уха, которая для низкорослыхъ рязанцевъ (до 165 сант.) составляетъ 60,6 мм. или 3,83% роста, для субъектовъ высокорослыхъ (выше 165 сант.)—62,1 мм. или 3,76% роста; то же замѣтно и при дѣленіи на 4 группы роста; аналогичное явленіе отмѣчается и по отношенію къ другимъ измѣреніямъ уха. При этомъ измѣненія длины и ширины уха въ зависимости отъ роста довольно пропорціональны, такъ что фізіономическій указатель уха съ увеличеніемъ роста не представляетъ особенно замѣтныхъ измѣненій. Но длина основанія уха растетъ съ увеличеніемъ роста замѣтно сильнѣе, чѣмъ истинная высота, такъ что морфологическій указатель уха съ увеличеніемъ роста замѣтно увеличивается. Слѣдующая таблица можетъ служить для иллюстраціи только что указанныхъ отношеній.

Т а б л и ц а 21.

Измѣненія среднихъ величинъ морфологическаго указателя уха по группамъ роста

	Для ушей съ свободной мочкой.	Для ушей съ приращен. мочкой.
Низкій ростъ	130,2	142,4
Ниже средняго	132,2	146,6
Выше средняго	135,8	149,5
Высокій ростъ	132,5	148,1

Мнѣ удалось также прослѣдить нѣкоторое вліяніе роста и на описательные признаки уха; для противозавитка, противокозелка и для степени отстоянія уха отъ черепа такая зависимость не могла быть, правда, доказана, но для Дарвинова бугорка, для Сатирова бугорка, для завитка, козелка, а въ болѣе слабой степени и для формы приращенія мочки она

ясно замѣтна. По отношенію къ Дарвинову бугорку отмѣчается съ увеличеніемъ роста убываніе рѣзко выраженныхъ его формъ; по отношенію къ завитку—увеличеніе съ ростомъ числа случаевъ болѣе полного его развитія; число случаевъ наличности Сатирова бугорка съ увеличеніемъ роста убываетъ, убываетъ и число недоразвитыхъ формъ козелка (*tub. supratrag.* 0), нѣсколько слабѣе убываніе съ ростомъ приращенныхъ формъ мочки. Присматриваясь къ характеру измѣненій формы уха съ ростомъ, легко видѣть, что всѣ они объединены однимъ общимъ признакомъ, а именно, съ увеличеніемъ роста, убываетъ число недоразвитыхъ формъ.

Но и другія измѣренія, кромѣ роста, оказываютъ, повидимому, нѣкоторое модифицирующее вліяніе на наружное ухо. Такъ, у рязанцевъ можно было прослѣдить замѣтное возрастаніе ширины (но не длины) уха съ увеличеніемъ ширины лица между скуль. Общая форма уха зависитъ до нѣкоторой степени и отъ формы черепа, такъ какъ и фізіономическій, и морфологическій указатель уха немного возрастаютъ съ увеличеніемъ показателя головы. Мною замѣчены были также нѣкоторыя различія въ формѣ и размѣрахъ уха между рязанцами свѣтлаго и темнаго типовъ, но различія эти не очень велики и совпадаютъ по своему характеру съ различіями, какія отличаютъ болѣе высокорослыхъ субъектовъ отъ болѣе низкорослыхъ (рязанцы темнаго типа рослѣе рязанцевъ свѣтлаго типа).

Возрастныя измѣненія главнѣйшихъ измѣреній уха были прослѣжены Frigerio и Schwalbe. Frigerio утверждаетъ, что абсолютные размѣры уха возрастаютъ довольно правильно до 14—15 лѣтъ, достигая въ этомъ возрастѣ средней величины уха взрослыхъ людей; Schwalbe же, изслѣдуя размѣры ушей взрослыхъ по десятилѣтіямъ, утверждаетъ, что человѣческое ухо непрерывно увеличивается вплоть до глубокой старости. Этого явленія Frigerio не могъ замѣтить уже по той простой причинѣ, что для него представителями взрослыхъ были солдаты, т. е. молодые люди въ возрастѣ 20—25 лѣтъ. Кажется, однако, что и заявленіе Schwalbe не вполне точно, и если бы онъ, при большемъ числовомъ матеріалѣ, ввелъ дѣленія на нѣсколько меньшія возрастныя группы, онъ могъ бы убѣдиться, что размѣры уха послѣ болѣе или менѣе быстраго роста до 14—15 лѣтъ, а въ иныхъ случаяхъ и до гораздо болѣе поздняго возраста, какъ бы останавливаются въ ростѣ, но потомъ послѣ 25 или 30 лѣтъ, иногда и позже, начинаютъ опять увеличиваться. Такія, по крайней мѣрѣ, отношенія удалось мнѣ установить для великоруссовъ. Приведемъ для примѣра таблицу возрастныхъ измѣненій длины уха.

Т а б л и ц а 22.

Измѣненія длины уха по возрастамъ.

Возрастъ.	Число набл.	Предѣлы индивидуал. величинъ въ mm.	Сумма.	Средн. ариѳ. въ mm.
Отъ 3-хъ мѣсяц. до 1 года.	15	35—49	649	43,2
Свыше 1 года и до 3-хъ лѣтъ	15	46—53	748	49,8
Свыше 3-хъ и до 6 лѣтъ.	10	49—59	525	52,5
Отъ 7 и до 10 лѣтъ	10	50—60	534	53,4
„ 11 „ 14 „	15	56—62	883	58,8
„ 15 „ 17 „	15	51—71	904	60,2
„ 18 „ 21 „	51	—	3049	59,8
„ 22 „ 25 „	64	—	3873	60,5
„ 26 „ 30 „	87	—	5314	61,1
„ 31 „ 35 „	47	—	2914	62,0
„ 36 „ 40 „	32	—	2020	63,1
„ 41 „ 45 „	19	—	1213	63,3
„ 46 „ 60 „	24	—	1521	63,4

Возрастные измѣненія можно отмѣтить не только для измѣрительныхъ, но также и для нѣкоторыхъ описательныхъ признаковъ. Такъ, еще Frigerio указывалъ на измѣненія козелка, конического у дѣтей (*tub. supratrag. 0* по схемѣ Schwalbe) и четырехугольнаго у взрослыхъ (*tub. supratrag. I*). Мои личныя изслѣдованія рѣзко подчеркиваютъ эту особенность, такъ какъ наличность *tub. supratragici* у дѣтей до одного года не отмѣчена ни разу, отъ году до 3-хъ лѣтъ только въ 13,4%, отъ 4 до 6 лѣтъ—въ 40% всѣхъ случаевъ, отъ 7 до 10 лѣтъ уже въ 60%, отъ 11 до 14 лѣтъ—въ 66,6%, отъ 14 и до 20 лѣтъ цифры мѣняются мало, но послѣ 20—25 лѣтъ замѣчается новое нарастаніе формъ вполне развито козелка, длящееся вплоть до старости.

Не менѣе рѣзко выражено у великоруссовъ возрастное убываніе случаевъ наличности Сатирова бугорка, отмѣчаемое у дѣтей до 3-хъ лѣтъ въ 46% всѣхъ случаевъ, а у взрослыхъ—только въ 9%.

Для другихъ формъ возрастныхъ измѣненія не такъ рѣзки. Для Дарвинова бугорка можно отмѣтить убываніе ф. I—III вплоть до 17 лѣтъ (отъ 3 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ—30,0%, отъ 4 до 10 лѣтъ—20,0%, отъ 11 до 17 лѣтъ—16,6%); послѣ 17 лѣтъ процентъ случаевъ рѣзко выраженныхъ формъ остается стаціонарнымъ вплоть до старости. Завитокъ же, обратно, мало варьируетъ въ дѣтскомъ возрастѣ (число вполне развитыхъ формъ, т.-е. ф. III, отъ 3 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ составляетъ 53,3%, отъ 4 до 10 лѣтъ—55,5%, отъ 11 до 17 лѣтъ—50,0%); мало измѣ-

няется онъ и въ среднемъ возрастѣ, но въ возрастѣ послѣ 40 лѣтъ ф. III замѣтно прибываетъ (отъ 18 до 25 л. ф. III—43,5%, отъ 26 до 40 л.—53,3%, послѣ 40 лѣтъ—69,7%). Довольно ясно выражены возрастные измѣненія въ формахъ мочки.

Т а б л и ц а 23.

	Отъ 3м. до 3 л. %	Отъ 4 до 10 л. %	Отъ 11 до 17 л. %	Отъ 18 до 25 л. %	Отъ 26 до 40 л. %	Выше 40 л. %
Приращеніе мочки						
форма I	23,3	15,0	13,3	15,7	13,8	8,1
„ II	23,3	15,0	16,6	21,7	23,3	15,1
„ III	26,6	35,0	33,3	28,2	27,2	16,3
„ IV	26,6	35,0	36,6	34,3	35,6	60,4

Въ возрастѣ отъ 3 мѣс. до 3 лѣтъ замѣтно больше, чѣмъ въ слѣдующей возрастной группѣ, формъ I и II и меньше ф. III и IV; начиная же отъ 11 лѣтъ, цифры остаются стаціонарными до 40 лѣтъ, послѣ же 40 лѣтъ вновь замѣтно убываетъ число формъ I и II, но форма IV получаетъ чрезвычайное распространеніе (60,4%). Мы видимъ, слѣдовательно, что величины отдѣльныхъ измѣреній уха увеличиваются до возраста 11—17 лѣтъ, потомъ послѣ нѣкотораго періода стаціонарнаго состоянія онѣ начинаютъ вновь увеличиваться. Большинство измѣненій описательныхъ признаковъ, т.-е. формъ отдѣльныхъ образований уха, сводится къ тому, что въ дѣтскомъ возрастѣ оказываются болѣе, чѣмъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, распространенными недоразвитыя формы, потомъ наступаетъ періодъ стаціонарнаго состоянія, начинающійся для нѣкоторыхъ формъ очень рано (для мочки, напр., уже въ періодъ между 4 и 10 годами) и длящійся приблизительно до 40 лѣтъ, послѣ чего вновь наступаетъ замѣтная прибавка формъ болѣе развитыхъ.

Едва ли возможно думать, что эти измѣненія свидѣтельствуютъ о ростѣ и продолженіи прогрессивнаго развитія уха даже и въ то время, когда всѣ важнѣйшіе органы не только перестали расти, но начали уже подвергаться регрессивному процессу. Вѣрнѣе будетъ думать, что прекращеніе роста уха соотвѣтствуетъ времени наступленія стаціонарнаго періода, новыя же измѣненія послѣ 40 лѣтъ принадлежать, какъ и большинство измѣненій, свойственныхъ этому возрасту, къ процессамъ увяданія. Легко объяснить тотъ фактъ, что увяданіе хряща кожи уха сопровождается увеличеніемъ всѣхъ его измѣреній; общая воронкообразная форма наружнаго уха человѣка, съ потерей эластичности образующихъ его тканей, отвисаетъ и уплощается. Тотъ же фактъ, что старческія измѣненія въ формахъ

уха совпадают по своему характеру съ явлениями періода развитія и даютъ уху какъ бы болѣе законченныя, болѣе полно развитыя формы, находятъ себѣ объясненіе въ томъ, что и происходящій въ эмбриональной жизни процессъ складыванія отличительныхъ человѣческихъ формъ есть, какъ это объяснилъ Schwalbe, въ сущности процессъ ретракціи, деградации хряща ушной пластинки. Ушной хрящъ у человѣка претерпѣваетъ такимъ образомъ процессъ увяданія дважды: одинъ разъ въ эмбриональной жизни, когда этотъ процессъ входитъ, какъ ингредиентъ, въ общій планъ построения организма (экономія природы, не дающей питанія органу, не такъ уже нужному для организма), въ другой разъ—въ старости. Слѣдя за возрастными измѣненіями Дарвинова бугорка, мы уже видѣли, что рѣзко выраженный его формы уменьшаются только въ дѣтскомъ возрастѣ, старческое же ихъ уменьшеніе не могло быть доказано. Я думаю, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ кажущимся явленіемъ, зависящимъ, при недостаточно большомъ количествѣ изслѣдованныхъ индивидуумовъ, отъ маскированія существующаго на самомъ дѣлѣ уменьшенія недоразвитыхъ формъ, не съ случайнымъ подборомъ наблюденій, но съ явленіемъ типичнымъ, находящимъ себѣ объясненіе въ томъ, что для исчезновенія рѣзкихъ формъ Дарвинова бугорка недостаточно одной ретракціи хряща, но требуется еще и болѣе энергичный процессъ его диссолюции, расщепленія,—процессъ, имѣющій мѣсто въ періодѣ роста, но не въ старости.

VI.

Мужское и женское ухо.

Различіе между мужскимъ и женскимъ ухомъ наиболѣе изучено Schwalbe, который утверждаетъ, что въ общемъ женское ухо меньше, тоньше очерчено и вслѣдствіе этого изящнѣе, чѣмъ мужское ухо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и представляется наиболѣе полно редуцированнымъ. Изъ послѣдняго утвержденія нельзя, впрочемъ, заключать, что женское ухо является такимъ образомъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ мужское, такъ какъ полнота редукціи не есть еще признакъ „вышей“ организаціи (по Schwalbe наиболѣе полна редукція не человѣческаго уха, а уха оранга). Впрочемъ, сравненіе ушей 325 рязанцевъ и 100 женщинъ великоруссовъ, главнымъ образомъ изъ Рязанской и Московской губерній, не вполне подтверждаетъ положеніе Schwalbe относительно большей редукціи женскаго уха. Въ таблицѣ 24-й приводятся сравнительныя данныя для главнѣйшихъ измѣрительныхъ и описательныхъ признаковъ мужского и женскаго уха великоруссовъ. Просматривая эту таблицу, мы видимъ, что мужское ухо длиннѣе женскаго по абсолютной величинѣ, но по отношенію къ росту оно оказывается короче женскаго (у муж.—3,72% роста, у жен.—3,86%); за-то женское ухо шире мужского не только относительно, но и по абсо-

лютной цифрѣ; вслѣдствіе этого и фیزیономическій указатель уха у женщинъ больше, чѣмъ у мужчинъ. Истинная высота и длина основанія уха у женщинъ немного меньше, чѣмъ у мужчинъ (и по абсолютной, и по относительной къ росту величинѣ), морфологическій же указатель уха у женщинъ больше, чѣмъ у мужчинъ. Морфологическому указателю, какъ показателю степени редукціи уха, Schwalbe придаетъ большое значеніе; слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ подтверждается мнѣніе Schwalbe относительно большей редукціи женскаго уха.

Т а б л и ц а 24.

Измѣрительные признаки:	У мужчинъ.	У женщинъ.
Длина (высота) уха	61,4 мм. (3,72% р.)	— 59,07 мм. (3,86% р.)
Ширина	32,8 " (1,98% ")	— 33,19 " (2,17% ")
Физиономическій указатель	53,48	— 56,29
Истинная высота уха	35,3 " (2,13% ")	— 32,39 " (2,11% ")
Длина основанія "	48,7 " (2,94% ")	— 45,71 " (2,92% ")
Морфологическій указатель	137,8	— 142,2

Описательные признаки:	Въ процентахъ.
Дарвиновъ бугорокъ форма I	0,3 2,0
" " " II	9,8 7,0
" " " III	3,4 4,0
" " " IV	5,5 7,0
" " " V	47,4 37,0
" " " VI	33,5 43,0
Пижняя часть завитка " I	7,4 10,5
" " " " II	40,1 29,0
" " " " III	51,5 59,5
" " " " IV	0,9 1,0
Сатировъ бугорокъ " I	9,0 23,0
Стволъ противозавитка " I	11,3 2,0
" " " " II	58,5 72,0
" " " " III	30,1 26,0
Приращеніе мочки " I	13,7 24,0
" " " " II	21,7 15,0
" " " " III	26,1 27,0
" " " " IV	38,4 34,0

По отношенію къ Дарвину бугорку между мужчинами и женщинами не замѣчается большой разницы, такъ какъ наиболѣе рѣзкія его формы (I и II) составляютъ у муж.—10,1%, а у жен.—9,0%, отсутствіе же и едва замѣтные слѣды бугорка (ф. V и VI) у муж.—80,9%, а у жен.—80,0%. По отношенію къ завитку женское ухо кажется редуцированнымъ немного больше, чѣмъ мужское, такъ какъ, хотя неразвитыя формы (I) встрѣчаются у мужчинъ рѣже, чѣмъ у женщинъ, за-то недоразвитыя (II)—обратно; вполне же развитыя формы у женщинъ встрѣчаются чаще (59,5 у жен. и 51,5 у муж.), но разница въ общемъ очень невелика.

За-то по распространенію Сатпрова бугорка женское ухо гораздо болѣе приближается къ эмбриональнымъ формамъ, чѣмъ мужское (у муж.—9%, а у жен.—23% случаевъ наличности этого бугорка). Равнымъ образомъ не въ пользу большей редукціи женскаго уха говорить и сравнительное распространеніе приращенныхъ и свободныхъ формъ мочки, что, впрочемъ, отмѣчаетъ и Schwalbe, но разница въ этомъ случаѣ невелика. Противозавитокъ сформированъ у женщинъ изящнѣе мужского, такъ какъ и случаи слабаго (ф. I), и случаи чрезмѣрнаго (ф. III) его развитія у женщинъ рѣже, чѣмъ у мужчинъ. Въ общемъ, слѣдовательно, женское ухо (у великоруссовъ, по крайней мѣрѣ) представляется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе редуцированнымъ, чѣмъ мужское, а въ нѣкоторыхъ—менѣе. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Schwalbe относительно большей изящности женскаго уха, такъ какъ, дѣйствительно, всѣ очертанія женскаго уха тоньше, опредѣленнѣе, покрывающая его кожа нѣжнѣе, по цвѣту розовѣе и представляетъ (въ молодомъ и среднемъ возрастѣ) меньшее количество различныхъ морщинокъ и складочекъ.

VII.

Расовыя формы уха.

Вопросъ о варіаціяхъ въ формахъ и размѣрахъ уха по расамъ еще только начинаетъ изучаться; тѣмъ не менѣе наличныхъ данныхъ (особенно по отношенію къ измѣрительнымъ признакамъ) уже достаточно для того, чтобы сказать вполне опредѣленно, что и особенности въ строеніи и величинѣ уха могутъ служить однимъ изъ дифференціальныхъ расовыхъ признаковъ. Наиболѣе наглядно видно это по отношенію къ длинѣ уха, а отчасти и фізіономическому его указателю.

По длинѣ уха человѣческія племена располагаются въ такомъ порядкѣ: наименьшее ухо принадлежитъ неграмъ, за ними слѣдуютъ европейцы, а потомъ уже народы азіатскаго происхожденія, причемъ уши алтайскихъ племенъ, кажется, меньше, чѣмъ уши монголовъ. По фізіономическому указателю порядокъ расположенія расъ нѣсколько иной, а именно: негры, обладающіе наименѣе длинными ушами, даютъ наибольшія величины указателя, меньше указатель у монголовъ, потомъ—у алтайскихъ народовъ и, наконецъ, у европейцевъ. По отношенію къ описательнымъ признакамъ наши свѣдѣнія для внѣевропейскихъ странъ очень скудны, немного обильнѣе они для европейцевъ. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь можно уже установить нѣкоторыя расовыя различія, замѣтныя даже и между представителями различныхъ группъ европейскаго населенія. Всѣ до сихъ поръ извѣстныя различія послѣднихъ между собой, равно какъ и отличія ихъ отъ внѣевропейскихъ племенъ, сводятся къ большому или меньшему распространенію въ отдѣльныхъ группахъ тѣхъ или другихъ признаковъ недоразвитія

уха. Schäffer, находя значительныя въ этомъ отношеніи различія между близко родственными по расѣ и сосѣдними по географическому положенію областями Германіи, склоненъ придавать имъ значеніе именно мѣстныхъ, областныхъ, а не расовыхъ различій. Но мнѣніе Schäffer'a не можетъ считаться достаточно обоснованнымъ: прежде всего население Прирейнскихъ провинцій, Франконіи, Гессена и швабской Баваріи, далеко не тождественно по расѣ, что совершенно игнорируется Schäffer'омъ, слишкомъ увлеченнымъ взглядомъ на недоразвитыя формы уха, какъ на явленіе тератологическое, а, слѣдовательно, и вѣтрасовое. Съ другой же стороны, принимая во вниманіе новѣйшія изслѣдованія, мы можемъ видѣть, что, хотя процентное распредѣленіе тѣхъ или другихъ признаковъ недоразвитія уха и колеблется по различнымъ областямъ, однако колебанія эти во многихъ случаяхъ достаточно закономерны, такъ что предѣлы колебаній для романскихъ расъ иные, чѣмъ таковыя же для германскихъ расъ или для славянъ и т. д. Такимъ образомъ можно признать, что главнѣйшимъ факторомъ, измѣняющимъ процентныя отношенія различныхъ формъ недоразвитія уха, является все-таки раса, въ предѣлахъ которой возможны тѣ или другія колебанія цифръ вторичнаго порядка — въ зависимости, быть можетъ, и отъ чисто мѣстныхъ условій (какъ это хотѣлъ видѣть Schäffer), а еще больше, вѣроятно, отъ того, что для обнаруженія закономерности варіацій, многообразныхъ и сложныхъ, требуются цифры наблюдений нѣсколько большія, чѣмъ тѣ, какими располагаетъ большинство изслѣдователей. По крайней мѣрѣ, у самого же Schäffer'a предѣлы областныхъ колебаній значительно суживаются въ томъ случаѣ, если мы игнорируемъ ряды его наблюдений, составленные менѣе, чѣмъ изъ 150 индивидуумовъ. Если мы оставимъ лучше изученную въ этомъ отношеніи Европу и захотимъ накидать хотя бы въ общихъ чертахъ картину расовыхъ особенностей въ строеніи уха у всего человѣчества, мы принуждены будемъ руководствоваться не одними только цифровыми данными, но и свидѣтельствами путешественниковъ, основанными на общемъ, вынесенномъ ими, впечатлѣніи, не повѣренномъ на цифрахъ. Сложившіяся было представленія объ изобиліи недоразвитыхъ формъ (недоразвитой завитокъ, рѣзкія формы Дарвинова бугорка и т. д.) у низшихъ расъ оказались скорѣе результатомъ теоретическихъ построеній, чѣмъ реальныхъ наблюдений, такъ какъ болѣе свободныя отъ тенденціи наблюденія новѣйшихъ путешественниковъ и кое-какія, хотя и скудныя, цифровыя данныя свидѣлствуютъ, что ухо негровъ снабжено очень хорошо сформированнымъ завиткомъ; рѣдко встрѣчаются на немъ и рѣзко выраженные формы Дарвинова бугорка; мочка ихъ дифференцирована, повидимому, нѣсколько даже лучше, чѣмъ мочка европейцевъ. Монголамъ, а отчасти и алтайскимъ народностямъ (финнамъ и тюркамъ) приписывалось оттопыренное ухо съ дурно развитымъ завиткомъ (Schwein-oder Stutzohr Гиртля), съ большой, плохо

отграниченной отъ кожи щеки мочкой. Относительно плохого развитія завитка свидѣтельства авторовъ, за исключеніемъ Гиртля, отличаются нѣкоторой неопредѣленностью; единственные точныя на этотъ счетъ данныя, полученныя мною при изслѣдованіи ушей 75 приволжскихъ калмыковъ, говорятъ, однако, прямо противъ этого положенія. Объ оттопыренномъ ухѣ тюрковъ говорятъ многіе авторы болѣе опредѣленно, и кажется, что этотъ признакъ, дѣйствительно, свойственъ тюркскому уху; вопросъ только въ томъ, не является ли онъ отчасти слѣдствіемъ формъ головного убора, отчасти же не подчеркивается ли этотъ признакъ слишкомъ уже ярко и опредѣленно, благодаря распространенному среди многихъ изъ тюркскихъ племенъ обычаю брить голову. Но ухо собственно монголовъ едва ли можетъ быть названо оттопыреннымъ: А. А. Ивановскій говоритъ объ ушахъ монголовъ-торгоутовъ, что они «лишь слегка отклонены впередъ»; у очень близкихъ къ нимъ астраханскихъ калмыковъ оттопыренные уши составляютъ лишь рѣдкое, чуть ли не исключительное явленіе. Большею точностью отличается указаніе на «монгольскую» форму ушной мочки, сдѣланное А. А. Ивановскимъ и подтвержденное цифровыми данными гг. Луценко, Сапожникова и моими собственными. Европейское ухо отличается часто встрѣчающимся недоразвитіемъ завитка, рѣзко выраженными формами Дарвинова бугорка (въ нѣкоторыхъ группахъ европейскаго населенія) и относительно нерѣдкимъ приращеніемъ мочки къ кожѣ щеки, но не въ формѣ I, свойственной монгольскому уху и сравнительно рѣдкой у европейцевъ, но въ формѣ II («простое приращеніе» мочки), составляющей для нѣкоторыхъ группъ европейскаго населенія свыше 30% всѣхъ случаевъ. Раздѣленіе на «высшія» и «низшія» расы по формамъ уха не можетъ быть проведено, такъ какъ по отношенію къ различнымъ признакамъ недоразвитія отдѣльныя племена группируются въ различномъ порядкѣ.

Въ заключеніе приведемъ, наконецъ, небольшую таблицу (25), въ которой сводятся во-едино тѣ главнѣйшія различія въ формахъ ушей негровъ, европейцевъ и монголовъ, которыя могутъ быть установлены при современныхъ нашихъ свѣдѣніяхъ по этому вопросу.

Т а б л и ц а 25.

	Ухо негровъ.	Ухо европейцевъ.	Ухо монголовъ.
1. Длина уха.	малая	средняя	большая
2. Физиономическій указатель	большой (широкое ухо).	средній	малый (узкое ухо).

	Ухо негровъ.	Ухо европейцевъ.	Ухо монголовъ.
3. Дарвиновъ бугорокъ.	относительно рѣдокъ (?) *)	часть (широ- кіе предѣлы колебаній различныхъ группъ)	рѣдокъ (?)
4. Завитокъ.	развить хоро- шо	плохо развить (хуже, чѣмъ у негровъ)	развить хо- рошо (?)
5. Мочка.	наиболѣе обо- собленная (?)	приращенная мочка отно- сительно ча- ста, преобла- даетъ прир. ф. II.	характери- зуется при- ращеніемъ ф. I.

Въ виду того, что данныя относительно расовыхъ формъ наружнаго уха не полны и собирались различными авторами, вслѣдствіе чего возможны случаи отмѣтки разницы тамъ, гдѣ ея нѣтъ по существу, я позволю себѣ въ таблицѣ 26-й сопоставить мои личныя наблюденія надъ рязанцами и калмыками, прибавивъ для сравненія еще предѣльныя цифры, полученныя отдѣльными авторами для различныхъ европейскихъ группъ. Эта таблица даетъ намъ наглядное указаніе на тотъ фактъ, что строеніе ушей у представителей двухъ рѣзко различныхъ между собою расъ отличается настолько значительно, что наружное ухо по праву должно занимать свое опредѣленное мѣсто среди группы дифференціальныхъ расовыхъ признаковъ.

Т а б л и ц а 26.

	Рязанцы.		Калмыки.		Предѣльныя цифры для различныхъ европейскихъ группъ.
	въ ‰ роста.		въ ‰		
Длина уха.	61,4 мм.	(3,72)	67,8	(4,12)	62,0—65,7 мм.
Ширина.	32,8 "	(1,98)	38,6	(2,35)	34,5—39,7 "
Физиономическій указатель .	— "	53,48	—	56,93	54,0—60,5 "
Истинная высота уха . . .	35,3 "	(2,14)	39,1	(2,38)	35,9—37,5 "
Длины основанія					
а. общая.	48,7 "	(2,94)	55,0	(3,37)	44,4—46,0 "
б. для ушей съ свобод- ной мочкою . . .	47,0 "	—	52,0	—	— — "
в. для ушей съ прира- щенной мочкою. . .	51,9 "	—	57,2	—	— — "

*) Знакъ вопроса стоитъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ или существующія данныя нѣсколько не точны (для негровъ), или же имѣется всего лишь одинъ рядъ наблюденій (для монголовъ).

Морфологическій указатель

а. общій.	137,8	„	—	140,6	—	122,5—130,0 „
б. для ушей съ свободной мочкой. . .	133,1	„	—	132,7	—	— — „
с. для ушей съ приращенною мочкою. . .	146,5	„	—	146,7	—	— — „

Описательные признаки.

				въ %	въ %	въ %
Дарвиновъ	бугорокъ	форма	I—III	13,5	3,7	3,0—36,0
„	„	„	IV—VI	86,5	96,3	97,(?)—64,0(?)
Сатировъ	„	„	—	9,0	14,0	11,0
Нижняя часть	завитка	„	I	7,4	14,3	3,2—8,0
„	„	„	II	40,1	12,5	(5,9—36,0) *)
„	„	„	III и IV	52,4	73,2	— —
Стволъ	противозавитка	„	I	11,3	5,3	— —
„	„	„	II	58,5	69,6	— —
„	„	„	III	30,1	25,0	1,4—20,0
Приращеніе	мочки	„	I	13,7	50,9	16,4—45,3
„	„	„	II	21,7	5,3	(20,0—36,0)
„	„	„	III и IV	64,6	43,7	— —

VIII.

Ухо душевно-больныхъ и преступниковъ.

Несмотря на довольно значительное число изслѣдованій, произведенныхъ въ этомъ направленіи, показанія авторовъ до сихъ поръ настолько противорѣчатъ другъ другу, что нѣтъ никакой возможности прійти къ какому-нибудь опредѣленному на этотъ счетъ рѣшенію. Причины такого разногласія авторовъ лежатъ главнымъ образомъ въ многочисленныхъ и общераспространенныхъ методологическихъ ошибкахъ авторовъ. Большинство ошибокъ изслѣдователей можетъ быть подведено подъ три категоріи: 1) отсутствіе сравненія патологическаго населенія съ нормальнымъ при голословномъ увѣреніи, что отмѣчаемыя формы никогда не встрѣчаются или очень рѣдки у нормальнаго населенія; 2) ошибки въ составленіи сравниваемыхъ между собою группъ, и 3) ошибки въ самихъ способахъ регистраціи изучаемыхъ особенностей уха. Значеніе ошибокъ первой категоріи очевидно: мы и до сихъ поръ не знаемъ, какъ слѣдуетъ, нормальныхъ формъ, а потому и не имѣемъ никакихъ основаній опредѣлять тѣ или другія формы, какъ завѣдомо патологическія. Среди ошибокъ второй категоріи преобладаетъ игнорированіе единства сравниваемыхъ группъ по ихъ расѣ, социальному положенію, возрасту и т. д. Наиболѣе распространенъ обычай пслѣдовать въ качествѣ нормальной группы сол-

*) Въ скобкахъ показаны предѣльныя цифры, найденныя Schäffer'омъ для различныхъ группъ германскаго населенія.

дать, студентовъ, паціентовъ ушныхъ клиникъ (у авторовъ отіатровъ), представляющихъ достаточное количество возрастныхъ, расовыхъ и соціальныхъ отличій отъ массы изслѣдуемыхъ душевно-больныхъ или преступниковъ. Въ случаѣ же, гдѣ своихъ данныхъ не хватаетъ, авторы сплошь и рядомъ пользуются для сравненія данными, полученными для другихъ племенъ и расъ. Наконецъ, изъ ошибокъ третьей категоріи наиболѣе распространенной является примѣненіе метода, который можетъ быть охарактеризованъ названіемъ метода «подсчета предустановленныхъ аномалій». Суть этого метода такова: на основаніи данныхъ авторовъ-предшественниковъ (данныхъ ошибочныхъ по методу изслѣдованія) и на основаніи своего личнаго взгляда авторъ устанавливаетъ заранѣе, какіе признаки слѣдуетъ считать за дегенеративные, и число этихъ-то признаковъ и подсчитывается какъ у патологическихъ субъектовъ, такъ и у нормальныхъ. Здѣсь имѣетъ мѣсто довольно распространенная ошибка логическаго мышленія, когда положеніе, которое требуется еще доказать, входитъ въ одну изъ посылокъ, на которыхъ строится весь силлогизмъ. Если же большинство авторовъ, при такомъ своеобразномъ способѣ разсужденія, даетъ цифры, какъ бы говорящія въ пользу дѣйствительно большаго распространенія среди душевно-больныхъ признаковъ дегенеративнаго уха въ томъ объемѣ, какой эти авторы устанавливаютъ, то тутъ виновата другая универсально распространенная ошибка, на которую указалъ Schwalbe: изслѣдователи не разсматриваютъ обыкновенно степени развитія той или другой особенности, но регистрируютъ лишь ея наличность или отсутствіе. Но для большинства случаевъ можетъ быть установленъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ, которыя, при недостаточной опредѣленности границъ, отъ и до которыхъ можно признавать наличность данной формы, будутъ относиться произвольно то къ наличности ея, то къ ея отсутствію, причемъ легко можно впасть въ тенденцію, отмѣчать, помимо даже своей воли, наличность формы, признаваемой за дегенеративную у душевно-больныхъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ у нормальныхъ ту же самую переходную форму авторъ отмѣтилъ бы отрицательно. Желаніе быть добросовѣстнымъ легко можетъ привести къ обратному явленію. Только недавно появившаяся схема Schwalbe устраняетъ въ значительной мѣрѣ произволъ изслѣдователя, опредѣляя различныя степени развитія формъ и давая по возможности точный критерій для ихъ опредѣленія. Надо, впрочемъ, прибавить, что и тѣ авторы, которые отмѣчаютъ существованіе различій въ распространеніи тѣхъ или другихъ формъ у патологическаго и нормальнаго населенія, даютъ въ большинствѣ случаевъ цифры, при относительно малыхъ числахъ наблюденій, довольно сомнительныя. При распространеніи данной формы въ 15%—30% у нормальнаго населенія, для патологическаго оказывается излишекъ въ 5—6%.

Мои личные изслѣдованія нормальныхъ и душевно-больныхъ великоруссовъ, при соблюденіи единства расы, соціального положенія (крестьяне) и по возможности и возраста (въ сомнительныхъ случаяхъ я прибѣгалъ къ сравненію не всей массы, а группъ одинаковаго возраста), показали, что по отношенію ко всѣмъ измѣрительнымъ признакамъ, равно какъ и къ большей части описательныхъ между той и другой группой, за малыми исключеніями, нельзя отмѣтить хоть сколько-нибудь замѣтной разницы. Исключеніе составляетъ лишь оттопыренное ухо, для котораго цифровыя величины у нормальнаго и патологическаго населенія разнятся очень замѣтно (10,4% и 35,0%); слѣдующая же наибольшая величина различій, именно для Дарвинова бугорка, совсѣмъ не такъ велика (18,0%—13,5%—=4,5%), чтобы придавать ей серьезное значеніе; остальные величины различій ничтожны, и притомъ не всегда избытокъ якобы дегенеративныхъ формъ отмѣчается у душевно-больныхъ, но иногда и у нормальныхъ. Но для меня лично сомнительно, чтобы оттопыренное ухо могло быть отнесено именно къ особенностямъ уха,—на мой взглядъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло скорѣе съ особенностью конфигураціи черепа душевно-больныхъ. Если мы будемъ сравнивать группировку различныхъ степеней зрѣлости уха душевно-больныхъ и здоровыхъ великоруссовъ, то и въ этомъ отношеніи не найдемъ между ними никакой разницы. Такъ, зрѣлыя формы составляютъ у душевно-больныхъ 22,0%, а у здоровыхъ—23,4, формы переходныя (съ однимъ признакомъ недоразвитія) у душевно-больныхъ—36,5%, у здоровыхъ—34,6, недоразвитыя (2 признака) у душевно-больныхъ—23,5%, у здоровыхъ—23,2% и неразвитыя (3 признака и болѣе) у душевно-больныхъ—18,0%, у здоровыхъ—тоже 18,0%.

Но существуютъ, однако, извѣстные признаки, довольно замѣтно преобладающіе у душевно-больныхъ и относительно рѣдкіе у нормальныхъ. Этого рода признаки отмѣчаются въ схемѣ Schwalbe въ группѣ «признаковъ, не вошедшихъ ни въ одну изъ группъ», это—частичныя выемки или вырѣзки на хорошо въ общемъ развитомъ завиткѣ, дериваты завитка, частичные дефекты противозавитка, фиссуры и колобомы разныхъ частей уха и т. д. Общей чертой всѣхъ этихъ особенностей является то, что онѣ представляютъ изъ себя не явленіе задержки, но нарушенія типичной формы, настоящія атипіи (Entwicklungsstörungen по нѣмецкой терминологіи, а не Entwicklungshemmungen). У здоровыхъ великоруссовъ онѣ отмѣчены на 6% всѣхъ ушей, т.-е. въ такомъ числѣ въ какомъ вполне допустима примѣсь къ общей массѣ изслѣдованныхъ субъектовъ дегенерированныхъ; среди душевно-больныхъ число такихъ атипій повышается до 22%.

На основаніи современнаго уровня знаній мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что для большинства особенностей уха, признаваемыхъ за дегенеративныя и являющихся по существу признаками задержки въ развитіи

уха, цифровыя различія между патологическимъ и нормальнымъ населеніемъ не доказаны; если они и существуютъ, то они во всякомъ случаѣ не велики и значеніе ихъ лишь относительно. Гораздо большее значеніе имѣютъ, повидимому, тѣ особенности уха, которыя носятъ характеръ не задержки, а нарушеній процесса развитія и являются, слѣдовательно, настоящими атипіями, уродствами.

Какъ ни отрывочны и ни скудны современные данныя относительно строенія наружнаго уха, изъ нихъ можно, однако, видѣть, что болѣе подробное изученіе этого органа можетъ дать въ высшей степени цѣнные результаты. Но такіе результаты достижимы, однако, при установкѣ единообразныхъ методовъ измѣренія и регистраціи формъ. Схема Schwalbe, не чуждая нѣкоторыхъ недостатковъ, обладаетъ, однако, тѣмъ главнымъ достоинствомъ, что она значительно ограничиваетъ вліяніе субъективизма, давая точныя и опредѣленныя указанія способовъ изслѣдованія. Сама по себѣ схема Schwalbe очень обширна, и трудно требовать, чтобы она выполнялась цѣликомъ, но было бы въ высшей степени желательно, чтобы антропологи, при своихъ изслѣдованіяхъ различныхъ человѣческихъ группъ, не пренебрегали впродъ регистраціей хотя бы наиболѣе важныхъ измѣрительныхъ и описательныхъ признаковъ. Изъ измѣрительныхъ признаковъ наиболѣе важны, повидимому, длина и ширина уха, длина его основанія и истинная высота, дающія элементы для опредѣленія физіономическаго и морфологическаго указателей уха. Изъ описательныхъ признаковъ особенно желательна была бы, на мой взглядъ, отмѣтка формъ Дарвинова бугорка, степени развитія завитка и противозавитка, форма приращенія мочки и степень отстоянія уха отъ черепа. Дальнѣйшій опытъ выдвинетъ и подчеркнетъ, быть можетъ, и значеніе другихъ признаковъ, но и отмѣтки указанныхъ были бы уже большимъ пріобрѣтеніемъ. Размѣры настоящей замѣтки не позволяли мнѣ коснуться нѣкоторыхъ интересныхъ сторонъ вопроса, и многіе изъ признаковъ уха, отмѣчаемыхъ схемой Schwalbe, совершенно обойдены мною молчаніемъ. Лица, интересующіеся большими деталями вопроса объ изученіи наружнаго уха, найдутъ значительно большее число свѣдѣній въ моей спеціальной, посвященной наружному уху человѣка, монографіи, печатающейся въ настоящее время въ «Трудахъ Антропологическаго Отдѣла» (т. XX).

Указатель важнѣйшей литературы о наружномъ ухѣ человѣка. Краткіе очерки (преимущественно анатомическая номенклатура) наружнаго уха можно найти во всѣхъ большихъ руководствахъ по анатоміи. Главнѣйшія работы по исторіи развитія, по сравнительной и описательной анатоміи уха см.: *Moldenhauer, Zur Entwicklung des mitte-*

ren und äusseren Ohres. „Morph. Jahrb.“, III, 1877; *His*, Mittheilungen zur Embryologie der Säugethiere und des Menschen. „Arch. f. Anat. u. Entwic. Gesch.“, 1881; *Gradenigo* — главнѣйшія его изслѣдованія помѣщались въ теченіе 1889 и 90 гг. въ „Giornale della R. Accademia di medicina di Torino“, потомъ въ рядѣ статей въ нѣмецкихъ журналахъ, посвященныхъ болѣзнямъ уха („Zeitschr. u. Arch. f. Ohrenheilk.“ за 90—92 гг.), а также въ трудахъ международного съѣзда отиатровъ въ Парижѣ въ 1889 г. и т. д.; *Schwalbe*, Lehrbuch d. Anat. der Sinnesorgane, 1887; Handbuch d. Anat. d. Menschen, herausgeg. v. Bardeleben. Das äussere Ohr.; das Darwin'sche Spitzohr. „Anat. Anz.“, IV, 1889; Inwiefern ist d. m. Ohrmuschel ein rudim. Organ? „Arch. f. Anat. u. Phys.“, 1889; Beitrag zur Anthropol. d. Ohres. „Festschr. für R. Virchow“, Bd. I, 1891 г. и др.; схема Schwalbe предложена имъ въ статьѣ: Zur Methodik statistischen Untersuch. üb. die Ohrformen u. s. w. „Arch. f. Psych. u. Nerv.“ Bd. 27, 1895; *Chiarugi*, Il tuberculo di Darwin'e; *Langer*, Anatomie d. äusseren Formen des menschl. Körpers. Wien, 1884; *онъ же*, Ueber Form und Lagerverhältnisse des Ohres. „Mitteil. d. Anthr. Gesell. in Wien“, XII, 1882 г.; *Karutz*, Studien üb. d. Form d. Ohres. „Zeitschr. f. Ohrenheilk.“, Bd. XXX; *онъ же*, Ein Beitrag z. Anthropol. d. Ohres. „Arch. f. Anthr.“, Bd. 26, 1900; *Schäffer*, Ueber die fötale Ohrentwickel. u. s. w. „Arch. f. Anthr.“, Bd. 21, 1892—93; *Meyer L.*, Darw. Spitzohr. „Virchow's Arch.“, Bd. 53, 1871; *Holl*, Ueber d. Lage d. Ohres. „Mitt. d. anthr. Gesell. in Wien“, Bd. XXIX, 1899. Свѣдѣнія объ ушахъ обезьянъ сосредоточены у *Hartmann'a* — „Die menschlichen Affen“. Свѣдѣнія о расовыхъ особенностяхъ уха разбросаны по специальнымъ монографіямъ, посвященнымъ различнымъ народностямъ, и по журнальнымъ статьямъ. Часть данныхъ собрана изъ европейской литературы въ работахъ *Schwalbe*, особенно же у *Karutz'a*. Ухо душевно-больныхъ и преступниковъ: помимо отдѣльных замѣчаній въ специальныхъ руководствахъ, трактующихъ о психозахъ вырожденія, о преступномъ типѣ, укажемъ на главнѣйшія изъ тѣхъ только работъ, которыя были цѣликомъ посвящены специально наружному уху или имѣли особые главы, посвященные этому вопросу: *Frigerio*, L'oreille externe. „Arch. d'anthr. crimin.“, 1888; *Marro*, I caratteri del delinquenti. Torino, 1887; *Lombroso*, L'huomo delinquente; *Wilderdmuth*, „Württemberg. Correspondenzbl.“, 1886; *Binder*, Das Morel'sche Ohr. „Arch. f. Ps.“, 1889; *Gradenigo* — рядъ работъ, указанныхъ выше; *Roher*, „Wien. med. Wochenschr.“, 1894; *Vali*, *ibid.*; *Lannois*, „Arch. d'anthr. crimin.“, 1887; *Julia*, L'oreille ext. 1886; *Féré et Seglas*; *Laubi*, Degener.-Zeich. b. Geisteskr., 1887; *Eule*, Bildungsan. b. Geist.—kr. u. Verbr.; *G. Ruggieri*, Sulla dignità morpholog. d. signi detti degenerativi, 1896; *Wilhelm*, Matériaux pour servir à l'étude anthr. du pavil. „Revue Biol. du Nord de la France“, 1891—92; *Warda*, Ueber Degenerat. Ohrformen. „Arch. f. Ps.“, 1899; *Daae*, Beitr. z. Anthr. d. Ohres bei Verbrechern. „Z. f. Ohrenheilk.“, 1893 и т. д.

В. В. Воробьевъ.

Этническія отношенія на Памиръ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

(Продолженіе*)

б) *Посольство Сонъ Юня и Хой Сена*¹⁾.

Посольство это прибыло изъ Юйтѣня въ Чу-ку-по (или Tschu-kiu-po у Неймана, S. 159, Chu-ku-ro или Shih-ku-ro у Биля, р. 181) 29 числа 7 луны (519 г. по Р. Х.). Населеніе этой страны состоитъ изъ горцевъ. (Всѣ) пять сортовъ хлѣбовъ и фрукты рождаются въ изобиліи. Пища растительная. Животныхъ убивать запрещено, но ѣсть мясо умершихъ естественною смертію животныхъ дозволяется. Языкъ духовенства и народа сходенъ съ хотанскимъ, но письмо то самое, что у брахмановъ. Отъ границы до границы владѣніе это пересѣкается въ 5 дней. Въ первой трети 8 мѣсяца посольство вступило въ предѣлы владѣнія Хань-пань-то и, идя на западъ 6 дней, поднималось на Цунлинскія горы; продолжая идти на западъ еще 3 дня, оно прибыло въ Кюе-юй или Гунъ-юй (Kiueh-yueh Kong-yu), а еще черезъ 3 дня въ горы Пу-хой (Puh-hoi). Это мѣсто чрезвычайно холодное. Снѣга скопляются и зимою, и лѣтомъ. Въ серединѣ горъ есть озеро, въ которомъ обитаетъ злой драконъ. Приводится легенда объ его укрощеніи. Отъ этого мѣста на западъ, дорога представляетъ постоянный подъемъ самаго пересѣченнаго (precipitous) характера; на тысячу ли тутъ воздымаются утесы въ 10 т. саженъ высоты, достигающіе самаго неба... Послѣ вступленія въ Цунлинскія горы, посольство тащилося шагъ за шагомъ 4 дня и достигло тогда высочайшей части хребта... Владѣніе Хань-пань-то простирается по гребень этихъ горъ. Люди говорятъ, что это середина между небомъ и землею... На востокъ отъ столицы этой страны есть быстрая рѣка (или, можно перевести, р. Mang-tsiu), текущая на С.-В.

*) См. „Русск. Антроп. Журн.“ 1901 г., кн. VI.

¹⁾ Изложеніе сдѣлано мною по переводу Биля въ изд. 1869 г., р. р. 181—184, но я пользовался также цитатами Керзона (р. р. 66—67) изъ изд. 1880 г. и имѣлъ въ виду переводъ Неймана въ Zeitschr. f. die histor. Theologie, B. 3. 1833, S. S. 159—162.

къ Sha-leh (или къ «окраинѣ песковъ»). Выси Цунлинскихъ горъ не производятъ ни деревьевъ, ни кустарниковъ. Въ это время, въ 8 мѣсяцѣ, было очень холодно, и сѣверный вѣтеръ разносилъ снѣжныя вьюги на тысячу ли. Наконецъ, въ средней трети 9 мѣсяца, посольство вступило во владѣніе Бо-хо (Po-ho). Горы здѣсь были столь же высоки и ущелья столь же глубоки, какъ доселѣ... Страна эта чрезвычайно холодна, почему населеніе занимаетъ горныя пещеры, по снѣжныя метели часто загоняютъ въ нихъ не только людей, но и животныхъ. На югѣ этой страны находятся великія снѣжныя горы... Отсюда посольство прибыло въ первой трети 10 мѣсяца въ страну Ы-та для представленія ея государю, которому подвластны были всѣ земли отъ Хотана до Индіи, а затѣмъ продолжало свой путь къ Индіи.

Несмотря на безалаберность изложенія описанія путешествія посольства, въ составѣ котораго слѣдовали Сонь Юнь и Хой Сень, описанія, являющагося неудачною компляціею двухъ или болѣе реляцій, и на неозначеніе болѣею частію числа дней пути, въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что путь его лежалъ изъ Чжугуйбо на Ташкурганъ, Ваханъ и Бадахшанъ. Вступленіе въ предѣлы владѣнія Ханьпаньто, по выходѣ изъ Чжугуйбо, совершило оно, видимо, около перевала Арпатая. 6 дней пути отсюда должны были привести его къ перевалу Кандахоръ, гдѣ и закончился пока подъемъ на Цунлинъ. Отсюда въ 3 дня посольство могло достигнуть г. Кюе-юй, конечно, столицы владѣнія Ханьбаньдо, т. е. нынѣшняго Ташкургана. Официальное китайское посольство, снабженное, разумѣется, удовлетворительными средствами для передвиженія и пользовавшееся содѣйствіемъ мѣстныхъ владѣтелей, навѣрное, шло гораздо быстрѣе Фа-Сяня. Проходило оно притомъ между Чжугуйбо и Ханьпаньто осенью, когда вода въ рѣкахъ наименьшая, переправа черезъ Яркендъ-дарью всего удобнѣе (на верблюдахъ) и перевалы еще не завалены снѣгомъ. Поэтому посольство могло идти съ болѣею скоростью, чѣмъ Свень-Хединъ, въ такое же время года въ обратномъ направленіи, и употребить на проходъ отъ Игизъ-арыкъ-кургана у подножія перевала Арпатая до Ташкургана 9 дней, вмѣсто 10, какъ онъ. Kіueh-yi или Kong-yu, вѣроятно, былъ столицею владѣнію Ханьпаньто. Подъ рѣкою, текущею на С.-В. и находящеюся на востокъ отъ столицы, разумѣлась Тагдынбашъ-дарья или Раскемъ. Великія снѣжныя горы на югѣ Бохо, т. е. Вахана, могутъ быть лишь Хиндукушемъ. Употребленіе болѣе 2-хъ мѣсяцевъ на путь между Чжугуйбо и Бадахшаномъ объясняется, вѣроятно, если не ошибками датъ въ текстахъ или у переводчиковъ, то долгимъ пребываніемъ посольства въ столицахъ Ханьпаньто и Вахана. Что касается до горъ Пу-хон, то это не можетъ быть Сарыкольскій хребетъ, потому что столица, отъ которой посольство шло 3 дня до Пухон, лежитъ у самаго хребта, и хребетъ этотъ пересѣкается въ первые же 2 дня пути (отъ Ташкургана

до Акташа 52½ в.), такъ что до Пухои остается еще день пути, достаточный, чтобы дойти до начала Б. Памира или до водораздѣла между нимъ и долиною Акташа или Аксу, если идти отъ Акташа прямо на Ю.-З. (нѣкоторые разъясненія и данныя по этому предмету см. ниже, въ обсужденіи пути Сюанъ Цзана чрезъ Памиръ). Я думаю, что вмѣсто „горъ Пухои“ въ текстѣ описанія путешествія посольства слѣдуетъ читать горы, мѣстность или долина „Пуоми“, т. е. Памиръ, въ каковой транскрипціи Памиръ встрѣчается въ содержащемся въ „Танъ-шу“ описаніи владѣнія Шини, т. е. Шигнана, какъ увидимъ при изложеніи китайскихъ извѣстій о Шигнанѣ. Подтверждается это тѣмъ, что въ переводѣ Неймана вмѣсто горъ Пухои значится „городъ Po-meng“ (S. 160) вслѣдствіе того, что Нейманъ пользовался испорченнымъ текстомъ, какъ это констатировано Стан. Жюльеномъ (*Journ. asiat.*, 1847, t. X, p. 273). Если такимъ образомъ текстъ Неймана оказался испорченнымъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и текстъ Биля, вообще болѣе исправный, содержитъ нѣкоторыя погрѣшности. между прочимъ относительно имени Пухои. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что кратчайшій путь посольства, слѣдовавшаго изъ Ташкургана въ Бадахшанъ для испрошенія разрѣшенія государя Ы-та на дальнѣйшій путь въ Индію, лежитъ именно чрезъ Б. Памиръ съ его озеромъ Дракона, которое означено въ текстѣ Биля „въ срединѣ горъ“ Пухои, какъ у Сюанъ Цзана Драконово озеро занимаетъ средину долины Помило. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, по переводу Биля, говорится о постоянномъ отъ горъ Пухои на западъ подъемѣ, тогда какъ въ дѣйствительности на западъ отъ Памира горы и долины естественно понижаются. Въ переводѣ Неймана говорится только: „Отсюда дорога на І т. л. идетъ по крутизнамъ и косогорамъ, опасна и окружена безчисленными пропастью“ (S. 160). Тутъ порча въ текстѣ Биля, а не Неймана. Наличности ошибокъ во всѣхъ текстахъ безъ сомнѣнія много способствовала беспорядочность и нескладность редакціи описанія, неумѣло компилированнаго изъ нѣсколькихъ реляцій: сказавъ о подъемѣ на Цунлинскія горы въ теченіе 6 дней, о прибытіи въ столицу и въ горы Пухои, редакторы описанія чрезъ нѣсколько строкъ снова говорятъ о вступленіи въ Цунлинскія горы и о достиженіи въ 4 дня высочайшей части или гребня хребта, а потомъ опять говорятъ о столицѣ и снова о Цунлинѣ.

Изъ комментаторовъ пути посольства Сонъ Юня и Хой Сена упомяну я Риттера, потому что онъ заподозрилъ въ Po-meng Памиръ („Вост. или Кит. Туркестанъ“, перев. В. В. Григорьева, вып. I, 1869 г., стр. 241). Юль, отождествляя за другими Чукупо съ Яркендомъ, признавалъ Ханьпаньто за Ташкурганъ и Похо за Ваханъ и полагалъ, что посольство слѣдовало чрезъ Памиръ, не опредѣляя точнаго направленія дороги за неимѣніемъ для того данныхъ (A Journey to the source of the river

Oxus, by J. Wood, Lond., 1872, p. XL—XLI, а также The Book of Ser Marco Polo, Lond., 1875, vol. I, p. 184). Керзонъ находитъ, что озеро Дракона, расположенное въ срединѣ горъ, есть озеро Б. Памира (Викторіи), гребень же или высочайшую часть Цуилина готовъ онъ считать за одинъ изъ раздѣляющихъ Памиры хребтовъ, которые ниже нѣкоторыхъ переваловъ Хиндуша, но производилъ на древнихъ путешественниковъ впечатлѣніе высочайшихъ высей, какъ бы вершины міра (The Pamirs etc., p. p. 67—68).

в) Сюань Цзанъ.

Для возможно вѣрнѣйшаго выясненія совершеннаго Сюань Цзаномъ, при возвращеніи изъ Индіи въ Китай, пути чрезъ Памиръ и прилегающія страны необходимо принимать въ соображеніе, что, имѣя цѣлью своего путешествія (629—645 г. г.) ознакомленіе съ святынями, ученіемъ и т. д. буддизма, онъ не могъ лично посѣтить всѣ тѣ владѣнія и страны, описываемыя въ его „Запискахъ“, которыя лежали въ сторонѣ отъ его главныхъ путей, преслѣдовавшихъ основную задачу путешествія. Вслѣдствіе этого въ его „Запискахъ“ о западныхъ странахъ, написанныхъ во исполненіе желанія императора, содержатся описанія западныхъ странъ, не только лично посѣщенныхъ, но и тѣхъ, свѣдѣнія о которыхъ онъ могъ получить изъ разспросовъ и письменныхъ источниковъ своего времени. Для различенія первыхъ отъ послѣднихъ въ „Запискахъ“ употреблены два термина: одинъ—hing, идти,—съ послѣдующимъ означеніемъ пройденныхъ разстояній, означаетъ лично посѣщенные страны, другой же—tchi, прибыть, указываетъ на страны, описанныя по устнымъ или письменнымъ свѣдѣніямъ¹⁾. По этимъ примѣтамъ установлено, что изъ 138 владѣній, описанныхъ Сюань Цзаномъ, 28 не были имъ лично посѣщены²⁾, но на самомъ дѣлѣ число странъ, описанныхъ по чужимъ свѣдѣніямъ, должно быть больше, такъ какъ относительно нѣкоторыхъ, показанныхъ въ разрядѣ лично посѣщенныхъ, есть обстоятельства, побуждающія полагать, что онѣ остались отъ путей Сюань Цзана въ сторонѣ, хотя по недосмотру или опискамъ и опечаткамъ въ текстѣ употребленъ терминъ, означающій личное посѣщеніе.

Путь чрезъ Памиръ.

За основной пунктъ для опредѣленія пути Сюань Цзана чрезъ Памиръ слѣдуетъ взять его Po-to-tch'oang-na, несомнѣнно Бадахшанъ,

¹⁾ Histoire de la vie de Hiouen-Tsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu'en 645, par Hoei-li et Yen-tsang, etc. trad. par St. Julien, Paris, 1853, p. p. XXVII, XXXIX.

²⁾ Тамъ же, p. 463. Въ числѣ 28 лично не посѣщенныхъ странъ находятся, между прочимъ, Chi-khi-ni (Шигианъ) и Chang-mi. Въ переводѣ Ст. Жюльена указанные термины очень часто не соблюдены, какъ замѣчено проф. Хиртомъ (China and the Roman Orient, 1885, p. 35).

округъ нынѣшняго Файзабада; столица этого владѣнія, въ которомъ па-
ломникомъ упоминается 3—4 монастыря съ небольшимъ числомъ мона-
ховъ, была „расположена на скатахъ горы“¹⁾, какъ нынѣшній Файзабадъ,
вѣроятно на его мѣстѣ. Слѣдуя отсюда на Ю.-В., путешественникъ сдѣ-
лалъ около 200 ли и пришелъ во владѣніе In-ro-kien (Mém., p. p. 199—
200, а въ Histoire de vie de Hïuen-thsang etc., p. 270, Kie-ro-kien),
въ которомъ Юль узналъ Ямганъ или Хамаганъ, старинное именованіе
долины р. Кокчи вверхъ отъ сел. Джермъ²⁾. Продолжая путь на Ю.-В.,
ли чрезъ 300, Сюанъ Цзанъ достигъ владѣнія Khiu-lang-na, въ которомъ,
между прочимъ, добывается золото (р. 200); это, конечно, округъ Кура-
на или Куранъ, иначе Горанъ, въ верховьяхъ Кокчи, посѣщенный Ву-
домъ, осматривавшимъ тамъ копи lapisъ-лазури³⁾. Направляясь отсюда
на С.-В. и пройдя около 500 ли, путешественникъ достигъ владѣнія
Ta-mo-si-t'ie-ti, именуемаго иначе Tchîn-khan, туземцами же называемаго
Hou-mi, со столицею Hoen-tho-to (Mém., t. II, p. p. 201—205). Хуми,
какъ увидимъ ниже, по „Танъ-шу“, есть юань-вѣйскій Бохо, т. е. Ва-
ханъ, въ имени же столицы, приведенномъ Сюанъ Цзаномъ, легко
узнать сел. Хандутъ (16 миль или 24 в. ниже Калаи-Пянджа), какъ дога-
дался еще Вивіенъ де-Сенъ-Мартенъ (Mém., II, p. 425). Англійскій раз-
вѣдчикъ Мирза въ 1858—9 г. сдѣлалъ отъ Файзабада до Хандута 125
миль или 187½ в. въ 11 переходовъ (отъ 5 до 19 миль каждыя⁴⁾), слѣ-
дуя болѣе восточнымъ и нѣсколько болѣе короткимъ путемъ, чѣмъ Сю-
анъ Цзанъ. Если такимъ образомъ 1.000 ли пути Сюанъ Цзана отъ Фай-
забада до Хандута составляютъ около 200 в., то, полагая, что, какъ въ
„Суй-шу“ и „Танъ-шу“, за нѣкоторыми исключеніями, 100 ли этого пу-
тешественника выражаютъ день его пути⁵⁾, найдемъ, что 1.000 ли соот-
вѣтствуетъ 10 днямъ пути, а потому на день придется 20 верстъ.

Изъ владѣнія Хуми, по Сюанъ Цзану, „прибываютъ“, съ одной сто-
роны, на сѣверъ, перейдя находящіеся тутъ горы, во владѣніе Chi-khi-ni
(Шигнанъ), съ другой же, пройдя на югъ большія горы (Хиндукушъ)—

¹⁾ Mémoires sur les contrées occidentales, traduites du sanscrit en chinois en l'an 668, par Hïuen-Thsang, etc., t. II, Paris, 1858. p. p. 198—199.

²⁾ Notes on Hwen Thsang's account of the Principalities of Tokharistan, by colonel Henry Yule, въ The Journal of the R. Asiatic Society of G. Br. and Ireland, new series, vol. VI, 1873, p. 110.

³⁾ Тамъ же, p. 111. Оно описывается и въ „Танъ-шу“ („Собр. свѣдѣній“, 3, стр. 256).

⁴⁾ Минаевъ. „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи“, 1879, стр. 134—135.

⁵⁾ По мнѣнію Юля, ли употребляются у Сюанъ Цзана „сотнями“, и выра-
женіе „сто ли“ болѣею частью означаетъ „одинъ день пути“, какъ это и те-
перь въ употребленіи въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая (вышеупомянутыя Notes
etc., p. p. 92—93). Подобнаго же мнѣнія Гренаръ, по которому „внимательное
изученіе древнихъ китайскихъ географическихъ сочиненій о мало извѣстныхъ
странахъ показываетъ ясно, что разстоянія опредѣлялись сообразно времени,
употребляемому на переѣздъ, и что сто ли условно считается за добрый день
пути“ (Dutreuil de Rhins. Mission scientif. dans la Haute Asie, III, 1898, p. 148).

во владѣніе Chang-mi (Мастуджъ или сѣв.-восточная часть Читраля); оба эти владѣнія и описываются (р. р. 205—207), но, какъ выше указано, Сюань Цзанъ лично въ нихъ не былъ, а потому слѣдующія затѣмъ направление и разстояніе должны считаться отъ столицы Хуми Хандута: „На сѣв.-восточныхъ границахъ владѣнія онъ пересѣкъ горы и долины, переходилъ чрезъ пропасти и, сдѣлавъ около 700 ли, достигъ долины Ро-mi-lo. Она имѣетъ около 1 т. ли съ В. на З. и 100 ли съ Ю. на С. Въ своей самой узкой части она не болѣе 10 ли шириною. Она лежитъ между двумя снѣжными хребтами. Поэтому въ ней царитъ леденящій холодъ и жестокіе вѣтры. Снѣгъ падаетъ (даже) весною и лѣтомъ; вѣтеръ яростно бушуетъ и днемъ, и ночью. Почва пропитана солью и покрыта множествомъ мелкихъ камней. Хлѣба и плоды не растутъ, травы же (по переводу Били „кустарники“) и деревья очень рѣдки. Въ дикихъ пустыняхъ этихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ человѣческаго обитанія. Въ центрѣ долины Помило лежитъ большое Драконово озеро, которое имѣетъ около 300 ли съ В. на З. и 500 ли съ Ю. на С. Оно расположено внутри Великаго Цунлина и въ центрѣ Джамбудвипы. Бассейнъ озера очень возвышенъ. Воды его чисты и прозрачны, какъ зеркало. Никто не могъ измѣрить его глубины. Цвѣтъ водъ темно-синій, вкусомъ же прѣсны и пріятны. Въ ихъ безднахъ обитаютъ акулы, драконы, крокодилы и черепахи, на поверхности же плаваютъ утки, дикіе гуси, журавли (?) и пр. Въ прилегающихъ пустыняхъ, а иногда и въ болотистыхъ мѣстахъ и на песчаныхъ островахъ, находятъ большой величины яйца. На западѣ изъ озера выходитъ широкій потокъ, который, протекая на З., достигаетъ восточныхъ предѣловъ владѣнія Тамоситѣти, соединяется съ рѣкою Потсу и течетъ на З. И всѣ воды направо (т.-е. на З.) отъ озера текутъ на З. На В. изъ озера выходитъ широкій потокъ, направляющійся на С.-З., доходящій до западныхъ предѣловъ владѣнія Кіе-ча (Башгаръ), соединяющійся съ р. Si-to и текущій на В. И всѣ воды палѣво отъ озера текутъ на В... По выходѣ изъ середины этой долины на всемъ пути на Ю.-В. не встрѣчается ни одной деревни. Онъ (Сюань Цзанъ) пересѣкъ горы, шелъ чрезъ пропасти и видѣлъ повсюду лишь скопленія льда и снѣга. Сдѣлавши около 500 ли, онъ прибылъ во владѣніе Khie-pouan-t'o“ (Mém. etc., t. 2, р. р. 207—209; ср. переводъ Били, 1890 г., по цитатамъ въ Curzon's The Pamirs etc., р. р. 68—69).

При соображеніи заключающихся въ приведенномъ описаніи данныхъ о направленіи и разстояніяхъ пути Сюань Цзана выясняется, что, двигаясь отъ сѣв.-восточныхъ границъ Хуми или Шанми (большой разницы то или другое не составитъ, потому что сѣв.-восточныя клинья Вахана и Мастуджа въ вершинахъ своихъ близко сходятся) на В. (такъ въ Histoire de la vie etc., 1853, р. 271) или точнѣе (слѣдуетъ это допустить) на С.-В. 700 ли (конечно, считая отъ столицы Хуми Хандута)

до середины долины Номило (или середины ея озера, что одно и тоже, ибо озеро лежало въ центрѣ долины) и затѣмъ отсюда на Ю.-В. (въ *Histoire de la vie, etc.*, p. 273: „выйдя изъ долины съ восточной стороны“) или, допустимъ для точности, на В.-С.-В. 500 ли, онъ долженъ былъ достигнуть Ташкургана. Относительно направленія пути это видно при взглядѣ на нынѣшнія карты. Что же касается разстояній, то 100 ли означаетъ у Сюань Цзана, какъ видѣли мы выше и будемъ видѣть ниже, одинъ день пути. Поэтому 1.200 ли соответствуютъ 12 днямъ пути, а это близко къ обычному числу дней пути отъ Хандута до Ташкургана. Такъ англійскій развѣдчикъ Мирза въ январѣ 1869 г. совершилъ путь отъ Калаи-Пянджа до Ташкургана чрезъ Мал. Памиръ въ 12 дней или переходовъ, а съ добавкою дня пути отъ Хандута 13, показавъ въ своемъ маршрутѣ общее разстояніе въ 186 миль или 279 в. (Минаевъ, „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи“, 1879 г., стр. 135—139). Члены англійской миссіи Форсайта, въ апрѣлѣ и маѣ 1874 г., употребили на проходъ разстоянія отъ Калаи-Пянджа до Ташкургана чрезъ Б. Памиръ 11 дней (см. маршруты Троттера и Биддельфа въ „Сборн. матер. по Азіи“, вып. 10, стр. 115—118). Такъ какъ по современнымъ свѣдѣніямъ разстояние отъ Калаи-Пянджа до Ташкургана опредѣлилось чрезъ Б. Памиръ въ 288 в. и чрезъ Мал. Памиръ въ 303½ в., (см. выше, гл. I, стр. 24), а съ добавленіемъ 24 в. отъ Хандута до Калаи-Пянджа въ 312 и 327½ в., то на каждый изъ 12 дней пути Сюань Цзана отъ Хандута до Ташкургана придется въ среднемъ чрезъ Б. Памиръ 26 в. и чрезъ Малый 27¼ в., т.-е. разстоянія для Сюань Цзана возможныя. Затрудненіе отъ опредѣленія движенія между Файзабадомъ и Хандутомъ только по 20 ли въ день можетъ быть устранено исключеніемъ поѣздки въ Куранъ, какъ будетъ выяснено въ главѣ VI.

Послѣ направленія и разстоянія пути между Хуми и Къпуаньто, для точнаго приуроченія маршрута Сюань Цзана, имѣютъ важное значеніе протяженія долины Номило и ея озера. Тутъ прежде всего обращаетъ вниманіе протяженіе озера съ Ю. на С. въ 500 ли, тогда какъ сама долина, въ центрѣ которой лежитъ озеро, имѣетъ ширину съ С. на Ю. только около 100 ли. Эта несообразность можетъ и должна быть устранена допущеніемъ описки или погрѣшности въ текстѣ описанія путешествія: вмѣсто 500 съ Ю. на С. въ переводѣ Биля (1890 г., см. цитаты въ *The Pamirs etc., by George Curzon*, p. 68) значитъ, какъ и въ переводѣ Жаке (см. „Землевѣдѣніе К. Риттера. Вост. или Кит. Туркестанъ“, вып. I, 1869 г., стр. 237, а также замѣчанія В. В. Григорьева въ вып. 2, 1873 г., стр. 491) только 50 ли; эту цифру и слѣдуетъ принять, такъ какъ лишь она сообразна съ шириною долины въ 100 ли. 300 ли длины озера съ З. на В. соответствуютъ 78 в., такъ какъ представляютъ у

Сюань Цзана 3 дня пути, а день пути чрезъ Б. Памиръ опредѣленъ выше въ 26 в. По мнѣнію Д. Л. Иванова, который остается до сихъ поръ единственнымъ геологомъ, лично ознакомившимся съ Памиромъ на всемъ его пространствѣ, озеро Б. Памира есть Драконово озеро Сюань Цзана; нынѣ (1883 г.) оно имѣетъ въ длину не болѣе 20 в. и въ ширину около 2 в., но нѣкогда „протягивалось (хотя, быть можетъ, и въ видѣ цѣпи озеръ) на 100 в. отъ З. къ В., т.-е. начиналось примѣрно въ низовьи(?) р. Памира и оканчивалось на В. у оз. Кизиль-рабата, что и подтверждается существованіемъ непрерывной связи въ озерныхъ отложеніяхъ на всемъ этомъ пространствѣ“ (журн. „Новь“, 1885 г., № 23, стр. 323, и „Записки И. Р. Минералог. Общ.“, вып. 22, 1886 г., стр. 264). Оз. Кизиль-рабатъ г. Иванова называется на картѣ путешествій Б. Л. Громбчевскаго Салангуръ-куль и на картѣ Турк. в. округа 1894—5 г.г. озеромъ Салагундуръ-куль, и даетъ одинъ изъ правыхъ притоковъ р. Истыка. Высота озера Б. Памира опредѣлена была Вудомъ въ 15.600 ф. и Троттеромъ (1874 г.) въ 13.950 ф., но по тригонометрическому измѣренію комиссіи Джерарда (1895 г.) оказалась только въ 13.390 ф. (Report... by Major-General Gerard, 1897, p. 19). Вѣроятно, сообразно этому, должна быть уменьшена и опредѣленная Троттеромъ высота водораздѣла между нынѣшнимъ бассейномъ озера Б. Памира и ближайшимъ истокомъ р. Истыка въ 14.320 ф. (Минаевъ, „Свѣдѣнія“ и пр., стр. 181: „долина была покрыта глубокимъ снѣгомъ и такъ ровна, что Троттеръ съ великимъ трудомъ опредѣлилъ водораздѣлъ“). По словамъ Д. В. Путятъ, „водораздѣльная точка обоихъ бассейновъ едва замѣчается и, быть можетъ, въ раннее время года, при обиліи стекающей съ горъ воды, она совсѣмъ исчезаетъ, и тогда переполнившіяся водой верхнія озера изливаютъ свои воды въ обѣ стороны“ („Сборн. по Азіи“, вып. 10, стр. 273). Незначительная высота водораздѣла надъ нынѣшнимъ уровнемъ озера лишь въ 370 ф. указываетъ на полную основательность предположенія Д. Л. Иванова о прежнемъ протяженіи озера на В. до оз. Салангуръ-куля, которое отстоитъ отъ восточной оконечности оз. Зоркуля около 60 в. (по картѣ путешествій подп. Громбчевскаго). Такъ какъ нынѣшнее озеро имѣетъ наибольшую длину въ 18 в. (въ августѣ, Д. В. Путятъ, стр. 272), то указанная Сюань Цзаномъ длина озера достигается однимъ продолженіемъ его на В. въ 60 в. Едва ли озеро въ VII в. удлиннялось на значительное протяженіе на З., потому что, по свидѣтельству Гордона, „истокъ озера первыя 16 миль течетъ въ высокихъ берегахъ“, а „въ трехъ миляхъ отъ начала стока высокой мысъ выдвигается съ С. и приближается къ южному берегу менѣе, нежели на одну милю“ (Минаевъ, стр. 158), а по Д. В. Путятъ (стр. 272), за 10 в. до озера, „рѣка протекаетъ у подножія каменистаго горнаго выступа съ лѣвой стороны, до рога проходитъ по карнизу послѣдняго около 100 (саженъ), и вслѣдствіе

крутизны ската это мѣсто затруднительно для движенія вьючныхъ лошадей“, почему „одна изъ лошадей оборвалась въ рѣку“: отсюда можно заключить, что въ 5—10 в. отъ нынѣшняго западнаго конца озера существуетъ преграда для распространенія его на З. Представляется поэтому вѣроятнымъ, что во время Сюань Цзана западная оконечность озера находилась не далѣе 5—10 в. отъ нынѣшней; съ добавленіемъ 18 в. нынѣшней длины озера получимъ 23—28 в.; слѣдовательно, озеро должно было простирасться на В. еще 55—50 в., чтобы образовалось полное протяженіе озера въ 78 в., причемъ середина его находилась бы въ 16—11 в. на В. отъ его нынѣшней восточной оконечности.

Чтобы выяснить, насколько дѣйствительныя разстоянія соответствуютъ даннымъ Сюань Цзана, необходимы точныя данныя о разстояніяхъ отъ Калаи-Нянджа съ одной стороны и отъ Ташкургана съ другой до средины озера Б. Намира времени Сюань Цзана. Для полученія общей длины пути отъ Калаи-Нянджа до Ташкургана я до сихъ поръ пользовался даннымъ членомъ посольства Форсайта Гордономъ разстояніемъ отъ Калаи-Нянджа до Акташа въ 157 миль (235½ в.) и маршрутомъ другого члена Биддельфа, у котораго взято разстояніе отъ Акташа до Ташкургана въ 52½ в. Получалось разстояніе отъ Калаи-Нянджа до Ташкургана въ 288 в. (см. гл. I, стр. 24). Взять цифру Гордона побудило меня то обстоятельство, что хотя и имѣется маршрутъ третьяго члена посольства Троттера отъ Калаи-Нянджа до Акташа (Forsyth's Report etc., p. 434), но въ немъ пропущено или не означено разстояніе отъ ночлега въ Юль-мазарѣ до ночлега въ Билаоръ-басѣ, а потому для подведенія итога казалось недостающимъ разстоянія за цѣлый переходъ. Если сложить остальные показанные у Троттера переходы, то получается 222 в.. менѣе противъ Гордона на 13½ в., причемъ точная причина разницы остается неизвѣстною, потому что разница эта могла произойти не только отъ разстоянія въ 13½ в. отъ Юль-мазара до Билаоръ-баса, но также и отъ того, что, по объясненію Троттера (p. 285), онъ одинъ слѣдовалъ на послѣднемъ переходѣ къ Акташу по р. Ислигу (Истыку или, вѣрнѣе, Иссыку, ибо названіе происходитъ отъ „горячихъ“ ключей) до ея устья въ Аксу, сдѣлавъ по этой причинѣ крюкъ противъ остальныхъ членовъ, которые прошли къ Акташу болѣе прямой дорогой: вслѣдствіе этого въ 235½ в. Гордона разстояніе отъ Юль-мазара до Билаоръ-баса составляетъ 13½ в. съ добавкою разстоянія, на которое сокращенный путь остальныхъ членовъ посольства на послѣднемъ переходѣ къ Акташу короче кружнаго пути Троттера. За неимѣніемъ ни у Гордона, ни у Троттера свѣдѣній о разстояніи, пройденномъ членами посольства по ихъ болѣе прямому пути на послѣднемъ переходѣ къ Акташу, Forsyth's Report etc. не даетъ возможности опредѣлить разстояніе между Юль-мазаромъ и Билаоръ-басомъ и точно выяснитъ разстоянія отъ Калаи-Нянджа и Таш-

кургана до озера Б. Памира, пользуясь единственно существующимъ для пути между Калаи-Пянджемъ и Ташкурганомъ чрезъ Б. Памиръ маршрутомъ Троттера. Вслѣдствіе этого приходится принять въ соображеніе, что по Д. В. Путятѣ („Сборн. матер. по Азіи“, в. 10, стр. 271—273), отъ Юль-мазара до восточнаго конца озера 78 в., и что по маршруту Троттера отъ Билаоръ-баса до восточнаго же конца озера $54\frac{3}{4}$ в., а потому переходъ отъ Юль-мазара до Билаоръ-баса выходитъ $23\frac{1}{4}$ в. (т.-е. $78 - 54\frac{3}{4}$) и сокращеніе пути остальныхъ членовъ посольства на послѣднемъ переходѣ къ Акташу противъ пути Троттера ($23\frac{1}{4} - 13\frac{1}{2}$) $9\frac{3}{4}$ в. Вставивъ $23\frac{1}{4}$ в. въ маршрутъ Троттера,—по которому отъ Калаи-Пянджа до восточной оконечности озера $110\frac{1}{4}$ в. безъ разстоянія отъ Юль-мазара до Билаоръ-баса,—получимъ отъ Калаи-Пянджа до восточнаго конца нынѣшняго озера Б. Памира $133\frac{1}{2}$ в. Засимъ разстояніе отъ восточнаго конца озера до Ташкургана опредѣлится, по маршруту Троттера, до Акташа въ $111\frac{3}{4}$ в. за вычетомъ $9\frac{3}{4}$ в. (сокращенія пути членовъ посольства), т.-е. въ 102 в., и по маршруту Биддельфа отъ Акташа $52\frac{1}{2}$ в., итого $154\frac{1}{2}$ в., а въ общемъ отъ Калаи-Пянджа до Ташкургана 288 в.

Выше выяснено, что середина озера Сюань Цзана находилась на 16—11 в. восточнѣе нынѣшней восточной оконечности, а потому для опредѣленія разстоянія, пройденнаго Сюань Цзаномъ отъ Хандута до середины озера, надо прибавить, кромѣ разстоянія отъ Калаи-Пянджа до Хандута, т.-е. 24 в., еще 16—11 в., вслѣдствіе чего разстояніе отъ Хандута до середины озера окажется въ $173\frac{1}{2}$ в. и въ $168\frac{1}{2}$ в., которыя на каждыя изъ 7 дней пути даютъ въ среднемъ $24\frac{5}{7}$ в. и 24 в. Уменьшая соответственно разстояніе отъ нынѣшняго восточнаго конца озера до Ташкургана въ $154\frac{1}{2}$ в. на 16—11 в., получимъ отъ середины озера Сюань Цзана до Къпуанъто $138\frac{1}{2}$ в. и $143\frac{1}{2}$ в., т.-е. на каждыя изъ пяти дней пути въ среднемъ $27\frac{2}{5}$ в. и $28\frac{3}{5}$ в. Полученную разницу между протяженіемъ средняго дневнаго пути между Хандутомъ и озеромъ съ одной стороны и между озеромъ и Ташкурганомъ съ другой было бы трудно объяснить меньшей трудностью дороги отъ озера до Ташкургана; трудности дороги до озера и отъ него въ общемъ почти одинаковы, если только путь чрезъ Сарыкольскій хребетъ между озеромъ и Ташкурганомъ не будетъ тяжелѣе. Обнаруживающаяся несообразность показываетъ, что путь Сюань Цзана отъ озера былъ короче пути членовъ англійскаго посольства, а это легко было достигнуто тѣмъ, что вмѣсто принятаго англичанами отъ озера направленія на С.-В. и В. съ поворотомъ по выходѣ въ долину р. Аксу на Ю.-Ю.-В. къ Акташу, Сюань Цзанъ шелъ отъ середины озера на В.-Ю.-В., по прямѣйшему направленію къ Акташу: раздѣляющій долины Б. и М. Памировъ хребетъ тутъ сильно понижается и даетъ много не особенно трудныхъ переваловъ, означенныхъ на картахъ. Объ одномъ изъ нихъ, именно о перевалѣ Кизыль-рабатскомъ, Б.

Л. Громбчевскій. въ своемъ рукоп. маршрутѣ (24 сент. 1889 г.), на основаніи собранныхъ на мѣстѣ въ долину Аксу разспросныхъ свѣдѣній, говорить, что этотъ переваль «одинъ изъ самыхъ доступныхъ и употребительныхъ для движенія съ вьюками изъ долины р. Аксу въ долину р. Истыка и Большой Памирской рѣки». Если Сюань Цзанъ шелъ на В.-Ю.-В. чрезъ переваль Кизыль-рабатъ, то путь его долженъ былъ сократиться, какъ видно по картамъ, верстъ на 15, а этого достаточно, чтобы средній путь каждого изъ 5 дней уменьшился на 3 в., т.-е. сравнялся съ среднимъ дневнымъ путемъ отъ Хандута до озера.

Въ «Запискахъ» Сюань Цзана сказано: «Отправясь отъ середины этой долины (т.-е. долины Помило), на всей дорогѣ на Ю.-В. онъ не встрѣтилъ ни одной деревни» (р. 209). Поэтому приближающееся къ восточному направленію дороги чрезъ переваль Кизыль-рабатъ не вполне соответствуетъ описанію путешественника. Нелишне, вслѣдствіе этого, разсмотрѣть, куда привело бы движеніе Сюань-Цзана по юго-восточному направленію въ пять дней его пути. Юго-восточному направленію наиболѣе соответствуетъ дорога съ Б. Памира въ долину р. Аксу, чрезъ переваль Андемынь или Бендерскаго. По нему прошелъ въ сент. 1889 г. Б. Л. Громбчевскій, сдѣлавъ отъ восточной оконечности озера Б. Памира до восточной стороны оз. Куркунтай 26 в., и оттуда чрезъ переваль Андемынь (15.463 ф.) на правый берегъ р. Аксу 35 в.¹⁾, итого 61 в. Съ долины Аксу противъ перевала Андемынь ближайшій юго-восточный путь былъ бы чрезъ переваль Вахджиръ или ближайшіе къ нему на В. перевалы чрезъ Сарыкольскій хребетъ, но путешественнику, слѣдующему изъ Калаи-Пянджа или Хандута на Вахджиръ или смежные перевалы, было бы странно идти сюда чрезъ Б. или М. Памиры, ибо это значило бы дѣлать огромный и притомъ лишній крюкъ безъ всякой надобности, тогда какъ онъ могъ пройти къ Вахджиру, слѣдуя все вверхъ по Ваханъ-дарѣ къ истоку ея у Вахджира. Путь отъ Хандута чрезъ Б. Памиръ на переваль Вахджиръ далъ бы слѣдующія разстоянія: отъ Хандута до восточной оконечности озера, какъ выяснено выше, наименьшее 168½ в.; отъ озера до долины Аксу чрезъ переваль Андемынь 61 в.; отсюда до Бозай-гумбеза (рукоп. маршрутъ Б. Л. Громбчевскаго 14 сент. 1889 г.) 25 в.; далѣе до перевала Вахджиръ около 50 в., и отсюда по Кара-чукуру и Тагдынбану до Ташкурмана (гл. I, стр. 22) около 160 в., всего 464½ в., что на каждый изъ 12 дней пути даетъ въ среднемъ 38¾ в., т.-е. раз-

¹⁾ Отсюда до ур. Кизыль-рабатъ, въ долину той же Аксу, 36 в. (рукоп. маршруты). Засиѣвъ до Акташа 16 в. и отъ Акташа до Ташкурмана 52½ в. (см. гл. I, стр. 22 и 23). Всего, слѣдовательно, отъ озера до Ташкурмана этимъ путемъ 165½ в., за вычетомъ же 16—11 в. до середины озера Сюань Цзана, получится 149½ и 154½ в., что даетъ 29¼ и 30¼ в. на каждый изъ 5 дней пути: крюкъ на Ю. чрезъ Андемынь получается болѣе, чѣмъ даже по пути на С.-В. англичанъ.

стояніе для Сюань Цзана въ горахъ невозможное. Получилось бы болѣе подходящее разстояніе для средняго дневного пути, если бы помѣстить столицу Кѣпуаньто на ур. Базаръ (см. гл. II, стр. 46), или около Уджабай-курмана: отъ Хандута до нихъ чрезъ Андемынь составилось бы $(464\frac{1}{2} - 65 \text{ в.})$ около 400 в., но и тутъ на день пути приходилось бы въ среднемъ $(400 : 12)$ болѣе 33 в., средній переходъ едва ли для Сюань Цзана допустимый. Притомъ же, помимо другихъ препятствій, не позволяетъ помѣщать столицу Кѣпуаньто или Копаньто далѣе Ташкурмана отъ Сулэ-Кашгара исторія династіи Танъ, которая (см. выше, въ I отд. настоящей главы) опредѣляетъ разстояніе ея отъ Кашгара только въ 600 ли ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ случаѣ слѣдованія Сюань Цзана черезъ Б. Памиръ, путь его отъ озера, примѣрно черезъ переваль Кизыль-рабатъ, вообще же болѣе южный, чѣмъ путь англичанъ, и болѣе восточный, чѣмъ дорога чрезъ Андемынь, представляется наиболѣе соотвѣствующимъ даннымъ Сюань Цзана относительно разстояній; засимъ, хотя направленіе этого пути, будучи сначала вост.-юго-восточнымъ и переходя потомъ въ сѣв.-восточное, не вполне сходится съ довольно, впрочемъ, неяснымъ упоминаніемъ объ отсутствіи деревень на всей дорогѣ къ Ю.-В., но путешественникъ могъ тутъ сдѣлать ошибку, подъ впечатлѣніемъ первоначально юго-восточнаго направленія пути отъ середины озера. Кромѣ разстояній и направленія, и всѣ остальные данныя описанія Сюань Цзана достаточно соотвѣствуютъ пути именно чрезъ Б. Памиръ. Такъ, на первый взглядъ, длина долины Помило въ 1 т. ли кажется непримиримой съ дѣйствительною длиною Б. Памира, по опредѣленію Троттера, отъ Бохаракъ (2 м. выше устья р. Масъ), въ 90 м. (Минаевъ, стр. 161), или 135 в., но 1000 ли соотвѣствуетъ 10 днямъ пути, день же пути между Хандутомъ и Ташкурманомъ опредѣлился въ 24—25 в., а потому 1 т. ли означаетъ 240—250 в.; затѣмъ, если мы сообразимъ, что Сюань Цзанъ прошелъ лишь половину долины и остальное ея протяженіе могъ знать лишь по чужимъ свѣдѣніямъ, то окажется легко допустимымъ и вѣроят-

¹⁾ Можетъ казаться, что путь чрезъ переваль Бенкъ достаточно соотвѣствуетъ общему юго-восточному направленію отъ озера Б. Памира. Мы уже привели, по рукоп. маршрутамъ Б. Л. Громбчевскаго, разстояніе въ 61 в. отъ озера до долины Аксу чрезъ переваль Андемынь. По тому же источнику, отсюда до ур. Тегермень-су 40 в., далѣе до ур. Аутанъ, въ ущельи Бенкъ, 12 в., потомъ чрезъ переваль до устья Бенка въ р. Кара-чукуръ 43 в., откуда до ур. Базаръ 13 в. и далѣе до Уджабай-курмана 7 в., отсюда же до Ташкурмана 65 в. Итого выходитъ отъ озера до Ташкурмана 241 в., т.-е. болѣе 44 в. на день пути. До Уджабай-курмана въ общей цифрѣ 176 в.; за вычетомъ же 16 в., для достиженія середины озера, останется 160 в., что даетъ на каждый изъ 5 дней 32 в.,—разстояніе, все еще превышающее нормальный день Сюань Цзана въ горахъ. Б. Л. Громбчевскій проходилъ чрезъ переваль Бенкъ 29 сент. 1889 г., опредѣлилъ высоту его 15.988 ф., и нашелъ его для движенія удобнымъ, за исключеніемъ крутого спуска. Описаніе его въ общемъ сходится съ тѣмъ, которое далъ лордъ Денморъ, проходившій чрезъ Бенкъ съ Кара-чукура до Акташа и обратно въ окт. 1892 г. (The Pamirs etc., by the Earl of Dunmore, London, 1893, vol. 2, pp. 101—110).

нымъ, что сообщенныя путешественнику свѣдѣнія или были относительно длины Б. Памира преувеличены, или включали въ продолженіе этой долины часть долины Аксу отъ устья Истыка до Акъ-байтала и даже долину оз. Рангъ-куля, упуская изъ вида или умалчивая сѣв.-западное направление этой части долины Аксу и сѣв.-восточное котловины Рангъ-куля, вмѣсто зап.-восточнаго протяженія долины Помило. Что касается восточнаго истока озера, текущаго на С.-З. къ предѣламъ Кяша (Кашгара) и соединяющагося потомъ съ р. Сито (Яркендъ-дарьей), тогда какъ въ настоящее время никакого истока изъ восточной оконечности озера Б. Памира не существуетъ, то и здѣсь не трудно дать удовлетворительныя объясненія: если озеро Б. Памира въ VII в. имѣло въ длину 300 лн, или 72—75 в., то оно захватывало верховья Истыка, и рѣка эта составляла его восточный истокъ. Хотя Истыкъ есть притокъ р. Аксу, которая впадаетъ въ Пянджъ съ именемъ р. Бартауга, и къ таримскому бассейну, по крайней мѣрѣ, въ историческія времена, принадлежать не могла, но, не выдавъ этого восточнаго истока Драконова озера лично, Сюань Цзанъ, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе сообщенными ему ошибочными свѣдѣніями, подъ влияніемъ которыхъ у него, повидному, сложилось представленіе, что восточный истокъ озера, послѣ сѣв.-западнаго отклоненія, принимаетъ восточное и проходитъ на сѣверѣ отъ столицы Къпуанъто, близко отъ нея (столица эта имѣетъ «сади себя», т.-е. на сѣверѣ, ибо у китайцевъ лѣвый соответствуетъ восточному, правый—западному, передній—южному и сѣверный—заднему направлениямъ странъ свѣта, рѣку Сито, Мѣм., т. 2, р. 209), такъ что рѣку долины Тагармы, впадающую въ Тагдынбашъ-дарью ниже Ташкурмана, онъ принималъ за истокъ Драконова озера и за вѣтвь р. Сито. Сообразно этому представленію, на старинныхъ китайскихъ картахъ (о нихъ скажу я нѣсколько словъ ниже), основанныхъ главнымъ образомъ на свѣдѣніяхъ Сюань Цзана, западная вѣтвь р. Сито течетъ изъ Драконова озера и соединяется съ восточною вѣтвью (истинная Яркендъ-дарья) ниже владѣнія Къпанъто, которое отмѣчено между двумя этими вѣтвями и на обоихъ ихъ берегахъ. Наконецъ, не противорѣчитъ приуроченію пути Сюань Цзана къ Б. Памиру и слѣдующее замѣчаніе путешественника (Мѣм., т. 2, р. 209): «Перестѣвши гору на югъ долины Помило, встрѣчаютъ владѣніе Ро-ло-ло, откуда вывозится золото и серебро; золото—красное, какъ огонь». Это владѣніе Пололо или Болоръ, несомѣнно, заключало въ себѣ Ясинъ съ Гилгитомъ, Хунзою и Нагаромъ, но въ такомъ случаѣ, чтобы попасть въ него, надо перестѣчь не одну гору или хребетъ, а два: сначала хребетъ, отдѣляющій Б. Памиръ отъ Малаго, а затѣмъ хребетъ Хиндукушъ. Это можетъ служить аргументомъ въ пользу пути Сюань Цзана чрезъ М. Памиръ вмѣсто Большаго, но аргументомъ весьма слабымъ, такъ какъ Сюань Цзанъ самъ не проходилъ въ Пололо съ С. и пробрался въ него съ З. изъ Талило, т.-е.

Дарела (Mém., t. I. p. p. 150—151), а потому о нахождении Пололо за одной горой узналъ изъ чужихъ свѣдѣній, которыя могли быть ошибочны или плохо поняты.

Большинство комментаторовъ Сюань Цзана приурочивало путь его къ Б. Памиру, но я не буду приводить ихъ мнѣній, такъ какъ почти всѣ комментаріи сдѣланы не только до 1883 г., когда экспедиція Д. В. Путаты и Д. Л. Иванова впервые доставила точныя свѣдѣнія о географіи всего Памира, но даже до 1874 г., въ которомъ члены миссіи Форсайта дали маршруты чрезъ Б. и М. Памиры и свѣдѣнія о Ташкурганѣ, а потому означенные комментаріи, не опиравшіеся на точныя географическія данныя, за ихъ отсутствіемъ, въ настоящее время утратили значеніе. Изъ новѣйшихъ комментаторовъ не лишне упомянуть о лордѣ Керзонѣ-Кедльстонѣ, который, напомнивъ, что за приуроченіе дороги Сюань Цзана къ Б. Памиру высказывались Клапротъ, Ландрессъ, Стан. Жюльенъ, Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ, Пакье, Биль и пр., находитъ приуроченіе къ Б. Памиру не подлежащимъ никакому сомнѣнію; съ своей стороны, онъ основывается, однако, лишь на двухъ аргументахъ, которые едва ли можно считать достаточно убѣдительными, именно на томъ предположеніи, что озеро Б. Памира было нѣкогда, несомнѣнно, много обширнѣе, чѣмъ нынѣ, и затѣмъ на томъ обстоятельстве, что Сюань Цзанъ шелъ отъ озера къ Къпаньто въ юго-восточномъ направленіи: «если бы онъ шелъ путемъ чрезъ М. Памиръ, то онъ долженъ былъ идти отъ Чакмака (т.-е. озера М. Памира) до Акташа на С.-В., а не на Ю.-В.» (The Pamirs and the Source of the Oxus, by George N. Curzon, London, 1896, pp. 69—70) ¹⁾.

За направленіе мало-памирское стоялъ отчасти Юль. Онъ находилъ, что, за исключеніемъ непомѣрныхъ размѣровъ озера, превосходящихъ величину всѣхъ озеръ Памира, кромѣ Каракуля, описаніе долины Помило Сюань Цзана вообще сходится съ свѣдѣніями Мирзы (вышеупомянутый англо-индійскій развѣдчикъ 1869 г., прошедшій, между прочимъ, изъ Калам-Пянджа въ Ташкурганъ), о долині М. Памира, даже относительно двухъ истоковъ изъ ея озера, восточнаго и западнаго, вѣрны или нѣтъ свѣдѣнія Мирзы объ этихъ истокахъ (сомнѣнія Юля, писавшаго въ 1873 г., въ слѣдующемъ году подтвердились, такъ какъ Троттеръ констатировалъ, что западнаго истока не существуетъ); между прочимъ, Болоръ, Полуло,

¹⁾ Приурочиваетъ путь Сюань Цзана къ Б. Памиру и Ташкургану также Паркеръ, но, во-первыхъ, бездоказательно и, во-вторыхъ, помѣщая, безъ всякихъ объясненій, переводъ или изложеніе, значительно несогласныя съ сходными между собою переводами Стан. Жюльена и Била: Working his way east, he (Сюань Цзанъ) alludes to Shikini (i. e. Shignan), lying to his north; travels along the bleak valley of the Po-mi-lo (Pamir), with a lake (Victoria), in the middle of it, whence a river (the Pamir) runs west into Oxus. „Beyond the mountains south of this valley is the kingdom of Pololo (Bolor); east from the valley, across the mountains, it is 500 li (165 миль) to Khavanda“ No description could possibly be more definite than this (China and the Pamirs въ Contemporary Review, 1897, Dec., p. 870).

дѣйствительно, оказывается отдѣленнымъ отъ М. Памира лишь горами, ограничивающими его на югѣ. Сообщение Сюань Цзана о юго-восточномъ направленіи пути его отъ озера, повидимому, указываетъ¹⁾, по мнѣнію Юля, на то, что китайскій паломникъ не шелъ къ Ташкургану чрезъ весь М. Памиръ, какъ Мирза, на С.-В., а оставилъ долину М. Памира близъ озера и направился на Ю.-В., къ перевалу Karashunkur (это пер. Вахджиръ, именовавшійся въ свѣдѣніяхъ Мохаммедъ-Эмина, которыми пользовался въ данномъ случаѣ Юль, Кара-чункуромъ, вѣрнѣе Кара-чукуръ, такъ какъ лежитъ въ вершинѣ р. Кара-чукура). Относительно величины озера М. Памира Юль склонялся къ предположенію, что оно прежде имѣло болѣе обширные размѣры: «иначе мы должны думать, что въ этомъ случаѣ, вопреки своей вообще удивительной точности, Сюань Цзанъ перемѣшалъ видѣнное со слыханнымъ» (Notes on Hwen Tshang account etc., въ Journal of the R. Asiatic Society, 1873, vol. VI, new series, p. 115—116). Мнѣніе Юля о значительно большихъ размѣрахъ озера М. Памира (Чакмактынъ-куль) въ прежнее время справедливо, такъ какъ это доказывается рядомъ небольшихъ озеръ, составляющихъ его восточное продолженіе, а также отмѣченнымъ Троттеромъ (Forsyth's Report, p. 271) паденіемъ мѣстности на В. отъ Чакмактынъ-куля только въ 233 ф. на протяженіи 24 м. до ур. Онкуль (у Минаева, стр. 175, Ойкуль вслѣдствіе описки или опечатки). Такъ какъ и дальнѣйшій уклонъ долины р. Аксу незначителенъ, то весьма вѣроятно, что озеро М. Памира простиралось нѣкогда на нѣсколько десятковъ верстъ на С.-В. На З., напротивъ, удлиненіе его не могло быть значительно, такъ какъ, хотя находящійся въ 2 мил. водораздѣлъ не выше 150 ф. надъ поверхностью нынѣшняго озера, но паденіе отъ него на З. слишкомъ значительно и быстро, такъ что Троттеръ считаетъ даже начало долины М. Памира лишь въ 7 м. отъ водораздѣла въ ур. Бозай-гумбезъ (р. 272), а потому надо полагать, что, въ историческія по крайней мѣрѣ времена, озеро М. Памира не простиралось на З. далѣе Бозай-гумбеза. Если бы Сюань Цзанъ шелъ отъ Хандута вверхъ по Ваханъ-дарѣ до озера, какъ предполагалъ Юль, т.-е. до Бозай-гумбеза, и затѣмъ направился на перевалъ Вахджиръ и далѣе по Кара-чукуру и Тагдынбашу до Ташкургана, то разстояніе между Хандутомъ и Ташкурганомъ составило бы, какъ показано мною выше, около 465 в. и средній переходъ на день оказался бы въ 38³/₄ в., (а на участкѣ между озеромъ и Ташкурганомъ разстояніе въ 210 в. на 5 дней

¹⁾ Hwen Tshang's account under № 33 apparently makes him leave the valley somewhere near the lake, and strike to the south-east (p. 116). Но подъ № 33 (параграфъ о владѣніи Тамоситѣти) ничего подобнаго нѣтъ. Это, вѣроятно, опечатка, вмѣсто № 38, гдѣ дѣйствительно читаемъ: The Traveller departing from the middle of the valley of Pamir, i. e. from the lake on Pamir Khurd, proceeds south-east for five days' journey, meeting with no village all the way... He then reaches the kingdom of Khia-pwan-to (p. 117).

даетъ даже 42 в.), что едва ли было бы для Сюань Цзана возможно; сверхъ того, свертывать на Вахджиръ путешественнику приходилось бы не отъ середины долины, какъ у него означено, а у ея начала, въ Бозай-гумбездъ, и направленіе отъ Бозай-гумбеда на Вахджиръ не юго-восточное, какъ намѣчено Сюань Цзаномъ, а почти восточное. Поэтому мнѣніе Юля оказывается въ настоящее время несостоятельнымъ. Если допустить, что Сюань Цзанъ шелъ по озеру М. Памира до его середины, т.-е. около 35 в. къ С.-В. отъ Бозай-гумбеда (вмѣсто востока) и здѣсь свернулъ бы на Ю.-В., то это приводило бы его въ мѣстности нѣмѣншей долины р. Аксу, къ пункту на 10 в. восточнѣе устья ущелья Андемынь (это устье, по маршруту Б. Л. Громбчевскаго 14 сент. 1889 г., находится въ 25 в. отъ Бозай-гумбеда), откуда на Ю.-В. лежатъ перевалы Кокъ-турукъ, Кипчакъ, Михманъ-юлы, все, какъ констатировала англійская разграничительная коммиссія 1895 г., трудно доступные (Gerard's Report etc., p. 39) и, вѣроятно, для Сюань Цзана невозможные; притомъ такой крюкъ на Ю.-В. отъ озера М. Памира на пути въ Ташкурганъ трудно допустимъ по своей несообразности, когда прямой путь лежалъ на Акташъ. Такимъ образомъ путь чрезъ М. Памиръ вообще непримиримъ съ нѣсколькими обстоятельствами описаннаго Сюань Цзаномъ пути его чрезъ долину Помило, и надлежитъ полагать, что шелъ онъ Б. Памиромъ, который достаточно удовлетворяетъ описанію кит. путешественника.

Къ пуанъто-Ташкурганъ.

Описаніе владѣнія *Къпуанъто* (Khavandha, по догадкѣ Стан. Жюль на) гласитъ у Сюань Цзана, что «царство это имѣетъ около 2 т. ли въ окружности. Столица его построена въ большомъ горномъ проходѣ, изсѣченномъ въ скалѣ (sur un grand passage de montagne, taillé dans le roc); сзади нея находится р. Сято; окружность ея десятка въ два ли. Горы образуютъ сплошные хребты; долины и плоскія выси очень узки. Сборъ риса весьма посредственный, но бобовыя растенія и пшеница родятся обильно. Лѣсныя деревья разбросаны; цвѣты и фрукты рѣдки. Долины, и высокія и низкія, пустынны, города же и деревни (почти) безъ обитателей. Нравы не управляются правилами объ обрядахъ. Людей, изучающихъ литературу, мало. Такъ какъ характера населеніе суроваго и склоннаго къ насилию, то оно обладаетъ и пылкимъ мужествомъ. Наружности некрасивой и подлой. Одежда шерстяная. Письмена и языкъ много походятъ на кашгарскіе (Kie-sha). Они (однако) умѣютъ выражаться съ искренностью и показываютъ большое почтеніе къ закону Будды. Имѣется десятокъ монастырей, въ которыхъ насчитываютъ около 500 монаховъ... Со времени основанія этого царства протекло много лѣтъ. Царь даетъ себѣ титулъ

Tchi-na-ti-p'o-k'iu-ta-lo (Чина Дева Готра), т.-е. потомокъ (царевны изъ династiи) Хань и бога солнца. Въ древнiя времена это царство было пустынною долиною, расположенною среди горъ Цунлинь». Далѣе приводится легенда о ханьской царевнѣ, высватанной царемъ Персiи (Po-li-sse), ѣхавшей къ нему и чудеснымъ образомъ забеременѣвшей во время случайной остановки въ этой горной долинѣ; отъ ея сына и происходитъ царскiй домъ этого владѣнiя. Этотъ первый царь погребенъ въ пещерахъ большой горы, въ 100 ли на Ю.-В. отъ столицы. Одинъ изъ его потомковъ совершилъ военный походъ въ Индiю, въ царство Та-ча-ши-ло (Таксила историковъ Александра Македонскаго), чтобы овладѣть однимъ славнымъ буддiйскимъ учителемъ, котораго и водворилъ у себя, построивъ для его пребыванiя монастырь. Сюань Цзанъ, «сдѣлавъ около 300 ли на Ю.-В. отъ города, прибылъ къ большой горѣ, въ бокахъ которой находилось двѣ комнаты, содержавшiя каждая по одному Lo-han (архатъ), погруженному въ полный экстазъ» болѣе 700 лѣтъ. Идя отсюда на С.-В., «онъ пересѣкъ горныя проходы, прошелъ чрезъ пропасти и, сдѣлавши около 200 ли, прибылъ къ благотворительному дому, именуемому Rin-jang-che-lo (Ринцзачалъ). Въ центрѣ четырехъ горъ, составляющихъ часть восточнаго хребта Цунлина, есть пространство земли, занимающее около 100 цин'овъ (K'ing, всего немного болѣе 100 р. десятинь). Въ этомъ мѣстѣ и весною, и лѣтомъ видны огромныя наносы снѣгу и царятъ бураны и леденящiй холодъ. Почва пропитана солью; хлѣба не растутъ. Деревья совершенно отсутствуютъ и попадаются только кое-какiя тощiя травы. Даже въ пору большихъ жаровъ здѣсь вьюги и снѣгъ. Едва путешественники попадаютъ въ это мѣсто, какъ оказываются въ туманахъ и облакахъ. Проходящiе торговцы жестоко страдаютъ въ этихъ трудныхъ и опасныхъ мѣстностяхъ». По разсказу старожиловъ, въ этомъ мѣстѣ нѣкогда погибъ большой караванъ торговцевъ, въ числѣ 10 т. человекъ, съ нѣсколькими тысячами верблюдовъ. Когда видѣвшiй издалека ихъ бѣдственное положенiе, проживавшiй въ это время въ Къпанъто архатъ прибылъ къ нимъ на помощь, то всѣ торговцы оказались уже умершими. Онъ собралъ ихъ драгоценности и имущество и употребилъ на устройство убѣжища для путешественниковъ и торговцевъ. Описанiе владѣнiя Къпуанъто оканчивается такъ: «Отправясь изъ этой страны на В., онъ спустился съ восточнаго хребта горъ Цунлинь, прошелъ опасныя перевалы, пересѣкъ глубокiя долины и слѣдовалъ тропами, кишшими пропастями. Одолѣваемый то вѣтромъ, то снѣгомъ, онъ сдѣлалъ около 800 ли, вышелъ изъ горъ Цунлинь и прибылъ во владѣнiе У-ша». (Mém. sur les contrées occident. etc., t. 2, pp. 209—216).

Изъ комментаторовъ Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ находилъ (1858 г.) относительно мѣстонахожденiя Къпуанъто, что «направленiе и разстоянiе приводятъ насъ къ городу, котораго имя въ устахъ киргизовъ есть *Кар-*

чу; рѣка, протекающая у Карчу, есть одна изъ главныхъ вершинъ Яркенда» (*Mém. sur les contrées occid.*, t. 2, pp. 426—427). Это Карчу взято французскимъ географомъ изъ карты Центр. Азіи Клапрота, гдѣ, какъ приведено уже мною въ главѣ II (стр. 50), на вершинѣ главной вѣтви Яркендъ-дарьи показанъ городъ или селеніе Katchout ou Kartchou. Юль справедливо призналъ этотъ «Karchu ошибочной передачей имени Hatchut ¹⁾ или Ketchut, которое значилось въ таблицахъ іезуитскихъ астрономическихъ опредѣленій на югѣ Сарыкола и было, со стороны наблюдателей, лишь показаніемъ положенія границы съ Канджутомъ или Хунзой. Карчу же, полагаю (продолжалъ Юль), ни на какихъ китайскихъ картахъ не значится» (статья Юля о географіи и исторіи верховьевъ Окса въ *A Journey to the source of the river Oxus, by Captain John Wood, London, 1872, p. LV*), т.-е. оно является неудачной догадкой Клапрота. Самъ Юль (*Notes on Hwen Thsang's account of the principalities of Tokharistan, въ Journal of the R. A. S., 1873, new series, vol. VI, p. 118*), присоединяясь къ мнѣнію Коннингэма, который за 23 года ранѣе приурочилъ Къпуанто къ Сарыколу, находилъ, что вообще имѣвшіяся свѣдѣнія о Сарыколѣ согласны съ описаніемъ Сюань Цзана, но положеніе его столицы, Ташкургана, не отвѣчаетъ свѣдѣніямъ кит. путешественника. Съ своей стороны, я полагаю, что, какъ выше подробно выяснено, разстоянія и направленія пути Сюань Цзана, дѣйствительно, удостовѣряютъ, что его Къпуанто есть нынѣшній южный Сарыколь, съ главнымъ пунктомъ около Ташкургана. За исключеніемъ помѣщенія столицы въ горномъ проходѣ, высѣченномъ въ скалѣ, и посѣвовъ риса, хотя бы и дающаго весьма посредственный урожай, всѣ свѣдѣнія о природныхъ условіяхъ Ташкурганскаго округа, кратко намѣченныя мною на стр. 15, 35 и др. гл. I и II ²⁾,

¹⁾ Въ гл. II (стр. 54) я приурочивалъ Hatchoute іезуитовъ къ мѣстности Базаръ, на р. Кара-чукуръ, и признавалъ вѣроятнѣйшимъ считать это имя за китайскую транскрипцію имени Кара-чукуръ. Если допустить, что Hatchoute означаетъ границу съ Канджутомъ, т.-е. перевалъ Минтеке, то положеніе этой границы подъ 37° 1' шир. значительно разнится отъ положенія Hatchoute подъ 37° 11', причемъ нельзя сослаться на ошибку іезуитовъ, потому что именно широтныя ихъ опредѣленія отличаются вѣрностью. Вслѣдствіе этого, я считаю болѣе правильнымъ приуроченіе Hatchoute къ Базару, какъ къ послѣднему осподомъ пункту въ китайской территоріи близъ границы, и потому отстаиваю транскрипцію изъ Кара-чукура, хотя транскрипція изъ Канджута, конечно, фонетически ближе.

²⁾ Не лишнимъ будетъ привести здѣсь свѣдѣнія лорда Ленмора, слѣдовавшаго чрезъ Ташкурганъ въ концѣ августа и началѣ сентября 1892 г.: Долина ташкурганская (начало онъ считаетъ отъ Уджабай кургана) имѣетъ въ длину около 50 м. и ширину въ 5—6 м. Населенія около 6 т. д. Климатъ здоровый, но холодный. Зимы длинныя. Уже 1 сент. выпалъ снѣгъ, который, впрочемъ, чрезъ нѣсколько дней исчезъ. Много хорошихъ пастбищъ. Деревьевъ нѣтъ, кромѣ ивъ, которыя растутъ по берегамъ рѣкъ. Пашень много и всѣ искусственно орошаются. Сѣютъ много пшеницы и ячменя; случалось встрѣчать и посѣвы овса; разводятся еще горохъ и бобы и изъ стручковыхъ растеній, называемое makhi. Выдѣлывается много войлочныхъ ковровъ (numdahs), которые прочтѣ производимыхъ въ Индіи, и домашнее сукно для одежды. (*The Pamirs etc., by the Earl of Dunmore, London, 1893, vol. 2, pp. 25, 26, 38*).

совпадаютъ съ описаніемъ Сюань Цзана. Помѣщеніе столицы, имѣющей 20 ли въ окружности, въ изстѣченномъ въ скалѣ горномъ проходѣ, трудно допустить вообще, по невѣроятности гигантскихъ работъ для подобнаго предпріятія, предпринятаго въ малонаселенной странѣ, безъ какихъ-либо оправдывающихъ иѣлей. Необходимо, поэтому, предположить какую-нибудь ошибку, погрѣшность, недоразумѣніе или порчу въ текстѣ описанія въ «Запискахъ», тѣмъ болѣе, что въ *Histoire de la vie etc.* (р. 273) читаемъ: *La capitale s'appuie sur le flanc d'une haute montagne. Au nord elle a derrière elle le fleuve Si-to.* Это подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе о томъ, что Сюань Цзанъ представлялъ себѣ рѣку долины Тагармы, текущую съ З. и впадающую въ Тагдынбашъ ниже Ташкурмана, восточнымъ истокомъ Драконова озера; въ такомъ случаѣ Ташкурманъ, дѣйствительно, оказывался имѣющимъ вѣтвь рѣки Сито на сѣверѣ, сзади, прилегая притомъ къ Сарыкольскому хребту, по положенію своему на правой сторонѣ Тагдынбаша. Что касается риса, то, по невѣроятности производства риса въ столь холодномъ климатѣ и на такой высотѣ, какъ долины Ташкурмана и Тагармы, приходится думать, что, видя въ обращеніи незначительное количество риса, кит. путешественникъ заключилъ, что рисъ родится плохо, не догадавшись, что онъ привозный.

Въ Пушьясалѣ Юль (*Notes etc.*, р. 119) не прочь видѣть Brungsal, встрѣчающееся въ свѣдѣніяхъ Мохаммедъ-Эмина (см. В. В. Григорьева «Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. 2, 1873, стр. 493), имя одного изъ шести кишлаковъ долины Тунъ. По картѣ подп. Громбчевскаго, это лѣвый притокъ Раскема Буромсалъ, съ деревнею того же имени; на картѣ Deasy-Burangsal. Есть еще (на картѣ Громбчевскаго) двѣ рѣчки Буромсалъ, текущія съ перевала Караташъ (въ Кашгарскомъ хребтѣ), одна на С. въ р. Мерки, другая на Ю., въ р. Пасъ-рабатъ; послѣднюю встрѣтившій ее на пути своемъ изъ Яркенда въ Ташкурманъ лордъ Денморъ называетъ Bramsal (*The Pamirs etc.*, vol. 2, р. 12). Я сомнѣваюсь, чтобы Бурансалъ или Буромсалъ происходило отъ санскритскаго *пуньисала*, потому что встрѣчаются другія мѣстныя имена, какъ Азгансалъ (не разъ упомянутая рѣка), Чамасалъ (селеніе на Яркендъ-дарѣ, по картѣ Громбчевскаго, упоминаемое и Мохаммедъ-Эминомъ, стр. 485) и, можетъ-быть, сел. Дамсилъ, которое у Мохаммедъ-Эмина (стр. 493) названо Дамсаръ, у Дизи—Damsal¹⁾. Я думаю, что гору съ двумя архатами не мѣшало бы поискать на р. Кошъ-уикуръ, имя которой значить «двѣ пещеры» и которая впадаетъ въ Кара-чукуръ съ лѣвой стороны, противъ ур. Базаръ; до этой рѣчки отъ Ташкурмана около 70—75 в., т.-е. показанные Сюань-

¹⁾ Вѣроятно, слово Бурансалъ взято изъ тибетскаго языка: въ маршрутахъ изъ Ладака въ Яркендъ черезъ Каракорумъ значатся два Brang-sa, одинъ у подножія ледника и перевала Сасер-ла, другой—у сѣвернаго подножія перевала Каракорумъ. Sa—по-тибетски земля, мѣсто.

Цзаномъ 300 ли, или три дня пути, въ юго-юго-восточномъ направленіи, а не юго-восточномъ, какъ у кит. путешественника. Отъ Кошъ-ункура Бурансалъ находится на С.-В., но не въ 200 ли, или 2 дняхъ пути, а значительно дальше. Б. І. Громбчевскій не могъ попасть въ Буромсалъ съ праваго берега Раскема, вслѣдствіе большой воды (10 авг. 1890 г.), изъ свѣдѣній же его и Deasy и картъ обоихъ можно заключить, что небольшая долина Бурансала окружена со всѣхъ сторонъ трудно проходимыми горами и съ долиною Тунъ, напр., населеніе ея можетъ имѣть сношенія лишь чрезъ посредство долины Вача. При такомъ положеніи Бурансала, въ сторонѣ отъ единственнаго въ этой странѣ употребительнаго пути чрезъ перевалъ Кандахоръ, долину Туна, Курукъ-лангаръ и перевалъ Арпаталъ, трудно объяснить существованіе на Бурансалѣ описываемаго кит. буддистомъ убѣжища. Сверхъ того, *Histoire de la vie etc.* (p. 274) совершенно о немъ умалчиваетъ, хотя даетъ краткія свѣдѣнія о возвышающейся въ видѣ стѣны, въ 300 ли на Ю.-В. отъ города, большой скалѣ: *on y voit, dit-on, deux chambres creusées dans le roc, dont chacune renferme un Lo-han...* Такимъ образомъ, по этому источнику, Сюань Цзанъ узналъ о двухъ арханахъ только изъ рассказовъ, а потому нѣтъ причинъ не присоединиться къ основанному на этомъ обстоятельстве заключенію В. В. Григорьева («Вост. Туркестанъ», вып. 2, стр. 140) о томъ, что Сюань Цзанъ лично горы съ двумя арханами не посѣщалъ. Конечно, и о Пуньясалѣ онъ рассказываетъ тоже по слухамъ.

Уша, древнее Уча, нынѣшнія долины Вача, Туна и пр.

О владѣніи *Уша* (Ou-cha) Сюань-Цзанъ сообщаетъ, что оно имѣло около 1 т. ли въ окружности, а столица его около десятка ли. Съ южной стороны оно соедѣлило съ р. Сито. Жирная и плодородная почва давала обильныя жатвы. Лѣсная растительность была богата, цвѣты и плоды весьма обильны. Изъ этой страны вывозилось большое количество нефрита разныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, чернаго и зеленаго. Климатъ умѣренный; вѣтры и дожди наступали въ свое время. Жители были по природѣ суровы и жестоки, весьма склонны къ кражамъ и обманамъ и рѣдко испытывали стыдъ отъ порока. Письмо ихъ и языкъ походили немного на кашгарскія (Kie-cha). Наружность у нихъ безобразная и пошлая. Для одежды употребляли шкуры и шерстяныя матеріи. Однако, они твердо вѣрили въ законъ Будды и соблюдали его съ почтеніемъ. Было съ десятокъ монастырей, въ которыхъ жило менѣе 1 т. монаховъ. Царскій родъ этого владѣнія прекратился уже нѣсколько столѣтій. Онъ не имѣетъ своего особаго государя и состоитъ въ зависимости отъ царства Кѣпуанъто (*Mém. sur les contrées occident., t. 2, pp. 216—217*).

800 ли, т.-е. восемь дней пути, на В. отъ Къпаньто-Ташкурмана, должны были привести Сюань Цзана къ восточной оконечности долины р. Туна. Шелъ онъ, конечно, не скорѣе Свена Хедина, который, какъ знаемъ мы (гл. 1, стр. 19), употребилъ на проходъ отъ Ташкурмана до Курукъ-Лангара (съ переправою) 8 дней. При разсмотрѣніи путешествія Фа Сяня, выяснено, что протяженіе этого пути около 150 в., а это даетъ въ среднемъ на каждый изъ 8 дней пути около 19 в.; но не надо упускать изъ вида, что на этомъ разстояніи два хребта и трудный перевалъ Кандахоръ, и что Сюань Цзанъ, вѣроятно, шелъ здѣсь зимою, такъ какъ кит. путешественникъ потому, быть можетъ, ничего не говоритъ о переправѣ чрезъ Сито-Раскемъ, что перешелъ черезъ рѣку по льду, вообще безъ опасностей и задержекъ. Всѣ свѣдѣнія Сюань Цзана объ Уша въ точности соотвѣтствуютъ географическимъ и природнымъ условіямъ долины Туна и Вача и нѣсколькихъ смежныхъ съ ними, болѣе мелкихъ, долинъ. Раскемъ-Сито, дѣйствительно, протекаетъ частію на югъ этой страны. дѣлая изгибъ на В. Плодородіе почвы, отличныя жатвы, богатая древесная растительность, обиліе разныхъ сортовъ фруктовъ, умѣренный климатъ—все это вѣрно относительно долины Туна и болѣе мелкихъ, а также отчасти и долины Вача. При всей малозвѣстности страны, мы, однако, знаемъ, что въ ней много нефрита: Б. Л. Громбчевскій въ окт. 1888 г. совершилъ поѣздки изъ долины Вача къ нефритовымъ копамъ на лѣвомъ берегу Раскема (см. И. В. Мушкетова «Замѣтки о нефритѣ и жадеитѣ въ Вост. Памирѣ», въ «Изв. И. Р. Геогр. Общ.» 1889 г., стр. 254 и слѣд.); кромѣ того, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, есть нефритовыя залежи на ур. Сарыгъ-еръ, близъ сел. Туинъ, нѣсколько выше крѣпости, въ которой живетъ правитель всего Сарыкола, Аблассанъ-бекъ (рукоп. дневн. 18 окт. 1888 г.). Самое имя *Уша* не только близко, но есть лишь иная транскрипція имени древняго владѣнія ханьскихъ временъ *Уча* (Уто, Яджа), занимавшаго эту самую страну и получившаго свое названіе отъ рѣки и долины, которыя и нынѣ сохраняютъ имя Вача, Учи. Подтверженіемъ того, что Уша есть лишь иная кит. транскрипція *Уча*, можетъ служить употребленіе этой послѣдней формы въ сдѣланной въ «Си-юй-ту чжи» цитатѣ изъ «Записокъ» Сюань Цзана: по крайней мѣрѣ, у Эмбо Юара въ переводѣ этой цитаты стоитъ *Ou tcha* вмѣсто *Ou cha* (Recueil de documents etc., 1881, p. 105). Не лишне привести это мѣсто Сюань Цзана, такъ какъ оно подтверждаетъ приуроченіе Уша: «Горы Цунлинь расположены въ центрѣ Джамбудвипы. На Ю. они касаются великихъ снѣжныхъ горъ (Хиндукушъ); на С. они доходятъ до Теплаго моря (Иссыкъ-куль) и Тысячи источниковъ; на З. простираются до владѣнія Хуо (около Бундуза) и на В. до владѣнія *У-ша*» (Mém. etc., t. 2, p. 194). Такимъ образомъ владѣніе Уша находится внѣ Цунлина, но на его границѣ, какъ выражено и въ приведенномъ уже другомъ мѣстѣ «Записокъ», гдѣ сказано: «онъ сдѣлалъ

800 ли, вышелъ изъ горъ Цунлинь и прибылъ во владѣніе У-ша» (р. 216). Повидимому, пересѣкавшій Цунлинь съ З. на В. Сюань Цзанъ считалъ его послѣднимъ хребтомъ высокій хребетъ Кандахорскій, считая лежавшія далѣе на В. на пути его горы, въ томъ числѣ перевалъ Арпаталъ не входящими въ составъ Цунлина. Напротивъ, для Фа-сяня, подошедшаго съ В. и не пересѣкавшаго еще высокихъ горъ, хребетъ Арпаталъ представлялся уже началомъ Цунлина.

О дальнѣйшемъ своемъ пути изъ Уша Сюань Цзанъ говоритъ слѣдующее: «Выйдя изъ этой страны, онъ направился на С., сдѣлавъ около 500 ли чрезъ каменистыя горы и пустынные равнины и, сдѣлавъ около 500 ли (такъ у Ст. Жюльена; вѣроятно, повтореніе сдѣлано по опискѣ), прибылъ въ царство Кіе-ча» (Mém., t. 2, p. 219). «Выйдя изъ этой страны (Кіе-ча), онъ сдѣлавъ около 500 ли на Ю.-В., переправился чрезъ р. Си-то, прошелъ большой горный проходъ (passage), покрытый пескомъ, и прибылъ въ царство Чо-кеу-кя» (Tcho-keou-kia, pp. 220—221). «Отправясь изъ этого царства (Tcho-keou-kia), въ направленіи на В., онъ прошелъ высокіе горные перевалы (passages) и пересѣкъ долины. Сдѣлавъ около 800 ли, онъ прибылъ въ царство «Khiu-sa-ta-na», т.-е. Хотанъ (р. 223). По Histoire de la vie etc. (pp. 274—275), Сюань Цзанъ «прибылъ во владѣніи Ко-ран-то дней 20 и пустился отсюда въ путь въ сѣв.-западномъ направленіи. Черезъ 5 дней онъ встрѣтилъ шайку разбойниковъ. Сопровождавшіе его торговцы перепугались и забрались на горы. Нѣсколько (plusieurs) слоновъ, ожесточенно преслѣдуемыхъ (разбойниками?), попадали въ воду и погибли. Когда разбойники ушли, Сюань Цзанъ пошелъ съ купцами медленно впередъ, спустился съ высотъ съ восточной стороны и, не смущаясь жестокимъ морозомъ, продолжалъ свой путь среди тысячи опасностей. Сдѣлавъ такимъ образомъ 800 ли, онъ вышелъ изъ горъ Цунлинь и прибылъ въ царство У-ша». «Отсюда онъ направился на С., сдѣлавъ около 500 ли и прибылъ въ царство Кіе-ча» (р. 277). Дальнѣйшія направленія пути и разстоянія не отличаются отъ показанныхъ въ «Запискахъ», но въ описаніи пребыванія кит. путешественника въ Хотанъ встрѣчаются отсутствующія въ «Запискахъ» свѣдѣнія о томъ, что, вслѣдствіе утраты части добытыхъ въ Индіи буддійскихъ книгъ при переправѣ черезъ Индъ, Сюань Цзанъ, во время пребыванія своего въ Хотанъ, посылалъ отсюда людей въ Куча и Кашгаръ поискать тамъ другіе экземпляры взаимно утраченныхъ; однако, онъ уѣхалъ изъ Хотана, не дождавшись возвращенія посланныхъ людей (pp. 284—285).

Изъ выдающихся комментаторовъ, Вивьенъ де-Сень-Мартенъ, принимавшій Къпанто за несуществующее Карчу, упуская изъ вида указаніе Сюань Цзана на восточное направленіе пути въ Уша, помѣщалъ это послѣднее между Карчу и Кашгаромъ на мѣстѣ нынѣшняго города Янги-хиссара, на пути къ Кашгару, Чжо-кеу-кя же приурочивалъ къ Яркенду (Mém., t. 2, p.

427). Юль, мимоходомъ, обратилъ вниманіе на сходство имени Уша съ названіемъ долины Учи или Вача у Мохаммедъ-Эмина, но, въ виду слѣдованія Сюань Цзана въ Кашгаръ, счелъ подходящимъ помѣстить Уша въ Чихиль-гумбезъ на пути изъ Ташкургана въ Кашгаръ и Яркендъ въ Кашгарскомъ хребтѣ (Notes etc., p. 119). В. В. Григорьевъ, угадывавшій, что Бѣпуанъто «Сюань Цзана несомнѣннымъ образомъ тождественно съ Ханьбандо Сонъ-юня», и есть «Уто ханскихъ временъ. нынѣшній Ташкурганъ», заподозрилъ, что кит. путешественникъ ни въ Кашгарѣ, ни въ Чжогэу-цзя (который принимаетъ за Яркендъ) не былъ, а описалъ по чужимъ свѣдѣніямъ, какъ и многія другія владѣнія, и направился изъ Уша прямо въ Хотанъ. Въ качествѣ подтвержденія своего мнѣнія онъ указалъ на вышеприведенную, по Histoire de la vie etc., посылку людей за книгами, между прочимъ, въ Кашгаръ, разсуждая, что если бы кит. путешественникъ былъ лично въ Кашгарѣ, то посылать туда людей за книгами изъ Хотана не было надобности, ибо «нужныя ему книги пріобрѣлъ бы онъ въ этомъ владѣніи въ продолженіе своего тамъ пребыванія». «Принимая во вниманіе, что Уша сосѣдитъ къ Ю. съ р. Сидо, а индѣйскимъ именемъ этимъ (Sitâ) называется постоянно у Сюань Цзана Ярканъ-дарья, не могу я теперь считать У-ша ни за что иное, кромѣ Цзыхэ ханскихъ временъ и Фасянева путешествія. Ингаисару... У-ша соответствовать не можетъ, потому что Ингаисарскій - Округъ не сосѣдитъ къ Ю. съ Ярканъ-дарьею». Цзыхэ же Григорьевъ сажалъ «на Ярканъ-дарьѣ и Тизнифѣ, около Якрыка и Кукъяра» («Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. 2, 1873 г., стр. 141—143, 147 и 37). Съ своей стороны я полагаю, что если дѣйствительно, какъ разсказываютъ составители исторіи жизни Сюань Цзана, путешественникъ этотъ направился изъ Копанъто-Ташкургана на С.-З., шелъ въ этомъ направленіи 5 дней до встрѣчи съ разбойниками и только послѣ нея двинулся на В. («спустился съ высотъ, съ восточной стороны») и прибылъ чрезъ 800 ли въ Уша, то можно допустить, что Сюань Цзанъ направлялся на Кашгаръ, но нападеніе разбойниковъ побудило его возвратиться назадъ въ Ташкурганъ и отсюда предпринять дальнѣйшій путь на В., на Уша. Сюань Цзанъ могъ въ своихъ «Запискахъ» умолчать объ этомъ приключеніи, такъ какъ и вообще лично о себѣ онъ, безъ необходимости, въ „Запискахъ“ говорить избѣгалъ. Какъ бы то ни было, и „Записки“, и „Исторія жизни“ ведутъ путешественника изъ Ташкургана въ Уша; если же Уша есть ханское Уча и несомнѣнно, по многимъ основаніямъ, мною приведеннымъ и рассмотрѣннымъ, является долинами Туна и Вача съ нѣсколькими смежными меньшими долинами, то представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы Сюань Цзанъ отправился изъ Уша-Туна прямо въ Кашгаръ, такъ какъ прямой путь повелъ бы его обратно въ Ташкурганъ, требуя на переѣздъ снова 8 дней, и затѣмъ изъ Ташкургана въ Кашгаръ, при разстояніи въ

245 в. по не особенно легкому горному пути, нужно было бы ѣхать еще 10 дней, итого не менѣе 18 дней. Между тѣмъ путь изъ Уша въ Кашгаръ чрезъ Чжо-кеу-кя потребовалъ бы ни какъ не болѣе 10 дней и пролегалъ бы лишь дня 2—3 горами, высотой и трудностями далеко уступающими цунлинскимъ, остальное же время лежалъ по долинамъ. Въ виду этого, по моему мнѣнію, слѣдуетъ полагать, что если Сюань Цзанъ былъ лично въ Кашгаръ, то прошелъ онъ туда изъ Уша чрезъ Чжо-кеу-кя, т.-е. Чжогуйбо «Танъ-шу», древнее Цзыхэ. Былъ или нѣтъ Сюань Цзанъ лично въ Кашгаръ, это большого значенія не имѣетъ, но въ виду засвидѣтельствованнаго въ описаніи Сюань Цзана процвѣтанія буддизма въ этомъ царствѣ (въ немъ „насчитывали нѣсколько сотъ монастырей, въ которыхъ жило 10 т. монаховъ“, Мém., t. 2, p. 220), я склонился бы къ мнѣнію, что кит. паломникъ посѣтилъ его лично изъ Чжогуйбо, не пожалѣвъ потратить на проѣздъ туда 5 дней и столько же обратно, если бы, съ другой стороны, не побуждало къ обратному заключенію отсутствіе въ описаніи Кашгара указанія буддійскихъ святынь и изложенія соотвѣтственныхъ легендъ, безъ которыхъ не могло обойтись такое гнѣздо буддизма и которыхъ не могъ не слышать Сюань Цзанъ въ Кашгарѣ, если бы посѣтилъ его.

Чжокеукя или Чжугуйбо, древнее Цзыхэ.

Помѣстивъ Уша въ Цзыхэ, В. В. Григорьевъ приурочилъ Чжо-гэу-цзя къ Яркенду, не приведя никакихъ основаній («Вост. или Бит. Туркестанъ», в. 2, 1873 г., стр. 142). Юль нашелъ, что хотя Чжокеукя обыкновенно отождествляютъ съ Яркендомъ, но переправа чрезъ р. Сито-Яркендъ и горный затѣмъ проходъ на пути изъ Кашгара въ Чжокеукя препятствуютъ признавать Чжекеукя за Яркендъ, лежащій на кашгарской сторонѣ Яркендъ-дарьи; но, съ другой стороны, 5 дней пути отъ Кашгара и 8 дней до Хотана совпадаютъ съ нашими новѣйшими маршрутами: So I am unable to suggest a resolution of the difficulty—заклучилъ Юль (Notes etc., въ J. of R. A. S., 1873, vol VI, p. 120). Конечно, если бы Григорьевъ и Юль располагали тѣми свѣдѣніями по географіи страны между Ташкурганомъ и Тизнафомъ, которыя приобрѣтены не ранѣе, какъ въ послѣднія 12 лѣтъ, и которыя, въ главныхъ чертахъ, изложены выше при обсужденіи путешествія Фа-сяня, то они не затруднились бы приурочить Уша къ Туну и Чжогэукя къ мѣстности между сел. Чимду и Актамомъ на правомъ берегу Яркендъ-дарьи, куда помѣшаю я Цзыхэ Фа-сяня и Чжугуйбо Сонъ Юня и династійныхъ исторій, въ томъ числѣ „Танъ-шу“, несомнѣнно тождественное съ Чжокеукя Сюань Цзана. Путь изъ Ташкургана чрезъ долины Вача и Туна, Курукъ-Лянгаръ, пер. Арпаталя и долину Учъ-Бильду въ Чимду и Яркендъ, Кашгаръ или Хотанъ не только возмо-

жень и практикуется въ настоящее время, какъ удостовѣрилъ, между прочимъ, проходъ по нему Свена Хедина изъ Ташкургана въ Кушерабъ, Карчунъ и далѣе въ Кашгаръ, но существовалъ и прежде. Такъ, по свѣдѣніямъ Мохаммедъ-Эмина, относящимся къ самому началу 60-хъ годовъ, караванная дорога въ Бадахшанъ проходила, между прочимъ, чрезъ Ушъ-Балдыръ (В. В. Григорьева «Вост. или К. Туркестанъ», вып. 2, стр. 485 и 486) или Учъ - Бильду. Изъ приведенныхъ Паркеромъ изъ „Дай-Цинъ-и-тунъ-чжи“, новѣйшаго изданія свѣдѣній видно, что когда около 1828 г. китайское правительство лишило коканскихъ торговцевъ льготъ, которыми они пользовались въ Кашгаріи, то со стороны Яркенда, на торговой дорогѣ изъ Бадахшана, въ Лянгарѣ, гдѣ производился осмотръ товаровъ и взиманіе пошлинъ, выставленъ былъ сильный китайскій караулъ (China and the Pamirs, by E. H. Parker, въ Contemporary Review, 1897, Dec., p. 874); такъ какъ это сел. Лянгаръ, по Валиханову „(О состояніи Алтышара“ и пр. въ „Зап. И. Р. Геогр. О.“ 1861 г., кн. 3, стр. 59), находилось въ 40 в. отъ Яркенда, то это могъ быть лишь Ханъ-Лянгаръ при выходѣ дороги изъ Ташкургана чрезъ Тунъ, и Чимду изъ горъ въ Таримскую равнину, въ 40—45 вв. до Яркенда, между Ястуномъ и Актамомъ: слѣдовательно, путь изъ Ташкургана чрезъ Тунъ, Арпаталъ и Чимду былъ въ то время караваннымъ. Отсутствіе или крайняя скудость историческихъ извѣстій за предшествующіе 10 столѣтій лишаютъ возможности удостовѣрить существованіе этого пути въ теченіе этихъ вѣковъ, но китайскія извѣстія показали намъ, какъ выяснено въ настоящемъ изслѣдованіи, что еще до Р. Х. Китай сносился съ Гибинью и пр. по части этого пути между Пишанью и Уча и что Фа-Сянь и Сонъ Юнь шли по нему же. Весьма, поэтому, вѣроятно, что и во время Сюань Цзана путь этотъ существовалъ, а потому и послужилъ ему для прохода изъ Уша въ Чжокеукя или Чжугюйбо «Танъ-шу». Какъ уже было приподимо, по этому пути отъ переправы чрезъ Яркендъ-дарью въ Курукъ-Лянгарѣ до Сугетлика 18 в., затѣмъ чрезъ пер. Арпаталъ до Игизъ-арыкъ-кургана 19 в., Учъ - Бильду 23 в., Кушерабъ 18 в., Чимду 17 в. и до столицы Чжугюйбо, примѣрно между Ястуномъ и Актамомъ, около 20 в., всего около 115 в. или 5 дней пути по 23 в. въ среднемъ. Именно эти 5 дней пути или 500 ли и означены въ описаніяхъ путешествія Сюань Цзана отъ Уша до Кашгара, тогда какъ въ дѣйствительности они относятся къ пути его отъ Уша до Чжокеукя, ибо отъ Уша до Кѣша онъ долженъ былъ бы идти чрезъ Ташкурганъ не менѣе 18 дней, тогда какъ чрезъ Чжокеукя потребно было только 10 дней, а чрезъ Кушерабъ и Карчунъ, оставивъ столицу Чжокеукя немного въ сторонѣ, не болѣе 9 дней. Что касается разстояній отъ Чжокеукя до Кашгара и Хотана, то они были уже опредѣлены выше приблизительно въ 208 и 260 в., и даютъ на 5 дней по первому разстоянію около 41 в. и на 8 дней по

второму около 32 $\frac{1}{2}$ в. въ среднемъ на день пути. Это цифры вполне возможные, такъ какъ въ обѣ стороны пути лежали по равнинамъ меньшіе по разстоянію переходы къ Хотану могутъ быть объяснены тѣмъ, что кит. путешественникъ шелъ не по кратчайшему прямому пути, по которому исчислено разстояніе, а черезъ Кукъяръ, Килианъ и Санджу или нѣкоторые изъ нихъ, вообще около предгорьевъ, гдѣ селенія чаще и средства продовольствія обильнѣе. Нахожденіе столицы Чжокеуя послѣ переправы чрезъ Сито на пути изъ Кашгара подтверждаетъ расположеніе ея на правой сторонѣ Яркендъ-дарьи. Но прохожденіе пути послѣ переправы чрезъ „большой горный проходъ (или ущелье? переваль?), покрытый пескомъ“, можетъ указывать на болѣе южное или юго-восточное положеніе столицы, чѣмъ я доселѣ принималъ; если считать такимъ проходомъ или ущельемъ узкую долину между ложемъ Яркендъ-дарьи и окончаніемъ горъ на ея правой сторонѣ, то столицу эту можно предположить въ Яступѣ или между нимъ и Чимду; если же считать его настоящимъ ущельемъ или даже переваломъ, то пришлось бы искать эту столицу между Яркендъ-дарьей и Тизнафомъ, быть можетъ около Шихпу. Во всякомъ случаѣ точное опредѣленіе мѣстонахожденія этой столицы требуетъ изысканій на мѣстѣ, гдѣ могутъ дать указанія не только топографическія подробности, но и древнія развалины, особенно при раскопкахъ.

«Владѣніе Чжокеуя имѣетъ въ окружности около 1 т. ли, окружность же столицы—съ десятокъ ли. Столица защищена высокими и крѣпкими стѣнами. Населеніе многочисленно. Горы и холмы касаются другъ друга (т.е., иными словами, страна очень гориста). Обширныя пространства покрыты пескомъ и камнями. Царство это прилегаетъ къ двумъ рѣкамъ. Культура хлѣбовъ и плодовыхъ деревьевъ въ немъ процвѣтаетъ. Особенно изобилуютъ виноградъ, груши и сливы. Вѣтеръ и холодъ случаются (gègnent) во всякое время года. Люди вспыльчивы и жестоки; они только и стремятся къ обману и мошенничеству и открыто предаются воровству и разбойничеству. Письмена тѣ же, что въ Хотанѣ, но языкъ населенія отличенъ. Народъ этотъ мало обращаетъ вниманія на законы приличія и нравственности; вліяніе литературы отразилось на немъ въ весьма посредственной степени. Но онъ искренно вѣритъ въ *три драгоценности* (буддійскихъ: Будда, его ученіе и община, или церковь) и желаетъ практиковать *добродѣлю* (въ будд. смыслѣ). Есть нѣсколько десятковъ монастырей, которые большею частію обратились въ развалины; насчитываютъ въ нихъ съ сотню монаховъ, которые изучаютъ ученіе *Великаго Пути*. На южныхъ границахъ этого царства есть большая гора (горы?), съ высокими перевалами и нагроможденными другъ на друга вершинами. Ростъ травъ и *деревьевъ* задерживается тамъ холодомъ. Но съ весны до осени повсюду являются рѣчки въ долинахъ и ключи на вы-

сотахъ. Въ скатахъ горъ видѣются ниши и въ скалахъ кельи. Онѣ расположены правильно (въ шахматномъ порядкѣ, при буквальной переводѣ кит. текста) между пещерами и лѣсами. Большая часть индійцевъ, достигшихъ *плода* (степени *архата*), пользуясь своими сверхъестественными способностями, поднимаются для дальняго путешествія на воздухъ и достигаютъ этихъ мѣстъ, гдѣ и подвояются. Множество архатовъ вступили здѣсь въ *нирвану*. По этой причинѣ здѣсь построено большое количество *ступъ*. Даже и теперь есть здѣсь три архата, которые пребываютъ въ пещерахъ. Они погружены въ экстазъ, производящій прекращеніе мышленія. Тѣло ихъ подобно тѣлу отощавшаго человѣка; борода и волосы (на головѣ и пр.) продолжаютъ расти, но (мѣстные?) монахи по временамъ обриваютъ (или остригаютъ) ихъ. Въ этомъ царствѣ сочиненія по *Великому Пути* многочисленнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ мѣстахъ, куда достигъ законъ Будды, нѣтъ ни одного, гдѣ ученіе *Махаяны* было бы столь процвѣтающимъ. Оно содержитъ десять сборниковъ, заключающихъ каждый по 100 тыс. шлокъ (*śloka*). Со времени его введенія въ эту страну до нашихъ дней оно расширилось замѣчательнымъ образомъ» (*Mém.*, t. 2, pp. 221—223).

Это описаніе Чжокеуя относительно природы страны и населенія сходится со свѣдѣніями Сонъ Юня и Хой Сена о Чжугюйбо, повторенными въ «Вэй-шу» и «Бэй-шы»: небольшая горная страна, обильная хлѣбами и фруктами, съ населеніемъ, исповѣдывавшимъ буддизмъ и употреблявшимъ индійскія письма. О языкѣ населенія свѣдѣнія Сюань Цзана, считавшаго этотъ языкъ отличнымъ отъ хотанскаго, расходятся съ свѣдѣніями Сонъ Юня и Хой Сена, по которымъ языкъ чжугюйбоскій былъ сходенъ съ хотанскимъ: истина, вѣроятно, въ серединѣ, въ свѣдѣніяхъ Ту Ши о томъ, что при сходствѣ были и небольшія различія. Во время Фа Сяня въ странѣ считалось около 1 т. монаховъ, Сюань Цзанъ же нашелъ монастыри въ развалинахъ и монаховъ лишь около сотни. Завѣренія Сюань Цзана о наибольшемъ противъ всѣхъ буддійскихъ странъ процвѣтаніи въ странѣ изученія Махаяны должны быть относимы, вѣроятно, во времени, задолго предъ тѣмъ минувшему, по все же фактъ существованія десяти огромныхъ сборниковъ, которые кит. путешественникъ, конечно, видѣлъ хотя частію, свидѣлствуетъ, что это процвѣтаніе въ Чжугюйбо одной изъ буддійскихъ доктринъ не было вымысломъ или легендой. Относительно «буддійской Оиванды», какъ В. В. Григорьевъ окрестилъ скопленіе архатовъ и ступъ въ горахъ, на южныхъ границахъ Чжокеуя, нельзя не принять въ соображеніе, что свѣдѣнія Сюань Цзана о буддійскихъ святыняхъ въ Индіи и Кабулистанѣ блистательно подтвердились, а потому нельзя пока не думать, что онъ даетъ не менѣе вѣрныя свѣдѣнія и о святыняхъ Вост. Туркестана. Изъ малочисленныхъ европейскихъ путешественниковъ, касавшихся мимоходомъ странъ между Памиромъ и Тиз-

нафомъ, ни одинъ не ставилъ себѣ задачею археологическихъ въ ней изслѣдованій, и всѣ могли проходить вблизи буддійскихъ ступъ и пещеръ архатовъ, не только не видя ихъ, но и не подозрѣвая объ ихъ существованіи. Въ интересахъ науки весьма желательно, чтобы новые путешественники въ этихъ странахъ озаботились произвести разспросы и личные осмотры въ указываемыхъ Сюань Цзаномъ мѣстностяхъ въ Къпуаньто ¹⁾, Уша ²⁾ и Чжокеукя пещеръ и слѣдовъ жилищъ архатовъ, а также остатковъ ступъ, которые надо искать въ верховьяхъ рр. Учъ-Бильду (особенно около Унгурлука Свена Хедина) и Азгансала, соответствующихъ южнымъ предѣламъ древняго Чжокеукя, но которыя могли распространяться и по притокамъ Тизнафа, гдѣ мѣстами дѣйствительно оказались остатки лѣсовъ (еловыхъ), на которые намекаетъ Сюань Цзанъ, говоря о ростѣ деревьевъ.

Свѣдѣнія Сюань Цзана въ «Танъ-шу».

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ содержащагося въ «Исторіи династій Танъ» описанія Западнаго края встрѣчаются заимствованія изъ «Записокъ» Сюань Цзана. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ, явно воспроизводящемъ, безъ указанія источника, маршрутъ обратнаго пути знаменитаго паломника изъ Индіи, послѣ краткаго упоминанія о владѣніи Шаньми (вмѣсто Шанъ-ми, вѣроятно, вслѣдствіе опечатки у переводчика), читаемъ («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 250): «На «С.-В., черезъ 700 ли, горною дорогою прѣдешь въ страну *Ботуанъ-лочуанъ*, имѣющую отъ В. къ З. до 1000, отъ Ю. къ С. около 100 ли. Здѣсь весною и лѣтомъ идутъ дожди и снѣга». Это, конечно, долина *Поми.ю*. Чтобы понять, какимъ образомъ это имя обратилось въ Ботуанъ-лочуанъ, надо принять въ соображеніе, что, по объясненію Стан. Жюльена (Мѣм., т. 2, р. 207), онъ перевелъ слово *чуанъ* чрезъ слово «долина», хотя *чуанъ* ни въ одномъ словарѣ не имѣетъ такого значенія. Отнявъ, вслѣдствіе этого, *чуанъ* изъ приведеннаго названія, мы увидимъ, что *Ботуанъ-ю* должно соответствовать *Поми.ю*.

¹⁾ На Кошъ-ункурѣ, какъ выше предположено, относительно двухъ пещеръ съ двумя архатами.

²⁾ По Мѣм., т. 2, pp. 217—219, въ 200 ли приблизительно отъ столицы владѣнія Уша (которая находилась, вѣроятно, около нынѣшняго сел. Тунъ), есть большая гора, окутанная густыми парами, изъ которыхъ среди скалъ образуются облака; на вершинѣ ея возвышается ступа, воздвигнутая по тому случаю, что за нѣсколько вѣковъ предъ путешествіемъ Сюань Цзана часть горы обрушилась и внутри оказался *бикшу* огромнаго роста, съ исхудалымъ тѣломъ и покрывающими его плечи и лицо (длинными) волосами; когда его привели, съ извѣстными предосторожностями, въ чувство и сообщили на его вопросы о достиженіи нирваны не только тѣмъ буддою, при которомъ онъ погрузился въ экстазъ, но и слѣдующимъ его воплощеніемъ, то архатъ этотъ поднялся на воздухъ и воспламенился, такъ что на землю упали лишь его раскаленные кости; эти кости были собраны мѣстнымъ царемъ, очевидцемъ чудеснаго событія, и помѣщены въ построенную на мѣстѣ чуда ступу.

Разница произошла отъ того, что или въ текстѣ «Танъ-шу» ошибочно поставленъ знакъ *туань* вмѣсто знака *ми*, или переводчикъ прочелъ этотъ знакъ, по какому-нибудь недоразумѣнію, ошибочно. Забѣнивъ слогъ *туань* слогомъ *ми*, получаемъ *Бо-ми-ю*, т.-е. *Но-ми-ю*. «Танъ-шу» продолжаетъ: «На югѣ есть поколѣніе *Бо-лу*. Здѣсь много червоннаго золота». Это владѣніе *Полою* «Записокъ» Сюань Цзана. Далѣе: «Еще черезъ 500 ли лежитъ *Гянаньто*; на В. черезъ 800 ли Луковыя горы». Тутъ въ текстѣ «Танъ-шу» или у переводчика ошибка, такъ какъ по «Запискамъ» Сюань Цзана чрезъ 800 ли онъ *вышелъ изъ Цунлина* и прибылъ во владѣніе Уша. Затѣмъ: «Еще чрезъ 800 ли страна *Уша*, нмѣющая 1000 ли окружности. Отсюда выходитъ нефритъ трехъ видовъ: бѣлый, темный и зеленый. Владѣтели числятся вассалами гянаньтэскаго государя. На С. черезъ 500 ли дорогою черезъ песчаную пустынь прѣдешь въ Кашгаръ. На В. чрезъ 500 ли надобно переправляться черезъ р. Сидо, а потомъ, перешедъ большую цѣпь песчаныхъ горъ, прѣдешь въ родъ *Гиньюйга*, иначе *Гюйкюй*. Сія страна содержитъ 1000 ли пространства; на В. 800 ли горною дорогою до Хотана». Въ Гиньюйга или Гюйкюй В. В. Григорьевъ правильно угадалъ Чжокеукя или Чжугюйбо («Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. 2, стр. 169). Въ приведенныхъ мѣстахъ «Танъ-шу» довольно ошибокъ, но, заставляя дорогу изъ Кашгара, послѣ переправы чрезъ Сидо, идти черезъ цѣпь песчаныхъ горъ вмѣсто *un grand passage de montagne couvert de sable*, «Танъ-шу», можетъ быть, пользовалась лучшимъ текстомъ Сюань Цзана, чѣмъ дошедшіе до насъ.

Китайско-буддійскія карты.

Карты, составленныя въ Китаѣ и изображающія Индію и страны, которыя на пути въ нее проходили кит.-буддійскіе паломники, могутъ имѣть важное значеніе въ исторической географіи Сред. Азіи, особенно въ сомнительныхъ случаяхъ, когда описанія путешествій темны и возбуждаютъ недоумѣнія. Въ европейской литературѣ, сколько извѣстно, изданы три такихъ карты, все во французскихъ переводахъ: 1) Карта изданной въ 1714 г. японской энциклопедіи, помѣщенная Клапротомъ въ его *Mémoires relatifs à l'Asie*, t. 2, Paris, 1826; 2) *Carte de l'Inde, d'après les Chinois*, приложенная къ *Foe-koue-ki etc.*, trad. par Ab. Rémusat, при участіи въ последовавшемъ послѣ смерти А Ремюза изданіи этой книги въ 1836 г. Клапрота и Ландресса; 3) *Carte de l'Asie centrale et de l'Inde*, publiée au Japon en 1710, d'après les voyages de Fa-hien et de Hiouen-thsang, réduite à moitié par P. Bineteau, géographe, 1852. Эта послѣдняя карта приложена къ 2 т. *Mémoires sur les contrées occid. etc.*, trad. par Stan. Julien, Paris, 1858. Въ относящейся къ ней особой замѣткѣ (въ томъ же томѣ, р. 576) Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ говорить,

между прочимъ: «Клапротъ имѣлъ въ рукахъ уменьшенную копію нашей карты, которая находится въ японской энциклопедіи, но литографія, которую распорядился онъ изготавить для Foe-koue-ki, выполнена слишкомъ грубо, чтобы дать вѣрное понятіе объ оригиналѣ», а потому признано было необходимымъ приложить къ *Mémoires* уменьшенную же, но вполнѣ точную копію японской карты. Съ своей стороны Ст. Жюльенъ, въ *Préface* къ тому же 2 тому (р. X), упоминаетъ объ этой картѣ лишь какъ объ уменьшенной копіи большой карты, изданной въ Японіи въ 1710 г. и составленной при помощи почти ста сочиненій, названія которыхъ приведены на ея поляхъ, главнымъ образомъ на основаніи описаній путешествій Фа Сяня и Сюань Цзана. Первые двѣ карты и мнѣ кажутся копіями одного и того же подлинника, но объ отличаются отъ третьей не только по размѣрамъ и внѣшности, но отчасти и по содержанію. Такъ, напр., въ нихъ есть владѣніе *Khi-pin*, отсутствующее въ третьей картѣ или, скорѣе, замѣненное въ ней влад. *Kia-chi-mi-lo*, котораго нѣтъ въ двухъ первыхъ; напротивъ, въ этихъ двухъ есть *Wa-la*, не попавшее въ карту 1710 г. Общаго въ двухъ картахъ, основанныхъ на картѣ японской энциклопедіи 1714 г., съ картою 1710 г. такъ много, что надо полагать, что карты 1710 и 1714 г. имѣли, посредственно или не посредственно, одинъ общій источникъ, но отличаются вариантами, указывающими на особые дополнительные источники. На картахъ какъ 1710, такъ и 1714 г. нанесены разныя владѣнія и народы, совсѣмъ неупоминавшіеся у Фа Сяня и Сюань Цзана и сдѣлавшіеся извѣстными китайцамъ раньше или послѣ ихъ времени. Напр., упомянутые *Wa-la*,—т.-е. ойраты, цзунгары, какъ угадалъ Клапротъ,—появились въ странѣ, куда помѣстила ихъ карта 1714 г. лишь въ XV стол.; «даши, одѣтые въ бѣлое», и «черно-одежные даши», т.-е. послѣдователи Моканны и приверженцы абассидскихъ халифовъ, появились на свѣтъ въ VIII в., значить много позже Сюань Цзана; разныя древнія владѣнія ханьскихъ временъ, не существовавшія уже во время Фа Сяня и Сюань Цзана и не встрѣчающіяся совсѣмъ въ описаніяхъ ихъ путешествій, могли быть нанесены на карты лишь на основаніи древнихъ свѣдѣній китайской исторіи и литературы. Вообще разсматриваемыя карты представляютъ, видимо, собою образчики многихъ картъ, составлявшихся на основаніи свѣдѣній, главнымъ образомъ, Сюань Цзана, но въ разное время дополнявшихся на основаніи древнихъ и новыхъ свѣдѣній, имѣвшихся о помѣщаемыхъ въ нихъ странахъ въ китайской исторіи и географическихъ сочиненіяхъ. Это, однако, не препятствуетъ имъ быть интересными и полезными для выясненія—какъ понимали китайцы, болѣе или менѣе близкіе къ времени Сюань Цзана и пользовавшіеся свѣдѣніями, которыя отчасти до насъ не дошли, описанія путешествій Сюань Цзана и какъ они размѣщали описанныя Сюань Цзаномъ и упоминаемыя въ династіиныхъ исторіяхъ владѣнія и географи-

ческія данныя. При разсмотрѣніи этихъ картъ (причемъ я буду имѣть въ виду преимущественно карту 1710 г. въ переводѣ Ст. Жюльена, какъ наиболее близкую къ одному изъ китайскихъ подлинниковъ) оказывается, что сдѣланныя мною выше въ настоящей главѣ приуроченія и объясненія вообще содержаніемъ картъ подтверждаются. Въ долину Помило изображено оз. Лунъ-чи (Long-tchi), изъ западнаго конца котораго вытекаетъ рѣка (конечно, Аму-дарья, По-цзу Сюань Цзана) съ расположеннымъ на ней владѣніемъ Тамоситѣи (столица означена на лѣвомъ берегу); изъ восточной оконечности озера течетъ на В. и потомъ на Ю.-В. рѣка, соединяющаяся съ изображенной восточнѣе р. Сито въ мѣстности, гдѣ надписано владѣніе Tsie-kiu, должно быть ханьское Согюй. На Ю. отъ послѣдняго надписано Чжокеуя; на Ю.-З. отъ него Цзыхэ (Tseu-ho); прямо на Ю. отъ послѣдняго Сіѣ (Si-ye) и еще южнѣе Дэжо (Te-jo), а къ В. отъ нихъ Пули (Pou-li); всѣ эти пять владѣній помѣщены (по крайней мѣрѣ надписаны, такъ какъ границъ и столицъ не показано) на правой (восточной) сторонѣ р. Сидо. На Ю.-З. отъ Цзыхэ, между рѣкою изъ Лунъ-чи и р. Сидо, а также на обоихъ ихъ берегахъ надписано владѣніе Kie-pan-tho. На З. отъ Tsie-kiu, на С. отъ Къпанъто и на С.-З. отъ восточнаго истока оз. Лунъ-чи написано вл. Си-ча (на картахъ 1714 г. Kie-sa, т.-е. Кашгаръ). Сюань Цзану здѣсь принадлежитъ ошибочное представленіе о восточномъ истокѣ озера долины Помило, всѣ же остальные несообразности съ «Хань-шу» и прочими династіяными исторіями составляютъ ошибки китайскихъ ученыхъ, дополнявшихъ свѣдѣнія Сюань Цзана. Изъ нихъ особенно выдаются помѣщеніе Пули на Ю.-В. отъ Къпанъто, древняго Уча, и ханскаго же Хюаньду (Hüen-tou) на Ю. отъ Къпанъто и отъ р. Сито. Все же остальное изъ приведеннаго соотвѣтствуетъ имѣющимся извѣстіямъ и дѣйствительности. Владѣнія Уша не означено. вѣроятно, потому, что оно составляло часть Къпанъто, какъ вассальное.

Послѣ сдѣланнаго въ настоящей главѣ изложенія и объясненій китайскихъ историческихъ извѣстій V—VIII в. о странахъ, прилегающихъ къ Памиру съ В., можно было бы обратиться къ этническимъ и другимъ имѣющимъ съ ними связь выводамъ изъ приведенныхъ свѣдѣній, но, во избѣжаніе повтореній и вслѣдствіе необходимости, для разсмотрѣнія возникающихъ вопросовъ, имѣть въ виду историческія и этническія извѣстія и данныя за тѣ же столѣтія объ остальныхъ странахъ, примыкающихъ къ Памиру, представляется удобнѣйшимъ отложить этническіе выводы и ихъ разсмотрѣніе до окончанія изложенія историческихъ извѣстій.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Этноико-историческія свѣдѣнія о прилегающихъ къ Памиру странахъ и народностяхъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша и Мустага.

1). Столкновения Китая съ тибетцами въ смежныхъ съ Памиромъ странахъ.

Тибетцы были сосѣдями китайцевъ съ самыхъ древнихъ временъ и именовались ими преимущественно кянами (или цянами). Пользуясь раздѣленіемъ цяновъ на многочисленныя племена и роды, находившіеся часто во враждѣ между собою, Китай постепенно овладѣлъ многими тибетскими землями и подчинялъ ближайшихъ тибетцевъ, почти безпрепятственно, вплоть до VII в. послѣ Р. Х., когда произошло объединеніе тибетскихъ земель и племенъ въ единое могущественное государство, называвшееся въ китайской исторіи Ту-фанъ или Ту-фа ¹⁾. Первое посольство изъ Ту-фани прибыло въ Китай въ 634 г. ²⁾. Въ 663 г. туфани овладѣли всѣми землями тхугухуней ³⁾, государь которыхъ бѣжалъ въ Китай. «Незадолго

¹⁾ Ту-фа или ту-ба представляются китайскою транскрипціею тибетскихъ словъ Stod и Bod, значащихъ „Верхній Бодъ“, какъ тибетцы называютъ центр. и запад. Тибетъ въ отличіе отъ Män Bod, „Нижняго Бодъ“, т.-е. вост. Тибета (Notes on the Ethnologic of Tibet, by W. W. Rockhill, въ Annual Report of the Boards of Regents of the Smithsonian Institution for 1893. Report of the U. S. National Museum, p. 669).

²⁾ Содержащаяся въ „Танъ-шу“ исторія туфаней, переведенная о. Іакинфомъ Бичуринымъ въ его „Исторіи Тибета и Хухунора“, Спб., 1833 г., ч. I, стр. 130, а также The Early History of Tibet, by G. S. Bushell (въ Journ. R. Asiat. Soc. of G. Brit. and I., 1880, vol. XII, p. 438), представляющая собою переводъ тѣхъ же книгъ „Танъ-шу“. Я буду указывать на мѣста перевода англійскаго синолога лишь въ важныхъ случаяхъ различій съ переводомъ Бичурина.

³⁾ „Исторія Тибета и Хухунора“, ч. I, стр. 135 и 95. Считая тхугухуней (Tukuhun) монголами, Бичуринъ постоянно именовалъ ихъ тогонами, утверждая, что имя тхугухунъ есть монгольское слово—тогонъ, значащее котель (тамъ же, стр. 73). Эти тхугухуны переселились сюда, въ бассейнъ озера Кукунора, съ сѣвера около 310 г. по Р. Х. составляли часть сяньбийскихъ племенъ, сяньбийцы же принадлежали, какъ полагаютъ многіе европейскіе ученые, къ тунгусскимъ народностямъ, или, по нѣкоторымъ, къ корейскимъ. Изъ китайскихъ историческихъ извѣстій о тхугухунахъ имѣютъ интересъ, въ отношеніи при-памирскихъ странъ, слѣдующія: въ 445 г., вслѣдствіе движенія на него сильной юань-вейской арміи съв. Китая, государь тхугухуней Мулянъ „ушелъ въ Хотанъ, убилъ тамъшняго короля и побилъ нѣсколько десятковъ тысячъ челоѣкъ; послѣ началъ войну съ Лобинію (Бѣдакшанъ). Отселъ отправилъ посланника съ богатыми дарами къ Лю-и-лунъ, полководцу южнаго Китая, и просилъ у него помощи. Лю-и-лунъ отблагодарилъ ему колесницами. Въ слѣдующемъ (446) году тогоны возвратились на прежнія земли“, къ Кукунору („Исторія Тибета и Хухунора“, ч. I, стр. 82). Тоже самое, но значительно сокращеніе и безъ упоминанія о Лобини, которую Бичуринъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, считалъ за Бадахшанъ, повторено въ описаніи Юйтяни въ „Бэй-шы“ („Сбор. свѣд.“ и пр., ч. 3, стр. 145). Къ сожалѣнію, кромѣ перевода Бичурина, другого перевода на одинъ изъ европейскихъ языковъ вышеприведеннаго мѣста „Вай-шу“ или „Бэй-шы“, въ которомъ говорится о войнѣ съ Лобинію, не имѣется, сколько мнѣ извѣстно, а потому нельзя имѣть полной увѣренности въ правильности передачъ имени Лобини, нигдѣ, кажется, для Бадахшана не встрѣчающагося.

предъ симъ (662) покорились туфани десять колѣнъ Западныхъ Тулгасневъ. Въ 1-е лѣто правленія Сянь-пхынъ (670) Туфаньцы покорили 18 областей, и въ Западномъ краѣ, соединившись съ Хотанцами, разрушили стѣны г. Бучи. Симъ образомъ Китайскій дворъ потерялъ четыре писпекціи (въ Вост. Туркестанѣ)». Въ поясненіе этихъ краткихъ извѣстій («Исторія Тибета и Хухунора», ч. I, стр. 138, Bushell, p. 448, съ нѣкоторыми различіями, не имѣющими для насъ здѣсь большого значенія) слѣдуетъ имѣть въ виду, что, разрушивъ въ 630 г. вост.-тюркское ханство, Китай приступилъ затѣмъ къ возвращенію своего владычества надъ Вост. Туркестаномъ и къ подчиненію западныхъ тюрковъ. Составляя свои завоевательныя арміи преимущественно изъ подчинявшихся дотолѣ восточнымъ тюркскимъ ханамъ племенъ, при небольшомъ добавленіи китайскихъ войскъ. Китай, между 640 и 648 г. г., въ нѣсколько походовъ покорилъ владѣнія Гаочанъ (нынѣ Турфанъ), Яньки (Карашаръ) и Куча, а за ними подчинились и остальные владѣнія таримскаго бассейна. По примѣру произведеннаго по завоеваніи земель восточныхъ тюрковъ административнаго устройства («Собр. свѣд.» и пр., ч. I, стр. 310), большія владѣнія Вост. Туркестана обращены были въ ду-ду-фу (области или «губернаторства»), а меньшія въ чжеу и сянь (округа и уѣзды разныхъ степеней), при чемъ владѣтели утверждены правителями, съ оставленіемъ внутренняго управленія на прежнихъ основаніяхъ, но главное завѣдываніе Западнымъ краемъ предоставлено было намѣстнику (Ань-си ду-хо-фу), должностъ котораго, съ резиденціею въ Гаочанѣ, учреждена была первоначально въ 640 г. («Собр. свѣд.», 3, стр. 214); въ 647 г. намѣстникъ перемѣщенъ въ Куча и учреждено четыре военно-окружныхъ управленія (чжень у Бичурина въ «Топограф. указателѣ», «Собр. свѣд.», 3, стр. 96, Tchou у Гобиля,—который переводилъ это чрезъ garnison въ Mém. concernant l'histoire etc des Chinois, t. XVI, p. 387, places d'armes, t. XV, p. 478, или places de sûreté, тамъ же, p. 493,—chén у Bushell, p. 529), китайскіе начальники которыхъ, завѣдуя китайскими и туземными войсками округа, вѣроятно пользовались правами надзора и по туземному управленію, особенно въ военное время. Послѣ завоеванія въ 657 г. земель западныхъ тюрковъ и плѣненія ихъ хана Ашины-Хэлу, изъ завоеванныхъ земель образованы были два намѣстничества: одно изъ пяти родовъ дулу (нынѣ главное поколѣніе Большой орды дулатъ), кочевавшихъ на востокъ отъ р. Или, и другое изъ пяти поколѣній нушиби (вѣроятно, роды кангловъ и кара-киргизовъ), обитавшихъ на западъ отъ Или. Намѣстниками назначены были враждовавшіе съ Ашина-Хэлу члены ханскаго рода Ашина-Мише и Ашина-Бучжень («Собр. свѣд.», ч. I, стр. 360 и 361). Въ виду незначительности китайскихъ военныхъ силъ и невозможности содержать въ отдаленности отъ внутренняго Китая большія арміи, осѣдлая владѣнія Вост. Туркестана и западные тюрки не замедлили сдѣлать попытки возвратиться къ неза-

висимости. Такъ уже въ 660 г. китайцамъ пришлось усмирять владѣнія Кашгаръ, Чжугуйбо и Гэпанто и, вѣроятно, тюркского вождя, Сыгъ-думаня (тамъ же, стр. 362). Въ 662 г., во время похода съ китайскими войсками «для усмиренія Кучи» (стало быть, владѣніе Куча возмутилось). ханъ Бучжень оклеветалъ другого, поставленнаго китайцами, хана Мише «въ умыслѣ на бунтъ», и военный совѣтъ, созданный китайскимъ главнокомандующимъ, рѣшилъ отрубить голову какъ Мише, такъ и «всѣмъ его подчиненнымъ до пастуха». Весьма естественно, что послѣ казни Мише (тамъ же, стр. 362) западные тюрки обратились за помощью, для освобожденія отъ ига китайцевъ, къ туфанямъ, соглашаясь признать за эту помощь ихъ покровительство или власть. Отсюда, по дошедшимъ до Китая въ то время извѣстіямъ, въ исторіи туфаней въ «Танъ-шу» значится, какъ выше приведено, что въ 662 г. «покорились Туфани десять колѣнъ Западныхъ Тулгасцевъ», т.-е. пять поколѣній дулу и пять поколѣній пушиби. На самомъ дѣлѣ, по отдаленности Тибета отъ земель западныхъ тюрковъ и трудности сообщеній, въ 662 г., вѣроятно, начались лишь переговоры между тибетцами и тюркскими вождями. Какъ бы то ни было, въ 670 г. туфани овладѣли четырьмя чженями, т.-е. всѣмъ Вост. Туркестаномъ, кромѣ Хами и Турфана, и китайцы возвратили утерянное лишь въ 692 г., удержавъ Вост. Туркестанъ за собою и по миру, заключенному съ тибетцами въ 718 г. («Исторія Тибета и Х.», ч. I, стр. 147 и 162).

Еще въ 713 г. являлся лично къ китайскому двору владѣтель Малаго Болюя (Гилгита, какъ выяснено будетъ ниже) Мугиньманъ съ просьбою о покровительствѣ противъ тибетцевъ, которые желали его подчинить единственно, будто-бы, для свободного прохода чрезъ его земли въ Вост. Туркестанъ («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 253). Въ 722 г., когда тибетскія войска произвели нападеніе на Мал. Болюю и отняли у Мугиньмана девять городовъ, китайскій правитель В. Туркестана отправилъ на помощь Мугиньманю 4 т. войска; тибетцы были разбиты и отнятые у Мугиньмана города возвращены ему (тамъ же, стр. 253, и «Исторія Тибета и Х.», ч. I, стр. 163). Въ 736 г. (Bushell, p. 469) тибетцы вновь напали на М. Болюю; китайскій дворъ потребовалъ прекращенія враждебныхъ дѣйствій, «но Туфаньскій дворъ не послушалъ его, и владѣніе Болюйское наконецъ раззорено» («Исторія Т. и Х.», ч. I, стр. 169). Владѣтель его Сушиличжи поддался Тибету, женился на тибетской царевнѣ и прекратилъ сношенія съ Китаемъ; китайскій намѣстникъ предпринималъ противъ него три похода, но ни въ одномъ не имѣлъ успѣха. Въ 747 г., по распоряженію императора, помощникъ намѣстника Гао Сянь-чжи предпринялъ новый походъ, при помощи подкупленныхъ старшинъ проникъ въ Болюю, отрѣзалъ Сушиличжи путь къ бѣгству, овладѣвъ охраняемымъ небольшимъ тибетскимъ отрядомъ мостомъ чрезъ р. Сои, и уговорилъ владѣтеля М. Болюя сдаться, такъ какъ вслѣдствіе захвата моста пришедшія на помощь ти-

бетскія войска не могли переправиться; плѣненный Сушиличжи отосланъ былъ въ Китай, владѣніе же его «превращено въ инспекцію Гуй-жень, и занято тысячею человекъ китайскаго гарнизона» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 254).

Во время смутъ въ Бятаѣ, послѣдовавшихъ за извѣстнымъ возстаніемъ Аньлушаня (755 г.), тибетцы овладѣли многими китайскими землями, между прочимъ большею частью нынѣшней провинціи Гань-су, пресѣкши сообщенія Китая съ В. Туркестаномъ и дальнѣйшимъ западомъ; большая часть этихъ завоеваній окончательно уступлена была Тибету по мирному договору 781 г. («Исторія Т. и Х.», ч. I, стр. 190), а потому Китай потерялъ почти на десять столѣтій всякое политическое значеніе въ при-памирскихъ странахъ до половины XVIII в. Но и могущество Тибета продолжалось только до половины IX в.: въ 843 г. въ немъ возникли внутреннія смуты, вслѣдствіе которыхъ тибетское царство распалось на части (тамъ же, стр. 228 и слѣд.).

Объ отношеніяхъ Тибета къ В. Туркестану и при-памирскимъ странамъ съ 756 г. почти никакихъ историческихъ свѣдѣній не сохранилось. Вѣроятно, китайскій гарнизонъ былъ взятъ изъ М. Болюя не позже 756 или слѣдующаго г., и владѣніе это возвратилось подъ власть Тибета и оставалось вассальнымъ до распаденія туфанскаго государства.

2) Историческія извѣстія о странахъ на южныхъ склонахъ Хиндукуша. Владѣніе Болу, Болуло, Болюй, Болоръ китайскихъ свѣдѣній.

По содержащемуся въ «Танъ-шу» описанію Болюя, «*Большой Болюй*, иначе *Булу*, лежитъ отъ Тибета прямо на западѣ, въ смежности съ Мал. Болюй; на западѣ граничитъ съ Сѣв. Индіею и Учаномъ; находится въ зависимости отъ Тибета». Упоминаются три посольства изъ этого владѣнія при династіи Суй и еще два, какъ будто, уже при дин. Танъ, именно: «Когда слава государя Минъ-ди въ правленіе Кхай-юань, 581—601, всюду прогремѣла, Б. Болюй три раза присылалъ посольство къ Двору: почему и владѣтелю его Суфошели Чжылини данъ титулъ государя. По смерти его, сынъ Силиньтоичжи грамотою утвержденъ на престолѣ. Онъ два раза посылалъ въ Китай своихъ главныхъ старѣйшинъ съ данью изъ мѣстныхъ произведеній» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 252). Этимъ описаніе Б. Болюя кончается, въ слѣдующемъ же за нимъ описаніи Мал. Болюя, послѣ свѣдѣній о разстояніяхъ, столицѣ и пр., которыя приведены будутъ ниже, изложеніе событій начинается съ того, что «въ первое лѣто правленія Кхай-юань, 713, владѣтель Мугиньманъ пріѣхалъ къ Двору», послѣ чего изложены относящіеся къ столкновеніямъ съ тибетцами свѣдѣнія. Далѣе, «по смерти Мугиньмана сынъ его Наньни поставленъ; по смерти Наньни старшій его братъ Малайси поставленъ. По

смерти Малайси Сушиличжи возведенъ. Онъ женился на тибетской царевнѣ» и т. д., какъ выше изложено («Собр. свѣд.», 3, стр. 253. Кромѣ перевода Бичурина есть еще переводъ статьи о Болюѣ (Grands Pholou-Pourouts) Аб. Ремюза, только не непосредственно изъ «Танъ-шу», а изъ компиляціи Матуаньлина (XIII в.); въ этомъ переводѣ (Nouveaux mélanges asiatiques, Paris, 1829, t. I, p. р. 194—196) почти все, относящееся къ Мал. Болюю, и извѣстія о Мугиньманѣ выпущены; посольства изъ Б. Болюя отнесены ко времени между 696 и 741 гг.; Nan-ni сдѣланъ сыномъ не Мугиньмана, а Sou-lin-tho (т.-е. больше-болюйскаго Силиньтоичжи перевода Бичурина), и пр. Такъ какъ извѣстія о владѣтелѣ М. Болюя Мугиньманѣ, кромѣ танскаго описанія Болюя, есть и въ отдѣлѣ «Танъ-шу», содержащемъ исторію туфаней («Исторія Тибета и Хухунора» I. Бичурина, Спб., 1833 г., ч. I, стр. 162 и 163), то въ общемъ переводъ Бичурина долженъ быть правиленъ, и Матуаньлинь, видимо, не только упустилъ привести изъ танскаго описанія Болюя весьма важныя свѣдѣнія о событіяхъ времени Мугиньмана, но въ дальнѣйшемъ обратилъ сына Мугиньмана Наньни въ сыновья больше-болюйскаго Сулиньтоичжи. Поэтому слѣдуетъ держаться перевода Бичурина, за исключеніемъ одной необходимой поправки: о. Іакинфъ отпесъ три посольства изъ Б. Болюя ко времени правленія Кхай-юань, къ 581—601 гг., т.-е. ко времени перваго императора династіи Суй; между тѣмъ правленіе Кхай-юань въ дѣйствительности обнимало 713—741 гг. царствованія танскаго императора Сюань-цзуна, — какъ это видно между прочимъ изъ стр. 253, 254 и др. «Собр. свѣд.», ч. 3, а также изъ стр. 467 и др. части I,—и правленіе перваго императора суйской династіи, 581—600 г., именовалось не Кхай-юань, а Кхай-хуань (см. того же «Собр. свѣд.», стр. 193, ч. 3, и стр. 277, 340 и др. части I). Такимъ образомъ Бичуринъ смѣшалъ Кхай-юань съ Кхай-хуань и приписалъ ошибочно годы второму первому. Вслѣдствіе этого посольства изъ Б. Болюя имѣли мѣсто не въ 581—601, а въ 713—741 гг.

«Малый Болюй лежитъ слишкомъ за 9.000 ли отъ столицы (Китая); на В., нѣсколько къ Ю., 3.000 ли» ¹⁾ до мѣстопробыванія тибетскаго князю (государя), и на З. 800 ли до Учана. «На Ю.-В. 300 ли до Б. Болюй; на Ю. 500 ли до Гэшими (Кашмиръ), на С. 500 ли до Данхумискаго города Солэ. Владѣтель живетъ въ г. Ёдо при р. Сон. Отъ Ёдо на З. есть на вершинѣ горы обширный городъ, называемый Габуло», т.-е. Кабулъ («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 253). У другихъ синологовъ находимъ

¹⁾ Далѣе у Іакинфа: „до Тибета, на В. 800 ли до мѣстопробыванія Кянью. Находится въ зависимости отъ Учана“. Такъ какъ разстоянія въ кит. описаніяхъ показываются до мѣстопробыванія владѣтеля, то означеніе 3 т. ли до Тибета и одновременно 800 ли до мѣстопробыванія владѣтеля недопустимо; далѣе, хотя Болюй, какъ увидимъ ниже, находился въ зависимости отъ Учана, но было это задолго до Танской династіи. Вслѣдствіе всего этого, взаимныя части перевода Бичурина, соответствующее мѣсто изложено согласно переводамъ Schott'a (Ueber die ächten Kirgisen, Berlin, 1865, s. 467) и Bushell'a (p. 530).

нѣкоторыя отличія. У Imbault-Huart (Recueil de documents sur l'Asie centrale, p. 156), вмѣсто «Данхумискаго города Солэ» значится городъ Po lo des H'ou mi; вмѣсто Ёдо и Габуло Nié to на р. So y и г. Tçia pou lo; у Ab. Remusat (Mem. de l'Acad. des Inscript. etc., t. VIII, 1827, p. 99), городъ Nieï-to близъ р. So-i, на З. отъ котораго горный хребетъ, а за нимъ большой городъ Кабулъ; у Bushell'я (p. 530), the Humi city of Solo.

Когда въ половинѣ XVIII стол. китайцы завоевали Туркестанъ и вошли въ столкновенія съ припамирскими странами, то въ помѣщенныхъ въ «Си-юй-ту-чжи» описаніяхъ этихъ странъ были сдѣланы приуроченія ихъ къ извѣстнымъ, по китайскимъ династійнымъ исторіямъ, древнимъ владѣніямъ. Въ горахъ а) на З. отъ Кашгара, между Кашгаромъ и Коканомъ, на Алаѣ и на Памирѣ, съ одной стороны, и б) на С. отъ Кашгара въ Тяньшанѣ, съ другой, обитали въ это время кара-киргизы; китайцамъ они сдѣлались извѣстными подъ заимствованнымъ у цзунгаровъ (калмаковъ) именемъ бурут'овъ; первую изъ двухъ только-что намѣченныхъ группъ кара-киргизскихъ родовъ китайцы стали звать западными бурутами, вторую же (тяньшанскую) — восточными бурутами. По мнѣнію составителей «Си-юй-ту-чжи», западные буруты занимаютъ земли владѣній ханьскихъ временъ Гуань-ду и Хюсюнь (см. гл. II настоящаго изслѣдованія, стр. 59), восточные же буруты суть Болу юань-вэйскихъ временъ и Болюй танской династіи. Къ этому послѣднему заключенію, приводя выдержки изъ «Бэй-шы» о владѣніи Болу и изъ «Танъ-шу» о Болюѣ (описаніе Болюя только-что приведено мною), пришли они на основаніи такого разсужденія: такъ какъ Болу «Бэй-шы» находилось на С.-З. отъ Агэуцяна, который долженъ былъ быть очень близокъ къ нынѣшнему Бадахшану (занимая даже западную часть послѣдняго, см. выше, стр. 43 гл. II), то это Болу, тождественное съ танскимъ Болюемъ, лежало въ земляхъ нынѣшнихъ восточныхъ бурут'овъ; не только сходны описанія, но тождественны и имена, ибо Бо-лу и Бу-лу (бурутъ) синонимы (Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., 1881, pp. 158, 160, 161).

Описаніе Агэуцяна, лежащаго на Ю.-З. отъ Яркяна, въ 13.000 т. ли отъ кит. столицы, было уже приведено мною (гл. II, стр. 42). Вслѣдъ за Агэуциномъ «Бэй-шы» описываетъ Болу: «Владѣніе Болу лежитъ отъ Агэуцяна на С.-З., отъ Дай (кит. столица) въ 13.900 ли. Климатъ влаженъ и жарокъ. Есть лошади губерніи Сычуань», т.-е. сходныя съ сычуаньскими, которыя, по словамъ Іакинфа, отличаются малымъ ростомъ и горячностью. «Мѣстоположеніе ровное. Мѣстныя произведенія и обычаи народныя сходны съ Агэуцянскими» («Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 175). Объ Агэуцянѣ упоминаній болѣе нѣтъ, Болу же встрѣчается въ «Бэй-шы» еще въ трехъ мѣстахъ: 1) въ предисловіи къ описанію Западнаго края, гдѣ сказано, что четвертая дорога на З. «идетъ отъ Яркяна на Ю.-З.

500 и отъ Луковыхъ горъ на Ю.-З. же 1.300 ли до Болу» (тамъ же, стр. 141). 2) Въ помѣщенномъ вслѣдъ за Болу описаніи владѣнія Малый Юечжы,—которое по столицѣ Фулэуша (копечно, Пурушапура, нынѣшній Пишаверь) и по стунѣ въ 10 ли на В. отъ нея слѣдуетъ признать за область низовьевъ Кабуль-дарьи,—сказано, что «оно лежитъ отъ Болу на Ю.-З.»¹⁾ 3) Въ слѣдующемъ за нимъ описаніи влад. Гибинь значится, что его резиденція находится «отъ Болу на Ю.-З.» (тамъ же, стр. 175). Изъ приведенныхъ данныхъ ясно, что Болу юань-вэйскихъ временъ и свѣдѣній находилось на Ю.-З. отъ Яркенда, имѣя отъ себя на Ю.-З. же владѣнія М. Юечжы и Гибинь, лежавшія во всякомъ случаѣ въ долинѣ Кабуль-дарьи; иными словами, Болу слѣдуетъ искать на линіи между Яркендомъ и Пишаверомъ и притомъ на Ю. отъ Хиндукуша, такъ какъ на С. по этой линіи нѣтъ никакой мѣстности, гдѣ климатъ былъ бы влаженъ или, по крайней мѣрѣ, жарокъ, какъ въ юань-вэйскомъ Болу; къ Ю. же отъ Хиндукуша, приблизительно притомъ именно на прямой линіи между Яркендомъ и Пишаверомъ, находится Гилгитъ, который обладаетъ жаркимъ климатомъ, съ значительными атмосферными осадками въ окружающихъ горахъ, и сверхъ того занимаетъ самую большую (около 100 в. длины)¹⁾ долину изъ имѣющихся на этой линіи отъ Хиндукуша до долины низовьевъ Кабуль-дарьи. Если Болу оказывается,—по точному соображенію данныхъ «Бэй-шы» съ дѣйствительными географическими условіями, выясненными европейскими изслѣдователями во второй половинѣ XIX в.,—соотвѣтствующимъ странѣ нынѣшняго Гилгита, то сѣв.-западное положеніе Болу-Гилгита относительно Агэуцяна опредѣляетъ приуроченіе послѣдняго къ нынѣшнему Балтистану, столица котораго находится отъ Гилгита на Ю.-В. въ 162 англ. миляхъ кратчайшаго пути по долинѣ или, скорѣе, ущелью Инда. По описанію двигавшагося этимъ путемъ, въ янв. 1891 г., Найта, «рѣка Индъ на этомъ протяженіи стремительно прорывается въ горахъ по длиннымъ и настолько узкимъ дефиле, что, слѣдуя по сказанному пути, путешественникъ часто на протяженіи нѣсколькихъ миль ничего не видитъ, кромѣ отвѣсныхъ утесовъ, неба и пѣнящейся воды. Часто встрѣчающіеся подъемы и спуски, иногда въ нѣсколько тысячъ футовъ, очень затрудняютъ слѣдованіе. Мѣстами приходится взбираться на утесы по лѣстницамъ или по стволамъ деревьевъ, приставленныхъ къ кручи, или же при помощи колышковъ, втыкаемыхъ въ небольшія трещины въ ска-

¹⁾ „Собр. свѣд.“, ч. 3, стр. 175. Давній переводъ того же описанія изъ „Вэй-шу“ (откуда оно заимствовано въ „Бэй-шы“) Ed. Specht призналъ Po-lou за Bolu, не выясняя, что такое и гдѣ находится этотъ Болоръ, и сославшись на кит. сочиненіе нынѣшней династіи Hsi-koue-thou-tchi (Journal asiat., 1883, oct.-déc., p. 330).

²⁾ Рѣка Гилгита протекаетъ по Ясину 60 англ. миль, по Поніялу (еще недавно входившему въ составъ Гилгита) 25 миль и по собственно Гилгиту 35 миль, итого 120 миль (The Jummoo and Kashmir territories, by Fred. Drew, Lond., 1875, p. 406).

лахъ» ¹⁾. Несмотря на видимо не совсѣмъ удачный переводъ этого описанія, нельзя не видѣть, что эта дорога по Инду обилуетъ такими же балконами и карнизами, какіе отличаютъ пути по Пянджу въ предѣлахъ Дарваза, Рошана, Шигнана и отчасти Вахана, и что она вполне соотвѣтствуетъ описанію «висячаго перехода» въ Агэуціанѣ: «Отъ резиденціи на З. есть горы съ висячимъ переходомъ. Черезъ горы лежитъ дорога, простирающаяся на 400 ли. На семъ переходѣ часто встрѣчаются боковые мосты, подъ которыми лежатъ ужасныя пропасти. Путешественники идутъ по нимъ, поддерживая другъ друга веревкою, отъ чего и названіе ущелья». «Мѣстныя произведенія», именно «всякій хлѣбъ и разные плоды», а также добыча «золота» «сходны» и нынѣ въ Гилгитѣ и Балтистанѣ, какъ было въ Болу и Агэуціанѣ ²⁾. Сходство «народныхъ обычаевъ», которое констатируетъ «Бэй-шы» въ Болу и Агэуціанѣ, наблюдается и понынѣ въ значительной степени между балти и населеніемъ Гилгита, хотя первые говорятъ нарѣчіемъ тибетскаго языка, а гилгитцы на индо-арійскомъ языкѣ шина. Такъ какъ балти и физически нѣсколько отличаются отъ своихъ тибетскихъ сосѣдей Ладака, то сходство ихъ обычаевъ съ гилгитскими въ юань-вэйскія времена, безъ сомнѣнія, еще большее, чѣмъ нынѣ, имѣетъ не малое значеніе при рѣшеніи вопроса объ этническомъ происхожденіи этихъ балти. Къ сожалѣнію, въ описаніяхъ Болу и Агэуціана «Бэй шы» нѣтъ никакихъ датъ, отсутствіе же указаній на посольства изъ этихъ владѣній заставляетъ полагать, что свѣдѣнія, помѣщенные въ описаніяхъ, позаимствованы были или изъ разспросовъ посольствъ изъ смежныхъ или недалежныхъ владѣній, напр. изъ М. Юечжи или изъ Гибини ³⁾, или изъ ре-

¹⁾ Извлечение изъ книги Where three empires meet. By E. F. Knight, 1893, помѣщенное въ „Сборн. геогр. и пр. матер. по Азіи“, вып. 54, С.-Пб., 1893, стр. 126.

²⁾ См. вышеупомянутыя книги Дрю и Найта, а также Travels in Kashmir. Ladak. Iscardo etc., by G. T. Vigne, London, 1842. По Биддельфу („Народы, населяющіе Инду-куш“, перев. П. Лессара, Асхабадъ, 1886 г., стр. 26), „Гилгитъ, лежащій въ 24 м. отъ Инда, на высотѣ 4.800 ф., совмѣщаетъ выгоды хорошаго климата, значительнаго количества плодородной земли и центральнаго положенія, и, повидимому, съ древнихъ временъ служилъ мѣстопребываніемъ цѣлаго ряда правителей, которые, въ большей или меньшей степени, властвовали надъ окружающими долинами и странами. Древнее имя этой мѣстности было Саргинъ. Позже ей было дано имя Гилгитъ, которое было измѣнено въ Гилгитъ завоевателями сикхами и догра; по среди мѣстныхъ жителей она и нынѣ называется Гилгитъ или Саргинъ-гилгитъ. До настоящаго времени существуютъ остатки древнихъ каменныхъ построекъ, повидимому, такого же характера, какъ храмы Мартундъ и Пандретанъ въ Кашмирѣ. Они указываютъ на значительное богатство и (развитіе) искусства, о которыхъ въ настоящее время не сохранилось даже преданія“. Многія рѣчки въ области Гилгита золотоносны; промываніе золота производится только зимою, первобытными способами, но „трудъ иногда очень хорошо окупается“ (тамъ же, стр. 29). При туземныхъ правителяхъ (до завоеванія сейками и догра въ 40-хъ годахъ XIX в.) добываніе золота облагалось податями (стр. 54). „Балтистанъ представляетъ собою наиболѣе цвѣтущую общину въ сѣв.-западной части Гималаевъ. Вездѣ, гдѣ есть вода, склоны холмовъ отдѣланы террасами и весьма тщательно обработаны, но земли не хватаетъ для чрезвычайно густого населенія“ (стр. 65).

³⁾ О посольствахъ въ Китай изъ М. Юечжи нѣтъ совсѣмъ упоминаній, изъ Гибини же, по завѣренію Шаванна и Левы (Journ. asiat., 1895, t. VI, p. 374), въ

лаций какихъ-нибудь кит. буддистовъ, путешествовавшихъ въ Индію, описанія поѣздокъ которыхъ до насъ не сохранились или, по крайней мѣрѣ, остаются для европейской науки неизвѣстными. Наконецъ, не лишне имѣть въ виду, что въ составъ самого имени Агэуцянь или Акеукянъ (A kéou tciang, A keou khian) входитъ имя цянъ или кянъ, которое китайцы въ древности давали западнымъ тибетцамъ, а потому можно, пожалуй, думать, что названіе влад. Агэуцянь имѣло связь съ принадлежностью части его населенія къ тибетскому племени или съ сосѣдствомъ съ обитаемою имъ территоріею: Балтистанъ несомнѣнно находился въ древности на юго-западной границѣ распространенія тибетскаго народа ¹⁾.

Изъ прилегающихъ къ Памиру съ Ю. странъ составители «Си-юй-ту-чжи» дали описанія Балти и Болора. Свѣдѣнія свои о Балтистанѣ китайцы почерпнули изъ произведенныхъ въ 1760 г. разспросовъ торговцевъ изъ этой страны, прибывшихъ въ Яркендъ и объяснявшихъ, что по срединѣ страны ихъ протекаетъ длинная рѣка, что страна ихъ граничитъ на Ю. съ На роу юшн (Капулуръ?) и что лично они принадлежатъ къ двумъ общинамъ, каждая приблизительно въ 8 т. д., управляемымъ одна Момессепаромъ, другая Усуваномъ. На основаніи смутныхъ свѣдѣній этихъ торговцевъ, составители «Си-юй-ту-чжи» заключили, что страна Балти находится на южныхъ границахъ современнаго Индустана, соответствующаго древней Гибини (Recueil de documents, etc., p. 218). Составители «Дайцинъ-и-тунъ-чжи», на основаніи тѣхъ же свѣдѣній, нашли, что страна Балти находится на Ю. отъ Болора и что она въ древности китайцамъ не была извѣстна (Magaz. asiat. etc., t. I, p.p. 97, 98). Страна Болоръ, по «Си-юй-ту-чжи», находится на В. отъ Бадахшана, окружена со всѣхъ сторонъ горами и имѣетъ около 30 т. семействъ населенія, обитающаго въ городахъ и селеніяхъ; въ сѣв.-западной части его есть рѣка. Старѣйшина или царь ея Шахъ-Шамодъ покорился Китаю одновременно съ Бадахшаномъ (въ 1759 г.); когда въ 1764 г. на его земли сдѣлалъ нашествіе владѣтель Бадахшана Султанъ-ша, то Шахъ-Шамодъ обратился съ просьбою о защитѣ къ китайскимъ властямъ Яркенда и послѣднія предписали бадахшанскому владѣтелю прекратить враждебныя дѣйствія. Составители

„Вэй-шу“ означено посольство въ 452 г. На основаніи этой даты можно извѣстна, послужившія основаніемъ для описаній Болу и Агэуцяна, относятся къ половинѣ V в.

¹⁾ Бидельфу, — которому не удалось лично посѣтить селенія т. наз. брокпа (горцевъ), проживающихъ въ долинѣ Дехъ-хану въ восточной части Балтистана, — передавали, что этотъ исповѣдующій буддизмъ, среди мусульманъ-балти, и говорящій на діалектѣ языка шина народъ называетъ себя ардеркаро, балти же даютъ ему имя кіанго (kyango). Бидельфъ полагаетъ, что „они составляютъ остатокъ расы, занимавшей нѣкогда долину Инда отъ Леха до Гилгита, и что этой расѣ балти обязаны примѣсью аріійской крови“ („Народы насел. Гинду-кушъ“, стр. 72). Вѣрно послѣднее предположеніе или нѣтъ, но возможно, что не имя кянъ, а имя кіанго входило въ составъ имени Акеукянъ; однако и въ этомъ случаѣ имя Агэуцянь опять оказывается связаннымъ съ страной нынѣшняго Балтистана.

«Си-юй-ту-чжи» нашли, что страна Болоръ, какъ сосѣдняя съ Бадахшаномъ, должна была въ древности составлять часть владѣнiя Уча (Rec. de docum. sur l'Asie centr. etc., p. p. 206—207). По «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», не приводящему основанiй, лежащiй на Ю.-З. отъ Яркенда и на В. отъ Бадахшана Болоръ составлялъ при Ханяхъ часть владѣнiя Уча, при династiи же Юань-Вэй это было владѣнiе А кеу кянь (Magaz. asiat. etc., t. I, 1825, p. p. 96—97). Въ новѣйшемъ изданiи «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», которымъ пользовался Паркеръ, встрѣчаются о Болорѣ нѣкоторыя подробности и дополненiя, отсутствующiя въ «Си-юй-ту-чжи» и въ «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи» изданiя 1790 г., отрывки изъ котораго переведены Клапротомъ въ Magasin asiatique: Болоръ (въ 1763 г.) просилъ помощи Китая вслѣдствiе нападенiй Бадахшана на Тэй-т'е-ла-гъ (Читраль). Императоръ отвѣтилъ (на представленiе по этому поводу подлежащаго начальства): «такъ какъ эти государства намъ подвластны, то сдѣлать соответствующiя распоряженiя». Правитель Бадахшана отозвался въ 1764 г. на сдѣланное ему сообщенiе, что Читраль принадлежалъ его предкамъ и что не слѣдуетъ вѣрить ложной жалобѣ Шахъ-Хушамета, правителя Болора, ибо онъ убилъ его (бад. влад.) брата, тѣмъ болѣе, что угрожаетъ вмѣшательство авганцевъ. На это императоръ возразилъ: «Читраль принадлежитъ собственно Болору; во время джунгарскаго владычества (въ Туркестанѣ) вашъ предокъ Шахъ-Махмудъ овладѣлъ имъ, Шахъ Хушаметъ же лишь отвоевалъ его у него обратно». Оправдываясь, бадахшанскiй правитель высказывалъ опасенiе нашествiя авганцевъ на его страну. Въ 1768 г. императору было допущено, что авганцы ушли (изъ Бадахшана) и что Султанъ-шахъ снова занялъ свою столицу (Файзабадъ)¹⁾. Изъ этихъ извѣстiй для насъ важно здѣсь то, что китайцы считали Читраль принадлежащимъ Болору, т. е. частью его или вассальнымъ владѣнiемъ. Какая же страна была собственно Болоромъ или главной его составной частью? Для разрѣшенiя этого вопроса могутъ, между прочимъ, послужить слѣдующiя свѣдѣнiя изъ изданнаго въ 1823 г. подъ заглавiемъ «Си-юй-шуй-дао-цзи», т. е. гидрографiя В. Туркестана, сочиненiя одного китайца: отъ Гань-чжу-тэ (Канджутъ или Хунза) «на З. въ 4-хъ дняхъ пути лежитъ Бо-л-у-ло (Болоръ, по объясненiю переводчика), отъ котораго на Ю. находится Балти²⁾». Такъ какъ отъ столицы Кан-

¹⁾ China and the Pamirs, by E. H. Parker, Contemp. Review, 1897, Dec., p. 872. Общины Memespar и Usuwan, къ которымъ принадлежали торговцы балти 1760 г., Паркеръ находитъ или какою-нибудь неизвѣстною страной между Мустагомъ и Искардо, или Хунзою и Нагаромъ (p. 872). Последнее предположенiе лишено всякаго вѣроятiя, потому что, во-первыхъ, канджутцы не называли бы себя балти, и во-вторыхъ, данныя торговцами свѣдѣнiя къ Хунзѣ и Нагару рѣшительно не подходятъ и могутъ относиться лишь къ части Балтистана: на З. (на дѣлѣ на Ю.-З.) отъ ихъ страны (Балтистана) лежали Кашмиръ и за нимъ Индустанъ (Пенджабъ, по мнѣнiю Паркера), на Ю.-Ханулунъ (Kharulor, какъ думаетъ Паркеръ) и на В.—Тибетъ.

²⁾ „О бассейнахъ Лобъ-нора“ В. М. Успенскаго въ „Зап. И. Р. Г. Общ.“, по отд. этнографiи, т. 6, 1880 г., стр. 117. Есть китайское описанiе Болора въ

джуа въ 4-хъ дняхъ пути находится на Ю.-З. Гилгитъ, ибо разстояніе до него отъ Балтита опредѣляется отъ 52 (Биддельфъ, стр. 30) до 60 англ. миль (Найтъ, стр. 108), т. е. отъ 19½ до 22½ в. въ день, при трудной дорогѣ, особенно въ лѣтнее время (Найтъ, стр. 107), то Болуло оказывается Гилгитомъ, имѣющимъ на Ю.-В. отъ себя Балтистанъ.

Вслѣдствіе крайней скудости современныхъ свѣдѣній по географіи и этнографіи при-пампирскихъ странъ, европейскіе ученые первой половины прошлаго вѣка подчинились авторитету составителей «Си-юй-ту-чжи» и слѣдовавшей ихъ приуроченіямъ официальной географіи Китая¹⁾, тогда какъ отождествленіе Болу и Болюя съ бурутами было основано лишь на случайномъ и обманчивомъ сходствѣ части звуковъ этихъ именъ и тогда какъ второе основаніе—приуроченіе Агэуцяна къ западной части Бадахшана—было совсѣмъ неправильно, да и въ случаѣ вѣрности не позволяло отождествлять территорію Болу-Болюя,—находившуюся на С.-З. отъ Агэуцяна, западнаго Бадахшана,—съ территоріею восточныхъ бурутовъ, лежащую не на С.-З., а на С.-В. отъ западнаго Бадахшана, и тогда какъ отъ объясненія—подходятъ ли къ территоріи бурутовъ многія другія обстоятельства истори-

„Си-юй-выпь-цзянь-лу“ т. е. „Описаніи Западнаго края“, изданномъ около 1773 г. Положеніе страны опредѣлено въ немъ лишь указаніемъ, что она находится на З. отъ Яркенда. Болорцы описываются, какъ племя, не понимающее тюрскаго языка, съ густыми бородами, впалыми глазами, высокимъ носомъ, придерживающиеся поландринъ („четыре и пять братьевъ берутъ одну жену“), живущее деревнями, въ глиняныхъ домахъ, и платящее подать своему владѣльцу, именуемому би, людьми изъ своей среды, для продажи въ рабство въ сосѣднія страны [мон. Іакинфа „Описаніе Чжунгаріи или В. Туркестана“, Спб., 1829 г., стр. 150 и 151]. Повидимому, этотъ китайскій авторъ подъ Болоромъ разумѣлъ страны на З. и Ю. отъ Памира до Бадахшана и Кашмира, обитаемыя народами арийскаго происхожденія или являющимися помѣсями съ другими расами; такъ какъ поландрія въ XVIII в. невѣроятна у мусульманскихъ народовъ, каковыми были уже задолго передъ этимъ вѣкомъ народы на Ю. и З. Памира, то слѣдуетъ полагать, что поландрія, существовавшая только у тибетцевъ Ладака, приписана болорцамъ на основаніи ошибочныхъ свѣдѣній; съ другой стороны, приходится думать, что въ составъ Болора авторъ этотъ зачислялъ Каратегинъ, Дарвазъ, Шигнанъ и Ваханъ, такъ какъ, по его словамъ, „буруты“ часто похищаютъ у „болорцевъ“ людей и продаютъ ихъ въ другія мѣста: такіа похищенія кыргызы Алая, Памира и Сарыкола могли дѣлать преимущественно въ упомянутыхъ сосѣднихъ съ ихъ кочевками странахъ. Во всякомъ случаѣ авторъ этотъ рѣзко отличаетъ болорцевъ отъ бурутовъ (кыргызовъ) по тюркскому языку, кочевому образу жизни и обитаію послѣднихъ между Ферганою и Кашгаромъ (стр. 147). Онъ упоминаетъ Сарыколъ подъ именемъ Саколо, находившагося въ вѣдомствѣ китайскихъ правителей Яркенда и лежавшаго „за 10 дней конной ѣзды отъ Яркенда къ З. въ смежности съ Бѣдакшанію“ (стр. 135).

¹⁾ О. Іакинфъ шелъ даже, повидимому, дальше „Дай-цинъ-и-тунъ-чжи“, авторитету которой слѣдовалъ: „Пытшіе Киргизы прежде обитали по южную сторону Хотанскихъ горъ, не подальше отъ сѣверныхъ предѣловъ Тибета, и уже въ IV в. появились на нынѣшнихъ мѣстахъ, подъ китайскими именами Болу, Булу и Болюй. Болу и Булу сходятся съ словомъ Буруты: слѣдовательно, Буруты есть древнее имя Кѣргизцовъ, которымъ Китайцы и Монголы и донныя называютъ ихъ“ („Опис. Чжунгаріи и В. Туркестана“ и пр., Спб., 1829 г., стр. XXVIII). Къ второй половинѣ прошлаго вѣка Бичуринъ, вѣроятно, усомнился въ этомъ тождествѣ Болу и Болюй съ бурутами, потому что въ „Собр. свѣд.“ и пр., 1851 г., онъ отъ приуроченія къ какой-либо мѣстности и народу Болу и Болюя совершенно уклонился.

ческих описаний Болу и Болюя, составители «Си-юй-ту-чжи» уклонялись, явно по невозможности утверждать соответствие этих обстоятельств условиям западнаго Тяньшана. Лишь въ началѣ 70-хъ годовъ выясненіе дѣйствительной географіи при-памирскихъ странъ и изученіе имѣющихъ къ нимъ отношеніе историческихъ извѣстій,—какъ китайскихъ, такъ и европейскихъ и мусульманскихъ,—настолько подвинулись, что Юль могъ прійти къ рѣшительному заключенію объ ошибочности отождествленія Болу и Болюя съ бурутами и утверждать, что Бололо Сонъ Юня и Сюань Цзана соответствуетъ Гилгиту, Канджуту и Балтистану, и что Болюй «Танъ-шу» есть Ладакъ, а М. Болюй соответствуетъ Балтистану, причемъ Сонъ есть Шайокъ, а Габудо есть Капалу или Капалоръ (The Journ. of the R. Asiat. Soc., 1872, vol. 42, p. p. 474—480). Эти мнѣнія Юля остаются и доселѣ болѣе или менѣе общепринятыми и во всякомъ случаѣ неопровергнутыми, но съ дальнѣйшими успѣхами ознакомленія съ географіею и этнографіею странъ при-памирскихъ и лежащихъ на верхнемъ Индѣ, а также изученія исторіи этихъ странъ, обнаружилась, по моему мнѣнію, необходимость измѣненія приуроченій Юля.

Относительно Болу мною уже выяснено, нѣсколькими страницами выше, что это владѣніе, свѣдѣній половины V в., соответствуетъ Гилгиту. Въ Болуло, которое извѣстно лишь по свѣдѣніямъ Сонъ Юня и Хой Сена, конца первой четверти VI в., приходится видѣть то же Болу и приурочивать къ Гилгиту, такъ какъ по «Бэй-шы» Болуло находилось на В. отъ Шеми («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 180), т. е. отъ Читрала, ибо это Шеми лежало въ горахъ на Ю. отъ владѣнія Бочжи, которое приходилось на Ю.-З. отъ Бохо-Вахана (тамъ же) и на пути Сонъ Юня изъ Бадахшана, гдѣ посольство представлялось владѣтелю ѣда, въ Учапъ (Сватъ) черезъ Шеми (Neuman, S. S. 164, 165, Beal, p. p. 186—188). Шеми описывается, повидимому, въ «Танъ-шу» подъ именемъ Гюй-вэй, съ поясненіемъ, что иначе оно называется Шанми (Changmi): «Владѣтель живетъ въ городѣ Хэше Ишудо (A-che-in-sse-to) въ большихъ сѣжныхъ горахъ, на сѣверной сторонѣ р. Болюй» (у Ab. Rémusat: на С. отъ большихъ сѣжныхъ горъ и р. Rou-rou). «Климатъ холодный. Родится всякой хлѣбъ, виноградъ, кислые гранаты. Зимою живутъ въ пещерахъ. Жители сего владѣнія всегда помогали М. Болюю въ содѣйствіи Срединному государству» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 267, в Mel. asiat., t. I, p. 225), очевидно противъ тибетцевъ. Изъ этого владѣнія упомянуто посольство въ Китай въ правленіе Тхянь-бао (742—755 г.г., тамъ же), а потому описаніе, вѣроятно, основано на показаніяхъ этого посольства. По Сюань Цзану, изъ влад. Тамоситѣти (Вахана), перейдя на Ю. черезъ большую гору, прибываютъ во влад. Шанъ-ми, имѣющее отъ 2.500 до 2.600 ли въ окружности. Страна очень гориста. Въ ней обрабатываютъ разные хлѣба, но наиболѣе обильны бобы и пшеница. Много винограду. Духи горъ

очень злы и жестоки; если не умиловить ихъ жертвами и молитвами, то они причиняютъ большія бѣдствія, насылая бури и градъ. Климатъ холодный. Жители носятъ, большею частію, шерстяныя одежды. Ума они ограниченнаго, въ ремеслахъ искусны посредственно; характера вспыльчиваго, но прямодушны. Письмена тѣ же, что во влад. Тухоло, но языкъ особый. Вѣры буддѣйской; есть два монастыря съ небольшимъ количествомъ монаховъ (*Mém. sur les contrées occident., t. 2, p. p. 206—207*). Сюань Цзанъ самъ въ Шанъ-ми не былъ, а потому описаніе его взято изъ чужихъ свѣдѣній. Однако его описаніе воспроизведено въ сокращенномъ видѣ въ «Танъ-шу», гдѣ, между прочимъ, упоминается и о добычѣ «краснаго мышьяка» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 250), *ogriment laminaire* перевода Стан. Жюльена (р. 206).

Если основываться на свѣдѣніяхъ Сюань Цзана, то Шанъ-ми, отдѣленное отъ Вахана большой горой или хребтомъ, конечно Хиндукушемъ, долженъ быть признанъ Мастуджемъ; не противорѣчитъ этому и находеніе, по свѣдѣніямъ посольства VIII в., Шанъ-ми на С. отъ р. Болуй: это, всего вѣрнѣе (да и нѣтъ основаній къ иному приуроченію), рѣка Гилгита, отъ наиболѣе западнаго истока которой Мастуджъ приходится на сѣверѣ. Говорить въ пользу Мастуджа и существованіе въ Читралѣ, котораго Мастуджъ составляетъ обыкновенно часть, «опермента высшаго качества», о добычѣ котораго упоминаетъ Биддельфъ («Народы, насел. Хинду-кушъ», стр. 82). Если Шанъ-ми есть также и Шеми, то противъ приуроченія къ Яссину,—кромѣ находенія послѣдняго на Ю. отъ Вахана за двумя хребтами, а не за однимъ, какъ Шанъ-ми Сюань Цзана,—говорить и необходимое направленіе пути посольства Сонъ Юня, которому идти изъ Бадахшана въ Сватъ чрезъ Яссинъ значило бы дѣлать большой крюкъ. Во всякомъ случаѣ, М. Болуй, которому оказывала помощь страна Шанъ-ми, лежавшая на С. отъ р. Болуй, долженъ былъ, видимо, лежать въ низовьяхъ этой рѣки, стало быть это Гилгитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это Болу половины V в., а также Болулэ (*Po lu la* у Неймана, S. 165, *Po-lu-lai* у Биля, р. 187) «Бэй-шы», находившееся отъ Шеми на В.: «Дорога стремнистая; переходятъ, держась за желѣзную цѣпь. Внизу дна не видно. Въ правленіе Ся-пъхинъ, 516—517, кит. посланникъ Сунъ Юнь не могъ пройти туда» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 180). Въ переводахъ описанія путешествія посольства Сонъ Юня вмѣсто желѣзныхъ цѣпей говорится о мостахъ на желѣзныхъ цѣпяхъ; у Неймана положеніе Полула отъ Шеми показано къ Ю., у Биля же совсѣмъ не определено: слѣдуетъ отдать предпочтеніе показанію «Бэй-шы», составители которой (или «Вэй-шу», откуда они, вѣроятно, взяли описаніе Шеми, какъ и многое другое) могли пользоваться болѣе исправными редакціями описанія поѣздки Сонъ Юня съ товарищами, чѣмъ дошедшія до нашего времени.

Былъ въ Болуло (Po-lou-lo) и Сюань Цзанъ въ 30-хъ годахъ VII стол. Попасть онъ сюда изъ Дарела (Tha li-lo), куда прибылъ, сѣлавъ около 1 т. ли, изъ Учана, т. е. Свата (см. выше въ гл. IV). Сѣдуя изъ Талило въ восточномъ направленіи, онъ прошелъ горные перевалы (или ущелья), пересѣкъ долины и поднимался вверхъ по р. Синьту (Индъ). Пробираясь по висячимъ мостамъ и утлымъ подмосткамъ надъ безднами и пропастями, онъ сѣлалъ сколо 500 ли и прибылъ во влад. Болуло, гмѣющее около 4 т. ли въ окружности и лежащее среди большихъ снѣжныхъ горъ. Оно протягивается въ вост.-западномъ направленіи, ширина же его съ Ю. на С. много менѣе. Производится много пшеницы и фасоли, добывается золото и серебро. Благодаря доходамъ съ золотопромышленности, средства владѣнія весьма обильны. Климатъ постоянно холодный. Населеніе по характеру своему сурово и склонно къ насилиямъ, о гуманности и справедливости понятіе имѣеть слабое, о правилахъ же приличія и не слышало; наружности оно безобразной и пошлой. Одежды употребляетъ изъ грубой шерсти. Письмена очень сходны съ индійскими, но языкъ отлпченъ отъ языковъ другихъ владѣній. Есть нѣсколько сотенъ монастырей съ нѣсколькими тысячами монашествующихъ, не выказывающихъ большого рвенія къ изученію закона и часто уклоняющихся отъ правилъ монашескаго поведенія. Отсюда Сюань Цзанъ возвратился въ г. Утакапу (Ou-to-kia-han-tch'a, столица Гандары, вывѣ Ундъ) и переправился черезъ Индъ во владѣніе Тачашило (Mém., t. 1, p. p. 150—151). 500 ли или пять дней пути китайскаго паломника отъ Дарела вверхъ по Инду не могли увести его далѣе устья Гилгитской рѣки. Тутъ въ долинѣ Сай, о которой будетъ рѣчь ниже, или гдѣ-нибудь на Гилгитской рѣкѣ и должна была находиться столица Болуло, которой Сюань Цзанъ не даетъ ни имени, ни описанія. Тысячи монаховъ показываютъ въ странѣ десятки, по крайней мѣрѣ, тысячъ населенія, 40 же дней въ окружности указываютъ, что Болуло имѣло не менѣе 15-ти дней въ длину, изъ которой, вѣроятно, около половины приходилось на долину Инда вверхъ по теченію, слѣдовательно въ Болуло, кромѣ Гилгитской долины, входилъ и нынѣшній Балтистапъ или значительная его часть, составлявшая два столѣтія ранѣе особое владѣніе Агэуцянь. Трудный путь по Инду съ висячими мостами, балконами и карнизами (мѣстный терминъ пар и парри) могъ лежать для Сюань Цзана между Дареломъ и долиною Сай (противъ Буджи). Что же касается до «стремнистаго пути» въ Болулэ, о которомъ значитъ по слухамъ въ описаніи путешествія Сонъ Юня, то это можетъ быть путь по Гилгитской рѣкѣ между Яссиномъ и Поніаломъ (гдѣ «движеніе крайне затруднительно», см. «Народы, насел. Гинду-кушъ», стр. 73), или дорога вверхъ по Инду чрезъ Тангиръ и Дарель, или, наконецъ, путь по Инду отъ Гилгита до Скардо. Можетъ быть, во время Сонъ Юня Болу и Агэуцянь составляли уже одно влад. Болулэ, какъ при Сюань Цзанѣ Болуло. Менѣе, чѣмъ

чрезъ столѣтіе послѣ Сюань Цзана, вмѣсто одного государства, оказываются въ первой половинѣ VIII в. два владѣнія Большой и Малый Болюй, о географическомъ положеніи которыхъ, вслѣдствіе участія ихъ въ столкновеніяхъ Китая съ тибетцами, «Танъ-шу» даетъ довольно обильныя данныя.

Данныя эти—слѣдующія: разстояніе въ 800 ли отъ М. Болюя на З. до Учана, 300 ли на Ю.-В. отъ М. Болюя до Б. Болюя, 500 ли отъ М. Болюя на Ю. до Кашмира, 500 ли отъ того же М. Болюя на С. до Хуми, нахождение столицы М. Болюя (отъ которой должны быть показаны, по общему правилу китайцевъ, разстоянія) въ г. Ёдо на р. Сон, на В. отъ г. Габуло, наконецъ смежность Б. Болюя на З. съ Сѣв. Индіею и Учаномъ. Помѣщеніе М. Болюя въ Балтистанѣ и Б. Болюя въ Ладакѣ непримиримо съ приведенными данными «Танъ-шу»: отъ центра Балтистана Скардо до Манглаора, гдѣ была столица Учана не менѣе 500—600 в. ¹⁾, а такъ какъ 800 ли отъ М. Болюя до Учана не могли составлять болѣе 400 в., принимая наибольшую длину ли (т.-е. $\frac{1}{2}$ в.), то М. Болюй не могъ соотвѣтствовать Балтистану, ибо столица его лежала западнѣе Балтистана (центра его) на 100—200 в.; затѣмъ Б. Болюй отъ Малаго отстоялъ на Ю.-В. въ 300 ли, т.-е. не болѣе 150 в., между тѣмъ отъ Леха до Скардо 312 в. ²⁾; разстояніе отъ столицы М. Болюя означено въ 500 ли, т.-е. около 250 в., что, пожалуй, не далеко отъ кратчайшей дороги между Сринагаромъ и Скардо въ 237 в. ³⁾, но Гэшими означено отъ М. Болюя на Ю., тогда какъ Сринагаръ находится отъ Скардо на Ю.-З.; вмѣсто 500 ли или до 250 в. отъ М. Болюя до Хуми отъ Балтистапа, т.-е. отъ Скардо, до Вахана не менѣе 400 в. ⁴⁾; тогда какъ г. Габуло находился

¹⁾ Теченіе Инда отъ Бунджи до выхода въ долину Индіи не было до сихъ поръ изслѣдовано ни однимъ европейцемъ. Вслѣдствіе враждебности обитающихъ въ этой странѣ племенъ доступомъ въ нее пользуются лишь мусульманскіе торговцы и муллы. Первая, и пока кажется единственная, съемка этой части теченія Инда произведена была, по порученію управленія англо-индійскими съемками, въ 1876 г. нѣкимъ муллою (см. краткую замѣтку объ этой съемкѣ полк. Walker въ Journ. of the Asiat. Soc. of Bengal, 1878, vol. 47, P. I, p. 78—80). За неимѣніемъ иныхъ свѣдѣній, приходится поэтому опредѣлять разстояніе отъ Скардо до Манглаора на р. Сватъ приблизительно по картѣ, основанной на съемкѣ муллы (приложена къ упомянутой замѣткѣ), и новѣйшимъ картамъ, на которыхъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій противъ съемки муллы на пройденной имъ части теченія Инда не замѣчается. По картамъ же разстояніе отъ Скардо до Манглаора опредѣляется не менѣе, какъ въ 500—600 в., если принимать въ соображеніе изгибы Инда, а также необходимые обходы, когда идти по берегамъ рѣки невозможно.

²⁾ По Найту отъ Леха до Гилгита 370 англ. миль; за вычетомъ изъ этой цифры разстоянія отъ Гилгита до Скардо въ 162 м., получается отъ Леха до Скардо 208 м. или 312 в. («Сборн. ... матер. по Азіи», вып. 54, стр. 81 и 126). По Drew, отъ Леха до Скардо 209 $\frac{1}{2}$ м. (The Jummoo and Kashmir, 1875, p. 530).

³⁾ Отъ Сринагара до Скардо, по Drew, p. 530, чрезъ Deosai 158 миль.

⁴⁾ Изъ приведенныхъ выше разныхъ переводовъ одного и того же мѣста „Танъ шу“ я считаю возможнымъ заключить, что во всякомъ случаѣ рѣчь идетъ о какомъ-то пунктѣ въ Хуми, т.-е. Ваханѣ. Такъ какъ отъ Скардо до Гилгита, по Найту, 162 м., а отъ Сархада до Гилгита англійская разграничительная ком-

отъ г. Ёдо на З., г. Капалоръ лежитъ отъ г. Скардо на В.; наконецъ, если М. Болюй есть Балтистанъ, то Б. Болюй, Ладакъ, не могъ бы быть смежнымъ ни съ Сѣв. Индией, ни съ Учаною, потому что былъ бы отдѣленъ отъ нихъ Балтистаною. Не устранило бы непримиримости данныхъ «Танъ-шу» съ географическимъ положеніемъ Балтистана относительно окрестныхъ странъ допущеніе столицы М. Болюя-Балтистана не въ Скардо, а въ какихъ-либо пунктахъ на З или на В. отъ Скардо въ предѣлахъ Балтистана, потому что при большей соотвѣтственности одной части данныхъ неизбѣжно проявлялась бы увеличившаяся несоотвѣтственность остальныхъ. Напротивъ, если допустить, что М. Болюй есть Болю половины V в. и соотвѣтствуетъ области Гилгита, а Б. Болюй есть Агэ-уцянъ и соотвѣтствуетъ Балтистану, то вышеприведенныя данныя оказываются достаточно подходящими, особенно ежели принять, что столица находилась не на мѣстѣ пылѣшняго поселенія Гилгита, а въ лежащей напротивъ Бунджи долины Сай ¹⁾: отъ столицы М. Болюя при этомъ оказывается до Учана менѣе 400 в. ²⁾, т.-е. около 800 ли; до Б. Болюя, столицу котораго необходимо предполагать не въ Скардо, а въ Рондо, около 150 в. ³⁾, т.-е. 300 ли; до Сринагара едва ли болѣе 250 в. ⁴⁾ или 500 ли, а до Вахана также подобное разстояніе; смежность Б. Болюя-Балтистана съ Учаною была на лѣвомъ берегу Инда возможна, такъ какъ М. Болюй, занимая бассейнъ Гилгитской рѣки, могъ совсѣмъ не имѣть земель на лѣвой сторонѣ Инда. Главнымъ, повидимому, побужденіемъ приурочивать

миссія 1895 г. шла 12 дней (Report... of the Pamir boundary commission, 1897, Calcutta, p. 27), то отъ Скардо до Сархада около 400—500 в.

¹⁾ До недавняго времени переправа чрезъ Индъ, на пути изъ Кашмира и Ладака чрезъ Асторъ, производилась на паромѣ немного выше Бунджи, противъ долины Сай (Sai), по которой шла далѣе дорога въ Гилгитъ. Долина Сай была нѣкогда сильно заселена, но большая часть деревень давно опустѣла вслѣдствіе неурядицъ и грабежей, производимыхъ горцами лежащаго ниже по Инду Чиласа. Однако и теперь древесная растительность, луга и отчасти сохранившіяся фруктовые деревья представляютъ пріятный контрастъ среди окружающихъ пустынь (Пайтъ въ „Сборн... по Азіи“, вып. 54, стр. 101 и 102). Во время путешествія Найта (1891 г.) уже предполагалось замѣнить паромную переправу висячимъ мостомъ. Мостъ этотъ на картѣ при книгѣ The Making of a Frontier, by col. Alg. Durand, London, 1899, показанъ существующимъ около устья Гилгитской рѣки.

²⁾ Именно изъ 500—600 в. отъ Манглаора до Скардо надо убавить разстояніе между Скардо и Гилгитомъ или долиною Сай.

³⁾ За вычетомъ изъ 243 в. между Скардо и Гилгитомъ разстоянія между Скардо и Рондо въ 100 в. (приблизительно, по картамъ) останется между Рондо и Гилгитомъ 143 в. Владѣтели Рондо иногда далеко распространяли свою власть: такъ, напр., въ началѣ XVI в. одинъ изъ нихъ подчинилъ Читраль („Народы, насел. Гинду-кушъ“, стр. 192 и 193), а потому нахожденіе столицы Балтистана въ Рондо, временами, весьма возможно.

⁴⁾ По Найту, отъ Сринагара до Гилгита по новой дорогѣ, ширину полотна не менѣе 10 ф. и съ уклономъ не болѣе 1:10, приблизительно 240 миль (тамъ же, стр. 90). Изъ этой цифры, предполагая нахожденіе столицы М. Болюя въ долины Сай, надо вычесть разстояніе отъ Сай до Гилгита около 30 м. Останется 210 м. или 315 в., но новая дорога, по поставленнымъ ей требованіямъ, конечно, значительно длиннѣе старой, а потому можно полагать, что отъ Сринагара до Сай было не болѣе 250 в. или 500 ли.

М. Болюй къ Балтистану было нѣкоторое сходство имени Сонъ съ Шайокомъ. Между тѣмъ пока никто, кажется, не высказывался за помѣщеніе столицы М. Болюя на Шайокъ, конечно потому, что чѣмъ далѣе на В. приурочивать г. Ёдо, тѣмъ болѣе будутъ несоотвѣтственны съ такимъ его положеніемъ данныя «Танъ-шу». Кромѣ разстояній и ориентацій относительно окружающихъ владѣній пельзя также не имѣтъ въ виду, что китайцы захватили мостъ чрезъ р. Сон, чтобы лишить тибетскія войска возможности оказать помощь владѣтелю, засѣвшему въ своей резиденціи. Очевидно, резиденція эта не можетъ быть помѣщаема ни въ Скардо, ни въ Рондо, такъ какъ оба города лежатъ на лѣвомъ берегу соединеннаго съ Шайокомъ Инда и для прохода къ нимъ нѣтъ надобности переправляться чрезъ Шайокъ, если тибетскія войска находились въ Ладакѣ. Другое дѣло, если столица М. Болюя находилась въ Гилгитѣ или въ долинѣ Сай: идущимъ изъ Ладака войскамъ, если они слѣдуютъ уже правымъ берегомъ Инда, необходимо переправиться чрезъ р. Гилгитъ, что въ лѣтнее время,—когда рѣки многоводны и когда совершонъ былъ, вѣроятно, походъ китайцевъ въ М. Болюй,—невозможно или крайне трудно, если мостъ чрезъ рѣку захваченъ непріятелемъ; столь же важенъ мостъ чрезъ Индъ для войска, идущаго изъ Ладака по лѣвой сторонѣ Инда, или чрезъ Асторъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о походѣ 747 г. въ содержащихся въ «Танъ-шу» исторіи туфаней и описаніи Болюя столь скудны, что больше извлечь изъ нихъ нечего. Въ примѣчаніяхъ Bushell'я къ его переводу исторіи туфаней находимъ о томъ же походѣ слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія, источникъ которыхъ имъ не указанъ: Изъ Аньси (т.-е. изъ Куча) Гао Сянь-чжи съ войскомъ шелъ чрезъ города Polman, Wushih-té (Ush, по мнѣнію В., вѣрность котораго сомнительна, такъ какъ Ушъ-Турфанъ лежитъ въ сторонѣ отъ дороги изъ Куча въ Кашгаръ) и Sulé (Kashgar), поднялся на Цуплинъ и слѣдовалъ чрезъ долину Romi (Pamir) въ Шигнанъ, гдѣ онъ раздѣлилъ свои войска и проникъ въ Balti тремя проходами (р. 530). У Паркера, тоже не означившаго источника, сказано, что Гао Сянь-чжи, оставивъ Кашгаръ, перешелъ чрезъ Луковыя горы, пересѣкъ долину Ro-mi-lo и остановился лагеремъ на рѣкѣ De-le-man, находящейся во владѣніи пяти Шикини (Cont. R., 1897, Dec., p. 870). «Балти», конечно, есть собственное предположеніе Bushell'я, въ подлинникѣ же, вѣроятно, значитъ М. Болюй. Во всякомъ случаѣ, идущее съ Памира войско, раздѣлившееся на три отряда, чтобы пройти тремя проходами, т.-е. вѣроятно чрезъ Ясинъ, долину Карумбера и Канджутъ, должно было соединиться около Гилгита. Значеніе захвата моста показываетъ, что М. Болюй не Балтистанъ, а Гилгитъ, потому что доступъ къ Рондо, Скардо и другимъ мѣстамъ Балтистана не можетъ быть прекращенъ для врага съ В. посредствомъ завладѣнія какимъ-нибудь мостомъ, такъ какъ къ городамъ этимъ ведутъ вездѣ нѣсколько дорогъ, не находящихся въ

зависимости отъ переправъ или такихъ, для движенія по которымъ можно пользоваться многими переправами.

Имя резиденціи владѣтеля М. Болюя Ёдо или Нѣто (у Паркера, всегда, хотя и безъ малѣйшихъ успѣховъ, пытающагося опредѣлить истинное древнее произношеніе именъ въ китайскихъ извѣстіяхъ при помощи нынѣшнихъ кантонскаго и другихъ южныхъ китайскихъ діалектовъ, Герта или Niarta) есть несомнѣнно тибетское, какъ Рондо, Скардо въ Балтистанѣ и какъ имена городовъ и областей въ Тибетѣ Джіякундо, Чамдо, Амдо, Камдо и т. д. ¹⁾ Изъ этого однако не слѣдуетъ непремѣнно, что населеніе М. Болюя было тибетское. Тибетское имя столицы резиденціи могло быть результатомъ тибетскаго вліянія, особенно усилившагося между 736 747 гг., когда владѣтель женился на тибетской царевнѣ и поддался Тибету; можетъ быть, въ это время устроена новая резиденція, на новомъ мѣстѣ, съ новымъ тибетскимъ именемъ. Возможно, что эта новая столица находилась не на мѣстѣ нынѣшняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и древняго Гилгита, а въ долинѣ Сай, которая, во-первыхъ, болѣе Гилгита подходитъ къ разстоянію столицы М. Болюя отъ Кашмира, и, во-вторыхъ, именемъ своимъ близка къ Сои, рѣкѣ, на которой лежала столица; такъ какъ рѣчка долины Сай небольшая и, конечно, не на ней находился мостъ, овладѣніе которымъ лишило тибетскія войска возможности своевременно подать помощь владѣтелю М. Болюя, то можно предполагать, что имя Сай распространялось на всю окрестную мѣстность и на самую рѣку Индъ и близъ лежащую р. Гилгитъ. Всѣ эти, не отличающіяся простотою, но непервостепенныя, предположенія кажутся мнѣ необходимыми, дабы текстъ «Тапъ-шу» соотвѣтствовалъ дѣйствительнымъ географическимъ условіямъ. Въ одномъ однако пунктѣ невозможно обойтись безъ допущенія въ этомъ текстѣ описки или ошибки: я имѣю въ виду нахожденіе г. Габуло на 3. отъ резиденціи М. Болюя. Габуло по сходству имени и положенію на горѣ справедливо признается за Капалу ²⁾, но по разстояніямъ и ориентаціи столица М. Болюя никакъ не могла лежать на В. отъ Капалу, будь это

¹⁾ Утверждая, что имя г. Да-цзянь-лу есть китайская передѣлка мѣстнаго названія Даръ-чжэ-до, Рокхилль выяснилъ, что „до“ по-тибетски значитъ „саяніе“: приведенное имя значитъ саяніе (рѣка) Даръ и Чжэ („Въ страну ламъ. Путеш. по Китаю и Тибету В. Рокхилля“, С.-Пб., 1901 г., стр. 171). Но есть еще тибетское слово m'to, которое произносится t'o и означаетъ „высокій, возвышенный“ (Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie. Paris, 1898, partie 3, p. 393).

²⁾ По описанію Виня, оазисъ Капалу занимаетъ площадь около 2 или 3 миль протяженія на лѣвомъ возвышенномъ берегу Шайока; изъ зелени посѣвовъ и плодовыхъ деревьевъ замѣтно выдѣляется крѣпостца, занимающая скалу, которая поднимается надъ рѣкою болѣе чѣмъ на 1 т. футовъ. Khopalu значитъ the place of the rock (Travels in Kashmir etc., by G. T. Vigne, London, 1842, vol. 2, p. 317). По Найту, Капалу служилъ резиденціею наслѣдственныхъ раджей, потомки которыхъ и теперь въ немъ проживаютъ, пользуясь почетомъ отъ населенія, хотя лишены всякой власти подъ кашмирскимъ управленіемъ „Сборн.... по Азін“, 54, стр. 86).

Скардо, Рондо или Гилгитъ, а потому неизбѣжно предполагать въ „Тапъ-шу“ ошибку или опisku и вмѣсто отъ Ёдо «на западѣ» читать «на востокѣ».

Изъ 10-вѣкового промежутка между китайскими свѣдѣніями VIII и XVIII вв. имѣются о странахъ между Хиндукушемъ извѣстія двухъ мусульманскихъ писателей. Въ своемъ сочиненіи объ Индіи Абу-Риханъ Аль-Бируни говоритъ, что земли на З. отъ Кашмира «принадлежать многимъ царямъ, ближайшій изъ которыхъ есть Belour—schah. Далѣе слѣдуютъ Шакнанъ-шахъ, Ваханъ-шахъ (такъ исправляетъ переводчикъ Reinaud значащееся въ подлинникѣ «Духанъ-шахъ») до границъ Бадахшана. Земли же съ С. и отчасти съ В. принадлежать тюркамъ, сдѣлавшимся властителями Хотена и Тибета». По его же свѣдѣніямъ, «Индъ беретъ начало въ горахъ Оннанакъ ¹⁾, на границахъ стороны тюрковъ. Когда пройдеши ущелье, образующее входъ, и проникнешь въ долину (la campragne) ²⁾, то палѣво будешь имѣть горы Белура и Шемилана ³⁾: въ двухъ дняхъ разстоянія находятся тюрки, именуемые бхатауарійскими (bhataouaryan), которыхъ царь носитъ титулъ Бхатъ-шаха (Bhat-chah). Страны, которыя эти тюрки занимаютъ, именуются Гилгитъ, Асурахъ и Шалтасъ. Языкъ ихъ тюркскій. Жители Кашмира много терпятъ отъ ихъ вторженій» (Journ. asiat., 1844, t. IV, pp. 257, 259, 260) ⁴⁾. При пользованіи этими свѣдѣніями Аль-Бируни необходимо имѣть въ виду, что самъ Аль-Бируни въ Кашмирѣ и въ упомянутыхъ странахъ не былъ и основывается на чужихъ сообщеніяхъ, можетъ быть изъ десятихъ рукъ, а потому точности извѣстій ожидать нельзя, тѣмъ болѣе, что арабскіе географы вообще имѣли смутныя представленія о Тибетѣ и тибетцахъ, смѣшивая тибетцевъ съ тюрками. До Ибнъ-аль-Аспру, завоеваніе Хотана и утвержденіе въ немъ ислама совершено Кадыръ-ханомъ (В. В. Бартольдъ,

¹⁾ По мнѣнію Рено, это гора Нанга-Парва. Въ новѣйшее время вмѣсто Нанга-Парва встрѣчается у путешественниковъ и на картахъ Нанга-Парбатъ.

²⁾ Рено думалъ, что рѣчь идетъ здѣсь о долинѣ Кашмира. Цитируемое находится дѣйствительно въ описаніи Кашмира и выше говорится, между прочимъ, о входѣ (entrée) въ страну Кашмира чрезъ селеніе „Баберханъ, на одинаковомъ разстояніи между Индомъ и Джилюмомъ. Отъ этого селенія до моста, построеннаго у устья (au confluent) рѣкъ Косари и Нахри, текущихъ изъ горъ Шемиланъ и впадающихъ въ Джилюмъ, восемь фарсанговъ. Другимъ входомъ (въ страну Кашмира) служатъ ущелье, которымъ выходятъ воды Джилюма“ (р. 258) изъ Кашмира въ долину Инда.

³⁾ Изъ приведенной въ предшествующемъ примѣчаніи цитаты можно заключить, что горами Шемиланъ названы, повидимому, горы, лежащія между рр. Джилюмомъ и Индомъ.

⁴⁾ Биддельфъ цитируетъ изъ Elliot's Ancient Historians of India англійскій переводъ того же мѣста Аль-Бируни въ нѣсколько иномъ видѣ, вѣроятно въ зависимости отъ другой рукописи: „Въ два дня пути вы прибываете въ другую часть Туркестана, гдѣ обитаютъ Бхотіи и дайяны (the Bhotyas and Dyan). Ихъ царь именуется Bhot Shah и города ихъ Gilgit, Asurah (Hasora или Astor), Salsas (Chilas), языкъ же ихъ тюркскій. Жители Кашмира сильно страдаютъ отъ ихъ вторженій и грабежей“. Въ другомъ мѣстѣ они наименованы Bhotyawari Turks (Tribes of the Hindoo koosh, by Major I. Biddulph, Political Officer at Gilgit, Calcutta, 1880, p. 160).

«Туркестанъ въ эпоху монг. нашествія», ч. 2, стр. 296); есть монеты, чеканенныя въ 1013 г. въ Яркендѣ и въ 1014 г. въ Кашгарѣ съ именемъ Кандыръ-хана Юсуфа (тамъ же); Кадыръ-ханъ, по Ибнъ-аль-Асиру, умеръ въ 1032 г. (тамъ же, стр. 311); изъ «Исторіи дин. Сунъ» извѣстно, что въ ряду посольствъ изъ Хотана, прибывшій въ 971 г. буддійскій монахъ привезъ письмо отъ своего государя съ предложеніемъ прислать императору въ даръ слона, обученнаго въ пляскѣ, которымъ хотанцы овладѣли, воюя съ Кашгаромъ; первое послѣ того посольство прибыло въ Китай лишь въ 1009 г. и во главѣ его стоялъ не хотанецъ, а хой-ху; слѣдующее посольство явилось въ 1025 г., за нимъ слѣдовало посольство въ 1063 г., съ 1068 г. посольства участились (В. В. Григорьева «Вост. или Кит. Туркестанъ», вып. 2, стр. 261). Въ виду этихъ данныхъ и принимая въ соображеніе, что Утѣи уже въ разсказѣ о войнѣ караханидовъ съ газневидомъ Махмудомъ 1007—8 гг. называетъ Кадыръ-хана владѣтелемъ Хотана (В. В. Бартольдъ, «Туркестанъ» и пр., стр. 296), слѣдуетъ полагать, что завоеваніе Хотана совершилось между 971 и 1007 г., вѣроятно до первой попытки, произведенной караханидскимъ Богра-ханомъ въ 992 г., овладѣть царствомъ саманидовъ (тамъ же, стр. 271), такъ какъ едва ли караханиды затѣяли бы послѣднее предпріятіе, требовавшее употребленія всѣхъ ихъ силъ, ранѣе окончанія войнъ съ Хотаномъ и его покоренія. Такимъ образомъ въ то время, когда писалъ Аль-Бируни (около 1030 г.), тюрки дѣйствительно властвовали въ Хотанѣ, но Тибетъ добавленъ имъ лишь потому, что вслѣдствіе единовѣрія (буддизмъ) съ тибетцами и вѣроятной помощи, которую хотанцы должны были искать (а быть можетъ, и получали) отъ сосѣднихъ тибетскихъ племенъ въ борьбѣ за вѣру и независимость противъ мусульманъ-караханидовъ, предшествовавшіе и современные мусульманскіе писатели смѣшивали Хотанъ съ Тибетомъ. Тѣ же писатели часто считали тибетцевъ однимъ изъ племенъ тюркскихъ. Этимъ и объясняется, что Аль-Бируни называетъ бат'овъ, видимо бат'овъ, тибетцевъ, тюрками, заставляя ихъ и говорить по-тюркски. Завоевать Гилгитъ, Асторъ и Чиласъ караханиды, конечно, имѣли возможность, тѣмъ болѣе, что Ладакъ (и вѣроятно, Балтистанъ) раздѣленъ былъ въ это время на нѣсколько небольшихъ царствъ (Em. Schlagintweit, Die Könige von Tibet, S. 813), но трудно было бы удержать владычество надъ этими отдаленными отъ Кашгаріи землями, сообщенія съ которыми весьма затруднительны.

Болѣе точныя и обильныя свѣдѣнія объ интересующихъ насъ здѣсь странахъ даетъ авторъ «Тарихи-Рашиди», лично съ ними знакомый, хотя и его сообщенія далеки отъ желательной полноты. По словамъ Мохаммедъ-Хайдера, Белуристанъ граничитъ на В. съ областями Кашгара и Яркенда, на С. съ Бадахшаномъ, на З. съ Кабуломъ и Лемганомъ, на Ю. съ землями, подвластными Кашмиру; весь онъ состоитъ изъ горъ, долинъ и

ущелій, такъ что на пространствѣ всего Белуристана не встрѣчается ровной площади протяженіемъ даже въ одинъ фарсахъ (6—8 вер.); состоящее изъ «невѣрныхъ», не имѣющихъ никакой религіи, населеніе многочисленно, но ни одна деревня не живетъ въ мирѣ съ сосѣдними и всѣ находятся въ постоянной враждѣ и войнахъ другъ съ другомъ; жители каждой долины говорятъ на особыхъ языкахъ; скота имѣютъ мало по недостатку пастбищъ, но фруктовъ большое обиліе. Мохаммедъ-Хайдеръ принималъ участіе въ совершенномъ въ 935 г. х. (1528—9 по Р. Х.) въ эту страну тогдашнимъ владѣтелемъ Кашгаріи Султанъ-Сандъ-ханомъ грабительскомъ походѣ и говоритъ между прочимъ: «Мы провели всю зиму въ Белуристанѣ и одержали верхъ въ нѣсколькихъ кровавыхъ бояхъ. Весною мы возвратились благополучно (въ Кашгарію)...; по прибытіи въ Сарыгъ-Чупанъ (Ваханъ) выдѣлена была изъ добычи пятая часть (въ казну Султанъ-Сандъ-хана) и составила болѣе тысячи выюковъ» (The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat, ... an English version, edited... by N. Elias; the translation by E. Denison Ross, London, 1895, p. p. 384—386). Въ описаніи Кашгаріи сказано о долинѣ р. Шахназа (Гезъ), что по ней идетъ дорога въ Бадахшанъ (р. 396), а потому можно думать, что походъ въ Белуристанъ совершенъ былъ чрезъ долину Геза, Памиръ и Ваханъ. Въ указаніи границъ Белуристана пропущенъ Балтистанъ, но этотъ пропускъ можетъ быть пополненъ изъ описанія границъ Тибета, въ составъ котораго входилъ весь Балтистанъ: «его (Тибета) граница со стороны С.-З. прилегаетъ къ Белуристану» (р. 404). Такимъ образомъ, судя по границамъ, Белуристанъ заключалъ въ себѣ весь бассейнъ Гилгитской рѣки, Читраль съ Мастужемъ и Кафиристанъ. Западную часть Тибета, въ завоеваніи которой Мохаммедъ-Хайдеръ принималъ въ 1532—1534 г.г. участіе, составляла страна Балти, дѣлившаяся на округа: Пурикъ, Kharula, Ashigar (Шигаръ), Askardu (Скардо), Runk (Рондо?) и Ладакъ (р. 410). Крѣпость Шигаръ названа «столицею Балти» (р. 422). По словамъ Мохаммедъ-Хайдера, «Бадахшанъ находится на З. отъ Яркенда, отдѣляясь отъ него тѣми самыми горами, которыя принимаютъ имя Памира. По проходѣ чрезъ Памиръ встрѣчаются мѣстности, гдѣ нѣкоторыя изъ Яркендскихъ горъ сходятся съ Белуромъ, каковы мѣстности Раскемъ и Тагдынбашъ. Слѣдуя далѣе, вступаютъ въ земли Тибета... Тотъ же самый хребетъ простирается между Яркендомъ и Кашмиромъ и называется здѣсь Балти; эта область принадлежитъ къ Тибету... Ширина Балти—20 дней пути. При подъемѣ изъ Яркенда идутъ чрезъ проходъ (pass) Санджу; на спускѣ же въ сторону Кашмира находится проходъ Аскарду. Отъ прохода Санджу до прохода Аскарду 20 дней пути» (р. 405 ¹⁾). По замѣчанію Мохаммедъ-Хайдера, мусульманскіе эмиры и

¹⁾ Издатель англ. перевода „Тарихи-Рашиди“ N. Elias признаетъ этотъ проходъ (pass) находившимся на дорогѣ чрезъ Мустагъ. Я сомнѣваюсь въ этомъ и думаю, что проходъ этотъ или перевалъ лежалъ на пути черезъ Каракорумъ,

прежде нерѣдко грабили и нападали на эту страну, но утверждение ислама не было достигнуто, такъ какъ оставалось въ Тибетѣ множество невѣрныхъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ эмиры успѣвали подчинить (р. 403). Вѣроятно, онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ эмировъ или полководцевъ владѣвшаго Кашгаріей предъ Султанъ-Сандъ-ханомъ Аба-Бекра, который въ концѣ XV в. посылалъ свои войска въ Тибетъ и Белуръ для грабежей, страшно опустошилъ эти страны и заставилъ платить себѣ подати (р. р. 253, 254, 320 и др.). Конечно, Султанъ-Сандъ-ханъ предпринялъ свой походъ съ тѣми же цѣлями. Ограбивъ и подчинивъ, съ обложеніемъ податями Балтистанъ и Ладакъ, Султанъ-Сандъ-ханъ послалъ Мохаммедъ-Хайдера съ однимъ изъ своихъ сыновей на Кашмиръ, по возвращеніи же оттуда отправилъ его на Урсенгъ (Ursang), вѣроятно Лхасу; за изпуреніемъ лошадей отъ недостатка корма, Мохаммедъ-Хайдеръ долженъ былъ возвратиться назадъ, не достигнувъ Урсенга, до котораго оставалось лишь 8 дней пути; между тѣмъ Султанъ-Сандъ-ханъ умеръ отъ горной болѣзни, преемникъ же его Рашидъ прислалъ приказъ о возвращеніи войскъ въ Кашгарію (р. р. 410, 411, 437 и слѣд., 450—455) ¹⁾.

Сообразно вышензложенному, Боу китайскихъ извѣстій V в., Боуло Сонъ Юня и Хой Сена VI стол. и Сюань Цзана VII в. а также М. Болюй «Таиъ-

а не черезъ Мустагъ, ибо передній свой путь въ Балтистанъ Мухаммедъ-Хайдеръ держалъ черезъ Каракорумъ, такъ какъ первую тибетскую областю, которой онъ достигъ, была Нубра (р. 417); правда, первые военныя дѣйствія, въ которыхъ принялъ участіе самъ Султанъ-Сандъ-ханъ, были направлены на Шигаръ (р. 422), но и онъ, быть можетъ, двигался чрезъ Каракорумъ и Нубру, а затѣмъ правымъ берегомъ Шайока. Умеръ Султанъ-Сандъ-ханъ, при возвращеніи въ Кашгарію, на томъ же пути, не доходя немного перевала Каракорумъ, въ урочищѣ, называемомъ съ того времени Даулетъ-бекъ-ульды; могила предшествовавшаго владѣтеля Кашгаріи Аба-Бекра также указывается путешественникамъ на Каракорумской дорогѣ, около становища Али-назаръ, гдѣ онъ былъ убитъ при возвращеніи изъ Ладака, куда бѣжалъ онъ послѣ потери Кашгаріи, думая найти убѣжище въ подчиненномъ Балтистанѣ, но не встрѣтивъ благопріятнаго приема (Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie, par Grenard, partie I, Paris, 1897, р. р. 137, 142). Что Султанъ-Сандъ-ханъ слѣдовалъ чрезъ Нубру на пути своемъ въ Балтистанъ, это видно изъ перевода относящейся сюда части „Тарихи-Рашиди“, сдѣланнаго майоромъ Раверти (Journal of As. Soc. Bengal, vol. 64, Part I, 1895, р. 101).

¹⁾ По обращающейся въ Ладакъ „Генеалогія царей Тибета“, изданной и переведенной Эмилемъ Шлагинтейтомъ, при 16-мъ царѣ ладакской династіи (основанной въ первой половинѣ X в. потомкомъ туфанскаго дома), когда совершилось новое раздѣленіе Ладака на мелкія царства (въ срединѣ XIV в., по мнѣнію переводчика), въ первый разъ упоминается Ле, нынѣшняя столица. При одномъ изъ позднѣйшихъ царей, мусульмане, завоевавшие сосѣднее царство, подчинили и Ладакъ, управленіе которымъ они поручили одному изъ мѣстныхъ царей, согласившемуся платить имъ подати; однако цари всѣхъ частей Ладака присоединились къ царю Bha-gan, „нижней области“, и изгнали ставленника мусульманъ, послѣ чего царь „нижней области“ сдѣлался владѣтелемъ всего Ладака. Наибольшаго процвѣтанія Ладакъ достигалъ въ срединѣ XVI в., когда поддерживались дружественныя сношенія съ Лхасою, возстановлена была цитадель въ Ле и поражены тюрки, дѣлавшіе вторженія съ С. (Die Könige von Tibet, von Schlagintweit, въ Abhandl. der Philos.—philolog. Classe der K. Bayer. Akad. der Wiss., B. X., 1864, S. 814; другой переводъ части, относящейся къ царямъ Ладака, въ

шу» VIII стол., отчасти Белуръ XI в. Аль-Бируни,—въ эпоху котораго Гилгитъ находился, повидимому, во временномъ обладаніи тибетскаго или балтистанскаго князя, властвовавшаго также въ Асторѣ и Чиласѣ,—Белуръ и Белуристанъ Мохаммедъ-Хайдера XVI в. и, наконецъ, Болоръ у китайцевъ XVIII стол. оказываются бассейномъ Гилгитской рѣки съ Читраломъ, Мастуджемъ и даже, у Мохаммедъ-Хайдера, съ Кафиристаномъ. Но почему, въ такомъ случаѣ, „Танъ-шу“ называла Балтистанъ Б. Болюемъ? Почему «въ Гилгитѣ, Хунзѣ, Нагерѣ и всѣхъ долинахъ на З. названія Скардо почти не знаютъ и страна называется Palor, Balors или Balornts»? (Tribes of the Hindoo koosh, p. 146). Съ другой стороны, по Шау, кара-киргизы именемъ Болоръ называютъ Читралъ, что Биддельфъ объясняетъ тѣмъ, что «Читралъ, будучи большою дорогою отъ Верхняго Оксуса въ Пенджабъ, по необходимости былъ лучше остальныхъ странъ на Ю. отъ Гиндукуша извѣстенъ обитателямъ сѣвернаго склона этого хребта, и нѣтъ ничего повѣроятнаго, что именемъ страны чужестранцы и путешественники называли только то, что составляло часть ея» («Народы, насел. Гинду-кушъ», стр. 195). По сдѣланному нами вопросу надо принять въ соображеніе, что д-ръ Лейтнеръ, специально собиравшій свѣдѣнія о дардахъ, какъ наименовалъ онъ арійскія племена бассейна верхняго Инда, сообщалъ Паркеру, что дарды и понынѣ употребляютъ для балтиевъ, въ качествѣ общаго для нихъ имени, терминъ Pololé (Contemp. Review, 1897, Dec., p. 870 ¹⁾). Въ то же время, по завѣренію Биддельфа, балти обитателей Гилгита, Астора и пр. называютъ блоиль (Bloyil), и въ Скардо и Рондо сохранилось преданіе, по которому прежніе жители Балтистана были блоиль, и когда предокъ династіи Макпоновъ, правившихъ до подчиненія Кашмиру въ XIX в. въ Скардо, Рондо, Асторѣ и пр., Ибрагимъ-шахъ явился въ Балтистанъ (около XIII в.), то страну управляли правители изъ блоилей, но тибетцы уже начали въ ней селиться («Народы, насел. Гинду-кушъ», стр. 64). Такъ какъ мало вѣроятно, чтобы китайцы присвоили Балтистану названіе Б. Болюя, не имѣя къ тому основанія въ существованіи подобнаго мѣстнаго имени страны или народа, то разрѣшеніе поставленнаго вопроса слѣдуетъ, мнѣ кажется, искать въ томъ, что такое мѣстное названіе для совокупности Балтистана и страны между Индомъ и Хиндукушемъ дѣйствительно существовало. Такимъ именемъ является Блоиль, Бололе, Болоръ:

Journ. of the Asiat. Soc. of Bengal, vol. LX, 1891, p. 124). Въ срединѣ XVI в., съ 1533 по 1566 г., въ Кашгаріи властвовалъ Султанъ-Рашидъ-ханъ; можетъ быть, онъ дѣйствительно пытался возстановить свою власть въ Ладакѣ, завоеванномъ его отцомъ Султанъ-Саидъ-ханомъ, но утерянномъ послѣ отозванія войскъ въ 1533 г.

¹⁾ По Кеннингэму, дарды называютъ балтиевъ Palolo (The Ancient Geography of India, by A. Cunningham, London, 1871 p. 84); онъ признаетъ Baltistan за Po-lu-lo Сюня Цзана и за Bolor (тамъ же, p. 83). По д-ру Лейтнеру, чиласцы зовутъ балтиевъ Paloue, а гилгитцы Polôle (Imp. and Asiatic Quarterly Review, 1893, January, p. 170).

близость именъ Блоиль и Бололе, Бололо достаточно очевидна, Болоръ же находится къ Бололо въ такомъ же отношеніи, какъ Читралъ къ Читлалъ, и объяснено можетъ быть сходнымъ образомъ, именно жители Читрала «всегда вмѣсто Читралъ произносятъ и пишутъ Читраръ или Читлалъ; это, какъ кажется, происходитъ отъ странной неспособности отличать буквы р и л», чему достаточно и другихъ примѣровъ («Народы, насал. Гинду-кушъ», стр. 82). Блоиль и Бололе есть имя населенія, а потому это, всего вѣроятнѣе, должно быть имя племени или народности. Но, съ другой стороны, Болу, Бололо, Болоръ употребляются у китайцевъ въ качествѣ имени страны, какъ Белуръ, Белуристанъ у Мохаммедъ-Хайдера, Белоръ у Марка Поло, Белуръ у Бакуи.

По словамъ Марко Поло, если (отъ долины Pamier) направить путь на В.-С.-В., то приходится двигаться добрыхъ 40 дней, проходя чрезъ горы и холмы или долины и пересѣкая рѣки и пустынные мѣстности; и на всемъ этомъ пути нѣтъ ни человѣческихъ жилищъ, ни какой-либо зелени, такъ что надо везти съ собою все, что необходимо (путешественникамъ и животнымъ при нихъ). Страна эта—Болоръ (по инымъ рукописямъ Белоръ). Населеніе живетъ выше въ горахъ и состоитъ изъ дикарей—идолопоклонниковъ, которые питаются звѣроловствомъ и носятъ одежды изъ звѣриныхъ шкуръ. Очень дурные это люди (The Book of Ser Marco Polo, by colon. H. Yule, Second edit., Lond., 1875, vol. 2, p. 181, а также Le livre de Marc Polo, publié par G. Pautier, Paris, 1865, p. p. 131—134). Немедленно вслѣдъ за этимъ помѣщено описаніе Кашгара, изъ чего обыкновенно заключаютъ, что Марко Поло называетъ Болоромъ страну между долиною Памира и Кашгаромъ, куда отъ нея и лежалъ его путь. Юль не нашелъ,—для объясненія приведеннаго мѣста Марко Поло,—сказать ничего другого кромѣ того, что, приведя часть свѣдѣній о Malaug (т. е. Белуръ) «Тарихи-Рашиди», по одному изъ прежнихъ переводовъ, и выведя изъ нихъ, что Болоръ Мохаммедъ-Хайдера могъ содержать въ себѣ Сарыколь и всю пустынную страну между долиною Памира и Кашгаромъ, а также Балтистанъ, Гилгитъ, Яссинъ, Читралъ, и можетъ быть, Кафиристанъ, заключилъ: «Это даетъ намъ возможность понять употребленіе этого термина Маркомъ Поло» (p. 188); сообразно этому, на картѣ путешествія М. Поло Юль помѣстилъ Болоръ на пространствѣ отъ Кафиристана и Балтистана до перевала Чичикликъ въ Кашгарскомъ хребтѣ. Но на самомъ дѣлѣ Белуръ или Белуристанъ Мохаммедъ-Хайдера, согласно новѣйшему и точнѣйшему переводу Д. Росса, находясь на Ю. отъ Бадахшана, обнимаетъ лишь Хиндукушъ и его южные склоны въ предѣлахъ Кафиристана, Читрала, Яссина и Гилгита съ Хунзою и Нагеромъ, и въ него не входятъ ни Памиръ, ни Сарыколь и страна отъ него и Памира къ Кашгару, а также и Балтистанъ; хотя по Мохаммедъ-Хайдеру горы Балтистана составляютъ продолженіе Белура (Хиндукуша), отроги котораго

сходятся съ отрогами Яркендскихъ горъ въ Раскемъ и Тагдынбашъ, Белуру эти горы уже не принадлежать и отнесены имъ къ горамъ Балтистана. Что касается Марко Поло, то, по точному смыслу его описанія, Болоръ или Белуръ простирается отъ долины Памирской на В.-С.-В., т. е. дѣйствительно въ направленіи Кашгара, на 40 большихъ дней пути, слѣдовательно, полагая на день только 20 в., не менѣе 800 в., но такое разстояніе увело бы путешественника не менѣе, какъ вдвое далѣе Кашгара, потому что отъ Б. или М. Памира до Кашгара не болѣе 400 в. Затѣмъ ближайшее къ пути между долиною Памира и Кашгаромъ населеніе могло состоять лишь изъ кочевниковъ, питающихся преимущественно скотоводствомъ и лишь отчасти занимающихся звѣроловствомъ, какъ это было въ ханскія времена и продолжается нынѣ, и изъ земледѣльцевъ на Тагдынбашъ и Тагармъ, но во всякомъ случаѣ тѣ и другіе весьма мало походятъ на тѣхъ дикарей-звѣролововъ, которыхъ описываетъ Марко Поло; не могло также это населеніе обитать въ горахъ выше Памирской долины, потому что этого не дозволили бы климатическія условія, мало отличавшіяся отъ нынѣшнихъ. Марко Поло сообщилъ въ XIII в. такую массу вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, оказавшихся вообще вѣрными и точными, что заслуги его останутся великими, если и признать, что въ нѣкоторыхъ, немногихъ, случаяхъ онъ впадалъ въ ошибки, смѣшивая, напр., лично видѣнное съ слышаннымъ и т. п. Въ данномъ случаѣ, проѣзжая изъ Бадахшана черезъ Ваханъ и Памиръ въ Кашгаръ, оно, конечно, слышалъ объ оставшейся въ сторонѣ отъ его пути на югъ странѣ Болоръ, населеніе которой изображено было рассказчиками болѣе дикимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, и ошибочно заставилъ его обитать между Памиромъ и Кашгаромъ, присвоивъ этой странѣ имя Болора¹⁾.

Въ географическомъ сочиненіи Бакуи, писателя начала XV в., есть нѣсколько строкъ о странѣ Белуръ, которая сосѣдитъ съ Кашмиромъ и въ которой есть одна мѣстность, гдѣ дождь и снѣгъ не прекращаются въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ года, такъ что все это время не видно солнечнаго диска (*Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du roi, Paris, 1789, t. 2, p. 475*). Такой мѣстности на южныхъ склонахъ Хиндукуша пока, сколько извѣстно, не обнаружено, но въ горахъ верховьевъ Тизнафа и въ Керійскихъ горахъ, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ (Пржевальскій, Громбчевскій, Гренаръ) въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ идутъ иногда непрерывные почти дожди. Можетъ быть, до Бакуи дошли слухи о чемъ-нибудь подобномъ, перенесенные на Белуръ.

Приписывая ошибочно Бакуи (*Extraits etc., t. II, p. 472*, куда сдѣлана ссылка, ничего подобнаго нѣтъ) свѣдѣніе о томъ, что горы Болоръ

¹⁾ Подобное мнѣніе о толкованіи текста М. Поло было уже высказано В. В. Григорьевымъ („Вост. Туркестанъ“, вып. I, Сиб., 1869 г., стр. 501).

получили свое имя *Berour* на персидскомъ и тюркскомъ языкахъ отъ тамошнихъ горныхъ кристалловъ рѣдкой красоты (*L' Asie Centrale etc.*, Paris, 1843, t. 2, p. 369), А. фонъ Хумбольдтъ привелъ затѣмъ изъ *Tableaux historiques de l' Asie* (р. р. XVII et 142) утверждение Клапрота о томъ, что владѣніе Пу-до-ло оставалось независимымъ и послѣ середины VIII в. вплоть до XIII стол., «сохраняя свои границы на Ю.-З. отъ истоковъ Джикуна» (*Asie Centrale*, II, p. 370). Добыча въ Читралѣ горнаго хрустала для вывоза въ Китай существуетъ или существовала еще недавно, и производство названія страны Белуръ или Белуристанъ отъ имени горнаго хрустала на персидскомъ языкѣ практикуется въ народныхъ, ненаучныхъ этимологическихъ догадкахъ (см. „Кабулистанъ и Бафиристанъ“ В. В. Григорьева, Спб., 1867 г., стр. 505, 503 и 630, а также его же „Вост. или Кит. Туркестанъ“, 1869 г., вып. I, стр. 244 и 502), но отсюда еще не слѣдуетъ, что имя Болоръ дѣйствительно происходитъ отъ персидскаго слова *белуръ*, горный хрусталь, а не принадлежитъ языку аборигеновъ или одного изъ древне-обитавшихъ въ странѣ народовъ. Что же касается до существованія владѣнія Болуло въ прежнихъ границахъ и въ независимости до XIII в., то это мнѣніе Клапрота есть не болѣе, какъ предположеніе, не имѣющее, сколько мнѣ извѣстно, фактическихъ основаній, за исключеніемъ выше приведеннаго и относящагося лишь къ началу XI в. упоминанія Аль-Бируни о Белуръ-шахѣ въ числѣ царей земель на западѣ отъ Кашмира.

Н. А. Аристовъ.

Къ антропологіи лезгинъ *).

К ю р и н ц ы.

Дагестанъ — эта «гора языковъ», какъ называли его арабскіе писатели, не перестаетъ привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей, благодаря разнообразію племенъ, его населяющихъ. Было нѣсколько попытокъ выяснить этническій составъ Дагестана. Попытки эти опирались до сихъ поръ исключительно на лингвистическія данныя ¹⁾. Малочисленность наблюденій надъ физическими чертами туземнаго населенія не позволяла ввести въ разсмотрѣніе вопроса антропологическіе элементы. Предлагаемый краткій очеркъ имѣетъ цѣлью, хотя отчасти, пополнить этотъ важный пробѣлъ. Въ основаніе очерка легли наши собственныя антропологическія наблюденія и изслѣдованія, произведенныя

Рис. 1. Кюринецъ.

*) Терминъ „лезгины“—чисто условный. Подъ такимъ именемъ теперь объединяется главная масса туземнаго населенія Дагестанской обл., составляющая въ то же время часть восточно-горской группы семейства кавказскихъ народовъ. Самое слово „лезгинъ“, при передачѣ на русскій языкъ, можетъ имѣть тройное значеніе: „горскій житель“, „разбойникъ“ и „нечистый“; вѣрнѣе придавать этому слову первое значеніе—„горскій житель“, каковымъ именемъ уже издавна обозначали горскихъ жителей Дагестана ихъ сосѣди—грузины и турки.

¹⁾ Труды бар. Услара и академика Шифнера.

надъ южно-дагестанскими горами, относимыми въ кюринскую группу ¹⁾. Эта группа разселена въ двухъ округахъ: Кюринскомъ и Самурскомъ. Мои изслѣдованія касаются только кюринцевъ, живущихъ въ Самурскомъ округѣ.

По образу жизни кюринцы осѣдлы. Живутъ они обыкновенно небольшими селеніями, т. наз. аулами. Положеніе этихъ селеній весьма характерно для всего Дагестана: они почти всегда расположены по откосу горы, — мѣсту, наименѣе удобному для обработки, чѣмъ достигается, вѣроятно, экономія въ удобныхъ земляхъ, которыя такъ рѣдки въ Дагестанѣ. Количество дворовъ въ аулѣ колеблется весьма значительно — отъ 20-ти до нѣсколькихъ сотъ. Каждый домохозяинъ имѣетъ саклю, т. е. небольшой домикъ, обыкновенно каменный, двухъэтажный. Нижний этажъ находится въ самой скалѣ и имѣетъ одну только дверь; онъ всегда предназначается для хлѣва, конюшни и амбара. На верхній этажъ ведетъ лѣсенка, сначала на небольшой балкончикъ, а отсюда уже въ жилыя комнаты, которыхъ бываетъ двѣ или три. Одна изъ нихъ — большая, четырехугольная, съ двумя окнами безъ рамъ и стеколъ, между которыми обыкновенно находится каминъ, — предназначается для гостей. Полъ ея, земляной, смазанный глиной, почти всегда устланъ коврами, а въ стѣнахъ устроены ниши, гдѣ лежатъ перины и подушки. Иногда въ видѣ особой роскоши, во всю длину стѣны тянется полка, уставленная склянками, стеклянными банками, стаканами, тарелками, вообще различнаго рода стеклянными вещами и домашней посудой. Другія комнаты предназначаются для жилья хозяина съ семействомъ. Здѣсь помѣщается весь домашній скарбъ, здѣсь же и кухня.

Сакля покрыта плоской крышей, смазанной саманной глиной; на ней складываются запасы сѣна на зиму. Никакой обстановки нѣтъ: сидятъ, ѣдятъ и спятъ на полу. У бѣдныхъ же домашній обиходъ еще проще и доходитъ иногда до того, что люди спятъ вмѣстѣ съ животными въ одномъ помѣщеніи.

Верхняя одежда кюринцевъ не сложна. Мужской костюмъ состоитъ изъ обыкновенной длинной черески, бешмета и штановъ, на ногахъ носятъ кожаныя чулки. Любопытна одна характерная измѣчивость костюма: чѣмъ ближе двигаться на югъ, по направленію къ Кавказскому хребту, тѣмъ череска становится все короче и, наконецъ, своимъ костюмомъ кюринецъ окончательно напоминаетъ перса, съ его коротенькимъ кафтанчикомъ, со складками и широкимъ поясомъ вокругъ талии. То же самое можно прослѣдить и съ женскимъ костюмомъ: бешметъ у женщинъ, при движеніи къ югу, дѣлается короче, а шаровары все шире, и такъ какъ шаровары носятъ ими поверхъ рубашки, то и костюмъ близко напоминаетъ мужской,

¹⁾ Выясненіемъ главныхъ физическихъ чертъ кюринцевъ и вообще горцевъ Дагестана занимался фонъ-Эркертъ; его данныя во многомъ сходны съ моими выводами, за исключеніемъ цвѣта глазъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

особенно когда онѣ свои широкіе шаровары оборачиваютъ вокругъ голени и переплетаютъ ихъ ремнями. Грудь у женщинъ, смотря по состоянію, увѣшивается болѣе или менѣе цѣнными золотыми и серебряными монетами. Головной уборъ у мужчинъ составляетъ папахъ; у женщинъ голова прикрывается длиннымъ кускомъ матеріи, а поверхъ нея полагается еще платокъ.

Пища кюринцевъ не разнообразна. Изъ горячихъ кушаній любимымъ считается «хинкалъ» и «чихиртма». Первое представляетъ похлебку, въ которой плаваютъ небольшими кусками тѣсто, а второе — родъ своеобразнаго бульона изъ зажаренной предварительно курицы или баранины съ лукомъ, куда кладутся еще сбитыя яйца. Изъ жаренаго любимымъ кушаніемъ, конечно, служитъ шашлыкъ. Обыденную холодную пищу составляютъ:

хлѣбъ, сыръ и молоко, какъ кислое, такъ и свѣжее. Чай, какъ напитокъ, распространенъ среди кюринцевъ, но все же является роскошью, доступною только людямъ богатымъ. Крѣпкіе напитки (вино, водка) официально воспрещены, и во всемъ Самурскомъ округѣ нѣтъ ни одной винной лавки, но тайно торговля этими продуктами процвѣтаетъ, и потребителями является молодежь, успѣвшая уже вкусить отрицательныя стороны культуры на заработкахъ въ городахъ.

Рис. 2. Кюринка.

Благодаря орографическимъ условіямъ Самурскаго округа, только жителямъ, живущимъ по долинамъ рѣки Самура, возможно сколько-нибудь сносно заниматься хлѣбопашествомъ и садоводствомъ; но того хлѣба, который они получаютъ отъ малоплодородной почвы, имъ не хватаетъ, и потому всегда приходится подвозить хлѣбъ изъ Кубинскаго у., Бакинской губ. Кюринцы, живущіе южнѣе около Кавказскаго хребта, занимаются скотоводствомъ и охотой; здѣсь раскинулись прекрасныя альпійскіе луга, питающіе въ избыткѣ домашнихъ и дикихъ животныхъ (туры, дикія козы и др.). Но все это не можетъ дать постояннаго и прочнаго источника существованія для жителей, и потому большая часть ихъ, особенно молодежь, отпра-

влияется на заработки въ Баку, Дербентъ, Петровскъ. Тѣ кюринцы, которые такъ или иначе приходятъ въ соприкосновеніе съ русскими, перенимаютъ много отъ нихъ и хорошаго и дурнаго, какъ въ своемъ внѣшнемъ обиходѣ, такъ и въ духовномъ отношеніи: напр., у болѣе состоятельныхъ можно найти въ комнатахъ столы, стулья, кровати; внѣшній видъ жилищъ тоже мѣняется: вмѣсто плоской крыши устраиваются наскаты, какъ въ русскихъ избахъ; составъ и способы приготовленія пищи приближаются къ русскимъ кушаньямъ. Но вмѣстѣ съ этими заимствованіями отъ русскихъ кюринцы пріучаются къ водкѣ, начинаютъ заносить въ свою патріархальную среду сифилисъ, заражаясь имъ въ городахъ на заработкахъ, и постепенно мѣняютъ свой чистый духовный обликъ дѣтей природы.

Общее число кюринцевъ, по послѣднимъ даннымъ Дагестанскаго областного статистическаго комитета, равняется 125,000 душъ обоего пола.

Число измѣренныхъ мною субъектовъ — 132 ч.; всѣ—мужчины; 89 наблюдений приходятся на возрастъ отъ 16 до 70 лѣтъ и 43 наблюдения—на возрастъ отъ 3 до 16 л. Предѣльнымъ возрастомъ, съ одной стороны, для малолѣтнихъ, съ другой — для взрослыхъ взято 16 лѣтъ потому, что къ этому времени горцы, конечно по внѣшнему виду, физически являются вполне сформированными. Наблюдения велись по программѣ, изданной Антропологическимъ Отдѣломъ Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и затѣмъ обрабатывались по системѣ Брока.

Величина головы (въ вертикальной проекціи, отъ макушки до подбородка) равна у кюринцевъ въ среднемъ 231,13 mm. (13,76% роста). Выводъ, сдѣланный А. Г. Рождественскимъ о соотношеніи роста и вертикальной проекціи головы, именно, что абсолютная величина головы съ увеличеніемъ роста увеличивается, а отношеніе ея къ росту при томъ же условіи уменьшается, — подтверждается и на кюринцахъ. Въ то время, какъ высокорослые имѣютъ абсолютный размѣръ головы въ 233,53 mm. и онъ составляетъ у нихъ 13,33% роста, у низкорослыхъ абсолютная величина головы равна 221,33 mm., а относительная — 14,06% роста. Субъекты роста выше и ниже средняго обладаютъ величиной головы, стоящей между только-что указанными цифрами, причемъ абсолютный размѣръ идетъ, понижаясь отъ высокаго роста къ низкому, а относительный—наоборотъ.

Размѣры горизонтальной окружности головы въ среднемъ незначительны: абсолютная величина—554,5 mm. и относительная—33,04%. Разсматривая отношеніе этого признака къ росту, мы можемъ и здѣсь констатировать то-же самое положеніе, которое было указано и для предыдущаго признака, именно, чѣмъ болѣе увеличивается ростъ, тѣмъ болѣе возрастаютъ абсолютные размѣры, но уменьшаются относительные: такъ, низкорослые кюринцы имѣютъ горизонтальную окружность головы равной 546,1 mm., что составляетъ 34,73% роста, а высокорослые—559,2

мм., или 31,91% роста. Сравнивая кюринцевъ по горизонтальной окружности головы съ другими народностями, мы видимъ, что они ближе всего подходят къ персамъ (иштигардцамъ), измѣреннымъ Н. П. Даниловымъ.

Головной указатель. Уже при бѣгломъ, общемъ взглядѣ на голову кюринца бросается въ глаза ея круглоголовость, очень часто соединенная съ умѣренно-плосковатымъ затылкомъ. Если принимать классификацію формъ черепа проф. Серджи, то пришлось бы отнести форму головы кюринца къ одному изъ подвиговъ *Sphaeroides*. О различныхъ категоріяхъ головного указателя и ихъ распредѣленіи среди кюринцевъ можно судить по слѣдующей таблицѣ:

	Взрослые (16—70 л.)		Малолѣтніе (3—16 л.)	
Гипербрахицефалы . .	50 ч.	56,19%	36 ч.	83,70%
Брахицефалы	19 „	21,35%	3 „	7,00%
Суббрахицефалы . . .	17 „	19,10%	3 „	7,00%
Мезоцефалы	1 „	1,12%	1 „	2,30%
Субдолихоцефалы . . .	1 „	1,12%	0 „	0%
Долхоцефалы	1 „	1,12%	0 „	0%
Всего . .	89 ч.	100%	43 ч.	100%

Изъ этой таблицы прежде всего видно, что и взрослые, и дѣти въ подавляющей массѣ весьма короткоголовы (гипербрахицефалы). Наклонность къ крайней брахицефалии сильнѣе проявляется у малолѣтнихъ, чѣмъ у взрослыхъ, но и среди послѣднихъ она не рѣдкость: часто можно встрѣтить головной указатель, превышающій 90, а у одного субъекта его величина достигла даже цифры 95,45. Средняя величина головного указателя для всѣхъ 132 измѣренныхъ равняется 87,41. Сравнивая съ послѣдней величиной величину, даваемую фонъ-Эркертъ для кюринцевъ (43 набл.)—87,6, мы видимъ, что разница между той и другой равна всего только 0,19, и, по Эркертъ, кюринцы являются еще болѣе короткоголовыми. Среди другихъ кавказскихъ народностей кюринцы стоятъ по головному указателю между горскими евреями (87,3) и айсорамъ (87,8). Присутствіе въ вышеприведенной таблицѣ двухъ

Рис. 3. Кюринцы-мальчики.

долхоцефаловъ нисколько не должно нарушать общей картины короткоголовости среди кюринцевъ, такъ какъ оба эти субъекта (родные братья) представляютъ, повидимому, аномальное явленіе. Черепъ ихъ значительно удлиненъ въ продольномъ направленіи, сжатъ съ боковъ, а вверху имѣетъ

видъ гребня; кромѣ того, на черепѣ находятся нѣсколько впадинъ и бугровъ. Все это въ связи съ неправильнымъ развитіемъ умственныхъ способностей (слыгутъ они среди своихъ за чудаковъ) заставляетъ совершенно выдѣлять этихъ двухъ субъектовъ изъ общей группы.

Ширина лица (разстояніе между скуловыми дугами) кюринцевъ по абсолютной величинѣ значительна. Давая въ среднемъ 144,5 mm., она приближаетъ ихъ къ монгольскому типу (158 mm.); но подсчетъ относительныхъ величинъ (къ росту) показываетъ, что приближеніе къ монгольскому типу только кажущееся, такъ какъ кюринцы высокорослы въ противоположность средне-рослымъ монголамъ¹⁾. Принимая же во вниманіе полную длину лица (отъ волосной линіи до подбородка), мы видимъ, что кюринцы, будучи во всякомъ случаѣ болѣе узколицыми, чѣмъ монголы, въ то же время обладаютъ болѣе короткимъ лицомъ, чѣмъ послѣдніе. Средняя абсолютная длина лица равна у нихъ 177 mm., а у монголовъ—185 mm. (разница—8 mm.). Средняя величина лицевой указателя равняется 81,93. Раздѣливъ же кюринцевъ на группы по лицевому указателю, мы получимъ слѣдующую таблицу:

Группы.	Число субъектовъ.	% общаго числа.
Ниже 70	0	0%
70—75	5	5,62%
75—80	35	39,32%
80—85	28	31,46%
85 и болѣе	21	23,60%

На основаніи этой таблицы кюринцы должны быть отнесены къ мезопрозопамъ съ наклономъ къ хамэпрозопіи. На изслѣдованныхъ мною кюринцахъ замѣчается связь болѣе скуластости съ болѣе брахицефаліей и болѣе темной окраской. Принимая во вниманіе черепной указатель и лицевой по классификаціи проф. Кольмана, мы должны отнести кюринцевъ къ брахицефаламъ-хамэпрозопамъ.

Носы кюринцевъ въ большинствѣ случаевъ прямые (86,51%), съ горбатымъ носомъ—13,49%, курносыхъ—ни одного; по величинѣ они—средніе (73,03%), причемъ широкіе носы у нихъ встрѣчаются въ два раза чаще (17,97%), чѣмъ тонкіе (9%). Крылья носа почти всегда явственно отдѣлены отъ щекъ.

Оттопыренные уши встрѣчены у 38,20%, а прижатые—у 5,61%; ушная мочка отдѣлена у 77,53%, приросшая—у 22,47%.

Усы и борода, появляющіеся уже съ 16-ти лѣтъ, достигаютъ у кюринцевъ возмужалого возраста значительной длины. Волосатость тѣла у 42 чел. оказалась скудной, а у 25—обильной, причемъ наибольшее развитіе волосъ замѣчалось всегда на груди.

¹⁾ А. А. Ивановскій. Монголы-торгоуты. „Труды Антропол. Отд.“, т. XIII.

О ростѣ кюринцевъ даетъ представленіе слѣдующая таблица:

Ростъ.	Число субъектовъ.	%
Высокій	32	35,96%
Выше средняго . .	28	31,46%
Ниже средняго . .	20	22,47%
Низкій	9	10,11%

Большинство ихъ, слѣдовательно, высокоросло, съ нѣкоторой примѣсью низкорослости; средняя роста составляетъ 1680,4 mm. ¹⁾ Изъ кавказскихъ народовъ кюринцы ближе всего стоятъ по росту къ пшавамъ (1688 mm.).

Цвѣтъ волосъ и глазъ. Въ массѣ по цвѣту волосъ описываемое племя среди своихъ малолѣтнихъ и взрослыхъ представителей принадлежитъ къ черноволосымъ. Подтвержденіемъ этого является слѣдующая таблица:

	Цвѣтъ	Черный.	Темно-русый.	Свѣтло-русый.	Сѣдой.
Взрослые	Количество	66	14	1	8
	%	74,15%	15,73%	1,12%	9,00%
Малолѣтніе	Количество	23	13	7	0
	%	53,49%	30,23%	16,28%	0%

Изъ таблицы, во-первыхъ, видно, что у кюринцевъ совершенно отсутствуютъ свѣтлые волосы (бѣлокурые, цвѣта льна, соломенно-желтые, золотистые); во-вторыхъ, у дѣтей есть небольшой процентъ (16,28%) свѣтло-русыхъ, тогда какъ среди взрослыхъ этотъ процентъ свѣтло-русыхъ сводится почти на нѣтъ; въ-третьихъ, большинство кюринцевъ имѣетъ темный цвѣтъ волосъ съ преобладаніемъ чернаго (74,15%), который у пяти изслѣдованныхъ мною субъектовъ оказался даже съ блестящимъ оттѣнкомъ. Слѣдовательно, по цвѣту волосъ это племя должно быть причислено къ чистымъ брюнетамъ. Изслѣдованіе цвѣта глазъ также показало полное преобладаніе у кюринцевъ темныхъ оттѣнковъ: каряго и свѣтло-каряго съ примѣсью чернаго. По цвѣту глазъ изслѣдованные субъекты группируются слѣдующимъ образомъ:

	Цвѣтъ	Карій.	Черный.	Свѣтло-карій.	Сѣрый.	Зеленый.	Голубой.
Взрос- лые	Количество	54	3	14	13	3	2
	%	60,68%	3,37%	15,73%	14,61%	3,37%	2,24%
Мало- лѣтніе	Количество	29	2	6	4	1	1
	%	67,45%	4,65%	13,96%	9,32%	2,31%	2,31%

¹⁾ Подмѣтить какую-либо связь высокорослости съ короткоголовостью и темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ мнѣ не удалось. Конечно, in toto изъ моей работы это само собой видно, ибо кюринцы высокорослы, рѣзкіе брахицефалы и обладаютъ брюнетическимъ типомъ; но, подраздѣляя ихъ на группы большей или меньшей высокорослости, можно было видѣть, что среди наиболѣе высокихъ встрѣчались субъекты, относимые по цвѣту волосъ и глазъ къ смѣшанному типу и по головному индексу принадлежащіе къ суббрахицефаламъ.

Если здѣсь и наблюдается нѣкоторый процентъ сѣроглазыхъ, то это почти всѣ старики, а большинство дѣтей и взрослыхъ все же остаются съ преобладаніемъ темнаго оттѣнка. Выдѣляя субъектовъ, имѣющихъ темные волосы (черные, темно-русые и свѣтло-русые) и темные глаза (черные, каріе, темно- и свѣтло-каріе и зеленые), затѣмъ субъектовъ, обладающихъ свѣтлыми глазами (голубые, сѣрые, сѣро-голубые) и свѣтлыми волосами (бѣлокурые, цвѣта льна, соломы, золотистые), а также субъектовъ, которые имѣютъ комбинацію темныхъ волосъ со свѣтлыми глазами и обратно— свѣтлыхъ волосъ съ темными глазами, мы получаемъ 3 типа: 1) брюнетическій (комбинація темныхъ волосъ и глазъ), 2) свѣтлый (комбинація свѣтлыхъ волосъ и глазъ) и 3) смѣшанный типъ, составленный изъ субъектовъ, обладающихъ свѣтлыми волосами и темными глазами и обратно. Среди кюринцевъ, какъ и должно было ожидать изъ сопоставленія цвѣта волосъ и глазъ, преобладаетъ типъ брюнетическій: среди взрослыхъ — 78,66%, а среди малолѣтнихъ—72,09%. Смѣшанный типъ у кюринцевъ составляетъ сравнительно незначительный процентъ: среди взрослыхъ— 13,48% и у дѣтей — 27,91%. Здѣсь необходимо сдѣлать оговорку, что среди малолѣтнихъ, относимыхъ къ смѣшанному типу, замѣчается преобладаніе свѣтлаго оттѣнка и въ цвѣтѣ волосъ, и въ цвѣтѣ глазъ, но все же чистый свѣтлый типъ среди кюринцевъ совершенно отсутствуетъ. Мною установлена еще одна комбинація для стариковъ (сѣдые волосы съ свѣтлыми и темными глазами). Среди послѣднихъ по цвѣту глазъ также замѣтно преобладаніе свѣтлаго оттѣнка. Эти выводы о типѣ кюринцевъ по цвѣту волосъ и глазъ, взятые вмѣстѣ, можно сгруппировать въ слѣдующей таблицѣ:

Типы.	Взрослые		Малолѣтніе	
	число	%	число	%
Брюнетическій	70	78,66%	31	72,09%
Свѣтлый	0	0%	0	0%
Смѣшанный.	12	13,48%	12	27,91%
Комбинація сѣдыхъ волосъ съ свѣтлыми и темными глазами	7	7,86%	0	0%

Объемъ груди измѣрялся при опущенныхъ рукахъ и при спокойномъ дыханіи такимъ образомъ, что спереди лента пересѣкала сосковые кружки, а сзади проводилась черезъ нижніе края лопатокъ. Подавляющее большинство имѣетъ грудь правильно развитую, т.-е. ея объемъ равенъ или половинѣ роста (6 чел., или 6,74%), или превосходитъ величину половины роста (67 чел., или 75,28%). Слѣдовательно, 82,02% имѣютъ грудь, развитую нормально, и только у 17,98% (16 ч.) грудь недоразвита. Средняя величина объема груди у 89 измѣренныхъ субъектовъ равна 914,6 mm., или 54,42% роста. Значительный объемъ груди въ связи съ высокимъ ростомъ ставятъ кюринцевъ отдѣльно среди большинства другихъ народ-

ностей, для которых установленъ фактъ обратный—связь широкой груди съ низкимъ ростомъ.

Длина ногъ. Исходной точкой при измѣреніи этой величины я принималъ высоту надъ поломъ большого вертела. Абсолютная длина ноги въ среднемъ равна 876,4 mm., что по отношенію къ росту составляетъ 52,13%. При раздѣленіи всѣхъ измѣренныхъ на 4 группы по росту получается слѣдующая таблица абсолютныхъ и относительныхъ величинъ длины ноги:

Ростъ.	Высота надъ поломъ большого вертела.	Отношеніе къ росту.
Высокій	923,4 mm.	53,53%
Выше средняго	875,0 mm.	52,37%
Ниже средняго	835,9 mm.	51,41%
Низкій	805,0 mm.	51,20%

Слѣдовательно, какъ абсолютныя, такъ и относительныя величины длины ноги постепенно убываютъ съ уменьшеніемъ роста.

Длина рукъ. Эта величина получалась мной черезъ вычитаніе высоты надъ поломъ нижняго конца вытянутаго средняго пальца изъ высоты надъ поломъ верхне-плечевого отростка. Абсолютная величина длины руки въ среднемъ равна 780,9 mm., или 46,46% роста. Параллельно росту величины длины рукъ представляютъ слѣдующія колебанія:

Ростъ.	Абсолютная длина рукъ.	Отношеніе къ росту.
Высокій	820,6 mm.	46,80%
Выше средняго	774,6 mm.	46,36%
Ниже средняго	746,8 mm.	45,97%
Низкій	735,5 mm.	46,77%

Какъ видно изъ таблицы, абсолютныя величины идутъ, убывая съ уменьшеніемъ роста, но относительная величина длины рукъ у низкорослыхъ больше той же величины у другихъ группъ. Вообще кюринцы обладаютъ длинными конечностями. По длинѣ рукъ они ближе всего стоятъ къ персамъ ¹⁾.

Длина ступни равна въ среднемъ 267,2 mm. (15,97% роста). Объ измѣненіяхъ этого размѣра въ зависимости отъ роста можно судить по слѣдующей таблицѣ:

Ростъ.	Абсолютн. вел.	Отн. величина.
Высокій	278,5 mm.	15,88%
Выше средняго	266,7 mm.	15,96%
Ниже средняго	254,0 mm.	15,62%
Низкій	258,4 mm.	16,43%

¹⁾ Н. П. Даниловъ. Къ характеристикѣ антропологическихъ и физиологическихъ чертъ современнаго населенія Персін. „Труды Антрополог. Отд.“, т. XVII.

Слѣдовательно, у низкорослыхъ абсолютная длина ступни—наименьшая, но относительная—наибольшая. По длинѣ ступни кюринцы ближе все стоятъ къ сартамъ.

Туловище. Длина его, опредѣлявшаяся черезъ вычитаніе высоты надъ поломъ шва заднепроходной промежности изъ высоты надъ поломъ верхне-плечевого отростка, составляетъ у кюринцевъ въ среднемъ 616,5 mm., или по отношенію къ росту 36,68%. Колебанія этого размѣра довольно значительны: min.—507 mm., max.—790 mm.; но, вообще говоря, туловище у кюринцевъ развито пропорціонально росту. Близко къ кюринцамъ по величинѣ туловища стоятъ персы (азербейджанцы), изслѣдованные Н. П. Даниловымъ.

Итакъ, въ физическомъ отношеніи кюринцы представляются намъ рослымъ, стройнымъ народомъ съ вполне развитой, здоровой грудной кѣткой. Голова ихъ, будучи по величинѣ не особенно большой, коротка и кругла и всегда бываетъ покрыта прямыми (рѣдко курчавыми), темными по цвѣту, волосами. Лицо у нихъ, широкое въ верхней части, внизу суживается, съ открытымъ, широкимъ и прямымъ лбомъ, смуглое. Выразительные, темные глаза и прямой (рѣдко горбатый) носъ средней величины, съ крыльями, рѣзко отграниченными отъ щекъ, дополняютъ ихъ фізіономію. Конечности у нихъ сравнительно съ другими народностями длинны, а туловище развито нормально и пропорціонально росту. Судя по главнымъ физическимъ признакамъ, кюринцевъ можно отнести къ представителямъ какой-то одной расы, сохранившейся и по сю пору въ довольно чистомъ видѣ. Это уже а priori можно было предположить на основаніи знакомства съ орографіей мѣстности, въ которой теперь приходится жить кюринцамъ Самурскаго округа. Здѣсь гора громоздится на гору, съ глубокими, дикими ущельями, и съ юга все это запирается Кавказскимъ хребтомъ. Насколько глубоко изрѣзана здѣсь поверхность страны, можно судить по одному тому факту, что жители въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ верстахъ отъ главной почтовой дороги, идущей по долинѣ рѣки Самура, уже принуждены прибѣгать къ помощи саней и вьюковъ, чтобы перевозить грузы, такъ какъ никакая арба на колесахъ по здѣшнимъ горнымъ дорогамъ не выдержитъ. Само собой понятно, что при такомъ характерѣ мѣстности не могли совершаться и естественныя, свободныя движенія народовъ, живущихъ здѣсь, а слѣдовательно, не могло происходить и смѣшенія. Единственнымъ, сколько-нибудь сноснымъ, путемъ вовнутрь этой дикой по природѣ страны служить долина рѣки Самура, по которой, надо полагать, и двигались сюда тѣ или другіе представители народовъ и постепенно наслаивались на аборигеновъ страны. Выяснить детально, каковы были предки нынѣшнихъ кюринцевъ въ физическомъ отношеніи, въ настоящее время не представляется никакой возможности, такъ какъ для этой части Дагестана отсутствуютъ какія бы то ни было археологическія

изслѣдованія. Но если скудость доисторическихъ свѣдѣній лишаетъ насъ возможности судить о физическомъ типѣ предковъ кюринцевъ, то лингвистическія изслѣдованія среди горцевъ Дагестана позволили высказать П. К. Услару предположеніе, не лишенное интереса и для антрополога. «Горцы Кавказа,—говоритъ онъ,—представляютъ собою ничтожные остатки множества народовъ, населявшихъ въ доисторическія времена огромныя полосы земли въ Азіи и въ Европѣ и принадлежащихъ къ одной расѣ, вездѣ исчезнувшей, за исключеніемъ Кавказа». Сохранившимися представителями вышеуказанной одной расы и являются кюринцы. Основываясь на классификаціи Deniker'a, по которой, какъ извѣстно, всѣ народы Европы по своимъ физическимъ признакамъ сгруппированы въ 6 главныхъ расъ, И. И. Пантюховъ въ своей статьѣ «Расы Кавказа» всю восточно-горскую группу кавказскихъ народовъ относитъ къ адриатической или динарской расѣ, которая распро-

странена, главнымъ образомъ, въ Босніи, Далмацин, Кроацин, Албанин, а также на Карпатахъ и въ Малоросси, и характеризуется высокорослостью, рѣзкой брахицефаліей и брюнетическимъ типомъ, т.-е. точно такими же физическими чертами,

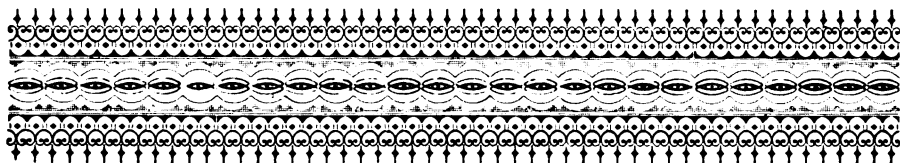
Рис. 4. Кюринки-дѣвочки.

какъ и изслѣдованные мною кюринцы. Но, признавая относительно бѣольшую чистоту кюринцевъ въ антропологическомъ отношеніи, нельзя также отрицать и извѣстной доли метисаціи, которую претерпѣли кюринцы. Последнее положеніе вытекаетъ, какъ указывалось выше, изъ того, что среди кюринцевъ существуетъ процентъ (хоть и небольшой) смѣшаннаго типа и процентъ малорослыхъ. Самая незначительность смѣшенія, которое только въ малой степени коснулось роста и цвѣта волосъ и глазъ, можетъ служить указаніемъ для насъ на то, что, повидимому, началось оно въ недавнее еще время (историческое) и, вѣроятно, продолжается и по сую пору. Основываясь, съ одной стороны, на историческихъ данныхъ, мы знаемъ, что въ VIII в. въ Дагестанъ явились арабы и распространили здѣсь магометанство; съ другой стороны, принимая во вниманіе преданія самихъ горцевъ о своихъ предкахъ, мы должны заключить, что еще до распространенія ислама по Дегестану, особенно южному, уже были разбросаны селенія горскихъ евреевъ; и въ настоящее время аулы горскихъ евреевъ расположены или рядомъ съ аулами туземцевъ, или въ сторонѣ отъ нихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они живутъ даже вмѣстѣ. Кромѣ того, по за-

кону горцамъ не воспрещается бракъ съ еврейками, и это обстоятельство еще болѣе помогаетъ смѣшенію. Во всякомъ случаѣ, если уже говорить о какой-нибудь метисаціи кюринцевъ, то можно остановиться скорѣе всего на примѣси семитической крови и, главнымъ образомъ, евреевъ. Какъ извѣстно, одна часть евреевъ, т. наз. «ашкеназимъ», къ которой принадлежатъ и горскіе евреи Кавказа, отличается характерными физическими чертами: они—низкаго роста (не болѣе 1630 mm.), со слабо развитымъ объемомъ груди, имѣютъ круглую и короткую голову, узкое лицо съ широкимъ и прямымъ лбомъ; въ большинствѣ случаевъ брюнеты. Носъ у нихъ, большей частью, прямой, толстый, особенно книзу, и имѣетъ характерное строеніе носовыхъ крыльевъ, которое Jacobs удачно сравниваетъ съ курсивной цифрой 6. Конечности ихъ длинны, туловище коротко. Растительность на лицѣ и тѣлѣ обильная. Вспомнивъ теперь физическую характеристику кюринцевъ, данную выше, мы видимъ, что она въ своихъ главныхъ, существенныхъ признакахъ очень близка къ физическому типу евреевъ. Замѣчается разница только въ ростѣ: еврей—низкорослый, тогда какъ кюринцы—высокорослы. Но, во-первыхъ, еврей собственно Дагестана не такъ низокъ по росту, какъ остальные ашкеназимъ: наблюденія г. Эркерта показали, что въ среднемъ ростъ евреевъ Дагестана равенъ 1644 mm., а, во-вторыхъ, сравнительно низкій ростъ евреевъ отразился, по нашему мнѣнію, и на кюринцахъ, понизивъ ихъ средній ростъ и давъ извѣстный процентъ низкорослыхъ. Что же касается слабого развитія грудной клѣтки у евреевъ, то это обстоятельство объясняется различнаго рода неблагоприятными социальными и экономическими условіями ихъ жизни въ Европѣ. Но въ Дагестанѣ, какъ и вообще на Кавказѣ, они живутъ ужъ не такъ-то бѣдно, а потому вся ихъ физическая организація болѣе сильна: они выше ростомъ и съ болѣшимъ объемомъ груди,—словомъ, болѣе дородны, чѣмъ ихъ собратья въ Европѣ. Нельзя также пройти молчаніемъ извѣстнаго близкаго соотношенія, существующаго между нѣкоторыми измѣреніями у кюринцевъ и у персовъ (азербейджанцевъ), какъ-то: туловища, горизонтальной окружности головы и длины верхней конечности. Слѣдовательно, принимая во вниманіе наши личныя изслѣдованія и вышеприведенныя сопоставленія, можно сказать, что кюринцы, представляя, вѣроятно, осколокъ когда-то прежде широко распространенной расы, сохранили отчасти неприкосновенными физическія черты своихъ предковъ, а отчасти, уже въ послѣдствіи, въ историческое время, подверглись метисаціи со стороны представителей семитическаго семейства, главнымъ образомъ, горскихъ евреевъ. Выяснить подробно степень и предѣлы самой метисаціи пока невозможно въ виду отсутствія антропологическихъ изслѣдованій среди горскихъ евреевъ.

К. Курдовъ.

Темиръ-Ханъ-Шура.

Сомалійцы.

(Антропологическія и этнографическія наблюденія при путешествіи въ Абиссинію.)

Въ 1896 г. въ числѣ прочихъ участниковъ русскаго Краснаго Креста мнѣ пришлось пройти путь отъ Джибутти, лежащаго въ Таджурскомъ заливѣ, до Адиссъ-Абеба, нынѣшней резиденціи Менелика. Тамъ мы пробыли нѣсколько мѣсяцевъ и вернулись опять въ Джибутти, чтобы сѣсть на французскій пароходъ. За это время (около 9-ти мѣсяцевъ) мнѣ удалось познакомиться съ сомалійцами,—последніе во все время нашего пребыванія въ Абиссиніи состояли при насъ въ качествѣ слугъ, и вотъ на нихъ-то, главнымъ образомъ, я произвелъ свои весьма немногочисленные кефалометрическія измѣренія, руководствуясь инструкціей Антропологическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія. Сомалійцы же вели и нашъ довольно большой караванъ (болѣе 300 верблюдовъ) отъ Джибутти до Гильдессы, гдѣ, по установившемуся обычаю, ихъ смѣнили уже галласы. Караванное движеніе, въ сущности, представляетъ временное переселеніе сомалійцевъ съ женами, дѣтьми и всякимъ (правда, очень скромнымъ) домашнимъ скотомъ. Благодаря этому обстоятельству, мнѣ удалось сдѣлать также кое-какія этнографическія наблюденія. Я никогда ранѣе не занимался антропологіей; мысль заняться кефалометріей далъ мнѣ Н. В. Гильченко; онъ же снабдилъ меня инструкціей и необходимыми инструментами.

Обитаютъ сомалійцы къ В. отъ Абиссиніи, занимая часть побережья Вост. Африки между 5—11° с. ш. По энциклопедическому словарю Эфрона и Брокгауза, ихъ насчитывается 1,790,000 душъ. По тому же словарю различаются три крупныя отрасли этого племени: рахатуйны, хавія и хавія-хомита. Мнѣ не пришлось слышать этихъ названій; я узналъ лишь, что они различаютъ: сомали-исса, гайдебурси и габерауль. Первые два названія можно видѣть и на картѣ Флейминга «Die Niel-Länder» (а

также и у Реклю). По мнѣнію Пауличке, сомалійцы представляютъ помѣсь племени галласовъ съ арабами, переселившимися сюда въ VI—XIII вв.

Сомалійцы—средняго роста или даже выше средняго, хорошо сложены. Жирныхъ субъектовъ не пришлось видѣть. За-то въ Харрарѣ на рынкѣ пришлось видѣть двухъ по-истинѣ великановъ—сомалійцевъ: они почти на цѣлую голову были выше всей толпы. Цвѣтъ кожи—кофейный; татуировки я не видалъ, но за-то оспа, появляющаяся среди нихъ эпидемически, оставила на многихъ изъ нихъ слѣды въ видѣ вдавленныхъ рубцовъ, по преимуществу на лицѣ; рубцы на роговицѣхъ отъ той же причины также не рѣдкость. Волосы на головѣ—черные, средне-курчавые, жесткіе; у мужчинъ они представляютъ, такъ сказать, цѣлую копну, у женщинъ—недлинные и завиваются во множество косичекъ. Сомалійцы любятъ смазывать волосы бараньимъ жиромъ, а то и просто грязью. Усы и бороды встрѣчаются въ видѣ намековъ. Въ подмышечныхъ впадинахъ волосы обыкновенно вырываются. Радужная оболочка глаза преимущественно каряго цвѣта. Носъ—прямой, нѣсколько сплюснутый; скулы выражены не рѣзко. Руки—небольшія и, можно сказать, изящныя.

Въ полости рта почти всегда отсутствуетъ язычекъ; по объясненію сомалійцевъ, послѣдній удаляется обыкновенно въ дѣтствѣ, въ качествѣ предохранительной мѣры противъ горловыхъ заболѣваній. Вѣроятно, вслѣдствіе этого произношеніе словъ имѣетъ носовой характеръ.

На основаніи кефалометрическихъ измѣреній, произведенныхъ надъ 26 сомалійцами, въ возрастѣ 20 — 25 лѣтъ, вышеприведенную характеристику можно дополнить слѣдующими данными: черепъ сомалійцевъ въ общемъ представляется среднихъ размѣровъ, причемъ наиболѣе развита вертикальная окружность, равная въ среднемъ 352 mm., и менѣе сравнительно горизонтальная и поперечная (первая — 561 mm. и вторая — 344 mm.). Отъ наименьшаго лобнаго діаметра (97) черепъ довольно значительно расширяется по направленію къ широтному (141 mm.). Суженіе черепа отъ наибольшаго широтнаго къ ушному діаметру не велико и выражается въ абсолютныхъ цифрахъ разницей всего въ 16 mm. По головному указателю замѣтно превалируютъ долихоцефалы, а именно: настоящихъ долихоцефаловъ — 12 (у одного указатель—64,83), субдолихоцефаловъ—8, мезатицефаловъ—нѣтъ ни одного, а брахицефаловъ—всего 5; изъ нихъ 3 относятся къ категоріи настоящей брахицефалии. Быть можетъ, на послѣднихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на представителей помѣси съ другими брахицефалами. Что касается лица, то общая величина его, какъ и черепа, среднихъ размѣровъ. Лицо—очень узкое; полная длина его — 170 mm.; наибольшая ширина его достигаетъ только 108 mm., причемъ верхній поперечный діаметръ лица менѣе нижняго на 5 mm. Носъ — небольшой; длина его равна только 37 mm. при ширинѣ 21 mm. Межглазничное пространство тоже не широко и совершенно равно ширинѣ носа.

По образу жизни сомалийцы—номады; они со своими стадами перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по корму для скота. Деревень у нихъ нѣтъ, за исключеніемъ Джибутти, гдѣ имѣется цѣлый сомалийскій кварталъ съ тростниковыми первобытными хижинами, базаромъ, кофейнями и нѣкоторыми другими учрежденіями, занесенными сюда европейской культурой. Въ другихъ же мѣстахъ можно встрѣтить стоянки кочевниковъ, состоящія изъ шалашей, устраиваемыхъ изъ верблюжьихъ сѣделъ. Здѣсь спасаются сомалийцы и отъ дневного зноя, и отъ непогоды. Остальное время проводятъ подъ открытымъ небомъ. Развитие европейскихъ колоній на восточномъ побережьи Африки побудило сомалийцевъ водить караваны отъ портовъ (Зейла, Джибутти) въ Харраръ. По религіи они считаютъ себя магометанами; нѣкоторые побывали въ Меккѣ, въ знакъ чего украсили себя особыми повязками на головѣ. Другіе носятъ на лбу, шеѣ и правомъ плечѣ зашитыя въ кожу изреченія изъ корана; такіе амулеты во множествѣ и по дешевымъ цѣнамъ продаются на рынкѣ въ Харрарѣ. Вообще же сомалийцы—плохіе поклонники Ислама; намаза не совершаютъ, многіе не прочь отвѣдать ветчины или жаренаго кабанчика, правда, секретно отъ другихъ. Ненависть къ абиссинцамъ вызвана всего менѣе религіозной нетерпимостью. Сомалийцы еще болѣе ненавидятъ данакилей, и въ этомъ случаѣ указаніе Реклю на «согласіе между двумя большими воинственными націями» теперь является анахронизмомъ. Нерѣдко сомалийцы и между собою ведутъ кровавыя распри. Такъ исса ненавидитъ габерауль и обратно. Я никогда не видалъ, чтобы сомалийцы молились Богу, и на вопросы мои относительно вѣры только и могъ узнать, что они вѣрятъ въ Бога и Магомета, его пророка, а молиться приходится только въ Джибутти, гдѣ много народу. Управляются сомалийцы шейхами, у которыхъ находятся въ большомъ подчиненіи.

Какъ выше я сказалъ, сомалийцы—номады, но очень немногіе изъ нихъ имѣютъ большія стада верблюдовъ и рогатаго скота, главнымъ же образомъ барановъ съ большими курдюками и короткой шерстью. Встрѣчаются и зебу, но молока даютъ мало, и мясо ихъ жилисто и невкусно. Дичи, несмотря на ея обиліе, сомалийцы совсѣмъ не употребляютъ въ пищу. Обыкновенная ихъ пища—рисъ, который привозится сюда черезъ порты (Зейла), и дурра, воздѣлываемая въ Абиссиніи. И рисъ и дурра употребляются или въ сухомъ видѣ, прямо зернами и запиваются водой, или же варятъ изъ зеренъ нѣчто въ родѣ похлебки, посудой для изготавленія которой служатъ обыкновенно жестянки изъ-подъ керосина. Лакомымъ блюдомъ считается баранъ, котораго сомалийцы, въ противоположность абиссинцамъ, не ѣдятъ въ сыромъ видѣ, а предварительно поджариваютъ на угляхъ. Употребляется въ пищу и молоко рогатаго скота. Иногда можно встрѣтить у сомалийца сушеные листья кустарника, называемаго по-сомалийски «дчадъ»; по мнѣнію ихъ, листья эти излѣчиваютъ отъ всякихъ бо-

лѣзней и придаютъ силы во время большихъ переходовъ; словомъ, «дчадъ» у сомалійцевъ играетъ ту же роль, какъ кока у южно-американцевъ. Въ Харрарѣ я видѣлъ цѣлыя плантаціи дчада; это — низкоросый кустарникъ, не достигающій высоты и полуметра, съ овальными, заостренными на концѣ, темно-зелеными, зубчатыми по краямъ и съ массой жилокъ, листьями. Цѣнность этихъ листьевъ довольно значительная. Изъ другихъ продуктовъ растительнаго царства съѣдобны плоды дерева, называемаго «гарасъ». Они по вѣншнему виду напоминаютъ нашу черешню и состоятъ изъ мясистой, пріятно-кисловатаго вкуса, оболочки, прикрывающей собою плодъ въ видѣ орѣшка; самый орѣшекъ, противнаго, горькаго вкуса, имѣетъ тонкую скорлупу, и надобно научиться съѣдать мякоть плода, не раздавливая тонкой скорлупки.

По характеру своему сомали — народъ живой, веселый и весьма выносливый, хотя въ этомъ отношеніи далеко уступаютъ абиссинцамъ. Пройдя по солнцепеку, доходящему до 80° и болѣе по Цельсію, нѣсколько часовъ и справивши для насъ всѣ необходимыя услуги, сомалійцы, бывало, сварятъ себѣ свою кашу, закусятъ ею и пустятся въ плясъ и пѣніе. Красивую картину представляютъ они въ тихую, лунную африканскую ночь, когда съ копьями въ правой и щитами на лѣвой рукѣ, собравшись въ кругъ, запоевъ свою воинственную пѣсню:

„Бұра-мъ бұ-рұ-рұ-си
Уи на годъ тольнъ гу-ю“.

Въ это время въ тактъ они подскакиваютъ сразу обѣими выпрямленными ногами и топаютъ о землю всей подошвой. Въ кругъ входятъ два сомалійца, изображающіе двухъ противниковъ; происходитъ мимическая сцена, оканчивающаяся обыкновенно тѣмъ, что одинъ побѣждаетъ другого, и послѣдній проситъ пощады.

Другая излюбленная пѣсня:

„У-у-ей ho-вэй,
hà-a!
Нэй таланы у-а навады
hà-à!“

поется торжественно, причемъ сомалійцы медленно шеренгой выступаютъ впередъ.

Сомаліецъ — лживъ, коваренъ, вспыльчивъ, ссоры нерѣдко кончаются ножомъ. Положиться на сомалійца нельзя, но въ то же время они — сравнительно прекрасные слуги. За какіе-нибудь 7 талеровъ (талеръ Маріи-Терезіи) да рисовую похлебку они служатъ усердно, быстро постигая привычки и требованія европейца.

Одежда сомалійцевъ несложна: низъ и верхняя часть бедеръ закрываются повязкой — «магуста»; затѣмъ — длинный плащъ, накидываемый на

оба плеча, не безъ претензіи на кокетство,—«марада»; пояс кожаный—«суленна», съ кривымъ, большимъ ножомъ, висящимъ на немъ, и не у всѣхъ кожаныя сандалии—«кабача». Материаломъ для мужской одежды служить обыкновенно бѣлая бумажная ткань, привозимая изъ Англіи. Женскій костюмъ состоитъ изъ покрывала на головѣ, у замужнихъ сѣраго цвѣта, —«малькомата»; затѣмъ чепецъ—«кабада» и покрывало въ родѣ юбки—«гагоріада»; у болѣе состоятельныхъ можно встрѣтить и рубахи. Голову себѣ мужчины украшаютъ трехзубчатыми деревянными булавами, которыми и пользуются, какъ средствомъ чесать себѣ голову, въ волосахъ которой обильно водятся паразиты. Оружіемъ у нихъ служатъ щитъ, выдѣлываемый изъ кожи сернобыка—«гашанка», копьё—«уоранка»; послѣднее имѣть дровки и наконечники разной величины, смотря по тому, пѣший сомалиецъ или конный; затѣмъ, вышеупомянутый ножъ — «бэллауа». Правомъ носить оружіе пользуется всякій мужчина съ 15 лѣтъ. Когда оружіе приобретено, владѣлецъ его созываетъ всѣхъ своихъ сверстниковъ; каждый изъ нихъ приносить съ собой рису, бараньяго жиру, устраивается общій пиръ, во время котораго они пляшутъ воинственный танецъ. Раньше я упоминалъ, что нерѣдко ссоры между сомалийцами оканчиваются ножомъ, но до убійства дѣло обыкновенно не доходитъ. Если-бы таковое произошло, то убійца долженъ уплатить семьѣ убитаго 100 верблюдовъ, а за женщину 15, при этомъ отвѣчаетъ весь родъ убійцы. Въ случаѣ же отказа—война.

Изъ другихъ украшеній мужчины носятъ кольца («катунка») на мизинцахъ кистей и на вторыхъ пальцахъ стопъ; женщины носятъ кольца только на пальцахъ кистей. Браслеты—слоновой кости, желѣзные, латунные—имѣть право носить на запястьяхъ только тотъ, кто убилъ врага. Если онъ осилилъ нѣсколькихъ, то имѣть право носить широкій браслетъ на плечѣ, выше локтя. Мочки ушей какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ прокалываются обыкновенно въ дѣтствѣ, причемъ сначала въ дыры вѣдываются деревянные палочки. Впослѣдствіи замужнія женщины замѣняютъ ихъ серьгами, большею частью серебряными. Относительно ушей сомалийцевъ нелишне упомянуть, что у весьма многихъ изъ нихъ сильно развитъ *m-lus attractor auriculae*: нерѣдко можно видѣть, какъ сомалиецъ прячетъ за ухо разные предметы: окурокъ папиросы, кусокъ сахару, и вообще пользуется своимъ ухомъ, какъ въ нѣкоторомъ родѣ карманомъ. Какъ дѣвушки, такъ и женщины носятъ еще браслеты на плечахъ и на запястьяхъ; браслеты на голеняхъ выше голеностопнаго сустава носятъ лишь замужнія. На шею надѣваютъ ожерелья—у богатыхъ серебряныя, тонкой филигранной работы, обыкновенно же простыя стекляныя бусы, привозимыя изъ Европы.

Мужчины вступаютъ въ бракъ не ранѣе 25 лѣтъ, а дѣвушки—какъ только созрѣютъ, лѣтъ съ 12—13. Когда у супруговъ родится ребенокъ,

обыкновенно устраивается пиръ; закалывается барашекъ, котораго съѣдаютъ мужчины, если новорожденный мальчикъ, и женщины, если — дѣвочка. Какъ только обмочутъ новорожденного, повитуха беретъ нѣсколько горячихъ угольковъ, сыплеть на нихъ разнаго рода благовонія и надъ дымомъ держитъ ребенка, чтобы избавить его отъ разныхъ болѣзней и напастей; затѣмъ завертываютъ ребенка въ платокъ и даютъ выпить немного молока съ бараньимъ жиромъ. На 25-ый день дается имя. На 4-мъ году совершается обрѣзаніе, какъ у мальчиковъ, такъ и у дѣвочекъ, особымъ специалистомъ. У мальчиковъ предварительно перетягивается у основанія половой членъ, и крайняя плоть отрѣзается ножомъ. У дѣвочекъ обрѣзываются (освѣжаются) обѣ малыя губы, соединяются между собою швами, причеиъ оставляется небольшое отверстіе для выхожденія въ будущемъ менструальныхъ выдѣленій; дѣлаются также наѣчки на клиторъ (у данакилей существуетъ та же операція, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что освѣженные края не сшиваются, а связываются бедра, вслѣдствіе чего освѣженные поверхности сближаются между собой и срастаются). День обрѣзанія—большой семейный праздникъ. Какъ я уже раньше сказалъ, сомалійцы вступаютъ въ бракъ довольно поздно. Въ день свадьбы невеста приглашаетъ къ себѣ подругъ, и устраивается нѣчто въ родѣ дѣвичника; затѣмъ къ нимъ приходитъ женихъ съ друзьями; подруги всѣ разбѣгаются, и женихъ остается съ глазу на глазъ съ невестою въ нарочно для этого устроенной хижинѣ. Друзья жениха пляшутъ и поютъ вокругъ этой хижины; новобрачный трижды ударяетъ плеткой жену, чтобы она впослѣдствіи его почитала. Въ теченіе первыхъ трехъ дней мужъ не трогаетъ жены, хотя и спитъ съ ней вмѣстѣ. На четвертый день приходитъ старуха и разрѣзываетъ ножомъ шитыя послѣ обрѣзанія малыя губы. Религіозная сторона въ этомъ обрядѣ, какъ мнѣ пришлось слышать, не имѣетъ никакого значенія.

Обыкновенно у сомалійцевъ одноженство, но это больше объясняется ихъ бѣдностью. У богатыхъ встрѣчается и по нѣскольку женъ. Желая вступить въ бракъ и избравъ себѣ будущую жену, юноша ведетъ переговоры съ ея отцомъ (отецъ имѣетъ право выдавать дочь насильно, помимо ея желанія); совершается торгъ на калымъ. Если мужу жена не понравится или умретъ, то онъ можетъ взять слѣдующую сестру ея, но уже безъ выкупа. Выкупъ назадъ никогда не возвращается. Если мужъ застанетъ жену съ другимъ мужчиной, то онъ можетъ убить его или же взыскать съ него пеню (до 100 верблюдовъ); измѣнившую жену мужъ также имѣетъ право убить, но чаще наказаніе ограничивается палочными ударами. Если же мужъ убилъ жену не за измѣну, то онъ уплачиваетъ отцу ея 50 верблюдовъ.

Похороны совершаются такъ: умершаго обмываютъ и завертываютъ въ бѣлый плащъ. Четверо выносятъ его изъ дому, женщины громко пла-

чуть, а мужчины воспѣваютъ доблести покойнаго. Невдалекѣ выкапывается глубокая яма, отъ дна которой въ сторону дѣлается ниша, куда и кладутъ покойника; нишу закрываютъ доской или прутьями, а могилу засыпаютъ землей. Насыпавши земли до уровня почвы, кладутъ небольшую кучу изъ камней; затѣмъ кругомъ могилы укладываютъ камни въ видѣ четырехугольника. Если покойникъ на своемъ вѣку убивалъ враговъ, то виѣ упомянутой ограды стоймя кладутся камни по числу убитыхъ; маленькіе камни знаменуютъ простыхъ смертныхъ; если же возвышается большой камень, то, значить, убитъ былъ шейхъ. Похороны обыкновенно совершаются въ день смерти. Оружіе покойнаго переходитъ къ отцу или брату; если же родственниковъ не было, то оно дѣлается собственностью рода.

Вотъ тѣ немногія данныя, которыя я извлекъ изъ записной книжки. При составленіи статьи и въ особенности при обработкѣ сырого цифрового матеріала я пользовался совѣтами и указаніями глубокоуважаемаго А. А. Ивановскаго, которому приношу свою искреннюю благодарность.

Л. Перфильевъ.

Изъ иностранной литературы.

Объ анатомическихъ особенностяхъ первобытнаго человѣка.

(По поводу новѣйшихъ гипотезъ проф. G. Schwalbe и проф.
H. Klaatsch'a).

Прошло почти цѣлыхъ три четверти вѣка съ того знаменательнаго дня, когда въ пещерѣ Энгистъ, близъ рѣки Маасъ, въ провинціи Лютихъ (Льежъ), были открыты остатки человѣческаго скелета между костями мамонта, носорога и пещернаго медвѣдя. Этому открытію суждено было создать новую эру въ естественно-историческомъ изслѣдованіи человѣчества, потому что оно дало первый толчокъ къ строго научному выясненію физическихъ особенностей доисторическаго или дилювіальнаго человѣка, о которомъ до тѣхъ поръ господствовали самыя неопредѣленныя и фантастическія представленія.

Дальнѣйшее развитіе возникшей такимъ образомъ новой отрасли науки—палеонтологіи человѣка—подвигалось затѣмъ довольно медленно, и лишь спустя 20 лѣтъ послѣ нахожденія первыхъ слѣдовъ ископаемаго или „допотопнаго“ человѣка случайно были обнаружены въ Неандерской долинѣ, близъ г. Дюссельдорфа, въ Рейнской провинціи, остатки древняго скелета и между ними часть черепа, по всѣмъ существеннымъ признакамъ принадлежащаго человѣку, но представляющаго въ то же время рядъ рѣзкихъ отклоненій отъ типичной или нормальной формы человѣческаго черепа. Въ развитіи ученія объ ископаемомъ человѣкѣ этотъ т. наз. неандертальскій черепъ, найденный въ наносныхъ слояхъ дилювіальнаго (а по мнѣнію одного изъ новѣйшихъ геологовъ, даже третичнаго) происхожденія, играетъ особо выдающуюся роль. Высокая древность неандертальскаго черепа въ связи съ рѣзко выступающими особенностями его формы, допускающими, на первый взглядъ, мысль о низкомъ, животноподобномъ типѣ его устройства,—все это вполнѣ соответствовало тѣмъ признакамъ, которыми, по мнѣнію многихъ мыслителей, долженъ былъ обладать допотопный человѣкъ того времени, къ которому относится неандертальская

находка. Естественно, что съ тѣхъ поръ стали съ удвоенною энергіею разыскивать слѣды дилювіальнаго человѣка. Въ скоромъ времени въ различныхъ странахъ, особенно въ пещерахъ Южной Франціи, въ Бельгіи, Австріи, Италіи, въ Польшѣ и пр., удалось обнаружить подобные остатки въ видѣ череповъ и другихъ частей скелета несомнѣнно высокой древности, при условіяхъ, характерныхъ для дилювіальнаго или четвертичнаго періода. Мѣсто не позволяетъ намъ перечислить всѣ археологическія находки, на которыхъ основывается современное ученіе о четвертичномъ человѣкѣ. Упомянемъ лишь, что нѣкоторыя изъ нихъ дали поводъ къ установленію ряда до-историческихъ или т. наз. дилювіальныхъ расъ, изъ которыхъ особой знаменитостью пользуются длинноголовая раса *Sto-Magnon*, короткоголовая раса *Furfooz* или *Grenelle* и, наконецъ, длинноголовая, съ сильно развитыми надбровными дугами, канштатская или неандертальская раса. Важнѣе самихъ этихъ расъ намъ кажется фактъ, что среди всего открытаго въ сравнительно короткій періодъ времени обширнаго матеріала дилювіальныхъ (доисторическихъ) череповъ не является господствующимъ одинъ какой-либо особый типъ, а, напротивъ, оказались на-лицо представители всѣхъ вариантовъ формы черепа: брахицефалы на-ряду съ долихоцефалами, лептопрозопы вмѣстѣ съ хамепрозопами, низкіе съ высокими черепами и т. д.

При изслѣдованіи всѣхъ этихъ дилювіальныхъ череповъ сначала выдвигались на первый планъ наиболѣе рѣзкія ихъ особенности и прежде всего тѣ, которыя лучше всего согласуются съ извѣстными апріорными представленіями о физическомъ типѣ дилювіальнаго человѣка. Болѣе объективная обработка всего матеріала выпала на долю новѣйшаго времени послѣ того, какъ близъ *Spy sur l'Orneau*, въ бельгійской провинціи *Namur*, въ гротѣ *Bec-aux-Roches*, было найдено два человѣческихъ скелета вмѣстѣ съ остатками многихъ млекопитающихъ животныхъ несомнѣнно дилювіальнаго происхожденія (*Rhinoceros tichorhinus*, *Elephas primigenius*, *Bos primigenius*, *Hyaena spelaea*, *Ursus spelaeus*, *Cervus elaphus*, *Cervus tarandus*, *Equus caballus*). Одновременно съ животными четвертичной эпохи гротъ *Bec-aux-Roches* заключалъ въ себѣ и особаго типа каменные ножи съ углубленіемъ для большого пальца на одной изъ поверхностей, наличие которыхъ позволяетъ отнести находку въ гротѣ *Spy* къ одной изъ наиболѣе древнихъ эпохъ ледниковаго періода (или ко второй палеолитической эпохѣ по классификаціи Мортиллье).

Открытіе остатковъ человѣка въ *Spy* пролило новый свѣтъ и на природу и морфологическое значеніе прежде открытаго скелета неандертальскаго человѣка. Понятіе «неандертальской» или канштатской расы до тѣхъ поръ должно было обнимать собою всѣ или почти всѣ черепа и скелеты четвертичнаго или дилювіальнаго періода. Такъ, напр., къ неандертальской расѣ привыкли относить дилювіальные скелеты и части, раскопанные въ *Egisheim*, *Tilbury*, *Denise*, *Bruh* и многихъ другихъ мѣстностяхъ. Съ легкой руки *de Mortillet*'а стали говорить даже о неандерталондныхъ

черепныхъ типахъ, желая этимъ выразить близость того или другого черепа къ черепному типу собственно неандертальскаго человѣка. Однако, ближайшее морфологическое изученіе всего имѣющагося матеріала дилювіальныхъ череповъ показываетъ съ несомнѣнностью, что о сходствѣ т. наз. неандерталовидныхъ череповъ съ типомъ неандертальца въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть и рѣчи; мы уже упомянули о томъ громадномъ разнообразіи типовъ, которое характеризуетъ находки дилювіальной эпохи; новѣйшія наблюденія и изслѣдованія показываютъ, на основаніи точныхъ методовъ, что сходство между тѣми и другими лишь кажущееся и фактически не существующее. Ближайшее взаимное отношеніе существуетъ лишь между собственно неандертальскимъ черепомъ и тѣми двумя черепами, которые были открыты въ бельгійской пещерѣ близъ Spy sur l'Orneau и которые въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ называть просто черепами Спн (Spy). Благодаря своимъ общимъ морфологическимъ особенностямъ, они составляютъ какъ бы одну замкнутую группу, или, какъ выражаются французскіе ученые, особую расу, называемую ими неандертальскою. Мы впоследствии будемъ имѣть случай говорить о томъ, насколько вообще основательно подобное выдѣленіе особыхъ доисторическихъ расъ въ смыслѣ морфологическихъ типовъ, обладавшихъ всеобщимъ распространеніемъ въ соотвѣтствующую эпоху развитія земной коры. Здѣсь мы прежде всего должны попытаться дать краткую характеристику фактически существующихъ особенностей формы ископаемыхъ костяковъ, чтобы читатель, на основаніи такой характеристики, имѣлъ возможность составить себѣ самостоятельное мнѣніе относительно нашего естественно-историческаго прошлаго.

Начинаемъ съ черепа. Недавно извѣстный профессоръ анатоміи Страсбургскаго университета G. Schwalbe посвятилъ обширное изслѣдованіе вопросу объ особенностяхъ формы неандертальскаго черепа и сравненію его съ другими черепами дилювіальнаго періода ¹⁾, а на послѣднемъ сѣздѣ Нѣмецкаго Анатомическаго Общества ²⁾ въ Боннѣ (гдѣ хранятся столь цѣнные для доисторической антропологіи остатки неандертальскаго скелета) тотъ же авторъ познакомилъ слушателей съ главнѣйшими результатами своихъ изслѣдованій и съ отличительными („специфическими“) особенностями т. наз. имъ Homo neanderthalensis.

На почвѣ своихъ обстоятельныхъ, отчасти даже не лишенныхъ оригинальности, изслѣдованій G. Schwalbe подтверждаетъ въ существенномъ тѣ предположенія, которые первоначально были высказаны уже Schaaffhausen'омъ по поводу значенія неандертальской находки. Въ то же время Schwalbe откры-

¹⁾ Der Neanderthalschädel, Bonner Jahrbücher. Bd. 139. 106. Съ 1 таблицей и 10 рисунками въ текстѣ. Bonn, 1901.

²⁾ Ueber die specifischen Merkmale des Neanderthalschädels. Anatomischer Anzeiger. Ergänzungsheft zu Bd. XIX, стр. 44. Jena, 1901.

васть рядъ „специфическихъ“ особенностей формы неандертальскаго черепа, въ отношеніи которыхъ послѣдній, съ одной стороны, рѣзко отличается отъ формы черепа современнаго человѣка, съ другой—болѣе или менѣе ясно приближается къ черепному типу антропоморфныхъ обезьянъ. Чтобы по возможности точно передать смыслъ положеній, высказанныхъ проф. Schwalbe, мы вкратцѣ перечислимъ отмѣченные имъ «специфическія» особенности неандертальскаго черепа и постараемся при этомъ по возможности дословно привести наиболѣе важныя части самихъ выводовъ автора.

1) Черепа изъ Неандертала и Spy, составляющіе во всѣхъ отношеніяхъ одну общую группу, значительно ниже по своему высотному показателю $\frac{ch \times 100}{gi} = 40,4$ (рис. 1) череповъ наиболѣе дикихъ человѣческихъ расъ, гдѣ этотъ

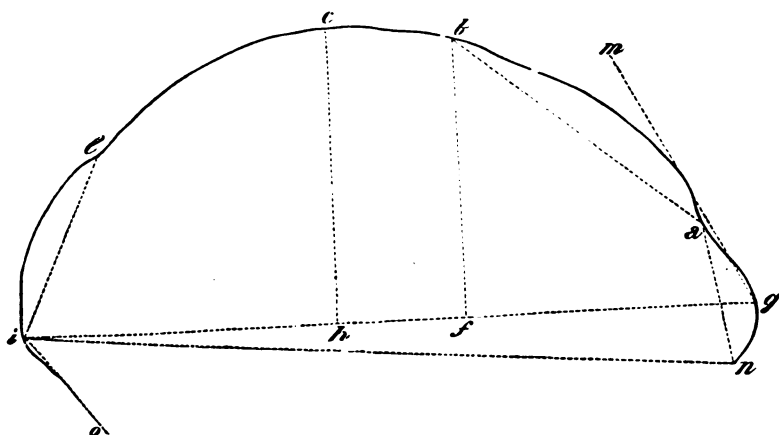

Рис. 1. Контуръ срединной кривой сохранившейся верхней части неандертальскаго черепа (o — Opisthion, g — Glabella, i — Inion, n — Nasion, l — Lambda, b — Bregma, a — Fossa supraglabellaris, c — высшая точка сагиттальной кривой, bf — брегматическая высота черепной крыши, mgi — лобный уголъ).

показатель равенъ minimum 52, и лишь немногимъ выше черепа человекоподобныхъ обезьянъ (maximum высотнаго показателя у шимпанзе—38).

2) Брегматическій уголъ (bgi, рис. 1), равный 44° , меньше, чѣмъ у человѣка (minimum — 53°) и нѣсколько больше, чѣмъ у шимпанзе ($39,5^\circ$).

3) Показатель положенія брегмы $\frac{fg \times 100}{ig}$ равенъ на неандертальскомъ черепѣ 38, у человѣка maximum—34, у оранга minimum—43,5.

4) Лобный уголъ (mgi, рис. 1) неандертальскаго черепа равенъ 62° ; величина того-же угла у человѣка minimum — 80° , у шимпанзе maximum— 56° .

Легко убѣдиться, что послѣдніе три признака вмѣстѣ служатъ выраженіемъ крайне характернаго типа развитія лба на черепахъ Неандертала и Спи.

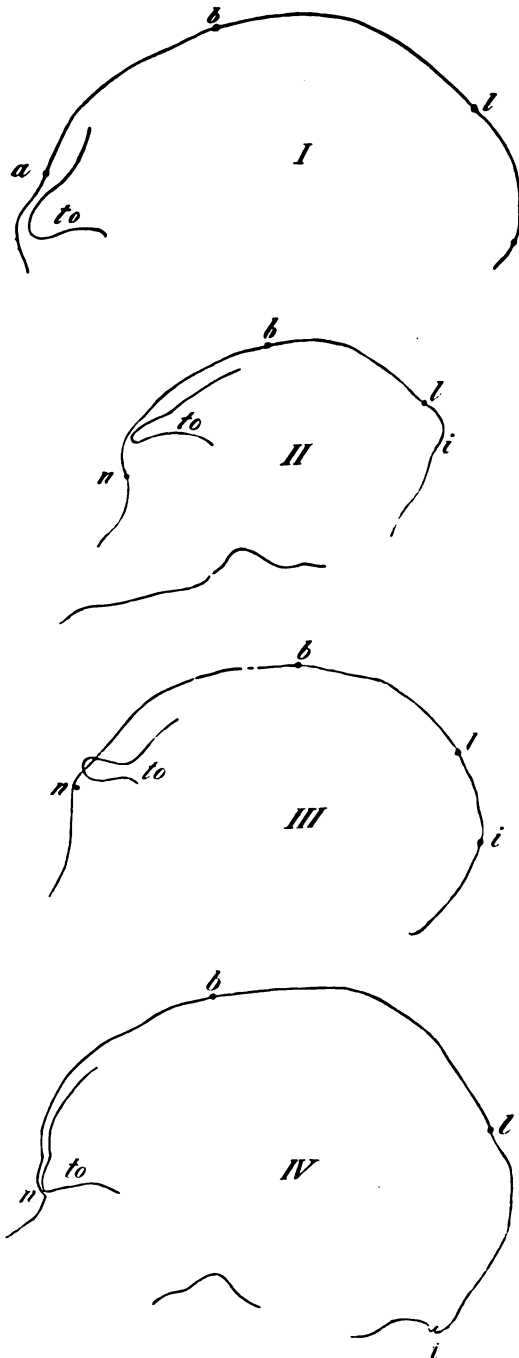

Рис. 2. Филогенетическое развитие лобной части черепной полости (I — *Homo neanderthalensis*, II — *Macacus*, III — *Simia troglodytes* (шимпанзе), IV — *Homo sapiens europaeus*; *to* — *tectum orbitale*).

Ясно, что чѣмъ ближе форма черепа къ человѣческой, тѣмъ больше долженъ быть брегматическій уголъ, тѣмъ меньше показатель положенія брегмы, тѣмъ значительнѣе величина лобнаго угла. Приведенныя цифры показываютъ, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ черепа Неандертала и *Spru* не только занимаютъ среднее положеніе между обезьянами и человекомъ, но стоятъ значительно ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ.

5) Развитие надглазничной чины и крыши служитъ особенно наглядною иллюстраціею своеобразнаго типа лба у неандертальскаго человека. Контуръ срединнаго разрыва этой области (*to*, рис. 2, I — IV) у неандертальскаго черепа весьма близко напоминаетъ собою устройство той же области у обезьянъ, обладающихъ настоящимъ т. наз. „надглазничнымъ клювомъ“ (рис. 2, II и III, *to*), въ то время какъ у человека, гдѣ чешуя лобной кости стоитъ почти перпендикулярно, о развитіи подобнаго клюва не можетъ быть и рѣчи (рис. 2, IV). Уголъ, образуемый лобною чешуею и надглазничною крышею, у современнаго человека почти всегда достигаетъ 90° , а на неандертальскомъ черепѣ онъ оказывается равнымъ всего

лишь 56°! Въ этомъ и въ прежде приведенныхъ цифрахъ называется та рѣзкая наклонность назадъ лба неандертальскаго черепа, на которую обратили вниманіе уже первые изслѣдователи. Извѣстно, что подобная же форма лба въ послѣдствіи констатировалась неоднократно и на другихъ черепахъ четвертичнаго періода, которые, благодаря этому, даже были соединены въ одну общую группу „неандерталовидныхъ“ череповъ. Руководясь, однако, тѣми условіями, которыя, по мнѣнію G. Schwalbe, лежатъ въ основѣ т. наз. летучаго лба, мы можемъ убѣдиться, что эти условія имѣются только на черепахъ *Spy* и Неандерталья и отсутствуютъ на всѣхъ другихъ т. наз. неандерталовидныхъ черепахъ, которые въ отношеніи контура лобной области совершенно устроены по типу человѣка. Для того, чтобы говорить о наличности „летучаго“ лба, необходимо изслѣдовать не степень изогнутости самого лба, а расположеніе чешуи лобной кости относительно линіи *gi* (рис. 1) и особенно относительно надглазничной крыши (рис. 2), расположеніе брегмы и проч. (см. выше). Если же разсматривать лобъ въ отдаленности и внѣ его отношеній къ другимъ частямъ черепа, то стоитъ лишь, какъ это дѣлается нѣкоторыми авторами, нѣсколько сильнѣе наклонить назадъ сагиттальную кривую черепной чаши, чтобы вызвать въ читателѣ впечатлѣніе «летучаго» лба.

6) Черепа Неандерталья и *Спи* отличаются какъ отъ другихъ диллювіальныхъ череповъ, такъ и отъ позднѣйшихъ человѣческихъ, особымъ развитіемъ надглазничной части лба въ видѣ *Torus supraorbitalis*. О величинѣ послѣдняго даетъ наглядное представленіе линія *an* (рис. 1), особенно же ея отношеніе къ линіи *ba*, въ которой она содержится у неандертальскаго человѣка 2 раза, а у человѣка—обычно 4—5 разъ.

7) Длина срединной дуги теменной кости у человѣка обыкновенно превышаетъ тотъ же размѣръ лобной кости; на неандертальскомъ черепѣ мы встрѣчаемъ противоположное отношеніе, которое въ то же время оказывается характернымъ для обезьянъ и *Pithecanthropus Dubois*, найденнаго на о-вѣ Явъ.

8) На черепахъ современнаго человѣка длина внутренняго края теменной кости превышаетъ длину наружнаго ея края; на черепахъ неандертальскаго типа мы видимъ обратное отношеніе, составляющее норму у обезьянъ.

9) Въ то время, какъ у современнаго человѣка линія наибольшей длины черепа располагается надъ линією *gi* (рис. 1), наибольшая длина черепа неандертальскаго человѣка совпадаетъ какъ разъ съ этою линією,—признакъ, который опять-таки является характернымъ для черепа взрослыхъ обезьянъ, а также для череповъ, найденныхъ въ гротѣ *Spy*.

10) По степени отлогости верхней части чешуи затылочной кости черепа Неандерталья и *Спи* стоятъ наравнѣ съ обезьянами; величина угла *lig* (рис. 1) у человѣка=78—85°, у обезьянъ=43—68°, а на неандертальскомъ черепѣ—66,5° и на черепахъ *Спи*—68°.

11) Уголъ *gio* (*Opisthionwinkel*) уменьшается по мѣрѣ увеличенія угла

lig (рис. 1). Въ отношеніи его величины черепа Неандерталя и Спи весьма замѣтно приближаются къ черепному типу обезьянъ (у человека $=31^{\circ}$ — 40° , на неандертальскомъ черепѣ $=52^{\circ}$, у Спи $=54^{\circ}$, у обезьянъ $=50$ — 69°) и въ значительной степени удаляется отъ формы черепа современного человѣка.

Всѣхъ перечисленныхъ признаковъ, по мнѣнію Schwalbe, достаточно, чтобы на ихъ основаніи выдѣлить типъ «неандертальскаго человѣка» не какъ особую расу современного человѣка, а какъ совершенно самостоятельный зоологическій видъ, который по многимъ признакамъ стоитъ ближе къ высшимъ обезьянамъ, чѣмъ къ роду *homo sapiens*.

Рѣшающее значеніе въ вопросѣ о классификаціи неандертальскаго человѣка, по нашему мнѣнію, имѣетъ величина его внутричерепной емкости. Такъ какъ отъ этого черепа сохранилась лишь одна верхняя его часть (черепная крыша), то опредѣленіе емкости всего черепа въ данномъ случаѣ сопряжено съ особыми препятствіями и, по нашему убѣжденію, можетъ быть производимо лишь съ приблизительною точностью. Этимъ объясняется разногласіе между различными авторами, занимавшимися измѣреніемъ вмѣстимости неандертальскаго черепа. Такъ, напр., Ранке и Вирховъ убѣдились въ весьма внушительной величинѣ емкости неандертальскаго черепа, и Ранке даже опредѣлилъ ее въ 1532 к. с.,—цифра, превышающая среднюю внутричерепную емкость современныхъ наиболѣе высоко-цивилизованныхъ расъ. Huxley и Schaaffhausen нашли значительно меньшія цифры: первый—около 1230, а второй—около 1100 к. с. Послѣднія цифры, вѣроятно, стоятъ ближе всего къ истинѣ. По крайней мѣрѣ, къ подобнымъ же результатамъ, какъ и Schaaffhausen, приходитъ и Schwalbe послѣ цѣлаго ряда повѣрочныхъ и сравнительныхъ измѣреній, въ итогѣ которыхъ емкость неандертальскаго черепа оказалась равною круглымъ числомъ около 1230 к. с. Черепная емкость современныхъ расъ, какъ извѣстно, за весьма рѣдкими исключеніями, болѣе или менѣе значительно превышаетъ 1250 к. с. Неандертальскій черепъ такимъ образомъ по своей емкости можетъ быть сравниваемъ съ черепами малолетнихъ, а равно и съ черепами, какъ выражается Schwalbe, дикихъ человѣческихъ расъ, стоящихъ на низкой ступени культурнаго развитія.

Фактъ малой величины мозга неандертальскаго человѣка еще усугубляется тѣмъ, что черепъ этотъ, по всей вѣроятности, принадлежалъ мужскому субъекту, какъ показываютъ, между прочимъ, особенности остальнаго скелета, а у мужчины, какъ мы знаемъ, подобныя низкія цифры внутричерепной емкости наблюдаются еще рѣже. При тѣхъ-же внѣшнихъ размѣрахъ, какими отличается черепъ Неандерталя ¹⁾, у человека всегда встрѣчаются гораздо болѣшія величины внутричерепной емкости, какъ показываетъ слѣдующее сопоставленіе данныхъ:

¹⁾ Вопросъ о внутричерепной емкости другихъ диллювіальныхъ череповъ Schwalbe почему-то обходитъ молчаніемъ.

	Длина	Ширина	Емкость.
Неандерталецъ	199 мм.	147 мм.	1230 к. см.
Шведъ	200 "	144 "	1625 "
Восточный фризъ	199 "	150 "	1625 "
Эльзасецъ	201 "	149 "	1775 "
Русскій	194 "	147 "	1690 "
Татаринъ	193 "	143 "	1565 "
Эстоонецъ	197 "	156 "	1575 "
Лионецъ	190 "	146 "	1625 "

При одинаковой ширинѣ и длинѣ черепа современныхъ расъ, такимъ образомъ, отличаются несравненно большею величиною емкости, чѣмъ черепъ неандертальца. Однако, при всемъ томъ, на нашъ взглядъ, остается несомнѣннымъ, что по величинѣ своей емкости неандертальскій черепъ не выходитъ изъ предѣловъ варіированія этой величины у современного человѣка. Подобныя же цифры емкости наблюдаются иногда сплошь да рядомъ и у высоко-цивилизованныхъ расъ. Съ другой стороны—объ этомъ обстоятельствѣ авторъ почему-то совершенно умалчиваетъ—черепная емкость неандертальца значительно превышаетъ даже крайнія степени той же величины у вышшихъ человѣкоподобныхъ обезьянъ. Если многіе признаки скелета неандертальца и слѣдуетъ признать за явныя тероморфизмы, за питекоидныя особенности, не свойственныя человѣку, то нельзя не придать значенія отсутствію въ ряду этихъ особенностей признака внутречерепной емкости, т.-е. того признака, въ отношеніи котораго человѣкъ въ столь рѣзкой степени отличается отъ организаціи животныхъ. Во всякомъ случаѣ насъ долженъ сильно озадачивать вопросъ, почему существо, которое во многихъ существенныхъ чертахъ своей физической организаціи (внѣшняя форма скелета и проч.) рѣзко приближается къ типу животныхъ, по развитію своего мозга еще въ гораздо большей степени рѣзко отделяется отъ послѣднихъ, становясь въ одинъ рядъ съ человѣкомъ.

Несоотвѣтствіе между филогенетическимъ развитіемъ мозга и остального скелета является, по нашему мнѣнію, однимъ изъ наиболѣе вѣскихъ возраженій противъ выводовъ, къ которымъ приходитъ G. Schwalbe по отношенію къ зоологической классификаціи остатковъ т. наз. неандертальскаго человѣка. Извѣстно, что со времени открытія неандертальца до нашихъ дней различными исследователями высказывались уже самыя разнорѣчивыя мнѣнія по поводу ближайшей природы существа, которому принадлежали остатки найденнаго костяка. Одни опредѣляли неандертальскій черепъ какъ выраженіе не особаго типа, а лишь какъ продуктъ индивидуальнаго развитія, отчасти видоизмѣннаго болѣзненными процессами до такой степени, что не представляется возможнымъ вообще судить объ его принадлежности къ той или другой расѣ. Другіе открыто утверждали, что неандерталецъ нисколько не отличается отъ типа современныхъ человѣческихъ расъ. Мауер, напр., приписываетъ неандертальскій черепъ казаку (!), занесенному и погребенному въ Неандерской долинѣ, Pruner-Weu—старому кельту или германцу, Р. Вирховъ—фризу, R. Wagner—древ-

нему голландцу (Batavus genuinus); C. Vogt, Huxley и Lyell нашли сходство съ австраійскимъ негромъ; Quatrefage и Hamy относятъ остатки неандертальца къ особой долихоцефалической расѣ высокой древности, называемой ими Canstatt'ской, Schaaffhausen, de Mortillet и Sergi—къ особой дикой расѣ, подъ названіемъ Homo neanderthalensis; третьи, наконецъ,—и между ними и G. Schwalbe—утверждаютъ, что неандертальскій черепъ по своей формѣ принадлежить къ другому виду, а можетъ быть, даже къ другому роду, чѣмъ современный человѣкъ.

Въ томъ, что черепъ неандертальца дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличается отъ обыкновенной формы человѣческаго черепа, никто не будетъ сомнѣваться. Воспроизведенные нами рисунки прекрасно и наглядно иллюстрируютъ всѣ обезьяноподобныя свойства неандертальца и всѣ остальные морфологическія особенности его формы. Мы согласны также съ проф. Schwalbe въ томъ отношеніи, что, если онъ, на основаніи названныхъ признаковъ, считаетъ себя въ правѣ говорить объ особомъ видѣ или родѣ, подъ названіемъ Homo neanderthalensis, это выдѣленіе новаго вида основывается на тѣхъ же строго научныхъ принципахъ, которые общеприняты и въ зоологической систематикѣ и благодаря которымъ зоологи, часто даже на основаніи гораздо менѣе рѣзкихъ отличій формы, считаютъ себя въ правѣ говорить о новыхъ видахъ, причемъ и не думаютъ о предѣлахъ варіированія, имѣющихъ мѣсто въ животномъ царствѣ такъ же, какъ у человѣка. «Мы поступаемъ, безъ сомнѣнія, строго научно, слѣдуя въ антропологіи тѣмъ же общимъ принципамъ, какіе приняты и въ зоологической классификаціи, и не смущаясь никакими предвзятыми идеями. Становясь на эту объективную точку зрѣнія, мы не можемъ, на основаніи указанныхъ нами данныхъ, не отличить неандертальца въ видовомъ и, можетъ-быть, даже въ родовомъ отношеніи отъ современнаго человѣка». И съ этимъ положеніемъ можно еще согласиться. Но въ то же время несомнѣнно, что всякій зоологъ, установивъ новый видъ на основаніи наблюденія никѣмъ и нигдѣ не виданныхъ признаковъ, обязанъ спросить себя: въ какой степени типичною является данная форма и не составляетъ ли она исключеніе изъ общаго правила? Schwalbe, на основаніи своихъ изслѣдованій, утверждаетъ, что неандерталецъ является выразителемъ особаго вида, который представляетъ собою переходную форму между обезьянами и человѣкомъ. Онъ прямо говоритъ о промежуточной формѣ между современнымъ человѣкомъ и обезьяной. Такая промежуточная или переходная форма („Intermediärform“) имѣла бы серьезный научный интересъ лишь въ томъ случаѣ, если бы она оказалась выразительницею опредѣленнаго морфологическаго типа. Допустимъ, что промежуточный типъ, о которомъ идетъ рѣчь въ изслѣдованіи Schwalbe, когда-то дѣйствительно обладалъ большимъ распространеніемъ. Въ такомъ случаѣ мы въ правѣ ожидать, что среди находокъ, относящихся къ соотвѣтствующей геологической эпохѣ, этотъ типъ долженъ повторяться, если не какъ правило, то, по крайней мѣрѣ, за-

мѣтно часто. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно иное. Изъ цѣлага ряда ископаемыхъ череповъ носомѣнно высокой древности, принадлежащихъ къ той же геологической эпохѣ, какъ и черепа, раскопанные въ Neanderthal'ѣ и въ гротѣ Spy, ни одинъ не обнаруживаетъ по своему типу какое-либо сходство съ формою черепа неандертальскаго человѣка. Если даже согласиться (что, впрочемъ, еще не совсѣмъ точно установлено), что черепа изъ Неандерталя и Spy выражаютъ собою однородный морфологическій типъ, или одну замкнутую группу, то и въ этомъ случаѣ въ итогѣ мы имѣли бы предъ собою всего лишь три черепа, входящіе въ составъ этой группы. Если же на другихъ черепахъ, относящихся къ той же дилювіальной эпохѣ, мы нигдѣ не въ состояніи открыть особенностей, которыя напоминали бы собою питекомидный типъ неандертальскаго человѣка, то въ правѣ ли мы эти три экземпляра, составляющіе меньшинство среди всего имѣющагося матеріала дилювіальныхъ череповъ, принимать за типичное явленіе? Вѣдь обыкновенно принято считать «типичнымъ» какъ разъ обратное, именно то, что повторяется наиболѣе часто! Schwalbe старается выйти изъ этого затруднительнаго положенія, оговариваясь, что описываемый имъ, какъ особый видъ или родъ, неандертальскій черепъ не типиченъ для формы череповъ четвертичной эпохи, что вполнѣ справедливо, такъ какъ среди послѣднихъ неанд. черепа являются не типомъ, а исключеніемъ. Но для какой эпохи въ такомъ случаѣ они типичны? Установить опредѣленный типъ, видъ или родъ возможно только въ отношеніи къ извѣстной средѣ, внутри которой «типомъ» мы называемъ то, что, повторяясь замѣтно часто, составляетъ какъ бы норму даннаго явленія. Но разъ свойства самой среды намъ неизвѣстны, мы лишены возможности сказать, насколько то или другое явленіе типично или насколько оно составляетъ исключеніе. Понятно, что при такихъ условіяхъ единственнымъ объектомъ для сравненія въ нашемъ конкретномъ случаѣ остается черепной типъ современнаго человѣка, и Schwalbe, опираясь на цѣлый рядъ цифровыхъ данныхъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно, прибѣгаетъ къ категорическому утвержденію, что неандертальскій типъ черепа во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ внѣ границъ варіированія формы черепа современнаго человѣка. Но надо имѣть въ виду, что и среди современныхъ человѣческихъ расъ сплошь да рядомъ встрѣчаются черепа, которые по своей формѣ совершенно тождественны съ типомъ неандертальскаго черепа. Къ факту существованія подобныхъ варіантовъ формы черепа у современныхъ расъ Schwalbe относится съ какимъ-то особымъ пренебреженіемъ, какъ будто на него и не стоитъ обращать вниманія; а между тѣмъ самый фактъ удостовѣренъ со стороны весьма солидныхъ и опытныхъ наблюдателей (какъ, напр., Р. Вирхова и др.). Въ анатомическомъ музеѣ Юрьевскаго университета имѣется черепъ, раскопанный въ предѣлахъ Эстляндской губ. и принадлежавшій взрослому мужскому, среднихъ лѣтъ, субъекту, вѣроятно, эстонскаго племени, который, какъ мы убѣдились, во всѣхъ отношеніяхъ тождествененъ съ

неандертальскимъ черепомъ: тѣ же огромные надглазничные бугры (*Tori supraorbitales*), та же малая высота, тотъ же „летучій“ лобъ, тѣ же особенности глазничной части мозгового вѣстилища и проч., какія отмѣчаетъ Schwalbe на неандертальскомъ черепѣ, мы могли констатировать и на черепѣ нашего эста, который, кстати сказать, вполнѣ уподобляется неандертальскому черепу и въ отношеніи величины своей емкости. Оставаясь на объективной почвѣ и руководствуясь данными изслѣдованія всѣхъ череповъ, относящихся къ дилювіальному періоду, по нашему мнѣнію, возможно сдѣлать только одинъ выводъ, что уже среди находокъ этой глубокой древности встрѣчаются случаи съ весьма рѣзкими отклоненіями отъ обыкновенной формы человѣческаго черепа, — отклоненіями, примѣры которыхъ можно найти среди нѣкоторыхъ, а можетъ быть, даже среди всѣхъ современныхъ человѣческихъ расъ, причемъ остается невыясненнымъ и спорнымъ, какъ часто эти отклоненія наблюдаются на скелетахъ дилювіальнаго періода и какимъ количественнымъ распространеніемъ они обладаютъ еще у современнаго намъ человѣка.

Такому заключенію не противорѣчатъ, повидимому, и морфологическія особенности прочихъ частей скелета неандертальскаго человѣка, послужившихъ въ самое послѣднее время предметомъ изслѣдованія со стороны Н. Klaatsch'a ¹⁾.

Такъ, напр., бедренныя кости, найденныя въ пещерахъ Неандерталя (рис. 3) и Спи и соответствующія, по всей вѣроятности, одному и тому же геологическому періоду (второй палеолитической эпохѣ по классификаціи A. de Mortillet'a), обнаруживаютъ рядъ отличительныхъ признаковъ, совокупность которыхъ, по выраженію Н. Klaatsch'a, въ подобномъ видѣ нигдѣ не наблюдается у представителей современныхъ расъ человѣчества. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе неуклюжая форма бедра, особенно рѣзко выступающая на скелетахъ изъ пещеры Spy. Эта неуклюжесть, однако, не объясняется исключительно сильнымъ развитіемъ мышечной системы, ибо нѣкоторыя изъ бугристостей и шероховатостей, служащихъ мѣстомъ прикрѣпленія мышцъ, въ особенности *Linea aspera*, на ископаемыхъ бедрахъ выражены даже значительно слабѣе, чѣмъ то наблюдается обычно на современныхъ скелетахъ. По мнѣнію Клаача, въ развитіи неуклюжей формы неандертальскихъ бедеръ играютъ роль и другія условія, именно равномерная округлость діафиза, значительная выпуклость ея впередъ, наконецъ, необыкновенное развитіе въ ширину ихъ эпифизовъ. Особенно характернымъ для *Homo neanderthalensis*, по Клаачу,

¹⁾ Das Gliedmassenskelet des Neanderthalmenschen (съ 9 рис.). „Anatom. Anzeiger“. 1901. Bd. XIX. S. 121.

необходимо признать слабое развитіе нижняго отдѣла діафиза подъ колѣннымъ суставомъ. На современныхъ скелетахъ діафизъ бедра медленно и постепенно расширяется въ направленіи къ нижнему эпифизу, на ископаемыхъ же переходъ узкаго діафиза въ широкій нижній эпифизъ совершается быстро и какъ бы непосредственно. Слабое развитіе нижняго отдѣла бедреннаго діафиза, по наблюденіямъ автора, становится замѣтнымъ у нѣкоторыхъ современныхъ низшихъ расъ, напр. у веддовъ, но здѣсь эта особенность бываетъ выражена въ гораздо болѣе слабой степени. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ форма ископаемыхъ бедренныхъ костей въ колѣнной области совершенно соотвѣтствуетъ человѣческому ея типу; наибольшій сагиттальный діаметръ расположенъ у нихъ, какъ и на современныхъ скелетахъ, на наружной сторонѣ, а planum popliteum имѣетъ совершенно ровную, не представляющую никакихъ выпуклостей, поверхность. Нужно думать, что на упомянутыя отклоненія внѣшней формы повлияли различія механическихъ условій, имѣвшихъ мѣсто на скелетахъ современнаго и ископаемаго человѣка.

Особенно рельефно выступаетъ слабое развитіе діафиза неандертальскаго бедра при сравненіи его съ необычайно большими размѣрами эпифизовыхъ частей этой кости. Ширина верхняго эпифиза, напр., достигаетъ у неандертальца одной четверти всей длины кости (на современныхъ скелетахъ часто меньше $\frac{1}{5}$!).

Въ этомъ отношеніи ископаемый человѣкъ изъ Неандертала и Спи стоитъ на низшей границѣ варіированія человѣческаго скелета, а отчасти даже значительно переступаетъ за эту границу.

Что касается нѣкоторыхъ частныхъ внѣшней формы бедра, то типичнымъ для *Homo neanderthalensis* и Спи является, по мнѣнію автора, полное отсутствіе т. наз. Linea obliqua или intertrochanterica на передней поверхности верхняго отдѣла бедра, что, по автору, никогда (?) не наблюдается на скелетѣ современнаго человѣка.

Одна изъ болѣе рѣзко выраженныхъ особенностей бедеръ, найденныхъ въ Неандерталѣ и Спи, состоитъ въ значительной глубинѣ суставной поверхности для надколѣнной чашки, весьма замѣтно

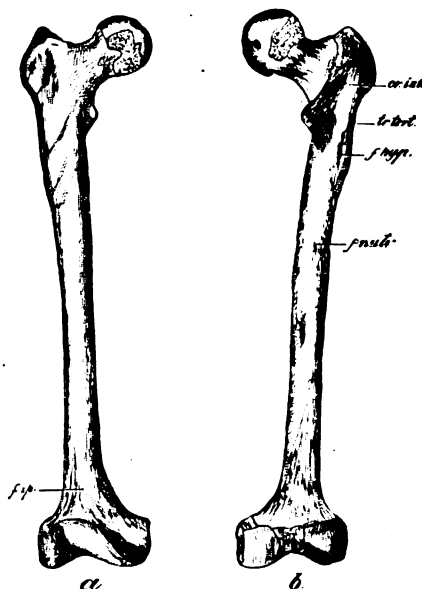

Рис. 3. Правое бедро неандертальца: *a*—спереди, *b*—сзади (*f. sp.* — Fossa supratroch.; *cr. int.* — Crista intertrochanterica; *tr. tert.* — trochanter tertius; *f. nutr.* — foramen nutritium).

приближающейся къ формѣ суставнаго блока (Gelenkrolle). Какъ • дальнейшей особенности той-же суставной поверхности (рис. 4), Klaatsch упоминаетъ о развитіи надъ послѣдней рѣзко выраженной ямки или углубленія (fossa suprapatellaris), которая является какъ бы продолженіемъ верхняго края этой суставной поверхности; она на бедрѣ неандертальца продырявлена сосудистыми отверстіями, какъ и на бедрѣ современныхъ расъ, у которыхъ само углубленіе, однако, всегда отсутствуетъ. Головка (Caput) всѣхъ ископаемыхъ человѣческихъ бедеръ отличается необыкновеннымъ развитіемъ всѣхъ размѣровъ.

Рѣзко бросается затѣмъ въ глаза необыкновенная длина мышечковъ бедра, особенно наружнаго (рис. 5). Оба мышечка значительно удлинены и какъ бы вытянуты въ направленіи назадъ, такъ что, напр., у неандертальца длина наружнаго мышечка достигаетъ $\frac{1}{6}$ всей длины бедра (у современныхъ расъ не болѣе $\frac{1}{7}$). Благодаря этому, измѣняется, конечно, и форма профиля мышечковъ, которая у неандертальца имѣетъ видъ длиннаго эллипса, а на современныхъ бедрахъ приближается къ формѣ круга.

Что касается значенія только-что перечисленныхъ особенностей ископаемыхъ бедеръ и личнаго мнѣнія о нихъ автора, то слѣдуетъ замѣтить, что онъ какъ-бы остерегается поспѣшныхъ заключеній, желая оставаться на строго объективной почвѣ, и даже заявляетъ, что онъ далекъ отъ утвержденія, чтобы Homo neanderthalensis не обладалъ способностью къ прямой походкѣ. Такое утвержденіе авторъ прямо называетъ слишкомъ смѣлымъ. Съ этимъ, конечно, можно только согласиться, такъ какъ ясно, что изученіе одной только внѣшней формы костей далеко не достаточно для окончательныхъ заключеній относительно функцій суставовъ. Но при всемъ этомъ не трудно замѣтить, что, при общемъ обсужденіи наблюдаемыхъ имъ фактовъ, Клаатч не совсѣмъ свободенъ отъ предвзятыхъ идей. Онъ старается не только найти аналоги типу неандертальца среди современныхъ т. наз. дикихъ или низшихъ расъ, но и прямо прибѣгаетъ къ идеѣ т. наз. биогенетическаго закона. «Изъ всего того, что мы могли здѣсь упомянуть лишь вскользь, становится очевиднымъ существованіе извѣстныхъ соотношеній между состояніемъ новорожденнаго европейца и скелетами изъ Неандертала и Спн. Эти соотношенія примѣнимы также и къ бедренной кости. Еще у 3-лѣтняго ребенка бедро не имѣетъ lineae obliquae, fossa patellaris рѣзко углублена, condylus lateralis сильно выдается и по своей величинѣ рѣзко превосходитъ condylum medialem. Громадные размѣры эпифизовыхъ частей, величина головки, отодвинутая далеко назадъ fovea capitis—все это такія особенности, которыя приводятъ къ предположенію, что у европейца въ младенческомъ возрастѣ повторяются такія состоянія, которыя среди неандертальской расы являются нормою». Здѣсь мы встречаемся съ явнымъ примѣненіемъ къ эволюціи человѣка биогенетическаго закона, по которому, какъ извѣстно, индивидуальное развитіе даннаго животнаго должно

представлять собою какъ бы сокращенное повтореніе стадій, пройденныхъ животнымъ въ теченіе всего филогенетическаго прошлаго.

Дальнѣйшія заключенія, къ которымъ приходитъ авторъ, можно предугадать уже а priori. Хотя ребенокъ, размышляетъ авторъ, начинаетъ ходить уже въ теченіе перваго года, но форма костей его тѣмъ не менѣе продолжаетъ обнаруживать слѣды того ранняго состоянія, при которомъ колѣнные суставы имѣли во время покоя согнутое положеніе. Въ подобномъ же смыслѣ можно истолковывать данныя, обнаруженныя на ископаемыхъ скелетахъ Spy и Neanderthal'я. Если даже допустить, что эти вымершія «расы» обладали способностью прямой походки, тѣмъ не менѣе слѣды прежняго ихъ положенія сохранились у нихъ гораздо отчетливѣе, чѣмъ у современныхъ низшихъ человѣческихъ расъ. Послѣ этихъ размышленій авторъ становится уже смѣлѣе

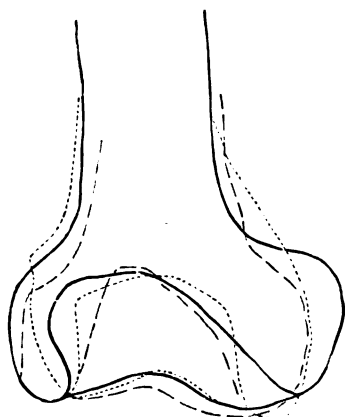

Рис. 4. Контуры колѣнно-суставной поверхности бедра:—неандертальца, современнаго человѣка, ---- Pithecanthropus erectus Dubois.

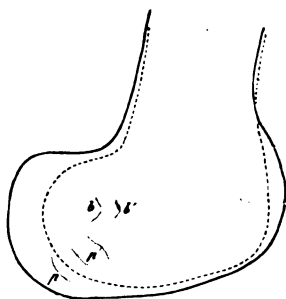

Рис. 5. Контуры наружнаго мыщелка бедра:—неандертальца, современнаго человѣка одинаковой длины; bb'—мѣсто прикрѣпленія боковыхъ связокъ, pp'—мѣста, соответствующія положенію Sulci poplitei.

и въ слѣдующей фразѣ, со свойственной ему рѣшительностью и увѣренностью, заявляетъ намъ, что признаки неандертальскаго человѣка указываютъ на ту стадію, когда человѣкъ лазалъ еще по деревьямъ(!) Съ этимъ, будто бы, согласуются и отношенія мышцъ, поскольку, конечно, они становятся понятными изъ формы костей; не упоминается, къ сожалѣнію, какія именно ближайшія отношенія мышцъ имѣетъ въ виду авторъ, опирающійся на авторитетъ проф. Шифердеккера, по которому у неандертальца группа разгибателей должна была быть менѣе развитою, чѣмъ у современнаго человѣка.

Если, такимъ образомъ, типъ спи - неандертальскаго человѣка во многихъ отношеніяхъ совершенно переступаетъ за границу варіированія человѣ-

ческаго скелета, то на бедрахъ его, несомнѣнно, имѣются также и черты чисто-человѣческихъ формъ. Мы уже говорили о мѣстоположеніи наибольшаго сагиттальнаго діаметра надколенной области бедра, объ отсутствіи выпуклости на его поплитеальной поверхности у неандертальца. Равномѣрное искривленіе діафиза бедра у неандертальца есть признакъ, который свойственъ вообще человѣку. Проксимальное положеніе питающаго отверстія (*foramen nutritium*), отмѣченное на бедрѣ у неандертальца, встрѣчается и на современныхъ скелетахъ; то же самое можно сказать и относительно слабаго развитія *cristae intertrochantericae*, относительно которой Клаачъ утверждаетъ, что онъ никогда не видѣлъ у современнаго человѣка столь слабаго развитія этого гребешка.

Въ виду такихъ данныхъ можно только согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ авторомъ относительно наиболѣе вѣроятной ступени, какую должно удѣлать неандертальскимъ остаткамъ въ зоологической систематикѣ. По его мнѣнію, неандертальскій человѣкъ является представителемъ одного изъ болѣе древнихъ типовъ или ступеней развитія человѣческаго рода. Слѣдуетъ ли при этомъ говорить объ особомъ зоологическомъ видѣ или объ особой разновидности, это въ данномъ случаѣ не очень важно. Несравненно болѣе интересъ представляетъ вопросъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ находится неандертальскій человѣкъ, благодаря перечисленнымъ анатомическимъ особенностямъ скелета (бедра), съ одной стороны, къ антроподамъ, съ другой—къ современному человѣку? Занимаетъ ли онъ, какъ то утверждаетъ, напр., Schwalbe (см. выше), среднее или промежуточное (переходное) положеніе между первыми и послѣдними? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить, по автору, въ отрицательномъ смыслѣ, ибо ни у гориллы, ни у шимпанзе и оранга мы не находимъ тѣхъ особенностей скелета въ области колѣна, съ какими мы встрѣчаемся у неандертальскаго человѣка, а бедро гиббона по своему развитію замѣтно приближается къ устройству этой части скелета у американскихъ платиринныхъ обезьянъ и, благодаря сохраненію нѣкоторыхъ первобытныхъ (болѣе древнихъ) признаковъ, имѣетъ явные отношенія къ т. наз. *Pithecantropus erectus*. Такимъ образомъ сии-неандертальская раса не можетъ служить связующимъ звеномъ ни между гиббономъ и человѣкомъ, ни между послѣднимъ и *Pithecantropus*; можно лишь сказать, что существуютъ нѣсколько родственныхъ признаковъ съ гориллою, благодаря которымъ позволительно думать о существованіи для послѣдняго и неандертальца общаго имъ корня, одной общей исходной формы. Этотъ послѣдній типъ, по мнѣнію Klaatsch'a, по своему общему *habitus*'у, однако, долженъ стоять ближе къ неандертальцу, чѣмъ къ гориллѣ. Что касается, въ частности, отношенія неандертальца къ *Pithecantropus erectus*, то по нѣкоторымъ признакамъ, напр., по размѣрамъ энцефализъ, по формѣ мышечковъ и проч.,

бедро *Pithecantropi erecti* стоятъ ближе къ человѣку, чѣмъ бедро неандертальца. Но цѣлый рядъ другихъ признаковъ, свойственныхъ *Pithecantropus*, напр. округлость *Plani proplei*, вытянутая форма діафиза и обезьяній типъ устройства суставной поверхности для надколенной чашки, совершенно исключаютъ прямую генеалогическую связь этого существа съ человѣкомъ, а допускаютъ лишь сближеніе его съ значительно болѣе отдаленными предками изъ класса приматовъ. Klaatsch по справедливости сомнѣвается въ основательности по отношенію къ *Pithecantropus* названія „*erectus*“, такъ какъ, если руководствоваться однимъ лишь бедромъ, то это названіе можно было бы дать и любой обезьянѣ изъ рода *Ateles*. Съ другой стороны, по мнѣнію Klaatsch'a, многія особенности спи-неандертальскихъ костяковъ находятъ аналогию и на скелетѣ т. наз. низшихъ расъ современнаго человѣчества. Попытка сравненія неандертальскаго человѣка съ организацией низшихъ человѣческихъ расъ весьма характерна для всего направленія автора, какъ сравнительнаго анатома и эволюциониста. Въ особенностяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, относятся, напр., замѣтная платимерія ископаемыхъ бедеръ, которая, по замѣчанію автора, у нѣкоторыхъ современныхъ низшихъ расъ бываетъ выражена еще значительно рѣзче. Слабое развитіе діафиза бедра, отмѣченное у неандертальца, наблюдается также у веддовъ и другихъ дикарей. Особенно интересно, что равномерная кривизна діафиза бедра, свойственная спи-неандертальскому человѣку, была отмѣчена въ новѣйшее время у цѣлаго ряда низшихъ человѣческихъ расъ, какъ у негритосовъ, веддовъ и другихъ, но совершенно отсутствуетъ на бедрѣ *Pithecantropi erecti*. *Fossa hypotrochanterica*, столь рѣзко выраженная у неандертальца, принадлежитъ къ характернымъ особенностямъ скелета индѣйцевъ Огненной Земли. Наконецъ, округлость реберъ неандертальскаго человѣка наблюдается и среди австралійцевъ.

Высказывая положеніе, что спи-неандертальская раса, хотя и представляетъ изъ себя низшую форму современнаго человѣка, но ни въ какомъ случаѣ не является связующимъ звеномъ между человѣкомъ и однимъ изъ типовъ высшихъ обезьянъ, авторъ не ограничивается разсмотрѣніемъ одного лишь бедра, а приводитъ въ пользу своего мнѣнія также наблюденія надъ остальными сохранившимися частями скелета спи-неандертальскаго человѣка. Особого вниманія заслуживаетъ тазъ неандертальца, отъ котораго сохранился обломокъ лѣвой половины. Форма таза отличается, по автору, весьма многими особенностями, соответствуя отчасти типу его устройства въ дѣтскомъ возрастѣ, отчасти же тому типу, „который теоретически долженъ представлять собою тазъ предшественника современнаго человѣка“. Но что важнѣе всего, это — форма поверхности соединенія подвздошной кости съ крестцовой. Здѣсь заслуживаетъ вниманія то, что соотвѣтственно мѣсту *facies auricularis* у неандертальца имѣется ромбовидная поверхность, и, такимъ образомъ, характерный для положенія

тѣла современнаго человѣка типъ очертанія *fac. auricularis* представляется у неандертальца выраженнымъ лишь въ весьма слабой степени. Если комбинировать это явленіе съ тѣми особенностями, которыя мы встрѣтили въ области бедра и особенно въ коленной области спи-неандертальскаго человѣка, то намъ кажется, что можно представить себѣ неандертальца какъ существо, еще не обладавшее или, по крайней мѣрѣ, еще не вполне обладавшее способностью прямой походки, хотя и здѣсь нужно имѣть въ виду, что одни наблюденія надъ скелетомъ не позволяютъ дѣлать окончательные выводы относительно положенія при жизни тѣла того или другого животнаго типа.

Что касается плечевой кости, то ея форма очень мало уклоняется отъ современной; ея головка направлена назадъ, „какъ у низшихъ расъ“, и уголъ вращенія плечевой кости достигаетъ приблизительно той же значительной величины, какъ, напр., у веддовъ; *processus supracondyloideus* не существуетъ, за-то *epicondylus internus* развитъ необыкновенно сильно. Лучевая кость обнаруживаетъ весьма сильное искривленіе, какъ атавистическое явленіе, унаследованное неандертальцемъ отъ антропоморфныхъ и хвостатыхъ обезьянъ и даже еще отъ прозимій (рис. 6). За-то въ отношеніи пропорцій верхней конечности (плеча) неандерталецъ стоитъ весьма близко къ современному человѣку; удлиненія верхней конечности, наблюдаемаго иногда у низшихъ расъ (веддовъ и др.), у неандертальца не имѣется вовсе, такъ что можно сказать, что въ отношеніи устройства верхней конечности (скелета) спи-неандертальскій человѣкъ не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ обезьяняго типа. Уже по этой причинѣ не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы человѣкъ изъ *Neanderthal*'я представлялъ собою промежуточный типъ между человѣкомъ и обезьяною. Но нельзя не указать при этомъ на весьма своеобразную особенность суставной поверхности лопатки для головки плечевой кости, выражающуюся въ томъ, что плоскость этой поверхности у неандертальскаго человѣка направлена къ тылу, уклоняясь, такимъ образомъ, значительно отъ устройства той же области у современнаго человѣка. Вообще лопатка и ея отдѣльныя части отличаются рядомъ особенностей, значеніе которыхъ пока еще не совсѣмъ выяснено и описывать которыя здѣсь не позволяеть мѣсто.

На основаніи изученія всѣхъ существующихъ остатковъ человѣка изъ *Neanderthal*'я и *Spy* необходимо, такимъ образомъ, прійти къ слѣдующему заключенію. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ существомъ, организованнымъ въ главныхъ чертахъ по типу современнаго человѣка, но представляющимъ во многихъ отношеніяхъ существенныя уклоненія. Вариантъ или родъ *Neanderthal*'я (и *Spy*) не обуславливаетъ сближенія человѣка съ какимъ-либо изъ нынѣ живущихъ типовъ приматовъ или же съ однимъ изъ вымершихъ антропидныхъ, или съ *Pithecanthropus erectus*; онъ обуславливаетъ лишь, по выраженію Клааца,

„сближеніе человѣка съ тѣмъ общимъ корнемъ, отъ котораго произошли какъ самъ человѣкъ, такъ и всѣ названныя антропоидныя“.

Отъ Клаача, зная его прежніе труды по вопросамъ эволюціи человѣка и животныхъ ¹⁾, мы не ожидали услышать подобнаго умѣренного и осторожнаго сужденія, и мы должны сознаться, что чтеніе его настоящаго сообщенія произвело на насъ особенно пріятное впечатлѣніе. Повидимому, авторъ убѣдился, что на основаніи одного или двухъ признаковъ еще нельзя выводить окончательныхъ заключеній, какъ то дѣлалось, напр., по случаю находки *Pithecantropus*'a. Эволюція организмовъ есть несомнѣнно болѣе сложное явленіе, чѣмъ мы себя представляемъ. Объ этомъ особенно краснорѣчиво свидѣтельствуеетъ настоящій случай, доказывающій, что одно и то-же, сравнительно высоко организованное, существо можетъ совмѣщать въ себѣ признаки весьма отдаленныхъ филогенетическихъ періодовъ (вплоть до примитива) и въ то-же время признаки, свойственные высшимъ расамъ человѣка, признаки современныхъ и ископаемыхъ антропоморфныхъ обезьянъ и, наконецъ, признаки высшихъ расъ современнаго человѣчества. Естественно, что выясненіе филогенетическаго положенія спитанеандертальскаго человѣка при подобныхъ условіяхъ встрѣчаетъ значительныя затрудненія. Но по отношенію къ *Pithecantropus* можно сказать съ положительностью, что у него рѣзко преобладаютъ признаки явно животнаго (обезьянянаго) типа, въ то время какъ раса изъ Неандерталя и Спитанеандерталя въ общей сложности явленій организована несомнѣнно по человѣческому типу. Schwalbe представляетъ себѣ *Pithecantropus* не какъ переходную форму между человѣкомъ и антропоидными обезьянами, а какъ промежуточное звено между послѣднимъ и *homo neanderthalensis*. Клаачъ выражается нѣсколько иначе, говоря, что хотя наиболѣе древніе человѣческіе черепа и обнаруживаютъ значительное сходство съ черепомъ *Pithecantropus*'a, этимъ самымъ нисколько не нарушается совершенно своеобразный характеръ типа человѣческаго черепа. *Pithecantropus* не есть непосредственный предокъ современнаго человѣка, являясь лишь одною изъ тѣхъ многочисленныхъ отраслей филогенетическаго древа приматовъ, которая, если и можетъ считаться промежуточной формою между человѣкомъ и обезьянами, тѣмъ не менѣе ничуть не доказываетъ происхожденія

Рис. 6. Лучевая кость изъ Neanderthal'я.

¹⁾ Die fossilen Knochenreste des Menschen. Ergebnisse der Anatomie und Entwicklungsgeschichte, herausg. von Merkel und Bonnet, 1900.

человѣка отъ той или другой обезьяны. То общее, что мы видѣли между *homo neanderthalensis* и обезьянами или *Pithecanthropus*’омъ, указываетъ лишь на общее происхожденіе отъ одного и того-же весьма отдаленнаго источника. Такимъ образомъ и здѣсь мы не видимъ рѣзкихъ границъ, но повсюду мы видимъ лишь переходныя формы или промежуточныя стадіи. Одной изъ такихъ промежуточныхъ стадій на пути развитія человѣка служить и *Pithecanthropus erectus*. Послѣдній несомнѣнно долженъ принадлежать весьма глубокой древности, ибо уже неандерталецъ жилъ, вѣроятно, если не въ самомъ третичномъ, то на границѣ третичнаго съ четвертичнымъ періодомъ. Но такъ какъ въ настоящее время вопросъ о существованіи третичнаго человѣка рѣшается почти категорически въ положительномъ смыслѣ, то возникаетъ вопросъ: когда именно человѣкъ становится человѣкомъ и чѣмъ характеризуется этотъ моментъ «очеловѣченія»? Можно прибѣгать, какъ это дѣлаетъ между прочимъ и Klaatsch, къ признаку употребленія человѣкомъ каменныхъ орудій, но ясно, что этотъ признакъ самъ по себѣ представляетъ собою произвольный и условный критерій.

Мы умышленно не коснулись въ продолженіе предыдущаго изложенія тѣхъ многочисленныхъ научныхъ препирательствъ, которыя, какъ извѣстно, возникли по поводу толкованія неандертальской находки между эволюціонистами и нѣкоторыми представителями антропологій въ Германіи во главѣ съ Р. Вирховымъ. Антагонизмъ между яркимъ позитивизмомъ первыхъ и скептическимъ отношеніемъ втораго («*der grosse Zweifler*», какъ его называетъ Klaatsch) не лишенъ и личной подкладки. Schwalbe въ настоящее время пытается окончательно опровергнуть положенія, высказанныя Вирховымъ относительно патологическаго характера скелета неандертальца, причѣмъ онъ основывается на авторитетѣ проф. патологической анатоміи Recklinghausen’a, подвергнувшаго неандертальскій скелетъ новому изслѣдованію съ точки зрѣнія существованія или несуществованія на немъ признаковъ тѣхъ болѣзненныхъ процессовъ, о которыхъ говорилъ Р. Вирховъ. Съ другой стороны, Н. Klaatsch упрекаетъ господствующую нѣмецкую антропологическую школу въ умышленномъ игнорированіи положительныхъ фактовъ въ прямой ущербъ развитію научныхъ вопросовъ. Здѣсь не мѣсто распространяться дальше по поводу всей этой полемики, обострившейся за послѣднее время. Упомянемъ лишь, что во всякомъ случаѣ и новѣйшіе изслѣдователи остатковъ «допотопнаго» человѣка сами не совсѣмъ свободны отъ тѣхъ же ошибокъ, которыя они въ столь рѣзкомъ тонѣ ставятъ въ упрекъ другимъ авторамъ. Такъ, напр., резюмируя результаты своихъ изслѣдованій на послѣднемъ съѣздѣ Нѣмецкаго Анатомическаго Общества, проф. Schwalbe перечисляетъ, какъ мы видѣли, одни такіе признаки неандертальскаго черепа, которые соответствуютъ априорной идеѣ объ обезьяноподобности послѣдняго, не упоминая даже полусловомъ о значеніи другихъ, отрицательныхъ признаковъ, напр., о томъ, что тотъ же неандертальскій человѣкъ, который, по мнѣнію проф. Schwalbe, является въ отношеніи къ

современному человѣку особымъ родомъ, сильно приближающимся къ типу обезьянъ, по степени развитія мозга можетъ успѣшно конкурировать не только съ низшими расами, но также и со многими представителями цивилизованныхъ расъ современнаго человѣчества.

Р. Веймбергъ.

Зубы у различныхъ человѣческихъ расъ.

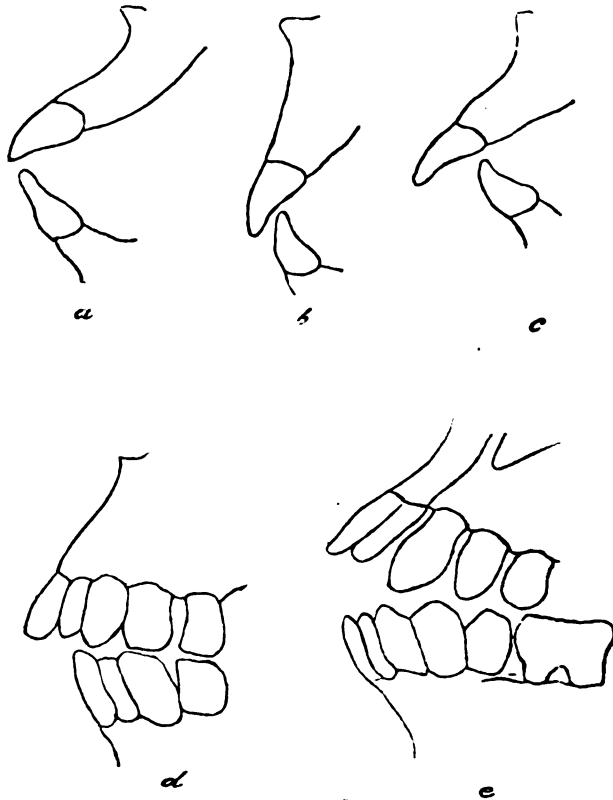
Въ сравнительно-анатомическихъ и антропологическихъ изслѣдованіяхъ различныхъ расъ зубы человѣка до послѣдняго времени обращали на себя мало вниманія изслѣдователей. Между тѣмъ даже тѣ немногочисленные данныя, которыя имѣются въ специально-одонтологической и антропологической литературѣ по этому вопросу, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что зубы человѣка представляютъ значительныя расовыя различія—въ ихъ формѣ, числѣ, величинѣ, во времени прорѣзыванія и выпаденія ихъ, въ искусственныхъ деформаціяхъ и т. п., и потому тщательное изученіе зубовъ, при антропологическихъ изслѣдованіяхъ различныхъ племенъ, является не только желательнымъ, но и безусловно необходимымъ.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы намѣрены суммировать тѣ отличительныя признаки зубовъ у различныхъ человѣческихъ расъ, которые констатированы антропологами и врачами. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ признакахъ стали собираться съ 1879 г., когда Брока издалъ свою программу для антропологическаго изслѣдованія зубной системы. Къ сожалѣнію, собранныя свѣдѣнія разбросаны въ массѣ изданій, нерѣдко трудно доступныхъ, и только изслѣдованія профессора парижской одонтотехнической школы О. Амёдо и Н. von Jhering'a облегчаютъ задачу собиранія этихъ свѣдѣній, дѣлая сводку нѣкоторыхъ изъ нихъ.

По взаимному расположенію верхнихъ и нижнихъ рѣзцовъ Geoffroy Saint-Hillaire дѣлитъ человѣческія расы на ортогнатныя, эвригнатныя и прогнатныя. Прогнатизмъ, по Брока, можетъ быть естественный или искусственный. Естественный прогнатизмъ охватываетъ многія варіаціи: 1) двойной полный прогнатизмъ; въ этомъ случаѣ рѣзцы идутъ въ косвенномъ направленіи, образуя при соединеніи тупой уголъ; 2) простой полный прогнатизмъ—въ случаѣ, если верхняя челюсть и рѣзцы косые, нижніе же рѣзцы остаются прямыми; 3) челюстной прогнатизмъ—если только одна верхняя челюсть косая, а зубы ея остаются вертикальными; 4) альвеолярно-зубной прогнатизмъ—когда только одни зубы направлены впередъ. Прогнатизмъ въ болѣе или менѣе замѣтно выраженной степени мы встрѣчаемъ у цвѣтныхъ расъ (черной и желтой); болѣе всего онъ развитъ у бушменовъ. Бѣлая раса—ортогнатная.

Н. Welcker по взаимному расположенію верхнихъ и нижнихъ рѣз-

цовъ различаетъ пять главныхъ типовъ (см. статью Р. Л. Вейнберга: „Новѣйшіе успѣхи въ области антропологии костной системы“ въ VI книгѣ „Русск. Антропол. Журн.“): а) щипцеобразный (забидодонтія), который представляетъ собою тероморфное (питекомидное) образование; б) ножницеобразный (псалидодонтія), который среди германской и романской расъ наблюдается у 80%, тогда какъ у финновъ только въ 70%, у славянъ и китайцевъ—въ

50%, у полинезійцевъ, негровъ и папуасовъ—40%, у малайцевъ—20%, у готтентотовъ и древнихъ перуанцевъ—въ 15%, у микронезійцевъ—въ 10%, у американскихъ индѣйцевъ—въ 5%, а у австралійцевъ этотъ типъ совершенно отсутствуетъ; е) карнизообразный (опистодонтія), съ отодвинутыми назадъ нижними рѣзцами (опистодонтія),—у нѣкоторыхъ племенъ Малайскаго архипе-

лага; е) зіяючий (хіатодонтія)—у фінських племенъ, а також у негровъ (см. рис. а, b, c, d, e).

Крімъ различій во взаємномъ положенні, зуби чело́вѣка представляють расовыя отличія и по ихъ величинѣ. Различія эти, особливо въ рѣзцахъ и коренныхъ зубахъ, иногда очень значительны. Низшія расы характеризуются огромною величиною рѣзцовъ и коренныхъ зубовъ; послѣдніе у нихъ равны клыкамъ, какъ то находимъ у чело́вѣкоподобныхъ обезьянъ. Owen и Pruner-Beу показали своими изслѣдованіями, что въ то время, какъ величина коренныхъ зубовъ у чело́вѣка бѣлой расы уменьшается спереди кзади, у низшихъ расъ (австралійцевъ, ново-каледонцевъ) и у обезьянъ она идетъ въ обратномъ порядкѣ. По мнѣнію L. Brandt'a, Parreidt'a и др., зуби чело́вѣка, равно какъ и челюсти, вообще уменьшаются съ развитіемъ культуры, такъ какъ культурные способы приготвленія пищи дѣлають излишнимъ то энергическое пользованіе челюстями и зубами, которое было необходимо при первобытной грубой пищѣ. Челюсти при этомъ уменьшаются въ величинѣ въ болшемъ размѣрѣ, нежели зубы, благодаря тому, что челюсти имѣють болѣе долгій періодъ развитія (въ теченіе котораго только и можетъ оказаться вліяніе уменьшенія), нежели зубы, ростъ которыхъ продолжается только съ начала развитія эмали (Schmelzorgans) и до начала дентификаціи. W. H. Flower дѣлитъ чело́вѣческія расы по величинѣ зубовъ на микродонтныя (зубной указатель до 42), мезодонтныя (42—44) и мегалодонтныя (выше 44-хъ). Къ микродонтнымъ онъ относитъ: британцевъ (41,3) и другихъ европейцевъ (41,1), древнихъ египтянъ (41,0), жителей Сандвичевыхъ острововъ (40,1) и туземцевъ центральной и южной Индіи (41,4); къ мезодонтнымъ: китайцевъ (42,6), американскихъ индѣйцевъ (42,8), малайцевъ Явы, Суматры и другихъ Зондскихъ острововъ (43,3) и африканскихъ негровъ (43,9); къ мегалодонтнымъ: меланезійцевъ (44,2), андаманцевъ (45,5), австралійцевъ (45,5) и тасманійцевъ (48,1). У чело́вѣкоподобныхъ обезьянъ цифры зубного показателя, по изслѣдованіямъ того же Flower'a, значительно выше: у шимпанзе (6 набл.)—47,9, у гориллы (6 набл.)—54,1 и у оранга (6 набл.)—55,2.

Различныя расы разнятся между собою и по формѣ зубовъ. По Regnaud't'y, рѣзцы чело́вѣка представляютъ ту особенность, что конецъ ихъ тѣмъ острѣе, чѣмъ ниже раса. Въ противоположность рѣзцамъ, относительная ширина коронки заднихъ коренныхъ зубовъ (по отношенію къ ихъ шейкѣ) у низшихъ расъ, по Flower'u, больше, нежели у высшихъ. По даннымъ Spence-Bate, интерглобулярныя пространства (неправильныя поля пространства, ограниченныя шаровидными выступами дентина), существующія въ зубахъ у цивилизованныхъ народовъ, у эскимосовъ, краснокожихъ и ашантиевъ не встрѣчаются. Magitot и Galippe указываютъ на тотъ фактъ, что у некультурныхъ народовъ нѣтъ той разницы между зубами разныхъ сторонъ челюстей, какая наблюдается у цивилизованныхъ народовъ и которая выражается въ томъ, что зубы на правой сторонѣ плотнѣе, чѣмъ на лѣ-

вой, такъ какъ большинство европейцевъ, обрабатывая зубами пищу въ полости рта, дѣйствуетъ всего больше, а иногда и исключительно правой стороной. Видерсгеймъ, основываясь на изслѣдованіяхъ Рёзе, высказываетъ мнѣніе, что „верхніе коренные зубы человѣка развились изъ четырехбугорчатого и нижніе изъ пятибугорчатого типа, и что это численное сокращеніе бугорковъ обязано у человѣка его болѣе нѣжной пищѣ, такъ какъ первымъ недоразвивающимся бугоркомъ является тотъ, который присоединяется послѣднимъ для образованія сложнаго зуба; въ верхней челюсти такимъ является задній язычный бугорокъ, въ нижней—задній непарный. Въ третьемъ коренномъ, или т. наз. зубѣ мудрости, редукція можетъ зайти такъ далеко, что вмѣсто коронки съ 4-мя или 5-ю бугорками остается одинъ зачаточный. Въ относительно большомъ числѣ случаевъ, однако, зуба мудрости вовсе не бываетъ, или потому, что онъ совсѣмъ не развивается, или потому, что если и развивается, то остается въ деснѣ. По Darwin'у, Броса и Mantegazza, отсутствіе зуба мудрости характеризуетъ болѣе развитыя и высшія расы, и зубъ этотъ обреченъ на исчезновеніе, какъ органъ совершенно лишній. Повторныя изслѣдованія этого вопроса всѣ были направлены къ тому, чтобы доказать, что эти признаки недоразвитія, столь ясно выраженные у европейцевъ, наблюдаются также и у не-европейцевъ, но не въ такихъ размѣрахъ, какъ у арійской расы. Не считая патологическихъ случаевъ, верхніе коренные съ тремя бугорками, нижніе съ четырьмя и недоразвитой зубъ мудрости встрѣчаются у европейцевъ, по словамъ Видерсгейма, гораздо чаще, чѣмъ у негровъ, монголовъ и австралійцевъ. Послѣдняя низшая раса по своей зубной формулѣ является наименѣе удаленной отъ гипотетичнаго первоначальнаго типа, такъ какъ у нея еще имѣются полные ряды прекрасныхъ зубовъ, съ сильными клыками и коренными, изъ которыхъ послѣдніе или одинаковой величины, или даже увеличиваются въ размѣрахъ, по мѣрѣ того какъ мы подвигаемся назадъ, такъ что зубъ мудрости является самымъ большимъ въ рядѣ. Это—несомнѣнный обезьяній признакъ, постоянно встрѣчающійся у обезьянъ. Верхніе рѣзцы малайцевъ, помимо ихъ прогнатическаго положенія, случайно также бываютъ обезьяньей формы, съ выпуклой передней и слегка вогнутой задней поверхностью. Предки европейцевъ, повидимому, имѣли ту же самую форму зубовъ, потому что древнѣйшіе обломки череповъ вѣка мамонта (челюсти изъ Ля-Ноетта, Шипка и др.) обнаруживаютъ такіе признаки зубовъ, по которымъ ихъ можно поставить рядомъ съ низшими современными расами.

Сверхкомплектные зубы, по Fontan'у, очень часто встрѣчаются у новокаледонцевъ, а именно у нихъ увеличено число переднихъ коренныхъ зубовъ.

По вопросу о расовыхъ различіяхъ во времени прорѣзанія и выпаденія зубовъ намъ не встрѣтились точныя данныя. Есть указанія, ничѣмъ, однако, не обоснованныя и требующія еще провѣрки, что въ тропическихъ странахъ прорѣзаніе зубовъ наступаетъ сравнительно поздно. Такъ, напр., у дѣтей анамитовъ, по словамъ Logion'a, нижніе рѣзцы никогда не показываются

ранѣ 7-го мѣсяца, а верхніе—9-го, и всѣ рѣзцы нерѣдко прорѣзываются только по истеченіи 12-ти мѣсяцевъ.

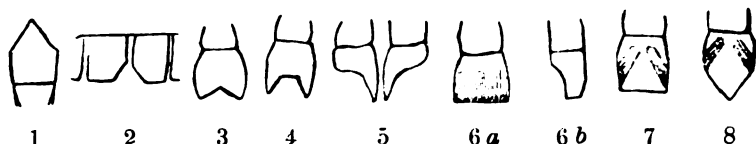
По вопросу о сравнительной прочности зубовъ въ этнологическомъ отношеніи наибольшее количество данныхъ сгруппировано д-ромъ А. А. Вырубовымъ. Извѣстно общераспространенное мнѣніе, что народы мало культурные, стоящіе на низкой степени цивилизаціи, обладаютъ болѣе прочнымъ зубнымъ аппаратомъ и менѣе предрасположены къ страданію костоѣдой. Одни авторы (L. Brandt) объясняютъ это явленіе сильнымъ развитіемъ челюстей, дающимъ возможность болѣе свободнаго размѣщенія зубовъ, чѣмъ у культурныхъ народностей; другіе (Spence-Bate)—чисто химической разницей зубовъ, именно отсутствіемъ въ дентинѣ дикихъ народовъ интерглобулярныхъ пространствъ. Но стираются зубы у нѣкоторыхъ малокультурныхъ народовъ скорѣе, чѣмъ у европейцевъ. Р. Торинард объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что многіе изъ нихъ жуютъ ѣдкія вещества, какъ, напр., малайцы бетель, или же грызутъ слишкомъ твердыя вещества, какъ, напр., эскимосы и патгонцы. Наиболѣе обширный матеріалъ по вопросу о сравнительной прочности зубовъ дали изслѣдованія европейскихъ расъ. У европейцевъ, по Н. Мунгелю, въ среднемъ одинъ каріозный зубъ приходится на 9 здоровыхъ, тогда какъ, напр., у китайцевъ одинъ каріозный зубъ встрѣчается на 52 здоровыхъ зуба. Нѣкогда Wedl высказалъ мнѣніе, что славянское племя всего менѣе обладаетъ склонностью къ страданію костоѣдой зубовъ, но позднѣйшими изслѣдованіями было опровергнуто это мнѣніе. По изслѣдованіямъ д-ра Яворскаго, поляки даютъ 44,2% страдающихъ костоѣдой, великоруссы—40% и малоруссы—28,2%. У евреевъ, по тому же автору, костоѣда распространена у 58,7% и у латышей—у 41%. Поразительная разница въ порчѣ зубовъ въ различныхъ департаментахъ Франціи обратила давно на себя вниманіе ея ученыхъ (Bondin, Chervin, Dubois). „Были употреблены, — пишетъ д-ръ Вырубовъ,—всѣ усилія отыскать причину такого различія. Оказалось, что ни климатическія условія, ни употребляемая пища не могли объяснить послѣднее. Загадочный вопросъ былъ разрѣшенъ только при помощи этнологіи. Французская нація образовалась изъ трехъ группъ, значительно различающихся другъ отъ друга по своимъ физическимъ качествамъ: 1) кельтовъ, маленькихъ, смуглыхъ, 2) кимвровъ или франковъ, бельгійцевъ, саксовъ, норманновъ, высокихъ и русыхъ, и 3) иберо-лигуровъ, также смуглыхъ, средняго роста и хорошо сложенныхъ. Кельты имѣли превосходные зубы и передали ихъ по наслѣдству всѣмъ народностямъ, происшедшимъ отъ нихъ. Кимры не обладали такимъ качествомъ и передали своимъ потомкамъ предрасположеніе къ костоѣдѣ зубовъ. Фактъ племенной наслѣдственной передачи прочныхъ зубовъ особенно характерно выступаетъ въ департаментѣ Deux-Sevres, жители котораго, кельты по происхожденію, совершенно не страдаютъ костоѣдой зубовъ, тогда какъ жители всѣхъ сосѣднихъ департаментовъ дѣлаются ея жертвою. Magitot, которому наука обязана статистической разработкой вопроса о порчѣ

зубовъ во Франціи по народностямъ, дѣлаетъ выводъ, что германское население съ свѣтлымъ пигментомъ значительно чаще представляетъ испорченные зубы, нежели темная кельтическая раса. Большая часть современного намъ прибрежнаго населенія Средиземнаго моря, сѣверо-германцы, шведы и норвежцы происходятъ отъ кимбровъ и всѣ они обладаютъ непрочнымъ зубнымъ аппаратомъ. Южные германцы, австрійцы, швейцарцы, ирландцы, галлы происходятъ отъ кельтовъ, и у всѣхъ у нихъ зубной аппаратъ въ прекрасномъ состояніи“. Вообще племенные особенности въ вопросѣ о сравнительной прочности зубовъ выступаютъ на первый планъ. Франціусъ, изслѣдовавшій въ Выборгѣ большое количество солдатъ Печорскаго полка, констатируетъ тотъ фактъ, что блондины отличаются меньшею прочностью зубовъ, чѣмъ русые или брюнеты, и что ростъ вліяетъ на прочность зубовъ, а именно съ уменьшеніемъ роста прочность зубовъ увеличивается. Последнее онъ склоненъ объяснять болѣе совершеннымъ периферическимъ кровообращеніемъ у людей небольшого роста. Вырубовъ обращаетъ вниманіе будущихъ изслѣдователей на то, что, по имѣющимся пока даннымъ, долихоцефалическія расы Европы отличаются болѣе плохимъ зубнымъ аппаратомъ по сравненію съ брахицефалическими. Нѣкоторые авторы указываютъ, что и цвѣтъ волосъ стоитъ въ постоянномъ, опредѣленномъ отношеніи къ предрасположенію къ портѣ зубнаго аппарата: наибольшая прочность зубовъ, по наблюденіямъ проф. Склифосовскаго, совпадаетъ съ чернымъ цвѣтомъ волосъ. Что касается пола, то, по Linderey, Magitot, L. Brandt и др., зубы женщины являются гораздо менѣе прочными, чѣмъ зубы мужчинъ. L. Brandt замѣчаетъ, что большинство женщинъ обладаетъ зубами бѣлаго цвѣта, длинникъ которыхъ значительно превышаетъ поперечникъ, что особенно выступаетъ на рѣзцахъ. Кромѣ того, на жевательной поверхности коренныхъ зубовъ, по словамъ упомянутаго автора, рѣзко выступаютъ остроконечные бугорки, и зубы, представляющіе такія особенности, даютъ наибольшій процентъ заболѣванія костоѣдой. По Galippey, зубы женщинъ содержатъ гораздо менѣе извести, нежели зубы мужчинъ, и потому менѣе прочны. Половая разница въ прочности зубовъ становится особенно рѣзкой со времени замужества. Извѣстна французская поговорка, что „каждая беременность стоитъ матери зуба“ („chaque grossesse coûte une dent à la mère“).

По вопросу объ искусственной деформациіи зубовъ, очень распространенной у многихъ народовъ, наиболѣе подробныя свѣдѣнія сгруппированы Н. v. Jheringомъ. Способъ деформированія зубовъ у нѣкоторыхъ народовъ настолько характерный и своеобразный, что деформация можетъ иногда служить вспомогательнымъ средствомъ при опредѣленіи племенной принадлежности череповъ. Magitot дѣлитъ искусственную деформацию зубовъ на шесть родовъ: 1) обрѣзываніе, 2) подпиливаніе, 3) выдергиваніе, 4) вставленіе постороннихъ тѣлъ, 5) сламываніе коронки и 6) искусственный прогнатизмъ.

Обрѣзываніе зубовъ совершается при помощи клинка или долота и молотка. Оно очень распространено въ Африкѣ, на ея западномъ берегу и въ области верхняго Нила. По мѣнію Jhering'a, этотъ способъ деформации свойствененъ народностямъ, уже подпавшимъ подъ вліяніе европейцевъ.

Подпиливаніе или, вѣрнѣе, обтачиваніе зубовъ широко практикуется у многихъ некультурныхъ народностей. Операция производится обыкновенно при помощи камней изъ песчаника или гнейса, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда данной народности хорошо знакомо употребленіе желѣза, какъ, напр., у монбуттовъ по наблюденіямъ Schweinfurth'a. Чаше всего заостряются рѣзцы. Еще Ritter указывалъ на то, что горные негры обтачиваютъ у дѣтей рѣзцы, благодаря чему послѣдніе кажутся у нихъ очень длинными. Заостряются передніе зубы, по даннымъ А. Ecker'a, также у различныхъ сѣверо-африканскихъ народностей. Про нямъ-нямъ Schweinfurth говоритъ, что у нихъ заостряются зубы съ цѣлю, чтобы ими лучше было въ борьбѣ вцѣпиться въ руки противника. Заостряются зубы, по Rolfs'у, у бассовъ, живущихъ по Бенуэ, притоку Нигера, а по даннымъ Hartmann'a и Livingstone'a,

вообще у многихъ африканскихъ народовъ. Тотъ же обычай искусственнаго заостренія зубовъ наблюдался путешественниками въ Центр. Америкѣ, у полинезійцевъ, меланезійцевъ, австралійцевъ и у папуа. Подпиливаніе зубовъ въ формѣ зубцовъ констатировано у народовъ Банту. Относительно жителей Сьерра-Леонскаго берега есть указаніе, что у нихъ невѣста идетъ съ женихомъ къ кузнецу, который подпиливаетъ ей передніе зубы, и уже послѣ этой операціи заключается бракъ. Подобный же обычай существуетъ, по von Travassos Valdez'у, и у жителей Сенегамбіи. Какъ разнообразны бываютъ формы деформации зубовъ, достигаемой подпиливаніемъ ихъ, можно судить по прилагаемому рисунку. Форма 1-я распространена на Сьерра-Леонскомъ берегу, въ Сенегамбіи, на Золотомъ берегу и въ другихъ ближайшихъ къ этимъ областяхъ Африки. 2-я форма встрѣчается у народностей по Бѣлому Нилу, у дамаровъ и овамповъ. Формы 3, 4 и 5-ю можно встрѣтить отъ береговъ Лоанго до Мозамбикскаго берега. 6-я форма характерна главнымъ образомъ для малайцевъ. У нихъ же больше всего распространены формы 7 и 8, хотя онѣ наблюдаются и у другихъ сосѣднихъ имъ народностей Индійскаго и Тихаго океановъ. Деформированные зубы 7 и 8-й формъ обыкновенно окрашиваются въ черный цвѣтъ, тогда какъ всѣ прочіе, недоформированные, зубы остаются бѣлыми.

Въ географическомъ распространеніи обычая вырыванія зубовъ можно указать на три центра: Африку, Австралію и Полинезію. Въ первыхъ двухъ вырываютъ зубы, обыкновенно рѣзцы, или при наступленіи половой зрѣлости, или при вступленіи въ бракъ, въ Полинезіи же этотъ обычай служить по большей части выраженіемъ траура точно такъ же, какъ практикуемая здѣсь же съ тою же цѣлью отрубаніе пальцевъ, отрѣзываніе ушей и пр. У людей пожилыхъ въ Полинезіи, перенесшихъ не единичный трауръ, нерѣдко бываютъ выбиты всѣ передніе зубы. Въ Бразиліи выбивали прежде передніе зубы у всѣхъ негровъ-рабовъ въ отличіе ихъ отъ свободныхъ. Что касается прежнихъ утверждений Edrisi, Oldendorp'a, Niebuhr'a и др., что случаи выдернутыхъ зубовъ нерѣдки у египетскихъ мумій, то Jhering противъ этихъ утверждений, и недостающіе зубы считаетъ просто выпавшими.

Пробуравленіе зубовъ съ цѣлью вставленія въ нихъ постороннихъ тѣлъ встрѣчается вообще сравнительно рѣдко, чаще въ Малайскомъ архипелагѣ и Полинезіи. Въ пробуравленное отверстіе вставляютъ обыкновенно какой-либо металлическій цилиндръ, чаще всего золотой (Суматра), или блестящій камешекъ.

Отламываніе коронки зубовъ путешественники наблюдали у эскимосовъ, живущихъ по берегамъ Макензи. У жителей Золотого берега, по словамъ Winterbottom'a, передніе зубы передъ моментомъ вступленія въ бракъ отламываются кузнецомъ; тотъ же обычай встрѣтили у жителей республики Либериі Н. v. Schlagintweit.

Обычай уродованія зубовъ съ цѣлью достиженія искусственнаго прогнатизма встрѣчается, повидимому, очень рѣдко. Въ литературѣ мы находимъ указаніе на существованіе этого обычая у сенегальскихъ племенъ, у которыхъ дѣтямъ вытягиваютъ верхніе зубы, такъ что они далеко выступаютъ впередъ. Faidherbe констатируетъ тотъ же обычай у арабовъ, берберовъ и негровъ Сѣв. Африки, у которыхъ иногда дѣвушкамъ при помощи щипцовъ оттягиваютъ впередъ верхніе рѣзцы, благодаря чему получается значительный прогнатизмъ.

Вставленіе искусственныхъ зубовъ, широко практикуемое теперь всѣми цивилизованными народами, было извѣстно еще въ глубокой древности. Тогда нерѣдко пользовались для замѣны выпавшихъ зубовъ зубами покойниковъ или телятъ и прикрѣпляли ихъ къ сосѣднимъ зубамъ на основѣ изъ слоновой кости или кости гинопотама, выточенной по измѣренію циркулемъ. Особенно распространенъ былъ въ древности обычай вставленія искусственныхъ зубовъ у египтянъ, іудеевъ, римлянъ и этрусковъ. Древніе египтяне, какъ показали изслѣдованія зубовъ мумій W. D. Miller'a, умѣли и пломбировать зубы, и замѣнять испортившіеся искусственными; для послѣднихъ употребляли слоновую кость и дерево изъ рода дикой смоковницы. Укрѣпленіе зубныхъ протезовъ о сосѣдніе зубы производилось при помощи золотыхъ нитей. У Марціала есть нѣсколько эпigramмъ, указывающихъ на употребленіе искусственныхъ зубовъ римскими женщинами: „У Тансы зубы черные, а у Леканіи бѣ-

дые. Почему? Потому, что у первой они свои, а у второй они покупные". Указание на материалъ, изъ котораго дѣлались у римлянъ искусственные зубы, мы находимъ также въ одной изъ эпиграммъ упомянутого сатирика: „Эглея думаетъ, что у нея есть зубы, потому что она носитъ аппаратъ изъ костей или слоновыхъ клыковъ". Этруски употребляли искусственные зубы, которые приготовлялись изъ зубовъ какого-то крупнаго животнаго, на что указываетъ этрусскій черепъ въ музеѣ Самето въ Тосканѣ. Зубы были укрѣплены тонкой золотой полоской. Черепъ былъ найденъ въ могилѣ съ вещами, которыя относятся къ V или VI в. до Р. X.

Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть объ окрашиваніи зубовъ. Въ то время, какъ одні народности употребляютъ различныя средства, чтобы придать своимъ зубамъ возможно большую бѣлизну, другія, наоборотъ, окрашиваютъ свои зубы въ совершенно черный цвѣтъ. Такъ, относительно зубовъ жителей Кельто-Иберіи у Батуллы существуетъ слѣдующее замѣчаніе: „Жители Кельто-Иберіи имѣютъ обыкновеніе тереть зубы и десны ежедневно поутру собственной уриной; и чѣмъ зубы болѣе бѣлы и болѣе гладки, тѣмъ, значитъ, болѣе вы употребляете означенное средство". Окраска зубовъ въ черный цвѣтъ очень распространена въ области Малайскихъ острововъ. У ананитовъ, у которыхъ, по Logion'u, зубы окрашиваются въ блестяще-черный цвѣтъ, дѣвушки по выходѣ замужъ перестаютъ красить зубы (по даннымъ Mondière). Часто наблюдали путешественники окрашивание зубовъ въ черный цвѣтъ и у индѣйцевъ Централ. Америки. Окраска въ другіе цвѣта встрѣчается рѣже; такъ, напр., въ Бирмѣ женщины-борну окрашиваютъ свои зубы въ краснѣй цвѣтъ.

Литература: *O. Amoëdo*—Die Zahnheilkunde in der gerichtlichen Medizin. Leipz., 1900; *Azoulay et Regnault*—Variations de la forme des dents. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1893; *Betty*—A critical examination of teeth of several races. „Dental Review“, Chicago, 1890; *L. Brandt*—Lehrbuch der Zahnheilkunde. Berl., 1890; *P. Broca*—Instructions relatives à l'étude anthropolog. du système dentaire. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1879; *онъ же*—Des différentes espèces de prognathisme. Ibid., 1873, et „Rev. d'Anthrop.“, 1873; *онъ же*, Les crânes trépanés, les érosions. Ibid., 1876; *P. Dubois*—Les dents des Français. „Congrès dentaire de Paris“, 1889; *онъ же*, Instructions et questionnaire pour l'étude du système dentaire chez les différents peuples. „Odontologie“, Paris. 1890; *Faidherbe*—Prognathisme alveolo-dentaire. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1872; *W. H. Flower*—„The journal of the Anthropol. Institut“ etc, 1884; *Fontan*—Dents surnuméraires chez les Néo-Calédoniens. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1893; *Hamy*—Les mutilations dentaires au Mexique et dans le Yucatan. Ibid., 1882; *H. von Ihering*—Die künstliche deformirung der Zähne., „Zeitschr. f. Ethnol.“, 1882, H. V; *Kocher*—Criminalité et médecine judiciaire chez les Arabes. Lyon, 1882; *Lambert*—Morphologie du système dentaire des races humaines. „Bull. de l'Acad. Royale de Belgique“, 1887; *Lasch*—Die Verstümmelung der Zähne in Amerika. „Mittheil. der anthrop. Gesell. in Wien“, 1901, B. 31, H. 1 u. 2; *Lorion*—La criminalité en Cochinchine. Lyon, 1887; *Magitot*—L'homme et les singes anthropomorphes. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.“, 1869; *онъ же*—Recherches ethnol. sur les altérations du

systeme dentaire. „Compte rend. de la Soc. biolog.“, Paris, 1866—67; *она же* — Contribution à l'histoire des mutilations dentaires. „Congr. odontol. de Genève“ 1890; *Maurel*—La carie dentaire chez les Indiens Galibis. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.“, 1878; *Mantegazza*—Sur l'absence et l'atrophie des dents de sagesse. Ibid., 1878; *Fr. Müller*—Allgem. Ethnogr. Wien, 1873; *J. Patrick*—Examen des crânes préhistor. „Dent. Cosmos“, 1895; *J. C. Prichard*—Naturgeschichte des Menschgeschlechts. 1848, Vol. IV; *Pruner-Bey*—L'homme et l'animal. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.“, 1865; *Regnault*—Variations de la forme des dents suivant les races. Ibid., 1894 (см. также „Rev. odontolog.“, 1893—94; *Renaud*—Des variations ethniques du maxillaire supérieur. Par., 1881; *Rousseau*—Anatomie comparée du système dentaire chez l'homme et chez les principaux animaux. Par., 1839; *Sabatier*—Les dents chez les Arabes et les Kabyles. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.“, 1882; *H. v. Schlagintweit*—Zur Charakteristik der Kruneger. „Sitzungsber. d. K. bayer. Akad. d. Wiss.“. 1875, II. Cl.; *G. Schweinfurth*—Im Herzen von Afrika. Leipz., 1874; *Spence-Bate*—„Dent. Cosmos“, 1884; *P. Topinard*—Les races indigènes de l'Australie. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Par.“, 1872; *T. Waitz*—Anthrop. der Naturvölker, 1860, B. II; *C. Ward*—Human teeth from a comparative standpoint. „Dent. Cosmos“, 1898; *Whitney*—Die Zähne der alten Hawaianer. Ibid., 1893; *Th. Winterbottom's* Nachrichten von der Sierra-Leona-Küste. Weimar, 1805; *Zuckerkanndl*—Die Molarzähne des Menschen. „Anthrop. Kongress in Wien“, 1889; *Видерстейнъ*—Строение человека съ сравн.-анатом. точки зрѣнія. Переводъ подъ ред. проф. М. А. Мензбира. Москва, 1900; *А. А. Вырубовъ*—Къ вопросу о сравн. прочности зубовъ въ этнологич. и другихъ отношеніяхъ. „Дневн. Антропол. Отд.“ 1891 г., вып. III и IV; *А. А. Ивановскій*—Зубы въ антропол. отношеніи. Словарь „Большая Энциклопедія“; III. Летурия — Эволюція воспитанія у различныхъ человеческихъ расъ. С.-Пб., 1900; *Фр. Ратцель*—Народовѣдѣніе. С.-Пб., 1900; *Топинаръ*—Антропология. С.-Пб., 1879; *Н. В. Склифосовскій*—Прочность зубовъ обитателей столицы. „Врачъ“, 1880 г., №№ 5 и 6; *Франциусъ*—Къ ученію о прочности зубовъ. Ibid., 1892, № 8; *Яворскій*—ibid., 1889, № 3.

А. А. Ивановскій.

Происхождение европейскихъ народовъ *).

(*Fr. Ratzel*—*Der Ursprung und die Wanderungen der Völker geographisch betrachtet: II. geographische Prüfung der Thatsachen über den Ursprung der Völker Europas*).

Чтобы понять происхождение европейскихъ народовъ, примѣняя географическіе методы, необходимо разсматривать Европу не въ нынѣшнихъ ея очертаніяхъ, а Европу, имѣвшую другое положеніе, другія очертанія и иную величину. Нынѣшняя Европа была частью покрыта сплошнымъ ледянымъ покровомъ, надвигавшимся съ С. Съ С. - В. и Ю. - В. въ нее впаивались обширныя морскія заливы. Ея размѣры были, такимъ образомъ, гораздо меньше, чѣмъ въ данное время. Одновременно съ ледниковымъ

*) См. статью: „Происхождение и переселеніе народовъ съ географической точки зрѣнія“ въ V-й кн. „Русск. Антропол. Журн.“.

періодамъ на сѣверѣ, на югѣ существовало соединеніе европейскаго материка съ Зап. Азіей и Сѣв. Африкой въ восточной части Средиземнаго моря. На сѣверѣ жизни мѣшали льды; въ Южн.-же Европѣ, Зап. Азіи и Сѣв. Африкѣ былъ болѣе сырой климатъ, слѣдовательно, было больше шансовъ для успѣшнаго существованія живыхъ организмовъ. Въ то время, какъ Восточная и Средняя Европа, не занятая ледниковыми образованіями, носили субарктическій характеръ и давали пріютъ бродячему охотнику, на югѣ материка и въ прилежащихъ къ нему частяхъ Африки и Азіи съ успѣхомъ велось земледѣліе. Въ Средней и Южной Европѣ, въ которыхъ ледники покоились на высокихъ горахъ, а не образовывали такого сплошнаго ледяного покрова, какъ на сѣверѣ материка, существовала большая климатическая разница, чѣмъ въ нынѣшнее время. При отступаніи ледника человѣку данъ былъ большій просторъ, открылся доступъ и въ Сѣв. Азію, климатъ которой къ тому времени былъ мягче современнаго. Въ этой новой части, ставшей доступной европейцу, образовалась высокорослая, свѣтловолосая разновидность человѣческаго рода. Раньше уже успѣла по Южн. Европѣ, Сѣв. Африкѣ и Зап. Азіи распространиться свѣтлая разновидность темнокожей расы, обитавшей въ Южн. Африкѣ и Азіи. Изъ смѣси этихъ двухъ расъ и расы монгольской, явившейся въ Европу послѣ присоединенія Азіи изъ Центр. Азіи, образовались разныя помѣси, обитавшія въ Европѣ повсюду со времени неолитической эпохи. Эта новая раса, жившая преимущественно въ степяхъ Юго-вост. Европы и Сѣв.-запад. Азіи, приняла въ себя потомковъ европейскаго дильювіальнаго человѣка и затѣмъ пришельцевъ съ Востока. На югѣ нашего материка совершался притокъ темнокожихъ народностей. Кровь этихъ пришельцевъ отразилась на формахъ черепа, цвѣтѣ кожи и волосъ, на величинѣ роста и породила сходство между европейцами-южанами и сѣверо-африканцами. Вліяніе монгольской расы на древняго европейца было менѣе значительно, что видно и изъ того, что свѣтлокожіе и свѣтловолосые сѣверяне-европейцы даже передали свѣтлую кожу и волосы нѣкоторымъ монгольскимъ племенамъ. Къ сѣверу эта раса преобладаетъ и тамъ она чище. Остатки ея разбросаны въ странахъ, охватывающихъ моря Нѣмецкое и Балтійское и Британскіе острова. Долихоцефалія и высокій ростъ, отличительныя черты этой расы, встрѣчаются, кромѣ того, въ Сѣв. Азіи. Эта раса или расовая разновидность развилась, очевидно, безъ примѣсей монгольской и негрской крови. По Ратцелю эта раса—«крайнее выраженіе» бѣлой расы. Она образовалась въ области замкнутой, не соприкасающейся съ сосѣдями. Такими областями могли быть части Европы, образовавшіяся въ четвертичную эпоху путемъ соединенія и разъединенія земель вслѣдъ за отступаніемъ великаго ледниковаго покрова. Появленіе бѣлыхъ европейцевъ на памяти исторіи совершается въ Сѣв., Средн. Европѣ и въ Зап. Россіи,—здѣсь исходныя точки кельтовъ, германцевъ и славянъ.

Принятіе арійскаго языка въ Азіи и Европѣ шло съ этими процессами лишь постольку рука объ руку, поскольку арійцы успѣвали застать въ Европѣ

жителей, населявших этот материкъ въ четвертичную эпоху. Первые слились со вторыми. На С. и на Ю. это слияніе совершилось слабѣе, чѣмъ на В. и въ срединѣ материка; «арійской» расы такимъ образомъ не существовало. Пришельцы принесли ту культуру, которая господствовала въ Европѣ съ неолитическаго періода до бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Въ движеніи, исходившемъ съ Ю.-В., арійцы появились лишь позже, а не были первыми носителями этой культуры.

Арійцы, выступая въ свѣтѣ исторіи, выступали всегда ярко и опредѣленно, а это возможно лишь при томъ условіи, что они жили вдали отъ мѣста, гдѣ протекала древняя исторія. И культура ихъ была свободна отъ вліянія древнихъ культурныхъ народовъ Вост. и Малой Азіи. Это могло быть, только благодаря ихъ обособленности. Одновременно, однако, ихъ область лежала на пути пришельцевъ, явившихся въ Европу и давшихъ ей высокую культуру. Это обстоятельство указываетъ на то, что страна эта находилась къ С. отъ крупныхъ центровъ зап.-азиатской культуры.

Мидяне жили въ степяхъ къ С. отъ горъ, граничащихъ съ Тигромъ и Евфратомъ, уже въ началѣ перваго тысячелѣтія до-христіанской эры. Здѣсь они уже были побѣдителями сосѣднихъ народовъ, находившихся подъ вліяніемъ древне-вавилонской культуры. Испытавъ это вліяніе, побѣдители сами явились первыми создателями государствъ, которыя впервые можно приписать арійцамъ. Въ Мал. Азіи арійцы являются въ VIII в. Сперва фригійцы являются моремъ изъ Фракіи, изъ Греціи являются колонисты на острова, изъ Арменіи являются киммерійцы въ Мал. Азію. Передвиженіе арійцевъ происходило главнымъ образомъ въ Средн. Европѣ, и лишь отдѣльные отпрыски достигали Южн. Европы. Исходная точка арійцевъ лежала ближе къ полуостровамъ Восточной, а не Зап. Европы. Арійцы раньше всего населили Балканскій полуостровъ, затѣмъ Апеннинскій. На послѣднемъ они ассимилировали этрусковъ и лигурійцевъ. До Перинейскаго полуострова они хотя и дошли, но ихъ вліяніе оказалось слабымъ, что видно уже изъ того, что здѣсь сохранился единственный остатокъ доарійскаго населенія Европы. Остатки желѣзныхъ произведеній въ Италіи и на Балканскомъ полуостровѣ очень сходны,—это допускаетъ предположеніе, что центръ распространенія ихъ общій и притомъ лежащій въ Средн. Европѣ. Последняя строго отграничена Вислой на С.-В. Не болота верховьевъ Вислы, Днѣпра и Зап. Двины, а страна на западъ отъ Вислы была этимъ исходнымъ пунктомъ для культурныхъ вліяній арійцевъ. Такимъ образомъ, не существовало непосредственной связи между Сѣв.-вост. Европой и Азіей. Также и Юго-зап. Европа, куда арійцы явились позже всего, не была проходной страной для движенія арійцевъ по Европѣ. Все предыдущее указываетъ на существованіе непрерывной полосы суши, тянущейся отъ 35° с. ш. съ Ю.-В. на С.-З. къ полярному кругу, отъ великихъ плоскогорій къ Персидскому заливу до самаго Балтійскаго моря. Въ составъ ея входятъ: страна Тигра и Евфрата, Арменія, Кавказъ, Мал. Азія; сѣверная часть Балканскаго

полуострова, Дунай, Диѣстръ связываютъ ее съ Средн. Европой, а Балтійское море—съ Сѣверной. Индія же, принимавшаяся прежде за родину арійцевъ, какъ въ культурномъ, такъ и въ расовомъ отношеніи, стоитъ въ сторонѣ. Индійскія бронзы гораздо болѣе отличаются отъ древне-европейскихъ и зап. азіатскихъ, нежели бронзы Вост. Азіи; древняя желѣзная промышленность Индіи также своеобразна, и въ антропологическомъ смыслѣ индусы рѣзко отличаются отъ европейцевъ,—ни черепъ, ни другіе расовые признаки не сходны у европейскихъ и индійскихъ арійцевъ.

Къ работѣ проф. Ратцеля приложена карточка Европы въ четвертичную эпоху, составленная по новѣйшимъ даннымъ. Въ ней указаны области, покрытыя ледниковымъ покровомъ, части Европы, бывшія за то же время подъ водой, наконецъ, изображены болота и внутреннія воды. Границы расъ проведены по Деннигеру.

Работа Ратцеля является первой попыткой объяснить происхожденіе расъ Европы, принявъ въ расчетъ представленіе пространственныхъ величинъ; въ этомъ отношеніи ее можно только приветствовать.

Б. Адлерг.

Карлики и пигмеи.

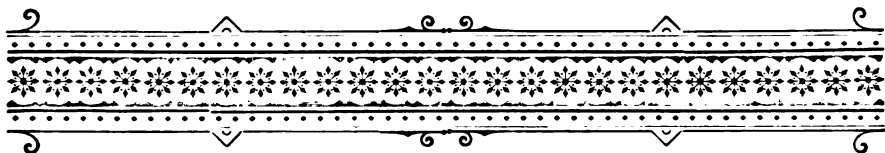
(Dr. Hopf—Zwerge und Pygmäen. „Corr.-Blatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte“, 1901, № 6).

Въ прежнія времена подъ общимъ названіемъ „карлики“ объединялись всѣ тѣ люди, ростъ которыхъ былъ значительно ниже минимальнаго роста нормально-развитого человѣка; при этомъ не обращалось вниманія на то, распространялся ли карликовый ростъ на все тѣло или только на части его, на отдѣльные индивидуумы или на цѣлыя племена. Такіе необыкновенно маленькіе люди, какъ и люди необыкновенно высокаго роста, уже съ глубокой древности обращали на себя вниманіе, и сказки, и мифы различныхъ народовъ рассказываютъ о карликахъ, равно какъ и о великанахъ, какъ о человѣческихъ созданіяхъ совершенно особаго рода, приписывая имъ часто чудесное происхожденіе. Въ народныхъ вѣрованіяхъ карлики нерѣдко считались олицетворенными духами, въ родѣ домовыхъ, живущими въ пещерахъ и въ пропастяхъ и вступающими съ людьми то въ дружескія, то въ непріязненныя отношенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что поводомъ для подобныхъ сказочныхъ и мифическихъ представленій послужили дѣйствительные карлики, и для антропологии представляетъ большой интересъ опредѣлить причины происхожденія различныхъ формъ и видовъ карликоваго роста. Частный карликовый ростъ всегда является въ результатъ патологическаго процесса. При кретинизмѣ, напр., не

только останавливается физическое развитіе, но и происходит уменьшеніе роста тѣла, именно въ нижнихъ конечностяхъ; рахитизмъ часто служилъ причиною происхожденія тѣхъ малорослыхъ людей, типъ которыхъ хорошо извѣстенъ по придворнымъ карликамъ и шутамъ прежнихъ временъ. Третій родъ карликоваго роста тотъ, когда ростъ, безъ видимаго патологическаго процесса, останавливается еще въ дѣтствѣ, причемъ нижнія конечности, а нерѣдко также и верхнія, по сравненію съ туловищемъ, остаются такими же относительно короткими, какъ и у дѣтей. Подобнаго рода частный карликовый ростъ иногда бываетъ наследственнымъ. Нѣсколько иной видъ представляютъ собою тѣ карлики, у которыхъ остановка въ ростѣ распространяется не только на отдѣльныя части скелета, но на все тѣло, такъ что оно, какъ и у людей нормальнаго роста, отличается полною пропорціональностью сложенія. Причина происхожденія такихъ настоящихъ карликовъ, т. наз. лилипутовъ, которые обыкновенно рождаются отъ нормально развитыхъ родителей и имѣютъ братьевъ и сестеръ нормальнаго роста, остается до сихъ поръ неизвѣстной. Но что природа въ состояніи передавать настоящий карликовый ростъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, это мы видимъ на пигмеевъ. Мы знаемъ пигмеевъ уже изъ доисторическаго времени; такъ, д-ромъ Nüesch'емъ и проф. Kollmann'омъ въ неолитическихъ гробницахъ въ Schweizerbild'ѣ, возлѣ Шаффгаузена, были найдены пять взрослыхъ пигмеевъ. Такіе же скелеты пигмеевъ были найдены въ неолитической свайной постройкѣ Chevroux, причемъ по найденному вѣстѣ съ ними украшенію изъ раковины можно предположить, что эти, спорадически встречающіеся, маленькіе люди пришли съ юга. Что пигмей есть въ Африкѣ, объ этомъ упоминаютъ уже древніе писатели; напр., Аристотель рассказываетъ о битвахъ журавлей съ египетскими пигмеями. Вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о существованіи африканскихъ пигмеевъ были получены, однако, только въ 1867 г. отъ Du Chaillu и въ 1870 г. отъ Schweinfurth'a. Они первые сообщили о негроидныхъ народахъ, средній ростъ представителей которыхъ не превышаетъ 130—140 сант. Такимъ образомъ оказалось, что, кромѣ акка въ центральной Африкѣ и бушменовъ въ южной, есть еще племена пигмеевъ на сѣверѣ, востокѣ и западѣ Африки. Всѣ они, по изслѣдованію Р. Вирхова, настоящіе, большею частью длинноголовые, негры, или т. наз. нигриціи, съ спирально завитыми волосами, съ нѣсколько болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, чѣмъ настоящіе негры. Живутъ они въ лѣсахъ, всѣ—искусные охотники. Необходимое для охоты оружіе, въ особенности металлическое, приобрѣтаютъ отъ сосѣднихъ болѣе культурныхъ племенъ. Сами же они не только не вышли изъ каменнаго періода, но находятся еще въ стадіи, такъ сказать, деревяннаго періода. Кромѣ африканскихъ пигмеевъ, за послѣднее время узнали о существованіи пигмеевъ на азіатскомъ востокѣ, въ особенности въ Передней и Дальней Индіи. У нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напр., у цейлонскихъ веддовъ, волосы не спирально закрученные, а прямые, и цвѣтъ кожи свѣтлый. Въ недавнее время будто бы найдены пигмеи также и въ Европѣ, именно въ Пиренеяхъ. Проф. Sergi,

основываясь на нахожденіи довольно значительнаго числа малоголовыхъ череповъ въ отдѣльныхъ областяхъ Италіи и Россіи, дѣлаетъ даже предположеніе, что пигмеи образовывали нѣкогда первичную расу, нѣкоторые представители которой перешли изъ Африки въ Европу. Относительно происхожденіи пигмеевъ взгляды раздѣляются. Мнѣніе, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ пониженіемъ роста вслѣдствіе плохихъ условій питанія, дѣйствовавшихъ весьма продолжительное время, является, повидимому, наиболѣе вѣроятнымъ. Взглядъ же, что пигмеи представляютъ переходную форму отъ обезьянъ къ человѣку, во всякомъ случаѣ долженъ быть совершенно оставленъ.

Ал. Ивановскій.

Критика и библиографія.

D-r Ant. Nyström. Ueber die Formenveränderungen des menschlichen Schädels und deren Ursachen. (Д-ръ А. Нюстрёмъ. Обь измѣненіи формы человѣческаго черепа и ея причинахъ). „Arch. f. Anthropol.“, XXVII. Bd., 2-tes Vierteljahresheft, Juni, 1901.

Вопросъ объ измѣняемости черепа все болѣе и болѣе выдвигается въ антропологию. Черепная форма, еще недавно считавшаяся неизмѣнимою и пользовавшаяся въ силу своей вѣковой прочности особымъ вниманіемъ антропологовъ, встрѣчаетъ уже сомнѣніе въ своей неизмѣнности. Пока это—только отдѣльныя указанія, но такъ какъ во главѣ ихъ мы находимъ имя Вирхова, давно уже доказывавшаго, что длинноголовость эскимосскаго черепа могла произойти отъ усиленной дѣятельности жевательныхъ мышцъ, то мы не можемъ не останавливаться съ интересомъ и на другихъ работахъ этого рода, представляющихъ видимую обоснованность и серьезность. Къ числу такихъ работъ, какъ намъ кажется, можетъ быть отнесена вышеназванная работа шведскаго антрополога Нюстрёма.

Нюстрёмъ принадлежитъ къ антропологамъ, разочаровавшимся въ непогрѣшимости краниологій, по крайней мѣрѣ по отношенію къ этнологическимъ вопросамъ. «Вмѣсто того, чтобы внести ясность въ антропологическія изслѣдованія,—говоритъ онъ,—краниологія создала для нихъ большія затрудненія при заключеніи выводовъ изъ сдѣланныхъ наблюденій, и въ настоящее время выдающіеся краниологи предаются нѣкотораго рода научному отчаянію по поводу смятенія, господствующаго въ этихъ изслѣдованіяхъ» (212). Одну изъ причинъ этого смятенія авторъ видитъ въ предвзятомъ мнѣніи, будто всѣ формы черепа могутъ быть сведены къ «двумъ главнымъ типамъ»—длинноголовому и короткоголовому, какъ «типичнымъ» или естественнымъ основнымъ формамъ, между тѣмъ какъ всѣ формы, промежуточныя между этими крайними формами, должны быть отнесены къ группѣ среднеголовыхъ, происшедшихъ отъ смѣшенія или скрещиванія главныхъ типовъ. На самомъ дѣлѣ наблюденіе показываетъ, что потомки индивидуумовъ съ различными головными указателями обладаютъ тою или другою изъ черепныхъ формъ родителей и что настоящіе «смѣшанные типы» образуются гораздо рѣже, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Между длинно-и короткоголовыми черепами должны быть поставлены

среднеголовыя формы многихъ народовъ, которыя никакъ нельзя считать смѣшанными типами и которыя образовались такъ же, какъ и главные типы, дѣйствіемъ естественныхъ силъ. Наблюденія Вирхова, Ранке и др. антропологовъ позволяютъ допустить, что форма черепа выказываетъ несомнѣнныя измѣненія дѣйствіемъ культуры, хотя эти ученые и не указываютъ, какъ именно произошли эти измѣненія (214).

Вообще, наука обходитъ до сихъ поръ вопросъ о происхожденіи черепныхъ формъ, тогда какъ этотъ вопросъ долженъ быть главной цѣлью ея изслѣдованій, которыя уже не могутъ ограничиваться чисто морфологическимъ, конкретнымъ изученіемъ указанныхъ формъ. При нынѣшнемъ положеніи науки преобладающее значеніе должны получить динамическіе вопросы, обнимающіе опредѣленіе отношеній между причиной и слѣдствіемъ.

Нистрѣмъ примыкаетъ къ мнѣнію Вирхова, что причиною длинноголовости многихъ народовъ можетъ быть величина челюстной части у людей низшихъ культурныхъ стадій, когда грубая, почти сырая пища требуетъ большаго напряженія жевательнаго аппарата. Тяжесть названной части вызываетъ большее напряженіе тыльных мускуловъ, вслѣдствіе чего голова удлиняется назадъ. Напряженіе жевательныхъ мышцъ соотвѣтственно составу пищи выражается у низкостоящихъ народовъ въ значительныхъ утолщеніяхъ и буграхъ на челюстныхъ, теменныхъ, лобной и височной костяхъ. Отсюда является полное основаніе заключить, что у народовъ съ сильно развитымъ жевательнымъ аппаратомъ дѣйствіе жевательныхъ мышцъ оказывало вліяніе на форму мозгового черепа. Затылочная кость человѣка въ нѣжномъ возрастѣ почти совершенно гладка, и только по мѣрѣ роста индивидуума принимаетъ болѣе или менѣе выступающіе валики и бугорки. Образование тѣхъ и другихъ никакъ нельзя считать результатомъ одной только наслѣдственности; хотя участія этой послѣдней отрицать нельзя, но образованіе упомянутыхъ неровностей еще въ большей степени должно быть приписано оттягиванію костей мышцами. Дѣйствіе извѣстныхъ силъ, въ родѣ оттягиванія мышцъ или вліянія давленія, облегчается тѣмъ, что черепъ въ раннемъ возрастѣ обладаетъ большою эластичностью костей, связанныхъ, по большей части, швами, состоящими изъ кожистыхъ перепонокъ. Расположеніе швовъ благопріятствуетъ образованію какъ узкихъ и вытянутыхъ, такъ и широкихъ и короткихъ черепныхъ формъ. Два шва между лобной костью и теменными костями и между этими послѣдними и затылочной костью идутъ въ поперечномъ направленіи и допускаютъ оттягиваніе этихъ костей въ продольномъ направленіи; напротивъ, три шва—одинъ между теменными костями вверху, по одному по обѣимъ сторонамъ головы, между теменной и височной костью, допускаютъ вытягиваніе въ поперечномъ направленіи. Образование затылочной кости также имѣетъ большое значеніе для происхожденія болѣе или менѣе вытянутой формы черепа. Эта кость образуется обыкновенно изъ четырехъ центровъ образованія и еще при рожденіи эти четыре части отдѣлены одна отъ другой и соединены только хрящами. Въ возрастѣ приблизительно четырехъ лѣтъ эти четыре части начинаютъ скрѣпляться между собою, причемъ задняя соединяется съ двумя ближайшими къ ней передними, но лишь въ возрастѣ 5—6 лѣтъ затылочная кость срастается въ одно цѣлое (217).

Авторъ считаетъ несомнѣннымъ, что болѣе или менѣе короткоголовая черепная форма происходитъ отчасти отъ отрицательной причины или уменьшеннаго оттягиванія тыльных мышцъ, отчасти же отъ дѣйствія физической силы, внутренняго давленія, которое не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ

основнымъ началомъ гидростатики, «принципомъ Паскаля» (принципомъ равномерно распределеннаго давления по всѣмъ направленіямъ на подвергающуюся ему жидкость въ закрытомъ сосудѣ). Хотя большую часть черепа занимаютъ полутвердыя ткани, но, съ гидростатической точки зрѣнія, содержимое его можно разсматривать какъ жидкость, такъ какъ значительное количество крови постоянно находится въ немъ и, по большей части, обращается на поверхности мозга; кромѣ того, извѣстное количество жидкости съ 98,5% воды содержится въ паутинномъ и подпаутинномъ пространствахъ и желудочкахъ. Дѣйствіе внутренняго давленія въ теченіе многихъ лѣтъ на форму черепа авторъ усматриваетъ въ увеличеніи вмѣстимости черепа съ ростомъ цивилизаціи (219). Это вліяніе онъ называетъ статическимъ закономъ брахицефалии.

Вліяніе тыльных мышцъ на форму головы, обуславливающее большее или меньшее нагибаніе ея впередъ, онъ называетъ динамическимъ закономъ долихоцефалии. Это вліяніе тыльных мышцъ на форму черепа проявляется, главнымъ образомъ, въ молодые годы, когда кости и швы достаточно уступчивы (224).

Мы ограничиваемся этими общими выводами статьи Нистрёма, увѣренные, что читатели, интересующіеся этимъ вопросомъ, ознакомятся съ самой работой шведскаго ученаго. Высказываться о значеніи ея было бы, можетъ быть, преждевременно, но и основная мысль, и многія соображенія автора, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Д. Корончевскій.

Prof. E. Baelz. Menschen-Rassen Ost-Asiens mit specieller Rücksicht auf Japan. „Verhandl. d. Berl. Gesellsch. f. Anthropol., Ethnol. und Urgesch.“. Jahrgang 1901, SS. 166—189, 202—220.

Авторъ, профессоръ университета въ Токио, проведеній въ Японіи около 25-ти лѣтъ и опубликовавшій за это время нѣсколько своихъ изслѣдованій по антропологии Вост. Азіи, въ частности Японіи, въ настоящей статьѣ дѣлаетъ попытку суммировать разбросанныя антропологическія данныя о Вост. Азіи и, на основаніи ихъ, выдѣлать основные антропологическіе типы. Наиболее распространенной и многочисленной на Востокъ Азіи является монгольская раса. Понимаемая въ широкомъ смыслѣ, она населяетъ почти весь Китай, Японію, Корею, Формозу, на западъ — Монголію, на югъ — Тибетъ, Индо-Китай и прилегающіе къ нему Остъ-Индскіе острова. Кромѣ собственно монгольской расы, въ населеніи Вост. Азіи встрѣчаются нѣкоторые другіе очень важные расовые элементы — прежде всего въ Сѣв.-восточной Азіи, въ Манчуріи, въ части Кореи и на сосѣднемъ съ Кореей западномъ берегу Японіи. Эти элементы проф. Бельцъ объединяетъ подъ названіемъ «манчжуро-корейскій типъ», потому что родина ихъ — манчжурско-корейская граница, гдѣ они наиболѣе распространены и гдѣ типъ ихъ представляется наиболѣе чистымъ. Этотъ «манчжуро-корейскій типъ» болѣе приближается къ европейскому, нежели собственно монгольскій. Съ послѣднимъ онъ, конечно, имѣетъ много общаго и сильно съ нимъ смѣшанъ, но представители его — выше ростомъ, стройнѣе, ихъ лица длиннѣе, скулы выступаютъ менѣе, и вообще ихъ «пропорціи болѣе кавказскія»; они, безъ сомнѣнія, близко родственны т. наз. тюркскимъ народностямъ. Въ-третьихъ, мы имѣемъ въ Вост. Азіи народъ, который называютъ палеоазиатскимъ, это — айны. По вопросу о происхожденіи айновъ, — вопросу, какъ извѣстно, чрезвычайно запутанному въ антропологии Вост. Азіи, — авторъ высказываетъ слѣдующее предполо-

женіе. По его мнѣнію, весь сѣверо-востокъ Азіи былъ ранѣе населенъ расой, родственной кавказской. Эта раса, при нашествіи завоевателей—монголовъ и тюркскихъ народовъ, которые громадными полчищами надвинулись на сѣверъ изъ Тибета и сосѣднихъ съ ними областей, раздѣлилась на двѣ части. Айны, восточная часть, отодвинулись къ морю и на Японскіе острова, а другая часть, благодаря переселенію народовъ, отодвигалась все далѣе на западъ. Переселеніе народовъ, которое мы датируемъ 378-мъ годомъ, въ западной Манчжуріи началось уже въ I столѣтіи по Р. Х. Гунны тогда были оторваны отъ этихъ мѣстъ и направились на западъ, пока, наконецъ, не дошли до населенія теперешней Россіи и до германскихъ народностей. Масса современныхъ русскихъ крестьянъ представляетъ собою, по мнѣнію Бельца, потомковъ пришедшей въ Россію части вышеупомянутой расы (съ большей или меньшей примѣсью монгольской крови). Допуская эту гипотезу, легко, по словамъ автора, объяснить то поразительное сходство, какое наблюдается между айнами и нѣкоторыми русскими крестьянами. Эта же гипотеза исключаетъ необходимость считать айновъ за особый палеоазиатскій народъ.

Есть, далѣе, въ Китаѣ нѣкоторые древніе народы: міаотце, лоло и др., относительно которыхъ, однако, извѣстно мало достовѣрнаго.

Наконецъ, въ южномъ Китаѣ, въ восточной Формозѣ и отчасти также въ южной Японіи замѣтно присутствіе полинезійской крови.

Въ Японіи, Китаѣ и Корей господствуютъ одни и тѣ же расовые элементы, только въ различныхъ пропорціяхъ, именно: въ центральномъ и южномъ Китаѣ берутъ перевѣсъ собственно монголы; чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ болѣе господствуютъ т. наз. малайскій типъ (малайцевъ проф. Бельцъ относитъ къ монгольской расѣ; все отличие ихъ отъ собственно монголовъ авторъ видитъ только въ болѣе круглыхъ и менѣе узкихъ глазахъ); на сѣверѣ замѣтно господство манчжуро-корейскаго типа. Этотъ послѣдній типъ въ особенности является обычнымъ въ сѣверной и средней Корей, въ южной-же Корей онъ смѣняется малайско-монгольскимъ. Въ самомъ Китаѣ есть немало особей, представляющихъ собою помѣсь монголовъ и малайцевъ съ этимъ сѣвернымъ типомъ. Въ Японіи онъ наблюдается чаще всего въ тѣхъ ея частяхъ, которыя ближе всего лежать къ Корей.

Несмотря на то, что нѣкоторыя гипотезы автора являются мало обоснованными и едва-ли будутъ приняты наукой, статья его представляетъ, тѣмъ не менѣе, большой интересъ,—въ ней антропологъ найдетъ немало фактовъ, вносящихъ новое освѣщеніе въ сложные вопросы антропологии Вост. Азіи. Въ концѣ своей статьи авторъ разсматриваетъ рядъ интересныхъ вопросовъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ основной его темѣ, какъ-то: о вліяніи солнечныхъ лучей на различныя расы и объ образованіи пигмента, о возрастѣ, до котораго продолжается ростъ черепа, о значеніи для антропологии рентгеноскопій, о «supramantia» и ея значеніи и т. п.

А. И. Ивановскій.

W. Bogoras. *The Chukchi of Northeastern Asia* (В. Богоразъ. Чукчи сѣв.-восточной Азіи). „*American Anthropologist*“, 1901, January—March.

Эта небольшая статья является предварительнымъ сообщеніемъ о поѣздкѣ автора къ чукчамъ и потому, конечно, охватываетъ лишь ничтожную часть собраннаго имъ матеріала; но и въ этомъ объемѣ она даетъ нѣсколько интересныхъ фактовъ.

Характеризуя чукчей съ физической стороны, авторъ ограничивается пока лишь общими указаніями, не приводя цифровыхъ данныхъ. Чукчи, по его словамъ, отличаются высокимъ ростомъ и крѣпкимъ сложеніемъ. Цвѣтъ кожи на закрытыхъ частяхъ тѣла вообще мало отличается отъ обычнаго для европейцевъ, хотя встрѣчаются и буроватые оттѣнки; но лицо, вслѣдствіе загара, всегда окрашено въ различные оттѣнки кирпично-краснаго и кроваво-краснаго цвѣта. Волосы—черные, иногда *волнистые* или даже *кудрявые*. Борода—довольно рѣдкая, за-то брови — часто густыя и косматыя, особенно у стариковъ. Глаза—каріе, съ прямымъ разрѣзомъ, и часто не менѣе открытые, чѣмъ у представителей бѣлой расы. Черепъ отличается плоскимъ теменемъ и низкимъ, прямымъ лбомъ. На лицѣ поражаетъ массивность нижней челюсти. Скулы менѣе выдаются и носъ уже, чѣмъ у якутовъ и тунгусовъ. Типично-монголоидныя черты лица чаще встрѣчаются у женщинъ.

По мѣсту обитанія и по образу жизни чукчи образуютъ двѣ группы: 1) оленные чукчи (по-чукотски — *Chawtey*, т.-е. богатые оленями; отъ этого слова произошло и русское названіе чукчей), кочующіе въ Колымскомъ округѣ; 2) приморскіе чукчи (по-чукотски — *Ankalit*, т.-е. морскіе люди), занимающіе побережье Ледовитаго океана отъ мыса Эрри до Восточнаго и отчасти побережья Тихаго океана, гдѣ они смѣшиваются съ эскимосами; главнымъ занятіемъ ихъ является морское звѣроловство и рыболовство. Основываясь на данныхъ фольклора, авторъ допускаетъ возможность, что эти двѣ группы были нѣкогда болѣе обособлены одна отъ другой не только въ этнографическомъ, но и въ антропологическомъ отношеніи. Общая численность племени достигаетъ 15.000 душъ (въ томъ числѣ оленныхъ около 3.000), причемъ авторъ отмѣчаетъ большую жизнеспособность племени, выражающуюся какъ въ размѣрахъ семьи и продолжительности жизни, такъ и въ фактахъ постепеннаго распространенія чукчей къ западу, по территоріи сосѣднихъ племенъ, которыхъ они отчасти вытѣсняють.

Изъ особенностей психической организаціи чукчей больше всего поражаетъ ихъ необычайная раздражительность. Ярость чукчей не знаетъ предѣловъ, и, въ случаѣ невозможности отомстить врагу, они плачутъ, какъ дѣти, и часто кончаютъ самоубійствомъ. Чукчи не выносятъ подчиненія какой-либо власти, и всѣ попытки къ установленію надъ ними этой власти до сихъ поръ были безуспѣшны.

Никакой политической организаціи у нихъ нѣтъ, а социальная основывается на родовомъ союзѣ, связанномъ родствомъ по мужской линіи и цѣлой системой *табу* (такъ, напр., члены разныхъ родовъ не могутъ обмѣниваться между собою не только огнемъ для очага, но даже кусочками обгорѣлаго дерева; любопытно, что это запрещеніе не распространяется на иностранцевъ и на огонь для зажиганія трубки). Наиболѣе естественной и предпочтительной формой брака считается бракъ между родственниками; но допускается бракъ и между членами разныхъ группъ, причемъ вмѣсто уплаты за жену мужчина долженъ на время вступить въ родовую группу послѣдней въ качествѣ работника. Наконецъ, авторъ отмѣчаетъ еще третью форму брака—поліандрическій бракъ, соединяющій иногда до 10 мужчинъ съ одной женщиной. Что касается полигаміи, то она вообще допускается, хотя на практикѣ ограничивается тяжелыми условіями жизни.

Религіозныя воззрѣнія чукчей имѣють вполнѣ анимистическій характеръ и находятъ себѣ выраженіе въ довольно богатой мифологіи и фольклорѣ, и въ цѣлой системѣ обрядовъ, которыми чукча старается защититься отъ нападеній

безчисленныхъ и по большей части злыхъ духовъ—*Ké'lat* (шаманизмъ, жертвоприношенія, система табу).

Умершихъ чукчи или сожигаютъ, или же, обложивъ лоптями оленьяго мяса, оставляютъ въ тундрѣ на съѣденіе волкамъ и лисицамъ, и чѣмъ скорѣе трупъ будетъ съѣденъ, тѣмъ лучше предназначенія для родственниковъ покойнаго.

Отмѣтимъ, наконецъ, до сихъ поръ сохранившійся обычай умерщвленія стариковъ и больныхъ, которые, впрочемъ, добровольно подчиняются ему и даже считаютъ такую смерть своимъ правомъ, требуя его осуществленія часто противъ желанія родственниковъ.

С. Королевъ.

Miriam Ellis. The human ear, its identification and physiomy. London, 1900.

Интересъ къ изученію наружнаго уха въ послѣднее время значительно повысился; цѣлый рядъ изслѣдованій направленъ къ установкѣ расовыхъ и индивидуальных особенностей этого органа, къ установкѣ его значенія, какъ показателя вырожденія и преступности и т. д. Книга, заглавіе которой выписано выше, также посвящена наружному уху. Но надо сказать, что авторъ, думая воспользоваться наружнымъ ухомъ для идентификаціи личности, не идетъ по пути, уже указанному Bertillon'омъ, не пользуется анатомической номенклатурой, давно уже установленной (и, кажется, мало извѣстной автору), но для удобства описанія отдѣльныхъ частей уха дѣлитъ его на нѣсколько сегментовъ, описывая отдѣльно особенности каждаго изъ нихъ. Дѣленіе на сегменты совершенно произвольно, и части, анатомически или филогенетически составляющія одно цѣлое, у Ellis раздѣлены, и обратно—соединяются вмѣстѣ части, ничего общаго между собою не имѣющія. Главную же задачу автора составляетъ идентификація личности не въ томъ смыслѣ, какъ она понимается у антропологовъ, юристовъ и судебныхъ врачей, но въ особомъ, средневѣковомъ значеніи: авторъ дѣлаетъ попытку установки связи между формой уха и тѣмъ или другими особенностями духа, пытается такимъ образомъ оживить давно уже отжившую и умершую физиономику. Ellis дѣлаетъ по установленному ею методу рядъ наблюденій надъ живыми, просматриваетъ портреты выдающихся дѣятелей, произведенія искусства, детально цитируетъ (почти цѣлкомъ) всѣ тѣ строки, которыя посвящены наружному уху у знаменитаго физиономиста Lavater'a, и т. д. Ненаучность методовъ изслѣдованія, легкость, съ которой дѣлаются обобщенія частныхъ случаевъ, наконецъ, расплывчатость—въ общемъ, впрочемъ, бойкаго—изложенія лишаютъ книгу всякаго научнаго значенія.

В. Воробьевъ.

Д-ръ Д. II. Никольскій. *О спиртныхъ напиткахъ среди нашихъ инородцевъ. Спб. 1901 г. (Отдѣл. оттискъ изъ „Трудовъ Антроп. Общества при Восн.-Медиц. Акад.“).*

Вопросъ объ употребленіи спиртныхъ напитковъ, вѣрнѣе, о злоупотребленіи ими въ послѣднее время часто дебатруется какъ на страницахъ общей прессы, такъ и специально-медицинской. Алкоголизмъ привлекъ вниманіе не только гигиенистовъ, невропатологовъ и физиологовъ, но, сдѣлавшись обществен-

нымъ зломъ, заставилъ заняться имъ и экономистовъ. Д-ръ Никольскій хочетъ привлечь къ разработкѣ вопроса объ употребленіи спиртныхъ напитковъ и этнографовъ и антропологовъ. Коснувшись въ краткихъ словахъ исторіи появленія алкогольныхъ напитковъ у древнѣйшихъ народовъ, авторъ вскользь останавливается на важномъ вопросѣ, почему въ организмѣ является потребность въ алкоголѣ и каково дѣйствіе этого яда на организмъ; ничего не рѣшая, авторъ только указываетъ на противорѣчивость мнѣній по даннымъ вопросамъ. Въ краткомъ, но тщательно составленномъ очеркѣ читатель знакомится съ тѣмъ, какіе спиртные напитки употребляются нашими инородцами и въ какомъ количествѣ. Почти у каждаго племени есть свой національный напитокъ, въ которомъ алкоголь содержится въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Авторъ довольно подробно описываетъ способы производства нѣкоторыхъ такихъ напитковъ и всюду отмѣчаетъ сравнительную безвредность этихъ національных изобрѣтеній съ русской водкой, которая получаетъ все большее и большее распространение среди инородцевъ. Водка (скверная, съ разными подмѣсями) проникла даже къ тѣмъ племенамъ, у которыхъ коранъ строго запрещаетъ употребленіе алкоголя. Почти поголовное пьянство не только среди мужчинъ, но и среди женщинъ и дѣтей, тяжелое опьянѣніе плохой водкой, преслѣдованіе акцизными чиновниками національных, слабо алкогольныхъ напитковъ,—все это тяжело отзывается на жизни инородцевъ, какъ экономической, такъ и физической.

Разбираясь въ собранномъ матеріалѣ, авторъ указываетъ, что вопросъ этотъ еще мало изслѣдованъ, въ особенности съ санитарно-гигиенической стороны; въ виду этого д-ръ Никольскій предлагаетъ Антропологическому Обществу при Военно-Медицинской Академіи совмѣстно съ Географическимъ и Русскимъ Обществомъ охраненія народнаго здравія, выработать программу для болѣе подробнаго изученія даннаго вопроса. Авторъ указываетъ при этомъ на рядъ мѣръ общаго характера, которыми можно, по его мнѣнію, бороться съ распространяющимся зломъ: поднятіе культурности, ограниченіе продажи водки, пропаганда чая и пр. Въ заключеніе приводится проектъ программы, въ которую входятъ какъ вопросы, касающіеся національныхъ напитковъ, исторіи ихъ происхожденія, способовъ приготовленія, такъ и вопросы относительно водки,—какими способами распространяется она между инородцами, какъ вліяетъ на нихъ и т. п. Вопросъ, затрогиваемый д-ромъ Никольскимъ, помимо чисто научнаго интереса, имѣетъ и большое практическое значеніе въ виду всѣми отмѣчаемаго факта вымиранія инородцевъ,—факта, который несомнѣнно стоитъ въ связи съ хроническимъ отравленіемъ алкоголемъ.

В. Розановъ.

Д-ръ Д. П. Никольскій. Программа для собиранія свѣдѣній о половой зрѣлости женщинъ. Спб. 1901 г. (Отдѣл. оттискъ изъ „Трудовъ Антроп. Общества при Воен.-Медиц. Акад.“).

По справедливому замѣчанію автора, вопросъ о половой зрѣлости у женщинъ долженъ интересовать не только врачей, но и антропологовъ, такъ какъ половая зрѣлость указываетъ до нѣкоторой степени и на физиологическую зрѣлость всего организма. Въ виду этого д-ръ Никольскій предлагаетъ, чтобы въ программы антропологическихъ изслѣдованій были включаемы пункты, которые бы помогли освѣтить вопросъ съ указанной точки. Соглашаясь съ авторомъ въ томъ, что изслѣдованія въ этомъ направленіи крайне желательны, программу,

предлагаемую имъ, нельзя однако назвать вполне соответствующей намѣченной цѣли. Въ нее, напр., включены такіе вопросы, какъ: были ли выкидыши, мертворожденные, родились ли дѣти доношенными? Простые отвѣты на подобные вопросы ничего не могутъ дать: причины могутъ зависѣть какъ отъ патологическаго состоянія половой сферы, такъ и отъ такихъ заболѣваній, какъ сифилис и др. Точно такъ же и вопросы о болѣзненности или безболѣзненности регулъ и о разстройствѣ менструаций могутъ интересоватъ только врача, а не антрополога, такъ какъ связаны съ патологическимъ состояніемъ организма. Что касается вопросовъ о наступленіи половой зрѣлости, то въ число ихъ желательнo было бы добавить вопросы о времени появленія волосъ на лобѣ, набуханіи грудныхъ железъ, о формѣ этихъ железъ (конусовидная, полушаровидная и др.),—тогда можно было бы составить себѣ хоть нѣкоторое представление объ этомъ періодѣ наступленія зрѣлости; между тѣмъ авторъ въ своей программѣ ставитъ на предлагаемую тему только одинъ вопросъ: на которомъ году появились первые регулы? При изслѣдованіи дѣвочекъ, достигающихъ половой зрѣлости, можетъ быть, необходимо дѣлать рядъ тщательныхъ измѣреній груди и таза черезъ опредѣленные сроки (3, 4 мѣсяца, $\frac{1}{2}$ года), чтобы составить себѣ болѣе полное представление о быстромъ измѣненіи во всемъ организмѣ,—измѣненіи, которому дается толчекъ съ появленіемъ первыхъ регулъ.

В. Розановъ.

Д-ръ И. В. Лифшицъ. Физическое развитіе учащихся въ земскихъ школахъ Лужскаго у., Петербургской губ.

Подъ такимъ заглавіемъ былъ прочитанъ авторомъ докладъ на VIII-мъ съѣздѣ земскихъ врачей Петербургской губ., бывшемъ въ мартѣ текущаго года. Авторъ вполне правъ, говоря, что изслѣдованіе дѣтей школьнаго возраста можетъ выяснитъ вопросъ объ установленіи типа подрастающаго поколѣнія и опредѣлитъ ходъ развитія его. Работа д-ра Лифшица, обнимающая значительное число изслѣдованныхъ (1227 чел., изъ которыхъ 880 мальчиковъ и 347 дѣвочекъ), даетъ много цѣнныхъ указаній для антропологии дѣтей школьнаго возраста. Для выводовъ взяты возрастъ отъ 7—12 л. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что средній ростъ 7-лѣтокъ равенъ 115 сант., 12-лѣтокъ—135 с., такъ что за 5 лѣтъ увеличеніе роста равняется 20 сант.; ежегодная прибавка въ ростѣ равна 8 с., за исключеніемъ 8-лѣтнихъ, которые въ теченіе одного года удлинняются по 6,4 с.; дѣвочки во всѣхъ возрастныхъ группахъ немногимъ выше мальчиковъ. Средній обхватъ груди 7-лѣтнихъ равенъ 56,2 с., 12-лѣтнихъ—64,2, т.-е. за 5 лѣтъ увеличеніе достигалось лишь 8 с.; ежегодная прибавка въ окружности груди равна 1,6 с.

Дѣвочки во всѣхъ возрастахъ имѣютъ грудь болѣе узкую, чѣмъ мальчики, причемъ авторомъ констатировано, что ежегодное увеличеніе обхвата груди и роста у мальчиковъ и дѣвочекъ почти одинаково, за исключеніемъ 10-лѣтняго возраста, какъ это видно изъ нижеслѣдующей таблички о годовомъ приростѣ груди и роста:

Возрастъ.	Ростъ.		Окружность груди.	
	м.	д.	м.	д.
8 лѣтъ	3,7	— 3,4;	2,8	— 2,2
9 "	6,4	— 6,4;	2,0	— 2,7
10 "	3,7	— 3,0;	0,7	— 0,3
11 "	3,9	— 3,7;	2,3	— 1,3
12 "	3,0	— 3,6;	0,5	— 1,9

Для сравненія сдѣланныхъ авторомъ наблюденій приводятся подобныя же данныя измѣреній школьниковъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Не останавливаясь на этихъ сравнительныхъ данныхъ, отмѣтимъ другія свѣдѣнія. Такъ, съ искривленіемъ позвоночника изъ 861 мальчика оказалось 128 чел., т.-е. 14,8% (болѣе всего у учащихся болѣе 4 лѣтъ). По степени питанія—съ хорошимъ было 21,1%, среднимъ—49,5%, слабымъ—25,7%, истощеніе—3,8%. Нельзя сказать, чтобы учащіеся были удовлетворительнаго питанія, — болѣе чѣмъ у половины учащихся увеличены тѣ или другія железы (57,9%). Отмѣчены головныя боли у 64 мал. и 96 дѣв.; носовыя кровотеченія — у 50 мал. и 22 дѣв. Вполнѣ хорошіе зубы оказались только у 218 (24,8%) мал. и у 89 (25,9%) дѣвочекъ. Въ среднемъ на каждаго школьника, страдающаго зубами, приходится 1,8 недостающихъ зубовъ и 3,1 испорченныхъ, колеблясь отъ 1 до 10 зубовъ. Съ большимъ или меньшимъ ослабленіемъ слуха отмѣчено 10% дѣтей, съ различными пороками рѣчи—7,2%.

Д. Никольскій.

Д. І. Перетцъ. Очеркъ санитарнаго состоянія школъ Калмыковскаго уезда и физическое развитіе ихъ учениковъ въ 1896—97 и. („Вѣст. общ. гііены, судебной и практич. мед.“ 1901 г., № 7).

Авторомъ осмотрѣно 29 школъ, изъ которыхъ 17-народныхъ войсковыхъ, 9 — церковно-приходскихъ и 3 — волостныхъ *киргизскихъ*. Сдѣлавъ краткое санитарное описаніе школьныхъ помѣщеній, которыя по кубическому содержанію въ нихъ воздуха не удовлетворяютъ минимальному требованію гііены (10 к. мет.), авторъ даетъ подробныя свѣдѣнія о физическомъ развитіи учащихся: ростъ, вѣсъ, окружности груди, питаніи, заботѣваемости, качествѣ зубовъ и т. д. Авторомъ осмотрѣно 862 чел.; изъ нихъ учащихся въ войсковыхъ и церковно-приходскихъ школахъ — 719 (502 м. и 217 дѣв.) и въ волостныхъ (киргизы) — 143 (муж.). Возрастъ учащихся — отъ 6 до 23 (киргизы); наибольшее число учащихся у русскихъ приходится на возрастъ отъ 9 до 12 л., у киргизовъ—отъ 11 до 14 лѣтъ. По качеству зубовъ русскіе ученики значительно отличаются отъ киргизскихъ: на 100 русскихъ учениковъ 32,8% имѣютъ каріозныя зубы, у киргизовъ на то же число—5,7. Что касается физическаго развитія осмотрѣнныхъ учениковъ, то изъ приводимыхъ авторомъ таблицъ видно, что при одномъ среднемъ возрастѣ въ 10,5 лѣтъ русскія дѣвочки выше мальчиковъ на 0,58 сант., причемъ окружность груди у послѣднихъ больше на 3,06; при одинаковомъ среднемъ возрастѣ въ 11,1 лѣтъ русскіе мальчики на 1,34 с. ниже, окружность груди на 0,79 меньше и на 8,8 фун. легче киргизскихъ мальчиковъ. Вообще оказывается, что киргизскіе мальчики по физическому развитію стоятъ выше русскихъ мальчиковъ. Заботѣваемость среди учащихся развита сравнительно не сильно: на 862 ученика найдено 86 (70 рус. и 16 киргизовъ) больныхъ. Наибольшее число было съ бронхитомъ (20), малокровіемъ (12) и экземой (11).

Причина лучшаго физическаго развитія киргизскихъ мальчиковъ, чѣмъ русскихъ, зависитъ, съ одной стороны, отъ расовой разницы, а съ другой — отъ гііеническихъ условій, въ которыхъ протекаетъ жизнь учениковъ какъ въ дошкольное, такъ и въ учебное время. Киргизы питаются преимущественно животною пищею (молокомъ и мясомъ), растительная же пища является у нихъ лишь подспорьемъ къ первой; казачье же населеніе пользуется преимущественно растительною пищею, а животную пищу ѣдятъ мало. Инте-

ресно бы произвести подобныя же наблюденія надъ учащими въ другихъ инородческихъ училищахъ. Наши личныя наблюденія надъ башкирскими учениками отчасти подтверждаютъ наблюденія автора.

Д. Никольскій.

E. Pittard. Contribution à l'étude anthropologique des Esquimaux du Labrador et de la baie d'Hudson. „Bull. de la Société Neuchateloise de Géographie“, 1901, t. XIII.

Эскимосы представляютъ племя, антропологически недостаточно еще изученное; между тѣмъ изученіе его представляетъ особый интересъ въ силу существованія гипотезы, по которой эскимосы являются потомками доисторическаго длинноголоваго племени, остатки котораго находятъ во многихъ мѣстностяхъ Зап. Европы. Въ виду этого даже и небольшое число наблюденій надъ эскимосами имѣетъ свое значеніе. Автору удалось измѣрить 8 взрослыхъ мужчинъ и столько же женщинъ. У всѣхъ изслѣдованныхъ волосы—гладкіе, черные, глаза — черные, свѣтло-коричневый цвѣтъ кожи. Ростъ — небольшой: у мужчинъ въ среднемъ—1582 mm., (предѣлы 1488—1618), у женщинъ—1556 (предѣлы 1475—1612); по среднему головному указателю они долихоцефалы: у мужчинъ средній головной указатель—76,₁₁ (предѣлы 73,₀—79,₃₁), у женщинъ—74,₈₄ (предѣлы 73,₀₉—77,₄₁); женщины долихоцефаличнѣе мужчинъ, да и по другимъ признакамъ онѣ представляютъ, повидному, болѣе однородную группу, болѣе чистый типъ. Измѣренія ширины лица дали не очень значительныя цифры: въ среднемъ у мужчинъ—144,₆ mm.; носовой указатель у мужчинъ—72,₂₈ (при предѣлахъ 67,₇₃—78,₄₃), у женщинъ—72,₃₆, т.-е. очень значительная узконосость (лепторинія); длина ушей—значительна (въ среднемъ у муж.—67,₇, у жен.—64,₅); физиономическій указатель уха—у муж.—57,₁₃ и у жен.—56,₄₇. Отказываясь, вслѣдствіе малаго числа наблюденій, отъ какихъ-либо выводовъ, авторъ указываетъ только, что типъ изслѣдованныхъ имъ эскимосовъ не можетъ быть названъ вполне чистымъ.

В. Воробьевъ.

Ed. Krause. Die Schraube, eine Eskimo-Erfindung? „Globus“, LXIX, emp. 8.

K. v. den Steinen. Die Schraube, keine Eskimo-Erfindung. Ibid., emp. 125

G. v. Buchwald. Zur Frage nach dem Alter der Schraube. Ibid., emp. 285.

Изслѣдуя способы прикрѣпленія наконечниковъ стрѣлъ къ древкамъ, *Krause* натолкнулся на слѣды винта у стрѣлъ эскимосовъ, которыя *Jacobsen* въ началѣ 80-хъ годовъ привезъ изъ Аляски. Двѣ стрѣлки изъ оленьяго рога имѣли нижній конецъ остроконической формы и на немъ трехгранное углошпение, обѣгающее около конуса въ видѣ одного хода винта слѣва направо. Въ пользу того, что этотъ винтъ есть самобытное изобрѣтеніе эскимосовъ, говорить то обстоятельство, что во время пребыванія среди нихъ *Jacobsen*'а эскимосы находились еще въ каменномъ вѣкѣ и не могли видѣть европейскаго винта, который, кажется, далъ бы имъ возможность поддѣлать его вполне, а не ограничиться только однимъ оборотомъ. Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ этого мнѣнія служить также то, что *Krause* нашелъ нѣсколько стрѣлокъ, плюстрирующихъ, такъ сказать, переходныя стадіи въ развитіи винта, а именно:

одну стрѣлку съ двуконическимъ концомъ и четыре съ нижнимъ концомъ, усѣянныя четырьмя зубчиками, расположенными винтообразно.

K. v. den Steinen несогласенъ съ *Krause*. Онъ доказываетъ, во-первыхъ, что эскимосамъ уже въ началѣ прошлаго столѣтія желѣзо было хорошо извѣстно и что, благодаря ихъ частому общенію съ европейцами, они могли познакомиться и съ винтомъ. Попутно онъ указываетъ на то, что стрѣлки, описанныя *Krause*, совсѣмъ не такъ рѣдки, такъ какъ онъ нашелъ еще семь такихъ же стрѣлокъ. Во-вторыхъ, въ Берлинскомъ музеѣ имѣются стрѣлы изъ западной Гренландіи не только съ однимъ, но даже съ двумя и болѣе винтовыми оборотами, идущими также слѣва направо. Не предположить ли, что и тутъ эскимосы сами додумались до винта? Странно только, что эти эскимосы еще болѣе часто сталкивались съ европейцами. Что винтъ эскимосовъ идетъ слѣва направо, а не наоборотъ, какъ у насъ, *v. den Steinen* объясняетъ тѣмъ, что они держали стрѣлку при обработкѣ, какъ мы держимъ карандашъ при его очинкѣ.

G. v. Buchwald поднимаетъ интересный вопросъ о древности винта. Онъ полагаетъ, что винтъ былъ знакомъ грекамъ и римлянамъ, и приводитъ нѣсколько примѣровъ винта изъ бронзоваго періода.

С. Вайсенбергъ.

Berthold Laufer. Felszeichnungen vom Ussuri. „Globus“, LXIX, стр. 69.

Авторъ даетъ краткую характеристику изображеній, найденныхъ Алфтономъ на Уссурі, близъ деревень Кедровой и Шереметевской, и описанныхъ послѣднимъ въ Тр. Приамур. Отд. И. Р. Г. О., 1896, и сравниваетъ ихъ съ изображеніями, открытыми имъ самимъ на Амурѣ близъ деревни Малышевской. Уссурійскія изображенія стоятъ въ техническомъ отношеніи гораздо ниже амурскихъ. Въ обоихъ случаяхъ изображены головы людей, олени, дикіе лебеди и т. п. *Laufer* того мнѣнія, что изображенія сдѣланы тунгузами, такъ какъ только у того народа, въ жизни котораго олень играетъ большую роль, можетъ явиться мысль запечатлѣть его фигуру на камнѣ. Дуги на лицахъ амурскихъ изображеній соответствуютъ имѣющимся описаніямъ татуировки лица у тунгузовъ. Изображенія сдѣланы, однако, уже послѣ занятія страны китайцами, что слѣдуетъ заключить изъ того, что въ изображеніяхъ часто повторяется чисто китайскій мотивъ—спираль. Она употребляется для обозначенія глазъ, угловъ рта, а также безъ всякаго видимаго основанія на всемъ туловищѣ животныхъ. Пока еще, за отсутствіемъ достаточнаго матеріала, невозможно рѣшить, слѣдуетъ ли различіе въ технику изображеній приписать разнымъ эпохамъ или разнымъ племенамъ.

С. Вайсенбергъ.

D-r W. Demetrykiewicz. Warunki pracy naukowej na polu archeologii przedhistorycznej w Polsce i kwestye ich zasadniczej poprawy (Д-ръ Вл. Деметрикiewicz. Условія научной изслѣдованій по доисторической археологіи въ Польшѣ и вопросъ о коренномъ ихъ измѣненіи). „III-й съездъ польскихъ историковъ въ Краковѣ въ 1900 г.“.

На послѣднемъ съѣздѣ польскихъ историковъ извѣстный краковскій археологъ д-ръ Деметрикевичъ сдѣлалъ сообщеніе, въ которомъ, указавъ на тотъ полный упадокъ, въ какомъ въ настоящее время находится въ Польшѣ дѣло доисто-

рических изслѣдованій и собиранія коллекцій, предлагаетъ рядъ мѣръ, могущихъ, по его мнѣнью, способствовать оживленію интереса къ изслѣдованіямъ доисторическихъ памятниковъ и обогащенію польскихъ музеевъ археологическими находками. Въ числѣ этихъ мѣръ авторъ предлагаетъ: устройство публичныхъ курсовъ, которые знакомили-бы публику съ доисторическимъ временемъ вообще и въ частности съ мѣстными особенностями доисторическихъ памятниковъ; изданіе особыхъ программъ для доисторическихъ изслѣдованій; лучшую организацію мѣстныхъ археологическихъ музеевъ, съ большими денежными средствами, которыя позволяли бы производить спеціальныя изслѣдованія и приобретать частныя коллекціи доисторическихъ предметовъ, а равно и случайныя находки; тѣсную связь этихъ музеевъ съ университетами и учеными Обществами; запрещеніе разрушать и разграблять доисторическіе памятники; ассигнованіе спеціальныхъ средствъ на производство изслѣдованій и на опубликованіе результатовъ ихъ и т. п. Если не полное, то во всякомъ случаѣ частичное осуществленіе мѣръ, предлагаемыхъ авторомъ, является не только желательнымъ, но и крайне необходимымъ. Эта необходимость обусловливается, съ одной стороны, тѣмъ интересомъ, какой представляетъ собою Польша въ доисторическомъ отношеніи, а съ другой — съ каждымъ годомъ прогрессирующею гибелью доисторическихъ памятниковъ, безслѣдно исчезающихъ для науки.

Ю. Талко-Грынецвичъ.

Prof. W. G. Sumner. The Yakuts. „The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland“, 1901, vol. XXXI, January to June.

Статья содержитъ рядъ выдержекъ изъ извѣстной книги В. Л. Сѣрошевскаго «Якуты», изданной Имп. Рус. Географ. Обществомъ (Спб., 1896 г.), безъ какихъ-либо дополненій или комментаріевъ. Извлечены преимущественно свѣдѣнія, касающіяся размѣровъ хозяйствъ, родовыхъ группъ и состава родового совѣта, семьи и положенія дѣтей, шаманства, свадебныхъ и погребальныхъ обрядовъ и т. п.

А. И. Ивановскій.

Dr. Otto Schoetensack. Die Bedeutung Australiens für die Heranbildung des Menschen aus einer niederen Form. „Zeitschr. f. Ethnol.“, 1901, Heft III.

Суммируя и сопоставляя рядъ фактовъ, добытыхъ доисторическою археологіей, физическою антропологіей, этнологіей, палеонтологіей и зоогеографіей, авторъ приходитъ къ выводу, что всѣ имѣющіяся до сихъ поръ данныя указываютъ на Австралію, какъ на единственную страну, которую мы можемъ считать прародиной человѣчества.

А. И. Ивановскій.

Извѣстія и замѣтки.

Присужденіе преміи по антропологіи имени А. П. Разцвѣтова В. В. Воробьеву. Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ своемъ годичномъ засѣданіи, 15-го октября, присудило премію по антропологіи имени А. П. Разцвѣтова непремѣнному члену Общества В. В. Воробьеву за его монографію: „Наружное ухо человѣка“ („Труды Антропол. Отдѣла“, т. XX). Присужденіе состоялось на основаніи слѣдующаго отзыва президента Общества и предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина: „Представленное для соисканія преміи А. П. Разцвѣтова сочиненіе В. В. Воробьева посвящено подробному изученію морфологіи наружнаго уха человѣка. Появленіе такого сочиненія было бы немислимымъ 15 — 12 лѣтъ тому назадъ, когда всѣ наши свѣдѣнія о наружномъ ухѣ ограничивались лишь тѣми данными объ ушной раковинѣ, которыя приводились въ руководствахъ анатоміи, да еще немногими наблюденіями художниковъ. Правда, Ч. Дарвинъ еще въ 1871 г. указалъ на одно образованіе, т. наз. Дарвиновъ бугорокъ на свободномъ краѣ ушнаго завитка, привлекая еще ранѣе вниманіе англійскаго скульптора Уольнера, и, объясняя его, какъ гомологъ заостренному кончику уха животныхъ (млекопитающихъ), далъ тѣмъ первый импульсъ къ болѣе глубокому сравнительному изученію варіацій формъ ушной раковины, а также и къ болѣе внимательному разсмотрѣнію послѣдовательныхъ стадій эмбриональнаго развитія уха. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе около 15 лѣтъ послѣ появленія сочиненія Дарвина „О происхожденіи человѣка“ литература о наружномъ ухѣ развивалась очень медленно. Что касается варіацій формъ, то онѣ заинтересовали прежде всего психіатровъ и изслѣдователей типовъ преступнаго человѣка; интересъ этотъ былъ понятенъ, такъ какъ еще Морель (въ 50-хъ и 60-хъ годахъ) обратилъ вниманіе на физическіе признаки вырожденія у человѣка, проявляющіеся, между прочимъ, по его наблюденіямъ, и въ нѣкоторыхъ изогнутостяхъ формы наружнаго уха. Ломброзо, со своей стороны (въ концѣ 70-хъ годовъ), стремился установить физическіе признаки преступнаго человѣка, думая найти ихъ въ ушной раковинѣ, въ нѣкоторыхъ варіаціяхъ ея формы, въ присутствіи дегенеративныхъ, атаксистическихъ или тероморфныхъ уклоненій отъ ея нормальнаго типа. Наблюденія, собранныя въ этомъ направленіи, и сдѣланные изъ нихъ выводы были, однако, мало убѣдительны, во-первыхъ, потому, что имъ не предшествовали достаточно обширныя наблюденія надъ ва-

ріаціями форми ушей у здоровыхъ особей соотвѣтственныхъ возрастовъ, принадлежащихъ притомъ различнымъ общественнымъ группамъ и различнымъ расамъ, а, во-вторыхъ, и вслѣдствіе того, что не были еще выработаны точные и единообразные методы наблюденій и измѣреній, которые бы сводили къ минимуму значеніе субъективной оцѣнки различныхъ варіацій формы. Только съ появленіемъ въ концѣ 80-хъ и въ 90-хъ годахъ обстоятельныхъ работъ Швальбе, Градениго, Шефера, Карутца — сдѣлалось возможнымъ строго научное сравнительное изученіе формъ наружнаго уха, на основѣ данныхъ исторіи развитія и сравнительной анатоміи и съ примѣненіемъ возможно болѣе точныхъ методовъ наблюденія и измѣренія. Указанными авторами былъ, такъ сказать, расчищенъ путь для дальнѣйшей болѣе рациональной разработки морфологій уха, — путь, которымъ они воспользовались и сами для собранія наблюденій о варіаціяхъ формы наружнаго уха у особей различнаго возраста и пола, въ здоровомъ, преступномъ и душевно-больномъ населеніи нѣкоторыхъ мѣстностей Германіи, Италіи и т. д. Въ общемъ, однако, ими былъ скорѣе указанъ путь, чѣмъ пройденъ, и остается еще широкое поле для дальнѣйшихъ наблюденій, для сопоставленія различныхъ данныхъ, для уясненія смысла и значенія констатированныхъ варіацій и ихъ отношенія къ варіаціямъ другихъ признаковъ у тѣхъ же возрастовъ, половъ, группъ особей и расъ.

Сочиненіе г. Воробьева состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой авторъ подводитъ итоги всему сдѣланному до сихъ поръ по отношенію къ морфологій наружнаго уха. Онъ знакомитъ съ идеальными или среднимъ его строеніемъ и видомъ, съ его физиологическимъ значеніемъ, какъ рудиментарнаго или редуцированнаго органа, съ исторіей его эмбриональнаго развитія, съ извѣстными до сихъ поръ данными объ его антропологическихъ варіаціяхъ, съ вопросомъ о дегенеративномъ ухѣ и его соотношеніи съ аномаліями психики. Во второй и третьей частяхъ авторъ излагаетъ собственные изслѣдованія, основанныя на измѣрительныхъ и описательныхъ данныхъ относительно 325 особей мужскаго пола, уроженцевъ Рязанской губ., фабричныхъ рабочихъ по профессіи, 100 особей женскаго пола (уроженокъ Рязанской, Московской и Калужской губерній), 180 дѣтей обоихъ половъ (уроженцевъ тѣхъ же губерній), 75 калмыковъ Астраханской губ. (взрослыхъ мужчинъ) и 100 душевно-больныхъ (крестьянъ, уроженцевъ по преимуществу тоже Московской, Рязанской и сосѣднихъ губерній). Такимъ образомъ наблюденія г. Воробьева были собраны почти на 700 особяхъ и, слѣдовательно, касались почти 1400 ушей. Къ этому надо прибавить, что г. Воробьевъ не ограничился только наблюденіями надъ формой ушей у перечисленныхъ группъ особей, а произвелъ надъ значительною частью ихъ полную серію антропологическихъ и антропометрическихъ наблюденій, такъ что могъ воспользоваться этими данными для сравненія съ ними данныхъ объ ухѣ, т.-е. выяснитъ вопросы о соотношеніи различныхъ формъ и характеровъ ушей съ величиной роста, головы, носа, съ цвѣтомъ волосъ и глазъ, съ формой головы и другими антропологическими признаками. Все это дало автору возможность провести анализъ формъ наружнаго уха глубже, чѣмъ кѣмъ-либо изъ его предшественниковъ, какъ въ антропологическомъ отношеніи (въ отношеніи къ расовымъ типамъ), такъ и по отношенію къ варіаціямъ тѣхъ же формъ у душевно-больныхъ, и прійти къ болѣе убѣдительнымъ заключеніямъ по различнымъ относящимся сюда вопросамъ. И это тѣмъ болѣе, что авторъ воспользовался въ широкой мѣрѣ и данными, собранными до него, поскольку они выдерживали критику и заслуживали вниманія. Въ результатъ получилась обширная работа (болѣе 200 стр. in 4° въ два

столбца, не считая приложенных таблицъ измѣреній), являющаяся цѣннымъ вкладомъ въ антропологическую литературу, и которая будетъ служить долго руководящимъ трудомъ при наблюденіяхъ надъ наружнымъ ухомъ для русскихъ изслѣдователей. Разбросанность имѣющихся данныхъ о варіаціяхъ ушныхъ формъ и трудность добыть въ Москвѣ нѣкоторыя сочиненія, въ которыхъ имѣются такія данныя, помѣшали автору объять въ своемъ трудѣ все, что сдѣлано до сихъ поръ въ цѣляхъ антропологическаго изученія наружнаго уха. Но нѣкоторые, замѣчаемые въ этомъ отношеніи, пробѣлы касаются только деталей, неспособныхъ оказать вліянія на главные выводы, которые заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что основаны по преимуществу на собственныхъ многочисленныхъ наблюденіяхъ, произведенныхъ по одной схемѣ (данной Швальбе) и поставленныхъ въ связь съ наблюденіями надъ другими антропологическими признаками тѣхъ же особей. Въ виду всего изложеннаго я считаю вполне справедливымъ отмѣтить цѣнный трудъ В. В. Воробьева присужденіемъ ему преміи имени А. П. Разцѣтова. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что г. Воробьевъ принялъ на себя и большую долю расходовъ по печатанію своего сочиненія, вошедшаго въ серію Трудовъ Антропологическаго Отдѣла и Общества, оказавъ тѣмъ самымъ и значительное матеріальное содѣйствіе издательской дѣятельности Общества“.

Чествованіе Руд. Вирхова московскими учеными Обществами. 30-го сентября въ актовомъ залѣ Московскаго университета происходило соединенное засѣданіе московскихъ медицинскихъ, естественно-историческихъ и археологическаго ученыхъ Обществъ, посвященное чествованію Рудольфа Вирхова по случаю исполнившагося 80 лѣтія со дня его рожденія. Кромѣ представителей ученыхъ Обществъ, въ засѣданіи присутствовала масса публики. Надъ эстрадой помѣщался портретъ Вирхова, украшенный лавровымъ вѣнкомъ и декорированный тропическими растеніями. Кромѣ того, во время чтеній были показаны, съ помощью оптическаго фонаря, на экранѣ нѣсколько портретовъ Вирхова въ различные періоды его жизни. Разносторонняя ученая и общественная дѣятельность маститаго юбиляра была охарактеризована въ рѣчахъ: председателя Терапевтическаго Общества, проф. В. Д. Шервинскаго, представителя Отдѣленія Физиологій Общества Любителей Естествознанія, проф. И. Ф. Олнева, президента Общества Любителей Естествознанія, Антропологій и Этнографій и товарища председателя Московскаго Археологическаго Общества, проф. Д. П. Анучина, представителя Хирургическаго Общества, проф. Ѳ. И. Синицына и представителя Общества Русскихъ Врачей В. Е. Игнатьева. По окончанію рѣчей проф. В. Д. Шервинскій сообщилъ, что отъ 17-ти московскихъ ученыхъ Обществъ, пожелавшихъ собраться въ настоящее засѣданіе, отправлена въ Берлинъ по случаю юбилея Вирхова слѣдующая телеграмма: „Представители медицинскихъ, естественно-научныхъ и археологическаго Обществъ въ Москвѣ позволяютъ себѣ передать своему высокопочтенному учителю по поводу 80-лѣтней годовщины его рожденія отъ имени своихъ Обществъ самыя горячія поздравленія и выраженія своего всегдашняго глубокаго почтенія и неизмѣннаго уваженія“. На эту телеграмму полученъ изъ Берлина отъ д-ра Блюменталя, депутата московскихъ медицинскихъ Обществъ, слѣдующій отвѣтъ: „Вирховъ поручилъ мнѣ передать всѣмъ Обществамъ его сердечный привѣтъ и искреннюю благодарность, къ выраженію которыхъ присоединяется и компететъ по устройству торжества съ Вальдейеромъ и Познеромъ во главѣ. Вирховъ проситъ прибавить, что онъ глубоко тронутъ изъясненіями

симпатіи изъ Россіи; несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ намѣренъ посѣтить ее, чтобы лично принести благодарность“.

Новѣйшія антропологическія изслѣдованія въ Россіи. Въ последнее время произведены или производятся антропологическія изслѣдованія нѣсколькихъ народностей Россіи. *М. П. Сомовъ* произвелъ антропометрическія измѣренія великоруссовъ Тамбовской губ. *А. Н. Рождественскій* измѣрилъ 150 бѣлоруссовъ Слуцкого у., Минской губ. *С. А. Королевъ* изслѣдовалъ 200 калмыковъ Астраханской губ. *А. А. Арутиновъ* собралъ антропометрическія данныя о 150 особяхъ кавказскаго племени удинъ и измѣрилъ нѣсколько десятковъ айсоровъ. *А. Н. Абрамовымъ* измѣрены 64 башкира Опсинскаго у., Пермской губ. *К. И. Горощенко* собралъ антропометрическій матеріалъ о чулымскихъ татарахъ—кизильцахъ и мелецкихъ инородцахъ; первыхъ измѣрено 150 особей, вторыхъ—60. *А. А. Сухаревъ* продолжаетъ начатыя имъ два года тому назадъ антропологическія изслѣдованія казанскихъ татаръ. *К. М. Курдовъ* занимается антропометріей горскихъ свреевъ Дагестана. *Е. П. Савостьяновъ* изслѣдуетъ въ антропологическомъ отношеніи зырянъ Устьсысольскаго у., Вологодской губ. *В. Н. Розановъ* собираетъ данныя по вопросу о расположеніи волосъ на лобѣ мужчинъ и женщинъ. *Ө. В. Полярковъ* заканчиваетъ обработку собранныхъ имъ матеріаловъ (болѣе 150 особей) по антропометріи дунганъ. Обширные матеріалы по антропометріи якутовъ, собранные *Н. Д. Геккеромъ*, переданы послѣднимъ для обработки *И. И. Майнову*.

Результаты Джезуповской экспедиціи на сѣверо-востокъ Сибири. Джезуповская экспедиція, какъ уже сообщалось въ «Рус. Антроп. Журн.» (1900 г., № 2), была снаряжена Американскимъ музеемъ Натуральной Исторіи въ Нью-Йоркѣ на средства, предоставленныя г. Джезупомъ, и имѣла цѣлью изученіе сѣв.-западной части Сѣв. Америки и сѣв.-востока Сибири для выясненія вопроса о связи между первобытнымъ населеніемъ Америки и Азіи. Въ задачу экспедиціи входило всестороннее изученіе, съ одной стороны, эскимосовъ и индѣйцевъ въ части Америки, прилегающей къ сѣверному Тихому океану, съ другой — чукчей, коряковъ, камчадаловъ и другихъ народностей, живущихъ на противоположномъ азіатскомъ побережьи того же моря, а равно и археологическія разысканія и собраніе естественно-историческихъ коллекцій. Въ 1898—99 г.г. экспедиція работала въ Америкѣ и въ южной части Амурскаго края. Въ 1900 г. ею были приглашены къ участію русскіе изслѣдователи крайняго сѣв.-востока Азіи, В. Г. Богоразъ и В. И. Лохельсонъ, которые и отправились сначала въ Нью-Йоркъ, а затѣмъ изъ Санъ-Франциско вмѣстѣ съ американцемъ Норманомъ Бекстономъ (прикомандированнымъ къ экспедиціи зоологическимъ департаментомъ Нью-Йоркскаго музея Натуральной Исторіи въ качествѣ коллекціонера-зоолога) и швейцарцемъ Ал. Аксельродомъ (приглашеннымъ въ качествѣ помощника при производствѣ этнографическихъ и антропологическихъ работъ)—во Владивостокъ и далѣе на сѣверъ. Въ теченіе 14-ти мѣсяцевъ участники экспедиціи (по сообщенію «Русск. Вѣдом.») объѣхали сѣверную часть Камчатки, Гижигинскій, Анадырскій край, Чукотскую землю и побывали на островѣ св. Лавренція въ Беринговомъ морѣ, сдѣлавъ до 5,000 верстъ на собакахъ, оленяхъ и въ лодкѣ. По антропологии г. Богоразомъ собраны измѣрительныя данныя надъ 800 особей чукчей, коряковъ и эскимосовъ, добыты нѣсколько скелетовъ и болѣе 50-ти череповъ, образцы волосъ, сдѣлано до 50-ти бюстовъ и масокъ съ живыхъ особей и снято нѣсколько сотъ фотографій. По этнографіи собраны обстоятельныя данныя по языку, дающія возможность составить сравнительную грамматику трехъ языковъ и ихъ сло-

варь; записано около 50-ти фонограммъ, собрано много данныхъ по фольклору, быту, вѣрованіямъ и обширныя коллекціи костюмовъ, орудіи, оружія, украшеній и пр., въ томъ числѣ много ставшихъ теперь рѣдкими каменныхъ и костяныхъ орудіи, образцовъ рѣзбы, рисунковъ кровью нерпы на деревѣ и т. д. По наблюденіямъ г. Богораза, чукчи, коряки и камчадалы стоятъ несомнѣнно въ родствѣ съ американскими индѣйцами (по языку, фольклору), но отличаются отъ эскимосовъ. Камчадалы нынѣ уже обрусѣли; камчадалскій языкъ сохранился только въ 6 — 7 деревняхъ. Расходы экспедиціи за годъ составили около 30.000 рублей, не считая вознагражденія самихъ участниковъ.

† **А. А. Токарскій.** 21-го іюля текущаго года скончался на 42-мъ году жизни членъ Антропологическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія, приватъ-доцентъ Московскаго университета Ардаліонъ Ардаліоновичъ Токарскій. По профессіи покойный былъ врачомъ-психіатромъ, посвятившимъ свою научную дѣятельность главнымъ образомъ вопросамъ психологіи. Одной изъ крупныхъ научныхъ его заслугъ была организація и направленіе первыхъ шаговъ дѣятельности психофизиологической лабораторіи при Московской клиникѣ душевныхъ болѣзней. Вложивъ въ это трудное дѣло много энергіи и личныхъ денежныхъ средствъ, покойный добился, наконецъ, правильной постановки лабораторіи, позволявшей дѣлать въ ней научныя изысканія, часть которыхъ и вышла въ видѣ «Записокъ лабораторіи» (въ приложенияхъ къ журналу «Вопросы Философіи и Психологіи»). Изъ другихъ областей А. А. удѣлялъ немало времени научной и практической разработкѣ явленій гипнотизма и терапевтическаго ихъ примѣненія и нѣкоторымъ вопросамъ психологіи: о сознаніи, о волѣ, о нравственномъ чувствѣ, о темпераментѣ и т. д.

Экспедиція Ф. Я. Кона въ Засаянскій край. Ф. Я. Конъ, изслѣдователь якутовъ (напечатавшій въ 1899 г. о нихъ трудъ подъ заглавіемъ: «Физиологическія и біологическія данныя объ якутахъ»), намѣренъ въ февралѣ 1902 г. отправиться въ экспедицію въ Засаянскій край съ цѣлью антропологическаго и этнографическаго изученія сойотовъ. Экспедиція рассчитана на одинъ годъ. Средства на экспедицію даются Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ Имп. Рус. Географ. Общества.

Журналъ „Финско-угорскія Изслѣдованія“. Профессорами Гельсингфорскаго университета Сетяля (E. N. Setälä) и Крономъ (Kaarle Krohn), при участіи специалистовъ, предпринято изданіе новаго журнала: „Finnisch-ugrische Forschungen, Zeitschrift für finnisch-ugrische Sprach- und Volkskunde nebst Anzeiger“.

Русско-китайскій музей въ Портъ-Артурѣ. Недавно въ Портъ-Артурѣ открытъ русско-китайскій музей. Цѣль этого учрежденія — знакомить китайцевъ и другихъ сосѣдей нашихъ владѣній на дальнемъ Востокѣ съ основными чертами русской культуры, а съ другой стороны — облегчить русскимъ знакомство съ Китаемъ, его обитателями и культурой. Соотвѣтственно этой задачѣ въ музей два отдѣленія: русское и китайское. Въ послѣднемъ имѣется въ виду собрать со-временемъ все, что можетъ такъ или иначе иллюстрировать развитіе Китая и его современное состояніе въ экономическомъ, политическомъ, религіозномъ и другихъ отношеніяхъ.

Юбилей проф. Фр. Ратцеля. 3-го (16-го) декабря исполнилось 25-лѣтіе профессорской дѣятельности извѣстнаго лейпцигскаго профессора Фридриха Ратцеля, автора цѣлаго ряда крупныхъ трудовъ по географіи, антропогеографіи и этнографіи («Sein und Werden der organischen Welt», «Vorgeschichte des europäischen Menschen», «Die Erde», «Anthropogeographie»,

«Völkerkunde», «Der Staat und sein Boden», «Politische Geographie», «Die Erde und das Leben» и др.).

Антропологическія Общества въ Японіи. Въ Японіи, по сообщенію „The Journal of the Anthropological Society of Tokio“, существуетъ въ настоящее время девять антропологическихъ Обществъ (въ Tokio, Sapporo, Оу, Hoku-roku, Chugoku, Shikoku, Matsumoto, на о-вахъ Riukiu и на о-въ Формозѣ). Лекціи по антропологии и археологии читаются въ Токио проф. Tsuboi. При университетѣ въ Токио имѣется особый антропологическій институтъ.

Крупное пожертвованіе на открытіе каведры антропологии въ университетѣ Бернелз (Калифорнія) и на производство археологическихъ раскопокъ одновременно въ Калифорніи, Перу и Египтѣ сдѣлано недавно извѣстной американской благотворительницей, г-жею Герстъ,—ею пожертвовано для указанныхъ цѣлей 100.000 рублей. Вновь открытая каведра антропологии поручена проф. Креберу. Согласно желанію жертвовательницы, подъ руководствомъ проф. Кребера будутъ собираться пѣсни, легенды и сказанія индѣйцевъ, будетъ изучаться ихъ языкъ и антропологическія особенности.

Лекціи въ «Ecole d'Anthropologie». Въ текущемъ 190^{1/2} учебномъ году въ «Ecole d'Anthropologie» читаются слѣдующіе курсы по антропологии: *Papillault* — Анатомическая антропология (внѣшнія формы и пропорціи человѣческаго тѣла); *Capitan* — Донсторическая антропология (основы изученія донсторического періода: петрографія, палеонтология, индустрія); *André Lefèvre* — Этнографія и лингвистика (Франція въ XIV в.; Карлъ V и Карлъ VI; Столѣтняя война; науки, искусства, языкъ); *G. Hervé* — Этнология (этиология Европы: Ельзась); *Adr. de Mortillet* — Этнографическая технология (индустрія современныхъ дикарей по сравненію съ индустріей третичной и четвертичной эпохъ); *J.-V. Laborde* — Біологическая антропология (біологическое введеніе въ криминальную антропологию); *Fr. Schrader* — Антропологическая географія; *L. Munowrier* — Физіологическая антропология (сравнительное изученіе половъ); *Ch. Letourneau* — Соціология (исторія цивилизацій); *P.-G. Mahoudeau* — Зоологическая антропология (происхожденіе человѣка).

Присужденіе Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи серебряныхъ медалей за антропологическія изслѣдованія. Въ годичномъ засѣданіи Общества, 15 октября, присуждены, по представленію Антропологическаго Отдѣла, серебряныя медали слѣдующимъ лицамъ: *А. Н. Абрамову* — за антропологическія изслѣдованія башкиръ Осинскаго у., Пермской губ., *С. А. Королеву* — за антропологическія изслѣдованія калмыковъ Астраханской губ. и *А. Н. Рождественскому* — за антропологическія изслѣдованія бѣлоруссовъ Слуцкаго у., Минской губ.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія. Въ трехъ засѣданіяхъ Отдѣла, бывшихъ послѣ лѣтнихъ каникулъ (25-го сентября, 10-го октября и 13-го ноября), доложены 10 сообщеній: 1) *А. Н. Абрамова* — Предварительный отчетъ объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ башкиръ Осинскаго у., Пермской губ.; 2) *Б. Ѳ. Адлера* — Происхожденіе европейскихъ народовъ по Фр. Ратцелю; 3) *Р. Л. Вейнберга* — Объ анатомическихъ особенностяхъ первобытнаго человѣка; 4) *В. В. Воробьева* — Наружное ухо человѣка; 5) *А. А. Ивановскаго* — Зубы у различныхъ человѣческихъ расъ; 6) *его же* — Карлики и пигмеи; 7) *С. А. Королева* — Предварительный отчетъ объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ астраханскихъ калмыковъ; 8) *К. М. Гурдова* — Къ антропологии лезгинъ (кюринцы); 9) *А. Н. Рождественскаго* — Предварительный отчетъ объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ бѣлоруссовъ Слуцкаго у., Минской губ., и 10) *М. И. Сомова* — Предварительный отчетъ объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ великоруссовъ Тамбовской губ.

Труды Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи

Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва. 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолий Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ).—А. Г. Рождественскій—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ю графич. таблицами).—Н. В. Гильченко—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки. А. Д. Элькинъ—Привислинскіе поляки.—Н. А. Янчукъ—Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ.—А. А. Арutiновъ—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.—Н. П. Константиновъ—Щоттинъ — Къ краниологіи древняго населенія Костромской губ.—Д. Н. Анучинъ—Е. А. Покровский, К. Н. Иковъ и А. М. Раевская (некрологи).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Р. Л. Вейберъ—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.).—М. И. Дунинъ—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—П. А. Минаковъ—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскраш. табл.).—П. А. Минаковъ—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).—В. В. Воробьевъ—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 диаграм.).—В. И. Васильевъ—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховскаго у., Московской губ. (съ 4 диаграм.).—Н. В. Гильченко—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—А. А. Ивановскій—Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели.—П. А. Минаковъ—О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—А. Д. Элькинъ—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 диагр.).—А. Д. Элькинъ—Замѣтка о черепкахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—Д. Н. Анучинъ—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортилье.—А. А. Ивановскій—Секція антропологіи XII-го международнаго сѣзда врачей (съ 6 рис.).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Вышелъ XX-ый томъ: В. В. Воробьевъ — Наружное ухо человѣка. Москва, 1901 г. Цѣна 3 руб.

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Географическаго Отдѣленія
ИМПЕРАТОРСКАГО

Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Выходитъ въ Москвѣ съ 1894 года 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ. Принимается подписка на 1902 годъ.

Цѣна въ годъ, съ доставкою, 6 руб.

Гг. пногородніе благоволятъ обращаться по адресу: Географическое Отдѣленіе Общества Любителей Естествознанія, Политехнической Музеи, Москва. Прежніе годы, 1894—1901, могутъ быть получены по 5 р. за годъ, а 1894-ый годъ безъ 1-ой книжки за 3 р. (1-ая книжка 1894 г. осталась лишь въ немногихъ экземплярахъ; цѣна ей 10 р.). Всѣ прежніе года (1894—1901), безъ 1-ой книжки 1894 г., со всѣми приложеніями, могутъ быть получены за 35 р., съ 1-й книжкой 1894 г. за 43 р., а съ подпиской на 1902 г. за 48 р.

Въ „Землевѣдѣніи“ были, между прочимъ, помѣщены статьи: **Н. М. Альбовъ**: Въ заброшенныхъ угляхъ Кавказа, — Очерки растительности Колхиды, — Природа Огненной Земли; проф. **Д. Н. Анучинъ**: Рельефъ поверхности Евр. Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленій, — Суша (краткія свѣдѣнія по орографіи), — Озера области истоковъ Волги и верховьевъ Зап. Двины, — О судьбѣ Колумба; **В. В. Богдановъ**: Мурманъ; **к. С. Бергъ**: Поѣздка на Аральское море; **А. М. Беренгеймъ**: Природа и жизнь въ пампахъ Аргентины, — Современное эконо. положеніе Сиріи и Палестины; проф. **А. И. Воейковъ**: Воздѣйствіе челоѣка на природу; **М. М. Воснобойниковъ**: Изъ наблюденій на Памирѣ; **А. А. Ивановскій**: Истоки рѣки Москвы, — Озеро Гокча, — Араратъ; **П. Г. Игнатовъ**: По южному Алтаю; проф. **А. Н. Красновъ**: Растительность горныхъ вершинъ Явы, Японіи и Сахалина; проф. **П. И. Кротовъ**: Вятскій уваль, — О постановкѣ преподаванія географіи въ средн. учеб. заведеніяхъ; **А. А. Круберъ**: О болотахъ Моск. и Рязан. губ., — Опыты раздѣленія Евр. Россіи на естеств. районы; **Г. И. Куликовскій**: Заростающія и періодически исчезающія озера Обонежскаго края; **М. Л. Леваневскій**: Очерки Киргизскихъ степей; **Е. И. Луценко**: Поѣздка къ алтайскимъ теленгетамъ; **В. Г. Михайловскій**: Горныя группы и ледники Центральнаго Кавказа; **М. В. Никольскій**: Слѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ; **В. А. Обручевъ**: Природа и жители Центральной Азіи; проф. **А. П. Павловъ**: О рельефѣ равнинъ и его измѣненіяхъ подъ вліяніемъ работы подземныхъ и поверхностныхъ водъ; **С. К. Паткановъ**: По Юкатану; **М. Н. Соболевъ**: Русскій Алтай; **Г. И. Танфильевъ**: Доисторическія степи Евр. Россіи, — О торфяникахъ Моск. губ.; **Б. А. Федченко**: Задачи ботанической географіи; **А. Ф. Флеровъ**: Ботанико-географическіе очерки и друг. Приложеніями къ журналу вышли: **Ф. Намсѣнъ**. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи, 455 стр., съ рис. и карт. (въ отдѣльной продажѣ 4 р.); **Г. Н. Потанинъ**. Восточные мотивы въ среднеѣвковомъ эпосѣ, 894 стр. (въ отдѣльной продажѣ 4 р.); **А. Геймъ**. О преподаваніи географіи, 170 стр.

Годъ VII.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 г.

Годъ VII.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ГЕОГРАФІЯ.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня—іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ одобренъ за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворить научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія теоретическаго и прикладнаго (садоводство, пчеловодство и т. п.) и географіи; 2) акваріумъ и терраріумъ; 3) библиографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы. Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завідующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищныя совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу. Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Анучинъ, П. Я. Акпѣевъ, О. А. Анникіевъ, А. П. Артари, проф. И. П. Бородинъ, Л. П. Бородовскій, проф. А. О. Брандтъ, В. В. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, Н. Н. Вакуловскій, проф. С. П. Глазенапъ, В. В. Григорьевъ, М. П. Голенкинъ, пр. В. Я. Данилевскій, пр. А. С. Догель, М. П. Демковъ, Л. Н. Елагинъ, В. Е. Жадовскій, Б. М. Житковъ, пр. В. В. Залевскій, пр. Н. Ю. Зографъ, М. Ф. Золотницкій, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, пр. Н. О. Кашенко, пр. Н. П. Кузнецовъ, пр. М. И. Коноваловъ, пр. Н. А. Кабуковъ, пр. П. М. Булагинъ, Г. А. Кожевниковъ, пр. А. Н. Красновъ, пр. Л. З. Мороховецъ, М. Э. Мендельсонъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, Г. А. Надсонъ, А. М. Никольскій, К. Д. Носиловъ, А. Н. Острогорскій, пр. В. П. Паладинъ, пр. А. П. Павловъ, А. П. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, пр. В. В. Саножниковъ, К. А. Сатунинъ, К. К. Сентъ-Плеръ, М. М. Сіазовъ, В. Д. Соколовъ, В. П. Таліевъ, пр. К. П. Темиризовъ, пр. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, пр. Н. А. Холодковскій, пр. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и нѣкоторые друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 4 р. 50 к., безъ доставки 4 р.; на полгода съ пересылкой и доставкой 2 р. 50 к.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 20 к. съ каждаго годового полнаго экземпляра.

Контора редакціи: Москва, Б. Полянка, д. Учительскаго Института, кв. 2.

Редакторъ-издатель М. П. Варавва.

Открыта подписка на 1902 годъ

XIII г.

НА ЖУРНАЛЪ

XIII г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества правильныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Съ 1901 года, кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологін, философіи, филологіи, обществовѣдѣнію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библіографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Н. Ф. Арсѣевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, приватъ-доц. Я. А. Боткинъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Вѣлоконскій, Н. М. Бычковъ, приватъ-доц. В. А. Вагнеръ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Випперъ, А. Ф. Гартвицъ, М. О. Гершензонъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, женщина-врачъ Е. С. Дрентельнъ, В. Е. Ермиловъ, д-ръ Д. Н. Жбанковъ, д-ръ Н. В. Закъ, С. В. Зенченко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, прив.-доц. А. А. Ивановскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, В. В. Каллашъ, И. М. Красноперовъ, Е. Ловичъ, Е. І. Лозинскій, проф. И. И. Мечниковъ, проф. И. Н. Миклашевскій, Н. Мировичъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, Н. Ф. Михайловъ, Л. П. Никифоровъ, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, Ф. Ф. Ольденбургъ, В. И. Острогорскій, В. В. Петровъ, Н. И. Позняковъ, Г. Роковъ, Н. А. Русскихъ, Д. Сатуринъ, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, Н. В. Сперанскій, К. М. Станюковичъ, приватъ-доц. Е. Д. Сеницкий, Л. Д. Сеницкий, В. С. Строва, І. Тепсъ, Н. И. Тезяковъ, Г. А. Фальборкъ, прив.-доц. А. Н. Филипповъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, А. С. Хахановъ, В. И. Чарнолусскій, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Штевень, Ф. А. Эрнъ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, И. И. Янжулъ и многіе др.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ. Съ 1901 года журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книгѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р.; въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ *Н. Ф. Михайловъ*.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Издание Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологін и Этнографін, состоящаго при Москов-
скомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ
Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) председателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
СЕКРЕТАРЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
А. А. ИВАНОВСКАГО.

1901 г., № 1.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, домъ Обидной.
1901.

Русскій Антропологическій Журналъ

1900 года, книги I—IV.

Содержаніе I кн.: Отъ Антропологическаго Отдѣла.—*А. А. Ивановскій*—Дмитрій Николаевичъ Анучинъ (съ портретомъ).—*Д. Н. Анучинъ*—Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи.—*В. В. Воробьевъ*—Великоруссы (съ 6 рис.).—*П. А. Минаковъ*—Волосы въ антропологическомъ отношеніи (съ 4 рис.).—Изъ иностранной литературы: *Е. И. Луценко*—Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человѣческаго лица (по Rappault).—*В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо въ антропологическомъ отношеніи (по Karutz'у и Holl'ю).—*И. П. Силиничъ*—Формы колыбелей и ихъ развитіе (по Karutz'у).—Фамилные типы и фамилное сходство.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Содержаніе II кн.: *Ю. Д. Талько-Гринцевичъ*—Древніе обитатели Центр. Азіи.—*А. Н. Красновъ*—Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ.—*Д. П. Никольскій*—О чукчахъ Колымскаго округа.—*П. А. Минаковъ*—Ногти человѣческой руки (съ 1 рис.).—Чествованіе проф. Д. Н. Анучина по поводу его 25-лѣтней дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.—Изъ иностранной литературы: *А. А. Ивановскій*—Положеніе человѣка въ ряду животныхъ (по Klaatsch'у).—*А. А. Ивановскій*—Евреи (по Ripley, съ 10 рис.).—*И. П. Силиничъ*—Роль химическаго анализа въ вопросахъ доисторической археологіи (по Helm'у).—Некрологи: *В. В. Воробьевъ*—Проф. С. С. Корсаковъ (съ портретомъ).—*Д. Н. Анучинъ*—Питтъ-Риверсъ.—*А. А. Ивановскій*—Филиппъ Сальмонъ.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Содержаніе III кн.: *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.—*Н. Л. Зеландъ*—Къ антропологіи западно-сибирскаго крестьянина.—*В. В. Воробьевъ*—О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ (съ 6 діагр.).—*А. А. Ивановскій*—Езиды (по изслѣдованіямъ К. И. Горощенко).—Изъ иностранной литературы: *Д. Н. Анучинъ*—Аномальные швы и кости мозгового черепа человѣка по изслѣдованіямъ проф. I. Ранке (съ 4 рис.).—*Л. Д. Силичскій*—Географическая будущность европейскихъ расъ (по W. Ripley).—Критика и библіографія.

Содержаніе IV книжки: *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ (продолж.).—*В. Н. Розановъ*—Гинѣкомастія (съ 5 рисунками).—*И. И. Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами (съ 4 рис.).—*Ф. Я. Конъ*—Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ.—*Ю. Д. Талько-Гринцевичъ*—Польская антропологическая литература (съ портретами Майера и Коперницкаго).—Изъ иностранной литературы: *П. А. Минаковъ*—Мозгъ Герм. Гельмгольца (съ 2 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Объ останкахъ германцевъ III-IV вв. въ торфяникахъ Шлезвига и соседнихъ съ нимъ странъ (съ 4 рис.).—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла А. А. Ивановскаго (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, председателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Б. Θ. Адлеръ, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, проф. Н. В. Берви, проф. В. Вальдеперъ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. И. Горощенко, І. Е. Деникеръ (Парижъ), Н. Л. Зеландъ, А. А. Ивановскій, проф. І. Колльманъ (Базель), Ф. Я. Конъ, Д. А. Коропчевскій, проф. А. Н. Красновъ, Е. И. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), И. И. Майновъ, проф. Н. М. Маліевъ, С. Д. Масловскій, П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. И. Павтюховъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, граф. П. С. Уварова, А. С. Хахановъ, Е. М. Чепурковскій, проф. Г. Швальбе (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 р. 50 к.

Принимается подписка на 1901 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, или: Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Издание Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологін и Этнографін, состоящаго при Москов-
скомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ
Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) председателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
СЕКРЕТАРЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
А. А. ИВАНОВСКАГО.

1901 г., № 2.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, домъ Обидиной.
1901.

Русскій Антропологическій Журналъ

1900 года, книги I—IV.

Содержаніе I кн.: Отъ Антропологическаго Отдѣла.—*А. А. Ивановскій*—Дмитрій Николаевичъ Анучинъ (съ портретомъ).—*Д. Н. Анучинъ*—Бѣглый взглядъ на прошлое антропологии и на ея задачи въ Россіи.—*В. В. Воробьевъ*—Великоруссы (съ 6 рис.).—*П. А. Минаковъ*—Волосы въ антропологическомъ отношеніи (съ 4 рис.).—Изъ иностранной литературы: *Е. И. Луценко*—Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человѣческаго лица (по Raviillault).—*В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо въ антропологическомъ отношеніи (по Karutz'u и Holl'ю).—*И. П. Силиничъ*—Формы колыбелей и ихъ развитіе (по Karutz'u).—Фамилные типы и фамилное сходство.—Критика и библиографія.—Извѣстія и замѣтки.

Содержаніе II кн.: *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Древніе обитатели Центр. Азіи.—*А. Н. Красновъ*—Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ.—*Д. П. Никольскій*—О чукчахъ Колымскаго округа.—*П. А. Минаковъ*—Ногти человѣческой руки (съ 1 рис.).—Чествованіе проф. Д. Н. Анучина по поводу его 25-лѣтней дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.—Изъ иностранной литературы: *А. А. Ивановскій*—Положеніе человѣка въ ряду животныхъ (по Klaatsch'у).—*А. А. Ивановскій*—Евреи (по Ripley, съ 10 рис.).—*И. П. Силиничъ*—Роль химическаго анализа въ вопросахъ доисторической археологии (по Helm'у).—Некрологи: *В. В. Воробьевъ*—Проф. С. С. Корсаковъ съ портретомъ).—*Д. Н. Анучинъ*—Питтъ-Риверсъ.—*А. А. Ивановскій*—Филиппъ Сальмонъ.—Критика и библиографія.—Извѣстія и замѣтки.

Содержаніе III кн.: *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.—*Н. Л. Зеландъ*—Къ антропологии западно-сибирскаго крестьянина.—*В. В. Воробьевъ*—О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ (съ 6 діагр.).—*А. А. Ивановскій*—Езиды (по изслѣдованіямъ К. И. Горощенко).—Изъ иностранной литературы: *Д. Н. Анучинъ*—Аномальные швы и кости мозгового черепа человѣка по изслѣдованіямъ проф. I. Ранке (съ 4 рис.).—*Л. Д. Силичскій*—Географическая будущность европейскихъ расъ (по W. Ripley) —Критика и библиографія.

Содержаніе IV книжки: *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ (продолж.).—*В. Н. Розановъ*—Гинекомастія (съ 5 рисунками).—*П. И. Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами (съ 4 рис.).—*Ф. Я. Конъ*—Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ.—*Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Польская антропологическая литература (съ портретами Майера и Копервицкаго).—Изъ иностранной литературы: *П. А. Минаковъ*—Мозгъ Герм. Гельмгольца (съ 2 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Объ останкахъ германцевъ III—IV вв. въ торфяникахъ Шлезвига и соседнихъ съ нимъ странъ (съ 4 рис.).—Критика и библиографія.—Извѣстія и замѣтки.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла А. А. Иванова (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, председателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Б. О. Адлеръ, Н. В. Алтуховъ, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, С. А. Вагсенбергъ, проф. Вальдсейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. И. Горощенко, І. Е. Деникеръ (Парижъ), Н. Л. Зеландъ, А. А. Ивановскій, проф. І. Колльманъ (Базель), Ф. Я. Конъ, Д. А. Коропчевскій, проф. А. Н. Красновъ, Е. И. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), Ч. И. Майновъ, проф. Н. М. Матіевъ, С. Д. Масловскій, проф. П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, Н. И. Пантюховъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, П. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талко-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, граф. П. С. Уварова, А. С. Хахановъ, Е. М. Чепурковскій, проф. Г. Швальбе (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькинъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 р. 30 к.

Принимается подписка на 1901 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, или: Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологін и Этнографін, состоящаго при Москов-
скомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ
Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
СЕКРЕТАРЯ Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1901 г., № № 3 и 4.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, домъ Обидиной.
1901.

Русскій Антропологическій Журналъ.

1900 годъ (кн. I—IV): *Д. Н. Анучинъ*—Бѣглый взглядъ на прошлое антропологии и на ея задачи въ Россіи; *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ; *В. В. Воробьевъ*—Великоруссы (съ 6 рис.); *онъ же*—О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ (съ 6 діагр.); *Н. Л. Зеландъ*—Къ антропологии западно-сибирскаго крестьянина; *А. А. Ивановскій*—Дм. Ник. Анучинъ (съ портретомъ); *онъ же*—Чествованіе проф. Д. Н. Анучина по поводу его 25-лѣтней дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи; *онъ же*—Езиды (по изслѣдованіямъ К. И. Горощенко); *Ф. Я. Конъ*—Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ; *А. Н. Красновъ*—Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ; *И. И. Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами (съ 4 рис.); *П. А. Минаковъ*—Волосы въ антропологическомъ отношеніи (съ 4 рис.); *онъ же*—Ногти человеческой руки (съ 1 рис.); *Д. П. Никольскій*—О чукчахъ Колымскаго округа; *В. Н. Розановъ*—Гинекомастія (съ 5 рис.); *Ю. Д. Талько-Гринцевичъ*—Древнѣе обитатели Центр. Азіи; *онъ же*—Польская антропол. литература (съ портретами Майера и Коперницкаго). Изъ иностранной литературы: *Д. Н. Анучинъ*—Аномальные швы и кости мозгового черепа человѣка по изслѣдованіямъ проф. I. Ранке (съ 3 рис.); *онъ же*—Объ останкахъ германцевъ III—IV вв. въ торфяникахъ Шлезвига и сосѣднихъ съ нимъ странъ (съ 4 рис.); *В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо въ антропол. отношеніи; *А. А. Ивановскій*—Положеніе человѣка въ ряду животныхъ; *онъ же*—Евреи (съ 10 рис.); *онъ же*—Фамильные типы и фамильное сходство; *Е. И. Луценко*—Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человеческого лица; *П. А. Минаковъ*—Мозгъ Герм. Гельмгольца (съ 2 рис.); *И. П. Силиничъ*—Формы колыбелей и ихъ развитіе; *онъ же*—Роль химическаго анализа въ вопросахъ доисторической археологіи; *Л. Д. Синицкій*—Географическая будущность европейскихъ расъ. Некрологи: *Д. Н. Анучинъ*—Питтъ-Риверсъ; *В. В. Воробьевъ*—Проф. С. С. Корсаковъ; *А. А. Ивановскій*—Фил. Сальмонъ.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

1901 годъ (кн. V—VIII): *Д. Н. Анучинъ*—Руд. Вирховъ (съ 2 портр. и 2 рис.); *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ (продолж.); *Н. В. Берви*—Обработка антропол. наблюденій при помощи теоріи вѣроятностей; *Р. Л. Вейнбергъ*—Къ вопросу объ исполинскомъ ростѣ (съ 3 рис.); *онъ же*—Новѣйшіе успѣхи въ области антропологии костной системы (съ 3 рис.); *онъ же*—Эсты (съ 12 рис.); *В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо человѣка (съ 6 рис.); *К. П. Горощенко*—Сойоты (съ 1 рис.); *К. М. Курдовъ*—Къ антропологии лезгинъ: кюринцы (съ 4 рис.); *И. И. Майновъ*—Два типа тувгусовъ (съ 4 рис.); *Н. М. Малиевъ*—Вогулы (съ 2 рис.); *С. Д. Масловскій*—Гальча; *Л. О. Перфильевъ*—Сомалійцы; *И. П. Силиничъ*—Къ краіологическимъ сойотъ; *Ю. Д. Талько-Гринцевичъ*—Поляки (съ 14 рис.). Изъ иностранной литературы: *Б. О. Адлеръ*—Происхожденіе и переселеніе народовъ съ географической точки зрѣнія; *онъ же*—Происхожденіе европейскихъ народовъ; *Р. Л. Вейнбергъ*—Анатомическія особенности первобытнаго человѣка (съ 6 рис.); *А. А. Ивановскій*—Классификація человеческихъ расъ I. Деникера; *онъ же*—Зубы у различныхъ человеческихъ расъ (съ 2 рис.); *онъ же*—Карлики и пигмеи; *Д. А. Корончевскій*—Кинъ и его руководства по этнологіи.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла А. А. Иванова (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналъ принимаютъ участіе: Б. Θ. Адлеръ, Н. В. Алтуховъ, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, С. А. Вайсенбергъ, проф. Вальдейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, Θ. К. Волковъ (Парижъ), В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. И. Горощенко, І. Е. Деникеръ (Парижъ), Н. Л. Зеландъ, А. А. Ивановскій, проф. І. Колльманъ (Базель), Ф. Я. Конъ, Д. А. Коропчевскій, проф. А. Н. Красновъ, К. М. Курдовъ, Е. И. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), И. И. Майновъ, проф. Н. М. Маліевъ, С. Д. Масловскій, проф. П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. И. Пантюховъ, Л. О. Перфильевъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Тареневскій, граф. П. С. Уварова, А. С. Хахановъ, Е. М. Чепурковскій, проф. Г. Швальбе (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію **5** руб. съ доставкой и пересылкой, за границу **6** руб. Цѣна отдѣльной книжки **1** р. **50** к.

Принимается подписка на 1902 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, или: Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

**This book is not to be
taken from the Library**

TOZZER LIBRARY

3 2044 041 786 369

